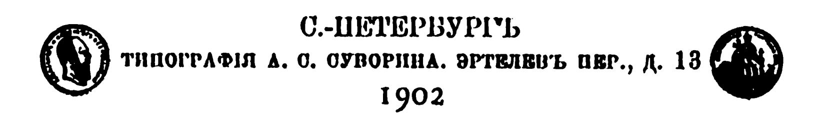
ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ LXXXVII

1902

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1902

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ LXXXVII.

ОПИСАНІЕ ДНѢПРА У ГОГОЛЯ[1].

ВЪ СОЧИНЕНІЯХЪ Гоголя часто встрѣчаются мѣста, поразительныя яркостью и вѣрностью красокъ, мѣста, при чтеніи которыхъ живописецъ невольно берется за кисть и тотчасъ, можетъ быть, бросаетъ ее, чувствуя свое безсиліе въ соперничествѣ съ великомъ художникомъ слова. Таково, напримѣръ, чудное описаніе Днѣпра. Эта великолѣпная картина представляетъ какой-то восторженный гимнъ красотѣ пышной рѣки. Кажется, по одному тону описанія, по благоговѣнію и восторгу, съ какимъ Гоголь любуется Днѣпромъ, можно угадать, что эта рѣка, которой, по словамъ его, нѣтъ равной въ мірѣ,—не чужая ему, но течетъ черезъ его родину.

Картина состоитъ изъ трехъ частей: Днѣпръ во время дня, ночью и въ бурю. Въ каждой части нѣтъ ни одного лишняго слова, ни одного сколько нибудь общаго мѣста; здѣсь каждое слово звучитъ и блещетъ, какъ червонецъ, каждое выраженіе полно значенія и живописной выразительности. Поэтому нѣтъ возможности разбирать все прекрасное въ этомъ отрывкѣ; для этого нужно бы разобрать каждую фразу, каждое слово.

Трудно лучше выразить пышную плавность и тишину теченія Днѣпра, когда ярко свѣтитъ солнце,—блескъ и свѣжесть водъ его. Кажется, чувствуешь дыханіе прохлады, кажется, видишь опрокинутые въ водѣ зеленокудрые прибрежные лѣса и эту голу-

[1] Не напечатанная замѣтка покойнаго Н. Н. Страхова, найденная въ его рукописяхъ и любезно сообщенная намъ его племянникомъ, Н. П. Матченко.

бую, зеркальную дорогу, безъ мѣры въ ширину, вьющуюся по зеленому міру. За этимъ слѣдуетъ еще болѣе живописная, болѣе роскошная картина Днѣпра въ лѣтнюю ночь,—лучшее мѣсто отрывка. Отъ сотрясенія Божіей ризы сыплются звѣзды, и ни одна не убѣгаетъ отъ темнаго лона Днѣпра, развѣ погаснетъ на небѣ. Его сонная плавность, его безконечная темная синева, по которой иногда пробѣжитъ серебряная струя,—изображены съ искусствомъ выше всякихъ похвалъ и сравненій. Въ третьей части художникъ рисуетъ бурю, когда горы ходятъ по небу, и водяные холмы, отбѣгая отъ горъ, плачутъ и заливаются вдали. Послѣднее выраженіе навело воображеніе Гоголя на другую картину, и она вылилась изъ-подъ пера его въ полномъ богатствѣ красокъ. Сравненіе плача съ плескомъ волнъ довольно обыкновенно, но нигдѣ оно не высказано такъ оригинально, нигдѣ такъ прекрасно не соглашается съ мѣстностью. Кажется, видишь разгульнаго казака, ѣдущаго въ бурю по берегу Днѣпра. Старая мать убивается надъ нимъ, заливается горючими слезами, и плачъ ея сливается съ плескомъ волнъ Днѣпровскихъ.

Въ этомъ небольшомъ отрывкѣ живость слога и блескъ выраженій—изумительны. Мы замѣтимъ болѣе яркіе.

«Глядишь и не знаешь, идетъ, или не идетъ его величавая ширина». Метонимія смѣлая и чрезвычайно выразительная.

«Будто голубая, зеркальная дорога, онъ вьется по зеленому міру». Эпитетъ необыкновенный, но чрезвычайно живописный, если вспомнимъ зеленыя степи, по которымъ течетъ Днѣпръ.

«Любо жаркому солнцу погрузить лучи въ холодъ стеклянныхъ водъ». Выраженіе живописное; кажется, можно видѣть, какъ жаркіе лучи играютъ, преломляясь въ холодной водѣ.

«Синій, синій ходитъ онъ плавнымъ разливомъ». Это повтореніе очень выразительно даетъ слышать плавное волненіе рѣки.

Замѣчательны также восклицанія: зеленокудрые! пышные! Множество другихъ неуловимыхъ оттѣнковъ въ оборотахъ придаютъ слогу чисто поэтическую восторженность, свойственную одному Гоголю въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его сочиненій.

«Молнія, изламываясь между тучъ, разомъ освѣтитъ цѣлый міръ».

Вообще, если замѣчать выраженія новыя, смѣлыя, поразительно живописныя, то нужно бы подчеркнуть почти каждое слово, потому что каждое слово этого прелестнаго отрывка дышитъ неподдѣльною свѣжестью и живымъ поэтическимъ увлеченіемъ.

Н. Н. Страховъ.

ГОГОЛЬ.

Опытъ характеристики.

> «Обо мнѣ много толковали, разбирая кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили».
>
> (Изъ писемъ Гоголя).

ВЪ САМОМЪ началѣ тридцатыхъ годовъ, въ петербургскихъ литературныхъ салонахъ явился еще совсѣмъ юный, начинающій писатель, который, однако же, какъ-то сразу сумѣлъ обратить на себя вниманіе довольно обширнаго кружка людей, причастныхъ современному литературному движенію. Явился онъ невѣдомо откуда и вступилъ въ кружокъ литераторовъ безъ всякихъ связей и рекомендацій. Вступилъ тогда, когда еще въ его литературномъ формулярѣ не было вписано ни одной литературной заслуги, когда еще изъ-подъ пера его не вылилось ни одной строки, которая могла бы свидѣтельствовать о присущемъ ему талантѣ. Ему принадлежали всего на всего двѣ-три статейки, отчасти оригинальныя, отчасти переводныя, разбросанныя по современнымъ журнальцамъ, да и тѣ ничѣмъ не отличались отъ обычныхъ «пробъ пера» любого изъ начинающихъ сотрудниковъ журнала. Но между тѣмъ этого совсѣмъ неизвѣстнаго юношу замѣтили, обратили на него вниманіе—пустили его въ ходъ; заинтересовался имъ Дельвигъ, рѣшился рекомендовать его Жуковскому; Жуковскій, не всмотрѣвшись въ этого новичка по литературѣ, сбылъ его на руки Плетневу, этому надежному ментору и руководителю всей пишущей братіи... И только уже Плетневъ, всмотрѣвшись въ рекомендованнаго юношу, рѣшилъ, что онъ руководить его не можетъ, что это

по силамъ..., развѣ Пушкину! Онъ и познакомилъ его съ великимъ нашимъ поэтомъ и великимъ прозорливцемъ.

Этотъ начинающій юноша былъ Гоголь, и Пушкинъ не только обратилъ на него вниманіе, но даже снизошелъ до нѣкотораго сближенія съ нимъ. И дѣйствительно, юноша, рекомендованный Плетневымъ, долженъ былъ произвести сильное впечатлѣніе на Пушкина: невзрачный по внѣшности, не обладавшій никакимъ свѣтскимъ лоскомъ, неотесанный и застѣнчивый, онъ былъ, однакоже, настолько оригиналенъ, что привлекалъ къ себѣ общее вниманіе и возбуждалъ любопытство. Въ немъ не было ничего «петербургскаго» или «московскаго»—того, что было уже издавна и хорошо извѣстно Пушкину, что въ его глазахъ уже порядочно поизносилось и прискучило поэту... Это былъ настоящій, типическій хохолъ—типъ, совершенно новый и незнакомый Пушкину. И онъ пораженъ былъ своеобразнымъ складомъ ума этого юноши, необузданною силою его организаціи, огневою живостью его рѣчи, въ которую онъ вносилъ яркія блестки своего неисчерпаемаго юмора, а главное—пламенною вѣрою въ свою силу, во всемогущество и всеобъемлемость своего таланта. Блестящимъ, чарующимъ подтвержденіемъ почти безграничной самоувѣренности этого юноши явился тотъ рядъ повѣстей и разсказовъ, который вылился такъ быстро и такъ неожиданно изъ-подъ его пера и всѣхъ поразилъ свѣжестью и яркостью красокъ, оригинальностью замысла и наивною простотою картинъ и бытовыхъ сценъ, выхваченныхъ цѣликомъ изъ жизни и обвѣянныхъ ароматомъ южной природы и поэзіи. Собранныя въ два небольшихъ тома, подъ общимъ названіемъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки», эти очаровательныя повѣсти поразили и Пушкина, и всю массу современныхъ русскихъ читателей. Проникнутыя обворожительною веселостью и бодрымъ юношескимъ міросозерцаніемъ, эти повѣсти всѣмъ представились плодомъ вдохновенія, охватившаго разомъ душу автора, какимъ-то порывомъ мощнаго генія, вдругъ вскрывшаго передъ глазами изумленныхъ читателей цѣлый міръ новыхъ впечатлѣній, новыхъ звуковъ, новыхъ стремленій и призывовъ къ жизни. «Вечера на хуторѣ» явились въ современной русской литературѣ какъ бы откровеніемъ, поразившимъ русское общество новостью и свѣжестью впечатлѣній и наблюденій автора въ какомъ-то никому невѣдомомъ, очаровательномъ уголкѣ Руси—въ той Малороссіи, съ которой тогда чуть ли не по наслышкѣ была знакома современная русская интеллигенція.

Успѣхъ «Вечеровъ», вполнѣ понятный и естественный, не подѣйствовалъ на Гоголя такъ, какъ подобные же успѣхи очень часто дѣйствуютъ на другихъ молодыхъ авторовъ. Онъ попытался было продолжать свою дѣятельность въ томъ же родѣ—попытался почерпать для нея матеріалы и впечатлѣнія изъ той же родной ста-

рины и быта; но уже то непосредственное творчество, которое вызвало къ жизни «Вечера на хуторѣ», оказалось изсякшимъ.

Изъ туманнаго и холоднаго Петербурга онъ попытался было вернуться въ свою теплую южную родину, къ тѣмъ соловьямъ и пѣснямъ, которыя нѣкогда такъ его манили и очаровывали; но родимая Малороссія уже предстала передъ нимъ иною—не прежнею страною обаянія и увлеченій... Между знакомыми ему и милыми его сердцу впечатлѣніями родного края и его авторскимъ сознаніемъ стояла уже непреодолимая стѣна: онъ уже не могъ отрѣшиться отъ тѣхъ началъ, которыя воспринялъ въ послѣдніе годы столичной жизни—не могъ увлекаться, не могъ поддаваться восторгу, который нѣкогда охватывалъ всю его душу. Передъ нимъ, съ поразительною ясностью, выступали наружу всѣ недостатки и несовершенства того узкаго и плоскаго провинціальнаго міра, въ которомъ онъ уже не чувствовалъ себя «своимъ человѣкомъ»... Отворачиваясь отъ неказистой дѣйствительности, онъ только усиліемъ сознательной воли переносился къ прошлому своей родины, и только въ пѣсняхъ о далекой старинѣ и о «временахъ казачества» искалъ для себя поэтическаго настроенія и образовъ, достойныхъ вдохновенія.

Въ результатѣ новаго настроенія получилось нѣчто цѣльное и оригинальное, нѣчто весьма существенное и новое въ литературномъ родѣ, но уже совершенно иное, непохожее на «Вечера на хуторѣ»... Гоголь не могъ не сознавать этого «новаго» въ своемъ творчествѣ, но это «новое» ему не нравилось, онъ не могъ отнестись къ нему также непосредственно и просто, какъ относился къ своимъ первымъ произведеніямъ... И все же, поддаваясь извѣстнаго рода самообману и какъ бы не желая порывать живую связь со своимъ недавнимъ прошлымъ, онъ къ общему заглавію сборника своихъ новыхъ произведеній («Миргородъ») добавилъ, въ видѣ поясненія: «повѣсти, служащія продолженіемъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки». Но, несмотря на это добавленіе, всѣ видѣли, что между «Вечерами» и «Миргородомъ» нѣтъ ничего общаго, что авторъ-юноша уже отцвѣлъ и созрѣлъ, что онъ быстро и смѣло вступаетъ въ новый фазисъ развитія своего таланта и отъ первыхъ, порывистыхъ шаговъ безсознательнаго творчества переходитъ къ творчеству сознательному. Не всѣмъ этотъ новый періодъ въ развитіи Гоголевскаго таланта могъ нравиться, и очень многимъ показалось, что молодой писатель обманулъ надежды, вызванныя въ обществѣ появленіемъ его «Вечеровъ»: «Миргородъ» не имѣлъ такого успѣха, какъ первый сборникъ повѣстей Гоголя. Легко можетъ быть, что и самъ Гоголь также смотрѣлъ на свой «Миргородъ», какъ на шагъ назадъ; можетъ быть, онъ даже былъ уязвленъ въ своемъ авторскомъ самолюбіи меньшимъ успѣхомъ своего второго сборника... Но онъ чувствовалъ, что уже не можетъ

такъ творить, какъ творилъ въ первомъ расцвѣтѣ юности: самосознаніе пробудилось и изъ области туманныхъ видѣній и заманчивыхъ грезъ низводило его къ осязанію и наблюденію дѣйствительности во всей ея ужасающей наготѣ.

Но Пушкинъ, этотъ величайшій реалистъ, оцѣнилъ по достоинству новыя произведенія Гоголя. Онъ отлично понялъ и предугадалъ настоящее значеніе таланта этого юнаго, начинающаго писателя, а самому ему указалъ на тѣ цѣли, къ которымъ онъ долженъ былъ стремиться... Въ душѣ сочувствуя реальному отношенію къ жизни, Пушкинъ, близко подходившій къ этому направленію въ нѣкоторыхъ (очень немногихъ) произведеніяхъ своихъ, не рѣшался, однако же, поддаться ему вполнѣ, отрѣшившись вполнѣ отъ старыхъ традицій поэтическаго творчества. Но это нимало не мѣшало тому, чтобы онъ желалъ видѣть въ творчествѣ другихъ авторовъ болѣе правды, болѣе прямого, непосредственнаго наблюденія жизни и возсозданія дѣйствительности во всей ея будничной наготѣ. И вотъ онъ говоритъ, онъ наставляетъ Гоголя, онъ возбуждаетъ и поддерживаетъ въ немъ сознаніе своей силы, указываетъ ему на задачи, достойныя его пера, набрасываетъ ему планы двухъ важнѣйшихъ его произведеній: «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ».

И молодой богатырь чувствуетъ, какъ отъ каждой бесѣды съ великимъ поэтомъ, отъ каждаго совѣта и указанія этого умнѣйшаго и европейски образованнаго человѣка, силы въ немъ удесятеряются, крѣпнутъ и растутъ въ прямомъ соотвѣтствіи съ расширеніемъ того горизонта, который передъ нимъ раскидывается, расширяется и наконецъ представляется ему необъятнымъ, необозримымъ. Отъ маленькихъ, ничтожныхъ, ограниченныхъ наблюденій и впечатлѣній, вынесенныхъ изъ крошечнаго уголка поэтической малороссійской глуши, Гоголь переходитъ на широкое поприще наблюденія современнаго ему строя русскаго общества, обсужденія важныхъ и серіозныхъ вопросовъ, волнующихъ лучшіе кружки русскихъ людей, и отъ крошечныхъ фигурокъ «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ», «Ивановъ Ивановичей и Ивановъ Никифоровичей» переходитъ къ смѣлымъ попыткамъ возсозданія типовъ, представляющихъ собою преобладающій элементъ въ массѣ современнаго ему общества. Юному богатырю, уже и по самой природѣ своей склонному къ заносчивости и преувеличеніямъ, начинаетъ казаться, что и силы его также необъятны, какъ необъятенъ открывающійся передъ нимъ горизонтъ, и онъ, очертя голову, бросается впередъ и жадно хватается за выполненіе тѣхъ громадныхъ задачъ, на которыя указываетъ ему геніальный руководитель... И какъ было не поддаться этому соблазну, какъ не увѣровать въ свою чрезвычайную мощь, когда великій поэтъ, какъ змѣй-искуситель, нашептываетъ ему въ уши дивныя рѣчи и указываетъ въ будущемъ

путь, залитый ослѣпительнымъ свѣтомъ вѣчной, неувядаемой славы! Пушкинъ, великій Пушкинъ самъ говорилъ этому юношѣ, еще не искушенному жизнью:

— Какъ можно не приняться за большое сочиненіе, при вашей способности угадывать человѣка и нѣсколькими чертами выставлять его вдругъ всего, какъ живого! Это просто грѣхъ!

А кто же не знаетъ, что подобное поощреніе дѣйствуетъ на сердце 25-ти-лѣтняго юноши, какъ искра на порохъ, и заставляетъ его забывать обо всякой мѣрѣ, обо всякой ограниченности нашихъ силъ и средствъ нравственныхъ...

И если, съ одной стороны, нельзя не признать того, что Пушкинъ, увлекшійся геніальной талантливостью Гоголя, оказалъ на развитіе его таланта сильное и преобладающее вліяніе; то съ другой стороны, едва ли можно отрицать и то, что великій поэтъ нашъ слишкомъ понадѣялся на силы Гоголя и слишкомъ рано ускорилъ развитіе его таланта. Изъ-подъ пера юноши, подъ обаяніемъ Пушкина, почти разомъ вылились такія дивныя произведенія, какъ «Ревизоръ» и первая часть «Мертвыхъ душъ»; но зато и силы богатырскія ослабли, и духъ бодрый истомился и замеръ, поникая и теряясь передъ громадностью задуманнаго труда...

Чтобы вполнѣ усвоить себѣ значеніе того, что было достигнуто Гоголемъ хотя бы только созданіемъ одной такой комедіи, какъ «Ревизоръ», надо представить себѣ то общество и ту литературу, среди которыхъ приходилось жить и дѣйствовать Гоголю. Общество, въ которомъ все было основано на условномъ пониманіи потребностей русской жизни и на строгомъ подчиненіи идеѣ внѣшняго порядка, при полномъ внутреннемъ разладѣ и рядомъ съ вопіющими проявленіями произвола и безправія. Литература, въ которой только еще начинало пробуждаться самосознаніе, и то въ кружкѣ немногихъ избранниковъ, а большинство поэтовъ и литераторовъ предавалось своему благородному занятію, или какъ пріятному развлеченію, или какъ обязательному труду. При томъ же литература, въ значительной степени, являлась еще, такъ сказать, занятіемъ «сословнымъ», дворянскимъ, къ которому еще только начинали приступать разночинцы и простецы всякаго рода. Проникнуть въ литературу можно было только при помощи связей или отношеній къ извѣстному кружку. Даже и весьма талантливые люди, люди независимые въ матеріальномъ отношеніи, не въ силахъ были выступить на литературное поприще, не опираясь на какія нибудь связи, не пользуясь чьимъ нибудь покровительствомъ...

Чтобы еще болѣе изумиться такому явленіи, какъ «Ревизоръ» Гоголя, надо припомнить біографическія данныя, рисующія намъ Гоголя въ началѣ 30-хъ годовъ наивнымъ юношей, далекимъ отъ всякаго житейскаго опыта, способнымъ увлекаться нелѣпѣйшими планами служебной карьеры, дѣтски-заносчивымъ и мелочно-тщеславнымъ.

И вдругъ этотъ юноша создаетъ «Ревизора», съ безсмертными типами Хлестакова и Сквозника-Дмухановскаго, съ цѣлою фалангою остальныхъ лицъ и характеровъ, набросанныхъ кистью великаго мастера и художника! Повторяемъ, для 27-ми-лѣтняго, почти начинающаго писателя, такое вполнѣ законченное произведеніе, какъ «Ревизоръ», представляется намъ изумительнымъ доказательствомъ присущей автору творческой силы. Мы, кажется, видимъ, какъ всецѣло и какъ безотчетно онъ предался мощному порыву вдохновенія, охватившему все его существо въ тотъ моментъ, когда ему предложена была Пушкинымъ такая богатая тэма для сценической обработки. И дивная комедія вышла изъ-подъ его пера, какъ цѣльный самородокъ, и, несмотря на то, что была написана удивительно быстро, до постановки на сцену, не подвергалась никакимъ важнымъ поправкамъ и измѣненіямъ.

Усиліе генія, создавшаго такое произведеніе, какъ «Ревизоръ», было, вѣроятно, чрезвычайно велико, тѣмъ болѣе, что эта комедія не была плодомъ долгаго житейскаго опыта, строгихъ и вдумчивыхъ наблюденій надъ изображаемою средою, а родилась, какъ Минерва изъ головы Юпитера, во всеоружіи своихъ геніальныхъ достоинствъ и при наличности немногихъ, неизбѣжныхъ недостатковъ...

Это особенно рѣзко выясняется при сравненіи «Ревизора» съ другою прекрасною комедіею, составляющею до сихъ поръ украшеніе русской сцены—съ «Горемъ отъ ума». Въ этой комедіи авторъ рисуетъ намъ картину жизни, знакомой ему съ дѣтства, и наполняетъ сцену типами, которые извѣстны были всей Москвѣ, какъ постоянные завсегдатаи ея клубовъ и салоновъ. Въ «Ревизорѣ» одною силою воображенія авторъ возсоздаетъ типы людей, заимствованные изъ живой русской дѣйствительности, и окружаетъ ихъ пестрою толпою той провинціальной среды, въ которую ему удалось только мелькомъ заглянуть въ ранней юности, и отъ которой его уже раздѣляли годы его столичной жизни [1]), богатые новыми впечатлѣніями и встрѣчами.

Отсюда и разница въ томъ впечатлѣніи, которое въ свое время производили и до сихъ поръ производятъ обѣ комедіи: «Горе отъ ума» представляетъ собою очень умное, изящное и привлекательное произведеніе, оцѣниваемое по достоинству образованными классами общества; а «Ревизоръ», даже несмотря на нѣкоторую каррикатурность и вычурность выставленныхъ въ немъ лицъ, несмотря на нѣкоторый симметризмъ въ расположеніи дѣйствія, является пьесою общедоступною, выхваченною прямо изъ русской жизни и дѣйствительности, всѣмъ близкой и всѣмъ знакомой.

---

[1]) Самъ Гоголь (въ письмѣ къ Щепкину, отъ 29 апрѣля 1836 г.) признается, что въ моментъ написанія «Ревизора» «петербургская жизнь была ему лучше знакома, нежели провинціальная».

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, какое именно впечатлѣніе произвела пьеса Гоголя на Пушкина, и какъ отнесся онъ къ ней, увидавъ ее на сценѣ. Но самъ авторъ остался не вполнѣ доволенъ своимъ произведеніемъ послѣ того, какъ самъ, въ качествѣ зрителя, явился неумолимымъ судьею пьесы. «Внутри себя я слышалъ упреки и ропотъ противъ моей же пьесы»,—такъ пишетъ онъ въ письмѣ «къ одному литератору». Пьеса имѣла несомнѣнный успѣхъ, но не тотъ, какого, вѣроятно, ожидалъ самъ авторъ; есть основаніе думать, что не совсѣмъ доволенъ ею былъ и Пушкинъ и другіе многіе изъ лицъ кружка, въ которомъ постоянно вращался Гоголь и мнѣніемъ котораго онъ дорожилъ. Недовольство это вызывалось, конечно, не недостатками пьесы, а чрезвычайною новизною ея содержанія и оригинальностью пріемовъ въ обработкѣ сюжета. Явленіе было чрезвычайное, исключительное, не бывалое, и даже произведенное имъ впечатлѣніе не подходило ни подъ одно изъ тѣхъ, которыя вызывались другими театральными пьесами. Даже и недовольство, которое высказывалось многими, не походило на порицаніе или критическое осужденіе, а скорѣе на тотъ «гласъ народа», который служитъ отголоскомъ искренняго признанія общественныхъ язвъ, вѣрно подмѣченныхъ и рельефно выставленныхъ авторомъ на сценѣ. Не даромъ Гоголь пишетъ Щепкину послѣ первыхъ представленій «Ревизора»:

«Теперь я вижу, что значитъ быть комическимъ писателемъ!... Малѣйшій призракъ истины—и противъ тебя возстаютъ, и не одинъ человѣкъ, а цѣлыя сословія!... Досадно видѣть противъ себя людей тому, который ихъ любитъ, между тѣмъ, братскою любовью».

Несмотря, однакоже, на то, что пьеса Гоголя доставила ему много тягостныхъ впечатлѣній и разочарованій, что она не удостоилась того успѣха, какого онъ ожидалъ и жаждалъ,—тотъ сильнѣйшій переполохъ, который былъ вызванъ «Ревизоромъ» въ современномъ русскомъ обществѣ, долженъ былъ бы удовлетворить Гоголя уже самымъ сознаніемъ обладанія громадною силою таланта. Но этого было для него недостаточно: обладая громаднымъ талантомъ, онъ уже съ самой ранней молодости страдалъ крайнею слабостью воли и потому способенъ былъ поддаваться каждому, даже и мимолетному впечатлѣнію или внушенію. И вотъ уже въ маѣ мѣсяцѣ 1836 года онъ пишетъ Пушкину:

...«Я усталъ душою и тѣломъ... Клянусь, никто не знаетъ и не слышитъ моихъ страданій! Богъ съ ними со всѣми! Мнѣ опротивѣла моя пьеса. Я хотѣлъ бы уѣхать теперь Богъ знаетъ куда»...

Въ этихъ словахъ намъ слышится несомнѣнное переутомленіе нравственное, вызванное, можетъ быть, чрезмѣрнымъ напряженіемъ творческой силы, въ короткое время создавшей такое произведеніе,

какъ «Ревизоръ»; но въ то же время слышится и преувеличеніе, къ которому Гоголь былъ очень способенъ, и ропотъ капризнаго, избалованнаго счастіемъ ребенка, который ожидаетъ отъ жизни однихъ только успѣховъ и наслажденій...

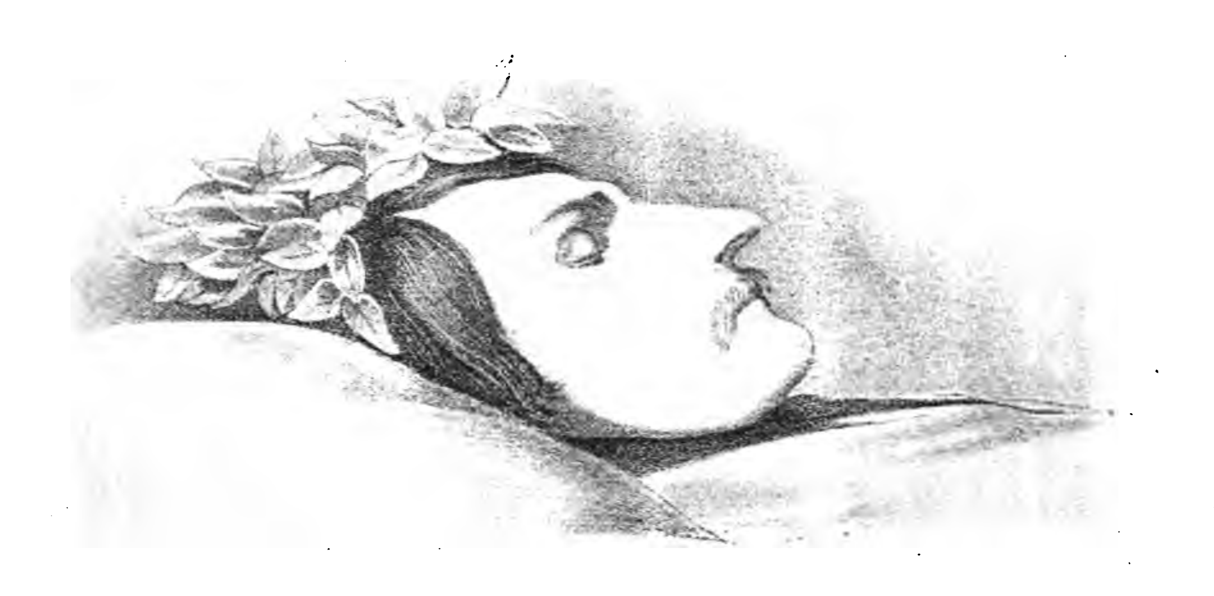
Къ сожалѣнію, желаніе «убѣжать Богъ знаетъ куда» оказалось осуществимымъ: явилась нежданно возможность уѣхать за границу, и въ видѣ оправданія этой довольно безцѣльной поѣздки явилась уже цѣлая теорія, созданная Гоголемъ:

«Ѣду за границу»,—пишетъ онъ Погодину въ маѣ 1836 года,— «и тамъ размыкаю ту тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мои соотечественники. Писатель современный, писатель комическій, писатель нравовъ, долженъ подальше быть отъ своей родины. Пророку нѣтъ славы въ отечествѣ».

Къ этой теоріи, конечно, ничѣмъ не оправдываемой, въ другомъ, современномъ письмѣ, Гоголь приводитъ еще другое объясненіе своего рѣшенія ѣхать за границу:

«Мнѣ хочется,... избравши (тамъ) постоянное пребываніе, обдумать хорошенько труды будущіе», и добавляетъ къ этому заявленію роковыя слова: «порà уже мнѣ творить съ бòльшимъ размышленіемъ».

Называемъ эти слова «роковыми» по отношенію къ дальнѣйшей дѣятельности Гоголя, потому что въ нихъ слышится намъ, съ одной стороны, отрицаніе всего, что до той поры было написано Гоголемъ, а съ другой—чуется начало того періода разсудочнаго творчества, который, въ концѣ концовъ, привелъ Гоголя къ такимъ печальнымъ результатамъ. Но, несмотря на эти первыя тѣни и сомнѣнія, проявлявшіяся въ сознаніи Гоголя, послѣдующіе три года жизни (1836 — 1839) были плодотворно посвящены имъ выполненію новаго и важнаго замысла, который онъ уже вынашивалъ въ душѣ своей въ то время, когда создавалъ «Ревизора». За обработку этого замысла Гоголь принялся съ восторгомъ и предался ему всецѣло, тѣмъ болѣе, что этотъ трудъ тѣсно связанъ былъ въ его сознаніи съ дорогою для него памятью нашего великаго поэта, завѣщавшаго ему этотъ трудъ, какъ милое дѣтище на попеченіе. Насколько біографическій матеріалъ, до сихъ поръ собранный, дозволяетъ намъ заглянуть въ творческую дѣятельность Гоголя за этотъ трехъ-лѣтній періодъ, мы можемъ сказать съ полною увѣренностью, что въ его работѣ надъ своимъ знаменитымъ произведеніемъ не было въ ту пору ничего ненормальнаго. Онъ очень усердно и съ увлеченіемъ работалъ надъ первою частью «Мертвыхъ душъ», и, видимо, былъ вполнѣ доволенъ и вполнѣ удовлетворенъ своею работою. Къ произведенію своему онъ относился просто, естественно, не связывая его ни съ какими неосуществимыми цѣлями, не преувеличивая его значенія... Такимъ образомъ, вся первая часть «Мертвыхъ душъ» (въ первоначальной

Н. В. ГОГОЛЬ ВЪ ГРОБУ.

Съ литографіи того времени.

доз. ценз. 18 янв. 1902 г. спб.

редакціи) была написана подъ наитіемъ того же непосредственнаго вдохновенія, которымъ вызваны были лучшія произведенія Гоголя. Не даромъ же онъ впослѣдствіи эту основную редакцію своего произведенія называлъ «первыми, невинными и скромными главами»...

Но пребываніе за границей, благотворно подѣйствовавшее въ началѣ на дѣятельность Гоголя, съ теченіемъ времени оказало (и должно было оказать) на него и дурное вліяніе. Особенно дурно вліялъ на него тотъ кружокъ, среди котораго онъ вращался за границей, кружокъ праздныхъ людей, съ независимымъ состояніемъ и обширными связями, къ которому его невольно тянуло по прирожденному пристрастію къ нѣкоторому аристократизму. Его положеніе въ этомъ кружкѣ было довольно фальшивое и ни въ какомъ смыслѣ не привлекательное. Его быстро возроставшая извѣстность тянула и привлекала къ нему этихъ людей, съ которыми, въ сущности, у него не было и не могло быть ничего общаго, потому что большинство этихъ людей посвящало жизнь заботамъ о своемъ здоровьѣ, о развлеченіяхъ и всякихъ эстетическихъ наслажденіяхъ, а нескончаемо долгій досугъ своего дня могло свободно отдавать неистощимымъ бесѣдамъ о всякихъ отвлеченныхъ вопросахъ, теоріяхъ и идеяхъ. Въ этомъ кружкѣ Гоголь сумѣлъ себя поставить въ положеніе прихотливаго, избалованнаго ребенка, которому всѣ старались поблажать и угождать. Въ то время, когда онъ еще нуждался въ твердомъ руководителѣ (такимъ и былъ для него Пушкинъ!), въ опорѣ опредѣленнаго кружка, съ строго выработанными убѣжденіями и мнѣніями, онъ очутился въ кружкѣ людей, потворствовавшихъ его слабостямъ и странностямъ, преклонявшихся передъ авторитетностью его мнѣній, неспособныхъ или не дерзавшихъ ему противорѣчить... Въ довершеніе всего, среди кружка аристократовъ и заграничныхъ друзей Гоголя нашлись такія личности, которыя увлекли его въ область религіозно-мистическихъ стремленій, и эти увлеченія повліяли потрясающимъ образомъ на весь его умственный и нравственный строй... Вліяніе это сказывалось уже очень замѣтно, когда Гоголь, въ сентябрѣ 1839 г., вернулся въ Россію на короткое время: его московскіе друзья замѣтили въ немъ рѣзкую перемѣну и ясно сознавшіяся проявленія религіозной экзальтаціи...

Гоголь привезъ тогда въ Москву всю первую часть своихъ «Мертвыхъ душъ», читалъ отрывки изъ нея въ кружкѣ ближайшихъ московскихъ друзей, выслушивалъ ихъ мнѣнія и замѣчанія, однако же не рѣшился еще печатать свою книгу и увезъ съ собою обратно рукопись «Мертвыхъ душъ» за границу.

Осенью 1840 г. Гоголю пришлось выдержать въ Римѣ одну изъ тѣхъ весьма тягостныхъ нервныхъ болѣзней, которыя и до сихъ составляютъ загадку для медиковъ. Давно уже нервно-разстроенный

и вообще слабый, по самому составу своего организма, Гоголь, вѣроятно, былъ предрасположенъ къ этой болѣзни смолоду; но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что на развитіе этой болѣзни въ значительной степени повліяла его непосильная работа надъ произведеніемъ, которое болѣе и болѣе разрасталось въ его сознаніи и, благодаря исключительнымъ условіямъ, въ которыя онъ себя поставилъ, становилось мало-по-малу совершенно неисполнимою, недостижимою задачею всей его жизни... Нѣкоторое и даже весьма существенное обостреніе нервнаго недуга должно было вызывать въ Гоголѣ и его постоянное пребываніе въ кружкѣ мистиковъ и піэтистовъ, которые направляли его мышленіе на разрѣшеніе вопросовъ темныхъ, запутанныхъ и сбивчивыхъ. Какъ бы то ни было, но невозможно отрицать тотъ фактъ, что именно эта болѣзнь 1840 года вызвала главнымъ образомъ тотъ роковой поворотъ въ сознаніи Гоголя, который сначала возбудилъ въ душѣ его ничѣмъ не разрѣшимыя сомнѣнія и вопросы, а затѣмъ вынудилъ его приняться за разрушеніе его дивнаго творенія и привелъ самого автора на край гибели.

Поворотъ проявился главнымъ образомъ въ томъ, что онъ приступилъ «къ совершенной очисткѣ» перваго тома «Мертвыхъ Душъ»... «Перемѣняю, перечищаю, многое переработываю вовсе»,—пишетъ онъ одному изъ своихъ московскихъ друзей и въ то же время сообщаетъ ему, что «дальнѣйшее продолженіе (труда) выясняется въ головѣ моей чище, величественнѣе, и теперь я вижу, что можетъ быть со временемъ кое-что колоссальное, если только позволятъ слабыя мои силы». Это «колоссальное», которое мерещится ему въ будущемъ, мѣшаетъ его работѣ въ настоящемъ, спутываетъ его, сбиваетъ съ толку и вынуждаетъ къ перемѣнамъ и вставкамъ, которыя начинаютъ нарушать и портить художественную цѣнность законченнаго имъ произведенія. Сохранившіяся черновыя рукописи «Мертвыхъ Душъ» (первой части) свидѣтельствуютъ о кропотливой работѣ автора надъ текстомъ и достаточно ясно указываютъ намъ, что эта работа была далеко не всегда плодотворною и производительною. Въ кругъ ея, несомнѣнно, входили и тѣ лирическія вставки въ текстъ первой части, которыя сулятъ въ будущемъ что-то новое и необычайное въ направленіи всей поэмы.

И это чувство отчужденія и какое-то неопредѣленное внутреннее волненіе все возрастало и возрастало въ немъ до такой степени, что онъ чуть-чуть не уѣхалъ въ Іерусалимъ, ко гробу Господню, махнувъ рукой на печатаніе своего произведенія. Этотъ замыселъ до такой степени показался ненормальнымъ всему кружку его друзей, что они даже не отговаривали его отъ поѣздки въ Іерусалимъ. Кое-какъ онъ самъ одумался и съ трудомъ дождался окончанія печатанія первой части «Мертвыхъ душъ». 21 мая 1842 г. первые экземпляры были вручены Гоголю, а два дня спустя онъ уже уѣхалъ за границу.

Незадолго до отъѣзда онъ писалъ одному изъ своихъ друзей: «если бы ты зналъ, какъ тяжело здѣсь мое существованіе! Я уже нѣсколько разъ задавалъ себѣ вопросъ: зачѣмъ я сюда пріѣхалъ? Покоя нѣтъ въ душѣ моей».

Но покоя не нашелъ онъ и за границей—и тамъ онъ не увидѣлъ передъ собою «открытаго горизонта». Глубокій сумракъ царилъ въ душѣ его, и каждый шагъ, каждая мысль, каждое движеніе душевное одинаково приводили его къ одному роковому вопросу: «зачѣмъ? къ чему это»?

И этотъ странный, обезсиливающій вопросъ вынуждалъ сегодня уничтожить все, что онъ создалъ вчера. Не только остановилась всякая дѣятельность, всякое дальнѣйшее продолженіе излюбленнаго труда, но началось даже отрицаніе всего, прежде созданнаго! И въ то же самое время онъ доходитъ въ своихъ религіозно-мистическихъ увлеченіяхъ до крайнихъ границъ экстаза... «Невидимая рука Творца» руководитъ имъ во всемъ; «непостижимое» и «таинственное» отовсюду его окружаетъ... Онъ уже не пишетъ продолженія «Мертвыхъ Душъ», не надъ вторымъ томомъ ихъ работаетъ, а создаетъ нѣчто такое, что «является покамѣстъ еще тайною для всѣхъ».

Но эта усиленная работа надъ излюбленнымъ трудомъ уже не удовлетворяетъ Гоголя. Онъ уже начинаетъ чувствовать, что онъ не можетъ совладать съ нею, что не онъ—господинъ труда, а трудъ—полновластный господинъ подъ его волею.

И онъ пугается этого неестественнаго настроенія и спѣшитъ съ трудомъ покончить, какъ бы то ни было и во что бы то ни стало...

И при этомъ въ сознаніи его происходятъ странныя превращенія! То онъ падаетъ духомъ и начинаетъ всего опасаться и трепетать; то вдругъ возносится духомъ въ какія-то горнія выси, и трудъ его начинаетъ ему представляться «великимъ, спасительнымъ, даже святымъ»...

Наконецъ онъ появляется въ Москвѣ (въ октябрѣ 1841) и приступаетъ немедленно къ хлопотамъ о напечатаніи труда. Но онъ уже ни для кого неузнаваемъ; общее настроеніе его оказывается до такой степени подавленнымъ и угнетеннымъ, что онъ на всѣхъ производитъ самое тягостное впечатлѣніе, вызываетъ къ себѣ состраданіе и жалость. Но этого мало: судя по его письмамъ за это время, онъ чувствуетъ полное охлажденіе ко всему, что прежде любилъ, полное отчужденіе ко всему родному. «Съ того времени, какъ нога моя ступила въ родную землю, мнѣ кажется, какъ будто я очутился на чужбинѣ... Вижу знакомыя, родныя лица; но они, мнѣ кажется, не здѣсь родились, а гдѣ-то ихъ въ другомъ мѣстѣ видѣлъ»... Или еще: «о Россіи могу писать только въ Римѣ... А здѣсь я погибъ и смѣшался въ ряду съ другими. Открытаго горизонта нѣтъ передо мной»...

Эта тайна должна «открыться только въ послѣдующихъ томахъ», которыхъ предполагается уже неопредѣленное число... А до того времени «ключъ отъ этой тайны въ душѣ у одного только автора». Мало-по-малу онъ дошелъ до того, что создалъ цѣлую особую систему творчества—творчества по плану, строго обдуманному, къ которому еще слѣдовало готовиться рядомъ подвиговъ самосовершенствованія, самоистязанія, и молитвою, и чтеніемъ св. Писанія и твореній отцовъ церкви. Еще шагъ по этому пути, и уже всякое творчество было отринуто и презрѣно - и великій писатель обратился уже къ проповѣди, къ поученію своихъ ближнихъ. Всѣ силы духа, всю свою энергію, всѣ помыслы и упованія онъ вдругъ почему-то возлагаетъ именно на эту проповѣдь, и безъ оглядки торопитъ своего друга печатаніемъ этой пространной, многословной и крайне безсодержательной проповѣди, которой придаетъ странное заглавіе «Переписки съ друзьями». И тщетно удерживаютъ Гоголя друзья, тщетно стараются убѣдить его въ томъ, что печатаніе этой книги поколеблетъ его авторскую славу... Онъ настаиваетъ; онъ убѣжденъ, что книга «необходима и полезна для всѣхъ»; онъ рѣшается даже писать своему другу:

«Я дѣйствовалъ твердо, во имя Бога, когда составлялъ эту книгу; во славу Его святого имени взялъ перо, а потому и разступились передо мной всѣ преграды и все останавливающее безсильнаго человѣка. Дѣйствуй же и ты во имя Бога, печатая книгу мою, какъ бы дѣлалъ самъ дѣло на прославленіе имени Его», и такъ далѣе.

Книга была отпечатана по волѣ автора и, по выходѣ въ свѣтъ, вызвала цѣлый взрывъ негодованія, даже со стороны друзей Гоголя. Это негодованіе потрясло его, но уже не вернуло къ жизни и дѣятельности. Онъ принялъ ударъ съ какимъ-то страннымъ, тупымъ смиреніемъ, какъ новое испытаніе, налагаемое на него Промысломъ, а на всѣ укоры въ недѣятельности отвѣчалъ только обѣщаніемъ объяснить «въ небольшой книжечкѣ» всю исторію своего писательства, и тогда даже и «нелитераторъ долженъ будетъ увидѣть, я ли виноватъ въ недѣятельности, или Тотъ, Кто располагаетъ всѣмъ, и противъ Кого итти трудно человѣку».

Послѣ такихъ доводовъ всѣ оставили Гоголя въ покоѣ, и онъ уже оканчивалъ жизнь въ Москвѣ, въ полномъ уединеніи, почти въ забвеніи, исключительно озабоченный мыслью о приближающемся концѣ, къ которому усердно готовился.

Въ февралѣ 1852 года, Гоголь почувствовалъ себя особенно дурно, и, прощаясь съ жизнью, исполняя послѣдній христіанскій долгъ, наложилъ руку на всѣ свои рукописи... Въ какомъ-то непонятномъ порывѣ самоотрицанія и самоуничиженія онъ сжегъ все, что попалось ему подъ руку... 21 февраля 1852 г. его не стало.

Такъ окончилась много разъ повторявшаяся и теперь еще повторяющаяся въ русской жизни исторія одного изъ громаднѣйшихъ талантовъ, отъ которыхъ всѣ имѣли полное право ожидать очень и очень многаго. Погибъ человѣкъ, необычайно богато одаренный отъ природы, радостно встрѣченный всѣми лучшими представителями русской мысли, благопріятствуемый, почти балуемый судьбою, не испытавшій никакихъ тяжелыхъ невзгодъ и несчастій... Погибъ, подавленный собственными же громадными силами, съ которыми онъ, какъ сказочный богатырь, не могъ совладать, по недостатку характера и того чувства мѣры, которое такъ высоко развито въ геніальныхъ писателяхъ и мыслителяхъ Запада, умѣющихъ вполнѣ использовать запасъ своихъ силъ для общаго и своего личнаго блага... Но, высказывая это, мы не осуждаемъ и не порицаемъ: мы только указываемъ на одинъ изъ весьма существенныхъ недостатковъ всѣхъ русскихъ людей, которыхъ, кажется, только нынѣшняя суровая дѣйствительность начинаетъ ставить въ условія, воспитывающія силу воли и вырабатывающія характеръ.

П. Н. Полевой.

ВНОВЬ НАЙДЕННЫЯ РУКОПИСИ ГОГОЛЯ.

Въ ВОСЕМЬ часовъ утра, 21-го февраля 1902 года, исполнится 50 лѣтъ со дня смерти величайшаго изъ русскихъ писателей, Н. В. Гоголя. Имя Гоголя такъ популярно, такъ широко распространено и у насъ, и въ другихъ странахъ, что можетъ быть легко причислено къ тѣмъ величайшимъ именамъ человѣчества, которыя дѣлаютъ великія открытія. Найти антидифтеритную сыворотку, открыть великій астрономическій законъ, опредѣленно выражающійся при извѣстныхъ условіяхъ, открыть ех-лучи или показать міру человѣческую пошлость «сквозь видимый міру смѣхъ, но невидимыя и незримыя слезы»—почти одно и то же. Во всѣхъ нихъ сказываются проникновенное, напряженное вниманіе человѣческаго генія въ область неизвѣданнаго, усилія ума пріоткрыть его завѣсу и постоянное стремленіе по пути идеальнаго совершенствованія; во всѣхъ нихъ, благодаря безконечному разнообразію творческихъ силъ и ихъ проявленію въ природѣ, разнообразно сказывается человѣческій геній...

Пусть умеръ Гоголь! Гоголь тѣла, Гоголь воли! Но не умеръ Гоголь великой мысли, великаго генія, наглядно и до жестокости подробно описавшаго «пошлость пошлаго человѣка»... Мы вспоминаемъ Гоголя-генія, генія природы, проводника великихъ творческихъ идей... Онъ былъ орудіемъ этой природы, избранникомъ ея въ области пониманія скрытыхъ явленій жизни. Русскіе гордятся имъ... И не напрасно!

Прошло 50 лѣтъ со дня его смерти... Грустная годовщина! Всякая смерть возбуждаетъ тяжелыя чувства и глубокую скорбь въ любящихъ сердцахъ, но тѣмъ болѣе возбуждаютъ непримирен-

ныя чувства грусти, скорби и сожалѣнія, смерть генія и сознаніе его невозвратимости. Гоголя мы привыкли любить съ дѣтства, съ того момента, когда въ наше сознаніе забрасываются сѣмена мысли, когда творческая фантазія открываетъ намъ перспективы жизни, душа куда-то стремится и все чего-то желаетъ. Тогда, именно тогда, онъ, этотъ великій геній, становится близокъ нашему сердцу и съ тѣхъ поръ становится нашимъ близкимъ довѣреннымъ другомъ, товарищемъ, является сокровищницей нашего остроумія, нашихъ словечекъ, прибаутокъ, незамѣтно врѣзавшихся въ нашу память. Мы говоримъ зачастую: ну, это уже гоголевщина! Что̀ за слово «гоголевщина»? Откуда оно? Какъ откуда? Отъ него же, отъ этого великаго печальника человѣчества... Или говоримъ: ну, это—маниловщина, чичиковщина, ноздревщина и т. д. Мы зачастую повторяемъ остроты героевъ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ», безсмертныхъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» и, главное, повторяемъ безсознательно, точно онѣ наши, точно мы ихъ произвели изъ себя, а, оказывается, мы беремъ ихъ напрокатъ у того же великаго генія природы... Поэтому можно судить о близости этого таинственнаго печальника человѣчества нашему сознанію, нашему сердцу, нашей душѣ.

Всякій помнитъ и, такъ сказать, наглядно *представляетъ* себѣ героевъ созданій Гоголя. Каждый хочетъ ихъ нарисовать, сдѣлать художественно. Художники дали три альбома гоголевскихъ типовъ: Боклевскій, Агинъ и альбомъ въ изданіи Маркса, а теперь иллюстраціей произведеній Гоголя занятъ Маковскій.

Пластическая, почти до осязательности, красота типовъ свидѣтельствуетъ о великомъ дарѣ прозрѣнія, вниманія и представленія Гоголя всей сути жизни. Если Гоголь говорилъ, что онъ наблюдалъ всю «быстро-несущуюся жизнь» цѣликомъ, то это—правда, великая, дѣйствительная правда. Онъ ее видѣлъ, наблюдалъ, сидя гдѣ нибудь въ маленькой петербургской квартиркѣ, какъ наблюдалъ, видѣлъ и разыгрывалъ сраженія на мансардѣ 6-го этажа въ одномъ изъ домовъ французскаго города Безансона артиллерійскій поручикъ Наполеонъ Бонапартъ, весь окруженный планами, картами и огромными фоліантами описаній побѣдъ, одержанныхъ другими. И это ничего, что онъ не зналъ жизни, что онъ былъ молодъ, неопытенъ. Онъ ее зналъ интуитивно, онъ зналъ, благодаря особенному чутью, особенному дару прозрѣнія сути явленій и благодаря своему ясному уму, точно, ясно и картинно изображалъ эти явленія.

Это чутье давало ему преимущества передъ другими. Онъ чувствовалъ въ себѣ силы, чувствовалъ себя выше толпы, онъ чего-то искалъ, чего-то хотѣлъ высшаго, выходящаго за предѣлы обыденнаго. Онъ вѣчно тосковалъ. По комъ или о чемъ? О несовершенствахъ жизни, о паденіи идеаловъ. Первоначально, судя по

превосходнымъ письмамъ Гоголя, собраннымъ г. Шенрокомъ въ 4-хъ томахъ, онъ боялся того, что пройдетъ на землѣ безслѣдно, ничего не сдѣлавъ, а потомъ, когда онъ твердою ногой сталъ на поприщѣ служенія обществу, онъ затосковалъ о несовершенствахъ жизни. *Тоска по идеаламъ есть свойство только великихъ натуръ.* Она объясняется тѣмъ интуитивнымъ проникновеніемъ въ тайныя пружины жизни, прозрѣніемъ ея хода, которое дается, только благодаря особому дару, чутью. Генію ясны *результаты,* а простымъ смертнымъ только логическое теченіе жизни, только внѣшнія обстоятельства. Геній предвидитъ на разстояніи, что выйдетъ изъ данной комбинаціи фактовъ, знаетъ ихъ *конецъ,* ихъ *судьбу,* смотритъ въ сердцевину, въ корень вещей, а простой смертный видитъ только въ данную минуту совершающіяся и логически перемежающіяся событія. Въ этомъ предвидѣніи, въ этомъ прозрѣніи и кроются психологическія основанія тоски по идеаламъ у геніальныхъ натуръ.

Почему они видятъ, почему *они*—геніи, есть, собственно, дерзкіе вопросы по отношенію къ тайнымъ творческимъ велѣніямъ природы. Почему и, главное, къ какихъ формахъ дано имъ интуитивное проникновеніе въ скрытую завѣсою природу, такъ же неизвѣстно. Гете въ своихъ «разговорахъ» съ Эккерманомъ говоритъ, что не всякій старикъ можетъ считаться опытнымъ въ жизни, и что есть много юношей, понимающихъ жизнь глубже и разностороннѣе многихъ стариковъ. Причина кроется не въ разстояніи прожитыхъ годовъ, а въ дарѣ понимать жизнь, проникать въ нее, угадывать ее, отличать въ ней главное отъ неглавнаго, въ дарѣ, объясненія котораго нужно искать въ особенностяхъ устройства нашей психики.

Геній, даже въ то время, когда онъ еще ничего не сдѣлалъ, когда *только заявилъ о себѣ* людямъ, *когда только почувствовалъ въ себѣ священный огонь,* всегда сознаетъ въ себѣ силы на дѣло великое, сознаетъ свое право на безсмертіе. Не будемъ ссылаться ни на Шекспира, ни на Наполеона, ни на Пушкина, ни на Шопенгауэра... Эти примѣры избиты, а факты слишкомъ установлены въ психологической наукѣ. Геній, заявляющій о своемъ величіи, даже въ то время глубоко искрененъ. Онъ говоритъ не изъ хвастовства (ему не передъ кѣмъ хвастать, такъ какъ онъ выше людей, которыхъ превосходно знаетъ, понимаетъ и видитъ насквозь), но лишь правду. О. М. Достоевскій, возмнившій о себѣ послѣ похвалы Бѣлинскаго «Бѣднымъ людямъ» и разошедшійся, благодаря своему самомнѣнію и самолюбію, въ редакціи «Современника» съ И. С. Тургеневымъ, графомъ Л. Н. Толстымъ и др., не чувствовалъ ли въ себѣ великія силы?

Чувствовалъ ихъ въ себѣ и Гоголь. Объ этомъ онъ высказался опредѣленно въ письмѣ къ В. А. Жуковскому изъ Гамбурга отъ 26—16 іюня 1836 года:

«... Мнѣ ли не благодарить Пославшаго меня на землю! Какихъ высокихъ, какихъ торжественныхъ ощущеній, *невидимыхъ, незамѣтныхъ* для свѣта, исполнена жизнь моя! *Клянусь, я что-то сдѣлаю, чего не дѣлаетъ обыкновенный человѣкъ. Львиную силу чувствую въ душѣ своей»* [1]) и т. д. (Письма, т. I, стр. 383—384).

И эти слова были сказаны въ такое время, когда ни «Мертвыхъ душъ» (1841 г.), ни «Ревизора» (1842 г.), главныхъ, коронныхъ произведеній Гоголя, еще не было, когда они еще зрѣли, незримые свѣту. Гдѣ онъ могъ почерпнуть увѣренность въ своей львиной силѣ? Гдѣ она была? Въ чемъ проявилась? Она покоилась въ его духѣ, въ его сознаніи своего духовнаго величія, своего духовнаго превосходства. Это сознаніе дается *поневолѣ,* въ силу данныхъ человѣку талантовъ.

Мы не дѣлаемъ другихъ выдержекъ, такъ какъ эту считаемъ слишкомъ категорической, и обращаемъ вниманіе читателей на нее. Это не самомнѣніе, не задоръ юности, не безсознательное «сверхчеловѣчіе» или «сверхтолпіе» россійскаго издѣлія, а жаръ сердца, приливъ вдохновенія, озаряющаго всѣ духовныя побужденія и жизненныя цѣли человѣка.

Внутренняя жизнь Гоголя такъ богата разными моментами, что ее должно изучать не по методу г. Шенрока. Академикъ Пыпинъ указалъ этотъ методъ въ своей книгѣ «Жизнь и переписка В. Г. Бѣлинскаго», а мы сказали бы, что таковымъ методомъ можетъ быть или исключительно психологическій, или тотъ, который примѣнилъ извѣстный Ауэрбахъ къ біографіи Спинозы, представивъ жизнь философа въ его цѣломъ, съ изображеніемъ его ученія, на почвѣ разсказа (романа). Иначе всякіе «Матеріалы къ біографіи» будутъ ужасно скучны, монотонны и утомительны и будутъ играть роль сырого матеріала или сухой справочной книги.

Какъ художникъ, Гоголь принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ «усидчивыхъ» писателей. Методъ его творчества или форма, въ которую выливались его созданія, состояла въ слѣдующемъ: онъ напишетъ что нибудь и долго держитъ въ своемъ портфелѣ, временами, во время приливовъ вдохновенія, отдѣлывая по частямъ рукопись. Гоголь мало жалѣлъ себя и страшно работалъ надъ своими созданіями. Въ смыслѣ способа работы, онъ сильно напоминаетъ намъ Флобера, также мало щадившаго себя. Особенно этотъ методъ должно отнести къ зрѣлой порѣ его дѣятельности, къ началу 50-хъ годовъ («Мертвыя души», «Ревизоръ»). Въ созданіяхъ же перваго періода виденъ слѣдъ только вдохновенія. Это—кипящая лава словъ, каскадъ образовъ, переливающихся всѣми цвѣтами радуги, когда они проходятъ черезъ воображеніе и отливаются въ окончательныя кристаллическія формы. Часто Гоголь одно думалъ, другое писалъ

[1]) Курсивъ нашъ.

зачеркивалъ, надписывалъ, летѣлъ дальше, не оканчивая словъ, и вдругъ возвращался къ предыдущей мысли, работалъ и снова летѣлъ дальше. Въ этихъ мѣстахъ видна молодость, стремленіе использовать минуту вдохновенія и въ то же время углубленная, напряженная работа надъ собой и своимъ дарованіемъ. Вслѣдствіе этого, рукописи перваго періода его литературной дѣятельности читаются крайне трудно, съ большимъ напряженіемъ, требуютъ много времени, вниманія и навыка къ разбору рукописей. Таковы, по крайней мѣрѣ, повѣсть «Пропавшая грамота»; лекціи по средней исторіи и др. Есть, впрочемъ, и хорошо написанныя рукописи, но ихъ меньше.

Мы дали эти свѣдѣнія читателю, какъ общія руководящія мысли. Мы кое-что тутъ намѣтили для будущихъ литературныхъ работъ о Гоголѣ, особенно въ области разработки біографическихъ матеріаловъ.

Гоголя можно читать въ разные періоды жизни человѣка: въ дѣтствѣ, въ юности и въ зрѣлую пору. Всякій разъ онъ будетъ новъ, глубокъ, мудръ, содержателенъ, развертывая новыя и новыя стороны своей духовной сущности, подобно вѣчно юной природѣ.

Трудно было бы найти изъ рукописей что нибудь новое, теперь, по прошествіи 50-ти лѣтъ со дня смерти Гоголя. Все, что было можно извлечь и добыть, извлечено и добыто. Записныя книжки Гоголя, старыя тетради, письма, клочки бумагъ, всякая мелочь—давно уже приведены въ порядокъ, разсмотрѣны и оцѣнены. Всякій вносилъ все, что зналъ о Гоголѣ. Культъ Гоголя царилъ и въ первые годы послѣ его смерти, какъ царитъ и теперь. Десятое изданіе сочиненій Гоголя считается единственнымъ по полнотѣ и по тѣмъ цѣннымъ историко-литературнымъ и критическимъ примѣчаніямъ, которыя сдѣланы покойнымъ профессоромъ Московскаго университета И. С. Тихонравовымъ. Кто хочетъ работать надъ Гоголемъ, тотъ долженъ имѣть это изданіе его сочиненій.

Но рукописи Гоголя еще въ достаточномъ количествѣ (по крайней мѣрѣ, нѣсколько переплетенныхъ томовъ въ листъ писчей бумаги) сохранились въ замѣчательной сокровищницѣ собирателя гравюръ и рукописей, П. Я. Дашкова. Благодаря его любезности, его всегдашнему радушію и желанію принести пользу русскому обществу, онъ предоставилъ редакціи «Историческаго Вѣстника» нѣкоторыя рукописи Гоголя. По порученію редакціи, мы ихъ тщательно дешифрировали, снабдили примѣчаніями и приводимъ здѣсь. Нѣкоторыя рукописи представляютъ интересъ первостепенной ли-

тературной важности, такъ какъ ни профессору Тихонравову, ни извѣстному Кулишу, ни другимъ издателямъ и изслѣдователямъ сочиненій великаго писателя, онѣ не были извѣстны, за исключеніемъ друга поэта, Прокоповича, который и выпустилъ первое изданіе, по просьбѣ Гоголя, въ то время, когда онъ въ первый разъ путешествовалъ за границей. Мы говоримъ о повѣсти «Пропавшая грамота», помѣщенной въ 1-й части «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки». Профессоръ Тихонравовъ не видѣлъ этой рукописи. Мы не говоримъ о мелочахъ, которыя, если и не имѣютъ такого значенія, то все же цѣнны, какъ рукописи великаго человѣка.

П. Я. Дашковъ добылъ эти рукописи и далъ имъ удобную форму, благодаря только особой своей находчивости.

Исторія рукописей такова.

Однажды, въ началѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, къ Павлу Яковлевичу заѣхалъ извѣстный академикъ, Аристъ Аристовичъ Куникъ, археологъ, предсѣдатель археографической комиссіи по изданію иностранныхъ актовъ, и предложилъ ему купить рукописи Н. В. Гоголя, имѣвшіяся тогда въ распоряженіи вдовы профессора М. П. Погодина, близкаго друга поэта. Павелъ Яковлевичъ Дашковъ согласился тотчасъ, и купля—продажа была совершена почти въ тотъ же день. Но въ какомъ ужасномъ видѣ были эти рукописи! Это, собственно, были и не рукописи, а ихъ клочки, это были листы, разорванные на тысячи кусковъ нервной, раздражительной рукой поэта. Н. В. Гоголь извѣрился въ жизнь, въ людей, наконецъ, въ смыслъ своего существованія. Будущее не представляло свѣтлыхъ точекъ, въ прошломъ было мало утѣшительнаго... Былъ только одинъ въ мірѣ огонь, его согрѣвавшій, было одно только свѣтило, дававшее его жизни смыслъ и опредѣленную цѣль, но и его давно уже не было. Умеръ Пушкинъ! не было Пушкина, столь властно управлявшаго душой Гоголя... Не было на его пути компаса или путеводной звѣзды... Было темно въ этомъ мірѣ лжи, козней, интригъ и двусмысленностей... Гоголь потерялъ равновѣсіе, шелъ по наклонной плоскости къ своей знаменитой «Исповѣди» и тосковалъ объ идеалѣ, о несовершенствахъ жизни. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что несовершенства жизни такъ необъятны, что ему, бѣдному жителю земли, ихъ нечего исправлять, что онъ ничего не могъ сдѣлать изъ того, что ему было назначено Творцомъ, что онъ, наконецъ, въ сущности, ничтожество... И вотъ въ одну изъ такихъ минутъ черной меланхоліи собралъ онъ всѣ свои рукописи, изорвалъ ихъ въ разныхъ направленіяхъ и сталъ растапливать ими каминъ, помѣшивая кочергой.

Дѣло было въ Москвѣ.

Слуга Гоголя, видя острый припадокъ болѣзни и не умѣя помочь, побѣжалъ къ М. П. Погодину, со словами:

— Баринъ, спасите нашего барина!.. Съ нимъ что-то неладное.

Погодинъ немедленно поѣхалъ къ Гоголю и, увидѣвъ груду разорванныхъ клочковъ бумаги, тщательно собралъ ихъ, взялъ маленькій чемоданъ Гоголя, положилъ туда разорванныя и собранныя имъ въ наволочку рукописи и отвезъ къ себѣ. Это было въ послѣдніе годы жизни Гоголя. Разорвано было все, что было тогда у Гоголя подъ рукой,—отъ первыхъ набросковъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» до послѣдняго его созданія, второй части «Мертвыхъ Душъ».

Долго собиралъ М. П. Погодинъ разорванные клочки рукописей своего великаго друга, но въ системѣ собиранія кусочковъ допустилъ громадную, мы сказали бы, методологическую ошибку. Погодинъ собиралъ ихъ по смыслу, вслѣдствіе этого долго бился и умеръ, не только не докончивъ дѣла собиранія, но и не подвинувъ его. Клочки были вновь положены въ наволочку и спрятаны въ чемоданъ Гоголя. Умеръ и М. П. Погодинъ. Затѣмъ эти бумаги, какъ уже сказано, перешли къ А. А. Кунику, а отъ него къ П. Я. Дашкову.

Что нужно было дѣлать съ ними? Прошлый опытъ *приведенія въ цѣльный видъ рукописей* не привелъ ни къ чему. Нужно было изобрѣсти новый методъ *собиранія*...

Мы приведемъ этотъ методъ здѣсь по той причинѣ, что онъ интересенъ съ принципіальной стороны и можетъ оказать услугу всѣмъ, идущимъ по слѣдамъ П. Я. Дашкова въ дѣлѣ *собиранія рукописей*.

Разсмотрѣвши груду обрывковъ рукописей, бывшихъ въ ужасномъ состояніи, словно знакомясь съ ихъ характеромъ, П. Я. Дашковъ оставилъ ихъ въ покоѣ до весны. Весною онъ поѣхалъ къ себѣ въ имѣніе и захватилъ наволочку съ рукописями Гоголя. Затѣмъ призвалъ нѣсколько малограмотныхъ людей и просилъ ихъ на большомъ просторномъ столѣ складывать, за опредѣленную поденную плату, эти безконечные кусочки не *по смыслу*, а *по виду* и *цвѣту бумаги*.

Дѣло замѣтно подвигалось. Разрозненные кусочки живо складывались только *на глазъ*, сведенные листы рукописей отодвигались, а П. Я Дашковъ ихъ провѣрялъ. Дѣло было благополучно кончено, и листы были сведены.

Началась вторая часть работы. Для человѣка опытнаго она не такъ трудна, какъ кропотлива, и беретъ много времени и терпѣнія. Однако, П. Я Дашковъ перешелъ и эту стадію: незамѣтно склеилъ кусочки, какъ это можно замѣтить на факсимиле «Пропавшей грамоты», приложенномъ къ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника», свелъ контекстъ по содержанію и получилъ новыя рукописи Гоголя въ нѣсколькихъ переплетенныхъ томахъ.

Профессоръ Тихонравовъ, конечно, не зналъ о существованіи этихъ рукописей.

Рукописи, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи, мы будемъ печатать хронологически, при чемъ для двухъ только вещей—повѣсти «Пропавшая грамота» и «Письма» къ сестрамъ, мы устанавливаемъ приблизительныя даты, по нѣкоторымъ историко-біографическимъ даннымъ. Рукописи будутъ итти такъ: a) повѣсть «Пропавшая грамота» (къ 30-мъ годамъ прошлаго столѣтія), рукопись которой до этого времени никому не была извѣстна; b) «О среднихъ вѣкахъ», статья помѣщена въ первой части «Арабесокъ», 1834 г. (X изд., т. V, стр. 118—129); c) не напечатанное нигдѣ «Письмо» Н. В. Гоголя къ сестрамъ въ Екатерининскій институтъ, 1837 г.; d) «Письмо» къ М. П. Погодину, 30 марта 1837 года; e) отзывъ объ альманахѣ «Утренняя Заря» 1842 года, въ двухъ неизвѣстныхъ еще редакціяхъ. Наконецъ, отдѣльные отрывки.

Изъ этихъ рукописей, въ приложеніи къ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника», воспроизводятся въ точныхъ факсимиле: 1) Письмо Гоголя къ сестрамъ; 2 и 3) первая и вторая редакціи отзыва объ альманахѣ «Утренняя Заря»; 4) письмо къ Погодину и 5) повѣсть «Пропавшая грамота».

Обозрѣнныя нами рукописи Н. В. Гоголя даютъ намъ право думать, что онѣ имѣютъ громадное не только литературное, но и общественное значеніе въ виду великости самого имени Гоголя, въ виду громадности его духовной физіономіи и въ виду его значенія въ русской жизни.

Любезность Н. Я. Дашкова, обладателя этихъ рукописей, давшаго намъ счастливѣйшій случай познакомиться съ ними и изучить ихъ, велика и будетъ, вѣроятно, оцѣнена въ русской литературѣ и русскимъ обществомъ. Мы счастливы, что намъ пришлось работать надъ подлинными рукописями Гоголя. Въ этой работѣ есть свои хорошія и свои нехорошія стороны. Къ нехорошимъ мы смѣло относимъ, напримѣръ, сведеніе варіантовъ. Это, въ сущности, кропотливый и утомительный трудъ, имѣющій исключительно академическій интересъ. Онъ отнимаетъ много времени, не даетъ ничего ни душѣ, ни сердцу, ни уму. Онъ не можетъ быть ничѣмъ удовлетворенъ, но зато онъ же даетъ величайшее наслажденіе, когда вы вспоминаете, что рукописи, по которымъ приходится сводить варіанты, принадлежатъ Гоголю, великому Гоголю, вашему доброму, задушевному другу—Гоголю, спутнику вашему отъ раннихъ школьныхъ лѣтъ до гробовой доски, порой насмѣшливому, порой веселому, порой мудрому и проникновенному, но чаще всего мечтательному и вѣчно юному, какъ природа.

Кон. Михайловъ.

I.

«Пропавшая Грамота».

Повѣсть «Пропавшая грамота» —одна изъ четырехъ первой части извѣстныхъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки», напечатана въ ряду прочихъ четвертой, т. е. послѣдней, въ первомъ и во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ. Рукопись ея никому не была извѣстна, и годъ ея появленія въ свѣтъ также покрытъ мракомъ неизвѣстности.

Вотъ что говоритъ профессоръ И. С. Тихонравовъ, редактировавшій превосходное десятое изданіе «Сочиненій» Гоголя, по поводу этой повѣсти, въ примѣчаніяхъ, на стр. 539:

«Намъ неизвѣстенъ рукописный текстъ этой повѣсти, напечатанной въ первый разъ въ первой части «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» (въ 1831 году) и въ послѣдующихъ изданіяхъ «Сочиненій Гоголя» не подвергавшейся редакціоннымъ измѣненіямъ».

Затѣмъ приведены самые незначительные варіанты.

Рукопись была, видимо, разорвана Гоголемъ во время описаннаго нами выше припадка черной меланхоліи, а П. Я. Даниковъ ее склеилъ и, такимъ образомъ, возвратилъ ее русскому образованному обществу. Въ виду этого, рукопись «Пропавшей грамоты» представляетъ чрезвычайный интересъ въ литературномъ отношеніи. Мы ее приведемъ цѣликомъ, какъ бы напомнимъ ее заново русскому обществу, а любители отечественной литературы, надо думать, обрадуются этой находкѣ такъ же, какъ обрадовались ей мы.

«Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» это — апоѳеозъ малороссійскаго быта. Явленія этого быта и картины природы Малороссіи преломились въ творческой фантазіи поэта и получили кристаллическую форму совершеннаго созданія. Кулишъ въ своемъ извѣстномъ изданіи сочиненій Гоголя сѣтуетъ на Гоголя за то, что онъ плохо зналъ и описалъ малороссійскую природу и бытъ, нѣсколько удалившись отъ дѣйствительности. Вѣрно ли это? Поэтъ, писатель, особенно такой, какъ Гоголь, описываетъ или схватываетъ въ явленіи только типическое, только его суть, только его корень, а аксессуары, въ которые окутываются явленія быта и картины природы, исходятъ изъ творческой фантазіи поэта, создаются ею. Онъ не долженъ слѣдовать мелочнымъ указаніямъ дѣйствительности, не имѣющимъ значенія въ творческомъ опредѣленіи типа.

Время написанія «Пропавшей грамоты» опредѣлить очень трудно. Можно сказать, что она написана въ промежутокъ времени отъ

начала октября 1829 года до первыхъ мѣсяцевъ 1831 года. Эти соображенія подтверждаются слѣдующими соображеніями. По своемъ пріѣздѣ въ Петербургъ, Гоголь сталъ просить свою мать о присылкѣ ему описанія малороссійскихъ обычаевъ. Онъ говоритъ:

«Вы имѣете тонкій, наблюдательный умъ, вы много знаете обычаи и нравы малороссіянъ нашихъ, и потому, я знаю, вы не откажетесь сообщать мнѣ ихъ въ нашей перепискѣ. Это мнѣ очень, очень нужно» [1]).

Письмо писано въ апрѣлѣ 1829 года.

Далѣе:

«Еще нѣсколько словъ о колядкахъ, о Иванѣ Купалѣ, о русалкахъ. Если есть, кромѣ того, какіе либо духи или домовые, то о нихъ подробнѣе, съ ихъ названіями и дѣлами. Множество носится между простымъ народомъ повѣрій, страшныхъ сказаній, преданій, разныхъ анекдотовъ и проч. и проч. Все это будетъ для меня чрезвычайно занимательно» [2]).

Въ письмѣ къ матери отъ 22-го мая онъ пишетъ:

«Между прочимъ я прошу васъ, почтеннѣйшая маменька, узнать *теперь* о нѣкоторыхъ играхъ изъ карточныхъ: *у Панфиля,* какъ играть и въ чемъ состоитъ онъ? равнымъ образомъ, что̀ за игра *Пашокъ,* семь листовъ? изъ хороводныхъ: *въ хрещика, въ журавля.* Если знаете другія какія, то не преминитe. У насъ есть повѣрья въ нѣкоторыхъ нашихъ хуторахъ, разныя новѣсти, разсказываемыя простолюдинами, въ которыхъ участвуютъ духи и нечистые. Сдѣлайте милость, удружите мнѣ которою нибудь изъ нихъ» [3]).

Слово «*теперь*» означаетъ, что ранѣе просимыя справки онъ получилъ. Получилъ ли онъ новыя справки въ скоромъ времени и когда именно, неизвѣстно. Августъ и весь сентябрь 1829 года онъ провелъ за границей. Возвратившись, сталъ искать себѣ мѣста.

Въ 1830 году онъ помѣстилъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» Свиньина разсказъ «Ночь на Ивана Купала», искромсанный заботливой рукой канувшаго въ Лету редактора.

Въ концѣ года, 19-го декабря, онъ пишетъ матери:

«... я, посвятившій себя всего пользѣ, обрабатывающій себя въ тишинѣ для благородныхъ подвиговъ, пущусь писать подобныя глупости!» [4]). Дѣло идетъ о подозрѣніи матери Гоголя въ томъ, что ея сынъ написалъ комедію «Свѣтскій балъ», принадлежавшую Павлу Свиньину.

Во всякомъ случаѣ, это заявленіе характерно въ томъ отношеніи, что Гоголь усердно надъ чѣмъ-то работалъ. Естественно думать, что работалъ онъ надъ своими «Вечерами», именно надъ первой ихъ частью, куда послѣдней вошла и «Пропавшая грамота».

---

[1]) «Письма» Гоголя, т. I, стр. 119. [2]) Ibid., стр. 120. [3]) «Письма», т. I, стр. 122—128. [4]) Ib., стр. 167.

Такъ какъ ему, кромѣ игры въ *дурня*, никакихъ другихъ не сообщили, то онъ ее и вставилъ въ эту повѣсть.

Черезъ четыре мѣсяца, въ маѣ 1831 года, въ письмѣ къ А. С. Данилевскому онъ говоритъ:

«Моя книга («Вечера») врядъ ли выйдетъ лѣтомъ: наборщикъ пьетъ запоемъ» [1]).

21-го августа того же года онъ писалъ Пушкину въ Павловскъ:

«Любопытнѣе всего было мое свиданіе съ типографіей: только что я просунулся въ двери, наборщики, завидя меня, давай каждый фыркать и прыскать себѣ въ руку, отворотившись къ стѣнкѣ. Это меня нѣсколько удивило; я къ фактору, и онъ, послѣ нѣкоторыхъ ловкихъ уклоненій, наконецъ, сказалъ, что *«штучки, которыя изволили прислать изъ Павловска для печатанія, оченно до чрезвычайности забавны и наборщикамъ принесли большую забаву»*. Изъ этого я заключилъ, что я писатель совершенно во вкусѣ черни» [2]).

Но уже 10-го сентября онъ писалъ В. А. Жуковскому:

«Насилу я могъ управиться съ своею книгою и теперь только экземпляры для отправленія вамъ» [3]).

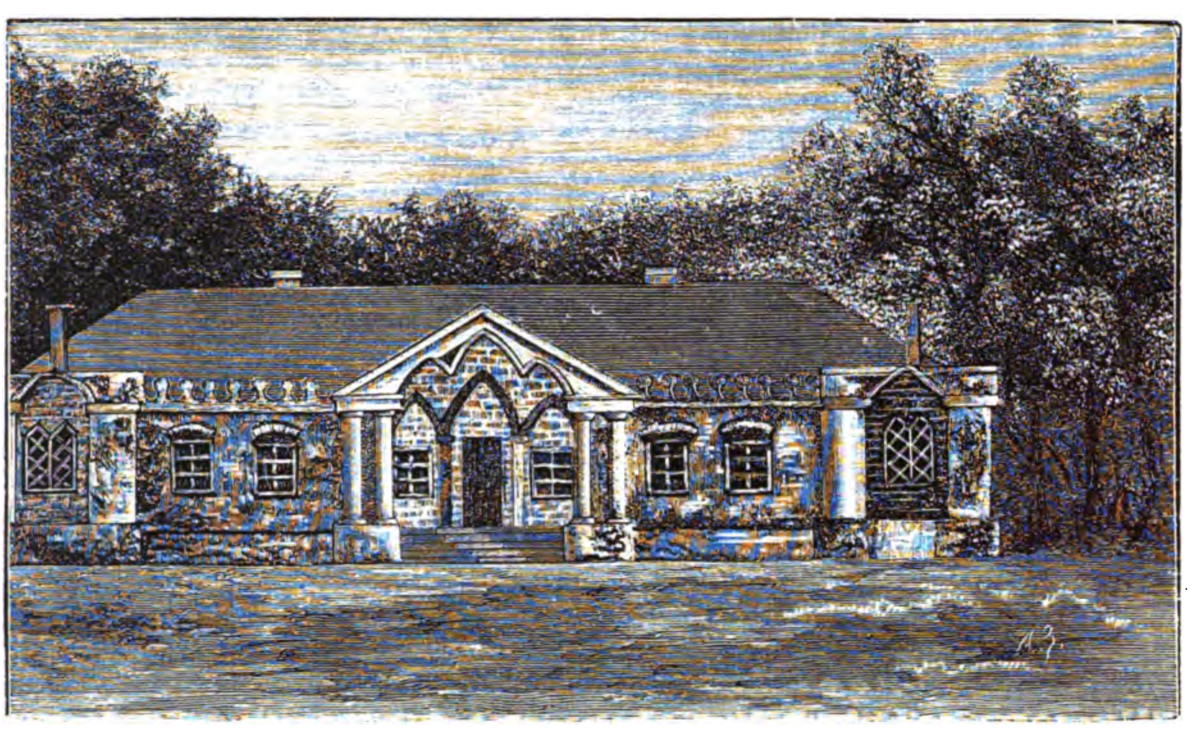
Если книга была въ августѣ въ наборѣ, то она была въ типографіи не съ августа, а, должно быть, немного раньше, можетъ быть, съ конца апрѣля или начала мая, какъ это видно изъ письма къ Данилевскому.

Сведя все это, можно опредѣленно утверждать, что повѣсть написана почти въ годовой промежутокъ времени, отъ конца 1829 года (съ октября—ноября) до начала (января - февраля) 1831 года.

Мы здѣсь представимъ ее *впервые* по рукописному списку, въ параллель съ напечатаннымъ текстомъ тихонравовскаго изданія «Сочиненій» Гоголя, такъ какъ во многихъ мѣстахъ много существенной разницы, воспользуемся немногочисленными варіантами X изданія и прибавимъ къ нимъ, въ видѣ варіантовъ, зачеркнутыя и надписанныя выраженія самого Гоголя. Для удобства, разночтенія въ текстахъ мы отмѣтимъ *жирнымъ* шрифтомъ. При этомъ мы цѣликомъ сохраняемъ орѳографію, транскрипцію и грамматическіе обороты Гоголя. Они любопытны.

---

[1]) Ib., стр. 179. [2]) Ib., стр. 185, XXXII. [3]) Ib., стр. 188, XXXIII.

Старый деревенскій домъ въ селѣ Васильевкѣ, Полтавской губ., впослѣдствіи сломанный, въ которомъ Гоголь провелъ дѣтскіе годы.

Доз. ценз. 18 янв. 1902 г. СПБ.

Рукопись.

Такъ вы хотите чтобы я вамъ еще расказалъ про Дѣда. Почему не потѣшить **веселой** прибауткой. **Вы люди бывалые васъ ненапугаешь чудными дивами** [1]) **которыхъ какъ-то въ разумиую старину не въ сто мѣръ было больше вѣдь точно нивѣсть какая** радость падетъ на сердце **какъ** услышишь про то, что **далеко далеко** и года и мѣсяца нѣтъ дѣялось на свѣтѣ. А какъ еще впутается **и родня** и дѣдъ или прадѣдъ такъ **вотъ врагъ меня возьми** если не чудится что вотъ вотъ самъ все то дѣлаешь... будто залѣзъ въ прадѣдовскую душу или **прадѣдъ самъ** шалитъ въ тебѣ... Нѣтъ, мнѣ пуще всего наши [2]) дѣвчата и молодицы. Покажись только на глаза имъ «**Х**ома Григорьевичъ, **Х**ома Григорьевичъ а нуте **нуте**... яку [3]) нибудь стратовйину кáзочку а нуте нуте...» тарата татата и пойдутъ и пойдутъ. Не жаль вѣтъ расказать [4]) вѣдь я знаю **то** что каждая въ постел**ѣ** дрожитъ подъ одѣяломъ **такъ,** какъ будто ее **трясетъ** лихорадка и рада бы **совсѣмъ зал**ѣзть въ тулупъ свой. Царапни горшкомъ крыса сама какъ нибудь задѣнь кочерг**ою** и Боже **мой** душа въ пяткахъ. А

[1]) Далѣе зачеркнуто: дѣявшимися.
[2]) Зачеркнуто: молодицы.
[3]) Внизу зачеркнуто: какую.
[4]) Далѣе въ скобкахъ: да вѣдь знаешь, что каждая какъ придетъ,—послѣднія два слова зачеркнуты.

Текстъ X изданія соч. Гоголя.

Такъ вы хотите, чтобы я вамъ еще разсказалъ про дѣда?—**Пожалуй,** почему же не потѣшить прибауткой? **Эхъ, старина, старина!** Что за радость, что за разгулье падетъ на сердце, когда услышишь про то, что́ **давно-давно,** и года ему и мѣсяца нѣтъ, дѣялось на свѣтѣ! А какъ еще впутается **какой нибудь родичъ,** дѣдъ или прадѣдъ,—**ну, тогда и рукой махни: чтобъ мнѣ поперхнулось за акаѳистомъ великомученицѣ Варварѣ,** если не чудится, что вотъ-вотъ самъ все это дѣлаешь, какъ будто залѣзъ въ прадѣдовскую душу, **или прадѣдовская душа** шалитъ въ тебѣ... Нѣтъ, мнѣ пуще всего наши дѣвчата и молодицы; покажись только на глаза имъ: Ѳома Григорьевичъ! Ѳома Григорьевичъ! **а нуте, яку-нибудь страховинну казочку! а нуте, нуте!..»** тара-та-та, та-та-та, и пойдутъ, и пойдутъ... Разсказать-то, конечно, не жаль, да загляните-ка, что дѣлается съ ними въ постели. Вѣдь я знаю, что каждая дрожитъ подъ одѣяломъ, какъ будто **бьетъ** ее лихорадка, и рада бы **съ головою** влѣзть въ тулупъ свой. Царапни горшкомъ крыса, сама какъ нибудь задѣнь ногою кочергу,—и Боже **упаси! и** душа въ пяткахъ. А на другой день ничего не бывало; навязывается сызнова: разскажи ей страшную сказку **да и только. Что-жъ бы такое разсказать вамъ? Вдругъ не взбредетъ на умъ...** Да, раз-

на [1]) другой день ничего не бывало навязывается сызнова раскажи страшную какую нибудь **сказочку знаете ли однакоже что я вамъ раскажу теперь?** Я вамъ раскажу какъ вѣдьмы играли съ покойнымъ дѣдомъ въ Дурня. **Постойте же чуръ только не сбивать.** Покойный Дѣдъ былъ не изъ простыхъ **въ тѣ годы** козаковъ Зналъ онъ твердо—онъ-то и слово--титлу поставить, **а** сами знаете, что если бы тогда собрать со всего **Батуринскаго края** то нечего и шапки **поддерживать** въ одну горсть [2]) всѣхъ **завернуть** можно было. Стало быть и дивиться **не нужно если** всякой встрѣчный кланялся **ему мало мало** [3]) не въ поясъ. **Вотъ** задумалось разъ **самому** Вельможному гетьману послать за чемъ [4])-то къ Царицѣ гра**мотку** [5]).

Тогдашній полковый писарь вотъ нелегкая его возьми и прозвище не вспомню Вискрякъ не Вискрякъ Матузочка не Матузочка **В**лопецекъ не **В**лопецекъ знаю только что какъ то **чудно называется** и мудреное прозвище позвалъ къ себѣ дѣда и сказалъ что **такъ и такъ** наряжаетъ его панъ Гетьманъ гонцомъ съ грамот**к**ою къ царицѣ. Дѣдъ не любилъ долго собираться. Гра**мотку** зашилъ въ шапку, вывелъ коня чмокнулъ жену и двухъ

1) Зачеркнуто: слѣдующій.

2) Зачеркнуто: все забрать было.

3) Зачеркнуто: почти что.

4) Чемъ-то нужно гдѣ-то.

5) У Гоголя вездѣ не грамота, какъ въ изданіи проф. Тихонравова, а грамотка.

скажу я вамъ, какъ вѣдьмы играли съ покойнымъ дѣдомъ **въ дурня** [1]). **Только заранѣ прошу васъ, господа, не сбивайте съ толку, а то такой кисель выйдетъ, что совѣстно будетъ и въ ротъ взять.** Покойный дѣдъ, **надобно вамъ сказать,** былъ не изъ простыхъ въ свое время козаковъ. Зналъ и твердо-онъ-то, и словотитлу поставить. **Въ праздникъ отхватаетъ апостола, бывало, такъ, что теперь и поповичъ иной спрячется.** Ну, сами знаете, что въ тогдашнія времена, если собрать со всего **Батурина** грамотеевъ, то нечего и шапки подставлять, въ одну горсть **можно было всѣхъ уложить.** Стало-быть, и дивиться нечего, когда всякій встрѣчный кланялся дѣду мало не въ поясъ.

Одинъ разъ, задумалось вельможному гетману послать за чѣмъ-то къ царицѣ грамоту. Тогдашній полковой писарь, — вотъ, нелегкая его возьми, и прозвища не вспомню... Вискрякъ не Вискрякъ, Мотузочка не Мотузочка, **Голопуцекъ** не **Голопуцекъ**... знаю только, что какъ-то чудно начинается мудреное прозвище, —позвалъ къ себѣ дѣда и сказалъ ему, что, вотъ, наряжаетъ его самъ гетманъ гонцомъ съ грамотою къ царицѣ. Дѣдъ не любилъ долго собираться: грамоту зашилъ въ шапку, вывелъ коня, чмокнулъ жену и двухъ своихъ, какъ самъ онъ называлъ, поросенковъ, изъ которыхъ одинъ былъ родной **отецъ** хоть бы и нашего брата, и под-

1) То-есть въ дурачки.

своихъ какъ самъ онъ называлъ поросенковъ, изъ которыхъ одинъ былъ родной **батько** хоть бы и нашего брата и поднялъ такую за собою пыль какъ будто бы пятнадцать хлопцевъ задумали посереди улицы играть въ кашу. На другой день еще пѣтухъ не **дралъ** въ четвертый разъ **горла** Дѣдъ былъ уже въ Конотопѣ. На ту пору была тогда ярмарка. **Народу всякаго по улицамъ столько** [1]) что **глаза мерещило только знаете** такъ какъ было еще рано то все еще дремало **растянувшись** по землѣ возлѣ коровы лежалъ парубокъ съ покраснѣвшимъ какъ снигирь носомъ **съ недоспанной рожей возлѣ этакаго храпка шла** перекупка кремнями синькою и бубликами подъ телегою [2]) цыганъ **на бочкѣ съ дегтемъ** чумакъ на самой дорогѣ раскинулъ ноги бородачъ москаль съ поясами рукавицами ну **много много всего** какъ водится **на ярмаркахъ.** Дѣдъ пріостановился чтобы **все** разглядѣть хорошенько между тѣмъ въ яткахъ начало шевелиться жидовки **начали** побрякивать фляжками. Дымъ **покатился** то сямъ то тамъ кольцами и горячими [3]) по всему табору **понесло** горячими сластенами. Дѣду [4]) вспало на умъ что у него нѣтъ ни огнива ни табаку наготовѣ вотъ и пошелъ таскаться по ярмаркѣ **только глянь навстрѣчу гуляка**

[1]) Зачеркнуто внизу: такого.

[2]) Нужно: телѣга.

[3]) Далѣе зачеркнуто: сластенами по; слово: горячими, излишне.

[4]) Далѣе зачеркнута фраза: Дѣдъ мой вздумалъ что **ему нужно запастись.**

нялъ такую за собою пыль, какъ будто бы пятнадцать хлопцевъ задумали посреди улицы **играть** въ кашу. На другой день, еще пѣтухъ не **кричалъ** въ четвертый разъ, дѣдъ уже былъ въ Конотопѣ. На ту пору была тамъ ярмарка: народу высыпало по улицамъ столько, что **въ глазахъ рябило. Но** такъ какъ было рано, то все дремало, протянувшись на землѣ. Возлѣ коровы лежалъ **гуляка** парубокъ, съ покраснѣвшимъ, какъ снигирь, носомъ; подалѣ **храпѣла**, сидя, перекупка **съ** кремнями, синькою, **дробью** и бубликами; подъ телѣгою лежалъ цыганъ; **на возу съ рыбой**—чумакъ; на самой дорогѣ раскинулъ ноги бородачъ-москаль съ поясами **и** рукавицами... ну, всякаго сброду, какъ водится по ярмаркамъ. Дѣдъ пріостановился, чтобы разглядѣть хорошенько. Между тѣмъ въ яткахъ начало **мало-по-малу** шевелиться: жидовки **стали** побрякивать фляжками; дымъ **покатило** то тамъ, то сямъ кольцами, и **запахъ** горячихъ сластенъ **понесся** по всему табору. Дѣду вспало на умъ, что у него нѣтъ ни огнива, ни табаку наготовѣ: вотъ и пошелъ таскаться по ярмаркѣ. **Не успѣлъ пройти двадцати шаговъ** — навстрѣчу запорожецъ. Гуляка, и по лицу видно! Красные, какъ жаръ, шаровары, **синій жупанъ, яркій цвѣтной поясъ,** при боку сабля и люлька съ мѣдною цѣпочкою по самыя пяты—запорожецъ да и только! Эхъ, народецъ! станетъ, вытянется, поведетъ рукою молодецкіе усы, брякнетъ

запорожецъ и по лицу видно **въ красныхъ** какъ жаръ шароварахъ **въ синемъ** жупанѣ **въ яркомъ** цвѣтномъ поясѣ при боку сабля и люлька съ мѣдной цѣпочкой по самыя пяты запорожецъ да и только! Эхъ народецъ. Станетъ вытянется, поведетъ рукою молодецкіе усы, брякнетъ подковами и пустится... да вѣдь какъ пустится: ноги **отвертываютъ** словно веретено въ бабьихъ рукахъ [1]), **какъ** вихорь дернетъ рукою по всѣмъ струнамъ бандуры и тутъ же подпершись ею въ боки **валяетъ** въ присядку, **свиснетъ** пѣсню... душа гуляетъ. **Нѣ-то** [2]) **времячко**—не **быть запорожцамъ въ наши дни** [3]).

Ну встрѣтились долго-ли до знакомства пошли калякать такъ что дѣдъ совсѣмъ было уже забылъ про путь свой попойка завелась такая какъ **въ великомъ посту или** на свадьбѣ, только прискучило наконецъ колотить горшки и кидать въ народъ деньги да и **ярмарка - то невѣкъ стоитъ** вотъ **и** сговорились чтобы **уже какъ говорятъ** путь держать вмѣстѣ. Было давно подъ

[1]) Далѣе зачеркнуто: жилистыми руками разомъ.

[2]) Слѣдуетъ: не то.

[3]) Далѣе зачеркнутъ длинный періодъ и нѣсколько передѣланный идетъ дальше:

Слово за слово и завелась межъ ними дружба гульня и попойка съ утра и до вечера такъ что дѣдъ уже и позабылъ было совсѣмъ (про то что нужно ѣхать) про свой путь. Только наконецъ наскучило (дѣду) бить горшки и кидать въ народъ деньги **къ тому же** и ярмарка не вѣкъ простоитъ (продолжится) вотъ и отправились уже вмѣстѣ.

подковами—и пустится! Да вѣдь какъ пустится: ноги **отплясываютъ,** словно веретено въ бабьихъ рукахъ; **что** вихорь, дернетъ рукою по всѣмъ струнамъ бандуры, и тутъ же, подпершися ею въ боки, **несется** въ присядку: **зальется** пѣсней—душа гуляетъ!.. **Нѣтъ, прошло** времечко: не увидать больше запорожцевъ! Да. Такъ встрѣтились. **Слово за слово**—долго ли до знакомства? Пошли калякать, **калякать,** такъ что дѣдъ совсѣмъ уже было позабылъ про путь свой. Попойка завелась, какъ на свадьбѣ передъ постомъ Великимъ. Только, **видно,** наконецъ прискучило бить горшки и швырять въ народъ деньгами, да и ярмаркѣ не вѣкъ же стоять! Вотъ сговорились **новые пріятели,** чтобъ не разлучаться и путь держать вмѣстѣ. Было давно подъ вечеръ, когда выѣхали **они** въ поле. Солнце убралось **на отдыхъ; коегдѣ горѣли вмѣсто него красноватыя полосы;** по полю пестрѣли нивы, что праздничн**ыя** плах**ты** чернобровыхъ молод**ицъ.** Нашего запорожца раздобаръ взялъ **страшный.** Дѣдъ и еще другой, припл**етшійся** къ нимъ гуляка, подумали уже, не бѣсъ ли засѣлъ въ него. Откуда что набиралось. Исторіи и присказки такія диковинныя, что дѣдъ **нѣсколько** разъ хватался за бока и чуть не надсадилъ своего живота со смѣху. Но въ полѣ становилось чѣмъ далѣе, тѣмъ сумрачнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ становилась несвязнѣе и молодецкая молвь. Наконецъ, разсказчикъ нашъ притихъ совсѣмъ и вздра-

вечеръ когда выѣхали [1]) въ поле [2]). **Солнце какъ старый** [3]) **погоньщикъ заалѣло** [4]) **по небу** гдѣ гдѣ **прохватывались красныя и оранжевыя ленты** по полю пестрѣли нивы какъ **плахта праздничная** чернобривой **молодицы** Нашево запорожца раздоборъ **такой** [5]) взялъ **что** дѣди еще другой приплевшійся къ нимъ гуляка подумали **что одна** [6]) **нечистая сила могла прикрутить молодецкій языкъ.** Откуда что **понабиралось** исторіи присказки такіе [7]) диковинные что дѣдъ **разъ десять** хватался за бока и чуть не **порвалъ** [8]) живота со смѣху но въ полѣ становилось чемъ [9]) дальше сумрачнѣе **и** вмѣстѣ съ тѣмъ становилась несвязнѣе и молодецкая молвь **такъ что наконецъ раскащикъ** [10]) **нашъ** [11]) **совсѣмъ притихъ** и вздрагивалъ **при маломъ** [12]) шорохѣ «Ге-Ге землякъ да ты не на шутку [13]) принялся щатать совъ уже думаешь какъ бы домой да на пѣчь [14]). «**Да хорошо вамъ веселиться отвѣчалъ онъ поворотившись на конѣ и уставившись на дѣда.** Передъ вами таиться нѣчего [15]). Знаете-ли что душа моя давно продана нечи-

гивалъ при малѣйшемъ шорохѣ.

«Ге, ге, землякъ! да ты не на шутку принялся считать совъ. Ужъ думаешь, какъ бы домой, да на печь!»

«Передъ вами нечего таиться», **сказалъ онъ, вдругъ оборотившись и неподвижно уставивъ на нихъ глаза свои.** «Знаете ли, что душа моя давно продана нечистому?»

«Экая невидальщина! Кто на вѣку своемъ не знался съ нечистымъ? Тутъ-то и нужно гулять, какъ говорится, на прахъ».

«Эхъ, **хлопцы!** гулялъ бы, да въ ночь эту срокъ молодцу! Эй, братцы!» сказалъ онъ, хлопнувъ по рукамъ ихъ: **«эй, не выдайте!** не поспите одной ночи! Вѣкъ не **забуду** вашей дружбы!»

Почему-жъ не пособить человѣку въ такомъ горѣ? Дѣдъ объявилъ **напрямикъ**, что **скорѣе дастъ онъ отрѣзать оселедецъ съ собственной головы, чѣмъ** допустить чорта понюхать **собачьей мордой своей** христіанской души.

Козаки наши ѣхали бы, можетъ, и далѣе, если бы не обволокло всего неба ночью, словно чернымъ рядномъ, и въ полѣ не стало такъ же темно, какъ подъ овчиннымъ тулупомъ. Издали только мерещился огонекъ, и кони, чуя близкое стойло, торопились, насторожа уши и вковавши очи во мракъ. Огонекъ, **казалось, несся на встрѣчу,** и передъ козаками показался шинокъ, повалившійся на одну сторону, словно баба на пути съ веселыхъ крестинъ. Въ тѣ поры

---

1) Далѣе зачеркнуто: загородъ. 2) Далѣе зачеркнуто: по небу краснѣло послѣ. 3) Далѣе зачеркнуто: пасѣчникъ. 4) Далѣе нельзя разобрать слова. 5) Повторено это слово. 6) Внизу зачеркнуто: только развѣ сама. 7) Нужно: такія диковинныя. 8) Наверху надписано: разорвалъ. 9) Нужно: чѣмъ. 10) Нужно: запорожецъ. 11) Далѣе зачеркнуто: уже. 12) Зачеркнуто внизу: каждомъ. 13) Зачеркнуто: дальше прикусилъ. 14) Должно: печь, а впереди надо: считать вмѣсто щитать. 15) Должно: нечего.

стому [1]). «**Вотъ чего** экая невидальщина кто **не знался на вѣку** своемъ съ нечистымъ тутъ-то и нужно гулять какъ говорится на прахъ. «Эхъ **братцы** гулялъ бы **и я** да въ ночь эту срокъ молодцу [2])... Эй **братцы эй** не поспите одной ночи вѣкъ **не запомню** вашей дружбы. Почему же не пособить человѣку въ такомъ горѣ. Дѣдъ **безъ дальнихъ околичностей** объявилъ что **онъ готовъ свою душу отправить въ пекло** если допуститъ чорта понюхать **собачьимъ его рыломъ** христіанской души.

Козаки [3]) наши ѣхали бы можетъ **быть** и далѣе если бы не обволокло всего неба ночью словно чернымъ рядномъ и въ полѣ не стало также темно какъ подъ овчиннымъ тулупомъ. Издали только мерещился огонекъ и кони чуя близкое стойло [4]) торопились [5]) на сторожа уши и вковавши очи въ мракъ. Огонекъ **близился** и [6]) передъ **нашими** козаками показался шинокъ повалившійся на одну сторону [7]) словно баба на пути (**воротившаяся**) съ веселыхъ крестинъ **домой**. Въ тѣ поры шинки не то были что теперь доброму человѣку [8]) не только [9]) развернуться пріударить горлицы или **тропака и прилечь и то даже было некуда** когда въ шинки были не то, что теперь. Доброму человѣку не только развернуться, пріударить горлицы или **гопака**,—прилечь даже **негдѣ** было, когда въ голову заберется хмель, и ноги начнутъ писать покой-онъ-по. Дворъ былъ уставленъ весь чумацкими возами; подъ повѣтками, въ ясляхъ, въ сѣняхъ, иной свернувшись, другой **развернувшись**, храпѣли, какъ коты. Шинкарь одинъ, передъ каганцемъ, нарѣзывалъ рубцами на палочкѣ, **сколько** квартъ и осьмухъ **высушили чумацкія головы**. Дѣдъ, спросивши треть ведра на троихъ, отправился въ сарай. Всѣ трое легли рядомъ. Только не успѣлъ **онъ** повернуться, какъ видитъ, что его земляки спятъ уже мертвецкимъ сномъ. Разбудивши приставшаго къ нимъ третьяго козака, дѣдъ напомнилъ ему про данное товарищу обѣщаніе. Тотъ привсталъ, протеръ глаза и снова уснулъ. Нечего дѣлать, пришлось одному караулить. Чтобы чѣмъ-нибудь **разогнать сонъ**, осмотрѣлъ онъ всѣ возы, **провѣдалъ** коней, закурилъ люльку, пришелъ назадъ и сѣлъ опять около своихъ. Все было тихо, такъ что, кажись, ни одна муха не пролетѣла. Вотъ и чудится ему, что изъ-за сосѣдняго воза что-то сѣрое выказываетъ роги... Тутъ глаза его начали смыкаться, такъ что принужденъ онъ былъ ежеминутно протирать ихъ кулакомъ или промывать оставшеюся водкой... **По какъ скоро немного прояснялись они, все пропадало**. Наконецъ, мало погодя, опять показывается изъ-подъ воза чу-

---

[1]) Далѣе зачеркнуто: какъ же вы хотите чтобы веселиться. [2]) Далѣе зачеркнуто: Слушайте. [3]) Впереди зачеркнуто: Путнъ. [4]) Зачеркнуто: подымало. [5]) Зачеркнуто: и бодрѣй. [6]) Далѣе зачеркнуто: на глазахъ нашихъ. [7]) Зачеркнуто: на бокъ. [8]) Поворотиться было нѣкуда. [9]) Зачеркнуто: и гдѣ было.

голову заберется хмѣль[1]) и ноги начнуть писать покой-онъ-но. Дворъ былъ уставленъ весь чумацкими возами подъ повѣтками, въ ясляхъ, въ сѣняхъ иной свернувшись, какъ есть другой **растянувшись**[2]) храпѣли какъ коты **только шинкарь** одинъ нарѣзывалъ **на палочкѣ** передъ каганцемъ рубцами число **выпорожненныхъ**[3]) квартъ и осьмухъ. Дѣдъ **мой** спросивши треть ведра на троихъ отправился самъ **подъ** сарай всѣ трое легли рядомъ только **дѣдъ** неуспѣлъ повернуться какъ видитъ что его земляк(ки)[4]) спятъ уже мертвецкимъ сномъ росбудивши[5]) приставшаго къ нимъ третьяго козака. Дѣдъ напомнилъ ему проданное товарищу обѣщаніе тотъ привсталъ протеръ глаза и снова заснулъ. Нечего дѣлать пришлось одному караулить чтобы чемъ[6]) нибудь **занять себя обсмотрѣлъ** онъ возы всѣ, **навѣдался до** коней закурилъ люльку пришелъ назадъ и сѣлъ опять около своихъ[7]) все было тихо такъ что кажись ни одна муха не пролетѣла вотъ и[8]) чудится ему что изъ засосѣдняго воза что-то сѣрое[9]) показываетъ роги тутъ и глаза его начали[10]) смыкаться такъ что принужденъ

[1]) Должно: хмель. [2]) Наверху надписано: развернувшись, и далѣе зачеркнуто: подалѣе такую музыку начали. [3]) Надписано: сколько выпили. [4]) Далѣе зачеркнуто: уже. [5]) Нужно: разбудивши. [6]) Надо: чѣмъ. [7]) Зачеркнуто: только глав і то и д начали. [8]) Внизу зачеркнуто и поставлено наверху и: дѣду нашему. [9]) Внизу зачеркнуто: чорное. [10]) Далѣе зачеркнуто: такъ слѣплять.

дище... Дѣдъ вытаращилъ глаза, сколько могъ; но проклятая дремота все туманила передъ нимъ; **руки его окостенѣли,** голова скатилась, и крѣпкій сонъ схватилъ его такъ, что онъ повалился, словно убитый. Долго спалъ дѣдъ, и какъ припекло порядочно уже солнце его **выбритую** макушку, тогда только схватился онъ на ноги. Потянувшись раза два и почесавъ спину, замѣтилъ онъ, что возовъ стояло уже не такъ много, какъ съ вечера. Чумаки, видно, потянулись еще до свѣта. Къ своимъ—козакъ спитъ, а запорожца нѣтъ. Выспрашивать—никто знать не знаетъ: одна только верхняя свитка лежала **на томъ мѣстѣ**. **Страхъ и раздумье взяло дѣда.** Пошелъ посмотрѣть коней—ни своего, ни запорожскаго! Что-бъ это значило? Положимъ, запорожца взяла нечистая сила, **кто же** коней? **Сообразя все,** дѣдъ заключилъ, что, **вѣрно,** чортъ приходилъ пѣшкомъ, а какъ до пекла не близко, **то** и стянулъ его коня. Больно ему было крѣпко, что не сдержалъ козацкаго слова. «Ну», думаетъ, «нечего дѣлать, пойду пѣшкомъ: **авось попадется на дорогѣ какой нибудь барышникъ, ѣдущій съ ярмарки, какъ нибудь уже куплю коня».** Только хватился за шапку—и шапки нѣтъ. Всплеснулъ руками покойный дѣдъ, какъ вспомнилъ, что вчера еще **помѣнялись** они на время съ запорожцемъ. Кому больше утащить, какъ не нечистому! Вотъ тебѣ и гетьманскій **гостинецъ**! Вотъ тебѣ и привезъ грамоту къ царицѣ! Тутъ дѣдъ

онъ былъ ежеминутно протѣрать [1]) кулакомъ и промывать оставшейся водкой [2]) **промывалъ глаза онъ увидѣлъ что ничего нѣтъ. Наконецъ опять** [3]) мало погодя показывается изъ подъ воза чудище Дѣдъ вытаращилъ сколько могъ глаза но **дьявольская** [4]) дремота **обвѣвала передъ ними все туманомъ** голова скатилась и крѣпкій сонъ схватилъ его такъ что онъ повалился словно убитый. Долго спалъ Дѣдъ и какъ припекло порядочно уже солнце его оббритую макушку тогда только схватился на ноги потянувшись раза два и почесавъ спину замѣтилъ онъ что **уже** возовъ стояло не такъ много какъ съ вечера чумаки видно потянулись еще до свѣта. Изъ двоихъ козакъ спитъ, а запорожца нѣтъ выспрашивать— никто **слыхомъ не слыхалъ** и знать не **зналъ объ этомъ** одна только верхняя свитка лежала Пошелъ **посмотрѣть на** коней **запоржцевого ни своего духа не слышно нечего было думать** [5]) чтобы это значило Положимъ **что** нечис**тый взялъ** запорожца **но за что же** коней. Дѣдъ заключилъ что чортъ пѣшкомъ **и такъ какъ** до пекла **неслишкомъ** близко то утянулъ его коня [6]) больно ему было крѣпко что несдержалъ принялся угощать чорта такими прозвищами, что, думаю, ему не одинъ разъ чихалось тогда въ пеклѣ. Но бранью мало пособишь; а затылка сколько ни чесалъ дѣдъ, **никакъ** не могъ ничего придумать. Что дѣлать? Кинулся достать чужого ума! собралъ всѣхъ бывшихъ тогда въ шинкѣ, добрыхъ людей, чумаковъ и просто заѣзжихъ, и разсказалъ, что такъ и такъ, такое-то приключилось горе. Чумаки долго думали, **подперши батогами подбородки свои,** крутили головами и сказали, что не слышали такого дива на крещеномъ свѣтѣ, чтобы гетьманскую грамоту утащилъ чортъ. Другіе же прибавили, что когда чортъ да москаль украдутъ что нибудь, то поминай какъ и звали. Одинъ только шинкарь сидѣлъ молча въ углу. Дѣдъ и подступилъ къ нему. Ужъ когда молчитъ человѣкъ, то, вѣрно, зашибъ много умомъ. Только шинкарь не такъ-то былъ щедръ на слова, и если бы дѣдъ не полѣзъ въ карманъ за пятью злотыми, то простоялъ бы передъ нимъ **даромъ.**

«Я научу тебя, какъ найти грамоту», сказалъ онъ, отводя его въ сторону. У дѣда и на сердцѣ отлегло. «Я вижу уже по глазамъ, что ты козакъ—не баба. Смотри же! Близко шинка будетъ поворотъ направо въ лѣсъ. Только станетъ въ полѣ примеркать, чтобы ты былъ уже наготовѣ. Въ лѣсу живутъ цыганы и выходятъ изъ норъ своихъ **ковать желѣзо въ такую ночь,** въ какую однѣ

---

[1]) Нужно: протирать. [2]) Далѣе зачеркнуто: чуть только една. [3]) Надписано: Но наконецъ снова показывается. [4]) Внизу зачеркнуто: но руки его окостенѣли. [5]) Внизу зачеркнуто: Долго думалъ и дѣдъ думалъ все. [6]) Далѣе зачеркнуто: ну нѣчего дѣлать.

козацкаго слова [1]) **да ѣхать-то какъ безъ коня.** Ну думаетъ себѣ пойду пѣшкомъ **по дорогѣ встрѣчу гдѣ-нибудь цыганъ идущихъ изъ ярмарки на дорогѣ куплю себѣ гдѣ нибудь** только хватился за шапку—нѣтъ и шапки всплеснулъ руками покойный дѣдъ какъ вспомнилъ что вчера еще **обмѣнялись** на время съ запорожцемъ шапками Кому больше утащить какъ не нечистому вотъ тебѣ и гетьманскій **гонецъ!** вотъ тебѣ и привезъ грамоту къ царицѣ! тутъ Дѣдъ принялся угощать чорта такими прозвищами **и побранками,** что думаю ему неодинъ разъ чихалося тогда въ пеклѣ. Но бранью **не** пособишь а затылка сколько **не** чесалъ дѣдъ **и некакъ** не могъ придумать ничего, что **станешь** дѣлать кинулся достать чужого ума собралъ всѣхъ бывшихъ тогда въ шинкѣ добрыхъ людей чумаковъ и просто заѣзжихъ и расказалъ что такъ и такъ такое приключилось горе чумаки долго думали крутили головами [2]) **брались за чубъ кидали умъ наконецъ** [3]) сказали что неслышали такого дива накрещеномъ свѣтѣ чтобы [4]) Гетьманскую Грамоту утащилъ чортъ. Другіе же прибавили, что **ужь** [5]) когда чортъ да москаль украдутъ что нибудь то поминай **уже** какъ звали.

[1]) Далѣе зачеркнуто: ну нѣчего и ѣхать давно уже пора. [2]) Далѣе зачеркнуто: но не. [3]) Внизу зачеркнуто: только. [4]) Далѣе зачеркнуто: укра грамоту къ царицѣ царскую. [5]) Должно: ужъ.

вѣдьмы ѣздятъ на своихъ кочергахъ. Чѣмъ они промышляютъ на самомъ дѣлѣ, знать тебѣ нечего. Много будетъ стуку по лѣсу, только ты не иди въ тѣ стороны, откуда заслышишь стукъ; а будетъ передъ тобою малая дорожка, мимо обожженнаго дерева: дорожкою этою иди, иди, иди... Станетъ тебя терновникъ царапать, густой орѣшникъ **заслонять** дорогу — ты все иди; и какъ придешь къ небольшой рѣчкѣ, тогда только можешь остановиться. Тамъ и увидишь, кого нужно. Да не позабудь **набрать** въ карманы того, **для чего и карманы сдѣланы... Ты понимаешь, это добро и дьяволы, и люди любятъ».** Сказавши это, шинкарь ушелъ въ свою конуру и не хотѣлъ больше говорить ни слова.

Покойный дѣдъ былъ человѣкъ — **не то,** чтобы изъ трусли善ваго десятка; бывало, **встрѣтитъ волка, такъ и хватаетъ прямо за хвостъ; пройдетъ съ кулаками промежъ козаковъ,—всѣ, какъ груши, повалятся на землю.** Однакожъ, **что-то подирало его по кожѣ, когда** вступилъ онъ въ такую глухую ночь въ лѣсъ. Хоть бы звѣздочка на небѣ. Темно и глухо, какъ въ винномъ подвалѣ; только слышно было, что далеко-далеко вверху, надъ головою, холодный вѣтеръ гулялъ по верхушкамъ деревъ, и деревья, что **охмелѣвшія** козацкія головы, **разгульно** покачивались, шопоча листьями пьяную молвь. Какъ вотъ завѣяло такимъ холодомъ, что дѣдъ вспомнилъ и про овчинный ту-

Одинъ только шинкарь сидѣлъ молча въ углу [1]) Дѣдъ [2]) и подступилъ къ нему ужъ когда молчитъ человѣкъ то вѣрно заширъ много умомъ! Только шинкарь нетакъ то былъ щедръ на слова и если бы Дѣдъ не полѣзъ въ карманъ за пятью злотыми то **молча и до вечера** простоялъ бы передъ нимъ. «Я научу тебя какъ найти грамоту сказалъ онъ отводя **дѣда** въ сторону. У дѣда и на сердцѣ отлегло. Я вижу уже по глазамъ что ты козакъ — не баба. Смотри-же! близко шинка будетъ поворотъ на право, въ лѣсъ только станетъ въ полѣ примеркать чтобъ ты былъ уже наготовѣ въ лѣсу живутъ цыгане и только [3]) выходятъ они изъ норъ своихъ **въ какую вѣдьмы ѣздятъ на своихъ кочергахъ и куютъ желѣзо.** Чемъ [4]) они промышляютъ на самомъ дѣлѣ знать тебѣ нѣчего [5]). Много будетъ стуку по лѣсу только ты не иди въ тѣ стороны откуда стукъ заслышишь [6]) а будетъ передъ тобою малая дорожка мимо обожженнаго дерева дорожкой этой иди иди и иди станетъ терновникъ тебя царапать густой орѣшникъ **станетъ мѣшать тебѣ** ты все иди. И какъ придешь къ небольшой рѣчкѣ тогда только можешь остановиться. Тамъ и увидишь **ты** кого **тебѣ** нужно [7]) не позалупъ свой, и вдругъ словно сто **молотовъ застучало** по лѣсу такимъ стукомъ, что у **него** зазвенѣло **въ головѣ.** И, **будто** зарницею, освѣтило на минуту весь лѣсъ. Дѣдъ **тотчасъ** увидѣлъ дорожку, пробиравшуюся промежъ мелкаго кустарника. Вотъ и обожженное дерево, и кусты терновника! Такъ, все такъ, какъ было ему говорено; нѣтъ, не обманулъ шинкарь. **Однакожъ,** не **совсѣмъ** весело было продираться черезъ колючіе кусты; еще отъ роду не видалъ онъ, чтобы проклятые шипы и сучья такъ больно царапались: почти на каждомъ шагу забирало его вскрикнуть. Мало-по-малу, выбрался онъ на просторное мѣсто, и, сколько могъ замѣтить, деревья рѣдѣли и становились, чѣмъ далѣе, такія широкія, какихъ дѣдъ не видывалъ и по ту сторону Польши. Глядь, **между** деревьями мелькнула и рѣчка, черная, словно вороненая сталь. Долго стоялъ дѣдъ у берега, **посматривая** на всѣ стороны. На другомъ берегу горитъ огонь и, кажется, **вотъ-вотъ готовится погаснуть, и снова отсвѣчивается въ рѣчкѣ, вздрагивавшей, какъ польскій шляхтичъ въ козачьихъ лапахъ. Вотъ и мостикъ! «Ну, тутъ одна только чертовская таратайка развѣ проѣдетъ».** Дѣдъ, **однакожъ,** ступилъ смѣло, и скорѣе, чѣмъ бы иной успѣлъ достать рожокъ понюхать табаку, былъ уже на другомъ берегу. **Теперь** только разглядѣлъ онъ, что возлѣ огня сидѣли люди и такія **смазливыя** рожи, что въ другое время, Богъ

[1]) Далѣе зачеркнуто: и хоть бы слово на всѣ разсказы. [2]) Далѣе зачеркнуто: тотчасъ и по думалъ. [3]) Внизу зачеркнуто: въ самую глубокую ночь. [4]) Надо: чѣмъ. [5]) Надо: нечего. [6]) Внизу зачеркнуто: слышенъ будетъ. [7]) Далѣе зачеркнуто: только не позабудь только набрать.

будь[1]) **накласть себѣ** въ карманы того **что позвонче брянчало.** Сказавши это шинкарь ушелъ въ свою кануру **словно его въ шею погнало** и не хотѣлъ болѣе не говорить ни слова. Покойный Дѣдъ былъ **нельзя сказать** чтобы изъ трусливаго десятка... **Одинъ бывало иной разъ выходилъ на медведя**[2]) **а подчасъ и пяти человѣкъ умять ему было живѣе какъ нашему брату отпѣть воскресный кондакъ но все** жъ однако жъ **почувствовалъ непонятную дрожь по всѣмъ членамъ какъ** вступалъ въ **темную** глухую ночь въ лѣсъ Хоть бы звѣздочка на небѣ. Темно и глухо какъ въ винномъ подвалѣ Только слышно было что далеко далеко въверху[3]) надъ головою холодный вѣтеръ по верхушкамъ деревьевъ гулялъ и **они**[4]) что **подгулявшіе**[5]) козацкіе головы покачивались шопоча листьями пьяную молвь какъ вотъ завѣяло такимъ холодомъ что вспомнилъ про овчинный тулупъ свой и вдругъ словно сто молотовъ застучали **такъ по всему** по лѣсу[6]) такимъ стукомъ что **у дѣда** зазвенѣло **въ ушахъ** и **такъ какъ бы вамъ сказать** зарницей освѣтило на минуту весь лѣсъ. Дѣдъ увидѣлъ тотчасъ дорожку **словно змѣйка** пробиравшуюся промѣжъ[7]) мѣл-

[1]) Далѣе зачеркнуто: взять съ собою. [2]) Надо: медвѣдя. [3]) Надо: вверху. [4]) Зачеркнуто внизу: деревья. [5]) Зачеркнуто внизу: опьянѣвшіе. Надо: подгулявшія козацкія. [6]) Надписано наверху и зачеркнуто: по всѣмъ угламъ. [7]) Надо: промежъ.

знаетъ, чего бы не далъ, лишь бы ускользнуть отъ этого знакомства. **Но** теперь, нечего дѣлать, нужно было завязаться. Вотъ дѣдъ и отвѣсилъ имъ поклонъ, мало не въ поясъ: «Помогай Богъ вамъ, добрые люди!» Хоть бы одинъ кивнулъ головой: сидятъ да молчатъ, да что-то сыплютъ въ огонь. Видя одно мѣсто незанятымъ, дѣдъ безъ всякихъ околичностей **сѣлъ** и самъ. **Смазливыя рожи**—ничего; ничего и дѣдъ. Долго сидѣли молча. Дѣду уже и прискучило; давай шарить въ карманѣ, вынулъ люльку, посмотрѣлъ вокругъ—ни одинъ не глядитъ на него. «Уже, добродѣйство, будьте ласковы: какъ бы такъ, чтобы, примѣрно сказать, того»... (дѣдъ живалъ въ свѣтѣ немало, зналъ уже, какъ подпускать турусы, и **при случаѣ, пожалуй,** и передъ царемъ не ударилъ бы лицомъ въ грязь) «чтобы, **примѣрно сказать,** и себя не забыть, да и васъ не обидѣть,—люлька-то у меня есть, да того, чѣмъ бы зажечь ее, **чортъ-ма** (не имѣется)». И на эту рѣчь хоть бы слово; только одна рожа сунула горячую головню **прямехонько** дѣду въ лобъ, такъ что, если бы **онъ немного не посторонился,** то, статься-можетъ, распрощался бы навѣки съ однимъ глазомъ. Видя, наконецъ, что время даромъ проходитъ, рѣшился—будетъ **ли** слушать нечистое племя, или нѣтъ—разсказать дѣло. Рожи и уши наставили, и лапы протянули. Дѣдъ догадался, забралъ въ горсть всѣ бывшія съ нимъ деньги и кинулъ,

кихъ [1]) кустарниковъ вотъ и обожженное дерево и кусты терновника такъ, все такъ какъ было ему говорено Нѣтъ не обманулъ шинкарь **Неслишкомъ весело** было однако же ему продираться черезъ колючія [2]) кусты еще **такихъ отродясь** не видывалъ онъ чтобъ проклятые шипы и сучья такъ больно царапались Почти на каждомъ шагу забирало его вскрикнуть [3]).... **И думаю самъ нечистый [4]) поджавши хвость побѣжалъ бы какъ собачка когда увидѣлъ [5]) бъ тогда дѣдову рожу.** Мало по малу выбрался онъ на просторное мѣсто и сколько могъ онъ замѣтить деревья рѣдѣли и становились чѣмъ далѣе такіе широкіе [6]) какихъ дѣдъ не видывалъ и по ту сторону Польши. **Чудно ему показалось когда вмѣсто листьевъ стали виднѣться жидовскіе [7]) ермолки и словно вороны чернѣли посереди ночи** глядь **предъ** деревьями мелькнула и рѣчка словно вороненая сталь [8]) долго стоялъ Дѣдъ у берега **поглядѣлъ** на всѣ стороны **какъ вотъ замѣтилъ на** другомъ берегу огонь **который** казалось **каждую минуту [9]) хотѣлъ** погаснуть и **вспыхивалъ снова показывая личину свою въ рѣчкѣ дрожавшей какъ польская шляхта въ [10]) московскихъ лапахъ.**

[1]) Надо: мелкихъ. [2]) Надо: колючіе. [3]) Зачеркнуто внизу: заставляло его вскрикнуть. [4]) Далѣе зачеркнуто: далъ бы тягу. [5]) Далѣе зачеркнуто: если бы. [6]) Надо: такія широкія. [7]) Надо: жидовскія. [8]) Далѣе зачеркнуто: призадумался Дѣдъ стоя у берега. [9]) Далѣе зачеркнуто: дума, надписано: готовился. [10]) Далѣе зачеркнуто: татарскихъ.

словно собакамъ, имъ въ середину. Какъ только кинулъ онъ деньги, все передъ нимъ перемѣшалось, земля задрожала и какъ уже,—онъ и самъ разсказать не умѣлъ,- попалъ чуть ли не въ самое пекло. «Батюшки мои!» ахнулъ дѣдъ, разглядѣвши хорошенько. Что за чудища! рожи на рожѣ, какъ говорится, не видно. Вѣдьмъ такая гибель, какъ случается иногда на Рождество **выпадетъ** снѣгу: разряжены, размазаны, словно панночки на ярмаркѣ. И всѣ, сколько ни было ихъ тамъ, какъ хмельныя, отплясывали какого-то чертовскаго трепака. Пыль подняли, Боже упаси, какую! Дрожь **бы** проняла крещенаго человѣка при **одномъ** видѣ, какъ высоко скакало бѣсовское племя. На дѣда, несмотря на весь страхъ, смѣхъ напалъ, когда увидѣлъ, какъ черти съ собачьими мордами, на нѣмецкихъ ножкахъ, вертя хвостами, увивались около вѣдьмъ, будто парни около красныхъ дѣвушекъ, а музыканты тузили себя въ щеки кулаками, словно въ бубны, и свистали носами, какъ валторны. Только завидѣли дѣда — и турнули къ нему ордою. Свиныя, собачьи, козлиныя, дрофиныя, лошадиныя рыла—всѣ повытягивались, и вотъ такъ и лѣзутъ цѣловаться. Плюнулъ дѣдъ, такая мерзость напала! Наконецъ, схватили его и посадили за столъ, длиною, можетъ, съ дорогу отъ Конотопа до **Батурина.** «Ну, это еще не совсѣмъ худо», подумалъ дѣдъ, завидѣвши на столѣ свинину, колбасы, **крошеный** съ капустой **лукъ** и много всякихъ

Прошедши далѣе по берегу увидѣлъ онъ мостокъ но такой узкой и дырявой что одна чертовская таратайка могла по немъ проѣхать.

Дѣдъ ступилъ смѣло и скорѣе чѣмъ иной [1]) успѣлъ бы достать рожокъ **и** понюхать табаку былъ уже на другомъ берегу. **Тутъ** только разглядѣлъ **дѣдъ** что возлѣ огня сидѣли люди и такіе **красивые** [2]) рожи что [3]) въ другое время и богъ знаетъ чего не далъ бы лишь бы [4]) **улепетнуть** отъ такого знакомства **Ну** теперь нечего дѣлать нужно было завязаться вотъ дѣдъ и отвѣсилъ поклонъ мало не въ поясъ «Помогай Богъ вамъ добрые люди! Хоть бы одинъ кивнулъ головой сидятъ да молчатъ да сыплютъ что-то въ огонь видя одно мѣсто незанятымъ [5]) дѣдъ безъ всякихъ околичностей **усѣлся** [6]) и самъ **Сперва почти** ничего ничего и Дѣдъ. Долго сидѣли молча **такъ что** Дѣду уже и наскучило давай шарить [7]) въ карманѣ **вынялъ** [8]) люльку **наклалъ табаку** посмотрѣлъ вокругъ ни одинъ не глядитъ на него «Уже добродѣйство будьте ласковы какъ бы такъ чтобы примѣрно сказать того Дѣдъ живалъ въ свѣтѣ не мало зналъ ужо какъ подпускать турусу и передъ царемъ неударилъ бы лицемъ въ грязь! что-сладостей: «видно, дьявольская сволочь **не держитъ постовъ**». Дѣдъ-таки, не **мѣшаетъ** вамъ знать, не упускалъ при случаѣ **перехватить того-сего на зубы. Ѣдалъ, покойникъ, аппетитно, и потому,** не пускаясь **въ разсказы,** придвинулъ къ себѣ миску съ нарѣзаннымъ саломъ и окорокъ ветчины, взялъ вилку, **мало чѣмъ поменьше тѣхъ вилъ, которыми мужикъ беретъ сѣно,** захватилъ ею самый увѣсистый кусокъ, подставилъ **корку** хлѣба—и, глядь, **и** отправилъ въ чужой ротъ, вотъ-вотъ возлѣ самыхъ ушей, и слышно даже, какъ чья-то морда жуетъ и щелкаетъ зубами на весь столъ. Дѣдъ ничего; схватилъ другой кусокъ и вотъ, кажись, и **по губамъ зацѣпилъ,** только опять не въ **свое горло.** Въ третій разъ—снова **мимо.** Взбеленился дѣдъ: позабылъ и страхъ, и въ чьихъ лапахъ находится онъ, прискочилъ къ вѣдьмамъ: «Что вы, Иродово племя, задумали смѣяться, что ли, надо мною? Если не отдадите сей же часъ моей козацкой шапки, то будь я **католикъ, когда не переворочу свиныхъ рылъ вашихъ** на затылокъ!» Не успѣлъ онъ докончить **послѣднихъ словъ,** какъ всѣ чудища выскалили зубы и подняли такой смѣхъ, что у дѣда на душѣ захолонуло.

«Ладно!» провизжала одна изъ вѣдьмъ, которую дѣдъ почелъ за **старшую** надъ всѣми, потому **личина у нея была чуть ли еще не красивѣе всѣхъ:** «шапку отдадимъ тебѣ, только не прежде, пока сыграешь съ нами три раза въ дурня!»

[1]) Снизу зачеркнуто: бы нашъ. [2]) Надо: такія красивыя. [3]) Далѣе зачеркнуто: дѣдъ. [4]) Снизу зачеркнуто: чтобы только, а впереди надо Богъ вмѣсто богъ. [5]) Далѣе зачеркнуто: около огня. [6]) Внизу написано: сѣлъ. [7]) Внизу зачеркнуто: полѣзъ въ карманъ. [8]) Надо: вынулъ.

бы **какъ говорятъ** и себя не забыть да и васъ не обидѣть. Люлька то у меня **примѣрно** есть да того чемъ [1]) бы [2]) зажечь ее *чортъ та»*. И на эту рѣчь **ни одинъ не отозвался** только одна рожа сунула горячую головню Дѣду [3]) **чуть чуть** въ лобъ такъ что если бы **не вздумалъ дѣдъ немного посторониться** то статься можетъ **что** распрощался бы навѣки съ однимъ глазомъ. Видя наконецъ что время даромъ проходитъ рѣшился, будетъ слушать или нѣтъ нечистое племя — росказать дѣло Рожи и уши наставили и лапы **вытянули**. Дѣдъ догадался забралъ въ горсть бывшіе [4]) съ нимъ деньги и кинулъ имъ словно собакамъ въ середину Какъ только кинулъ онъ деньги все передъ нимъ перемѣнилось земля подъ нимъ задрожала и какъ уже онъ и самъ росказать не умѣлъ только попалъ чуть ли не въ самое пекло Батюшки мои Ахнулъ Дѣдъ разглядѣвъ хорошенько.—Что̀ за чудици [5])! Рожи на рожѣ какъ говорится не видно. Вѣдьмъ такая гибель какъ бываетъ [6]) на Рождествѣ иногда **выпадать** снѣгу розряжены розмазаны словно панночки на ярмаркѣ. Когда увидѣлъ какъ черти съ собачьими мордами на нѣмецкихъ ножкахъ увивались около нихъ словно парни возлѣ красныхъ дѣвокъ... И всѣ сколько не было ихъ **тамъ словно** хмельные отплясывали какого-то чер-

[1]) Надо: чѣмъ. [2]) Далѣе зачеркнуто: запали; слово не окончено. [3]) Далѣе зачеркнуто: прямехонько. [4]) Надо: бывшія. [5]) Надо: чудища. [6]) Надписано: **случается**; зачеркнуто: иногда.

Что̀ прикажешь дѣлать? Козаку сѣсть **съ бабами въ дурня!** Дѣдъ отпираться, отпираться, наконецъ сѣлъ. Принесли карты, замасленныя, какими только у насъ поповны гадаютъ про жениховъ.

«Слушай же!» залаяла вѣдьма въ другой разъ: «если хоть разъ выиграешь—твоя шапка; когда же всѣ три раза останешься дурнемъ, то не **прогнѣвайся**, не только шапки, можетъ, и свѣта больше **не увидишь!»**

«Сдавай, сдавай, **хрычовка! Что будетъ, то будетъ».**

Вотъ и карты розданы. Взялъ дѣдъ свои въ руки—смотрѣть не хочется, такая дрянь: хоть бы на смѣхъ одинъ козырь. Изъ масти десятка самая старшая, паръ даже нѣтъ; а вѣдьма все подваливаетъ пятериками. **Пришлось остаться** дурнемъ! Только что дѣдъ успѣлъ остаться дурнемъ, и со всѣхъ сторонъ заржали, залаяли, захрюкали морды: «дурень, дурень, дурень!»

«Чтобъ вы перелопались, дьявольское племя!» закричалъ дѣдъ, затыкая пальцами себѣ уши. «Ну», думаетъ, «вѣдьма подтасовала, теперь я самъ буду сдавать». Сдалъ; засвѣтилъ козыря; поглядѣлъ въ карты: масть хоть куда, козыри есть. И **сначала** дѣло шло, какъ нельзя лучше; только вѣдьма—пятерикъ съ королями! У дѣда на рукахъ одни козыри! Не думая, не гадая долго, хвать королей всѣхъ по усамъ козырями!

«Ге, ге! да это не по-казацки! А чѣмъ ты кроешь, землякъ?»

«Какъ—чѣмъ? Ковырями?»

товскаго тропака пыль подняли Боже упаси какую Дрожь проняла крещенаго [1]) человѣка при видѣ какъ высоко скакало бѣсовское племя а музыку колотили себѣ въ щеки кулаками словно въ бубны и свистали носами какъ въ волторны. Только завидѣли Дѣда и турнули къ нему ордою. Свинные собачьи козлиные дрофиные лошадиные [2]) рыла всѣ повытягивались и вотъ таки лѣзутъ цѣловаться... Плюнулъ Дѣдъ такая мерзость напала! Наконецъ схватили и посадили Дѣда за столъ длиною можетъ съ дорогу отъ Конотопа до **самого Нѣжина**. Ну это не совсѣмъ худо подумалъ дѣдъ завидѣвши на столѣ свинину колбасу крашенную съ капустой **цыбулю** и много всякихъ сластей видно дьявольская сволочь не **любитъ сухарей грызть черствыхъ.** Дѣдъ таки **нужно** знать [3]) не упускалъ при случаѣ **хорошенько** [4]) **подъѣсть.**

Не **распускаясь на слова и росказни** придвинулъ **онъ** къ себѣ миску съ нарѣзаннымъ саломъ и окорокъ ветчины взялъ [5]) **вилку на которой можетъ быть черти жарили грѣшниковъ** захватилъ ею самый увѣсистый кусокъ подставилъ кусокъ хлѣба и [6]) глядь отправилъ **его** въ чужой «Можетъ быть, по-вашему это и козыри, только по-нашему—нѣтъ!»

Глядь—въ самомъ дѣлѣ простая масть. **Что за** дьявольщина! Пришлось въ другой разъ быть дурнемъ, и чертаньё пошло снова драть горло: «дурень! дурень!» такъ что столъ дрожалъ, и карты прыгали по столу. Дѣдъ **разгорячился**: сдалъ въ послѣдній. Опять идетъ ладно. Вѣдьма опять пятерикъ; дѣдъ покрылъ и **набралъ** изъ колоды полную руку козырей.

«Козырь!» **вскричалъ онъ,** ударивъ по столу картою такъ, что ее свернуло коробомъ; та, не говоря ни слова, покрыла восьмеркою масти. «А чѣмъ ты, **старый дьяволъ,** бьешь?» Вѣдьма подняла карту; подъ нею была простая шестерка. «**Вишь, бѣсовское обморачиванье!**» сказалъ дѣдъ и съ досады **хватилъ кулакомъ, что силы, по столу.** Къ счастью еще, что у вѣдьмы была плохая масть; у дѣда, какъ нарочно, на ту пору пары. Сталъ набирать карты изъ колоды, **только мочи нѣтъ;** дрянь такая лѣзетъ, что дѣдъ и руки опустилъ. Въ колодѣ ни одной карты. Пошелъ, **уже такъ, не глядя,** простою шестеркою; вѣдьма приняла. «**Вотъ тебѣ на! это что? Э, э! вѣрно, что нибудь да не такъ!**» Вотъ, дѣдъ карты потихоньку подъ столъ и перекрестилъ; глядь—у него на рукахъ тузъ, король, валетъ козырей, а онъ вмѣсто шестерки спустилъ кралю. «Ну, **дурень же я былъ!** Король козырей! **Что! приняла? А? кошечье отродье! А туза не хочешь?** Тузъ!

---

[1]) Внизу зачеркнуто: всякаго когда бы увидалъ. Въ печатномъ контекстѣ переставлены фразы. [2]) Въ согласованіи вездѣ нужно я: лошадиныя, дрофиныя и т. д. [3]) Далѣе зачеркнуто: любилъ поѣсть. [4]) Надъ строкой надписано и зачеркнуто: нѣтъ немного. [5]) Внизу зачеркнуто: ухватилъ. [6]) Далѣе зачеркнуто: кажись прямо отправилъ его туда куда и нужно, только.

ротъ вотъ вотъ возлѣ самыхъ ушей и слышно даже **что** чья-то морда жуетъ и **скрежещетъ** зубами на весь столъ. Дѣдъ ничего схватилъ другой кусокъ и вотъ кажись и **по зубамъ помазалъ** только опять въ [1]) не свой ротъ [2]) въ третій разъ снова **начего** а **отъ колбасъ какъ нарочоно такой запахъ поднялся по всему столу какого дѣдъ какъ послѣ того самъ божился не нюхалъ никогда на бѣломъ свѣтѣ. Дѣда схватило** взбелѣнился [3]) Дѣдъ такъ что позабылъ и страхъ весь и въ чьихъ лапахъ находится. Прискочилъ къ вѣдьмамъ «что вы иродово племя задумали смѣяться что ли надо мною. Если **вы** не отдадите сейчасъ же **козацкой шапки моей** то будь я **Собачій сынъ если не посвертаю всѣмъ вамъ шеи и не поворочу правильнѣй рожъ вашихъ на затылокъ** Неуспѣлъ онъ кончить какъ всѣ хари [4]) выскалили зубы и подняли такой **адскій** смѣхъ что **дѣда захолонуло на душѣ вотъ такъ точно если подольетъ воды въ молодые** [5]) **дрожжи или разожжетъ какъ огонь желѣзо и послѣ кинетъ въ воду. Адское шипѣніе поднялось по всему пеклу.** «Ладно провизжала одна вѣдьма [6]) **Дѣдъ почелъ заглавную потому что сто харь были уже чуть ли не мерзѣе всѣхъ** Шапку отдадимъ тебѣ только не прежде **покамѣстъ не** сыгра-
ваетъ!»... Громъ пошелъ по пеклу; на вѣдьму напали корчи, и, откуда ни возьмись, шапка бухъ дѣду прямехонько въ лицо. «Нѣтъ, этого мало!» закричалъ дѣдъ, прихрабрившись и надѣвъ шапку. «Если сейчасъ не станетъ передо мною молодецкій конь мой, то вотъ, убей меня громъ на этомъ **самомъ нечистомъ** мѣстѣ, **когда** я не перекрещу святымъ крестомъ всѣхъ **васъ!» и уже было и руку поднялъ, какъ вдругъ за**гремѣли передъ нимъ конскія кости.

«Вотъ тебѣ конь твой!»

Заплакалъ **бѣдняга, глядя на нихъ,** что дитя неразумное. Жаль стараго товарища! «Дайте же мнѣ какого нибудь коня, выбраться изъ гнѣзда вашего!» Чортъ хлопнулъ арапникомъ — конь, какъ огонь, взвился **подъ** нимъ, и, дѣдъ, что птица, вынесся наверхъ.

Страхъ однакожъ напалъ на него посереди дороги, когда конь, не слушаясь ни крику, ни поводовъ, скакалъ черезъ провалы и болота. Въ какихъ мѣстахъ онъ не былъ, такъ дрожь **забирала** при однихъ разсказахъ. **Глянулъ какъ-то себѣ подъ ноги** и **пуще перепугался: пропасть! крутизна страшная!** А сатанинскому животному и нужды нѣтъ: прямо черезъ нее. Дѣдъ держаться: не тутъ-то было. Черезъ пни, черезъ кочки полетѣлъ стремглавъ въ провалъ и такъ хватился на днѣ его о землю, что, кажись, и духъ вышибло. По крайней мѣрѣ, что дѣялось съ нимъ **въ то время,** ничего не помнилъ; и какъ очнулся не-

[1]) Далѣе зачеркнуто: въ чужой ротъ. [2]) Далѣе зачеркнуто: Досадно. [3]) Нужно: взбеленился. [4]) Надписано: чудища. [5]) Нужно: молодыя. [6]) Далѣе зачеркнуто: глядя на которую можно.

ешь съ **нами** три раза **въ** дур-ни». Что прикажешь дѣлать сѣсть казаку съ бабами въ дурни. Дѣдъ отпираться отпираться **А** наконецъ сѣлъ принесли карты **только такіе** замасленные [1]) какими у насъ поповны гадаютъ про жениховъ своихъ. Слушай же залаяла вѣдьма въ другой разъ если хотя разъ выиграешь твоя шапка когда жъ всѣ три раза останешься дурнемъ тогда не **погнѣвайся** не только не видѣть тебѣ **ее да можетъ статься и свѣту больше** сдавай сдавай **Старая вѣдьма послѣ ужъ увидимъ** вотъ и карты розданы взялъ дѣдъ въ свои руки смотрѣть не хочется такая дрянь хоть бы на смѣхъ козырь изъ масти самая старшая девятка паръ даже нѣтъ, а вѣдьма все подваливаетъ пятериками. **Что прикажешь дѣлать остался** дурнемъ только что дѣдъ успѣлъ остаться дурнемъ и со всѣхъ сторонъ заржали, залаяли, захрюкали морды дурень! дурень! Чтобъ вы перелопались дьявольское племя закричалъ дѣдъ затыкая пальцами себѣ уши Ну **же** вѣдьма подтасовала теперь я самъ буду здавать здалъ [2]), засвѣтилъ козыря поглядѣлъ въ карты масть хоть куда козыри есть и дѣло шло **кажись** какъ [3]) нельзя лучше [4]) **карты въ колодѣ оставалось уже немного** только вѣдьма пятерикъ съ кого и осмотрѣлся, то уже разсвѣло совсѣмъ: передъ нимъ мелькали знакомыя мѣста, и онъ лежалъ на крышѣ своей же хаты.

Перекрестился дѣдъ, когда слѣзъ долой. Экая чертовщина! **Что за пропасть, какія съ человѣкомъ чудеса дѣлаются!** Глядь на руки — всѣ въ крови; посмотрѣлъ на стоявшую **торчмя** бочку **съ** водою—и лицо также. Обмывшись хорошенько, чтобы не испугать дѣтей, входитъ онъ потихоньку въ хату, смотритъ: дѣти пятятся къ нему задомъ и въ испугѣ указываютъ ему пальцами, говоря: «Дывысь! дывысь маты, **мовъ** дурна, скаче!» [1]) И въ самомъ дѣлѣ баба сидитъ, заснувши передъ гребнемъ, держитъ въ рукахъ веретено и сонная подпрыгиваетъ на лавкѣ. Дѣдъ, **взявши** за руку **потихоньку,** разбудилъ ее: «Здравствуй, жена! здорова ли ты?». Та долго смотрѣла, выпучивши глаза, **и,** наконецъ, уже узнала дѣда и разсказала, какъ ей снилось, **что** печь ѣздила по хатѣ, выгоняя вонъ лопатою горшки, лоханки... **и,** чортъ знаетъ, что̀ еще такое. «Ну», говоритъ дѣдъ, «тебѣ во снѣ, мнѣ наяву. Нужно, **вижу,** будетъ освятить **нашу** хату; мнѣ же теперь мѣшкать нечего». Сказавши это и отдохнувши немного, дѣдъ досталъ коня и уже не останавливался ни днемъ, ни ночью, пока не доѣхалъ до мѣста и не отдалъ грамоты самой царицѣ. Тамъ **наглядѣлся** дѣдъ такихъ дивъ, что ста**ло** ему на-

[1]) Надо: такія замасленныя. Затѣмъ фраза: какими поповны и т. д., повторяется два раза. [2]) Надо: сдавать — сдалъ. [3]) Далѣе зачеркнуто: нужно. [4]) Далѣе зачеркнуто: только вѣдьма.

[1]) Смотри! смотри! мать, какъ сумасшедшая, скачетъ!

ролями у Дѣда на рукахъ одни козыри не думая не гадая долго хвать королей по усамъ всѣхъ козырями. Ге! Ге! да это не по казацкому [1]), а чемъ [2]) ты кроешь землякъ [3]). Какъ чѣмъ? козырями. Можетъ по-вашему это и козыри только, по-нашему нѣтъ! Глядь въ самомъ дѣлѣ простая масть. Тфу дьявольщина! Пришлось въ другой разъ быть дурнемъ. И пошло чертанье драть горло Дурень! дурень! **такимъ крикомъ** что столъ дрожалъ и карты прыгали по столу. Дѣдъ **началъ горячиться** здалъ [4]) въ послѣднiй опять идетъ ладно вѣдьма опять пятерикъ Дѣдъ покрылъ и **собралъ** изъ колоды полную руку козырей «Козырь **воскликнулъ** ударивъ [5]) картою по столу такъ что ее [6]) свернуло коробомъ не говоря ни слова покрыла восьмеркою масти **а чемъ** [7]) **хрычовка** [8]) **черти бъ позабирали всю твою родню бьешь вѣдьма** подняла карту подъ ней была простая шестерка **масти. Что за дьяволъ? повторилъ Дѣдъ нѣсколько разъ плюнувши.** Къ щастью еще что у вѣдьмы **на ту пору** была [9]) плохая масть у дѣда **случились** пары сталъ набирать **всѣ** карты изъ колоды **только опять нѣтъ дрянь** такая лѣзетъ что дѣдъ долго послѣ того разсказывать: какъ повели его въ палаты, такiя **высокiя,** что если бы хать десять поставить одну **на** другую, и **тогда, можетъ быть, не достало бы;** какъ **взглянулъ** онъ въ одну комнату—нѣтъ; въ другую— нѣтъ; въ третью—**еще** нѣтъ; въ четвертой даже нѣтъ; да въ пятой уже, глядь—сидитъ сама, въ золотой коронѣ, въ сѣрой новехонькой свиткѣ, въ красныхъ сапогахъ. и золотыя галушки ѣсть; какъ велѣла ему **насыпать** цѣлую шапку с и н и ц а м и; какъ... всего **и** вспомнить нельзя! Объ вознѣ своей съ чертями дѣдъ и думать позабылъ, **и если случалось, что кто нибудь и напоминалъ объ этомъ, то дѣдъ молчалъ, какъ будто не до него и дѣло шло, и великаго стоило труда упросить его пересказать все, какъ было.** И, видно, уже въ наказанiе, что не спохватился тотчасъ послѣ того освятить хату, бабѣ ровно черезъ каждый годъ, и именно въ то самое время, **дѣлалось** такое диво, что танцуется, бывало, да и только. За что ни примется, ноги затѣваютъ свое, и вотъ такъ и дергаетъ пуститься въ-присядку.

[1]) Надо: казацки. [2]) Надо: чѣмъ. [3]) Внизу зачеркнуто: Можетъ по вашему это и козыри только, но по нашему нѣтъ! [4]) Надо: сдалъ. [5]) Далѣе зачеркнуто: кулакомъ. [6]) Внизу зачеркнуто: карту. [7]) Надо: чѣмъ. [8]) Внизу зачеркнуто: ты старая вѣдьма. [9]) Далѣе зачеркнуто: дрянь неважная, а впереди вмѣсто слова—щастью, надо—счастью.

и руки опустилъ въ колодѣ ни одной карты пошелъ простою шестеркою вѣдьма приняла [1]) **Чтобы это значило Э! Э! смекнулъ дѣдъ** карты потихоньку подъ столомъ и перекрестилъ ихъ глядь на рукахъ у него тузъ король и валетъ козырей и онъ впустилъ вмѣсто шестерки кралю [2]). Ну **хорошо же:** «король козырей! тузъ **козырей!** валѣтъ [3])...» Громъ пошелъ **такой** по пеклу на вѣдьму напали корчи и откуда и возьмись. Бухъ шапку дѣду прямехонько въ лице [4]). Нѣтъ этого **еще** мало закричалъ прихрабившись и надѣвъ шапку Дѣдъ если неcтанетъ передо мною сейчасъ же [5]) молодецкой конь мой то вотъ убей меня громъ на этомъ мѣстѣ, **если** я не перекрещу святымъ крестомъ всѣхъ. Тогда онѣ «вотъ тебѣ конь твой» [6]) загремѣли передъ нимъ конскія кости заплакалъ **дѣдъ при видѣ** [7]) **на нихъ,** что дитя неразумное. Жаль стараго товарища. «Дайте жъ мнѣ какого-нибудь **другого** коня **скорѣе** выбраться изъ вашего **чертовскаго** гнѣзда... Чортъ хлопнулъ арапникомъ конь какъ огонь взвился **передъ** нимъ дѣдъ, что птица понесся наверхъ.

Страхъ однако жъ напалъ на **его** [8]) посреди дороги когда конь не слушался **его** ни окрику ни **поводней** [9]) скакалъ черезъ

---

[1]) Далѣе зачеркнуто: вотъ тебѣ на! [2]) Далѣе зачеркнуто: Ну еще хорошо. [3]) Надо: валетъ. [4]) Зачеркнуто внизу: рожу. [5]) Зачеркнуто внизу: здѣсь же. [6]) Далѣе зачеркнуто: и товарища. [7]) Стилистическая неправильность: при взглядѣ на или при видѣ ихъ. [8]) Надо: него. [9]) Надо: поводовъ.

провалы и болота въ какихъ уже мѣстахъ онъ былъ такъ дрожь брала при однихъ расказахъ. Кручи рытвины косогоры пропасти буераки волки ястрепа [1]) цапли кажись все передъ синѣло куталось и дразнило его языками.

Деревья протягивали вѣтви и хватали его за шапку такъ что дѣдъ принужденъ былъ снять ее и держать въ рукахъ, ухватясь другою за гриву, а проклятые [2]) вѣтви видно нарочно между тѣмъ щелкали его по носу и драли за чубъ, но досаднѣе всего показалось и дѣду, что смотрѣть дрянь какой кустикъ и тожъ смотри вытягивается ухватить его за чубъ. Небо все еще чернѣло, что казацкіе [3]) брови, гдѣ-то мерещились звѣзды [4]). Повѣялъ вѣтерокъ Ну слава Вогу немного до разсвѣту Только дѣдъ примѣчаетъ конь его еще прихрамываетъ Глядь вмѣсто ушей торчатъ рога смекнулъ дѣдъ ни кто другой какъ самъ хромой чертъ подъ нимъ Ну, ну, думаетъ теперь онъ не быть добру только не успѣлъ онъ и шагнуть передъ нимъ провалъ такой, что голова закружилась. Сатанинское животное прямо черезъ него [5]) Дѣдъ держитъ его. Не тутъ-то было и черезъ пни и кочки полетѣлъ въ провалъ и такъ хватился о землю что кажись духъ вышибло. По крайней мѣрѣ, что дѣялось съ нимъ

---

[1]) Вмѣсто: ястреба. [2]) Надо: проклятыя. [3]) Надо: казацкія. [4]) Далѣе зачеркнуто: и вотъ. [5]) Внизу зачеркнуто: провалъ.

въ провалѣ ничего не помнилъ, и какъ очнулся немного и осмотрѣлся то уже **почти** совсѣмъ развѣло Передъ нимъ мелькали знакомые [1]) мѣста. Онъ лежалъ на крышѣ своей же хаты. Перекрестился дѣдъ Когда слѣзъ долой экая чертовшина! **Слава Богу есть по крайней мѣрѣ шапка** глядь на руки всѣ въ крови Посмотрѣлъ въ стоявшую въ сторонкѣ бочку **наполненную** водой и лицо также обмывши хорошенько чтобы не напугать дѣтей входитъ онъ потихоньку въ хату смотритъ дѣти пятятся задомъ къ нему и въ испугѣ указываютъ ему пальцами говоря: **Дивись Дивысь мати якъ дурна скаче** и въ самомъ дѣлѣ баба сидитъ заснувши передъ гребнями держитъ въ рукахъ веретено и сонная подпрыгиваетъ на лавкѣ. Дѣдъ взялъ за руку [2]) **полегоньку сбудилъ** ее «сдравствуй жена! [3]) здорова ли ты? та долго смотрѣла выпучивши глаза наконецъ уже узнала дѣда и росказала какъ ей снилось **какъ** печь ѣздила по **всей** хатѣ выгоняя лопатою вонъ горшки лоханки **ушаты** чортъ знаетъ что такое Ну, говоритъ дѣдъ тебѣ во снѣ мнѣ на яву нужно только **думаю** будетъ освятить **намъ** хату. Мнѣ же теперь мѣшкать нечего Сказавши это и отдохнувши немного дѣдъ досталъ коня и уже не останавливался ни днемъ ни ночью **покамѣстъ** не доѣхалъ до мѣста и не отдалъ

---

[1]) **Надо: знакомыя.**

[2]) **Далѣе зачеркнуто: сбудилъ.**

[3]) **Далѣе зачеркнуто: Что это.**

грамоту самой царицѣ... Тамъ **навидалъ** онъ такихъ дивъ что **сталъ** надолго послѣ того росказывать какъ повели въ палаты въ палаты такія что если бъ хатъ десять поставить одну на другую и **врядъ ли** [1]) **будетъ**, какъ **вошелъ** онъ въ одну комнату—нѣтъ, въ другую—нѣтъ, въ третью—нѣтъ въ четвертую **уже** [2]) **даже заглянулъ**—нѣтъ, а въ пятой уже глядь, сидитъ сама съ игристою короною въ сѣрой новехонькой свиткѣ въ красныхъ сапогахъ и золотыя галушки ѣсть. Какъ **повелѣла** царица дать ему цѣлую шапку [3]) синицами такъ [4]) всего вспомнить нельзя [5]). Объ featureвознѣ своей съ чертями дѣдъ и думать позабылъ. **Только разъ какъ-то случилось былъ онъ навеселѣ гостей было вдоволь варенухи и того больше. Слово за словомъ дѣдъ и заикнулся про грамоту какъ было она пропала и началъ уже было росказывать... Только глядь невзначай вверхъ на полку—горшки все** [6]) **понадували щоки** [7]) **выпучили глаза и стали ему строить хари что дѣда морозъ подралъ по кожѣ** и уже недопросились его росказать [8]). **На другой же день дѣдъ все роска-**

---

[1]) Внизу зачеркнуто: что развѣ мало. [2]) Далѣе зачеркнуто: нѣтъ. [3]) Далѣе зачеркнуто: Ассигнаціи. [4]) Примѣчаніе самого Н. В. Гоголя: Синихъ Ассигнацій. [5]) Далѣе зачеркнуто: Два мѣсяца послѣ того спустя. [6]) Слѣдуетъ: всѣ. [7]) Слѣдуетъ: щеки. [8]) Далѣе зачеркнуто: на другой день какъ росказалъ на другой все попу на исповѣди покамѣстъ не росказалъ всего попу на исповѣди и не освѣтилъ хату.

залъ попу на исповѣди и освятилъ всѣ уголки и закоулки хаты послѣ чего уже не боялся говорить [1]) **объ этомъ встрѣчному и поперечному хотя** видно еще въ наказаніе за то что онъ не сдѣлалъ этого прежде [2]) **они появились** Бабѣ ровно черезъ [3]) годъ именно въ то самое время **приключилось** такое диво, что танцуетъ да и только [4]) за что ни примется ноги затѣваютъ свое и вотъ такъ и дергаетъ пуститься въ присядку.

II.

О среднихъ вѣкахъ.

Лекція Гоголя «О среднихъ вѣкахъ» одной изъ первыхъ помѣщена въ «Арабескахъ» и напечатана въ X-мъ изданіи его сочиненій, на стр. 118—129.

Лекція эта, послѣ ея написанія Гоголемъ, была помѣщена въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», ч. III, сентябрь 1834 года, отдѣленіе II, стр. 409—427, подъ такимъ заглавіемъ: «О среднихъ вѣкахъ. Вступительная лекція, читанная въ С.-Петербургскомъ университетѣ адъюнктъ-профессоромъ Н. Гоголемъ».

Профессоръ Тихонравовъ говоритъ, что «рукописный оригиналъ не былъ у насъ въ распоряженіи» (т. V, стр. 561). Мы же пользовались исключительно рукописнымъ оригиналомъ.

Мы знаемъ изъ біографіи Гоголя, что профессуру въ Петербургскомъ университетѣ онъ получилъ въ 1834 году, исключительно благодаря протекціи ректора Плетнева, который и раньше принималъ въ его судьбѣ большое участіе, и благодаря Пушкину.

Мы не будемъ распространяться о, такъ сказать, корректурной сторонѣ лекціи. Она вполнѣ и довольно подробно приведена профессоромъ Тихонравовымъ въ V т., 561—563 стр. Онъ даетъ объ этой лекціи историко-литературную справку.

Въ этой лекціи, крайне интересной своимъ фактическимъ матеріаломъ, оцѣнкой лекторскихъ способностей Гоголя, его способ-

---

[1]) Внизу зачеркнуто: росказывать. [2]) Внизу написано: не тотъ часъ. [3]) Наверху написано и зачеркнуто: каждый. [4]) Далѣе зачеркнуто: ноги сами собою.

бомъ мышленія, оборотами рѣчи и т. д., нашлись опять-таки варіанты, которые мы и отмѣчаемъ.

Точный списокъ съ рукописнаго оригинала впервые появляется въ печати.

О среднихъ вѣкахъ [1]).

Приступая къ чтенію исторіи Среднихъ вѣковъ я долженъ необходимо изъяснить прежде всего достойно. Никогда исторія міра не принимаетъ *для насъ* такой важности [2]) какъ *въ это время несмотря на то что оно обыкновенно и щитается мѣлкимъ и самымъ безъинтереснымъ въ исторіи человѣчества* [3]). Всѣ событія міра [4]) текутъ приближая происшествія [5]) быстро [6]) какъ будто въ пучину [7]), въ мятежный [8]) водоворотъ [9]) и закружившись въ немъ перемѣшавшись перьродившись выходятъ *новыми* [10]) волнами. Въ нихъ совершилось великое преобразованіе всего міра. Они составляютъ великій узелъ связывающій міръ древній съ новымъ. Имъ можно назначить тоже самое мѣсто въ исторіи человѣчества какое занимаетъ сердце *въ устроенной головѣ* [11]) человѣческаго тѣла, къ которому текутъ и отъ котораго исходятъ всѣ жилы *и нѣрвы* [12]). Какъ совершилось это всемирное [13]) преобразованіе какіе удержались въ немъ старые [14]) стихіи [15]) что прибавленно [16]) новаго [17]) и какимъ образомъ они [18]) смѣшались что произошло отъ этого смѣшенія [19]) и какъ образовалось это величественное [20]) зданіе вѣковъ новыхъ... Это такіе вопросы которымъ равныхъ по важности едвали найдутся во всей исторіи. Все, что мы *ни* имѣемъ чѣмъ мы *ни* пользуемся, чѣмъ *ни* можемъ похвалиться передъ другими вѣками все устройство и искусное сложеніе нашихъ административныхъ частей всѣ отношенія между собою разныхъ сословій, самыя даже сословія. Религія и привилегіи [21]) и права [22]) и обычаи *сами даже чудныя* знанія *наши* которыя совершили [23]) такой быстрый прогрессив-

[1]) Х-е изданіе «Сочиненій» Гоголя, Арабески, ч. I, стр. 118—129, О среднихъ вѣкахъ. [2]) Въ текстѣ Х-го изданія слѣдуетъ: и значительности, такого множества индивидуальныхъ явленій, какъ въ средніе вѣка. [3]) Далѣе зачеркнуто: въ среднихъ вѣкахъ значитъ лазы повѣд, не окончено. [4]) Въ текстѣ Х-го изданія: приближаясь къ этимъ вѣкамъ, послѣ долгой неподвижности и т. д. [5]) Внизу зачеркнуто: съ усиленною. [6]) Х изд.: съ усиленною быстротою. [7]) Х изд.: какъ. [8]) Внизу зачеркнуто: веселый. [9]) Далѣе зачеркнуто: приближаясь къ этому и смѣшавшись. [10]) Х изд.: свѣжими. [11]) Х изд.: въ устроеніи. [12]) Надо: нервы. [13]) Надо: всемірное. [14]) Надо: какія... старыя. [15]) Далѣе зачеркнуто: какъ онѣ, не окончено. [16]) Надо: прибавлено. [17]) Далѣе зачеркнуто: какъ составились. [18]) Надо: онѣ. [19]) Далѣе зачеркнуто: какъ совершился весь этотъ процессъ. [20]) Х изд.: стройное. [21]) Внизу зачеркнуто: правила, и поправлено: привилегіи. [22]) Въ Х изд.: переставлены слова и добавлено: правы. [23]) Х изд.: совершившія.

ный [1]) ходъ—все получило начало или зародилось [2]) или образовалось въ эти темныя [3]) закрытые для насъ средніе вѣка. Въ нихъ первоначальныя стихіи и фундаментъ всего [4]). Безъ глубокаго и внимательнаго изслѣдованія [5]) неясна неудовлетворительна не полна новая исторія. *Они въ этомъ отношеніи похожи на посѣтителей* великолѣпной и стройной фабрики, которые бы удивлялись *быстрому образованію почти на глазахъ самыхъ трудныхъ* издѣлій, но позабываютъ заглянуть въ *мрачное* [6]) подземелье, гдѣ скрыты первыя всемогущія колеса [7]) дающія толчокъ всему. Исторія эта похожа на статую художника [8]) *не научившагося* [9]) анатоміи человѣка.

Но отъ чего же несмотря навсю важность *этого особеннаго времени* всегда какъ-то неохотно [10]) занимались *среднею исторіей* рѣдкіи [11]) возлагали [12]) на себя обѣтъ раздѣлить хоть нѣкоторыя [13]) *изъ сказанныхъ мною* [14]) вопросовъ. *На это отвѣчать* [15]) *нетрудно*. Средней исторіи назначали самое низшее мѣсто. *Время ея дѣйствія* считали слишкомъ варварскимъ слишкомъ невѣжественнымъ, *чтобы заняться имъ. Но если бы это обвиненіе было вполнѣ справедливо, то и тогда никакъ не оправдывается ихъ невниманіе. Люди которые такъ пренебрегли этими невѣжественными вѣками готовы были богъ знаетъ за что за горсть свѣдeній о первоначальныхъ вѣкахъ древняго міра также ничуть не просвѣщеннѣе первоначальнаго времени вѣковъ среднихъ. Но назвать совершенно варварскимъ и невѣжественнымъ это время это непростительность, неосмотрительность, недальновидность, чтобы не сказать даже невѣжество. Это самый интересный* [16]) процессъ сліянія двухъ жизней древняго міра и новаго это рѣзкое противорѣчіе ихъ образовъ [17]) свойствъ эти дряхлыя умирающія стихіи стараго міра, которыя тянутся по новому пространству какъ рѣки впавшія въ море, но долго еще не сливающіе [18]) своихъ прѣсныхъ водъ съ его [19]) солеными волнами.—Эти дикіе мощные [20]) стихіи новаго упорно не допускающія къ себѣ чуждаго *просвѣщеннаго* вліянія [21]) наконецъ невольно принимающія его. Это стараніе съ какимъ европейскіе дикари кроятъ римское просвѣщеніе по-своему [22]).

Эти *урывки* [23]) или лучше сказать клочки римскихъ формъ законовъ среди новыхъ стихій среди новыхъ еще неопредѣленныхъ, не

---

[1]) Внизу зачеркнуто: поразительный. [2]) X изд.: зародышъ или даже развилось и т. д. [3]) Надо: темные. [4]) X изд.: новаго. [5]) X изд.: ихъ. [6]) X изд.: темное. [7]) Далѣе зачеркнуто: подталк, не окончено [8]) Далѣе зачеркнуто: который не смотря. [9]) X изд.: изучившаго. [10]) X изд.: ими (т. е. вѣками). [11]) Надо: рѣдкіе; въ X изд. далѣе: очень рѣдкіе, пораженные величіемъ предмета. [12]) Внизу зачеркнуто: соглашались. [13]) Надо: нѣкоторые. [14]) X изд.: приведенныхъ. [15]) Далѣе зачеркнуто: теперь весьма. Далѣе въ X изд.: Мнѣ кажется, это происходило отъ того, что,—мысль неокончена. [16]) Въ X изд., стр. 119, идутъ значительные варіанты въ первой строкѣ, а затѣмъ по рукописи совершенно новыя мысли. [17]) Далѣе зачеркнуто: формъ. [18]) Надо: сливающія. [19]) Внизу зачеркнуто: морскими. [20]) Надо: дикія мощныя. [21]) X изд.: но. [22]) Въ X изд. перестановка словъ, внизу 119 страницы. [23]) X изд.: отрывки.

получившихъ ни образа ни границъ, ни порядка[1]). *Все это мнѣ кажется гораздо* занимательно *гораздо* болѣе возбуждаетъ собою любопытство нежели *все* неподвижное время всесвѣтной Имперіи подъ правленіемъ безсильныхъ *римскихъ* императоровъ. Другая причина почему *я хотѣлъ обращать вниманіе на исторію среднихъ вѣковъ*— это мнимая сухость которую привыкли сливать[2]) *въ мысляхъ съ первоначальнымъ временемъ исторіи нынѣшней Европы.* На нее глядѣли какъ на кучу произшествій нестройныхъ, разнородныхъ какъ на толпу[3]) самыхъ раздробленныхъ и безсмысленныхъ движеній, не имѣющихъ нити которая бы *связывала* ихъ *и* совокупляла въ одно цѣлое. *Мнѣніе*[4]) *это я не почитаю стоящимъ возраженія несообразность его видна сама собой.* Разсматривайте внимательнѣй[5]) глубже и вы *можете отыскать* и связь *и идею* и направленіе но я[6]) не отрицаю что для самаго[7]) умѣнія найти это нужно быть одарену свыше тѣмъ чутьемъ *которымъ* весьма немногіе историки[8]) *имѣютъ* этимъ немногимъ[9]) предоставленъ завидный даръ представить все въ изумительной ясности и въ стройности. *Всѣ событія и произшествія*[10]), все что было и происходило *все занимательно если только о немъ остались лѣтописи и если страсти сильно... И дѣйствовали*[11]). Такъ въ первоначальныхъ вѣкахъ средней исторіи сквозь всю кучу произшествій тянется невидимо[12]) постепенное возрастаніе власти папы[13]) и развивается феодализмъ. Казалось событія происходили такіе[14]), которые блескомъ своимъ *совершенно* затемняли уединеннаго[15]) римскаго первосвященника. Дѣйствовалъ сильный Государь или вассалъ[16]) а[17]) существенныя выгоды незамѣтно *переродили*[18]) и все что ни происходило казалось нарочно происходило *для того чтобъ прибавить новую силу папъ.* Гильденбрандтъ тихо *поднялъ*[1]) занавѣсъ и[20]) показалось *могущество*[21]) уже давно пріобрѣтенное папами[22]). . . . .

. . . .

Исторія среднихъ вѣковъ менѣе *всѣхъ другихъ* можетъ назваться скучною. Нигдѣ нѣтъ такой пѣстроты[23]) *такихъ дѣйствій* такихъ

---

[1]) X изд. далѣе: самый этотъ хаосъ, въ которомъ бродятъ разложенныя начала страшнаго величія нынѣшней Европы и тысячелѣтней силы ея,—они всѣ для насъ занимательнѣе и болѣе и т. д. [2]) X изд.: съ понятіемъ о ней. [3]) Внизу зачеркнуто: кучу. [4]) Надписано и зачеркнуто: Я не почитаю даже. [5]) X изд.: и. [6]) X изд.: однако же. [7]) Зачеркнуто внизу: этого. [8]) X изд., стр. 120, переставлены слова. [9]) Внизу зачеркнуто: словесной даръ. [10]) X изд., идетъ большой варіантъ: «Послѣ ихъ волшебнаго прикосновенія . . . . сухимъ и невѣжественнымъ». [11]) X изд., идетъ большой варіантъ: «выключая развѣ . . . . . . только съ утратою извѣстій». [12]) X изд.: невидимою нитью. [13]) X изд.: папской власти. [14]) X изд.: совершенно отдѣльно и... [15]) X изд.: еще скромнаго... [16]) Въ X изд. далѣе: и дѣйствовалъ лично для себя. [17]) Далѣе зачеркнуто: всѣ всегда; въ X изд.: между тѣмъ. [18]) X изд.: текли. [19]) X изд.: отдернулъ. [20]) Далѣе зачеркнуто: можно сказать только. [21]) X изд.: власть. [22]) Далѣе трудно разобрать, кромѣ двухъ словъ: какъ основа в — [23]) Нужно: пестроты.

рѣзкихъ противоположностей такой *изумительной* [1]) яркости какъ въ ней. Ее можно сравнить съ огромнымъ [2]) строеніемъ въ фундаментѣ котораго улегся [3]) крѣпкій [4]) гранитъ а *также* [5]) стѣны выведены изъ различнаго *и* стараго и новаго матеріала [6]) на одномъ кирпичѣ видны готфскія руны на другомъ [7]) римская позолота Арабская рѣзба *римской* [8]) карнизъ готическое окно все слѣпилось въ немъ [9]) составило самую пеструю башню.

Но яркость можно сказать только *видимое достоинство* событій среднихъ вѣковъ внутреннее же ихъ достоинство[10]) колосальность[11]) *и* исполинская, почти чудесная отвага свойственная одному только возрасту *юности* и оригинальность дѣлающая ихъ единственными *невстрѣтившими*[12]) себѣ[13]) повтореній ни въ древнія ни въ новыя времена.

Что [11]) *легкомысленнымъ рѣшеніемъ они уже производили крайній планъ потому что слово сказанное міру то что и дѣло. И по этому-то по внимательному разсмотрѣнію его увидимъ что самое начало среднихъ вѣковъ представляетъ по виду кучу происшествій совершенно отдѣльныхъ одно отъ другого, только проникнутыхъ одною* [15]) *но могущественною связью невидимо* [16]) *вырастающего около папы. Она видоизмѣнена въ началѣ она кроется и затемняется рядомъ Варварскихъ при острюмъ взглядѣ и уже видно ся начало. Наконецъ увидѣвши* [17]) . . . . . . *вырывается вдругъ какъ пламя изъ Везувія. Средніе вѣка можно назвать исторіею папы. Онъ* могущественный обладатель *ихъ. Онъ какъ движитъ* [18]) *всѣми силами и какъ Богъ начнетъ* однимъ мановеньемъ своимъ *править* ихъ судьбою. *Его исторію можно назвать главою среднихъ вѣковъ.* Его непреодолимое [19]) желаніе властвовать Его постоянныя средства исполненныя проницательности и мудрости слѣдствія старческаго возраста его деспотизма деспотизмъ безчисленныхъ легіоновъ его могущественнаго духовенства ревностныхъ подданныхъ духовнаго монарха наложившихъ [20]) оковы своей *тяжелой власти во* всѣхъ уголкахъ міра куда ни проникало [21]) *небесное* знаменіе креста. *Это* [22]) *дивное явленіе какое великое явленіе которому равнаго врядъ ли можетъ представить исторія.* Не *буду* говорить о злоупотребленіяхъ и о тяжести оковъ *наложенныхъ на нихъ рукою духовнаго Деспота.* Проникнувъ болѣе въ это великое событіе

---

[1]) Наверху надписано: страшной, въ X изд.: странной. [2]) Внизу зачеркнуто: величественнымъ. [3]) X изд.: свѣжій. [4]) X изд.: какъ вѣчность. [5]) X изд. далѣе: толстыя. [6]) X изд.: такъ что. [7]) X изд.: блеститъ. [8]) X изд.: греческій. [9]) X изд.: и. [10]) X изд.: есть. [11]) Нужно: колоссальность. [12]) X изд.: не встрѣчающими, стр. 121. [13]) Далѣе зачеркнуто: подобія. [14]) Значительные варіанты въ X изд., стр. 121, при чемъ по рукописи содержанія больше, такъ какъ печатныхъ варіантовъ всего 3 печатныхъ строчки. [15]) Далѣе зачеркнуто: невидимою. [16]) Внизу зачеркнуто: постепенно. [17]) Трудно разобрать и подобрать по смыслу и почерку слово. [18]) Надо: движетъ. [19]) Внизу зачеркнуто: средства. [20]) X изд.: свои желѣзныя. [21]) X изд.: проникло. [22]) Далѣе зачеркнуто: также чудное великолѣп., не окончено.

мы увидимъ изумительную мудрость Провидѣнія не схвати эта всемогущая власть всего въ свою руку [1]) не двигай и не устремляй по своему желанью народы и Европа разсыпалась бы связи бы не было [2]) Государства вдругъ бы можетъ быть нѣкоторыя поднялись вдругъ развратились другіе [3]) сохранили бы дикость свою на гибель другимъ [4]) образованье и духъ народный бы развились *и въ одномъ мѣстѣ возвысились бы впередъ* [5]) въ другомъ бы чернѣлъ мракъ варварства Европа не устоялась бы не сохранила *бы* того равновѣсія которое удивительно ее содержитъ. Она бы долѣе была [6]) въ хаосѣ. Она бы не слилась желѣзною силою энтузіазма въ одну стѣну [7]) устранившую [8]) Восточныхъ завоевателей [9]). Можетъ быть безъ того [10]) великаго *событія* [11]) *вся* Европа уступила бы ихъ напору и магометанская луна [12]) вознеслась бы надъ нею [13]). *Разсматривая дѣянья Провидѣнья мы поневолѣ должны преклониться передъ нимъ* [14]). Власть папы какъ будто нарочно дана была для того чтобы государства *въ это время* окрѣпли и возмужали чтобъ они повиновались [15]) *покамѣстъ* достигнутъ возраста повелѣвать другими, чтобы сообщить имъ энергію безъ которой жизнь народовъ [16]) безцвѣтна и безсмысленна. И какъ только народы достигли состоянія управлять собою власть папы какъ исполнившая уже свое предначертаніе какъ болѣе уже не нужная *чтобы руководить народы* вдругъ поколебалась и стала разрушаться несмотря на всѣ сильныя мѣры на все желанье удержать за собою гибнущую силу свою [17]). Власть ихъ въ этомъ отношеніи была то же что подмостки и лѣсъ для постройки зданія въ началѣ онѣ [18]) выше и [19]) значительнѣе самого *зданія* [20]) но какъ только зданіе достигло настоящей высоты они какъ ненужные отнимаются прочь [21]). При мысли [22]) о среднихъ вѣкахъ невольно сливается [23]) о крестовыхъ походахъ, *великомъ исполинскомъ* событіи которое стоитъ какъ исполинъ въ срединѣ другихъ тоже чудесныхъ и необыкновенныхъ. Гдѣ въ какое другое время было когда нибудь ему равное своею оригинальностью и величіемъ. Это не какая нибудь война за похищенную жену [24]) и *слѣдствіе массы страстей всегда почти бывшія однѣ причиною войнъ но упорная защита даже правъ и обязанностей всегда справедливая*

---

1) X изд.: въ свои руки. 2) X изд.: нѣкоторыя. 3) Надо: другія. 4) X изд. сосѣдамъ. 5) X изд.: въ одномъ уголку выказывалось бы образованіе. 6) Внизу зачеркнуто: бродила. 7) Далѣе зачеркнуто: отразившую монгольскихъ завоевателей. 8) X изд.: своею крѣпостью. 9) X изд.: и. 10) X изд.: этого. 11) X изд.: явленія. 12) Внизу зачеркнуто: утвердилась. 13) X изд.: вмѣсто креста. 14) Въ X изд., стр. 122, начало, мысль перефразирована. 15) X изд.: прежде, нежели. 16) Внизу зачеркнуто: человѣка. 17) X изд.: гибнущія свои силы. 18) Надо: они. 19) X изд.: кажутся. 20) X изд.: строенія. 21) Далѣе зачеркнуто: Самое великое событіе среднихъ вѣковъ мысль о которыхъ невольно сливается уже при первомъ словѣ о крестовыхъ походахъ. 22) Внизу зачеркнуто: словѣ. 23) X изд.: мысль. 24) X изд. варіантъ: «не порожденіе . . . . за свободу и народн. независимость».

но съ которою все таки не сопряжены личныя выоды [1]). *Нѣтъ всѣ эти предпріятія обыкновенно*

Случающіяся всегда и вездѣ въ самомъ дѣлѣ какое дивное происшествіе: народы текутъ съ крестами со всѣхъ сторонъ Европы короли графы въ простыхъ власяницахъ [2]) монахи *въ духовныхъ облаченіяхъ* [3]) становятся въ ряды воиновъ [4]) монахи съ крестами [5]) предводятъ [6]) несмѣтными *вассалами* [7]) и всѣ текутъ *проникнутые одною мыслью* освободить *Гробъ Христовъ.* Владычество одной мысли объемлетъ всѣ народы. *Не есть ли что то* великое въ этой мысли. И напрасно крестовые походы иные называютъ безразсуднымъ предпріятіемъ. Странно бы было [8]) если только отрокъ заговорилъ словами разсудительнаго мужа. Они были нарожденіемъ [9]) тогдашняго духа и времени. *Это предпріятіе такого рода которое можно здѣлать недостигнувши возраста мужа.* Но совершить это предпріятіе можетъ такой только юноша которому опредѣлено быть геніемъ. А какіе безчисленные какіе непредвидѣнные [10]) слѣдствія крестовыхъ походовъ. Нужно было всю массу образовать и воспитать дать ей увидѣть свѣтъ который часто заслоняло [11]) духовенство и вся масса [12]) извергается въ другую часть свѣта гдѣ потухающее Аравійское просвѣщеніе силится передать свой пламень и вся Европа вояжируетъ по Азіи. Не [13]) въ правѣ ли ты изумляться обыкновенно какой нибудь выходецъ изъ земли образованной приноситъ *самъ* [14]) первыя свѣденія [15]) и просвѣщеніе и это образованіе втянется медленно *страшно медленно* и постепенно образуетъ ихъ. Здѣсь напротивъ народы сами переходятъ всею массою за образованіемъ и несмотря на долгое пребываніе не сливаются съ своими учителями ничего не принимаютъ отъ нихъ роскошнаго и развратнаго удерживаютъ свою самобытность при всемъ заимствованіи множества азіятскихъ обыкновеній и возвращаются въ Европу европейцами не Азіатцами. Я уже неговорю о тѣхъ слѣдствіяхъ о тѣхъ перемѣнахъ въ феодальномъ правленіи для которыхъ нужно было временное удаленіе множества сильныхъ *такимъ образомъ какъ*

---

[1]) Кромѣ словъ, личная выгода, тутъ все ново:

Это не какая нибудь война за жену Менолая ни порожденіе ненависти двухъ непримиримыхъ націй. Это не кровопролитная битва между алчными властителями за корону даже не война за свободу и народную независимость. Нѣтъ ни одна изъ страстей ни одно собственное желаніе ни одна личная выгода не входитъ сюда *всѣми народами объемлетъ одна высокая мысль. Народы текутъ освободить свою вѣру гдѣ подобное событіе отразилось когда нибудь.*

[2]) Далѣе зачеркнуто: епископы. [3]) X изд., 122: препоясанные оружіемъ. [4]) Ibid.: епископы, пустынники.... [5]) X изд.: въ рукахъ. [6]) Далѣе зачеркнуто: воинствомъ. [7]) X изд.: толпами. [8]) X изд., реторическій вопросъ: Не странно ли было бы.... [9]) X изд., стр. 123: порожденіе. [10]) Надо: какія безчисленныя какія непредвидѣнныя. [11]) X изд.: отъ нея. [12]) X изд.: для этого. [13]) Далѣе зачеркнуто: достойно ли это. [14]) Внизу зачеркнуто: дикарямъ; X изд.: одинъ. [15]) Надо: свѣдѣнія.

передѣлывая домъ нужно удалить на время его жильцовъ и вынести все находящееся въ немъ. . . . .

Кромѣ крестовыхъ походовъ бросимъ взглядъ на другія происшествія наполняющія *средніе вѣка* [1]). Всѣ они исполнены чудесности сообщающей *средней исторіи* какой-то [2]) фантастическій свѣтъ все [3]) они порожденіе юношества прекраснаго исполненнаго самыхъ сильныхъ и великихъ надеждъ часто безразсудныхъ но [4]) плѣнительныхъ [5]) и въ своей безразсудности.

Взглянемъ на [6]) то [7]) время когда появились Аравитяне—краса народовъ восточныхъ и одному только человѣку и созданной имъ религіи обязаны они своимъ блестящимъ [8]) существованіемъ роскошной какъ ночи и вечера востока пламенной какъ природа близкая къ индѣйскому морю важной и размышляющей какую только могутъ внушить пустыни Азіи. *И почти* съ непостижимою *внезапностью* [9]) смуглыя чалмоносцы воздвигаютъ свои калифаты съ трехъ сторонъ средиземнаго моря и воображеніе и умъ ихъ [10]) въ виду изумленнаго запада развиваются отпечатываясь со всею роскошью на ихъ дворцахъ мечетяхъ садахъ фонтанахъ также быстро какъ и въ богатыхъ сказкахъ и поэзіи [11]).

Не чудесно ли и не исполнено ли [12]) совершенно противоположной *оригинальности на сѣверѣ* появленіе норманновъ [13]). *Вообразите себѣ пустыню Сѣвернаго Океана наполненную узкогрудыми кораблями легкими и опасными на которыхъ хлопочетъ дерзкая* горсть [14]) людей *подвигаемая дикою религіею своей народности* за которыми какъ будто по пятамъ несется мрачный ихъ Одинъ и снѣговыя [15]) *хребты* [16]) (Скандинавіи [17]). *Неудивительно ли когда людные и значительные* [18]) *государства со страхомъ уступаютъ этимъ малолюднымъ пришельцамъ воспитаннымъ бурей и морями все: отеческій домъ, имущество, родство* [19]).

Колоссальныя завоеванія [20]) Монголовъ были также дѣломъ почти сверхъестественнымъ. Необъятная внутренность Азіи которая была скрыта отъ глазъ всѣхъ народовъ освѣтилась [21]) въ самомъ страш-

---

[1]) X изд.: Они хотя, въ сравненіи съ крестовыми походами, могутъ почесться второстепенными, но тѣмъ не менѣе и т. д. [2]) Далѣе зачеркнуто: радужный. [3]) Надо: всѣ. [4]) Далѣе зачеркнуто неоконченное: чрезвыч. [5]) X изд.: безразсуднаго, но плѣнительнаго. [6]) X изд., стр. 123: Разсмотримъ ихъ по порядку времени. Возьмемъ и т. д. [7]) X изд.: блестящее. [8]) X изд.: радужнымъ. [9]) X изд.: быстротою они, эти смуглые и т. д. [10]) X изд.: и всѣ способности, которыми природа такъ чудно одарила араба. [11]) X изд. значительный варіантъ: «вѣкъ впередъ . . . . самое прекрасное созданіе нашего воображенія», стр. 124. [12]) X изд., стр. 124, въ началѣ вмѣсто реторическаго вопроса: какъ и т. д. [13]) X изд. дополненіе: народа, котораго гнѣвный сѣверъ свирѣпо выбросилъ изъ ледяныхъ нѣдръ своихъ. [14]) X изд.: дерзкихъ. [15]) Внизу зачеркнуто: горы. [16]) Надо: готовыхъ. [17]) X изд. дополнено: наводитъ паническій страхъ на обширныя государства. [18]) Надо: людныя и значительныя. [19]) X изд., мысль перефразирована, сохранены только нѣсколько словъ. [20]) X изд., стр. 124: и распространеніе... [21]) Внизу зачеркнуто: показалось.

номъ величіи. *Всѣ*[1]) эти степи которымъ почти конца нѣтъ, озера и пустыни исполинскаго[2]) размѣра гдѣ все раздалось въ ширину и безпредѣльную равнину, гдѣ человѣкъ встрѣчается какъ будто для того, чтобы еще болѣе увеличить вокругъ себя пространство. Эти степи шумящія хлѣбомъ никѣмъ несѣемымъ и несобираемымъ травою почти[3]) равняющейся ростомъ съ деревьями *пустынно*[4]) пасутся табуны и стада овецъ которыхъ отъ вѣка никто не считалъ и сами владѣльцы не знаютъ *ихъ* настоящаго количества. Эти степи увидѣли среди себя Чингисъ-Хана давшаго обѣтъ передъ толпами своихъ узкоглазыхъ плосколицыхъ[5]) широкоплечихъ малорослыхъ монголовъ завоевать міръ и многолюдный Пекинъ горитъ цѣлый мѣсяцъ[6]) стада *пасутся въ* Индіи табуны кишатъ наволгѣ[7]) какъ будто на ихъ завоеваніи отразилась коллосальность Азіи *чтобы лучше показать ее другимъ народость.*[8])

Я уже ничего не говорю о *появленіи*[9]) Венеціи этого небольшого лоскутка земли которую всю занималъ одинъ городъ и городъ безъ государства выжимая золото[10]) со всего міра *и собиралъ тяжелую дань съ огромнѣйшихъ государствъ, этихъ царственныхъ купцовъ которыхъ великолѣпнѣйшіе дворцы при Адріатическомъ морѣ вмѣщали въ себѣ сокровищъ болѣе чѣмъ тогдашній доходъ всей Европы и которыхъ корабли нигдѣ не встрѣчали соперниковъ* ни особенно Ганза игравшая...[11]) *Эти явленія повторяются въ исторіи міра часто*[12]) хоть въ другихъ формахъ и съ *нѣкоторыми* измѣненіями. *Гораздо чудеснѣе*[13]) жизнь Европы[14]) послѣ крестовыхъ походовъ когда въ ней[15]) *являются* темны и неопредѣленны границы государствъ, когда Государь[16]) едва звучитъ своимъ именемъ и вмѣсто[17]) милліоны владѣльцевъ изъ которыхъ каждый маленькій императоръ въ своей землѣ. Когда вся Европа облекается[18]) въ неприступные замки съ башнями и зубцами и твердыя крѣпости усѣиваютъ *всю* поверхность *земли* когда *вся* воспитанная взаимнымъ страхомъ[19]) сила рыцарей дѣлается почти львиною[20]) и заковывается съ ногъ до головы въ желѣзо тяжести котораго ни прежде ни послѣ не выносилъ человѣкъ и грубо независимо развивается[21]) самостоятельная гордость души[22]). Казалось *они должны*

---

[1]) Х изд.: Эти. [2]) Наверху надписано и не зачеркнуто, но по смыслу къ этому мѣсту не подходитъ: на которыхъ обозначено. [3]) Далѣе зачеркнуто: касающейся. [4]) Х изд.: Степи, гдѣ и т. д. [5]) Внизу зачеркнуто: и мрачнолицыхъ монголовъ. [6]) Х изд. варіантъ: «милліонъ народа... на замерзшемъ озерѣ». [7]) Надо: на Волгѣ. [8]) Х изд. варіантъ: «Такого быстраго распространенія... ни новая исторія». [9]) Х изд.: о важной торговлѣ. [10]) Внизу зачеркнуто: стягивая сокровища богатства. [11]) Мысль не окончена самимъ Гоголемъ. [12]) Х изд.: мысль перефразирована. [13]) Х изд.: Несравненно оригинальнѣе. [14]) Х изд.: во время и... [15]) Х изд.: еще. [16]) Внизу зачеркнуто: она вся облекается. [17]) Х изд.: того. [18]) Внизу зачеркнуто: одѣвается. [19]) Х изд.: и битвами. [20]) Далѣе зачеркнуто: облекаетъ. видимо, не кончено. [21]) Внизу зачеркнуто: воспитывается. [22]) Далѣе зачеркнуто: это безпредѣльное уваженіе къ настоящему.

бы совершенно закалиться чувствами и сдѣлать ихъ такими безчувственными какъ непроницаемыя латы ихъ. Но *какъ чудно они смягчаются и это смягчаетъ явленіе, которое тѣмъ болье удивительно что составляетъ совершенный контрастъ съ ихъ нравами* [1]). Это все общее, и безпредѣльное уваженіе къ женщинамъ [2]). Женщина среднихъ вѣковъ является *какимъ-то* Божествомъ. Для нея *толпятся* турниры, для нея ломаются копья. Ея розовая или голубая лента вьется на шлемахъ и латахъ и вливаетъ сверхъестественныя силы. Для ней суровый рыцарь удерживаетъ свои *неукромимые* [3] страсти, также мощно какъ арабскаго бѣгуна своего налагаетъ на себя обѣты изумительные и неподражаемые по своей строгости къ себѣ и все [4]) что бы быть только достойнымъ повергнуться къ ногамъ своего божества. Если эта возвышенная любовь удивительна то вліяніе ея на нравы *достойно еще большаго изумленія.* Вся эта кочующая странническая жизнь *на которую обрекли себя рыцари,* которая обратила всю Европу въ какую-то *шумную* движущуюся столицу *сколько опытовъ сколько приключеній представляла она каждому* [6]) и какъ самыя ихъ взаимныя *столкновенія* [7]) вмѣсто того чтобы ослабить [8]), какъ то [9]) дѣлается въ періодахъ исторіи когда роскошь разъѣдаютъ раны нравственной болѣзни народовъ и алчность выгодъ [10]) выводитъ за собою низость лесть и способность устремиться на всѣ утонченныя [11]) *низости* и пороки [12]). Пороки народовъ образованныхъ не могли коснуться рыцарства Европы [13]) Едва только *появились* улучшенія для жизни которыя подносили Венеція и Ганза начали *отодвигать* рыцарей отъ ихъ обѣтовъ и строгой жизни и *разогрѣвало въ нихъ сердце* [14]) уменьшать энтузіазмъ религіозный [15]) *появился новый родъ обществъ* [16]) связанныхъ такими неразрывными узами *какими ни одно общество ни въ какомъ періодѣ исторіи не было связано* не для своей пользы не для своего существованія, что обыкновенно дѣлается съ цѣлью общества [17]) *Но... эти необыкновенныя явленія могутъ.*

---

[1]) X изд. стр. 125: мысль перефразирована, 17 строчка снизу. [2]) X изд.: женщинѣ. [3]) Надо: неукротимыя. [4]) X изд.: для того. [5]) X изд., далѣе идетъ фраза: Все благородство въ характерѣ европейцевъ было ея слѣдствіемъ. [6]) X изд., реторическій вопросъ: А вся эта странническая жизнь и т. д. Незначительный варіантъ, послѣдняя строчка снизу, стр. 125: доставившая тысячи опытовъ и приключеній каждому и произведшая впослѣдствіи въ европейцахъ жажду къ открытію новыхъ земель! [7]) Далѣе зачеркнуто: сила ихъ обрѣ(е)кла. X изд.: брани и битвы, вѣчно неспокойное положеніе! [8]) X изд.: всеобщій духъ и напряженіе, стр. 126, сверху. [9]) X изд.: обыкновенно. [10]) X изд.: личныхъ. [11]) Внизу зачеркнуто: возможныя. [12]) X изд.—вмѣсто этого, они только укрѣпили и развили ихъ. [13]) X изд.: казалось. Провидѣніе бодрствовало надъ нимъ неусыпно и съ заботливостью преданнаго наставника берегло его. [14]) X изд., стр. 126, мысль перефразирована. [15]) X изд.: какъ появившіяся чудныя, небывалыя никогда дотолѣ общества стали грозными соглядатаями, неумолимою совѣстью передъ народами Европы. [16]) Далѣе зачеркнуто: связанныхъ такою крѣпостью. [17]) X изд., стр. 126, 15-я строка сверху, мысль окончательно перефразирована, вслѣдствіе чего есть варіанты.

только произвести одни средніе вѣка наложеніемъ для себя строгой обязанности наблюдать за всѣмъ міромъ уничтожить все то, что составляетъ желаніе человѣка и жить для всего человѣчества быть прочными неумолимыми защитниками вѣры Христовой все принести въ жертву и отказаться отъ всѣхъ выгодъ жизни [1]). Нечудесно ли это явленіе? Эту энергію и силу для него скопленныя только было вычерпнули [2]) изъ среднихъ вѣковъ. И какъ только ордена рыцарей [3]) стали уклоняться отъ своей *постоянной* цѣли и *стали* обращать глаза на другія какъ *они* [4]) начали заражаться желаньемъ добычи и корысти какъ [5]) только роскошь заставляла живѣе привязываться къ собственной жизни они стали болѣе походить на тѣхъ за которыми сами наложили на себя *неусыпное* [6]) смотрѣніе. *Однимъ словомъ какъ только немного пошатнулся общій энтузіазмъ какъ уже новое явленіе чудеснымъ образомъ стремится потдержаться* [7]). Возникаютъ странные тайные суды неумолимые, неотразимые какъ высшія предопредѣленія [8]). Ни слава, ни состоянья [9]), ни даже самая корона не спасаютъ и не отмѣняютъ разъ произнесенный приговоръ [10]). Незнаемые невидимые какъ судьба гдѣ нибудь [11]) въ глуши лѣсовъ подъ сырымъ сводомъ глубокаго подземелья они *грозно* взвѣшивали и разбирали всю жизнь и дѣла того которому посреди необъятныхъ своихъ *владѣній* и [12]) сотни покорныхъ вассаловъ и въ мысль не приходило [13]) есть ли гдѣ въ мірѣ выше его *власть* и если эти подземные тайные судьи разъ [14]) произнесли [15]) обвиняющее слово,—все кончено. Напрасно *самый* властитель грозою могущества своего *становитъ труднымъ* [16]) приближеніе *къ себѣ* напрасно золото его залѣпливаетъ [17]) уста *его приближенныхъ* [18]) неумолимый кинжалъ настигаетъ его на концѣ міра *осторожно* крадется мимо пышной толпы придворныхъ изъ за плечъ его друга *его вѣрной жены проскальзываетъ онъ и настигаетъ его* [19]).

А самый образъ занятій [20]) *неясныхъ образованій* это всеобщее устремленіе всѣхъ къ чудесной наукѣ. Это [21]) желаніе выпытать и познать таинственную силу въ природѣ эта алчность съ какою [22]) ударились въ волшебство и чародѣйственныя науки на которыхъ ясно кипитъ признакъ европейскаго любопытства безъ котораго

---

[1]) X изд., стр. 126, строчка 20 и далѣе, фраза нѣсколько варьирована, съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ словъ. [2]) X изд., построеніе фразы другое. [3]) X изд.: рыцарскіе. [4]) X изд.: только. [5]) Внизу зачеркнуто: когда. [6]) X изд.: сами же. [7]) Надо: поддержаться. [8]) X изд.: являющіяся уже не совѣстью передъ вѣтренымъ міромъ, но страшнымъ изображеніемъ смерти и казни. [9]) Внизу зачеркнуто: богатства. X изд.: обширныя земли. [10]) X изд., родительн. надежъ. [11]) Внизу зачеркнуто: въ своихъ. [12]) Внизу зачеркнуто: среди. [13]) Внизу зачеркнуто: не могъ взять. [14]) Внизу зачеркнуто: рѣшала. [15]) X изд.: произносила, стр. 127, 4-я строка. [16]) X изд.: затруднить. [17]) X изд.: залѣпляетъ. [18]) X изд.: и заставляетъ всѣхъ прославлять его. [19]) X изд., варіанты, но незначительные. [20]) X изд.: царствовавшій въ срединѣ и концѣ среднихъ вѣковъ. [21]) Далѣе зачеркнуто: всеобщее. [22]) X изд.: всѣ.

науки никогда бы не развились и не достигли нынѣшняго совершенства. *Это ужасное гоньніе* [1]) *ихъ* эта [2]) простодушная вѣра въ духовъ и *даже самыя* обвиненія въ сообщеніи съ ними. *Несоставляетъ ли это чудесности почти сказочной. Какъ только такъ быстро такъ неотразимо, такъ сверхъестественно дѣйствуетъ человѣкъ незнающій что такое слово невозможность.*

А *эти* занятія алхиміей *считавшейся самой великой и тяжкой* [3])... вѣнецъ учонности [4]) среднихъ вѣковъ въ которой *заключено самое* дѣтское желаніе открыть *такое свойство чтобы все обращалось въ золото найти такое средство, которое бы вдругъ доставило человѣку всевозможное счастье.* Представьте себѣ какой нибудь германскій городъ въ средніе вѣки эти узинькія [5]) неправильныя улицы высокія пестрыя готическія [6]) домики и среди ихъ ветхій почти валящійся [7]) щитаемый [8]) необитаемымъ по растреснувшимся стѣнамъ котораго лѣпится мохъ и *ветхость* [9]). *Ставни оконъ* глухо заколочены это жилище Алхимика ничто не говоритъ о присутствіи живущаго но въ глухую ночь голубоватый дымъ вылетая изъ трубы докладываетъ о неусыпномъ бодрствованіи уже состарѣвшагося [10]) въ своихъ исканіяхъ вѣчно неразлучнаго съ надеждою и благочестивый ремесленникъ среднихъ вѣковъ со страхомъ бѣжитъ отъ *этого* жилища гдѣ [11]) духи основали пріютъ свой и гдѣ вмѣсто духовъ основало жилище неугасимое желаніе непреоборенное любопытство живущее только [12]) собою и разжигаемое собою же, возгорающееся даже отъ неудачи первоначало [13]) всего европейскаго духа которое [14]) преслѣдуетъ инквизиція *и проникаетъ* [15]) во всѣ *потаенныя* [16]) мышленія человѣка оно вырывается мимо и облеченное страхомъ еще съ большимъ наслажденіемъ придается [17]) своимъ занятіямъ. *А сама инквизиція какое мрачное и ужасное явленіе. Желѣзныя* [18]) *когти страшно протягиваются* [19]) *изъ монастырскихъ стѣнъ изъ подъ монашескихъ и хватаютъ безъ различія всѣхъ на кого только пало подозрѣніе.*

Подъ безчисленными монастырскими сводами и переходами производятся допросы не вѣрящіе никакимъ оправданіямъ. Тѣлесныхъ мукъ безчисленны орудія пытокъ вѣрящіе одному свидѣтельству изобрѣтательности ума иноковъ-изувѣровъ [20]). *Какія ужасныя границы налагаются безпредѣльной человѣческой алчности знать все и*

---

[1]) Надо: гоненіе. [2]) X изд.: Самая даже и т. д. [3]) Надо: передается. [4]) Надо: желѣзные. [5]) Дальше трудно разобрать слово. X изд., стр. 127: ключомъ ко всѣмъ познаніямъ. [6]) Надо: учености. [7]) Надо: узенькія. [8]) Надо: высокіе, пестрые, готическіе. [9]) Внизу зачеркнуто: почти валящійся. [10]) Надо: считаемый, зачеркнуто далѣе: почти. [11]) X изд.: старость. Въ рукописи далѣе зачеркнуто: эти жильцы пост, и не окончено. [12]) Внизу зачеркнуто: посѣдѣвшаго. [13]) X изд.: по его мнѣнію. [14]) Внизу зачеркнуто: однимъ. [15]) X изд.: первоначальная стихія. [16]) Далѣе зачеркнуто: напрасно, и надписано слово, которое трудно разобрать. [17]) X изд.: проникая. [18]) X изд.: тайныя. [19]) Далѣе зачеркнуто: непрестанно. [20]) X изд., 128 стр., 9-ая строка, построена иначе фраза.

какъ неудержимо жила эта алчность. Душа въ общей массѣ всего человѣчества торжествуетъ надъ тѣломъ [1]).

Неединственны-ли всѣ эти явленія не подаютъ-ли [2]) они права назвать средніе вѣка *вѣками чудеснаго* [3]). Чудесное прорывается при каждомъ шагѣ и властвуетъ вездѣ во все теченіе этихъ десяти юныхъ вѣковъ, юныхъ потому что въ нихъ дѣйствуетъ [4]) все молодое кипящіе отвагою порывы и мечты *юноши* не думавшіе о слѣдствіяхъ, не призывавшіе на помощь холоднаго соображенія еще не имѣвшіе прошедшаго чтобъ оглянуться *назадъ*. Въ нихъ все было поэзія и безотчетность *отъ того-то они имѣютъ особенную привлекательность и съ ними также жаль разстаться какъ съ улетѣвшею юностью.* Вы вдругъ почувствуете переломъ когда вступите въ область Исторіи Новой? Перемѣна слишкомъ ощутительна и состояніе души вашей будетъ похоже на волны моря прежде воздымавшіяся и пѣнившіяся неправильными высокими буграми, но послѣ улегшіяся и всею своею необозримою равниною мѣрно и стройно совершающими правильное теченіе [5]).

Если можно сравнить жизнь одного человѣка съ жизнью цѣлаго человѣчества то средніе вѣка будутъ тоже для человѣчества что для человѣка время воспитанія [6]). Дни его текутъ незамѣтно для свѣта дѣянія его не такъ крѣпки и зрѣлы какъ нужно для *свѣта* [7]) объ нихъ никто не знаетъ но зато они всѣ слѣдствія порывовъ [8]), зато безъ нихъ не *образовалась* [9]) бы [10]) дѣятельность *его жизни* въ кругу общества.

Теперь разсмотрите между какими колосальными событіями заключены средніе вѣка [11]), *какія сильныя катастрофы ограничиваютъ ихъ*: Великая Имперія повелѣвавшая міромъ дряхлая, истощенная падаетъ съ нею валится полъ-свѣта и валится весь древній міръ съ полуязыческимъ образомъ мыслей съ писателями [12]), статуями, и тяжестью роскоши и утонченнаго [13]) разврата. *Этими великими событіями начинаютъ* [14]) оканчиваться средніе вѣка тоже самымъ великимъ изумительнымъ событіемъ. Всеобщимъ взрывомъ подыма-

---

[1]) X изд. значительный варіантъ: инквизиція, выпускавшая изъ-подъ монашескихъ мантій свои желѣзные когти, хватавшіе всѣхъ безъ различія, кто только не предавался страннымъ и необыкновеннымъ занятіямъ; подтвердившая великую истину, что если можетъ физическая природа человѣка, доведенная муками, заглушать голосъ души, то въ общей массѣ всего человѣчества душа всегда торжествуетъ надъ тѣломъ. [2]) X изд.: даютъ. [3]) X изд.: чудесными. [4]) Внизу зачеркнуто подъ слогомъ—уст: ительно, и надписано: уст. [5]) X изд. идетъ значительный варіантъ: Дѣйствія человѣка въ среднихъ вѣкахъ кажутся совершенно безотчетны; самыя великія происшествія представляютъ контрасты между собою и противорѣчатъ во всемъ другъ другу; но совокупленіе ихъ вмѣстѣ, въ цѣлое, являетъ изумительную мудрость. [6]) X изд.: въ школѣ. [7]) X изд.: міра. [8]) X изд.: слѣдствіе порывовъ и обнажаютъ за однимъ разомъ всѣ внутреннія движенія человѣка. [9]) X изд.: состоялась. [10]) X изд.: будущая его... [11]) X изд.: заключается время среднихъ вѣковъ. [12]) X изд.: гладіаторами, стр. 129. [13]) X изд.: утонченностью. [14]) Далѣе въ рукописи идутъ повторенія тѣхъ же словъ.

ющимъ на воздухъ и *повергающимъ*[1]) въ ничто всѣ страшныя власти такъ деспотически ихъ обнявшіе. Власть папы потрясается[2]) *печатные листы разносятъ громъ и молнію вдругъ во всѣхъ концахъ міра и звонятъ свободу.* Сокровища Венеціи и всемірная торговля подрываются[3]) *смѣлымъ подвигомъ одного человѣка* и корабли *разгоряченнымъ*[4]) взмахомъ *раздѣляя волны невѣдомаго океана* несутся мимо средиземнаго моря *отягощеннаго сокровищами.* Усиливающійся гнетъ властей къ концу среднихъ вѣковъ[5]) чтобы сильнѣе приготовить взрывъ[6]).

III.

Письмо Гоголя къ сестрамъ въ Екатерининскій институтъ, изъ Рима, писанное или въ іюнѣ 1837 года, или въ іюнѣ 1838 года.

Письмо это, воспроизводимое въ приложеніи въ точномъ факсимиле, нигдѣ не было напечатано. Оно не имѣетъ даты, но должно думать, что писано въ 1837 году и прислано изъ Рима къ Н. Я. Прокоповичу, его другу и издателю его «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки».

Прокоповичъ обдѣлывалъ личныя дѣла Гоголя въ Петербургѣ не только во время его второй заграничной поѣздки, но и раньше и позже, часто присылалъ ему деньги взаймы и т. д. Это были школьные друзья.

Отъ 21/9 іюля 1837 года онъ пишетъ ему изъ Баденъ-Бадена.

«Получилъ ли ты письмо мое изъ Рима? Въ немъ были, между прочимъ, два письма въ институтъ. Если ты ихъ не отдавалъ туда, то и *не отдавай*[7]). Пусть останутся у тебя»[8]).

Прокоповичъ, видимо, просьбу друга исполнилъ и письма оставилъ у себя. Вѣроятно, это были письма: одно къ сестрамъ общее, а другое къ какому нибудь другому лицу. Сохранившись вмѣстѣ съ другими бумагами, они отъ Прокоповича перешли къ Гоголю,

---

[1]) X изд.: обращающимъ. [2]) X изд. далѣе: и падаетъ, власть невѣжества подрывается. [3]) X изд. далѣе: и когда всеобщій хаосъ переворота очищается и проясняется, предъ изумленными очами являются: монархи, держащіе мощною рукою свои скипетры; корабли и т. д. [4]) X изд.: расширеннымъ. [5]) X изд.: сильный напоръ и усиленный гнетъ властей, казалось, были для того только, чтобы и т. д.

[6]) Въ X изд. идетъ конецъ, котораго въ рукописяхъ нѣтъ:

Умъ человѣка, задвинутый крѣпкою толщею, не могъ иначе прорваться, какъ собравши всѣ свои усилія, всего себя. И оттого-то, можетъ быть, ни одинъ вѣкъ не представляетъ такихъ гигантскихъ открытій, какъ XV,—вѣкъ, которымъ такъ блистательно оканчиваются средніе вѣка, величественные, какъ колоссальный готическій храмъ, темные, мрачные, какъ его пересѣкаемые одинъ другимъ своды, пестрые, какъ разноцвѣтныя его окна и куча изузоривающихъ его украшеній, возвышенные, исполненные порывовъ; какъ его летящіе къ небу столпы и стѣны, оканчивающіяся мелькающимъ въ облакахъ шпицемъ.

[7]) Курсивъ нашъ. [8]) «Письма» Гоголя, изд. В. Шенрока, т. I, стр. 458, XXX.

по его просьбѣ, и затѣмъ достались пр. Погодину, а отъ его вдовы Н. Я. Дашкову.

Что это было то именно письмо, о которомъ Гоголь просилъ Прокоповича, видно по самому содержанію, гдѣ онъ разсказываетъ о климатѣ Италіи, о празднествѣ въ тридцати верстахъ отъ Рима и т. д. Письмо это впервые появляется въ печати.

Остальныя письма имѣютъ точно обозначенныя даты, годъ, мѣсяцъ и число ихъ написанія.

Если эти соображенія не могутъ дать возможность удовлетворительно выяснить вопросъ о времени написанія этого письма, то въ виду упоминанія въ немъ имени Александра Семеновича Данилевскаго, второго его друга, котораго онъ называлъ то братомъ, то родственникомъ, то племянникомъ, а, въ сущности, онъ былъ ему совсѣмъ чужой человѣкъ, это письмо можно отнести и ко второй половинѣ (послѣ іюня) 1838 года.

Въ письмѣ этомъ, между прочимъ, говорится:

«Это письмецо вамъ вручитъ нашъ добрый родственникъ Александръ Семеновичъ».

Письмо писано, несомнѣнно, изъ Рима. Дѣйствительно, въ 1838 году они путешествовали вмѣстѣ. Затѣмъ А. С. Данилевскій, видимо, уѣхалъ въ Петербургъ искать себѣ службы, и Гоголь снабдилъ его рекомендательнымъ письмомъ къ кн. П. А. Вяземскому, отъ 25 іюня 1838 года, гдѣ очень просилъ за Данилевскаго.

Онъ говоритъ, между прочимъ, о немъ:

«Примите благосклонно подателя этого письма, *брата* моего Данилевскаго» [1]).

Но письмо это по назначенію доставлено, очевидно, не было, такъ какъ не зачѣмъ ему было бы быть у пр. Погодина среди другихъ бумагъ Гоголя, и это обстоятельство насъ заставляетъ думать, что письмо это, вѣроятно, застряло у Прокоповича, у котораго А. С. Данилевскій могъ остановиться на первое время своего пріѣзда изъ-за границы, а отъ него снова перешло съ остальными бумагами обратно къ Гоголю.

Но такъ какъ Гоголь попалъ въ Римъ впервые послѣ Пасхи 1837 года и пробылъ въ немъ до 1838 года, за небольшими разъѣздами въ разныя стороны, то письмо это могло быть отнесено и къ этому времени.

Милыя мои сестрицы Лиза и Аннетъ. Вы все-таки ко мнѣ непишите и нехотите писать Вотъ уже вновь три мѣсяца, какъ я неполучалъ отъ васъ никакого извѣстія. Что вы дѣлаете, думаете

[1]) «Письма», т. I, стр. 514, LII.

ли обо мнѣ, обо мнѣ, который васъ такъ любитъ, какъ вы себѣ неможете вообразить, который для васъ готовъ пожертвовать всѣмъ, чтобы вы были только счастливы. А вы нехотите писать ко мнѣ. Я много бы далъ чтобы васъ увидѣть и вновь поговорить съ вами какъ, бывало помните мы говорили съ вами въ этой узинькой маленькой комнатѣ гдѣ стояло фортепіано. Это письмецо вамъ вручитъ нашъ добрый родственникъ Алекс. Семеновичъ [1]). Вы уже вѣрно знаете о его несчастіи. Онъ лишился своей матери. Добрая Татьяна Ивановна, у которой вы проводили иногда такъ пріятно время съ вѣрочкой [2]) и сестрой ея, уже умерла. Отъ него вы узнаете о мнѣ онъ разскажетъ вамъ когда и гдѣ меня видѣлъ. Мы съ нимъ провели много пріятныхъ минутъ вмѣстѣ. Напишите мнѣ кто у васъ бываетъ и съ кѣмъ вы чаще видитесь и говорите незабудьте особливо ты сестрица Анетъ не забудь мнѣ написать о своемъ здоровьи. Ты часто чувствовала разного [3]) рода припадки извѣсти меня продолжаются ли они и въ какомъ видѣ что же касается до меня мое здоровьѣ [4]) въ одинакомъ состояніи, несмотря на прекрасный климатъ Италіи. Если бъ ты знала какъ непріятно подъ такимъ чудеснымъ небомъ быть не совсѣмъ здоровымъ. Ахъ я вамъ разскажу кое-что о празникѣ [5]) который былъ надняхъ въ 30 верстахъ отъ Рима въ деревнѣ Дженсано. Празникъ этотъ называется jiovata тоже цвѣточный. Вообразите что всѣ улицы въ городѣ были усланы [6]) и вымощены цвѣтами. Но недумайте чтобы цвѣты были набросаны просто. Совсѣмъ нѣтъ. Вы неузнаете что это цвѣты вы подумаете что это ковры разосланы по улицѣ и на этихъ коврахъ множество разныхъ изображеній все это выложено изъ цвѣтовъ. Гербы, вазы, множество разныхъ уборовъ и даже наконецъ портретъ папы. Видъ удивительный, всѣ улицы, окна, двери все это было полно народомъ. По всѣмъ этимъ цвѣтамъ должна была пройти процессія, начиная отъ двухъ церквей и обойти весь городъ. Впереди прочихъ и тотчасъ вслѣдъ за монахами шли три дѣвочки лѣтъ пяти прехорошенькія собой одѣты ангелами съ крыльями и всѣ въ ожерельяхъ. Я думаю вы знаете что въ религіи католической очень много процессій. Лѣтомъ они [7]) всегда происходятъ по улицамъ, которые [8]) въ это время биткомъ набиты народомъ. Народъ въ своихъ яркихъ пестрыхъ костюмахъ подъ италіанскимъ яркимъ небомъ дѣлаетъ удивительное зрѣлище. Окна [9]) изъ которыхъ высовывается множество лицъ. Эти окна убираются пунцовыми, малиновыми и голубыми шелковыми матеріями. Италіанцы очень любятъ глядѣть изъ окошекъ, особливо италіанки. Это для нихъ наслажденіе какъ сходить въ театръ они [10])

---

[1]) Данилевскій. [2]) Надо: Вѣрочкой. [3]) Надо: разнаго. [4]) Надо: здоровье. [5]) Надо: праздникъ. [6]) Надо: устланы. [7]) Надо: онѣ. [8]) Надо: которыя. [9]) Мы нигдѣ не будемъ говорить о пропущенныхъ знакахъ препинанія; при скорописи могутъ случиться и невольныя ошибки. [10]) Надо: онѣ.

смотрять хоть даже на улицѣ пройдетъ одинъ только козелъ или оселъ. Я думаю вы знаете, что италiанцы всѣ музыканты всѣ поютъ. Опера въ Римѣ теперь прекрасная вы никогда неслыхали ничего подобнаго. Вообразите что въ Италiи нѣтъ почти ни одного самого малинькаго [1]) городка въ которомъ бы не было театра а въ театрѣ оперы. Вообразите что здѣсь иногда можно провести цѣлую ночь сидя подъ окномъ и слушая пѣсни гуляющихъ все что ни возвращается поздно ночью изъ театра все это поетъ на улицахъ и повторяетъ до послѣдней всѣ слышанные [2]) ими Арiи [3]), дуеты, квартеты и хоры. Черезъ недѣлю я ѣду въ Неаполь гдѣ пробуду может быть около двухъ мѣсяцевъ и гдѣ чудесная природа. Я вамъ о немъ напишу. Письма ваши отдайте на этотъ разъ Прокоповичу онъ за ними придетъ и отправитъ ихъ мнѣ если вы только неимѣете другой оказiи. Прощайте мои милые мною любимые [4]) сестрицы будьте здоровы и незабывайте меня.

Вашъ братъ Николай.

IV.

Письмо къ М. П. Погодину.

Мы не знаемъ, по какому оригиналу свѣрялъ г. Шенрокъ это письмо къ М. П. Погодину, но подлинное находилось въ нашемъ распоряженiи и принадлежитъ П. Я. Дашкову вмѣстѣ съ другими гоголевскими бумагами. Оно также воспроизводится въ этой (февральской) книгѣ «Историческаго Вѣстника» въ приложенiи въ точномъ факсимиле.

Тутъ есть одинъ только существенный варiантъ. Оставляя бумаги Гоголя, печатаемыя здѣсь теперь, безъ измѣненiя въ области транскрипцiи, грамматики и стиля, мы въ выноскахъ дѣлаемъ поправки по правиламъ теперешняго правописанiя. Такимъ образомъ, читатель имѣетъ, собственно, два текста—настоящiй гоголевскiй и такой, который долженъ былъ бы быть. Первый прiемъ едва ли не въ первый разъ примѣняется къ печатанiю бумагъ великихъ нашихъ писателей. Ошибки грамматическiя не могутъ умалить ихъ духовнаго величiя. Пусть знаетъ общество, что и великiе люди не всегда твердо знаютъ грамматику и ея правила. Впрочемъ, Гоголь неоднократно и самъ извинялся за свои ошибки въ письмахъ, особенно, когда онъ писалъ кому нибудь изъ кружка Пушкина и Жуковскаго, гдѣ требовалась большая осторожность, и это нисколько не вредило его репутацiи великаго человѣка.

---

[1]) Надо: маленькаго. [2]) Надо: слышанныя. [3]) Надо: арiи. [4]) Надо: милыя мною любимыя и т. т. д.

Въ общемъ, письмо почти безъ измѣненій [1]).

Я получилъ письмо твое въ Римѣ. Оно наполненно [2]) тѣмъ же чемъ [3]) наполнены теперь всѣ наши мысли. Ничего не говорю о великости этой утраты. Моя утрата всѣхъ больше. Ты скорбѣлъ какъ Руской [4]) какъ писатель я... я и сотой доли не могу выразить своей [5]) скорби. Моя жизнь мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ. Мои свѣтлые [6]) минуты моей жизни были минуты въ которые [7]) я творилъ. Когда я творилъ, я видѣлъ передъ собою только Пушкина. Ничто мнѣ были всѣ толки я плевалъ на презрѣнную чернь *извѣстную подъ именемъ публики*, мнѣ дорого было его вѣчное и непреложное слово. Ничего непредпринималъ [8]) ничего неписалъ я безъ его совѣта. Все что есть у меня хорошаго всѣмъ этимъ я обязанъ ему. И теперешній трудъ мой есть его созданіе. Онъ взялъ съ меня клятву чтобы я писалъ и ни одна строка его не писалась безъ того чтобы онъ не являлся въ то время очамъ моимъ. Я тѣшилъ себя мыслью какъ будетъ доволенъ онъ угадывалъ что будетъ нравиться ему. И это было моею высшею первою наградою Теперь этой награды нѣтъ впереди! Что трудъ мой? Что теперь жизнь моя? Ты приглашаешь меня ѣхать къ вамъ. Для чего? Не для того ли чтобъ повторить вѣчную участь поэтовъ на родинѣ или ты нарочно здѣлалъ [9]) такое заключеніе послѣ сильного тобой приведеннаго примѣра чтобы сдѣлать еще разительнѣе самой [10]) примѣръ... Для чего я пріѣду? Невидалъ я развѣ дорогого зборища [11]) нашихъ просвѣщенныхъ невѣждъ. *Или я незнаю что такое совѣтники начиная отъ титулярного до дѣйствительныхъ тайныхъ?* Ты пишешь, что всѣ люди даже холодные были тронуты этою потерей. А что эти люди готовы были дѣлать ему при жизни. Развѣ я небылъ свидѣтелемъ горькихъ горькихъ минутъ, которые [12]) приходилось чувствовать Пушкину, несмотря на то что самъ Монархъ (буди за то благословенно имя его) почтилъ [13]) талантъ. О! когда я вспомню нашихъ судій [14]), меценатовъ, ученыхъ, умниковъ, благородное наше аристократство, сердце мое содрогается при одной мысли... Должны быть самые [15]) причины когда они меня заставили рѣшиться на то начто я бы нехотѣлъ рѣшиться. Или ты думаешь

---

[1]) Въ «Письмахъ» Гоголя, собранныхъ Шенрокомъ, это письмо помѣщено въ т. I, стр. 434, XXII. [2]) Надо: наполнено. [3]) Надо: чѣмъ. [4]) Надо: русскій. [5]) Надо: моей. [6]) Надо: свѣтлыя. [7]) Надо: въ которыя. [8]) Гоголь часто сливаетъ отрицаніе *не* съ глаголомъ, мы не будемъ отмѣчать эти случаи, какъ извѣстныя, уже опредѣлившіяся въ рукописяхъ формы гоголевской транскрипціи. [9]) Надо: сдѣлалъ. [10]) Надо: самый. [11]) Надо: сборища. [12]) Надо: которыя.

[13]) Въ «Письмахъ» Гоголя, собранныхъ Шенрокомъ, т. I, стр. 434, тутъ: «почиталъ (его) талантъ».

Мы не знаемъ, изъ какихъ это рукописей, но въ подлинномъ письмѣ Гоголя къ Погодину этого «его» нѣтъ, а вмѣсто слова—почиталъ другое слово, болѣе сильное и болѣе опредѣленное—почтилъ. [14]) «Письма»,—судей. [15]) Надо: самыя; у Шенрока «самыя сильныя»; по нашей рукописи послѣдняго слова нѣтъ.

мнѣ ничего что мои друзья, что вы отдѣлены отъ меня горами? Или я нелюблю нашей неизмѣримой, нашей родной русской земли? Я живу около года въ чужой землѣ, вижу прекрасные [1]) небеса, міръ богатый искусствами и человѣкомъ. Но развѣ перо мое принялось описывать предметы могучіе [2]) поразить всякаго. Ни одной строки немогъ посвятить я чуждому непреодолимою связью прикованъ я къ своему [3]). И нашъ бѣдный неяркій міръ нашъ, наши курные [4]) избы, обнаженные [5]) пространства предпочелъ я лучшимъ небесамъ привѣтливѣе глядѣвшимъ на меня. И я ли послѣ этого могу нелюбить своей отчизны? Но ѣхать, выносить надменную гордость безмозглаго класса людей, которые будутъ передо мною дуться и даже мнѣ пакостить. Нѣтъ слуга покорный. Въ чужой землѣ я готовъ все перенести, готовъ нищенски протянуть руки если дойдетъ до этого дѣло. Но въ своей никогда! Мои страданія тебѣ немогутъ вполнѣ понятны. Ты въ пристани, ты какъ мудрецъ можешь перенесть и посмѣяться. Я бездомный, меня бьютъ и качаютъ волны и упираться мнѣ только на якорь гордости которую вселили въ грудь мою высшія силы, сложить мнѣ голову свою не народинѣ [6]). Если ты имѣешь желаніе ѣхать освѣжиться и возобновить свои силы, увидѣть меня пріѣзжай въ Римъ. Здѣсь мое всегдашнее пребываніе. На іюнь и іюль ѣду въ Германію на воды и возвратившись провожу здѣсь осень зиму и весну. Небо чудное. Пью его воздухъ и забываю весь міръ. Напиши мнѣ что-нибудь про ваши московскія гадости. Ты видишь какъ сильна моя любовь, даже гадости я готовъ слышать изъ родины.

Прощай. Твой Гоголь.

Мой адресъ: Via de Jsidoro. 17. Casa Giovanni massuci.

V.

Альманахъ „Утренняя Заря“.

«Утренняя Заря» — альманахъ, изданный въ 1842 году В. Владиславлевымъ. Гоголь его рецензировалъ и, какъ видно, изъ самого сличенія двухъ редакцій, въ окончательной формѣ рецензію укоротилъ.

Вотъ что говоритъ профессоръ Тихонравовъ въ примѣчаніяхъ къ этой рецензіи:

«Въ «Москвитянинѣ» 1842 года, № 1, стр. 304—318, напечатанъ былъ разборъ альманаха «Утренняя Заря», подписанный буквами

[1]) Надо: прекрасныя. [2]) Надо: могущіе. [3]) Внизу зачеркнуто: своей землѣ. [4]) Надо: курныя. [5]) Надо: обнаженныя. [6]) Надо: на родинѣ.

NN. Покойный М. П. Погодинъ сообщилъ мнѣ, въ 1853 году, что начальныя страницы этой рецензіи (т. е. первые два §§ статьи включительно до словъ: «это сіяющая игрушка») написаны Гоголемъ. У Погодина хранился въ то время и оригиналъ этого отрывка въ двухъ экземплярахъ: одинъ черновой, другой, переписанный набѣло; тотъ и другой писаны рукою Гоголя. Отрывокъ написанъ въ началѣ 1842 года, когда вышелъ въ свѣтъ альманахъ Владиславлева «Утренняя Заря на 1842 годъ». Гоголь жилъ въ это время въ Москвѣ, въ домѣ Погодина на Дѣвичьемъ полѣ» (т. V, изд. X, стр. 681).

И все это вѣрно, такъ какъ оба эти отрывка находятся въ нашихъ рукахъ, и мы ихъ представляемъ теперь впервые.

Первая редакція.

Начнемъ [1]) *блестящимъ* [2]) *издѣліемъ типографической роскоши, легкимъ* [3]) *сверкающимъ цвѣткомъ привѣтствующимъ наступающій 1842 годъ. Альманахъ Владиславлева съ каждымъ годомъ издается роскошнѣй* [4]). *Онъ украшенъ и теперь* [5]) портретами красавицъ Петербурга [6]) Портретъ Великой Княгини Марьи Александровны предводитъ ими... и вѣрно остановятся всѣ читатели [7]) выраженіе и мысль [8]) сквозятъ въ чертахъ лица и какъ во [9]) что-то святое всматриваешься въ нее внимательнѣй, всякой [10]) Русской предъ новымъ годомъ вѣрно не безъ [11]) полной гордости для русскаго сердца [12]) видя что едва ли красавицы сѣвера не возьмутъ верхъ надъ [13]) красавицами украшающими Европейскіе книсеки... Завадовская блещетъ [14]) всей роскошью своей неувядаемой красотой ясность простоты отражается в... [15]) полнотою взгляда. Чисто славянское [16]) виднѣется въ профили А. Барятинской... Помѣщеніе портретовъ сіяющихъ нашихъ современницъ дѣло *совершенно* новое ихъ будетъ разсматривать съ жадностью... [17]) *отдаленной Россіи* куда едва доходитъ слухъ о столицѣ [18]) не одинъ одаренным высокимъ художественнымъ чувствомъ.

---

[1]) Зачеркнуто: съ. [2]) Далѣе зачеркнуто произв. не окончено. [3]) Далѣе зачеркнуто: блестящ., не окончено. [4]) Далѣе зачеркнуто: бумага, картинки, печать—сіяющая игрушка; трудно разобрать, что надписано наверху. [5]) Далѣе зачеркнуто: шесть портретовъ красавицъ Петербурга. [6]) Далѣе зачеркнуто: невольно остановятъ и затѣмъ какое-то слово не окончено. [7]) Далѣе зачеркнуто: какъ обѣщана. [8]) Далѣе зачеркнуто: означены. [9]) Далѣе трудно разобрать. [10]) Надо: всякій. [11]) Далѣе что-то надписано, но разобрать трудно. [12]) Внизу что-то написано и немного далѣе, но разобрать трудно. [13]) Въ рукописи: на. [14]) Что-то надписано, но разобрать трудно. [15]) Далѣе не разборчивы два слова. [16]) Далѣе зачеркнуто: красота. [17]) Далѣе не разборчивое слово. [18]) Внизу зачеркнуто цѣлое выраженіе, которое трудно разобрать.

На этотъ годъ вѣроятно всякой будетъ еще радостнѣе дарить или получать *альманахъ* Утренняя Заря. *Это блестящее произведеніе будетъ тамъ подвергнуто суровой критикѣ.* Она предъ нимъ остановится какъ предъ... [1]) мотылькомъ или цвѣткомъ боясь дуновеньемъ своимъ лишить его свѣжести. Содержаніе [2]) соотвѣтствуетъ *назначенью. Оно для легкаго будуарнаго чтенія красавицы.* Свѣтскость слога гладкость языка и приличье *въ повѣстяхъ и* [3]) *въ легкихъ граціозныхъ стихахъ.* Словомъ это сіяющая игрушка. *Повѣсть самого издателя блещетъ легкостью и живостью искусство незначущій сюжетъ обратить въ занимательный. Изъ стихотвореній. . . .* [4]) *Но пусть лучше разноситъ этотъ блестящій мотылекъ по всѣмъ угламъ* [5]) *Россіи свои поздравленія* [6]) *съ новымъ годомъ всѣхъ отъ Камчатки до береговъ сіяющей Тавриды.*

Вторая редакція.

Начнемъ блестящимъ издѣліемъ типографской роскоши, легкимъ сверкающимъ цвѣткомъ привѣтствующимъ наступающій 1842-й годъ.

Альманахъ украшенъ семью портретами. Портретъ Ея Императорскаго Высочества Марьи Александровны занимаетъ первое мѣсто.

Выраженіемъ и мыслью сквозятъ черты его, и вѣрно всякой Русской наканунѣ новаго года всмотриться въ нихъ внимательней, какъ во что то свѣтлое, пророческое. Всѣ прочіе портреты прекрасны. Не безъ тайной внутренней гордости разсматриваемъ ихъ видя что едва ли красавицы сѣвера не возьмутъ верхъ надъ красавицами украшающими Европейскіе кипсеки. Портретъ графини Елены Михайловны Заводовской блещетъ всею роскошью ея неувядаемой красоты. Свѣтлая ясность простоты отражается въ лицѣ графини Софьи Александровны Бенкендорфъ.

Южной полнотой взгляда озарено лицо баронессы Екатерины Николаевны Менгденъ... Наконецъ, типъ чисто-славянской красоты видѣнъ въ профилѣ княжны Марьи Ивановны Барятинской. Помѣщеніе портретовъ сіяющихъ нашихъ современницъ есть у насъ дѣло еще новое. Ихъ будетъ разсматривать съ жадностью житель отдаленнаго угла Россіи куда едва доходятъ слухи о столицѣ и не одинъ одаренный высокимъ художественнымъ вкусомъ полюбуется ими,

Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты [7])

---

[1]) Трудно разобрать эпитетъ. [2]) Далѣе зачеркнуты плохо разбираемыя слова, за исключеніемъ «вполнѣ». [3]) Зачеркнуто далѣе: въ стихахъ. [4]) Далѣе трудно разобрать. [5]) Внизу зачеркнуто: пространствамъ. [6]) Далѣе зачеркнуто: ихъ. [7]) Слѣва этихъ стиховъ, на полѣ, Гоголемъ написано «эти стихи курсивомъ».

какъ сказалъ Пушкинъ. И всякій на этотъ текущій годъ будетъ еще радостнѣй дарить или получать Утреннюю Зарю, жаль подвергнуть это блестящее издѣлье строгому [1]) перу суровой критики. Она предъ нимъ остановится, какъ передъ нѣжнымъ мотылькомъ или цвѣткомъ боясь дуновеньемъ своимъ лишить его свѣжести. Содержанье его вполнѣ соотвѣтствуетъ своему значенію. Это легкое будуарное чтенье красавицы. Свѣтской слогъ, гладкость языка, строгое приличье во многихъ повѣстяхъ и легкая граціозность нѣкоторыхъ стиховъ словомъ это сіяющая игрушка.

Повѣсти самого издателя блещутъ живостью и легкостью. Въ нихъ тоже обычное ему искусство незначущій предметъ обращать въ занимательный. Картезіанскій монастырь Жуковой и Черногорецъ Надеждина выходятъ рельефнѣе другихъ. Что до стиховъ то читатель вѣрно остановится надъ Любовью Мертвеца Лермонтова, Дорожною думою князя Вяземскаго кромѣ того мелькаютъ въ Утренней Зарѣ имена Кольцова Бенедиктова графа Соллогуба Кукольника. Но зачемъ разсказывать что въ ней есть. Читатель найдетъ. Пусть лучше разносится этотъ блестящій мотылекъ по всѣмъ концамъ Россіи и свѣтло поздравляетъ съ новымъ годомъ всѣхъ отъ Камчатки до береговъ Тавриды [2]).

VI.

Отрывки.

Въ числѣ рукописей Гоголя находятся, между прочимъ, кусочки, несвязанные между собой ни единствомъ мысли, ни единствомъ плана. Они не могутъ претендовать на какое нибудь литературное значеніе въ общей сокровищницѣ Гоголевскихъ созданій, а имѣютъ единственною цѣлью пополнить ее.

Мы ихъ не замѣтили ни въ пяти томахъ X изданія «Сочиненій» Гоголя, ни въ двухъ дополнительныхъ, изданныхъ подъ редакціей Шенрока. Можно думать, что эти отрывки и урѣзки мыслей появляются въ печати впервые, но даже если они и были, чего мы не замѣтили, то и тогда интересъ къ нимъ можетъ быть только посредственный.

Смотрю долго, а всѣхъ не знаю. Вы натурально берете мужа которой понадежнѣе, пообразованнѣе, человѣкъ бывалый.

Вы всѣ такіе достойные господа что вдругъ я никакимъ образомъ не могу рѣшиться. Позвольте мнѣ я подумаю хорошенько поразмышляю, а тогда уже скажу прямо. Теперь позвольте мнѣ просить васъ откушать хлѣба и соли...

---

[1]) Внизу зачеркнуто: черствому. [2]) Все набранное курсивомъ въ рукописи зачеркнуто Гоголемъ.

Нѣсколько строкъ изъ «Мертвыхъ душъ»... [1]) другая судьба писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все что ежеминутно предъ очами и чего не зрятъ равнодушные очи, всю страшную, потрясающую тину мѣлочей [2]), опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земля и [3]) подъ часъ горькая и скучная дорога, крѣпкою силою неумолимаго рѣзца дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи.—Ему не собрать народныхъ рукоплесканій, ему незрѣть признательныхъ слезъ и единодушнаго восторга взволнованныхъ имъ душъ;...

Есть еще такія [4]) мѣста на землѣ нашей холодъ вѣчной зимы круглый годъ итакъ скучно въ тѣхъ мѣстахъ такъ уныло какъ будто ничего нѣтъ живаго тамъ ни травки ни деревца только недѣли надвѣ зазеленѣетъ мохъ наземлѣ и послѣ опять все снѣгъ все снѣгъ люди такіе маленькіе такіе бѣдныя [5]), ходятъ все въ шубахъ и никогда непокидаютъ ихъ, только и дѣла что ловятъ рыбу и оленей которыми [6]) одними только и живутъ тамъ. Снѣгъ тамъ массой и его пройти нельзя въ батинкахъ [7]) или сапогахъ потому что тотчасъ можно провалиться, и бѣдные люди тамошніе чтобы помочь этому придѣлываютъ подъ сапоги себѣ [8]) маленькіе саночки, которыхъ называютъ *лыжами* и съ которыми они гоняются за звѣрями, хотите ли вы знать что это за люди? Это камчадалы, эскимосы, самоѣды.

VII.

Семилѣтняя война.

Марьи Терезіи было очень непріятно, что она принуждена была уступить Фридриху Силезію. Войска въ Австріи безпрестанно набирались. Франція и Россія заключили съ нею тѣснѣйшій союзъ все это неушло изъ виду Фридриха Великаго. Желая предупредить своихъ непріятелей онъ вдругъ ворвался (въ 1756) въ Саксонію. Овладѣвши ею вступилъ въ Богемію и осадилъ Прагу. Фельдмаршалъ Даунъ, съ войскомъ вдвое болѣе Фридрихова пришелъ на помощь къ осажденному городу и заставилъ короля вступить въ сраженіе при *Коллинѣ* (въ 1757) пруссаки сражались

[1]) Знаменитыя строки изъ VII главы «Мертвыхъ душъ», X изд., т. III, стр. 131. [2]) Надо: мелочей. [3]) Внизу зачеркнуто: дерзнувшаго. [4]) Далѣе зачеркнуто: земли. [5]) Надо: бѣдные. [6]) Внизу зачеркнуто: одну только ее ѣдятъ. [7]) Надо: ботинкахъ. [8]) Внизу зачеркнуто: къ сапогамъ своимъ.

отчаянно, король присутствовалъ вездѣ, но все было напрасно, онъ былъ разбитъ. Это ободрило его непріятелей. Нѣмецкіе имперскіе чины даже отрѣшили его отъ престола. Между тѣмъ русское войско подъ начальствомъ Апраксина вступило въ Пруссію. При *Грюсъ-Егерндорфѣ* Прусскій Король былъ разбитъ совершенно, несмотря на непреоборимое свое мужество. Казалось все оставило короля и Ему опредѣлено было погибнуть. Полководецъ Его Винтерфельдъ былъ убитъ Австрійскія войска стали показываться около Берлина. Взяли Швейницъ. Но Фридрихъ далекъ былъ отъ унынія и въ рѣшительную минуту показалъ всю твердость души и непреклонное терпѣніе. Въ томъ же году при небольшой деревнѣ *Росбахъ* собравши всѣ свои силы напалъ онъ на Австрійскую и Французскую армію и одержалъ къ всеобщему удивленію знаменитую побѣду и давши роздыхъ своему войску. Еще съ большію [1]) силою напалъ на непріятельскія Арміи при *Лейтенъ.* Здѣсь военное искусство восторжествовало но Лейтенская побѣда подняла его съ края гибели на верхъ славы и щастія [2]). Марья Терезія обратилась снова къ Россіи. Русскіе подъ начальствомъ Фермора вступили снова въ Пруссію. Осадили Кеннесбергъ. Фридрихъ поспѣшилъ на помощь и встрѣтилъ ихъ при *Цорндорфѣ* (1758). Сраженіе было кровопролитно. Потери съ обѣихъ сторонъ велики. Русскіе видя непреодолимую отчаянную твердость Фридриха отступили. Фридрихъ обратился на Австрійцевъ при деревнѣ *Гохкирхенъ* завязалась отчаянная битва. Фридрихъ и его воско [3]) оказывало чудеса. Все свое знаніе въ военномъ дѣлѣ истощилъ онъ и несмотря на это долженъ былъ уступить. Его фельдмаршалъ Кейтъ былъ убитъ. Его войска были разбиты множество взято было въ плѣнъ. Но собравши остатки, стройно и въ удивительномъ порядкѣ отступилъ онъ отъ Гохкирхена. Фельдмаршалъ несмѣлъ напасть на него. Фридрихъ и побѣжденный былъ для него страшенъ. Въ слѣдующемъ году непріятели Фридриха соединились противъ него съ новыми силами при Кунерсдорфѣ.

---

[1]) Надо: большею. [2]) Надо: счастія. [3]) Надо: войско.

VIII.

Вѣкъ Людовика IV[1]).

Вся вторая[2]) половина 17 столѣтія называется вѣкомъ Людовика IV[3]). Это былъ вѣкъ славы для Франціи[4]) въ это время она стала на[5]) блистательную степень государства Людовикъ[6]) имѣлъ много ума, еще болѣе тонкаго вкуса любезности и въ первые годы своего царствованія показалъ[7]) и необыкновенную ревность къ наукамъ художествамъ торговлѣ и искусствамъ. На всемъ было означенно[8]) его покровительство. При дворѣ французскомъ собралось все изящное тогда въ Европѣ все закипѣло жизнью явилась академія наукъ показались театры.

Смѣнилъ всѣхъ комедіей Расинъ создалъ французскую трагедію Буало, писалъ правила и училъ тогдашнихъ поэтовъ. Министръ Людовика Кольбертъ завелъ фабрики шолковыя зеркальныя драгоцѣнныхъ ковровъ и собралъ въ не долгомъ времени огромное богатство. Вся Европа собиралась въ Парижъ веселиться и наслаждаться жизнью. Но Людовикъ неимѣлъ мѣры своей щедрости и обратилъ ее послѣ въ безумную расточительность. Кромѣ того онъ еще хотѣлъ увеличить свою славу подвигами военными и новыми пріобрѣтеніями къ своему государству. Прежде всего хотѣлъ онъ покорить часть Голландіи и французы почти скоро прославились за военныя дѣла. Полководцы Конде и Тюрень побѣждали вездѣ куда ни приходили. Король пріобрѣлъ аттрибутъ и множество Голландскихъ городовъ но дорого поплатился за это. Вся Европа обратилась противъ него. Тюрень умеръ казна истрачена а Людовикъ послѣ многихъ войнъ, принужденъ былъ заключить миръ въ Рисквикѣ въ 1697 году.

Всѣ богатства собранныя Кольбертомъ пропали но король предпринялъ еще новую войну за наслѣдство Испанскаго престола на который онъ хотѣлъ возвесть внука своего Филиппа и снова почти вся Европа вооружилась противъ Людовика. Война была не изъ щастливыхъ[9]) для французовъ. Англійскій генералъ Мальбругъ и Австрійскій принцъ Евгеній разбивали вездѣ французовъ и изнуренная Франція войнами голодомъ склонилась къ міру[10]) заключенному въ Утрехтѣ въ 1713 г. Людовикъ былъ сильно уни-

[1]) Очевидно, тутъ Гоголь описался. Думаемъ, что нужно не Людовикъ IV, а Людовикъ XIV, такъ какъ далѣе упоминаются Расинъ, Буало и министръ Людовика Кольберъ. [2]) Надписано незачеркнуто: первая. [3]) Далѣе зачеркнуто: Франція показалась въ это время самымъ блистательнымъ... [4]) Далѣе зачеркнуто: Въ царствованіе Людовика. [5]) Далѣе зачеркнуто: самую. [6]) Далѣе зачеркнуто: въ первые годы своего царствованія. [7]) Далѣе зачеркнуто: свое покровительство. [8]) Надо: означено. [9]) Надо: счастливыхъ. [10]) Надо: миру.

женъ. Франція его расточительностью была доведена до жалкаго состоянія. Долги ея были огромны. Народъ въ бѣдности и развратѣ, посреди такихъ нещастій которыхъ онъ самъ былъ причиной. Умеръ король Людовикъ IV [1]) въ 1715 на 79 году своего рожденія.

Спустя нѣсколько времени послѣ смерти Людовика IV вся Европа была занята войною за наслѣдство Австрійскихъ владѣній. Императоръ Австрійскій Карлъ VI объявилъ прагматическую санкцію, по какой дочь его Марія-Терезія должна была послѣ него взойти на престолъ [2]). Фридрихъ II еще мало извѣстный въ то время король прусскій, сталъ требовать Силезію. Курфирстъ Баварскій даже провозгласилъ себя императоромъ и уже короновался. Европейскія государства приняли однѣ сторону Марьи Терезіи другія курфирста третіи [3]) Фридриха. Съ помощью однако же вѣрныхъ своихъ венгерцевъ, Марьи Терезіи удалось восторжествовать надъ первымъ своимъ непріятелемъ а съ Фридрихомъ заключить міръ [4]) сначала въ Бреславлѣ потомъ въ Ахенѣ 1718 по коему вся Европа признала Силезію, принадлежащей Фридриху.

[1]) Надо: XIV. [2]) Далѣе зачеркнуто: Въ то время Марья Терезія взошла на Императорскій престолъ. [3]) Надо: третьи. [4]) Надо: миръ.

ОТЕЦЪ ГОГОЛЯ.

ОДНОЙ изъ первыхъ задачъ, возникающихъ передъ историкомъ жизни художника, писателя, является тщательное, вѣрное дѣйствительности описаніе среды, въ которой протекло его дѣтство, и выясненіе тѣхъ вліяній, которыя безсознательно воспринимались имъ въ дѣтскіе годы. Первое мѣсто въ этой средѣ занимають люди и, прежде всего, семья, отецъ и мать. Вліяніе послѣднихъ выражается и непосредственымъ образомъ въ сознательномъ управленіи жизнью ребенка, и посредственнымъ, черезъ психическое воздѣйствіе ихъ личности. На душевномъ складѣ ребенка всегда отражается тотъ типъ, представителями котораго являются его родители и близкіе. Въ жизни Николая Васильевича Гоголя обстановка дѣтскаго возроста, изображаемая въ большинствѣ случаевъ несоотвѣтственно дѣйствительности, имѣла большое значеніе, повліявъ и на складъ его личности и на характеръ его творчества. Основной тонъ этой обстановки—сѣрая, средняя, будничная жизнь, поглощенная мелкими личными интересами; въ ней останавливаютъ наше вниманіе обиліе житейской пошлости, которую Гоголь всю жизнь изображалъ въ своимъ произведеніяхъ, и отсутствіе здороваго идеализма. Маленькими людьми были и мать и отецъ Гоголя: только историки ихъ знаменитаго сына вывели ихъ изъ забвенія и нѣсколько приподнято изобразили ихъ личности. Отецъ Гоголя, правда, извѣстенъ, какъ авторъ веселыхъ малороссійскихъ комедій, но есть основанія думать, что, не будь на свѣтѣ Николая Васильевича, историки малорусской драматиче-

ской литературы врядъ ли бы вспомнили о Василіи Аѳанасьевичѣ Гоголѣ—Яновскомъ, такъ какъ врядъ ли бы сохранилась память о его драматическомъ творчествѣ. Но Василій Аѳанасьевичъ Яновскій для насъ интересенъ, главнымъ образомъ, какъ отецъ Гоголя, какъ человѣкъ, имѣвшій вліяніе на него и передавшій нѣкоторыя черты своего психическаго склада сыну. А сынъ впослѣдствіи писалъ: «Я уже отъ многихъ своихъ недостатковъ избавился тѣмъ, что передалъ ихъ своимъ героямъ, ихъ осмѣялъ въ нихъ и заставилъ другихъ также надъ ними посмѣяться». Василій Аѳанасьевичъ умеръ въ 1825 году, когда сыну было 16 лѣтъ, и онъ уже впродолженіе 4 лѣтъ учился въ Нѣжинѣ. Конечно, Николай Васильевичъ очень любилъ своего отца, но мы не можемъ сказать, имѣлъ ли онъ опредѣленныя представленія о характерѣ своего отца, выдѣлялась ли въ нихъ личность Василія Аѳанасьевича, какъ положительный типъ изъ среды мелкихъ, сѣрыхъ людей, окружавшихъ и отца и сына. Съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ можно отрицательно отвѣчать на послѣдній вопросъ, если принять во вниманіе, что въ письмахъ Гоголя кромѣ тѣхъ фразъ, которыми принято выражать свое отношеніе къ родителямъ, мы не встрѣчаемъ никакихъ указаній на то, что Гоголь цѣнилъ отца, какъ человѣка, стоящаго выше средняго уровня, одареннаго высокими качествами души. Личность отца Гоголя была извѣстна намъ по воспоминаніямъ его близкихъ, по запискамъ Кулиша, почерпнувшаго весь матеріалъ изъ этихъ же воспоминаній. Понятна доля субъективизма въ оцѣнкѣ личности Василія Аѳанасьевича. Въ нашемъ распоряженіи находятся семейныя бумаги отца Гоголя: его документы, переписка его съ отцомъ, матерью, съ своей женой, знакомыми, дѣловыя бумаги. Пользуясь главнымъ образомъ ими, попробуемъ дать характеристику Василія Аѳанасьевича.

I.

О дѣдѣ Гоголя и отцѣ Василія Аѳанасьевича, Аѳанасіи Демьяновичѣ, и его женѣ Татьянѣ Семеновнѣ, урожденной Лизогубъ, разсказываютъ, что они послужили прототипомъ супружеской четы старосвѣтскихъ помѣщиковъ; впрочемъ, рядомъ съ этимъ, разсказываютъ еще о нѣсколькихъ старичкахъ, будто бы тоже давшихъ матеріалы для изображенія Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны. То, что намъ извѣстно о службѣ и житейскихъ отношеніяхъ Аѳанасія Демьяновича, противорѣчитъ сближенію его съ Аѳанасіемъ Ивановичемъ изъ «старосвѣтскихъ помѣщиковъ». Служилъ онъ все время «у письменныхъ дѣлъ» въ полковой миргородской канцеляріи (съ 8 января 1757 года), потомъ полковымъ канцеляристомъ и полковымъ писаремъ. Немало онъ видѣлъ на своемъ

вѣку. Не разъ онъ былъ «опредѣляемъ въ указное употребленіе комиссіи и въ разныя внутреннія командированія и посылки, исправляя порученныя ему дѣла съ примѣрностью и должнымъ усердіемъ безъ малѣйшаго порока и подозрѣнія добропорядочно». Былъ онъ между прочимъ и въ крымскомъ походѣ; съ 1785 года состоялъ, по выбору дворянства, въ «учрежденной въ городѣ Кіевѣ о разборѣ дворянства дѣлъ комиссіи». Сохранились воспоминанія о томъ, что онъ учился въ академіи. Въ одной официальной бумагѣ Аѳанасій Демьяновичъ пишетъ о себѣ: «грамотѣ порусски, полатыни, погречески и попольски читать и писать умѣю». Въ семейныхъ бумагахъ Гоголей сохранилось очень много писемъ къ Аѳанасію Демьяновичу отъ различныхъ лицъ, его замѣтокъ и писемъ къ дѣтямъ, не имѣющихъ для насъ никакого значенія, но указывающихъ на то, что дѣдъ Гоголя былъ энергичный, бывалый человѣкъ, дѣятельно поддерживавшій отношенія съ своими многочисленными знакомыми и слѣдовательно мало былъ похожъ на Аѳанасія Ивановича.

Намъ неизвѣстенъ годъ рожденія Василія Аѳанасьевича, и наши свѣдѣнія по этому вопросу поставлены въ зависимость отъ официальныхъ данныхъ о службѣ Василія Аѳанасьевича, а официальныя данныя очень сбивчивы и неясны. Въ бумагахъ Василія Аѳанасьевича сохранилась копія патента, въ которомъ значится: «извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что мы Василія Яновскаго, который намъ значковымъ товарищемъ служилъ для его оказанной къ службѣ нашей ревности и примѣрности въ наши корнеты 1787 года ноября 27 дня пожаловали и учредили». Сколько лѣтъ было въ это время корнету Василію Яновскому? Въ семейномъ спискѣ Аѳанасія Гоголя, поданномъ въ 1798 году, указано сыну Василію 15 лѣтъ, но изъ другой дѣловой бумаги уступнаго записа Семена Лизогуба на хуторъ Татьянѣ Яновской и внуку Василію, видно, что уже въ 1781 году Василій Аѳанасьевичъ жилъ на бѣломъ свѣтѣ [1]). Но все равно, родился ли онъ въ 1783 году, какъ выходитъ по семейному списку, или въ 1780 году, какъ можно заключить изъ второго документа, пожалованіе въ корнеты 4 или 7—8 лѣтняго мальчика кажется страннымъ. Но нужно вспомнить, что это было въ XVIII вѣкѣ, когда зачисляли на службу при рожденіи. Примѣры многочисленны. Но если мы не должны удивляться тому, что чины шли съ перваго дня жизни, все-таки мы не можемъ не подивиться тому, что они шли до рожденія. А такъ выходитъ изъ сохранившагося въ бумагахъ Гоголей подлиннаго аттестата, выданнаго полковникомъ Ѳедоромъ Занковскимъ въ Сорочинцахъ 25 августа 1781 года съ приложеніемъ печати и за надлежащимъ номеромъ. Выданъ онъ значковому товарищу, сыну малороссійскаго полкового писаря, Василію Яновскому въ тмъ, что «вступя онъ въ службу ея императорскаго величества съ

770 года, продолжалъ оную первѣе при полковой миргородской канцеляріи письменныхъ дѣлъ полковымъ канцеляристомъ по 772 годъ, съ котораго за опредѣленіемъ въ настоящій его чинъ находясь въ командѣ моей былъ въ крымскомъ походѣ въ прошедшую съ оттоманской портой войну во второй арміи въ 1773 году а въ 1774 года по 1781 годъ употребляемъ былъ во многіе внутренніе и пограничные командированія и посылки; исправляя всѣ возложенныя на него дѣла добропорядочно безъ малѣйшихъ пороковъ и подозрѣній съ отличной ревностію похвальнымъ успѣхомъ, почему за такову усердно и безпорочно продолженную онымъ Яновскимъ службу достоинъ награжденія чиномъ войскового товарища». Мы отказываемся объяснить происхожденіе этого аттестата, но несомнѣнно, что въ это время (1770—1773 году) Василій Яновскій, отецъ писателя, еще не родился. Помимо приведенныхъ выше офиціальныхъ данныхъ, мы ниже приведемъ другія, изъ которыхъ видно, что въ 1792 — 1796 онъ учился въ Полтавѣ, въ семинаріи, былъ совсѣмъ ребенкомъ и назывался «Васютой». Впрочемъ, вопросъ о службѣ Василія Аѳанасьевича не имѣетъ значенія: все равно, вѣдь, онъ служилъ только номинально.

Извѣстно, что Василій Аѳанасьевичъ учился въ Полтавской семинаріи. Въ Полтавѣ былъ онъ на попеченіи нѣкоего Стефана Гординскаго, по всей вѣроятности, учителя семинаріи. Дошло нѣсколько писемъ Гординскаго къ отцу Василія Аѳанасьевича. Всѣ они начинаются такъ: «Ваше высокоблагородіе, высокомилостивый государь и благодѣтель мой Аѳанасій Демьяновичъ». Въ каждомъ выражается благодарность за различныя благодѣянія и прибавляется та или другая просьба. Гординскій не только училъ Василія Аѳанасьевича, но и исполнялъ различныя порученія отца своего ученика: покупалъ маслины, оливы, вино судацкое, табакъ виргинскій. Изрѣдка онъ сообщалъ и о своемъ питомцѣ. Вотъ, напримѣръ, выдержка изъ письма 26-го ноября 1794 года. «Что же касается до голубовъ, за которые вы изволили писать, якобы Васюта держалъ оные, то хотя сему и правда, однако мнѣ несвѣдущу. Нынѣ же узнавши объ этомъ обстоятельно, завѣряю васъ, что уже точно не будетъ держать болѣе, а меня покорно прошу извинить». 2-го марта 1795 года Гординскій сообщалъ Аѳанасію Демьяновичу: «Васюта, слава Богу, по силѣ своихъ силъ и дарованій въ ученіи своемъ успѣваетъ сообразно оныхъ и впредь подастъ добрую надежду, я его понуждаю къ ученію, соображаяся всегда силамъ его тѣлеснымъ, которыя усматриваются невелики». Сохранилось два письма Василія Аѳанасьевича къ своимъ родителямъ, писанныя имъ въ Полтавѣ. Вотъ одно изъ нихъ: «Высокомилостивѣйшіе родители мои, батюшка и матушка. Во-первыхъ приношу вамъ всенижайшее благодареніе за присланный мнѣ гостинецъ, который въ цѣлости получилъ, при коемъ изъ письма

вашего узналъ, что вы за то недовольны, что я не вмѣстѣ пріобщался святыхъ тайнъ, сіе я сдѣлалъ не самъ отъ себя, то есть не по своему желанію, но по приказанію отца префекта, который въ разсужденіи множества спасенниковъ, велѣлъ всѣмъ имѣющимъ не болѣе 15 лѣтъ семинаристамъ готовиться на пятницу, въ коихъ числѣ и я былъ, и потому повелѣнія не могъ перемѣнить. При чемъ остаюсь вашъ, высокомилостивѣйшихъ родителей, покорнѣйшій сынъ и слуга Василій Яновскій. Р. Р. И инспекторъ меня за это пооралилъ, а Иванюшу выговаривалъ, что онъ не послухалъ та не зостался. Р. Р. Всепокорнѣйше прошу пошить мнѣ куртку на лѣто и бѣлые шаровары, да меду. 1795 года, февраля 23-го дня». Опираясь на это письмо, можно съ увѣренностью утверждать, что Василій Аѳанасьевичъ родился не раньше 1780 года.

Мы не знаемъ, сколько времени пробылъ Василій Аѳанасьевичъ въ Полтавѣ: изъ сохранившихся въ бумагахъ Гоголя указаній видно, что онъ находился въ Полтавѣ въ 1792—1796 годахъ. По всей вѣроятности, въ 1796 году онъ кончилъ свое ученье. Съ этого времени начинаются хлопоты Аѳанасія Демьяновича о дальнѣйшей судьбѣ сына, который все же числился все это время «находящимся въ малороссійскомъ почтамтѣ».Онъ списывается съ своими благопріятелями, отвѣты которыхъ сохранились въ семейныхъ бумагахъ. Одинъ изъ нихъ, подпись котораго трудно разобрать въ письмѣ, сообщалъ дѣду Гоголю: «письмо ваше по пріѣздѣ моемъ сюда, немедленно вручилъ Дмитрію Прокофьевичу [1]), и его превосходительство охотно былъ расположенъ удовлетворить просьбѣ вашей, но послѣдовавшее по случаю кончины государыни императрицы совершенно новое преобразованіе гвардіи пресѣкло къ тому всякіе способы и всякую возможность... Буде, кто вновь хочетъ записаться въ гвардію, тотъ долженъ служить на лицо первоначально солдатомъ и постепенно происходить чинами». Вотъ какъ отразилось восшествіе на престолъ Павла на жизни застрявшей въ глубинѣ Малороссіи мелкой помѣщичьей семьи. Не передѣлай Павелъ порядка въ гвардіи, быть можетъ, отецъ Гоголя былъ бы гвардейцемъ, и, Богъ знаетъ, имѣлъ ли бы онъ знаменитаго сына. Послѣ неудачной попытки пустить сына по военной службѣ, Аѳанасій Демьяновичъ остановился на штатской. Сначала онъ разсчитывалъ послать сына въ пансіонъ при Московскомъ университетѣ. Онъ уже запасся рекомендаціями къ вліятельнымъ лицамъ въ Москвѣ, но почему-то дѣло разстроилось. Попробовалъ онъ было отослать его въ Черниговъ для службы подъ руководствомъ своего пріятеля Павла Коропчевскаго, но и здѣсь ничего не вышло. Такъ и остался Василій Аѳанасьевичъ «находящимся

[1]) Конечно, Трощинскому. Вотъ съ какихъ поръ Трощинскій принималъ участіе въ дѣлахъ семьи Яновскихъ.

при малороссійскомъ почтамтѣ по дѣламъ сверхъ комплекта». Въ 1799 году Василій Аѳанасьнвичъ былъ произведенъ изъ губернскихъ секретарей въ титулярные совѣтники. Служба была номинальной, и Василій Аѳанасьевичъ даже не былъ внесенъ въ списки почтамта и долженъ былъ ходатайствовать передъ Д. П. Трощинскимъ, который былъ въ это время директоромъ почтъ, о выдачѣ ему аттестата о службѣ. «За приключившимися мнѣ столь тягостными и продолжительными припадками, изъяснялся онъ въ своемъ прошеніи, проживалъ я въ домѣ для пользованія себя и въ спискѣ почтамта остался невписаннымъ». Въ 1805 году Василій Аѳанасьевичъ вышелъ въ отставку съ чиномъ коллежскаго ассесора, и съ этого времени онъ жилъ въ деревнѣ, сначала на положеніи паныча при родителяхъ, потомъ какъ глава семьи. И только, когда Трощинскій пріѣхалъ на житье въ свое имѣніе и былъ выбранъ въ повѣтовые маршалы или предводители, Василію Аѳанасьевичу пришлось служить при немъ въ роли секретаря маршала. Въ 1812 году Василій Аѳанасьевичъ принималъ участіе въ заботахъ о всеобщемъ земскомъ ополченіи и, по предписанію Трощинскаго, какъ дворянинъ, извѣстный честностью, завѣдывалъ собранными для ополченія суммами. Нѣкоторое время онъ исправлялъ даже должность маршала.

II.

Изъ событій домашней жизни Василія Аѳанасьевича самымъ крупнымъ и самымъ характернымъ для него была исторія его женитьбы. Здѣсь ярко сказалась одна черта его характера—необыкновенная чувствительность, мягкость и деликатность его натуры. Безъ сомнѣнія, чувствительность лежала въ самой природѣ Василія Аѳанасьевича, человѣка слабаго, болѣзненнаго; но укрѣпило и развило ее чтеніе современныхъ романовъ, героемъ которыхъ всегда являлся необыкновенно чувствительный юноша. Самое страстное письмо Василія Аѳанасьевича къ своей невѣстѣ очень характеризуетъ его и какъ бы выхвачено изъ какой нибудь сентиментальной повѣсти того времени. «Милая Машенька! Многія препятствія лишили меня счастія сей день быть у васъ! Слабость моего здоровья наводитъ странное воображеніе, и лютое отчаяніе терзаетъ мое сердце. Прощайте, наилучшій въ свѣтѣ другъ! Прошу васъ быть здоровой и не безпокоиться обо мнѣ. Увѣряю васъ, что никого въ свѣтѣ и не можетъ столь сильно любить, сколько любитъ васъ и почитаетъ вашъ вѣчно вѣрнѣйшій другъ, несчастный Василій... Прошу васъ, не показывайте сего несчастнаго выраженія страсти родителямъ вашимъ. И самъ не знаю, какъ пишу». Нужно отмѣтить, что всѣ любовныя письма своего жениха Марья Ивановна показывала своимъ родителямъ и подъ ихъ диктовку пи-

сала отвѣты. Марья Ивановна въ своихъ запискахъ вспоминала о томъ, какъ ухаживалъ за ней Василій Аѳанасьевичъ. «Когда я бывало гуляла съ дѣвушками къ рѣкѣ Пслу, то слышала пріятную музыку изъ-за кустовъ другого берега. Не трудно было догадаться, что это былъ онъ. Когда я приближалась, то музыка въ разныхъ направленіяхъ сопутствовала мнѣ до самаго дома, скрываясь дома». Супружеская жизнь Василія Аѳанасьевича своею безмятежностью напоминаетъ жизнь Филемона и Бавкиды, Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны. Когда явились дѣти, супруги сосредоточили на нихъ всю свою любовь. Василій Аѳанасьевичъ способенъ былъ занемочь, узнавъ о томъ, что милому Никошѣ плохо живется въ Нѣжинѣ. Въ домашней жизни онъ былъ не взыскательный, добрый и нехозяйственный помѣщикъ. Надѣленный нѣкоторымъ эстетическимъ вкусомъ, онъ занимался разбивкой садовъ. Каждой аллеѣ онъ подыскивалъ названье: въ сосѣднемъ лѣсу была, напримѣръ, «долина спокойствія». Его чувствительную «деликатную» душу характеризуетъ то, что, «будучи человѣкомъ мягкимъ и уступчивымъ по натурѣ, онъ настоятельно требовалъ, чтобы никто не смѣлъ стукомъ разгонять соловьевъ, и не позволялъ поэтому мыть бѣлье на прудѣ, находящемся въ Васильевкѣ посреди сада» [1]). Не имѣя, кромѣ хозяйственныхъ, мало привлекавшихъ его, никакихъ другихъ дѣлъ, Василій Аѳанасьевичъ создавалъ себѣ дѣла: покупалъ различныя вещи, которыя, «быть можетъ, ему и не были нужны, строилъ бесѣдочки, гротики въ своей усадьбѣ; проводилъ цѣлые дни въ саду, подрѣзывая деревья. Въ одномъ изъ своихъ писемъ А. А. Трощинскій сообщаетъ Василію Аѳанасьевичу, что требуемые имъ «математическіе» инструменты пріобрѣтены. Зачѣмъ они понадобились Василію Аѳанасьевичу, трудно догадаться. Василій Аѳанасьевичъ писалъ стихи на различные случаи. «Мужъ мой, говоритъ Марья Ивановна, писалъ иногда стихи, но ничего серіознаго». Вообще онъ, подобно многимъ изъ среднихъ людей, обладалъ различными способностями; былъ большимъ мастеромъ на малыя дѣла и превеликимъ искусникомъ.

Такимъ онъ былъ въ своей семьѣ; среди своихъ сосѣдей онъ пользовался репутаціей веселаго человѣка, съ которымъ пріятно побесѣдовать, и который съ удовольствіемъ сдѣлаетъ то, о чемъ его попросятъ. Эта готовность къ услугамъ отчасти объясняется тѣмъ скромнымъ положеніемъ, которое онъ занималъ въ средѣ помѣщиковъ, или богатыхъ или именитыхъ, онъ—человѣкъ не знатный и небогатый. На его положеніе нужно обратить особенное вниманіе. Лица, среди которыхъ онъ жилъ, были или выше или ниже его; первые были для него «благодѣтелями»,

[1]) В. И. Шенрокъ. Матеріалы для біографіи Гоголя, I, 51.

вторымъ благодѣтельствовалъ онъ самъ. Отношенія низшихъ къ высшимъ характеризуются тѣмъ специфическимъ оттѣнкомъ подобострастія, изображеніе котораго такъ удавалось Гоголю. Для всѣхъ лицъ, имѣющихъ какое либо значеніе, Василій Аѳанасьевичъ былъ постояннымъ и добросовѣстнымъ комиссіонеромъ. Сохранилась масса писемъ, въ которыхъ просятъ его о различныхъ одолженіяхъ. Тонъ писемъ мѣняется соотвѣтственно общественному положенію корреспондента. Для Орлая, директора училища, въ которомъ учился его сынъ, онъ присматриваетъ покупателей на его имѣньице и вообще наблюдаетъ за ходомъ дѣлъ въ имѣніи, полтавскому прокурору Горбовскому онъ приторговываетъ землю. Но самымъ большимъ человѣкомъ въ округѣ былъ жившій въ своемъ имѣніи Кибинцахъ Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, который какъ разъ приходился родственникомъ Марьѣ Ивановнѣ. Безусловно невѣрно сообщеніе Кулиша о томъ, что отецъ Гоголя и Трощинскій были въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Ихъ отношенія были далеко неравноправны: между ними было слишкомъ большое разстояніе. Онъ—богатый и властный человѣкъ, Марья Ивановна и Василій Аѳанасьевичъ—бѣдные родственники, которымъ нужно было помогать матеріально и которые могли нѣсколько разсѣять скуку деревенской жизни. Онъ искренно думалъ, что они должны съ готовностью оказывать ему различныя услуги; они искренно признавали за нимъ право на такое мнѣніе. Василій Аѳанасьевичъ принималъ большое участіе въ управленіи угодьями Трощинскаго. Письма А. А. Трощинскаго, племянника сановника, почти цѣликомъ посвящены различнымъ сообщеніямъ о томъ, что нужно сдѣлать Василію Аѳанасьевичу для экономіи Трощинскаго. Василій Аѳанасьевичъ былъ довѣреннымъ человѣкомъ и велъ сношенія съ управителями, экономами и другими лицами, служившими у Трощинскаго. Въ бумагахъ Василія Аѳанасьевича сохранилась интересная жалоба на его дѣйствія отъ одного разсчитаннаго по его винѣ управителя: «Прискорбно сердцу моему,— пишетъ послѣдній,—вести съ вами переписку о дѣлѣ, вамъ извѣстномъ, коимъ безбожный г-нъ Яновскій, профессоръ лжи, очернилъ меня и мою честную семилѣтнюю и девятидневную въ экономіи его превосходительства Д. Г. Трощинскаго службу. Пусть чернитъ. Десница всевидящаго Бога очернитъ и его въ свое время... Я сказалъ уже, что не только къ г-ну Яновскому писать не буду, но и видѣть его,—сохрани меня Богъ—не хочу. Лучше посмотрѣть на паршивую въ полѣ лежащую собаку, нежели на него». Вотъ какихъ аттестацій добился Василій Аѳанасьевичъ, ревностно стараясь объ интересахъ своего «благодѣтеля». Но онъ не только оказывалъ различныя услуги по управленію, онъ еще заботился о развлеченіи его превосходительства. Онъ принималъ большое участіе въ тѣхъ спектакляхъ, что ставились на сценѣ домаш-

няго театра Д. П. Трощинскаго въ Кибинцахъ. Если судить по тому, что по дѣламъ домашняго театра обращались къ нему, то можно думать, что онъ являлся организаторомъ дѣла. На этой сценѣ игралъ и онъ, и его жена; игралъ Василій Аѳанасьевичъ не только въ чужихъ пьесахъ, но и въ своихъ, которыя онъ составлялъ на этотъ случай. Двѣ извѣстныя намъ его комедіи, написанныя для развлеченія сановника, тщательно разбирались историками малороссійской литературы. «Будучи живымъ членомъ своего общества,—пишетъ одинъ изъ нихъ,—В. А. Гоголь захватилъ въ свое творчество украинской простонародной жизни столько, сколько тогдашнее общество требовало для его возсозданія. Шутка и пѣсня для пріятнаго провожденія времени—вотъ все, что могъ искать писатель тогдашній въ родномъ быту, а Гоголь-отецъ очень искусно и умѣло почерпнулъ изъ него эти элементы для своей комедіи». Гоголь-сынъ зналъ эти комедіи, очень цѣнилъ ихъ и одну изъ нихъ поставилъ на сценѣ Нѣжинскаго училища.

Близость къ Трощинскому создавала Василію Аѳанасьевичу извѣстное положеніе. Сохранилось немало писемъ къ нему отъ различныхъ лицъ, которыя въ почтительныхъ выраженіяхъ просятъ походатайствовать за нихъ передъ его превосходительствомъ Дмитріемъ Прокофьевичемъ Трощинскимъ. Вообще, если судить по тѣмъ письмамъ, что дошли до насъ, Василій Аѳанасьевичъ былъ человѣкъ «общественный», живой, находившійся въ перепискѣ и съ благодѣтелями и съ благопріятелями.

Намъ извѣстенъ одинъ эпизодъ изъ жизни Василія Аѳанасьевича, рисующій его увлекающійся характеръ. Въ началѣ XIX вѣка нѣкій поручикъ, Иванъ Осиповичъ Танскій, задумалъ разыскать свое наслѣдство—земли и угодья, пожалованныя его предкамъ, въ числѣ которыхъ былъ и переяславскій полковникъ Василій Танскій. Какъ извѣстно, бабка Гоголя, Татьяна Семеновна, была дочерью Семена Лизогуба и Анны Танской, дочери Василія Танскаго. Поручикъ Иванъ Танскій путешествовалъ за границей, былъ въ Молдавіи, разыскивая фамильныя бумаги. Но такъ какъ онъ не былъ единичнымъ наслѣдникомъ, то ему пришлось обратиться къ Василію Аѳанасьевичу и просить снабдить его довѣренностью на веденіе дѣлъ. Несмотря на то, что дѣло представлялось совсѣмъ эфемернымъ, искомыя имѣнія находились въ разныхъ государствахъ, Василій Аѳанасьевичъ увлекся мечтой стать богатымъ человѣкомъ и вручилъ Танскому «вѣрующій открытый листъ». Конечно, изъ поисковъ Танскаго ничего не вышло, но между Танскимъ и В. А. Гоголемъ завязалась переписка, изъ которой одно письмо Танскаго къ Гоголю было напечатано въ «Кіевской Старинѣ» (т. 59, стр. 13, октябрь 1897 г.). Другія письма Танскаго и черновики писемъ Василія Аѳанасьевича сохранились въ семейныхъ бумагахъ.

III.

Среди бумагъ Василія Аѳанасьевича Гоголя сохранилась записная книжка, на синей бумагѣ, въ 16-ю долю писчаго листа. На первой страничкѣ написано: Monitor. 1817. Basilii Janovsky. Достаточно пересмотрѣть эту книжку, чтобы получить извѣстное представленіе о личности ея владѣльца. Рядъ дѣльныхъ замѣтокъ прерывается записями совсѣмъ нехозяйственнаго характера. «1817 года, декабрь: должно заплатить въ Полтавѣ: 1) въ казначействѣ подушныя деньги за 2-ю сего года половину, 2) портному Бѣлухиному за пошитье сюртука и 3) сапожнику Власу за сапоги.— На сіе взять деньги отъ Г. полк.: Ал: Фед: Ляховича слѣдуемые за него за корову. NB. незабыть справиться въ Полтавской казенной палатѣ за переводъ Гернервыхъ людей за Орловыхъ людей, записаны ли они въ ревизіи... Попросить Пол: Лях: за сына Катарева о помѣщеніи его въ полкъ». Дальше — замѣтка о дѣлахъ. На слѣдующей страницѣ: «написать до Зимина 1) за посылку денегъ на Украинскій Вѣстникъ и календарь, 2) о переплетѣ 2-хъ книгъ въ Миргородѣ». Потомъ слѣдуютъ неинтересныя замѣтки о томъ, что предстоитъ сдѣлать Василію Аѳанасьевичу по имѣньямъ Трощинскаго. Послѣ нихъ открываются записи 1818 года о работахъ по дому (постройка клуня, плотины и т. п.) и различныя замѣтки хозяйственнаго характера. За ними любознательный Василій Аѳанасьевичъ выписываетъ откуда-то: «Качества души. Разумѣніе. Простое понятіе души, оно созерцаетъ токмо сущность и вѣчныя начала вещей. Мудрость размышляетъ не токмо о началахъ, но и о слѣдствіяхъ, изъ оныхъ проистекающихъ; она заимствуетъ нѣчто и отъ ума, который созерцаетъ, и отъ знанія, которое доказываетъ. Благоразуміе цѣнитъ и слышитъ благо и зло, разсуждаетъ не спѣшно, даетъ намъ рѣшимость избирать то, что наиболѣе сообразно съ истинною нашей пользой, когда же оно, имѣя довольно свѣдѣній, чтобы произнести рѣшеніе, не имѣетъ довольно силы заставить насъ дѣйствовать, тогда оно есть токмо здравое разсужденіе. Мнѣніе скрывается въ своихъ сомнѣніяхъ и часто завлекаетъ насъ въ заблужденіе. NB изъ всѣхъ качествъ души превосходнѣйшее есть мудрость, а полнѣйшее благоразуміе». Вслѣдъ за этимъ философскимъ отрывкомъ—слѣдующая запись: «9 осталась должна Марья Васильевна проигрышу 13 руб. 20 коп., а Ѳедоръ Ѳедоровичъ остался за расчетомъ долженъ 4 рубля 60 коп., да проигрышъ третьяго числа впервые 30 коп., итого 11 руб. 90 коп.». На слѣдующей страницѣ Василій Аѳанасьевичъ записалъ для памяти значеніе слова импровизаторъ, онъ перевелъ его для себя выраженіемъ изустный риѳмачъ.

На всякій случай Василій Аѳанасьевичъ записалъ, что «мозаики работаются превосходнѣйшія въ Флоренціи, а особливо ландшафты, а историческія картины въ Римѣ. Въ первой употребляются самые мелкіе, а въ послѣдней гораздо большіе камни». Дальше идутъ выписки о любимомъ предметѣ Василія Аѳанасьевича—садоводствѣ: «Баконъ, Мильтонъ и Аддисонъ установили вкусъ аглицкихъ садовъ. Кентъ, другъ Попе, имѣлъ отличнѣйшій вкусъ и дарованіе въ аглицкомъ садоводствѣ. Достойный его преемникъ Браунъ» и т. д., слѣдуетъ перечисленіе лучшихъ англійскихъ садовъ.

На послѣдней страничкѣ два стихотворенія, или выписанныя Васильемъ Аѳанасьевичемъ откуда нибудь, или принадлежащія его перу. Въ послѣднемъ случаѣ они—единственныя, дошедшія до насъ. Первое безъ названія.

О! Я, сударь, изъ столбовыхъ дворянъ:
На бранномъ поприщѣ искалъ мой предокъ славы,
А я мухъ колотилъ въ деревнѣ для забавы;
Мой предокъ для того безъ сна въ трудахъ потѣлъ,
Чтобъ послѣ правнучекъ попилъ, поспалъ, поѣлъ.

Второе имѣетъ заглавіе «Купецъ».

За доброе подчасъ ты продаешь гнилое,
Не болѣе берешь, какъ впятеро иль втрое.
Аршинъ и ножницы, вѣсы, рука и взоръ,
Зубъ каждый у купца и даже лавка—воръ.

Одной этой записной книжки достаточно было бы для характеристики Василія Аѳанасьевича, хлопотуна по чужимъ дѣламъ, живого человѣка, поглощеннаго интересами повседневной жизни, не чуждаго книгъ и литературы, любопытнаго или любознательнаго, интересующагося предметами, далекими отъ его жизненнаго обихода (мозаики); однимъ словомъ, человѣкъ средней руки.

Такимъ былъ Василій Аѳанасьевичъ Гоголь. Въ памяти сына, который почти не упоминаетъ о В. А. въ своей перепискѣ, осталась, повидимому, одна черта характера Василія Аѳанасьевича—его чувствительность и доброта. Въ 1836 году, вспоминая объ отцѣ, Николай Васильевичъ называетъ его «нѣжнымъ» отцомъ. Въ письмѣ отъ 24-го марта 1827 года, вспоминая о томъ, какъ въ дѣтствѣ онъ любилъ заниматься въ саду, Николай Васильевичъ пишетъ: «Несмотря на все, я никогда не оставлю сего изящнаго занятія (садоводства), хотя бы вовсе не любилъ его. Оно было любимымъ упражненіемъ папеньки, моего друга, благодѣтеля, утѣшителя... не знаю, какъ назвать этого небеснаго ангела». За этими строками слѣдуетъ риторическое отступленіе, изъ котораго ровно

ничего нельзя выяснить объ отношеніяхъ сына къ отцу. «Это чистое, высокое существо, которое одушевляетъ меня въ моемъ трудномъ пути, живитъ, даетъ даръ чувствовать самого себя и часто, въ минуты горя, небеснымъ пламенемъ входитъ въ меня, разсвѣтляетъ сгустившіяся думы. Въ сіе время сладостно мнѣ быть съ нимъ; я заглядываю въ него, т. е. въ себя, какъ въ сердце друга, испытую свои силы для поднятія труда важнаго... и душа моя будто видитъ этого незваннаго ангела, твердо и непреклонно все указующаго въ мѣту жаднаго исканія». Трудно, очень трудно повѣрить въ искренность этого отрывка. Стиль, въ которомъ Гоголь, буквально, вязнетъ, обличаетъ неясность, спутанность и неискренность мысли. Помимо этого соображенія всѣ данныя о личности Василія Аѳанасьевича говорятъ за то, что этотъ средній, обыкновенный человѣкъ, добрый, услужливый, ни въ какомъ случаѣ не могъ бы быть вождемъ, ангеломъ, твердо и непреклонно указующимъ въ мѣту жаднаго исканія; героическимъ существомъ, къ которому съ надеждой обращались бы чьи либо восторженные взоры.

П. Е. Щеголевъ.

ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ М. БОЛЬШИХЪ-СОРОЧИНЦАХЪ, ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНІИ, ГДѢ КРЕСТИЛИ Н. В. ГОГОЛЯ.

Большія-Сорочинцы, теперь мѣстечко Полтавской губерніи, Миргородскаго уѣзда, нѣкогда сотенный городъ миргородскаго казацкаго полка, замѣчательно въ двухъ отношеніяхъ: какъ мѣсто, гдѣ погребенъ бывшій малороссійскій гетманъ Даніилъ Павловичъ Апостолъ, и какъ мѣсто, гдѣ родился и былъ крещенъ нашъ знаменитый писатель Николай Васильевичъ Гоголь. Какъ погребеніе Апостола, такъ и крещеніе Гоголя произошли въ церкви св. Преображенія, самой лучшей изъ церквей Сорочинецъ.

Церковь св. Преображенія сооружена самимъ же гетманомъ Апостоломъ, въ 1632 году, и стоитъ на древнемъ земляномъ, довольно высокомъ валу, противъ такъ называемаго Затона живописной рѣчки Псла, лѣваго притока Днѣпра, и живописной долины, Оболони. Нѣкогда эта церковь занимала центральное мѣсто «Городка», т. е. земляного укрѣпленія Сорочинецъ, какъ его называютъ мѣстные старожилы.

Преображенская церковь въ Сорочинцахъ безспорно самая красивая изъ всѣхъ церквей мѣстечка. Уже издали зданіе ея поражаетъ своею грандіозностью, рѣдкою оригинальностью, рѣдкимъ сочетаніемъ своихъ формъ и своей отдѣлкой. Туристъ видитъ передъ собой не заурядную сельскую церковь, низенькую, деревянную, придавленную къ землѣ, а величественное, пятиглавое, обширное зданіе, совершенно не приставшее къ обычнымъ сельскимъ строеніямъ, которому мѣсто не только въ уѣздномъ или губернскомъ, а даже

въ столичномъ городѣ. При ближайшемъ же разсмотрѣніи церковь эта еще болѣе поражаетъ наблюдателя.

Стѣны ея сложены изъ камней и имѣютъ до $2^1/_2$ аршинъ толщины, но стоятъ безъ цоколя, что составляетъ рѣдкость для нашего времени. Снаружи она отдѣлана весьма затѣйливыми и весьма красивыми лѣпными украшеніями, хотя и безъ всякихъ фронтоновъ, колоннъ и портиковъ. Внутри церкви положенъ полъ изъ желѣзныхъ квадратныхъ плитъ и устроены три престола: главный во имя Успенія пресвятой Богородицы и боковые—во имя Покрова и святой Троицы. Противъ главнаго престола возведенъ чрезвычайно высокій, замѣчательной рѣзьбы, иконостасъ, съ густой позолотой, теперь сильно потускнѣвшей, и съ рѣдкими, по художественному исполненію, иконами. Иконы здѣсь настолько хорошо написаны, что многія изъ нихъ, въ особенности же иконы ветхозавѣтныхъ пророковъ, невольно приковываютъ къ себѣ зрителей, поражая ихъ своимъ библейскимъ спокойствіемъ и невольно перенося воображеніе ихъ въ далекія, полныя таинственности, времена.

Въ числѣ другихъ иконъ видное мѣсто занимаютъ иконы пророка Даніила и великомученицы Іуліаніи, патроновъ гетмана Апостола и его супруги. Св. пророкъ Даніилъ держитъ въ правой рукѣ камень (эмблема фундатора храма), а въ лѣвой свитокъ съ пророчествами, изображенными тутъ же въ лицахъ. Великомученица Іуліанія представлена въ славѣ красоты и непорочности, но ниже нея на тумбѣ изображена особо ея глава, отсѣченная отъ туловища. Обѣ фигуры, Даніила и Іуліаніи, въ сильной степени національнализированы художникомъ, одѣвшимъ ихъ въ малорусскіе костюмы, особенно Іуліанію.

Кромѣ этихъ двухъ иконъ изъ множества другихъ, сильный интересъ возбуждаетъ также большой деревянный крестъ съ рельефной фигурой Спасителя, въ терновомъ вѣнцѣ, вырѣзанной по срединѣ креста, какъ это всегда можно видѣть въ католическихъ костелахъ, но весьма рѣдко въ православныхъ храмахъ. Этотъ крестъ помѣщенъ въ слабо освѣщенномъ углу, противъ бокового праваго иконостаса, и невольно привлекаетъ къ себѣ взоры обозрѣвателя храма.

Изъ другихъ церковныхъ вещей замѣчательны: два антиминса, 1732 и 1781 года, первый освященный кіевскимъ митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ, и второй—архіепископомъ переяславскимъ и бориспольскимъ Иларіономъ; далѣе, одна риза серебряной парчи и съ серебряными на бокахъ пуговицами, довольно тяжеловѣсная и довольно свободная въ покроѣ; затѣмъ, пять напрестольныхъ крестовъ, частію серебряныхъ, частію кипарисовыхъ, но обложенныхъ серебромъ. На нѣкоторыхъ изъ этихъ крестовъ имѣются слѣдующія надписи: 1) «Сей крестъ наданъ до храму святаго Преображенія 1770 года марта 11 дня»; на немъ же по оправѣ: «1772 году сей

крестъ здѣланъ до храму Преображенія Христова коштомъ доброхотныхъ дателей. Цѣна 15 рублей». 2) «Сей крестъ святый здѣланъ до церкви Преображенія Господня соборной Сорочинской коштомъ благочестивыхъ доброхотовъ 1765 року априля 10 дня». 3) мощи Михаила князя тверскаго (на золотомъ крестѣ). 4) Д. А. Е. В. И. І. В. З. (Вѣроятно, инициалы герба Даніила Апостола).

Изъ древней утвари, кромѣ крестовъ, въ церкви св. Успенія имѣются еще: 4 серебряныхъ чаши, 3 дискоса, 3 звѣздицы, дарохранительница. Къ этому еще: плащаница по бѣлому шелку масляными красками лицо, руки и ноги превосходнаго письма и верхній напрестольный покровъ, по шелку и серебру тканый золотомъ, рѣдкая по прекрасной работѣ вещь.

Церковно-богослужебныхъ книгъ сохранилось болѣе 40; изъ нихъ наиболѣе интересны: 5 евангелій, всѣ московской печати 1653, 1717, 1735, 1744 и 1796 гг.; затѣмъ, апологіонъ, львовской печати 1651 г., 12 книгъ четьихъ-миней 1705 года, бесѣды Іоанна Златоустаго, житія святыхъ (12 книгъ), собраніе разныхъ поученій, исторія новаго завѣта Кедрина и др.—всѣ второй половины XVIII вѣка.

Въ церковномъ архивѣ Успенской церкви хранятся: три записи на пожертвованіе церкви «плесовъ» или усадебъ съ надворными постройками и безъ построекъ, главнымъ образомъ лубенскимъ полковникомъ, Петромъ Апостоломъ, сыномъ гетмана, начиная съ 1746 года. Кромѣ того, «реестръ для памяти пану Андрею Стефановичу, 1728 года», въ которомъ весьма интересны показанія цѣнъ на различные предметы потребленія: водку, хлѣбъ, рыбу, а также и на другіе предметы: крашанину, казацкую одежду, церковныя требы и т. п. Тутъ же имѣется большой, въ размѣръ цѣлаго листа, писанный синодикъ съ родословіями нѣкоторыхъ «славетне-урожоныхъ» въ Малой Россіи пановъ, какъ, напримѣръ: пана Петра Кулябки, его милости писаря полку миргородскаго, пана Ивана Яллинскаго, пана Михаила Гамалѣя, сотника миргородскаго Моисея Заруднаго, Григорія Чичагова, обознаго полку миргородскаго Василія Родзянки, жителя Тимоѳея Пищимуки, сотниковъ сорочинскихъ Петра Жученка и Михаила Лоевскаго, писаря полку миргородскаго Ивана Руновскаго (1719 г.), усопшаго раба Божія Марка Малинки, генералъ-маіора Георгія Леслія (Лессія), убіеннаго въ походѣ 1737 года (ниже онъ же записанъ о здравіи: господина генерала Лессія и паней его и чадъ Георгія, Ѳекли); ясновельможнаго его милости ктитора и фундатора церкви каменной Преображенія Господня Сорочинской господина гетмана Даніила Апостола. Кромѣ названныхъ «урожоныхъ» малороссійскихъ фамилій, приведены и многія другія, менѣе извѣстныя въ исторіи Украйны. Кое-гдѣ, по полямъ этого же синодика, имѣются записи въ родѣ слѣдующихъ: «Слуга Пахоміе (ій) архиерія, котрій утону здесь лѣта 1720 мѣсяца іуліе 18 у четвергъ

рано». Или: «Люби въ щастю, люби въ нещастю, а понеже стратишь цноту, будешь имѣти вѣчную работу».

Къ большому сожалѣнію, этотъ синодикъ сильно пострадалъ отъ какой-то невѣжественной руки, которая во многихъ мѣстахъ безжалостно вырѣзала самыя наименованія родовъ.

Кромѣ всего названнаго въ церкви св. Успенія, у пилоновъ, которые обычно поддерживаютъ своды и куполъ храма, обращаютъ на себя вниманіе особыя возвышенныя мѣста, съ такъ называемыми бокунáми или стасидіями для стоянія и сидѣнія почетныхъ посѣтителей храма, очевидно, въ данномъ случаѣ гетмана Апостола и его супруги съ семьей.

Выше праваго клироса бросается въ глаза прибитый къ стѣнѣ деревянный, въ видѣ щита, раскрашенный разными цвѣтами, кругъ съ изображеніемъ герба гетмана Даніила Апостола, съ прикрѣпленной вверху его съ обнаженнымъ мечомъ рукой, съ орденомъ Александра Невскаго на красной лентѣ по рединѣ, съ четырьмя булавами и двумя бунчуками по срединѣ и съ рельефными славянскими буквами по краямъ: «За труды и отечество». «Десь, мабуть, гетьманъ бувъ добрый вояка, що заслужывъ соби отъ таку медалю», говорятъ мѣстные крестьяне, взирая на гербъ Апостола.

Еще далѣе, за правымъ клиросомъ, въ той же стѣнѣ вдѣлана желѣзная доска съ длинной эпитафіей на русскомъ, польскомъ и латинскомъ языкахъ, которая гласитъ, что въ этой же церкви погребенъ генералъ-майоръ Георгій Лесли, убитый во время набѣга татаръ, въ 1737 году, въ украинскія поселенія, ниже г. Полтавы. «Всепресвѣтлѣйшаго императорскаго россійскаго маестату высокоблагородному и высокопревосходительному генералу маиору Георгію Лесли, 11-го дня февраля, при берегу Днѣпровомъ, сильно отъ варваръ аттакованному, безмѣрно израненному и мужественно умершему, въ незабвенную память эпитафіонъ или гробное надписаніе». Далѣе, слѣдуетъ этотъ эпитафіонъ изъ 44 силлабическихъ стиховъ, въ концѣ котораго помѣщенъ часовой циферблатъ со стрѣлкой надъ цифрой VIII и съ латинскою подписью: «ita cursum consuvavi—тако теченіе совершихъ».

Изъ исторіи Украйны мы узнаёмъ, что генералъ-майоръ Георгій Лесли, во время русско-турецкой войны 1737 г., двигался съ сотнею драгунъ въ приднѣпровской степи, пониже г. Полтавы, но тамъ внезапно былъ настигнутъ ворвавшимися на Украйну татарами и былъ убитъ съ большею частью драгунъ, а сынъ его съ оставшимися въ живыхъ драгунами былъ захваченъ въ плѣнъ.

Самъ гетманъ Даніилъ Павловичъ Апостолъ скончался 17 января, 1734 года, въ г. Глуховѣ, но былъ перевезенъ въ Сорочинцы и погребенъ подъ церковнымъ поломъ, въ особомъ каменномъ склепѣ. «Того жъ 1733 года, априля 28 дня, говоритъ малороссійскій лѣтописецъ самовидецъ, гетманъ и кавалеръ Даніилъ Павловичъ Апо-

Церковь Преображенія въ м. Сорочинцахъ, гдѣ крестили Гоголя.

столъ заболѣзновалъ на паралѣжъ.... Въ року же наставшемъ 1734, генваря 17 дня, гетманъ и кавалеръ Даніилъ Апостолъ въ Глуховѣ умеръ, въ покои, при вѣрности ея императорскому величеству, которого тѣло провожено было до Сорочинецъ и тамъ въ новосооруженной отъ него же каменной церквѣ погребено архиепископомъ кіевскимъ Рафаиломъ Заборовскимъ, съ церемоніею преизрядною, февруарыя 5 дня» (Лѣтопись, Кіевъ, 1878 г., стр. 317, 318).

Въ этомъ же склепѣ была погребена и жена гетмана Апостола, пережившая его нѣсколькими годами и получавшая до смерти пенсію въ 3.000 рублей, а также, вѣроятно, и нѣкоторые другіе родственники гетмана.

Лѣтъ десять-двѣнадцать тому назадъ ходъ въ склепъ гетмана Апостола былъ совершенно доступенъ всѣмъ. Но затѣмъ, въ видахъ устраненія порчи и хищенія, которымъ подвергались гробы съ имѣвшимися въ нихъ покойниками, доступъ въ склепъ былъ воспрещенъ и ходъ въ него вовсе задѣланъ. Открывается же онъ только тогда, когда балки, на которыя настланъ желѣзный полъ, истлѣваютъ и требуютъ замѣны новыми, а это бываетъ одинъ разъ въ 8 или 10 лѣтъ. Въ одинъ изъ такихъ удобныхъ моментовъ два мѣстныхъ просвѣщенныхъ любителя старины, В. М. Базилевскій и А. И. Ксёнзенко, успѣли осмотрѣть интересный склепъ и передаютъ о немъ слѣдующее.

Склепъ приходится какъ разъ противъ большого паникадила, подвѣшеннаго въ куполъ церкви, и имѣетъ подобіе «четырехсторонней камеры со сводчатымъ, въ видѣ арки, потолкомъ», длины 8 аршинъ, ширины 4 аршина и высоты нѣсколько выше роста человѣка. Къ нему ведутъ 10 каменныхъ ступенекъ, около 3 аршинъ ниже уровня церковнаго пола. При входѣ съ послѣдней ступеньки въ склепъ посѣтитель видитъ нѣсколько гробовъ, 15—20, различныхъ размѣровъ—большихъ, среднихъ и малыхъ, большею частью развалившихся отъ сырости, и вмѣстѣ съ тѣмъ поражается тѣмъ безпорядкомъ, который царитъ въ склепѣ: между разнымъ хламомъ, который въ немъ набросанъ, можно видѣть человѣческій черепъ съ женскимъ головнымъ уборомъ, обломки оружія, куски полусгнившей матеріи, которыми были обиты гробы и т. п. Нѣкоторые гробы по формѣ своей совершенно непохожи на гробы нашихъ временъ: они скорѣе похожи на продолговатые прямоугольные ящики, нежели на то, что мы называемъ гробами.

Особо стоятъ четыре большихъ гроба, два у правой стѣны склепа и два у лѣвой, но такимъ образомъ, что одинъ гробъ положенъ на другой. Изъ этихъ четырехъ гробовъ одинъ выдѣляется и своей величиной, и своей роскошной отдѣлкой. Это и есть гробъ гетмана Даніила Апостола. «Длиною этотъ гробъ, говоритъ г. Ксёнзенко, около трехъ аршинъ; онъ дубовый, на точеныхъ ножкахъ, обитъ черным бархатомъ; крышка его по краямъ обгнила, и обивка на

Престолъ Преображенской церкви.

ней сохранилась только кой-гдѣ; но самый гробъ сохранился хорошо, за исключеніемъ его дна, которое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прогнило. Снаружи, на изголовьѣ гроба, прибита четырехугольная металлическая дощечка [1]), около 5 вершковъ въ квадратѣ; на ней масляными красками нарисованъ большой кругъ, изображающій часовой циферблатъ съ одной только стрѣлкой, поставленной на цифрѣ V; на правой сторонѣ его написаны римскія цифры, начиная отъ XII до V включительно; на лѣвой же сторонѣ цифръ нѣтъ, но значится написанное по окружности славянскимъ шрифтомъ слово «преста». Въ большомъ кругѣ нарисованъ еще малый кругъ, а въ немъ ландшафтъ, изображающій заходъ солнца, въ видѣ человѣческаго лица, съ сіяющими лучами. Очевидно, что эта надпись и рисунокъ есть аллегорическое изображеніе времени дня, когда послѣдовала кончина гетмана. Когда была приподнята крышка гроба, то взорамъ представился довольно высокаго роста покойникъ, одѣтый въ кафтанъ, достигающій колѣнъ. Мягкія части головы и лица совершенно исчезли, превратившись отчасти въ похожую на сажу пыль, въ изобиліи покрывающую костный скелетъ головы и лица. Кафтанъ изъ парчи, первоначальный цвѣтъ которой, а также рисунокъ ея тканья опредѣлить, конечно, невозможно; все это сильно измѣнилось отъ времени; теперь кафтанъ имѣетъ цвѣтъ зеленовато-грязный, застегнутъ на правой сторонѣ на нѣсколько металлическихъ пуговицъ, имѣющихъ оливкообразную форму и еще кое-гдѣ уцѣлѣвшихъ отъ расхищенія (со стороны посѣтителей); рукава довольно длинные, съ обшлагами, къ кистямъ рукъ постепенно суживающіеся. На головѣ изъ такой же парчи, какъ и кафтанъ, небольшая шапочка, по покрою напоминающая священническую скуфью; отъ времени, а, быть можетъ, и отъ чрезмѣрнаго усердія къ древностямъ многихъ прежнихъ посѣтителей гетманской усыпальницы, отдѣлка шапочки сильно пострадала; замѣтно, что она была украшена узорчатымъ шитьемъ или чѣмъ либо подобнымъ, что потомъ исчезло. Черезъ лѣвое плечо широкая лента, несомнѣнно орденская. На лѣвой сторонѣ груди на кафтанѣ нашита золотомъ звѣзда ордена св. Александра Невскаго, которымъ покойный былъ пожалованъ въ 1731 году; въ кружкѣ ея — девизъ ордена: «За труды и отечество». Остальныя принадлежности костюма совершенно разложились; сохранились только на ногахъ кожаные туфли. Мягкія части рукъ и ногъ также совершенно разложились, превратившись въ маркую черную пыль, покрывающую обнажившіяся кости.

Второй гробъ стоитъ сверху сейчасъ описаннаго; обивка его почти совершенно исчезла. Въ немъ покоятся останки какого-то военнаго сановника... Покойникъ одѣтъ въ короткій мундиръ со

---

[1]) По увѣренію В. М. Базилевскаго, серебряная.

стоячимъ высокимъ воротникомъ и расходящимися полами. Воротникъ расшитъ золотымъ шитьемъ, а полы, карманные клапаны на бокахъ полъ и рукавные обшлага обшиты позументомъ, изображающимъ дубовые листья; по бортамъ полъ, на клапанахъ и обшлагахъ металлическія плоскія пуговицы. На рукахъ шелковыя вязаныя перчатки; на ногахъ длинные шелковые чулки и кожаные

Образъ пророка Даніила.

башмаки. Очень можетъ быть, что это и есть останки того генералъ-майора Георгія Лесли, о которомъ гласитъ упомянутая выше эпитафія.

Третій гробъ, нижній съ лѣвой стороны, обитъ шелковой полосатой матеріей, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попстренавшейся: гробъ довольно длинный, также на точеныхъ ножкахъ. Заключенные въ немъ останки покойника накрыты кускомъ черной матеріи; изъ одежды болѣе или менѣе сохранился только длинный шелковый, чернаго цвѣта, шлафрокъ съ рукавами, а на ногахъ башмаки; покойникъ сильно разложился; за исключеніемъ костнаго скелета, все

остальное исчезло. Можно предполагать, что въ этомъ гробѣ похоронена женщина, а шелковая обивка гроба и такой же шлафрокъ указываютъ, что женщина эта принадлежала къ высшему кругу. Очень можетъ быть, что это прахъ жены гетмана Апостола.

Наконецъ, четвертый гробъ, стоящій на верху третьяго, также съ лѣвой стороны у входа, заключаетъ въ себѣ останки и одежды, настолько разложившіеся и измѣнившіеся, что болѣе или менѣе ясное представленіе ихъ и описаніе невозможны. Гробъ этотъ также сильно обгнилъ.

Остальные гроба, развалившіеся и сгнившіе, свалены въ безпорядочную кучу щепъ, обломковъ, выпавшихъ ножекъ и массы древесной пыли» (Ксёнзенко, «Кіевская Старина», 1887, февраль, 358, 359).

Другой очевидецъ, лично посѣщавшій гетманскій склепъ, В. М. Базилевскій, къ этому описанію прибавляетъ еще, будто бы склепъ представляетъ собой начало подземнаго хода, который идетъ затѣмъ подъ земляным валомъ, далѣе подъ рѣкой и выходитъ въ баню, отстоящую отъ церкви приблизительно саженяхъ во сто, въ усадьбѣ одного (?) помѣщика. Нѣкоторые изъ мѣстныхъ обывателей спускались будто бы по ступенькамъ этого хода, но до конца не доходили, такъ какъ подъ конецъ воздухъ становился до того спертымъ, что отъ него гасла свѣчка, да и, кромѣ того, грозила опасность быть заваленнымъ землей.

Въ этой же Свято-Преображенской гетманской церкви мѣстечка Большихъ-Сорочинецъ былъ крещенъ и нашъ знаменитый писатель, Н. В. Гоголь-Яновскій. Въ метрической книгѣ, въ первой части о родившихся, за 1809 годъ, мартъ мѣсяцъ, подъ № 25, значится: рожденъ 20, крещенъ 22, Николай; родители: помѣщикъ Василій Яновскій; воспріемники: господинъ полковникъ Михаилъ Трохимовскій; молитвовалъ и крестилъ священнонамѣстникъ Іоаннъ Бѣловольскій [1]).

Родовое имѣніе Гоголей-Яновскихъ было, какъ извѣстно, село Васильевка, въ 40 верстахъ отъ Полтавы, но онъ родился въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ, куда его мать, Марья Васильевна, незадолго передъ тѣмъ переѣхала подъ наблюденіе знаменитаго въ свое время доктора Трахимовскаго.

Относительно дома, гдѣ родился Гоголь, существуютъ два указанія: В. П. Горленка и В. А. Гиляровскаго. Горленко въ своемъ сочиненіи «Южнорусскіе очерки и портреты» пишетъ: «Домикъ генеральши Дмитріевой, гдѣ 19 марта [2]) 1809 года родился Гоголь,

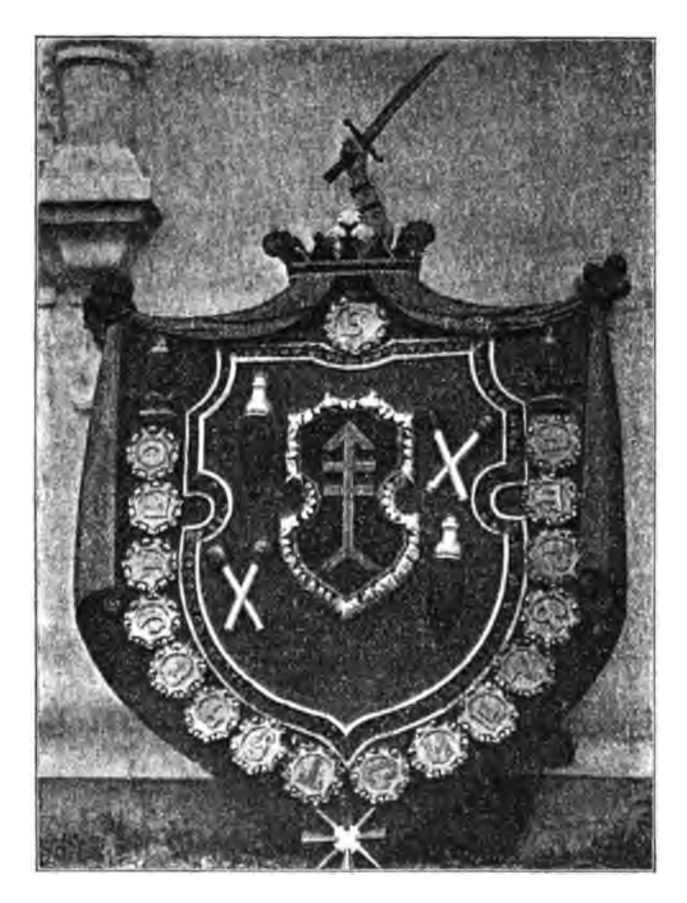
---

[1]) У большинства біографовъ Гоголя день рожденія его обозначенъ 19 марта; тоже у В. П. Горленка: Южнорусскіе очерки и портреты, Кіевъ, 1898, 15. Только у В. А. Гиляровскаго вѣрно обозначено 20-е число марта :«Русская Мысль», 1900, февраль, 128.

[2]) Какъ мы сказали, 20, а не 19-го.

давно не существуетъ. Уничтоженъ, говорятъ, недавно и описанный выше флигелекъ въ Яновщинѣ, да и родное село его сильно въ послѣднее время измѣнилось» (стр. 15). Другое говоритъ В. А. Гиляровскій въ своемъ разсказѣ «Гоголевщина»: «Гоголь родился въ Сорочинцахъ, въ домѣ Трахимовскаго; домикъ этотъ цѣлъ и теперь... потомъ онъ былъ проданъ помѣщику г. Чарнышу, а по-

Гербъ Даніила Апостола.

томъ г. Александренку, и отъ него уже пріобрѣлъ его настоящій владѣлецъ, становой приставъ П. М. Ересько... Это чисто побѣленая мазанка, съ дверью по срединѣ. Дверь эта ведетъ въ большую комнату съ глинобитнымъ поломъ, въ правомъ углу которой расположена большая печка, а рядомъ съ ней дверь, ведущая въ пристройку. Налѣво—дверь въ комнату, гдѣ когда-то докторъ Трахимовскій располагалъ своихъ паціентовъ, и гдѣ родился девяносто

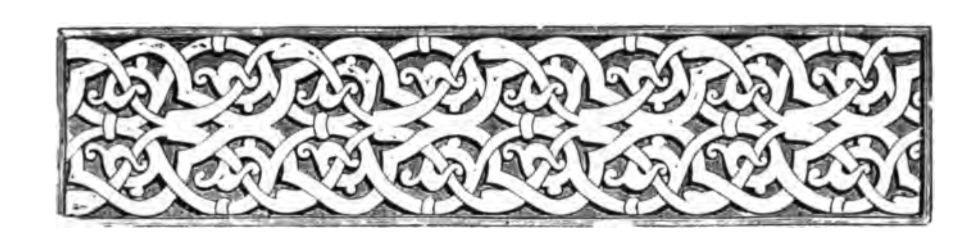
лѣтъ назадъ Николай Васильевичъ Гоголь» («Русская Мысль», 1900, февраль, 122, 126).

На чьей же сторонѣ правда? По тщательно собраннымъ справкамъ на мѣстѣ пишущимъ настоящія строки, оказалось, что Гоголь родился въ домѣ Трахимовскаго, а не въ домѣ генеральши Дмитріевой, все состояніе которой унаслѣдовалъ Юрій Алексѣевичъ Малинка, дѣдъ А. А. Малинки, теперешняго предводителя дворянства Миргородскаго уѣзда. Юрій Алексѣевичъ Малинка часто и показывалъ и говорилъ, что Гоголь именно родился въ крохотномъ домикѣ Трахимовскаго, теперь г. Ереськи.

Описаніе Свято-Преображенской церкви въ м. Большихъ-Сорочинцахъ было бы неполно, если бы мы не сказали еще о двухъ рѣдкихъ колоколахъ, висящихъ на особой отъ церкви колокольнѣ. На одномъ изъ нихъ вырѣзана краткая надпись: «1775 годъ, 50 пудъ»; на другомъ болѣе пространная: «АХИН. 20 пудъ. Сей звонъ на хвалу Божію, кому Богъ дастъ. С.Г.З. року АХИН мца марта» (т. е. 1658, мѣсяца марта).

Д. И. Эварницкій.

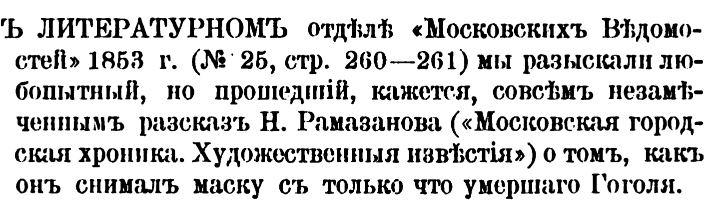

ЗАМѢТКИ О ГОГОЛѢ.

I.

Снятіе маски съ Н. В. Гоголя Н. Рамазановымъ.

ВЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ отдѣлѣ «Московскихъ Вѣдомостей» 1853 г. (№ 25, стр. 260—261) мы разыскали любопытный, но прошедшій, кажется, совсѣмъ незамѣченнымъ разсказъ Н. Рамазанова («Московская городская хроника. Художественныя извѣстія») о томъ, какъ онъ снималъ маску съ только что умершаго Гоголя.

«21-го февраля, послѣ обѣда, раздался звонокъ въ моей квартирѣ, и явился сильно встревоженный г. А—ъ (Аксаковъ?), который объявилъ о смерти Н. В. Гоголя. Правда, до того уже были точные слухи о тяжкой болѣзни послѣдняго; но врядъ ли кто равнодушно могъ вынести вѣсть о смерти этого человѣка. Однако нельзя было медлить; я позвалъ старика формовщика, и чрезъ четверть часа мы были уже на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ гр. Т. (Толстого). Гробовая крышка, встрѣченная нами у входа, подтвердила внезапную горестную вѣсть. Я взошелъ по парадной лѣстницѣ въ верхніе покои, гдѣ въ совершенной темнотѣ ходилъ по комнатамъ хозяинъ дома, и на вопросъ: «гдѣ Н. В. Гоголь?» онъ отвѣтилъ, указывая обратно на лѣстницу: «тамъ внизу». Когда я подошелъ къ тѣлу Гоголя, онъ не казался мнѣ мертвымъ. Улыбка рта и не совсѣмъ закрытый правый глазъ его породили во мнѣ мысль о летаргическомъ снѣ, такъ что я не вдругъ рѣшился снять маску; но приготовленный гробъ, въ который должны были положить въ тотъ же вечеръ его тѣло, наконецъ, безпрестанно прибывавшая

толпа желавшихъ проститься съ дорогимъ покойникомъ заставили меня и моего старика, указывавшаго на слѣды разрушенія, поспѣшить снятіемъ маски, послѣ чего съ слугою, мальчикомъ Гоголя, мы очистили лицо и волосы отъ алебастра и закрыли правый глазъ, который, при всѣхъ нашихъ усиліяхъ, казалось, хотѣлъ еще глядѣть на здѣшній міръ, тогда какъ душа умершаго была далеко отъ земли».

Этотъ разсказъ остался, повидимому, неизвѣстнымъ почтенному біографу Гоголя, В. И. Шенроку.

II.

Воспоминаніе о Гоголѣ «комнатнаго надзирателя».

Въ 1850-хъ годахъ В. Негрескулъ записалъ со словъ одного изъ воспитателей Гоголя, П. (Перiона?), и помѣстилъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1853 г., № 71, стр. 729) любопытный разсказъ о пребываніи великаго писателя въ лицеѣ. Насколько мы знаемъ, ни одинъ изъ біографовъ Н. В. имъ не воспользовался, хотя въ немъ попадаются очень характерныя черты и для разсказчика-воспитателя, и для его питомца.

«Я былъ комнатнымъ надзирателемъ при Нѣжинскомъ лицеѣ, но главною моею обязанностію было говорить всегда съ студентами по-французски, обучать ихъ этому языку болѣе практически. Въ числѣ студентовъ были Н. В. Кукольникъ и Н. В. Гоголь. Послѣдній былъ очень лѣнивъ; плохо занимался по всѣмъ предметамъ, пренебрегалъ изученіемъ языковъ, особенно по моему предмету учился онъ плохо; поведенія же онъ былъ прекраснаго; смирнѣе его не было, хотя товарищи часто жаловались на него; онъ всѣхъ копировалъ, передразнивалъ, клеймилъ прозвищами; по характера былъ добраго и дѣлалъ это не изъ желанія обидѣть, а такъ, по страсти.

«Извѣстно, какъ любилъ Н. В. Гоголь товарищей, съ какимъ участіемъ разспрашивалъ всегда о нихъ... Н. В. Гоголь любилъ страстно рисованіе, литературу, но было бы слишкомъ смѣшно думать, что Гоголь будетъ Гоголемъ. Меня перевели въ Одесскій учебный округъ, на вакансію учителя французскаго языка при гимназіи, и я потерялъ изъ виду своихъ воспитанниковъ; русскихъ журналовъ я не читаю, о литературѣ никогда не говорю: я плохо знаю русскій языкъ. Могъ ли я знать объ успѣхахъ Гоголя, Кукольника, а между тѣмъ слышу часто въ разговорахъ товарищей: Гоголь, Гоголь... Странно, не можетъ быть... Нѣтъ, фамилія знакома: одинъ Гоголь былъ моимъ ученикомъ... Я увѣрился, что Гоголь дѣйствительно кончилъ въ Нѣжинскомъ лицеѣ.

«Странно, право, странно»...

Сжатая характеристика Гоголя-лицеиста подтверждается другими свидѣтельствами и заслуживаетъ, конечно, полнаго вниманія.

Какъ хороши и знаменательны эти «странно»!

III.

«Иностранецъ Василій Ѳедоровъ».

Давно уже было указано, насколько Гоголь остается вѣренъ дѣйствительности даже въ мелочахъ. Мы можемъ привести новое подтвержденіе этого общаго указанія—на одномъ мелкомъ, но характерномъ фактѣ.

Въ началѣ «Мертвыхъ Душъ» изображаются первыя впечатлѣнія Чичикова при осмотрѣ города (изд. Тихонравова, III, 7). «Показались почти смытыя дождемъ вывѣски съ кренделями и сапогами, кое-гдѣ съ нарисованными синими брюками и подписью какого-то Аршавскаго портного; гдѣ магазинъ съ картузами, фуражками и надписью: «иностранецъ Василій Ѳедоровъ»...».

Что это—результатъ живого наблюденія, занесеннаго въ записную книжку, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ «Молвы» (1831, VI, 8—9): «Мы не найдемъ въ Москвѣ... остроумной вывѣски; зато у насъ есть весьма забавныя и характеристическія. Въ послѣднемъ отношеніи замѣчательно лукавство, съ какимъ хозяева нашихъ вывѣсокъ мистифируютъ на свой счетъ публику, и почти всѣ съ однимъ умысломъ: не казаться тѣмъ, что они въ самомъ дѣлѣ. Напримѣръ: «здѣсь портной А. Финисъ Никулинъ»—этотъ очевидно мѣтитъ въ нѣмцы; другой: здѣсь иностранецъ мужской портной Николай Рахмановъ—въ этомъ преобладаетъ космополитизмъ: не говоритъ, какой націи, только не русской. Есть еще портной «новоприбывшій изъ Парижа», и засаленная вывѣска пятнадцать лѣтъ настойчиво увѣряетъ въ томъ всѣхъ идущихъ и ѣдущихъ. Одинъ, съ діогеновскою замашкою, просто пишетъ, между двумя нарисованными сапогами: здѣсь Яковъ; другой, напротивъ, чинъ чиномъ: здѣсь Иванъ Василичь. Но вывѣски предметъ важный, и для наблюдательнаго человѣка онѣ—источникъ великихъ результатовъ»...

Такимъ наблюдательнымъ человѣкомъ и былъ Н. В. Гоголь. Случайное и частичное наблюденіе, вмѣстѣ съ рядомъ другихъ, однородныхъ, дало начало цѣльной и выразительной картинѣ провинціальной жизни—въ ея внѣшнихъ проявленіяхъ [1]).

---

[1]) Срв. Соч. Вяземскаго, VIII, 431 (и II, 184): «а какова эта вывѣска, которую можно было видѣть въ 1820-хъ годахъ, въ Москвѣ, на Арбатѣ или Поварской! Большими золочеными буквами красовалось: Гремиславъ, портной изъ Парижа»; ibidem, X, 151: «вывѣска, писанная на французскомъ языкѣ, какъ многія наши городскія вывѣски: Tailleur Effremoff de Paris, и т. п.».

IV.

Гоголь въ Одессѣ въ 1848 году.

Біографы Гоголя не даютъ почти никакихъ свѣдѣній о пребываніи великаго писателя въ Одессѣ въ 1848 г. Наиболѣе обстоятельный изъ нихъ, В. И. Шенрокъ, даже жалуется на скудость источниковъ и безуспѣшность своихъ поисковъ.

Однако, кое-какія указанія можно было найти въ брошюрѣ, названіе которой меньше всего могло бы обѣщать это: «День памяти Пушкина 6 (26) іюня 1880 года въ императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ» (Одесса, 1880, стр. 46—51). Г. Тройницкій прочелъ во время университетскихъ поминокъ свое стихотвореніе о Гоголѣ, отчасти касавшееся и Пушкина, и прибавилъ нѣсколько интересныхъ разъясненій.

Въ виду рѣдкости и малоизвѣстности брошюры извлекаемъ изъ этой статьи все существенное.

Братъ поэта, Л. С. Пушкинъ, былъ замѣчательно остроумный человѣкъ и феноменальной памяти. Онъ зналъ на память и превосходно читалъ всѣ ходившіе тогда въ рукописи русскіе стихи. Онъ и познакомилъ автора [1]) съ Гоголемъ.

Послѣ продолжительнаго пребыванія въ Италіи Гоголь, по прибытіи въ Одессу, отправился съ парохода прямо въ карантинъ, котораго въ ту пору не могъ миновать ни одинъ пассажиръ изъ-за границы [2]). Левъ Сергѣевичъ съ нашимъ авторомъ отправились въ карантинъ, гдѣ на ихъ звонокъ вышелъ изъ своего нумера Гоголь. Физіономія Гоголя, при первомъ взглядѣ на него, поражала саркастическимъ выраженіемъ. Онъ разсѣянно перебиралъ четками и привѣтствовалъ навѣстившихъ его знакомъ своей руки. Его отдѣляли отъ посѣтителей четверныя проволочныя рѣшотки на довольно значительное пространство, такъ что разговаривать оказывалось довольно неудобнымъ. Явственно доносился только плескъ береговой волны, а по ту сторону залива какъ бы трепетала въ струяхъ знойнаго миража прилегающая къ морю степь. Гоголь не разъ заходилъ къ автору стихотворенія и Льву Сергѣевичу, въ домъ Крамаревой, по Дерибасовской, гдѣ они оба квартировали.

Гоголь вспоминалъ объ Италіи, о Пушкинѣ, о порядкахъ въ отечествѣ, о новѣйшихъ явленіяхъ въ русской литературѣ и разсказалъ нѣсколько анекдотовъ. Вообще ему было привольнѣе въ

---

[1]) Помѣщеннаго ниже стихотворенія—несомнѣнно, самого Тройницкаго.

[2]) Гоголь прибылъ сюда на русскомъ пароходѣ, въ сопровожденіи г. Базили. Прим. автора.

дружескомъ кружкѣ, чѣмъ въ большомъ обществѣ. Гоголь проживалъ у Сабанѣева моста, во флигелѣ дома, нынѣ принадлежащаго графинѣ Толстой, въ двухъ комнаткахъ. Въ одной изъ нихъ стоялъ только круглый ясеневый столъ, на которомъ лежала одна книжечка—Новый Завѣтъ, на греческомъ языкѣ. Въ другой—кровать, два стула и у окна ясеневая конторка, на которой лежала толстая тетрадь въ полулистъ. Гоголь уже находился тогда подъ разъѣдающимъ настроеніемъ того мистицизма, изъ котораго, повидимому, онъ и самъ не усматривалъ выхода, и который натолкнулъ его на злополучную рѣшимость сжечь вторую часть «Мертвыхъ Душъ» и ускорилъ его смерть.

Воспоминанія о знакомствѣ и бесѣдахъ съ Гоголемъ выразились въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Гоголю.

Въ память знакомства съ нимъ при возвращеніи его чрезъ Одессу изъ Италіи

Ты возвращался изъ страны,
Гдѣ столько красокъ и весны;
Гдѣ въ мірѣ вольнаго искусства
Такой просторъ для думъ и чувства;
Гдѣ свѣтлымъ мраморнымъ богамъ
Курился долго оиміамъ;
Гдѣ обаяньемъ дышатъ донны;
Гдѣ изваянныя мадонны
По перекресткамъ и дворцамъ
Подъемлютъ взоры къ небесамъ;
Гдѣ въ храмахъ прежнихъ поколѣній
Ужъ не возносится моленій;
Гдѣ древній міръ пріютъ нашелъ;
Гдѣ католичества престолъ.
О той полуденной странѣ,
Ея богахъ, ея веснѣ,
Ея чарующихъ созданьяхъ,
Гремящихъ славою преданьяхъ
Великій нашъ пѣвецъ мечталъ,
Хотя ея и не видалъ [1]);
Въ нее лишь только уносился,
Лишь духомъ съ нею онъ родился [2]),
И ликъ ея, какъ бы живой,
Сіялъ предъ вѣщею душой.
Ты, на пути въ свой край родимый [3]),
На скиѳскій берегъ нашъ ступилъ,
И міръ иной, родной картиной,
Тебя отвсюду окружилъ.

---

[1]) Извѣстно, что Пушкину ни разу не довелось побывать за границей. Прим. авт.

[2]) Сроднился?

[3]) Малороссію?

Перебирая молча четки,
Ты намъ привѣтъ послалъ рукой
Сквозь карантинныя рѣшотки,
И здѣсь мы встрѣтились съ тобой:
Братъ знаменитаго поэта [1]),
Да я, ничѣмъ не именитый,
Да ты—заще цъ знаменитый.
Горячимъ воздухомъ одѣта,
Виднѣлась цѣпь черезъ заливъ;
Волны рокочущей отливъ
До слуха чутко доносился,
Пока ты съ нами не простился.
Былъ ясный день и зной томилъ,
Когда ты кровъ мой посѣтилъ.
И незамѣтно время мчалось,
И многое припоминалось
Про зарубежной жизни строй,
И намъ присущій бытъ родной
И про твои съ *поэтомъ* [2]) встрѣчи.
О *немъ*—владыкѣ русской рѣчи,
Великомъ, искреннемъ пѣвцѣ,
Въ терново-лавровомъ вѣнцѣ
Унесшемъ въ глубь своей могилы
Такія творческія силы,
Намъ грустно было вспоминать
И раны сердца растравлять.
Ни люстръ, висящихъ съ потолка,
Ни бронзъ, ни утвари красивой,
Въ укромной сѣни уголка,
Когда въ Одессѣ суетливой
Ты проживалъ, я не видалъ.
О нихъ ты мало помышлялъ.
Всего двѣ горенки: въ одной
Завѣтъ Спасителя, въ другой,
Гдѣ воплощалась мысль твоя,
Лежала рукопись. Въ ея
Потомъ сожженные листы
Ты заносилъ свои мечты,
И думалъ ты, что трудъ упорный,
Многострадальный, плодотворный,
Свершенъ. Одинъ ударъ рѣзца
До вожделѣннаго конца,
Тебѣ казалось, оставался.
И ты простился и разстался,
Разстался съ нами навсегда...
Всему здѣсь жребій и череда!
Ты мыслилъ много, и страдалъ,
И умеръ. Не осуществился
Тебя томившій идеалъ.
Изъ дольнаго переселился
Ты въ оный міръ, гдѣ нѣтъ ни словъ [3]),

---

[1]) Л. С. Пушкинъ. *Прим. авт.*
[2]) Пушкинъ. Курсивъ здѣсь и ниже принадлежитъ автору.
[3]) Слезъ?

Ни мнимыхъ радостей, ни грезъ,
Ни воздыханій, ни печали,
Что прежде сердце волновали.
Туда, туда—тебѣ во слѣдъ,
Я посылаю свой привѣтъ
Твоимъ несбывшимся мечтамъ
И недомолвленнымъ рѣчамъ [1])...

V.

А. Григорьевъ о Гоголѣ (1847 г.).

Въ 40-хъ годахъ А. Григорьевъ переживалъ довольно острый періодъ романтическаго броженія. Торжество реализма въ литературѣ и проповѣдь «практицизма» въ публицистикѣ приходились ему сильно не по нутру. Жизнь какъ бы потеряла свои краски, родникъ чистой поэзіи изсякъ, благодаря «сумрачнымъ» Гоголю и Лермонтову...

Какъ характерно и знаменательно само сопоставленіе! Обращеніе къ соціальнымъ темамъ, глубокій психологическій анализъ, смѣхъ сквозь слезы, «желѣзный стихъ» —все это убило поэзію «поцѣлуя», безъ которой тяжело живется на свѣтѣ:

О поцѣлуй!.. Тебя давно не пѣли
Поэты наши... Злобой и тоской
Желѣзные стихи ихъ намъ звенѣли,
Но стихъ давно ужъ не звучалъ тобой...
На Божій міръ такъ сумрачно глядѣли
Избранники, намъ данные судьбой,
И Лермонтовъ, и Гоголь... Такъ уныло,
Такъ безъ тебя намъ пусто въ мірѣ было [2])!...

На такой точкѣ зрѣнія Григорьевъ, конечно, могъ удержаться не долго —только въ пору «мятежной юности», но это не лишаетъ его стиховъ извѣстнаго значенія: они—характерный симптомъ романическаго настроенія и показатель литературнаго значенія Гоголя, котораго, вмѣстѣ съ Лермонтовымъ, ставили во главѣ «новѣйшей» литературной школы.

В. В. Каллашъ.

---

[1]) О близкихъ отношеніяхъ Гоголя со Стурдзой въ Одессѣ говорятъ Н. Н—въ въ «Библ. Зап.» 1859, II, 263—268, и самъ Стурдза—«Москвитянинъ», 1852, XX, 224—228.

[2]) «Моск. город. листокъ», 1847, № 163, стр. 657.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока. Въ четырехъ томахъ. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1902.

ПОМИНКИ по Гоголѣ вызовутъ, конечно, появленіе цѣлой литературы о немъ, безчисленныхъ газетныхъ и журнальныхъ статей, ученыя изслѣдованія и матеріалы различной цѣнности. Одно изъ первыхъ мѣстъ, а, быть можетъ, и первое въ этой Гоголевской литературѣ 1901—1902 года, займутъ изданныя А. Ф. Марксомъ и редактированныя В. И. Шенрокомъ письма Н. В. Гоголя въ четырехъ объемистыхъ томахъ. Трудъ В. И. Шенрока— дѣйствительная дань признательности памяти Гоголя и необыкновенной цѣны пріобрѣтеніе для всѣхъ изслѣдователей великаго писателя.

Впервые собраніе писемъ Гоголя далъ его первый біографъ, П. А. Кулишъ, въ своемъ шеститомномъ изданіи «Сочиненій и писемъ Н. В. Гоголя» (Спб., 1857). Здѣсь письма заняли пятый и шестой томы. Трудъ Кулиша былъ поистинѣ грандіознымъ: ему пришлось отыскивать и собирать со всѣхъ концовъ Россіи письма. Чтобы оцѣнить эту работу, по вѣрному замѣчанію В. И. Шенрока, нужно самому испытать ее. Еще труднѣе было расположить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ: нужно вспомнить, что тогда только началось біографическое изученіе Гоголя. Тѣмъ не менѣе, изданіе Кулиша было цѣннымъ вкладомъ въ исторію Гоголя, но оно имѣло свои крупные недочеты, по большей части, не по винѣ издателя. Въ письмахъ было немало пропусковъ по цензурнымъ соображеніямъ; при жизни матери и сестеръ Гоголя и другихъ его корреспондентовъ Кулишъ не считалъ возможнымъ опубликовать многія мѣста изъ писемъ Гоголя; наконецъ большинство именъ и фамилій были замѣнены или звѣздочками или произвольными знаками. Наконецъ, Кулишъ

опускалъ нѣкоторыя строки въ письмахъ (напримѣръ, подписи, адреса), считая ихъ лишними и не предвидя, что эти мелочи могутъ быть очень цѣнны для опредѣленія времени ихъ написанія. Кулишу не удалось вполнѣ правильно распредѣлить въ хронологическомъ порядкѣ всю массу писемъ, нерѣдко онъ относилъ ихъ не къ тому времени, когда они были написаны. Отсутствіе указателя и необходимыхъ поясненій и примѣчаній затрудняли пользованіе изданіемъ П. А. Кулиша.

Но V и VI томы, содержащіе въ себѣ письма, не повторялись въ слѣдующихъ изданіяхъ сочиненій Гоголя и мало-по-малу становились библіографической рѣдкостью. А съ тѣхъ поръ, съ 1857 года, число извѣстныхъ намъ писемъ возросло чуть не вдвое; почти каждый годъ приносилъ все новыя письма, которыя печатались не только въ спеціальныхъ историческихъ журналахъ, но и въ общихъ, въ сборникахъ, газетахъ и отдѣльныхъ книгахъ. Повторялись изданія старыхъ напечатанныхъ въ собраніи Кулиша писемъ, въ исправленномъ текстѣ, съ возстановленіемъ пропусковъ и раскрытіемъ инціаловъ. Но, несмотря на существованіе указателей литературы о Гоголѣ пользованіе этими разсѣянными всюду матеріалами было чрезвычайно затруднительно, и необходимость изданія полнаго собранія Гоголевскихъ писемъ стала настоятельной. Нечего и говорить, что выпущенныя теперь письма Гоголя — трудъ первостепенной важности. Изданіе писемъ Н. В. Гоголя попало въ надежныя руки В. И. Шенрока, лучшаго въ настоящее время спеціалиста по Гоголю, автора превосходныхъ четырехтомныхъ «Матеріаловъ для біографіи Гоголя», редактора VI и VI томовъ классическаго, «Тихонравовскаго» изданія сочиненій Гоголя.

Дѣйствительно, г. Шенрокъ далъ образцовое изданіе, удовлетворяющее всѣмъ научнымъ требованіямъ. Оно совершенно упраздняетъ теперь изданіе Кулиша, безконечно превосходя его и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніяхъ. По объему оно почти вдвое превосходитъ собраніе Кулиша: вмѣсто двухъ томовъ теперь пошло на письма четыре. Г. Шенрокъ собралъ всѣ напечатанныя письма Гоголя и прибавилъ къ нимъ нѣсколько еще нигдѣ не напечатанныхъ писемъ. Изданіе В. И. Шенрока совершенно свободно отъ недостатковъ собранія Кулиша. Въ основу своего труда В. И. Шенрокъ положилъ принципъ провѣрки всѣхъ писемъ по подлинникамъ. Понятно, вполнѣ этотъ принципъ не могъ быть проведенъ по той причинѣ, что кое-какихъ писемъ теперь уже не достать. Благодаря этой провѣркѣ, возстановлены всѣ пропуски, иніціалы и знаки изданія Кулиша замѣнены фамиліями, неточности, доходившія иногда до искаженій, исправлены. Письма расположены въ хронологическомъ порядкѣ. Благодаря своему глубокому изученію жизни Гоголя, г. Шенрокъ удачно справился съ хронологическимъ пріуроченіемъ писемъ и исправилъ ошибки Кулиша. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ онъ даетъ необходимыя поясненія событій и лицъ, упоминаемыхъ въ текстѣ. Къ четвертому тому приложенъ подробный указатель. Эта работа по редакціи писемъ дѣйствительно огромная, потребовавшая отъ г. Шенрока упорнаго и продолжительнаго труда, незамѣтна съ перваго взгляда, и только занимающійся спеціально Гоголевскими вопросами способенъ оцѣнить количество труда и его результаты и отъ души поблагодарить г. Шенрока. Мы имѣемъ образцо-

кое изданіе сочиненій Гоголя, позволяющее слѣдить за исторіей его творчества по исторіи его рукописей. Но только теперь съ появленіемъ этихъ объемистыхъ четырехъ томовъ, заключающихъ значительную часть души Гоголя, является возможность заглянуть глубоко въ душу этого замѣчательнаго человѣка, является опредѣленная увѣренность, что раскроются тайны его жизни. Благодаря изданію г. Шенрока, становится возможнымъ изученіе творчества Гоголя въ связи съ исторіей его душевныхъ переживаній. И г. Шенрокъ кладетъ начало этому изученію, приводя въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ біографическія справки и параллельныя мѣста изъ произведеній Гоголя.

Мелкіе промахи совершенно теряются въ оцѣнкѣ общаго значенія его работы. При кое-какихъ письмахъ не ясно, напримѣръ, провѣрены ли они по подлинникамъ, не видно, гдѣ они впервые напечатаны. Въ алфавитномъ указателѣ не указаны имена и названія, вошедшія въ «дополненія» къ 4-му тому; и это не отмѣчено. Кое-гдѣ досадныя типографскія опечатки. Наконецъ, можно было бы, относясь съ педантической строгостью, потребовать сохраненія Гоголевскаго правописанія, но, повторяемъ, эти мелочи нисколько не уменьшаютъ огромнаго значенія работы г. Шенрока.

Мы позволимъ себѣ закончить нашу замѣтку однимъ пожеланіемъ. Когда читаешь письма Гоголя, особенно къ тѣмъ лицамъ, съ которыми онъ состоялъ въ перепискѣ въ теченіе долгаго времени, всегда чувствуешь желаніе имѣть подъ рукой отвѣтныя письма его корреспондентовъ; иногда это желаніе превращается въ потребность. Многія мѣста въ письмахъ Гоголя и многія подробности въ его отношеніяхъ къ друзьямъ-корреспондентамъ остаются непонятными безъ знакомства съ ихъ письмами. Въ особенности это нужно сказать о письмахъ матери Гоголя, Смирновой, Языкова, Погодина и др. Многія изъ этихъ писемъ уже изданы, и большинство этихъ изданныхъ писемъ напечатано г. Шенрокомъ. Теперь, когда мы имѣемъ прекрасное изданіе писемъ Гоголя, мы—въ правѣ надѣяться, что почтенный изслѣдователь и біографъ Гоголя довершитъ свою работу по изданію Гоголевской переписки и возьметъ на себя трудъ выпустить въ печать письма къ Гоголю. И это изданіе будетъ имѣть интересъ не только для спеціалистовъ-историковъ литературы, но и для большой публики, такъ какъ у Гоголя были очень разнообразныя отношенія. Не безполезно было бы присоединить къ этому изданію немногочисленныя письма, преимущественно друзей Гоголя, о Гоголѣ. Тутъ можно было бы напечатать отрывки изъ переписки его матери съ своими родственниками. Мы надѣемся, что г. Шенрокъ, такъ много уже сдѣлавшій для изученія Гоголя, внесетъ въ программу своихъ будущихъ работъ изданіе всей переписки Гоголя.

П. Щеголевъ.

П. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. Часть III. Національизмъ и общественное мнѣніе. Выпускъ I. Спб. 1901.

Одною изъ важнѣйшихъ новостей русской исторической литературы за истекшій годъ является книга г. Милюкова; какъ и все, выходящее изъ-подъ пера талантливаго автора, она обратила на себя всеобщее вниманіе и пріобрѣла

обширный кругъ читателей еще въ то время, какъ печаталась отдѣльными главами на страницахъ одного изъ петербургскихъ «толстыхъ журналовъ».

Въ основу этихъ «Очерковъ» легли, какъ извѣстно, университетскія чтенія автора, «Введеніе въ курсъ русской исторіи», прочитанное имъ на историко-филологическомъ факультетѣ Московскаго университета; но для настоящаго изданія чтенія эти переработаны заново, и, по мѣрѣ того какъ подвигается ихъ изданіе, переработка эта все болѣе и болѣе даетъ себя чувствовать: настоящій выпускъ можно уже разсматривать, какъ нѣчто совершенно новое.

Широкое пониманіе поставленной себѣ задачи всегда характеризовало г. Милюкова, какъ историка, и настоящій трудъ представляетъ собою лишнее свидѣтельство такого пониманія; авторъ считаетъ своимъ долгомъ, прежде чѣмъ говорить о рускомъ націонализмѣ, высказать свои взгляды на этотъ вопросъ вообще, результатомъ чего и является сжатый, но превосходный историко-философскій этюдъ, поставленный во введеніи къ книжкѣ: въ согласіи съ современными научными воззрѣніями, г. Милюковъ опредѣляетъ національность, какъ понятіе характера соціальнаго, придавая главное значеніе надорганической средѣ въ дѣлѣ диффренціаціи народностей, и при этомъ высказываетъ это свое положеніе съ замѣчательною ясностью и наглядностью; установивъ даже этапы развитія національнаго самосознанія—эпоха органическая, переходная и критическая, какъ онъ ихъ называетъ, авторъ излагаетъ затѣмъ исторію развитія русскаго національнаго самоопредѣленія согласно этимъ установленнымъ имъ стадіямъ.

Исторію русскаго національнаго самосознанія слѣдуетъ начинать съ конца XV вѣка—таково главное положеніе г. Милюкова, когда онъ приступаетъ къ исторіи выработки националистическихъ идеаловъ органической эпохи; нѣтъ сомнѣнія, что невозможно говорить о самосознаніи русской національности, какъ цѣлаго, прежде политическаго объединенія русскаго народа, достигнуто же объединеніе это дѣйствитительно лишь Московскимъ государствомъ. (Хотя не надо, казалось бы, забывать о наличности проявленій такого самосознанія и въ болѣе отдаленныя эпохи; Святославъ, не желавшій посрамить земли Русской, Мономахъ—добрый страдалецъ за землю Русскую,—все это даетъ право говорить о существованіи извѣстнаго народнаго самосознанія уже и въ тѣ времена). Поэтому трудно согласиться съ тѣми изъ критиковъ, которые обвиняли автора въ пренебреженіи нѣкоторыми традиціями такъ называемаго удѣльно-вѣчевого періода. Но въ то же время едва ли не представляется возможнымъ поставить г. Милюкову упрекъ съ другой точки зрѣнія: всякое самоопредѣленіе національности есть продуктъ извѣстнаго обмѣна идей и даже ихъ столкновенія; слѣдя генезисъ такого самоопредѣленія, недостаточно поэтому разложить его на его основные производители, весьма важно указать также и на тѣ тенденціи, которыя отрицательнымъ своимъ вліяніемъ оказали воздѣйствіе на выработку національной московско-русской идеи. Кругъ такихъ тенденцій легко можетъ быть указанъ—это идеалы новгородской духовной культуры; не слѣдуетъ забывать, что, доросши до положенія политическаго центра Руси, Москва не успѣла еще въ то же время стать во главѣ нашей древней умственной жизни, и культурный перевѣсъ Новгорода надъ Москвой долго давалъ

себя чувствовать, отразившись въ своего рода духовной борьбѣ, во время которой Москва и высказала впервые многія изъ тѣхъ идей, которыя впослѣдствіи залегли въ основу нашего народнаго самосознанія.

Излагая исторію его развитія, авторъ очень подробно останавливается на интересномъ вопросѣ о вліяніяхъ извнѣ: Софія Палеологъ, ея спутники и компатріоты—люди, далеко не представлявшіе собою коллекцію адамантовъ добродѣтели—«суть бо греци лстивы и до сего дни»,—«братушки» различныхъ мастей и колеровъ, начиная съ Кипріана и Пахомія и кончая Юріемъ Крижаничемъ, который очутился на своемъ мѣстѣ, кажется, лишь когда угодилъ въ Сибирь—всѣ они немало способствовали тому, что наши національныя идеи и идеалы сложились въ ту именно форму, въ какую они отлились; но въ то же время эти же пришельцы путемъ сравненія русской дѣйствительности съ фактами жизни другихъ странъ способствовали также и зарожденію критическаго отношенія къ тому, въ непреложномъ великолѣпіи чего до сихъ поръ никто не сомнѣвался. Эта критика сказалась и въ извѣстныхъ попыткахъ древнерусской оппозиціи, какъ религіозной, такъ и политической. Г. Милюковъ говоритъ также и объ оппозиціи соціальной, но едва ли холопское и казачье движеніе временъ Лихолѣтія можетъ серіозно считаться выраженіемъ критики московскаго національнаго идеала: критика, для того, чтобы быть таковой, должна быть сознательна, должна исходить изъ опредѣленныхъ идей: а каковы были идеи Болотникова, Заруцкаго, Баловня? Правда, здѣсь нѣкоторую помощь автору оказываетъ небезызвѣстный Ивашка Пересвѣтовъ, однако стоитъ ли этотъ Ивашка того, чтобъ съ легкимъ сердцемъ принимать его помощь?

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше сказывалось вліяніе другихъ народностей на укладъ жизни русской національности; дѣло началось съ заимствованій въ области внѣшней культуры, но на этомъ остановиться не могло; тому мѣшали и потребности московскаго правительства, и его дѣйствія: въ послѣднемъ отношеніи весьма любопытна исторія нѣмецкой колоніи на Руси, чрезвычайно живо и выпукло нарисованная г. Милюковымъ. Царствованіе Алексѣя Михаиловича, послѣднее московское и первое западническое царствованіе, тоже останавливаетъ на себѣ вниманіе автора. Мало кто изъ нашихъ историковъ обращалъ вниманіе на трагическій элементъ въ жизни и правленіи этого государя, очутившагося, такъ сказать, въ позѣ Геркулеса на распутьѣ, недоумѣвающаго, по какой же дорогѣ пойти; правда, онъ не обращался за разрѣшеніемъ этого недоумѣнія къ проходящимъ, и потому-то, быть можетъ, безпомощная въ своей нерѣшительности поза его не слишкомъ бросается въ глаза; считая ее необычной, небывалой доселѣ, мы забываемъ, что она также и тяжела. Съ присущимъ ему тонкомъ пониманіемъ г. Милюковъ обратилъ вниманіе на это колебаніе, на этотъ разладъ, и подъ его перомъ образъ царя Алексѣя принимаетъ, правда, менѣе идиллическій и болѣе скорбный характеръ, чѣмъ обыкновенно, но зато несомнѣнно выигрываетъ въ жизненности, въ правдоподобіи.

Наконецъ авторъ приступаетъ къ изложенію той эпохи, когда, по его словамъ, произошла «офиціальная побѣда критическихъ элементовъ надъ на-

ціоналистическими», къ изложенію эпохи Петра. Здѣсь г. Милюковъ безспорно является крупнымъ авторитетомъ, давно уже признаннымъ русскою исторической наукою; поэтому его взглядъ на Петра и на его реформу пріобрѣтаетъ несомнѣнный интересъ. Взглядъ этотъ въ общихъ чертахъ остается тотъ же, какимъ его высказалъ г. Милюковъ въ своемъ большомъ трудѣ о петровской реформѣ: реформа эта создалась болѣе или менѣе случайно, подъ вліяніемъ внѣшнихъ потребностей жизни, нарождалась отрывочно, частями, а отнюдь не по заранѣе намѣченному, систематически построенному плану; зачастую преобразователю приходилось становиться лицомъ къ лицу съ такими результатами его дѣятельности, которые для него самого были не меньшей неожиданностью, чѣмъ для лицъ, его окружавшихъ; реформа носитъ на себѣ преимущественный отпечатокъ личности самого преобразователя, такъ какъ у него не было сотрудниковъ или были больше лишь по имени; да и не мудрено: некому было довѣриться; еще въ молодости Петръ пережилъ грозную крамолу, впослѣдствіи крамола эта, хотя и полузадушенная, давала себя чувствовать даже въ средѣ ближайшихъ помощниковъ царя, которымъ онъ въ концѣ концовъ долженъ обѣщать ихъ «зѣло аркебузировать» за тѣ мины, которыя они чинили «подъ фортецію правды», даже въ нѣдрахъ собственнаго его семейства (котораго, правда, не умѣлъ устроить Петръ, царь-мастеровой, привыкшій смотрѣть на людей, лишь какъ на «струментъ» своей работы); сына своего онъ принужденъ былъ «весьма наслѣдства лишить» и поступить съ нимъ, «какъ съ злодѣемъ». Личность Петра далеко не можетъ быть названа уравновѣшенной: это—человѣкъ одновременно и дѣла, и разгула, и высокихъ побужденій, и самыхъ грубыхъ страстей, и полководецъ, и судья, и фабрикантъ, и чернорабочій—и чернорабочій по-преимуществу; потому-то и сама реформа приняла узкоутилитарный характеръ и однимъ фактомъ своего существованія не могла еще знаменовать собою перелома въ жизни русской національной идеи; переломъ этотъ произвели уже послѣдующія событія, стоящія, однако же, въ близкой зависимости отъ дѣла Петра, обусловленныя его реформой.

М. Помяловскій.

Народная сельскохозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ. Часть первая. Всенародный мѣсяцесловъ. А. С. Ермолова. Спб. 1902.

Въ этомъ капитальномъ трудѣ собраны всѣ народныя пословицы, поговорки и примѣты на погоду, урожай и на разныя явленія природы и расположены по временамъ года, по мѣсяцамъ и по днямъ. Все собранное выражаетъ собою результаты вѣковыхъ народныхъ наблюденій—главнымъ образомъ въ области сельскохозяйственной жизни населенія, его быта и домашняго обихода. «То, что мы разумѣемъ,—говоритъ А. С. Ермоловъ,—подъ названіемъ вѣковой народной мудрости, не есть еще, конечно, наука, но только ея зародышъ, запасъ такихъ наблюденій и опытовъ, изъ котораго наука можетъ широко черпать, и къ которому она, поэтому, не должна относиться пренебрежительно, хотя бы тутъ наряду съ правдою и примѣшивалось много заблужденій и по-

пятій невѣрныхъ. Это уже дѣло науки разобраться во всей массѣ вѣками накопленныхъ результатовъ народной наблюдательности и воспользоваться тѣмъ, что найдется тутъ цѣннаго и вѣрнаго. Систематизированное же собраніе народныхъ повседневныхъ наблюденій и примѣтъ можетъ принести свою долю пользы и въ другомъ отношеніи—съ точки зрѣнія практической: сельскій хозяинъ можетъ, слѣдя день за днемъ за этими наблюденіями и провѣряя ихъ въ собственномъ своемъ опытѣ, руководствоваться въ своей практической дѣятельности тѣми изъ нихъ, которыя подтвердятся на дѣлѣ и окажутся фактически вѣрными».

Во вступительной главѣ къ своему почтенному труду авторъ объясняетъ и его цѣль: онъ говоритъ, что гдѣ бы человѣкъ ни жилъ, что бы онъ ни дѣлалъ, онъ не уйдетъ отъ вліянія климата и погоды, и что именно отъ комбинаціи этихъ различныхъ факторовъ—тепла, свѣта и влаги,—прежде всего и болѣе всего зависитъ у насъ урожай, а съ нимъ и благосостояніе русскаго народа, который твердо вѣритъ, что «не земля родитъ, а небо», и что «лѣто родитъ, а не поле». Отъ простого народа, отъ крестьянина земледѣльца далеко находится наука и агрономія; гораздо блаже къ нему стоитъ вѣковая народная мудрость, являющаяся, по словамъ А. С. Ермолова, «результатомъ вѣками накопленнаго, почти безсознательнаго, изъ рода въ родъ передаваемаго, опыта и наблюденія, производимаго не точными физическими приборами, но повседневнымъ общеніемъ съ природой чуткаго къ ея явленіямъ, съ которыми связаны всѣ его жизненные интересы, простого крестьянина пахаря. Познавать природу, подмѣчать своеобразныя особенности ея явленій и даже до извѣстной степени предугадывать ихъ—дано не однимъ только людямъ науки. И если только ученые въ состояніи, путемъ долголѣтнихъ точныхъ наблюденій, во всеоружіи многосторонняго знанія, сознательно приподнимать завѣсу природы и улавливать скрытыя за нею тайны, находя имъ научное объясненіе и формулируя ихъ въ видѣ незыблемыхъ законовъ и положеній, то въ дѣлѣ изученія природы, по крайней мѣрѣ, въ ея отношеніяхъ къ повседневной жизни земледѣльца, многое познается простымъ умомъ темнаго, но наблюдательнаго сельскаго люда, который «съ природою одною жизнью дышитъ»...

Но А. С. Ермоловъ, въ своемъ обширномъ трудѣ, не останавливается на примѣтахъ и наблюденіяхъ надъ явленіями природы, сдѣланныхъ однимъ лишь **русскимъ** крестьяниномъ: параллельно, онъ приводитъ примѣты и пословицы на погоду и урожаи у земледѣльцевъ иныхъ странъ — французовъ, нѣмцевъ и др., и ихъ поговорки очень часто сходствуютъ съ нашими, сложенными русскимъ мужикомъ, что еще болѣе увеличиваетъ интересъ и цѣнность книги. При этомъ, русскія и иностранныя пословицы и примѣты пріурочиваются къ однимъ и тѣмъ же числамъ **стараго** стиля.

Свой «всенародный мѣсяцесловъ», какъ называетъ авторъ **первую** часть своего труда, онъ раздѣляетъ по мѣсяцамъ и днямъ, но это отнюдь не значитъ, чтобы крестьянинъ, въ распредѣленіи своего земледѣльческаго труда, придерживался порядка разъ назначенныхъ чиселъ и дней: каждый годъ измѣняются примѣты—измѣняется и порядокъ труда. Къ календарямъ же народъ относится скептически; онъ говоритъ: «кто по календарю сѣетъ, тотъ

рѣдко вѣетъ», «календарнымъ тепломъ не угрѣешься», «календарь не порука» и т. под. Даже пунктуальные и методичные нѣмцы имѣютъ на этотъ счетъ свою пословицу: «Wer jeder Sage Glauben schenkt, dem ist der Scheitel verenkt»,—говорятъ они... Зато у всѣхъ народовъ существуетъ изреченіе, перешедшее еще отъ римлянъ: «Vox populi—vox Dei, гласъ народа—гласъ Божій». И вотъ этотъ-то «гласъ народа», являющій собою глубокій, богатый и неисчерпаемый «кладезь народной мудрости», и зарегистрированъ въ первой части замѣчательнаго труда А. С. Ермолова. Мы не будемъ дѣлать изъ этой прекрасной книги выписокъ, по мѣсяцамъ и числамъ, хотя бы только для образца, такъ какъ отрывочное приведеніе пословицъ и примѣтъ не можетъ дать читателю надлежащаго представленія о томъ глубокомъ интересѣ, которымъ проникнута книга А. С. Ермолова; пространныя же цитаты и компиляціи не входятъ въ рамку нашей сжатой библіографической замѣтки о книгѣ. Отсылаемъ къ ней самой всѣхъ тѣхъ, кто поинтересуется этимъ серьезнымъ трудомъ, источниками которому служили многіе сборники и статьи—на польскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ и англійскомъ языкахъ. Изъ русскихъ же источниковъ, служившихъ подспорьемъ къ книгѣ, были слѣдующее: извѣстное сочиненіе Снегирева «Русскія народныя пословицы и притчи», «Сказанія русскаго народа», собранныя Сахаровымъ, «Пословицы русскаго народа» извѣстнаго народовѣдца В. И. Даля и его же «Толковый словарь», «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу» А. Аѳанасьева и многія другія сочиненія, представляющія, въ общемъ и въ связи съ иностранными сочиненіями о томъ же предметѣ, весьма обширную литературу, на одно изученіе которой нужны многіе годы усидчиваго труда и терпѣнія. Не часто появляются въ русской литературѣ такія книги, представляющія собою не только результаты труда, но, главное, и живой любви къ этому дѣлу первостепенной, для нашей земледѣльческой страны, важности. **И. Н.**

Царь Василій Шуйскій и мѣста погребенія его въ Польшѣ. Томъ второй. Приложенія къ историческому изслѣдованію, книга вторая. Дм. Цвѣтаева. Варшава. 1902.

Въ іюньской книгѣ «Историческаго Вѣстника» прошлаго года мы говорили о первой части приложеній къ историческому изслѣдованію варшавскаго профессора Д. В. Цвѣтаева о царѣ Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ въ Польшѣ. Теперь появилась вторая часть приложеній, древнѣйшіе акты въ которой, какъ и въ первой, сообщаютъ о русско-польскихъ отношеніяхъ той поры, когда Польша достигла высшаго своего политическаго торжества надъ Москвой, но обнаружила и внутреннюю непрочность его, приведшую къ дальнѣйшимъ, роковымъ для самой Польши, послѣдствіямъ. Для даннаго вопроса важны помѣщенныя здѣсь извлеченія изъ корреспонденціи нунція Симонетта о взаимныхъ отношеніяхъ между Сигизмундомъ III и Василіемъ Шуйскимъ и вообще о дѣлахъ съ Москвою. Ихъ полезно разсмотрѣть въ связи съ сообщеніями въ послѣдней книгѣ Пирлинга «La Russie et le Saint-Siège»

(Paris, 1901). Интересны рѣчи Крукеницкаго отъ имени польскаго войска Сигизмунду и канцлера Крыскаго гетману Жолкевскому при представленіяхъ Шуйскаго подъ Смоленскомъ въ лагерѣ и въ Варшавѣ, на генеральномъ сеймѣ, и въ особенности обширная грамота Сигизмунда по случаю плѣна и представленія несчастнаго московскаго государя. Въ этихъ актахъ ясны цѣли и намѣренія Польши, а еще яснѣе не знавшее мѣры хвастливое тщеславіе временныхъ побѣдителей. Извлеченія изъ сеймовыхъ приходо-расходныхъ книгъ даютъ подробныя официальныя данныя о польскихъ казенныхъ расходахъ на содержаніе плѣнныхъ царя и его братьевъ, московскихъ пословъ митрополита Филарета, князя Голицына, князя Трубецкого и другихъ съ ихъ свитами и слугами, на подкупы и т. п. Въ числѣ бравшихъ польскіе «подарки» оказываются многія лица, о которыхъ до сихъ поръ ничего подобнаго не было извѣстно, почему тутъ можно найти и долю разъясненія группировки русскихъ, заявлявшихъ тогда приверженность польскому королю.

Дальнѣйшіе акты касаются варшавскаго и гостынскаго мѣстъ погребенія и существовавшихъ и существующихъ тутъ учрежденій. Варшавскихъ археологовъ и любителей старины сильно за послѣдніе годы интересовалъ вопросъ, что представляетъ собою зданьице, стоящее въ саду первой мужской гимназіи. И въ польской, и въ русской печати держались того мнѣнія, что оно—сохранившаяся подлинная усыпальница царя и его брата и невѣстки Шуйскихъ, сооруженная для нихъ Сигизмундомъ III. Въ книгѣ приводится цѣлый рядъ документовъ XVII—XIX вѣковъ, изъ исторіи мѣстности, на которой стояло и стоитъ это зданьице; въ поясненіе ихъ приложена и официальная докладная записка (№ 185) профессора Цвѣтаева въ управленіе Варшавскаго учебнаго округа о реставраціи зданьица. Несомнѣннымъ оказывается, что это строеніе всегда служило лишь бесѣдкой въ саду и ничего тожественнаго съ усыпальницей и ея исторіей не имѣло; она стояла въ частномъ владѣніи, находившемся по сосѣдству съ собственной землею усыпальницы или такъ называемой московской каплицы. Каплицей владѣли доминикане обсерванты, постоянно ведшіе тяжбы и споры съ сосѣдями. Изданные документы о сосѣднихъ владѣніяхъ и вводятъ въ исторію сосѣдскихъ отношеній и этимъ очень оживляютъ исторію самого доминиканскаго монастыря, сообщая любопытныя данныя изъ церковно-общественнаго быта въ Варшавѣ въ концѣ XVII и въ XVIII вѣкахъ. Въ первой части, какъ помнимъ, послѣ актовъ о представленіи на сеймѣ, о кончинѣ Шуйскихъ и отдачѣ ихъ посмертныхъ останковъ, были помѣщены документы преимущественно о самой варшавской усыпальницѣ и о монастырѣ доминиканъ обсервантовъ.

По снесеніи зданій каплицы, ея земля была подарена обществу любителей наукъ, которое, прикупивъ себѣ сосѣдній домикъ ксендзовъ миссіонеровъ, выстроило на мѣстности каплицы большой домъ, а передъ нимъ памятникъ Копернику. Дѣло сооруженія дома и памятника, дальнѣйшихъ передѣлокъ въ нихъ и учрежденія преміи имени Коперника весьма подробно передается въ документахъ. Извлеченія изъ протоколовъ, тексты уставовъ и правилъ и акты о выборахъ въ члены общества раскрываютъ его внутреннюю организацію и жизнь, его отношенія къ русскому правительству, а также къ рус-

скимъ и юго-славянскимъ ученымъ и поэтамъ и проч. Послѣ разныхъ заявленій обществомъ преданности русскимъ государямъ и послѣ писемъ съ взаимными любезностями между обществомъ и принимавшими выборы въ него такими лицами, каковы графъ Румянцевъ, князь Вяземскій, Кеппенъ, Шторхъ, Булгаринъ, проф. Симоновъ, Шафарикъ и другіе, весьма какъ бы неожиданными являются многочисленные документы объ участіи польскихъ членовъ общества въ возстаніи 1830—1831 годовъ: князя Чарторыскаго, князя Островскаго, графа Плятера, епископа Пражмовскаго, Нѣмцевича, Осинскаго и длиннаго ряда другихъ дѣятельныхъ и вліятельныхъ членовъ общества. Въ документахъ объ этомъ участіи раскрывается многое въ характерѣ и свойствахъ возстанія. Нелегальность членовъ общества повела къ закрытію его; офиціальная переписка о томъ указываетъ, съ какою осторожностью производилось это закрытіе. Оставшіяся послѣ общества денежныя суммы послужили къ постройкѣ зданій для нѣсколькихъ учебныхъ заведеній.

Въ бывшемъ домѣ общества, служившемъ потомъ для дирекціи благотворительной лотереи и для медико-хирургической академіи, помѣщается нынѣ I-я мужская гимназія. Документами о данномъ учебномъ заведеніи, русскомъ по составу учащихся, и о сооруженіи въ немъ церкви, въ память о покойнемся государѣ, заканчиваются акты къ исторіи варшавскаго мѣста погребенія царя Шуйскаго. Послѣднія данныя важны въ исторіи русскаго просвѣщенія въ краѣ.

Царь Василій Ивановичъ жилъ въ заключеніи, скончался и былъ первоначально погребенъ въ 130 верстахъ отъ Варшавы въ Гостынскомъ королевскомъ замкѣ. Въ первой части были помѣщены акты о смерти тамъ Шуйскихъ и инвентарныя описи замка; въ настоящей части изданы документы о выдачѣ имущества Шуйскихъ, оставшагося послѣ ихъ смерти, и лѣтописныя свѣдѣнія о постройкѣ нѣмецко-лютеранскою общиною себѣ кирки на развалинахъ этого замка; постройка была выполнена при щедрой денежной помощи со стороны правительства въ первые годы царства Польскаго.

Документы второго тома извлечены изъ архивовъ и рукописныхъ собраній варшавскихъ, московскихъ, петербургскихъ, гостынскаго, львовскаго, краковскаго и римскихъ (болѣе, чѣмъ изъ 20-ти), главнымъ образомъ латинскіе, польскіе, русскіе, затѣмъ итальянскіе, нѣмецкіе, французскіе. Число актовъ въ I книгѣ тома до 170, во 2 книгѣ 202; за небольшимъ изъятіемъ они новые, доселѣ не изданные.

Размѣщены акты по хранилищамъ, изъ которыхъ извлечены они, съ точнымъ обозначеніемъ дѣлъ и рукописей. Это должно имѣть руководящее значеніе для желающихъ заниматься въ варшавскихъ архивахъ, доселѣ въ большинствѣ недоступныхъ и неизвѣстныхъ изслѣдователямъ.

За актами въ 1-й части были помѣщены рисунки, именно: изображеніе представленія Шуйскихъ въ Варшавѣ, снимки съ печатей, виды отдѣльныхъ зданій и части Варшавы съ бывшею въ ней московскою каплицей; во второй части за актами слѣдуютъ планы мѣста и мѣстности варшавской усыпальницы Шуйскихъ, XVII—XIX вѣковъ. Освѣщая исторію мѣста, рисунки и и планы (числомъ около 30) цѣнны, какъ и поясненіе и дополненіе къ

картографіи Варшавы. Изданы они тщательно, почти всѣ въ размѣрѣ подлинниковъ.

Вообще, въ этомъ новомъ трудѣ профессора Д. В. Цвѣтаева, судя по спеціальному заглавію его, почти нельзя было и ожидать столько интересныхъ и цѣнныхъ историческихъ данныхъ, сколько заключается въ немъ. Это обусловливается тѣмъ, что почтеннымъ ученымъ профессоромъ мѣста погребенія царя Шуйскаго взяты въ связи съ исторіей бывшихъ и существующихъ на нихъ учрежденій, и что въ своихъ научныхъ поискахъ и извлеченіяхъ соотвѣтственныхъ документовъ онъ не знаетъ усталости и умѣетъ преодолѣвать встрѣчающіяся затрудненія, въ чемъ ему помогаетъ и его необыкновенно обширное научное знаніе архивнаго дѣла и рѣдкая настойчивость въ изученіи каждаго взятаго имъ научно-историческаго предмета.

Искренно желаемъ скораго появленія самого историческаго изслѣдованія, которое послѣ такого обширнаго и тщательнаго изученія и выбора матеріаловъ должно, на фонѣ взаимныхъ русско-польскихъ отношеній, обогатить и освѣтить свѣдѣнія о пребываніи царя Шуйскаго въ Польшѣ, исторію учрежденій на мѣстахъ его погребенія и точно опредѣлить мѣсто бывшей въ Варшавѣ царской усыпальницы. **А. Никольскій.**

«Подъ знаменемъ науки». Юбилейный сборникъ въ честь Николая Ильича Стороженка. Изданный его учениками и почитателями. Москва. 1902.—Н. Стороженко. Изъ области литературы. Его же. Опыты изученія Шекспира. Изданіе учениковъ и почитателей. Москва. 1902.

16 декабря въ Москвѣ праздновалось 30-лѣтіе научно-литературной дѣятельности профессора Н. И. Стороженка и 25-лѣтіе со времени избранія его въ дѣйствительные члены общества любителей россійской словесности. Юбиляра привѣтствовали профессора историко-филологическаго факультета, члены общества любителей россійской словесности, депутаціи отъ различныхъ учрежденій, отъ бывшихъ слушателей, слушательницъ, студентовъ и почитателей. Н. И. Стороженко—одинъ изъ выдающихся знатоковъ исторіи всеобщей литературы и одинъ изъ популярныхъ профессоровъ Московскаго университета, поэтому чествованіе носило замѣчательно сердечный характеръ. Но друзья и ученики любимаго профессора не ограничились поднесеніемъ ему адресовъ и множества привѣтствій, а ознаменовали его юбилей изданіемъ трехъ сборниковъ, весьма содержательныхъ и цѣнныхъ.

Въ ознаменованіе исполнившагося тридцатилѣтія профессорской дѣятельности Стороженка они выпустили сборникъ «Подъ знаменемъ науки», редактированіе котораго было поручено привать-доценту Московскаго университета М. Н. Розанову. Сборникъ открывается краткимъ очеркомъ научно-литературной и общественной дѣятельности Н. И. Стороженка, гдѣ въ связи съ біографіей профессора выяснены его ученыя и литературныя заслуги, и тепло освѣщена его плодотворная и многосторонняя дѣятельность. Въ концѣ статьи, въ видѣ приложенія, находимъ полный библіографическій указатель къ печатнымъ

трудамъ Стороженка. Самый сборникъ—объемистая книга въ 740 стр.—составленъ интересно и заключаетъ въ себѣ 55 статей разнообразнаго содержанія. Первая статья принадлежитъ перу «маститаго» романиста Боборыкина, и представляетъ собою переводъ на русскій языкъ его лекціи объ эволюціи русскаго романа, читанной авторомъ въ Брюссельскомъ новомъ университетѣ. Года два тому назадъ имъ напечатана толстая книга объ европейскомъ романѣ, гдѣ обрисованы шесть западныхъ литературъ. Въ этой лекціи, не представляющей для русскаго читателя особеннаго интереса, онъ разсматриваетъ періодъ «творческаго наростанія» романа во вторую треть XIX вѣка, т. е. шестидесятые годы, сказавъ нѣсколько словъ о произведеніяхъ Толстого, Достоевскаго и Тургенева. Профессоръ Ѳ. Мищенко напечаталъ любопытныя соображенія о томъ, какъ сложилась басня, будто бы скиѳы имѣли обыкновеніе ослѣплять всѣхъ своихъ рабовъ. Г. Архангельскій помѣстилъ свою рѣчь о поэзіи Баратынскаго, Е. Некрасова—отрывокъ изъ біографіи Огарева, наименѣе извѣстный публикѣ, такъ какъ въ этой статьѣ обрисовано раннее дѣтство Огарева. Профессоръ Л. Ю. Шепелевичъ подвелъ библіографическіе итоги русской литературы о Сервантесѣ, указавъ, что въ этой литературѣ имя Стороженка занимаетъ первое мѣсто.

Изъ другихъ статей слѣдуетъ указать на цѣнную статью В. Якушкина «Учебные годы А. Н. Радищева», гдѣ авторъ даетъ свѣдѣнія объ ученіи Радищева, о годахъ его студенчества въ Лейпцигѣ. П. С. Коганъ въ небольшой статьѣ выяснилъ міросозерцаніе Рёскина (Философъ «красивой жизни»). Статья И. И. Иванова о Сенъ-Симонѣ и симонизмѣ излагаетъ выводы автора изъ его диссертаціи на ту же тему. Очень интересенъ очеркъ профессора Р. Ѳ. Брандта объ основныхъ мотивахъ поэзіи Мицкевича. Авторъ отнесся вполнѣ объективно къ поэзіи великаго польскаго поэта, указавъ и на то, что поэтическія преувеличенія Мицкевича «не разъ могли быть приняты за полную историческую правду и содѣйствовали тогда поддержанію начальной русско-польской розни» (320 стр.). Профессоръ Кирпичниковъ написалъ содержательный этюдъ о Гоголѣ и Бѣлинскомъ лѣтомъ 1847 года. Онъ находитъ, что несправедливо считать Гоголя во время выхода въ свѣтъ его «Переписки» душевно-больнымъ: «онъ владѣлъ въ это время всѣми способностями своего глубокаго и тонкаго ума, кромѣ способности творчества» (стр. 432). На защиту «доброй цѣли» книга Гоголя вызвала критическій отзывъ Бѣлинскаго въ «Современникѣ», и въ особенности сильное вліяніе оказало на Гоголя знаменитое письмо Бѣлинскаго. Къ этой же эпохѣ относится напечатанная въ «Сборникѣ» лекція профессора Линниченка о Бѣлинскомъ въ борьбѣ славянофиловъ съ западниками. Любопытны также нарисованныя черты Огарева въ воспоминаніяхъ его бывшаго крестьянина. Воспоминанія эти собраны Н. Мендельсономъ въ Зарайскомъ уѣздѣ Рязанской губ. и прекрасно дополняютъ образъ Огарева, гуманнаго и благороднаго поборника свободы. Укажемъ еще на интересную статью В. Шенрока о П. А. Плетневѣ («Профессоръ-словесникъ стараго типа»), въ которой авторъ реабилитируетъ имя Плетнева отъ несправедливой оцѣнки его дѣятельности, и отъ упрековъ въ карьеризмѣ, какъ это сдѣлано въ статьѣ Г. Скабичевскаго. Въ нашей замѣткѣ мы не касаемся даже другихъ, не менѣе

цѣнныхъ статей, хорошихъ переводовъ, стихотвореній («Жильберъ» Е. Дегена, «Русскія отношенія Гете»—очень обстоятельный очеркъ В. В. Каллаша, «Мое знакомство съ П. А. Кулишемъ» Н. В. Стороженка, «Творческія силы» Д. И. Тихомирова, «Загоскинъ и цензура» А. Ѳ. Кони, «Историческое значеніе поэзіи графа А. К. Толстого» Н. А. Котляревскаго, «Бомарше-человѣкъ и писатель» Е. Д. Жураковскаго, «Два Донъ-Жуана» М. Н. Смирнова, «Вольтеръ въ русской литературѣ» Д. Д. Языкова, «Одинъ изъ современниковъ Шекспира» М. Н. Розанова и др.). Издана книга прекрасно и очень дешево (2 р.).

Два другихъ сборника, одновременно вышедшихъ и тоже составленныхъ учениками Н. И. Стороженка, принадлежатъ уже перу самого юбиляра. Въ первомъ изъ нихъ «Изъ области литературы» собраны статьи, имѣющія общій, не спеціальной характеръ. Такъ, въ статьѣ (публичная лекція) «Педагогическія теоріи эпохи Возрожденія» охарактеризованы педагогическіе взгляды гуманистовъ. Здѣсь обрисована замѣчательная попытка преобразованія школы на началахъ гуманизма, задуманная падуанскимъ гуманистомъ Витторино да-Фельтре. «Онъ жилъ со своими учениками, какъ отецъ съ дѣтьми, онъ отдавалъ имъ все свое время и всѣ свои средства. Для нихъ онъ отказался отъ радости семейной жизни и сдѣлался почти анахоретомъ; и когда друзья совѣтовали ему жениться, чтобы имѣть сыновей, подобныхъ себѣ, онъ шутя отвѣчалъ, намекая на свою школу, что у него и безъ того слишкомъ много сыновей». Къ этой же эпохѣ гуманизма относятся двѣ слѣдующія за этой статьи о Дж. Бруно и Э. Долѐ. Статья «Джордано Бруно, какъ поэтъ сатирикъ, и драматургъ», была прочитана авторомъ по случаю открытія въ Римѣ памятника Бруно. Въ ней дана характеристика литературныхъ произведеній Бруно, оказавшаго, какъ замѣчаетъ авторъ, вліяніе и на Шекспира, и на Лейбница, Якоби и Шеллинга. «Вольнодумецъ эпохи возрожденія»—гуманистъ Этьенъ Доле, типографщикъ и издатель, сожженный въ Парижѣ 3 августа 1546 года. Это — одна изъ тѣхъ свѣтлыхъ личностей эпохи Возрожденія, «которыя смѣло вступили въ борьбу за право разума и вѣрующей совѣсти, положили основы свѣтской науки и основаннаго на ней міросозерцанія и запечатлѣли своею кровью вѣрность своимъ убѣжденіямъ» (стр. 33). Страстная любовь къ классической древности, вѣра въ ея обновляющую силу, вѣра въ торжество разума сдѣлали имя Доле однимъ изъ выдающихся. Занимаясь испанской драмой XVI—XVII вв., Н. И. Стороженко внесъ въ эту область литературы много новаго, и слѣдующія двѣ статьи («Возникновеніе реальнаго романа» и «Философія Донъ-Кихота»), напечатанныя въ «Сборникѣ», дадутъ читателю сжатый очеркъ развитія реальнаго романа въ Европѣ, выяснятъ роль въ этомъ развитіи такъ называемой «плутовской новеллы» и представятъ замѣчательный анализъ литературныхъ взглядовъ Сервантеса. Статья о философіи Донъ-Кихота считается лучшей русской работой объ этомъ великомъ произведеніи. Н. И. Стороженко не только разсматриваетъ истинный смыслъ «Донъ-Кихота», не только «исчерпалъ всѣ перлы гуманности и мудрости», которые разсыпаны въ разсужденіяхъ Донъ-Кихота, но выяснилъ связь между Сервантесомъ и лучшими представителями эпохи возрожденія.

Укажемъ, наконецъ, еще на прекрасную статью о Теодорѣ Паркерѣ, въ которой русская публика впервые познакомилась съ знаменитымъ американскимъ проповѣдникомъ и моралистомъ, борцомъ противъ невольничества, на «поэтичную»статью объ юношеской любви Гете и яркій очеркъ жизни m-me Сталь.

Издатели разбили статьи Н. И. на три группы: къ первой изъ нихъ относятся статьи Стороженка по иностранной литературѣ, наиболѣе цѣнныя, въ сущности, ко второй—семь статей, относящихся къ русской литературѣ, и къ третьей—статьи изъ малорусской литературы. Всѣ его статьи по русской литературѣ, не внося чего либо новаго, отличаются чуткостью, изяществомъ и глубокимъ знаніемъ вопроса. Среди множества статей о Пушкинѣ небольшая статья Стороженка и теперь блещетъ своей сжатой, тонкой оцѣнкой значенія Пушкина. Полная высокаго воодушевленія статья объ эволюціи критическихъ идей Бѣлинскаго составляетъ украшеніе юбилейной литературы о Бѣлинскомъ. Широта взгляда Стороженка, глубина и многосторонній анализъ отразились и въ его статьѣ о Шевченкѣ, «геніальномъ горемыкѣ».

Но любимая тема Н. И. Стороженка—Шекспиръ. Его курсъ о Шекспирѣ «является послѣднимъ словомъ, которое сказано наукой о великомъ англійскомъ драматургѣ». Третья изъ названныхъ нами книгъ заключаетъ въ себѣ рядъ этюдовъ объ изученіи Шекспира и статей о Шекспирѣ. Здѣсь помѣщено цѣлое изслѣдованіе о Макбетѣ, статья о прототипахъ Фальстафа, о сонетахъ Шекспира въ автобіографическомъ отношеніи, о Шекспирѣ и Бѣлинскомъ и др. Можно поблагодарить этотъ тѣсный кружокъ друзей Н. И. Стороженка за ту большую услугу, которую они оказали русской публикѣ изданіемъ трудовъ своего учителя. **П. А.**

Э. Гриммъ. Изслѣдованія по исторіи развитія римской императорской власти. Томъ II. Римская императорская власть отъ Гальбы до Марка Аврелія. Спб. 1901.

Тщательная и детальная разработка исторіи Римской имперіи есть одинъ изъ несомнѣнныхъ успѣховъ науки истекшаго XIX столѣтія. И капитальныя изслѣдованія по этой эпохѣ, и новые матеріалы, въ видѣ надписей, монетъ и, въ послѣднее особенно время, папирусовъ, появлялись въ прошлое столѣтіе въ огромномъ количествѣ. Поэтому авторъ указаннаго въ заглавіи изслѣдованія поставилъ себѣ весьма нелегкую задачу, желая сказать свое слово въ той области науки, гдѣ до него трудилось столько выдающихся ученыхъ, а энергія г. Гримма, съ которой онъ работаетъ надъ своей темой, прямо удивительна, такъ какъ первый томъ настоящаго сочиненія появился всего въ 1900 году. Правда, г. Гриммъ значительно сузилъ свою задачу, такъ какъ изложеніе его основывается исключительно почти на текстахъ древнихъ авторовъ. Что же касается новѣйшей ученой литературы, то позволительно думать, что она не всегда извѣстна автору; трудно объяснить иначе, почему, говоря, напримѣръ, объ Антонинѣ, г. Гриммъ называетъ двѣ небольшія и довольно старыя работы Зиверса и Боссарта и Мюллера (1870 и 1868) и не упоминаетъ вовсе о весьма

солидномъ трудѣ G. Lacour-Gayet, Antonin le Pieux et son temps (Paris, 1888); точно также, приводя литературу о Маркѣ Авреліи, авторъ долженъ былъ бы, наряду съ классической книгой Ренана, назвать обстоятельную работу американскаго ученаго P. B. Watson'а (New-York, 1884), гдѣ весьма подробно указана литература предмета. Правда, г. Гриммъ въ предисловіи къ первому тому говорилъ, что онъ не обременяетъ своего сочиненія ссылками, чтобы сдѣлать его доступнымъ и для неспеціалистовъ, а спеціалисты и безъ указаній автора усмотрятъ, какого ученаго онъ имѣетъ въ виду въ томъ или другомъ случаѣ. Но, отказываясь. конечно, отъ званія спеціалиста, позволяю себѣ все-таки утверждать, что отъ недостаточныхъ ссылокъ на пособія изложеніе г. Гримма страдаетъ иногда значительной неопредѣленностью. Изъ многихъ примѣровъ укажу на одинъ. Говоря о важной реформѣ Гадріана, назначившаго на должности завѣдующихъ официальной перепиской императора и принятіемъ прошеній всадниковъ вмѣсто бывшихъ до того вольноотпущенниковъ, г. Гриммъ задается вопросомъ, почему Гадріанъ не распространилъ этой мѣры и на управленіе финансами. Между тѣмъ, въ книгѣ Фридлэндера Darstellungen aus der Sittengeschichte Rom's, которая, судя по всему, была настольнымъ пособіемъ г. Гримма, содержится указаніе, что и завѣдываніе финансами было поручено Гадріаномъ всадникамъ; того же мнѣнія придерживается и Шурцъ, авторъ спеціальнаго изслѣдованія о реформѣ Гадріана (De mutationibus in imperio ordinando ab Hadriano imperatore factis. Bonn. 1883), оставшагося, повидимому, неизвѣстнымъ г. Гримму. Этотъ недостатокъ изложенія наводитъ на еще одно общее соображеніе. Начиная съ эпохи Гадріана, главнымъ источникомъ для г. Гримма служатъ такъ называемые «Писатели исторіи Августовъ». Въ настоящее время трудами Петера и другихъ доказана почти полная несостоятельность этихъ авторовъ, какъ историческаго источника, поэтому естественно, кажется, было бы ожидать въ трудѣ г. Гримма обстоятельной общей критической оцѣнки и провѣрки извѣстій этихъ писателей, но ожиданія наши совершенно напрасны.

Пора, однако, обратиться къ связному изложенію содержанія книги. По первоначальному плану авторъ предполагалъ довести въ настоящемъ томѣ свое изложеніе до V—VI вѣковъ, а на самомъ дѣлѣ кончилъ только Маркомъ Авреліемъ (т. е. 180 г. по Р. Хр.). Правда, и въ теперешнемъ видѣ книга представляетъ внушительный томъ въ 466 страницъ. Совершенно правильно ввелъ г. Гриммъ, начиная съ этой части, въ свое изложеніе и греческіе источники, которые онъ въ первомъ томѣ игнорировалъ. Первая глава изслѣдованія, посвященная движенію 68—69 гг. и Гальбѣ, Отону и Вителлію, изложена, сравнительно съ послѣдующими, черезчуръ подробно. Особенно удалось автору выясненіе причинъ движенія. Въ разсказѣ объ эпохѣ Флавіевъ г. Гриммъ справедливо останавливается на «систематическомъ стремленіи этихъ принцепсовъ и въ особенности Домиціана къ усиленію и упроченію престижа императорской власти». Точка зрѣнія автора на Домиціана очень неопредѣленна, и крайне жаль, что г. Гриммъ не выяснилъ подробнѣе, какъ онъ смотритъ на эту интересную личность. Въ послѣдующей главѣ «Римское общество временъ Флавіевъ», гдѣ преимущественно говорится объ оппозиціи принципату, наиболѣе интереснымъ представляется § 6 («Очеркъ развитія греческихъ взглядовъ на мо-

нархію»), правда, не претендующій, по словамъ самого г. Гримма, на новизну взглядовъ. Впрочемъ, къ чести автора слѣдуетъ сказать, что онъ съ большимъ стараніемъ прослѣдилъ вліяніе греческихъ монархическихъ теорій на римскую литературу. Говоря о личности Діона Хрисостома, г. Гриммъ оставляетъ безъ вниманія любопытную характеристику этого писателя, данную профессоромъ А. И. Сонни въ «Филологическомъ Обозрѣніи», т. XIV (1898 г.). Поражаютъ въ этой главѣ неоднократныя ссылки г. Гримма на парадоксальную книгу Вильг. Ад. Шмидта Geschichte der Denk-und Glaubensfreiheit, послужившую въ свое время главнымъ пособіемъ Д. И. Писареву въ его работѣ объ Аполлоніи Тіанскомъ. Неужели можно вѣрить такому автору, который, напримѣръ, говоритъ, что лесть Марціала Домиціану носитъ характеръ пародіи. А такихъ утвержденій въ книгѣ множество. Конечно, далѣе, не одному г. Гримму приходило въ голову тожество Матерна, выводимаго въ «Діалогѣ объ ораторахъ» Тацита, съ одноименнымъ софистомъ, о казни котораго разсказываетъ Кассій Діонъ, но если бы г. Гриммъ заглянулъ въ Geschichte der römischen Litteratur Тейффеля-Швабе (§ 318), то встрѣтилъ бы тамъ весьма сильные доводы противъ этого отожествленія. Тамъ же читаемъ, что если относить составленіе Тацитова «Діалога» къ эпохѣ Тита, какъ это дѣлаетъ г. Гриммъ, то различіе между тѣмъ и другимъ Матерномъ слѣдуетъ считать доказаннымъ. Въ слѣдующей (IV) главѣ дается обзоръ правленія Нервы и Траяна. Трудно согласиться съ мнѣніемъ г. Гримма, чтобы Нерва «сталъ во главѣ заговора противъ Домиціана». Судя по даннымъ источниковъ, душою заговора могутъ быть названы Т. Петроній и Парѳеній. Что же касается Нервы, то выборъ заговорщиковъ палъ на него послѣ того, какъ они безуспѣшно обращались ко многимъ другимъ лицамъ. Самое правленіе Нервы очерчено очень кратко, такъ не упомянуто почти объ его мудрой финансовой политикѣ. Типичными представителями римскаго общества въ эпоху Нервы и Траяна выбраны въ слѣдующей главѣ, какъ и нужно было ожидать, Тацитъ и Плиній. Обширная характеристика перваго читается съ интересомъ, хотя и не блещетъ особой оригинальностью. Впрочемъ, о Тацитѣ писали такъ много, что проявить самостоятельное сужденіе о немъ возможно только послѣ долгихъ спеціальныхъ занятій, а это, очевидно, не входило въ планы г. Гримма. Болѣе удивительно, что онъ не знаетъ, что чтеніе въ Миласской надписи собственнаго имени Тацита (Publius) невѣрно; объ этомъ писали еще въ 1895 г. (въ 132 т. Записокъ Вѣнской Академіи Наукъ) австрійскіе ученые Gula и Szanto, лично видѣвшіе надпись. Вопросъ о томъ, когда Тацитъ попалъ въ сенатъ, изложенъ довольно противорѣчиво. На стр. 192 сказано, что историкъ принадлежалъ къ сенату со временъ Веспасіана, а на стр. 307 «при Титѣ онъ съ должностью квестора получилъ доступъ въ сенатъ». Что касается Плинія Младшаго, то г. Гриммъ отнесся къ нему, кажется, очень жестоко. Мнѣніе автора, что переписка Плинія «всегда поражаетъ своимъ однообразіемъ, необыкновенной пустотой и напыщенностью и преобладающимъ интересомъ къ внѣшней формѣ», такъ же одностороннее, какъ и противоположное утвержденіе г. Мережковскаго (въ «Вѣчныхъ спутникахъ»; книга эта, вѣроятно, неизвѣстна г. Гримму), что «это—одна изъ самыхъ удивительныхъ книгъ, какія намъ оставила древность,—особенный родъ литера-

туры, близкій нашему современному вкусу, исключающій все условное и внѣшнее, немного поверхностный, но зато граціозный, очаровательно-разнообразный». Если переписка Плинія не преслѣдовала политическихъ цѣлей, а, стало быть, и дала мало матеріала для г. Гримма, то изъ этого не слѣдуетъ еще относиться къ ней съ такимъ пренебреженіемъ, такъ какъ въ ней безусловно немало интереснаго. Эпоха просвѣщеннаго абсолютизма, которой посвящена VI глава, изложена довольно бѣгло. Въ отдѣлѣ о Гадріанѣ обращаетъ на себя вниманіе полемика съ Моммзеномъ о томъ, слѣдуетъ ли различать два императорскихъ совѣта, политическій и судебный. Кажется, что при наличности нашихъ данныхъ окончательное рѣшеніе этого вопроса весьма трудно; во всякомъ случаѣ доводы г. Гримма имѣютъ за себя значительную вѣроятность, онъ ошибается только, утверждая, что у Кассія Діона (55, 27) не говорится ни слова о совѣтѣ Августа. Въ указанной главѣ терминъ synedroi есть (изданіе Штурца, т. III, стр. 404). Затѣмъ большое значеніе, повидимому, придаетъ г. Гриммъ свидѣтельству біографа Гадріана, что этотъ императоръ выбралъ въ свой совѣтъ лицъ, заранѣе одобренныхъ сенатомъ. Автору осталась, очевидно, неизвѣстной статья объ императорскомъ совѣтѣ Зеека въ 7-мъ полутомѣ новаго изданія энциклопедіи Паули. Про императора Антонина неточно сказано, что онъ происходилъ изъ галльскаго города Немауза: оттуда родомъ былъ его отецъ, а самъ Антонинъ родился на одной виллѣ близъ Ланувія и провелъ свое дѣтство въ домѣ дѣда. Характеристика Марка Аврелія, дѣлаемая на основаніи его «Размышленій», очень содержательна. Зато вполнѣ безцвѣтна послѣдняя глава о Римскомъ обществѣ временъ Гадріана, Антонина и Марка Аврелія. Светонію г. Гриммъ удѣляетъ одно примѣчаніе; объ его исторической достовѣрности не сказано ни слова, а характеристика воззрѣній черезчуръ кратка. Правда, читатель отсылается за подробностями къ французской книгѣ Масé, но она принята была ученой критикой весьма неодобрительно; о Фронтонѣ, Геллін и Апулеѣ (кстати, г. Гриммъ почему-то вездѣ пишетъ Аппулей) сказано еще меньше, чѣмъ о Светоніи.

Подводя итоги сказанному, позволяю себѣ думать, что за тотъ періодъ времени, въ теченіе котораго работалъ г. Гриммъ, онъ успѣлъ сдѣлать очень многое, даже больше весьма многихъ другихъ ученыхъ на его мѣстѣ; но при чтеніи его работы можетъ иногда возникнуть вопросъ, не требовала ли избранная авторомъ тема болѣе продолжительнаго срока для ея выполненія. **А. М.**

Н. Карѣевъ. Исторія Западной Европы въ новое время. Томъ IV. Изданіе 2-е. Спб. 1901.

Среди нашихъ русскихъ историковъ немного найдется такихъ, которые соединяли бы въ себѣ и виднаго изслѣдователя-спеціалиста и талантливаго популяризатора. Бывшій профессоръ С.-Петербургскаго университета Н. И. Карѣевъ, несомнѣнно, занимаетъ крупное мѣсто въ ряду нашихъ ученыхъ. Болѣе 20-ти лѣтъ тому назадъ его имя стало извѣстнымъ, благодаря замѣчательному изслѣдованію его о крестьянахъ и крестьянскомъ вопросѣ въ послѣдней четверти

XVIII вѣка, извѣстно имя Карѣева и всѣмъ занимающимся соціологіей, исторіей Польши, общими проблемами исторической науки и философіей исторіи. Такая широта, глубина анализа и многосторонность нашего ученаго, одного изъ талантливыхъ и популярныхъ профессоровъ, не позволила ему замкнуться въ узкія рамки исключительной спеціализаціи, вынесла наружу, въ русское общество, результаты его долгихъ ученыхъ трудовъ. Его переработанные университетскіе курсы легли въ основу пятитомной «Исторіи Западной Европы», и эти пять томовъ составляютъ цѣнное украшеніе нашей исторической литературы. Это единственный трудъ въ своемъ родѣ, трудъ, оригинально построенный, строго выдержанный, вполнѣ научный и доступный большинству. Не говоря о русской литературѣ, даже въ иностранной нельзя указать такого общаго сочиненія по исторіи Западной Европы, гдѣ бы съ такой полнотой трактовались соціальныя и экономическія отношенія, гдѣ была бы такъ объективно и основательно освѣщена культурносоціальная исторія.

IV томъ изучаетъ первую треть XIX вѣка, когда, въ связи съ глубокими потрясеніями политическими, страшно выдвинулись экономическіе и соціальные вопросы. Соціальной исторіи XIX вѣка отведено въ этомъ томѣ важное и подобающее мѣсто. Читатель найдетъ здѣсь исторію отмѣны крѣпостничества до 30 года, исторію образованія промышленнаго пролетаріата въ связи съ происходившими въ ту эпоху политическими и экономическими перемѣнами во Франціи и въ Англіи, съ капитализмомъ, и рабочимъ вопросомъ. Самостоятельное мѣсто занимаютъ главы, излагающія и анализирующія, какъ экономическія ученія того времени (Бенжаменъ Констанъ, Бентамъ, Адамъ Смитъ, Мальтусъ, Рикардо, Сэй, Сисмонди), такъ и соціальныя (Сенъ-Симонъ, Фурье и Р. Оуэнъ). Новое изданіе пересмотрѣно авторомъ, исправлено и дополнено новыми библіографическими указаніями, которыя, вообще, составляютъ цѣнную сторону капитальнаго труда Н. И. Карѣева.

Пожелаемъ, чтобы русскіе читатели изучали этотъ содержательный, интересный трудъ. **П. К.**

В. В. Розановъ. Легенда о великомъ инквизиторѣ Ѳ. М. Достоевскаго. Опытъ критическаго комментарія, съ присоединеніемъ двухъ этюдовъ о Гоголѣ. Изд. 2-е. Спб. 1902.

«Съ величайшею способностью къ обобщенію,—говоритъ В. В. Розановъ,—въ Достоевскомъ удивительнымъ образомъ была соединена чуткая воспріимчивость ко всему частному, индивидуальному. Поэтому онъ не только понялъ общій главный смыслъ того, что совершается въ исторіи, но и почувствовалъ неисторимый его ужасъ». Конечно, «ужасъ» этотъ обрѣтается въ исторіи западныхъ германо-романскихъ племенъ. Это вызвало у автора книги мысль о необходимости у насъ «комментированныхъ изданій,—комментированныхъ не со стороны формы и генезиса литературныхъ произведеній, какъ это уже есть, но со стороны ихъ содержанія и смысла».

Дѣйствительно, Достоевскій представляетъ богатую почву для такого рода комментаріевъ. У него рядомъ съ чисто художественнымъ изображеніемъ перв-

но-больного человѣка, въ чемъ онъ не имѣетъ соперниковъ даже по отзыву спеціалистовъ-психіатровъ, идутъ цѣлыя страницы разсужденій чисто публицистическаго свойства. Въ общемъ содержаніе ихъ вертится около «ужаса» западной цивилизаціи, «гніенія» Европы, тщетности стараній внести разумныя начала въ человѣческое «своевольство» и таинственнаго величія смиренной русской «самобытности». Взгляды эти по существу не представляютъ ничего оригинальнаго. Это—конгломератъ славянофильскихъ и «почвенныхъ» идей, но онѣ выражены съ фанатической страстностью, въ пророческомъ стилѣ и духѣ.

В. В. Розановъ чрезвычайно удачно, со свойственными ему талантливостью и вдумчивостью, систематизируетъ и развиваетъ эти идейныя страницы романовъ Достоевскаго, особенно останавливаясь на «Легендѣ о великомъ инквизиторѣ» въ «Братьяхъ Карамазовыхъ». Общіе выводы, къ которымъ приходитъ онъ при этомъ, весьма утѣшительны: «Внесеніе гармоніи въ жизнь и исторію,—читаемъ на 119 стр.,—соединеніе красокъ и полотна въ живую картину, вотъ что не выполнено человѣкомъ на землѣ и чего такъ страшно недостаетъ ему... Раса, послѣднею вступившая на историческое поприще, къ которой принадлежимъ и мы, въ особенностяхъ своего психическаго склада несетъ наибольшую способность выполнить эту великую задачу».

«Взамѣнъ насильственныхъ стремленій романскихъ расъ—все соединить единствомъ формы, не заглядывая въ индивидуальный духъ и не щадя его, и взамѣнъ упорнаго стремленія германскихъ расъ объединиться отъ цѣлаго и уйти въ нескончаемый міръ подробностей,—раса славянская входитъ, какъ внутреннее единство, въ самыя разнообразныя и, повидимому, непримиримыя противоположности».

Это сказано краснорѣчиво, но почтенный В. В. Розановъ не замѣчаетъ, что это старая, старая гегельянская тріада чисто нѣмецкаго происхожденія. Тезисъ—романскій унитаризмъ, и антитезисъ—германскій индивидуализмъ, примиряются въ синтезисѣ—въ всенѣмецкомъ государствѣ вообще и «феноменологіи» Гегеля въ особености... Только въ эту «тріаду» Хомяковъ подставилъ вмѣсто нѣмцевъ—славянъ и вмѣсто гегельянской философіи—православіе.

Замѣтимъ, что «Феноменологія» Гегеля, давшая діалектику антитезъ, появилась еще въ 1806 году.

«Духъ состраданія и терпимости, которому нѣтъ конца, продолжаетъ В. В. Розановъ, и одновременно отвращеніе ко всему хаотическому и сумрачному, заставляетъ ее (расу славянскую), безъ какой нибудь насильственности, медленно, но и вѣчно созидать ту гармонію, которая почувствуется же когда нибудь и другими народами, и вмѣсто того, чтобы, губя себя, разрушать ее, они подчинятся ея духу и пойдутъ, утомленные, ей на встрѣчу».

Если, однако, эта «гармонія» будетъ созидаться «медленно и вѣчно», то не представитъ ли она собою какой-то убѣгающій и недостижимый предѣлъ? И опять таки невольно вспоминается, что это вѣчное стремленіе къ недостижимому—душа нѣмецкаго романтизма. Невольно припоминается докторъ Фаустъ, который, стремясь къ идеалу, долженъ цѣпляться, рваться, вглядываться, льнуть ко всему и въ своей ненасытности постоянно видѣть передъ собою призракъ пищи, проносящейся мимо жадныхъ губъ, едва онѣ коснулись ея...

А «Фаустъ» Гёте вышелъ въ 1808 году, когда у насъ пламенный патріотъ Сергѣй Глинка началъ издавать «Русскій Вѣстникъ» съ спеціальною цѣлью поражать мечемъ словеснымъ «узурпатора Бонапартія», Шаховской ставилъ «Полубоярскія затѣи», громадный успѣхъ на сценѣ имѣла трагедія Державина «Иродъ и Маріамна», а Жуковскій перевелъ «Ленору» Бюргера подъ видомъ «Людмилы».

«Сознаніе недостаточности тѣхъ идеаловъ, заключаетъ В. В. Розановъ, которые преслѣдуются другими расами, всего болѣе можетъ сосредоточить наши силы на собственномъ».

«Собственный» идеалъ, конечно, тотъ же, который далъ Достоевскій: «смирить свой духъ».

Книга г. Розанова читается съ глубокимъ интересомъ, такъ увлекательно и красиво она написана. Лучшее доказательство ея несомнѣнныхъ литературныхъ достоинствъ—два изданія въ короткое время. Конечно, идейныя страницы Достоевскаго по ихъ глубокому вліянію на русское общество восьмидесятыхъ годовъ истекшаго столѣтія достойны подобнаго разбора. Едва ли, однако, онѣ выдержатъ сопоставленіе съ культурно-историческими фактами развитія мысли у насъ и на Западѣ. Факты эти покажутъ съ несомнѣнностью, что всѣ духовныя движенія нашего общества за послѣдніе два вѣка и на первомъ планѣ наше славянофильство питались мыслью Запада. При этомъ идейная гегемонія и почипъ всегда оттуда, съ Запада, или, только съ «опозданіемъ», какъ русскіе поѣзда. Философія Шеллинга явилась въ 1800 году, а первые русскіе шеллингіанцы только около 1825-го года. Фихте и Гегель явились въ первое десятилѣтіе вѣка, а наши гегельянцы-славянофилы и западники въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Книга «Міръ, какъ воля и представленіе» Шопенгауэра явилась въ 1819 году, а мы познакомились съ этимъ трактатомъ въ 80-хъ годахъ. «Коммунистическій манифестъ» Маркса и Лассаля вышелъ въ 1847 году, а наши «марксисты» нашумѣли только въ «концѣ вѣка». Такъ-то оно и идетъ! Вотъ и попробуйте сосредоточить наши силы на «собственномъ» идеалѣ, когда всегда этому идеалу есть прецедентъ на Западѣ, только опередившій его на полъ-столѣтія... —дтъ.

Архивъ графовъ Мордвиновыхъ. Два тома. Спб. 1902.

Графъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ принадлежитъ къ числу выдающихся государственныхъ дѣятелей въ царствованіе императоровъ Александра I и Николая I. Онъ пользовался въ свое время огромной популярностью, пріобрѣтенной имъ преимущественно либеральными мнѣніями, которыя письменно и устно излагалъ въ государственномъ совѣтѣ по разнымъ вопросамъ. Эти мнѣнія и рѣчи переписывались въ сотняхъ экземплярахъ и ходили по рукамъ, приводя всѣхъ въ восторгъ и возбуждая глубокое уваженіе къ свѣтлой личности Мордвинова. Какъ человѣкъ просвѣщенный, онъ тщательно собиралъ и сохранялъ всѣ бумаги, не только касавшіяся его самого, но также и другихъ лицъ его фамиліи. Въ собранномъ имъ архивѣ насчитывается болѣе 8.000 докумен-

товъ, и теперь графиня Екатерина Александровна Мордвинова предприняла ихъ изданіе подъ заглавіемъ «Архивъ графовъ Мордвиновыхъ». Вышедшіе два тома заключаютъ въ себѣ бумаги XVIII столѣтія, относящіяся къ отцу и брату графа Николая Семеновича и къ нему самому, за время командованія имъ черноморскимъ флотомъ. Оба тома, изданные роскошно, снабжены обстоятельнымъ предисловіемъ и примѣчаніями В. А. Бильбасова, который слѣдующимъ образомъ характеризуетъ Мордвиновскій архивъ: «Въ немъ нѣтъ,—говоритъ г. Бильбасовъ,—извѣстій, касающихся двора и высшаго общества. Въ этомъ замѣчается его отличіе отъ другихъ архивовъ, придающее ему особое значеніе и своеобразную окраску. Многія тысячи бумагъ, составляющія архивъ графовъ Мордвиновыхъ, всецѣло посвящены жизненнымъ интересамъ Россіи и исключительно касаются пользъ и нуждъ народныхъ, общественныхъ и государственныхъ». И дѣйствительно, въ документахъ, помѣщенныхъ въ обоихъ томахъ, не встрѣчается ни одной строки, посвященной придворнымъ событіямъ. Искательство, низкопоклонство, интриги были не въ характерѣ Мордвиновыхъ, и потому они тщательно удаляются отъ двора; своей служебной карьерой, общественнымъ положеніемъ и матеріальнымъ благосостояніемъ они исключительно обязаны лишь самимъ себѣ, своимъ личнымъ качествамъ, трудолюбію и преданности интересамъ родины.

Большая часть документовъ, напечатанныхъ въ двухъ томахъ «Архива графовъ Мордвиновыхъ», относится къ морскому дѣлу и дѣятельности графа Николая Семеновича по устройству черноморскаго флота въ 1785—1799 годахъ, который ему приходилось создавать, встрѣчая всевозможныя препятствія и непріятности отъ Потемкина и потомъ Зубова, вмѣшивавшихся въ его распоряженія, не слушавшихъ его совѣтовъ и не признававшихъ его указаній, даже спеціальныхъ. Тѣмъ не менѣе, Мордвинову удалось сдѣлать очень многое и оставить по себѣ добрую память въ черноморскомъ флотѣ. Въ царствованіе Павла, въ 1797 году, вслѣдствіе нелѣпаго доноса премьеръ-майора Иванова, Мордвиновъ былъ вызванъ въ Петербургъ, подвергнутъ домашнему аресту и преданъ суду особой комиссіи, которая вполнѣ его оправдала, а Ивановъ принесъ повинную въ «покаянномъ» письмѣ къ оклеветанному имъ начальнику. Въ 1799 году Мордвиновъ неожиданно былъ уволенъ отъ службы «по случаю подорванія на Глубокой пристани бомбеннаго погреба». Но эта немилость имѣла весьма важныя послѣдствія. Она, по справедливому заключенію г. Бильбасова, направила Мордвинова на новую стезю, на которой его познанія и способности получили болѣе широкое примѣненіе: морякъ Мордвиновъ сталъ великимъ государственнымъ человѣкомъ.

Занимая отвѣтственный постъ командира черноморскаго флота, Мордвиновъ не ограничивался только своею спеціальностью. Онъ зорко слѣдилъ за политическими обстоятельствами и за всѣмъ, что касалось русскихъ владѣній на берегахъ Чернаго моря. Поэтому среди его бумагъ, помѣщенныхъ въ двухъ первыхъ томахъ «Архива», находятся свѣдѣнія о подступахъ къ Константинополю, о способахъ атаки и о мѣрахъ защиты Босфора, о дунайскихъ гирлахъ, объ укрѣпленныхъ побережныхъ пунктахъ Оттоманской имперіи, объ экономическомъ положеніи Крыма, о защитѣ русскихъ береговъ отъ заразныхъ болѣзней

карантинами, о сохраненіи корабельныхъ лѣсовъ, условіяхъ судостроенія и т. д. Вообще, изданіе «Архива графовъ Мордвиновыхъ» составляетъ цѣнный вкладъ въ нашу исторіографію. О. Ш.

В. М. Грибовскій. Въ годы юности. Повѣсти и разсказы. Спб. 1902.

Двѣ большія историческія повѣсти «Душа женщины» и «Алмазъ изъ рода Гиреевъ» и историческій же разсказъ «Туркиня» занимаютъ почти половину этой книги; другая половина посвящена разсказамъ изъ современной жизни. «Душа женщины»—любопытная страница изъ быта польскаго университетскаго города XVI вѣка. Авторъ обнаружилъ здѣсь встрѣчающееся, къ сожалѣнію, далеко не всегда и у присяжныхъ историческихъ повѣствователей умѣнье, не нагромождая подробностей, нѣсколькими мѣткими штрихами ввести читателя въ духъ и характеръ разсматриваемой эпохи. Романическій эпизодъ повѣсти развивается на почвѣ отношеній пріѣхавшаго изъ Волыни въ Краковскій университетъ студента Стаховича къ племянницѣ профессора Костки, паннѣ Анелѣ. Но эту романическую пару заслоняетъ фигура самого ученаго врача Костки, смѣлый и пытливый умъ котораго, стремившійся проникнуть въ столь обширную еще въ тѣ времена область таинственнаго и неизвѣданнаго, создалъ ему какъ въ профессорской средѣ, такъ и среди его домашнихъ, репутацію чернокнижника и чародѣя. Костку искушаетъ непреодолимое желаніе раскрыть, въ интересахъ науки, тайну зарожденія человѣческой жизни; и вотъ, при помощи итальянца Бенедетто, владѣющаго умѣніемъ заклинать души и заставлять ихъ говорить, онъ рѣшается подвергнуть временному усыпленію свою племянницу Анелю, чтобы имѣть возможность вызвать ея душу, «душу женщины», и вывѣдать отъ нея великую тайну, долженствующую обогатить науку. Мастерски очерчены и нѣкоторыя второстепенныя лица разсказа, въ родѣ баккалавра Бельчика, начальника «драбовъ» гутмана Шпрингера и др. Повѣсть эта едва ли не лучшая вещь сборника и читается отъ начала до конца съ неослабѣвающимъ интересомъ. «Алмазъ изъ рода Гиреевъ»—поэтическая картина любви татарскихъ Ромео и Джульетты, плѣннаго юноши Искандера и дочери хана Гирея, Амдэ. Взаимное влеченіе бахчисарайскихъ любовниковъ приводитъ ихъ къ столь же трагическому концу, какъ и ихъ веронскихъ предшественниковъ. Изъ разсказовъ на современныя темы самый крупный—«Передъ завѣтною дверью». Героемъ его является студентъ Сушковъ наканунѣ его вступленія въ дѣйствительную жизнь. На всемъ почти протяженіи разсказа онъ выступаетъ передъ нами не съ особенно выгодной для него стороны: въ немъ слишкомъ много заботы о своей карьерѣ, заставляющей его унижаться передъ людьми, которые, по его мнѣнію, могутъ быть ему полезны въ будущемъ, слишкомъ много мелочности и заносчиваго высокомѣрія передъ «маленькими», хотя бы и хорошими людьми, знакомство съ которыми, однако, ни на одинъ шагъ подвинуть его на поприщѣ житейскихъ успѣховъ не можетъ. Поэтому, когда въ концѣ концовъ, подъ впечатлѣніемъ обидъ, полученныхъ отъ вліятельныхъ людей, на поддержку которыхъ онъ

разсчитывалъ, герой разсказа, по мановенію руки автора, вдругъ перерождается и идетъ искать поддержки и сочувствія у тѣхъ, кѣмъ онъ раньше пренебрегалъ, читатель не слишкомъ довѣряетъ такому внезапному перевороту и остается при мысли, что для Сушкова весьма легко возможенъ и «рецидивъ» къ прежнему его настроенію. Почти всѣ разсказы сборника проникнуты составляющею характерную особенность автора доброжелательностью къ людямъ, обиженнымъ и обойденнымъ судьбою. Въ особенности слѣдуетъ выдѣлить въ этомъ отношеніи разсказы «Антекъ» и «Соучастники». Въ послѣднемъ просто, но правдиво рисуется то безучастіе, съ которымъ люди, даже по природѣ мягкіе и отзывчивые, нерѣдко проходятъ мимо чужого страданія, когда оно не слишкомъ бросается въ глаза. Только когда чаша терпѣнія страдающаго человѣка переполнится, и онъ рѣшается покончить расчеты съ жизнью, въ окружающихъ начинаетъ шевелиться что-то похожее на укоры совѣсти, и нѣсколько поздно они приходятъ къ заключенію, что небольшая доза вниманія съ ихъ стороны могла бы предупредить катастрофу. Въ этомъ смыслѣ авторъ какъ бы признаетъ всѣхъ насъ «соучастниками» въ дѣлѣ холоднаго и равнодушнаго отношенія къ нашему ближнему.

Н. Юрьинъ.

Жанна Д'Аркъ, романъ Марка Твена. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей проф. А. Трачевскаго. Спб. 1902.

Нельзя не привѣтствовать перевода романа американскаго писателя Марка Твена «Жанна Д'Аркъ». Наши познанія объ «Орлеанской Дѣвѣ» очень слабы, и даже драма Шиллера не вполнѣ освѣщаетъ нравственный обликъ замученной французской патріотки. Но одного мученичества Жанны Д'Аркъ недостаточно, чтобы благоговѣть передъ ней. Въ счастливые дни своего торжества надъ попами и князьями, въ дни героическихъ побѣдъ надъ англичанами, Жанна Д'Аркъ плѣняетъ собой массы своимъ цѣломудріемъ, великодушіемъ, изяществомъ и скромностью. Эта деревенская дѣвушка, лишенная даже школьнаго образованія, посвятила свой умъ великимъ мыслямъ и измѣнила ходъ столѣтней войны. Она создала во Франціи національное движеніе противъ Англіи и нанесла христіанскими взглядами тяжкіе удары каноникамъ и церковникамъ. «Въ награду за все,- говоритъ Маркъ Твенъ:--коронованный ею празднопатающійся король Франціи, Карлъ VII, стоялъ неподвижно, равнодушно въ то время, какъ французское духовенство схватило и сожгло живою на кострѣ это благородное, самое наивное, самое милое, самое очаровательное дитя на свѣтѣ,--Жанну Д'Аркъ...». Романъ о ней научаетъ любить не только честную и возвышенную женскую душу, но вмѣстѣ съ нею и благороднѣйшіе мотивы и чувства, какими воодушевлены героическіе періоды исторіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ обогащаетъ и умъ познаніями, преподнесенными въ безхитростномъ разсказѣ отъ имени оруженосца и писца Жанны Д'Аркъ, изъ одной съ ней деревни, игравшаго съ ней въ дѣтскія игры и сражавшагося рядомъ съ ней въ войскахъ противъ англичанъ. Этотъ пріемъ не новъ въ литературѣ.

Такъ написана между прочимъ «Исторія французскаго крестьянина»

Эркмана-Шатріана и т. д. «Мы ожидаемъ,—говоритъ переводчикъ Марка Твена:— укорененія такого пріема, особенно въ историческомъ романѣ, при его новомъ, научномъ, реальномъ направленіи, и привѣтствуемъ его. Вѣдь онъ требуетъ глубокаго изученія предмета. Только знатокъ источниковъ можетъ «перевоплотить» минувшее время въ лицѣ героя, который думаетъ, чувствуетъ, даже говоритъ, какъ въ старину. Такимъ и оказался Твенъ. Онъ справился съ своей трудной задачей: онъ выдержалъ и тонъ и даже языкъ товарищей Жанны. Онъ снабдилъ свой романъ научными примѣчаніями и ссылками на французскія и англійскія книги,—пріемъ, который также, къ счастью, начинаетъ распространяться теперь у авторовъ историческихъ романовъ».

Проф. А. Трачевскій обѣщаетъ выпустить въ свѣтъ цѣлый рядъ историческихъ романовъ: Бальзакъ: «Темное дѣло» (Наполеонъ I); Энсвортъ: «Уатъ Тайлеръ» (крестьянское движеніе въ Англіи въ XIV в.); Эженъ Сю: «Жанъ Кавалье» (истребленіе гугенотовъ при Людовикѣ XIV); Жоржъ Зандъ: «Жижка» (гуситское движеніе XV в.); Шпиндлеръ: «Царь Сіона» (анабаптисты временъ Лютера) и т. д.

Историческій романъ—эта «вселенская панорама», по выраженію Бѣлинскаго, несомнѣнно, будетъ содѣйствовать въ русскомъ обществѣ поднятію общественнаго духа и ознакомленію съ міросозерцаніемъ лучшихъ дѣятелей всемірной исторіи въ разныя ея эпохи. **А. Фаресовъ.**

З. Аваловъ. Присоединеніе Грузіи къ Россіи. Спб. 1901.

Впечатлѣніе, которое получается отъ этой книги, вполнѣ благопріятное: внѣшность языкъ, которымъ она написана, и содержаніе заслуживаютъ полнаго вниманія со стороны читателей.

Она написана къ знаменательному дню празднованія столѣтняго юбилея со со дня присоединенія Грузіи къ Россіи. О Кавказѣ пишется вообще мало книгъ, особенно отдѣльныхъ монографій, а, между тѣмъ, его политическая, внутренняя, бытовая жизнь полна многихъ крайне интересныхъ моментовъ. Мы, напримѣръ, не знаемъ государственнаго строя Кавказа, характера грузинскаго самодержавія, грузинскаго феодализма, не знаемъ въ достаточной степени быта и свойствъ этого даровитаго (на поприщѣ поэзіи и литературы) народа и многаго другого. Между тѣмъ, монографіи по этимъ вопросамъ были бы крайне своевременны. Во всякомъ случаѣ, должно помнить, что Грузинское царство въ эпоху присоединенія къ Россіи переживало только героическую эпоху своей исторіи. Этого не надо упускать изъ виду.

Авторъ—юристъ, это видно по самому характеру изложенія. Термины и положенія международнаго права—его оружіе; онъ оперируетъ съ ними. Далеко не всегда можно согласиться съ авторомъ во многихъ дѣлаемыхъ имъ выводахъ, особенно, въ области проявленія русскимъ правительствомъ стремленій къ окончательному присоединенію отдававшихся только подъ протекторатъ, по мнѣнію автора, кавказскихъ народностей. Многіе чисто историческіе недочеты, недомолвки и субъективные выводы не могутъ помѣшать полученію весьма пріят-

наго впечатлѣнія отъ благородства тона, изящества и красоты языка, какими написана эта интересная книга.

Ея недостатокъ въ отсутствіи цѣльности изложенія: главы текутъ другъ за другомъ безъ достаточной связи съ основною мыслью автора—оцѣнить характеръ присоединенія на основахъ международнаго права, замѣтна нѣкоторая излишняя растянутость въ исторической части и слишкомъ обильные аксессуары мыслей, подлежащихъ доказательству автора, но все это—тѣ мелочи, безъ которыхъ не обходится ни одна книга.

Какъ интересныя, отмѣчаемъ слѣдующія мысли автора:

«Присоединеніе Грузіи къ Россіи было политическимъ событіемъ первостепенной важности. Именно со времени этого присоединенія Россія становится на путь, который, можетъ быть, приведетъ ее къ берегамъ Персидскаго залива» (Предисловіе, стр. I).

«Присоединеніе Грузіи не было цѣлью, къ которой издавна и сознательно стремились» (ibidem).

«Россія не имѣла въ Грузіи никакихъ экономическихъ интересовъ; не могла она ее привлекать и въ видахъ «исправленія» границъ; но сама Грузія нуждалась въ Россіи и, не удовлетворяясь протекторатомъ, искала болѣе тѣснаго единенія» (ibid., стр. IV).

«Идея присоединенія принадлежитъ Грузіи, ея царямъ; но какъ она будетъ присоединена, на это дала отвѣтъ Россія» (ibid.).

Всѣ эти мысли являются основной канвой, на которой вышитъ превосходный коверъ этого очерка, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ экивокъ по адресу Россіи чисто полемическаго свойства, которые можно было бы съ успѣхомъ выкинуть изъ книги. **К. Н. Михайловъ.**

Н. Н. Буличъ. Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX вѣка. Томъ I. Спб. 1902.

Въ 1872—1873 гг. покойный профессоръ Казанскаго университета Н. Н. Буличъ прочелъ своимъ слушателямъ курсъ исторіи новой русской литературы; лишь теперь, цѣлыя четверть вѣка спустя, курсъ этотъ появляется въ печати,—и теперь читается съ живымъ интересомъ и представляетъ собою видное явленіе въ нашей текущей научной литературѣ.

Въ живомъ, образномъ изложеніи авторъ даетъ очеркъ исторіи русской литературы на фонѣ исторической жизни русскаго общества того времени. Эпоха первыхъ годовъ царствованія императора Александра I—эта знаменательная эпоха въ исторіи русскаго общежитія—представлена здѣсь въ сильныхъ, рѣзкихъ и красивыхъ чертахъ. Загадочная личность самого царя, этого «сфинкса, неразгаданнаго до гроба», съ ея колебаніями, въ ея скорбной и печальной половинчатости, выдвинута впередъ; ея двойственностью объясняется многое въ жизни Россіи тѣхъ временъ, и психологическая характеристика Александра I, разсказъ объ его воспитаніи и воспитателяхъ, является въ книгѣ Булича цѣннымъ отдѣломъ, не утратившимъ своего значенія и нынѣ, послѣ появленія новыхъ трудовъ, посвященныхъ этому царствованію. Этою

характеристикою превосходно освѣщается весь дальнѣйшій ходъ изложенія: понятнымъ становится и пылкій приступъ къ выполненію либеральной программы, создавшейся безъ точнаго знанія русской дѣйствительности, и неудача, и разочарованіе, и охлажденіе...

Со временъ императора Александра I наше просвѣщеніе, до той поры понимавшееся преимущественно, или какъ техническая выучка тому, что надо для службы, или какъ удовлетвореніе потребности европейской моды, впервые получаетъ настоящую оцѣнку, и больше, чѣмъ когда либо прежде, дѣлается предметомъ правительственныхъ заботъ и попеченій. Широкій планъ насажденія образованія на Руси нашелъ себѣ выраженіе въ организаціи министерства народнаго просвѣщенія, въ его разносторонней дѣятельности, одною изъ главныхъ заслугъ которой надо считать распространеніе университетскаго, высшаго образованія, въ чемъ содѣйствіе нашему министерству оказали лучшія научныя силы запада; ихъ сотрудничество, та широкая свобода академической жизни, которая являлась неизбѣжнымъ слѣдствіемъ высокаго пониманія ея задачъ и цѣлей,—все это способствовало пробужденію если не во всемъ нашемъ обществѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ извѣстной лучшей его части научнаго и литературнаго интереса, а его зарожденію благопріятствовала также и та свобода мысли и слова, которая въ то время наблюдается. Не надо думать, что это была обсолютная свобода—ничуть; но по сравненіи съ тѣмъ, что было и до той поры, да и въ послѣдующую эпоху, литература наша могла затронуть и разработать вопросы, имѣвшіе живой общественный интересъ. Однако же, результаты литературнаго движенія въ первые годы правленія Александра совсѣмъ не оправдываютъ тѣхъ предположеній, которыя создаются при знакомствѣ съ относительно благопріятными условіями его развитія; наше общество въ массѣ своей не доросло тогда до пониманіи тѣхъ задачъ и требованій, какія предъявляло себѣ тогда наше во всѣхъ отношеніяхъ передовое правительство, жившее далеко впереди общества, и даже лучшія силы нашей литературы проявляютъ мало пониманія дѣйствительной обстановки; правда, надо сознаться, люди эти не имѣли почвы подъ ногами, новое царствованіе поставило факты и идеи въ довольно чувствительный разладъ. Даже такіе люди, какъ Карамзинъ,—а его послѣдователи Мартыновъ, Макаровъ и др. и подавно,—не умѣли пойти дальше безплоднаго сентиментализма, не имѣвшаго ничего для того, чтобы играть серьезную роль въ жизни нашего общества, бывшаго явленіемъ чуждымъ, наноснымъ; такіе люди, какъ Нининъ, люди стойкихъ убѣжденій и трезваго пониманія русской дѣйствительности, встрѣчались очень рѣдко, да и не мѣсто имъ тогда было по внѣшнимъ условіямъ нашего общежитія. А на ряду съ такимъ неумѣньемъ передовой группы русской интеллигенціи понять вѣянія минуты и ея требованія мы замѣчаемъ начало отливнаго движенія, начало реакціи, которая тоже выражается первоначально въ области литературы, прежде чѣмъ перейти въ практику жизни; подъ споромъ Шишкова и карамзинистовъ о старомъ и новомъ слогѣ чуется борьба старыхъ и новыхъ теченій русской жизни, и условія исторической обстановки все болѣе и болѣе давали надежду на успѣхъ первымъ.

Событія европейской политики первыхъ десятилѣтій XIX вѣка способство-

вали пробужденію національныхъ чувствъ и повышенному патріотическому настроенію, все свое должно было брать верхъ надъ чужимъ, заноснымъ, а такъ какъ и нашъ либерализмъ того времени создался не на почвѣ мѣстныхъ идей и фактовъ, то подобное настроеніе, выразившееся въ литературной дѣятельности извѣстнаго графа Растопчина, Глинки и ихъ единомышленниковъ, было крайне неблагопріятно не только для дальнѣйшаго его развитія, но и для самаго его существованія. Этотъ поворотъ общественнаго мнѣнія особенно ярко сказался въ извѣстной запискѣ Карамзина «О древней и новой Россіи», представляющей въ себѣ, наряду съ многими мѣткими и вѣрными замѣчаніями, проповѣдь реакціонной политики, какъ въ области управленія, такъ и сословныхъ отношеній. Это же новое теченіе сказалось и на развитіи и судьбѣ тѣхъ мистическихъ ученій, развитіе которыхъ такъ характерно для Александровскаго царствованія.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе интереснаго труда Булича; изложеніе его доведено до второй половины царствованія Александра I. Надо надѣяться, что и продолженіе этихъ лекцій не замедлитъ появиться въ свѣтъ.

М. П—й.

Commentationes Nikitinianae. Сборникъ статей по классической филологіи въ честь Петра Васильевича Никитина по поводу тридцатилѣтія служенія его русскому просвѣщенію. 1871—1901. Спб. 1901.

У нашихъ филологовъ есть весьма симпатичный обычай, заимствованный съ Запада,—чествовать выдающихся и любимыхъ профессоровъ поднесеніемъ имъ сборника спеціальныхъ статей. Commentationes Nikitinianae являются уже четвертымъ изданіемъ въ этомъ родѣ: такіе же сборники поднесены были ранѣе Ѳ. Ѳ. Соколову, И. В. Помяловскому и Ѳ. Е. Коршу. Настоящая книга объединяетъ въ себѣ статьи 40 авторовъ, включая сюда и мюнхенскаго профессора, К. З. Крумбахера, и такимъ образомъ можетъ служить довольно точнымъ показателемъ тѣхъ интересовъ, которые занимаютъ русскихъ филологовъ. А интересы эти весьма разнообразны: въ книгѣ встрѣчаются изслѣдованія по греческой и римской эпиграфикѣ, отчасти на основаніи неизданнаго матеріала, по папирологіи и пломбологіи, основателемъ которой является русскій ученый М. И. Ростовцевъ, по исторіи литературы Греціи и Рима, по греческимъ и римскимъ древностямъ, по древнеклассической и христіанской археологіи и, наконецъ, по византиновѣдѣнію. Въ сборникѣ впервые изданы два неизвѣстныхъ доселѣ греческихъ текста византійскаго времени и одинъ (св. Григорія Нисскаго), имѣвшійся ранѣе въ плохой и поздней редакціи. Изъ статей, представляющихъ общій интересъ, можно назвать «Матеріалы для характеристики Овидія» (М. М. Покровскаго), содержащіе много остроумныхъ замѣчаній касательно процесса творчества этого поэта; «Тема и планъ Гораціевой Ars Poetica» (И. В. Нетушила), гдѣ дается тщательный и подробный анализъ этого столь важнаго для исторіи всеобщей литературы произведенія; «Ѳукидидъ и историческая наука XIX вѣка»—В. П. Бузескула, показывающаго, «насколько близко

подошелъ величайшій историкъ древности къ тѣмъ задачамъ, пріемамъ и воззрѣніямъ, которые характеризуютъ науку XIX вѣка»; прекрасный стихотворный переводъ двухъ отрывковъ изъ Лукреція — И. И. Холодняка; «Женщина въ изображеніи греческаго сатирика VII-го вѣка до Р. Х.» (А. Н. Деревицкаго), гдѣ разбирается любопытный памятникъ мизогинской литературы, принадлежащій Симониду Аморгскому. Для характеристики отрицательныхъ женскихъ типовъ авторъ сопоставляетъ ихъ съ животными, такъ, напримѣръ, неряху со свиньей, лукавую съ лисицей, злую съ собакой, лѣнивую и похотливую съ ослицей, безобразную и безстыдную съ обязьяной. Въ общемъ настоящій сборникъ лишній разъ доказываетъ то положеніе, что, если направленіе науки классической филологіи близко примыкаетъ у насъ обыкновенно къ западнымъ теченіямъ ея, то изъ этого еще далеко не слѣдуетъ, чтобы за короткій періодъ наибольшаго развитія этой науки въ Россіи у насъ не появлялось лицъ, съ честью могущихъ соперничать съ западными филологами. Само собою разумѣется, что одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ здѣсь тому маститому ученому, которому поднесена была настоящая книга, и портретъ котораго ее украшаетъ. **А. М—нъ.**

А. В. Амфитеатровъ (Old Gentleman). Недавніе люди. Спб. 1901.

Изъ статей этого сборника, четыре—«Степанъ Стамбуловъ», «Софійское житье-бытье», «Московскій городской голова Алексѣевъ» и «Таинственная корреспондентка»—уже знакомы нашимъ читателямъ, такъ какъ первоначально были напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Остальныя статьи «О Чернявѣ», «Памяти Полонскаго», «Памятникъ Царю-Освободителю» и «Захарьинъ» появились въ газетныхъ фельетонахъ. Несомнѣнно, лучшій изъ этихъ талантливыхъ и яркихъ набросковъ,— очеркъ своеобразной личности «тиранина и блудника», болгарскаго диктатора Стамбулова. Это психологическій и бытовой портретъ, въ которомъ автору удалось схватить сходство. Положительно, этотъ своеобразный плодъ удивительной конституціонной прививки къ патріархальному быту земледѣльческаго народа, какъ живой, стоитъ передъ вами. Вы слышите и рев разъяренной толпы, вѣющій востокомъ: «Въ клѣтку тебя! Въ клѣтку!» Предъ вами раскрывается вся свирѣпая душа этихъ «братушекъ», воспитанная вѣками рабства. Очеркъ «Софійское житье-бытье» является пояснительнымъ комментаріемъ къ личности Стамбулова, рисуя своеобразный бытъ и строй жизни болгарскихъ «интеллигентовъ». Въ нашей литературѣ болгарамъ посчастливилось. Тургеневъ представилъ намъ героическаго Инсарова въ романѣ «Наканунѣ», и тогда Добролюбовъ утверждалъ, что ничего подобнаго личности беззавѣтно преданнаго дѣлу освобожденія родины Инсарова въ русской дѣйствительности быть не можетъ, и что Елена, новый человѣкъ съ новыми запросами сердца, дома никакъ не могла найти достойнаго ея любви человѣка, и только изъ Болгаріи можно было его выписать. Ну, вотъ, г. Амфитеатровъ съ добродушнымъ безпристрастіемъ показываетъ намъ цѣлыя толпы этихъ Инсаровыхъ, съ утра до ночи политикующихъ и спасающихъ отечество. И это, дѣйствительно, Инсаровы. Тургеневъ своего болгарина написалъ очень

хорошо съ его скрытной, практической натурой и свирѣпой душей, вдругъ ненавистническимъ свѣтомъ приливающей къ глазамъ, при воспоминаніи о турецкихъ «тиранинахъ и блудникахъ». Но... мало поэтичны эти Инсаровы. Спустя полгода по смерти Стамбулова, кладбищенскіе сторожа жаловались русскимъ, что могила диктатора—истинное ихъ наказаніе: чуть не присмотри,—и навалятъ на нее всякой гадости! Черта характерная. «Признаюсь,—прибавляетъ г. Амфитеатровъ,—эта каннибальская ненависть «братушекъ» къ человѣку, предъ которымъ они заживо, рабски трепетали, показалась мнѣ весьма противною. Онъ стоилъ болгарскаго политикующаго общества, а общество стоило его».

—дтъ.

В. В. Сиповскій. Пушкинская юбилейная литература (1899—1900 гг.). Критико-библіографическій обзоръ. Спб. 1901.

Изъ предисловія узнаемъ, что объемистая книга г. Сиповскаго (272 страницы), написанная по порученію редакціи «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», представляетъ оттискъ его статей, напечатанныхъ въ этомъ журналѣ. Авторъ сообщаетъ, что ограниченность мѣста заставляла его постоянно сокращать свою работу, и что поэтому онъ не можетъ смотрѣть на свой трудъ, какъ на удачное исполненіе своихъ замысловъ. Тѣмъ не менѣе, г. Сиповскій рѣшился выпустить отдѣльнымъ изданіемъ неудачное исполненіе своихъ замысловъ, «льстя себя надеждой, что, при всѣхъ ихъ недостаткахъ, его статьи сослужатъ нѣкоторую службу русской публикѣ». Никто не станетъ спорить противъ того, что обзоръ г. Сиповскаго «нѣкоторую службу сослужитъ», но, по всей вѣроятности, г. Сиповскій врядъ ли будетъ доволенъ, если его риторическая фраза о цѣнности его труда будетъ принята на самомъ дѣлѣ только въ ея дѣйствительномъ содержаніи. Очень жаль, конечно, что работа не оправдываетъ замысловъ ея автора: объ нихъ мы не можемъ судить по книгѣ, но дѣло въ томъ, что книга г. Сиповскаго вообще не удовлетворяетъ тѣмъ требованіямъ, которыя мы въ правѣ предъявлять къ критическому обзору, написанному ученымъ спеціалистомъ по исторіи русской литературы и напечатанному на страницахъ такого серьезнаго и дѣльнаго органа, какъ «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія».

Мы упомянули о томъ, что по книгѣ г. Сиповскаго нельзя судить объ его замыслахъ. Прибавимъ къ этому, что недостатки книги объясняются не столько сокращеніями въ угоду мѣсту, сколько полнѣйшимъ отсутствіемъ замысловъ. Вся книга производитъ такое впечатлѣніе, будто авторъ читалъ въ разное время, находясь въ различныхъ настроеніяхъ, литературу о Пушкинѣ и дѣлалъ лично, для себя, отмѣтки на клочкахъ бумаги, отмѣтки разнообразнѣйшаго содержанія; потомъ онъ распредѣлилъ клочки на нѣсколько кучекъ и соединилъ вмѣстѣ. У г. Сиповскаго не было руководящихъ принциповъ при его работѣ. Они вообще могутъ быть различны. Обзоръ юбилейной литературы можетъ быть только перечнемъ статей или перечнемъ съ изложеніемъ всего содержанія статей; въ обзорѣ, сдѣланномъ ученымъ, мы въ правѣ ждать осложненія задачъ. Опираясь на тщательное изученіе всей предшествовавшей литературы,

ученый обозрѣватель можетъ отмѣтить все новое, что внесла въ пониманіе пушкинскихъ вопросовъ юбилейная литература; отъ его желанія зависитъ произвести критическій, научный анализъ этого новаго и выяснить тѣ задачи, которыя стоятъ передъ будущими изслѣдователями Пушкина. Наконецъ, обзоръ можетъ носить публицистическій характеръ; исходя изъ того положенія, что каждая эпоха имѣетъ свою точку зрѣнія на великаго человѣка и его произведенія, обозрѣватель можетъ набросать очеркъ современныхъ настроеній, очертить то, что эпоха внесла въ пониманіе пушкинскихъ вопросовъ. Книга г. Сиповскаго не подходитъ ни къ одному изъ указанныхъ нами типовъ обзора. Очевидно, ея единственный raison d'être—то, что она можетъ сослужить «нѣкоторую службу». Правда, трудъ г. Сиповскаго не лишенъ все же нѣкоторой системы. Онъ раздѣленъ на XII главъ съ слѣдующимъ содержаніемъ: глава I—чествованіе юбилея; II—матеріалы; III—общіе очерки жизни и дѣятельности А. С. Пушкина; IV—біографическіе очерки частнаго характера; V—характеристика Пушкина; VI—историко-литературная оцѣнка дѣятельности Пушкина; VII—Пушкинъ и иностранная литература; VIII—Пушкинъ и русская литература; IX—Пушкинъ—народный, національный поэтъ; X—воспитательное значеніе Пушкина; XI—къ литературной исторіи пушкинскихъ произведеній; XII—библіографія пушкинской юбилейной литературы. Но въ обработкѣ матеріала, положеннаго въ основу каждой главы, нѣтъ никакой системы. О нѣкоторыхъ работахъ г. Сиповскій только упоминаетъ; о другихъ онъ говоритъ пространнѣе, при чемъ относительно нѣкоторыхъ онъ сообщаетъ, чего въ нихъ нельзя найти (не обращено вниманія на то и то, не указано на то и то и т. п.); относительно другихъ—онъ указываетъ на то, что можно въ нихъ найти, иногда все, что въ нихъ находится (полное содержаніе), иногда кое-что, что можно въ нихъ найти. Немногія работы онъ излагаетъ очень подробно и подвергаетъ оцѣнкѣ. Иногда оцѣнка выражается однимъ словомъ «хорошо или удовлетворительно», иногда она разрастается до размѣровъ критическаго экскурса, въ которомъ г. Сиповскій разбираетъ чужія работы съ точки зрѣнія своихъ взглядовъ на Пушкина. А эти взгляды отчасти высказаны имъ въ своихъ двухъ брошюрахъ (конечно, онѣ охватываютъ только незначительную часть пушкинскихъ вопросовъ), отчасти высказываются совершенно догматически.

Возьмемъ на выдержку нѣсколько отзывовъ г. Сиповскаго. Вотъ одинъ о статьѣ Черняева: «недуренъ маленькій разборъ стихотворенія «Буря», въ которомъ сказалось пушкинское отношеніе къ природѣ и человѣку» (стр. 244). Не правда ли, недуренъ небольшой отзывъ г. Сиповскаго? Или еще: «прекрасно выяснено значеніе отрывка: «Цезарь путешествовалъ» (стр. 277). Изъ отзыва о работѣ проф. Истрина: «прекрасно характеризуетъ проф. Истринъ Пушкина, какъ реалиста, какъ реформатора въ области языка, какъ публициста, какъ критика». А содержаніе характеристики? Вѣдь иногда г. Сиповскому приходитъ на мысль передать сущность мыслей разбираемаго автора. Вотъ еще: «напрасно только авторъ хочетъ доказать, что у Пушкина, еще мальчика, глубокая вѣра носила характеръ исканія». Почему напрасно? Поражаютъ своей безцѣльностью характеристики словъ, произнесенныхъ различными священниками, и рѣчей, прочитанныхъ въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, характеристики, на ко-

торыя у г. Сиповскаго не хватаетъ даже фразъ: до того однообразны слова и рѣчи! Какой смыслъ имѣютъ слѣдующія отмѣтки г. Сиповскаго: «Г. Шнейдеръ выяснилъ въ нѣсколькихъ общихъ словахъ значеніе поэта» (стр. 171)... «Г. Бобровниковъ сдѣлалъ нѣсколько общихъ замѣчаній о личности и дѣятельности Пушкина» (стр. 171)... «Г. Стариченко бѣгло обрисовалъ значеніе великаго поэта, выяснивъ значеніе поэта вообще и Пушкина въ частности» (стр. 171. Въ этихъ двухъ строчкахъ—тавтологія)... «Г-жа Городецкая отмѣчаетъ значеніе литературы вообще, довольно обстоятельно очерчиваетъ до-пушкинскую литературу и, въ заключеніе, перечисляетъ все сдѣланное Пушкинымъ (внесъ въ область литературы самобытность, разнообразіе, преобразовалъ языкъ, рисовалъ русскую жизнь»... 169 стр.). Такихъ отмѣтокъ десятки. Вообще манера г. Сиповскаго произносить судъ надъ работами другихъ сильно напоминаетъ пріемы учителя съ указкой въ первыхъ классахъ гимназіи: «Изъ мелкихъ замѣчаній можемъ мы сдѣлать г. Кудрявцеву слѣдующія» (стр. 60)... «Въ работѣ не встрѣтимъ мы ничего новаго, но все извѣстное намъ изложено хорошимъ языкомъ» (стр. 176)... «Все, что сказано нами г. Мякотину, можетъ быть сказано и г. Якушкину» (стр. 152). Словами: «недурно, прекрасно, вѣрно, умѣло, хорошо», пеститъ вся книга. Тамъ, гдѣ г. Сиповскій переходитъ изъ роли учителя, исправляющаго тетрадки учениковъ, въ роль ученаго спеціалиста, насъ поражаетъ догматичность его мнѣній: быть можетъ, г. Сиповскій и пришелъ къ нимъ послѣ продолжительнаго изученія пушкинскихъ вопросовъ, но вѣдь передъ нами одни только тезисы. Впрочемъ, въ своихъ двухъ брошюрахъ г. Сиповскій обосновалъ свои взгляды по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ; онъ не разъ ссылается на нихъ и скромно дѣлаетъ себѣ оцѣнку: «перечитывая обширную юбилейную литературу, имѣли мы удовольствіе убѣдиться, что наше мнѣніе принято многими критиками» (стр. 202). Какъ мило и хорошо! Вслѣдъ за за этими строками авторъ характеризуетъ работу г. Тихомирова: онъ, по мнѣнію г. Сиповскаго, далъ «очень цѣнную работу»; дальше г. Сиповскій признаетъ, что обзоръ статей о байронизмѣ Пушкина сдѣланъ по его работѣ, и г. Тихомировъ сошелся съ нимъ въ основномъ заключеніи. Предоставляемъ читателю судить, чья работа цѣннѣе—г. Тихомирова или г. Сиповскаго. Не проще ли было бы прямо написать: «намъ удалось въ своихъ двухъ статьяхъ дать очень цѣнную работу».

Разбирая мнѣнія различныхъ авторовъ, г. Сиповскій въ большинствѣ случаевъ опирается на одинъ излюбленный свой аргументъ: «Пушкинъ былъ Пушкинъ». Онъ не разъ упрекаетъ авторовъ за нежеланіе понять, что Пушкинъ—не простая единица, а натура художественная (151 стр.). И какъ только г. Сиповскій усмотритъ во взглядахъ, подвергшихся его разбору грубыя и негрубыя ошибки, онъ сейчасъ же взываетъ: «Боже мой, Боже мой! Можно ли такъ судить? Вѣдь Пушкинъ былъ Пушкинъ». Къ сожалѣнію, онъ не развилъ намъ, въ чемъ состоитъ «пушкинская» точка зрѣнія на вопросы, связанные съ изученіемъ Пушкина. При словѣ «Пушкинъ» должны смолкать, по мнѣнію г. Сиповскаго, всѣ имѣющіе дерзость отмѣчать слабость, ошибки, недостатки Пушкина, точь-въ-точь, какъ мазинистки при словѣ «Мазини».

Не чужда г. Сиповскому и публицистическая точка зрѣнія. Правда, онъ повторилъ въ началѣ своей книги общую мысль о томъ, что «особенность геніаль-

наго писателя—это даръ такъ глубоко захватывать жизнь человѣчества, что цѣлые вѣка потомъ трудятся надъ толкованіемъ его произведенія, каждая эпоха находитъ въ немъ новыя стороны, указываетъ новое содержаніе, освѣщаетъ его съ новой стороны». Къ сожалѣнію, г. Синовскій ничего не сдѣлалъ для того, чтобы въ юбилейной литературѣ отмѣтить новыя стороны, новое содержаніе, новое освѣщеніе, созданное эпохой. Въ первой главѣ г. Синовскій дѣлаетъ оцѣнку юбилейнымъ празднествамъ; онъ настроенъ восторженно и рѣзко отзывается о статьяхъ тѣхъ, кто пессимистически смотрѣлъ на пушкинскій юбилей. Не стоитъ спорить о характерѣ торжествъ, но нельзя не отмѣтить крайне наивнаго взгляда на значеніе Пушкинскаго праздника въ русско-польскихъ отношеніяхъ. Ну, кого хочетъ убѣдить г. Синовскій этой фразой: «впервые подъ покровомъ его имени, подъ впечатлѣніемъ его же рѣчей на мирномъ праздникѣ культуры померкла вѣковая вражда»? (стр. 19). Наконецъ, нельзя пройти молчаніемъ уже не наивной, а просто нелѣпой выходки по адресу г. Пѣшехонова, одного изъ тѣхъ публицистовъ, которые думали, что праздникъ не удался. Г. Синовскій пишетъ: «на статью свою г. Пѣшехоновъ предлагаетъ смотрѣть, какъ на «разоблаченіе всякаго рода недоразумѣній и обидъ», нанесенныхъ его гражданскимъ чувствамъ»... Къ этой фразѣ г. Синовскій дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: «не правда ли, какъ одинаково звучитъ съ этими словами то объясненіе, которое далъ редакторъ «Маяка», когда его упрекнули въ желаніи «донести» на Пушкина: если «Маякъ» при свѣтѣ Евангелія открываетъ трупы и созидалъ ямы въ литературѣ, за это его благодарить и поддерживать должно. За это не всякій возьмется» (стр. 23). Къ чему это странное и непонятное сопоставленіе г. Пѣшехонова съ редакторомъ «Маяка»? Быть можетъ, тутъ какое нибудь сокращеніе въ угоду мѣсту?

Итакъ какую же службу можетъ сослужить книга г. Синовскаго? Только, «нѣкоторую»: все же въ ней перечислены всѣ или почти всѣ работы о Пушкинѣ (за исключеніемъ статей въ газетахъ и еженедѣльныхъ журналахъ), вышедшія въ 1899—1900 гг. Правда, пользованіе этимъ перечнемъ затрудняется, во-первыхъ, отсутствіемъ указателя, во-вторыхъ—присутствіемъ «критико-библіографическихъ упражненій» г. Синовскаго, именно, упражненій, отъ которыхъ читателю нѣтъ пользы. Вѣдь онъ не вынесетъ изъ книги г. Синовскаго опредѣленнаго представленія о томъ, въ какомъ положеніи находятся пушкинскіе вопросы въ юбилейной литературѣ; книга не освободитъ его отъ чтенія юбилейныхъ статей и при своей разбросанности не явится надежнымъ руководителемъ при этомъ чтеніи. **П. Щ.**

Мих. В. Хелтуплишвили. Вступленіе Грузіи въ составъ Россійской имперіи. Изд. Ал. Арабидзе. Кутаисъ. 1901.

Эта книжка въ 101 страницу принадлежитъ къ числу тѣхъ же юбилейныхъ изданій, которыя вызвало присоединеніе Грузіи къ Россіи.

Авторъ кратко разсматриваетъ исторію присоединенія къ Россіи трехъ крупныхъ государственныхъ организмовъ Закавказья: царствъ Карталино-Кахетинскаго, Имеретинскаго и княжества Мингрельскаго.

Авторъ, вопреки точному смыслу дошедшихъ до насъ актовъ, старается всѣми силами проникнуть во внутреннія условія государственной жизни названныхъ царствъ и объяснить, что присоединеніе ихъ не было протекторатомъ, но не было и присоединеніемъ въ точномъ смыслѣ слова. Это—ахиллесова пята юбилейныхъ изданій этого года. Вотъ какъ, напримѣръ, выражается авторъ на 48 страницѣ:

«Хотя, ненавидя русскихъ (курсивъ нашъ), царь Соломонъ (имеретинскій) надѣялся, войдя въ сношенія съ Турціей и съ Баба-ханомъ, поддержать царевича Александра Ираклієвича, чтобы изгнать русскихъ даже изъ Карталиніи-Кахетіи, но, съ другой стороны, онъ отлично понималъ, что необходимо показывать притворное расположеніе къ Россіи и даже, если потребуется, добровольно поддаться ей, чтобы сохранить за собою и за своими потомками титулъ и преимущества царя». При такомъ освѣщеніи, знаменитый царь Саломонъ былъ самонадѣянный и недальновидный политикъ—только. Между тѣмъ, такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Но, переходя къ обсужденію «просительныхъ пунктовъ», авторъ твердо опирается на выработавшіяся практикой данныя международнаго права и находитъ, что съ точки зрѣнія права все было предусмотрѣно и соблюдено.

Книга издана чисто, хорошо, крупнымъ шрифтомъ, для провинціи даже превосходно. По содержанію же она крайне интересна, тѣмъ болѣе, что авторъ работалъ по актамъ и источникамъ (стр. 101—102).

Кон. Мих—въ.

Отчетъ о дѣятельности Тверской ученой архивной комиссіи за 1900 годъ. Составилъ правитель дѣлъ И. А. Виноградовъ. Тверь. 1901.

Въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» В. Е. Рудаковъ далъ краткій обзоръ дѣятельности нашихъ архивныхъ комиссій за 1900 г. Наименѣе вниманія, какъ кажется, авторъ удѣлилъ Тверской комиссіи, такъ что дѣятельность ея, сравнительно съ другими, вышла очень блѣдной. Причины этого понятны. Тверская комиссія не издаетъ систематическихъ сборниковъ своихъ трудовъ, а отчетъ ея за 1900 годъ запоздалъ и появился въ свѣтъ только въ половинѣ истекшаго декабря 1901. Пользуясь данными этого отчета, я позволю себѣ изложить главнѣйшіе факты изъ дѣятельности комиссіи, которая въ общемъ работала гораздо плодотворнѣе, чѣмъ это можно думать, судя по статьѣ г. Рудакова, а также внести нѣкоторыя поправки въ его сообщеніе. Въ отчетномъ году комиссія имѣла семь засѣданій, посвященныхъ мѣстной исторіи и археологіи и отличавшихся каждое значительнымъ обиліемъ рефератовъ. Изъ темъ болѣе общаго характера можно указать на данныя о пребываніи полномочнаго министра Мальтійскаго ордена, графа Литты, въ Тверской губерніи съ 1799 до 1810 г., свѣдѣнія о духовникѣ Гоголя, протоіереѣ Константиновскомъ, о неизданномъ житіи св. Филиппа, митрополита московскаго, объ исторіи Микулинскаго княжества, новые варіанты духовныхъ стиховъ и апокрифическія сказанія, фамильныя бумаги дворянъ Травн-

ныхъ, характеризующія нравы XVIII столѣтія, и т. д. Кромѣ того, члены комиссіи предприняли весьма плодотворную въ смыслѣ церковно-археологическихъ и архивныхъ результатовъ экскурсію по Волгѣ; описаніе этой поѣздки, составленное правителемъ дѣлъ комиссіи И. А. Виноградовымъ, вышло надняхъ въ свѣтъ отдѣльною книжкою со многими рисунками. Особенно цѣнны добытыя здѣсь свѣдѣнія о св. Аннѣ, княгинѣ Кашинской, почитаніе которой продолжается и нынѣ, несмотря на запрещеніе собора 1678 года. Весьма усердно занимались члены комиссіи присылаемыми имъ не только изъ Тверской, но и изъ многихъ другихъ губерній архивными описями; всего въ отчетномъ году разобрали они по такимъ описямъ 70.489 дѣлъ; наряду съ этимъ въ тверскомъ историческомъ архивѣ описано было 4.051 дѣло. Издательская дѣятельность комиссіи не можетъ быть признана обширною; въ свѣтъ выпущено было всего четыре книги, наиболѣе интересной среди которыхъ является составленный М. В. Рубцовымъ біографическій очеркъ В. В. Болотова. Замѣчу кстати, что упоминаемая у г. Рудакова брошюра того же автора (Зубцова, конечно, опечатка) въ спискѣ изданій комиссіи не указана. Конечно, комиссія не могла развить свою издательскую дѣятельность исключительно вслѣдствіе недостатка средствъ, такъ какъ ею приготовлено къ печати 13 изслѣдованій, между которыми упомянутъ названный у г. Рудакова трудъ В. Ф. Кудрявцева. Что касается тверского музея, то онъ отнюдь не умаляетъ силъ комиссіи, какъ пишетъ г. Рудаковъ, а на основаніи новаго устава, утвержденнаго министромъ народнаго просвѣщенія 14-го августа 1898 г., состоитъ въ ея вѣдѣніи. За отчетный годъ въ музей поступилъ, между прочимъ, портретъ И. И. Лажечникова, о которомъ почившій писатель говорилъ, что «онъ снятъ для жены въ лучшія минуты его жизни», документы секретаря Суворова, Е. Фукса, и бумаги изъ семейнаго архива дворянъ Травиныхъ (966 листовъ, XVII и XVIII вв.).

А. М—нъ.

А. Барановъ. Въ защиту несчастныхъ женщинъ. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М. 1902.

На Лондонскомъ международномъ конгрессѣ, имѣвшемъ цѣлью разработку вопросовъ, касающихся борьбы съ торговлей «бѣлыми невольницами», представитель отъ Россіи, князь Волконскій, въ своемъ докладѣ сказалъ, что въ Россіи сколько нибудь организованной защиты несчастныхъ женщинъ не существуетъ, какія либо законоположенія, ограждающія личность падшей женщины отъ злоупотребленій и притѣсненій, тоже отсутствуютъ.

На конгрессѣ, между прочимъ, было постановлено открыть въ каждой странѣ «національный комитетъ» для борьбы съ торговлей «несчастными женщинами» и войти въ сношенія со всѣми благотворительными учрежденіями подобнаго характера, съ цѣлью объединить ихъ дѣятельность, при чемъ также рѣшено обратиться за помощью и содѣйствіемъ въ этой борьбѣ къ правительству каждой страны. У насъ въ Россіи уже имѣется большое подобное учрежденіе («Россійское общество защиты женщинъ»), въ составъ котораго входятъ представители отъ министерствъ юстиціи, иностранныхъ дѣлъ и внутреннихъ дѣлъ.

Въ то время, какъ въ Россіи насчитывается только шесть пріютовъ для несчастныхъ женщинъ, въ которыхъ призрѣвается нѣсколько десятковъ падшихъ, за границей это дѣло поставлено поразительно широко: такъ, напримѣръ, изъ 64.000 благотворительныхъ заведеній во Франціи большинство имѣетъ своею задачей защиту несчастныхъ женщинъ и дѣвушекъ, и въ одномъ Парижѣ имѣется 191 спеціально посвященное этой цѣли учрежденіе. Также широко поставлено это дѣло и въ Германіи, гдѣ «берлинскій союзъ женщинъ» имѣетъ въ Берлинѣ нѣсколько убѣжищъ, въ которыхъ дается пріютъ около 900 падшимъ женщинамъ. Въ Германіи же имѣется отдѣленіе «Международнаго общества друзей молодыхъ дѣвушекъ», имѣющее 36 развѣтвленій въ провинціи, и отдѣленіе «Христіанской ассоціаціи молодыхъ женщинъ», имѣющее 3.000 филіальныхъ отдѣленій въ Германіи. «Христіанской ассоціацией молодыхъ женщинъ» разбросано въ Лондонѣ 25 общежитій и ресторановъ для бѣдныхъ женщинъ, въ провинціяхъ около 100, въ Шотландіи 11, въ Ирландіи 14. «Обществю друзей молодыхъ дѣвушекъ», находившееся подъ покровительствомъ королевы Викторіи, имѣетъ 1.330 развѣтвленій въ Англіи съ 32.399 почетными и дѣйствительными членами и ежегодно оказываетъ помощь 154.170 женщинамъ. Помимо этого, въ Англіи же существуютъ еще другія организаціи, ставящія себѣ цѣлью удерживать дѣвушекъ отъ паденія: «Союзъ клубовъ для молодыхъ дѣвушекъ», «Ассоціація помощи молодымъ служанкамъ» и другія, изъ которыхъ заслуживаютъ вниманія «Лига союзовъ работницъ» и многочисленныя «женскія поселенія». Помимо этихъ, такъ сказать, предохраняющихъ организацій, тамъ же имѣется много пріютовъ для спасенія падшихъ женщинъ. По словамъ извѣстнаго генерала «Арміи спасенія» Бутса («Въ трущобахъ Англіи»), имъ въ первые же три года своей дѣятельности въ этомъ направленіи было открыто 13 пріютовъ въ Англіи и 17 за границей, а число всѣхъ женщинъ, вырванныхъ изъ позора, простиралось до 3.000.

Въ 1897 году авторъ разбираемой книжки выступилъ въ Казани съ проектомъ «Общества защиты несчастныхъ женщинъ», чему предшествовалъ рядъ его статей въ газетѣ «Камско-Волжскій Край», которыя и вошли въ настоящую книжку. Несмотря на многія неблагопріятныя обстоятельства, симпатіи къ этому дѣлу не замедлили обнаружиться въ обществѣ. На организацію проектируемаго «общества» стали поступать пожертвованія, явились члены, и это движеніе даже перекинулось за предѣлы Казани. При этомъ замѣчательно то, что жертвовали не извѣстные богатые благотворители, а швеи, студенты, курсистки, ученицы школы кройки, священники, учительницы, фельдшерицы, фармацевты, акцизные чиновники, офицеры, солдаты, наборщики, профессора, нѣкоторые адвокаты. Въ числѣ многихъ писемъ, получавшихся авторомъ по этому поводу, онъ получалъ иногда трогательныя письма и отъ самихъ «несчастныхъ».

Какъ это хорошее дѣло ни тормозилось, но въ концѣ концовъ былъ выработанъ и утвержденъ уставъ, и «общество защиты несчастныхъ женщинъ» стало функціонировать въ Казани. Изъ отчета этого «общества» за 1900 годъ можно видѣть, что за короткій годовой срокъ имъ было сдѣлано немало. Прежде всего имъ былъ открытъ пріютъ, въ которомъ нашли себѣ помощь и

убѣжище до 40 дѣвушекъ и женщинъ, пожелавшихъ бросить позорный промыселъ и заняться честнымъ трудомъ. Бюро общества, помимо пріисканія мѣстъ не одной сотнѣ нуждающихся женщинъ, имѣло юридическую консультацію, выразило свою дѣятельность въ прошеніяхъ на высочайшее имя о выдачѣ отдѣльнаго вида на жительство, въ прошеніяхъ въ благотворительныя учрежденія и проч., въ прошеніяхъ о пользованіи правомъ бѣдности при веденіи дѣлъ, въ нѣсколькихъ случаяхъ путемъ переписки подъ угрозой возбудить дѣло по 994-й статьѣ были заключены соглашенія о выдачѣ ежемѣсячнаго пособія матери и ребенку, возбуждено 3 дѣла о жестокомъ обращеніи по 142 ст. уст. о наказ., 5 дѣлъ объ оскорбленіяхъ чести и цѣломудрія женщинъ и 2 дѣла объ истребованіи несовершеннолѣтнихъ изъ домовъ терпимости по просьбѣ ихъ родителей. Вмѣстѣ съ тѣмъ общество сумѣло привлечь на свою сторону мѣстную администрацію, которою было издано нѣсколько постановленій въ видахъ борьбы съ развратомъ. Особенно цѣннымъ и знаменательнымъ является, что общество сразу коснулось такихъ общихъ вопросовъ, какъ вопросъ о ссудо-сберегательной кассѣ для трудящихся женщинъ, о надзорѣ за ремесленными и фабричными заведеніями, гдѣ работаютъ дѣвушки и женщины, о наблюденіи за «контрактами» различныхъ садовыхъ увеселителей, опутывающихъ беззащитныхъ и неопытныхъ дѣвушекъ, о недопущеніи въ дома терпимости дѣвушекъ моложе 20-ти лѣтъ, о закрытіи домовъ терпимости въ Казани и проч.

Въ книжкѣ, помимо исторіи возникновенія казанскаго «общества защиты несчастныхъ женщинъ» и извлеченія изъ отчета о дѣятельности его за 1900-й годъ, имѣется четыре прекрасныхъ беллетристическихъ очерка изъ жизни женщинъ этой категоріи («Несчастныя», «На ловлѣ», «Маскарадъ» и «Пробужденіе») и уставъ казанскаго общества.

Вас. Якимовъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

КАКИМЪ образомъ египетскій министръ сдѣлался богомъ. Въ «Journal des Débats, revue hebdomadaire» египтологъ Масперо разсказываетъ интересную исторію одного изъ министровъ фараона Аменотеса III. Эта статья составлена на основаніи только что найденной Легрэномъ статуи съ надписями, а также трехъ другихъ, открытыхъ ранѣе. Въ срединѣ XV столѣтія до Р. Х., въ царствованіе Тутмозиса, въ городѣ Атрибизѣ, на Дельтѣ, проживалъ писецъ неважнаго происхожденія. У него былъ сынъ, по имени Аменоѳисъ, поднявшійся мало-по малу изъ низкаго положенія до званія министра. Какимъ образомъ онъ достигъ такого блестящаго положенія — еще неизвѣстно, пока только узнали изъ надписей, что онъ пользовался въ Египтѣ большой властію и вліялъ въ сильной степени на фараона Аменоѳиса III. Въ рукахъ этого министра находилась власть военная и гражданская, и никого не было авторитетнѣе его, исключая фараона и членовъ его семьи. Онъ преобразовалъ финансы, доведенные до плачевнаго положенія небрежностью его предшественниковъ, привелъ въ порядокъ армію, увеличилъ флотъ, воздвигнулъ храмы и завѣдывалъ общественными работами. Можетъ быть, даже знаменитая статуя Мемнона въ Ѳивахъ была воздвигнута имъ, но пока это еще неизвѣстно навѣрно. Онъ до такой степени овладѣлъ любовью фараона, что послѣдній позволилъ ему поставить самому себѣ статую въ храмѣ Амона, въ Карнакѣ. Тамъ-то и открыли его статую. Послѣдняя, открытая Легрэномъ, представляетъ образцовое произведеніе ѳиванской скульптуры [1]). Она изображаетъ старца съ изборожденнымъ отъ времени лицомъ. Надпись сообщаетъ: «Я пришелъ къ тебѣ

[1]) Comment un ministre devient dieu en Egypte, par G. Maspero. Journal des Dèbats, revue hebdomadaire. 10 janvier 1902.

въ Амонъ умолять тебя въ твоемъ храмѣ, ибо ты — повелитель надъ всѣмъ, что есть подъ небомъ; что есть въ небѣ—указываетъ на твое сіяніе, ты слышишь эту мольбу, такъ какъ ты несравненный богъ Солнце. Ты даровалъ мнѣ честь быть среди твоихъ избранныхъ, дѣйствующихъ согласно правдѣ, и я праведникъ, потому что не сдѣлалъ никакого беззаконія... я не заставлялъ тѣхъ справлять барщину на общественныхъ работахъ, которые живутъ своимъ трудомъ: когда я призывалъ къ себѣ кого нибудь, то я слушалъ внимательно, что онъ мнѣ говорилъ, я никогда не преклонялся и никогда не слушалъ лжи, ведущей къ тому, чтобы разорить другого. Моя добродѣтель оправдываетъ оказываемыя мнѣ почести, сіяющія предъ лицомъ всѣхъ. Видѣли ли, чтобы я выпрашивалъ у кого нибудь, какъ это дѣлаютъ со мною, по случаю моего богатства, и свидѣтельствую, что я остался справедливъ до старости. Я достигъ восьмидесяти лѣтъ въ милости фараона и дотяну до ста десяти лѣтъ!» Изъ этой надписи видно, насколько высоко цѣнилъ себя этотъ министръ. Жилъ ли онъ такъ долго—неизвѣстно, но потомки сохранили за нимъ преимущества, какихъ не оказывали ему даже фараоны и его современники. Во многихъ мѣстахъ храма поставлены его статуи, и надписи, сдѣланныя на многихъ изъ нихъ, восхваляютъ его добродѣтели. Разсказы объ немъ, передаваемые изъ устъ въ уста, поддерживали память объ Аменоѳисѣ не только въ образованномъ, но и въ низшемъ классѣ Ѳивъ. Въ это время на магію смотрѣли, какъ на самую почтенную науку, и образованіе считалось совершеннымъ, лишь когда ее постигали, поэтому государственные люди и правители обязательно были кудесниками. Одинъ изъ сыновей Рамзеса II, со славою регентствовавшій болѣе двадцати лѣтъ, въ послѣдней половинѣ царствованія отца, не былъ забытъ тотчасъ же послѣ своей смерти, благодаря высокому уваженію современниковъ къ его кудесничеству. Аменоѳисъ избѣжалъ забвенія, также благодаря извѣстности его мистическихъ талантовъ. Нѣкоторые найденные папирусы, съ длинными магическими надписями, переписчики приписываютъ ему; для нашего вѣка это какая-то галиматья. Что касается египтянъ, то они считали ихъ чудодѣйственными и чувствовали глубокое уваженіе къ ихъ автору. Такимъ образомъ Аменоѳисъ является составителемъ Черной книги. По мнѣнію египтянъ, не каждому человѣку удается найти слова, которыя заставили бы боговъ исполнить человѣческую волю; испытанныя же формулы Аменоѳиса всегда достигали своей цѣли. Имя его записано въ реестрѣ храмовъ рядомъ съ именами Имутеза, Дидуфора и другихъ маговъ, которымъ трижды великій Гермесъ способствовалъ своимъ вдохновеніемъ. Аменоѳисъ сдѣлался героемъ массы легендъ, переходившихъ изъ устъ въ уста, но многія изъ нихъ затерялись. Только одна достигла нашего вѣка въ двухъ версіяхъ. Такъ египетскій, національный историкъ Манитонъ разсказываетъ, что фараонъ Аменоѳисъ пожелалъ лицомъ къ лицу увидѣть боговъ, какъ сдѣлалъ его предшественникъ, Горасъ. Онъ обратился съ этой цѣлью къ самому знаменитому магу того времени, Аменоѳису, сыну Хааписа. Послѣдній сказалъ ему, что онъ, фараонъ, будетъ счастливъ и сдѣлаетъ счастливымъ Египетъ, если освободитъ страну отъ поселившихся въ Египтѣ нечестивыхъ иностранцевъ. Фараонъ соединилъ всѣхъ иностранцевъ въ числѣ 80.000, сначала въ каменоломнѣ Туариха, затѣмъ въ развалинахъ Авариса, которыя были не заняты, со вре-

мени изгнанія царей-пастуховъ. Такимъ образомъ онъ навлекъ на себя и на свое государство страшное несчастіе. На самомъ же дѣлѣ вѣщунъ скрылъ отъ него часть воли боговъ; нечестивые призвали къ себѣ на помощь изгнанныхъ царей-пастуховъ и заняли Египетъ. Въ продолженіе тринадцати лѣтъ они владѣли имъ и въ концѣ этого времени были побѣждены. Чувствуя, что приближается исполненіе его предсказанія, онъ предупредилъ письменно фараона, а затѣмъ убилъ себя. Все случилось, какъ онъ предсказывалъ. Иностранцы, соединившіеся подъ начальствомъ царей-пастуховъ, завладѣли всѣмъ Египтомъ, и фараонъ, скрывшійся въ Эѳіопіи, отвоевалъ свое царство лишь чрезъ тринадцать лѣтъ. Манитонъ смѣшалъ этотъ египетскій романъ съ еврейскими сказаніями и соединилъ похожденія Аменоѳиса, сына Пааписа, съ разсказами изъ книги Исхода. Вторая версія извѣстна изъ греческаго папируса, эпохи Птоломея. Въ немъ сохранилось это пророчество въ формѣ, болѣе близкой къ египетскому оригиналу. Тамъ говорится, что Аменоѳисъ былъ горшечникомъ, славившимся своей мудростью. Однажды имъ овладѣлъ даръ пророчества, и онъ предсказалъ Египту различныя несчастія, за которыми послѣдуетъ эра благоденствія, какого не видали со времени Озириса и Изиды. Фараонъ Аменоѳисъ, узнавъ объ этомъ предсказаніи, пожелалъ услышать его изъ устъ самого пророка. Послѣдній повторилъ слова, послѣ чего упалъ мертвымъ. Манетонъ пользовался этими самыми данными, но безъ связи съ еврейской исторіей. Воздвигаемыя египтянами статуи въ храмахъ представлялись имъ, не какъ бездушныя изображенія, воздвигаемыя лишь для увѣковѣченія памяти умершаго, но какъ живыя существа, въ которыхъ находилась душа, или, по крайней мѣрѣ, ея двойникъ. Въ тотъ моментъ, какъ ее воздвигали, жрецъ исполнялъ священную церемонію, силой которой частица жизни жертвователя входила въ статую и уже никогда не покидала ея. Къ подобнымъ статуямъ прибѣгали для открытія будущаго и приравнивали ихъ къ богамъ. Если изображаемыя личности не становились высшими богами, то все-таки они выходили изъ ряда обыкновенныхъ смертныхъ и вмѣшивались въ сонмъ божествъ. Аменоѳисъ, еще при жизни, принадлежалъ къ послѣднимъ сверхчеловѣческимъ существамъ, о чемъ онъ хвалился въ вышеприведенномъ извлеченіи изъ надписи на его статуѣ. Онъ существовалъ внѣ времени, такъ какъ оно не могло стереть слѣдовъ его бытія, и поклоненіе ему не только не уменьшалось среди современниковъ, но все болѣе и болѣе возрастало. Въ Ѳивахъ временъ Птоломея вѣрили, что онъ основалъ маленькій Аѳорскій храмъ, называемый теперь Деиръ-ель-Мединихъ, и ему приносили жертвы, наравнѣ съ самой богиней. Почему его смѣшали въ ту же эпоху съ ѳиванской богиней Фта—мы еще не знаемъ, но его религія перенеслась туда, и онъ сдѣлался оракуломъ. Съ этой эпохи онъ становится въ полномъ смыслѣ богомъ, а не маленькимъ божествомъ, которыхъ обыкновенно боготворятъ въ Ѳивахъ. Какъ Амонъ, Кунсу, Меутъ, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи два святилища—одно въ Карнакѣ, въ городѣ живыхъ, гдѣ находились двойникъ его души и живыя статуи, другое—въ некрополѣ, гдѣ его божество принимало похоронныя почести, принадлежащія богамъ смерти. Въ Карнакъ обращались за совѣтами къ его оракулу; за него отвѣчали жрецы послѣ того, какъ совѣтовались со статуями, и поклонники,

выходя изъ храма, дѣлали въ знакъ благодарности надписи, или рисовали картины, на одной изъ наружныхъ не украшенныхъ стѣнъ. У Аменоѳиса были поклонники такъ же, какъ у Амона. Въ заключеніе Масперо говоритъ: «Это рѣдкій случай, чтобы простой смертный, тѣмъ болѣе министръ, сдѣлался египетскимъ богомъ».

— Смерть Плинія Старшаго. Въ томъ же журналѣ посвящена анонимная статья [1]) смерти Плинія Старшаго. На время забытый спорный вопросъ объ обстоятельствахъ его смерти вновь возбудилъ вниманіе археологовъ. Въ 1858 г. между Кастелламаромъ-ди-Стабіа и Везувіемъ была найдена подводная часть древняго корабля. Доски и гвозди этого судна были обиты бронзовыми пластинками. Прошедшій годъ, недалеко отъ этого мѣста и совсѣмъ близко отъ прежняго берега, были открыты развалины богатой виллы, съ кладовыми, полными запасовъ, и галлереей, на которой лежали скелеты. Розыски продолжались, и не далеко отъ дома найдена новая группа скелетовъ; изъ нихъ одинъ былъ очень высокаго роста; на его шеѣ сохранилась тяжелая золотая цѣпь, на рукахъ были два золотые браслета, въ формѣ змѣи, а на пальцахъ драгоцѣнные перстни. Подлѣ него лежалъ мечъ съ дорогой рукояткой, изъ слоновой кости, въ бронзовыхъ ножнахъ, на которыхъ была изваяна морская раковина. Вокругъ лежало множество разсыпанныхъ монетъ, а также находилась глиняная Минерва, обрывки матерій затканныхъ золотомъ, бронзовыя украшенія и остатки богатыхъ носилокъ, сохранившихся настолько, что ихъ можно узнать. Эти находки не произвели сначала никакого впечатлѣнія, тѣмъ болѣе, что въ окрестностяхъ Неаполя въ продолженіе ста лѣтъ уже находили подобные предметы. Но Эдуардъ Жамми, почетный консулъ въ Кастелламарѣ, высказалъ мнѣніе о возможности найти въ послѣднемъ открытіи разрѣшеніе спорнаго вопроса относительно смерти Плинія Старшаго. Это подняло на ноги археологовъ. Предложеніе Жамми, однако, не нашло отголоска среди итальянскихъ археологовъ и напротивъ возбудило даже множество возраженій. Но Жамми не остановился передъ этимъ: онъ основывался на знаменитомъ письмѣ Плинія Младшаго, въ которомъ послѣдній разсказываетъ Тациту о смерти своего дяди. Слѣдя внимательно за каждымъ словомъ письма, онъ подтверждаетъ, что каждая мелочь соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ недавней находки. Плиній Младшій пишетъ, что его дядя получилъ письмо отъ своей пріятельницы Ректины, звавшей его къ себѣ на помощь; Плиній Старшій сѣлъ на галеру; задержанный бурей, онъ не могъ добраться до дома Ректины; принужденный высадиться на берегъ, онъ достигъ менѣе отдаленной виллы Помпоніана и, угрожаемый въ этомъ убѣжищѣ дождемъ пепла и лапилли, онъ долженъ былъ направиться къ своему судну и погибъ въ тотъ моментъ, когда хотѣлъ отправиться въ море. По мнѣнію Жамми, находка въ Стабіи, по всѣмъ признакамъ, соотвѣтствуетъ мѣсту, описываемому Плиніемъ Младшимъ. Домъ съ галереей и кладовыми былъ Помпоніана, другая вилла, невдалекѣ, недавно открытая, принадлежала Ректинѣ, остовъ судна съ досками и гвоздями былъ, безъ всякаго сомнѣнія, военный корабль, на которомъ отправился Плиній Старшій;

[1]) La mort de Pline l'ancien. «Journal des Debats. Revue hebdomadaire». Janvier 1902.

наконецъ богатыя носилки, драгоцѣнности и мечъ съ дорогой рукояткой, найденный близъ скелетовъ, свидѣтельствуютъ о высокомъ положеніи этой личности. Кто же другой могъ быть важной особой, погибшей тамъ, если не Плиній? Возраженія, сдѣланныя Жамми, многочисленны, но не слишкомъ основательны. Во-первыхъ, ссылаются на то, что корабль, найденный въ Стабіи,— военный, а потому Плинія Старшаго должны были сопровождать офицеры и солдаты, въ Стабіи же, возлѣ предполагаемаго скелета Плинія, лежитъ только одно оружіе. Во всякомъ случаѣ, доводы Жамми болѣе вѣскіе, чѣмъ его оппонентовъ. Однако въ одномъ отношеніи представляется нѣкоторое затрудненіе: въ своемъ письмѣ Плиній Младшій утверждаетъ, что трупъ дяди нашли чрезъ три дня послѣ катастрофы. Но возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ его оставили безъ погребенія и, восемнадцать вѣковъ спустя, нашли на мѣстѣ, гдѣ онъ погибъ? Жамми замѣчаетъ, что Плиній Младшій въ своемъ письмѣ совсѣмъ не говоритъ о похоронной церемоніи, «столь важной у римлянъ», и, можетъ быть, онъ разсказываетъ о находкѣ тѣла, не присутствуя при этомъ лично. Латинскій текстъ письма гласитъ: «когда показался день,—пишетъ Плиній Младшій, (это былъ третій день послѣ смерти),—его тѣло нашли неповрежденнымъ, безъ ранъ и въ той же одеждѣ. Онъ походилъ скорѣе на спящаго, чѣмъ на мертваго. Въ это время я съ матерью былъ въ Мизенахъ; но это не интересно для исторіи, а ты спрашиваешь лишь о томъ, что касается его смерти. Я останавливаюсь и прибавляю только одно слово, что изъ всего мною написаннаго нѣтъ ничего, чего бы я не видѣлъ». Изъ этихъ словъ Плинія Младшаго видно, что онъ не присутствовалъ лично при розыскахъ умершаго дяди, а слѣдовательно вопросъ объ его находкѣ, тотчасъ послѣ Помпейскаго погрома, является вполнѣ спорнымъ. Такимъ образомъ открытіе Жамми можетъ быть вѣроятнымъ, хотя также недоказаннымъ. Эта статья основана на личныхъ замѣткахъ Жамми, которыя онъ сообщилъ въ редакцію «Journal des Débats».

— Тосканелли и Христофоръ Колумбъ. Американскіе историки одинъ за другимъ начали развѣнчивать Христофора Колумба, основываясь на мнѣніи Лась-Казаса и автора «Historie». По мнѣнію послѣднихъ, главнымъ виновникомъ открытія Америки былъ не Христофоръ Колумбъ, а Тосканелли. Дѣйствительно знаменитый флорентійскій астрономъ однажды сообщилъ Христофору Колумбу о письмѣ и картѣ, адресованныхъ имъ въ 1474 г. Фернаму Мартину, лиссабонскому канонику и приближенному совѣтнику португальскаго короля Альфонса V. Въ этомъ письмѣ онъ подстрекалъ и ободрялъ Мартина привести въ исполненіе изложенный имъ великій планъ. Въ 1871 г. Генри Гаррисъ нашелъ латинскій текстъ письма Тосканелли, написаннаго имъ въ 1471 г. Эта находка сначала казалась солидной опорой для доказательства вѣрности высказываемаго мнѣнія относительно Тосканелли. Но вышло иначе: въ бумагахъ Тосканелли не нашли никакого слѣда относительно открытія западнаго пути въ Индію, а въ сочиненіяхъ Колумба нѣтъ даже отдаленнаго намека ни о Тосканелли, ни о письмахъ или картѣ, полученныхъ имъ для передачи. Каноникъ Мартинъ, которому знаменитый астрономъ писалъ въ 1474 г. на скверномъ латинскомъ языкѣ, совершенно не извѣстенъ. Но еще серьезнѣе то обстоятельство, что около этого времени въ Португаліи не возникалъ вопросъ

ни о дорогѣ въ восточную Индію, ни о торговлѣ пряностями съ Востокомъ. Эти подтвержденія бросаютъ тѣнь на дѣйствительность документа, котораго кстати и нѣтъ у Ласъ-Казаса, а его оригинала никто не видалъ. Генри Виньо, первый секретарь посольства въ Соединенныхъ Штатахъ, въ своемъ критическомъ этюдѣ [1]) «Письмо и карта Тосканелли» подозрительно относится къ предположенію, приведенному Ласъ-Казасомъ. По его мнѣнію, все доказываетъ, что эта корреспонденція подложна, и что ея авторъ—Бартелеми, братъ Христофора Колумба, очень преданный великому открывателю. Желаніе создать впечатлѣніе, что адмиралъ руководился только своей идеей, а не слѣдовалъ сообщенію какого-то кормчаго, навело его на мысль подделать заблаговременно бумаги, появившіяся семьдесятъ лѣтъ спустя. Книга Виньо содержитъ важные документы о жизни Колумба и открытіи Америки, чѣмъ занимаются американцы уже давно.

— Тайна Маріи Стюартъ. Одна изъ самыхъ интересныхъ, трагическихъ и загадочныхъ историческихъ личностей была, безъ сомнѣнія, Марія Стюартъ. Около трехсотъ сорока лѣтъ безчисленное количество книгъ, брошюръ и статей писано о ней, но до сихъ поръ остаются тайной: убійство ея мужа Дарнлея, ея третій бракъ съ Ботвелемъ, письма въ шкатулкѣ, на которыхъ главнымъ образомъ основанъ ея приговоръ, наконецъ, ея личный характеръ. Эти загадочныя обстоятельства имѣютъ огромное значеніе для ея характеристики, ибо отъ ихъ разрѣшенія зависитъ вопросъ, убила ли она, прямо или косвенно, Дарнлея. Главнымъ доказательствомъ ея виновности были предъявлены письма, хранившіяся въ шкатулкѣ Ботвеля, а они сохранились не подлинныя, и многіе полагаютъ, что они подложныя. Такимъ образомъ эта тайна не маловажная, не просто случайность національной исторіи, какъ говоритъ Карлайль, а напротивъ основной вопросъ, отъ котораго зависитъ виновность или невиновность Маріи Стюартъ, интересующей всѣхъ англичанъ и шотландцевъ до настоящей минуты. Поэтому почти ежегодно выходятъ изслѣдованія таинственной загадки, и если авторъ новаго сочиненія выясняетъ какую нибудь новую сторону вопроса или заявляетъ какую нибудь ловкую разгадку, то поднимается шумъ не только въ Англіи, но и во Франціи, гдѣ Марія Стюартъ чрезвычайно популярна. Въ концѣ прошлаго года вышли два сочиненія, обратившія на себя общее вниманіе. Первое изъ нихъ — біографія Маріи Стюартъ, Самуэля Кована [2]), въ двухъ томахъ, а второе—«Тайна Маріи Стюартъ», Андрю Ланга [3]). Несмотря на основательный, подробный и старательный трудъ Кована, онъ не представляетъ ничего новаго, и авторъ, ярый защитникъ Маріи Стюартъ, не бросаетъ яркаго свѣта на письма въ шкатулкѣ и бракъ Маріи съ Ботвелемъ. Онъ ясно представляетъ положеніе даннаго вопроса со всѣхъ его сторонъ, но нимало не способствуетъ разгадкѣ. Тайна остается тайной. Напротивъ Андрю

---

[1]) La lettre et la carte de Toscanelli sur la route des Indes par l'ouest, par Henri Vignaud. Paris. 1901.

[2]) Mary, Queen of scots. By Samuel Cowan. 2 vols. London. 1901.

[3]) The Mystery of Mary Stuart. By Andrew Lang. London. 1901.

Лангъ въ однотомномъ своемъ трудѣ даетъ много новыхъ данныхъ для разрѣшенія тайны Маріи Стюартъ, почему его книга возбудила большую сенсацію въ Англіи и во Франціи. Со всѣхъ сторонъ посыпались полемическія статьи, и почти каждая изъ нихъ, по слѣдамъ Ланга, старается оправдать и очистить память шотландской королевы. Изъ этихъ статей наиболѣе замѣчательны: краткій очеркъ сэра Герберта Максвелля, подъ заглавіемъ: «Марія, королева Шотландіи, и тайна писемъ въ шкатулкѣ», напечатанный въ январьской книжкѣ «Pall-Mall Magazine» [1]), и критическій разборъ книги Ланга въ «Revue des Deux Mondes», Т. Визэва [2]). Для полнаго уясненія себѣ личности Маріи Стюартъ, а также загадки ея жизни, необходимо взглянуть на ея юность, которая придала ей главнымъ образомъ характеристическія черты. Шести лѣтъ она отправлена шотландскимъ парламентомъ во Францію, какъ невѣста дофина. Но, очевидно, она не могла еще выйти за него замужъ и десять лѣтъ воспитывалась при самомъ развратномъ дворѣ въ Европѣ, такъ что, по словамъ Ламартина, ее скорѣе готовили въ любовницы, чѣмъ въ жены французскому королю. Какъ бы то ни было, въ 1558 г. дофинъ сдѣлался королемъ подъ именемъ Франциска II, и Марія Стюартъ сдѣлалась французской королевой. Въ слѣдующемъ году, слабый здоровьемъ Францискъ умеръ, Катерина Медичи сдѣлалась роковымъ руководителемъ французскаго двора. Конечно, тотчасъ заговорили о вторичномъ бракѣ юной королевы, и, благодаря ея красотѣ и славѣ, безконечныя предложенія сыпались на нее отъ различныхъ родственниковъ королевскихъ особъ въ Европѣ. Но она предпочла вернуться въ свое Шотландское королевство въ 1561 г., когда ей только что минуло 19 лѣтъ. Лангъ рисуетъ въ своей книгѣ чрезвычайно блестящій и живой ея портретъ, въ ту самую минуту, когда легкомысленная, гордая и довѣрчивая Марія Стюартъ вышла на берегъ Шотландіи: «Это была молодая брюнетка высокаго роста, съ прекрасными карими, граціозно продолговатыми глазами. По характеру она была полу-француженка и если не отличалась красотой, то была такъ очаровательна, что даже лица, окружавшія Елизавету, не могли этого не признавать. Въ ея лицѣ и манерахъ было нѣчто такое привлекательное, что она плѣняла всѣ сердца, гдѣ бы она ни была. Даже впослѣдствіи ея тюремщики обожали ее. «Да благословитъ небо эту нѣжную королеву!»—восклицалъ эдинбургскій народъ, видя ее въ богатыхъ платьяхъ со шлейфами, противъ которыхъ такъ возставалъ религіозный Ноксъ. Ея сердце было полно доброты и благодарности. Въ сентябрѣ 1561 года послѣ неудачнаго заговора Ридольфи она страдала не столько за себя, какъ за двухъ слугъ, которые были посланы въ Шотландію, то-есть на вѣрную смерть. По поводу одного денежнаго дѣла она писала: «Я лучше заплачу два раза, чѣмъ кого нибудь оскорбить несправедливымъ подозрѣніемъ». Эту молодую женщину, чувствительную, гордую, страстную, неустранимую и добрую преслѣдовалъ каждый день безжалостный глава проте-

---

[1]) Mary, Queen of Scots, and the mystery of the Casket Letters. By sir Herbert Maxwell. Pall-Mall Magazine. January 1902.

[2]) Revues étrangères: Le Mystère de Marie Stuart, par Vyzewa. «Revue des Deux Mondes». 15 dec. 1901.

стантовъ, Ноксъ. Ея католическіе патеры подвергались пыткѣ, ея вѣра постоянно унижалась, и ея личность осыпалась оскорбленіями; всѣмъ ея планамъ упорно противодѣйствовала Елизавета. Марія имѣла много причинъ постоянно плакать, даже прежде чѣмъ ея вѣрный слуга Риччіо былъ убитъ глупымъ мужемъ и жестокими лордами на ея глазахъ. Быть можетъ, при этомъ избыткѣ страданій, ея сердце одеревенѣло; быть можетъ, ею овладѣлъ злой духъ ненависти и мести. Но ея сердце, по природѣ, все-таки оставалось нѣжнымъ и полнымъ сожалѣнія. Среди ужасныхъ мученій она сожалѣла рабовъ, которые гребли на галерахъ, и писала лорду Аберкерни, прося его сжалиться надъ бѣдной женщиной и ея дѣтьми, жилище которыхъ онъ конфисковалъ. По несчастію, при храбрости чисто мужской, она не была способна на хитрость, а въ ея время хитрость была единственнымъ оружіемъ женщинъ. Ея натура была такъ пряма, и она такъ не умѣла подозрѣвать, что повѣрила обѣщанію Елизаветы и ея кольцу и отдалась ей въ руки, несмотря на то, что она была ея злѣйшимъ врагомъ. Она не умѣла притворяться и не понимала, что другимъ было извѣстно это искусство». Къ этой мастерской характеристикѣ Маріи Стюартъ можно еще прибавить, что она всегда нуждалась въ мужскомъ вліяніи, которое руководило бы ею. Но вокругъ ея толпились враждебные ей лорды, одинаково невѣрные и вѣроломные, какъ протестанты, такъ и католики. Не удивительно, что она обратила вниманіе на своего двоюроднаго брата, лорда Генри Дарнлея, сына католическаго лорда Ленокса и правнука англійскаго короля Генриха VII. Красивый, высокаго роста, съ прекрасными манерами и любовью къ атлетическимъ упражненіямъ, онъ возбудилъ въ ней пламенную страсть. Вопреки сопротивленію большинства лордовъ Марія вышла замужъ за Дернлея въ 1565 г., 23 лѣтъ отъ роду. Однако черезъ шесть мѣсяцевъ брачной жизни она убѣдилась, что сдѣлала серьезную ошибку. Дарнлей имѣлъ не только непріятный характеръ, но былъ еще настолько глупъ, что не могъ подходить къ живому уму Маріи. Мало того, онъ возымѣлъ ревность противъ Давида Риччіо, королевскаго музыканта, къ которому дѣйствительно Марія питала нѣжную дружбу. Болѣе же близкую связь между ними отрицаютъ новѣйшіе историки. Однако многіе въ то время были противоположнаго мнѣнія, и ея легкомысленное поведеніе давало основаніе ко всякаго рода предположеніямъ. Не только ея мужъ ненавидѣлъ Риччіо, но его ненавидѣли всѣ лорды, боясь быстро увеличивающагося его вліянія. Тогда, по наущенію короля, группа лордовъ составила заговоръ, и Риччіо былъ убитъ на глазахъ королевы, несмотря на то, что она была беременна. Она, однако, не умерла, но характеръ ея озлобился: она возненавидѣла всѣхъ окружающихъ ее, въ томъ числѣ мужа, и единственственное исключеніе составилъ лордъ Ботвель, хотя и онъ участвовалъ въ убійствѣ ея друга. Но онъ отличался твердымъ, непреклоннымъ характеромъ, и она нашла въ немъ единственнаго человѣка, который могъ руководить ею. Прошелъ годъ; Дарнлей былъ убитъ, и главнымъ убійцей былъ Ботвель. Онъ понравился Маріи силой характера, но Ботвель былъ въ нравственномъ отношеніи ниже всякой критики, хотя для внушенія любви нравственность не играетъ большой роли, поэтому послѣ суда, бывшаго лишь комедіей, Ботвель былъ освобожденъ отъ подозрѣнія въ убійствѣ Дарнлея, и черезъ нѣсколько

дней послѣ этого онъ увезъ королеву въ свой замокъ Дунбаръ. Говорятъ, что Марія была согласна на это похищеніе и, безнадежно скомпрометированная, вышла за него замужъ. Лорды, какъ католическіе, такъ и протестантскіе, возстали противъ королевы и, овладѣвъ ею, заточили ее въ Лохлевенскій замокъ. Ботвелю же позволили бѣжать, потому что онъ слишкомъ много зналъ объ участіи лордовъ въ убійствѣ Дарнлея. Подозрѣнія въ соучастіи Маріи въ заговорѣ и потомъ въ убійствѣ Дарнлея находили доказательства въ ея слишкомъ легкомысленномъ поведеніи, а главное въ извѣстной всѣмъ и каждому ненависти къ Дарнлею и въ компрометирующей свадьбѣ съ очевиднымъ его убійцей —Ботвелемъ. Но лорды считали эти улики недостаточными, и спустя годъ, въ продолженіе котораго слѣдствіе продолжалось, неожиданно была представлена ими шкатулка Ботвеля съ восемнадцатью французскими письмами Маріи къ нему и одиннадцатью ея любовными сонетами. Неизвѣстно, какимъ образомъ эти подлинники, служившіе безспорнымъ доказательствомъ виновности Маріи, исчезли и сохранились только ихъ копіи. Оригиналовъ же никто не видалъ, такъ какъ лордъ Мортонъ, который велъ долголѣтнее судебное преслѣдованіе противъ Маріи, былъ казненъ. Такимъ образомъ составилось то, что называется тайной Маріи Стюартъ, и неизвѣстно, существовала ли въ дѣйствительности эта шкатулка съ письмами и сонетами. Какъ бы то ни было, впослѣдствіи англійскіе судьи признали подлинность этихъ копій, и онѣ послужили главной основой смертнаго приговора несчастной королевы. Весь вопросъ, занимавшій столько лѣтъ всю Англію и Шотландію, заключается въ томъ, были ли эти документы подлинные или подложные. Спустя триста сорокъ лѣтъ, за разгадку этой тайны взялся послѣ столькихъ историковъ Лангъ, и надо отдать ему справедливость, что его трудъ чрезвычайно серьезный, добросовѣстный и основательный. Онъ принялся за него съ твердой увѣренностью, что ему удастся обѣлить бѣдную Марію Стюартъ. Но, по несчастію для него, онъ дѣйствовалъ, какъ настоящій историкъ, и долженъ былъ, какъ настоящій историкъ, прійти къ тому убѣжденію, что обвиненіе и оправданіе одинаково неосновательны. Несомнѣнно, что многія изъ писемъ въ шкатулкѣ, очевидно, были написаны по-французски, такъ какъ въ англійскомъ переводѣ нѣкоторыя фразы были чисто французскія. Но съ другой стороны, какъ справедливо замѣчаетъ французскій критикъ Визэва, другія фразы, по своему внутреннему строю—не французскія. Такимъ образомъ, если Лангу не удалось доказать невинность Маріи Стюартъ, то онъ, по крайней мѣрѣ, освѣтилъ ея тайну, насколько это теперь возможно.

— Обѣленіе маркизы Бренвильеръ. Въ настоящую эпоху реабилитацій не осталась забытой и знаменитая маркиза Бренвильеръ, отравившая отца, братьевъ, и едва той же участи не подвергшая своей сестры и невѣстки. Ея адвокатами являются теперь въ ученомъ медицинскомъ собраніи докторъ Кабанесъ, редакторъ «Chronique medicale», и докторъ Нассъ. Они говорятъ, что Бренвильеръ ни болѣе ни менѣе, какъ «неуравновѣшенная натура», бѣдная женщина, дѣйствовавшая «подъ вліяніемъ различныхъ сильныхъ страстей, повиновавшаяся лишь злому внушенію», и что судьи XVII вѣка лучше бы сдѣлали, пославъ ее въ госпиталь, а не на плаху. Въ бесѣдѣ съ репортеромъ

газеты «Eclair» докторъ Кабанесъ прибавляетъ»: въ особенности, судя по ея поведенію во время казни, можно оцѣнить степень ея истеріи. «Она казалась не чувствительной къ всевозможнымъ пыткамъ. Эта особая нечувствительность истекаетъ изъ ея нервности. Эту нервность замѣтили у многихъ колдуній, которыя были ни больше ни меньше, какъ невропатки; онѣ переносили пытки, продолжая пѣть или смѣяться ужаснымъ смѣхомъ, даже находясь въ пламени». Кабанесъ отрицаетъ свое желаніе ее реабилитировать, но хочетъ объяснить и защитить ее, какъ умственно разстроенную женщину.

— Былъ ли женатъ Боссюэ? Имя Боссюэ, величайшаго оратора Франціи, проповѣдника при дворѣ Людовика XV и воспитателя дофина, живетъ до сихъ поръ въ памяти у французовъ. Въ одномъ изъ декабрьскихъ нумеровъ «Journal» помѣщена статья Жана де-Бонисфона [3]), касающаяся интереснаго вопроса: былъ ли женатъ Боссюэ? Въ Дижонѣ устроился музей, который вскорѣ долженъ обогатиться любопытнымъ портретомъ дѣвицы Вьё де-Молеонъ. По словамъ Вольтера, она была женою Боссюэ, или его вѣчной невѣстой. На портретѣ представлена старая, некрасивая дама, съ длиннымъ горбатымъ носомъ, въ старомодномъ костюмѣ и въ чепчикѣ. Въ «Вѣкѣ Людовика XIV», въ отдѣлѣ художествъ, Вольтеръ писалъ, что Боссюэ, сдѣлавшійся великимъ человѣкомъ, сначала предназначался къ свѣтской карьерѣ. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ онъ обязался жениться на г-жѣ Вьё, дѣвушкѣ рѣдкихъ достоинствъ. Его талантъ къ богословію и краснорѣчіе выказались очень рано, вслѣдствіе чего родители и друзья предназначали его для духовной карьеры. Г-жа Вьё уговаривала его сама рѣшиться на этотъ шагъ, предпочитая славу возлюбленнаго счастью жить съ нимъ. Въ другомъ мѣстѣ Вольтеръ говоритъ: одно семейство увѣряетъ, что существовалъ брачный контрактъ между Боссюэ и еще очень юной г-жей Вьё, что эта особа пожертвовала своей страстью и положеніемъ для счастья, котораго ея возлюбленный достигнетъ своимъ духовнымъ краснорѣчіемъ; что она согласилась никогда не воспользоваться этимъ контрактомъ, за которымъ не послѣдовалъ церковный бракъ; что Боссюэ, переставъ такимъ образомъ быть ея мужемъ, сдѣлался патеромъ, и послѣ его смерти эта самая семья, приводя въ порядокъ его бумаги, видѣла этотъ контрактъ. Никогда эта дѣвушка, по словамъ той же семьи, не воспользовалась находившейся въ ея рукахъ опасной тайной; она оставалась до смерти епископа его другомъ, находясь въ строгихъ и почтительныхъ отношеніяхъ къ нему. Онъ далъ ей средства купить маленькій кусокъ земли въ Молеонѣ въ пяти миляхъ отъ Парижа. Тогда она перемѣнила свое имя на Молеонъ и жила около ста лѣтъ. Однако Вольтеръ не утверждаетъ, что бракъ существовалъ. Изъ его словъ видно, что бракъ не состоялся, что дѣвица Вьё осталась невѣстой Боссюэ. Аббатъ Денизъ, секретарь де-Бисси, который наслѣдовалъ епископскую каѳедру Боссюэ, говорилъ: «Вскорѣ послѣ смерти Боссюэ его кредиторы преслѣдовали наслѣдниковъ, въ виду неуплаченныхъ денегъ Боссюэ за купленный имъ домъ въ 20.000 франковъ. Но наслѣдники отказались уплатить эту сумму, и кредиторы, чтобы получить свой капиталъ и проценты, наложили арестъ на домъ, занятой дамою со дня

---

[3]) Femme de Bossuet. Par Jean de Bonnefon. Journal. 15 Decembre. 1901.

его пріобрѣтенія Боссюэ. Дама хотѣла защититься двумя контрактами, находившимися въ ея рукахъ. Въ первомъ Боссюэ «обязывался пріобрѣсть этотъ домъ», а во второмъ—онъ ей передалъ его, какъ подарокъ. Кредиторы, видя свое положеніе шаткимъ, стали преслѣдовать даму. Прижатая къ стѣнѣ, дама взяла ловкаго адвоката и вручила ему свадебный контрактъ съ Боссюэ, бывшимъ въ то время только каноникомъ въ Мецѣ. Это надѣлало много шуму, и король приказалъ племяннику Боссюэ прекратить дѣло. Боссюэ былъ только каноникомъ, когда зналъ частнымъ образомъ эту даму. Его самолюбіе внушило ему отправиться въ Парижъ и искать случая попасть во дворецъ. Во дворцѣ онъ имѣлъ успѣхъ большій, чѣмъ ожидалъ. Дама увидя, что онъ устроился блестящимъ образомъ, захотѣла раздѣлить его участь и послѣдовала за нимъ. Она тѣмъ осторожнѣе жила въ Парижѣ, чѣмъ выше становилось положеніе ея мужа... Частые визиты къ ней дѣлались тайнымъ образомъ. Сплетни ограничивались тѣмъ, что говорили, будто эта дама для Боссюэ то же, что Гюйо для Фенелона. Въ дѣйствительности она слыла за самую умную женщину въ Парижѣ. Лакей Боссюэ часто разсказывалъ мнѣ о ней. Она любила Боссюэ, такъ какъ онъ былъ красивый человѣкъ и, несмотря на свои духовныя занятія, не былъ врагомъ удовольствій. Говорятъ, ихъ раса не погасла, и отъ доброй вдовы остались между прочимъ двѣ красивыя дѣвушки, которыя получили хорошее воспитаніе; одинъ изъ моихъ друзей показалъ мнѣ ихъ въ Луврѣ». Эти слова были написаны въ 1712 г., восемь лѣтъ спустя послѣ смерти Боссюэ. Авторъ имѣлъ возможность получить точныя справки, но онъ былъ врагъ Боссюэ и человѣкъ очень дурной, способный повернуть все въ худую сторону. Въ срединѣ XVIII вѣкѣ Проспeръ Маршанъ помѣстилъ въ своемъ «Словарѣ», въ статьѣ о Боссюэ, слѣдующую фразу: «я также не говорю о конкубинствѣ или, лучше сказать, объ его тайномъ бракѣ съ дѣвицею Молеонъ». Но все это не служитъ твердымъ доказательствомъ; единственно извѣстно положительно, что дѣвица Молеонъ занимала значительное мѣсто въ жизни Боссюэ. Кардиналъ Боссэ призналъ, что «отношенія Боссюэ съ дѣвицей Вьё де-Молеонъ, отличавшейся высокой набожностью, были всѣмъ извѣстны». Во всякомъ случаѣ достовѣрно одно, что долгая дружба Боссюэ съ этой дамой стоила ему дорого во время жизни и возбудила процессъ послѣ его смерти.

— Польша и Франція въ 1790—1793 годахъ. Польскій историкъ, профессоръ Львовскаго университета, Брониславъ Дембинскій, за послѣднее время тщательно изслѣдовалъ взаимныя отношенія Польши и французскаго революціоннаго правительства 1790—1793 годовъ. Результатомъ этого явилась прежде всего монографія: «Феликсъ Орачевскій, посолъ Рѣчи Посполитой временъ Великой революціи», а затѣмъ: «Объ отношеніяхъ Костюшки къ французской революціи», трудъ, основанный, между прочимъ, и на документахъ изъ архива иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ. Профессоръ Дембинскій прочелъ его на засѣданіи историческаго общества въ Львовѣ. Отношенія Польши къ тогдашней Франціи характеризуются главнымъ образомъ рядомъ неудачныхъ попытокъ добиться вмѣшательства французскаго правительства въ пользу Польши. Странное впечатлѣніе производитъ неизмѣнно радужный тонъ

письмъ Орачевскаго къ королю, отдающій чистѣйшей маниловщиной въ столь трагическое для Польскаго государства время. По его словамъ, «невозможно, чтобы Екатерина, сытая всякаго рода славой, а наконецъ и годами умудренная, пожелала легкомысленно вторгнуться въ край, который, если она захочетъ пребывать съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, будетъ для нея самымъ полезнымъ союзникомъ. Великодушное отношеніе къ полякамъ могло бы побороть ихъ недовѣріе, и воистину этой мудрой императрицѣ именно этого недостаетъ для увѣнчанія ея славы». Орачевскій вѣритъ, что, «ловко развернувъ передъ Екатериной» брошенную имъ мысль, можно было бы разжечь въ ней «амбицію благородной славы». Намекаетъ даже, что эту миссію могъ бы взять на себя Браницкій, «если хватаетъ у него храбрости говорить правду въ Петербургѣ» (письмо 30 марта 1792 г.). Узнавъ немного спустя, что между императрицей и ея наслѣдникомъ произошли недоразумѣнія, онъ пишетъ: «кто знаетъ, не Провидѣніе ли, столь благосклонное къ намъ уже нѣсколько лѣтъ (!), которое намъ такъ кстати турецкую войну и смерть Потемкина даровало,—не Провидѣніе ли опять намъ пошлетъ какое либо обстоятельство, которое укротитъ столь несправедливое вторженіе. Впрочемъ, если польская сабля поработаетъ, это не вредно, лишь бы дворы, вѣнскій и берлинскій, сдержали свое слово» (11 мая 1792 г.). Недѣлю спустя, въ самый день деклараціи Булгакова, Орачевскій изъявляетъ увѣренность, что «это только напугиванія; но лишь увидятъ нашу рать и союзъ короля съ народомъ, невозможно, чтобы стыдъ политическій (!) не заставилъ отказаться отъ столь несправедливаго нападенія» (18 мая 1792 г.). Понятно, что такой неизмѣнный Маниловъ на посольскомъ посту, хотя и пользовался неизмѣнной любезностью революціоннаго правительства, но извлечь изъ этого болѣе существенной пользы не могъ. Вскорѣ онъ былъ отозванъ, такъ какъ король вынужденъ былъ оказать солидарность съ прочими дворами, отзывающими своихъ пословъ изъ Парижа во имя монархическихъ принциповъ. Но въ концѣ этого же года борьба революціи съ сосѣдними государствами опять оживила въ полякахъ надежду на ея вмѣшательство въ польскія дѣла. Послѣдствіемъ этихъ надеждъ была миссія Костюшки въ Парижъ, въ январѣ 1793 года. Костюшко имѣлъ довѣренность «выдающихся членовъ сейма» войти въ сношенія съ революціоннымъ правительствомъ. Французская республика должна была требовать сохраненія цѣлости Польши и это ставить условіемъ при заключеніи мира. Подробности пребыванія Костюшки въ Парижѣ неизвѣстны, но онъ былъ принятъ тамъ крайне любезно, и есть данныя, что обсуждался и былъ составленъ планъ дѣйствій Франціи по отношенію къ польскимъ дѣламъ. Именно въ бумагахъ Фризе (Friese), секретаря Станислава Понятовскаго, хранящихся въ Московскомъ архивѣ, имѣется извлеченіе изъ письма Костюшки (собственноручно имъ составленнаго) къ министру внѣшнихъ дѣлъ de Forgues, отъ 6 марта 1794 г. Костюшко увѣдомляетъ, что сокращеніе войска вынуждаетъ ускорить инсуррекцію, что невозможно держаться плана, составленнаго съ господиномъ Henin (докладчикомъ по польскимъ дѣламъ въ министерствѣ), что краковское воеводство желаетъ вручить ему власть диктатора. Прилагаетъ воззванія, проситъ содѣйствія и субсидій. Вмѣсто обѣщанныхъ

5 милліоновъ франковъ получилъ лишь 1.300.000. Требуетъ 10 милліоновъ; половину выслать во Франкфуртъ на имя банкирскаго дома Бетманъ, половину въ Константинополь, откуда получить ихъ можно вмѣстѣ съ турецкой денежной помощью. Проситъ далѣе выслать офицеровъ артиллеристовъ и инженеровъ. Но Конвентъ не долженъ требовать, дабы революція польская была такая же, какъ французская. Невозможно «выключать и осуждать шляхту и духовенство». Содержаніе этого письма не противорѣчитъ ни въ чемъ инструкціи, съ каковой отправленъ былъ Костюшко въ Парижъ. И поэтому является оно доказательствомъ неизвѣстнаго во всѣхъ своихъ подробностяхъ соглашенія съ французскимъ правительствомъ, соглашенія, быть можетъ, повліявшаго даже на ускореніе революціоннаго движенія въ Польшѣ.

— **Пишегрю и заговоры роялистовъ.** Уже давно человѣческая справедливость допускала апелляцію, а теперь одинаково историческая справедливость начинаетъ допускать пересмотръ своихъ сужденій. Дѣла, въ которыя вмѣшивалась политическая страсть и ненависть партій, теперь, благодаря ежедневно открываемымъ новымъ документамъ, разсматриваются безпристрастно и спокойно во второй инстанціи. Такъ процессы Мармона, Моро, Пишегрю, Бурмона и др., болѣе или менѣе жестоко обвиненныхъ, надъ которыми произнесли пристрастные приговоры, теперь разбираются иначе. Безъ сомнѣнія, между историческими обвиняемыми дѣлаютъ различіе: такъ Моро, поднявшій противъ родины оружіе, какъ и Бурмонъ, перешедшій на сторону непріятеля, отличаются и теперь отъ Мармона и Пишегрю, обвиненныхъ въ измѣнѣ правительству, а не Франціи. Эрнестъ Додэ посвятилъ послѣднему свой трудъ подъ заглавіемъ «Заговоръ Пишегрю и роялистскія возстанія» [1]). Пишегрю обвинялся въ томъ, что, поссорившись съ Директоріей, относившейся благосклонно къ идеямъ возстановленія монархіи, и ведя тайную переписку съ принцемъ Кондэ, а съ другой стороны готовый сдѣлаться главою парламентской оппозиціи, принялъ главенство надъ вооруженной оппозиціей, составилъ проектъ военной кооперацiи съ иностранными войсками, далъ этому плану ходъ, ослабляя добровольно свою армію, покинулъ Маннгеймъ и, не помогая своему сослуживцу Журдану, склонился на перемиріе, предложенное австрійцами. Вотъ главныя обвиненія. Додэ въ качествѣ ловкаго адвоката уничтожаетъ ихъ одно за другимъ, указываетъ на противорѣчіе свидѣтельскихъ показаній, какъ внушенныхъ личнымъ интересомъ. Онъ пользуется доказательствами изъ самихъ обвинительныхъ показаній и изъ не изданныхъ документовъ неоспоримой подлинности и большой цѣнности, именно бумагъ Кондэ, сохранившихся въ архивахъ Шантильи, и военной переписки Пишегрю, находившейся въ архивѣ военнаго министерства. Додэ говоритъ: процессъ и приговоръ надъ Пишегрю доставилъ Директоріи случай, уже давно ожидаемый и приготовленный, для совершенія государственнаго переворота. Пишегрю былъ предсѣдателемъ совѣта Пяти Сотъ, совѣтъ былъ непріязненъ Директоріи, и нанести ударъ его предсѣдателю равнялось—снести голову оппозиціи. Въ этомъ Додэ видитъ первый мотивъ къ

[1]) La Conjuration de Pichegru et les complots royalistes de Midi et de l'Est (1795—1797), par Ernest Daudet. 1902.

подозрѣнію. Во-вторыхъ, поводъ къ обвиненію Пишегрю и доказательство, на которое оно опиралось, были представлены Бонапартомъ, желавшимъ отдѣлаться отъ соперника, любимаго солдатами и пользовавшагося значительнымъ политическимъ вліяніемъ. Обвинителямъ и судьямъ Пишегрю былъ интересъ, его приговорить, и они заранѣе признали его виновнымъ. Болѣе того его приговора добились посредствомъ низкаго полицейскаго пронырства: полиція представила, какъ подлинное, письмо Пишегрю и «написанное его рукою» резюме разговора, который онъ велъ, будто бы, съ однимъ изъ эмиссаровъ Кондэ. Доказательства состояли изъ писемъ, присланныхъ Кондэ его агентами; въ нихъ говорилось о проектахъ и обѣщаніяхъ Пишегрю истинныхъ или предполагаемыхъ; сверхъ того, изъ писемъ и докладовъ, захваченныхъ Моро въ багажѣ генерала Клинглина, принадлежавшихъ тайнымъ агентамъ и эмиссарамъ. Ни одно изъ этихъ писемъ не принадлежало Пишегрю, и принцъ Кондэ безпрестанно просилъ отъ генерала письменнаго слова, полагаясь болѣе на подпись послѣдняго, чѣмъ на завѣренія своихъ корреспондентовъ. Это служитъ доказательствомъ, что принцъ не очень довѣрялъ имъ. Додэ говоритъ, что всѣ они были люди, обремененные нуждой, и настоящіе предприниматели измѣнъ; что имъ выгодно было обманывать принца для выманиванія денегъ; что Монгальяръ въ минуту безденежья отправился къ Бонапарту и выдалъ Пишегрю, какъ бы не исполнившаго своихъ обѣщаній; что Фошъ-Борель превратился, впослѣдствіи, въ сыщика императорской полиціи въ Страсбургѣ. Этимъ Додэ обрисовалъ ихъ нравственный міръ и указалъ, насколько возможно вѣрить ихъ свидѣтельству. Свидѣтельство Моро еще менѣе безупречно. Онъ не придалъ бумагамъ, захваченнымъ у Клинглина, большой важности. Но, впослѣдствіи, когда Директорія потребовала освѣтить это дѣло, когда случился государственный переворотъ, и окончательно совершилось паденіе Пишегрю, то Моро, обязанный ему своимъ повышеніемъ въ дивизіонные командиры, самымъ низкимъ образомъ обвинилъ его. Онъ тѣмъ болѣе дѣйствовалъ такъ, что былъ моментъ, когда онъ опасался за себя. Отвѣтственность Журдана была слишкомъ замѣшана въ неуспѣхѣ Пишегрю, чтобы онъ не считалъ выгоднѣе для себя сослаться въ своемъ неуспѣхѣ на предполагаемую измѣну. Сультъ и Гувьонъ-Сенъ-Сиръ писали, спустя много времени, когда обстоятельства дѣла были уже отчасти забыты, и разсказы обоихъ маршаловъ полны противорѣчій. Прибывъ въ Рейнскую армію, Пишегрю нашелъ ее совершенно въ безпорядкѣ: съ неполнымъ наличнымъ составомъ, безъ малѣйшихъ кавалерійскихъ резервовъ, безъ военныхъ припасовъ и экипировки: войску платили расписками, но жители и поставщики требовали только денегъ. Жалобы высшихъ чиновъ подтверждаютъ переписку главнокомандующаго, утверждая, что Пишегрю хотѣлъ испортить своихъ солдатъ бездѣйствіемъ, что онъ не повиновался высшимъ приказаніямъ изъ Парижа, что наконецъ потребовались настоянія всѣхъ высшихъ чиновъ, чтобы онъ рѣшился пойти на Мангеймъ. При внимательномъ изученіи приказовъ, данныхъ Пишегрю, Додэ пришелъ къ заключенію, что это были не приказы, а скорѣе совѣты, и ему предоставлялось дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Пишегрю перешелъ Рейнъ въ Оппенгеймѣ и вошелъ въ Мангеймъ, когда Журданъ занялъ Дюссельдорфъ, для под-

держанія его движенія. Затѣмъ послѣдовало отступленіе Журдана, покинувшаго Пишегрю безъ защиты на сѣверѣ, заставляя его этимъ, въ свою очередь, снова перейти Рейнъ, оставивъ въ Мангеймѣ гарнизонъ, который скоро долженъ былъ сдаться на капитуляцію. Додэ приписываетъ Журдану отвѣтственность за перемиріе съ Австріей. Журданъ первый велъ переговоры, и за его согласіемъ слѣдовали переговоры Пишегрю. Выйдя въ отставку, Пишегрю, не желая обезсиливать своихъ солдатъ бездѣйствіемъ, совѣтовалъ генералу Дезэ заставлять ихъ передѣлывать дороги. Его политическое поведеніе напротивъ не безупречно. Онъ поддерживалъ сношенія съ Кондэ, его адъютантъ, повидимому, служилъ посредникомъ между Монгальяромъ, Ле-Фошъ-Борелемъ и баронессою Рейхъ. Дальнѣйшія событія и роль, разыгрываемая имъ въ заговорѣ Кадудаля, доказываютъ, что онъ предпочиталъ монархическое правленіе, но до несправедливаго приговора, жертвой котораго сдѣлался, это ограничивалось лишь симпатіей къ монархіи. Впослѣдствіи желаніе отмщенія заставило его перейти къ дѣйствію. Додэ, какъ судья, а не какъ защитникъ, признаетъ отношенія между Кондэ и Пишегрю несомнѣнными. Онъ это объясняетъ намѣреніемъ Пишегрю добиться, въ случаѣ приближавшагося возстановленія монархіи, милостиваго отношенія къ нему будущаго монарха. Пишегрю прежде всего служилъ Франціи, о чемъ онъ заявилъ роялистскому агенту, Оттелану: «Если бы я зналъ что Франція будетъ счастлива при республикѣ, завтра же—я буду служить ей!».

— Замокъ Сенъ-Клу. Недавно французскій историкъ, графъ Флери[1]), посвятилъ свою новую книгу описанію знаменитаго замка Сенъ-Клу. Онъ описываетъ дворецъ, когда-то блестѣвшій великолѣпіемъ, но не оставившій послѣ себя слѣдовъ, касается его происхожденія, описываетъ празднества, даваемыя тамъ, упоминаетъ о коронованныхъ гостяхъ, посѣщавшихъ его, и оканчиваетъ исторіей его разрушенія. Первое происхожденіе Сенъ-Клу связывается съ самой ужасной эпохой исторіи—съ династіей Меровинговъ. Вѣроятно, многіе не забыли о вѣроломныхъ убійствахъ дѣтей Клодомира ихъ дядями, при чемъ ихъ бабка Клотильда, плохо защищавшая внучатъ, произносила въ припадкѣ безумія странныя слова: «Если они не должны сдѣлаться королями, я охотнѣе увидѣла бы ихъ мертвыми, чѣмъ постриженными». Самый младшій изъ дѣтей, Клодоальдъ, спасся отъ этой участи и укрылся въ одномъ монастырѣ. Достигнувъ совершеннолѣтія и не слушая совѣтовъ старыхъ слугъ своего отца, нашептывавшихъ ему мысль объ отмщеніи, онъ торжественно принялъ постриженіе и надѣлъ монашескую рясу. Его дяди, въ порывѣ раскаянія и для успокоенія совѣсти, оставили ему значительныя владѣнія и, между прочимъ, мѣстечко Ножанъ, на берегу Сены, близъ Парижа. Клодоальдъ построилъ тамъ монастырь, гдѣ умеръ святымъ, оставивъ это владѣніе парижскому епископу. Имя франковъ—Клодоальдъ, было впослѣдствіи передѣлано въ Клу, и предмѣстье Ножанъ стало называться именемъ святого Клодоальда, то-есть Сенъ-Клу, и сохранило мощи своего владѣльца. Людовикъ XIV, желая подарить герцогство куртизану-прелату Гарлей де-Шамваллонъ, назвалъ это владѣніе Сенъ-Клу, и всѣ парижскіе архіепископы стали называться герцогами

[1]) Le palais de Sait-Clou, par le comte Fleury. 1902.

Сенъ-Клу, съ 1674 г. до конца прежней монархіи. Построенный въ средніе вѣка мостъ придавалъ Сенъ-Клу нѣкоторую важность, какъ военной позиціи. Во время Столѣтней войны несчастное мѣстечко было много разъ взято приступомъ, разрушено и сожжено, а монахи укрывались въ Парижѣ, захвативъ съ собою мощи Клодоальда. Похоронныя церемоніи по скончавшимся королямъ справлялись всегда въ Сенъ-Клу. Когда Францискъ I умеръ въ Рамбулье, то, прежде чѣмъ отправить тѣло въ Сенъ-Дени, его выставляли въ епископскомъ дворцѣ Сенъ-Клу, гдѣ въ продолженіе одиннадцати дней народъ приходилъ къ нему на поклоненіе. Несмотря на эти печальныя воспоминанія, Генрихъ II любилъ Сенъ-Клу и выстроилъ тамъ виллу въ итальянскомъ вкусѣ, отданную впослѣдствіи Катериной Медичи Іерониму Гонди, одному изъ ея откупщиковъ казенныхъ доходовъ, пріѣхавшему изъ Флоренціи вмѣстѣ съ нею. Гонди устроилъ тамъ знаменитые водопады, дѣйствующіе съ нѣкоторымъ измѣненіемъ и теперь. Легенда повѣствуетъ, что онъ далъ свою виллу для тайныхъ собраній, гдѣ окончательно была рѣшена Варѳоломеевская рѣзня. Но болѣе достовѣрна драма 1-го августа 1589 г. Отвоевавъ свою столицу у возмутившихся парижанъ, Генрихъ III примирился съ королемъ Наварскимъ и соединилъ съ нимъ свои военныя силы, взявъ штурмомъ Сенъ-Клу. Онъ устроилъ свою главную квартиру въ домѣ Гонди, въ то время, какъ Генрихъ Наварскій стоялъ лагеремъ въ Медонѣ. Осада Парижа велась обоими королями. Въ это время изъ города пришелъ монахъ Жакъ Клеманъ, требуя тайной бесѣды съ королемъ, во время которой онъ убилъ Генриха III за измѣну католической партіи. Несмотря на свою развратную жизнь и коварство, онъ умеръ мужественно. Сначала обманутый докторами, король понялъ наконецъ, что силы его оставляютъ, и заявилъ о своей принадлежности къ католической вѣрѣ; затѣмъ призвалъ Генриха Бурбона и заставилъ генераловъ, стоявшихъ на колѣняхъ вокругъ его смертнаго одра, принять присягу въ вѣрности Генриху. Финансы новаго короля Генриха IV были разстроены, и онъ даже не имѣлъ возможности отдѣлать трауромъ свои покои. Такимъ образомъ Сенъ-Клу видѣлъ туманную зарю двоихъ государей: Генриха IV и Наполеона. Въ эту эпоху Сенъ-Клу еще не былъ дворцомъ, а лишь служилъ загороднымъ домомъ для богатаго частнаго человѣка. Только случайно, благодаря войнѣ, онъ пріютилъ на время коронованную особу. Когда все успокоилось, о Сенъ-Клу забыли. Наслѣдники перваго парижскаго архіепископа, Гонди, и дяди будущаго кардинала Реца, продали имѣніе нѣкоему Бартелеми Герварду. Затѣмъ Людовикъ XIV купилъ его для своего брата, герцога Валуа, будущаго герцога Орлеанскаго. Молодой принцъ, устраненный отъ дѣлъ и арміи, проводилъ свое время въ различныхъ удовольствіяхъ и въ украшеніи Сенъ-Клу, превративъ бывшій домъ Гонди въ прекрасный дворецъ, не уступавшій Компьену и Рамбулье. Не успѣли окончить постройку новаго дворца, какъ онъ послужилъ театромъ поразительной смерти, возбудившей подозрѣніе въ народѣ. Внезапно скончалась Генріетта Англійская, жена герцога, молодая, красивая, умная женщина, пользовавшаяся не только свѣтскимъ, но и замѣчательнымъ политическимъ успѣхомъ, какъ агентъ короля. Діагностика болѣзней была въ ту эпоху въ первобытномъ состояніи. Нѣкоторыя личности подозрѣвали самого герцога Орлеанскаго,

не отличавшагося вѣрностью и не очень любимаго женою. Другіе приписывали это преступленіе фавориту герцога, кавалеру Лоррену, ненавидѣвшему принцессу и котораго она взаимно не терпѣла. Вскорѣ принцъ женился во второй разъ на пфальцъ-графинѣ Рейнской, и, тридцать лѣтъ спустя послѣ смерти первой жены, онъ умеръ въ столовой своего любимаго Сенъ-Клу. Его сынъ, регентъ Орлеанскій, родился въ Сенъ-Клу и тамъ же крестилъ свою дочь, знаменитую настоятельницу Шельскаго монастыря. Однако онъ не любилъ Сенъ-Клу и отдалъ его матери, а самъ почти постоянно жилъ въ Пале-Роялѣ. Во время своего регентства онъ изрѣдка пріѣзжалъ въ Сенъ-Клу и оставался тамъ недолго. Въ этомъ же дворцѣ онъ принялъ Петра Великаго, первую коронованную особу, посѣтившую Сенъ-Клу. Въ продолженіе всего царствованія Людовика XV въ Сенъ-Клу не было никакихъ историческихъ фактовъ, кромѣ празднествъ, даваемыхъ герцогомъ Орлеанскимъ, въ честь свадебъ, рожденій, выздоровленій и проч., отличающихся необыкновеннымъ декоративнымъ богатствомъ. Главою Орлеановъ былъ въ то время Луи-Филиппъ, прозванный маркизой Дю-Барри «Gros-Père». Онъ былъ женатъ морганатическимъ бракомъ на маркизѣ Монтессонъ. Это была очень нѣжная пара, и о нихъ говорили шуткою, что герцогъ, не получивъ разрѣшенія называть жену герцогиней Орлеанской, рѣшился называться маркизомъ Монтессонъ. Вообще не любившій королевскихъ почестей, онъ вдвойнѣ тяготился ими, не имѣя возможности раздѣлять ихъ съ женою. Отдавъ Пале-Рояль сыну, будущему Philippe-Egalité, онъ, скрѣпя сердце, жилъ въ Сенъ-Клу, предпочитая вести жизнь частнаго человѣка въ имѣніи маркизы Монтессонъ. Въ это время (1784 г.) Марія-Антуанета почувствовала пристрастіе къ Сенъ-Клу, тѣмъ болѣе, что Версаль хотѣли передѣлывать, и онъ не могъ быть обитаемъ ранѣе, какъ чрезъ десять лѣтъ. Принцъ Орлеанскій былъ въ восторгѣ отъ возможности продать дворецъ и зная, какъ Марія-Антуанета любитъ, чтобы исполнялись всѣ ея капризы,—запросилъ за него шесть милліоновъ. Король купилъ дворецъ на имя королевы. Патріотизмъ нѣкоторыхъ либераловъ и мнѣніе большинства о полновластныхъ правахъ мужчинъ оскорбились поступкомъ короля. Марія-Антуанета, предупрежденная объ этомъ, съ удовольствіемъ выражала презрѣніе къ народному негодованію. Она приказала выставить на рѣшеткѣ парка объявленіе съ заголовкомъ «По указу королевы». Это вызвало всеобщее негодованіе, тѣмъ болѣе, что парижане привыкли собираться на сентябрьскій праздникъ въ Сенъ-Клу и каждый разъ невольно любовались этой надписью, противорѣчащей салическому закону. Однако работы въ Версали не состоялись, и дворъ проводилъ лишь короткое время въ Сенъ-Клу. Маріи-Антуанетѣ нравился Сенъ-Клу не менѣе Тріанона, но Людовикъ XVI предпочиталъ Рамбулье: онъ находилъ, что комнаты слишкомъ малы, и вообще помѣщеніе тѣсно. Марія-Антуанета хотѣла совершенно перестроить дворецъ, но за неимѣніемъ денегъ эту мысль отложила. Послѣднее и самое долгое пребываніе Маріи-Антуанеты въ Сенъ-Клу было съ іюня по октябрь 1790 года, когда уже началась революція. Въ паркѣ Сенъ-Клу состоялось тайное свиданіе Мирабо съ королевой. «Государыня, — сказалъ трибунъ, цѣлуя ей руку, — монархія спасена!» Это самая изъ потрясающихъ сценъ, какія только случались въ Сенъ-Клу. Но ранѣе года послѣ смерти Мирабо

королевская семья, желая вернуться въ Сенъ-Клу на Пасху, была насильно задержана парижскимъ народомъ. Во время террора обстановка «національнаго дома», какъ стали называть дворецъ Сенъ-Клу, продавалась съ публичнаго торга, но декретомъ Конвента было рѣшено не уничтожать парка, оставивъ его для прогулокъ парижанъ. Наконецъ наступилъ 19 брюмеръ VIII г. извѣстный всему свѣту государственнымъ переворотомъ. Въ этотъ день галлерея Миньяра, въ бывшемъ дворцѣ Сенъ-Клу, была занята совѣтомъ Древнихъ, но окончательный актъ этого событія послѣдовалъ въ оранжереѣ, гдѣ былъ собранъ совѣтъ «Пяти-Сотъ», и военному перевороту была придана парламентарная форма. Наполеонъ провозгласилъ себя консуломъ. Мальмезонъ показался ему слишкомъ скуднымъ для его лѣтней резиденціи, и съ осени 1801 года онъ далъ приказъ возстановить Сенъ-Клу, а въ 1802 году поселился тамъ. Жизнь Наполеона протекала въ Сенъ-Клу такъ же дѣятельно, какъ въ Парижѣ, разнообразясь лишь катаніями верхомъ и въ экипажѣ. Въ галлереѣ Аполлона Наполеонъ впервые услышалъ «ваше величество» и титулъ императора изъ устъ явившагося къ нему объявить мнѣніе сената Камбасереса. Въ сосѣднемъ съ нею залѣ Наполеонъ впослѣдствіи объявилъ г-жѣ Полиньякъ о помилованіи ея мужа. Во время имперіи, хотя дворъ проживалъ въ Фонтенбло, Компьенѣ, и даже Рамбулье, — Сенъ-Клу было любимымъ мѣстопребываніемъ императорской семьи весною и осенью; хотя торжественныя церемоніи справлялись въ Тюильри, но и Сенъ-Клу было мѣстомъ памятныхъ событій и блестящихъ празднествъ: тамъ совершалось папой крещеніе старшаго сына Луи и Гортензіи, котораго Наполеонъ мечталъ сдѣлать своимъ наслѣдникомъ, и въ 1810 году былъ созванъ совѣтъ, по поводу выбора новой императрицы, а затѣмъ совершился въ галлереѣ Аполлона гражданскій бракъ Наполеона съ Маріей-Луизой. 23-го іюня 1811 года былъ данъ блестящій праздникъ, въ честь крещенія римскаго короля, онъ окончился забавнымъ случаемъ: дамы и кавалеры въ парадныхъ туалетахъ расположились на лужкѣ полюбоваться иллюминаціей, какъ внезапно поднялась страшная буря. Въ то время императоръ обратился къ мэру города Ліона со словами: «Господинъ мэръ, я сейчасъ дамъ нажиться вашимъ мануфактурнымъ фабрикамъ», — и, ставъ въ дверяхъ, соединяющихъ паркъ съ залами, онъ заградилъ входъ, оставивъ такимъ образомъ подъ дождемъ всѣ блестящіе туалеты своихъ приглашенныхъ. Римскаго короля катали въ паркѣ въ колясочкѣ, запряженной двумя баранками. Но это появленіе ребенка въ алеяхъ Сенъ-Клу продолжалось лишь два лѣта, и 31-го марта 1814 года дворецъ былъ занятъ передовыми войсками Ланжерона. Сенъ-Клу сдѣлался главной квартирой Шварценберга, и онъ давалъ въ немъ празднества въ честь союзныхъ государей. Но въ 1815 году положеніе Сенъ-Клу было худшее: въ этотъ разъ дворецъ заняли нѣмцы, полные мести къ французамъ. Блюхеръ спалъ въ постелѣ Наполеона, не только не раздѣваясь, но даже не снимая сапогъ, при чемъ немилосердно обрывалъ шпорами драпировки надъ кроватью. Людовикъ XVIII, человѣкъ традиціи, считалъ Сенъ-Клу мѣстопребываніемъ, недостойнымъ его. Благодаря немоцамъ, онъ, однако, проводилъ хорошее время года тамъ, хотя Сенъ-Клу ему не нравилось. Напротивъ,

остальные члены королевской семьи любили это мѣстечко, и гувернантка дѣтей, виконтесса Гонто, старалась, какъ можно продолжительнѣе оставаться тамъ. Карлъ X считалъ пребываніе въ Сенъ-Клу лучшими днями его жизни. Въ его царствованіе онъ превратился въ лѣтнюю офиціальную резиденцію. Сенъ-Клу—свидѣтель восшествія Генриха IV, послужилъ могилою династіи Бурбоновъ. Въ его красномъ салонѣ были подписаны роковые іюльскіе приказы; въ этомъ же дворцѣ король и его сынъ провели четыре дня, полные иллюзій, передъ окончательной катастрофой. Луи-Филиппъ долго колебался, прежде чѣмъ поселиться въ королевскихъ резиденціяхъ. Наконецъ, 20-го марта 1831 года было объявлено разомъ, что въ Тюильри предпринимаются передѣлки, и что королевская семья отправляется въ Сенъ-Клу. Съ этой эпохой связано множество анекдотовъ: напримѣръ, будто король помогалъ мармитону нарисовать свою каррикатуру на стѣнѣ углемъ и т. д. Въ эпоху Людовика-Филиппа Сенъ-Клу было свидѣтелемъ множества семейныхъ праздниствъ. Луи-Наполеонъ былъ расположенъ къ Сенъ-Клу еще ранѣе своего восшествія на престолъ. Въ томъ же дворцѣ Луи-Наполеонъ пожелалъ дать зимою, въ галлереѣ Апполона, аудіенцію главнымъ государственнымъ учрежденіямъ, явившимся къ нему сообщить о результатѣ плебесцита и поздравить съ императорскимъ титуломъ. Медовый мѣсяцъ императоръ и императрица Евгенія провели въ маленькомъ замкѣ Вильневъ д'Етанъ, но затѣмъ дворъ ежегодно жилъ іюнь и іюль мѣсяцы въ Сенъ-Клу, прежде чѣмъ отправиться въ Пломбіеръ и Біаррицъ. Удовольствія Парижа не прекращались въ лѣтней резиденціи, но съ меньшимъ этикетомъ. Коронованныя особы, начиная съ королевы Викторіи, посѣтившей во время крымской кампаніи Сенъ-Клу, и кончая императрицей Шарлоттой, уже почти безумной, появлялись довольно часто. Здѣсь же сынъ императорской четы во время гимнастическихъ упражненій подвергся опасности, которая чуть было не окончилась печально для мальчика. Наконецъ наступили послѣдніе дни Сенъ-Клу. Въ іюлѣ 1870 года туда собрались министры для совѣщанія относительно окончательнаго отвѣта въ Берлинъ. Нѣсколько дней спустя, былъ данъ послѣдній праздникъ, въ честь офицеровъ, отправлявшихся въ армію. За дессертомъ Наполеонъ III велѣлъ играть марсельезу, запрещенную со времени государственнаго переворота, а 28-го іюля онъ и его сынъ удалились на войну. Имперіи произнесенъ былъ смертный приговоръ, а съ нею окончилъ свое существованіе Сенъ-Клу. По народному сказанію, Сенъ-Клу былъ сожженъ пруссаками, но, по всей вѣроятности, онъ сгорѣлъ 16-го октября отъ шальной французской гранаты. Нѣмцы виновны лишь въ томъ, что выгнали служащихъ, близко знающихъ, какъ обращаться съ пожаромъ. Рѣшивъ, что зло непоправимо, они дали волю огню. Ихъ обвиняютъ въ систематическомъ уничтоженіи отдѣльныхъ домовъ въ селеніи Сенъ-Клу, начавшемся съ битвы при Бюзенвалѣ и длившемся до перемирія. Двадцать лѣтъ развалины Сенъ-Клу стояли нетронутыми и посѣщались иностранцами. Императрица Фредерика два раза пріѣзжала съ нѣмецкимъ посланникомъ на развалины дворца. Но французскіе патріоты были такъ возбуждены, что въ послѣднее посѣщеніе 1891 года ей пришлось какъ можно скорѣе уѣхать изъ Парижа, и даже дипломатическія

отношенія между двумя государствами едва не порвались. Въ настоящее время остававшіяся доселѣ развалины Сенъ-Клу совершенно уничтожены, и планъ помѣстить тамъ политехническую школу не удался. Такимъ образомъ сохранился одинъ слѣдъ Сенъ-Клу—въ его паркѣ.

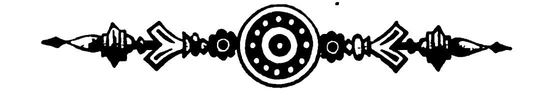
— Два памятника. На-дняхъ въ Парижѣ открыли два памятника, совершенно различнаго значенія. Одинъ изъ нихъ воздвигнутъ въ честь всесвѣтнаго генія Гейне, а другой увѣковѣчиваетъ память французскаго патріота и героя второй республики—Бодена. Около пятидесяти лѣтъ прошло со времени смерти поэта, и ровно пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ умеръ славной смертью герой демократіи. Объ этихъ обоихъ знаменитыхъ людяхъ вспомнили въ одно время, хотя исторія ихъ памятниковъ различна. Уже давно собираются отдать должную память автору «Романцеро» и никакъ не могутъ столковаться; послѣ его смерти попрежнему враждуютъ его непріятели—нѣмцы, преимущественно пруссаки. До сихъ поръ они не могутъ простить великому поэту его непримиримость относительно нѣмцевъ, которыхъ онъ безпощадно клеймилъ въ своихъ остроумныхъ сатирическихъ произведеніяхъ. Поэтому, несмотря на многочисленные проекты памятника своему великому соотечественнику, Германія еще не воздвила статую, достойную его памяти. Странно сказать, что единственный памятникъ Гейне, существующій до сихъ поръ, поставленъ императрицей австрійской Елизаветой въ ея виллѣ въ Корфу. Теперь тотъ же скульпторъ, которому принадлежитъ это изваяніе, датчанинъ Гассельрюсъ, взялся, по инціативѣ нѣсколькихъ австрійцевъ, за новый памятникъ въ Парижѣ. Онъ очень скромный и состоитъ изъ бюста Гейне и надгробнаго камня надъ его могилой на Монмартрскомъ кладбищѣ. На камнѣ имѣются двѣ надписи: въ одной изъ нихъ сказано: «Генриху Гейне либеральная Вѣна», а въ другой начертано его стихотвореніе: «Гдѣ застанетъ меня день успокоенія, послѣдній день усталаго путника? Подъ пальмами юга? подъ липами Рейна? похоронитъ ли меня чуждая рука среди степи? или я буду покоиться въ прибрежномъ пескѣ? Какое мнѣ до этого дѣло! Всюду меня будетъ окружать небо Божіе и, какъ надгробные свѣточи, будутъ надъ моей головой блестѣть среди ночи лучезарныя звѣзды». Такъ же скромно, какъ и его памятникъ, было и его открытіе. На немъ присутствовало около трехсотъ нѣмцевъ, преимущественно австрійцевъ, двадцать французовъ и пятнадцать молодыхъ почитательницъ Гейне. Среди нихъ было мало извѣстныхъ людей; только три французскихъ литератора—Филиберъ Одебранъ, лично знавшій Гейне, Гастонъ Дешанъ и Жозефъ Рейнакъ. Нѣмцы: скульпторъ Каучъ, писатель Максъ Нордау, итальянецъ Гульельминетти съ женою, графиня Фризе-Гейне, племянница поэта. Предсѣдатель комитета, соорудившаго памятникъ, произнесъ нѣсколько словъ для открытія церемоніи, затѣмъ Константинъ Носке и Максъ Нордау сказали рѣчи по-нѣмецки, а Гастонъ Дешанъ по-французски. Наконецъ нѣмецкое общество пѣнія пропѣло два стихотворенія великаго поэта, а затѣмъ все было кончено. Генрихъ Гейне попрежнему покоится въ уголкѣ Монмартрскаго кладбища, и только надъ его могилой виднѣется не цвѣты, приносимые его поклонниками, а роскошный памятникъ.

Другой памятникъ воздвигнутъ Альфонсу Бодену въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ на углу улицъ Ледра Ролленъ и Траверсьеръ, недалеко отъ того мѣста, гдѣ онъ упалъ мертвымъ третьяго декабря 1851 года на баррикадѣ, смертельно раненый войсками Наполеона III, на другой день послѣ злополучнаго государственнаго переворота. Всѣмъ извѣстно, что скромный, честный, благородный и патріотичный депутатъ Боденъ принималъ участіе въ постройкѣ баррикады, возбуждая рабочихъ къ возстанію. Неожиданно одна женщина воскликнула: «Не думайте, чтобы наши мужья стали подставлять свой лобъ за то, чтобы вы заработали болтовней двадцать пять франковъ въ день». «Погодите,--отвѣчалъ спокойно Боденъ,--вы увидите, какъ мы умѣемъ умирать за двадцать пять франковъ въ день». Чрезъ нѣсколько минутъ баррикада была готова, и Боденъ взошелъ на нее. Декабрьская пуля пронзила его въ самое сердце, и онъ упалъ мертвымъ. Говорятъ, что предъ смертью онъ обратился къ солдатамъ, уговаривая ихъ разойтись, и воскликнулъ: «Мы стоимъ за право!» Отвѣтомъ на эти слова была пуля капрала Брилья, положившая его на мѣстѣ. Разсказываютъ еще, что умирая Боденъ держалъ въ рукахъ книгу законовъ. Наконецъ съ другой стороны защитники декабрьскаго переворота увѣряютъ, что первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ защитниками свободы, и что пуля, убившая Бодена, перелѣзшаго чрезъ баррикаду и направившагося къ солдатамъ, по всей вѣроятности, принадлежала не солдатамъ, а товарищамъ Бодена. Таковъ, по крайней мѣрѣ, разсказъ полковника Блана въ статьѣ доктора Кабанеса въ «Intermediere». Во всякомъ случаѣ парижскіе рабочіе питаютъ культъ къ своему герою и наконецъ собрали необходимую сумму для сооруженія статуи работы Бовро. Она была торжественно открыта въ присутствіи президента Лубэ, въ томъ числѣ Пьера Бодена, племянника героя. Рѣчи въ честь благороднаго патріота произнесли предсѣдатель сената Фальеръ, предсѣдатель палаты депутатовъ, Поль Дешанель, и первый министръ, Вальдекъ-Руссо. Вообще торжество имѣло двойную сторону: съ одной стороны офиціальную, а съ другой, чисто народную, такъ какъ все населеніе Сентъ-Антуанскаго предмѣстья и другихъ отдаленныхъ кварталовъ Парижа принимало живое участіе въ этомъ торжествѣ.

— Смерть Крауса. Францъ Краусъ—знаменитый, либеральный католикъ-богословъ, археологъ, церковный историкъ и художественный критикъ, умеръ въ Санъ-Ремо 30 декабря прошлаго года. Этотъ знающій и ученый человѣкъ представлялъ литературнаго посредника между Германіей и Италіей, его не только уважали, какъ одного изъ лучшихъ германскихъ стилистовъ, но какъ изслѣдователя Данте и какъ замѣчательнаго авторитета по многимъ вопросамъ, начиная отъ первобытнаго христіанскаго искусства до исторіи итальянской революціи. Онъ родился въ Трирѣ и воспитывался въ университетахъ Фрейбурга и Бонна, а впослѣдствіи учился въ Парижѣ. Въ 1864 году онъ сдѣлался патеромъ и находился до 1868 года священникомъ въ приходѣ Фальцфель, близъ своего родного города. Его археологическія сочиненія доставили ему каѳедру профессора христіанской археологіи въ Страсбургскомъ университетѣ. Черезъ четыре года онъ перешелъ въ Фрейбургскій университетъ на каѳедру церковной исторіи и тамъ оставался до своей смерти. Его знанія были такъ разнообразны, что онъ былъ въ одно и то же время докто-

ромъ богословія, философіи и юридическихъ наукъ. Въ продолженіе долгаго времени профессоръ Краусъ помѣщалъ извѣстныя «Церковно-политическія письма», въ литературномъ прибавленіи Мюнхенскаго «Allgemeine Zeitung», подъ псевдонимами «Spectator», «Gerontius», «Xenos». Послѣднее изъ этихъ писемъ напечатано 2-го января нынѣшняго года послѣ его смерти и отличается обычнымъ знаніемъ и талантомъ, а по содержанію это окончаніе біографіи Пилигримо Росси, министра Пія IX. Самыя замѣчательныя изъ его многочисленныхъ сочиненій - «Roma Sotteranea» и «Real», «Encyklopädie der Cristlichen Altertümer».

— Западные ученые о русскомъ византиновѣдѣніи. Успѣхи, сдѣланные за послѣдніе годы византиновѣдѣніемъ въ Россіи, не остались не замѣченными въ Западной Европѣ. Не говоря уже о Германіи, гдѣ въ такомъ спеціальномъ изданіи, какъ Byzantinische Zeitschrift, мы постоянно встрѣчаемъ подробные отчеты о русскихъ работахъ по византиновѣдѣнію и родственнымъ ему областямъ,—слѣдуетъ упомянуть о странахъ, въ которыхъ русскія работы являются менѣе доступными для мѣстныхъ ученыхъ. Такъ, прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, со словъ «Византійскаго Временника», недавно основанный французскій ученый органъ Echos d'Orient, гдѣ мы встрѣчаемъ статьи итальянскаго византиниста Aurelio Palmieri (L'oeuvre de Kunik et les études byzantines en Russie; Photius et ses apologistes russes), француза L. Petit (Dècouverte archèologique de M. Ouspensky) и др. Далѣе отмѣтимъ работы уже упомянутаго Palmieri: Gli studi bizantini in Russia (византійскіе этюды въ Россіи)—рядъ статей, посвященныхъ исторіи византиновѣдѣнія въ Россіи, въ журналѣ Bessarione (за 1900 г.), и La Russie et les études byzantines à Constantinople (отдѣльный оттискъ изъ константинопольской газеты «Stamboul» за 1900 г.), въ которой говорится о Византіи и Россіи, о дѣятельности русскаго археологическаго института въ Константинополѣ и о его директорѣ, академикѣ Ѳ. И. Успенскомъ. Наконецъ, какъ мы узнаемъ изъ «Византійскаго Временника», профессоръ Упсальскаго университета Lundström, «единственный ученый въ Швеціи, который удѣляетъ свое вниманіе византійской филологіи», въ своей работѣ «En ung vetenskap», посвященной очерку исторіи византиновѣдѣнія въ Европѣ, отвелъ нѣсколько страницъ русскимъ византинистамъ (Куникъ, Васильевскій), журналу «Византійскій Временникъ» и русскому археологическому институту въ Константинополѣ.

СМѢСЬ.

Торжественное засѣданіе академіи наукъ. Императорская академія наукъ ежегодно празднуетъ 29-го декабря свою годовщину торжественнымъ собраніемъ. Нынѣ этотъ праздникъ совпалъ съ XI съѣздомъ естествоиспытателей и врачей, которые и были приглашены на засѣданіе. Въ виду ожидавшагося наплыва публики торжество было перенесено въ большой залъ консерваторіи. Но ожиданіе оправдалось не вполнѣ: въ университетѣ шли очередныя засѣданія, и залъ консерваторіи былъ далеко не полонъ. Эстрада была декорирована тропической зеленью. Торжественное собраніе было открыто августѣйшимъ президентомъ академіи, его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ Константиномъ Константиновичемъ, занявшимъ предсѣдательское мѣсто. Рядомъ съ президентомъ помѣстились: вице-президентъ академіи П. В. Никитинъ и непремѣнный секретарь Н. Ѳ. Дубровинъ. Въ числѣ почетныхъ гостей были: министръ народнаго просвѣщенія, генералъ-адъютантъ генералъ-отъ-инфантеріи П. С. Ванновскій, товарищъ его Г. Э. Зенгеръ, предсѣдатель императорскаго техническаго общества генералъ Н. П. Петровъ, академики, профессора университета и много другихъ лицъ. Непремѣнный секретарь генералъ Н. Ѳ. Дубровинъ прочелъ отчетъ за 1901 годъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ. Въ прошлой жизни академіи едва ли найдется болѣе грустный годъ, чѣмъ настоящій. Академія лишилась четырехъ выдающихся своихъ дѣйствительныхъ членовъ, 4 почетныхъ и 9 членовъ-корреспондентовъ: М. И. Сухомлинова, И. Н. Жданова, К. С. Веселовскаго, А. О. Ковалевскаго, М. А. Веневитинова, Шарля Эрмита, Д. Ѳ. Бѣляева, И. П. де-Колонга, Христіана Люткена, М. Рауля, Альфонса Мильнъ-Эдвардса, профессора Г. Линдстрема, Генриха де-Лакасъ-Дютье, Альфонса Э. Норденшильда, профессора А. Вебера и Э. Бретшнейдера. Ученыя предпріятія академіи выразились въ слѣдующемъ. Въ виду отсутствія всесторонняго и въ то же время общедоступнаго описанія растительнаго міра обширныхъ владѣній Россійской имперіи, Его Императорское Величество, по ходатайству главноуправляющаго

Собственною Его Императорскаго Величества канцеляріею гофмейстера А. С. Танѣева, признавъ полезнымъ пополненіе этого пробѣла въ отечественной наукѣ, въ мартѣ минувшаго 1900 года Всемилостивѣйше соизволилъ на порученіе покойному академику С. И. Коржинскому составленія труда о флорѣ Россіи и на ассигнованіе изъ собственныхъ суммъ Его Величества потребныхъ для обработки и изданія флоры Сибири, какъ перваго отдѣла флоры Россійской имперіи,—21.000 рублей, съ распредѣленіемъ этихъ денегъ на четыре года. За кончиною академика С. И. Коржинскаго, собравшаго обширные для этого труда матеріалы, Государю Императору угодно было возложить составленіе флоры Россіи на академію наукъ съ тѣмъ, чтобы общее наблюденіе за составленіемъ и изданіемъ этого труда было предоставлено гофмейстеру А. С. Танѣеву. Находящіеся въ распоряженіи академіи капиталы для раздачи премій въ настоящемъ году увеличились еще однимъ. Академикъ Ѳ. А. Бредихинъ внесъ въ государственный банкъ капиталъ въ шесть тысячъ двадцать рублей (6.020 рублей) на учрежденіе изъ процентовъ съ него преміи имени его супруги Анны Бредихиной за лучшіе труды по строгому механическому изслѣдованію развитія кометныхъ формъ. Въ числѣ ученыхъ предпріятій академіи должно отмѣтить предпринимаемое ею изданіе такъ называемыхъ «Грамотъ бывшей коллегіи экономіи», нынѣ хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Въ истекающемъ году академія попрежнему принимала участіе въ изданіи «Международной библіографіи». Рядомъ съ этою работою конференція, разсмотрѣвъ записку Русскаго общества дѣятелей печатнаго дѣла, постановила образовать особую комиссію для разработки мѣръ къ регистраціи произведеній печати и правильной доставкѣ ихъ въ библіотеки. Въ качествѣ члена международной ассоціаціи академій императорская академія наукъ принимала активное участіе въ разрѣшеніи многихъ научныхъ вопросовъ. Экспедиція по градусному измѣренію Шпицбергена окончена и дала блестящіе результуты. Русской полярной экспедиціи для изслѣдованія Земли Санникова и другихъ острововъ, расположенныхъ къ сѣверу отъ Ново-Сибирскаго архипелага, удалось благополучно миновать мысъ Челюскинъ и дойти до района, въ изслѣдованіи котораго заключается главная цѣль экспедиціи. Вспомогательныя учрежденія академіи работали такъ же, какъ и въ прошлые годы. Азіатскій музей пополнялся покупками и пожертвованіями. Пріобрѣтено 25 томовъ мусульманскихъ рукописей Востока. Коллекціи музея по антропологіи и этнографіи увеличились между прочимъ Всемилостивѣйшимъ пожалованіемъ Государемъ Императоромъ музею коллекціи рѣдкихъ янтарей, поднесенныхъ Его Величеству проживающимъ въ Кенигсбергѣ профессоромъ Рихардомъ Клебсомъ. Былъ прочитанъ отчетъ по присужденію преміи имени Д. К. Ушинскаго. Она присуждена Виктору Анри за его сочиненіе: «Современное состояніе экспериментальной педагогики, ея методы и задачи». Премія выдана въ половинномъ размѣрѣ—400 рублей. Отчетъ о занятіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности былъ прочитанъ академикомъ А. И. Соболевскимъ. Только что основанный разрядъ изящной словесности въ концѣ прошлаго года и въ настоящемъ году, въ первомъ году своего существованія, находился еще въ періодѣ организаціи. Изъ совмѣстныхъ засѣданій разряда и отдѣленія два

были публичныя: одно, посвященное памяти М. П. Погодина, съ чтеніями почетнаго академика А. А. Потѣхина, академиковъ: В. И. Ламанскаго, Н. П. Кондакова, А. С. Лаппо-Данилевскаго; другое для чествованія А. А. Потѣхина, по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія его литературной дѣятельности, съ чтеніемъ почетнаго академика П. Д. Боборыкина. Два закрытыхъ засѣданія были собраны для присужденія премій имени А. С. Пушкина. Работы по изданію сочиненій новыхъ русскихъ авторовъ въ этомъ году дѣятельно продолжались. Научныя работы академиковъ продолжались попрежнему. Академикъ Ѳ. Н. Чернышевъ прочелъ обстоятельно составленную и вызвавшую всеобщій интересъ рѣчь объ экспедиціи по градусному измѣренію на островахъ Шпицбергена. Почтенный ученый закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Организовавъ экспедицію 1899—1901 года, Россія внесла крупную лепту въ общую сокровищницу полярныхъ изслѣдованій и восполнила значительный пробѣлъ въ познаніи этихъ острововъ, а тотъ смѣльчакъ, который дойдетъ до русскаго флага, развѣвающагося на одной изъ высшихъ точекъ внутри Шпицбергена, лучше всего оцѣнитъ трудности, которыя преодолѣла русская экспедиція, чтобы оправдать довѣріе императорской академіи наукъ и ея августѣйшаго президента». Въ заключеніе были провозглашены имена лицъ, избранныхъ академіей. Званіе почетныхъ членовъ удостоили принять: король Италіи Викторъ-Эммануилъ и кронъ-принцъ шведскій Густавъ. Въ почетные члены избраны: Зиновьевъ, И. А.— императорскій посолъ въ Константинополѣ, Зюссъ, Эд.—президентъ императорско-королевской академіи наукъ въ Вѣнѣ, и профессоръ Берлинскаго университета Шмоллеръ; въ члены-корреспонденты: В. Хёггинсъ въ Лондонѣ, заслуженный профессоръ А. А. Иностранцевъ, Э. В. Штеллингъ, В. Рамзай—профессоръ химіи въ Лондонскомъ университетѣ, А. Г. Натгорстъ—членъ шведской академіи наукъ; Павловъ, И. П.—профессоръ императорской военно-медицинской академіи, Навашинъ, С. Г.—профессоръ императорскаго университета св. Владиміра, Делажъ, Ивъ—профессоръ въ Сорбоннѣ, въ Парижѣ, Жіаръ, Альфредъ—членъ французской академіи въ Парижѣ, Карскій, Е. Р.—профессоръ императорскаго Варшавскаго университета, Лихачевъ, Н. П.—докторъ русской исторіи, Милетичъ, Любоміръ—ректоръ и профессоръ Высшей школы въ Софіи. Поливка, Ю. И.—профессоръ Пражскаго университета. Антоновичъ. В. Б.—заслуженный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра. Высочайше учрежденная при императорской академіи наукъ постоянная комиссія для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ въ отчетномъ 1901 году располагала приблизительно тѣми же средствами, какъ и въ предшествовавшіе годы. Комиссія, всегда признававшая одною изъ главныхъ своихъ обязанностей доставленіе нуждающимся писателямъ средствъ для воспитанія и обученія ихъ дѣтей, считаетъ пріятнымъ долгомъ заявить, что въ истекающемъ году А. М. Лохвицкая-Скалонъ предоставила одну ученическую вакансію во ввѣренной ей гимназіи въ распоряженіе комиссіи для замѣщенія этой вакансіи дочерью нуждающагося писателя по выбору и представленію комиссіи. Въ теченіе отчетнаго года комиссія имѣла 23 совѣщанія. Въ нихъ разсмотрѣно 515 ходатайствъ, изъ коихъ удовлетворено 356 и отклонено 155 по отсутствію уважительныхъ

для ихъ удовлетворенія причинъ. Въ отчетномъ году изъ капитала имени Императора Николая II израсходовано 49.773 руб. 59 коп. слѣдующимъ образомъ: а) единовременныхъ пособій выдано 259 лицамъ на сумму 12.706 руб. 92 коп.; б) выдано пособій, разсроченныхъ по мѣсяцамъ, 90 лицамъ на сумму 17.761 р. в) пенсій имени Императора Николая II, выдано 57 лицамъ на сумму 19.605 руб. 67 коп. Ко дню составленія настоящаго отчета въ капиталѣ имени Императора Николая II находится на храненіи въ главномъ казначействѣ остатокъ въ 715 рублей.

Публичное засѣданіе академіи наукъ. Въ большомъ конференцъ-залѣ императорской академіи наукъ въ 2 часа дня, въ воскресенье. 9-го декабря, состоялось засѣданіе. посвященное чествованію А. А. Потѣхина по поводу 50-лѣтія его литературной дѣятельности. Залъ былъ полонъ. Въ средѣ публики было нѣсколько писателей и много дамъ. Здѣсь были: почетные академики сенаторъ А. Ѳ. Кони и В. Г. Короленко; въ числѣ почетныхъ гостей присутствовалъ министръ народнаго просвѣщенія, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи, П. С. Ванновскій. За почетнымъ столомъ заняли мѣста вице-президентъ академіи П. В. Никитинъ, академикъ предсѣдатель словеснаго отдѣленія А. Н. Веселовскій и юбиляръ А. А. Потѣхинъ. Появленіе послѣдняго было встрѣчено всеобщими сочувственными аплодисментами. Академикъ А. Н. Веселовскій сказалъ краткую вступительную рѣчь и затѣмъ на каѳедру взошелъ почетный академикъ П. Д. Боборыкинъ и началъ свою рѣчь указаніемъ на то, что у насъ до сихъ поръ не было принято чествовать живыхъ писателей публичными засѣданіями. Въ Западной Европѣ такія публичныя чествованія давно уже вошли въ обычай и служатъ отголоскомъ общественнаго мнѣнія. У насъ и критика не всегда является своевременной цѣнительницей и нерѣдко замалчиваетъ несимпатичныя ей произведенія. Кромѣ того, и долгій срокъ писательской дѣятельности обусловливаетъ и неоднородные по времени и взглядамъ кружки читателей. Вспомнимъ Достоевскаго: онъ достигъ апогея своей славы лишь незадолго до своей смерти, и весь почетъ со стороны публики выразился главнымъ образомъ на его торжественныхъ похоронахъ. Вотъ почему въ настоящее время публичныя чествованія такихъ корифеевъ. которые проработали неустанно въ литературѣ 50 лѣтъ. являются наиболѣе умѣстными. А. А. Потѣхинъ выступилъ на литературное поприще въ десятилѣтіе, прославившееся, какъ моментъ оживленія мысли. Онъ былъ пятидесятникомъ. Правда, это до сихъ поръ незаконный терминъ. Есть люди сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ, и десятилѣтія тридцатое и пятидесятое почему-то пропущены. Но на законности ихъ существованія настаивать необходимо, такъ эти два позабытыя десятилѣтія подготовляли людей 40-хъ и 60-хъ годовъ. Въ 30-хъ годахъ жили и работали поборники философіи, европейской поэзіи, культурно-историческаго развитія, критики и общественной мысли. То же было и въ 50-хъ годахъ (Островскій, Салтыковъ, Писемскій, Авдѣевъ, Аполлонъ Григорьевъ и А. А. Потѣхинъ). Юбиляръ началъ свою дѣятельность среди кружка молодой редакціи «Москвитянина». Онъ получилъ художественно-литературное воспитаніе и принялъ и проводилъ въ литературу обновленные завѣты Пушкина, являясь неутомимымъ изслѣдователемъ народнаго быта и народной

жизни. А. А. Потѣхинъ выступилъ впервые, какъ драматургъ, и вынесъ на свѣтъ Божій чисто народныя темы. Нужно замѣтить, что такое теченіе обнаружилось въ это же почти время и въ Европѣ: во Франціи, Германіи и Австріи. Это направленіе А. А. Потѣхина составляетъ первую и наиболѣе юную половину его драматическаго творчества. Скоро настала эпоха реформъ, выразившаяся въ пробужденіи общественной мысли и упованій, и она нашла въ А. А. Потѣхинѣ драматурга, откликнувшагося горячо на ея теченіе и вѣяніе. Слѣдующія его драматическія произведенія были основаны на темахъ, взятыхъ изъ общественной жизни. Эти темы были навѣяны запросами самой жизни, но драмы ставились тогда на сцену съ большимъ трудомъ. Автору приходилось выносить страшную борьбу съ господствовавшими въ тѣ времена порядками. Его драмы либо вовсе не попадали на сцену, либо попадали, но снимались. Это было какое-то запретительное время, а между тѣмъ такая драма, какъ «Отрѣзанный ломоть», считавшаяся неудобной и состоявшая подъ запретомъ, нынѣ вызываетъ въ зрителѣ только добродушную улыбку. Съ тѣхъ поръ прошло много времени, но авторъ остался вѣренъ, какъ драматургъ, прежнимъ завѣтамъ: онъ остался вѣренъ постоянному исканію реальной правды. А. А. Потѣхинъ, уставъ бороться съ тяжелыми порядками прежняго театра, выступилъ, какъ романистъ. Въ своихъ лучшихъ произведеніяхъ этого рода онъ выступаетъ, какъ реалистъ. Въ своихъ произведеніяхъ онъ не уменьшаетъ и не преувеличиваетъ ничего. Онъ вѣренъ одной правдѣ. Его герои типичны. Онъ живо описываетъ захудалое дворянство, которое въ наши дни осталось живо такъ же, какъ и прежде, но только измѣнило свою форму, выродившись въ умственный пролетаріатъ. Авторъ выступилъ, какъ бытописатель, какъ убѣжденный реалистъ и какъ человѣкъ, хлопочущій только о томъ, чтобы герои его были типичны. Въ своихъ повѣствовательныхъ произведеніяхъ онъ сохранилъ самую любовную связь съ крестьянскимъ бытомъ и самое теплое отношеніе къ народу вообще. Въ нашей беллетристикѣ за послѣднюю четверть XIX столѣтія въ лицѣ «народничества» явилось особое отношеніе къ изображенію народно-сельской жизни. Оно носило особый оттѣнокъ въ формѣ протеста. Гл. Успенскій, Златовратскій, Писемскій, графъ Л. Толстой и Чеховъ тоже изображали и изображаютъ народную среду, но у нихъ, если откинуть всю поэтическую сторону, останутся лишь безотрадные типы крестьянства, особенно въ «Мужикахъ» Чехова. Послѣдняя вещь захватила читающую публику своимъ пессимизмомъ и односторонностью. Чеховъ обобщилъ и сгустилъ краски, но онъ не долженъ былъ переносить ихъ на русскій народъ въ его цѣломъ. А. А. Потѣхинъ никогда въ своихъ произведеніяхъ не открывалъ въ народѣ его неизлѣчимыхъ болячекъ и не писалъ объ озвѣреніи и вырожденіи крестьянина. Онъ всегда сочувственно относился и къ народнымъ устоямъ, вѣрилъ и вѣритъ въ народъ, въ его самобытность и въ то, что онъ исторически выработалъ и свой бытъ, и виды существованія, и управленіе. Автору нельзя ставить въ упрекъ того, что онъ не писалъ о народной нуждѣ. Въ своихъ романахъ онъ относился къ крестьянину съ художественной чуткостью и сохранилъ спокойное, здоровое отношеніе къ народу. Его повѣствовательныя произведенія не утратили своего значенія и теперь. Не менѣе крупныя заслуги

А. А. Потѣхинъ оказалъ обществу, и какъ человѣкъ дѣла въ области сценическаго искусства. Онъ былъ крупнымъ дѣятелемъ въ театральной реформѣ восьмидесятыхъ годовъ. Онъ изгналъ изъ театра рутину и чиновничество, выдвинувъ на первое мѣсто значеніе и трудъ интеллигентныхъ людей. Онъ выступилъ поборникомъ свободныхъ, частныхъ театровъ и содѣйствовалъ закрѣпленію новаго режима. Онъ вдохнулъ новый духъ и въ репертуаръ и въ сценическихъ дѣятелей, и благодаря ему, въ театральной сферѣ повѣяло тепломъ и жизнью. Ему обязана театральная реформа уничтоженіемъ исключительныхъ привилегій казеннаго театра. Авторы пьесъ ему же обязаны поднятіемъ авторскаго гонорара. Благодаря ему, театры обновились. Рѣчь П. Д. Боборыкина была покрыта аплодисментами. По окончаніи ея А. А. Потѣхинъ сказалъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ, и затѣмъ послѣдовала со стороны публики сочувственная овація юбиляру.

Чествованіе В. О. Ключевскаго. Послѣ описанныхъ уже въ «Историческомъ Вѣстникѣ» чествованій юбилея В. О. Ключевскаго, въ Москвѣ, 23-го декабря происходило чествованіе юбиляра представителями другихъ учрежденій, въ дѣятельности которыхъ онъ принималъ участіе, и его почитателями. Во второмъ часу дня въ квартирѣ юбиляра собрались депутаціи отъ Александровскаго военнаго училища, отъ археологическаго, психологическаго и педагогическаго обществъ, отъ высшихъ женскихъ курсовъ, отъ журнала «Русская Мысль» и отъ женщинъ-почитательницъ. Первый привѣтственный адресъ прочиталъ полковникъ Н. И. Сперанскій отъ Александровскаго училища слѣдующаго содержанія: «Глубокоуважаемый Василій Осиповичъ! Сердечно привѣтствуя васъ въ знаменательную тридцатую годовщину вашей высоко плодотворной ученой и учебной дѣятельности на пользу родины, Александровское военное училище съ гордостью вспоминаетъ, что за этотъ продолжительный періодъ вы находили возможнымъ непрерывно въ теченіе 16-ти лѣтъ (1867—1883) удѣлять часть своего драгоцѣннаго труда и времени на чтеніе лекцій въ училищѣ. Но еще бо́льшую гордость испытываемъ мы при мысли о томъ, что вы, незабвенный учитель, впервые приложили обширныя силы своего геніальнаго дарованія въ нашемъ училищѣ. Вашимъ старымъ слушателямъ невыразимо отрадно вспомнить, какъ вмѣстѣ съ молодымъ преподавателемъ они переживали новые пріемы и методы популяризаціи исторической науки и съ захватывающимъ вниманіемъ и истиннымъ наслажденіемъ слушали параллельный курсъ новѣйшей русской и всеобщей исторіи, забывая ученый предразсудокъ, что новѣйшая исторія не можетъ быть предметомъ научнаго изученія. Въ спеціальномъ учебномъ заведеніи, гдѣ бо́льшая часть силъ отдается на изученіе наукъ, имѣющихъ цѣлью подготовить отечеству защитниковъ отечества, впервые въ Россіи излагались событія XIX вѣка до конца царствованія императора Александра II съ такой глубокой основательностью и воспитательнымъ значеніемъ, которыя оказывали неотразимое вліяніе на все міросозерцаніе слушателей. Ваши неподражаемыя лекціи не только давали знаніе, но развивали передъ восхищенными слушателями истинный смыслъ протекшей жизни нашего отечества и вливали живую душу въ наши спеціальныя занятія, получавшія вслѣдствіе этого смыслъ и высшее значеніе. Глубоко благодарное вамъ

училище счастливо тѣмъ, что можетъ присоединиться ко всей читающей и мыслящей Россіи въ выраженіи вамъ, дорогой учитель, своей пламенной признательности за то духовное наслажденіе, которое вы доставляли и,—будемъ надѣяться,—еще много лѣтъ будете доставлять вашею высокоталантливою просвѣтительною дѣятельностью. Да продлитъ Провидѣніе вашу дорогую жизнь на пользу и благо науки и родины!». С. И. Моравскій привѣтствовалъ юбиляра адресомъ отъ отдѣленія преподавателей исторіи Московскаго педагогическаго общества. «Вы воспитали цѣлый рядъ поколѣній учителей исторіи,—говорилось въ этомъ адресѣ,—и эти учителя, разсѣянные по всей Россіи, продолжаютъ въ средней школѣ, по мѣрѣ силъ и способностей своихъ, то дѣло, которому и вы съ такимъ блестящимъ успѣхомъ служите въ университетѣ,—дѣло распространенія научнаго знанія о нашемъ родномъ прошломъ. Ваши лекціи и занятія подъ вашимъ руководствомъ на семинаріяхъ развивали въ нихъ живой интересъ къ русской исторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ привычку критически относиться къ ходячимъ представленіямъ о ней: слушая и читая васъ, они проникались глубокимъ уваженіемъ къ силѣ научнаго изслѣдованія,—съ такимъ талантомъ и искусствомъ производимаго вами надъ матеріаломъ русской исторіи. Но не только научную школу и воспитаніе получили они у васъ: этимъ учителямъ, черезъ руки которыхъ прошла уже не одна сотня тысячъ учениковъ, вы дали своими лекціями неподражаемые образцы педагогической обработки добытаго наукой матеріала. Ваши схемы, поражающія своей стройностью и ясностью, схемы, въ которыя вы съ изумительнымъ искусствомъ умѣете вложить самые сложные и извилистые процессы историческаго развитія; ваши картины прошлаго, величественныя и яркія, набросанныя рукой истиннаго художника, вашъ тонкій психологическій анализъ и блестящія характеристики личностей, выступающихъ на сценѣ русской исторіи; наконецъ, сверкающее остроуміемъ и мѣткими опредѣленіями изложеніе,—все это верхъ педагогическаго мастерства, обаянію котораго невольно поддается всякій, кто васъ слышалъ и даже только читалъ. И это обаяніе остается на всю жизнь и отражается на всемъ преподаваніи многочисленныхъ вашихъ учениковъ—учителей исторіи,—такъ какъ тотъ, кто учился у Ключевскаго, не можетъ уже не учить «по Ключевскому». Такимъ образомъ въ теченіе 30-ти лѣтъ своего профессорства вы больше, чѣмъ кто нибудь способствовали поднятію уровня преподаванія исторіи въ средней школѣ, хотя сами почти и не работали непосредственно на этомъ поприщѣ. Большое вамъ за это спасибо, Василій Осиповичъ, отъ отдѣленія преподавателей исторіи московскаго педагогическаго общества, наполовину, если не больше, состоящаго изъ вашихъ учениковъ». А. Ѳ. Пупышева привѣтствовала В. О. отъ женщинъ-почитательницъ слѣдующимъ адресомъ: «Глубокоуважаемый Василій Осиповичъ. Москва особенно счастлива тѣмъ, что въ теченіе полустолѣтія два профессора Московскаго университета привили русской учащейся женщинѣ любовь къ исторической наукѣ: это—Т. Н. Грановскій и В. О. Ключевскій. Публичныя лекціи Грановскаго увлекали въ обширную область міровой исторіи, ваши же публичныя лекціи, статьи въ журналахъ и изслѣдованія вводили насъ въ глубь пониманія русской жизни. Забывая изобрѣтеніе Іоанна Гутенберга, въ рукописныхъ и литографирован-

ныхъ листахъ мы черпали ваши мысли о прошлой жизни нашего народа, въ то время какъ вы сами извлекали историческій матеріалъ изъ хартій далекаго прошлаго. Ваше могучее слово, заброшенное въ нашу душу, даже при случайныхъ публичныхъ лекціяхъ, будило постоянный интересъ и живую потребность къ изученію родной исторіи. Достигая высокаго творчества въ раскрытіи историческаго процесса и созданіи историческихъ характеристикъ и лицъ, вы, какъ старый книжникъ-чародѣй, дѣлали нашей родной стихіей доселѣ чуждую и мало интересную для насъ область отечественной исторіи. Своими «добрыми людьми» вы возстановили привлекательный образъ русской женщины XVII вѣка, а историческими комментаріями къ «Капитанской дочкѣ» освѣтили лучшія черты русской женщины XVIII вѣка. Необыкновенно пріятно напомнить вамъ, что когда едва пробуждалось сознаніе необходимости высшаго женскаго образованія для русской женщины, вы стояли впереди немногихъ представителей русской науки и мысли и поборникомъ этого дорогого для насъ принципа. Мы въ правѣ выразить вамъ самое задушевное и искреннее пожеланіе еще долго будить общественную мысль и служить великому дѣлу развитія нашего самосознанія». Ю. В. Готье сказалъ привѣтствіе отъ императорскаго московскаго археологическаго общества и отъ предсѣдателя общества графини П. С. Уваровой. Отъ московскаго психологическаго общества привѣтствовалъ В. О. предсѣдатель, проф. Л. М. Лопатинъ, высказавшій, что въ историческихъ статьяхъ, монографіяхъ и высоко-художественныхъ лекціяхъ юбиляра прежде всего поражаетъ оригинальностью, тонкостью и глубиною его психологическій анализъ. При объясненіи отдѣльныхъ историческихъ явленій, онъ не только останавливается на общей ихъ характеристикѣ, но выдвигаетъ психическую сторону дѣятелей, человѣческія страсти, вѣрованія,—то, что̀ составляетъ достоинство людей и что́ является выраженіемъ ихъ слабости,— опредѣляя такимъ образомъ значеніе и цѣну человѣка въ исторіи. Поэтому психологическое общество привѣтствуетъ юбиляра, какъ одного изъ самыхъ глубокихъ, тонкихъ и оригинальныхъ психологовъ въ Россіи. Товарищъ предсѣдателя психологическаго общества, князь С. Н. Трубецкой, привѣтствовалъ В. О. отъ журнала «Вопросы Психологіи и Философіи», не только какъ сотрудника, но и какъ мыслителя, раскрывавшаго въ своихъ лекціяхъ и статьяхъ смыслъ историческаго процесса, который онъ объяснялъ, и какъ историкъ, и какъ психологъ, и былъ «для насъ учителемъ, какъ исторіи, такъ и психологіи». Отъ бывшихъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ В. О. привѣтствовала О. А. Гракова, отмѣтившая, что знакомство съ курсами В. О. вносило богатый вкладъ въ міросозерцаніе его слушательницъ, которыя гордились и гордятся тѣмъ, что были его ученицами, и отъ всей души желаютъ, чтобы русская женщина долго могла учиться у него и слушать его. Отъ преподавателей высшихъ женскихъ курсовъ проф. В. И. Герье прочиталъ адресъ слѣдующаго содержанія: «Тридцать лѣтъ тому назадъ, когда подготовлялось учрежденіе высшихъ женскихъ курсовъ, перваго разсадника для научнаго образованія русскихъ женщинъ съ систематическимъ планомъ и опредѣленной программой, вы охотно дали свое согласіе вступить въ число преподавателей открываемыхъ курсовъ. Будущее ихъ было темно, и нельзя было предвидѣть, какъ отнесется

русская женщина къ задуманному нами дѣлу, но вы вѣрили въ серьезность стремленія русской женщины къ наукѣ, и въ теченіе 16-ти лѣтъ оставались неизмѣнно вѣрнымъ высшимъ женскимъ курсамъ до самаго ихъ прекращенія; вы ихъ не оставили и тогда, когда Московскій университетъ избралъ васъ профессоромъ, и когда ваши преподавательскія занятія и заботы утроились. Ваши лекціи на курсахъ привлекали многочисленныхъ слушательницъ, и вы много содѣйствовали успѣху женскихъ курсовъ среди русскаго общества и сознанію въ немъ необходимости такого высшаго научно-образовательнаго учрежденія. Вспоминая теперь о нашей многолѣтней совмѣстной дѣятельности, мы просимъ васъ принять нашъ привѣтъ и наши пожеланія, чтобы вы и впредь съ такимъ же сочувствіемъ относились къ все возрастающей потребности русской женщины въ научномъ образованіи». В. А. Гольцевъ сказалъ привѣтствіе отъ редакціи журнала «Русская Мысль», первая книга котораго въ первый годъ изданія была украшена статьей В. О., помѣстившаго затѣмъ въ журналѣ цѣлый рядъ своихъ художественныхъ историческихъ очерковъ и характеристикъ. На каждое привѣтствіе юбиляръ, принося благодарность за оказанное ему вниманіе, отвѣчалъ краткой рѣчью, въ которой, вспоминая о своей дѣятельности въ томъ или другомъ учрежденіи, находилъ ее крайне скромной, а результаты ея незначительными или даже ничтожными. Между прочимъ на адресъ женщинъ-почитательницъ В. О. отвѣтилъ: «Я привыкъ думать, что русской женщинѣ доступны всѣ области знанія, что нѣтъ умственной высоты,—о нравственной ея доблести и говорить нечего, такъ какъ она всѣми признается,—когда либо достигнутой мужчинами, до которой не могла бы подняться женщина. Если бы кто отнялъ у меня это убѣжденіе, оно превратилось бы въ вѣрованіе». На адресъ отъ преподавателей высшихъ женскихъ курсовъ юбиляръ отвѣтилъ В. И. Герье: «Вспоминая о преподавателяхъ на курсахъ, моихъ бывшихъ товарищахъ, мысль моя невольно останавливается на васъ. Я высказалъ удивленіе предъ той вѣрой, съ которой принялись вы за это трудное и неиспытанное еще дѣло — руководство высшимъ женскимъ образованіемъ. Теперь на новыхъ женскихъ курсахъ, учрежденныхъ вами послѣ упраздненія прежнихъ, вы встрѣчаете дочерей прежнихъ вашихъ слушательницъ. На вашихъ глазахъ произошла смѣна поколѣній, измѣнилось многое въ жизни, поколебались общественныя вѣрованія и надежды, только вы остались неизмѣнны. Вы сохранили прежнюю твердую вѣру въ успѣхъ женскаго образованія, и я убѣжденъ, что съ этой вѣрой вы не разстанетесь, и не ослабѣетъ ваша энергія въ веденіи вашего излюбленнаго дѣла. Желаю вамъ полнаго успѣха въ руководствѣ новыми женскими курсами». В. И. Герье выразилъ надежду, что юбиляръ вновь будетъ преподавателемъ на высшихъ женскихъ курсахъ. По окончаніи привѣтствій В. О. Ключевскій еще разъ благодарилъ поздравляющихъ его лицъ за то, что они доставили ему удовольствіе подумать и убѣдиться, что за свои 30 лѣтъ преподавательской работы онъ, должно быть, сдѣлалъ кое-что небезполезное. Вечеромъ, послѣ засѣданія психологическаго общества, группа членовъ общества, во главѣ съ предсѣдателемъ и товарищемъ предсѣдателя, нѣкоторые изъ профессоровъ университета и бывшіе ученики юбиляра дали въ честь его ужинъ въ ресторанѣ Тѣстова.

Диспутъ В. М. Грибовскаго. 16-го декабря, въ актовомъ залѣ университета состоялась защита диссертаціи—«Высшій судъ и надзоръ въ Россіи въ первую половину царствованія императрицы Екатерины Второй», приватъ-доцентомъ, магистромъ В. М. Грибовскимъ, на степень доктора государственнаго права. В. М. Грибовскій родился въ 1868 году, окончилъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ въ 1891 году и былъ командированъ за границу, въ 1897 году защитилъ магистерскую диссертацію: «Народъ и власть въ Византійскомъ государствѣ». Кромѣ этого труда, имъ напечатанъ рядъ очерковъ, какъ историческихъ, такъ и безысторическаго содержанія. Въ вступительной рѣчи къ настоящей диссертаціи В. М. Грибовскій указалъ на то, что установленіе высшаго суда, т.-е. сената, въ Россіи есть интереснѣйшій моментъ русскаго права, а между тѣмъ, къ сожалѣнію, исторія сената восемнадцатаго столѣтія до сихъ поръ еще не разработана въ большей своей части, а екатерининская его эпоха почти не тронута изслѣдователями, между тѣмъ екатерининская эпоха является переломомъ въ исторіи сената. Затѣмъ диссертантъ изложилъ слѣдующія положенія. 1) Первый толчекъ къ установленію въ Россіи систематическаго организованнаго подчиненнаго высшаго суда и надзора былъ данъ Петромъ Великимъ, создавшимъ сенатъ, фискалатъ и прокуратуру. 2) Преемники Петра вплоть до Екатерины Великой относились къ его начинаніямъ въ отношеніи высшаго суда и надзора по большей части безразлично, вслѣдствіе чего Екатеринѣ пришлось все начинать какъ бы сызнова. 3) Воцареніе Екатерины застало Россію изнемогавшей подъ бременемъ административнаго произвола и судейской неправды. 4) Эти застарѣлые пороки тогдашняго государственнаго порядка требовали коренныхъ преобразованій, что сознавалось Екатериной. 5) Сенатъ въ этомъ дѣлѣ не могъ быть императрицѣ настоящимъ помощникомъ, такъ какъ былъ зараженъ старыми взглядыми на права и обязанности должностныхъ лицъ и учрежденій. 6) Свои государственныя реформы, направленныя къ достиженію искорененія произвола и неправды, императрица начала съ головы — съ сената, подвергнувъ его дѣленію на департаменты. 7) Значеніе сенатской реформы заключалось въ обращеніи сената изъ высшаго правительственнаго и фактически законодательнаго въ высшее контрольное и судебное учрежденіе. 8) Реформой губернскихъ учрежденій косвенно была произведена дальнѣйшая реформа сената, такъ какъ установленіе института генералъ-губернаторства фактически изымало надзоръ изъ рукъ сената и передавало его намѣстникамъ. Официальными оппонентами диспутанта выступили профессора В. Н. Латкинъ и М. И. Горчаковъ. Первый, сдѣлавъ возраженія противъ нѣкоторыхъ положеній автора и находя ихъ не совсѣмъ обоснованными, призналъ, что представленный трудъ есть цѣнное изслѣдованіе екатерининскаго сената, при томъ первое серіозное и основанное на солидныхъ данныхъ; особенно въ немъ хорошо разобраны ревизіонныя и апелляціонныя функціи сената и разрѣшенъ запутанный вопросъ о протоколахъ и журналахъ сената. М. И. Горчаковъ, приведя общія возраженія, также указалъ на большія достоинства работы. Неофиціально возражалъ Н. Д. Чечулинъ. По защитѣ положеній В. М. Грибовскій былъ признанъ достойнымъ искомой степени.

Историческое общество въ Москвѣ. 2-го декабря, въ засѣданіи общества, профессоръ В. М. Хвостовъ сообщилъ рефератъ, представляющій характеристику новаго труда по критикѣ римской традиціи, принадлежащаго перу итальянскаго ученаго, бывшаго профессора Пизанскаго, а нынѣ неаполитанскаго университета, Гектора Пайса и озаглавленный Storia di Roma. Сочиненіе Г. Пайса, заключающее въ себѣ около 700 страницъ убористаго шрифта, обнимаетъ исторію Рима отъ самаго его основанія до 36 года до Р. Х. и имѣетъ чисто критическій характеръ ея древнѣйшихъ первоисточниковъ: Ливія, Діонисія, Діодора и другихъ. Авторъ скептически относится къ легендарному сказанію о происхожденіи римлянъ отъ грека Энея, утверждаетъ, что Фасты и Annales Maximae, погибшіе въ первоначальныхъ подлинникахъ во время пожара Рима, впослѣдствіи подверглись значительной фальсификаціи, что первое солнечное затменіе, записанное съ такою подробностью у римскихъ историковъ подъ датою 6 мая 204 года, скорѣе можно отнести къ 404 году до Р. Х., не придаетъ никакой вѣры повѣствованіямъ о войнѣ римлянъ съ латинами и гегемоніи первыхъ надъ послѣдними, о владычествѣ этрусковъ надъ римлянами, о вторженіи въ Лаціумъ сабиновъ, вытѣснившихъ въ свою очередь этрусковъ, а также легендамъ о Сервіи Тулліи, Тарквиніяхъ, о Нумѣ и о другихъ 7 римскихъ царяхъ, отожествляя ихъ съ 7-ю богами, считавшимися у римлянъ покровителями 7 холмовъ, на которыхъ стоялъ древній Римъ и, наконецъ, относитъ основаніе Вѣчнаго города къ 1-й половинѣ V столѣтія. И во внутреннемъ устройствѣ Римскаго государства, по мнѣнію профессора Г. Пайса, есть много вымысловъ позднѣйшихъ временъ, такъ, напримѣръ: происхожденіе законовъ Лициніевыхъ и XII таблицъ, рабская подчиненность женъ мужьямъ и, освященный закономъ, обычай покидать мужа только на 3 дня въ году для посѣщенія родительскаго дома, эмансипація сыновей и освобожденіе ихъ отъ правъ отца болѣе 3-хъ разъ продавать въ кабалу, отсутствіе въ домашнемъ быту римской чеканной монеты во времена децемвирата и прочее. Изложивъ методологическую и исторіографическую части сочиненія профессора Г. Пайса и замѣтивъ, что авторъ почти всѣ событія V вѣка Римской исторіи считаетъ удвоеніемъ событій IV вѣка, докладчикъ въ окончательныхъ выводахъ, изложенныхъ во второй части сообщенія, признавая громадный интересъ по замѣчательной научной эрудиціи за трудомъ профессора Г. Пайса не только въ филологическомъ, но и въ юридическомъ отношеніи, указалъ также и на нѣкоторую неубѣдительность его доводовъ и злоупотребленіе методомъ ученаго скептицизма, склоняясь отчасти къ мнѣнію ліонскаго профессора Ламбера, объясняющаго многое въ воззрѣніяхъ профессора Г. Пайса недоразумѣніями.

С.-Петербургское археологическое общество. I. Засѣданіе русскаго отдѣленія, подъ предсѣдательствомъ профессора С. Ѳ. Платонова, происходило 4-го декабря. Результаты раскопокъ, исполненныхъ лѣтомъ 1901 года по порученію общества В. Н. Глазовымъ, послужили послѣднему темою его доклада. Научный итогъ работъ подведенъ былъ А. А. Спицынымъ. Изслѣдованія въ Великолуцкомъ и Холмскомъ уѣздахъ Псковской губ. дали нѣсколько новыхъ подробностей погребальнаго ритуала. Предметовъ найдено сравнительно мало,

какъ и вообще это наблюдается въ сѣверныхъ курганахъ. Цѣлая группа ихъ, взявшая немало времени у изслѣдователя, въ результатѣ дала лишь слѣды зольной прослойки, указывающей на обрядъ трупосожженія. Изъ предметовъ, найденныхъ въ другихъ курганахъ, обращаютъ вниманіе височныя кольца, особой формы, составляющія переходъ къ типу серегъ, монеты арабскія, англосаксонскія и прочее. Древность погребеній не заходитъ далѣе XI вѣка, новѣйшія относятся къ XV столѣтію. Жальники (низкія насыпи) XII—XIV столѣтій не могли быть изслѣдованы, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ распаханы и сглажены съ поверхностью земли. И курганы иногда подвергаются той же участи: крестьяне подкапываютъ ихъ сначала, придавая форму гриба, остальную работу доканчиваетъ постепенное обсыпаніе кургана подъ вліяніемъ вѣтра. Особый видъ продолговатыхъ насыпей слыветъ у крестьянъ подъ характернымъ названіемъ «пирога». Всего раскопано В. Н. Глазовымъ до 60 кургановъ; отдѣленіе отмѣтило серіозное отношеніе изслѣдователя къ порученнымъ ему работамъ. Профессоръ С. Ѳ. Платоновъ сдѣлалъ сообщеніе объ областномъ ярославскомъ археологическомъ съѣздѣ, указавъ между прочимъ его положительныя стороны, способствовавшія несомнѣнному успѣху съѣзда. Профессоръ С. М. Середонинъ доложилъ результаты изслѣдованія г. Гіацинтова о Великомъ Устюгѣ въ XVII столѣтіи. Докладъ рисуетъ намъ Устюгъ въ пору его расцвѣта; городъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Московской Руси, весьма значительно его торговое и въ особенности промышленное значеніе. Слесарныя издѣлія здѣсь и до сихъ поръ отличаются необыкновенной тонкостью отдѣлки. Докладъ И. И. Холодняка о крестѣ XIV вѣка, хранящемся въ сараѣ при Нарвскомъ соборѣ, и заявленіе Д. Ѳ. Щеглова о муромскомъ камнѣ съ надписью вызвали постановленіе отдѣленія о принятіи мѣръ къ охраненію этихъ двухъ памятниковъ. **II.** Засѣданіе русскаго отдѣленія подъ предсѣдательствомъ профессора С. Ѳ. Платонова происходило 18-го декабря. Живой интересъ возбудилъ докладъ А. А. Спицына: «О постепенной смѣнѣ культуръ на сѣверо-востокѣ Россіи». Множество имѣющагося уже сырого археологическаго матеріала, добытаго и добываемаго путемъ раскопокъ, даетъ въ настоящее время возможность прійти къ нѣкоторымъ научнымъ выводамъ и заключеніямъ. Это и сдѣлано было докладчикомъ по отношенію къ сѣверо-востоку Россіи. Рѣзко различающіеся типы находокъ дѣлятъ на 6 культурныхъ періодовъ жизнь населенія въ теченіе I — XIV вѣковъ нашей эры. Оригинальная, спеціально проявившаяся около Р. Х. на русской территоріи культура мѣднаго вѣка смѣняется культурою, характеризуемой находками извѣстнаго Ананьевскаго могильника: скиѳскими кинжалами, кривыми ножами, бляхами съ изображеніями волка, оленя и прочее. Культура эта имѣетъ отношеніе къ племени роксолановъ и существовала не ранѣе I—II вѣковъ по Р. Х. Передвиженіе народовъ отрѣзало сѣверо-востокъ Россіи отъ сосѣднихъ культурныхъ вліяній. III — VI вѣка представляютъ характерныя древности мѣстной культуры. Центръ ея на Оби, за Ураломъ. Съ VII вѣка появленіе болгаръ вноситъ совершенно новыя культурныя формы. Торговый центръ переносится съ Оби на Каму. Подѣлки Востока и Кавказа, характерныя для этого времени, привозились къ намъ болгарскими купцами въ обмѣнъ на мѣха и рабовъ. VIII —

IX вѣка — первый періодъ арабской культуры; въ XI вѣкѣ вліяніе ея ослабѣваетъ, въ предметахъ этой эпохи проявляется уже замѣтно русскій элементъ. XIII—XIV вѣка также представляютъ яркія особенности культуры. Такимъ образомъ выводы А. А. Спицына имѣютъ большое значеніе для установленія хронологіи новыхъ археологическихъ находокъ. Второй докладчикъ В. Р. Апухтинъ сообщилъ о раскопкахъ лѣтомъ 1901 года въ Орловской губ. Курганы и городище, изслѣдованные имъ, относятся къ VIII—X столѣтіямъ и принадлежатъ, повидимому, племени вятичей. Въ члены совѣта общества отъ отдѣленія избранъ единогласно профессоръ Н. И. Веселовскій. III. Засѣданіе восточнаго отдѣленія происходило 20-го декабря подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена. Читанъ и утвержденъ отчетъ о дѣятельности отдѣленія за 1900 годъ. Въ секретари отдѣленія избранъ на новый срокъ С. Ѳ. Ольденбургъ. В. В. Бартольдъ избранъ въ предварительный комитетъ для подготовительныхъ работъ къ международному конгрессу оріенталистовъ. Затѣмъ слѣдовалъ интересный докладъ П. М. Меліоранскаго — «Матеріалы къ лексикографіи Слова о полку Игоревѣ». Докладчикъ выяснилъ вліяніе турецкаго и другихъ восточныхъ языковъ на образованіе нѣкоторыхъ встрѣчающихся въ немъ словъ. Такъ «болванъ», по мнѣнію референта, имѣетъ свое происхожденіе отъ турецко-орхонскаго слова «балбалъ», что значитъ столбъ съ утолщеніемъ на верху, грубо исполненное изображеніе человѣка, баба (статуя) на курганѣ и прочее. «Быля», «быль», въ значеніи вельможа, бояринъ, заимствовано непосредственно изъ турецкаго языка; слово «Баянъ» референтъ признаетъ собственнымъ именемъ пѣвца; этимологическое значеніе этого слова: мудрый, ловкій и прочее. Жемчугъ—турецкое слово. Сыръ-Дарья въ древности носила названіе «Жемчужной рѣки». Кощей—это рабъ, слуга изъ племени кочевыхъ турокъ. Сначала это названіе носили молодые невольники, впослѣдствіи—всѣ невольники. «Шереширъ»— предметъ въ родѣ метательнаго снаряда съ взрывчатыми веществами, которыя были извѣстны и до изобрѣтенія пороха.

Археологическая коммиссія археологическаго общества въ Москвѣ. Въ засѣданіи коммиссіи приватъ-доцентъ Московскаго университета Ю. В. Готье прочелъ докладъ: Изъ очерка исторіи хозяйственныхъ описаній Московскаго уѣзда въ XVI и XVII вѣкѣ. Первыя извѣстія о писцовыхъ книгахъ Московскаго уѣзда относятся къ началу XVI вѣка; однако, всѣ раннія описанія 1550—1551 гг., стоявшія въ связи съ работой Стоглаваго собора и реформой сошнаго письма, утрачены и даже не служили основаніемъ для позднѣйшихъ описаній. По изслѣдованіямъ докладчика, самая старая изъ дошедшихъ до насъ книгъ относится къ 1573—1574 г.: это отрывокъ книги, обнимающій описаніе помѣстныхъ земель въ нѣсколькихъ подмосковныхъ станахъ; подобный же характеръ отрывка носитъ и слѣдующая по времени сохранившаяся книга 1576—1578 годовъ; отъ 80-хъ годовъ XVI вѣка сохранилась также часть описаній Хлопова, обнимавшая сѣверо-западную часть уѣзда. Какъ эта книга, такъ и слѣдующее за ней описаніе земель Троицкаго монастыря 1592—1593 гг. представляетъ наиболѣе интересныя описанія XVI вѣка. Всѣ книги XVI вѣка сохранились не въ бѣловыхъ подлинникахъ, а въ видѣ какихъ-то черновыхъ списковъ, которымъ скрѣпами дьяковъ 20—30

годовъ XVII вѣка былъ приданъ характеръ офиціальныхъ документовъ. Отъ многочисленныхъ описаній десятыхъ годовъ XVII вѣка сохранилась только дозорная книга земель Свято-Троицкаго монастыря, представляющая особый интересъ потому, что характеризуетъ хозяйственное положеніе троицкихъ вотчинъ тотчасъ же послѣ смутнаго времени. Въ двадцатыхъ годахъ XVII вѣка Московскій уѣздъ былъ раздѣленъ для описи на три участка; всѣ книги этого времени, относящіяся къ генеральному описанію уѣзда, до насъ сохранились частью въ подлинникахъ, частью въ видѣ копій, снятыхъ еще въ XVII вѣкѣ для надобности приказа. Указъ 1628 года о продажѣ порожнихъ земель въ вотчины служилымъ людямъ вызвалъ составленіе нѣсколькихъ новыхъ писцовыхъ книгъ, описывавшихъ продаваемые порожніе участки. Дѣленіе уѣзда на 3 участка въ эпоху переписей 1646 и 1678 гг. исчезаетъ, но сохраняется раздѣленіе уѣзда на половину: Зарѣчную и Замосковскую. Памятниками переписей являются двѣ книги 1646 года и четыре книги 1678 года; поспѣшное составленіе послѣднихъ было причиной нареканій на переписчиковъ, повлекшихъ за собою цѣлое судное дѣло. Въ восьмидесятыхъ годахъ XVII столѣтія правительство нѣсколько разъ пыталось осуществить второе валовое письмо, которое должно было замѣнить устарѣвшія книги 1620 годовъ. Наиболѣе характерною чертой описаній этого времени является фактъ того большого значенія, какое придавалось межеванію земель; отъ этой эпохи до насъ дошли главнымъ образомъ именно межевыя книги; писцовыхъ книгъ собственно немного; всѣ онѣ носятъ совершенно отрывочный характеръ и сохранились въ офиціальныхъ современныхъ валовому письму, подлинникахъ. Валовое же письмо, нѣсколько разъ возобновлявшееся въ восьмидесятыхъ годахъ XVII вѣка, не было доведено до конца; оно было окончательно оставлено по указу 10-го августа 1686 года.

Кавказское отдѣленіе Императорскаго Московскаго археологическаго общества. 21-го октября прошлаго года въ Тифлисѣ состоялось подъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой (предсѣдателя Московскаго археологическаго общества) открытіе занятій Кавказскаго отдѣленія Императорскаго Московскаго археологическаго общества. Это отдѣленіе возникло, благодаря ходатайству мѣстныхъ археологовъ и любителей старины, обратившихся за содѣйствіемъ къ графинѣ П. С. Уваровой, во время ея пребыванія въ Тифлисѣ (весною прошлаго года), гдѣ она занималась описаніемъ археологическихъ коллекцій мѣстнаго Кавказскаго музея. Кавказское отдѣленіе, такимъ образомъ, представляетъ собою мѣстное археологическое общество, являясь какъ бы на смѣну нѣкогда дѣйствовавшаго въ Тифлисѣ общества любителей кавказской археологіи. Будучи отдѣленіемъ Московскаго археологическаго общества, оно предназначается, какъ гласитъ § 1 его устава, «для успѣшнѣйшаго содѣйствія цѣлямъ Императорскаго Московскаго археологическаго общества». Слѣдуя указаніямъ Московскаго общества, Кавказское отдѣленіе занимается изученіемъ мѣстныхъ древностей, не только собирая свѣдѣнія о памятникахъ мѣстной старины, производя археологическія изслѣдованія, собирая предметы древности (рукописи и т. д.), но и заботясь о сохраненіи самихъ памятниковъ. Между прочимъ въ сферу дѣятельности отдѣленія входитъ наблюденіе о правильной реставраціи и поддержаніи

древнихъ храмовъ и другихъ сооруженій, подобно тому какъ объ этомъ печется комиссія по сохраненію древнихъ памятниковъ (при Московскомъ археологическомъ обществѣ). Присутствовавшая на первыхъ засѣданіяхъ Кавказскаго отдѣленія (предсѣдателемъ котораго избранъ окружной инспекторъ Кавказскаго учебнаго округа г. Лопатинскій), графиня П. С. Уварова обратила особенное вниманіе гг. членовъ на необходимость изученія христіанскихъ памятниковъ Кавказскаго края. Хотя въ этомъ отношеніи уже сдѣлано не мало (какъ то можно видѣть изъ изданныхъ Московскимъ археологическимъ обществомъ III, IV и VII томовъ «Матеріаловъ по археологіи Кавказа»), однако дѣла остается еще достаточно: «не изучены ни церкви самого Тифлиса, ни Гурія, ни Мингрелія, ни Кахетія, ни вся Арменія съ Эчміадзиномъ и съ древнимъ городомъ Ани». Далѣе, графиней П. С. Уваровой было указано на необходимость распространенія свѣдѣній по археологіи среди мѣстнаго общества, преимущественно среди учащейся молодежи. Съ этою цѣлью графиня рекомендовала пояснительныя экскурсіи по мѣстнымъ музеямъ и собраніямъ древностей (Кавказскій музей, музей при обществѣ распространенія грамотности среди грузинъ и др.). Изъ сообщеній, уже доложенныхъ гг. членами въ первыхъ трехъ засѣданіяхъ отдѣленія, отмѣтимъ слѣдующія: Ерицова—Первоначальное знакомство армянъ съ сѣверо-восточною Русью до воцаренія дома Романовыхъ въ 1613 году (напечатано въ № 12 «Кавказскаго Вѣстника» за 1901 г.), Такайшвили—О грузинскихъ памятникахъ окрестностей Бѣлаго Ключа, Джанашвили—О древней исторіи Грузіи по клинообразнымъ надписямъ, Калантара—О мемуарахъ Захарія Агулисскаго (важный памятникъ съ бытовой стороны и для исторической географія). Кавказское отдѣленіе соизволили принять подъ свое августѣйшее покровительство ихъ императорскія высочества государь наслѣдникъ и великій князь Михаилъ Александровичъ, пожаловавшій отдѣленію единовременно 3.000 рублей, и великій князь Михаилъ Николаевичъ, еще въ бытность свою намѣстникомъ Кавказскаго края оказывавшій покровительство занятіямъ мѣстной археологіей. Ихъ императорскія высочества великіе князья Николай Михайловичъ и Георгій Михайловичъ съ своей стороны приняли на себя званія почетныхъ членовъ отдѣленія. Въ числѣ почетныхъ членовъ мы встрѣчаемъ также: графиню П. С. Уварову, такъ много способствовавшую устройству Кавказскаго отдѣленія, главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ князя Голицына, его помощника ген. Фрезе, католикоса всѣхъ армянъ Мкртича I (основавшаго въ Эчміадзинѣ музей древностей), попечителя Кавказскаго учебнаго округа Завадскаго и экзарха Грузіи.

Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ. 14-го декабря въ засѣданіи предварительнаго комитета по устройству съѣзда проф. Е. К. Рѣдинъ прочелъ денежный отчетъ по расходамъ комитета на экскурсіи по раскопкамъ кургановъ, по собиранію и изученію архивныхъ матеріаловъ, по изученію церковныхъ древностей и т. п., а равно по пріобрѣтенію предметовъ для этнографической выставки. Отчетъ утвержденъ и будетъ отправленъ въ императорское Московское археологическое общество. Кромѣ того, прочитана смѣта предстоящихъ расходовъ въ 1902 г., значительная часть которыхъ падаетъ на устройство выставокъ при съѣздѣ.

Устройство этихъ выставокъ и, слѣдовательно, значительная часть успѣха археологическаго съѣзда будетъ зависѣть отъ сочувствія къ задачамъ со стороны общества, отдѣльныхъ лицъ его и правительственныхъ учрежденій, къ которымъ обращались и обращаются съ покорнѣйшей просьбой объ оказаніи помощи предварительный комитетъ и московское археологическое общество.

Проф. А. Н. Красновъ доложилъ о своихъ наблюденіяхъ надъ бытомъ и обстановкой крестьянъ нѣкоторыхъ малорусскихъ и великорусскихъ селъ Харьковскаго, Валковскаго и Зміевскаго уѣздовъ (Тишки, Боровое, Проходы, Пересѣчное, Новая Водолага) и о сдѣланныхъ имъ покупкахъ, относящихся къ разнообразнымъ сторонамъ народнаго быта. О такихъ же своихъ наблюденіяхъ, изученіи народнаго быта и о покупкахъ доложилъ проф. Н. Ѳ. Сумцовъ. Имъ изученъ спеціально Ахтырскій уѣздъ (Ахтырка, Хухря, Люджа), Лебединскій (Лебединъ, Михайловка, Межиричи) и г. Сумы. Въ предѣлахъ указанныхъ уѣздовъ имъ куплено свыше 200 предметовъ, кромѣ того, снято болѣе 50 фотографій.

Е. С. Познанскій въ своемъ отчетѣ доложилъ, что имъ въ Старобѣльскомъ уѣздѣ посѣщено два великорусскихъ села и два малорусскихъ; собрано 102 предмета и приготовлено 50 фотографическихъ снимковъ-видовъ мѣстностей, типовъ жителей, видовъ домовъ и дворовъ.

Д. И. Миллеръ познакомилъ съ результатами своихъ работъ по изученію архивовъ Харьковской губ.; съ этою цѣлью имъ посѣщены: Богодуховъ, с. Матвѣевка (Д. Н. Кованько), Ахтырка, Тростянецъ, Чупаховка (г. Куколевскій-Плачковскій), Сумы, Лука (гг. Линтваревы), Желѣзнякъ (г. Золотницкій), Сыроватка (волостное правленіе), Старое (г-жа Зборомирская), Стецковка (г. Деконоръ), Рудневка (В. А. Савичъ), Хотѣнь (гр. Строганова). Наиболѣе результатовъ дали поѣздки въ Ахтырку (интересный архивъ земскаго суда), Хотѣнь (архивъ Кондратьевыхъ и Комбурлея), Луку (семейный архивъ гг. Линтваревыхъ), и Богодуховъ (громадное дѣло вотчинной коллегіи объ имѣніяхъ Кондратьевыхъ у С. Д. Кондратьева). Начато и продолжается изученіе архива харьковскаго дворянскаго депутатскаго собранія.

Е. М. Ивановъ познакомилъ съ результатами своихъ работъ также по изученію архивовъ. Съ этою цѣлью имъ посѣщены и осмотрѣны восемь архивовъ волостныхъ правленій, два архива городскихъ и полицейскихъ управленій, одинъ дворянской опеки, кромѣ того, одиннадцать архивовъ частныхъ лицъ. Въ Купянскѣ, въ городскомъ управленіи, открытъ и подробно разсмотрѣнъ архивъ купянскаго городническаго правленія, заключающій въ себѣ до 50 связокъ бумагъ XVIII вѣка. Въ Купянскѣ же, въ архивѣ собора, въ бумагахъ благочинныхъ встрѣчены земельные документы упраздненнаго Николаевскаго монастыря, а у Н. В. Иванова—нѣсколько крестьянскихъ земельныхъ документовъ, два неизданныхъ стихотворенія Пахимова и лѣтописный сборникъ конца XVII вѣка, заключающій описаніе событій въ Московскомъ государствѣ отъ Іоанна Калиты до покушенія на жизнь Пожарскаго. Въ архивѣ В. А. Задонскаго, въ Большомъ Бурлукѣ,—земельные акты XVIII вѣка и семейная переписка. Въ Харьковѣ осмотрѣны архивы управленія государственныхъ имуществъ и духовной консисторіи. В. Е. Данилевичъ сообщилъ о результатахъ

раскопокъ г-жи Е. Н. Мельникъ и его самого въ имѣніяхъ Н. И. Харитоненко, въ уѣздахъ: Ахтырскомъ, Богодуховскомъ и Сумскомъ: раскопано 59 кургановъ, изслѣдовано шесть стоянокъ. Въ изслѣдованныхъ докладчикомъ курганахъ, около с. Будъ, въ верхнихъ слояхъ встрѣчены черепки, кости, камни, за этимъ слѣдовалъ болѣе или менѣе толстый слой золы, начинавшійся большею частью отъ уровня горизонта и доходившій иногда до почвы. Найденные при раскопкѣ угли и обожженныя огнемъ кости были малочисленны. Раскопки и изслѣдованіе поля вокругъ кургановъ дали многочисленные предметы каменнаго вѣка: множество отбойниковъ, острія и др. орудія, цѣлый сосудъ, много черепковъ отъ разныхъ сосудовъ, глиняные болванчики для лѣпки сосудовъ, гурзила, пряслицы, а также двѣ кости съ явными слѣдами отдѣлки. Докладчикомъ сфотографированы курганныя группы, отдѣльные курганы, типичныя погребенія, а также два городища около с. Пицахи. Кромѣ того, произведена вырѣзка съ землей и доставлено въ музей университета одно типичное погребеніе. Докладчикомъ фотографировались и типы жителей, ихъ построекъ, предметовъ обихода и другихъ вещей, интересныхъ въ этнографическомъ отношеніи. Священникъ Вас. Снѣсивцевъ въ своемъ отчетѣ сообщилъ, что имъ изслѣдованы стоянки каменнаго вѣка между слободами: Райгородкомъ, Щуровой, Лиманомъ, Поповкой и Ямполемъ, Изюмскаго уѣзда, и собрана коллекція кремневыхъ, бронзовыхъ и желѣзныхъ стрѣлъ, мелкихъ бронзовыхъ вещицъ и десять татарскихъ монетъ. Е. П. Трифильевъ доложилъ о раскопкахъ, произведенныхъ имъ лѣтомъ этого года въ Купянскомъ уѣздѣ; имъ раскопано 32 кургана различной величины, отъ едва возвышающихся надъ поверхностью земли до достигающихъ 9 аршинъ высоты. Содержаніе кургановъ было также разнообразно, какъ и ихъ величина. Часть могилъ была погребенія типа каменнаго вѣка, другія можно отнести къ бронзовому и желѣзнымъ вѣкамъ и къ первымъ вѣкамъ по Р. Х.; встрѣтилось нѣсколько погребеній кочевническаго типа, наконецъ, было вскрыто два кургана съ стоящими на нихъ каменными бабами, давшіе погребеніе кочевническое. Раскопки произведены были по р. Красной, отъ ея верховьевъ почти до впаденія въ Донецъ, въ шести пунктахъ: Нижней Дуванкѣ, Сватовой Лучкѣ, Кабаньемъ, въ имѣніи Левченко, Мечетномъ, между Кабаньемъ и Краснянкой, въ Нижне-Дубровскомъ хуторѣ и близъ Тохиной. Докладчикомъ были доставлены комитету три каменныхъ бабы, изъ которыхъ двѣ находились на курганахъ, а третья пожертвована Ю. В. Розаліонъ-Сошальскимъ. Профессоръ А. М. Покровскій доложилъ о раскопкахъ кургановъ, произведенныхъ имъ лѣтомъ 1901 г. въ Змієвскомъ уѣздѣ, на земляхъ помѣщицъ Багговутъ: одинъ курганъ съ каменной бабой (далъ только кости животныхъ въ верхнихъ слояхъ), два кургана тамъ же (дали скорченныя погребенія въ верхней части и крашеные костяки подъ курганомъ); на земляхъ Раздольскаго товарищества — группу изъ трехъ кургановъ; въ нихъ найдено много погребеній на разныхъ уровняхъ, костяки скорченные и подъ курганомъ крашеные—каменнаго періода (енеолитической эпохи); одинъ—съ каменной бабой, въ которомъ найдено скиеское женское погребеніе съ драгоцѣнными вещами (кольца, спиральки, зеркало) и глиняными сосудами; на земляхъ крестьянъ села Отраднаго — пять кургановъ съ нѣсколькими погребеніями, въ

одномъ каменныя орудія очень хорошей полировки; положеніе покойниковъ и костяки, какъ и въ вышеназванныхъ;въ имѣніи Живновича—четыре кургана съ тѣми же особенностями, что въ предыдущихъ. Проф. Д. И. Багалѣй доложилъ о раскопкахъ, произведенныхъ имъ въ сел. Верхнемъ Салтовѣ, Волчанскаго уѣзда, совмѣстно съ А. М. Покровскимъ и Е. П. Трифильевымъ. Въ теченіе пяти дней было раскопано 18 могилъ и собрано большое количество предметовъ и череповъ: устройство могилъ весьма оригинально: надъ ними не было никакой насыпи; присутствіе ихъ опредѣлялось нахожденіемъ по откосамъ въ обнаженіяхъ овраговъ и канавъ тронутой земли, засыпавшей ходы или коридоры, ведшіе нѣкогда въ пещеру, гдѣ и происходило самое погребеніе покойниковъ. Нѣкоторыя изъ этихъ пещеръ оказались также засыпанными землею, обрушившеюся съ потолка; другія же были свободны отъ нея. Въ пещерахъ сохранились даже явственные слѣды ихъ обмазки мѣломъ. Въ нихъ оказались коллективныя погребенія; костяки лежали въ разнообразныхъ, подчасъ характерныхъ, положеніяхъ. При костякахъ находимы были прекрасные глиняные сосуды (одинъ стеклянный). Общее число найденныхъ предметовъ даетъ въ совокупности довольно ясное представленіе о культурѣ того народа, къ которому принадлежали покойники Салтовскихъ пещеръ. Здѣсь были всевозможныя бусы, серьги, кольца, подвѣски, желѣзныя кирки, сабли, ножи, бронзовые бубенчики, бляхи съ гладко полированною поверхностью, пряжки съ остатками ремней и т. п. Особое мѣсто занимаютъ остатки лошадиной сбруи и украшеній ея,стоящіе въ связи съ отысканіемъ погребенія коня. Наконецъ, особенно цѣнными являются серебряныя монеты, употреблявшіяся въ видѣ украшеній. Профессоръ Д. И. Багалѣй доложилъ отчетъ о раскопкахъ кургановъ, произведенныхъ имъ у селенія Пищахи, Ахтырскаго уѣзда, въ имѣніи П. И. Харитоненко, гдѣ расположено своего рода кладбище въ видѣ нѣсколькихъ сотъ кургановъ, отстоящихъ весьма близко одинъ отъ другого. Курганы на полѣ—высотою въ 1 арш. и меньше; курганы въ лѣсу—до $2^1/_2$ арш. высоты. Въ курганахъ оказались коллективныя погребенія (по два, три, четыре покойника); костяки лежали головами на западъ, въ вытянутомъ положеніи, преимущественно на спинѣ. Изъ вещей при покойникахъ найдены: кольца, серьги, браслеты, бусы, вѣнчики, серебряные и бронзовые; остатки тканей, кожи, два медальона, изъ коихъ одинъ, повидимому, съ христіанскимъ изображеніемъ. Судя по всѣмъ даннымъ, можно думать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ славяно-русскимъ языческимъ погребеніемъ. Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ о своей экскурсіи въ теченіе іюня и іюля мѣсяцевъ съ цѣлью изученія церковныхъ древностей Харьковской губ. Въ посѣщенныхъ имъ церквахъ описаны выдающіяся иконы, иконостасы, предметы церковной утвари, богослужебныя книги; съ нѣкоторыхъ сняты фотографіи; число фотографій доходитъ до 400; сняты планы нѣкоторыхъ древнихъ церквей.

Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ о подготовкѣ изданія малорусскаго народнаго орнамента по матеріаламъ, собраннымъ г-жей Литвиновой въ Глуховскомъ уѣздѣ, Черниговской губ.; таблицы уже отпечатаны, приготовляется введеніе собирательницы и докладчика. Е. К. Рѣдинъ доложилъ третій отчетъ коммиссіи по XII археологическому съѣзду историко-филологическаго общества при

институтѣ князя Безбородко (въ Нѣжинѣ). Этотъ отчетъ, какъ и предыдущіе два, свидѣтельствуютъ объ обширной дѣятельности комиссіи, результаты которой окажутся весьма существенны и для XII археологическаго съѣзда, и для изученія въ археологическомъ отношеніи Черниговской губ. Достаточно указать на то, что, благодаря ея работамъ, энергіи, обогатится историческій музей при черниговской губернской архивной комиссіи и созидающійся въ Конотопѣ мѣстный музей. Конотопское земство, откликаясь на призывъ комиссіи, въ виду XII археологическаго съѣзда, подало прекрасный примѣръ другимъ земствамъ своимъ намѣреніемъ основать историческій архивъ-музей при земской управѣ.

22-го декабря въ засѣданіи комитета В. Е. Данилевичъ доложилъ объ одномъ погребеніи, вырѣзанномъ съ землей и доставленномъ въ музей древностей Харьковскаго университета. Погребеніе открыто въ одномъ изъ кургановъ на земляхъ селъ Кириковки и Новой Рябины, на границахъ Ахтырскаго и Богодуховскаго уѣздовъ. Оно состоитъ изъ костяка, лежащаго на спинѣ, слегка склонившагося на правый бокъ, головой на югъ, а ногами на сѣверъ. Правая рука вытянута, при чемъ кисть руки слегка согнута, лѣвая рука лежитъ на животѣ. Ноги согнуты въ колѣняхъ; подъ костякомъ подсыпана зола тонкимъ слоемъ; у пальцевъ правой ноги кучка красной краски и такая же кучка краски у локтя лѣвой руки. Докладчикомъ подробно описанъ способъ вырѣзки и самой доставки покойника съ землей, на которой онъ погребенъ. Благодаря искусно произведеннымъ операціямъ, вырѣзка доставлена въ цѣломъ, неприкосновенномъ видѣ и составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній музея древностей, представляя наглядно образецъ древнѣйшаго погребенія человѣка на почвѣ Харьковской губерніи. Такія вырѣзки—весьма цѣнны для археологіи и, какъ требующія массы денежныхъ затратъ и хлопотъ, еще рѣдки даже въ заграничныхъ музеяхъ, а у насъ въ Россіи онѣ—только въ количествѣ трехъ экземпляровъ въ С.-Петербургѣ въ артиллерійскомъ музеѣ. В. Е. Данилевичъ познакомилъ съ результатами своихъ изслѣдованій нѣсколькихъ стоянокъ каменнаго вѣка въ Ахтырскомъ и Богодуховскомъ уѣздахъ, Харьковской губ. (у села Янковки, Кириковки, Катанскихъ Вилъ), подробно обозрѣвъ самые памятники, открытые на этихъ стоянкахъ. Проф. М. А. Поповъ сообщилъ о результатахъ анатомическихъ изслѣдованій череповъ, костей, найденныхъ при раскопкахъ кургановъ въ Новомъ Мерчикѣ, Валковскаго уѣзда, и въ селахъ: Нижней-Дуванкѣ, Кабаньемъ и Сватовой Лучкѣ, Купянскаго уѣзда. Изслѣдованіе это является весьма интереснымъ и важнымъ для уясненія вопроса о народности древнѣйшихъ поселенцевъ Харьковской губ. и представитъ цѣнный матеріалъ въ связи съ изслѣдованіями самихъ предметовъ, найденныхъ при раскопкахъ, для русской археологіи. Заслушано сообщеніе свящ. В. Снѣсивцева о многочисленныхъ старинныхъ желѣзныхъ предметахъ земледѣльческаго и военнаго быта, вырытыхъ при рубкѣ кустарника вблизи с. Райгородка (Изюмскаго уѣзда), въ ярѣ «Скрынниковѣ», подъ озеромъ Маяцкимъ: о плужкахъ, косахъ, топорахъ, сверлахъ, пряслицахъ, стременахъ, удилахъ, колокольчикахъ, копьяхъ, ножахъ, кускахъ кольчатаго панцыря. По мнѣнію о. Снѣсивцева, указанные предметы принадлежали золотоордынскимъ и азовскимъ татарамъ, обитавшимъ, еще по свидѣтельству Герберштейна, на среднемъ теченіи Донца. Заслушано сообщеніе о

слободѣ Алексѣевской крѣпости Зміевскаго уѣзда и объ остаткахъ самой крѣпости, а равно другой, находящейся около села Михайловки. Доложено сообщеніе проф. А. М. Покровскаго о его этнографическихъ экскурсіяхъ въ Зміевскомъ и Волчанскомъ уѣздахъ, при которыхъ имъ были пріобрѣтены нѣкоторые предметы быта и обстановки крестьянъ и сняты фотографіи селъ, построекъ, типовъ населенія. Проф. Д. И. Багалѣй доложилъ о случайной раскопкѣ, произведенной В. И. Фавромъ возлѣ Донецкаго городища, по дорогѣ, идущей изъ Филиппова села въ Карачевку, не доходя до усадьбы г. Щербинина. Въ ямѣ (на глубинѣ 2 арш. отъ поверхности почвы, шириною $1^{1}/_{2}$ арш.). оказалось множество черепковъ; за черноземомъ слой пепла и угля толщиною до 10 вершк., еще ниже слой изъ плохо обожженнаго кирпича, въ $^{1}/_{2}$ вершка толщины. Возлѣ черепковъ—кости собаки, лошади, коровы. Недалеко отъ ямы, на нахотѣ, находится много черепковъ, костей человѣческихъ, тутъ же найдены пряслицы и точильный камень. Заслушано сообщеніе Ф. Ф. Степанова о находкѣ вещей при случайной раскопкѣ въ хуторѣ Колки, Тарасовской волости, Богодуховскаго уѣзда (кости, каменная чаша, монеты, серьга). Профессоръ Е. К. Рѣдинъ доложилъ сообщенія: 1) воронежской уѣздной земской управы объ оглашеніи чрезъ волостныя правленія предложенія населенію уѣзда—прислать въ управу предметы и памятники, интересные въ археологическомъ и этнографическомъ отношеніи для предоставленія ихъ комитету; 2) лебединской уѣздной управы—объ ассигнованіи земскимъ собраніемъ комитету 100 рублей на пріобрѣтеніе въ уѣздѣ предметовъ для выставки при съѣздѣ; 3) прив.-доц. А. Черевкова (Харьковъ) свѣдѣній о нѣкоторыхъ частныхъ коллекціяхъ и о предложеніи собственной коллекціи монетъ для выставки; 4) Т. Проскурникова (гор. Корочa) о нѣкоторыхъ предметахъ древности, предлагаемыхъ для выставки (кубышка, монеты изъ клада, найденнаго въ Яблоновѣ, фотографіи Корочи, документъ, имѣющій отношеніе къ святителю Митрофану Воронежскому, и друг.); 5) директора с.-петербургскаго артиллерійскаго музея, генерала Бранденбурга,—о разрѣшеніи военнаго министра предоставить комитету для выставки нѣкоторые предметы музея; 6) церковно-историческаго и археологическаго общества при Кіевской духовной академіи о предоставленіи комитету для выставки тридцати предметовъ изъ музея общества; 7) полтавской комиссіи по XII археологическому съѣзду о необходимости присылки члена комитета для опредѣленія, какія изъ имѣющихся въ распоряженіи ея предметовъ старины и какія коллекціи полтавскаго естественно-историческаго музея представляютъ интересъ для выставокъ съѣзда (комитетъ командируетъ для этого опредѣленія профессора Е. К. Рѣдина); 8) архива главнаго штаба военнаго министерства о нахожденіи въ немъ дѣла о слободскихъ маллороссійскихъ полкахъ, опись 25 и 26, 1731 и 1761 года, книга 341 «объ учрежденіи изъ слободскихъ казацкихъ гусарскими полками и какъ оные напредъ сего содержимы были и о прочемъ» съ рисунками полковыхъ знаменъ (рѣшено просить Московское археологическое общество о порученіи кому либо изъ его членовъ подготовки доклада на съѣздѣ объ упомянутыхъ дѣлахъ); 9) Е. М. Иванова о коллекціи древностей изъ случайныхъ раскопокъ у Е. М. Духовского (Старый Мерчикъ, Валковскаго уѣзда), которыя и рѣшено просить для выставки, какъ и

тѣ, что указаны были въ сообщеніи Д. П. Миллера (въ церквахъ с. Стараго, Сумскаго уѣзда, и Млинковъ, Ахтырскаго уѣзда); 10) Д. И. Багалѣя о желательности командировки студента Криста для собиранія свѣдѣній по этнографіи и о кобзаряхъ и лирникахъ (рѣшено командировать г. Криста въ Харьковскую губ,); 11) г. Рябинина о принятіи имъ на себя расходовъ за клише къ описанію путивльскаго собора. Въ распоряженіе предварительнаго комитета для выставокъ и для музея древностей поступили отъ многихъ лицъ разнообразные предметы представляющіо, большею частью, громадный интересъ.

Историко-филологическое общество при Харьковскомъ университетѣ. 13-го декабря засѣданіе общества было посвящено въ значительной своей части памяти профессора Ивана Николаевича Миклашевскаго. Предсѣдатель, профессоръ Н. Ѳ. Сумцовъ, сказалъ слѣдующее слово, посвященное памяти И. Н. Миклашевскаго: «3 декабря скончался на 43-мъ году жизни профессоръ Харьковскаго университета Иванъ Николаевичъ Миклашевскій. Горестная потеря для русской науки, для Харьковскаго университета, для тѣхъ друзей покойнаго, которые уважали и любили его, какъ весьма свѣдущаго ученаго, какъ человѣка высокихъ нравственныхъ качествъ. Иванъ Николаевичъ въ послѣднее время работалъ чрезвычайно энергично, точно онъ предчувствовалъ, что надъ нимъ носится ангелъ смерти, точно спѣшилъ внести въ науку и университетъ свой личный вкладъ. Такъ недавно, 30 октября, Иванъ Николаевичъ въ засѣданіи историко-филологическаго общества прочелъ превосходный докладъ по исторіи древне-русскаго хозяйства. Такъ недавно, въ половинѣ ноября, еще бодрый и энергичный, онъ несъ главную работу въ университетской коммиссіи по сооруженію памятника В. Н. Каразину. Еще такъ недавно при освященіи памятника Г. М. Цѣхановецкому видѣли его съ обнаженной головой передъ могилой покойнаго ректора. Еще такъ недавно въ совѣтѣ раздавались его продуманныя и сердечныя рѣчи въ пользу университетскихъ реформъ. Иванъ Николаевичъ приступалъ къ изданію большого научнаго труда, подготовленнаго посредствомъ тщательныхъ архивныхъ разысканій, но «вечиронька на столи, а смерть за плечима». Бившій ключемъ источникъ духовной жизни сразу изсякъ. Разбилось вдребезги любящее, открытое, отзывчивое сердце; оно оказалось слабымъ передъ таковымъ недугомъ. Навсегда умолкъ голосъ, неуклонно призывавшій, въ предѣлахъ искренняго индивидуальнаго пониманія, къ исполненію высшихъ задачъ и лучшихъ цѣлей жизни. Среди выдающихся достоинствъ Ивана Николаевича прежде всего нужно отмѣтить разнообразіе и разносторонность его научныхъ стремленій, его необыкновенную работоспособность и присутствіе живыхъ общественныхъ интересовъ. Студентъ естественникъ Иванъ Николаевичъ съ теченіемъ времени занялъ каѳедру на юридическомъ факультетѣ и во многихъ отношеніяхъ вошелъ въ кругъ научныхъ интересовъ профессоровъ-филологовъ. Въ университетѣ Иванъ Николаевичъ былъ живымъ связующимъ звеномъ между факультетами юридическимъ и историко-филологическимъ, не только въ сферѣ научныхъ интересовъ, но и въ кругу личныхъ отношеній. Среди профессоровъ историко-филологическаго факультета Иванъ Николаевичъ давно считался своимъ человѣкомъ, близкимъ и дорогимъ человѣкомъ общихъ научныхъ стремленій и общихъ симпатій. Мало того, Иванъ

Николаевичъ сумѣлъ занять видное мѣсто и въ историко-филологическомъ обществѣ, и въ педагогическомъ отдѣлѣ; въ обоихъ этихъ учрежденіяхъ онъ былъ двигательной, дѣятельной силой, въ обоихъ онъ читалъ свои рефераты, въ которыхъ съ чисто научными интересами искусно соединялъ живыя общественныя стремленія. Въ послѣдніе годы въ университетѣ не было, кажется, ни одного сколько нибудь крупнаго дѣла, въ обсужденіи котораго Иванъ Николаевичъ не принялъ самаго дѣятельнаго участія. Такъ, обстоятельный докладъ университетской комиссіи 1897 г. по вопросу объ уничтоженіи профессорскаго гонорара составленъ былъ Иваномъ Николаевичемъ. Извѣстно далѣе, какое видное участіе принималъ Иванъ Николаевичъ въ состовленіи доклада комиссіи по вопросу объ измѣненіи устава 1884 г. и въ возникшихъ по этому поводу въ совѣтѣ дебатахъ. Историко-филологическое общество къ благодарности покойному за его участіе въ докладахъ должно присоединить еще благодарное воспоминаніе о его участіи въ разработкѣ проекта новаго устава. Этотъ слабый, болѣзненный человѣкъ не боялся работы, онъ работалъ съ примѣрной настойчивостью и образцовой добросовѣстностью, безъ высокомѣрія, съ всегдашней готовностью выслушать всѣ замѣчанія и исправить всѣ достаточно доказанныя ошибки, и много было духовной силы въ этомъ слабомъ, хиломъ тѣлѣ. Миръ праху твоему, дорогой товарищъ, и да будетъ имя твое вѣчно дорогимъ и памятнымъ въ лѣтописяхъ Харьковскаго университета!» Профессоръ Д. И. Багалѣй въ своей рѣчи говорилъ объ ученой дѣятельности покойнаго И. Н. Миклашевскаго и спеціально остановился на его магистерской диссертаціи о заселеніи и хозяйственномъ бытѣ южной окраины Московскаго государства въ XVII вѣкѣ. Указавъ на значеніе этого труда не только для политической экономіи, но и для русской исторіи, ораторъ выразилъ пожеланіе объ изданіи обществомъ оставшихся не изданными его трудовъ. По предложенію профессора Н. Ѳ. Сумцова, рѣшено издать сборникъ всѣхъ статей и рѣчей, посвященныхъ памяти профессора И. Н. Миклашевскаго, и приложить къ нему портретъ покойнаго; равно обратиться съ предложеніемъ къ наслѣдникамъ о готовности издать ненапечатанные еще труды покойнаго. М. Д. Линда указалъ на труды И. Н. Миклашевскаго въ харьковскомъ обществѣ грамотности, и В. П. Бузескулъ о его трудѣ въ комиссіи по выработкѣ проекта новаго университетскаго устава. Затѣмъ былъ заслушанъ докладъ М. П. Савинова: «Памяти А. А. Потебни. Гоголь и Хлестаковъ». Референтъ, исходя изъ того положенія, что всякое поэтическое произведеніе есть средство объективировать мысль, что серіозный художникъ каждымъ актомъ творчества рѣшаетъ важную задачу прежде всего для себя—съ цѣлью самоопредѣленія, самосовершенствованія, саморазвитія,—старался доказать, что и геніальный русскій юмористъ былъ не лишенъ тѣхъ же высокихъ намѣреній. На основаніи собственныхъ признаній Гоголя (цитаты изъ писемъ) и другихъ документальныхъ данныхъ (ссылки на Тургенева, Пыпина, Полевого), докладчикъ пришелъ къ убѣжденію, что Гоголь писалъ Хлестакова съ себя, что въ жизни, литературной дѣятельности, даже въ слогѣ того, кѣмъ гордится наша словесность, замѣчается хлестаковщина вообще и спеціальныя хлестаковскія стилистическія формы, при чемъ референтъ подчеркнулъ то обстоятельство, что

вопреки общепринятому мнѣнію Хлестаковъ не просто враль, а лгунъ-художникъ, котораго посѣщаетъ своего рода вдохновеніе (см. отрывокъ изъ письма Гоголя послѣ перваго представленія «Ревизора»); что хлестаковщина—не простая ложь, а—«гипербола въ крови», отъ которой чрезвычайно трудно отдѣлаться. По мнѣнію докладчика, всѣ литературныя произведенія Гоголя и характеризуются гиперболой и противоположной риторической фигурой—литотесомъ; во всѣхъ литературныхъ произведеніяхъ Гоголя замѣчаются два тона восторгъ и негодованіе, такъ сказать, ода и сатира; а въ геніальной личности его—самоувѣренность и самоуничиженіе. М. П. Савиновъ между прочимъ замѣтилъ, что эти крайности настроенія въ натурѣ Гоголя были усилены общественными теченіями: много погибло живыхъ душъ въ переходахъ отъ опьяненія высокомѣріемъ къ опредѣленію униженіемъ; эти колебанія и въ литературѣ исключали спокойное изображеніе жизни съ добромъ и зломъ; поэты легко переходили отъ оды къ сатирѣ. Н. В. Гоголь, отразивши въ типѣ Хлестакова свою гиперболичность, такъ сказать, объективировавъ въ поэтическомъ образѣ то, что было сперва субъективнымъ, тѣмъ самымъ совершилъ великій подвигъ покаянія въ грѣхѣ самомнѣнія и самоуничиженія, въ томъ грѣхѣ, въ которомъ повинно до извѣстной степени и все современное автору общество. Этотъ покаянный подвигъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ упорно стремился къ идеаламъ тотъ геніальный писатель, отъ котораго заимствовали свой свѣтъ ближайшіе его послѣдователи: Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Писемскій, Григоровичъ и др. Докладъ вызвалъ живой обмѣнъ мыслей, въ которомъ приняли участіе многіе члены обществъ. Профессоръ В. П. Бузескулъ, Н. Н. Алякритскій, о. І. Филевскій высказались противъ сопоставленія Гоголя съ Хлестаковымъ, находя его неправильнымъ и недостаточно обоснованнымъ. Д. И. Багалѣй, Н. Ѳ. Сумцевъ указывали на возможность въ нѣкоторой степени такого сопоставленія, а В. П. Харціевъ, М. А. Масловъ развили нѣкоторыми положеніями и фактами основную идею доклада и выразили пожеланіе, чтобы лекціи А. А Потебни, на основаніи которыхъ взята и отчасти развита тема докладчикомъ, были изданы, и чтобы развитіе и другихъ темъ этихъ лекцій было сдѣлано по тому прекрасному образцу, какимъ является докладъ М. П. Савинова. Докладчикъ давалъ подробныя объясненія на замѣчанія и возраженія.

Археологическій институтъ. Традиціонныя четверговыя собранія членовъ и слушателей института, для выслушанія и обсужденія рефератовъ, перенесены въ текущемъ году на воскресенья. Первое собраніе происходило 9-го декабря подъ предсѣдательствомъ профессора Н. В. Покровскаго. Актовый залъ института былъ переполненъ слушателями. Огромный успѣхъ и несмолкаемые аплодисменты выпали на долю интереснаго сообщенія предсѣдателя Императорской археологической комиссіи графа А. А. Бобринскаго «Объ остаткахъ греческой культуры въ Херсонесѣ Таврическомъ». Еще нѣсколько лѣтъ назадъ изслѣдователь Херсонеса Бертье Делягардъ высказывалъ печальныя предположенія, что на мѣстѣ древняго города уже не должно питать надежды на какія либо новыя важныя археологическія открытія. Но слѣды многовѣковой культурной жизни не исчезли, и послѣднія 4—5 лѣтъ даютъ уже возможность

назвать по количеству и научной важности новыхъ находокъ Херсонесъ-Таврическій русскою Помпеей или русской Троей. Новыя открытія произведены, благодаря систематическимъ раскопкамъ завѣдывающаго ими, по порученію императорской Археологической коммиссіи, К. К. Костюшко-Валюжинича. Обнаружена на разстояніи около 100 саженей, подъ развалинами Херсонеса Византійской эпохи, стѣна древне-греческаго города—величественный памятникъ архитектуры III—IV вѣковъ до Р. Х.: стѣна съ ея многочисленными выступами, башнями, въѣздами и пр. Высота стѣны доходитъ до 5 метровъ. Въ тайникахъ своихъ стѣна хранитъ и богатые клады. Нѣкоторые изъ нихъ дали чудные образцы греческаго ювелирнаго искусства и керамики IV—III столѣтій до начала нашей эры. Графъ демонстрировалъ передъ присутствовавшими наиболѣе интересные золотые предметы этихъ находокъ. Часть ихъ поступитъ на-дняхъ въ императорскій эрмитажъ. Къ сожалѣнію, дальнѣйшія раскопки Херсонесской стѣны встрѣчаютъ препятствіе, такъ какъ на мѣстѣ ея стоятъ зданія монастыря. Но городъ былъ великъ, и еще много любопытныхъ открытій можно ожидать здѣсь въ будущемъ. Вторымъ докладчикомъ былъ Н. Ф. Арсеньевъ, сдѣлавшій бѣглое обозрѣніе дѣятельности имѣвшаго полный успѣхъ перваго областного археологическаго съѣзда въ Ярославлѣ.

Русскій археологическій институтъ въ Константинополѣ. Институтъ поставленъ въ столь исключительныя условія, какъ первое ученое учрежденіе въ Турціи и первое въ Европѣ посвященное изученію древностей въ Византіи, что было бы слишкомъ не скромно, какъ выразился секретарь института, дѣлая годичный докладъ, требовать, чтобы въ срокъ, едва достаточный для распоряженія объ устройствѣ внѣшней, дѣловой стороны учрежденія, добыты были богатые окончательные выводы. Семь лѣтъ—настолько незначительный періодъ времени, что было бы слишкомъ смѣло ожидать отъ института осязательныхъ плодовъ дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ замѣтить, что во всѣхъ направленіяхъ институтомъ положены широкія начала, изслѣдованы пути. Институтомъ открывается со всѣхъ сторонъ работа, его содѣйствія ищутъ европейскія государства, къ нему обращаются съ запросами и предложеніями со всѣхъ концовъ міра. Въ болѣе скромномъ, но не менѣе полезномъ отношеніи для мѣстной константинопольской жизни, археологическій институтъ сталъ умственнымъ средоточіемъ, къ которому стремятся представители единовѣрныхъ народовъ. Въ послѣдніе годы, какъ и въ текущемъ, нельзя не отмѣтить того отраднаго явленія, что институтомъ устраивается рядъ общедоступныхъ бесѣдъ на археологическія и историческія темы. Эти бесѣды преимущественно ведутся на находящихся въ распоряженіи посольства военныхъ стаціонерахъ, спеціально для нижнихъ чиновъ. Въ послѣдній разъ велись на «Черноморцѣ» бесѣды на слѣдующія темы: 1) Политическое и церковное значеніе Царьграда. Основаніе города, его исторія и значеніе для Россіи. 2) Походы русскихъ на Царьградъ. Святая Ольга и крещеніе Владиміра. 3) Юстиніанъ Великій и храмъ св. Софіи въ Стамбулѣ. 4) Патріархъ Фотій. Просвѣтительная дѣятельность Кирилла и Меѳодія. 5) Крестовые походы. Завоеваніе Царьграда латинянами. 6) Осада и взятіе Царьграда турками. 7) Отношеніе Россіи къ грекамъ подъ турецкимъ владычествомъ. Бракъ царя Ивана III съ Софіей Палеологъ. 8) Казанскіе

походы. Война Россіи съ Турціей. Чесма, Наваринъ, Синопъ. 9) Вещественные остатки былого величія Царьграда. Стѣны, башни, колонны, церкви и т. д. Бесѣды эти ведутся по одобренію нашего посла г. Зиновьева, и археологическій институтъ съ большою готовностью пошелъ на встрѣчу желанію офицеровъ и нижнихъ чиновъ познакомиться съ древнимъ значеніемъ Константинополя. Въ самомъ дѣлѣ, для института не менѣе важно умноженіе научныхъ свѣдѣній о Византіи, какъ и распространеніе ихъ въ особенности въ той средѣ, которая своимъ служебнымъ положеніемъ и пребываніемъ въ Константинополѣ призывается къ болѣе сознательному отношенію къ исторіи и древностямъ Царьграда. Что же касается до отношенія къ этимъ бесѣдамъ нижнихъ чиновъ, то для нихъ онѣ являются великимъ благодѣяніемъ. Живя здѣсь «на чужбинѣ» болѣе шести мѣсяцевъ, благодаря особеннымъ условіямъ мѣстной жизни, русскіе солдатики обречены на одиночество и тоску, а потому съ удовольствіемъ присутствуютъ на бесѣдахъ, которыя приносятъ несомнѣнную пользу въ смыслѣ развитія солдата. Вообще Русскій археологическій институтъ является первымъ алтаремъ для принесенія искупительныхъ жертвъ за то, что до сихъ поръ наука не посвящала изученію Востока никакихъ учрежденій. Въ настоящее время институтъ, призванный служить многіе годы, а, быть можетъ, и цѣлые вѣка, источникомъ свѣта и науки и разсадникомъ знаній на славу русскаго имени, уже твердо сталъ на ноги, и, подъ руководствомъ г. Успенскаго, его несомнѣнно ждетъ полезная для науки будущность.

Древности каменнаго вѣка. Закончено устройство въ зданіи Кіевскаго музея древностей и искусствъ отдѣла древностей каменнаго вѣка. Предметы этого отдѣла, которому присвоено названіе имени Н. А. Терещенко (главнаго жертвователя на постройку зданія музея), размѣщены въ громадныхъ шкафахъ, изготовленныхъ на средства того же Н. А. Терещенко. Залъ отдѣла каменнаго вѣка состоитъ изъ слѣдующихъ коллекцій. Два громадные шкафа и 4 витрины заняты предметами палеолитической эпохи. Все это — тѣ предметы, которые были найдены при раскопкахъ знаменитой стоянки первобытнаго человѣка въ Кіевѣ, на Кирилловской улицѣ. Коллекція эта пріобрѣтена у В. В. Хвойко Н. А. Терещенко и пожертвована имъ музею. Далѣе, одинъ шкафъ и одна витрина заняты предметами землянокъ кіевскихъ возвышенностей. Пять слѣдующихъ шкафовъ и одна витрина заняты многочисленными предметами много нашумѣвшей трипольской или площадочной культуры, которую теперь называютъ протославянской. Къ этой же коллекціи, собранной В. В. Хвойко и пріобрѣтенной у него Н. А. Терещенко, относятся двѣ модели: модель трипольской площадки и модель жертвенника той же эпохи. Большой интересъ представляетъ помѣщающееся дальше погребеніе эпохи каменнаго вѣка; оно представляетъ собой скорченный скелетъ, лежащій въ витринѣ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ выкопанъ В. В. Хвойко лѣтомъ нынѣшняго года подлѣ Канева, на берегу р. Роси. При скелетѣ — два кремня и грубый сосудъ. Въ той же витринѣ выставлена коллекція череповъ каменной эпохи; черепа — частью крашенные, частью некрашенные. Наконецъ, въ залѣ имени Н. А. Терещенко выставлены: въ высокомъ шкафу — предметы каменнаго вѣка изъ коллекціи, пожертвованной музею графомъ А. А. Бобринскимъ, въ витринѣ—орудія каменнаго вѣка, принадлежащія Б. И. Ханенко.

Общество любителей древней письменности. 14-го декабря, состоялось общее собраніе подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева. Въ этомъ засѣданіи первое сообщеніе: «Греки—литературные дѣятели въ Москвѣ XVI—XVII вв.», было прочитано А. И. Соболевскимъ. Прежде всего докладчикъ сообщилъ результаты наблюденій надъ переводами Максима Грека. Первые переводы Максима Грека въ Москвѣ были сдѣланы имъ съ греческаго на латинскій языкъ, съ котораго Дмитрій Герасимовъ и Власій переводили уже на славянскій языкъ. Повидимому, нѣкоторыя оригинальныя сочиненія Максима были написаны имъ на латинскомъ языкѣ, а затѣмъ переведены на славянскій кѣмъ либо изъ его сотрудниковъ. Затѣмъ Максимъ сталъ самъ дѣлать переводы на славянскій языкъ, который зналъ еще до пріѣзда въ Москву, но зналъ въ болгарскомъ изводѣ: въ переводахъ Максима встрѣчаются обычныя средне-болгарскія формы; кромѣ того референтъ указалъ, что въ дошедшемъ до насъ автографѣ Максима наблюдается обычная средне-болгарская скоропись. Повидимому, Максимъ просматривалъ и поправлялъ даже переводы Дмитрія Герасимова и Власія, такъ какъ и въ этихъ переводахъ изрѣдка встрѣчаются типичныя для Максима средне-болгарскія формы. Переводческой дѣятельности Максима-монаха-аскета, прекрасно знавшаго греческій литературный языкъ и свято-отеческія творенія и, сверхъ того, владѣвшаго латинскимъ языкомъ и всею внѣшнею мудростью запада, референтъ противопоставилъ переводческую дѣятельность являвшихся въ Москву въ XVII в. грековъ, которые были совсѣмъ не похожи на Максима Грека. Это были въ большинствѣ случаевъ люди сомнительной репутаціи и далеко не тѣхъ знаній, какія нужны были московскому правительству. Оно чувствовало потребность въ новыхъ или исправленныхъ по оригиналамъ переводахъ твореній св. отцовъ, а пріѣзжіе греки такъ мало знали греческій литературный языкъ, языкъ свято-отеческихъ твореній, что сторонились отъ него и переводили лишь тѣ книжки, которыя въ XVI—XVII вѣкахъ издавались въ Венеціи на простомъ греческомъ языкѣ. Характеризуя дѣятельность переводчиковъ-грековъ, А. И. Соболевскій остановился на рядѣ переводныхъ сочиненій XVII, вѣка. Далѣе были прочитаны три сообщенія о кн. М. М. Щербатовѣ: 1) А. Г. Вороновъ, ознакомивъ съ содержаніемъ хранящейся въ Императорской Публичной библіотекѣ рукописи кн. Щербатова: «Книга о бывшихъ смятеніяхъ и междоусобіяхъ въ Россіи до избранія на престолъ царя Михаила Θеодоровича дому Романовыхъ-Юрьевыхъ», привелъ рядъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что названное сочиненіе кн. Щербатова представляетъ собою неизвѣстное до сихъ поръ продолженіе его «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ»; 2) Н. Н. Хрущовъ сдѣлалъ сообщеніе о «Частной жизни кн. М. М. Щербатова и отзывы о немъ современника chevalier de Corberon, chargé d'affaires de France en Russie (Свѣдѣнія, сообщаемыя Corberon'омъ, драгоцѣнны для будущей біографіи Щербатова, но не лишены значенія и какъ образчики воззрѣнія на русскихъ француза-дипломата, легкаго въ приговорахъ, однако и наблюдательнаго, немножко философа, немножко масона и человѣка свѣтскаго въ полномъ смыслѣ слова); 3) Н. А. Шляпкинъ ознакомилъ съ найденнымъ въ Лейпцигской библіотекѣ письмомъ кн. М. М. Щербатова отъ 1777 года, неизвѣстно кому адресованнымъ, но очень любо-

пытнымъ по даннымъ для біографіи Щербатова. А. А. Титовъ въ этомъ засѣданіи прочелъ сообщеніе о бывшихъ земельныхъ владѣніяхъ Нагихъ въ Ростовскомъ и Угличскомъ уѣздахъ, Ярославской губерніи. При этомъ вниманію собранія была представлена въ подлинникѣ извѣстная духовная память Ивана Нагова (1598 г.), любопытная, между прочимъ, потому, что Нагой, отказывая въ ней своему слугѣ Богдану Сидорову за вѣрную службу сельцо Онуфріево и поручая ему своихъ двухъ сыновей (которыхъ проситъ научить грамотѣ) и оставшуюся послѣ него жену, словомъ дѣлая Богдана Сидорова ихъ опекуномъ, не отпустилъ его на волю, тогда какъ всѣмъ своимъ людямъ онъ далъ вольныя. Въ члены корреспонденты общества избранъ преосвященный Сергій, епископъ омскій и семипалатинскій.

Общество любителей россійской словесности. 11-го декабря, въ старомъ зданіи Московскаго университета подъ предсѣдательствомъ А. Н. Веселовскаго происходило засѣданіе общества, въ которомъ д. чл. В. А. Гиляровскій сдѣлалъ докладъ «На роднѣ Гоголя». Сюжетомъ для реферата послужилъ рядъ поѣздокъ докладчика въ мѣста, которыя связаны съ памятью Гоголя. Между Миргородомъ и Полтавой г. Гиляровскій познакомился со многими современниками Гоголя, записалъ ихъ воспоминанія, точно установилъ мѣсто и день рожденія Н. В. Гоголя, представлявшіе до сихъ поръ спорный вопросъ. Референту удалось разыскать нѣсколько Гоголевскихъ реликвій и необнародованныхъ документовъ и писемъ. Самымъ интереснымъ является письмо Гоголя къ матери изъ Женевы отъ 24-го сентября 1836 г., въ которомъ онъ описываетъ свое восхожденіе на Монбланъ. Письмо это коротко, но написано необыкновенно сильно и передаетъ впечатлѣнія высокогорной природы съ снѣгами вокругъ и съ облаками внизу. Слѣдующее письмо къ матери отъ 17-го февраля 1848 года изъ Іерусалима представляетъ Гоголя совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Онъ пишетъ: «Молился кое-какъ о себѣ, о васъ же поручилъ молиться тѣмъ, которые умѣютъ лучше меня молиться». Далѣе г. Гиляровскій описываетъ усадьбу Гоголя, которая дѣлится на двѣ части: новую и старую. Первая принадлежитъ Н. В. Быкову. Усадьба содержится въ полномъ порядкѣ, Н. В. Быковъ—обладатель реликвій Гоголя: у него большой музей рѣдкихъ вещей, принадлежавшихъ писателю. Садъ въ имѣніи г. Быкова насаженъ самимъ Гоголемъ. Старая усадьба, принадлежавшая сестрѣ Гоголя Ольгѣ Васильевнѣ Головнѣ, почтенной старушкѣ, измѣнила свой прежній видъ. Многаго, что было при Гоголѣ, въ ней нѣтъ. Докладчикъ закончилъ свой рефератъ разсказомъ М. Г. Анисимо-Яновской, отдаленной родственницы Гоголей. За послѣдніе годы жизни Гоголя она не разъ видѣла его въ Яновщинѣ и ни разу не слыхала его голоса, хотя обѣдала съ нимъ: «такой угрюмый да молчаливый!». Въ разсказѣ о старыхъ временахъ г. Гиляровскій со словъ М. Г. Анисимо-Яновской нарисовалъ рядъ типовъ гоголевскихъ временъ. Предсѣдатель засѣданія, проф. А. Н. Веселовскій, заявилъ, что гоголевской и жуковской комиссіями, состоящими при обществѣ для организаціи чествованій памяти Гоголя и Жуковскаго по случаю исполнившагося въ будущемъ году 50-ти-лѣтія со дня ихъ кончины, выработана программа чествованій. 21-го февраля и 16-го апрѣля 1902 года комиссіи совмѣстно съ совѣтомъ университета устраиваютъ въ актовой залѣ универси-

тета два публичныхъ засѣданія; 10-го и 24-го марта и 7-го апрѣля—три утреннихъ засѣданія общества, а, кромѣ того, будутъ устроены два музыкальныхъ собранія — въ большой залѣ Московской консерваторіи. Засѣданіе окончилось выборами; въ члены пушкинской комиссіи избраны гг. Ю. А. Веселовскій и Алферовъ, въ дѣйствительные члены — Н. П. Барсуковъ и А. К. Энгельмейеръ.

Библіографическое общество. 4-го декабря, состоялось, подъ предсѣдательствомъ проф. Кирпичникова, общее годичное собраніе русскаго библіографическаго общества. Изъ прочитаннаго секретаремъ отчета видно, что истекшій годъ въ дѣятельности общества имѣетъ совершенно особый характеръ, такъ какъ, взявшись за такое дѣло, какъ организація празднованія 200-лѣтняго юбилея русской періодической печати, оно не могло удѣлить много времени чисто библіографическимъ работамъ. Этимъ объясняется небольшое число общихъ собраній общества (5) и незначительное число прочитанныхъ на нихъ докладовъ (7). Въ настоящее время общество состоитъ изъ 6 членовъ учредителей, 10—почетныхъ, 40—дѣйствительныхъ и 20—членовъ-корреспондентовъ. Въ истекшемъ отчетномъ году вступили вновь 4 дѣйствительные члена и 1 членъ-корреспондентъ. Тяжелую утрату понесло общество въ лицѣ скончавшагося своего почетнаго члена М. А. Веневитинова, бывшаго предсѣдателя библіографическаго кружка. Библіотека общества продолжаетъ пополняться пожертвованіями. Послѣ утвержденія отчета, секретарь общества А. А. Шевелевъ прочелъ докладъ о «русской періодической печати 100 лѣтъ тому назадъ». Первая русская газета, основанная 200 лѣтъ тому назадъ Петромъ I, подъ названіемъ «Вѣдомости о Военныхъ и Иныхъ Дѣлахъ», была въ теченіе четверти вѣка единственною; позже она переименовалась въ «С.-Петербургскія Вѣдомости», которыя еще четверть вѣка оставались единственной русской газетой. Въ 1756 году стали издаваться въ Москвѣ «Московскія Вѣдомости». Въ эпоху Екатерины II у насъ появилось довольно много журналовъ, главнымъ образомъ благодаря энергіи Новикова; большая часть ихъ, однако, существовала недолго. Въ первые годы царствованія Александра I мы находимъ уже рядъ органовъ, но политическія извѣстія въ нихъ касаются почти исключительно заграничной жизни. Лишь изрѣдка проскальзываютъ на ихъ страницахъ нѣкоторыя свѣдѣнія о русской общественной жизни, подобныя тѣмъ, какія составляютъ теперь содержаніе газетной хроники. Всѣхъ періодическихъ изданій въ 1801 году выходило 13 (теперь ихъ почти въ сто разъ больше): «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Московскія Вѣдомости», «Политическій Журналъ», напоминающій современные ежемѣсячники, «Ипокрена или Утѣха Любословія», «Мои Досуги», «Приношеніе Религіи»—изданіе духовно-нравственнаго содержанія, четыре спеціальныхъ органа: «Академическія Сочиненія», «Продолженіе Древней Русской Вивліоѳики», «Новое Продолженіе Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества», «Журналъ Правовѣдѣнія», наконецъ, одно художественное изданіе: «Пантеонъ Россійскихъ Авторовъ» и два изданія характера сборниковъ: «Правдолюбецъ» и «Утренняя Заря». Всѣ эти изданія выходили въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Въ провинціи періодическихъ изданій въ 1801 году совсѣмъ не было. Чтобы дать понятіе о газетѣ того времени, референтъ позна-

комилъ съ содержаніемъ №№ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и «Московскихъ Вѣдомостей» отъ 3-го и 4-го декабря 1801 года, а что касается журналовъ, то остановился на «Политическомъ Журналѣ», издававшемся съ 1790 года въ теченіе сорока лѣтъ, на «Иппокренѣ» и другихъ.

Библіологическое общество. 8-го декабря, въ 8 часовъ вечера, въ помѣщеніи частнаго реальнаго училища (по Загородному пр., д. 58) состоялось общее собраніе русскаго Библіологическаго общества. Э. А. Вольтеромъ прочитанъ былъ докладъ объ осмотрѣ библіотекъ въ Германіи и Австріи. Г. Вольтеръ ставилъ себѣ цѣлью выяснить рядъ вопросовъ, касающихся библіотечнаго дѣла, какъ-то: о доставкѣ издателями обязательныхъ экземпляровъ въ государственныя книгохранилища, о техническихъ усовершенствованіяхъ въ переплетномъ дѣлѣ, о лучшемъ способѣ храненія драгоцѣнныхъ гравюръ, объ устройствѣ читальныхъ залъ, о болѣе цѣлесообразномъ устройствѣ полокъ, составленіи каталоговъ, организаціи высылки книгъ иногороднымъ читателямъ, выработкѣ библіотечной бухгалтеріи, дающей возможность во всякую минуту опредѣлить число находящихся въ библіотекѣ томовъ, объ устройствѣ библіотечнаго музея, представляющаго усовершенствованіе техники библіотечнаго дѣла, и т. д. Постановка библіотечнаго дѣла у насъ въ Россіи нуждается во многихъ усовершенствованіяхъ. Такъ обязательными экземплярами у насъ питаются только библіотеки С.-Петербурга, Москвы и Гельсингфорса. Провинція совершенно забыта. Между тѣмъ въ высшей степени желательно, чтобы обязательный экземпляръ поступалъ также въ центральное книгохранилище того города, гдѣ книга издана. Больное мѣсто библіотекъ составляетъ установившееся обыкновеніе составлять комплектъ обязательныхъ экземпляровъ изъ дефектныхъ и негодныхъ. По мнѣнію референта, было бы желательно установить порядокъ, по которому издатели непосредственно отъ себя разсылали бы обязательные экземпляры въ библіотеки, а не чрезъ цензурный комитетъ, такъ какъ теперь, не желая замедлять выхода книжки, они посылаютъ не вполнѣ исправные экземпляры.

Общество дѣятелей печатнаго дѣла. 19-го декабря, разсматривался подъ предсѣдательствомъ В. В. Сабанина вопросъ объ устройствѣ концертовъ, чтеній и т. п. для увеличенія средствъ общества. Общее собраніе, повидимому, не особенно склонно было прибѣгать къ подобнымъ экстраординарнымъ мѣрамъ, которыя скорѣе приличествуютъ какому-нибудь благотворительному учрежденію, тѣмъ не менѣе вопросъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Было только оговорено, чтобы концерты устраивались безъ танцевъ. Принято предложеніе совѣта о допущеніи въ члены общества юридическихъ лицъ, вслѣдствіе чего будетъ дополненъ и § 5 устава. Собраніемъ единогласно утверждена смѣта прихода и расхода на 1902 г. Приходъ исчисленъ въ 4,415 рублей, главный источникъ котораго—членскіе взносы (болѣе 2,000 р.). Закрытой балотировкой въ почетные члены Общества избранъ Р. Р. Голике, въ дѣйствительные члены: И. П. Божеряновъ, Э. Э. Боркъ, Ю. Р. Вольнеръ, К. О. Кирхнеръ, М. П. Мельниковъ, И. В. Мѣщаниновъ. По окончаніи общаго собранія состоялась подъ предсѣдательствомъ Г. П. Франка техническая бесѣда, которая всецѣло была посвящена обсужденію проекта объ упорядоченіи ученичества въ типогра-

фіяхъ, выработаннаго особой комиссіей. Въ общемъ комиссія пришла къ слѣдующему: 1) при пріемѣ учениковъ необходимо имѣть въ виду степень образованія, здоровье и возрастъ; 2) для того, чтобы учениковъ дѣйствительно учили, а не пользовались ими, какъ это дѣлается во многихъ типографіяхъ, въ качествѣ посыльныхъ, предполагается ограничить срокъ ученичества, нормировать число учениковъ относительно наборщиковъ и подвергать экзамену при спеціально устроенномъ при обществѣ бюро; 3) имѣя въ виду, что на малоуспѣшный ходъ обученія имѣетъ громадное вліяніе переходъ учениковъ изъ одной типографіи въ другую, гдѣ они уже выдаютъ себя за наборщиковъ, установить регистрацію учениковъ и выдержавшимъ экзаменъ выдавать свидѣтельства или билетъ, удостовѣренный старшимъ инспекторомъ типографій; 4) для поднятія умственнаго и нравственнаго уровня учениковъ устраивать общежитія, полезныя развлеченія, прогулки по образцовымъ заведеніямъ печатнаго дѣла и проч.; предсѣдателемъ было предложено высказаться по существу проекта; между прочимъ, выяснилось, что положеніе учениковъ въ нашихъ типографіяхъ за рѣдкими исключеніями въ высшей степени печальное, требующее скорѣйшаго измѣненія къ лучшему. Оживленныя пренія по поводу проекта ясно доказали, что вопросъ этотъ дѣйствительно назрѣлъ, и техническая комиссія во время поставила его на очередь, за что многочисленными присутствовавшими и была выражена благодарность предсѣдателю ея.

Памятникъ первопечатнику. Въ настоящее время въ императорское московское археологическое общество поступило уже очень много заявленій о желаніи принять участіе въ конкурсѣ по составленію проекта памятника первопечатнику діакону Ивану Ѳедорову. Интересно, что заявленія поступаютъ изъ славянскихъ земель, Франціи и Австріи. Отъ одного болгарскаго художника полученъ даже эскизъ памятника. Археологическое общество въ свое время ходатайствовало предъ городскимъ управленіемъ объ отводѣ земли для постановки памятника на Театральной площади, у Китайской стѣны, вблизи Синодальной типографіи. Городское управленіе отказало въ этомъ ходатайствѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что не представляется возможнымъ загромождать площадь сооруженіями. Въ настоящее же время само городское управленіе заняло испрашиваемое мѣсто подземнымъ туалетнымъ павильономъ съ двумя высокими выступами, которые обезобразили площадь. А памятникъ первопечатнику относится въ уголъ къ Проломнымъ воротамъ, къ Третьяковскому проѣзду.

Географическое общество. I. 30-го ноября, А. А. Ешевскій сдѣлалъ сообщеніе о своемъ путешествіи по Манчжуріи отъ Портъ-Артура вдоль линіи Восточно-Китайской желѣзной дороги до Хайлара и русской границы. Не останавливаясь на подробностяхъ, уже извѣстныхъ, упомянемъ прежде всего объ описаніи докладчикомъ города Дальняго, который, по всей вѣроятности, будетъ имѣть очень важное значеніе какъ въ торговомъ, такъ и другихъ отношеніяхъ. Теперь въ этомъ городѣ строится портъ для глубокосидящихъ судовъ, заняты земельными работами до 30.000 китайцевъ, и ихъ работа покажется довольно странной непривычному человѣку; вмѣсто того, чтобы возить землю въ тачкахъ, китайцы переносятъ ее въ маленькихъ корзинахъ на коромыслахъ, что,

конечно, не способствуетъ быстротѣ работы, впрочемъ китайцы выкупаютъ свои недостатки—слабосиліе и медлительность—необычайнымъ упорствомъ и выносливостью, при томъ праздниковъ китайцы почти не знаютъ, и прогульныхъ дней у нихъ не бываетъ. Существуетъ опасеніе, что Дальній будетъ составлять нежелательную конкуренцію для г. Инкоу, главнаго торговаго центра Манчжуріи. Докладчикъ полагаетъ, что эти опасенія не основательны. Эти два центра должны будутъ лишь дополнять дѣятельность другъ друга. Не надо забывать, что сообщеніе съ Инкоу водой прекращается на 3 мѣсяца, тогда какъ въ Дальнемъ всегда открытый портъ, но въ то же время Инкоу занимаетъ настолько выгодное положеніе для сосредоточенія торговли, и торговцы такъ привыкли производить черезъ него свои торговые обороты, что едва ли Дальній будетъ въ состояніи отнять значеніе у Инкоу. Городъ этотъ лежитъ въ наиболѣе плодородной и богатой мѣстности Манчжуріи. Изъ Инкоу докладчикъ поѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Мукденъ, бывшую столицу Манчжуріи; дорога идетъ среди великолѣпной долины, засѣянной рисомъ, хлопкомъ и просомъ. Поѣзда, конечно, идутъ медленно, остановки на станціяхъ продолжаются по 6—10 часовъ. Дорога обходитъ Мукденъ верстъ на 20. Несмотря на большое неудобство, это сдѣлано по просьбѣ китайскаго правительства, указавшаго на то, что близъ Мукдена находятся императорскія могилы, и нарушеніе тишины этихъ могилъ желѣзнодорожнымъ шумомъ могло бы вызвать неудовольствіе народа. Такимъ образомъ до Мукдена верстъ 20 приходится ѣхать на лошадяхъ, иногда это путешествіе продолжается около сутокъ, докладчикъ же попалъ въ удачное время, и переѣздъ былъ сдѣланъ въ 6 часовъ. Дорога здѣсь отвратительная, единственно хороши мосты, построенные еще 300 лѣтъ назадъ, но, къ сожалѣнію, оставленные теперь безъ пользованія, такъ какъ громадныя лужи около мостовъ заставляютъ проѣзжихъ предпочитать объѣздъ по гатямъ. Съ китайцами мы теперь въ хорошихъ отношеніяхъ, и русскіе даже предоставили внѣшнюю охрану Мукдена китайскому караулу. Въ Мукденѣ стоитъ еще императорскій дворецъ, въ которомъ живутъ 5 мандариновъ и чиновники; несмотря на это, разрушеніе дворца таково, что жизнь въ немъ представляетъ серіозную опасность. Повидимому, дворецъ не ремонтировался всѣ 300 лѣтъ, хотя суммы на ремонтъ отпускались исправно. Во многихъ залахъ, также и въ великолѣпномъ тронномъ, нѣтъ потолковъ, дерево до того сгнило, что палка легко дѣлаетъ въ немъ отверстіе, на крышахъ растутъ цѣлыя деревья. Особенно печально, что въ этомъ зданіи находится богатѣйшая китайская библіотека, ежеминутно рискующая погибнуть въ развалинахъ или огнѣ. Въ такомъ же запустѣніи и императорскія могилы; ближнія могилы находятся въ 5-ти верстахъ отъ города, дальнія—въ 18-ти. Когда-то это были величественныя сооруженія, расположенныя въ замѣчательно красивой сосновой рощѣ, теперь вездѣ полное разрушеніе. Изъ Мукдена г. Ежевскій пріѣхалъ въ Телинъ, затѣмъ побывалъ въ Харбинѣ, которому прочитъ блестящую будущность, какъ узловой станціи для трехъ желѣзныхъ дорогъ. Экономическая жизнь Манчжуріи значительно поднялась, по мнѣнію докладчика, съ прибытіемъ русскихъ, китайская торговля расширилась, такъ какъ уже исчезаетъ понемногу страхъ передъ китайскимъ чиновникомъ, безнаказанно обиравшимъ населеніе. Насе-

леніе поэтому относится къ русскимъ довольно дружелюбно, врагами же остались тѣ же чиновники. **II.** Въ состоявшемся 11-го декабря засѣданіи отдѣленія географіи математической и физической Б. А. Федченко сдѣлалъ докладъ объ экспедиціи своей послѣднимъ лѣтомъ въ Памиръ и Шугнанъ, отчетъ которой мы помѣщаемъ ниже (см. «Географическіе экспедиціи»). Въ этомъ же засѣданіи С. И. Максимовъ сдѣлалъ небольшое сообщеніе о наблюденіяхъ, произведенныхъ имъ надъ почвенными водами, колебаніе уровня коихъ стоитъ въ связи съ колебаніемъ уровня рѣкъ; вопросъ этотъ въ виду его интереса и важности отданъ на обсужденіе метеорологической комиссіи. И. В. Мушкетовъ доложилъ членамъ собранія о томъ, что въ нынѣшнемъ году у отдѣленія отъ расходовъ на изданія остается свободныхъ 6.000 рублей, которые могутъ быть употреблены на организацію экспедицій, что было недоступно данному отдѣленію уже два года. **III.** 12-го декабря, подъ предсѣдательствомъ П. П. Семенова, въ общемъ собраніи П. Ю. Шмидтъ, начальникъ корейско-сахалинской экспедиціи, сдѣлалъ общій очеркъ дѣятельности ея въ 1900—1901 гг. Экспедиція эта была снаряжена географическимъ обществомъ въ 1899 г. Задачи экспедиціи были очень широки, выполненію же ихъ въ полномъ ихъ объемѣ помѣшали восточныя событія прошлаго года, но все-таки полученные результаты обильны и цѣнны. Экспедиція подвергла основательному изученію морскую фауну залива Петра Великаго, фауну Японскаго моря, совершила сухопутное путешествіе въ Корею и изучила рыбные промыслы Сахалина. Въ заливѣ Петра Великаго производились изысканія на различныхъ глубинахъ (до 120 саж.) у Аскольдова острова, въ бухтѣ Находка и другихъ мѣстахъ; на 120-ти-саженной глубинѣ были извлечены очень красивыя морскія лиліи; очень интереснымъ по своей природѣ оказался островъ Аскольдовъ, онъ не великъ—всего 6 верстъ длины и представляетъ собою тайгу, гдѣ постоянно водятся олени, на немъ же находятся золотые пріиски. Изученіе морской фауны продолжалось въ Кореѣ—въ заливѣ Броутона, и привело къ заключенію сходства фауны послѣдняго залива съ заливомъ Петра Великаго, а также заставляетъ сомнѣваться въ существованіи предполагаемаго холоднаго теченія, идущаго Охотскимъ моремъ и Татарскимъ проливомъ. Путешествіе къ восточному берегу Кореи, въ Алмазныя горы и къ вершинѣ Сансабонъ было исполнено пѣшкомъ, съ большими затрудненіями, вслѣдствіе избалованности вьючныхъ лошадей, привыкшихъ ѣсть только отварные бобы, и ихъ проводниковъ, которые отказываются ночевать подъ открытымъ небомъ и выискиваютъ обязательно гостиницы, гдѣ нѣжатся на подогрѣтыхъ дымовымъ ходомъ полахъ; мѣстность представляетъ собою долину, покрытую рисовыми полями, небольшими холмами, красиво испещренную верстовыми столбами съ изображеніемъ человѣческихъ головъ и священными деревьями, увѣшанными пестрыми лоскутками; дорога къ Алмазнымъ горамъ и въ самыхъ горахъ очень живописна—всюду грандіозныя ущелья, потоки, скалы съ высѣченными изображеніями Будды и многочисленные монастыри, единственные разсадники буддизма въ Кореѣ. Въ монастыряхъ путешественники находили радушный пріемъ, имъ предоставлялся даровой ночлегъ, но за съѣденный рисъ предъявлялся счетъ, а также представлялись книги для рас-

писыванія и пожертвованій. Отъ Сансабона экспедиція повернула къ Фузану и отъ Фузана прошла до Сеула; послѣдній путь представляетъ собою гористую страну и безлѣсныя долины, богатыя луговой растительностью; край этотъ является центромъ корейскаго скотоводства. По дорогѣ попадались интересныя процессіи, переносящія священныя таблицы въ конфуціанскіе храмы, а также покойниковъ съ одного мѣста на другое, что дѣлается, когда въ семьѣ комунибудь не везетъ послѣ смерти родича. Сеулъ представляетъ собою крайне жалкій видъ и, вѣроятно, является бѣднѣйшей столицей міра; дворецъ очень бѣденъ и снабженъ бумажными окнами и полами; рѣзкимъ контрастомъ ко всему этому является электрическій трамвай, устроенный американцами. Всего по Кореѣ по мало извѣстнымъ странамъ было сдѣлано экспедиціей пѣшкомъ 1.200 верстъ: были сдѣланы бѣглыя съемки, метеорологическія наблюденія, собраны богатыя этнографическія, ботаническія и зоологическія коллекціи. Въ Японіи въ разныхъ частяхъ Кіу-Сіу извлечено до 400 видовъ рыбы и изъ нихъ много новыхъ и интересныхъ. На Сахалинѣ изъ Корсаковска было совершено нѣсколько сухопутныхъ поѣздокъ для изученія сельдяного, лососиннаго и китоваго промысловъ; на югѣ Сахалина добывается около $4^2/_2$ пудовъ сельдей, перерабатываемыхъ японскими промышленниками въ удобрительные туки. Чтеніе доклада илюстрировалось обильными фотографіями и выставленной богатой художественно-этнографической коллекціей. **IV.** Въ засѣданіи отдѣленія этнографіи, 14-го декабря, подъ предсѣдательствомъ академика В. И. Ламанскаго, членъ сотрудникъ общества Н. Е. Ончуковъ, ѣздившій нынѣшнимъ лѣтомъ на Печору, сдѣлалъ докладъ о «расколѣ на Низовой Печорѣ». Низовая Печора населена русскими, часть которыхъ коренные потомки новгородцевъ, пришедшихъ сюда въ началѣ XVI-го вѣка. Теперь Низовая Печора административно дѣлится на двѣ волости: Пустозерскую и Усть-Цылемскую, жители которыхъ рѣзко разнятся и въ бытовомъ отношеніи: пустозеры православные, устьцылемы—раскольники-безпоповцы. 80 слишкомъ селеній устьцылемовъ раскиданы на громадномъ пространствѣ, по берегамъ какъ самой Печоры, такъ и ея притоковъ — Цыльмы, Пижмы и Перицы. Какъ поморцы, устьцылемы отрицаютъ таинства и священство, но изъ чисто практическихъ соображеній почти всѣ вѣнчаются въ православной церкви. Послѣ вѣнчанія на брачащихся всегда накладывается эпитимія, состоящая въ постѣ и въ нѣсколькихъ сотняхъ земныхъ поклоновъ въ день. Передъ вѣнчаніемъ въ православной церкви раскольниковъ миропомазываютъ, присоединяя такимъ образомъ къ православію, но устьцылемы и дальше, во всю послѣдующую жизнь, конечно, отнюдь не считаютъ себя православными и отказываются исполнять предъявляемыя къ нимъ священниками требованія: ходить на исповѣдь и причащеніе, крестить и хоронить по православному обряду и прочее. Все это служитъ причиной недоразумѣній. Дѣтей крестятъ у раскольниковъ книжныя старушки и старики-наставники, при чемъ умираютъ иногда и некрещеными; зато принято креститься на старости, передъ смертью, чтобъ, явясь на тотъ свѣтъ съ новымъ именемъ, не отвѣчать за нажитые во всю жизнь при старомъ имени грѣхи. Не желая хоронить по православному обряду, устьцылемы хоронятъ своихъ покойниковъ ночью гдѣ нибудь въ полѣ, подлѣ овина; дѣтей закапы-

ваютъ во дворѣ, а бывали случаи, что и въ подпольѣ. Такъ какъ и смерть и рожденіе всегда скрываются, то настоящая цифра населенія въ волости никогда навѣрное неизвѣстна: многіе, давно уже умершіе, въ спискахъ все еще числятся живыми. Таинства причащенія у печорскихъ раскольниковъ нѣтъ, а исповѣдываются они у своихъ стариковъ наставниковъ. Исповѣдь бываетъ обычно «общая», при чемъ исповѣдники раздѣляются на группы: малочашечниковъ, т.-е. кержачащихъ, ѣдящихъ каждый изъ своей чашки, большечашечниковъ, ѣдящихъ въ своей семьѣ изъ общей чашки, и поперечныхъ, ѣдящихъ изъ одной посуды, или даже съ «мірскими», т.-е. православными, что случается, напримѣръ, въ дорогѣ. На общей исповѣди наставникъ громко вычитываетъ по списку грѣхи, главнымъ образомъ противъ никоніанства, а исповѣдники хоромъ отвѣчаютъ: «грѣшенъ». Живущее въ Усть-Цыльмѣ духовенство и чиновничество обвиняютъ устьцылемокъ (устьцылемъ и устьцылемка,—это нарицательныя имена жителей всей волости, точно такъ же, какъ пустозеръ, пустозерка—житель вообще Пустозерской волости) въ суровомъ обращеніи, въ нелюбви къ дѣтямъ, отчего будто происходитъ сильная дѣтская смертность. Нелюбовь къ дѣтямъ г. Ончуковъ объясняетъ наслѣдіемъ бракоборнаго ученія, при которомъ бракъ въ антихристово время блудъ, и дѣти, прижитыя отъ него, не чисты, а слѣдовательно недостойны любви. Но ученіе это на Печорѣ теперь совсѣмъ исчезло, и дѣтская смертность въ Усть-Цылемской волости едва ли сильнѣе таковой же вообще въ деревняхъ по всей Россіи. Преувеличеннымъ сильно также считаетъ докладчикъ и мнѣніе о страшной развращенности, распущенности раскольниковъ устьцылемовъ. Нравы у сосѣдей устьцылемовъ, съ одной стороны пустозеровъ, съ другой—зырянъ-ижемцевъ, могутъ быть дѣйствительно нѣсколько чище, но зато у раскольниковъ устьцылемовъ несравненно выше положеніе женщины въ семьѣ. У зырянъ-ижемцевъ женщина до сихъ поръ безотвѣтная раба мужа, въ семьѣ устьцылема жонка совершенно полноправный членъ семьи; особенно цѣнится устьцылемская «жонка», какъ хранительница старовѣрства, блюстительница «древняго благочестія». Поэтому грамотны въ Усть-Цылемской волости больше, пожалуй, женщины. Вообще раскольники устьцылемы очень добрый, гостепріимный, очень общительный народъ, при этомъ народъ очень честный: устьцылемы совсѣмъ непричастны, напримѣръ, къ той варварской эксплоатаціи обитающихъ въ тундрахъ Печоры самоѣдовъ, которую продѣлывали надъ самоѣдами и до сихъ поръ продѣлываютъ православные ижемцы-зыряне и русскіе пустозеры. Страшная эксплоатація самоѣдовъ ижемцами и пустозерами, много разъ засвидѣтельствованная офиціально (напримѣръ, въ 1888 г. архангельскимъ губернаторомъ княземъ Н. Д. Голицынымъ), привела къ печальнымъ результатамъ; самоѣды теперь совершенно спились, развратились, всѣ поголовно заражены сифилисомъ, а ихъ богатство—стада оленей, перешло къ ижемцамъ и пустозерамъ. Изъ прежнихъ богачей самоѣдовъ уцѣлѣли единицы, большинство же или въ пастухахъ оленьихъ стадъ у ижемцевъ и пустозеровъ, или живетъ въ дырявыхъ чумахъ около русскихъ селеній, питаясь Христа ради. Въ заслугу печорскому расколу можно поставить еще то, что, будучи больше консервативенъ, чѣмъ православное населеніе, расколъ больше, чѣмъ послѣднее сохранилъ въ себѣ древній

укладъ и обликъ русской жизни. Это сказывается и въ рѣчи —староновгородскій говоръ, въ одеждѣ—женщины до сихъ поръ носятъ парчевыя одежды и кокошники, шушуны и душегрейки, въ формахъ быта—сильное развитіе общиннаго начала. Сказывается это и въ поэзіи: устьцылемы пока еще не знаютъ пѣсенъ частушекъ, поютъ исключительно старыя, досельныя пѣсни и даже былины; свадьбы справляютъ по древле-установленному чину. Общій выводъ докладчика о печорскомъ расколѣ таковъ; чего либо строго опредѣленнаго,всѣми ясно сознаваемаго въ теоретическомъ ученіи раскола въ настоящее время здѣсь нѣтъ, мало того, съ каждымъ годомъ все больше и больше падаетъ интелигентность раскола, что г. Ончуковъ наблюдалъ лѣтомъ 1900 года также и среди раскольниковъ на рѣкѣ Колвѣ, Уньѣ и верхней Печорѣ въ Чердынскомъ уѣздѣ Пермской губерніи. Упадокъ интелигентности въ печорскомъ расколѣ докладчикъ ставитъ въ связь съ кажущимся ему ослабленіемъ духа раскола въ Россіи вообще, а это зависитъ, можетъ быть, отъ поворота народныхъ стремленій въ религіозной сферѣ въ сторону раціоналистическаго сектантства; послѣднее, какъ извѣстно, годъ-отъ-году усиливается. Отчасти это зависитъ и отъ уменьшенія напряженности раскола, что въ свою очередь можетъ быть объяснено закономъ 1883 года, уменьшившимъ сравнительно строгость преслѣдованій за вѣру. Паденію интеллигентности печорскаго раскола способствовали и свои, чисто печорскія причины: это паденіе раскольничьей грамотности среди устьцылемовъ. А пала эта грамотность потому, что въ 1844 году былъ закрытъ Великоноженскій скитъ на р. Нижмѣ, тотъ самый, гдѣ въ 1844 году произошло самосожженіе раскольниковъ, въ числѣ 86 человѣкъ. Великоноженскій скитъ въ теченіе 100 слишкомъ лѣтъ служилъ разсадникомъ грамотности на Печорѣ. Въ настоящее время потребность въ грамотности на Печорѣ очень сильна, какъ и вездѣ, что и удовлетворяютъ отчасти министерскія училища и церковно-приходскія школы: отчасти потому, что училищъ этихъ слишкомъ мало, а у раскольниковъ и потому еще особенно, что они не совсѣмъ охотно отдаютъ въ нихъ дѣтей. Докладчику посчастливилось рѣшить въ положительномъ смыслѣ вопросъ о былинахъ на Печорѣ. Таковыя до сихъ поръ на Печорѣ только неувѣренно предполагались, но г. Ончуковъ записалъ и привезъ нѣсколько былинъ, надѣясь использовать всѣ эти быстро исчезающія сокровища народнаго творчества въ слѣдующую поѣздку на Печору, будущимъ лѣтомъ. **V.** 29-го декабря, въ актовомъ залѣ университета, состоялось торжественное засѣданіе совмѣстно съ секціями физической географіи и географіи XI съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей. Засѣданіе открылось рѣчью предсѣдателя П. П. Семенова, приблизительно слѣдующаго содержанія: императорское русское географическое общество въ болѣе чѣмъ полувѣковой своей дѣятельности, стремясь къ разностороннему изученію Россіи и странъ, съ нею сопредѣльныхъ, всѣми силами старалось расширить географическую область естествознанія: вотъ почему большинство участниковъ многочисленныхъ снаряжаемыхъ имъ экспедицій были естествоиспытателями; вотъ почему императорское русское географическое общество въ теченіе своей дѣятельноти шло рука объ руку съ русскими естествоиспытателями, и вотъ почему

нынѣ, въ данномъ собраніи, оно считаетъ ихъ не гостями, а своими. «Примите же,—продолжалъ П. П. Семеновъ,—дорогіе товарищи по естествознанію и по изслѣдованію дорогого намъ отечества, горячій мой привѣтъ отъ имени всего рускаго географическаго общества. Привѣтъ этотъ тѣмъ болѣе относится къ съѣхавшимся съ разныхъ концовъ Россіи труженикамъ науки, что въ томъ фазисѣ, въ которомъ находится современное положеніе географическихъ познаній Россіи, мы нуждаемся въ мѣстныхъ изслѣдователяхъ, имѣющихъ корни въ разныхъ частяхъ обширнаго нашего отечества и поставленныхъ въ возможность наблюдать на мѣстахъ своего жительства явленія природы интенсивно въ ихъ ежедневномъ движеніи и измѣненіи. Поэтому императорское русское географическое общество съ особенною радостью смотритъ на собравшихся въ большомъ числѣ со всѣхъ концовъ Россіи на нынѣшнемъ съѣздѣ естествоиспытателей и на необыкновенное его оживленіе. Наглядно убѣждаемся мы, что наука естествознанія идетъ у насъ впередъ быстрыми шагами, и намъ, начавшимъ свою дѣятельность полвѣка назадъ, когда насъ было еще такъ мало, остается передать столь полнымъ жизни и силы молодымъ поколѣніямъ русскихъ естествоиспытателей и географовъ завѣтъ самоотверженнаго служенія наукѣ и любви къ дорогому и славному нашему отечеству, служенію которому мы такъ беззавѣтно готовы отдать до конца нашихъ дней всѣ свои силы». Рѣчь П. П. Семенова была покрыта долгими и горячими рукоплесканіями. Затѣмъ Н. А. Зарудный сдѣлалъ краткій предварительный отчетъ объ очень интересномъ путешествіи въ Восточную Персію, сдѣланномъ имъ въ 1900—1901 гг. по порученію географическаго общества. Это путешествіе въ Персію Н. А. Зарудняго является уже третьимъ, при чемъ онъ дошелъ въ послѣдней экспедиціи до самой Индіи. Экспедиція продолжалась одинъ годъ, пройдено болѣе 4 тысячъ верстъ, изслѣдованы тщательно восточныя части Сеистана, и Персидскій Белуджистанъ пройденъ совершенно новыми путями. Первоначальное намѣреніе посѣтить Хелаccкій Белуджистанъ не могло осуществиться, такъ какъ подъ вліяніемъ англичанъ экспедиція туда не была пропущена. Сеистанъ—одна изъ самыхъ плодороднѣйшихъ странъ, это—Египетъ въ миніатюрѣ; она носитъ на себѣ слѣды очень древней культуры и является крайне важнымъ стратегическимъ пунктомъ для англичанъ. Белуджистанъ въ своемъ оазисѣ Мегасѣ, по долинѣ рѣки Рутъ-Сарбасъ—самая большая и населенная часть Ирана; лучшее селеніе Белуджистана—Бабу-Келатъ, въ немъ много лавокъ, наполненныхъ предметами европейской культуры, по происхожденію своему преимущественно изъ Германіи и Франціи; впрочемъ встрѣчаются русскіе товары: керосинъ и даже самовары. Въ крайнемъ пунктѣ Персіи, портѣ Чахбаръ, являющемся телеграфной англійской станціей, экспедиція встрѣтила очень радушный пріемъ и желаніе полнаго содѣйствія въ пріобрѣтеніи научнаго матеріала. Экспедиція привезла огромныя коллекціи, преимущественно зоологическія, произвела метеорологическія наблюденія, нанесеніе картъ, опредѣленіе высотъ, сдѣлала множество фотографическихъ снимковъ и вообще оказалась очень плодотворной по своимъ результатамъ.

Этнографическій отдѣлъ общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. I. 17-го декабря, въ зданіи консерваторіи, происхо-

дило очередное засѣданіе музыкально-этнографической комиссіи, состоящей при отдѣлѣ подъ предсѣдательствомъ Н. А. Янчука. Въ засѣданіи была окончательно разсмотрѣна и утверждена къ печатанію и разсылкѣ издаваемая комиссіей подъ редакціей ея секретаря А. Л. Маслова подробная программа для собиранія пѣсенныхъ мотивовъ и всевозможныхъ свѣдѣній, касающихся народной музыки. Отсутствіе такой руководящей программы, доступной для всякаго любителя народной музыки, очень дурно отражалось на всѣхъ нотныхъ записяхъ, дѣлаемыхъ любителями, и сплошь и рядомъ эти записи оказывались мало пригодными для научныхъ цѣлей. Сознавая этотъ недостатокъ, комиссія прежде всего позаботилась о такомъ полезномъ и необходимомъ руководствѣ, которымъ она и начинаетъ серію своихъ изданій, запасшись для начала небольшой суммой отъ устраиваемыхъ ею этнографическихъ концертовъ. Въ томъ же засѣданіи, между прочимъ, шла рѣчь объ устройствѣ слѣдующаго (V-го) этнографическаго концерта, который назначенъ на 30-е января 1902 года въ залѣ Романова и будетъ состоять изъ образцовъ народной музыки великоруссовъ, бѣлоруссовъ, малоруссовъ, литовцевъ, грузинъ, финляндцевъ, мордвы, вотяковъ и сартовъ, какъ изъ существующихъ въ печати сборниковъ, такъ и изъ новыхъ матеріаловъ, собранныхъ за послѣднее время членами комиссіи во время спеціальныхъ командировокъ отъ этнографическаго отдѣла. Нѣкоторыя изъ этихъ записей дѣлались при посредствѣ фонографа (Е. Э. Линевой, А. Л. Масловымъ, Н. С. Тезавровскимъ, Д. И. Аракчіевымъ и др.) и, переведенныя на бумагу, онѣ даютъ фотографически вѣрную копію народнаго исполненія. Б. В. Пасхаловъ доложилъ въ засѣданіи оцѣнку объемистаго сборника литовскихъ пѣсенъ (болѣе 700 нумеровъ), собранныхъ ксендзомъ Ант. Юшкевичемъ и изданныхъ подъ редакціей Сиг. Носковскаго и И. Бодуэна де-Куртенэ Краковской академіей наукъ въ прошломъ году къ 500-лѣтію Ягеллонскаго университета. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ будутъ исполнены въ концертѣ 30-го января. **II.** 19-го декабря въ политехническомъ музеѣ происходило публичное соединенное засѣданіе отдѣла и состоящей при отдѣлѣ музыкально-этнографической комиссіи. Д. И. Аракчіевъ въ обширномъ докладѣ ознакомилъ собраніе съ историческимъ развитіемъ грузинской музыки. Начавъ съ языческой эпохи, референтъ перешелъ затѣмъ къ христіанской церковной музыкѣ, наконецъ охарактеризовалъ современную свѣтскую музыку, раздѣливъ ее на музыку деревни и музыку города; на первой отразился въ сильной степени церковный складъ, а вторая нерѣдко представляетъ собою смѣсь арабской, персидской и западно-европейской музыки. Чтеніе сопровождалось многочисленными музыкальными нумерами, которые были исполнены на фортепіано, на грамофонѣ, хоромъ и солистами. Многочисленная публика принимала референта и исполнителей дружными аплодисментами. Въ происходившемъ затѣмъ закрытомъ засѣданіи были произведены выборы членовъ бюро. Оказались выбранными на слѣдующее трехлѣтіе: предсѣдатель В. Ѳ. Миллеръ, товарищъ предсѣдателя Н. А. Янчукъ, секретарь В. В. Богдановъ, библіотекарь А. Н. Максимовъ.

Общество любителей изслѣдованія Алтая въ Барнаулѣ. 14-го ноября общество праздновало свое первое десятилѣтіе. Торжество было весьма

скромное: собрались на засѣданіе, открытое рѣчью почетнаго предсѣдателя общества А. Ф. Кублицкаго-Пиоттухъ, 40—50 представителей мѣстной интеллигенціи, что для Барнаула и въ частности для самого общества немного. Привѣтствія обществу со стороны присутствующихъ на собраніи ограничились рѣчью предсѣдательствовавшаго, но зато было прочтено около 25-ти привѣтственныхъ телеграммъ и адресовъ, присланныхъ различными учрежденіями и лицами изъ другихъ городовъ Сибири и Европейской Россіи. Секретаремъ былъ прочитанъ сжатый очеркъ дѣятельности общества за десятилѣтіе; произведены выборы трехъ лицъ, оказавшихъ услуги обществу, въ его почетные члены, а дѣйствительнымъ членомъ общества А. М. Головачевымъ сдѣлано весьма интересное сообщеніе «О семейномъ и общественномъ положеніи киргизской женщины». Этимъ и закончилось «торжество», наиболѣе любопытной частью котораго было, несомнѣнно, сообщеніе г. Головачева. Въ общемъ торжество все-таки производило впечатлѣніе довольно тяжелое, чего-то формальнаго, ненужнаго и въ то же время холодно-оффиціальнаго. А между тѣмъ давно ли это самое общество группировало около себя лучшіе элементы мѣстной интеллигенціи, его собранія и даже засѣданія совѣта привлекали многочисленныхъ посѣтителей, которыми горячо обсуждались разнообразнѣйшіе вопросы мѣстной жизни. Общество усиленно и энергично работало при самыхъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ захолустнаго существованія и ограниченности матеріальныхъ средствъ. Истративъ за все десятилѣтіе всего около 10 тысячъ рублей, общество произвело рядъ крупныхъ работъ: произвело подворное изслѣдованіе 130-ти переселенческихъ поселковъ Алтайскаго округа, однодневную перепись г. Барнаула, подвергло обслѣдованію начальныя школы въ округѣ въ санитарно-экономическомъ отношеніи, организовало нѣсколько научныхъ командировокъ въ инородческій Алтай, издало четыре тома «Алтайскаго сборника»; на его многолюдныхъ собраніяхъ дѣлались членами общества научныя сообщенія, читались и обсуждались рефераты и доклады. И все это въ какія нибудь пять—шесть лѣтъ. Общество жило и работало. Совсѣмъ иную картину оно представляетъ за послѣдніе годы: дѣятельность его почти замерла, работъ—почти никакихъ, засѣданія весьма рѣдки, интересъ къ обществу въ окружающей средѣ, повидимому, изсякъ. Только въ послѣдній годъ въ немъ наблюдается какъ будто немного болѣе жизни. Объясненія этого печальнаго явленія нужно искать въ общихъ условіяхъ существованія и дѣятельности провинціальныхъ научныхъ обществъ, которыя именно и характеризуются періодичностью колебаній въ ихъ энергіи, работѣ и вообще дѣятельности: періоды расцвѣта смѣняются періодами упадка и обратно въ зависимости отъ множества частныхъ условій. Поэтому нельзя придавать преувеличеннаго значенія тому факту, что дѣятельность общества сильно ослабѣла,—это еще не показываетъ, что оно близится къ смерти: за временнымъ затишьемъ наступятъ вновь годы усиленной работы. Порукой въ этомъ можетъ служить исторія всѣхъ другихъ сибирскихъ ученыхъ обществъ. Внѣшнимъ толчкомъ для общества, вѣроятно, послужитъ присоединеніе его къ русскому географическому обществу въ качествѣ его подъотдѣла, о чемъ общество уже увѣдомлено вице-президентомъ географическаго об-

щества П. П. Семеновымъ, — присоединеніе уже рѣшено, практическое же осуществленіе его требуетъ еще нѣкоторыхъ формальностей.

Географическія экспедиціи. I. Экспедиція П. К. Козлова. Недавно закончилась замѣчательная русская экспедиція, въ продолженіе двухъ съ половиной лѣтъ работавшая въ Монголіи и Тибетѣ. Экспедиція эта, въ составѣ всего 18 человѣкъ, подъ начальствомъ одного изъ «птенцовъ гнѣзда» Пржевальскаго, поручика Козлова, выступила изъ станицы Алтайской 14 іюля 1899 года и сначала изслѣдовала часть Алтая между русскою границей и городомъ Кобдо. Здѣсь спутникомъ Козлова, Ладыгинымъ, были произведены интересныя наблюденія надъ племенемъ урянхайцевъ, которыхъ также называютъ уйгурами. Повидимому, это жалкіе остатки великаго нѣкогда тюркскаго племени, въ настоящее время значительно омонголенные; въ странѣ ихъ экспедиціей найдены многочисленные памятники древности: круги изъ камней, каменныя бабы и проч. Въ августѣ 1899 года экспедиція оставила Кобдо и двинулась далѣе на юго-востокъ, вдоль Монгольскаго Алтая, который состоитъ изъ двухъ параллельныхъ горныхъ цѣпей. Горы эти, обвѣваемыя вѣтрами пустыни, сухи и бѣдны водой; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ обнажены совершенно; мѣстами, однако, въ склонахъ ихъ попадался лѣсъ, и нѣкоторыя вершины были покрыты снѣгомъ; у подножія горъ встрѣчались небольшія озера съ солоноватою или прѣсною водой. Около озера Бегеръ были замѣчены странные звуки, которымъ туземцы придаютъ сверхъестественное происхожденіе. Звуки, повидимому, происходятъ отъ столкновенія подъ острымъ угломъ теплаго вѣтра, идущаго изъ долины, съ холодными струями горнаго воздуха. Въ мартѣ 1900 года экспедиція перевалила въ ту огромную, болотистую и солонцеватую равнину, которая лежитъ на $2^1/_2$ версты надъ уровнемъ моря и называется у монголовъ Цайдамомъ; Цайдамъ является какъ бы первою сѣверною ступенью тибетскаго нагорья. Еще у Пржевальскаго установились дружественныя отношенія съ безобиднымъ монгольскимъ населеніемъ Цайдама, и всѣ наши экспедиціи устраивали здѣсь временные склады для той части провіанта и снаряженія, которую невозможно было брать съ собой на мрачныя выси тибетскаго нагорья. Козловъ дѣйствовалъ въ томъ же духѣ; одному изъ «гыгеновъ», оказавшему наибольшія услуги предшествовавшей русской экспедиціи (Роборовскаго), были переданы царскіе подарки (восемь серебряныхъ позолоченныхъ вазъ съ монгольскими надписями); при содѣйствіи монголовъ лишніе запасы были помѣщены въ «хырмѣ» (глиняной крѣпостцѣ) Барунъ-Засака, гдѣ была также устроена метеорологическая станція. Для охраны склада отъ тибетскихъ разбойниковъ, голыковъ, которые безнаказанно бродятъ по Цайдаму и обижаютъ мѣстныхъ монголовъ, въ «хырмѣ» былъ оставленъ адъютантъ Козлова Ивановъ съ переводчикомъ и двумя казаками. Внутри ограды былъ вырытъ колодецъ для снабженія гарнизона водой на случай осады. Въ маѣ 1900 года экспедиція, въ боевомъ составѣ 15 человѣкъ, выступила по направленію къ истокамъ Желтой рѣки, несмотря на обычное предупрежденіе со стороны властей ближайшаго китайскаго города Синина (въ провинціи Гань-су), что послѣднія отклоняютъ отъ себя всякую отвѣтственность за возможныя проявленія враждебности по отношенію къ русскимъ со стороны тибетскихъ раз-

бойниковъ; 27 мая 1901 года экспедиція перевалила черезъ проходъ въ 4.500 метровъ высотой, громадный снѣговой (несмотря на крайнюю сухость климата) хребетъ Бурханъ-Будда, составляющій какъ бы сѣверную ограду Тибета въ собственномъ смыслѣ этого слова. По дорогѣ, съ помощью небольшой переносной лодки, было изслѣдовано озеро Алыкъ-норъ. 6 іюля перевалили черезъ вторую, столь же высокую, снѣговую цѣпь, Амне-коръ, и вскорѣ съ высокаго перевала увидали въ отдаленіи водную площадь озера, изъ котораго выходитъ Желтая рѣка; Пржевальскій назвалъ это озеро Русскимъ. Здѣсь по близости кочуетъ разбойничье тибетское племя—голыковъ, уже не разъ нападавшихъ на предшествовавшія русскія экспедиціи. И теперь здѣсь былъ встрѣченъ караванъ голыковъ, возвращавшихся изъ Лхассы; ихъ было 500—600 человѣкъ, съ двумя тысячами вьючныхъ яковъ. Козловъ сдѣлалъ попытку вступить съ голыками въ миролюбивыя отношенія и добыть отъ нихъ проводника, но это не удалось. Наши смѣльчаки, однако, не пали духомъ, и въ то время, какъ одинъ изъ спутниковъ Козлова, Ладыгинъ, съ восемью казаками наблюдалъ за движеніемъ голыковъ, Козловъ прошелъ вдоль неизслѣдованнаго еще западнаго берега Русскаго озера, а Казнаковъ пробрался еще дальше и почти обогнулъ другое озеро, лежащее выше и соединенное съ первымъ протокомъ,—озеро Джаринъ-норъ (Пржевальскій, открывшій истоки Желтой рѣки, назвалъ его озеромъ Экспедиціи). Озера находятся на высотѣ четырехъ верстъ надъ уровнемъ моря (4.100 метровъ); каждое изъ нихъ имѣетъ около 130 верстъ въ окружности и покрыто островами; берега круты; цвѣтъ воды красивый голубовато-зеленый. При помощи переносной лодки были произведены промѣры дна нижняго озера. Температура воды его равнялась 8—9°; температура воздуха нерѣдко опускалась (въ іюнѣ мѣсяцѣ) до семи градусовъ ниже нуля. Козловъ не сталъ спускаться внизъ по долинѣ Желтой рѣки, гдѣ его ждали вооруженные отряды голыковъ, и направился далѣе къ югу, къ верховьямъ Голубой рѣки (Янъ-цзы-цзяна), однако онъ письменно увѣдомилъ главу разбойничьяго племени, Кенегенъ-Сена, что онъ надѣется побывать въ гостяхъ у голыковъ на обратномъ пути. Переправа черезъ Янъ-цзы совершилась благополучно. Страна, лежавшая южнѣе великой рѣки, весьма живописна и густо населена полукочевыми тангутами. По верхнимъ склонамъ горъ пасутся стада домашнихъ животныхъ, а ниже, въ долинахъ (на высотѣ 3½ верстъ) засѣвается ячмень, дающій самъ 10. По дорогѣ часто встрѣчались деревни, кумирни. Къ счастію, мѣстное населеніе относилось къ экспедиціи дружественно. Однако, проникнуть ближе къ Лхассѣ нечего было и думать; одинъ караванъ паломниковъ, возвращавшійся изъ Лхассы въ китайскую провинцію Сы-Чуанъ, распространилъ среди жителей слухъ, будто весною (1900 года) англичане намѣревались овладѣть Лхассой при посредствѣ вооруженной силы, и немалое количество тибетцевъ пало въ бою, защищая священный городъ. Поэтому правительство Далай-ламы распорядилось удвоить предосторожности противъ всякихъ попытокъ иноземцевъ пробраться въ священную область. Ивановъ, оставленный на Цайдамѣ, увѣдомилъ императорское русское географическое общество черезъ наше посольство въ Пекинѣ, что на складъ и метеорологическую станцію были сдѣланы тангутскими раз-

бойниками два нападенія, въ іюлѣ и октябрѣ 1900 года; оба раза тангуты были отбиты съ значительными для себя потерями. Въ іюлѣ 1901 года въ Бійскѣ были получены тревожныя вѣсти. Въ Кобдо распространился слухъ, что на экспедицію напала двухтысячная орда тангутовъ, и хотя нападеніе было отражено, но лишь цѣною жизни восьми участниковъ экспедиціи, которая находится будто бы въ крайней опасности. Къ счастію, это оказалось не вѣрно. Осенью русское посольство въ Пекинѣ увѣдомило императорское географическое общество, что экспедиція Козлова, прозимовавъ около Чіамдо (въ восточномъ Тибетѣ), пробралась затѣмъ новою, нехоженою дотолѣ дорогой, къ озерамъ въ верховьяхъ Желтой рѣки. На пути пришлось дѣйствительно выдержать три сраженія съ тангутами, но исходъ ихъ былъ для экспедиціи благополученъ, и въ срединѣ іюня она возвратилась къ цайдамскому складу въ полномъ составѣ, проведя въ Тибетѣ 13 мѣсяцевъ и собравъ драгоцѣнныя коллекціи. Въ августѣ Козловъ выступилъ въ обратный путь и 16 ноября, какъ увѣдомляютъ телеграммы, перешелъ въ Кяхтѣ русскую границу. Такъ закончилось это долгое и опасное путешествіе, закончилось вполнѣ благополучно, невзирая на страшныя волненія, потрясавшія Китай во время пребыванія экспедиціи въ его предѣлахъ. **II. Изслѣдованіе Сыръ-Дарьи.** Рѣка Сыръ-Дарья, только-что изслѣдованная по порученію министерства путей сообщенія, беретъ начало со снѣжнаго хребта Тянь-Шаня. Верховья рѣки, по словамъ Н. П. Пузыревскаго, сдѣлавшаго докладъ въ засѣданіи географическаго общества, отличаются обиліемъ пороговъ, малою глубиной и быстротой теченія, но далѣе она становится, послѣ сліянія съ Кара-Дарьей, настолько глубокою, что вполнѣ возможно устройство здѣсь даже пароходнаго сообщенія. Эта верхняя часть рѣки порогами у Ходжента отдѣляется отъ нижняго ея теченія—тоже глубокаго и удобнаго для плаванія. Глубины на фарватерѣ колеблются около 3,5 и даже 4 саж., а мѣстами, у вогнутыхъ береговъ, доходятъ и до 8 саж.; глубины менѣе 5 футовъ встрѣчаются крайне рѣдко. Общее паденіе рѣки отъ Чиназа до устья—95 саж., и оно распредѣлено очень равномѣрно на всемъ протяженіи рѣки, чего не бываетъ въ рѣкахъ равнины Европейской Россіи. Ниже Чиназа, верстахъ въ 250, начинаютъ попадаться острова и мели, и рѣка нерѣдко течетъ въ нѣсколько руслъ; такой характеръ сохраняется до 624 вер. ниже Чиназа. Здѣсь нерѣдко попадаются водовороты довольно значительныхъ размѣровъ. Ниже Тансаута Сыръ-Дарья представляетъ цѣпь плёсовъ, соединенныхъ другъ съ другомъ сначала очень кривыми потоками; ширина плесовъ бываетъ около 300 саж., а протоковъ—50—70 саж., фарватеръ же, случается, доходитъ до 20 саж. ширины. Далѣе до Перовска рѣка все время течетъ однимъ русломъ, ширина ея около 80 саж., и она тутъ вездѣ удобна для судоходства. Въ 12 верстахъ ниже Перовска Сыръ-Дарья отдѣляетъ отъ себя слѣва рукавъ Джаны-Дарья, который въ меженное время обсыхаетъ. Въ 30 вер. ниже Перовска рѣка раздѣляется на два рукава, обмывающіе островъ Конкурганъ, длиной до 114 в. и шириной до 13 в. Правый рукавъ называется Караузякомъ, а лѣвый—Яманъ-Дарьею; первый рукавъ раздѣляется далѣе на рядъ протоковъ, которые ниже снова образуютъ одно русло. Другой же рукавъ, Яманъ-Дарья, несетъ главную массу

воды; онъ очень извилистъ, глубокъ и напоминаетъ своимъ видомъ каналъ; ширина его около 40—80 саж., глубина по большей части 4—4 с., наименьшая—5 футовъ. Отъ Кармакчи рѣка снова течетъ однимъ русломъ, но попадаются довольно значительные острова, и извилины рѣки все еще велики; такой характеръ сохраняется до самаго устья. Глубина на фарватерѣ попадается до 8 саж. и наименьшая глубина выше Казалинска—5 ф., а ниже—6 ф. Дельта Сыръ-Дарьи постепенно растетъ и за полустолѣтіе увеличилась на 5 верстъ. Около устья рѣка разбивается на рядъ мелкихъ рукавовъ, и это мѣсто носитъ мѣстное названіе Косъ-Аралъ; въ настоящее время судоходенъ правый рукавъ. Сыръ-Дарья влечетъ за собою массу наносовъ, главнымъ образомъ илистаго характера. Песчаныхъ мелей на рѣкѣ почти-что нѣтъ. Перекаты очень коротки и гораздо устойчивѣе таковыхъ же на Волгѣ и на Дону, конечно, благодаря илистому характеру ложа рѣки; вообще русло Сыръ-Дарьи принадлежитъ къ устойчивымъ. О колебаніяхъ уровня водъ рѣки данныхъ существуетъ мало. Среднія скорости теченія въ меженное время равняются около 3,6 футовъ въ секунду. Бассейнъ Сыръ-Дарьи обнимаетъ до нѣсколькихъ сотъ тысячъ квадратныхъ верстъ. Долина рѣки, повидимому, является бывшею котловиной большаго внутренняго моря, на что указываетъ и составъ почвы. Поверхность долины очень ровная и затопляется на значительномъ пространствѣ высокими водами рѣки, отлагающими иногда плодородный илъ и выщелачивающими соль изъ почвы, подготовляя такимъ образомъ плодородную поверхность обширнаго протяженія. Въ нижней части рѣки, отъ Туркестана до Ташсуата, берега возвышены до 1 саж. надъ меженнымъ уровнемъ. Они покрыты лѣсомъ и служатъ мѣстомъ осѣдлой жизни. Въ нижнемъ теченіи рѣка неоднократно мѣняла русло и покрыла своимъ иломъ около 100.000 кв. верстъ. **III. Озера Памира.** Н. В. Богоявленскій, дважды совершившій путешествіе на Памиръ, сдѣлалъ 10-го декабря въ засѣданіи отдѣла ихтіологіи русскаго общества акклиматизаціи интересное сообщеніе объ озерахъ Памира. Изслѣдованіе озеръ произведено референтомъ въ послѣднюю поѣздку лѣтомъ текущаго года. Н. В. Богоявленскій описалъ сначала первое большое озеро Памира—Каракуль, въ переводѣ «грозное», «черное» озеро. Восточный берегъ озера, по которому лежитъ дорога, вполнѣ безжизненъ, и только издали виднѣются бѣлыя полянки, покрытыя какою-то солью. Путешественники остановились на южномъ берегу озера, гдѣ была хоть кое-какая травка. Каракуль представляетъ громадный бассейнъ воды, около 30 верстъ въ длину и 20 верстъ въ ширину. Съ южной стороны къ нему трудно подойти отъ множества мелкихъ озерковъ, которыя всѣ соединяются между собою небольшими проливами. При болѣе близкомъ разсмотрѣніи оказалось, что всѣ эти мелкія озера образовались отъ протаиваній подъ почвой цѣлаго слоя льда. Ледъ занимаетъ на южномъ берегу громадную площадь, покрытую сверху на два аршина слоемъ почвы, представляющей типичное отложеніе озернаго дна. Въ этомъ наносѣ встрѣчается много раковыхъ слизняковъ, а также часто попадаются въ высохшемъ состояніи взрослыя формы веснянокъ, которыя встрѣчаются въ большомъ количествѣ на Памирахъ и домики ихъ отличаются удивительнымъ разнообразіемъ въ постройкѣ. Другое озеро Зоркуль лежитъ на высотѣ болѣе 13.000

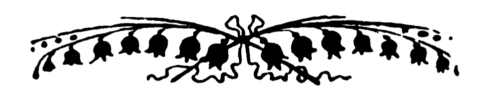
футовъ; оно имѣетъ около 12 верстъ въ ширину и 20 верстъ въ длину; берега его оживленнѣе береговъ Каракуля; встрѣчается масса птицы: гуси, утки, бакланы, чайки, кулики и др. Біологическій планктонъ озера оказался очень бѣднымъ. Докладчику удалось собрать въ одномъ мѣстѣ берега въ пѣнѣ большое количество зимнихъ дафній, которыя были демонстрированы на засѣданіи. Слѣдующее озеро Друмъ, никѣмъ еще не описанное, лежитъ въ юго-западномъ углу Памира. Доступъ къ нему очень труденъ; оно расположено среди отвѣсныхъ горъ, длина его пять верстъ, ширина—двѣ версты, но глубина простирается до 105 аршинъ. Вода отличается замѣчательною прозрачностью; въ озерѣ много рыбы, но планктонъ очень бѣденъ. Отсюда путешественники отправились къ озеру Яшиль-куль, или Зеленому озеру, гдѣ произошло столкновеніе афганцевъ съ русскими. Длина его около 20 верстъ, а ширина—4—5 верстъ. Природа этого озера рѣзко отличается отъ другихъ озеръ; флора его совершенно другая и напоминаетъ флору низко лежащихъ мѣстъ. Около Зеленаго озера водится амфибія—жаба. Всѣ берега изобилуютъ массою птицы; по долинѣ рѣчки, впадающей въ Яшиль-куль, растетъ много травы и находится множество кочевокъ. Въ фаунистическомъ отношеніи озеро не представляетъ ничего особеннаго. Но зато три озера, лежащія недалеко отъ Яшиль-куля, поражаютъ своимъ невѣроятнымъ развитіемъ одной формы листоногихъ раковъ. Весь бебегъ одного небольшого и неглубокого озера ($^1/_2$—$^3/_4$ аршина) былъ покрытъ яйцами артемій. Все дно было покрыто, приблизительно на вершокъ, шкурками тѣхъ же артемій. Плавать по озеру было невозможно отъ запаха разлагающихся рачьихъ тѣлъ. Среди мутной бѣлесоватой воды озера выплывали какъ будто темнокрасные змѣи, длиною около аршина, а толщиною въ руку. Эти змѣи при внимательномъ разсмотрѣніи оказывались плавающими стадами темнокрасныхъ артемій. Кромѣ перечисленныхъ озеръ, Н. В. Богоявленскимъ были еще изслѣдованы два озера—Шоръ и Раткуль, лежащія на сѣверо-восточномъ Памирѣ, невдалекѣ отъ Китайской границы. **IV. Памиръ и Шугнанъ**. Минувшимъ лѣтомъ дѣйствительнымъ членомъ географическаго общества Б. Н. Федченко былъ предпринятъ рядъ изслѣдованій въ области высочайшаго нагорья Азіи—Памира и долины Шугнана, недавно присоединеннаго къ Бухарѣ отъ Афганистана. Изслѣдователю удалось проникнуть туда съ границъ Бадахшана и подножій Гиндукуша. Главною цѣлью экспедиціи являлись ботаническія изслѣдованія, но произведены также изслѣдованія надъ ледниками. Кромѣ того, собраны коллекція насѣкомыхъ и другихъ животныхъ, коллекція почвъ, и проч. На сѣверномъ склонѣ Алайскаго хребта встрѣчаются тѣнистые арчевые лѣса, среди которыхъ на полянахъ растутъ въ изобиліи травы, образуя луга, остающіеся совершенно нетронутыми кочующими здѣсь въ теченіе лѣтняго времени киргизами; зимою послѣдніе проводятъ здѣсь все время. Дальнѣйшій путь черезъ Алайскую долину былъ совершенъ при весьма неблагопріятной погодѣ, постоянномъ холодномъ вѣтрѣ. Алай—это рай кочевниковъ: сюда они сходятся со своими тысячными стадами, здѣсь ихъ откармливаютъ въ теченіе іюня и іюля, а къ августу долина уже пустѣетъ. Далѣе черезъ перевалъ Кызылъ-артъ, считающійся какъ бы воротами Памира, экспедиція поднялась на это нагорье Средней Азіи, лежащее немного ниже перевала и пред-

ставляющее каменистую пустыню съ рѣдкою и бѣдною растительностью. Для всего Памира извѣстно только 200 видовъ разныхъ растеній, а присоединивъ вновь найденные экспедиціей, все же нельзя насчитать болѣе 250—300 видовъ. Флора здѣсь отличается замѣчательною приспособленностью къ мѣстнымъ тяжелымъ условіямъ. При дальнѣйшемъ движеніи по Памиру путь экспедиціи пролегалъ мимо озера Большой Кара-куль, гдѣ была сдѣлана дневка. Озеро довольно значительное, около 150 кв. в. Островами и полуостровами оно раздѣлено на двѣ части, восточную—мелкую и западную—глубокую. Берега восточной части озера поднимается не болѣе 2—3 саженъ надъ водою; тутъ образовалась цѣлая цѣпь озеръ, соединенныхъ протоками съ главнымъ. На береговыхъ разрѣзахъ Кара-куля встрѣчаются прослойки подпочвеннаго льда, который, по мнѣнію докладчика, происхожденія озернаго, а не ледниковаго, какъ думали нѣкоторые путешественники. Далѣе экспедиція направилась къ рѣкѣ Мургабу черезъ перевалъ Акбайталъ, откуда рѣчка того же имени идетъ по долинѣ до Мургаба. У самаго сліянія двухъ рѣкъ расположенъ Памирскій постъ. Памирскій постъ—русское небольшое укрѣпленіе, существующее всего лѣтъ семь. Здѣсь устроены изъ кирпича-сырца склады, вырыты рвы, окружающіе все поселеніе, лежащее на самой окраинѣ береговой террасы долины Мургаба. Рѣка тутъ течетъ не широкимъ русломъ и даже во время разлива не выходитъ изъ него, развѣ случится особенно сильное половодье. Нижняя терраса рѣки занята болотистымъ лугомъ, а верхняя—растительностью, характерною для каменистой пустыни, далѣе склоны горъ также одѣты растительностью, а еще выше въ ущельяхъ встрѣчаются альпійскія лужайки. Съ Памирскаго поста экспедиція пошла сперва внизъ по рѣкѣ Мургабу вдоль рѣки Алигура, при чемъ переправа черезъ Мургабъ совершена была не безъ труда; особенную помощь оказали мѣстные киргизы. Послѣднихъ на Памирѣ немного, 1.200—1.500 человѣкъ, образующихъ особую Памирскую волость и пользующихся значительными льготами. Лѣтомъ киргизы уходятъ высоко въ горы и пасутъ стада по альпійскимъ лугамъ, и зимою живутъ въ долинахъ рѣкъ или озеръ. Главное ихъ занятіе скотоводство: разводятъ барановъ, верблюдовъ, лошадей и яковъ, составляющихъ главное богатство киргизовъ. Яки доставляютъ не только хорошее молоко, но и служатъ лучшимъ вьючнымъ животнымъ для горныхъ странъ: гдѣ лошадь итти не можетъ, якъ пройдетъ безъ труда. Долина рѣки Алигура не широка, всего верстъ 10, и растительность здѣсь не такъ богата, какъ по Мургабу. Около западнаго конца долины расположено озеро Сассыкъ-куль, само по себѣ небольшое, всего около версты въ діаметрѣ, но очень интересное; вода его соленая. Затѣмъ было посѣщено озеро Яшиль-куль, въ которое впадаетъ рѣка Алигуръ. Это озеро не что иное, какъ запруженная часть Алигура; ширина его около двухъ верстъ, а длина верстъ 25. Отсюда экспедиція прошла въ Шугнанъ, гдѣ была встрѣчена посланцами шагнанскаго бека, сопровождавшими ее далѣе на всѣмъ пути. Въ долинѣ рѣки Гунта встрѣчались поселенія шугнанцевъ и ихъ посѣвы, но послѣднихъ мало. Сѣютъ тутъ рожь, бобы, горохъ, все вперемежку на одномъ полѣ, убираютъ все вмѣстѣ и вмѣстѣ же мелютъ сѣмена, получая смѣшанную муку. Ниже верѣчались посѣвы табака. Въ селеніи Хорогъ экспедицію встрѣтили бекъ и начальникъ рус-

скаго поста въ этомъ мѣстѣ. Мѣстное населеніе—племя таджиковъ, очень бѣдное; живутъ тутъ въ сакляхъ, сложенныхъ изъ камня; внутри сакли совершенно темныя; единственное отверстіе—маленькая дверь; спятъ на земляныхъ нарахъ. Рядомъ каменная ограда для загона скота; двѣ, три хижины составляютъ селеніе, рѣдко больше. Изъ домашнихъ животныхъ разводятъ лошадей, коровъ, ословъ, овецъ, козъ. Изъ Хорога сдѣлана была поѣздка вверхъ по рѣкѣ Пянджу до поста Ишкашимскаго, по довольно трудной дорогѣ, лежащей большею частью по карнизу надъ рѣчнымъ ложемъ, мѣстами подмытому и залитому водами бурной рѣки. Послѣдняя мѣстами довольно широка, мѣстами—всего въ нѣсколько саженъ шириною. Ишкашимскій постъ былъ крайнимъ пунктомъ движенія экспедиціи на югъ. Отсюда видны уже склоны Гиндукуша и его проходы. Результаты путешествія слѣдующіе: всего пройдено свыше 1.500 верстъ караваннаго пути, собраны богатыя коллекціи ботаническія и отчасти по другимъ отраслямъ знаній. **V. Алтайская экспедиція.** Лѣтомъ текущаго года, какъ сообщаетъ «Сибирская Жизнь», извѣстнымъ изслѣдователемъ озеръ Акмолинской области, П. Г. Игнатовымъ, была предпринята, совмѣстно съ военнымъ топографомъ Розенауеромъ, горнымъ инженеромъ Барятинскимъ и тремя студентами, экспедиція для изученія Телецкаго озера и его многочисленныхъ притоковъ. Всѣ имѣвшіяся до сихъ поръ свѣдѣнія объ этомъ озерѣ, по туземному наименованію «Алтынъ-коль», были неполны, неточны, отрывочны. Экспедиціи удалось пополнить этотъ пробѣлъ, точно опредѣлить размѣры озера, его глубину, строеніе береговъ, озерную флору и фауну. Произведена была гидрографическая съемка, опиравшаяся на промѣрахъ озера, при помощи лота Томсена, въ 2½ тыс. точекъ, глубина «Алтынъ-коля» доходитъ мѣстами до 170 саженъ, длина—173 версты, площадь поверхности—около 200 кв. верстъ. Эти данныя показываютъ, что «Алтынъ-коль» занимаетъ третье мѣсто среди русскихъ озеръ, уступая лишь Каспію и Байкалу. Берега главнаго плеса состоятъ изъ сланцевыхъ массивовъ, южная часть опоясана гранитными скалами. Термическія свойства озера своеобразны: при довольно высокой температурѣ воздуха, верхніе слои воды имѣли 3—4 градуса. Замерзаетъ ежегодно лишь болѣе мелкая часть, главный же плесъ сковывается льдомъ приблизительно одинъ разъ въ семь лѣтъ. Къ сентябрю «Алтынъ-коль» становиться очень бурнымъ и небезопаснымъ для плаванія. Берега его почти необитаемы. Близъ лежащія поселенія поражаютъ своею бѣдностью. Скотоводство, рыболовство и охота—главные источники существованія для обитателей этого уголка Алтая. Въ озерѣ ловится много рыбы разныхъ видовъ, встрѣчаются ракообразные, моллюски. Помимо Телецкаго озера и его побережья, экспедиціей обслѣдованъ былъ и бассейнъ рѣки Чулушмана, верховья котораго оказались почти совершенно безлюдными. Г. Игнатовымъ вывезены богатыя зоологическая, ботаническая и геологическая коллекціи. Сдѣлано также свыше 500 фотографическихъ снимковъ.

Общество востоковѣдѣнія. 30-го ноября, I. В. Тарновскій сдѣлалъ сообщеніе о Бухарѣ. Правительственная власть въ Бухарѣ принадлежитъ эмиру, тремъ его помощникамъ и 43 бекамъ, въ завѣдываніи которыхъ находятся отдѣльные округа, при чемъ управленіе бековъ имѣетъ цѣлью не благосостоя-

ніе ввѣренной области, а личное обогащеніе правителя. Почва Бухары очень плодородна, и земледѣліе могло бы процвѣтать здѣсь, если бы было урегулировано водопользованіе. Бухара—одна изъ тѣхъ странъ, для которыхъ необходимо искусственное орошеніе. Почти единственнымъ воднымъ источникомъ для Бухары является рѣка Заравшанъ, половина которой находится въ русскихъ предѣлахъ. Въ прежнее время распредѣленіе воды производилось на особыхъ водныхъ съѣздахъ, каждый округъ тогда получалъ столько, сколько ему было нужно. За послѣднее время этотъ порядокъ не практиковался, слѣдствіемъ чего и явился водный кризисъ 1899 года, а съ нимъ и полный неурожай хлѣбовъ и растеній. Пшеница, ячмень, просо и джугара вообще могутъ быть культивированы въ Бухарѣ съ большимъ успѣхомъ. Другое дѣло—рисъ; его урожай требуетъ такого обилія воды, что Бухара не въ состояніи довольствоваться своимъ рисомъ и получаетъ его изъ Самарканда и отчасти изъ Персіи. Зато хлопокъ можетъ съ успѣхомъ произростать въ Бухарѣ, и для Россіи очень важно способствовать этой отрасли сельскаго хозяйства, такъ какъ бухарскій хлопокъ всегда найдетъ спросъ на нашихъ рынкахъ. Одною изъ заброшенныхъ, но также имѣющихъ большую будущность, отраслей хозяйства, является виноградарство и связанное съ нимъ виноделіе. Превосходные сорта винограда позволяютъ производить очень тонкія вина, но бухарцы мало обращаютъ вниманія на винодѣліе и во всякомъ случаѣ до сихъ поръ не старались сдѣлать изъ него предметъ торговли. Издавна извѣстна еще Бухара своими мерлушками, но и здѣсь бухарцы проявляютъ крайнюю неподвижность. Скупкою каракулевыхъ шкурокъ занимаются нѣсколько кулаковъ-бухарцевъ и русскихъ по весьма низкимъ цѣнамъ, но затѣмъ почти всѣ наличныя шкурки перепродаются ими по 5 рублей штука нѣмцамъ, которые обрабатываютъ шкурки и затѣмъ обратно возвращаютъ въ Россію уже по 25 р. за шкурку. Между тѣмъ устроить соотвѣтственный заводъ на мѣстѣ, вѣроятно, не потребовало бы особыхъ затратъ, большая же прибыль этого дѣла очевидна. Горное дѣло въ Бухарѣ еще въ зачаткѣ. Докторъ геологіи Крафтъ, изслѣдовавшій Бухару, нашелъ здѣсь богатѣйшія залежи золота, и въ послѣднее время съ большимъ успѣхомъ начали здѣсь золотопромышленную дѣятельность инженеры Жоравко-Покорскій и Спрассъ. Разрѣшеніе на добычу золота зависитъ отъ туркестанскаго генералъ-губернатора и утверждается эмиромъ и даже при самыхъ примитивныхъ способахъ промывки можетъ дать до 25 процентовъ прибыли. Шелководство въ Бухарѣ крайне упало, но поправить это дѣло вполнѣ возможно. Вообще, по мнѣнію докладчика, Бухара представляетъ одну изъ тѣхъ странъ, которыя въ умѣлыхъ рукахъ могутъ дать неисчерпаемыя богатства, остающіяся неиспользованными у полудикаго и невѣжественнаго населенія.

НЕКРОЛОГИ.

БОГДАНОВСКІЙ, А. М. Въ Кіевѣ скончался 5-го января заслуженный профессоръ Новороссійскаго университета, извѣстный криминалистъ, Александръ Михайловичъ Богдановскій. Покойный родился въ 1832 г. въ Тамбовской губ., воспитывался въ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ, затѣмъ кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ со степенью кандидата правъ. На двадцать первомъ году онъ былъ назначенъ исполняющимъ должность адъюнкта Ришельевскаго лицея по каѳедрѣ уголовнаго права и практическаго судопроизводства, черезъ четыре года защитилъ диссертацію «Развитіе понятій о преступленіи и наказаніи въ русскомъ правѣ до Петра Великаго» на степень магистра уголовнаго права, назначенъ профессоромъ лицея и вскорѣ директоромъ. При преобразованіи Ришельевскаго лицея въ Новороссійскій университетъ А. М. принялъ дѣятельное и видное участіе въ этой реформѣ, затѣмъ былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ уголовнаго права и занималъ эту каѳедру до 1887 г. Въ 1870 г. онъ защитилъ диссертацію «Молодые преступники» на степень доктора уголовнаго права. Помимо професорской дѣятельности покойный занимался и публицистической работой. Въ 50-хъ годахъ онъ редактировалъ «Одесскій Вѣстникъ» и умѣлъ привлечь къ участію въ этой газетѣ Н. И. Пирогова, Ордынскаго, Савича и др. Подъ его редакторствомъ «Одесскій Вѣстникъ» отражалъ въ себѣ передовыя теченія тогдашняго времени. Кромѣ того, онъ издавалъ вмѣстѣ съ А. И. Георгіевскимъ «Новороссійскій литературный борникъ», былъ предсѣдателемъ мѣстнаго педагогическаго общества, членомъ одесской городской управы, почетнымъ мировымъ судьей. По выходѣ въ отставку А. М. поселился въ своемъ имѣніи Полтавской губ. и занялся сельскимъ хозяйствомъ, затѣмъ переселился въ Кіевъ. Покойному пришлось пережить нѣсколько ниверситетскихъ исторій, студенческую въ 1869 г., Богишичевскую и др. Какъ профессоръ, онъ пользовался большими симпатіями своихъ слушателей за свое

всегдашнее добродушіе, гуманность и нравственное мужество. (Некрологъ его: «Нов. Время» 1902, № 9286).

Іенсенъ, Д. И. 10-го января скончался профессоръ скульптуры, Давидъ Ивановичъ Іенсенъ. Покойный, родомъ датчанинъ, жилъ въ Россіи съ 1841 г., когда былъ вызванъ въ Петербургъ для исполненія разныхъ скульптурныхъ работъ: большихъ барельефовъ, каріатидъ и т. п. во дворецъ великой княгини Маріи Николаевны. Свое художественное образованіе онъ получилъ въ Копенгагенской королевской академіи художествъ, руководимой въ то время извѣстнымъ скульпторомъ Торвальдсеномъ. По пріѣздѣ въ Россію съ 1843 по 1847 г. Д. И. былъ преподавателемъ въ скульптурныхъ классахъ рисовальной школы Общества поощренія художниковъ (нынѣ Общество поощренія художествъ). Д. И. Іенсену приписывается множество чрезвычайно интересныхъ декоративно-скульптурныхъ работъ, которыми украшены многіе наши дворцы, общественныя зданія и манежи. Такъ, напримѣръ, имъ исполнены почти всѣ статуи (исключая шести, стоящихъ на лицевой сторонѣ), часть барельефовъ, бюстовъ и группъ зданія императорскаго Эрмитажа. Ему же принадлежатъ и всѣ скульптурныя работы во дворцахъ великихъ князей Николая Николаевича Старшаго, Михаила Николаевича, Сергѣя и Павла Александровичей, а также и всѣ украшенія въ императорскихъ комнатахъ на станціяхъ Царскосельской желѣзной дороги. Кромѣ того, имъ же исполненъ недурной памятникъ баронету Виліе въ клиникѣ военно-медицинской академіи, барельефы для зданія академіи и фонтанъ «Гигея». очень интересные фронтоны на Конногвардейскомъ манежѣ, красивый мраморный каминъ для дворца великаго князя Владиміра Александровича, множество крупныхъ барельефовъ для дома гр. Шереметева, множество всевозможныхъ бюстовъ, фигуръ, фонтановъ и вазъ для украшенія садовъ. Еще въ бытность свою въ Копенгагенской академіи Д. И. Іенсенъ получилъ за свои работы золотую медаль, а въ 1857 году наша академія художествъ присудила ему званіе академика за барельефъ: «Ахиллесъ возвращается съ поединка съ тѣломъ побѣжденнаго Гектора». Въ 1868 году ему дано было званіе профессора скульптуры за статую «Діаны», находящуюся въ академическомъ музеѣ, которая и была въ томъ же году выставлена на академической выставкѣ. Въ 1886 г. была выставлена его послѣдняя извѣстная работа—эскизъ-проектъ памятника покойному императору Александру III. (Некрологъ его: «Нов. Время» 1902, № 9288).

Фонъ-Кауфманъ, М. П. 7-го января въ С.-Петербургѣ скончался членъ государственнаго совѣта, генералъ-адъютантъ, инженеръ-генералъ, Михаилъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ.

Покойный, сынъ доблестнаго участника суворовскаго похода и братъ извѣстнаго покорителя Бухары и Хивы, родился 2-го ноября 1822 года въ м. Телепентахъ, Бессарабской губ. По окончаніи курса въ винницкой гимназіи онъ былъ опредѣленъ въ Николаевское инженерное училище, въ 1839 г. произведенъ въ полевые инженеры и началъ слушать лекціи въ офицерскихъ классахъ училища (нынѣ инженерная академія). Въ это время случился съ нимъ эпизодъ, едва не испортившій всей его будущности. Послѣ удачнаго экзамена, 17-лѣтній юноша-офицеръ вышелъ на улицу безъ шпаги. Первымъ,

кого онъ встрѣтилъ, былъ великій князь Михаилъ Павловичъ. «На гауптвахту!»—раздался надъ ухомъ пойманнаго врасплохъ юноши звучный голосъ грознаго начальника.—«На которую, ваше высочество?»—успѣлъ промолвить оторопѣвшій офицеръ. Вопросъ этотъ былъ сочтенъ за браваду, и черезъ 24 часа М. И. сидѣлъ подъ конвоемъ на перекладной и скакалъ въ Бобруйскую крѣпость въ качествѣ прапорщика мѣстной команды. Но вспыльчивый великій князь былъ не злопамятенъ. Года не прошло со времени высылки, какъ М. И. было объявлено полное прощеніе съ возвращеніемъ въ академію. По окончаніи въ ней курса покойный опредѣлился въ гвардейскій саперный баталіонъ и съ тѣхъ поръ до кончины великаго князя пользовался расположеніемъ его высочества.

Въ гвардейскомъ саперномъ баталіонѣ покойный былъ недолго. Удобства столичной жизни и положеніе баталіоннаго адъютанта не удержали его въ Петербургѣ. Онъ промѣнялъ преимущества гвардейской службы на жизнь офицера славной Кавказской арміи. Съ 1849 г. начался періодъ его боевой службы, продолжавшійся непрерывно одиннадцать лѣтъ. Ему пришлось принять участіе во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ на лезгинской линіи, въ Чечнѣ, Дагестанѣ и въ Азіатской Турціи, послѣдовательно занимая должности полевого инженера-строителя, командира саперпаго батальона, командира Навагинскаго полка, дежурнаго штабъ-офицера (начальника штаба) дѣйствовавшаго корпуса и начальника отдѣльныхъ отрядовъ. На этихъ разнообразныхъ постахъ М. И. имѣлъ случай не разъ выказать свои обширныя познанія въ военномъ дѣлѣ, неустрашимость и распорядительность. Въ 1850 г. онъ былъ тяжело раненъ пулей въ животъ при рекогносцировкѣ у с. Бехельзы. Пуля была извлечена, и оправившись онъ быстро вернулся въ ряды кавказскихъ героевъ. За боевыя отличія въ дѣлахъ съ горцами онъ получилъ нѣсколько наградъ и былъ произведенъ въ капитаны и подполковники. Особенно отличился покойный при штурмѣ Карса въ 1855 г., оказавъ подвигъ, занесенный на страницы исторіи. Онъ былъ посланъ съ батальономъ Рязанскаго пѣхотнаго полка и съ охотниками на подкрѣпленіе нашей правой колонны. Поднявшись подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ на Шорахскія высоты, онъ взялъ ложементы, фланкировавшіе редутъ Томасъ-Табія, а затѣмъ, преслѣдуя непріятеля, атаковалъ и самый редутъ, но оказался отрѣзаннымъ отъ правой колонны и окруженнымъ сильнѣйшимъ непріятелемъ. М. И. не растерялся. Дружно ударивъ въ штыки, онъ пробился сквозь ряды турокъ, прошелъ всю линію турецкихъ укрѣпленій и возвратился въ лагерь горами, не оставивъ въ рукахъ непріятеля никакого трофея и вынеся всѣхъ раненыхъ. Этотъ подвигъ покойнаго отмѣченъ Георгіевскимъ крестомъ 4-й степени.

Съ 1860 г. началась педагогическая, административная и общественная дѣятельность М. И. Бывшій военный министръ гр. Д. А. Милютинъ, успѣвшій еще на Кавказѣ узнать высокія душевныя качества покойнаго, пригласилъ его въ начальники вновь преобразованныхъ инженерныхъ училища и академіи. Твердость и благородство характера и чисто отеческое отношеніе къ молодежи упрочили за нимъ благодарную память его питомцевъ, прибѣгавшихъ и впослѣдствіи къ его совѣту и помощи. Черезъ шесть лѣтъ онъ былъ назна-

чень на отвѣтственный постъ главнаго интенданта военнаго министра и занимать его въ теченіе 13 лѣтъ, упрочивъ за собой репутацію безсребренника. Въ это время онъ участвовалъ въ разработкѣ различныхъ вопросовъ по преобразованію военно-учебныхъ заведеній, по измѣненію организаціи нашихъ военныхъ силъ, по устройству и образованію войскъ и по устройству военно-врачебной части въ военное время. а также предсѣдательствовалъ въ комиссіи по составленію положенія объ организаціи полковыхъ обозовъ. По окончаніи послѣдней русско-турецкой войны М. П. возвратился въ 1879 г. ненадолго въ свою инженерную семью, замѣстивъ Тотлебена въ должности генералъ-инспектора по инженерной части и наконецъ въ 1882 г. былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта, въ которомъ принималъ болѣе 15 лѣтъ дѣятельное участіе въ обсужденіи законодательныхъ и финансовыхъ предположеній по департаменту государственной экономіи.

Независимо отъ административной службы М. П. былъ однимъ изъ организаторовъ и видныхъ дѣятелей главнаго управленія общества Краснаго Креста, занимая съ 1883 г. по 1898 г. постъ предсѣдателя этого общества и направляя подъ высокимъ и ближайшимъ руководствомъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны дѣятельность этого обширнаго учрежденія какъ въ военное, такъ и въ мирное время на пользу страждущему человѣчеству.

За свою примѣрную, ревностную и продолжительную службу покойный получилъ всѣ награды до ордена св. Андрея Первозваннаго. Кромѣ того, имѣлъ знакъ отличія Краснаго Креста. Императорская академія наукъ избрала его въ свои почетные члены. (Некрологъ его: «Нов. Время» 902, №№ 9284 и 9285).

† **Кожевниковъ, А. Я.** Въ Москвѣ скончался 10-го января послѣ тяжкой болѣзни, заслуженный профессоръ Московскаго университета, Алексѣй Яковлевичъ Кожевниковъ. Покойный родился въ Рязани въ 1836 г., медицинское образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ, курсъ въ которомъ окончилъ въ 1858 году съ серебряной медалью. Приглашенный ассистентомъ въ университетскую терапевтическую клинику, А. Я. занялся спеціально изученіемъ нервныхъ болѣзней вообще и спинной сухотки въ частности; въ 1865 году блестяще защитилъ диссертацію «Ataxie locomotrice progressive Дюшена» на степень доктора медицины и былъ командированъ на два года за границу для подготовленія къ занятію новой каѳедры въ Московскомъ университетѣ по нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ. За границей покойный опубликовалъ цѣнное изслѣдованіе о связи нервныхъ волоконъ съ клѣтками въ мозжечкѣ и корѣ большого мозга («Нервныя волокна, чувствующія и служащія для возбужденія рефлексовъ»). Эта работа, до сихъ поръ цитируемая, выдвинула его имя въ медицинской литературѣ. Вернувшись въ Москву, онъ занялъ каѳедру по нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ и читалъ лекціи въ теченіе 30 лѣтъ до 1899 годъ, когда по болѣзни отказался отъ каѳедры, оставивъ за собой завѣдываніе неврологическимъ музеемъ. Одновременно съ 1871 года по 1874 годъ онъ читалъ частную патологію. Покойный интересовался всѣми отраслями знаній, особенно зоологіей, антропологіей, этнографіей и археологіей. Онъ занялся между прочимъ изученіемъ животныхъ паразитовъ и сравнительной анатоміей нервной системы низшихъ животныхъ. Въ области своей спе-

ціальности покойный произвелъ рядъ цѣнныхъ изслѣдованій, касающихся казуистики и патологической анатоміи нервныхъ болѣзней. Онъ выдѣлилъ новый видъ эпилепсіи (Epilepsa continua), извѣстной подъ названіемъ Кожевниковской, описалъ новую болѣзнь diplegia spastica familialis progressiva, изслѣдовалъ строеніе нервныхъ клѣтокъ, аміотрофическій склерозъ, офтальмоплегію, латиризмъ астеническій бульбарный параличъ и др. Помимо обогащенія науки своими выдающимися работами А. Я. создалъ цѣлый рядъ медицинскихъ учрежденій для оказанія помощи больнымъ. Въ этомъ отношеніи онъ нашелъ матеріальную поддержку со стороны своихъ больныхъ и особенно со стороны извѣстной московской благотворительницы В. А. Морозовой. На ея щедрыя пожертвованія онъ построилъ въ Москвѣ университетскую психіатрическую клинику, давшую возможность покойному создать школу московскихъ психіатровъ. Затѣмъ по его плану сооружена новая клиника нервныхъ болѣзней, былъ выстроенъ Морозовскій пріютъ на 30 кроватей для страдающихъ хроническими нервными болѣзнями, и единственный въ мірѣ по широкой идеѣ, положенной въ его основаніе, неврологическій музей. При его дѣятельномъ содѣйствіи были устроены Алексѣевская психіатрическая больница въ с. Мещерскомъ, Московской губерніи, такія же больницы въ Рязанской, Курской, Орловской, Харьковской и другихъ губерніяхъ. За свои научные труды и выдающуюся дѣятельность покойный былъ избранъ въ почетные члены четырнадцати столичныхъ и провинціальныхъ ученыхъ обществъ: с.-петербургскаго общества психіатровъ, обществъ невропатологовъ и психіатровъ въ Москвѣ и Казани, московскаго психологическаго общества, вѣнскаго психіатрическаго общества и невропатологическаго и др. Онъ былъ основателемъ и безсмѣннымъ предсѣдателемъ московскаго общества невропатологовъ и психіатровъ. (Некрологъ его: «Нов. Время», 1902, № 9290).

† **Мушкетовъ, И. В.** 10-го января въ С.-Петербургѣ скончался неожиданно послѣ непродолжительной болѣзни одинъ изъ популярнѣйшихъ профессоровъ Горнаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Иванъ Васильевичъ Мушкетовъ. Покойный принадлежалъ къ числу выдающихся геологовъ и неутомимыхъ путешественниковъ, заслуги которыхъ давно уже признаны въ научномъ мірѣ не только въ Россіи, но и за границей. Какъ профессоръ, И. В. обладалъ талантомъ превосходнаго лектора, огромнымъ запасомъ знаній и добрымъ сердцемъ, чуткимъ къ нуждамъ и печалямъ учащейся молодежи. У него находили нравственную и нерѣдко матеріальную поддержку многіе изъ его многочисленныхъ бывшихъ и настоящихъ слушателей и слушательницъ. Онъ всегда шелъ на встрѣчу нуждѣ и въ этомъ отношеніи былъ близкимъ и искреннимъ другомъ русскаго студенчества. Простудившись на актѣ въ консерваторіи, И. В., предчувствуя близость смерти, не переставалъ безпокоиться какъ о своихъ незаконченныхъ научныхъ работахъ, такъ и о необезпеченности многихъ изъ студентовъ. Умирая просилъ избавить его отъ вѣнковъ, такъ какъ деньги, потраченныя на нихъ покупку, могутъ быть обращены на доброе дѣло—на вспомоществованіе нуждающимся студентамъ и пр.

И. В. Мушкетовъ родился въ 1850 году. По окончаніи курса Новочеркасской гимназіи поступилъ на историко-филологическій факультетъ, но вскорѣ

перешелъ въ горный институтъ. Въ студенческій періодъ изслѣдовалъ діабазовую порфиритовую породу изъ Волынской губерніи и напечаталъ свое первое изслѣдованіе «Волынитъ». По окончаніи курса въ 1872 году отправился на Уралъ и тамъ открылъ впервые въ качкарской системѣ фармакосидеритъ, арсеніосидеритъ и мисиикель—мышьяковистые минералы, содержащіе золото. Черезъ годъ, назначенный чиновникомъ особыхъ порученій по горной части при туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ, перенесъ свою дѣятельность въ среднеазіатскія владѣнія Россіи, занялся экскурсіями по малоизслѣдованнымъ въ геологическомъ и географическомъ отношеніяхъ землямъ и произвелъ рядъ цѣнныхъ геологическихъ изслѣдованій, прославившихъ его имя. Первое большое путешествіе совершено покойнымъ въ западную часть Туркестана, въ сѣверный Тянь-Шань до Кульджи включительно, въ 1875 году. Въ краткомъ отчетѣ о путешествіи онъ впервые указалъ основанія орографической системы Тянь-Шаня, описалъ многія мѣсторожденія полезныхъ ископаемыхъ (богатыя каменноугольныя залежи Кульджи и др.) и доказалъ ошибочность предположеній Гумбольдта о присутствіи вулкановъ въ Тянь-Шанѣ. Черезъ два года совершилъ путешествіе на Алай и Памиръ, въ 1879 году производилъ геологическія изслѣдованія въ Бухарѣ, по Гиссару, Аму-Дарьѣ и въ пустынѣ Кизилъ-Кумъ, въ 1880 году изслѣдовалъ Заравшанскую ледниковую область. Каждая экспедиція покойнаго доставляла ему богатѣйшій матеріалъ для научныхъ работъ. За изслѣдованія въ Средней Азіи Географическое общество присудило ему высшую награду—Константиновскую медаль. Въ 80-хъ годахъ И. В. занялся изслѣдованіемъ различныхъ мѣстностей Европейской Россіи: Липецкихъ минеральныхъ водъ, Калмыцкихъ степей, Сакскихъ озеръ въ Крыму и Кавказа: окрестностей ледниковъ Казбека и Эльбруса, кавказскихъ минеральныхъ водъ и пр. Въ 1886 году онъ выпустилъ первый томъ своего обширнаго труда «Туркестанъ» и совмѣстно съ профессоромъ Романовскимъ «Геологическую карту Туркестанскаго края». Труды эти отмѣчены академіей наукъ присужденіемъ автору полной преміи митрополита Макарія и минералогическимъ обществомъ, присудившимъ ему тоже премію. Вторая премія митрополита Макарія присуждена покойному въ 1891 году за «Физическую геологію». Землетрясеніе въ Вѣрномъ 20-го мая 1887 года направило его дѣятельность къ организаціи въ Россіи сейсмическихъ наблюденій. Командированный для изслѣдованія землетрясенія на мѣстѣ происшествія, онъ энергично принялся за выясненіе причинъ и обстоятельствъ этого явленія природы, затѣмъ помимо подробнаго описанія вѣрненскаго землетрясенія составилъ брошюру: «Землетрясенія, ихъ характеръ и способъ ихъ наблюденія», организовалъ при географическомъ обществѣ собраніе свѣдѣній о землетрясеніяхъ и принялъ на себя редактированіе «Матеріаловъ къ изученію землетрясеній въ Россіи». Въ 1890-хъ годахъ И. В. посѣтилъ ледники верховьевъ рѣкъ Теберды и Чхалты съ цѣлью опредѣлить наивыгоднѣйшее направленіе желѣзнодорожнаго тоннеля черезъ Кавказскій хребетъ.

Еще въ 1876 году покойный былъ удостоенъ званія адъюнктъ-профессора горнаго института за изслѣдованіе «Матеріалы для изученія геологическаго строенія и рудниковыхъ богатствъ Златоустовскаго горнаго округа». Послѣдов-

нись въ Петербургѣ, онъ былъ приглашенъ занять каѳедру геологіи въ горномъ институтѣ, затѣмъ сталъ читать одновременно лекціи на высшихъ женскихъ курсахъ. Кромѣ того, онъ принялъ видное участіе въ географическомъ обществѣ, предсѣдательствуя до дня своей кончины въ отдѣленіи физической географіи, редактируя «Записки» общества и принимая участіе въ его «Ежегодникѣ». Былъ членомъ редакціонной геологической комиссіи минералогическаго общества и предсѣдателемъ С.-Петербургскаго общества взаимопомощи донскихъ казаковъ. Изъ-подъ пера покойнаго вышло множество ученыхъ работъ, являвшихся цѣннымъ вкладомъ въ нашу научную литературу. Къ названнымъ его трудамъ прибавимъ «Учебникъ динамической геологіи», «Краткій курсъ петрографіи», «Нефритъ и его мѣсторожденія». Онъ неоднократно избирался представителемъ Россіи въ разныя международныя комиссіи и, приступивъ къ организаціи систематическихъ наблюденій надъ ледниками Россіи, издалъ «Программу» для такихъ наблюденій. Умеръ онъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ, на 52-мъ году отъ роду, оставивъ по себѣ славную память выдающагося ученаго и добраго хорошаго человѣка. (Некрологъ его: «Нов. Время» 1902, № 9289).

† **Оноцкій, Д. А.** 11-го (24-го) января русская колонія въ Женевѣ понесла утрату въ лицѣ скончавшагося на 68 году отъ рожденія бывшаго протоіерея русской женевской церкви, магистра богословія, Дмитрія Александровича Оноцкаго. Покойный былъ сынъ священника, обучался въ Псковской духовной семинаріи и въ С.-Петербургской духовной академіи, въ которой окончилъ курсъ магистромъ богословія. Въ первые годы своей дѣятельности онъ былъ секретаремъ С.-Петербургской духовной академіи, рукоположенъ во діакона и преподавалъ Законъ Божій въ VII С.-Петербургской гимназіи. Съ 1863 года началась его служба за границей. Онъ былъ діакономъ русской церкви въ Парижѣ, въ 1865 году рукоположенъ во священника церкви въ Стокгольмѣ, затѣмъ былъ настоятелемъ церквей въ Брюсселѣ и въ Женевѣ. Русская колонія въ Женевѣ никогда не забудетъ его, какъ пастыря и чисторусскаго хлѣбосола. Къ нему ходили и богатые, и бѣдные, а русскіе студенты были у него, какъ у себя дома. Онъ умѣлъ каждому оказать радушный пріемъ и заставить его забыть на время, что онъ находится на чужбинѣ. (Некрологъ его: «Нов. Время» 1902 № 9294).

† **Смирновъ, К. И.** 5-го января, въ С.-Петербургѣ скончался бывшій директоръ С.-Петербургской второй гимназіи, извѣстный педагогъ, тайный совѣтникъ Капитонъ Ивановичъ Смирновъ. Имя покойнаго пользовалось широкой популярностью, какъ автора распространенной «Учебной книги географіи» (I. Общія свѣдѣнія, —II. Азія, Африка, Америка и Австралія,—III. Европа). Этотъ учебникъ и другія его пособія выдержали нѣсколько десятковъ изданій. По нимъ изучали географію, въ особенности всеобщую, учащіеся среднихъ учебныхъ заведеній послѣдняго тридцатилѣтняго періода.

К. И. родился въ 1827 году, образованіе получилъ въ главномъ педагогическомъ институтѣ. Въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ преподавалъ преимущественно географію. Какъ педагогъ, онъ любилъ дѣтей и пользовался ихъ взаимными симпатіями. Онъ былъ инспекторомъ С.-Петербургской третьей

гимназіи и около 25 лѣтъ директоромъ С.-Петербургской второй гимназіи. (Некрологъ его: «Нов. Время» 1902, № 9282).

† **Федоровъ (Соловцовъ), Н. Н.** 10-го января въ Одессѣ скончался извѣстный сценическій дѣятель Николай Николаевичъ Федоровъ, по сценѣ Соловцовъ. Покойный происходилъ изъ дворянской семьи; воспитывался въ Орловской гимназіи, но курса не кончилъ; на театральныхъ подмосткахъ впервые выступилъ въ 1876 году въ Орлѣ же. Въ восьмидесятыхъ годахъ Соловцовъ выступалъ въ С.-Петербургѣ на императорской сценѣ, потомъ въ Москвѣ и затѣмъ всецѣло перенесъ свою дѣятельность на югъ. Въ Кіевѣ онъ создалъ «Соловцовскій» театръ, съ прекрасной труппой, заключающей крупныя артистическія имена (гг. Шуваловъ, Недѣлинъ, г-жи Глѣбова, Пасхалова и друг.); въ Одессѣ—городской, гдѣ, кромѣ драмы, онъ организовалъ итальянскую оперу съ хорошими силами. Въ Кіевѣ же Соловцовъ издавалъ и редактировалъ въ теченіе двухъ лѣтъ новую «Кіевскую Газету», пріобрѣвшую за короткое время довольно достаточное распространеніе. Въ качествѣ артиста Н. Н. Соловцовъ за 25 лѣтъ своей артистической карьеры показалъ себя прекраснымъ исполнителемъ и бытовыхъ и нѣкоторыхъ классическихъ ролей. Это былъ хорошій исполнитель «Скупого» Мольера, Несчастливцева въ «Лѣсѣ», Городничаго въ «Ревизорѣ», Расплюева въ «Свадьбѣ Кречинскаго», отца въ «Больныхъ людяхъ» и проч. (Некрологъ его: «Нов. Время» 1902, № 9289).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Къ статьѣ «Остатки былого величія».

Г. Захарьинъ (Якунинъ) въ № 1 «Историческаго Вѣстника» текущаго года исправляетъ погрѣшности, вкравшіяся въ статью г. Миллера: «Судьба одного имѣнія», появившуюся въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» прошлаго года, но и самъ впадаетъ въ нѣкоторыя неточности.

Никогда императоръ Павелъ не давалъ названія Лялички пожалованному Екатериной II Завадовскому въ Малороссіи имѣнію.

Оно такъ прежде и называлось (см. «Архивъ князя Воронцова», т. XII, Москва, 1877 г., письма Завадовскаго Бакунину въ 1778 г., стр. 316, и Воронцову въ 1780 г., стр. 20).

Въ письмѣ Завадовскаго графу Семену Воронцову отъ 6 августа 1785 г. (стр. 30) говорится, что онъ назвалъ свое имѣніе Екатеринодаръ (а не Екатерины даръ), во имя своей благодѣтельницы. При императорѣ Павлѣ имѣніе стало называтся попрежнему Лялички.

Неизвѣстно, откуда г. Захарьинъ (Якунинъ) почерпнулъ свѣдѣнія о покупкѣ имѣнія Лялички княземъ Потемкинымъ отъ графа Завадовскаго. Много лѣтъ послѣ смерти Потемкина Завадовскій продолжалъ владѣть Ляличами

жить въ нихъ и заботиться объ ихъ устроеніи (см. письма за 1801 г. и до 1805 г., также письма графини Завадовской изъ Лячичъ отъ 26 февраля 1800 г. и 3 марта 1801 г.). Какъ перешло имѣніе къ Энгельгардтамъ, мнѣ неизвѣстно, но во владѣніи князя Потемкина Лячичи не были.

Много, вѣроятно, рѣдкостей успѣлъ собрать въ своихъ любимыхъ Лялчахъ изящный графъ Завадовскій, но про купленное Ротшильдомъ бюро королевы Маріи-Антуанетты мнѣ пришлось слышать иное.

Императрица Екатерина II послѣ казни несчастной королевы не могла выносить присутствіе въ своихъ комнатахъ великолѣпнаго бюро, подарка ей покойной королевы, и подарила его своему статсъ-секретарю Трощинскому, съ условіемъ, чтобы онъ убралъ его подальше. Д. П. Трощинскій отправилъ это бюро изъ маркетри (мозаика изъ разнаго дерева), съ бронзами Гутвера и фарфорами Буше, въ свою малороссійскую деревню, и у кого-то изъ потомковъ Трощинскаго счастливый антикварій пріобрѣлъ историческое бюро сравнительно за безцѣнокъ и перепродалъ парижскому банкиру за баснословную сумму.

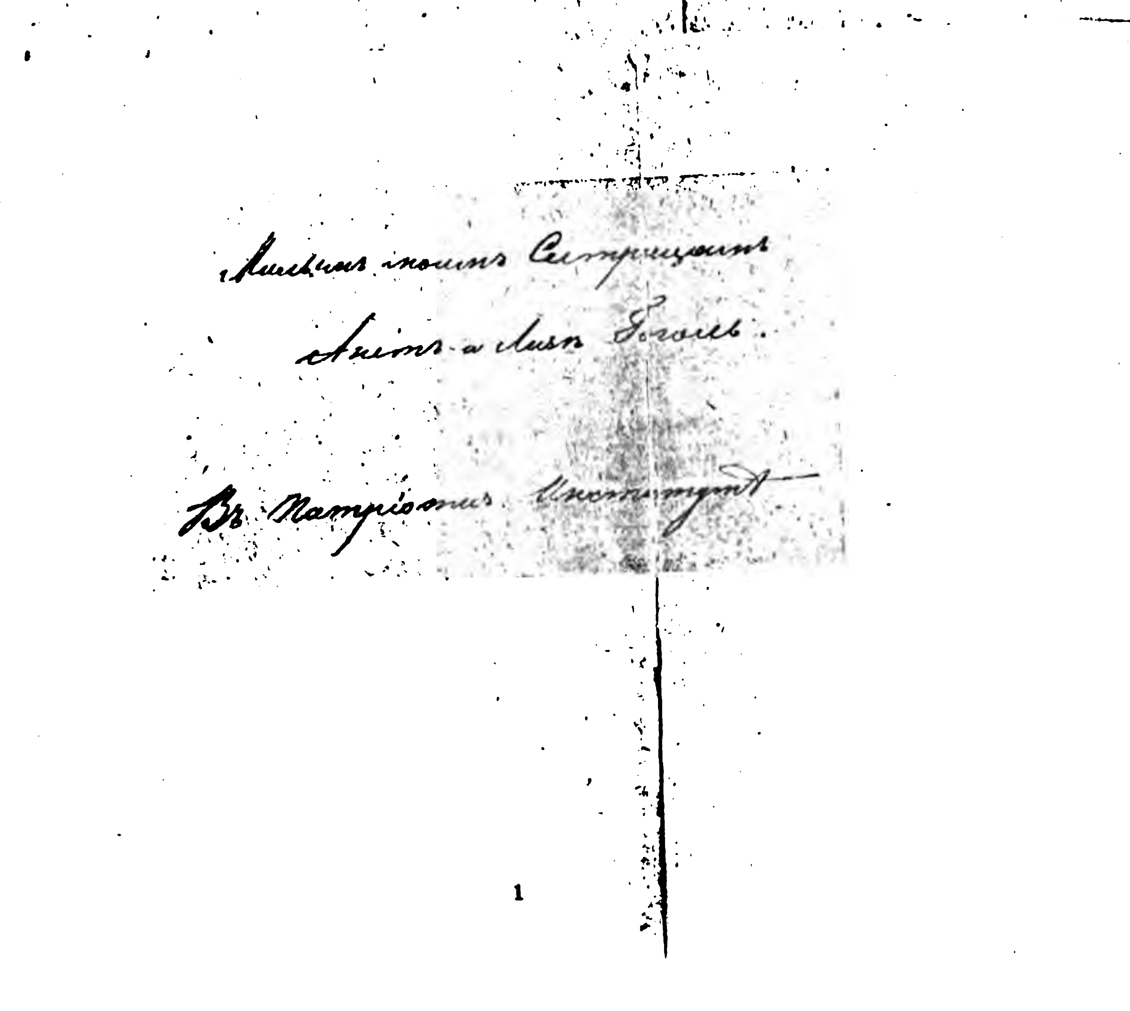
Г. Захарьинъ (стр. 296) сообщаетъ, что «домъ строился по чертежамъ и планамъ знаменитаго Растрелли». Видъ дома, приложенный къ статьѣ, совершенно не во вкусѣ всѣхъ прочихъ построекъ извѣстнаго графа Растрелли. Фасадъ сильно напоминаетъ таковой жезданія государственнаго банка въ С.-Петербургѣ со стороны Садовой улицы. Перелисталъ я давно уже мной прочитанный XII томъ Воронцовскаго архива и на 253 страницѣ, въ письмѣ Завадовскаго изъ Лялічъ къ графу Семену Воронцову нашелъ слѣдующее:

«Около тридцати лѣтъ, что я основался въ сей деревнѣ... и въ ней обработалъ большимъ иждивеніемъ мою селитьбу. По плану Гваренгія выстроилъ домъ каменный въ здѣшнемъ краю» и т. д. Дальше говорится, что по ходатайству Румянцева-Задунайскато жаловано было это имѣніе въ 1775 г. Письмо писано изъ Лялічъ 20 ноября 1800 г- и явно доказываетъ, что Лялічи никогда не могли принадлежать Потемкину.

Все это для исторіи значенія не имѣетъ, но г. Захарьинъ такъ настойчиво исправляетъ сообщенные г. Миллеромъ разсказы разныхъ мѣстныхъ жителей и преданія объ имѣніи Завадовскаго, что и я рѣшаюсь въ свою очередь указать на нѣкоторыя неточности въ статьѣ г. Захарьина.

И. Ал—скій.

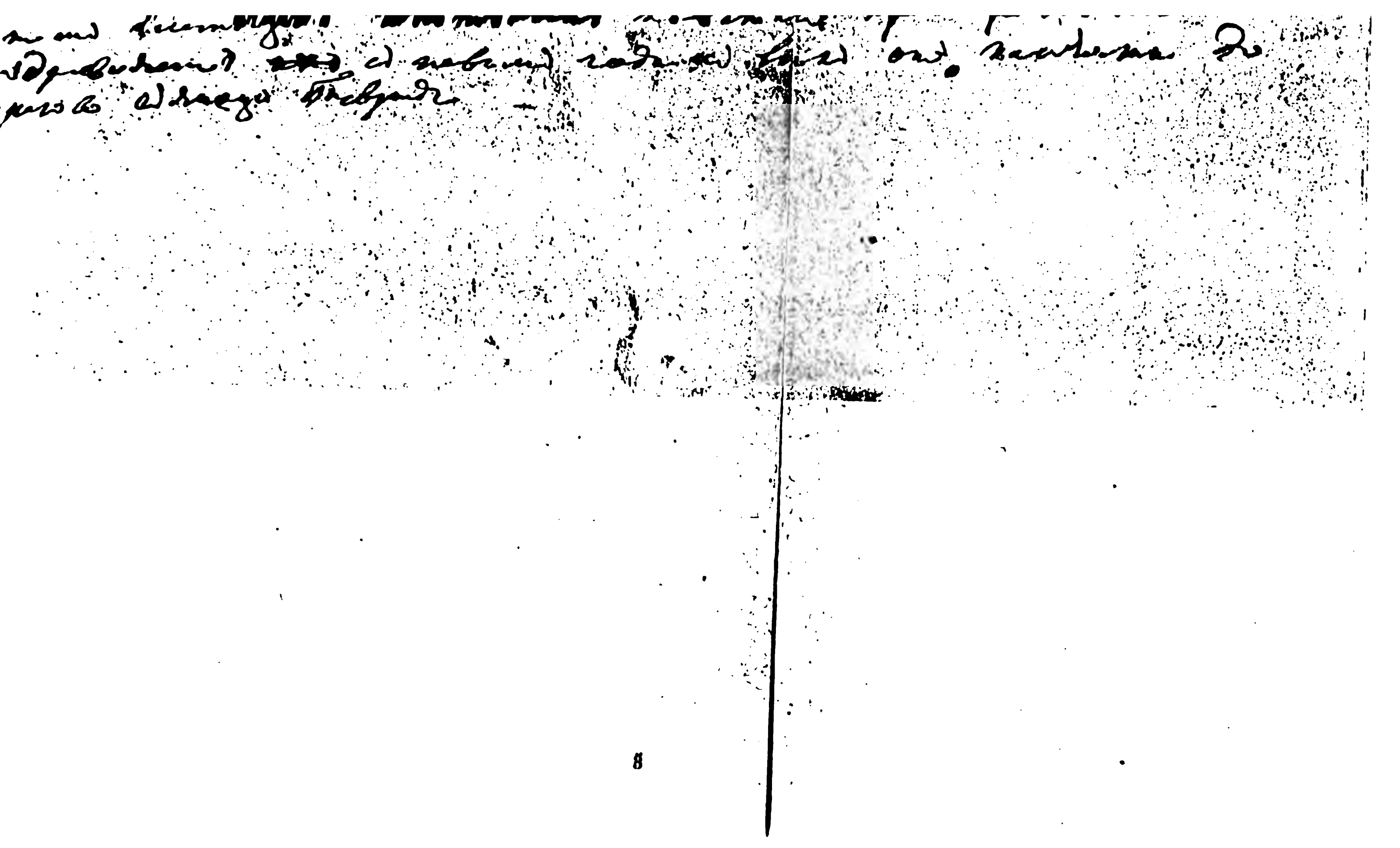

Михаилу Ивановичу Семрещанину
[illegible]
Въ Патріотическій Институтъ

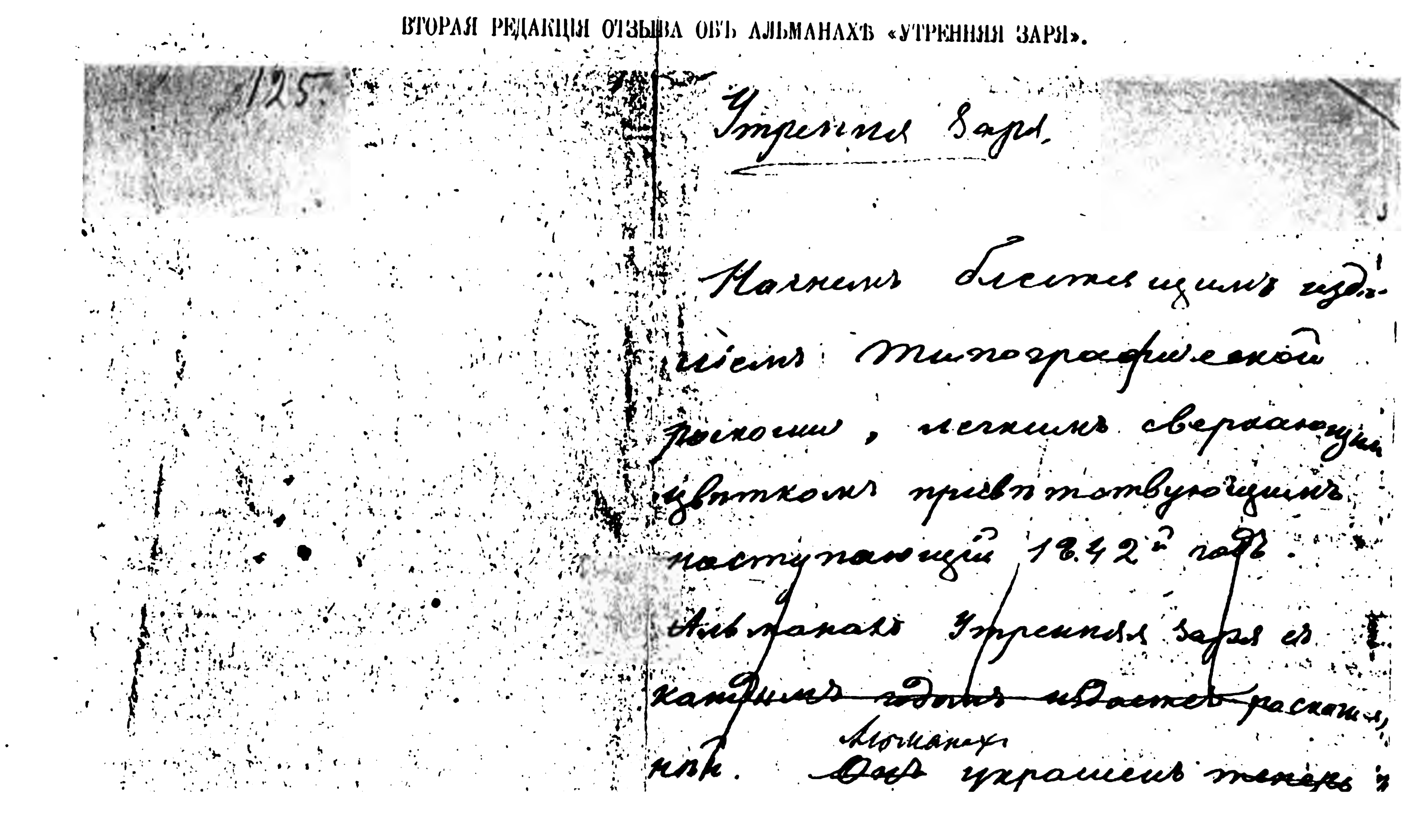
1

такое наслажденіе какъ сидишь въ театрѣ ~~—~~ они смотрятъ хотя даже подушки ... одни только хорошія вещи. Я думаю въ жизни что Италіанцы въ музыкантахъ въ почетѣ. Опера въ Римѣ теперь прекрасная какъ нигдѣ не слыхали мы такой подобной. Вообразите что въ Италіи нѣтъ почти ни одного самого маленькаго городка въ которомъ бы не было театра а въ театрѣ Оперы. Вообразите что даже иногда слышно простые цѣлую ночь идутъ подъ окнами и слушая ~~...~~ пѣсни ... возвращаются поздно ночью изъ театра все это поютъ на улицахъ и повторяютъ до послѣдней всѣ слышанные или аріи, дуэты квартеты и хоры. Черезъ недѣлю я ѣду въ Неаполь гдѣ пробуду можетъ быть около двухъ мѣсяцевъ и гдѣ чудесная природа. Я вамъ о немъ напишу. Письма ваши отдайте на этотъ разъ Прокоповичу онъ завсегда придетъ и отправитъ ихъ ко мнѣ если вы только не имѣете другой оказіи. Прощайте мои милые моего любезные сестрицы будьте здоровы и не забывайте меня.

Вашъ братъ Николай

8

125

Утренняя Заря.

Начнемъ блестящимъ изданіемъ типографической роскоши, легкимъ сверкающимъ цвѣткомъ привѣтствующимъ наступающій 1842-й годъ. Альманахъ Утренняя заря съ каждымъ ~~годомъ издается~~ роскошнѣе. ~~Онъ~~ Альманахъ украшенъ теперь

ск...

Столько соответствуетъ своему значенію. Это легкое будуарное чтеніе красавицы. Свежесть слога, надобно сказать, строчка прилична во многихъ по светской и легкая грацiозность некоторыхъ стиховъ словомъ это сiяющая иг-

Игрушка. ~~Повсюду [illegible] [illegible]~~

~~тель блистаютъ живость и легкость~~

~~Въ нихъ тоже обычное ему искусство~~

ПИСЬМО КЪ М. П. ПОГОДИНУ ПО ПОВОДУ СМЕРТИ ПУШКИНА.

Марта 30.

Я получилъ письмо твое въ Римѣ. Оно
наполнено тѣмъ же, чѣмъ наполнены теперь
всѣ наши письма. Ничего не говорю о
великости этой утраты. Моя утрата
всѣхъ больше. Ты скорбишь какъ Русской

[illegible] даже не

гадаваи что ~~ему~~ будетъ пріятны ему. что
~~было~~ моею высшею и первою наградою. теперь
на то ~~ли~~ что я бы некоторыя упиты. Или
ты думаешь якобы меньше что мои друзья, что
вы, отдалены отъ тебя горами? Или и нелюбимо
нашей неизмѣримой, нашей родной русской земли?

(въ чужой земли) вижу
Я живу около года, прекрасные небеса, міръ богатый
искусствами и человѣкомъ. Но развѣ перо мое привыкло
дать описывать предметы могущіе поразить велико-
Ни одной строки не могъ посвятить я чудному
лѣпію [illegible] привязанъ я къ своему [illegible]. Непрео-
бѣдный [illegible] не яркій міръ нашъ, наше
небо, обманчивые пространства, наши скучные
лучшимъ небесамъ привлекательные предпочелъ я
меня. И я ли послѣ этого могу не любить на
своей отчизнѣ? Но пусть, вносить надменное
[illegible] гордость безпечнаго класса людей, которые
будутъ передъ мною бытьве и дали мнѣ наконецъ
Нѣтъ великой покорности. Въ чужой земли я готовъ

Отецъ казалъ ему что далъ [illegible]

[illegible] къ [illegible]. Онъ [illegible] фоно собиратися [illegible]

[illegible] сотникъ купилъ [illegible] ему и двухъ [illegible] своихъ [illegible]

[illegible] народныхъ [illegible] бывъ родныи [illegible] хоть бы

[illegible] такую [illegible] налъ тамъ будто [illegible]

[illegible] посреди улицы [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] день [illegible]. Онъ былъ уже [illegible]

[illegible] [illegible] народу военного [illegible]

[illegible] что [illegible] только [illegible] части [illegible] такъ

[illegible] то [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] жидовки [illegible] потряхивают [illegible]

Вот [illegible] ~~[illegible]~~ по тем [illegible] и горящими [illegible]

~~[illegible]~~ по всему табору понесло горелками, сластями —

~~[illegible] что ему одно занятие.~~ Тут вечно на улиц[е]

что у него ни [illegible] ни табаку наготове вот и понес[ёт]

[illegible] по [illegible] только и [illegible] навстречу Гуляка Запорож[ец]

[illegible] видно в красных как жар [illegible]. В [illegible] [illegible]

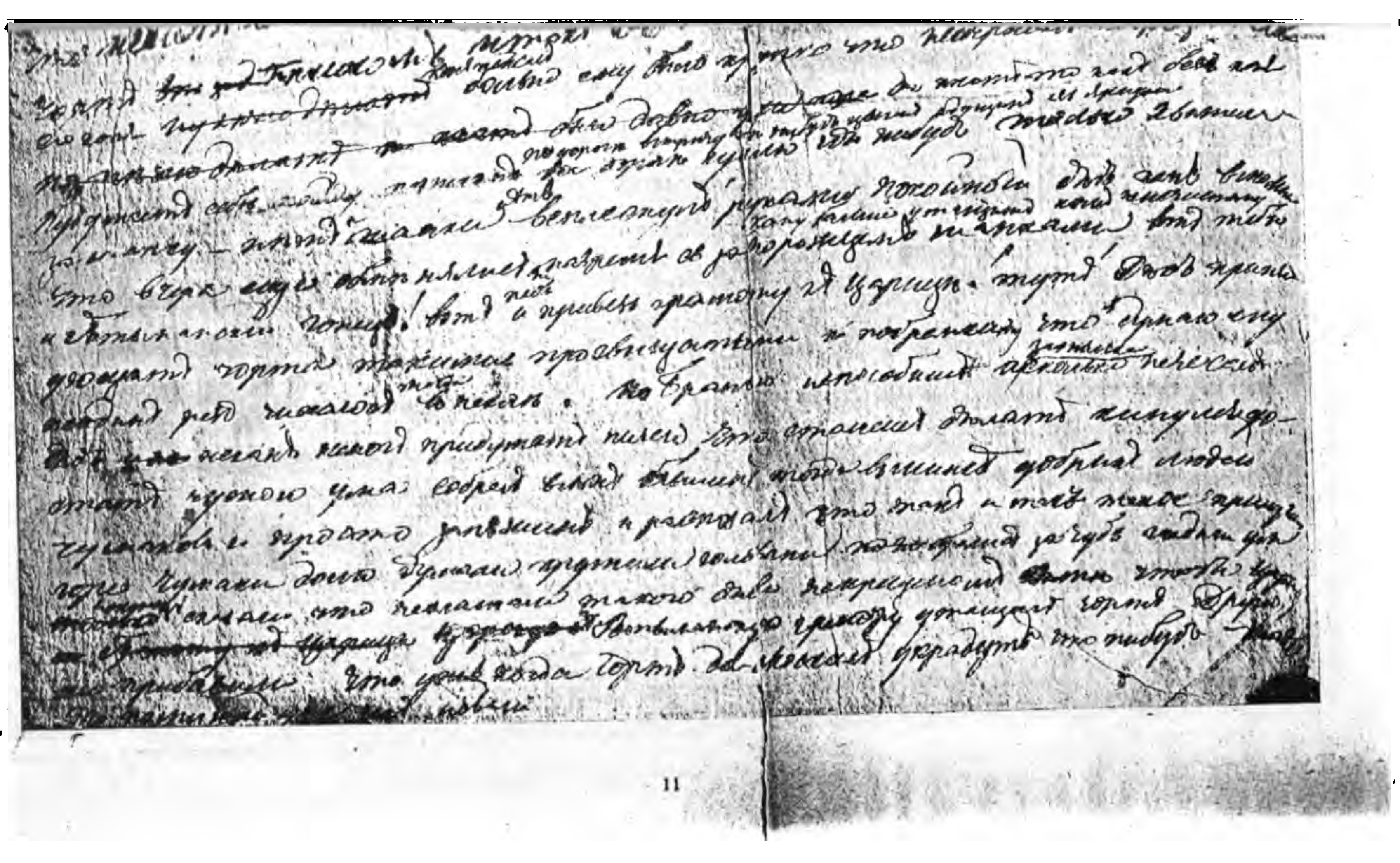
в [illegible] [illegible] [illegible] сабля [illegible] от [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] Запорожец за [illegible]. Вот народец. Станет

[illegible], поведет рукою [illegible] [illegible] подавать [illegible]

[illegible] да [illegible] так [illegible] [illegible] отвернувшись [illegible]

[illegible] в [illegible] руках, ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ держит [illegible] [illegible]

Одинъ только шинкарь [illegible] въ углу [illegible]

Вдругъ [illegible] подступилъ къ нему [illegible]

говорю [illegible] домой мнѣ нужно. Только шинкарь не сталъ толковать [illegible]

слова [illegible] ножа [illegible] не помня [illegible] [illegible]

[illegible] пріятель [illegible] передъ нимъ, я покажу тебѣ [illegible]

сказалъ онъ отводя его въ сторону. Чудно [illegible] сердцѣ [illegible]

уже [illegible] этотъ [illegible] не было Андрія. [illegible]

шинкарь будетъ поворотъ направо [illegible] только [illegible]

держать чтобъ [illegible] уже [illegible]

[illegible] выходятъ они [illegible] [illegible]

[illegible] знать тебѣ нужно. Много будетъ оттуда [illegible]

[illegible] въ ту сторону откуда [illegible] будетъ солнце а будетъ [illegible]

дорожка [illegible] [illegible]

[illegible] тебѣ [illegible]

Итакъ придешь къ небольшой рѣкѣ, тогда только можешь остановиться.

[illegible] только [illegible]

[illegible] божію [illegible] изъ окна

[illegible] рѣзвыми словно [illegible] не отпускаю

въ сколько небо [illegible] Тріа... Божія урали Кадую

по чертовскому труда... [illegible] подъ [illegible] всякого слакало [illegible]

другого человѣка [illegible] видъ

[illegible] пропадать [illegible] и всталъ [illegible] и двое

а [illegible] тайными [illegible] художественными словами въ [illegible] ad кому [illegible] Свиршка

[illegible] Только завидели Феба и турецкую [illegible] все повторяющихся и

Собакъ [illegible] Дорифина [illegible] [illegible] Ты [illegible]

въ [illegible] очень [illegible] цѣловаться... Исключая [illegible] длинною

[illegible] ! Наконецъ схватили и носами [illegible] захотѣлъ длинною

[illegible] съ дорогу отъ кото попадъ самой шеи Ну это еще [illegible]

[illegible] худо подумалъ онъ. Завидѣвши на столѣ [illegible]

[illegible] хрустальную съ капустой [illegible] а много [illegible] [illegible]

[illegible] видно довольно своего [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Это

[illegible] нужно всѣмъ [illegible] [illegible] [illegible] хорошенько

[illegible]

[illegible] передвинулъ [illegible] себѣ [illegible]

не растрогало [illegible] слова [illegible]

[illegible] вилку [illegible]

[illegible] увѣсистую [illegible]

[illegible]

[illegible] взялъ [illegible]

[illegible] ничего. Схватилъ другой [illegible]

[illegible]

[illegible] по всему этому [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] что вы продали [illegible]

[illegible] не находите [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] своею рукою

[illegible]

посмотрелъ, стоявшую от печки бочку, наполненную водою

ще также обмывшись хорошенько чтобы не напугать детей

входитъ онъ потихоньку въ хату смотритъ: дети пять? [illegible]

і кругъ [illegible] указываетъ ему пальцами говоря: Дивись Дивись [illegible]

дурная стара баба сидитъ [illegible] сама сидитъ перед гребнемъ

держитъ въ рукахъ веретено и сонно подергиваетъ головою. Вотъ [illegible]

[illegible] [illegible] еще, [illegible] [illegible]

[illegible] та долго смотрела [illegible] глаза и наконецъ [illegible]

узнала деда и разсказала какъ онъ [illegible] какъ [illegible] повели

хату. [illegible] прозвище [illegible] горшки горшки

[illegible] [illegible] знаетъ что такое ну говоритъ Вотъ

тебе [illegible] нужно только [illegible] будетъ [illegible]

[illegible] хату. [illegible] теперь [illegible] сказавши это [illegible]

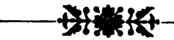
ж

щинного что достанич хотя и уже неостановимые [illegible]
[illegible] похититель несуразный что отнята иностранная цар[illegible]
[illegible] царицу. — Тамъ навидълъ онъ такия дива что ста[illegible]
надобно после того рассказывать какъ онъ ~~вошелъ~~ новыя въ палаты [illegible]
что ратъ ~~самыя~~ онъ поставилъ одну надругую [illegible], въ другую [illegible]
[illegible] какъ вошелъ онъ въ другую комнату — пять [illegible]
въ третью — пять въ четвертую [illegible] [illegible] — пять
[illegible] [illegible] сидитъ [illegible] въ золотой короне [illegible]
[illegible] [illegible] сапогахъ и золотое [illegible]
[illegible] [illegible]. [illegible]
повелела царица ему дать ему [illegible] [illegible] ~~[illegible]~~
[illegible] [illegible] только [illegible]

ФАКСИМИЛЕ

РУКОПИСЕЙ Н. В. ГОГОЛЯ

1) Двѣ подписи Гоголя и конвертъ письма его къ сестрамъ.
2) Письмо Гоголя къ сестрамъ.
3) Первая редакція отзыва объ альманахѣ «Утренняя Заря».
4) Вторая редакція отзыва объ альманахѣ «Утренняя Заря».
5) Письмо Гоголя къ Погодину по поводу смерти Пушкина.
6) Повѣсть «Пропавшая грамота».

Издатель **А. С. Суворинъ.** Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

 ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ
ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.
ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.
МАРТЪ, 1902

СОДЕРЖАНІЕ.

МАРТЪ, 1902 г.

См. слѣд. стр.

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА ХВОСТОВА.

Съ рѣдкаго гравированнаго портрета начала прошлаго столѣтія.

Дозв. ценз. 20 февраля 1902 г. Спб.

ТРАГИЗМЪ БЕЗВОЛІЯ [1].

XII.

ДУШЕВНЫЙ кейфъ Ивкова длился съ мѣсяцъ.

Впрочемъ понятіе о времени утратило для него всякій смыслъ. Ничто не нарушало монотоннаго порядка существованія, которому онъ невольно подчинился, перступая порогъ своего новаго жилища. Само собою такъ устроилось, что онъ началъ превращать ночь въ день, а день въ ночь. До утра занимался чтеніемъ, которое такъ его утомляло, что онъ засыпалъ тяжелымъ сномъ до сумерекъ. Вставши пилъ кофе и отправлялся бродить по городу, подъ предлогомъ моціона и обѣда въ какомъ нибудь ресторанѣ. Но о послѣднемъ онъ часто забывалъ и возвращался домой, не чувствуя голода.

Измѣнять такой образъ жизни на болѣе нормальный и здоровый ему и въ голову не приходило. Большая часть людей живетъ иначе, но развѣ положеніе его не исключительное, и развѣ оно не дастъ ему права жить такъ, какъ ему удобнѣе?

— Вамъ бы зимнее пальто себѣ заказать,—замѣтила однажды Лиза, провожая его въ прихожую.

— У меня есть зимнее пальто въ складѣ, съ прочими вещами.

— Позвольте квитанцію, я возьму,—предложила она.

— Нѣтъ, зачѣмъ же... мнѣ все равно; кромѣ зимняго пальто, ничего не нужно, а сундукъ большой, займетъ много мѣста,—возразилъ онъ растерянно.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXVII, стр. 417.

Воспоминаніе о преспапье, лежавшемъ въ этомъ сундукѣ, леденило ему кровь отъ ужаса.

— Сундукъ вашъ можно поставить въ другое мѣсто, если вы не желаете загромождать имъ комнату. Я выну изъ него пальто, а остальное пусть себѣ лежитъ, пока не понадобится,—настаивала она.

У него отлегло отъ сердца.

— Возьмите, если вамъ есть куда его поставить,—поспѣшилъ онъ согласиться, вынимая изъ портмоне квитанцію и подавая ей.

— Будьте покойны, все будетъ цѣло. Я выну только теплое пальто, если вамъ ничего больше не надо.

Она такъ и сдѣлала; когда онъ на слѣдующій день собрался гулять, на вѣшалкѣ висѣло его теплое пальто, холодное было прибрано, а о сундукѣ ему не упоминали.

Съ княгиней онъ видѣлся не такъ часто, какъ бы ему хотѣлось. Послѣ параднаго чаепитія въ столовой, она принимала его изрѣдка, лежа на кровати, въ пеньюарѣ или въ ночной кофтѣ, разодранной когтями кошки, и, какъ всегда, окруженная книгами и брошюрами. Туалета она для него больше не дѣлала, гримировки не возобновляла и имѣла очень странный видъ. Но онъ этого не замѣчалъ. Не замѣчалъ онъ также ни безобразія ея, ни странностей, такъ сумѣла она овладѣть его мыслями и чувствами.

Выдающейся способностью этого страннаго существа было любопытство, жадное и холодное, неутомимо стремящееся анатомировать чужую душу, такъ или иначе подпавшую подъ ея вліяніе. Искусствомъ вызывать на откровенность самыхъ сдержанныхъ и молчаливыхъ людей она обладала въ совершенствѣ, и, отвѣчая на вопросы, затрогиваемые ею какъ бы невзначай, Ивковъ, самъ того не замѣчая, посвятилъ ее во всѣ подробности своей жизни до того рокового дня, когда неожиданная катастрофа перевернула вверхъ дномъ все его духовное существо.

Про это онъ ей еще не намекалъ, но начиналъ уже ощущать потребность открыть ей страшную свою тайну.

Чѣмъ объяснить эту потребность? Во всякомъ случаѣ не участіемъ и не искренностью съ ея стороны; въ ея пристальномъ, внимательномъ взглядѣ, кромѣ холоднаго и насмѣшливаго любопытства, онъ ничего не могъ прочесть и, послѣ двухмѣсячнаго пребыванія подъ одной съ нею кровлей, зналъ про нее такъ же мало, какъ и въ день ихъ перваго знакомства. Объ ея состояніи, семейномъ положеніи и проч. онъ могъ судить только по ея обстановкѣ, состоящей изъ обломковъ минувшаго великолѣпія, да по титулу, который она носила. Никогда не вырывалось у нея ни малѣйшаго намека на прошлое, по которому можно было бы заключить, были ли у нея когда нибудь дѣти и мужъ, для чего жила она такъ много за границей, все это оставалось для него загадкой, которую онъ, впрочемъ, и не пытался разгадывать.

Равнодушіе его къ жизни и къ людямъ усиливалось со дня на день; одного только хотѣлось: жить всегда такъ, какъ онъ жилъ теперь, ничего не слыша и никого не видя, кромѣ страннаго существа, обладавшаго даромъ направлять его мысли и чувства въ сторону, совершенно противоположную тому пути, которому онъ слѣдовалъ до той минуты, когда обстоятельства заставили его съ него свернуть.

Чѣмъ дальше уходилъ онъ отъ остального міра, тѣмъ необходимѣе становилось ему общество княгини. Дѣлиться съ нею впечатлѣніями, навѣянными книгами, которыми она продолжала его снабжать, слышать отъ нея опроверженіе всего, что онъ привыкъ уважать и любить, какъ олицетвореніе добра и красоты, доставляло ему такое наслажденіе, что каждый разъ, возвращаясь съ прогулки домой, онъ не безъ волненія себя спрашивалъ, увидитъ ли онъ ее сегодня.

Когда проходило нѣсколько дней безъ приглашенія, Лиза, незамѣтно за нимъ наблюдавшая, считала своимъ долгомъ ставить свою госпожу въ извѣстность относительно перемѣны въ душевномъ настроеніи ихъ жильца.

Она для этого выбирала всегда ночное время, когда княгиня, проснувшись и принявъ обычную дозу своего живительнаго зелья, съ лихорадочною поспѣшностью начинала пользоваться минутами душевнаго просвѣтленія и возилась съ своими растеніями въ круглой гостиной. Она ихъ поливала, удобривала разными снадобьями землю, извлекала изъ нея червей, подтачивавшихъ корни, обмывала листья, удаляя тѣ, которые начинали сохнуть.

При этихъ операціяхъ почти всегда присутствовала Лиза и, подавая ей то ножницы, то губку съ водой, доносила ей о томъ, что происходило въ домѣ.

Со свойственною ей смѣтливостью и умѣніемъ эксплоатировать слабости господъ, у которыхъ она служила, давно подмѣтила она пристрастіе княгини къ сплетнямъ и розсказнямъ самаго нелѣпаго и гнуснаго свойства и знакомила ее со скандальными исторіями, происходившими во всѣхъ этажахъ огромнаго дома, съ разнообразнѣйшимъ населеніемъ, начиная отъ роскошныхъ квартиръ съ зеркальными окнами на улицу, гдѣ семейныя драмы кончались иногда внезапными отъѣздами за границу, а иногда объявленіемъ пышными похоронами, и кончая трагикомедіями въ подвалахъ и чердакахъ, гдѣ кровавыя и шумныя развязки сопровождались вмѣшательствомъ полиціи.

Съ тѣхъ поръ, какъ у нихъ поселился Ивковъ, Лиза вплетала въ разсказы о сосѣдяхъ замѣчанія на его счетъ.

— Начинаетъ, какъ будто, скучать... меньше читаетъ, все больше по комнатѣ прохаживается въ задумчивости... Вчера, поздно вечеромъ, какъ принесла я ему самоваръ, спросили про погоду,

задумали, вѣрно, во второй разъ выйтить прогуляться отъ скуки. Я сказала, что дождь, остались и про ваше здоровье спросили. Хотѣли еще что-то сказать, даже вернули меня, какъ стала уходить, да раздумали: «Ступайте, говоритъ, ничего мнѣ больше не надо»,—распространялась Лиза, стоя со свѣчей въ рукѣ у лѣстницы, на которую влѣзла ея госпожа, чтобъ очистить верхушку высокой пальмы отъ пожелтѣвшаго листа.

Все это княгиня выслушивала съ такимъ же невозмутимымъ хладнокровіемъ, какъ и всѣ прочіе ея разсказы, ни на что не возражая, ничѣмъ не возмущаясь и ничему не удивляясь. Какъ описаніе дракъ, ссоръ, грязнаго разврата и убійствъ, такъ и разсказы о душевныхъ мукахъ молодого человѣка, нашедшаго у нея пристанище и о терзаніяхъ и сомнѣніяхъ котораго она не могла не догадываться, благодаря глубокому знанію человѣческаго сердца, все это вызывало только улыбку на ея узкихъ, синеватыхъ губахъ.

Тѣмъ не менѣе все это она принимала къ свѣдѣнію, и послѣдствіемъ доклада являлось приглашеніе Ивкову прійти съ нею посидѣть.

До сихъ поръ онъ всегда находилъ ее одной и такъ свыкся съ мыслью объ ея одиночествѣ, что когда однажды вечеромъ, возвращаясь съ прогулки, увидалъ на вѣшалкѣ въ прихожей нарядную дамскую шубку, а подъ нею миньятюрныя теплыя ботинки, онъ съ непріятнымъ изумленіемъ спросилъ у Лизы:

— У васъ сегодня гости? Развѣ княгиня ужъ встала?

— Скоро пойду ихъ будить. Племянница ихняя пріѣхала по важному дѣлу, дожидаются пробужденія княгини въ гостиной.

Извѣстіе это привело его въ раздраженіе. Появленіе этой племянницы разрушало всѣ его представленія объ одиночествѣ княгини, и онъ почувствовалъ себя обиженнымъ, какъ человѣкъ, довѣріемъ котораго злоупотребили.

Досада его усиливалась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что никогда еще не тяготился онъ такъ одиночествомъ, какъ въ этотъ вечеръ.

Съ утра ему нездоровилось отъ плохо проведенной ночи. Наканунѣ ему раньше обыкновеннаго захотѣлось спать, но не успѣлъ онъ потушить свѣчу, какъ напала безсонница, продолжавшаяся съ небольшими перерывами всю ночь, и поднялся онъ съ постели съ тяжелой головой и ноющимъ отъ злого предчувствія сердцемъ. Одѣвшись, онъ снова повалился на постель и пролежалъ съ открытыми глазами безъ мыслей и безъ силъ до сумерекъ. Потомъ всталъ и, когда совсѣмъ стемнѣло, вышелъ на улицу. Но свѣжій воздухъ не разсѣялъ мрачнаго настроенія, гнетущаго ему сердце. Съ ужасомъ убѣждался онъ, что заглохшія было впечатлѣнія снова начинаютъ оживать въ его душѣ; ощущалась болѣзненная чувствительность нервовъ и мучительное безпокойство отъ злоиѣщихъ при-

зраковъ, невидимо носившихся надъ его головой, отравляя воздухъ своимъ тлетворнымъ дыханіемъ.

Чтобъ ихъ удалить, было одно только средство: погоня за новыми впечатлѣніями. Но все, что раньше его развлекало, ему опротивѣло. Книги, которыми онъ раньше зачитывался, казались ему теперь отвратительной ложью, какъ самъ сатана, вдохновившій ихъ авторовъ. Проснувшійся въ немъ новый духъ тянулъ его вонъ отсюда съ каждой минутой все сильнѣе и сильнѣе, такъ что, наконецъ, не стало больше силъ ему противиться, и онъ рѣшилъ пойти хоть въ театръ, чтобъ разсѣять душевное смятеніе.

Не успѣла мысль эта мелькнуть въ его головѣ, какъ онъ съ лихорадочною поспѣшностью началъ приводить ее въ исполненіе, одѣлся и вышелъ въ прихожую, гдѣ все еще висѣла шубка ненавистной посѣтительницы.

«Она, можетъ быть, теперь каждый день будетъ ѣздить къ теткѣ? Куда же бѣжать? Гдѣ искать пристанища?»—думалъ онъ, спускаясь по лѣстницѣ.

Вторженіе новаго лица въ его жизнь наполняло все его существо невыразимой тоской.

XIII.

Вмѣсто того, чтобъ итти въ театръ, онъ направился въ противоположную сторону, на Литейную.

Для чего? Вопроса этого онъ себѣ не задавалъ и безотчетно повиновался таинственной силѣ, овладѣвшей его душой. Вихремъ проносились въ головѣ мысли, одна другой неожиданнѣе, но останавливаться на нихъ не было ни малѣйшаго желанія. Одно только сознавалъ онъ ясно, что онъ идетъ къ чему-то роковому и неизбѣжному, какъ сама смерть...

Можетъ быть, къ смерти? Можетъ быть, черезъ нѣсколько минутъ онъ перестанетъ существовать? Рѣка близко, стоитъ только пройти на мостъ, перепрыгнуть черезъ перила и всему конецъ. А, можетъ быть, это произойдетъ какъ нибудь иначе...

Ему было все равно. Давно ужъ не принадлежалъ онъ самому себѣ, но никогда еще не сознавалъ этого такъ ясно, какъ въ эту минуту.

Шелъ онъ, не останавливаясь и не озираясь по сторонамъ, машинально сторонясь отъ экипажей, а попадавшіеся ему на встрѣчу люди сами отъ него сторонились, принимая его за безумнаго, такой у него былъ растерянный видъ.

Совсѣмъ стемнѣло и при свѣтѣ фонарей, какъ одушевленные, такъ и неодушевленные предметы, казались призраками изъ другого міра, близость котораго онъ уже ощущалъ всѣмъ своимъ существомъ.

И вдругъ, не доходя до мѣста, гдѣ съѣзжаются конки, его точно что-то дернуло остановиться и взглянуть на зданіе, возвышающееся отъ него слѣва. Что именно заставило его очнуться отъ забытья, звонъ ли конокъ, гулъ ли голосовъ вокругъ нихъ, или тайное предчувствіе, что онъ дошелъ до цѣли, и итти ему больше некуда, такъ или иначе, но онъ увидалъ, что стоитъ передъ зданіемъ окружнаго суда, и въ то же мгновеніе понялъ, что именно ему надо дѣлать дальше.

Не задумываясь, поднялся онъ по широкимъ каменнымъ ступенямъ, растворилъ тяжелую дверь и вошелъ въ широкія сѣни съ колоссальнымъ мраморнымъ изваяніемъ передъ бѣгущими къ верху ступенями утопавшей во мракѣ лѣстницы.

— Нельзя ли узнать адресъ кандидата на судебныя должности Захарина?—спросилъ онъ у заспаннаго сторожа, поднявшагося къ нему навстрѣчу съ скамейки, на которой онъ дремалъ.

— Сейчасъ, ваше благородіе, извольте здѣсь подождать,—вѣжливо отвѣчалъ молодой малый, не успѣвшій еще утратить военной выправки.

Онъ куда-то юркнулъ, а Ивковъ остался одинъ.

Тутъ было тихо, и только черезъ нѣсколько минутъ началъ онъ различать глухой гулъ шаговъ и голосовъ, долетавшихъ сюда издалека, повторяясь эхомъ. Въ такое время, кромѣ засидѣвшагося за спѣшной работой чиновника или писаря, здѣсь никого не могло быть.

Разставаясь съ нимъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ загородномъ театрѣ, родственникъ Фролова пригласилъ Ивкова продолжать съ нимъ знакомство и между прочимъ сказалъ, что адресъ его всегда можно узнать въ окружномъ судѣ.

Вотъ онъ сюда и пришелъ. До сихъ поръ ни разу не вспоминалъ онъ про этого Захарина, а теперь ощущаетъ такую страстную потребность съ нимъ повидаться, что не можетъ безъ ужаса себѣ представить, что будетъ, если ему это не удастся.

Но этого не можетъ быть! Для чего же онъ сюда пришелъ? Нигдѣ не найдетъ онъ себѣ покоя, пока свиданіе съ Захаринымъ не состоится, въ этомъ онъ былъ такъ же увѣренъ, какъ въ томъ, что онъ еще живъ и дышитъ... А между тѣмъ, нѣсколько минутъ раньше, онъ даже не помнилъ имени этого человѣка.

Отъ нетерпѣнія скорѣе узнать, гдѣ его найти, время тянулось нестерпимо долго, и онъ обрадовался какъ избавленію, когда, наконецъ запыхавшійся отъ поспѣшности сторожъ сбѣжалъ назадъ съ лѣстницы.

— Никого въ канцеляріи не нашелъ, ваше благородіе, самъ разыскалъ въ книгѣ и списалъ для вашей милости... Совсѣмъ отсюда близко, въ Косомъ переулкѣ. Они, вы знаете, назначеніе получили, скоро уѣзжаютъ изъ Петербурга,—говорилъ онъ, подавая Ивкову

бумажку съ адресомъ Захарина и съ поклономъ принимая монету, которую ему дали за труды.

Черезъ нѣсколько минутъ Ивковъ звонилъ у двери въ квартиру Захарина.

Отворившій ему мальчикъ, съ удивленіемъ посмотрѣвъ на незнакомаго офицера, явившагося съ визитомъ въ такое позднее время, отвѣчалъ, что баринъ его дома.

— Какъ объ васъ доложить?

— Скажите: Ивковъ, товарищъ Фролова.

— Николай Ивановичъ! Пожалуйте! Пожалуйте!—раздался голосъ изъ сосѣдней комнаты, и въ дверяхъ показался Захаринъ.— Какъ это вамъ вздумалось меня навѣстить? Прослышали вѣрно про мое назначеніе? Какъ же, какъ же, назначили въ Саратовъ. Далеко, да ничего не подѣлаешь, вѣдь и тамъ надо отправлять правосудіе, вездѣ живутъ люди. Тамъ, говорятъ, постоянный театръ, пріѣзжаютъ интересныя труппы, много хорошенькихъ, и вообще веселятся... Садитесь сюда, извините за безпорядокъ, укладываюсь, надняхъ отправляю вещи, а за тѣмъ и самъ пущусь въ путь. Гонятъ, гонятъ, дѣло тамъ одно, такъ запутали, что самъ чортъ ногу сломитъ... Ну-съ, чѣмъ могу служить? Ѳедя, подай сюда чай, столовая такъ загромождена, что некуда приткнуться.

Говоря такимъ образомъ съ большимъ оживленіемъ и не дожидаясь отвѣтовъ на вопросы, Захаринъ ввелъ Ивкова въ кабинетъ, заставленный дорожными сундуками, и, усадивъ его на кресло передъ письменнымъ столомъ, самъ примостился на краешкѣ дивана, заваленнаго принесенными изъ магазиновъ картонками и свертками.

— Такъ въ чемъ же дѣло? Чѣмъ могу служить?—повторилъ онъ, весело потирая руки и пытливо посматривая на посѣтителя смѣющимися глазами. — А какъ вы похудѣли съ тѣхъ поръ, какъ мы не видѣлись! Больны, вѣрно, были? Я къ вамъ съ мѣсяцъ тому назадъ заходилъ въ ту гостинницу, гдѣ вы жили съ Фроловымъ... А кстати о Фроловѣ, вы знаете, онъ въ Москвѣ, ждетъ обѣщаннаго мѣста въ корпусѣ....

— Я былъ боленъ,—вымолвилъ съ усиліемъ Ивковъ, съ недоумѣніемъ озираясь по сторонамъ.

Царившій здѣсь безпорядокъ, выдвинутые ящики изъ столовъ и комодовъ, раскиданныя бумаги и книги, такъ живо напомнили ему его отъѣздъ изъ N—ска, что онъ невольно искалъ глазами на полу трупъ еврейки.

— Оно и видно, что вы были больны, вы такъ похудѣли и поблѣднѣли, что встрѣться я съ вами на улицѣ, я бы васъ не узналъ,—продолжалъ Захаринъ, закуривая папиросу и подавая открытый портсигаръ своему гостю.

«Сейчасъ свершится то, для чего я сюда пришелъ», замелькало въ головѣ Ивкова, въ то время, какъ онъ знакомъ отказывался

отъ предложенія курить. Отъ жуткаго предчувствія слова не выговаривались.

— Не курите? А я, знаете, ни минуты не могу безъ папиросы, только вмѣстѣ съ дымомъ мысли и лѣзутъ въ голову.

— Вы сейчасъ сказали, что спрашивали про меня въ той гостиницѣ, гдѣ я раньше жилъ?—напомнилъ Ивковъ, замѣчая, что разговоръ начинаетъ отклоняться въ сторону.

— Какъ же, какъ же, чтобъ сказать вамъ про то дѣло, которое лѣтомъ васъ такъ интересовало, помните? Солдатъ, заподозрѣнный въ убійствѣ еврейки.

Ивковъ утвердительно кивнулъ.

— Представьте себѣ, какой вышелъ казусъ!—продолжалъ Захаринъ, откидываясь къ спинкѣ дивана, чтобъ удобнѣе ораторствовать. — Приговоръ по дѣлу этого солдата, какъ вамъ извѣстно, былъ кассированъ и переданъ въ здѣшній высшій судъ. Ну, надняхъ судъ этотъ состоялся....

— Здѣсь?!—вскричалъ хриплымъ голосомъ Ивковъ. — Стало быть?....

«Илья здѣсь?» —добавилъ онъ мысленно слова, которыя не въ силахъ былъ выговорить вслухъ.

— Вы вѣрно думаете, что его оправдали?—подхватилъ его собесѣдникъ, объясняя по-своему недосказанный вопросъ. — Въ этомъ не вы одни, а и мы всѣ были увѣрены, а между тѣмъ вышло иначе: опять прокуроръ, уже другой, замѣтьте, отказался отъ обвиненія, а судьи нашли виновнымъ! Такого случая въ военномъ судѣ не запомнятъ. Чтобы два разныхъ состава судей, на тысячу верстъ одинъ отъ другого, точно сговорившись, нашли виновнымъ подсудимаго, котораго оба прокурора отказались обвинять, это, согласитесь, такое замѣчательное явленіе, что остается только руками развести! И замѣтьте, безъ новыхъ уликъ, тѣ же свидѣтели, а между тѣмъ въ послѣднюю минуту оба прокурора отказываются обвинять, а судьи осуждаютъ на каторгу!

Наступило молчаніе. Хозяинъ закурилъ новую папиросу и позвонилъ, чтобы приказать скорѣе подавать чай. Ивковъ сидѣлъ, углубившись въ мысли или, лучше сказать, въ представленія, поднимавшіяся одно за другимъ передъ его духовными очами. Катастрофа, подъ гнетомъ которой онъ изнемогалъ, воскресла передъ нимъ такъ живо, что заслонила собою все, время, пространство, все, чѣмъ онъ жилъ въ дѣйствительности, и что его окружало. Страшно было взглянуть на полъ, чтобы не увидѣть трупа еврейки, а вмѣсто Захарина ему казалось, что сидитъ Илья и укоризненно на него смотритъ.

Вошелъ мальчикъ съ подносомъ, и призраки разсѣялись. Ивковъ взялъ стаканъ съ чаемъ, машинально налилъ въ него коньяку изъ стоявшаго тутъ же графинчика и выпилъ эту смѣсь залпомъ,

обжигая себѣ ротъ, но съ наслажденіемъ убѣждаясь въ возвратѣ къ дѣйствительной жизни. Явилась возможность мыслить и обсуждать положеніе....

Какъ могъ онъ такъ долго забывать про Илью, переносившаго изъ-за него такія муки? Какъ могъ онъ оставлять его такъ долго безъ поддержки и безъ утѣшенія? Скорѣе его увидѣть, чтобы сказать, что онъ отказывается отъ дальнѣйшихъ его жертвъ.... Лучше самому все вынести, и судъ, и осужденіе и наказаніе....

— А убійца все еще не объявляется?—спросилъ онъ вызывающимъ тономъ.

— Если бы онъ объявился, то и толковать было бы не о чемъ,— возразилъ Захаринъ. — Но если онъ молчитъ до сихъ поръ.....

— То будетъ молчать и дальше? Да? Но почему вы такъ думаете? Какое право имѣете вы считать его такимъ мерзавцемъ?— запальчиво вскричалъ Ивковъ, срываясь съ мѣста. — Онъ, можетъ быть, несчастнѣе Ильи, этотъ убійца.... онъ, можетъ быть, переживаетъ такія нравственныя муки, о которыхъ вы и понятія не имѣете! Вѣдь осужденіе Ильи это его осужденіе.. Нѣтъ, хуже! Много, много хуже!

— Очень можетъ быть,—поспѣшилъ согласиться съ нимъ Захаринъ, тоже вставая съ мѣста.

Ему становилось жутко отъ присутствія этого болѣзненнаго субъекта, отъ котораго каждую минуту можно было ждать какой нибудь безобразной выходки, и онъ мысленно упрекалъ Фролова за то, что онъ не предупредилъ его о странностяхъ своего пріятеля. Тѣмъ не менѣе, желая оставаться корректнымъ, онъ себя пересилилъ и съ улыбкой замѣтилъ, что солдатикъ этотъ, котораго не могутъ ни оправдать, ни осудить, долженъ быть пресимпатичная личность, если и прокуроры и бывшій его начальникъ принимаютъ въ немъ такое горячее участіе.

«Молчите! Ничего вы въ этомъ не понимаете!»—чуть было не сорвалось съ языка Ивкова, но онъ, къ счастью, во время спохватился, подавилъ слова, рвавшіяся изъ груди, и, странно улыбнувшись новымъ мыслямъ, закружившимся въ умѣ, началъ искать фуражку, чтобы уходить.

И вдругъ, обернувшись къ хозяину, спросилъ:

— Какъ надо поступить, чтобы сознаться въ преступленіи?

— Очень просто, пойти къ прокурору или написать ему.

— Къ какому прокурору?

— Все равно, къ какому бы то ни было. Ни одинъ не имѣетъ права оставить подобнаго заявленія безъ вниманія... Но вы напрасно объ этомъ безпокоитесь,—прибавилъ онъ съ улыбкой,— если бы былъ другой убійца, и если бы онъ захотѣлъ сознаться, то давно сумѣлъ бы это сдѣлать.

— Ну, да, разумѣется, вамъ иначе нельзя думать,—замѣтилъ Ивковъ.

— Всякій будетъ такъ думать.

— Да, да, всякій,—повторилъ Ивковъ.

На этомъ они разстались. Проводивъ его, Захаринъ взглянулъ на графинчикъ съ коньякомъ, въ которомъ доброй половины недоставало, и усмѣхнулся. Теперь странности Ивкова ему были понятны: слабъ на вино, опьянѣлъ отъ двухъ рюмокъ.

XIV.

Затворивъ дверь за племянницей своей госпожи, Лиза расположилась ужинать со своимъ новымъ фаворитомъ, приказчикомъ изъ сосѣдней бакалейной лавки, когда звонокъ изъ спальни заставилъ ее поспѣшно бросить недоѣденную копченую корюшку, вытереть руки, надѣть свѣжій передникъ и бѣжать къ своей госпожѣ, которую она застала въ ночной кофтѣ съ засученными рукавами, занятую чисткой своихъ туалетныхъ принадлежностей.

Послѣ возни съ растеніями княгиня ничего такъ не любила, какъ чистить свои драгоцѣнности и вещи, украшавшія ея письменный столъ и туалетный.

Послѣ ухода племянницы она, должно быть, приняла усиленную дозу морфія, глаза ея сверкали лихорадочнымъ блескомъ, и движенія были порывистѣе обыкновеннаго.

— Скажите господину Ивкову, что я прошу его ко мнѣ чай пить, черезъ часъ,—сказала она вошедшей на ея зовъ Лизѣ, продолжая ловко и проворно уставлять вычищенными предметами столъ, пышно задрапированный бѣлыми кружевами на розовомъ атласномъ чехлѣ.

— Господина Ивкова дома нѣтъ.

Княгиня такъ мало ожидала этого отвѣта, что на костлявомъ ея лицѣ выразилось удивленіе.

— До сихъ поръ дома нѣтъ! Куда же онъ отправился?

— Не могу знать-съ. Гулять вѣрно вышли.

— Вы глупы! Онъ вернулся съ гулянья, когда Наталья Павловна была еще здѣсь.

— Точно такъ-съ, а потомъ они одѣлись и опять вышли.

— Переодѣлся?

— Да-съ, въ новый сюртукъ.

— Что же вы мнѣ этого до сихъ поръ не сказали? Получилъ онъ какое нибудь письмо? Былъ у него кто нибудь?

— Ничего имъ не приносили, и никто ихъ не спрашивалъ-съ.

— Хорошо, ступайте и, какъ вернется, передайте ему мое приглашеніе.

Ивковъ вернулся черезъ часъ и въ такомъ нервномъ возбужденіи, что обрадовался приглашенію княгини.

Одно присутствіе этой безстрастной женщины, относившейся ко всему съ ледянымъ равнодушіемъ, должно было его успокоить и помочь разобраться въ хаосѣ чувствъ и мыслей, переполнявшихъ его душу.

И онъ не ошибся. Не успѣлъ онъ перешагнуть порогъ спальни княгини, какъ волненіе его успокоилось и нервное возбужденіе стихло. Точно невидимой рукой, мягкой и осторожной, но безпощадной, сжималось его сердце, дозволяя ему биться настолько, чтобъ не наступила смерть. Мысли постепенно затуманивались, упоительно сладко, какъ въ дремотѣ передъ сномъ.

Отъ запаха духовъ, дѣйствовавшихъ на него особенно сильно послѣ продолжительнаго пребыванія на свѣжемъ воздухѣ, можетъ быть?

Такъ или иначе, но не прошло и десяти минутъ послѣ того, какъ онъ опустился въ кресло у кровати, съ которой глядѣла на него пристальнымъ и пытливымъ взглядомъ княгиня, и отъ проснувшагося было въ немъ новаго человѣка не осталось и слѣда. Онъ уже судилъ этого человѣка издали и со стороны, какъ чужого, и произносилъ строгій приговоръ его опрометчивости и недальновидности.

«Какую непоправимую глупость сдѣлалъ бы онъ, еслибъ поддался влеченію сердца, гнавшему его домой, чтобъ писать признаніе прокурору! Не повидавшись съ Ильей, ничего не обмысливъ и даже не узнавъ, правду ли ему сказалъ Захаринъ», думалъ онъ, отвѣчая на вопросы, предлагаемые ему княгиней.

Путая ложь съ правдой, онъ объявилъ, что, соскучившись дома, ему вздумалось пойти въ театръ, но что онъ встрѣтилъ по дорогѣ пріятеля, который затащилъ его къ себѣ.

— Вашъ пріятель тоже военный?

— Нѣтъ, онъ служитъ по судебному вѣдомству. Мы разговорились о судебныхъ ошибкахъ, и онъ разсказалъ мнѣ про дѣло, которое меня лично интересуетъ по близости моей къ подсудимому...

И самъ не понимая, какъ это случилось, онъ поддался страстному желанію говорить про Илью и разсказалъ, какъ его заподозрѣли въ убійствѣ старой еврейки, какъ два раза судили и оба раза, невзирая на протесты прокуроровъ, осудили.

— «Для чего я ей все это говорю?»—мелькало у него въ умѣ, въ то время какъ слова неудержимо срывались съ языка. Но вернуть ихъ было уже невозможно, и онъ утѣшалъ себя мыслью, что ему стало легко послѣ этого полупризнанія.

— Но, можетъ быть, оба прокурора ошибаются, и еврейку онъ убилъ,—замѣтила княгиня.—Убить человѣка вовсе не такъ трудно,

какъ думаютъ вообще, все зависитъ отъ настроенія, — прибавила она.

— Нѣтъ, это не онъ! — вырвалось помимо воли у ея слушателя.

Наступило молчаніе, очень неловкое для Ивкова. Онъ сознавалъ, что сдѣлалъ промахъ, и не зналъ, какъ его поправить.

— Не я одинъ такъ думаю, и Фроловъ, и Захаринъ, считаютъ его невиновнымъ... А прокуроры? Вѣдь ужъ это люди, по профессіи подозрительные и къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ относящіеся скептически, какъ же бы они могли, безъ вѣскихъ причинъ, сознаться, что заблуждались, предавая его суду? — поспѣшилъ онъ прибавить.

— Какія же вѣскія причины? Наитіе свыше, что ли? — спросила она съ усмѣшкой.

Онъ промолчалъ, не зная, что сказать.

— Не знаю, какъ вы, — продолжала она, гипнотизируя его взглядомъ, — но я вмѣшательству высшихъ силъ въ человѣческія дѣла не вѣрю. Да и высшей силы, кромѣ силъ природы, не признаю. Просто случай, простой и нелѣпый, какъ все на землѣ.

Бесѣда ихъ длилась до утра. Пробило четыре, когда онъ поднялся, чтобъ уходить.

— Вамъ хочется спать? — спросила она.

— Нѣтъ, но ужъ поздно, и пора вамъ дать покой.

— Я раньше второго часа пополудни не засыпаю. Когда вы уйдете, я буду возиться съ моими растеніями, читать, писать письма. А вы что будете дѣлать?

— Читать не хочется, писать некому, постараюсь заснуть, не знаю, удастся ли.

— Васъ такъ взволновало свиданіе съ пріятелемъ?

— Да, онъ напомнилъ мнѣ то, что хотѣлось бы забыть.

Глаза ея загорѣлись любопытствомъ.

— Женщину, вѣрно?

Онъ молча наклонилъ голову, успокоенный. Заставить ее еще дальше отойти отъ истины, къ которой она начинала совсѣмъ терять путь, казалось ему легче прежняго.

— Когда нибудь я вамъ разскажу про мое горе, но теперь оно еще слишкомъ свѣжо... Къ тому же, мнѣ надо рѣшить одинъ вопросъ, отъ котораго зависитъ вся моя судьба...

— «Видѣть его или не видѣть?» — добавилъ онъ про себя.

— Тѣмъ болѣе причинъ пожелать вамъ хорошо выспаться, это самое лучшее средство для заживленія сердечныхъ ранъ, — добродушно замѣтила она.

И, взявъ со стола граненый флаконъ, она налила изъ него въ рюмку нѣсколько капель, прибавила туда воды и подала ему.

— Выпейте это, заснете прекрасно и проснетесь въ хорошемъ расположеніи духа.

Онъ выпилъ сладковатое, приторное снадобье и поцѣловалъ у нея руку.

Она тронула его своимъ участіемъ. Ему казалось, что онъ только теперь понялъ, что за милая старуха эта чудачка, которую онъ до сихъ поръ считалъ холодной, сухой психопаткой.

И княгиня тоже была убѣждена, что вполнѣ его узнала и постигла тайну его душевнаго удрученія. Въ дневникѣ ея появилась новая про него замѣтка слѣдующаго содержанія:

«Причастенъ къ убійству!!!

«Почти сознался, что съ убитой жидовкой его связывала женщина.

«Изъ какихъ? Навѣрное изъ самыхъ простыхъ и пошлыхъ, въ родѣ горничной, швейки или курсистки. Женщинъ изъ высшаго круга, даже здѣшняго, онъ никогда не зналъ. Стоитъ только взглянуть на него, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Гдѣ теперь его возлюбленная, и для чего надо было отстранить старуху—ни слова. Распространялся только про солдата, страстно хвалилъ его, повторяясь и точно передъ кѣмъ-то въ чемъ-то оправдываясь. Старался убѣдить меня, что онъ интересуется имъ изъ человѣколюбія! И достигъ совершенно противоположныхъ результатовъ. Стоило бы только молчать, но тайна слишкомъ его тяготитъ, и, чтобъ не высказать правды, онъ безпощадно лгалъ, глупо и дѣтски-наивно. Онъ впечатлительнѣе маркиза З—ни... Ничего нѣтъ легче, какъ довести его до безумія или до самоубійства... Не убита ли старуха по его приказанію или съ его вѣдома? Послѣднее вѣрнѣе. Чтобъ заставить совершить преступленіе, надо, пожалуй, столько же силы воли, сколько и на то, чтобъ самому его совершить... А онъ безвольный. Не принимала ли во всемъ этомъ дѣятельнаго участія та женщина, про которую ему такъ тяжело говорить, и о которой онъ постоянно думаетъ? Солдатъ убилъ, это ясно, какъ день. Прокуроры ослы. А нашему Ивкову нужно, чтобъ дѣло никогда не выяснилось. Это для него вопросъ первостепенной важности...

«Дала ему морфія отъ безсонницы»...

Морфій подѣйствовалъ. Не успѣлъ онъ опустить голову на подушку, какъ заснулъ крѣпкимъ и сладкимъ сномъ, со свѣтлыми и радостными грезами. И какъ предсказывала княгиня, проснулся въ прекрасномъ расположеніи духа, но, поднимаясь съ постели, почувствовалъ такую слабость, что рѣшилъ въ этотъ день никуда не выходить.

Да его никуда и не тянуло. О свиданіи съ Захаринымъ, о томъ, что онъ отъ него узналъ, вспоминалось, какъ о чемъ-то далекомъ

и чуждомъ, до него не касавшемся. Намѣреніе же писать прокурору казалось теперь такою же нелѣпостью, какъ и рѣшеніе видѣться съ Ильей.

Безцѣльность всего этого казалась ему доказанной вполнѣ.

«Надо ждать и до поры до времени ни о чемъ не думать», повторялъ онъ себѣ съ такимъ чувствомъ, точно кто нибудь, кому онъ противиться не въ силахъ, повелѣваетъ ему такъ думать.

Въ обычный часъ Лиза принесла лампу и объявила, что княгиня проситъ его пожаловать къ ней провести вечеръ.

— Развѣ княгиня уже встала?—спросилъ онъ, взглянувъ на часы, показывавшіе пять.

— Какое! Ея сіятельство только часа два тому назадъ изволили лечь почивать и раньше полуночи не приказали себя будить. Наталья Павловна ихъ вчера своимъ пріѣздомъ очень разстроили, имъ вредно, когда ихъ не во время разбудишь, завсегда привыкли почивать днемъ.

— А какъ же она въ первый разъ приняла меня днемъ?—спросилъ Ивковъ, припоминая свою первую встрѣчу съ княгиней.

— Онѣ тогда еще не ложились, васъ дожидались.

— Скажите, пожалуйста, Лиза, кто ей про меня сказалъ?

Еще наканунѣ не рѣшился бы онъ предложить ей такой вопросъ, но послѣ вчерашняго свиданія съ княгиней онъ и къ горничной ея началъ относиться съ бо́льшимъ довѣріемъ, и ему казалось вполнѣ естественнымъ попытаться выяснить загадку, приводившую его въ недоумѣніе каждый разъ, когда онъ вспоминалъ про письмо княгини.

— Комната эта у насъ стояла пустая, ея сіятельство мнѣ сказали, что желательно было бы сдать ее благородному господину...

— И вы нашли меня?—съ улыбкой спросилъ Ивковъ.

— Точно такъ-съ. У меня знакомый служитъ въ той гостиницѣ, гдѣ вы изволили жить.

Все объяснилось очень просто, даже слишкомъ просто. Нельзя было приписать ничему особенному приглашеніе княгини у нея поселиться, и открытіе это показалось Ивкову разочарованіемъ.

Выпивъ кофе, онъ принялся за чтеніе и не замѣтилъ, какъ пролетѣло время въ болѣе или менѣе продолжительномъ забытьѣ, которымъ прерывалось его чтеніе. Сосредоточивать мысли на чемъ бы то ни было долѣе десяти минутъ сряду онъ не могъ.

Ночь опять прошла въ бесѣдѣ съ княгиней. Опять пыталась она заставить его высказаться опредѣленнѣе насчетъ обстоятельствъ, связывавшихъ его съ Ильей, и опять ему удалось, какъ нельзя лучше, не только оставить ее въ заблужденіи на этотъ счетъ, но даже усилить это заблужденіе, останавливая ея вниманіе на романѣ, складывавшемся въ его воображеніи все правдоподобнѣе и правдоподобнѣе, по мѣрѣ удаленія отъ истины.

Такъ протянулось дней пять.

На шестой Лиза вмѣстѣ съ кофе принесла ему письмо съ городской маркой.

Это было первое письмо, полученное имъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ у нихъ жилъ, и не будь онъ такъ встревоженъ этимъ событіемъ, онъ, можетъ быть, подмѣтилъ бы, что оно подклеено, но онъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобъ обращать вниманіе на внѣшній видъ конверта, который тотчасъ же разорвалъ, чтобъ узнать, кто ему пишетъ.

Писалъ Захаринъ, увѣдомляя его, что передъ отъѣздомъ изъ Петербурга онъ узналъ, что Илью рѣшено судить въ третій разъ.

«Вамъ можно будетъ присутствовать при разбирательствѣ, если вы будете еще здѣсь».

Къ этому онъ прибавлялъ, что обращался въ адресный столъ, чтобъ узнать его адресъ и сообщить вышеозначенную новость, и желалъ ему скорѣе оправиться отъ нервнаго разстройства, которымъ онъ страдаетъ.

Вотъ какъ все благополучно устраивалось! Можно, не трогаясь съ мѣста, спокойно ждать развязки, а тамъ поступить, смотря по обстоятельствамъ.

Если бы такъ случилось, что и въ третій разъ Илью осудятъ, ну, ужъ тогда онъ, конечно, не дастъ ему итти за себя на каторгу...

Но до этого еще далеко. Скучно, что придется хлопотать о продленіи отпуска... Впрочемъ, можно и совсѣмъ выйти въ отставку. У него былъ капиталъ отъ продажи родового имѣнія, приносившій ему рублей тысячу годового дохода, пока ничего больше не надо, а дальше видно будетъ.

При мысли о будущемъ онъ, какъ испуганный ребенокъ, запертый въ комнатѣ, за стѣной которой происходитъ нѣчто страшное, о чемъ ему запрещено думать, жмурился и затыкалъ себѣ уши, отгоняя ужасныя представленія. Изъ письма Захарина одно только хотѣлось понять и запомнить: Илью будутъ судить въ третій разъ, значитъ, есть данныя предполагать, что его оправдаютъ, а слѣдовательно и ему, Ивкову, можно до поры до времени успокоиться.

Въ этотъ вечеръ княгиня показалась ему еще добрѣе и симпатичнѣе, чѣмъ наканунѣ, и на вопросъ ея, какъ онъ провелъ ночь, Ивковъ искренно поблагодарилъ ее за лѣкарство.

— Когда оно вамъ опять будетъ нужно, скажите Лизѣ, я пришлю вамъ сколько нужно, чтобъ спокойно провести ночь,—сказала она.

— Дайте мнѣ лучше рецептъ, по которому я бы могъ его заказать, чтобъ въ случаѣ надобности васъ не безпокоить.

Она усмѣхнулась.

— Я понимаю, что вамъ это было бы несравненно удобнѣе, но, къ сожалѣнію, это невозможно. Лѣкарство это я получаю отъ моихъ

заграничныхъ друзей, здѣсь вамъ его не сдѣлаютъ. Но не безпокойтесь, я съ удовольствіемъ буду съ вами имъ дѣлиться. И вотъ вамъ на первый случай,—продолжала она, подавая ему пузырекъ съ темноватою жидкостью, который она вынула изъ шкатулки, стоявшей у ея изголовья.—Но предупреждаю васъ, что больше пяти капель заразъ принимать опасно, не подведите меня,—прибавила она съ добродушной улыбкой.

Онъ разсказалъ ей про письмо Захарина.

— Видите, какъ, значитъ, хорошо поступаетъ убійца, что не торопится на себя доносить, а вы, кажется, осуждали его за то, что онъ до сихъ поръ молчитъ! Для чего же напрасно себя губить, когда можно этого избѣгнуть? Ужъ теперь никакими казнями старой жидовки не воскресить, а преступникъ достаточно выстрадаетъ отъ страха и неизвѣстности за поступокъ, можетъ быть, содѣянный въ такомъ настроеніи, побороть которое онъ былъ не въ состояніи...

Каждое ея слово благотворнымъ бальзамомъ разливалось по его истерзанному сомнѣніями сердцу. Онъ объявилъ, что ему хочется дождаться здѣсь рѣшенія дѣла.

— Но для этого мнѣ необходимо продлить отпускъ подъ предлогомъ болѣзни.

— Хотите, я вамъ пришлю для этого моего доктора?—предложила она, нимало не удивляясь его намѣренію.—Онъ имѣетъ какое-то прикосновеніе къ военному министерству и многимъ офицерамъ оказываетъ услуги... за деньги, разумѣется,—прибавила она съ улыбкой.—Мой докторъ жидъ, человѣкъ безъ предразсудковъ. Ѣхать вамъ къ нему не для чего, я все равно должна за нимъ послать, чтобъ переговорить о дѣлѣ моей племянницы... У насъ въ семьѣ ни на что важное не рѣшаются, не посовѣтовавшись съ Осипомъ Григорьевичемъ. Мы съ нимъ давнишніе друзья... И вотъ жидъ, а преданъ мнѣ, какъ собака... Не правда ли, Манеѳочка, Осипъ Григорьевичъ очень хорошій жидъ?—продолжала она, обращаясь къ кошкѣ, примостившейся на ея груди. Вы можете ему не говорить о причинѣ, заставляющей васъ оттягивать отъѣздъ изъ Петербурга,—обернулась она снова къ Ивкову, не переставая ласкать кошку.

— Но у меня нѣтъ причинъ это скрывать!—вскричалъ Ивковъ.—Всякій пойметъ, что я не имѣю даже права покидать на произволъ судьбы человѣка, въ невиновности котораго я убѣжденъ.

И, поддаваясь потребности говорить про Илью, онъ опять началъ распространяться про его характеръ, наружность и про душевныя свойства этого человѣка, на котораго онъ не только не обращалъ вниманія, когда жилъ съ нимъ вмѣстѣ, но даже часто, досадуя на его нерасторопность и недогадливость, завидовалъ товарищамъ, которымъ несчастливилось достать себѣ болѣе ловкихъ

денщиковъ. Даже и послѣ катастрофы, неразрывно связавшей ихъ судьбу, ему не приходило въ голову задуматься надъ особенностями духовной стороны этого увальня, мимо котораго онъ такъ бы и прошелъ на жизненномъ пути, не узнавъ, чѣмъ именно отличается онъ отъ милліоновъ ему подобныхъ. Душа этого человѣка внезапно обнажилась передъ его духовными очами и предстала передъ нимъ во всемъ блескѣ, во всемъ величіи своей неземной чистоты и красоты.

Какъ могъ онъ быть такъ слѣпъ? Такъ возмутительно слѣпъ?— спрашивалъ онъ себя съ негодованіемъ.

Истина такимъ ослѣпительнымъ лучемъ внезапно прорѣзала мрачную тьму, въ которой безпомощно барахталась его душа, не обрѣтая исхода, что, ослѣпленный и смущенный, онъ на нѣсколько мгновеній потерялъ сознаніе. Голосъ княгини достигалъ до его ушей точно издалека, и вникать въ смыслъ произносимыхъ ею словъ онъ былъ не въ силахъ, но голосъ этотъ его ласкалъ и успокоивалъ, пробужденіе души длилось недолго и опять потянуло его къ покою и къ забвенію.

XV.

Въ ту ночь, или, лучше сказать, утро (было около пяти часовъ, когда онъ вернулся въ свою комнату), Ивковъ опять принялъ снадобья, даннаго ему княгиней. Но на этотъ разъ сонъ его былъ уже не такъ сладокъ, какъ раньше, а тяжелъ и съ мучительными видѣніями.

Разбудилъ его усиленный стукъ въ дверь, давно раздававшійся въ его ушахъ, но онъ былъ, какъ въ летаргіи, не могъ пошевелиться, не могъ раскрыть глазъ, и когда, наконецъ, сковывавшее все его существо оцѣпенѣніе начало мало-по-малу проходить, онъ увидалъ себя въ совершенной темнотѣ. Дверь была заперта изнутри. Въ нее продолжали стучать, и къ голосу Лизы, громко просившей его отворить, примѣшивался незнакомый, чужой голосъ.

Накинувъ на себя первое попавшее ему подъ руку платье, Ивковъ ощупью нашелъ дверь и отодвинулъ задвижку, не понимая, для чего онъ ее задвинулъ.

Комната освѣтилась лампой въ рукахъ Лизы, и онъ увидалъ позади ея человѣка, показавшагося ему молодымъ и красивымъ, смотрѣвшаго на него съ любопытствомъ.

— Господинъ докторъ,—объявила Лиза, пропуская впередъ своего спутника, и, поставивъ на столъ лампу, удалилась.

— Честь имѣю представиться, Шварцкугель,—съ иронической усмѣшкой объявилъ незнакомецъ, проникая въ глубь комнаты, внимательно оглядываясь по сторонамъ и безъ малѣйшаго стѣс-

ненія останавливая на Ивковѣ пытливый взглядъ, въ то время, какъ этотъ послѣдній поспѣшно приводилъ въ порядокъ свой костюмъ.

— Извините, что мы васъ потревожили, — началъ посѣтитель, опускаясь въ кресло передъ столомъ, не дожидаясь приглашенія.— Но княгиня мнѣ написала, что я вамъ нуженъ, а такъ какъ въ скорости заѣзжать въ эти края мнѣ не придется, то мы съ Лизой рѣшили потревожить вашъ покой.

Ивковъ поблагодарилъ. Мысли его прояснялись медленно, и онъ не понималъ вполнѣ, проснулся ли онъ, или продолжаетъ грезить.

— Вамъ нужно свидѣтельство о болѣзни для продленія отпуска?—помогъ ему распутаться въ мысляхъ докторъ.

— Да, я дѣйствительно боленъ... Нервы такъ истрепались, что необходимъ полнѣйшій покой, — поспѣшилъ заявить Ивковъ.

— Такъ, такъ,—благодушно закивалъ Шварцкугель. Кто теперь не страдаетъ нервами!

— Но со мною что-то особенное... Я самъ просилъ перевода, а теперь чувствую полнѣйшую невозможность двинуться съ мѣста.

— Это бываетъ, бываетъ. Позвольте все-таки васъ осмотрѣть. Нельзя безъ этого.

Онъ приказалъ ему лечь на диванъ и довольно долго выстукивалъ его и выслушивалъ.

— Важнѣйшіе органы у васъ въ порядкѣ, сердце, легкія, подгуляли только нервы. У васъ неврастенія въ самой опредѣленной формѣ, и, разумѣется, о путешествіяхъ вамъ нечего и думать. Вамъ нуженъ безусловный покой. Я вамъ напишу свидѣтельство, которое вы при рапортѣ и пошлете.

— Не подать ли мнѣ лучше прошеніе объ отставкѣ? Служба не представляетъ для меня существенной необходимости,—сказалъ Ивковъ, въ то время какъ Шварцкугель собирался писать.

— Пхе! Зачѣмъ? Вы можете впослѣдствіи пожалѣть, что бросили службу, когда могли ея не бросать. Положеніе ваше не безнадежное. При благопріятныхъ условіяхъ можете совершенно поправиться, — продолжалъ онъ, пытливо посматривая на своего паціента.—А пока, вотъ вамъ микстурка, извольте принимать ее на ночь и среди ночи, если проснетесь и почувствуете сердцебіеніе, тоску, безпокойство и тому подобное. А за свидѣтельствомъ извольте прислать ко мнѣ денька черезъ два.

Проскрипѣвъ перомъ еще съ минуту, онъ кончилъ широкимъ росчеркомъ и, откинувшись на спинку кресла, опять остановилъ на Ивковѣ пытливый взглядъ.

— Вы уже употребляли морфій? Какъ онъ на васъ дѣйствуетъ?

Ивковъ подалъ ему флаконъ, данный ему княгиней.

— И начали прямо съ пріемовъ внутрь? Это же не раціонально. Надо всегда начинать съ вспрыскиваній. Я вамъ пропишу спринцовку, а ужъ здѣсь васъ научатъ, какъ ею дѣйствовать.

И, прибавивъ еще нѣсколько словъ къ рецепту, онъ поднялся съ мѣста, спряталъ въ боковой карманъ золотую монету, поданную ему Ивковымъ, и съ любезной улыбкой напомнилъ о свидѣтельствѣ.

— Извольте прислать за нимъ послѣ завтра. Если меня не будетъ дома, пусть вашъ посланный обратится къ моему камердинеру.

XVI.

— Какъ вы его нашли?—спросила княгиня, когда отъ Ивкова Шварцкугель зашелъ къ ней.

— Пхе! Не лучше и не хуже другихъ. Проскрипитъ еще нѣсколько лѣтъ, если никакихъ особенныхъ осложненій не произойдетъ. Только напрасно ваше сіятельство изволили его съ перваго абцуга морфіемъ накачивать. Онъ для такихъ пріемовъ еще не догнилъ, хе, хе, хе! Пусть еще нѣкоторое время вспрыскиваніемъ позабавится.

— Не все ли равно, если въ концѣ концовъ все-таки придется перейти на пріемы внутрь.

Онъ пожалъ плечами.

— Осторожность никогда не мѣшаетъ, особенно намъ, имѣющимъ несчастіе носить еврейскую фамилію.

— Ну, вы-то не по одной фамиліи—жидъ,—замѣтила она.

— Пусть будетъ такъ, пусть, все равно и даже тѣмъ болѣе... Каждый негодяй придирается, газеты эти...

И, махнувъ рукой, онъ оборвалъ щекотливый разговоръ, чтобъ спросить, давно ли она видѣла свою хорошенькую племянницу.

— Мнѣ говорили, что она вернулась изъ Крыма?

— Вернулась.

— Чѣмъ же она теперь увлекается? Филантропіей? Спиритизмомъ?

— Все это ей ужъ давнымъ давно надоѣло, теперь она увлекается буддизмомъ. Познакомилась въ Крыму съ морякомъ, который куритъ опіумъ и знакомитъ ее съ ученіемъ Будды...

— Вотъ какъ!—протянулъ Шварцкугель, выпучивая отъ изумленія свои черные на выкатѣ глаза.—Съ чего же это онъ? Разорился? Или его обошли по службѣ?

— Ни то ни другое, а просто жена разлюбила и хочетъ съ нимъ разводиться, чтобъ выйти за другого.

— Пхе!—презрительно передернулъ плечами докторъ.—Совсѣмъ, значитъ, слабый человѣкъ. И вы говорите, что онъ богатъ?

— Да, у него порядочное состояніе и въ виду наслѣдство.

— И буддизмомъ увлекается? И опіумомъ себя отравляетъ? Совсѣмъ, значитъ, плохъ! И охота Натальѣ Павловнѣ съ такими субъектами водить знакомство, не понимаю! Вѣдь это получеловѣки какіе-то, право! На что они нужны? Только бременятъ землю...

— Себѣ они нужны, Шварцкугель, столько же, сколько и мы съ вами. Развѣ мы для другихъ живемъ?

— Ну! это же большая разница! Какъ же можно сравнивать? И такая красивенькая дамочка, какъ Наталья Павловна, не умѣетъ окружить себя настоящимъ обществомъ, настоящими кавалерами, которые за счастіе бы почитали ей служить и угождать! И чего она думаетъ? Молодость скоро пройдетъ...

— Ей только двадцать шесть лѣтъ, до старости далеко.

— Не говорите! Нынче старятся рано, такихъ, какъ я, которымъ въ пятьдесятъ лѣтъ больше тридцати пяти нельзя дать, немного.

— И только между жидами?

— Ну, да, ну, да, между жидами. А почему? Потому, что евреи умѣютъ пользоваться жизнью и глупостями не занимаются. Скажите Натальѣ Павловнѣ,—продолжалъ онъ, поднимаясь съ мѣста:— что отъ опіума волосы лѣзутъ и зубы портятся. А буддизмъ, это ужъ совсѣмъ безуміе! Ну, еще масонство, это я понимаю...

У княгини забѣгали огоньки въ глазахъ.

— Потому что вы сами масонъ?

— Тссс! Не будемъ про это говорить! Мало ли кто во что вѣритъ, это дѣло совѣсти...

— Для того, у кого она есть,—вставила его собесѣдница.

— Но надо же все съ разумомъ дѣлать,—продолжалъ онъ, не разслышавъ, или притворяясь, что не разслышалъ ея замѣчанія.— А такъ, зря, отъ нечего дѣлать, чтобъ наполнить пустоту жизни, это же совсѣмъ глупо! Скажите ей, что Шварцкугель ей совѣтуетъ выгнать изъ дому всѣхъ больныхъ людей, буддиста этого...

— Она никого не послушаетъ. Она имъ теперь также увлечена, какъ раньше спиритомъ Санчини, нигилисткой Обвальской и другими. Она безъ увлеченій жить не можетъ. Все выходящее изъ ряду вонъ, всякая новинка такъ ее плѣняетъ, что, еслибъ только Иванъ Петровичъ захотѣлъ, она бы опять съ нимъ сошлась, хотя бы для того, чтобъ быть битой... Ее никогда никто не билъ.

— Да онъ же подъ опекой за развратное поведеніе.

— Вотъ именно это-то ее и прельщаетъ.

— А вы все еще про ея молодость толкуете! Да съ такими извращенными потребностями, какъ у нея, молодости ей и на пять лѣтъ не хватитъ. За границу бы ей уѣхать, въ Берлинъ или въ Вѣну. Въ Парижѣ теперь красивенькой дамочкѣ дѣлать нечего, тамъ травлей жидовъ заняты. Всѣ удовольствія этой травлей запакощены. Хорошо еще, что тамъ полиція въ надежныхъ рукахъ,

а то даже въ театрѣ отъ антисемитовъ не спастись, хе, хе, хе! Пошла мода на пьесы съ евреями. Я говорю: сами себя изображаете, господа, сами себя! Что въ насъ такого особеннаго? Раньше мы отличались отъ васъ костюмомъ и обычаями, а теперь дѣти наши воспитываются съ вашими дѣтьми, сыновья ваши женятся на нашихъ дочеряхъ, генералы ваши служатъ у нашихъ дѣльцовъ, во всемъ, значитъ, сравнялись. Развѣ это не правда?

— Неправда, всегда между вами и нами будетъ разница,—возразила княгиня съ усмѣшкой.—Еслибъ вы были, какъ всѣ, не надо было бы, рекомендуя васъ, какъ доктора, предупреждать о вашемъ происхожденіи, и случается, что отказываются отъ вашихъ услугъ, узнавши, что вы жидъ.

— А зачѣмъ предупреждать?—съ живостью возразилъ онъ, въ досадѣ загнусавивъ.

— Этого вамъ не стоитъ объяснять, все равно не поймете.

— Потому что я жидъ? Да?

— Именно поэтому,—отвѣчала княгиня, забавляясь его яростью.— Нѣтъ, Шварцкугель, между христіанами есть еще люди, которые на жидовъ не похожи.

— Дураковъ всегда будетъ много, и я говорю...

— Что вы будете говорить, я впередъ знаю, а вы мнѣ лучше скажите про моего офицера, не намекнулъ онъ вамъ на причину своего душевнаго разстройства?

— Нѣтъ еще, но это придетъ. Они не могутъ долго молчать, имъ всегда кажется, что легче станетъ, когда выболтаются, хе, хе, хе! Но это ужъ тогда случится, когда способность соображенія и сила воли совсѣмъ ослабѣютъ, понимаете? Сегодня онъ мнѣ только сказалъ, что можетъ жить безъ службы. Но я отсовѣтовалъ ему выходить въ отставку. Безъ службы онъ скорѣе сойдетъ съ ума. Нравственная узда много значитъ для человѣка, утратившаго способность владѣть собою. Впрочемъ, долженъ вамъ сознаться, что интереснаго въ немъ я ровно ничего не нашелъ; офицеръ, какъ офицеръ, и нельзя сказать, чтобы изъ интеллигентныхъ.

— Нѣтъ, онъ интересный,—возразила княгиня.

— Ну, желаю вамъ подольше имъ забавляться, а мнѣ пора бѣжать, меня въ двадцати домахъ ждутъ, а у васъ вѣчно засидишься, пхе!

XVII.

Прошло еще мѣсяца два. Зима близилась къ концу.

Самоусыпленіе Ивкова шло очень успѣшно.

Съ княгиней онъ настолько сблизился, что приходилъ къ ней запросто, безъ зова, и не тяготился ея обществомъ, такимъ же своеобразнымъ, какъ и она сама. Кромѣ племянницы ея, хоро-

шенькой психопатки, и пріятеля ея, моряка, извѣстнаго подъ кличкой буддиста, княгиню навѣщалъ горбатый дипломатъ Лейпцигеръ, занимавшій въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ какую-то таинственную должность, дозволявшую ему узнавать множество интересныхъ политическихъ новостей, которыми онъ охотно дѣлился съ княгиней и съ ея гостями.

Нравственный гнетъ, изъ-подъ котораго Ивковъ не выходилъ, не дозволялъ ему относиться критически къ тому, что онъ здѣсь видѣлъ и слышалъ, все это служило ему только развлеченіемъ, притупляя на время душевную муку, какъ иногда шумъ заставляетъ замирать зубную боль.

Въ рѣдкія минуты просвѣтленія онъ самъ изумлялся своему равнодушію ко всему, что не касалось его личнаго покоя. На всѣ терзавшіе его раньше вопросы у него ужъ теперь были готовые отвѣты самаго удобнаго свойства. Различіе между добромъ и зломъ онъ пересталъ понимать, грань между духовнымъ свѣтомъ и тьмой стушевалась, онъ утратилъ способность ощущать жалость къ чужимъ страданіямъ.

Способность эта въ немъ атрофировалась и замѣнилась отчасти любопытствомъ, отчасти ненавистью къ тѣмъ, которые оставались такими, какимъ онъ и самъ былъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Илья. Онъ не могъ вспоминать про него безъ раздраженія. Развѣ этотъ дуракъ не причина всѣхъ его несчастій? Не заставь онъ его тогда уѣхать, теперь все было бы кончено, и самое воспоминаніе о случившемся испарилось бы у всѣхъ изъ памяти. И жилъ бы онъ, какъ всѣ, служилъ бы, ухаживалъ бы за хорошенькими, пользовался бы прекраснымъ аппетитомъ, спалъ бы безъ помощи морфія и не подозрѣвалъ бы о существованіи такихъ нравственныхъ уродовъ, какъ княгиня, истеричная Наталья Павловна съ буддистомъ и, точно сорвавшійся со страницы Гофмановской сказки, загадочный дипломатъ, такой же циничный представитель отрицательныхъ свойствъ современнаго человѣчества, какимъ былъ докторъ Шварцкугель.

Но среди всей этой компаніи всѣхъ ненавистнѣе ему былъ буддистъ.

Потому, можетъ быть, что у него было съ нимъ много общаго. Такъ же, какъ и онъ, былъ онъ молодъ, красивъ, носилъ военный мундиръ и сбился съ пути, благодаря независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ, также молчаливъ и, удрученный таинственнымъ недугомъ, могъ сидѣть по цѣлымъ часамъ неподвижно въ темномъ углу, устремивъ взглядъ въ пространство, не замѣчая, какъ летитъ время, и оживляясь тогда только, когда къ нему обращалась Наталья Павловна, имѣвшая на него такое вліяніе, какое княгиня имѣла на Ивкова.

Съ нѣкоторыхъ поръ и буддистъ сдѣлался паціентомъ Шварцкугеля, который прописывалъ ему капли отъ безсонницы, какъ и Ивкову, и также отговаривалъ его выходить въ отставку, подъ тѣмъ предлогомъ, что безъ узды онъ скорѣе можетъ окончательно свихнуться.

Когда пріѣзжалъ дипломатъ, эти двое, Ивковъ и буддистъ, садились въ темный уголъ, до котораго свѣтъ отъ лампы не доходилъ и, по выраженію Натальи Павловны, сохранившей много дѣтскаго юмору въ воображеніи, невзирая на разстроенную нервную систему, оба они выглядывали оттуда, какъ сычи, широко раскрытыми ввалившимися глазами, казавшимися огромными и совершенно круглыми отъ напряженнаго вниманія.

— Мнѣ съ моимъ буддистомъ иногда бываетъ жутко оставаться наединѣ,—сказала однажды Наталья Павловна теткѣ,—отъ такихъ невмѣняемыхъ, какъ вашъ Ивковъ и мой морякъ, всего можно ждать. Особенно страшенъ вашъ Ивковъ, онъ похожъ на человѣка, совершившаго преступленіе, убійство или что нибудь въ этомъ родѣ.

— Очень можетъ быть, —согласилась княгиня,—но что намъ до этого? Меня убивать ему не для чего.

Забывшись, они заговорили между собою по-французски, а не по-англійски, какъ всегда, когда имъ нежелательно было быть понятыми окружающими, и, обернувшись въ сторону «сычей», Наталья Павловна вздрогнула, замѣтивъ испуганный взглядъ Ивкова.

— Онъ насъ слышалъ!—прошептала она, пригнувшись къ княгинѣ.

— Такъ чтожъ изъ этого?—равнодушно отвѣчала эта послѣдняя и позвонила, чтобы приказать подавать чай.

Ночь прошла, какъ всегда. Во второмъ часу пріѣхалъ дипломатъ со свѣжими новостями. Княгиня, какъ всегда, въ разговоръ не вмѣшивалась, а только слушала, съ тѣмъ выраженіемъ холодной ироніи въ пристальномъ, по временамъ застывающемъ взглядѣ, къ которому всѣ здѣсь привыкли.

Когда разсказчикъ замѣчалъ, что она перестаетъ слѣдить за нитью его повѣствованія, онъ обращался къ Натальѣ Павловнѣ, а когда убѣждался, что глаза княгини снова загораются любопытствомъ, онъ еще разъ повторялъ сказанное для нея.

Лиза ловко и беззвучно разносила чай на серебряномъ подносѣ, а Ивковъ спрашивалъ себя: во снѣ или наяву слышалъ онъ, что подозрѣваютъ его въ убійствѣ?

Но отвѣта на этотъ вопросъ не являлось, и онъ рѣшилъ, что это была галлюцинація, какъ нѣсколько дней тому назадъ, когда онъ сидѣлъ одинъ въ своей комнатѣ, и ему вдругъ послышалось, будто его зовутъ по имени такъ громко, что онъ повернулся къ двери и очень удивился, увидавъ ее запертой, и что въ комнатѣ, кромѣ него, никого нѣтъ.

Явленіе это Шварцкугель ему предсказывалъ между прочими послѣдствіями злоупотребленія морфіемъ.

XVIII.

Шварцкугель аккуратно его навѣщалъ, каждый разъ бралъ пять рублей за визитъ и не забывалъ заходить къ княгинѣ, чтобы сообщить ей о результатахъ своихъ наблюденій надъ ея жильцомъ.

Результаты эти оказывались довольно плачевными.

— Боюсь я, чтобъ онъ вамъ не надѣлалъ хлопотъ. Вамъ бы его куда нибудь выпроводить, право! Неужели у него нѣтъ родственниковъ, которыхъ можно было бы увѣдомить, что онъ плохъ, и что ему грозитъ параличъ мозга, если за нимъ не будетъ надлежащаго ухода и надзора? Его умственныя способности понижаются съ изумительной быстротой. На самый пустой вопросъ онъ вамъ не отвѣтитъ раньше, какъ черезъ двѣ-три минуты, такъ ослабѣла въ немъ способность соображенія. Я даже и представить себѣ не могъ, чтобъ положеніе его такъ быстро ухудшилось.

Онъ смолкнулъ въ ожиданіи отвѣта, но ему не возражали, и тишина, воцарившаяся въ комнатѣ, довольно долго ничѣмъ не нарушалась.

А затѣмъ, вмѣсто того, чтобъ отвѣтить на его слова, она спросила: не можетъ ли онъ ей прислать человѣка, близко стоящаго къ окружному суду.

— Мнѣ нужна справка объ одномъ дѣлѣ,—прибавила она.

— Я вамъ могу прислать очень дѣльнаго молодого человѣка, онъ доставитъ вамъ какія угодно справки,—отвѣчалъ Шварцкугель, нимало не смущаясь тѣмъ, что на замѣчанія насчетъ Ивкова она не нашла нужнымъ отвѣтить.

— Вашего племянника, Зоненталя?

— Кто вамъ про него сказалъ?—спросилъ онъ съ изумленіемъ.

— Вы сами. Вы мнѣ про него разсказывали передъ его отъѣздомъ за границу.

— Неужели? Но это было пять лѣтъ тому назадъ. И сколько мнѣ помнится, я съ тѣхъ поръ ни разу вамъ про него не упоминалъ. И память же у васъ! Феноменальная! А еще говорятъ, что морфій притупляетъ умственныя способности! Каждый разъ, когда я слышу такую нелѣпость, мнѣ хочется на васъ указать. Морфій исключительно вліяетъ на такія свойства духовной природы человѣка, которыя не имѣютъ ничего общаго ни съ умомъ, ни съ памятью, морфій притупляетъ чувствительность нервовъ и воспріимчивость извѣстныхъ мозговыхъ функцій...

Его объясненія прервали на полусловѣ.

— Нельзя ли меня избавить отъ объясненія того, что мнѣ извѣстно гораздо лучше, чѣмъ вамъ,—рѣзко объявила княгиня.—

Что же онъ теперь дѣлаетъ, этотъ вашъ племянникъ? Женился на богатой невѣстѣ, на которой хотѣлъ жениться?

— Нѣтъ, свадьба разстроилась,—неохотно отвѣчалъ онъ, отвертываясь отъ насмѣшливаго взгляда своей собесѣдницы.

— Узнали, вѣрно, что онъ жидъ? Я вамъ предсказывала, что такъ случится.

— Да,—произнесъ онъ сквозь зубы,—нашелся мерзавецъ, который постарался вмѣшаться не въ свое дѣло и всю семью возстановилъ противъ него...

— Онъ, значитъ, понапрасну и христіанство принялъ?

Глаза еврея засверкали веселымъ блескомъ.

— О, нѣтъ! Развѣ же онъ дуракъ, чтобъ раньше времени сжигать свои корабли! Креститься онъ долженъ былъ въ день свадьбы, а ему отказали за двѣ недѣли до назначеннаго дня. И, знаете, что случилось?—продолжалъ онъ торжествующимъ тономъ.—Она въ тотъ же годъ умерла, и такимъ образомъ весь профитъ оказался на его сторонѣ, теперь онъ ужъ давно женатъ на богатой барышнѣ изъ нашихъ...

— Чѣмъ же онъ теперь занимается?

— О! онъ отлично устроился! Поступилъ въ помощники къ самому знаменитому изъ нашихъ адвокатовъ, который меньше ста рублей за совѣтъ не беретъ, и заработываетъ больше своего патрона. У него собственный домъ на Петербургской сторонѣ, обстановка министерская. Столовая расписана въ декадентскомъ стилѣ, вся въ пѣтухахъ.

— Не думаю, чтобъ у министровъ были такія столовыя.

— Я же вамъ говорю, что художникъ взялъ съ него за эту столовую три тысячи, за двѣ стѣны. А когда вы желаете, чтобъ я къ вамъ привезъ Зоненталя?

— На-дняхъ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. И пусть пріѣдетъ днемъ, до часу; вечеромъ у меня теперь каждый день кто нибудь бываетъ.

— Я самъ его привезу.

— Нѣтъ, мнѣ будетъ удобнѣе переговорить съ нимъ наединѣ.

XIX.

Съ недѣлю спустя послѣ вышеприведеннаго разговора, княгиня совершеннно неожиданно заговорила съ Ивковымъ про Илью.

— Дѣло его будетъ, должно быть, скоро разбираться. Вы не думаете пригласить ему хорошаго защитника?—спросила она, слѣдя съ любопытствомъ за измѣненіемъ его лица по мѣрѣ того, какъ онъ вслушивался въ ея рѣчь.

Онъ постепенно блѣднѣлъ, во взглядѣ его выразилась мучительная растерянность, и губы судорожно сжимались отъ усилія понять тайный смыслъ ея словъ.

— Защитника? Зачѣмъ?—спросилъ онъ съ усиліемъ.

— Чтобъ его въ третій разъ не признали виновнымъ, —спокойно отвѣчала она.—Говорятъ, что все зависитъ отъ адвоката. У талантливаго адвоката величайшій преступникъ можетъ быть оправданъ, а у плохого невинный можетъ попасть на Сахалинъ. Кто защищалъ его первые два раза?

— Не знаю, какіе-то отъ суда.

— Видите!

— Вы, можетъ быть, правы,—согласился Ивковъ, пораженный новымъ открытіемъ въ сферѣ событія, игравшаго такую выдающуюся роль въ его судьбѣ.

Какъ это ему раньше не пришло въ голову? Давно бы теперь все было кончено! Илья былъ бы на свободѣ, дѣло сдали бы въ архивъ, и никто бы про него не вспоминалъ.

— Но гдѣ же найти такого адвоката? Чтобъ онъ былъ изъ самыхъ лучшихъ и не запросилъ бы нѣсколько десятковъ тысячъ за защиту? У меня можетъ не хватить средствъ такому заплатить,— вымолвилъ онъ тревожно.

Ему ужъ казалось, что хуже несчастья, какъ не быть въ состояніи заплатить за спасеніе, ничего не можетъ для него быть.

— Есть хорошіе адвокаты и не такіе дорогіе, — замѣтила княгиня:—я вамъ, можетъ быть, такого найду, подождите нѣсколько дней.

На этомъ разговоръ про адвоката и кончился, но дня черезъ два она за нимъ послала, чтобъ познакомить его съ господиномъ, котораго она ему представила, какъ товарища присяжнаго повѣреннаго, Зоненталя.

Господинъ этотъ, развязный и рѣчистый, съ большимъ оживленіемъ разсказывалъ случаи изъ судебной практики одинъ интереснѣе другого, пересыпая свою рѣчь извѣстными именами и, точно догадываясь о нравственномъ настроеніи Ивкова, преимущественно напиралъ на преступленія, остающіяся нераскрытыми, и на ловкость, съ которой инымъ преступникамъ удается вводить въ заблужденіе и судъ, и общественное мнѣніе насчетъ ими содѣяннаго...

— Но это, разумѣется, только въ такихъ случаяхъ, когда отъ ихъ обмана никто не страдаетъ?—замѣтилъ Ивковъ.

— Почему вы такъ думаете?—спросилъ Зоненталь.

— Да потому, что должно быть нестерпимо сознавать, что изъ-за меня кто нибудь страдаетъ.

— Ну это, знаете, зависитъ отъ темперамента.

— Отъ совѣсти, хотите вы сказать?

— Теперь доказано что то, что называли совѣстью, есть не что иное, какъ одно изъ свойствъ темперамента, до извѣстной степени развитаго воспитаніемъ, —авторитетно заявилъ Зоненталь.

— Мсье Зоненталь узналъ про дѣло вашего бывшаго денщика,— вмѣшалась въ разговоръ княгиня.—Оно будетъ разбираться послѣ Пасхи.

— Какъ же, какъ же, дѣломъ этимъ въ судѣ интересуются. Своего рода cause célébre,—прибавилъ онъ съ усмѣшкой.

— А взялись бы вы защищать это дѣло?—спросила княгиня.

— Взялся бы.

— Безъ гонорара?

— Зачѣмъ же безъ гонорара?—поспѣшилъ сказать Ивковъ.—Я могу заплатить. Я этого человѣка хорошо знаю, увѣренъ въ его невинности и принимаю въ немъ участіе... Я могу заплатить,—повторилъ онъ съ замѣшательствомъ.

— О, я съ васъ дорого не возьму!—вскричалъ Зоненталь.

— Какого вы мнѣнія о подсудимомъ?—спросила княгиня.

— Дуракъ, ваше сіятельство, круглый дуракъ! Если бы у него была хоть капля мозга въ головѣ, онъ совершенно иначе бы поступалъ,—не задумываясь отвѣчалъ онъ.

И началъ доказывать справедливость своего мнѣнія аргументами, до такой степени противоположными истинѣ, что Ивковъ началъ раздражаться.

И вдругъ въ ту самую минуту, когда всего менѣе можно было этого ожидать, вопреки логикѣ и послѣдовательности въ выраженныхъ раньше сужденіяхъ, путаясь въ софизмахъ, одинъ другого лживѣе, наглѣе и гнуснѣе, ораторъ безсознательно доболтался до истины.

Не до истины Ильи, прокуроровъ и судей, а до той истины, за которую въ минуту отчаянія цѣплялся Ивковъ, а именно: старуха была убита нечаянно, смерть ея явилась неожиданностью для убійцы. Никто, значить, не виноватъ, и обвиняемый въ правѣ отрицать самый фактъ преступленія, случившійся безъ свидѣтелей, чтобы избѣгнуть незаслуженнаго наказанія.

— Вы вотъ какъ это понимаете!—протянула княгиня, отъ вниманія которой не ускользнуло волненіе Ивкова. Когда Зоненталь дошелъ до послѣдней гипотезы, Ивковъ страшно поблѣднѣлъ, зрачки его расширились, а губы беззвучно зашевелились подъ тщетными усиліями произнести слова, рвавшіяся изъ горла.

— Да, это мое внутреннее убѣжденіе, вынесенное изъ просмотра дѣла,—самодовольно объявилъ Зоненталь, забывая, что за минуту передъ тѣмъ онъ утверждалъ совершенно другое.—Но, разумѣется, на судѣ я этого не скажу. Несчастный глупецъ слишкомъ долго настаивалъ на своей неприкосновенности къ убійству, слишкомъ упорно повторялъ, что въ смерти старухи онъ неповиненъ, чтобы ему повѣрили, еслибъ онъ теперь сознался, что убилъ ее нечаянно...

— «Да, да, вотъ почему я теперь ужъ не могу въ этомъ сознаться»,—завертѣлось въ головѣ Ивкова.

— Всѣ скажутъ: почему же онъ тотчасъ не сказалъ правду?— продолжалъ развивать свое предположеніе Зоненталь.

— «Разумѣется, разумѣется»,—мысленно повторялъ за нимъ Ивковъ.

А Зоненталь, между тѣмъ, продолжалъ:

— Правда должна быть прежде всего правдоподобна, а иначе кто же ей повѣритъ? Кто же ее пойметъ? И вотъ именно эту-то истину и упускаютъ изъ виду неопытные защитники, а потомъ возмущаются неудачами. Прежде всего надо соображаться съ интеллигенціей судей, коронныхъ, какъ въ данномъ случаѣ, или присяжныхъ, какъ въ гражданскомъ судѣ: это все равно, всѣ люди, всѣ человѣки, рѣдко способны разбираться въ психологическихъ тонкостяхъ, а слѣдовательно умному защитнику ничего не стоитъ ихъ загипнотизировать. Надо умѣть имъ навязывать свое мнѣніе, а не ждать послѣдствій ихъ собственныхъ измышленій. Это азбука нашей профессіи, и тотъ, кто не способенъ ее себѣ усвоить, лучше въ нашу среду и не суйся. Вотъ я вамъ сейчасъ сказалъ, что, по моему убѣжденію, солдатъ этотъ убилъ еврейку въ минуту запальчивости, нечаянно, а между тѣмъ на судѣ я буду отстаивать полную невиновность моего кліента, сошлюсь на недостаточность уликъ, на внутреннее убѣжденіе обоихъ прокуроровъ, отказавшихся его обвинять, на его душевныя качества, о которыхъ я, признаться сказать, и понятія не имѣю, буду въ особенности настаивать на безцѣльности преступленія, которое ему приписываютъ... Нельзя же въ самомъ дѣлѣ принимать въ соображеніе тѣ гроши, которые онъ ей былъ долженъ за апельсины. Г. офицеръ намъ поможетъ, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Ивкову. — Я васъ попрошу припомнить все, что касается до нравственныхъ особенностей этого человѣка. И не одни только факты, а также и ваши собственные выводы изъ этихъ фактовъ. Почему, напримѣръ, вы такъ убѣждены въ его невиновности, что не останавливаетесь даже передъ издержками, чтобы ее доказать? Это очень характерно. Княгиня мнѣ сказала, что вы человѣкъ небогатый. Сообщите же мнѣ все, что ваше воображеніе и желаніе ему быть полезнымъ вамъ подскажетъ, мы всѣмъ воспользуемся, ничѣмъ не побрезгуемъ, будьте покойны. Понимаете?—счелъ онъ нужнымъ прибавить, фамильярно ему подмигивая, какъ старому товарищу и сообщнику, который безъ лишнихъ словъ долженъ понимать его гнусные замыслы и имъ сочувствовать.

XX.

Наступилъ новый фазисъ въ нравственной пыткѣ, претерпѣваемой Ивковымъ.

Теперь уже не одинъ Шварцкугель его навѣщалъ, а также и Зоненталь. Если бы у него спросили, который изъ двухъ мучительнѣе его терзаетъ, онъ затруднился бы отвѣтить.

Обоихъ онъ продолжалъ держать въ заблужденіи относительно причинъ нравственнаго разстройства, такъ пагубно отражавшагося на его нервахъ и въ мозгу, ни единымъ словомъ не проговаривался онъ на прямые и косвенные вопросы, намеки и предположенія, которыми они пытались влѣзть къ нему въ довѣріе, но съ каждымъ днемъ все яснѣе и яснѣе сознавалъ, что долго ему не выдержать, и что близка минута, когда онъ въ раздраженіи выплюнетъ имъ свою тайну.

При этой мысли на него нападалъ такой ужасъ, что онъ холодѣлъ съ ногъ до головы, схватывался дрожащей рукой за флаконъ съ морфіемъ и проглатывалъ порцію яда, отъ котораго впадалъ въ тяжелое забытье, съ галлюцинаціями, не покидавшими его вполнѣ даже и послѣ пробужденія. То ему казалось, что его зовутъ, то видѣлъ онъ передъ собою Илью и убитую еврейку такъ ясно, что, казалось, стоило только протянуть руку, чтобы до нихъ дотронуться, и онъ забивался въ постель, пряталъ подъ подушки голову и, обливаясь холоднымъ потомъ, лежалъ неподвижно до тѣхъ поръ, пока нервы не успокоивались.

Его оставляли въ покоѣ. Никто не входилъ взглянуть, что съ нимъ дѣлается даже и тогда, когда онъ громко стоналъ отъ тоски и отчаянья.

Всего удивительнѣе было то, что близость развязки пугала его все больше и больше. Послѣ каждаго свиданія съ Зоненталемъ, считавшимъ своимъ долгомъ подробно увѣдомлять его о ходѣ дѣла, ему было такъ нестерпимо тяжело, что не хватало силъ дойти до комнаты княгини. Онъ падалъ въ изнеможеніи на кровать и лежалъ неподвижно много часовъ сряду, не ощущая ни голода ни желанія подняться, чтобы расправить ноющіе члены.

Жизнь въ его тѣлѣ застывала на продолжительное время, шевелился одинъ мозгъ, вызывая въ воображеніи страшные и безобразные призраки изъ невѣдомаго міра.

Время шло. Наступила весна, холодная, грязная, съ тоскливыми длинными днями.

Чтобы не видѣть вѣчныхъ сумерекъ, Ивковъ пересталъ раздвигать темныя занавѣси у оконъ и приказывалъ приносить себѣ

лампу въ семь часовъ, какъ зимой. Искусственный свѣтъ меньше его раздражалъ дневного, и теперь онъ не удивлялся бы лампѣ, горѣвшей день и ночь у княгини, какъ при первомъ свиданіи съ нею. Теперь всѣ ея странности ему были понятны.

Шварцкугель, невоздержный на языкъ, невзирая на кажущуюся солидность, разсказалъ ему однажды, между прочими подробностями о княгинѣ, что она покинула Парижъ, гдѣ жила много лѣтъ сряду, вслѣдствіе несчастья, о которомъ ей хотѣлось скорѣе забыть.

При этомъ онъ сообщилъ Ивкову и о томъ, въ чемъ заключалось это несчастіе, но во всей этой исторіи Ивкова одно только поразило: возможность достигнуть забвенія смѣной впечатлѣній, и онъ началъ въ рѣдкія минуты душевнаго просвѣтленія мечтать о поѣздкѣ за границу. Ему казалось, что только вдали отъ Россіи онъ забудетъ все и заживетъ новой жизнью.

Про намѣреніе это онъ сообщилъ Шварцкугелю, который его одобрилъ и совѣтовалъ привести скорѣе въ исполненіе.

— Чего вамъ здѣсь ждать? Весны у насъ нѣтъ, какъ видите, лѣто отвратительное, для развитія неврастеніи самое благопріятное. Въ Германіи или въ Швейцаріи вы сдѣлаетесь совсѣмъ другимъ. Для того человѣка, которымъ вы интересуетесь, присутствіе ваше не нужно. Мы вамъ телеграфируемъ о результатѣ суда надъ нимъ, а показанія въ его пользу можно съ васъ взять письменно; видѣться съ нимъ для этого вамъ нѣтъ никакой надобности.

Видѣться съ Ильей! Да онъ готовъ былъ ѣхать на край свѣта, чтобъ этого избѣгнуть!

Проектомъ заграничной поѣздки Ивковъ увлекался съ недѣлю времени, и столько же забавлялись этимъ докторъ съ племянникомъ и съ княгиней.

— Ну, что, какъ онъ сегодня? Все собирается ѣхать въ Швейцарію?—спросила однажды эта послѣдняя у доктора, когда онъ, по своему обыкновенію, зашелъ къ ней отъ Ивкова.

Шварцкугель махнулъ рукой.

— Какое тамъ! Ни о чемъ не удалось мнѣ съ нимъ сегодня переговорить. Ничего не понимаетъ. Не знаю даже, узналъ ли онъ меня. Вы когда его видѣли?

— Дней десять тому назадъ. Все спитъ. Я какъ-то посылала за нимъ Лизу, не могла добудиться. Откроетъ глаза, поглядитъ, поглядитъ и опять закроетъ. Пересталъ и кофе каждый день пить.

— Это совсѣмъ скверно. Я приказалъ Лизѣ подмѣшивать ему въ кофе кока. Отличное средство противъ упадка силъ.

— Она, кажется, подмѣшиваетъ.

— А досадно, что онъ сегодня не могъ меня выслушать, я привезъ ему интересную новость: судъ назначенъ на 7-е число.

— Да, это извѣстіе заставило бы его непремѣнно очнуться. Насколько я могла замѣтить, одно только это дѣло и представляетъ для него интересъ въ жизни. Обратили вы вниманіе, какъ у него загораются глаза, когда рѣчь заходитъ про судъ надъ этимъ солдатомъ? Какъ онъ оживляется при мысли о его оправданіи и въ какое приходитъ безпокойство при одномъ намекѣ о новомъ осужденіи? Право, мнѣ иногда кажется, что онъ менѣе бы волновался, если бы дѣло это касалось его лично! Это очень странно. Вы не находите?

— Ничего нѣтъ страннаго, самое обыкновенное явленіе у неврастениковъ, прибѣгающихъ къ морфію или къ эѳиру, чтобы заглушить страданія. Я зналъ одну морфинистку, которая такъ ко всему охладѣла, ко всему потеряла интересъ, что скажи ей, что кругомъ ея горитъ, или что дѣти ея перемерли отъ чумы, она не шелохнулась бы и не выразила бы ни малѣйшаго волненія, а когда горничная разбила чашку, изъ которой она привыкла пить кофе каждое утро, она пришла въ такое отчаяніе, что повѣсилась, хе, хе, хе!

— Я это понимаю,—холодно замѣтила княгиня,—я тоже не могла бы пережить Манеѳку и ничего такъ не желаю, какъ умереть раньше ея.

— Это большая разница. Манеѳка ваша необыкновенно умное животное, замѣнить его другимъ было бы трудно, это не чашка, какихъ во всякой посудной лавкѣ сколько угодно. Я это къ тому разсказываю, чтобы вамъ показать, какъ разнообразны проявленія неврастеніи. Каждый день подноситъ намъ эта болѣзнь новые сюрпризы. Ну-съ, а теперь прощайте, постараюсь сегодня вечеромъ къ вамъ заѣхать съ Зоненталемъ. Ему непремѣнно надо добиться кое-какихъ справокъ отъ вашего чудака.

— Пріѣзжайте, Наташа хотѣла быть.

— Съ буддистомъ?

— Нѣтъ. Она теперь гипнотизмомъ занимается.

— Такъ уже буддистъ надоѣлъ?

— Давно. Къ ней теперь какой-то американецъ повадился. Хотѣла сегодня привезти его сюда, увѣряетъ, что онъ можетъ запретить мнѣ принимать морфій.

— Пусть попробуетъ, пусть попробуетъ! Да ужъ кстати, пусть бы внушилъ Ивкову искать развлеченій подальше отъ Петербурга, хе, хе, хе! Право же, неудобно будетъ, если онъ, при усиливающейся неврастеніи, будетъ все жить у васъ. Отъ такихъ субъектовъ всего можно ждать...

— А вотъ посмотрите, какъ онъ насъ всѣхъ удивитъ, если его солдата на этотъ разъ окончательно оправдаютъ,—замѣтила княгиня.

— Такъ неужели же вы думаете, что причиной его нервнаго разстройства казусъ съ этимъ солдатомъ? Я тутъ рѣшительно никакой связи не вижу.

— Можетъ быть, скоро увидите,— съ загадочной усмѣшкой вымолвила она.

XXI.

Прошло еще нѣсколько дней, княгиня не видѣла своего жильца. По словамъ Лизы, онъ продолжалъ лежать неподвижно, одѣтый, съ широко раскрытыми глазами, ничего не слыша и не видя. Только благодаря ея терпѣливымъ настояніямъ, выпивалъ онъ чашку кофе, которую она ему приносила, а по убыли жидкости въ флаконѣ съ морфіемъ можно было догадаться, что онъ постепенно усиливаетъ дозы этого зелья.

Явившійся къ нему за показаніями въ пользу Ильи, Зоненталь ничего не могъ отъ него добиться, сколько надъ нимъ ни стоялъ и какъ ни упрашивалъ сдѣлать надъ собою усиліе, чтобъ его выслушать и подписать приготовленную бумагу.

— Подпишите, хоть не читая,—сказалъ онъ наконецъ, выведенный изъ терпѣнія его молчаніемъ.—Давно ли принимали вы такое горячее участіе въ судьбѣ этого несчастнаго, а теперь даже такихъ пустяковъ не хотите для него сдѣлать! Вѣдь дѣло обстоитъ вовсе не такъ благополучно, какъ вы воображаете, что тамъ ни толкуй, а вѣдь убійца еврейки до сихъ поръ не объявился...

Слова эти вызвали на лицѣ Ивкова сознаніе.

— Что вы сказали? Повторите, пожалуйста,—произнесъ онъ съ мучительнымъ усиліемъ, приподнимаясь съ подушекъ и устремляя умоляющій взглядъ на адвоката.

— Я говорю, что до тѣхъ поръ, пока убійца еврейки не будетъ найденъ...

— Онъ найдется!—вскричалъ вдругъ Ивковъ совершенно другимъ тономъ, чѣмъ говорилъ до сихъ поръ, и, сорвавшись съ постели, началъ ходить большими шагами взадъ и впередъ по комнатѣ, сжимая руками виски и бормоча про себя что-то безсвязное.

— Такъ вы этого не подпишите?—спросилъ съ раздраженіемъ Зоненталь, указывая на бумагу, лежавшую на письменномъ столѣ.—Предупреждаю васъ, что завтра будетъ поздно, завтра день суда.

Ивковъ, какъ вкопанный, остановился, долгимъ и пристальнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на него, а затѣмъ повернулся къ кровати и безпомощно на нее повалился, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ.

— Совсѣмъ сумасшедшій,—проговорилъ вполголоса Зоненталь и, подождавъ немного, вышелъ изъ комнаты, пожимая плечами.

А Ивковъ, пролежавъ неподвижно съ полчаса, осторожно обвелъ глазами комнату, чтобъ убѣдиться, что онъ одинъ, бросился къ двери, заложилъ крючекъ, схватилъ оставленную на столѣ бумагу, сѣлъ съ нею въ кресло передъ зажженной лампой и принялся внимательно ее перечитывать.

Всю ночь провелъ онъ за этимъ занятіемъ.

Когда керосинъ въ лампѣ выгорѣлъ, онъ раздвинулъ драпировки передъ окнами и при свѣтѣ занимавшейся зари продолжалъ свое занятіе: переживаніе всей своей жизни впродолженіе послѣдняго рокового года, съ той минуты, когда старуха вошла въ его кабинетъ, и до той, которую онъ переживалъ теперь, нравственно и физически искалѣченный душевной пыткой, протерзавшей его безъ устали цѣлыхъ тринадцать мѣсяцевъ.

Да, тринадцать мѣсяцевъ. То страшное случилось въ апрѣлѣ прошлаго года, а теперь май.

И завтра всему конецъ... черезъ нѣсколько часовъ...

Завтра ужъ наступило, часы показывали четыре, и небо золотилось лучами восходящаго солнца.

XXII.

Какъ и первые два раза, судъ надъ Ильей привлекъ мало публики. Собрались слушать дѣло только любители судебныхъ курьезовъ, да знакомые тѣхъ двухъ прокуроровъ, которые отказались отъ обвиненія.

Третій прокуроръ, большой формалистъ и ненавистникъ всего эксцентричнаго, былъ такъ возстановленъ противъ подсудимаго за нарушеніе обычнаго порядка въ отправленіи правосудія, что съ первой же минуты необычайно строго къ нему отнесся. При допросахъ онъ не удостоивалъ его взглядомъ и сурово сдвигалъ брови каждый разъ, когда защитникъ произносилъ слово, клонившееся къ оправданію своего кліента.

Впрочемъ защита проявила себя въ этомъ случаѣ чрезвычайно слабо. Рѣчь, сказанная Зоненталемъ, заранѣе приготовленная, отличалась бездушіемъ, небрежностью и витіеватостью. Отсутствіе показаній Ивкова, на которыя онъ разсчитывалъ, приводило его въ досаду, отражавшуюся и на отношеніяхъ его къ подсудимому, который ему былъ противенъ, во-первыхъ, какъ представитель ненавистнаго ему тупого военнаго сословія, во-вторыхъ, какъ дуракъ и нелѣпѣйшее существо, переносившее съ непонятною покорностью несправедливость судьбы.

«Этакая скотина, вѣдь не онъ убилъ, это ясно, какъ день, а не умѣетъ этого доказать!»—думалъ онъ, съ брезгливымъ презрѣні-

емъ глядя на исхудалое лицо солдатика, съ добродушнымъ выраженіемъ въ ясныхъ, какъ у ребенка, глазахъ.

Онъ, Зоненталь, сумѣлъ бы оправдаться даже и въ такомъ случаѣ, если бы трехъ старухъ отправилъ на тотъ свѣтъ, а этотъ, ни въ чемъ неповинный, далъ себя два раза осудить на каторгу, дуракъ!

Однако, на этотъ разъ Илью оправдали.

— Вы свободны,—сказалъ Зоненталь, замѣтивъ по выраженію его лица, что онъ ничего не понималъ изъ того, что ему читали и говорили.—Понимаете? васъ оправдали, можете итти, куда хотите, вы свободны,—счелъ онъ своимъ долгомъ ему пояснить шопотомъ.

Илья, наконецъ понялъ и перекрестился.

XXIII.

Весь этотъ день Ивковъ провелъ за письменнымъ столомъ и въ такомъ возбужденіи, что забылъ про морфій.

Исписавъ нѣсколько листовъ, онъ перечиталъ ихъ и разорвалъ на мелкіе куски. Потомъ принялся за новый трудъ, много короче перваго. Черезъ полчаса письмо къ прокурору было готово, положено въ конвертъ и запечатано.

Четко надписавъ адресъ, онъ переодѣлся, положилъ конвертъ въ боковой карманъ и вышелъ изъ дома.

На улицѣ онъ подозвалъ извозчика и приказалъ везти себя въ военный судъ.

Тутъ онъ бодро соскочилъ съ дрожекъ и вошелъ въ просторный и свѣтлый вестибюль.

По широкой лѣстницѣ спускался офицеръ съ академическимъ значкомъ и съ портфелемъ подъ мышкой. Ивковъ къ нему обратился, чтобъ узнать, какъ пройти въ залу засѣданія.

— Вамъ кого нужно?—спросилъ молодой человѣкъ, подозрительно огляиувъ его съ ногъ до головы.

— Сегодня разбирается дѣло по убійству еврейки, мнѣ надо тамъ быть,—отвѣчалъ Ивковъ.—Обвиняется солдатъ по имени Илья Соколовъ,—пояснилъ онъ.

— Его ужъ давно отсудили. Это дѣло разбиралось одно изъ первыхъ и кончилось во второмъ часу, а теперь скоро девять,—объявилъ офицеръ.

Правда, солнце склонялось къ западу, Ивковъ этого не замѣтилъ, ѣдучи сюда.

— Какъ же мнѣ теперь быть?—произнесъ онъ безсознательно вслухъ вопросъ, завертѣвшійся у него въ головѣ.

— Его оправдали, онъ на свободѣ,—объявилъ его собесѣдникъ, которому стало жаль Ивкова: такимъ онъ показался ему болѣзнен-

нымъ и растеряннымъ, точно не въ своемъ умѣ или выпилъ лишнее.—Это дѣло интересное. Солдата этого судили въ третій разъ... Убійца не найденъ, но этотъ не виноватъ...

Онъ еще что-то такое къ этому прибавилъ, но его не слушали.

Оправдали... на свободѣ...

Завѣтнѣйшее желаніе Ивкова исполнилось. Все кончилось благополучно. Про то, какъ было дѣло, никогда не узнается, и онъ въ отвѣтѣ не будетъ... никогда... никогда...

Но почему же это его не радуетъ? Почему камень, давившій ему грудь цѣлыхъ тринадцать мѣсяцевъ, не сдвигается и продолжаетъ попрежнему угнетать все его существо?

Сколько разъ въ минуты тоскливой безсонницы отъ страха и неизвѣстности представлялъ онъ себѣ такой исходъ, и тогда ему казалось, что если дѣло кончится такимъ образомъ, онъ будетъ безконечно счастливъ, вздохнетъ свободно, почувствуетъ приливъ жизненныхъ силъ, энергіи, любви къ жизни... И все это была одна мечта, иллюзія, самообольщеніе. Вышло такъ, какъ онъ желалъ, чтобъ случилось, а ему все также тяжело...

Даже тяжелѣе прежняго, тоскливѣе, безнадежнѣе... Прежде было на что надѣяться, чего ждать, а теперь нечего...

И вдругъ онъ вспомнилъ про письмо, лежавшее у него въ карманѣ.

Можетъ быть, ему будетъ легче, когда оно будетъ передано по назначенію?

Онъ подалъ письмо продолжавшему что-то такое объяснять офицеру со словами: передайте, пожалуйста.

— Кому?—спросилъ этотъ послѣдній, принимая съ недоумѣніемъ запечатанный конвертъ.

— Тутъ написано,—отрывисто отвѣчалъ Ивковъ, направляясь къ двери, и, не оборачиваясь, вышелъ на улицу.

Вернулся онъ домой въ двѣнадцатомъ часу ночи, измученный безцѣльной ходьбой по такимъ улицамъ и пустырямъ, гдѣ онъ никогда раньше не бывалъ, но съ яснымъ умомъ и сознавая лучше прежняго безвыходность своего положенія.

— А васъ тутъ солдатикъ одинъ спрашивалъ,—объявила ему Лиза, снимая съ него пальто.—Я ему сказала, что васъ дома нѣтъ, и что мы не знаемъ, когда вы вернетесь. Онъ просилъ вамъ кланяться. «Скажите, говоритъ, его благородію, что приходилъ Илья съ нимъ попрощаться. Иду на родину». Пѣшкомъ, вѣрно, идетъ. Узелочекъ за плечами на палкѣ. Веселый такой, глаза такъ и смѣются.

Она смолкла, не зная, что сказать дальше, а Ивковъ стоялъ передъ нею неподвижно и ждалъ. Ей стало, наконецъ, жутко подъ его пристальнымъ взглядомъ, и она объявила, что княгиня проситъ его къ себѣ чай кушать.

— Сейчасъ пойду ихъ будить...

— «На родину ушелъ... пѣшкомъ... Я ему пошлю денегъ», рѣшилъ Ивковъ, не вслушиваясь въ то, что ему говорили.

Онъ пошелъ въ свою комнату, сѣлъ къ письменному столу и вынулъ изъ него портфель съ цѣнными бумаги. Тутъ было все его состояніе въ билетахъ внутренняго займа и въ облигаціяхъ. Онъ началъ откладывать то, что долженъ былъ послать Ильѣ. Отложилъ тысячу, другую, третью, но ему все казалось мало, и онъ продолжалъ вынимать изъ одной пачки, чтобы класть въ другую, пока обѣ пачки не сравнялись. Но и это его не удовлетворило, все та же тоска сосала сердце.

Что еще сдѣлать? Все отдать? Ничего себѣ не оставить?

Онъ сложилъ обѣ пачки вмѣстѣ, взялъ листъ бумаги, написалъ на немъ нѣсколько строкъ, положилъ его въ конвертъ вмѣстѣ съ деньгами и надписалъ на немъ тотъ же адресъ, что на письмѣ, отданномъ для доставленія прокурору.

Пока онъ этимъ занимался, тоска замерла, но не успѣлъ онъ кончить, какъ она снова начала его грызть пуще прежняго.

Что же теперь дѣлать? Куда итти за помощью и совѣтомъ? Гдѣ искать утѣшенія и покоя? На чьей груди выплакаться? Кто его пойметъ? Гдѣ найти словъ выразить то, чѣмъ полна душа? Нѣтъ такихъ словъ на человѣческомъ языкѣ!

Онъ безпомощно опустилъ голову на руки и долго рыдалъ, не вытирая слезъ, катившихся изъ глазъ на раскиданныя по столу бумаги.

Но и слезы не облегчили его. Въ сгущавшемся вокругъ него туманѣ отчаянія пытались было робко и неувѣренно пронизываться искорки давно утраченныхъ вѣрованій и упованій... Богъ, Спаситель, пришедшій въ міръ для грѣшниковъ... такихъ, какъ онъ?... Нѣтъ! Только для вѣрующихъ, а у него вѣры нѣтъ, и ему неоткуда ее взять... Нѣтъ у него въ душѣ того, что нужно, чтобъ разжечь въ яркое пламя загорающіяся въ глубинѣ его существа искры, нѣтъ вѣры... Убита, мертва, какъ та старуха... Чтобъ воскресить вѣру, нужна сила воли, которая въ немъ погибла вмѣстѣ съ энергіей, съ любовью, съ надеждой... Ничего этого у него больше нѣтъ, все погасло, чѣмъ живетъ душа. Все онъ въ себѣ потушилъ изъ-за покоя, чтобъ не тревожиться, не волноваться послѣдствіями содѣяннаго преступленія, чтобъ всѣ про него забыли, и Богъ и люди...

Онъ этого достигъ, ничего у него не осталось... хаосъ, отчаяніе, тьма... вотъ его спутники въ жизни... И никогда, никогда не будетъ другихъ...

« . . . . . Ученіе Мое не отъ міра сего . . . . . . »

Кто это сказалъ? Почему вспомнились ему вдругъ эти слова? Какой въ нихъ смыслъ?

Отъ усилій понять, кромѣ лишней муки, ничего не выходило. Черная стѣна, заслонявшая свѣтъ разума, поднималась передъ нимъ все выше и выше, а тоска расползалась по всему его существу, какъ живое чудовище, слѣпое, жестокое, неумолимое...

Зачѣмъ не удалось ему повидать Илью? Свиданіе съ нимъ, можетъ быть, облегчило бы его страданія?...

Веселый, бодрый, спокойный, бредетъ онъ теперь домой, питаясь мірскимъ подаяніемъ, можетъ быть... Но что за дѣло, когда онъ сознаетъ, что выполнилъ свой обѣтъ до конца... На освобожденіе свое онъ смотритъ, какъ на новое проявленіе милосердія къ нему Бога... его могли бы осудить въ третій разъ, если бы Господу было угодно...

Какая между ними бездонная пропасть въ понятіяхъ, во взглядахъ на жизнь, на обязанности, на добро, на зло! Какъ Илья близокъ къ Богу, къ вѣчной истинѣ! Счастливецъ!

Отчаяніе жгучимъ кольцомъ стиснуло ему сердце. Не стало больше силъ терпѣть. Онъ подошелъ къ ночному столику, чтобъ взять флаконъ съ усыпляющимъ снадобьемъ.

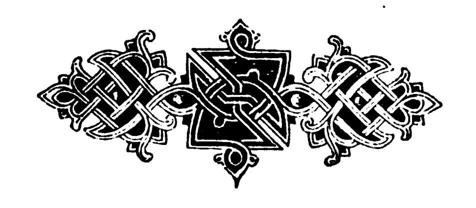
Флаконъ былъ полонъ.

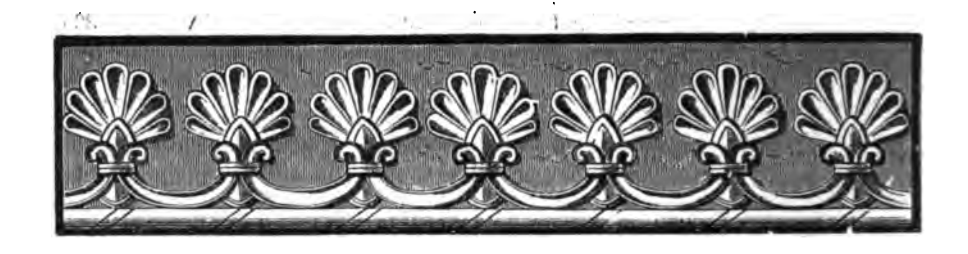
Кто его наполнилъ?

Вопросъ этотъ только промелькнулъ въ его головѣ, онъ на немъ не останавливался. Не все ли равно? Ему нуженъ покой, отдыхъ, сонъ, передъ тѣмъ, что ждетъ его завтра...

Но завтра для Ивкова не было. Когда Лиза вошла въ его комнату, чтобы ему сказать, что какой-то господинъ желаетъ его видѣть, онъ былъ мертвъ.

Н. И. Мердеръ.

ВОСПОМИНАНІЯ М. А. ПАТКУЛЬ[1].

IV.

Возвращеніе изъ Кронштадта.—Встрѣча съ Паткулемъ.—Разговоръ съ отцомъ.—Безтактность полковника. — Неожиданная отсрочка нашего отъѣзда изъ Петербурга.—Первая пахитоса. — Разсказы Паткуля про царскую фамилію.—Пожаръ Зимняго дворца.—Собачка фрейлины Бороздиной.—Кусочекъ лимона.—Стихи Мятлева.—Разговоръ съ нимъ.—Представленіе отца наслѣднику цесаревичу.—Разбитый мундштучекъ. — Предложеніе Паткуля. — Объясненіе съ нимъ. — Мое согласіе.—Отъѣздъ изъ Петербурга.

ПРОСТИВШИСЬ мы уѣхали изъ Кронштадта. Подъѣзжая къ столицѣ, я услышала, какъ ямщикъ сказалъ: «Они здѣсь, вонъ съ той стороны окно спущено». Тетушка по глухотѣ, а отецъ за скрипомъ колесъ не слышали разговора ямщика и, увидѣвъ меня раскраснѣвшейся, спросили, не холодно ли мнѣ, и не поднять ли окна.

Въ эту минуту подъѣхалъ Паткуль, поздоровался, сказалъ, что караулилъ насъ на взморьѣ цѣлый часъ, думалъ, что прозѣвалъ насъ, подъѣхалъ сначала со стороны поднятаго окна, сквозь которое ничего не было видно, и, только благодаря ямщику, узналъ, что это мы. Тутъ отецъ, конечно, догадался, что я раскраснѣлась не отъ холода, а совсѣмъ отъ другой причины.

Высадивъ tante Nathalie у подъѣзда дома, гдѣ она съ отцомъ своимъ, а моимъ дѣдомъ, Спафарьевымъ, остановилась, мы поѣхали къ себѣ въ сопровожденіи милаго всадника. У подъѣзда онъ соскочилъ съ лошади и, держа ее одной рукой, другою открылъ дверцы и помогъ намъ выйти изъ кареты. Должно быть, отецъ

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXVII, стр. 441.

былъ такъ наэлектризованъ совѣтами тетушекъ, что, поблагодаривъ Паткуля, не пригласилъ его войти. Это было не только невѣжливо, но даже безчеловѣчно; я не вытерпѣла и напомнила отцу, чтобы онъ попросилъ его войти отдохнуть и обогрѣться, а человѣку приказала поводить и подержать лошадь.

Когда мы вошли въ гостиную, отецъ, уставъ сидѣть въ продолженіе двухъ часовъ, прислонился къ столу у зеркала и стоя разговаривалъ съ гостемъ; тогда я попросила позволенія пойти снять шляпу, сказавъ, что вернусь сейчасъ. Это былъ одинъ предлогъ, шляпа вовсе не мѣшала мнѣ; но надо было во что бы то ни стало вызвать тетушку Траверсе, познакомить ее съ нимъ, чтобы она, по крайней мѣрѣ, посадила его, сама же я не смѣла, разъ что отецъ или не желалъ этого, или не догадался самъ. Тетушка сейчасъ же вышла вмѣстѣ со мной, я представила ей Паткуля; онъ поцѣловалъ ей руку, не подозрѣвая, что это та самая особа, у которой онъ поцѣловалъ руку въ маскарадѣ, и которая такъ добродушно выдала меня.

Навѣрно онъ оставался бы долго и забылъ о своемъ конѣ, бесѣдуя съ тетушкой и со мной, если бы наконецъ отецъ, вынувъ изъ кармана часы, не напомнилъ мнѣ, что пора одѣваться; это былъ точно намекъ: «а вамъ пора убираться».

При прощаніи тетушка просила его бывать у нихъ, прибавивъ, что мужъ будетъ очень радъ познакомиться съ нимъ.

Въ каретѣ, когда отецъ отвозилъ меня къ m-me Шевичъ, я призналась ему, что слышала весь разговоръ его съ тетушками, просила его быть совершенно спокойнымъ на мой счетъ, въ недостаткѣ скромности и сдержанности съ молодыми людьми онъ упрекнуть меня не можетъ. Напомнила ему всѣ сдѣланныя мнѣ раньше предложенія, въ которыхъ, по просьбѣ моей, приходилось отказывать то ему, то тетушкѣ Catherine. Это могло служить доказательствомъ, что я вовсе не тороплюсь выходить замужъ, а если когда нибудь выйду, то не иначе, какъ по любви. Ухаживанію Паткуля я не придаю никакого серіознаго значенія и ничего себѣ не воображаю, какъ это предполагаютъ тетушки. Доказала ему, какъ онъ былъ невѣжливъ, не предложивъ ему войти и отдохнуть, послѣ того, какъ онъ, ожидая и провожая насъ до дому, озябъ и усталъ.

— Видно, совѣты тетушекъ подѣйствовали, — сказала я, — потому что это было такъ мало похоже на тебя, что мнѣ за тебя было совѣстно, и я пошла попросить тетеньку выйти въ гостиную и принять его любезнѣе.

При этомъ я поцѣловала отца и сказала:

— Скрывать отъ тебя не хочу, что изъ всѣхъ, которыхъ я видѣла, мнѣ только нравится Паткуль. Я не заглядываю впередъ, но предупреждаю тебя, если и онъ съ своей стороны полюбилъ меня

и сдѣлаетъ мнѣ предложеніе, то если ты не дашь мнѣ своего согласія, я пойду въ монастырь, это я тебѣ обѣщаю.

Отецъ засмѣялся, поцѣловалъ меня и сказалъ:

— Глупенькая, кто же искреннѣе можетъ желать твоего счастія, какъ не я, твой отецъ!

Карета остановилась и прервала нашу задушевную бесѣду. Выпустивъ меня, онъ поѣхалъ дальше.

Я съ большимъ удовольствіемъ проводила время у m-me Шевичъ, несмотря на то, что, кромѣ нея и двухъ далеко не молодыхъ ея падчерицъ, я рѣдко встрѣчала у нея кого нибудь изъ постороннихъ. Имъ нравилось, съ какимъ оживленіемъ я разсказывала обо всемъ, съ кѣмъ танцовала, что говорила; жалобы на Мятлева, на его шутовскія выходки веселили ихъ и заставляли хохотать иногда до слезъ.

Войдя въ этотъ день въ гостиную, я застала М. Х. съ какимъ-то полковникомъ; она познакомила меня съ нимъ. Послѣ нѣсколькихъ любезныхъ фразъ, которыми онъ удостоилъ меня, онъ сказалъ, что можетъ сообщить мнѣ добрыя вѣсти изъ Ревеля. Полагая, что добрыя вѣсти касались моихъ родныхъ, я спросила, видѣлъ ли онъ бабушку, и здорова ли она. На это онъ отвѣтилъ, что не былъ у нея, не бывъ знакомъ въ домѣ, но можетъ передать нѣчто для меня пріятное, а именно: что сестра Паткуля, m-me Паткуль, пріѣзжаетъ на-дняхъ сюда и везетъ брату письмо отца, съ разрѣшеніемъ на его женитьбу.

Эта безтактность превзошла всѣ остальныя. Обратившись къ m-me Шевичъ, я сказала:

— Вѣроятно, полковникъ не разслышалъ моей фамиліи и принимаетъ меня за другую.

Сдѣлавъ ему при этомъ короткій и серіозный поклонъ, я вышла въ другую комнату, гдѣ застала обѣихъ барышень, бросилась на стулъ и расплакалась. На вопросъ ихъ, что случилось со мной, я разсказала имъ о сообщеніи полковника, прибавивъ:

— Чѣмъ заслужила я такое неуваженіе къ себѣ?

Обѣ не знали, какъ и чѣмъ утѣшить меня, цѣловали, повторяя нѣсколько разъ:

— Quel imbécile!

Послѣ ухода полковника М. Х. вышла къ намъ и, узнавъ причину моихъ слезъ, сказала:

— Soignez vos yeux et ne faites pas attention aux paroles des sots.

Да! Это легко было говорить имъ, а я это долго забыть не могла. Я осталась у нихъ до вечера; бесѣда шла о томъ, о семъ, но между разговоромъ невольно возвращались au manque de savoir vivre полковника.

Возвращаясь домой, при всемъ моемъ негодованіи на него, я думала: «А что, если это правда? Не могъ же онъ выдумать». Сестра! Письмо! Разрѣшеніе! Все путалось въ моей головѣ, а сердце такъ и стучало.

Съ тетушкой мы много толковали о сообщеніи полковника, которое я передала ей слово въ слово.

Кажется, съ этого дня я еще сильнѣе полюбила Паткуля, повторяя себѣ, что онъ не вѣтреная бабочка, порхающая съ цвѣтка на цвѣтокъ, а вѣрно тоже полюбилъ меня.

Наканунѣ назначеннаго дня пріема у наслѣдника Паткуль пріѣхалъ сказать, что его высочество извиняется, что не можетъ принять отца въ это воскресеніе, по какой причинѣ, не помню, а проситъ прибыть въ слѣдующее.

Какъ онъ признался мнѣ позже, это по его милости пріемъ у наслѣдника былъ отложенъ; сестра, которую онъ ожидалъ изъ Ревеля, еще не пріѣхала, и боясь, что мы уѣдемъ до полученія письма его отца, просилъ его высочество отдалить пріемъ на цѣлую недѣлю.

Пробыть еще лишнюю недѣлю въ столицѣ мнѣ, понятно, улыбалось. Этой отсрочкой я воспользовалась, объѣхала еще разъ всѣхъ прежнихъ и новыхъ знакомыхъ, которые были всѣ такъ милы, добры и любезны ко мнѣ. Я не могла не быть благодарной за тотъ ласковый пріемъ, который былъ мнѣ сдѣланъ во время моего пребыванія въ Петербургѣ.

Семейство Карамзиныхъ и князя Одоевскаго и его жену я знала еще въ Ревелѣ; Одоевскіе видѣли меня почти ребенкомъ. Князь былъ худенькій, тихенькій, добрый, съ женоподобнымъ лицомъ, а княгиня, высокая, полная, рѣшительная. Забыла упомянуть, что однажды, когда я обѣдала у нихъ, сестры княгини, Пущины, предложили мнѣ выкурить пахитосу. Сначала я отказалась, но когда они сами закурили и подали мнѣ зажженную пахитосу, я рѣшилась испытать, вкусно или нѣтъ. Въ то время была мода курить. Хотя у меня закружилась слегка голова, но я нашла, что это очень пріятно.

Тетушка до того баловала меня, что когда я вернулась съ обѣда и разсказала ей о пахитосѣ, то, не находя въ этомъ ничего предосудительнаго, она тотчасъ же подарила мнѣ нѣсколько пачекъ, а дядюшка, баловникъ порядочный, прибавилъ къ нимъ мундштучекъ.

Вотъ съ этого-то времени, т. е. съ восемнадцатилѣтняго возраста, я не отстала отъ этой дурной привычки. Отецъ не курилъ и не одобрялъ тѣхъ, которые предавались этому занятію, о дамахъ и говорить нечего. Не желая сдѣлать ему непріятное, я не курила при немъ, пока не вышла замужъ.

Паткуль, который успѣлъ познакомиться съ дядей, очень понравился какъ ему, такъ и тетушкѣ.

Дѣйствительно, онъ имѣлъ все, чтобъ привязать къ себѣ: веселый, безъ малѣйшаго фатовства и жеманства, простъ въ своемъ обращеніи, душа на распашку. Хотя красавцемъ назвать его нельзя было, но рѣдкая доброта читалась въ его темнокарихъ, выразительныхъ глазахъ. Тетушка не стѣснялась уже своимъ скромнымъ столомъ, оставляла его иногда обѣдать, когда онъ бывало засидится у насъ. Онъ, конечно, съ благодарностью принималъ приглашеніе и ухитрялся всегда найти мѣсто возлѣ меня. Видя мою сдержанность, онъ допытывался, почему я такъ холодна съ нимъ. Если бы онъ могъ только знать, что происходило у меня въ душѣ, онъ не задалъ бы такого вопроса.

Во время его посѣщеній я разсказывала ему о Финляндіи, о нашемъ житьѣ-бытьѣ, о семьѣ, подругахъ, о занятіяхъ моихъ, какъ вообще я была тамъ балована обществомъ, какъ веселилась на незатѣйливыхъ вечерахъ, и подъ конецъ прибавила, что тамъ не занимаются сплетнями, какъ здѣсь; только на такъ называемыхъ café kala, на которыя собирались послѣ обѣда старушки, за кофеемъ сообщались разныя новости, вѣрныя и часто невѣрныя.

Но мои разсказы были далеко не такъ интересны, какъ его; онъ въ подробности разсказывалъ намъ о времени своего воспитанія съ его высочествомъ, описывалъ ангельскую доброту государя, императрицы и наслѣдника, признался, что онъ боялся строгаго взгляда государя, а если государь дѣлалъ выговоръ за неудовлетворительные баллы и обѣщалъ въ слѣдующій разъ наказать, тогда, говорилъ Паткуль, такой страхъ разбиралъ, что дрожь пробѣгала по всему тѣлу.

По утрамъ, по словамъ разсказывавшаго, всѣ трое ходили здороваться съ государемъ; первымъ, конечно, подходилъ наслѣдникъ. Однажды государь спросилъ великаго князя, зналъ ли онъ наканунѣ уроки. На отвѣтъ «не зналъ» государь не поцѣловалъ его. Тутъ наслѣдникъ сказалъ сквозь слезы:

— «Aley» тоже не зналъ.

— А тебя спрашиваютъ?—строго произнесъ государь:—изволь встать на колѣни!

— Я былъ въ отчаяніи,—говорилъ Паткуль,—что изъ-за меня наслѣдникъ былъ наказанъ, и какъ только мы вышли изъ кабинета государя, я побѣжалъ къ Карлу Карловичу Мердеру и, заливаясь слезами, бросился ему на шею, умоляя его пойти выпросить у государя прощеніе. Мердеръ былъ чудный человѣкъ, котораго мы всѣ любили, и я зналъ, что онъ исполнитъ мою просьбу; онъ тотчасъ же пошелъ къ его величеству, сказалъ, что я безутѣшно плачу и прошу простить наслѣдника. Государь отпустилъ Александра Николаевича со словами, чтобъ этого больше не случалось, «а теперь,— прибавилъ государь,—пойди, поблагодари Aley, который выпросилъ тебѣ прощенье».

Этотъ разсказъ служитъ доказательствомъ, что государь былъ требователенъ въ отношеніяхъ къ своему сыну и не дѣлалъ различія между нимъ и товарищами. Объ играхъ, урокахъ, все было упомянуто, танцклассы и уроки рисованья были общіе съ великими княжнами, Маріей, Ольгой и Александрой Николаевной.

Увлекательны были разсказы Паткуля о путешествіяхъ по Россіи и за границей. Во время пребыванія ихъ въ Англіи былъ балъ у королевы Викторіи, съ которой онъ имѣлъ честь танцовать. Она была еще не замужемъ и чуть ли не въ тотъ годъ вступила на престолъ.

Какъ очевидецъ пожара Зимняго дворца, Паткуль передалъ намъ о немъ малѣйшія подробности.

Все, что было подарено ему ихъ величествами и высочествами, со времени поступленія его во дворецъ, т. е. съ 7-ми-лѣтняго возраста, сдѣлалось жертвою огня. У него была полная библіотека всѣхъ классиковъ, минералогическій кабинетъ, въ которомъ находились всевозможные камни, не исключая драгоцѣнныхъ. О спасеніи своихъ вещей онъ не думалъ. Увидя, что дворецъ горитъ, онъ побѣжалъ по фрейлинскому коридору предупредить жившихъ тамъ фрейлинъ о грозящей опасности, съ тѣмъ чтобъ онѣ успѣли уложить свои вещи. Одна изъ этихъ дѣвицъ, а именно Бороздина, дала ему свою собачку, прося сберечь ее. Онъ снесъ ее къ себѣ въ комнату, заперъ и отправился въ залъ, куда собралъ людей, чтобъ спасти мраморную статую императрицы. Но въ то время, какъ они старались отдѣлить статую отъ пьедестала, вошелъ государь, приказалъ имъ уйти и самъ пошелъ за ними. Едва его величество успѣлъ переступить порогъ сосѣдней комнаты, какъ полъ зала съ страшнымъ грохотомъ провалился. По переѣздѣ императрицы въ Аничкинъ дворецъ, Паткуль ѣздилъ изъ одного дворца въ другой, перевозя ея вещи. Собачка Бороздиной, къ величайшему ея горю, или убѣжала или сгорѣла вмѣстѣ съ его вещами. За это долго дулась на него Наталья Николаевна и не говорила съ нимъ. «Какая она злая, замѣтила я, у васъ все сгорѣло, а у нея только собачка», и мы вмѣстѣ посмѣялись надъ ея странностью.

Въ 1840-мъ году, Паткуль былъ посланъ государемъ на Кавказъ, участвовалъ въ десантѣ противъ горцевъ, подъ начальствомъ адмирала Лазарева, и былъ вызванъ обратно его величествомъ не задолго до моего пріѣзда. Судьба покровительствуетъ ему, какъ онъ увѣрялъ, говоря, что если бы онъ оставался дольше, то не имѣлъ бы счастья увидѣть меня и познакомиться. На это тетушка сказала ему шутя:

— Я думаю, вы не много бы потеряли, если не познакомились бы съ ней, она такая скрытная, капризная, я совсѣмъ не довольна ею.

Онъ посмотрѣлъ на нее, потомъ на меня, я разсмѣялась и сказала: «спросите же, зачѣмъ она любитъ и балуетъ меня, если я такая нехорошая».

Между прочимъ онъ просилъ позволенія бывать у тетушки и послѣ моего отъѣзда, извиняясь при этомъ, что теперь такъ часто надоѣдаетъ ей.

За нѣсколько дней до моего отъѣзда я поѣхала къ m-me Шевичъ, которая ждала меня. Уже при встрѣчѣ я замѣтила по выраженію ея лица, что она должна была мнѣ что-то сообщить. Посадивъ меня возлѣ себя, она сказала, что Мятлевъ былъ у нея утромъ съ просьбою позволить ему привезти къ ней Паткуля и просилъ пригласить его тоже къ вечеру, такъ какъ онъ знаетъ, что я буду у нея. Согласіе было дано, визитъ сдѣланъ, и Паткуль былъ приглашенъ.

— J'éspêre, Marie, que vous ne m'en voulez pas, lorsque Мятлевъ demande quelque chose, il n'y a pas moyen de lui refuser.

— Зачѣмъ, ma tante, вы пригласили его? Вы знаете, что Паткуль нравится мнѣ, я всегда рада видѣть его, но на этотъ разъ мнѣ непріятно, что онъ будетъ. Безъ того уже такъ много толковъ о немъ и обо мнѣ, а появленіе его у васъ дастъ новый поводъ къ сплетнямъ.

— Soyez tranquille, chère enfant, je sais ce que je fais!

Допытываться смысла ея словъ мнѣ не подобало; я была увѣрена, что необдуманно она не поступитъ.

Когда вечеромъ Мятлевъ съ Паткулемъ вошли, меня опять бросило въ краску; въ рукахъ у меня была чашка съ чаемъ, надъ которой я нагнулась и поднесла ее ко рту.

Поздоровавшись съ хозяйками, оба подошли ко мнѣ. Паткуль, придвинувъ стулъ, сѣлъ возлѣ меня, а я ради contenance вынула изъ чашки лимонъ и взяла его въ ротъ. Мой сосѣдъ такъ испугался, увидя это, что чуть-чуть не отдернулъ мою руку, но, опомнясь во время, убѣдительно просилъ не ѣсть лимона, увѣряя, что это очень вредно для здоровья, и что, уступивъ его просьбѣ, я докажу ему, что онъ не совсѣмъ лишенъ моего расположенія. Испугомъ своимъ онъ насмѣшилъ меня, и я сказала, что хотя убѣждена, что этотъ ломтикъ никакого вреда причинить мнѣ не можетъ, но я уступаю, желая доказать, что я вовсе не такая упрямая или дурная, какою тетушка меня отрекомендовала. Надо было видѣть въ эту минуту его довольное лицо; онъ не зналъ, въ какихъ выраженіяхъ благодарить меня.

Съ каждымъ днемъ мнѣ становилось все труднѣе и труднѣе скрывать отъ него то чувство, которое къ нему питала. Это было не мимолетное увлеченіе, а что-то новое, серьезное и глубокое. А между тѣмъ изъ страха, что онъ можетъ догадаться, я становилась все холоднѣе и сдержаннѣе съ нимъ.

Къ концу вечера Мятлевъ, сказавъ, что написалъ стихи на мой отъѣздъ, просилъ разрѣшенія m-me Шевичъ прочесть ихъ и, обратившись ко мнѣ, прибавилъ:

- Надѣюсь, что на этотъ разъ вы не заставите меня замолчать, какъ въ маскарадѣ.

Стихи эти вызвали всеобщій смѣхъ сплетеніемъ русскихъ, французскихъ и шведскихъ фразъ. Въ нихъ онъ приглашалъ меня остаться въ Петербургѣ, доказывая холодность финляндцевъ, которые могутъ только «масло сбить, салакушку скоптить прекрасно» и проч. Понятно, что я заступалась за финляндцевъ и не соглашалась съ его мнѣніемъ о нихъ.

Прощаясь, онъ вручилъ мнѣ листокъ, обѣщая непремѣнно заѣхать еще проститься со мною.

Паткуля на слѣдующій день я не видѣла, онъ былъ дежурнымъ. Вечеромъ доложили мнѣ о Мятлевѣ, я вышла къ нему. Видъ у него былъ озабоченный; здороваясь со мной, онъ сказалъ, что присланъ наслѣдникомъ спросить, почему я отказала Паткулю.

Это такъ озадачило меня, что въ первую минуту точно столбнякъ на меня нашелъ, но это продолжалось недолго, и я сказала:

— Меня удивляетъ, если наслѣдникъ дѣйствительно далъ вамъ такого рода порученіе. Паткуль мнѣ говорилъ, что никакихъ секретовъ отъ его высочества не имѣетъ и не имѣлъ, ему извѣстны самыя сокровенныя мысли Паткуля, поэтому мнѣ что-то трудно вѣрится, чтобы вамъ дано было такое порученіе его высочествомъ. Но, желая удовлетворить ваше любопытство, хотя и не знаю, почему вы принимаете такое горячее во мнѣ участіе, скажу, если это можетъ успокоить васъ, что Паткуль предложенія мнѣ не дѣлалъ, слѣдовательно не далъ мнѣ случая отказать ему.

— Значитъ,—воскликнулъ радостно Мятлевъ,—если онъ будетъ просить вашей руки, вы дадите ее?

— Вопросъ слишкомъ не скроменъ! Отвѣта на него дать вамъ не могу,—сказала я смѣясь.

Поцѣловавъ мнѣ руки и пожелавъ добраго пути, онъ сказалъ:

— Теперь я спокоенъ! Надѣюсь, мы скоро увидимся.

Смѣнившись съ дежурства, Паткуль пріѣхалъ на другой день къ намъ. За обѣдомъ онъ напомнилъ отцу, что завтрашній день въ 2 часа наслѣдникъ ожидаетъ его къ себѣ. Вечеромъ онъ извинился передъ тетушкой, что не можетъ остаться, по случаю пріѣзда его старшей сестры изъ Ревеля, которая привезла ему письмо отъ отца, и съ которою онъ обѣщалъ провести вечеръ. Пока онъ говорилъ, ко мнѣ подбѣжалъ одинъ изъ меньшихъ сыновей дяди, котораго я взяла на руки; слухъ у меня былъ чуткій; заставляя прыгать мальчика у себя на колѣняхъ, я все слышала и не проронила ни слова.

Къ назначенному часу отецъ отправился во дворецъ, гдѣ встрѣтилъ его Паткуль.

Пріемомъ наслѣдника цесаревича отецъ былъ совершенно очарованъ. Говоря обо мнѣ, его высочество сказалъ, что грѣшно дер-

жать меня въ Финляндіи, слѣдуетъ переманить въ Петербургъ. Не былъ ли это легкій намекъ на то, что такъ скоро осуществилось?

Къ обѣду Паткуль пріѣхалъ къ намъ, отецъ сообщилъ ему о томъ восторженномъ впечатлѣніи, которое произвелъ на него его высочество, а Паткуль на это отвѣтилъ, что иначе и быть не могло: «наслѣдникъ воплощенный ангелъ».

Вообще о царской семьѣ Паткуль говорилъ всегда съ такою любовью, или, вѣрнѣе сказать, обожаніемъ, что восторгъ его невольно передавался слушателямъ.

Тетушка какъ-то проболталась, что я курю, но стѣсняюсь при немъ, тогда онъ подалъ мнѣ свой портсигаръ и просилъ закурить пахитосу. Папиросъ не существовало въ то время.

Прощаясь съ нимъ, при его уходѣ я уронила мундштучекъ, поднявъ его, увидѣла, что кусочекъ янтаря откололся, и положила на столъ. Послѣ его отъѣзда мундштука на столѣ не оказалось, я думала, что тетя или дядя спрятали его, чтобъ помучить меня, но они утверждали, что не видѣли. Мундштукъ словно канулъ въ воду.

23-го февраля, въ день нашего отъѣзда, пріѣхалъ дѣдушка проститься съ нами. Зная объ ухаживаніи за мною Паткуля (котораго онъ не видѣлъ никогда) и любя меня безгранично съ самаго моего дѣтства, онъ повторилъ мнѣ тѣ же предостереженія, которыя я невольно подслушала въ Кронштадтѣ. Вѣдь никто изъ нихъ не зналъ Паткуля, а между тѣмъ только повторяли: «молодъ и вѣтренъ». Какъ нарочно, пока дѣдушка сидѣлъ у меня, раздавался звонокъ за звонкомъ; при каждомъ звонкѣ я вскакивала и выбѣгала въ переднюю. Боясь, чтобы Паткуль не встрѣтился съ дѣдушкою, я хотѣла направить перваго черезъ коридоръ прямо къ тетушкѣ, На вопросъ дѣдушки, зачѣмъ я вскакиваю такъ часто, я отвѣчала, что жду письма отъ своихъ изъ Гельсингфорса; отчасти это было вѣрно.

По правдѣ сказать, я не понимаю, почему я такъ боялась этой встрѣчи. Дѣдушка былъ такой добрый, чудный старикъ, и я увѣрена, что Паткуль понравился бы ему.

Прощаясь, дѣдушка крѣпко поцѣловалъ меня, перекрестилъ и сказалъ: «дастъ Богъ, весной вы всѣ пріѣдете къ намъ въ Ревель, до свиданья!». Но, выходя изъ комнаты. погрозилъ пальцемъ со словами: «не увлекайся». «Не бойтесь»,—отвѣтила я, а сама подумала: «поздно!».

Вскорѣ пріѣхалъ Паткуль и, передавая мнѣ новый мундштучекъ съ моимъ вензелемъ, просилъ принять его и разрѣшить ему оставить на память старый.

Я отказалась принять и требовала возвратить мой, онъ это сдѣлалъ, вынувъ его изъ своего портсигара, но, повидимому, съ большимъ сожалѣніемъ.

Кромѣ Паткуля, обѣдала у насъ tante Nathalie Спафарьева. Дѣдушка былъ къ кому-то отозванъ, а она желала провести еще нѣсколько часовъ съ нами. Вѣрно она догадывалась, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, въ особенности, когда тетушка послѣ обѣда предложила ей пойти посмотрѣть, какъ укладываютъ мои вещи. Это былъ предлогъ оставить насъ вдвоемъ по просьбѣ его.

Оставшись съ нимъ en tête à tête, я предугадывала приближеніе минуты рѣшенія моей судьбы; сердце забилось у меня такъ сильно, что стукъ его барабанилъ въ ушахъ. Непреодолимая робость вдругъ овладѣла мной, и въ ту минуту, когда я встала, чтобъ слѣдовать за тетушкой, Паткуль просилъ меня выслушать его одну минуту.

Врядъ ли на моемъ мѣстѣ кто нибудь отвѣтилъ бы такою глупостью, какъ я, что не имѣю съ нимъ никакихъ секретовъ, и онъ можетъ говорить со мной при другихъ. Съ этими словами я вышла съ нимъ изъ комнаты.

Странное дѣло, почему именно предъ нимъ мною овладѣла такая, ничѣмъ необъяснимая, робость; развѣ только потому, что я дѣйствительно любила его.

Тетушка, увидя насъ входящими почти вслѣдъ за нею, недоумѣвала, какъ успѣли мы переговорить такъ скоро, но, взглянувъ на него, она поняла по грустному выраженію его лица, что между нами ничего не было кончено.

Послѣ чая, я пошла переодѣться въ дорожное платье. Вдругъ входитъ тетушка съ недовольнымъ лицомъ, начала дѣлать мнѣ выговоръ по-французски, что я, какъ глупая дѣвчонка, вела себя въ отношеніи Паткуля, который обезкураженъ и въ отчаяніи, не зная, какъ принять мое нежеланіе выслушать его. Когда она увидѣла, что у меня слезы навернулись на глазахъ, ей стало жаль меня; руки у меня были, какъ ледъ, и я вся дрожала.

— Что же ему сказать?—спросила она.

— Чтобъ онъ пошелъ къ отцу, и когда заручится его согласіемъ, получитъ мой отвѣтъ.

Въ будуарѣ онъ ожидалъ меня, передавъ, что отецъ его согласенъ на его женитьбу и мой ничего не имѣетъ противъ этого, посмотрѣлъ на меня умоляющимъ взглядомъ и сказалъ, что счастіе его въ моихъ рукахъ, что онъ ждетъ отъ меня рѣшенія своей судьбы. Посадивъ его возлѣ себя, я просила его выслушать меня и отвѣтить откровенно на мои вопросы. Обдумалъ ли онъ хорошенько, на что рѣшается? Воспитанный въ царскихъ хоромахъ съ наслѣдникомъ русскаго престола, будетъ ли онъ довольствоваться скромной семейной жизнью? Увѣренъ ли онъ въ томъ, что не пожалѣетъ когда нибудь, что пожертвовалъ всѣмъ для меня, которая, кромѣ любящаго сердца, ничего дать ему не можетъ и положительно никакихъ средствъ не имѣетъ? У отца насъ семеро, и онъ обезпечитъ меня

не можетъ ничѣмъ. Я не баловала, лишеній не боюсь и готова все перенести для человѣка, котораго люблю.

На это онъ мнѣ отвѣтилъ, что, самъ не имѣя достаточно средствъ, онъ никогда не рѣшился бы, какъ бы сильно ни любилъ меня, сдѣлать мнѣ предложеніе, если бы наслѣдникъ, отъ котораго онъ ничего не скрывалъ, не сказалъ ему, видя его такимъ грустнымъ: «сдѣлай предложеніе, женись, я тебя не оставлю». «На этотъ счетъ, прибавилъ Паткуль, я былъ спокоенъ, но такъ какъ вы не давали мнѣ предпочтенія передъ другими, я до этой минуты не былъ увѣренъ въ вашемъ согласіи». Протянувъ ему руку, которую онъ въ первый разъ могъ поцѣловать, я сказала, что вручаю ему свое счастье и всѣми силами буду стараться составить его для него.

Дорого я дала бы, чтобъ отодвинуть на одинъ денекъ нашъ отъѣздъ, но лошади были поданы, надо было собираться въ путь.

Не имѣя еще согласія государя, Паткуль просилъ отца и меня сохранить помолвку нашу втайнѣ и сказалъ, что императрица, благословивъ его, обѣщала сама сообщить его величеству и просить его разрѣшенія.

Въ минуту отъѣзда было подано шампанское; чокаясь рюмками, тетя и дядя знаками выпили за наше здоровье, бывъ предупреждены, что это до поры до времени должно остаться тайною, и пожелали намъ счастливаго пути. Взявъ съ нихъ обѣщаніе навѣстить насъ въ Финляндіи въ непродолжительномъ времени, мы усѣлись съ отцемъ въ крытыя сани или такъ называемую кибитку, и подъ звонъ бубенчиковъ лошади помчались, унося меня съ грустью о предстоящей разлукѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ счастливую, отъ гостепріимнаго дома дяди и столицы, гдѣ я была принята не только любезно, но даже, могу сказать, съ баловствомъ.

Когда мы подъѣхали къ первой станціи, тамъ остановилась, кромѣ нашей, еще другая тройка. Сюрпризъ былъ самый неожиданный и пріятный, когда подошла къ намъ тетушка съ Паткулемъ, которому она предложила ѣхать проводить насъ.

Пока перекладывали лошадей, мы поговорили, простились еще разъ и разстались на неопредѣленное время.

V.

Мои письма къ тетушкѣ.—Увѣдомленіе Паткуля о согласіи государя на его женитьбу.—Разрѣшеніе переписываться съ женихомъ.—Знакомство съ родными моего жениха.—Его няня.—Пріѣздъ Паткуля.—Первый подарокъ жениха.—Испугъ.—Приключеніе во время поѣздки въ Вышгородъ.—Серенада студентовъ.—Моя свадьба.—Отъѣздъ въ Петербургъ.—Посѣщеніе бароновъ Арпсъ-Гофенъ.

По пріѣздѣ домой я тотчасъ же сообщила тетушкѣ о предстоящей перемѣнѣ моей будущности. Отъ сестеръ и братьевъ пришлось скрыть, такъ какъ, до разрѣшенія государя, помолвку мою объявлять было нельзя. А дѣти ничего не умѣютъ держать въ секретѣ.

Почтовое сообщеніе было въ то время одинъ или два раза въ недѣлю, но съ первою же почтою, послѣ моего отъѣзда, я получила отъ жениха, на французскомъ языкѣ, церемонное письмо съ заглавіемъ Mademoiselle, но иначе и быть не могло.

Отвѣчать на письма его мнѣ не было разрѣшено. Бывъ увѣрена, что онъ навѣщаетъ дядю и тетю, я поручила послѣдней передать ему, что письма его получены мною, но чтобы отвѣта на нихъ онъ не ждалъ, такъ какъ мнѣ не позволено переписываться съ нимъ, пока мы не будемъ объявлены женихомъ и невѣстой.

Вскорѣ мы были обрадованы пріѣздомъ дяди и тетушки. Весьма понятно, что главное мѣсто въ нашихъ съ тетей задушевныхъ бесѣдахъ занималъ онъ, мой женихъ.

Тетушка призналась мнѣ, что даетъ ему читать всѣ мои письма къ ней, и надѣется, что я не въ претензіи за эту нескромность съ ея стороны, и что онъ ждетъ съ нетерпѣніемъ разрѣшенія государя, чтобъ я наконецъ могла писать ему.

Къ сожалѣнію, наши дорогіе гости оставались очень недолго у насъ; они спѣшили вернуться къ дѣтямъ.

Зная теперь, что онъ читаетъ мои письма, я приложила больше старанья и откровенно высказывала въ нихъ свои чувства и мысли.

Однажды, когда я окончила письмо въ восемь страницъ, tante Catherine пожелала прочесть его. Отдавая мнѣ его обратно, она сказала:

— Я не подозрѣвала, что ты можешь такъ хорошо писать, но послать его нельзя. Ты просишь передать сердечный поклонъ «дорогому Александру», это не идетъ; зачеркни хорошенько и назови его или по фамиліи или женихомъ.

Тутъ, признаться, я не выдержала, назвала тиранствомъ воспрещать мнѣ переписываться откровенно съ тетушкой, которая такъ добра ко мнѣ, и къ которой я привязалась всѣмъ сердцемъ.

На это она начала доказывать, что свадьбы часто расходятся; Паткуль такъ молодъ, что на постоянство его я разсчитывать не должна, а потому молодая дѣвушка должна держать себя всегда осторожно.

Къ чаю я на верхъ не пошла подъ предлогомъ головной боли, прочла еще разъ свое бѣдное письмо и, заливаясь слезами, разорвала его на клочки.

Когда тетушка сошла внизъ и застала меня въ слезахъ, спросила о письмѣ, желая прочесть его еще разъ, чтобъ рѣшить, можно ли отправить его съ выраженіемъ «дорогому Александру», или нѣтъ. Показавъ ей клочки, я отвѣтила, что оно уже не существуетъ. Никакъ не ожидая, что я рѣшусь уничтожить его, тетушка очень недовольнымъ тономъ сказала: «C'est par méchanceté que la lettre est détruite!» на что я отвѣтила: «Votre tyrannie m'a revoltée». Отвѣтить такъ тетушкѣ, которая послѣ смерти матери замѣнила намъ её, было очень нехорошо съ моей стороны, но я была вспыльчива, а главное я чувствовала себя обиженной за Паткуля, въ которомъ она допускала возможность измѣнить мнѣ.

Наконецъ, въ апрѣлѣ получаю письмо отъ жениха, которое начиналось: «Ура! вчера 4-го на вечерѣ у императрицы, государь, взявъ меня за плечи, ввелъ передъ собой въ гостиную со словами: «се женихъ грядетъ!» и, повернувъ меня къ себѣ, поздравилъ и поцѣловалъ». Оказывается, что его величество хотѣлъ объявить его женихомъ въ то самое число, когда, за годъ передъ тѣмъ, наслѣдникъ сдѣлался женихомъ, вотъ почему онъ такъ долго медлилъ своимъ согласіемъ.

Тутъ императрица поцѣловала Паткуля и поздравила оффиціально, какъ и всѣ великіе князья, княгини и княжны, сопровождая поздравленія наилучшими пожеланіями.

Вѣсть, что я невѣста, разнеслась по Гельсингфорсу съ быстротой молніи; чуть ли не съ перваго дня начали пріѣзжать съ поздравленіемъ.

Моимъ лучшимъ друзьямъ: Rosine Hartman и Mathilde Armfeld, я тотчасъ написала по полученіи письма жениха, и обѣ прибѣжали немедленно ко мнѣ. Всѣ приняли горячее участіе въ моей радости.

Дождалась я наконецъ счастливой минуты, когда имѣю полное право писать жениху. Сѣла къ столу, взялась за перо, написала «Monsieur», а дальше не подвигается, сидѣла чуть ли не цѣлый часъ. Первое письмо должно быть болѣе или менѣе церемонное, тетушка будетъ читать его, написать холодно, это огорчитъ его, а высказать то, что я чувствую, не позволятъ. На словѣ «Monsieur», мое перо такъ и застряло. Наконецъ я попросила тетушку помочь мнѣ, на что она посовѣтовала написать черновое, и она поправитъ его. Каково мое было удивленіе, когда, прочитавъ его, она замѣтила,

что оно слишкомъ холодно, и я могу выражаться ласковѣе и съ большимъ чувствомъ. Скажи она мнѣ это раньше, я не сидѣла бы, какъ истуканъ, цѣлые часы за сочиненіемъ этого письма.

Когда я принесла ей прочесть слѣдующее, она объявила, что теперь могу писать ему безъ ея контроля и подъ диктовку своего сердца. Наконецъ, я начала выходить изъ-подъ строгой опеки; тетушка была увѣрена, что излишней нѣжности не позволю я себѣ никогда.

Получивъ отъ жениха списокъ съ именами отца и сестеръ его (ихъ было восемь), я всѣмъ написала нѣмецкія письма, прося принять меня благосклонно въ ихъ семью. Отвѣты получила самые сердечные.

Вскорѣ дошла до насъ изъ Ревеля грустная вѣсть о кончинѣ tante Nathalie Спафарьевой. Если бы я могла предвидѣть, что день моего отъѣзда изъ Петербурга былъ днемъ нашего послѣдняго свиданія, то я, конечно, сообщила бы ей подъ секретомъ, что я невѣста, и увѣрена, что она порадовалась бы моему счастью.

Какъ только море очистилось отъ льда, отецъ отвезъ меня погостить къ бѣднымъ старичкамъ, оставшимся послѣ кончины дочери совершенно одинокими. Мнѣ, какъ невѣстѣ, не разрѣшили носить черное платье, а сшили сѣрое, въ которомъ я явилась къ дѣдушкѣ и бабушкѣ. Пріѣзду моему они очень обрадовались, я старалась, насколько могла, развлекать ихъ и быть полезной въ домѣ, въ тотъ короткій срокъ, который провела у нихъ.

На другой день нашего пріѣзда я съ отцемъ поѣхала знакомиться съ будущей моей родней. Генералъ Паткуль, отецъ жениха, былъ комендантомъ и жилъ съ семьей въ Вышгородѣ.

Такого ласковаго, радушнаго пріема я никакъ не ожидала, съ первой же минуты была принята, какъ дочь и сестра, и дружескія отношенія установились между нами съ перваго дня.

Жила еще старуха-няня, Григорьевна, нянчившая моего жениха до поступленія его во дворецъ. Меня повели къ ней, представили и спросили, нравится ли ей невѣста Александра Владимировича. Старушка прослезилась, просила позволенія поцѣловать мнѣ руку, которой, понятно, я не дала, а обнявъ ее расцѣловала.

— Какая ты ласковая!—проговорила она:—полюби моего Александринку, вѣдь онъ такой у меня добрый, хорошій.

Перекрестивъ меня и пожелавъ намъ счастья, она просила не прогнѣваться, говоря, что питомца своего она всегда осѣняетъ крестнымъ знаменьемъ, когда онъ наѣзжаетъ въ Ревель.

Всю прислугу созвали, чтобы показать невѣсту молодого барина.

На другой день отецъ съ старшими дочерьми пріѣхалъ отдать офиціальный визитъ моему отцу и мнѣ и возобновить знакомство съ дѣдушкой, съ которымъ они были, не знаю за что, въ непрія-

зненныхъ отношеніяхъ. Примиреніе послѣдовало. Старое кануло въ воду, и о немъ не вспоминалось.

Однажды, когда я сидѣла съ моими старичками за утреннимъ кофе, мнѣ послышался звукъ колокольчиковъ. Не успѣла я подбѣжать къ окну, какъ мимо дома пронеслась почтовая тройка, съ военнымъ въ адъютантской фуражкѣ. Это онъ! сердце ошибиться не можетъ, подумала я и, подойдя къ дѣдушкѣ, передала ему предположеніе. Видя, какъ я волнуюсь, добрый дѣдушка предложилъ для моего успокоенья написать записку одной изъ сестеръ жениха, которую взялся тотчасъ отослать.

Присѣвъ у окна, я рѣшила не вставать съ мѣста, пока не получу отвѣта на мою записку, но не прошло и четверти часа, какъ я увидѣла карету, въ которой сидѣлъ въ полной формѣ генералъ Паткуль. Увидя меня у окна, онъ улыбаясь кланялся въ спущенное окно, заслоняя собой своего сосѣда, присутствіе котораго я угадала, но видѣть не могла. Въ одно мгновенье я очутилась въ передней, отецъ его развелъ руки, думая, что онъ скроетъ собой, но я, не поздоровавшись съ нимъ, проскользнула подъ его руку и бросилась къ жениху. Это было первое свиданіе жениха съ невѣстой, послѣ трехмѣсячной разлуки.

Представили его моимъ старичкамъ, которымъ онъ очень пришелся по сердцу; дѣдушка оставлялъ его обѣдать, но, не видя давно отца и сестеръ своихъ, онъ выразилъ желаніе провести съ ними день и упросилъ отпустить меня къ нимъ.

Во время своего визита онъ передалъ мнѣ на память нашего перваго свиданья небольшой футляръ и, прося принять его, прибавилъ, что это—драгоцѣнная для него вещь; наслѣдникъ цесаревичъ подарилъ ему ее въ Англіи, къ балу королевы Викторіи, съ которой онъ имѣлъ честь танцовать.

Это была булавка, съ крупнымъ бриліантомъ, оправленнымъ въ когтяхъ. Мнѣ же эта булавка тѣмъ болѣе была дорога, что онъ носилъ ее при статскомъ платьѣ. Какъ вѣрить послѣ этого предразсудкамъ, что дарить булавки не хорошо? Въ нашей тридцати-шести-лѣтней, счастливой супружеской жизни не только не было ни одной ссоры, но никогда малѣйшее облако не помрачило пройденнаго нами пути.

Отпущенъ онъ былъ только на десять дней, а такъ какъ онъ желалъ познакомиться съ тетушкой, братьями и сестрами моими, то мы рѣшили отправиться на пароходѣ въ Гельсингфорсъ: сопутствовать намъ вызвалась одна изъ старшихъ сестеръ его.

Тетушка Екатерина приняла его ласково, онъ понравился ей, хотя она нашла его вовсе не такъ красивымъ, какъ ожидала по моему описанію. На вкусъ товарища нѣтъ.

Провелъ онъ съ нами нѣсколько дней, во время которыхъ его представляли всѣмъ знакомымъ. Онъ произвелъ на всѣхъ самое

пріятное впечатлѣніе, какъ на старыхъ, такъ и на моихъ подругъ, которыя выражали ему свое сожалѣніе, что я покину Финляндію.

Паткуль, проводивъ сестру свою въ Ревель, тотчасъ же вернулся въ Петербургъ.

Свадьба наша была назначена въ концѣ августа, по окончаніи поста и лагернаго времени. Опять предстояло три мѣсяца разлуки.

На лѣто мы переѣхали опять къ дѣдушкѣ всей семьей, кромѣ отца, который съ своей канонерской флотиліей отправился въ плаваніе.

Почти все лѣто я просидѣла за пяльцами, вышивая экранъ жениху къ его пріѣзду.

За двѣ недѣли до свадьбы я работала у окна и увидѣла мимо насъ промчавшуюся карету, запряженную четверкой почтовыхъ, изъ которой на полномъ ходу выскочилъ Паткуль; я такъ испугалась, что вскрикнула невольно, заслонивъ глаза руками. Сердце замерло отъ страха, что онъ расшибся. Тутъ одна изъ сестеръ закричала: твой женихъ бѣжитъ! Вскочивъ со стула, я добѣжала до сѣней, однако ноги мои подкосились до того, что я была не въ состояніи встрѣтить его у подъѣзда и сѣла на ступень съ страшнымъ біеніемъ сердца.

Когда онъ добѣжалъ и увидѣлъ меня блѣдную, сидящую на ступени, онъ испугался въ свою очередь и, цѣлуя мнѣ руки, спрашивалъ, что̀ со мною, здорова ли я. Въ первую минуту я не въ состояніи была вымолвить ни одного слова, но, придя немного въ себя, упрекнула его въ неосторожности выскакивать изъ кареты, когда она неслась во весь духъ.

Онъ старался всячески успокоить меня тѣмъ, что, бывъ хорошимъ гимнастеромъ, онъ не настолько неловокъ, чтобы не умѣть выскочить изъ кареты.

Выпросивъ согласіе родныхъ моихъ, чтобъ меня отпустили къ его отцу, онъ уѣхалъ на Вышгородъ, куда, часъ спустя, меня туда же привезли.

Такъ какъ его и мои родные желали видѣть насъ у себя, то мы чередовались. Если обѣдали у однихъ, вечеръ проводили у другихъ. Въ тѣ дни, когда мы отправлялись къ его роднымъ, онъ ѣхалъ въ дрожкахъ, присланныхъ за нимъ отцомъ, а я въ дѣдушкиныхъ.

Какъ-то разъ дѣдушка, увидя, что поданы двое дрожекъ, спросилъ, для кого вторыя. Найдя, что за недѣлю до свадьбы, по его мнѣнію, даже смѣшно ѣхать врозь, отпустилъ насъ съ Богомъ въ своемъ экипажѣ. Надо же было случиться, чтобъ, какъ нарочно, на поворотѣ съ Нарвской улицы лошадь начала кружить насъ, не двигаясь ни впередъ, ни назадъ. Соскочивъ первая, я крикнула кучеру отправиться домой и въ 9 часовъ пріѣхать за мной на другой лошади, добѣжала до бульвара, и мы вмѣстѣ съ женихомъ дошли пѣшкомъ до Вышгорода.

Но что это было, когда я вернулась домой!

Тетушка встрѣтила меня грознымъ выговоромъ, какъ смѣла я ѣхать вдвоемъ съ женихомъ къ его роднымъ безъ позволенія, что скажутъ тѣ, которые видѣли насъ, и, наконецъ, какого мнѣнія будетъ обо мнѣ и воспитаніи моемъ Карамзина, которая живетъ на нашей улицѣ.

Надо замѣтить, что m-me Карамзина очень любила меня, а съ меньшей дочерью ея, Елизаветой Николаевной, мы такъ подружились, что были на ты.

Когда я выслушала ее, мнѣ такъ стало обидно отъ незаслуженнаго выговора, что я отвѣтила:

— Если уже дѣдушка не только разрѣшилъ, но самъ предложилъ намъ ѣхать вмѣстѣ, то мнѣ нечего было спрашивать позволенія другихъ.

Она обидѣлась; положимъ, что я была не въ правѣ такъ отвѣчать ей, но я тоже была вспыльчива. Отправляясь на сонъ грядущій, я извинилась, и миръ былъ возобновленъ.

Наканунѣ нашей свадьбы мы поѣхали вдвоемъ на кладбище за благословеніемъ моей матери, гдѣ, стоя на колѣняхъ у ея могилы, дали обѣтъ не измѣнять до гроба нашей взаимной любви. Обѣтъ былъ свято сдержанъ нами.

Паткуль обѣдалъ у насъ, но вечеромъ уѣхалъ довольно рано, жалѣя, что не услышитъ серенады, которую подъ моимъ окномъ собирались пропѣть дерптскіе студенты.

О серенадѣ я подъ секретомъ была предупреждена родственникомъ бабушки, тоже студентомъ, который посовѣтовалъ мнѣ показаться имъ въ окно или бросить ленточку въ доказательство, что любезность ихъ принята мною благосклонно. Въ одиннадцать часовъ молодежь, числомъ отъ двадцати до тридцати, собралась дѣйствительно и спѣла очень стройно и согласно въ честь мою Ständchen. Показаться я не могла, готовясь ложиться спать, поэтому, выбросивъ въ открытое окно изъ-за спущенной сторы ленточку, я поблагодарила ихъ на нѣмецкомъ языкѣ, послѣ чего, провозгласивъ мнѣ hoch! hoch! и бросая фуражки вверхъ, они удалились.

Настало 27-е число августа, счастливый для меня день.

Утромъ пріѣхалъ шаферъ съ подарками и запиской жениха, въ которой онъ извиняется, что не исполнилъ моего требованія не подносить мнѣ подарковъ, но такъ какъ фермуаръ и букеты сдѣланы изъ перстней, пожалованныхъ ему наслѣдникомъ, то онъ надѣется, что я приму ихъ и надѣну къ вѣнцу. Это не входило въ мои намѣренія, я желала быть одѣтой, какъ можно проще и не имѣть на себѣ никакихъ цѣнныхъ вещей, но такъ какъ это было его желаніе, то тетушка сказала, что я обязана исполнить его.

Около двухъ часовъ пріѣхалъ шаферъ объявить, что женихъ

въ церкви. Дѣдушка и отецъ благословили меня иконами, а тетушка Траверсе, пріѣхавшая съ дядей наканунѣ изъ Петербурга, была моей посаженой матерью. Меньшой братъ съ образомъ ѣхалъ съ нами.

Вся прислуга выбѣжала на улицу, сопровождая меня лучшими пожеланіями, когда я садилась въ карету.

Я сознавала, что это самый важный шагъ моей жизни; вернусь изъ церкви не той уже беззаботной молодой дѣвушкой, какой выѣзжала изъ дома дѣда, вернусь не подъ моей дѣвичьей фамиліей, и на мнѣ будутъ лежать серіозныя обязанности, которыя я дала себѣ слово свято исполнять. Я была такъ увѣрена въ любви и честныхъ правилахъ моего жениха и такъ сильно полюбила его сама, что ни минуты не сомнѣвалась въ моемъ будущемъ счастьѣ.

Все, что знало меня съ дѣтства, собралось у церкви, посмотрѣть на жениха; не только церковь, но и улица были переполнены народомъ.

По окончаніи обряда, мы прямо отправились къ дѣдушкѣ, куда съѣхалась вся родня мужа, посаженые, шафера и подружки.

Столъ, накрытый для бóльшаго парада въ залѣ, былъ украшенъ нѣсколькими изящно сдѣланными пирамидами изъ живыхъ цвѣтовъ, собственнаго изобрѣтенія и трудовъ доброй бабушки. Съ благословенной нашей семьей насъ сидѣло за обѣдомъ около пятидесяти человѣкъ.

Послѣ чая, снявъ вѣнокъ съ головы и раздѣливъ его на вѣтки, я съ завязанными глазами раздала ихъ подружкамъ и шаферамъ, которые встали вокругъ меня кольцомъ. Есть примѣта, что та, которая первая получитъ вѣтку, скоро выйдетъ замужъ; на этотъ разъ примѣта осуществилась.

Когда мы переодѣлись по-дорожному и вошли въ залъ, то созвали всю прислугу и, по русскому обычаю, притворивъ двери, усѣлись по мѣстамъ. Водворилось полное молчаніе; тихій ангелъ пролетѣлъ!.. Затѣмъ встали, помолились и простились. Родные мои отпускали меня на новую жизнь съ благословеніемъ и пожеланіями полнаго безоблачнаго счастія.

Разставаясь со своими, я удерживалась отъ слезъ, чтобы для нихъ не усиливать тяжести минуты разставанія. Вслѣдствіе этого tante Catherine сочла меня неблагодарной, но вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщала мнѣ навѣстить насъ въ Петербургѣ и привезти сестру мою, Aline, съ которой я была очень дружна.

Когда мы усѣлись въ карету, заложенную четверкой почтовыхъ, провожавшіе насъ закричали намъ «съ Богомъ»; мы перекрестились, ямщикъ свистнулъ, ударилъ по лошадямъ, и карета укатила. Изъ оконъ кареты мы махали платками въ отвѣтъ машущимъ намъ съ крыльца, пока поднявшаяся изъ-подъ колесъ пыль не заслонила намъ окончательно все и всѣхъ. Проѣхавъ шлагбаумъ, карета

вдругъ остановилась; горничная моя, финляндка, сидѣвшая на сидѣньѣ за каретой, уронила мѣшокъ съ своимъ запасомъ яблокъ и бутылкой au de Cologne; послѣдняя разбилась, но надушенные яблоки она тщательно собрала.

Пока мы ѣхали, мужъ сообщилъ мнѣ, что первыми обновили его карету государь и наслѣдникъ при слѣдующемъ обстоятельствѣ. Дворъ находился въ Царскомъ Селѣ; наслѣднику послѣ болѣзни позволено было прокатиться не иначе, какъ въ каретѣ, а его не была готова. Тогда мужъ предложилъ выписать изъ Петербурга свою, заказанную къ свадьбѣ. Въ тотъ часъ, когда наслѣдникъ собирался выѣхать, государь вошелъ къ нему и пожелалъ прокатиться съ нимъ. Карета понравилась его величеству, и на вопросъ, новую ли онъ заказалъ, получилъ отвѣтъ, что она принадлежитъ Паткулю, заказавшему её къ свадьбѣ.

По дорогѣ намъ предстояло заѣхать къ тремъ дядюшкамъ мужа, баронамъ Арпсъ-Гофенъ, жившимъ въ своихъ помѣстьяхъ по Нарвской дорогѣ, въ разстояніи семи верстъ одинъ отъ другого.

Первая остановка была 28-го августа въ Вайварѣ, у Карла Карловича, жившаго съ своей женой Эмиліей Ивановной. Тамъ застали мы старшаго его брата, Егора Карловича, отставного генерала, бывшаго командира л.-гв. гусарскаго его величества полка, очень любезнаго, съ свѣтской полировкой, говорящаго по-французски, какъ истый парижанинъ. Въ молодости онъ былъ большимъ сердцеѣдомъ, увезъ жену свою, рожденную Демидову, отъ живого мужа.

Мы пріѣхали къ вечернему чаю и были встрѣчены какъ дядюшками, такъ и тетушкой очень радушно. Предполагали остаться въ Вайварѣ до слѣдующаго утра, но Егоръ Карловичъ такъ настоятельно просилъ ѣхать къ нему въ Лагино, гдѣ ожидаетъ насъ его жена, Александра Петровна, что волею-неволею пришлось уступить. Свѣтская, до невѣроятія жеманная, тетушка встрѣтила насъ по-родственному, но наговорила мнѣ такую массу комплиментовъ и любезностей, что съ первой минуты оттолкнула отъ себя.

Утромъ напоила меня чаемъ, который цѣлый часъ кипятила на плиткѣ въ серебряномъ чайникѣ; можно себѣ представить, какой вышелъ вкусный настой. Послѣ обѣда, простясь съ ними, мы поѣхали въ Ольгино къ третьему дядѣ, Андрею Карловичу, и женѣ его, Ольгѣ Лаврентьевнѣ, гдѣ познакомились съ многочисленной ихъ семьей, радушно и съ простотой насъ принявшей. Наши отношенія и впослѣдствіи были самыя дружескія. Изъ Ольгина мы выѣхали въ тотъ же вечеръ послѣ ужина, и 30-го августа, въ день тезоименитства наслѣдника и именинъ мужа, карета остановилась у подъѣзда дома Мамонтова, на Грязной улицѣ, нынѣ Николаевской.

М. А. Паткуль.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

НЕПОЧАТАЯ СИЛА.

(Изъ записной книжки туриста).

I.

Ну, ТЕПЕРЬ и двухъ верстъ не осталось!—говоритъ мнѣ Игнатъ Артюховъ, видимо, въ утѣшеніе.

— Какъ хочешь, а дальше не пойду!—заявляю я рѣшительно и, бросивъ ружье на землю, присаживаюсь на камень, ярко зеленый и мягкій отъ пушистаго слоя мховъ, которыми поростаютъ на Уралѣ не только обломки разныхъ горныхъ породъ, но даже стволы и корневища деревьевъ.

— Неужли притомились? Удивленіе!—всякій разъ спрашиваетъ меня Артюховъ, когда я, измученный долгой ходьбой, пытаюсь убѣдить его въ необходимости привала.

Игнатъ Артюховъ—«истовый уроженецъ Урала», такъ онъ величаетъ себя, и знаетъ мѣстную округу, какъ свои пять пальцевъ. Онъ исходилъ вдоль и поперекъ весь горный кряжъ съ его отрогами; изучилъ, какъ бывалый охотникъ, всѣ «увалы» и «лога», всѣ долинки и перелѣски за время своего пребыванія на Средне-уральскомъ хребтѣ, гдѣ онъ коротаетъ добрую половину своей жизни. Мнѣ рекомендовали его на одномъ изъ заводовъ, какъ проводника, на котораго вполнѣ можно было положиться.

Бродить по Уралу безбоязненно, какъ меня тянуло, кочевать въ лѣсу, забираясь въ самую глушь, къ старымъ урочищамъ, куда знаетъ дорогу только бывалый человѣкъ, мыслимо лишь съ надеж-

нымъ проводникомъ. Такимъ именно считался «Игнатка Рубецъ», извѣстный подъ этой кличкой болѣе, чѣмъ подъ своей настоящей фамиліей.

Съ виду это былъ сухощавый, крѣпко сложенный мужикъ, лѣтъ сорока, мало чѣмъ отличавшійся отъ обыкновенныхъ пріисковыхъ рабочихъ. Одѣвался онъ во что попало, выбирая изъ своего крестьянскаго гардероба все, что ни на есть похуже. Старые, рваные порты, когда-то синіе, а теперь уже совсѣмъ полинялые, были безжалостно истрепаны и поминутно вылѣзали изъ рыжихъ, дырявыхъ сапогъ съ длинными голенищами, перехваченными выше икръ когда лычкомъ, когда веревочкой. Бѣлая посконная рубаха была того неопредѣленнаго цвѣта, каковой принимаетъ всякая ткань, побывавшая на тѣлѣ русскаго человѣка, когда онъ носитъ ее, не снимая недѣлю, другую, то обливаясь пòтомъ на солнцепекѣ, то грѣясь у костра, весь пропитанный дымомъ.

— «На охотѣ ходить—не въ хороводѣ плясать!»—говаривалъ обыкновенно Рубецъ, когда я намекалъ ему на неприглядность его одежды. При этомъ онъ укоризненно качалъ своей широколобой головой, изукрашенной багровымъ шрамомъ, тянувшимся отъ лѣвой брови къ уху. О происхожденіи этого печальнаго трофея и обстоятельствахъ, его сопровождавшихъ, Артюховъ не любилъ распространяться и на вопросъ мой, гдѣ онъ «стяжалъ» эти знаки «боевого» отличія, обыкновенно отвѣчалъ многозначительно: «Было дѣло подъ Полтавой»... и сразу становился хмуро-сосредоточеннымъ.

Вообще, насколько я могъ замѣтить, Игнатъ избѣгалъ бесѣдъ о своемъ прошломъ не менѣе, чѣмъ о своемъ «гардеробѣ». Всякій разъ, когда я касался этой темы, — типичныя черты его лица: тонкій, заостренный носъ, напоминавшій клювъ «копчика», хитрые глаза, зорко выглядывавшіе по сторонамъ, и большой, искривленный ротъ,—все выражало тогда протестъ и затаенную досаду.

— «Хорошо, молъ, вамъ разсуждать!»—выразительно говорила его птичья физіономія.—«У васъ, поди, въ чемоданѣ-то не одна перемѣна лежитъ... Такъ-то, а наше дѣло—охотницкое-съ!» договаривалъ онъ уже вслухъ свою думушку.

— Ежели да хорошую одежу носить—одни убытки! Все равно стреплешь, по лѣсной чащѣ лазаючи... Развѣ, что вы мнѣ новый костюмъ въ такомъ разѣ справите?—обращался онъ ко мнѣ не безъ ехидства.

Тѣмъ дѣло обыкновенно и кончалось; и только разъ, по моему неотступному настоянію, Игнатъ Артюховъ рѣшился наконецъ вымыть рубаху и все прочее, воспользовавшись нашимъ приваломъ у горной рѣчки.

Раздѣвшись, онъ принялся стирать свою одеженку, разумѣется, безъ мыла, и умора была смотрѣть, какъ худой, поджарый Рубецъ,

стоя на самой серединѣ бойкой рѣченки, которая доходила ему до колѣнъ, съ озлобленіемъ полоскалъ рубаху. Та надувалась пузыремъ, тогда какъ порты, упущенные изъ рукъ, быстро уносились по теченію. Рубецъ выскакивалъ на берегъ съ мокрой рубахой въ рукахъ и гнался за ними съ проклятіемъ. Я помиралъ со смѣху, глядя на эту стирку, напоминавшую подвиги Донъ-Кихота Ламанчскаго.

Наконецъ-то одежда была отжата и торжественно развѣшена по сучьямъ ольхи для провѣтриванья. Надо ли добавлять, что по утру Игнатъ съ большимъ трудомъ натянулъ на себя полусырую рубаху, при чемъ она долго коробилась на немъ, какъ картонная. Напрасно я уговаривалъ его не рисковать здоровьемъ. Артюховъ отличался необыкновеннымъ упрямствомъ, и малѣйшаго противорѣчія съ моей стороны уже было достаточно, чтобы онъ сдѣлалъ непремѣнно по-своему.

И теперь, когда я опустился въ изнеможеніи на камень, чувствуя, что затекшія ноги мои почти одеревенѣли отъ долгой ходьбы, отъ неустаннаго подъема съ камня на камень, съ увала на увалъ,— Рубецъ тотчасъ же запротестовалъ и принялся доказывать безусловную необходимость добраться до вершины засвѣтло.

— Невозможно намъ здѣсь разсиживаться!—говорилъ онъ мнѣ бабьимъ плаксивымъ голосомъ.—Мѣста здѣсь глухія, таежныя... Таково можетъ дѣло выйтить, что цѣлы, подобру-поздорову, не выберемся! А вы все свое ладите: «сяду да сяду, усталъ да усталъ»... Что намъ теперь пропадать что ли?

— Перестань ныть, пожалуйста!—говорю я.

— Я не ною, а осторожность долженъ соблюсти... Мало ли у насъ варнаковъ въ эту пору по разнымъ логовамъ притуляется? Слышь, баринъ, идемъ, вѣрно я тебѣ говорю! Обвязательно до «Иконникова ключа» надо дойтить до заката.

— Поспѣемъ. Нечего труса справлять—съ нами ружья.

Я хладнокровно растягиваюсь на спинѣ и рѣшительнымъ движеніемъ закладываю подъ голову руки.

— Н-ну, карактеръ!.. слышится мнѣ голосъ Игната, и затѣмъ слѣдуетъ энергичный плевокъ, которымъ Рубецъ обыкновенно выражаетъ послѣдній предѣлъ своего терпѣнія. Проводникъ мой отходитъ въ сторону и тоже садится. Вынувъ изъ огромной войлочной шапки кисетъ съ табакомъ, онъ достаетъ изъ него свою носогрѣйку, набиваетъ табакомъ и принимается раскуривать съ остервенѣніемъ.

Приподнявшись на локтѣ, я оглядываю незнакомую мнѣ мѣстность. Съ горной площадки, на которую мы теперь забрались, открывается дивная картина. Прямо у меня подъ ногами, какъ въ глубокую пропасть, вьется осыпь камней гигантской «морены» [1]).

---

[1]) Морена—остатки исчезнувшаго ледника.

По этимъ камнямъ, полузаросшимъ пестрыми лишаями, мы съ Рубцомъ взбирались съ добрый часъ, то перепрыгивая рядъ препятствій, преграждавшихъ намъ дорогу, то карабкаясь въ обходъ огромныхъ каменныхъ глыбъ, оторвавшихся отъ горныхъ кряжей и принесенныхъ сюда исчезнувшимъ потокомъ.

Вправо отъ нихъ темными пятнами уходятъ какъ будто въ бездонную глубину вершины пихтъ и сибирскаго кедра; тянутся темныя впадины горныхъ отроговъ, образуя лога, поросшіе мелкимъ березничкомъ и зелеными кустами. Еще ниже подъ ними идутъ чередуясь такъ называемые «увалы», но намъ не видать отсюда ихъ обрывистыхъ реберъ, упирающихся въ долину. Они подернуты теперь серебристой дымкой тумана, что ползетъ, цѣпляясь за хвои, поднимается съ низинъ, какъ предвѣстникъ близкаго заката.

Но здѣсь на вершинахъ еще свѣтло. Лѣтній вечеръ еще пылаетъ багрянымъ полымемъ ярко разгорѣвшейся зари, и она, то расплавленнымъ золотомъ, то искрясь рубиномъ, заливаетъ добрую половину небосклона. Кругомъ насъ, будто вычеканенные изъ мѣди, встаютъ остроконечные утесы основного горнаго хребта съ его рѣзко оттѣненными впадинами... Разсѣлины, трещины этихъ гигантскихъ утесовъ густо заросли, какъ щеткой, сосной да елью. А надъ всей этой громадой изжелта-сѣрыхъ горъ, зеленыхъ пятенъ растительности и бурыхъ каменистыхъ осыпей, разстилается темно-синій небесный пологъ съ отблесками розоватыхъ тоновъ на западномъ склонѣ.

Неохватнымъ просторомъ вѣетъ съ высоты горныхъ уральскихъ гребней, высоко поднятыхъ надъ долинами. Въ необыкновенно мощныхъ формахъ запечатлѣлась здѣсь природа, какъ бы застывъ въ своей суровой, рѣзко очерченной красотѣ. Окрестныя горы, живописныя ущелья и темные лога задрапированы въ красивыя складки зеленыхъ лѣсовъ, лиловатыхъ кустарниковъ, и чѣмъ пристальнѣе вглядываешься въ ихъ строгіе контуры, тѣмъ сильнѣе впечатлѣніе отъ этихъ гранитныхъ твердынь, подавляющихъ васъ какой-то особенной и только имъ присущей стихійной силой...

II.

Испытывая таинственную власть надъ собой этой силы, я понимаю, почему Игната Артюхова охватываетъ тревожное безпокойство всякій разъ, когда солнце начинаетъ клониться къ закату. Мирный торжественный покой природы вызываетъ въ немъ невольный, мистическій трепетъ. Чѣмъ сильнѣе мягкій сумракъ заволакиваетъ окрестности, стушевывая кругомъ знакомыя очертанія пейзажа, и постепенно начинаютъ исчезать тѣ или иные признаки мѣстности, тѣмъ безпомощнѣе чувствуетъ себя Рубецъ, зараж-

ный, какъ большинство русскихъ простолюдиновъ, упорнымъ суевѣріемъ. Я всякій разъ замѣчаю, что этотъ человѣкъ, побывавшій на вѣку своемъ во всякихъ передрягахъ, ходившій не разъ на медвѣдя одинъ,—боится ночной темноты и величаваго безмолвія, какъ безпомощный ребенокъ.

Близость ночныхъ сумерекъ заставляла Рубца шагать ускореннымъ маршемъ, игнорируя всякіе обходы препятствій, лѣзть напрямикъ, очертя голову, лишь бы поскорѣй добраться до какого нибудь лѣсного «уюта», какъ будто по пятамъ за нимъ гналась «нечисть» лѣсная.

Но гоноръ охотника и кладоискателя заставлялъ Рубца дѣйствовать дипломатично. И теперь онъ прибѣгъ къ своей обычной тактикѣ.

— Наши мѣста особенныя,—увѣрялъ онъ меня серьезно.—Конечно, ежели кто безъ пониманія, такъ тому наплевать... Никогда такой человѣкъ своей бѣды не учуетъ, и въ пропасть свалится и на варнака наскочитъ. Нашъ уральскій «лѣшакъ» [1])—не другимъ чета! Такой тебѣ «хмары» [2]) напуститъ—ой, ой, ой! Еще одинъ-то я туда-сюда... храбрился Игнатъ, пытаясь свалить свой страхъ съ больной головы да на здоровую.—А съ вами? Развѣ возможно по логамъ да въ буреломѣ ночевать? Ума надо рѣшиться! Случись что, анъ за все я одинъ отвѣчаю.

— Это мнѣ нравится!—говорю я улыбаясь.—А давно ли ты ко мнѣ въ няньки приставленъ?

— Нянька не нянька, а проводникъ. Опять, такъ скажемъ, вдругъ къ ночи гроза грянетъ? Тогда что?

— Подъ деревья станемъ,—говорю я равнодушно:—вотъ подъ ту лиственницу.

— Вотъ это славно!—восклицаетъ онъ уже со злобой.—Не видали вы, знать, нашихъ грозъ-то уральскихъ? Ливьмя вода льетъ въ эту пору... вымокнешь до нитки!

— И похоже, что быть дождю! — соображаетъ Рубецъ, пристально вглядываясь въ синеву неба.—Безпремѣнно будетъ гроза,—заявляетъ онъ уже рѣшительно.—Вона облачко-то надъ горою, словно какъ притулилось... Видите? Нѣтъ? Ну... ладно! Не вѣрите, чай? А вотъ посидите здѣсь часокъ, господинъ хорошій, такъ оно себя окажетъ.

Я гляжу на Рубца съ недовѣріемъ. Хотя мнѣ и приходилось слыхать о грозовыхъ ливняхъ, особенно сильныхъ на Уралѣ, но на мой взглядъ едва примѣтное темное облачко не предвѣщало ничего серіознаго.

— Пустяки, и такъ разойдется!

---

[1]) Лѣшій.
[2]) Навожденіе.

Игнатъ вскочилъ, какъ ужаленный. Его взбѣсило мое спокойствіе.

— Что-жъ я, выходитъ по-вашему, дуракъ что ли? Хороши будутъ «пустяки», сами увидите!.. Да вотъ...

Рубецъ не договорилъ и вдругъ весь насторожился, какъ добрая охотничья собака. Лицо его сразу сдѣлалось серіознымъ. Онъ быстро пригнулся къ землѣ и юркнулъ къ обрыву, осторожно пробираясь между деревьями.

— Кому быть?—соображалъ Игнатъ вслухъ.—А вѣдь сюда пробираются... Н-ну, дѣла! Говорилъ я вамъ, сказывалъ? — упрекалъ онъ меня, сидя за кустами и тыкая пальцемъ въ воздухъ. Признаюсь, я ничего не могъ разслышать, какъ ни напрягалъ слуха.

— Поетъ?—проговорилъ вдругъ Рубецъ, съ изумленіемъ поднимаясь съ корточекъ.—Ловко! А я-то страху набрался! Кому только быть? Слыхать, ровно голосъ-то господскій? Одначе по нашимъ мѣстамъ къ вечеру пѣть негоже.

Артюховъ вышелъ изъ своей засады, неодобрительно тряхнувъ головой, поднялъ мое ружье, валявшееся на травѣ, и подалъ мнѣ со словами:

— Надо итти, а то скоро совсѣмъ стемнѣетъ.

Не успѣлъ я встать съ мѣста, какъ и до меня донеслись теперь тихіе отзвуки далекой пѣсни. Въ саженяхъ ста или двухстахъ подъ нами, въ лѣсной чащѣ, видимо пробирался человѣкъ, шелъ беззаботно распѣвая.

— Верхàми идутъ! — неожиданно объявилъ мнѣ Игнатъ. — Не иначе, что объѣздчики! Ну, это свои!—добавилъ онъ уже небрежнымъ тономъ и опять ухарски вскинулъ ружье на плечо.—Идемте.

Мы двинулись въ путь. Но не прошло и получаса, какъ сзади насъ, по узкой каменистой тропѣ зазвякали подковы. Рубецъ сдѣлалъ мнѣ знакъ рукой и, какъ осторожный охотникъ, тотчасъ же сошелъ съ дорожки и всталъ за стволъ могучей лиственницы. Я послѣдовалъ его примѣру.

Вдоль обрывистаго горнаго кряжа, по которому пролегалъ нашъ путь къ вершинамъ, показались два всадника. Они ѣхали гусемъ, при чемъ у передняго виднѣлось за спиной ружье, а на головѣ была надѣта форменная фуражка казеннаго лѣсника, которыми охраняются здѣсь «кабинетскія» дачи.

Мужичекъ сторожъ съ рыжей окладистой бородой, плелся шагомъ, безучастно посматривая по сторонамъ. Ѣхавшій за нимъ блондинъ былъ молодой человѣкъ атлетическаго тѣлосложенія, лѣтъ тридцати не болѣе, и по одеждѣ, какъ и по манерѣ держаться на непривычномъ ему сѣдлѣ, показался мнѣ купеческимъ приказчикомъ. Ѣздить верхомъ онъ видимо не привыкъ. Поводья у него болтались на широкой лукѣ киргизскаго сѣдла, а правая нога, вынутая изъ стремени, должно быть, съ непривычки затекла и висѣла плетью

Одѣтъ онъ былъ въ вышитую шелковую рубашку и разстегнутый парусиновый пиджакъ, въ суконные русскіе шаровары, заправленные въ высокіе нарядные сапоги съ подборомъ. Щегольской парусиновый же картузъ съ широкимъ днищемъ на каркасѣ никакъ не могъ обмяться на головѣ и при каждомъ сотрясеніи атлетической фигуры купчика упорно лѣзъ съ затылка на лобъ, закрывая козырькомъ глаза. Купчикъ не вытерпѣлъ наконецъ и снялъ его пухлой рукой.

Потъ съ лица у него валилъ градомъ, глаза щурились, крупный мясистый носъ лоснился отъ загара. Отъ всей фигуры его вѣяло здоровьемъ, выносливостью, избыткомъ силы. Несмотря на отсутствіе красоты, лицо его дышало той добродушной улыбкой, которая характеризуетъ истаго русака, слегка застѣнчиваго и увалистаго. Смѣшно было смотрѣть, какъ подъ его богатырской фигурой жалась бѣдная деревенская лошаденка, едва передвигавшая ноги.

Не успѣли проѣзжіе поровняться съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ притаился мой проводникъ-охотникъ, какъ Рубецъ вдругъ выскочилъ на тропу передъ самой мордой лошади лѣсного объѣздчика и обѣими руками загородилъ ей дорогу.

— Стой, Пестрякъ... Куда торопишься?—загоготалъ Артюховъ. Я ожидалъ, что лошадь объѣздчика, испуганная неожиданнымъ появленіемъ передъ ней человѣка, бросится въ сторону, но, къ моему удивленію, она тотчасъ же остановилась, какъ вкопанная. Ей видимо хотѣлось передохнуть хотя малость.

— Охъ, чтобъ тебя, непутевый, блажной!—не сразу отвѣтилъ лѣсникъ, скорѣе съ изумленіемъ, чѣмъ досадой.—И откуда взялся, забубенная твоя головонька?—продолжалъ Пестрякъ уже совершенно пріятельскимъ тономъ.

— Нечего гамить! — строго проговорилъ Рубецъ:—куда плывешь-то? На Шуралинъ [1]) заводъ что ли?

— Ишь какой прыткій! На дворѣ—ночь, а онъ эво-та куда маханулъ... на Шуралинъ!.. На уютѣ заночуемъ...

— У Иконникова ключа?—быстро спросилъ Игнатъ.—Ну, такъ намъ по дорогѣ... И, повернувшись спиной къ объѣздчику, охотникъ обратился ко мнѣ покровительственно:

— Выходите, что ль, господинъ хорошій! Не пужайтесь! Богъ попутчиковъ послалъ...

Пока Пестрякъ и мой проводникъ вели свои діалоги, молодой купчикъ смотрѣлъ на нихъ совершенно равнодушно, видимо нисколько не сѣтуя на неожиданную задержку.

— Баринъ... тутъ... со мной... изъ Нижнетурья... охотимся!— объяснялъ между тѣмъ Рубецъ Пестряку небрежно, развязно роняя отдѣльныя слова. Онъ продолжалъ стоять предъ головой его

[1]) Шуралинскій заводъ на Уралѣ.

лошади, загораживая ей дорогу. Игнатъ совершенно успѣлъ уже освоиться съ новымъ положеніемъ. Вечерніе «страхи» не смущали его болѣе, а встрѣча съ Пестрякомъ, который, какъ мнѣ показалось, не дуракъ былъ выпить, видимо сулила Рубцу самую заманчивую перспективу.

III.

Я вышелъ изъ моей засады какъ разъ предъ купчикомъ, который молча обтиралъ съ лица потъ цвѣтнымъ платкомъ, кряхтя и отдуваясь. Оглядѣвъ меня съ головы до ногъ, богатырь дружелюбно раскланялся и неожиданно проговорилъ:

— Отченно даже жарко! Сказываютъ, намъ по дорогѣ? Отченно даже пріятно! — Купчикъ кивнулъ головой въ сторону Игната и добавилъ, добродушно улыбаясь:

— Занятный такой... Одначе, будемте знакомы: Илья Наумовъ Сухановъ.—Я назвалъ себя. Сухановъ опять повторилъ:—Отченно даже пріятно,—и спросилъ, видимо недоумѣвая:

— Значитъ, вы въ родѣ какъ бы пѣшкомъ?—Но за меня отвѣчалъ уже Рубецъ тономъ, не допускающимъ возраженій.

— Не сумлѣвайтесь! Раньше васъ на Иконниковомъ-то ключѣ будемъ. А «уютъ» тамъ хорошій и ночевка—первый сортъ... одно удовольствіе.

— Вотъ что, сватъ!—обратился онъ уже повелительно къ Пестряку:—ты купца-то веди въ объѣздъ, гдѣ дорога лучше, а мы напрямикъ пойдемъ... Такъ-то оно складнѣе.

— Ладно ль въ объѣздъ-то будетъ? — усомнился лѣсникъ, но Артюховъ тотчасъ же задалъ на него окрикъ и, свернувъ со мною въ лѣсъ на едва примѣтную «таежную» тропу, крикнулъ объѣздчику вслѣдъ:

— Слышь, Пестрюковъ, пошевеливай! Какъ разъ грозой смочитъ!..

И когда объѣздчикъ съ купцомъ двинулись въ путь, Игнатъ объявилъ мнѣ таинственно.

— Я ихъ нарочно въ объѣздъ - то послалъ... Намъ прямиками до «ключа» и версты не будетъ. Не люблю я, когда до меня на лѣсной «уютъ» приходятъ...

— Ужъ такая примѣта есть... особливо къ ночи... Ежели да въ «уютъ» войти безъ молитвы небывалому человѣку,—быть бѣдѣ на ночевкѣ!—увѣрялъ меня Рубецъ на ходу, широко шагая и то и дѣло перекидывая ружье съ одного плеча на другое.

Дѣйствительно, и получаса не прошло, какъ мы вышли съ нимъ на поляну, гдѣ стоялъ небольшой деревянный сарайчикъ, сколоченный изъ толстыхъ еловыхъ бревенъ съ низенькой дверью, но безъ оконъ. Уютъ у Иконникова ключа былъ устроенъ, какъ большинство уральскихъ убѣжищъ, для защиты охотниковъ отъ грозъ

и непогоды—лѣтомъ, а зимой отъ вьюгъ и лѣсного звѣря. Сарай стоялъ на лужайкѣ подъ однимъ изъ горныхъ уваловъ и былъ прислоненъ къ отвѣсной скалѣ, по-мѣстному «Иконникову камню». Въ ней на высотѣ аршина изъ разсѣлины сочился горный ключъ холодной, прозрачной воды и, сбѣгая въ природномъ ложѣ изъ песчаника, терялся въ густо разросшемся кустарникѣ.

Кругомъ небольшой поляны толпились высокіе кедры и пихты, а надъ «уютомъ» справа, осѣняя его вѣтвями, стройно поднималась вѣковая лиственница. Сарайчикъ издали казался зеленымъ холмомъ—такъ вросли въ землю его деревянныя стѣны, обложенныя дерномъ. На крышѣ отъ ежегоднаго перегноя образовался толстый слой чернозема, густо заросшій травой и кустами.

Пока я жадно пилъ воду, Рубецъ первымъ вошелъ въ «уютъ», бормоча себѣ подъ носъ какія-то заклинанія. Онъ долго бродилъ тамъ въ темнотѣ, постоянно на что-то натыкаясь, взвизгивая и ахая... Вдругъ онъ выскочилъ изъ дверей весь блѣдный, съ лицомъ, перекошеннымъ отъ испуга.

— Спички-то гдѣ у васъ?—пролепеталъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Ну, оказія!

— Да что случилось?

Но въ эту минуту на полянѣ появился Пестрякъ, ведшій въ поводу обѣихъ лошадей, едва передвигавшихъ ноги. Слѣдомъ за нимъ шелъ Сухановъ увалистой, медленной походкой.

— Ишь, ровно медвѣдь валитъ!—замѣтилъ Рубецъ, понизивъ голосъ.—Совсѣмъ притомилъ животину-то. Да и ты чудакъ, Пестряковина, какъ есть дура. Подъ этакова мужчину быка надо!

Объѣздчикъ молча прошелъ въ уютъ и черезъ минуту вернулся къ намъ съ большимъ войлокомъ. При видѣ его Рубецъ вдругъ всплеснулъ руками:

— Ахъ, чтобъ тебя! Ну, и далъ же я маху! Это ты, чортова кукла,—обратился онъ съ сердцемъ къ Пестряку,—въ печь-то его засунулъ?

— Кого?—переспросилъ объѣздчикъ.

— Да войлокъ-то... Догадала тебя нелегкая...

— Ну, такъ что жъ?

— На поди! Уморилъ меня было, да еще спрашиваетъ? Сталъ я въ темнотѣ по печи шарить, а тамъ кто-то лежитъ да шевелится...

— Лѣшака испугался? Ай да охотникъ!—разсмѣялся Пестрякъ, разстилавшій для насъ войлокъ на полянѣ подлѣ «уюта».

Пока объѣздчикъ съ Рубцомъ обсуждали вопросъ, чѣмъ мы будемъ кормиться, Сухановъ неторопливо усѣлся на камень и, снявъ картузъ, задумчиво глядѣлъ въ открывшуюся передъ нами даль, куда уходила фіолетовая гряда каменистыхъ отроговъ Урала.

За темной щетиной лѣсовъ, на розовой пеленѣ небосклона медленно угасали послѣдніе лучи заката. Въ тишинѣ вечерняго воздуха, напоеннаго прохладой, ароматомъ смолы и душистой горной полынки, тихо звенѣла въ зеленой чащѣ невидимая рѣченка, пробираясь съ камня на камень къ болотнымъ низинамъ. Ея говорливая трель и сдержанный протяжный шумъ лѣса, по которому тянулъ теперь вѣтерокъ, предвѣстникъ близкой ночи, навѣвали на насъ какую-то сладостную дрему, полузабытье, неотразимо дѣйствуя на душу. Не хотѣлось ни двигаться, ни хлопотать о ночлегѣ и ужинѣ, а тянуло сидѣть неподвижно, любуясь тихимъ отблескомъ зари, прислушиваясь къ таинственному лѣсному шепоту.

Суханова, судя по выраженію его лица, охватило такое же настроеніе. Онъ глядѣлъ въ эту розовую даль въ глубокомъ раздумьи. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Наконецъ онъ обернулся ко мнѣ и проговорилъ тихо:

— Хоро-шо-съ... отченно я люблю здѣшнія мѣста...

— А вы издалека?—спросилъ я, подходя и тоже присаживаясь подлѣ него на камень.

— Мы, то-есть, екатеринбургскіе будемъ... по торговой части... Допрежъ того недалече я отъ здѣшнихъ мѣстовъ проживалъ, а теперь, значитъ... въ отлучкѣ.—Сухановъ помолчалъ и добавилъ:—я вѣдь крестьянскій сынъ и годовъ съ десять тому попросту Илюшкой прозывался... да-съ.

Я посмотрѣлъ съ любопытствомъ на купчика; простота его рѣчи и неожиданная откровенность меня удивили.

— Ушелъ-съ изъ своихъ-то мѣстовъ тоже не по своей волюшкѣ! Ужъ такой, значитъ, предѣлъ мой... Да-съ. Коренные мы, съ отцомъ-то, какъ есть землепашцы были. Анъ, сыну-то пришлось на купеческую линію стать, да и помаялся я съ ней немало!

Сухановъ произнесъ все это сдержанно, какъ будто раздумывая надъ своей судьбой.

Илья говорилъ на «о», той особой скороговоркой, изобличающей старообрядца, какими изстари полно Пріуралье. Самъ онъ не курилъ, и когда Рубецъ задымилъ своей носогрѣйкой, Сухановъ отвернулся отъ него съ явнымъ презрѣніемъ.

Насколько я замѣтилъ, мой юркій проводникъ почему-то не по нраву пришелся екатеринбургскому богатырю. Илья Наумычъ обращался съ нимъ, какъ съ «мелочью», не заслуживающей вниманія. Напрасно Игнатъ, очевидно, успѣвшій разузнать отъ Пестряка всѣ подробности относительно купчика, лебезилъ предъ нимъ, предлагая съ своей стороны всевозможныя услуги, въ надеждѣ на хорошую подачку, Сухановъ избѣгалъ съ нимъ разговаривать. Когда навязчивый Рубецъ предложилъ ему «растереть затекшія ноги», Сухановъ не выдержалъ и сурово отрѣзалъ:

— Отвяжись, сдѣлай милость. Словно оводъ присталъ! На что похоже?

Озадаченный Рубецъ убрался, но, разводя костеръ, долго ворчалъ себѣ подъ носъ. Объѣздчикъ Нестрякъ предложилъ намъ изжарить на ужинъ убитую имъ тетерку да пару «рябцевъ», на что мы оба охотно согласились.

— Экое приволье благодатное!—говорилъ мнѣ между тѣмъ Сухановъ, любуясь открывавшейся передъ нами панорамой.

— Сколько лѣтъ, кажись, въ городѣ маюсь, а отъ своихъ-то мѣстовъ не могу отвыкнуть! Повѣрьте, иной разъ сномъ приснятся, а не то такая тоска по нимъ западаетъ — терпѣнья не станетъ, моченьки... Въ лавкѣ ль сижу, пойду ли въ гранильню,—тамъ у меня мастеровъ человѣкъ съ двадцать,—и на людяхъ-то отъ думушекъ нѣтъ спокоя! Все бы это, кажись, бросилъ, опять бы куда ушелъ и новое бы дѣло какое ни на есть наладилъ.

— Какое же дѣло?—полюбопытствовалъ я.

— Ахъ, Боже мой!—оживился Сухановъ.—Ничего не могу сказать точно... какое именно дѣло... Одначе изъ ума не идетъ у меня эта самая думушка.

И, помолчавъ съ минуту, богатырь обратился ко мнѣ съ нескрываемымъ волненіемъ, видимо надѣясь, что я разрѣшу томившее его сомнѣніе.

— Ну, скажите на милость... По всѣмъ видимостямъ человѣкъ вы ученый, а я всеконечно человѣкъ «темный», скрываться отъ васъ не могу... Грамотѣ съ трудомъ научился, да и тому пяти годовъ не будетъ. Объясните вы мнѣ, что это за болѣсть такая? Не иначе что болѣсть! Какое дѣло ни заведу, проработаю годъ, два, не лежитъ у меня къ нему душа, да и только... Все, будто, «не то» выходитъ. Такъ учнетъ представляться, будто у пустяковъ ходишь, а хотѣлось бы дѣла настоящаго, серьезнаго... И учнетъ меня раздумье брать такое, что хоть пропадать въ ту пору. Что за оказія? Болѣсть это что ли во мнѣ какая, али такъ, просто, «съ глазу»?

IV.

Сухановъ поднялся, уронилъ картузъ на траву и, видимо не замѣчая его, медленно зашагалъ по зеленой полянѣ. Я глядѣлъ на его широкія плечи, на огромную спину и руки, на этотъ могучій ростъ здороваго, полнаго жизни человѣка, и при слабомъ отблескѣ костра, въ густѣющихъ сумеркахъ, мнѣ невольно вспоминалась давно минувшая эпоха, когда родная Русь, полуязыческая, полухристіанская, ростила могучее племя богатырей, не знавшихъ, куда дѣвать обуревавшую ихъ силушку... Мерещились мнѣ безконечныя степи подъ Кіевомъ, берега синяго Дона, сплошные хмурые лѣса новгородскіе, и вездѣ по нимъ бродилъ русскій человѣкъ, выискивая «себѣ дѣла богатырскаго», «боя честнаго», «супротивника по плечу», «дружинѣ богачества, а князю славы».

— Не съ кѣмъ намъ своей силой помѣриться!—тосковали много позднѣе русскіе молодцы - ушкуйнички, всѣ эти «вольные атаманы», уходившіе изъ Московскаго государства на широкій волжскій просторъ, въ неизвѣстную глушь Сибири. Силушка могутная, жажда вольной волюшки тянула, какъ и въ старину, новыхъ «богатырей», начиная отъ Кудеяра, Ермака и Стеньки Разина, вплоть до Пугачева, поднимавшаго за собой цѣлыя орды людей, не знавшихъ, куда дѣвать себя, чѣмъ унять расходившуюся кровь широкой русской натуры... И она жива еще, эта сила, на Руси, только цѣли и средства ея примѣненія стали теперь иными.

Чѣмъ дольше я всматривался въ Илью Суханова, тѣмъ ярче сквозилъ въ немъ его прототипъ—былой богатырь Илья Муромецъ, Грузно ступая, Илья ходилъ передо мною, какъ скованный тяжелымъ бременемъ давившей его силы, тоже рвавшейся на просторъ и какъ будто не находившей себѣ исхода. А между тѣмъ трудно было допустить, чтобы такому человѣку, полному энергіи, жажды дѣла, не находилось на родинѣ желаннаго примѣненія. Я высказалъ мою мысль богатырю; онъ тотчасъ же встрепенулся.

— По совѣсти скажу, здоровьемъ и силушкой меня Богъ не обезсудилъ!—отвѣчалъ мнѣ Сухановъ, при чемъ грудь его дышала, какъ кузнечный мѣхъ, а ноги, ступая по мягкой травѣ, плотно утрамбовывали ее въ землю.

— Еще мальченкой меня вчетверомъ робята одолѣть не могли.. Потомъ, какъ подросъ, стало меня тянуть въ дальніе края, по смотрѣть, гдѣ какъ люди живутъ. Я и размякни... Анъ, вышелъ такой стихъ, что тятенька меня безъ дальняго разговора по шеѣ—трахъ: «въ работу, говоритъ, Илья, съ Богомъ!»

— Позвольте,—изумился я,—развѣ вы что нибудь сдѣлали? Провинились?

— Ничего я не сдѣлалъ, а попросту ему надоѣлъ. Хорошо-съ. Въ здѣшнихъ-то нашихъ мѣстахъ мужички почти всѣ «клады» копаютъ. Не то, что заправдашніе клады, а, попросту сказать, «шурфуютъ» [1]), сибирскіе камни ищутъ... Чать, вы и сами знаете? «Тяжеловѣсы» [2]), бирилы, изумруды, рубины попадаются...

— И много добываютъ?

— Иному такое счастье выпадетъ, что не одинъ мѣшокъ наскребетъ... Хоша скупщикъ у него сырецъ перекупитъ и продастъ вдвое дороже, а все-таки шурфовщикъ, который умѣлый, въ барышахъ...

— Насъ тогда у отца только двое и было: Ванюшка да Ильюшка, и обоимъ завсегда подзатылины. Строгъ у насъ отецъ-то, не дай Богъ... А мамынька, хоша насъ и любила, слова молвить не моги

[1]) Шурфовать—копать шахты, разработывать розсыпь.
[2]) Тяжеловѣсы—сибирскіе бригліанты.

Когда Наумъ Прохоровъ осерчаетъ,—мамынька только плачетъ, а заступиться за насъ и думать не смѣй! Ванюшку-то въ солдаты взяли, угнали въ Варшаву, онъ тамъ въ гошпиталѣ и померъ.

— Какъ четырнадцатый годъ мнѣ пошелъ, батька трешницу досталъ да и объявилъ: «ты, говоритъ, такой сякой, не ублюдкомъ вышелъ, а болтаться-то зря, говоритъ, нечего! Люди шурфуютъ, и ты ступай. Да норови такъ, чтобы на трешницу мово родительскаго капиталу тебѣ другую нажить, понялъ? И что дальше, то больше—ну, въ люди и выйдешь... На насъ же, говоритъ, со старухой не надѣйся».

— Послалъ меня дорогіе камни скупать. Бился я, бился, да спервоначала-то дѣло и проворонилъ. Купилъ на трешницу вмѣсто тяжеловѣсовъ стекла; народъ-то у насъ бѣдовый—надули! Тутъ и началась моя наука. Намялъ мнѣ бока отецъ по-свойски, еще трешницу далъ, да изъ дому и выгналъ. «Не смѣй, говоритъ, приходить, пока въ дуракахъ живешь». Да вмѣсто отцова-то благословенія на прощанье по загривку съѣздилъ.

Я только молча развелъ руками.

— Извѣстно-съ—необразованность. Одначе, съ той поры дѣла у меня пошли много сходнѣе. Сталъ съ барышемъ покупать, а черезъ три года пятьсотъ рублевъ нажилъ. Тятенькѣ трешницу снесъ обратно и на повинности всѣ сполна, а мамынькѣ шаль подарилъ преотличную-съ. Брата Ивана тогда уже въ живѣ не было!—Сухановъ вздохнулъ и на минуту задумался.

— Тутъ на меня впервые и раздумье нашло: домекаю, что за полцѣны весь товаръ мой пропадаетъ. Вижу, дѣло мое «стынетъ» [1], и надумалъ я въ шлифовщики стать—поучиться самому камень шлифовать. Тогда ему и цѣна совсѣмъ другая, не за «слѣпой камень» [2]) берешь, а по карату. Такъ поступилъ я на гранильную фабрику въ подмастерье.

— Восемнадцать годовъ тогда мнѣ было, а изъ себя-то я, видите, каковъ? А тамъ, по заводамъ, въ подмастерьяхъ больше мальченки живутъ, и оченно надо мной товарищи насмѣхались. Всю науку я тогда почувствовалъ—лупили меня мастера ремнемъ не жалѣючи! Въ двадцать годовъ я ужъ самъ мастеромъ ходилъ и жалованье получалъ хорошее. За брилліантову грань оченно меня хозяинъ полюбилъ и жалованье прибавить сулилъ, да я не остался.

— Почему же?—изумился я.

— Опять раздумье взяло... Мочи нѣтъ, ровно сглазилъ кто. Надумалъ я самому дѣло повести, да и махнулъ въ Екатеринбургъ. Деньжонки-то у меня, признаться, тогда порядочныя были: тысячи три цѣлковыхъ. Въ Екатеринбургѣ подобралъ я себѣ двухъ масте-

[1]) Сибирское выраженіе, значитъ «перестаетъ интересовать».
[2]) Слѣпой камень—сырецъ, не отдѣланный.

ровъ и принялся самъ скупать камни, шлифовать; съ купцами торгъ завелъ безъ перекупки. Слава тебѣ, Господи, Бога гнѣвить не могу, торговля не плохая... Думаю, домъ въ городѣ-то купить и хозяйствомъ обзавестись въ полную... Гадаю ужъ давно, да все не выходитъ...

— Зачѣмъ же дѣло стало?—полюбопытствовалъ я.—Человѣкъ вы молодой, самъ хозяинъ, значитъ, и самъ себѣ голова...

— Какъ есть въ самую центру попали!—отзывается Сухановъ и, подперевъ руками бока, останавливается передо мной, встряхнувъ русыми кудрями.

— Тутъ-то вся и заковырка: выходитъ такъ, что не самъ я себѣ голова при родителяхъ-то! Пронюхалъ старикъ мой, что въ Екатеринбургѣ я хорошо пріустроился, и найди на него блажь. Предъ самой Пасхой не высылаетъ мнѣ пашпортъ, да и баста! Наказалъ съ землякомъ пріѣзжать къ нему безпремѣнно. Что тутъ дѣлать? Въ городѣ дѣло налажено, мастера живутъ, торговля... Бросай все, въ деревню тащись! Собрался я, поѣхалъ...

— «Мнѣ, говоритъ, одному со старухой не управиться! Безпремѣнно долженъ ты съ нами «страду» справлять» [1]).

— Волкомъ взвылъ я въ ту пору! За пять-то годовъ поотвыкъ оченно отъ хрестьянской работы. Силушки много, да гнуться не въ моготу стало; просто затормошился! Старики-то мои до зари встанутъ и въ поле: косятъ, жнутъ, вяжутъ... Развѣ за ними угонишься? Я и половины не накошу супротивъ ихъ, а измучусь вдосталь. Вижу, не сдобровать мнѣ—спины не разогну, наконецъ взмолился:

— Отпустите вы меня, говорю, ради Бога! Все равно, я вамъ не работникъ, сами, чать, видите? Лучше наймите подходящаго человѣка, а я исполна заплачу. Просто на стѣны отецъ-то полѣзъ:

— «Можешь ли ты, говоритъ, Илюшка, изъ моей власти выйтить? А? Нѣтъ тебѣ пашпорта, коли такъ, безъ мово согласенія!»

— Ну, и намаялся я тутъ со старикомъ-то. Едва ужъ мы съ мамынькой его уломали. Самъ видитъ, что сподручнѣе работника взять, а все кобенится.

— «Черезъ меня, говоритъ, ты въ люди вышелъ и долженъ это завсегда чувствовать!» Одначе отпустилъ, хоша на прощанье потрясъ за загривокъ.

— «Большого-то форсу, говоритъ, не заводи, почитай родителя— во какъ; а по зимѣ я къ тебѣ безпремѣнно наѣду».

— Вотъ-съ, какова темнота-то по деревнямъ въ нашихъ мѣстахъ! Выгоды своей человѣкъ сразу понять не можетъ! Много въ ту пору дивовался я на прежнюю свою жисть: и отца-то съ матерью жаль, и самому не въ моготу оставаться... Вернулся я къ себѣ въ городъ, опять на меня тоска навалилась! Ночи не сплю - беретъ раздумье...

---

[1]) Страда—лѣтнія полевыя работы.

V.

Илья Наумовичъ умолкъ и, отирая платкомъ лобъ, снова присѣлъ на камень. У лѣсного «уюта», въ густѣющемъ сумракѣ ночи, все ярче и ярче разгорался костеръ, разведенный Пестрюковымъ. Старикъ давно копошился надъ огнемъ, гдѣ жарилась на шомполахъ дичь, и гигантская тѣнь, поднимаясь сзади объѣздчика, тянулась по луговинѣ, вздрагивая при каждомъ его движеніи.

Хитрый Рубецъ сидѣлъ себѣ въ сторонѣ, попыхивая трубкой и, видимо, не безъ ироніи прислушиваясь къ нашему разговору. Спутанныя лошади темными силуэтами виднѣлись на противоположномъ концѣ поляны; ночная мгла уже скрывала окрестности. Съ востока вдругъ потянулъ рѣзкій холодный вѣтеръ, и на край синяго неба неслышно надвинулась темная, тяжелая туча. Она какъ будто давила воздухъ своимъ свинцовымъ покровомъ, и все труднѣе становилось дышать отъ скопившагося въ атмосферѣ электричества.

-- Быть грозѣ!—проговорилъ Сухановъ, какъ будто очнувшись, и торопливо взглянулъ на небо.—То-то съ утра еще нудить меня стало... Моченьки нѣтъ, такъ по всѣмъ суставамъ ломота и ходитъ: видно, кровь застоялась?

— А не закусить ли намъ?—обратился онъ ко мнѣ вдругъ, указывая рукой на жарившуюся дичь. Какъ бы... того... не ровенъ часъ, дождемъ не прохватило?..

Мы подошли къ огню и усѣлись на мягкомъ войлокѣ. Объѣздчикъ дорожнымъ ножемъ рознялъ тетерку и подалъ намъ на деревянномъ кружкѣ съ большими ломтями чернаго хлѣба, густо посыпаннаго солью. Сухановъ перекрестился двумя перстами. Онъ ѣлъ не спѣша и все время сосредоточенно глядѣлъ на огонь ярко пылавшаго костра, изрѣдка моргая, попрежнему поглощенный своими думами.

Расторопный Пестрякъ, одѣливъ насъ тетеркой, принялся за «рябцовъ», какъ онъ выражался; а Игнатъ, крайне недовольный старообрядцемъ, которому не удалось ему подслужиться, дулся на всѣхъ и только изрѣдка окидывалъ меня исподлобья сердитымъ взглядомъ.

Я наблюдалъ Суханова, и мнѣ думалось въ эту минуту, что вотъ она — та «непочатая сила» вольной Руси, которой принадлежитъ будущее... Только нѣтъ этой силѣ еще примѣненія, и дремлетъ она, и мается въ темнотѣ убогаго невѣжества, инстинктомъ порываясь къ свѣту, къ какому-то «особому» дѣлу, къ смутной, еще неразгаданной цѣли...

Все было необыкновенно типично въ этомъ «хрестьянскомъ сынѣ»—слабограмотномъ, но вдумчивомъ и любознательномъ, какъ большинство самородковъ, начиная съ Ломоносова. Несмотря на

«громоздкость» и «увалистость» фигуры уральскаго богатыря, на явную медлительность его соображенія, чувствовалось, однако, что онъ потому только «на землѣ сидитъ», что съ нею у него, какъ у легендарныхъ русскихъ витязей, существуетъ «великая связь». Но разъ онъ «встанетъ да пойдетъ, то полъ-свѣта обойдетъ».

Я перевелъ глаза на моего охотника, Игната Артюхова, на его тщедушную, но самодовольную фигуру, и контрастъ съ Сухановымъ, «дѣтищемъ земли», получился еще сильнѣе, еще рельефнѣе. Предо мной сидѣлъ тоже «русскій человѣкъ», несомнѣнный представитель того «фабричнаго» поколѣнія, которое здѣсь, какъ и вездѣ, успѣло измельчать и выродиться подъ вліяніемъ заводской цивилизаціи. И это въ какія нибудь полтора, два столѣтія существованія на Уралѣ горной промышленности!

Рубецъ, несмотря на свои относительно молодые годы, казался испитымъ, дряблымъ, помятымъ жизнью человѣкомъ и представлялъ яркій типъ «безпочвенника», какъ въ прямомъ, такъ и въ переносномъ смыслѣ. Въ этомъ отношеніи даже пожилой объѣздчикъ Пестрякъ, вышедшій изъ государственныхъ крестьянъ, имѣлъ предъ нимъ всѣ преимущества. Онъ былъ бодрѣе, привѣтливѣе и казался вполнѣ здоровымъ; не смотрѣлъ на насъ, какъ затравленный звѣрь, то дерзкій и наглый, то жалкій, трусливый, смотря по перевѣсу силъ противника, какъ это ясно сквозило во всѣхъ движеніяхъ Рубца, «кладоискателя» и «охотничка».

Пестряковъ, какъ лѣсникъ, имѣлъ «почву» подъ ногами. Будучи объѣздчикомъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ, онъ чувствовалъ, такъ сказать, «легальность» своего положенія и потому держалъ себя степенно и съ достоинствомъ. Рубецъ велъ себя, глядя по обстоятельствамъ—по компаніи, какъ онъ самъ сознавался, и, бывая въ разныхъ передрягахъ, твердо придерживался пословицы: «Богъ-то Богъ, да и самъ не будь плохъ».

Наблюдая выраженіе его хитрыхъ глазъ, я былъ увѣренъ, что мое присутствіе связывало ему руки. Не будь меня, Игнатка навѣрняка прикинулся бы «столовѣромъ», крестился бы «двуперстіемъ», ни разу не закурилъ бы носогрѣйки, смиренничая въ надеждѣ «обойти» купчика. Только подлый запахъ тютюна одинъ могъ его выдать.

И это былъ представитель того же «крестьянства», только выросшаго не на «землѣ», а на «заводахъ», успѣвшій уже промотать свою природную силушку, научившись класть свою честь на проруху... А Илья Наумовъ Сухановъ шутя пробирался черезъ десять вѣковъ и вышелъ невредимо изъ невзгодъ и борьбы все тѣмъ же «богатыремъ», какимъ природа создала его пращура Кіевскаго періода, современника не менѣе легендарнаго князя «Володимира Красное Солнышко»... Но удивительнѣе всего, что онъ сумѣлъ пронести черезъ эту тысячу лѣтъ не только свою силушку могутную, съ бо-

гатырскимъ здоровьемъ и тѣлосложеніемъ, но сохранилъ свою симпатичную прямоту безхитростнаго міросозерцанія.

Едва мы успѣли поужинать, какъ вдругъ издали донеслись до насъ глухіе раскаты грома. Минутъ черезъ пять пошелъ дождь; пришлось забираться въ сарай, куда первымъ юркнулъ Рубецъ, громко бранившій насъ, что мы своевременно не оцѣнили его предсказаній. Пестрякъ поспѣшилъ развести огонь въ полуразвалившейся печкѣ «уюта» и натаскать хвороста внутрь сарая, гдѣ намъ предстояло провести ночь, если дождь не разойдется и не заставитъ сидѣть цѣлыя сутки. Сюда же были принесены ружья, сѣдла и весь дорожный скарбъ Пестряка, вѣрнѣе его охотничья сумка и мѣшокъ съ хлѣбомъ. Лошадей спутали; бѣдныя животныя, почуявъ близость грозы, сами спѣшили укрыться подъ вѣтвистый навѣсъ лиственницъ.

Не прошло и четверти часа, какъ крупныя капли дождя зашипѣли, падая въ догоравшій костеръ; раздался громовой ударъ, и, на сколько было видно въ окно, яркая молнія вспыхнула, мгновенно освѣтивъ лѣсную поляну. Въ ту же минуту дождь полилъ ливьмя, какъ изъ ведра, а удары грома становились все чаще и чаще.

Несмотря на грозу, прервавшую нашъ разговоръ, бесѣда скоро возобновилась. Въ «уютѣ» было тепло. Огонь привѣтно грѣлъ насъ, освѣщая бревенчатыя стѣны съ деревянными нарами, на которыхъ мы улеглись съ Сухановымъ. Рубецъ залѣзъ на палати и все время кряхтѣлъ тамъ, ворочаясь съ боку на бокъ. Старикъ объѣздчикъ, не привыкшій сидѣть безъ дѣла, подбрасывалъ хворостъ въ огонь, тревожно прислушиваясь къ грозовому ливню. Пестряка видимо смущали лошади, и было уже за полночь, когда онъ, несмотря на ливень, выбѣгалъ посмотрѣть, что съ ними дѣлается. Мнѣ было жаль старика, а безучастное отношеніе Рубца насъ обоихъ бѣсило. Илья Наумовъ прилегъ было на минуту, но скоро опять сѣлъ и, упорно глядя на огонь, къ которому его такъ и тянуло, какъ ребенка, возобновилъ свои разсужденія.

— Да, не забуду я этой деревенской побывки... Что говорить! Облютѣлъ тогда отецъ—мѣры нѣтъ. А какъ зимой ко мнѣ въ городъ припожаловалъ да посмотрѣлъ на мое житье-бытье, просто рехнулся старикъ: ѣстъ поѣдомъ съ утра до ночи...

— «Ишь ты, говоритъ, какъ здѣсь живешь, Илюша? Совсѣмъ въ купцы вышелъ? Работники-то тебя «хозяиномъ» величаютъ, и скотина у тебя есть—пара лошадей да корова. Все доглядѣлъ! А я въ ту пору санки себѣ на городской манеръ справилъ, лошадокъ купилъ и сѣномъ запасся. Фатера у меня въ городѣ хорошая: чистота, просторъ. И гранильщики подобрались народъ смышленый и тихій. Завидно, вишь, отцу стало на мое обзаведеніе; ѣстъ меня и все норовитъ съ заковыркой:

— «Ты смотри, говоритъ, Илюшка, на купецкій манеръ не лады! Живота-то у меня не отращивай! Я тебѣ живымъ манеромъ спесь-то

выбью. Да гляди, еще оженишься тутъ безъ отцова благословенія? Ась? Мѣщанку рассейскую за себя возьмешь—и думать не моги. Потому намъ въ полѣ работница нужна... Мать совсѣмъ стала немощной сосудъ, ей одной не подъ силу!»

— Просто изморомъ извелъ меня, ей-Богу! Съ мѣсяцъ, али больше выжилъ. Взялъ деньгами на избу двѣ сотни, лошадь одну отъемомъ отнялъ, да на своей-то чалой такой возъ сѣна увезъ, что другому и на двухъ подводахъ поднять впору.

— «Кормы-то, говоритъ, у насъ, сынокъ, плохіе, а денегъ-то у тебя много, не обнищаешь!» Хитрый старикъ: у самого, какъ я на побывкѣ-то былъ въ деревнѣ, три омета стараго сѣна стояло—лѣтогодняшнихъ. Ну, да Богъ съ нимъ! Одного мнѣ только жаль, что онъ лошадь взялъ: пару разстроилъ.

— А сколько вамъ лѣтъ тогда было? — улыбнулся я, взглянувъ на Суханова.

— Да двадцать третій мнѣ пошелъ, аль двадцать четвертый... Какъ онъ уѣхалъ,—опять меня тоской прихватило. Понять не могу, что такое; нудитъ пуще прежняго, а какъ пригляжусь къ своему дѣлу,—ничего не тѣшитъ!—Сухановъ обхватилъ руками колѣна, уставился глазами на огонь и продолжалъ, вполнѣ искренно недоумѣвая:

— Работа шла въ томъ году хорошо; большіе барыши были. И шлифовкой дѣла задались на удивленіе! Мастера на подборъ хорошіе, въ товарѣ почти изъяна не было... Иной разъ такая бываетъ незадача, что за камень дорогія деньги отдашь, а въ шлифовкѣ его мастеръ испортитъ. Тогда все шло на удачу. Одна бѣда: беретъ меня тоска, а отъ нея—раздумье... Не пойму, что такое? Спать ляжешь—въ голову невѣсть что лѣзетъ,—всю ночь глазъ не сомкнешь. Начнешь эту канитель съ купцами перебирать — тотъ обжулить норовитъ, этотъ обмѣрить, товаръ твой охаить, каратомъ сплутовать.... Ни на грошъ ни въ комъ совѣсти не осталось, просто бѣда! Повѣрите, такъ я загрустилъ, что хоть дѣло свое бросить въ пору.

VI.

Лицо Суханова становилось все задумчивѣе и серьезнѣе. Онъ сидѣлъ, прислонившись спиной къ стѣнѣ «уюта», упершись широкими ладонями въ колѣни. Объѣздчикъ Пестрякъ, прикурнувшій у печи, слушалъ насъ съ живымъ любопытствомъ. Рубецъ на полатяхъ притворился спящимъ. Благодаря дерновому насту на крышѣ, сильный дождь падалъ неслышно, и только глухой шумъ на полянѣ да яркія вспышки молніи съ рѣдкими громовыми раскатами напоминали намъ о грозѣ и ливнѣ. Сухановъ вдругъ озадачилъ меня неожиданнымъ вопросомъ:

— Вы какъ полагаете? А по моему разумѣнью при торговомъ дѣлѣ человѣку по совѣсти прожить невозможно?

— Почему такъ, Илья Наумычъ?

— Потому, какъ они сами говорятъ: «не обманешь—не продашь»... И безпремѣнно прижать норовятъ! Да развѣ это по-божески выходитъ, по правдѣ? —Онъ помолчалъ и добавилъ:

— Признаться, противно мнѣ стало съ «перекупщиками» валандаться. Надумалъ я тогда самому съ товаромъ на ярмонку махануть, въ Нижній. Поудивилъ пріятелей... Спервоначала думали—шутитъ; анъ, нѣтъ, въ августѣ и уѣхалъ. Раньше-то, окромя Екатеринбурга, я нигдѣ не бывалъ... Обрадовался словно ребенокъ.

— Не подумайте, что изъ-за корысти какой, а просто надоѣло мнѣ слѣпымъ сидѣть. Товаръ подбираешь хорошій. Другой-то разъ изъ-за рѣдкаго камня любительски такую муку примешь, бѣда! Аквамаринъ, напримѣръ, брилліантовой гранью завсегда я самъ шлифовалъ. А тутъ попадется скупщикъ — лодарь, рѣдко когда свое дѣло понимающій, и учнетъ твой товаръ перебирать да хаять... Оченно мнѣ даже это обидно завсегда было. Вотъ я и рѣшилъ самому въ Нижній сплыть: свой товаръ показать, людей посмотрѣть. Потянуло меня на чужую сторонушку—и тоску мою, словно рукой, сняло!

Сухановъ поднялъ голову и, взглянувъ на меня, какъ-то радостно улыбнулся. Оживленіе сказывалось и въ его голосѣ и въ ярко блестѣвшихъ, широко раскрытыхъ глазахъ.

— Въ Перми-то, на Камѣ, какъ увидалъ я въ первый разъ пароходы огромные, прямо таки ума рѣшился! День денской съ палубы не сойду; все гляжу, не нагляжусь на эту милую игрушку... Кругомъ мѣста пошли привольныя, конца имъ нѣтъ! А ужъ какъ на Волгу-матушку сплыли, то-то я возрадовался. Вотъ раздолье-то гдѣ, вотъ веселье! Пароходы снуютъ одинъ за однимъ; баржи, бѣляны идутъ, вездѣ народомъ полнехонько. И народъ-то все веселый, прибаутчикъ, гораздъ пѣсни пѣть.

— Особливо артелью складно поютъ... нагрузчики. На пристаняхъ-то въ Казани, въ Козьмодемьянскомъ, заслушаться можно! «Ермака», кажись, вѣкъ бы слушалъ... наплачешься, право! Да, приволжскій народъ, правду сказать, не намъ чета. Сиднемъ сидючи по берлогамъ, въ дремучемъ лѣсу, у насъ темный народъ, сѣрый, угрюмый... Спервоначала — все въ диковинку было. На казанской-то пристани, пока пароходъ стоялъ, я въ городъ скаталъ: первый разъ Освободителю-Царю памятникъ видѣлъ. Диковина!

— Познакомился я дорогой-то съ старичкомъ однимъ; хоша и не нашей вѣры, а человѣкъ оказался хорошій, обстоятельный. Онъ меня въ Нижнемъ и пріустроилъ и на ярмонкѣ всѣ ходы тогда показалъ. Спасибо ему, тысячи двѣ я на товарѣ нажилъ.

— Не даромъ васъ, значитъ, на просторъ тянуло?—сказалъ я улыбаясь.

— Воистину-съ такъ!—согласился онъ съ какимъ-то дѣтскимъ прямодушіемъ.

— Вотъ они дѣла-то какія! Ровно съ глазъ слѣпота спала: что по нашимъ мѣстамъ полтина, то тутъ въ два рубля ходитъ. Что у насъ «безъ цѣны», осколкомъ считается, здѣсь, на ярмонкѣ, на «каратъ» идетъ. Шутка ли? Просто, вѣрите ли, совсѣмъ другимъ человѣкомъ сталъ. Долго я съ той поры самъ на себя дивился: какъ это люди но своимъ захолустьямъ сидятъ, на Божій свѣтъ выглянуть боятся?

— Что же вамъ особенно понравилось въ Нижнемъ?—спросилъ я Суханова.—Самъ городъ, ярмарка или Волга?

— Какъ вамъ сказать? По совѣсти и не знаю, что лучше? Очевно даже все хорошо! Особливо рѣка: пароходы на ней, баржи, караваны. Красиво! И народъ-то все такой бойкій, смышленый. Дѣла дѣлаетъ не шуточныя. Просто, вѣрите ли, въ глазахъ зарябило. И такъ одно дѣльце меня околпачило, что даже и вспоминать совѣстно.

Илья Наумовичъ смущенно взглянулъ на меня и улыбнулся.

— Признаться вамъ... Съ барышами-то, на радостяхъ, я тогда «на низъ» сплылъ, до самой до Астрахани. Все равно, думаю, мнѣ по дорогѣ... Все тотъ же старичекъ присовѣтовалъ.

— «Проѣзжайтесь, говоритъ, себя «образуйте». Какъ вамъ, говоритъ, купцомъ стать, ничего не видавши? Назадъ-то, домой, можно и по чугункѣ вернуться».

— Такъ я и сдѣлалъ. Теперь сами посудите: каково это, нигдѣ не бывавши, въ самый, что ни есть, омутъ попасть? Какъ побѣжалъ я «на низъ» Самолетомъ, пароходъ трехъэтажный, съ полъ-деревни длиной, двѣ трубы, пыхтитъ, свиститъ, а самъ такъ и чешетъ—моченьки моей не стало! Мѣста кругомъ развеселыя; просторъ, широта—не надышишься. По пристанямъ вездѣ работа кипитъ. Товару горы навалены!

— Къ «низовьямъ»-то азіатецъ пошелъ: татарва, персіанецъ, армяне... И всѣ торгъ свой особливый ведутъ, у каждаго своя сноровка. А всѣ у пароходчика въ кулакѣ сидятъ — потому онъ сила!

Илья Наумычъ вздохнулъ и помолчавъ добавилъ:

— Теперь-то и вспомнить смѣшно, какъ меня тогда это пароходное дѣло присушило. Только и бредилъ, какъ бы свой «Самолетъ» завести.

— Много ли ему, спрашиваю, цѣна-то?

— Тысячъ, баютъ, двѣсти, не меньше.

— Ахъ, будь ты неладенъ! Такъ я и заскулилъ.,. Ну, думаю, Илья, не нашего дѣла чета, не по рылу, выходитъ, похлебка.

— Вѣрите ли, едва тогда домой добрался, и хоша барыши хорошіе пришлись, а на свое-то дѣло и смотрѣть не хочется. До того полюбилась мнѣ жизнь на могутной рѣкѣ, что съ тѣхъ поръ который уже годъ самъ я по всему Поволжью съ товаромъ ѣзжу.

— Да что!—проговорилъ Сухановъ, порывисто поднимаясь съ наръ.—Бѣда мнѣ съ моимъ сердцемъ! Нѣтъ мнѣ съ нимъ сладу... Полюбилась волюшка-раздолье, потянуло меня самъ не знаю куда, хоша на край свѣта! Только и радости, какъ весна подойдетъ. Всю-то силушку, что на зиму накоплю, что меня тоской къ землѣ гнететъ, по чужимъ мѣстамъ размыкаю. Видно, такъ мнѣ на роду написано...

Илья Наумовичъ прошелся по «уюту», разминая плечи, грудь и пудовыя руки, въ которыхъ по его увѣренію «застоялась кровь» отъ «спокоя». Дремавшій Пестрякъ встрепенулся тоже; пристально вглядываясь въ богатыря, онъ видимо чувствовалъ предъ нимъ благоговѣйный трепетъ. Я съ любопытствомъ слѣдилъ за выраженіемъ лица Суханова. Онъ сновалъ по уюту, весь охваченный своими думами. Старикъ объѣздчикъ приподнялся на колѣняхъ и вдругъ проговорилъ откашлявшись:

— Эхъ, ваша милость! Всю-то душеньку ты мнѣ разворочалъ! Самъ я тоже изъ заволжскихъ мѣстовъ, въ молодцахъ ходилъ на рыбномъ караванѣ у купца Безналова годовъ пять аль больше. Нѣтъ лучше той жизни, что на рѣкѣ! Вспомнишь о ней въ нашихъ хмурыхъ мѣстахъ, не въ моготу станетъ, какъ предъ истиннымъ Богомъ. Сколько муки я здѣсь въ лѣсахъ принялъ — бѣда! Ушелъ бы, кажись, безъ оглядки, да мое дѣло не ваше. Съ бабой да дѣтворой далеко не ускачешь...

— Ну, вотъ, вотъ!—тоскливо отозвался Сухановъ.—Въ самую центру попалъ, любезный! Отъ жены да дѣтей ходу нѣту.

— А развѣ вы женаты?—спросилъ я Илью Наумовича.

— Второй годъ пошелъ, какъ законъ совершилъ!—отвѣчалъ онъ какъ-то растерянно.—Стихъ такой подошелъ... Мы хоша и по старой вѣрѣ живемъ, а у попа вѣнчаны. И дѣтеночекъ у меня уже махонькій есть... Весь въ батьку моего вышелъ—году нѣтъ, а кулаченки-то такъ и суетъ мнѣ въ рыло. Одначе не пора ли ко сну?—спохватился онъ вдругъ и, снявъ съ себя парусиновый пиджакъ и сапоги, взобрался на нары, которыя гнулись и трещали подъ массивомъ его громоздкаго тѣла.

Огонь на загнѣткѣ медленно угасалъ, слабо вспыхивая въ кучѣ образовавшагося угля, уже подернутаго слоемъ сѣраго пепла. Въ уютѣ воцарилась тишина. За окномъ не слышно было раскатовъ грома; гроза пронеслась, и дождь прекратился. Разговоръ болѣе не возобновлялся, но я долго еще не могъ заснуть подъ вздохи и кряхтѣніе старика объѣздчика и подъ богатырскій храпъ Ильи Суханова.

VII.

На другой день мы проснулись рано.

Яркое солнце только что всплыло надъ синей грядой горныхъ хребтовъ, бросая золотыя пятна на зелень далекаго бора, на желтыя кремнистыя ребра утесовъ. Прорѣзанный его лучами, голубоватый туманъ, скопившійся за ночь въ низинахъ, медленно таялъ. Утренній вѣтерокъ весело шелестѣлъ листвой, и наша полянка, омытая дождемъ, блестѣла, какъ налакированная. Кедры и лиственницы, ель и сосна, искрились миріадами брилліантовъ, переливая капли дождя, нависшія на ихъ зеленыхъ иглахъ. Кусты черемухи, жимолости и дикаго малинника, при каждомъ дуновеніи вѣтра роняли крупные дождевые перлы, какъ драгоцѣнные тяжеловѣсы чистѣйшей воды, сказочной игры и блеска.

Желтый настъ хвои, мокрый и блестящій, переливалъ всѣми цвѣтами радуги, то сверкая, какъ изумрудъ, то искрясь рубиномъ. Въ голубой синевѣ неба прозрачной и чистой черными точками парили коршуны, выслѣживая съ высоты добычу. Въ лѣсной чащѣ курлыкала горная курочка, отрывисто кричалъ косачъ, распѣвала въ кустахъ разная птичья мелкота, гудѣли шмели и пчелы. Природа дышала свѣжестью и прохладой, лѣтнее утро разгоралось все ярче и ярче.

Объѣздчикъ Пестрякъ давно засѣдлалъ лошадей. Рубецъ, лѣниво зѣвая, обертывалъ тряпкой стволъ своего ружья, чтобы не «отсырѣло», какъ смѣялся надъ нимъ Сухановъ. Мой новый знакомый пробирался на Нижне-Туринскій заводъ, и такъ какъ охотиться намъ было безразлично въ какой сторонѣ, то я и рѣшилъ проводить Илью Наумова до ближайшихъ уваловъ. Рубецъ, разумѣется, протестовалъ, принимался спорить со мной, какъ всегда, доказывая, что сворачивать въ сторону намъ не рука, и т. п.

— Хотѣли на Курдюмовку иттить, а теперь вона куда повернули! Ни съ чѣмъ не сообразно! Даромъ-то ноги бить тоже никому не охота...

Но я настоялъ на своемъ. Сухановъ перекрестился широкимъ «истовымъ» крестомъ, надѣлъ на голову злополучный картузъ и объявилъ объѣздчику, что пойдетъ пѣшкомъ, такъ какъ желаетъ «размяться». Пестрякъ, сидѣвшій уже верхомъ, передалъ другую лошадь Игнату, на которую Рубецъ, очень довольный, тотчасъ же взобрался, не преминувъ, однако, проворчать съ притворной досадой: «Н-ну... и характеръ!» Объѣздчикъ тронулся впередъ, указывая намъ дорогу. Артюховъ за нимъ, и мы, покинувъ гостепріимный кровъ у «Иконникова ключа», стали спускаться по кручѣ съ горнаго увала.

Каменистая тропа пошла, опять извиваясь, потянулась узкою лентой среди высокой травы, огибая могучіе стволы кедровъ и пихтъ. Мѣстами она терялась въ кустахъ жимолости и волчьихъ ягодъ. Сухановъ шагалъ такъ, что я едва поспѣвалъ за нимъ сзади. Версты черезъ три тропа развѣтвлялась, уходя вправо—на «заводы», влѣво—«въ лѣса», по географіи Пестряка, объѣздчика. Здѣсь намъ предстояло разстаться. Богатырь снялъ картузъ и, протянувъ мнѣ пухлую руку, проговорилъ улыбаясь:

— Ну-съ, прощенья просимъ! Здоровы будьте. Можетъ, Богъ приведетъ, опять свидимся? Будете въ нашемъ городкѣ—въ Екатеринбургѣ, значитъ, милости прошу, не обезсудьте.

Я поблагодарилъ и далъ ему мой адресъ.

— Должны же вы, Илья Наумычъ, побывать въ Бѣлокаменной?

Сухановъ радостно встрепенулся.

— Безпримѣнно. Оченно даже радъ буду.

— Ко мнѣ тогда заверните.

Богатырь до боли сжалъ мнѣ руку и, окончивъ обычнымъ— «оченно даже пріятно», не безъ труда влѣзъ на сѣдло, подъ которымъ бѣдная лошадь опять запаталась, какъ жеребенокъ.

— Ну, и дура же, Пестряковъ!—не вытерпѣлъ Рубецъ, глядя вслѣдъ удалявшемуся Суханову.—Подъ этакова мужчину—быка надобно!—и онъ сердито плюнулъ.

Я проохотился съ Рубцомъ болѣе двухъ недѣль; но, бродя по Уралу, мнѣ все-таки не удалось добраться до Екатеринбурга. Я такъ и уѣхалъ, не побывавъ въ этомъ любопытномъ центрѣ горнозаводской промышленности.

VIII.

Года два спустя, однажды утромъ, въ квартирѣ моей робко дрогнулъ звонокъ, и прислуга, отворивъ дверь, вступила съ кѣмъ-то въ переговоры. Я невольно прислушался. Голосъ гостя показался мнѣ незнакомымъ.

Но каково же было мое изумленіе, когда она, впустивъ говорившаго, подала мнѣ изящную карточку, на которой значилось готическими буквами: «Илья Наумовичъ Сухановъ», и ниже: «первой гильдіи екатеринбургскій купецъ. Проломная улица, домъ собственный». Почти вслѣдъ за горничной появился знакомый мнѣ богатырь, но я невольно отступилъ, пораженный происшедшей съ нимъ метаморфозой.

Суханова нельзя было узнать: предо мной стоялъ щеголь, въ смокингѣ тонкаго сукна, въ сѣрыхъ панталонахъ на выпускъ. Накрахмаленная рубашка съ высокимъ воротничкомъ ослѣпительной бѣлизны впивалась ему въ шею и рѣзала уши. Пестрый шарфъ, завязанный новомоднымъ фасономъ, слегка топорщился на груди.

Голова была острижена «бобрикомъ», а русая бородка сведена клинышкомъ, на французскій манеръ, въ подражаніе «Генриху IV». Только мускулистыя загорѣлыя руки оставались попрежнему безъ перчатокъ, да на толстыхъ пальцахъ прибавилось перстней съ драгоцѣнными камнями. Сухановъ говорилъ мягче и слова произносилъ правильнѣе, хотя далеко не ушелъ отъ своего прежняго жаргона.

— Извините, что обезпокоилъ!—началъ онъ, улыбаясь и уморительно расшаркиваясь.—Но какъ тогда на Уралѣ я съ вами встрѣтился...

— Душевно радъ. Давно ли вы въ нашихъ краяхъ и откуда?

— Съ вашей легкой руки, торговлю мою преумножилъ... Второй годъ самолично изъ Макарьевской ѣзжу въ Москву и Питеръ... На дѣла, слава Богу, жаловаться не могу-съ. Одной ярмонкой Нижегородской нынче не расторгуешься—обставляю себя шире-съ! И потому въ первую гильдію записался.

Я велѣлъ подать чаю. Илья Наумовичъ оживился, держалъ себя непринужденно, видимо стараясь щегольнуть предо мной своимъ «обхожденіемъ». Однако, наливая чай изъ стакана на блюдце, истово перекрестился по старинѣ и пилъ его въ прикуску съ крохотнымъ кусочкомъ сахара. Я похвалилъ его за постоянство въ обычаяхъ и твердость въ вѣрѣ. Богатырь улыбнулся и отвѣчалъ мнѣ степенно:

— Никакъ намъ иначе невозможно-съ! Шкуру, коль хошь, мѣняй, а нутра не тревожь—потому грѣхъ.

Не прошло и четверти часа, какъ Сухановъ совершенно у меня освоился, и мы опять, какъ два года тому назадъ въ лѣсномъ «уютѣ», бесѣдовали съ нимъ по-пріятельски.

— А признаться ли вамъ, откуда я сейчасъ возвращаюсь? Хотя бы пари держать—не угадаете?

— Вѣроятно, изъ Петербурга?—сказалъ я.

— Изъ Па-ри-жа-съ! Изъ самаго изъ Парижа.

Я широко раскрылъ глаза, а Сухановъ продолжалъ ухмыляясь:

— Вотъ штуку-то откололъ! Умора! Въ Питерѣ Троицкую гостиницу изволите знать?

Я кивнулъ головой.

— Завсегда я въ ней останавливаюсь. Весной тамъ съ французомъ однимъ, факторомъ, познакомился. Юркій французъ—бестія и такая пройдоха: все по-нашему говорить норовитъ, такъ что разобрать можно. Онъ-то меня и подбилъ, чудной такой, право! «Мусьемъ» меня окрестилъ, да такъ привязался—проходу отъ него не стало...

— «Ѣдемъ, говоритъ, мусьё! Барыши большіе въ Парижѣ будутъ!» Ну, мнѣ въ башку и засѣло. Махану, молъ! Была не была, не съѣдятъ, чай, меня французы, подавятся?

Да вѣдь вы же иностранныхъ языковъ не знаете?—спросилъ я Суханова.

— Откуда мнѣ ихъ знать, помилуйте!—разсмѣялся уральскій Илья Муромецъ, поглаживая бородку.—Я и слушать ихній говоръ долго не могу—голова кружится.

— Вотъ умора-то была, доложу вамъ!—продолжалъ онъ, прихлебывая съ блюдца.—Пока по Рассеи-то ѣхали—ничего. Ну, а за Варшавой—просто бѣда. Подъѣхали мы къ границѣ — какъ навалились на насъ нѣмцы, по-своему лопотятъ, руками размахиваютъ и все къ моему саквояжу рвутся. А время было, сами знаете, постъ — Петровки. Кушать-то намъ по положенію скоромятину нельзя. Я и захватилъ съ собой малу толику «тешки», да въ саквояжѣ ее и спряталъ.

— Ну, конечно, въ вагонѣ-то отъ нея духъ пошелъ... Эка невидаль, подумаешь? А нѣмцамъ-то, видать, все въ диковину? Подхватили меня подъ руки, двое саквояжъ мой несутъ и повели. И такъ это мнѣ съ непривычки смѣшно и чудно на нихъ, право? Народъ—мелкота, совсѣмъ даже плюгавый. А хорохорятся—страсть!

— Отперъ я имъ саквояжъ—такъ что тутъ было, и сказать вамъ не могу.. Вотъ, подите, какой народецъ!—добавилъ Сухановъ, искренно недоумѣвая.—Отняли таки у меня «тешку»-то, право? Такъ я полуголодный до Парижа съ однимъ хлѣбомъ и ѣхалъ.

— Что же такъ, Илья Наумовичъ? Вѣдь на станціяхъ есть буфеты.

— Ходилъ я на нихъ—подходящаго-то намъ ничего нѣтъ! Я и то знаками намекалъ—постнаго, молъ, кушать хочу! Ну, конечно, народъ глупый: мотаютъ головой да на меня глаза пялятъ. Подумаешь, людей не видали?

— Какъ вы въ Парижѣ устроились?—спросилъ я, все болѣе недоумѣвая.

— Добрался я до него тоже съ мукой немалой. Спасибо еще, кондукторъ билетъ мой поглядитъ, пробормочетъ—«але», глядишь, изъ вагона и вызволитъ да въ другой поѣздъ посадитъ. Да и то я хлопотъ набрался... Покажись мнѣ разъ, что будто меня назадъ повезли—я и поднялъ суматоху. Заблудиться недолго—туда завезутъ, что назадъ и ходу не сыщешь? Чужіе чемоданы нечаянно уронилъ. Публика перепугалась, конечно... Спасибо, ужъ землякъ одинъ объяснилъ, что въ этомъ мѣстѣ дорога у нѣмцевъ петлей пошла, ну, и кажетъ, словно опять назадъ ѣдешь!—Сухановъ утеръ потъ на лбу и добавилъ:

— Въ Парижѣ этомъ самомъ я часовъ пять на вокзалѣ задарма высидѣлъ. Спасибо, факторъ-еврей попался, по-нашему говоритъ и по-ихнему лопочетъ. Пріустроилъ меня на квартирѣ. Только одна

бѣда,—продолжалъ онъ сокрушенно,—«хіакры» ихніе меня не берутъ, не сажаютъ; комплекціи моей, должно быть, боялись? Зато земляки, русскіе, то-есть, нашлись, словно родные! Всю-то выставку я съ ними, какъ малый ребенокъ за нянькой, прошагалъ. Ну, и выставка—одно великолѣпіе!

Илья Наумовичъ развелъ руками и съ восторгомъ продолжалъ:

— Построенія чудовищныя! Народищу разнаго тьма темъ—со всего свѣту народы понаѣхали и всѣ по-своему говорятъ. Сущее столпотвореніе! И ко всему тому я расчудесно своими камнями расторговался. Ежели Богъ приведетъ, безпремѣнно опять въ Парижъ поѣду!

— Понравилось вамъ?

Сухановъ покрутилъ бородку.

— Одно только, признаться, меня сокрушаетъ... Говору-то я ихняго не понимаю—вотъ бѣда! Надумалъ я было дѣльцо одно, да несуразно какъ-то выходитъ...—Онъ посмотрѣлъ на меня испытующе.

— Что такое?

— Вы какъ полагаете?—проговорилъ мой гость, видимо конфузясь.—Возможно мнѣ заграничному говору научиться? Очень это мудреная вещь... языкъ ихній?

— Разумѣется, можно, хотя и трудно...

— Такъ я и полагалъ... французинку принанять да заняться? Въ Екатеринбургѣ у насъ учителей нѣтъ, а гувернантки найдутся... Одначе и такъ не выходитъ.

— Почему же, Илья Наумовичъ?

Сухановъ совсѣмъ застыдился и густо покраснѣлъ.

— Помилуйте, какъ же возможно? Жена-то совсѣмъ ошалѣетъ... А у меня три младенца,.. Въ какомъ это я разѣ вдругъ за указку съ «мадамой» сяду? И то мнѣ отъ своего брата-торговца прохода нѣтъ—во всемъ упрекаютъ. Посудите, гдѣ же бабѣ понять, что при нынѣшней нашей коммерціи безъ «чужихъ» языковъ за границу нѣтъ ходу?..

Допивъ четвертый стаканъ чая, Сухановъ поблагодарилъ и сталъ прощаться. Пожимая мнѣ руку, онъ задумчиво проговорилъ, какъ будто вспомнивъ:

— Нашихъ-то мѣстовъ еще не забыли?—и тотчасъ добавилъ:—а меня, повѣрите ли, каждый годъ на тѣ заводы тянетъ, гдѣ я съ вами-то тогда повстрѣчался... Люблю просторъ лѣсной, въ горахъ-то куда привольнѣе; и какъ выберусь изъ города, такъ и тоска будто полегчаетъ...

— Да о чемъ вамъ тосковать-то, Илья Наумовичъ?

Богатырь глубоко вздохнулъ и взялся за шляпу.

— Думушки одолѣли... отвѣтилъ онъ грустно.—Нудятъ, сосутъ сердце, покою не даютъ. Привяжется же этакая немочь? Какъ есть

искушенье... Понаглядѣлся я на божій свѣтъ — нѣтъ ему краю! И вездѣ-то люди о своемъ хлопочутъ... Дѣловъ разныхъ затѣяно— счету нѣтъ! И вездѣ-то люди бьются—каждый по своему мѣсту и, будто, коммерціей своей довольны... Дивлюсь я самъ на себя: какъ это я на свое настоящее дѣло никакъ не потрафлю? Не попадаетъ по сердцу работы, а на работу нудитъ? Съ мелочью-то, признаться, возиться и надоѣло... А крупнаго надумать не могу! Конечно, нынче безъ образованія трудно.., ну, и затоскуешь безъ сурьезнаго дѣла. За Иркутскъ съѣздить задумалъ—можетъ, тамъ свою судьбу найду?.. улыбнулся онъ и тряхнулъ попрежнему головою.

— Жена и то говоритъ, что лихой человѣкъ меня сглазилъ, оттого я нигдѣ себѣ покоя не знаю... Чудная, даже бабку звала, отчитывать пробовала. А Шуралинскій дирехторъ на заводѣ меня доктору показывалъ, такъ тотъ ощупалъ всего и объявилъ, что какая-то «непочатая» сила во мнѣ наружу просится. И... ну, и чудодѣи!

Сухановъ простился и вышелъ.

«Непочатая» сила, подумалось мнѣ, и сколько ея у насъ на Руси еще ждетъ примѣненія и пропадаетъ даромъ...

К. А. Борисовъ-Корженевскій.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ И ХАРАКТЕРИСТИКИ [1].

(1854—1892 г.).

X.

I. Юзовъ (Каблицъ). — Его народничество. — Складъ его ума и сердца. — Его необыкновенная вѣра въ свое призваніе. — Причины его первоначальной популярности среди молодежи и затѣмъ паденія этой популярности. — Значеніе для меня его книги «О русскомъ расколѣ». — Его безграничная вѣра въ народъ. — Литературныя сплетни о Юзовѣ и ихъ несправедливость. — Частныя черты изъ жизни и характера этого рѣдкаго человѣка.

Я УПОМЯНУЛЪ фамилію I. Юзова. Это былъ его литературный псевдонимъ, а настоящая его фамилія была Каблицъ. Однако, жилъ онъ подъ иной фамиліей, вынужденный къ этому обстоятельствами своего далекаго прошлаго. Почти въ концѣ нашего знакомства, незадолго до смерти Юзова, его «жизненный» псевдонимъ былъ обнаруженъ, а такъ какъ сотрудничалъ онъ въ «Недѣлѣ» и моемъ журналѣ, то были вызваны для нѣкоторыхъ справокъ я и П. А. Гайдебуровъ, послѣ чего Юзовъ получилъ возможность вновь носить свою настоящую фамилію. Упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ, чтобы объяснить главную причину, заставившую Юзова не подписаться подъ упомянутымъ въ предыдущей главѣ письмомъ.

Что такое былъ Юзовъ, какъ человѣкъ и какъ писатель? Почему онъ могъ такъ волновать въ свое время сердца, особенно

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXVII, стр. 486.

сердца молодежи, и почему теперь онъ забытъ, а за его гробомъ шли всего два-три человѣка? Стоитъ ли поэтому и говорить о немъ такъ подробно, какъ хочу говорить я?

Стоитъ, отвѣчу я, и думаю, что о немъ стоитъ говорить не меньше, если не больше, чѣмъ о многихъ публицистахъ, пользующихся теперь огромной (сравнительно) популярностью, и похороны которыхъ будутъ, вѣроятно, обставлены съ большой помпой.

Что же такое было въ Юзовѣ, что дѣлало его сперва очень популярнымъ, а потомъ забытымъ и покинутымъ?

Это было прежде всего то самое свойство, которое создало колеблющуюся популярность даже такого великаго таланта, какимъ былъ Достоевскій, а у Юзова былъ небольшой талантъ: это было сердце, страстно любившее народъ.

Но насколько это сердце влекло Достоевскаго къ миротворчеству и нѣкоторой дипломатіи, настолько Юзова оно влекло къ словесной борьбѣ, къ крайнимъ выводамъ изъ своихъ принциповъ и къ безпощадному бичеванію того, что не сходилось съ этими крайними выводами.

При этомъ, какъ часто случается съ натурами страстными и въ то же время упорными, его больше всего раздражало, вызывая громы и молніи полемики, разногласіе ближайшихъ по направленію группъ нашей интеллигенціи. Такъ, напримѣръ, никому онъ не посвятилъ столькихъ ударовъ, какъ «народолюбцамъ», съ одной стороны, и «либераламъ», съ другой. «Народолюбцами» онъ называлъ тѣхъ изъ нашей интеллигенціи, которые, любя народъ или думая, что они любятъ его, желали бы его осчастливить по своему «интеллигентному» усмотрѣнію, по рецептамъ и образцамъ Западной Европы, по кабинетнымъ теоріямъ, какъ бы хороши ни были эти послѣднія. Такимъ образомъ, въ понятіе «народолюбчества» онъ включалъ одинаково и бюрократію съ ея заботливой опекой надъ народной жизнью, и свободомыслящихъ корифеевъ анти-бюрократическаго направленія (либералы), и, наконецъ, поборниковъ экономическаго реформаторства всякаго рода, если оно не вытекало изъ «народныхъ началъ», «народныхъ желаній» и навязывало народу нѣчто чуждое, выработанное на почвѣ иной цивилизаціи, иной исторіи.

Понятна поэтому причина, вызывавшая къ Юзову вражду почти всѣхъ «передовыхъ» группъ нашей тогдашней литературы. Понятно и первоначальное увлеченіе имъ молодежи, которая въ его рѣчахъ слышала что-то новое, смѣлое, а въ его рѣзкой полемикѣ, въ его сжатомъ, почти лаконическомъ изложеніи чувствовала глубокую, безповоротную силу убѣжденія.

Замѣчательно, что вражда къ Юзову созрѣла не вдругъ: вначалѣ ея не было, когда онъ только развивалъ свои общіе принципы, обосновывая ихъ, по мѣрѣ своихъ силъ и знаній, на всевоз-

можныхъ цитатахъ изъ книгъ европейскихъ философовъ и ученыхъ, переводы которыхъ имѣлись на русскомъ языкѣ (Юзовъ не зналъ иностранныхъ языковъ, хотя нѣкоторое время прожилъ въ Западной Европѣ и Америкѣ). Его статьи (напримѣръ, о расколѣ) появлялись даже въ «Вѣстникѣ Европы». Лишь впослѣдствіи, когда онъ сталъ примѣнять эти принципы къ текущимъ вопросамъ жизни, разгорѣлась вражда. Но и послѣ этого его личныя отношенія съ противниками поддерживались. Онъ совершенно отдѣлялъ литературныя отношенія отъ личныхъ и, напримѣръ, при первомъ моемъ выступленіи на страницахъ «Свѣта» съ проповѣдью «любви и мира», разразился противъ меня въ «Недѣлѣ» жестокой статьей подъ заглавіемъ «Однобокая нравственность». Въ этой статьѣ доказывалось, что нормальный человѣкъ долженъ одинаково и любить, и ненавидѣть: любить добро, ненавидѣть зло. Поэтому проповѣдывать «любовь» значитъ проповѣдывать хожденіе на одной ногѣ и такъ далѣе. А между тѣмъ, въ это время мы были уже близко знакомы, и онъ часто бывалъ у меня. Для него была основнымъ закономъ извѣстная формула: «Ты мнѣ другъ, Платонъ, но истина выше дружбы». Онъ полемизировалъ и впослѣдствіи, когда я отвѣтилъ ему, что «вражды не нужно проповѣдывать, такъ какъ ея и безъ того довольно накопилось. Но вотъ именно потому-то, что накопилась ея очень много, она заставляетъ людей итти уже по слѣпому влеченію, а не по планамъ, обдуманнымъ спокойно и цѣлесообразно. Проповѣдь любви, конечно, не должна уничтожить ненависти къ злу и борьбы противъ него, но она должна сдѣлать эту борьбу осмысленнѣе и цѣлесообразнѣе» и т. д., и т. д.

Онъ держался иного воззрѣнія, и на все у него была готова цитата изъ какого нибудь знаменитаго европейскаго ученаго. Въ данномъ случаѣ, онъ ссылался на физіологовъ, психологовъ, этиковъ, доказывающихъ необходимость упражненія каждой нашей способности, чтобы она могла проявиться дѣятельно въ жизни. Ненависть или вражда должны такимъ образомъ обратиться въ привычку дѣятельнаго протеста, а для этого не имѣетъ значенія, будутъ ли онѣ цѣлесообразны или слѣпы.

Замѣчательно, что его собственный личный опытъ долженъ былъ убѣдить его въ невѣрности этого взгляда, въ ослабляющемъ, а не укрѣпляющемъ дѣйствіи нецѣлесообразныхъ протестовъ, но умъ у Юзова былъ умъ странно упрямый, стойкій. Я иногда, шутя, говорилъ ему, что его голова вмѣсто мозга наполнена огромными десятипудовыми гирями, которыя, если уже онѣ одинъ разъ улягутся въ извѣстномъ порядкѣ, не могутъ быть перемѣщены никакой силой.

Тѣмъ не менѣе, мысль его постоянно кипѣла и горѣла: тамъ, гдѣ появлялся Юзовъ, тотчасъ же начинался горячій споръ и длился до разсвѣта. При этомъ Юзовъ увлекался до такой сте-

нени, что иногда говорилъ грубости и дерзости, но ему невольно прощали это, чувствуя, что онъ чуждъ всякаго личнаго желанія оскорблять, что сказанное имъ есть результатъ страстной любви къ своимъ идеямъ, страстной вѣры въ нихъ.

Какъ велика была эта вѣра, доказываетъ слѣдующій мой разговоръ съ нимъ: какъ-то поздно ночью мы заговорились, возвращаясь откуда-то изъ гостей, до того, что разъ десять подходили къ подъѣзду «меблированныхъ комнатъ», гдѣ онъ жилъ, и снова уходили. Ночь была теплая, тихая. Наконецъ, онъ, подъ вліяніемъ какого-то особаго прилива теплаго чувства, спросилъ у меня:

— Скажите мнѣ откровенно, по душѣ, не думаете ли вы, что я ошибаюсь вотъ въ какой увѣренности: мнѣ думается, что мои убѣжденія должны имѣть большое будущее, что мое дѣло не можетъ погибнуть и заглохнуть. И я это думаю, между прочимъ, на томъ основаніи, что, пробѣгая свое прошлое, я вижу, что судьба постоянно спасала меня отъ смерти и гибели. Вы знаете, что у меня вставной глазъ: въ дѣтствѣ въ меня нечаянно выстрѣлили. И однако я остался живъ. Въ послѣдующей моей жизни были сотни случаевъ, когда я висѣлъ на волоскѣ (и онъ разсказалъ нѣсколько такихъ случаевъ), а между тѣмъ я остался цѣлъ и невредимъ и даже на свободѣ, то-есть могу писать о моихъ идеяхъ, работать для нихъ, хотя только на литературномъ пути. Да я и бросилъ сознательно, по убѣжденію, всѣ другіе пути. Я вижу, что мое призваніе, мое дѣло — только на этомъ пути, что меня вела къ нему какая-то высшая сила условій, обстоятельствъ, называемая силой исторіи...

Вотъ какъ высоко думалъ этотъ человѣкъ о своей роли въ русской жизни, даже въ русской исторіи!

Если бы онъ зналъ, бѣдняжка, какъ незамѣтно прошли его похороны, и какъ быстро исчезло всякое воспоминаніе о немъ и о его литературныхъ трудахъ даже въ средѣ русской молодежи!... Такъ ли бы говорилъ онъ?...

А онъ говорилъ еще и вотъ что:

— Только эта вѣра въ свое призваніе и удерживаетъ меня въ жизни. Мнѣ живется тяжко! Кромѣ того, я очень боленъ.

Въ самомъ дѣлѣ, его матеріальныя условія были очень и очень не блестящи. Несмотря на огромный трудъ, котораго ему стоила каждая статья, такъ какъ статьи его были всегда переполнены матеріалами, фактами, цитатами, онъ, по его словамъ, «никогда не могъ заработать у Гайдебурова болѣе семидесяти пяти рублей въ мѣсяцъ». Юзовъ увѣрялъ, что этого ему достаточно. Но онъ не зналъ въ то время, что, живя въ меблированныхъ комнатахъ, питаясь дешевымъ, кухмистерскимъ обѣдомъ, онъ неуклонно расшатывалъ свое здоровье, нажилъ катарръ желудка, отъ котораго два раза едва не умеръ, а подъ конецъ всѣ эти разстройства рано свели

его въ могилу, свели какъ разъ въ то время, когда онъ обзавелся, наконецъ, семьей, зажилъ нѣсколько болѣе гигіенично и комфортабельно, страстно привязался къ родившейся у него дочкѣ, съ которой возился, какъ нянька, какъ мать. Все это очень понятно, если мы припомнимъ, что всю жизнь, почти до 40 лѣтъ, онъ прожилъ холостякомъ—почти бродягой, подъ чужимъ именемъ, съ вѣчной неувѣренностью въ томъ, что съ нимъ будетъ завтра. А, между тѣмъ, повторяю, сердце у него было любящее и жаждавшее любви; подъ его внѣшней грубостью, подъ его полемическими рѣзкостями и «жестокостями» крылась почти женственная нѣжность чувства и потребность такого же чувства со стороны другихъ. Эта потребность, какъ бываетъ нерѣдко, осталась отъ дѣтской привязанности къ матери. А какъ сильно онъ любилъ свою мать,—въ то время давно умершую,—видно ужъ изъ того, что и псевдонимъ его «Юзовъ» былъ произведенъ отъ ласкательнаго имени Юзя (Іосифъ), которымъ его называла мать.

Въ его крови соединились двѣ національности, какъ и въ его характерѣ: мать была полька, отецъ—шведъ. Польская горячность и страстность сливались съ шведскимъ упорствомъ и упрямствомъ, съ шведской методичностью, аккуратностью, точностью.

И наружность его носила отпечатокъ двухъ этихъ народностей: онъ былъ средняго роста, строенъ, гибокъ, сухощавъ, но не худъ. Сухощавое, довольно правильное лицо, съ бѣлокурыми волосами и бородкой, поражало свѣжестью своего цвѣта и румянца, хотя это не былъ цвѣтъ лица конфетныхъ красавцевъ: это былъ мужественный румянецъ, пробивавшійся сквозь кожу нѣсколько смугловатую. Такъ какъ въ Парижѣ ему удалось сдѣлать искусственный глазъ, совершенно не отличавшійся отъ его собственнаго, то можно было прожить съ нимъ нѣсколько лѣтъ и не догадаться объ этой ненормальности. Тѣмъ болѣе, что онъ носилъ слегка дымчатые очки. Но выраженіе здороваго глаза осмысливало все лицо, невольно переносилось и на искусственный глазъ, и въ общемъ было глубоко-симпатично, полно чувства, мысли, энергіи, бодрости и неустанной потребности сейчасъ же кинуться въ словесный бой или отдаться умственной работѣ.

Неудивительно, что онъ нравился многимъ женщинамъ, и это заставляло досужихъ петербургскихъ кумушекъ рыться въ его личной, сердечной жизни далекаго прошлаго. Были охотники бросить на него тѣнь и съ общественной стороны: говорили о какихъ-то деньгахъ, собранныхъ на общее дѣло и въ которыхъ онъ не далъ достаточнаго отчета.

Насколько я успѣлъ узнать характеръ Юзова (а времени было для этого довольно: я зналъ его болѣе десяти лѣтъ, и нѣсколько дачныхъ сезоновъ мы провели ближайшими сосѣдями, посѣщая другъ друга ежедневно), я не могу допустить и тѣни сомнѣнія въ его безусловной, безупречной честности и корректности.

Не задолго передъ смертью, уже обзаведясь семьей, онъ почувствовалъ невозможность существовать однимъ литературнымъ трудомъ и получилъ мѣсто въ желѣзнодорожномъ контролѣ.

Многіе могли поставить ему въ упрекъ и это, какъ ярому противнику бюрократіи. Но онъ оправдывалъ себя тѣмъ, что для него бюрократія была не здѣсь, а гораздо больше тамъ, гдѣ кричали противъ бюрократіи (см. выше); что, наоборотъ, служба по контролю есть служба народу, такъ какъ оберегаетъ «народныя» копейки.

Мнѣ дорога память о Юзовѣ не только въ силу нашихъ дружескихъ отношеній, но еще и потому, что одна изъ его книгъ произвела нѣкоторое измѣненіе въ моихъ взглядахъ на наше крестьянство. Это—книга о расколѣ. До прочтенія этой книги я могъ считаться, по классификаціи Юзова, «народолюбцемъ», то-есть я всего ожидалъ для народа отъ одной интеллигенціи. Книга Юзова наглядно убѣдила меня, что въ народѣ есть своя собственная интеллигенція, что въ немъ живутъ и не умерли начала древней русской «свободы совѣсти» и даже гражданской свободы. Такимъ образомъ въ моихъ глазахъ измѣнилась роль интеллигенціи относительно народа. Я призналъ, что интеллигенціи необходимо прислушиваться къ голосу самого народа и серьезно считаться съ этимъ голосомъ, не навязывая народу того, что «не въ его духѣ», или національномъ характерѣ. Я сталъ думать, что этотъ «національный духъ», или характеръ, далеко не тотъ, какимъ онъ казался мнѣ: въ немъ не одна косность и невѣжество, не одно рабство, унаслѣдованное отъ времени крѣпостничества,—въ немъ, подъ наносной корой этихъ временныхъ, навязанныхъ свойствъ, живетъ великій, врожденный инстинктъ, способный дать основаніе для величайшихъ общественныхъ идеаловъ, не уступающихъ западно-европейскимъ, а, быть можетъ, идущихъ дальше и выше этихъ послѣднихъ.

Я и теперь рекомендовалъ бы чтеніе этой книги Юзова всякому, кто недостаточно вѣритъ въ умственныя и нравственныя силы русскаго крестьянства, смотритъ на него презрительно, а потому и не чувствуетъ твердой почвы подъ ногами для самоотверженной работы въ народной средѣ.

Миръ твоему праху, страстный работникъ на нивѣ народной!

Не знаю почему, измѣнились ли условія времени или сами люди стали иными, но въ то время умственная жизнь среди писательской братіи была оживленнѣе, чѣмъ теперь: поднималась масса вопросовъ и философскихъ, и соціологическихъ, и текущихъ общественныхъ. Устроивались такъ называемые «журъ-фиксы», то-есть опредѣленные дни у того или другого изъ писателей, и тутъ-то велись дебаты, иногда очень шумные и горячіе, вокругъ самовара и скромнаго ужина, состоявшаго обыкновенно изъ холодныхъ закусокъ и какихъ нибудь фруктовъ.

Правда, и въ то время были писатели, даже изъ корифеевъ, которые заявляли, что не выносятъ серьезныхъ разговоровъ, такъ они имъ надоѣли въ ихъ печатныхъ бесѣдахъ съ читателями. Были и такіе, которые собирались въ опредѣленные дни въ квартирахъ редакторовъ на роскошно-обставленные вечера, съ картами и дорогими ужинами. Но я говорю не объ этихъ писателяхъ, а о литературной молодежи, державшейся воззрѣній «народническихъ» или близко подходящихъ къ народничеству. Если имъ приходилось бывать на такихъ роскошныхъ ужинахъ и вечерахъ, они порою говорили о нихъ съ насмѣшливымъ презрѣніемъ, какъ о потугахъ подражать «большому свѣту», на что шли деньги, урѣзываемыя изъ гонорара сотрудниковъ, питавшихся, какъ, напримѣръ, Юзовъ, кухмистерскими обѣдами. Нѣкоторый «ригоризмъ» еще оставался въ этой молодежи, быть можетъ, какъ безсознательный остатокъ идей и настроеній 1860-хъ годовъ.

Это настроеніе выплыло съ новой силой и яркостью въ такъ называемомъ толстовствѣ, о которомъ я поговорю въ связи съ моими воспоминаніями о Л. Н. Толстомъ, а теперь передамъ мое краткое знакомство съ Глѣбомъ Ивановичемъ Успенскимъ и маленькій эпизодъ съ одной моей замѣткой о немъ.

XI.

Знакомство съ Глѣбомъ Ивановичемъ Успенскимъ.—Моя замѣтка противъ него и ея печальныя послѣдствія.—Два слова о В. О. Португаловѣ.

Однажды я получилъ отъ Н. П. Вагнера письмо, посланное по его адресу, но обращавшееся «къ редакціи» тогдашней «Мысли». Письмо это было отъ Глѣба Ивановича Успенскаго. Онъ предлагалъ помѣстить въ «Мысли» очеркъ, начатый имъ, но еще не оконченный о дѣтскихъ типахъ крестьянскихъ школъ. Къ этому онъ добавлялъ, что «сейчасъ» нуждается въ деньгахъ и, если редакція можетъ ему дать авансомъ рублей 200, то онъ обѣщаетъ прислать ей свою работу листа на два, на три. Получить онъ желаетъ по 200 рублей за листъ.

Я въ то время имѣлъ очень скромный приходъ отъ «Мысли», едва покрывавшій самые необходимые расходы и обыкновенный гонораръ. Тѣмъ не менѣе, я рѣшилъ, что для Г. И. Успенскаго можно допустить экстраординарныя усилія, даже заемъ. Однако, по моимъ расчетамъ, болѣе 150 рублей за листъ редакція была не въ силахъ уплатить.

И вотъ я немедленно пошелъ къ Успенскому для сообщенія ему моего рѣшенія. Со мной поѣхала одна моя хорошая знакомая, принимавшая горячее участіе въ моихъ дѣлахъ и журналѣ, слу-

шательница врачебныхъ курсовъ, Е. К. В.; ей просто хотѣлось видѣть вблизи Г. И. Успенскаго, котораго всѣ мы очень любили, какъ писателя, но мало знали, какъ человѣка. Онъ почти не жилъ въ Петербургѣ и, во всякомъ случаѣ, не бывалъ ни на какихъ обѣдахъ и журъ-фиксахъ.

Жилъ онъ въ очень маленькой квартиркѣ съ весьма скудной мебелью. Комнатка, въ которую онъ ввелъ насъ, служившая ему, повидимому, рабочимъ кабинетомъ, не имѣла даже письменнаго стола, который замѣнялся круглымъ, простымъ обѣденнымъ столомъ съ откидными полами, окрашеннымъ въ темно-красную краску. Столъ былъ приставленъ къ старенькому дивану.

Глѣбъ Ивановичъ замѣтилъ, что у него ужасный безпорядокъ, такъ какъ онъ живетъ на бивуакахъ; жена его до сихъ поръ была учительницей въ деревенской школѣ, и только теперь они хотятъ устроиться въ городѣ, etc., etc.

Тутъ же онъ приступилъ къ разговору о предполагаемой имъ статьѣ, матеріаломъ которой, кромѣ его личныхъ наблюденій, послужатъ тетрадки учениковъ-крестьянъ, собранныя и сохраненныя его женой.

Я сказалъ, что буду очень счастливъ, если онъ дастъ такую статью, но тутъ же объяснилъ ему вполнѣ откровенно и искренно скромное положеніе журнала, небольшой (сравнительно) кругъ его подписчиковъ, что обусловливалось самымъ типомъ журнала, его преимущественно научнымъ характеромъ, приспособленнымъ для популяризаціи знаній всякаго рода среди провинціальной деревенской интеллигенціи и учащейся молодежи.

Онъ безъ всякихъ пререканій согласился на предложенную мною цифру, сказавъ, впрочемъ, въ самомъ началѣ, что послѣ того, какъ онъ написалъ письмо въ нашу редакцію, его обстоятельства, повидимому, измѣняются, такъ какъ Салтыковъ выразилъ намѣреніе удовлетворить его нужду въ довольно крупномъ авансѣ. «Если я,—прибавилъ онъ,—получу эти деньги изъ редакціи «Отечественныхъ Записокъ», то мнѣ уже не будетъ времени поработать и для вашего журнала, хотя я очень желалъ бы этого. Впрочемъ, я постараюсь урвать у себя время, только навѣрное обѣщать не могу».

Въ концѣ концовъ мы порѣшили, что я на всякій случай буду имѣть деньги наготовѣ, а онъ извѣститъ меня, если онѣ ему понадобятся.

Мы разстались, повидимому, съ самыми лучшими чувствами другъ къ другу. На меня, по крайней мѣрѣ, Глѣбъ Ивановичъ произвелъ чрезвычайно симпатичное впечатлѣніе всѣмъ, что я видѣлъ, и что онъ говорилъ. Его скромность, даже застѣнчивость были просто поразительны, такъ какъ въ то время онъ былъ уже однимъ изъ самыхъ любимыхъ писателей. Его болѣе, чѣмъ скромная

обстановка дополнила это впечатлѣніе: «вотъ настоящій человѣкъ идеи!» думалъ я, уходя отъ него.

Вскорѣ я получилъ отъ него второе письмо, очень милое [1]), въ которомъ онъ извѣщалъ, что устроилъ свое финансовое дѣло, ѣдетъ въ деревню и не отказывается отъ своего желанія дать свой очеркъ нашему журналу, который очень уважаетъ.

Послѣ этого прошло нѣсколько лѣтъ. Глѣбъ Ивановичъ, живя въ деревнѣ и наблюдая крестьянъ вблизи, приходилъ въ своихъ очеркахъ къ воззрѣніямъ на крестьянство все болѣе и болѣе пессимистическимъ. А у меня, наоборотъ, какъ разъ къ этому времени, все сильнѣе возростала вѣра въ народъ.

Лѣтомъ, если не ошибаюсь, 1882 года, я жилъ на дачѣ въ Теріокахъ, по сосѣдству жилъ Юзовъ, и наши постоянныя бесѣды о народѣ и его судьбахъ особенно высоко подняли мое «народническое» настроеніе. Какъ разъ въ это время получилась книжка «Отечественныхъ Записокъ», въ которой былъ помѣщенъ новый очеркъ Успенскаго: въ немъ пессимизмъ дошелъ до своего апогея. Описывая одного старосту-крестьянина, Глѣбъ Ивановичъ выражался буквально такъ: «русскій крестьянинъ — особь опасная своею дикостью и глупостью».

Послѣднее выраженіе поразило меня почти до слезъ. «Какъ,— думалъ я,—такой знатокъ народа, глубоко любившій его, и говорить не о простомъ «невѣжествѣ» русскаго крестьянина, которое можно исцѣлить, и не о «дикости» только, которая можетъ исчезнуть, благодаря культурѣ, — онъ говоритъ о «глупости», которая не исцѣлима, что выразилъ и народъ въ своей пословицѣ: «пьяный проспится, дуракъ — никогда!»

Статья была прочтена еще разъ вмѣстѣ съ Юзовымъ, который, конечно, былъ пораженъ ею не меньше меня. Подъ горячимъ впечатлѣніемъ я набросалъ очень рѣзкую замѣтку, полную страстныхъ упрековъ по адресу глубоко любимаго и уважаемаго писателя. Однако, когда первое впечатлѣніе отъ его статьи улеглось, и когда моя замѣтка была дана на обсужденіе небольшого кружка, собиравшагося у меня иногда на дачѣ, между прочимъ, и кое-кому изъ учащейся женской молодежи, то мы общимъ голосомъ рѣшили— подождать ее печатать: быть можетъ, это, какъ говорится, сорвалось въ минуту какого нибудь тяжелаго впечатлѣнія отъ очень возмутительнаго факта. Быть можетъ, послѣдующіе очерки загладятъ это впечатлѣніе.

И вдругъ, дня черезъ два я получилъ изъ Самары письмо отъ извѣстнаго популяризатора, д-ра Веніамина Осиповича Португалова. Онъ горячо протестовалъ противъ «очевиднаго поворота» въ идеяхъ Успенскаго; обращалъ мое вниманіе на рядъ такихъ же

---

[1]) Оба письма хранятся у меня и до сихъ поръ.

его выходокъ, а въ заключеніе прибавлялъ, что видитъ въ этомъ вліяніе нѣкоей компаніи очень богатыхъ буржуа-милліонеровъ, у которыхъ гостилъ въ то время въ Самарской губерніи Успенскій. Португаловъ прибавлялъ (не знаю, какъ очевидецъ ли, или же только по слухамъ) сценку времяпрепровожденія въ домѣ у этихъ милліонеровъ, которые де развлекаются остроумными бесѣдами талантливаго и впечатлительнаго писателя, для котораго де даже полезно будетъ, если кто нибудь скажетъ искреннее горячее слово противъ его послѣднихъ очерковъ.

Это письмо прекратило мои колебанія. Я не только рѣшилъ напечатать статью, но и вставилъ въ нее два-три намека о причинѣ поворота въ идеяхъ Успенскаго, какъ ее объяснялъ Португаловъ. Португалову я вѣрилъ. Мнѣ казалось, что у него не можетъ существовать никакой побочной цѣли—писать неправду о Глѣбѣ Ивановичѣ, и что письмо его ко мнѣ проникнуто исключительно желаніемъ помочь самому Успенскому взглянуть со стороны на свое новое настроеніе.

Я и теперь увѣренъ, что Португаловъ былъ совершенно искрененъ. Но впослѣдствіи я имѣлъ случай убѣдиться, что онъ черезчуръ горячъ и способенъ увлекаться подозрительными настроеніями, при которыхъ уже не знаетъ пощады, преувеличиваетъ факты, видитъ ихъ въ одностороннемъ освѣщеніи и, такимъ образомъ, можетъ быть несправедливъ совершенно искренно и невольно. Наконецъ, я узналъ впослѣдствіи и тѣхъ лицъ, у которыхъ гостилъ въ то время въ Самарской губерніи Г. И. Успенскій. Эти, по словамъ Португалова, буржуа-милліонеры оказались очень развитыми, интеллигентными людьми, самоотверженно отдававшими десятки, а, быть можетъ, и сотни тысячъ на учащуюся молодежь, школы, на изученіе быта сибирскихъ рабочихъ, на поддержку писателей, журналовъ и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, оказалось совсѣмъ не то, что писалъ мнѣ Португаловъ. Но дѣло было сдѣлано, статья напечатана!.. Много лѣтъ потомъ мнѣ не хотѣли простить ее, хотя я и объяснилъ всѣ свои мотивы, всѣ условія, при которыхъ статья была написана, объяснилъ въ письмѣ, посланномъ въ отвѣтъ на письмо одного изъ выдающихся нашихъ писателей-публицистовъ, горячо обвинявшаго меня за эту замѣтку.

Этого мало: три лица, изъ которыхъ двое писали въ моемъ журналѣ, а имя третьяго стояло на обложкѣ въ числѣ сотрудниковъ, выразили свой протестъ противъ моей замѣтки, напечатавъ въ газетахъ, что выходятъ изъ состава моихъ сотрудниковъ. Въ письмѣ ихъ былъ намекъ, что у меня была какая-то «задняя мысль» въ этой замѣткѣ. Я немедленно предложилъ имъ черезъ газеты третейскій судъ, ставя условіемъ, что, если они не примутъ этого суда, то это будетъ считаться признаніемъ съ ихъ стороны клеветы противъ меня. Двое изъ нихъ, А—въ и Г—нъ, промолчали на этотъ

вызовъ, а третій, Б—чъ, хотя и выразилъ согласіе на третейскій судъ, однако назвалъ имена двухъ писателей, которые фактически не могли принять на себя роли, предназначенной для нихъ. Такъ дѣло это и заглохло, но въ публикѣ, не знавшей его подробностей, должно было составиться впечатлѣніе, неблагопріятное для меня и которое могло повредить журналу...

Комментаріи къ этому инциденту излишни, но онъ такъ ярко характеризуетъ нашу русскую способность разъединяться, враждовать, не разбирая иногда мотивовъ вражды, что я не счелъ возможнымъ промолчать объ этомъ случаѣ. Быть можетъ, для далекаго будущаго онъ освѣтитъ нравственное положеніе писателя нашего времени въ дополненіе къ его незавидному общественному положенію.

XII.

Исторія «Пушкинскаго кружка».—Его первый періодъ; его второй періодъ, «Плещеевскій»; столкновеніе Минаева съ Терпигоревымъ, третій періодъ съ А. Н. Пальмомъ во главѣ, а затѣмъ съ Н. А. Л—нымъ.— Попытка поднять его при помощи Всеволода Михайловича Гаршина.—Уходъ Гаршина и полное паденіе.— Впечатлѣніе отъ личности Гаршина и небольшая характеристика этой личности.

Я уже упоминалъ о «Пушкинскомъ кружкѣ», по поводу А. Н. Плещеева. Теперь разскажу нѣсколько подробнѣе исторію этого кружка, такъ какъ онъ игралъ нѣкоторую роль, если не въ дѣлѣ улучшенія общественнаго и моральнаго положенія писателей, то въ дѣлѣ доставленія кое-какого отдыха и развлеченія послѣ тяжкой умственной работы. А, вѣдь, и это дѣло немалое!

Образовался этотъ кружокъ и получилъ разрѣшеніе существовать офиціально, благодаря усиліямъ и хлопотамъ маленькихъ литературныхъ работниковъ, въ то время почти неизвѣстныхъ въ въ «большой» литературѣ. Представители этой послѣдней знали только по слухамъ, что этотъ «кружокъ» собирается въ «Знаменской гостиницѣ», носящей теперь названіе «Сѣверной», что тамъ читаютъ что-то, веселятся и танцуютъ. Не помню уже, сколько времени просуществовалъ этотъ кружокъ, годъ или два, когда нѣкоторые писатели (и въ томъ числѣ я и Плещеевъ) получили отъ его членовъ приглашеніе принять въ немъ участіе. Какъ я уже говорилъ, въ слѣдующемъ же послѣ этого собраніи, Плещеевъ былъ избранъ предсѣдателемъ кружка, а я — товарищемъ предсѣдателя. Былъ избранъ и новый совѣтъ. Первой реформой новаго состава кружка было то, что чтенія, происходившія въ немъ, были урегулированы слѣдующимъ образомъ: имъ была посвящена первая треть вечернихъ собраній, и эта первая треть дѣлилась на двѣ части: въ первой читались произведенія и отрывки изъ произведеній ка-

кихъ нибудь классиковъ и прославившихся новѣйшихъ писателей, во второй—произведенія членовъ кружка. Программа этихъ чтеній составлялась совѣтомъ. Вторая треть вечера посвящалась музыкѣ и пѣнію, третья танцамъ, которые длились иногда далеко за полночь.

Входъ на эти вечера допускался только по рекомендаціи членовъ, но посторонніе лица должны были вносить небольшую входную плату, если не ошибаюсь, не болѣе 25 копеекъ, да и то, кажется, одни только мужчины. Собирались по большей части въ обширной залѣ той же Знаменской гостиницы, съ прилегавшими къ ней отдѣленіями, въ видѣ гостиныхъ. Залъ былъ въ два свѣта, довольно изящный по отдѣлкѣ. Но когда нужно было, для усиленія средствъ, устроивать болѣе многолюдные вечера, то брали залъ Павловой, на Троицкой улицѣ, и плата повышалась до 50 копеекъ.

Вечера проходили очень прилично и весело, хотя рѣдкій вечеръ собиралось менѣе 100 человѣкъ. Были вечера «Лермонтовскіе», «Тургеневскіе», «Достоевскаго» и т. п., смотря по тому, какой изъ писателей занималъ своими произведеніями первую часть вечера. Явились и любители декламаторы. Иногда выступали исполнителями и исполнительницами извѣстные актеры и актрисы (такъ, нѣсколько разъ читала Стрепетова и др.). Каждому чтенію предшествовалъ коротенькій рефератъ о томъ писателѣ, которому былъ посвященъ вечеръ. Эти рефераты брали на себя различныя лица. О Достоевскомъ, напримѣръ, читалъ О. Миллеръ. Въ чтеніяхъ принимали участіе Всеволодъ Гаршинъ, поэтъ Н. Минскій, Терпигоревъ (Сергѣй Атава), Плещеевъ, Пальмъ, Крыловъ (драматургъ), Надсонъ, Позняковъ, Соймоновъ и мн. др.

Изъ музыкантовъ особенно часто услаждалъ насъ своей игрой покойный Эдуардъ Юльевичъ Гольдштейнъ, который взялъ на себя завѣдываніе музыкальной частью и поставилъ ее очень хорошо.

Для танцевъ играли на рояли, а иногда и на двухъ рояляхъ любители. Однажды, я помню, былъ сыгранъ экспромтомъ вальсъ въ восемь рукъ, и главную партію въ немъ фантазировалъ Э. Ю. Гольдштейнъ.

Поэтому можно судить, какъ дружно и единодушно шли въ это время дѣла кружка. На его вечерахъ можно было встрѣтить самыхъ выдающихся представителей нашей журналистики, конечно, не изъ стариковъ.

И вдругъ, какъ я уже говорилъ, послѣ инцидента съ однимъ подвыпившимъ поэтомъ, надѣлавшимъ дерзости А. Н. Плещееву, кружокъ сталъ сперва медленно, а потомъ и быстро разлагаться.

Но прежде, чѣмъ перейду къ описанію этого второго (или, вѣрнѣе, третьяго) періода въ исторіи кружка, разскажу объ одномъ торжественномъ ужинѣ, устроенномъ его совѣтомъ въ залѣ Знаменской гостиницы, въ годовщину Пушкина.

Ужинъ отличался не только многолюдствомъ, но и большой оживленностью: въ честь Пушкина читались стихи, говорились рѣчи. Но въ концѣ его случился инцидентъ, какъ бы предвѣщавшій грядущее разложеніе. Въ числѣ ужинающихъ былъ извѣстный поэтъ Минаевъ. Онъ славился своими экспромптами. И вотъ группа лицъ, сидѣвшихъ съ нимъ рядомъ, и въ томъ числѣ Терпигоревъ,—стали просить его сказать какой нибудь экспромптъ.

Минаевъ былъ уже навеселѣ, но, тѣмъ не менѣе, подумавъ немножко, громко продекламировалъ слѣдующее четверостишіе:

Я Пушкина воспѣть не въ состояньи,
Но Терпигорева могу:
Когда нибудь, на невскомъ берегу
Я воспою его дѣянья.

Сперва Минаеву аплодировали, аплодировалъ и Терпигоревъ, но къ концу ужина между нимъ и Минаевымъ завязался крупный разговоръ: Терпигоревъ требовалъ, чтобы Минаевъ объяснилъ громко и при всѣхъ, какія его «дѣянія» имѣлъ въ виду Минаевъ въ своемъ экспромптѣ. Ссорившихся пытались успокоить, но разговоръ становился все громче и громче. Едва-едва удалось уговорить Минаева перейти въ одну изъ маленькихъ гостинныхъ, гдѣ онъ и заснулъ. Терпигоревъ же уѣхалъ разстроенный и обиженный.

Считаю нужнымъ добавить, что не этотъ случай и вообще не поэтъ Минаевъ были причиной отказа Плещеева отъ предсѣдательства. Минаевъ очень рѣдко бывалъ въ кружкѣ.

По выходѣ Плещеева, предсѣдателемъ былъ избранъ А. И. Пальмъ (извѣстный романистъ и драматургъ), а я оставался товарищемъ предсѣдателя. Въ этотъ періодъ, вечера кружка нѣсколько измѣнили свой характеръ въ томъ отношеніи, что на подмосткахъ его чаще стали появляться не только артисты драматической труппы, но и артисты русской оперы: одинъ разъ была даже поставлена сцена изъ «Русалки» Даргомыжскаго, съ декораціей лѣса и въ костюмахъ.

Все это вызывало значительные расходы, тогда какъ приходъ былъ почти такой же, какъ прежде. Кромѣ того, кружекъ сталъ терять свой простой, интимный характеръ, въ которомъ преобладалъ литературный элементъ.

Не помню, вслѣдствіе чего Пальмъ отказался также отъ предсѣдательства, а на его мѣсто былъ избранъ Н. А. Л—нъ. Новый предсѣдатель держался того взгляда, что главной цѣлью кружка должно быть во всякомъ случаѣ то, чтобы въ немъ было весело. А потому литературную часть сократили еще больше, въ ней утратилась прежняя систематичность, но зато расширилась вокальная часть. Однажды на его подмосткахъ выступила какая-то прі-

ѣзжая пѣвица малороссійскихъ романсовъ, правда, очень хорошенькая и къ которой весьма шелъ малороссійскій костюмъ, но пѣніе которой относилось уже не къ серьезной музыкѣ, а скорѣе къ шансонеткѣ.

Впрочемъ, о возможности допустить шансонетку на подмостки кружка стали уже говорить открыто: «вѣдь, это будетъ весело и привлечетъ публику»,—слышались голоса.

Ѳ. Ю. Гольдштейнъ отказался отъ завѣдыванія музыкальной частью, и она составлялась изъ случайныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, привезенныхъ кѣмъ нибудь и часто никому неизвѣстныхъ.

Я сдѣлалъ еще одно усиліе, чтобы направить кружокъ на болѣе серьезный путь и съ этой цѣлью предложилъ во-первыхъ, пригласить въ кружокъ Вс. Гаршина и избрать его предсѣдателемъ; во-вторыхъ, я составилъ проектъ устава общества взаимнаго кредита среди писателей и старался провести этотъ проектъ на одномъ изъ собраній.

Курьезно окончилось это мое начинаніе: одинъ изъ членовъ, М. О. Михневичъ, припомнилъ, что имъ съ нѣсколькими другими лицами, въ томъ числѣ и Гр. Константиновичемъ Градовскимъ, уже былъ когда-то составленъ проектъ подобнаго устава, и потому де лучше воспользоваться тѣмъ прежнимъ, вполнѣ выработаннымъ уставомъ, чѣмъ вырабатывать новый по моему проекту. Его мысль горячо поддерживалъ Гр. Константиновичъ Градовскій и нѣкоторые другіе члены кружка. При этомъ я могъ замѣтить, что большинство было не на моей сторонѣ, вѣроятно, возстановленное противъ меня моими постоянными протестами противъ новаго направленія, воцарившагося въ кружкѣ. Мой проектъ провалился, а о проектѣ Михневича и Градовскаго съ тѣхъ поръ не было ни слуха ни духа.

Второе мое предположеніе устроить собраніе подъ предсѣдательствомъ Гаршина состоялось, но привело къ неожиданнымъ результатамъ. Дѣло въ томъ, что многіе изъ писателей заявляли мнѣ лично неудовольствіе на то, что въ кружкѣ оказались членами и такія лица, которыя не имѣютъ почти никакого прямого участія въ литературѣ (напримѣръ, типографщики), а также и лица, общеніе съ которыми не особенно желательно и вообще непріятно для наиболѣе почтенныхъ и выдающихся представителей печати. Такъ, напримѣръ, двое изъ такихъ представителей прямо заявляли мнѣ, что охотно посѣщали бы кружокъ и даже пошли бы въ предсѣдатели, если бы не было въ кружкѣ такого-то (имя рекъ).

Я полагалъ, что всѣ это хорошо понимаютъ, и придумалъ слѣдующую мѣру, которая могла бы очистить кружокъ отъ нежелательныхъ элементовъ косвеннымъ путемъ, не оскорбляя ничьего самолюбія. Я предложилъ избрать комиссію для провѣрки литературныхъ правъ всѣхъ членовъ кружка, а для этого составить

этой комиссіи инструкцію, опредѣляющую точно, что должно считаться достаточнымъ литературнымъ правомъ.

Не знаю, быть можетъ, я не особенно точно выразилъ мою мысль, или же противъ нея была подготовлена нѣкоторыми коалиція заранѣе, но цѣлый рядъ ораторовъ выступилъ противъ моей мысли, при чемъ въ ихъ рѣчахъ она была совершенно извращена: мнѣ приписывали намѣреніе— сдѣлать кружокъ олигархическимъ учрежденіемъ, въ которое члены будутъ допускаться по количеству написаннаго ими, такъ что все молодое и свѣжее литературное поколѣніе, написавшее еще немного, будетъ исключено.

Мнѣ и въ голову не приходило ничего подобнаго! Я просто надѣялся, что предполагаемая мною комиссія, руководясь извѣстными принципами, очиститъ кружокъ отъ нежелательныхъ элементовъ, попавшихъ туда въ первый періодъ существованія кружка, когда принимали въ члены почти безъ разбора, лишь бы составить достаточный контингентъ участвующихъ.

Къ сожалѣнію, и Гаршинъ, съ которымъ я не успѣлъ переговорить заранѣе, не уловилъ скрытаго смысла моего предложенія. А когда изъ рѣчей моихъ противниковъ онъ увидѣлъ, что моя мысль клонится (какъ они говорили) къ «аристократизаціи кружка по числу написанныхъ листовъ», то-есть, когда ему показалось, что я хочу устранить изъ кружка молодыхъ и начинающихъ авторовъ, онъ самъ присоединился къ мнѣнію моихъ противниковъ. Рѣчь онъ сказалъ очень мягкую, задушевную, примиряющую, но именно эта мягкость и примирительный тонъ, доказывавшій его полное безпристрастіе,—уже окончательно доконали мое непонятое предложеніе. Нѣкоторые члены прямо сочли себя обиженными мною; одинъ владѣлецъ типографіи принялъ мое предложеніе на счетъ самого себя и своихъ коллегъ и шумно удалился изъ собранія, заявляя, что онъ уходитъ самъ, пока его не выгнала комиссія. Два-три лица послѣдовали его примѣру.

Я заявилъ послѣ этого собранію, что выхожу изъ кружка.

Дальнѣйшіе дни его были и послѣдними его днями. Случился инцидентъ, доходившій даже до судебнаго слѣдователя: одинъ изъ членовъ совѣта утверждалъ, что передалъ 200 рублей, принадлежащихъ кружку, другому члену совѣта; этотъ послѣдній отрицалъ полученіе. Возбудилось дѣло, но его постарались замять, а кружокъ прекратился самъ собою, завялъ и засохъ.

Въ заключеніе этой «исторіи Пушкинскаго кружка» мнѣ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ о впечатлѣніи, которое производилъ на меня Всеволодъ Гаршинъ въ это время. Трудно представить себѣ болѣе симпатичнаго впечатлѣнія, къ которому бы не примѣшивалось ничего—ни малѣйшихъ сомнѣній или диссонансовъ въ безусловной чистотѣ и даже красотѣ человѣческой личности! Да, Гаршинъ былъ, по-моему, настолько же прекрасенъ душой,

какъ онъ былъ прекрасенъ и своей внѣшностью. Что-то дѣтски-задумчивое, кроткое, мягкое, изящное безъ всякой мысли объ изяществѣ было и въ его лицѣ, и въ глазахъ, и въ голосѣ, и въ каждомъ словѣ, которое онъ говорилъ.

Необычайная правдивость, искренность, простота, совершенное отсутствіе смущенія или волненія, какія бываютъ даже у самыхъ выдающихся людей, если они самолюбивы и помнятъ о «себѣ», о сохраненіи своего достоинства или уваженія окружающихъ. Въ Гаршинѣ чувствовалось, что онъ совсѣмъ не думаетъ о себѣ, что онъ весь отдается тому дѣлу или вопросу, или предмету, или лицу, на которомъ остановилось его вниманіе.

Мнѣ припоминается одинъ маленькій случай, который, какъ весьма часто именно маленькіе случаи, освѣщаетъ эту черту въ личности Гаршина, черту, состоящую въ способности отдаваться какому либо предмету, какъ отдаются только дѣти. А, вѣдь, дѣти— самые великіе, чистые и безкорыстные наблюдатели и созерцатели жизни, ея явленій и окружающихъ предметовъ.

Дѣло было въ моей квартирѣ, вскорѣ послѣ Святой недѣли. Мы собрались въ засѣданіе комитета. Былъ и Гаршинъ. На небольшомъ столѣ, за которымъ мы сидѣли, стояла металлическая пепельница, въ видѣ разбитаго яйца, подаренная мнѣ кѣмъ-то на Пасху. Яйцо было устроено такъ, что становилось само собою на свой широкій конецъ, и, какъ бы вы ни опрокидывали его, оно вновь принимало прежнее положеніе. Гаршинъ заинтересовался этимъ яйцомъ, какъ ребенокъ, пока мы еще не начали засѣданія. Во время засѣданія, тянувшагося часа полтора, онъ съ такимъ же полнымъ самозабвеніемъ отдался вопросамъ, подлежавшимъ нашему разсмотрѣнію. Но когда мы окончили засѣданіе, Гаршинъ вновь вспомнилъ о яйцѣ, подошелъ къ маленькому столику и нѣсколько разъ старался повалить пепельницу, улыбаясь тому, что она вставала. —Вотъ интересная пепельница! —воскликнулъ онъ, наконецъ, и въ голосѣ его чувствовалось чисто-дѣтское удовольствіе.

И тотъ же человѣкъ, идя какъ-то вечеромъ по улицѣ со своей женой (въ то время слушательницей женскихъ врачебныхъ курсовъ) и съ нѣсколькими своими знакомыми, былъ привлеченъ уличной сценой: какой-то господинъ требовалъ, чтобы городовые взяли указываемую имъ молодую дѣвушку и отвели въ участокъ, такъ какъ онъ обвиняетъ ее въ недозволенномъ уличномъ промыслѣ. Суровый господинъ называлъ себя членомъ комитета, заботящагося о нѣкоторыхъ санитарныхъ условіяхъ столицы. Женщина (или дѣвушка) горько плакала, говорила, что она ни въ чемъ не виновата, просила отпустить ее и т. д.

Гаршинъ принялъ горячее участіе въ этой несчастной. Онъ тутъ же, поздно вечеромъ, отправился съ женой и со своими зна-

комыми въ участокъ вслѣдъ за арестованной, потребовалъ, чтобы и его показаніе было внесено въ протоколъ, и затѣмъ, когда дѣло перешло къ мировому судьѣ, аккуратно являлся на засѣданія въ качествѣ свидѣтеля въ пользу бѣдняжки, съ которой поступили дѣйствительно несправедливо и обходились очень грубо при ея задержаніи.

Тутъ мы видимъ ту же беззавѣтность, ту же горячую, молодую способность отдаваться влеченію своей души. Но только здѣсь это влеченіе было глубоко-гуманное, какъ и все, что выходило изъ-подъ пера Гаршина. И важнѣе всего то, что такія влеченія у него были не увлеченіями, т. е. не мимолетными или скоропреходящими порывами. Нѣтъ, они глубоко западали въ его душу, заставляли вновь возвращаться къ предмету или вопросу, которые его заинтересовывали, пока этотъ вопросъ или предметъ не будетъ вполнѣ понятъ, исчерпанъ или ассимилированъ.

Насколько я понимаю сущность художественнаго творчества, эти свойства являются самыми необходимыми элементами высшаго художественнаго и поэтическаго таланта. Только такіе таланты даютъ намъ не поверхностныя, такъ сказать, фотографическія черты явленія, предмета, событія, а самую ихъ душу, ихъ идею, ихъ настроеніе (если можно такъ выразиться). И таковы именно всѣ произведенія Гаршина. Подъ его взглядомъ дѣлались живыми, полными глубочайшаго и высшаго смысла — и пальма ботаническаго сада, и жаба, и сорванная роза, и жуки, и русскій раненый солдатикъ, забытый на полѣ сраженія, и несчастный желѣзнодорожный сторожъ.....

Сколько великихъ произведеній могъ дать намъ этотъ чудный человѣкъ, если бы смерть не отняла его такъ рано у Россіи!

XIII.

Терпигоревъ (Сергѣй Атава).—Его отличительныя черты въ домашней жизни.—Его гостепріимство, любовь къ народу и горячее, искреннее отношеніе къ своему писательству.

Сообщу теперь мои воспоминанія о другомъ крупномъ талантѣ и горячемъ, искреннемъ человѣкѣ, о которомъ теперь уже рѣдко вспоминаютъ. А между тѣмъ въ его произведеніяхъ, несмотря на ихъ почти неизмѣнную связанность съ крѣпостнымъ помѣщичьимъ бытомъ, есть много «вѣчнаго», общечеловѣческаго, глубокаго: я говорю о Терпигоревѣ.

Въ Терпигоревѣ, какъ и въ Тургеневѣ, были наслѣдственныя черты барина, помѣщика, а, между тѣмъ, это были совершенно различные типы.

У Терпигорева не было ни утонченности манеръ и обращенія, свойственныхъ барамъ, воспитаннымъ подъ строгимъ надзоромъ иностранныхъ гувернантокъ, хотя изъ очерковъ его видно, что у него были и гувернеры, и гувернантки. Но изъ тѣхъ же очерковъ (напримѣръ, «Дьяконъ») видно, что эти воспитатели его дѣтства были и «люди», въ лучшемъ смыслѣ этого слова, люди съ извѣстными общественными убѣжденіями, ненавидѣвшіе рабство и насиліе. Манеры Терпигорева, вся его фигура, нѣсколько разжирѣвшая, носили слѣды степного добродушія и гостепріимства, однимъ словомъ, того типа русскихъ баръ, которые любили жить весело, окружать себя гостями и ничего не жалѣли, чтобы ихъ накормить и напоить. Такіе помѣщики страстно любили охоту, охотничьихъ собакъ, любили красивыхъ, рослыхъ, здоровыхъ русскихъ женщинъ, любили сытно и вкусно поѣсть, но опять таки по-русски, безъ французскихъ утонченностей, любили и выпить прилично и опять въ русскомъ вкусѣ: предпочитая иногда «березовку» или «смородиновку», рецептъ которыхъ передается отъ поколѣнія къ поколѣнію,— какому нибудь утонченному французскому вину.

Всѣ эти черты и были у Терпигорева. Въ первый же разъ, какъ онъ пригласилъ меня къ себѣ посидѣть вечеромъ, я засталъ у него нѣсколько человѣкъ гостей, въ томъ числѣ извѣстнаго московскаго публициста Приклонскаго. Живая бесѣда скрашивалась обильными яствами и возліяніями, при чемъ я, никогда не пьющій водки и настоекъ, съ наслажденіемъ выпилъ именно «березовки», а затѣмъ «смородиновки», совершенно необыкновенныхъ: отъ «березовки» пахло настоящими, только что распустившимися березовыми молодыми листочками, и каждая капля ея переносила васъ въ деревню, въ березовую аллею, ранней весной, когда каждый листокъ распространяетъ ароматъ. «Смородиновка» переносила ваше воображеніе въ фруктовый садъ, гдѣ среди яркой, густой травы разбросаны тѣнистые кусты крыжовника и черной смородины. Терпигоревъ сейчасъ же объяснилъ способъ приготовленія этихъ чудодѣйственныхъ нектаровъ: «нужно де собрать первые листочки, но не класть ихъ тогда же въ водку, а сохранять и только за два дня до употребленія настаивать ими вино. Тогда и получится этотъ естественный ароматъ!»

Въ первый разъ я былъ у него въ городской квартирѣ, а въ послѣдующіе за городомъ, у Строгонова моста, гдѣ онъ занималъ цѣлый барскій деревянный домъ, съ колоннами и садомъ, обращенный фасадомъ на красавицу Неву.

Терпигоревъ сумѣлъ, такимъ образомъ, устроить себѣ и въ Петербургѣ вполнѣ барскую усадьбу. Отсюда онъ чуть не ежедневно путешествовалъ въ Петербургъ «для моціона», показывался на Невскомъ среди толпы гуляющихъ, наблюдалъ эту толпу, встрѣчался съ знакомыми, останавливалъ ихъ, бесѣдовалъ и опять шелъ,

заканчивая прогулку завтракомъ или обѣдомъ, по большей части, въ ресторанѣ «Афганистанъ» (около Пассажа), куда и меня затащилъ раза два.

Въ своей усадьбѣ у Строгонова моста онъ также любилъ устроивать обѣды, «блины» и т. п. Разъ, на такихъ блинахъ, я встрѣтилъ В. А. Гольцева (изъ Москвы).

Я пришелъ нѣсколько рано. Терпигоревъ заканчивалъ съ своемъ кабинетѣ, стоя у высокой конторки, какой-то фельетонъ, который очень волновалъ его, какъ и все, что выходило изъ-подъ его пера. Въ этомъ фельетонѣ онъ полемизировалъ съ княземъ Мещерскимъ по поводу проповѣди этого послѣдняго о необходимости розогъ для мужика.

Онъ попросилъ меня «чуточку посидѣть», такъ какъ онъ сейчасъ кончитъ,—далъ мнѣ альбомъ фотографій съ своихъ собакъ, выставленныхъ на послѣдней выставкѣ, но живой, страстный темпераментъ не позволилъ ему писать покойно. Онъ безпрестанно прерывалъ себя, прочитывая мнѣ вслухъ тѣ мѣста изъ своей полемики, которыя были особенно удачны и били мѣтко противника. Съ общимъ содержаніемъ фельетона онъ познакомилъ меня ранѣе, тотчасъ по моемъ приходѣ.

На Терпигоревѣ была широкая красная кумачевая рубашка, подпоясанная «святымъ» пояскомъ съ молитвой, какіе обыкновенно продаютъ въ монастыряхъ и особенно любимы крестьянами. Тотъ негодующій юморъ, съ какимъ онъ разсказалъ мнѣ о разбираемой имъ статьѣ и о планѣ своихъ возраженій, тотъ добродушно-ядовитый смѣхъ, съ какимъ онъ прочитывалъ выдержки изъ своего фельетона, сказали бы каждому, что онъ пишетъ «всѣмъ нутромъ», всѣмъ сердцемъ, что онъ живетъ тѣмъ, что пишетъ.

Фельетонъ отправленъ, и Терпигоревъ сталъ мнѣ показывать свое хозяйство. А оно состояло изъ двухъ великолѣпныхъ черныхъ сетеровъ, получившихъ золотыя медали на послѣдней выставкѣ. Были показаны и эти медали. Терпигоревъ съ наслажденіемъ ребенка и настоящаго любителя заглядывался на своихъ чудныхъ героевъ, скакавшихъ къ нему на грудь и прыгавшихъ кругомъ. А я въ свою очередь любовался на его атлетическую фигуру въ красной рубашкѣ, на его не красивое, но доброе и милое лицо съ почти не исчезавшей улыбкой, сразу и добродушной и полной юмора.

Съ его женой (второй) я уже былъ знакомъ. Теперь, войдя къ намъ, въ комнату залитую свѣтомъ, она вновь заставила меня вспомнить первое впечатлѣніе отъ знакомства съ нею: это была сама жизнерадостность, здоровье, мощь, веселая привѣтливость и безпредѣльное гостепріимство! Терпигоревъ подобралъ себѣ и подругу жизни по своему характеру: въ ея присутствіи вы чувствовали себя дома среди друзей, которые готовы открыть вамъ всѣ свои кладовыя и

лари, чтобы вы были сыты, веселы, довольны... И вамъ невольно хотѣлось смотрѣть на ея высокую фигуру, полную, но безъ излишества, на ея пріятное лицо, пылавшее румянцемъ, на ея добрые, ласковые глаза. Совсѣмъ простой костюмъ, безъ всякихъ украшеній, какъ у всѣхъ городскихъ русскихъ женщинъ, заставлялъ васъ еще больше чувствовать себя дома и держаться безъ излишнихъ стѣсненій и свѣтскихъ формальностей.

Я не буду описывать «блиновъ», со всѣми принадлежностями къ нимъ, съ удивительной ухой и т. д.

Если я разсказываю обо всемъ этомъ, то исключительно затѣмъ, чтобы нѣсколько обрисовать типъ Терпигорева и его семьи, такъ какъ всѣ угощенія, предложенныя намъ и восхищавшія знатоковъ (а іхъ собралось человѣкъ десять-двѣнадцать), были приготовлены и сервированы самой хозяйкой. Согласіе между нею и хозяиномъ было, повидимому, безусловное, полное: ни малѣйшей тѣни недовольства; ни разу никакого замѣчанія съ его стороны или торопливости съ ея.

Но вы ошиблись бы, если бы подумали, что вся жизнь и душа Терпигорева были въ этомъ гурманствѣ, въ этихъ собакахъ. Нѣтъ, это былъ аксессуаръ, который, казалось, былъ ему такъ же необходимъ, какъ и воздухъ.

А содержаніе жизни давалось общественными вопросами, волновавшими въ то время прессу и на которые онъ откликался и въ жизни, и въ своихъ фельетонахъ со всей горячностью и подвижностью своего сангвиническаго темперамента.

Самое гурманство было у него особаго характера, болѣе симпатичное, чѣмъ обыкновенное, эгоистическое гурманство или сластолюбіе, которое мнѣ отвратительно. У него оно носило вполнѣ общественный характеръ, было формой гостепріимства, любви къ обществу и дружеской умной бесѣдѣ, которая для русскаго человѣка какъ-то не устраивается, если нѣтъ ѣды и питія. Даже изъ моихъ воспоминаній можно видѣть, что самый, такъ сказать, цвѣтъ русской интеллигенціи не можетъ сходиться для однѣхъ бесѣдъ: ему нуженъ обѣдъ или ужинъ, и тогда развязываются языки, начинаются рѣчи. Не даромъ же въ русскомъ народѣ сложилась поговорка: «сухая ложка ротъ деретъ». А Терпигоревъ былъ русскій человѣкъ до мозга костей...

Пожелаемъ же мира его праху! Онъ искренно, горячо, сердечно любилъ Россію и русскій народъ! Онъ страстно, насколько было въ его силахъ, боролся съ врагами этой любимой Россіи и ея народа!

XIV.

Н. С. Лѣсковъ.—Его характеристика, сдѣланная Терпигоревымъ.—Вѣрность этой характеристики.—Лѣсковъ въ городѣ и на дачѣ.

Нѣсколько инымъ и даже совсѣмъ инымъ представляется мнѣ Николай Семеновичъ Лѣсковъ, о которомъ тотъ же Терпигоревъ, большой мастеръ на опредѣленія людей, иногда неудобныя для печати, говорилъ, что тотъ не можетъ прикоснуться ни къ одному человѣку, не положивъ на него кусочекъ... дурно пахнущаго вещества...

У Лѣскова мнѣ пришлось быть два раза: въ первый разъ на городской квартирѣ, отдавая ему визитъ; во второй разъ на дачѣ, въ Шуваловѣ.

Въ городской квартирѣ меня поразила пестрота ея обстановки и убранства со множествомъ предметовъ русской археологіи или, попросту, русской старины, въ видѣ гравюръ, книгъ, полотенецъ, образовъ и т. п.

Все это было размѣщено съ извѣстнымъ вкусомъ, какъ на выставкѣ, и мнѣ почувствовалось, что нельзя жить уютно, полной, настоящей жизнью, среди этой искусственной обстановки. Быть можетъ, тутъ было и немало вещей цѣнныхъ по своей рѣдкости. Но, вѣдь, рѣдкость-то, прежде всего, и не есть сама по себѣ «цѣнность», т. е. удовлетвореніе живой потребности; рѣдкость цѣнна только по тому удовлетворенію, которое она даетъ своему собственнику: «вотъ молъ у меня есть какая вещь,—ни у кого другого нѣтъ такой».

И въ этой обстановкѣ (какъ это почти всегда бываетъ) сказывалась и сущность характера самого хозяина: онъ жилъ одиноко, жилъ для себя, хотя говорили, что у него есть деньги, и даже, что онъ изрѣдка даетъ ихъ подъ хорошее обезпеченіе.

Въ самыхъ его писаніяхъ сказывалось это свойство любителя рѣдкостей: онъ выбиралъ или подбиралъ такія фразы, такія слова, «какихъ ни у кого не встрѣчается», онъ рисовалъ типы, которые рѣдко встрѣчаются. Наоборотъ, ничто простое, обыкновенное, просто-жизненное, ему не было любо, вызывало въ немъ брезгливость или отвращеніе. Вы не найдете у него ни одного типа, ни одного лица, на которое бы онъ не положилъ «кусочекъ дурно пахнувшей грязи». Даже, описывая толстовцевъ, съ которыми онъ очень любезничалъ, часто посѣщая складъ «Посредникъ», бывшій ихъ средоточіемъ въ Петербургѣ, онъ сумѣлъ въ свои описанія подпустить достаточное количество яда и безжалостной насмѣшки. Вспомните описаніе ихъ костюма или фразу о нихъ одной изъ героинь разсказа: «не такъ страшенъ чортъ, какъ его малютки».

Только прислуга изъ толстовокъ вышла у него болѣе симпатичною, да и то потому, что къ женщинамъ онъ вообще былъ снисходительнѣе, чѣмъ къ мужчинамъ.

На дачѣ мнѣ пришлось у него быть по дѣлу. Только передъ тѣмъ онъ выразилъ большое сочувствіе къ моему журналу. Именно для журнала мнѣ, въ началѣ лѣта, крайне понадобилась небольшая сумма денегъ, которую легко было покрыть изъ полугодовой подписки. Всѣ говорили, что Лѣсковъ дастъ деньги взаймы, и что у него можно попросить. Вотъ я и поѣхалъ.

Дачу въ «Озеркахъ» онъ занималъ на прекрасномъ мѣстѣ, на возвышеніи, надъ озеромъ. Съ его стеклянной галлереи было видно все огромное озеро отъ края до края и необъятная зеленѣющая даль—парковъ, дачъ, садовъ, полей и, наконецъ, на горизонтѣ—финляндскихъ лѣсовъ...

Когда я пріѣхалъ, его не было дома. Меня встрѣтила очень изящная прислуга-нѣмка, говорившая ломанымъ русскимъ языкомъ, скромная, но ласковая, очень чисто одѣтая и очень недурная собой.

Она посовѣтовала мнѣ подождать Николая Семеновича, который уже полчаса тому назадъ долженъ былъ вернуться изъ города. Я остался, и Лѣсковъ дѣйствительно возвратился домой черезъ нѣсколько минутъ. Онъ прямо прошелъ въ свою комнату, гдѣ переодѣвался и умывался, а затѣмъ вышелъ ко мнѣ и принялъ меня очень привѣтливо, почти дружески. (Передъ этимъ въ моемъ журналѣ была напечатана его статья).

Въ рукѣ онъ держалъ какой-то небольшой предметъ, завернутый въ бумагу.

Поговоривъ со мной, онъ позвалъ нѣмку, которой сказалъ любезно, указывая на свертокъ:

— А это—подарокъ вамъ.

— Что такое?—улыбаясь жеманно, спросила она.

— А вотъ сейчасъ развернемъ.

Оказалось, что это былъ новоизобрѣтенный «пробникъ» для молока. Достаточно было налить на этотъ «пробникъ» немножко молока, и получался оттѣнокъ, позволяющій угадывать, чисто ли оно, или содержитъ какія нибудь подмѣси.

Нѣмка выразила или старалась выразить удовольствіе отъ такого подарка, «сдѣланнаго ей», какъ выразился Лѣсковъ.

Мнѣ это показалось тогда характеристичнымъ. Даже то, что было нужно прежде всего ему самому, онъ умѣлъ сдѣлать подаркомъ для другого.

Когда онъ впослѣдствіи посѣщалъ складъ «Посредникъ», просиживалъ тамъ по цѣлымъ часамъ, читалъ въ слухъ кое-что изъ своихъ произведеній, бесѣдовалъ или наблюдалъ чужія бесѣды и споры, мнѣ всегда вспоминался этотъ случай: онъ тоже дѣлалъ этимъ юношамъ «подарокъ», являясь запросто въ ихъ среду, но

дѣлалъ онъ все это для того, чтобъ намѣтить для себя новый матеріалъ и дать его подъ тѣмъ соусомъ, о которомъ говорилъ Терпигоревъ.

Въ противоположность Терпигореву, режимъ Лѣскова отличался чисто нѣмецкой скромностью: на завтракъ намъ дали по ломтику яичницы и по стакану молока, вѣроятно, уже испробованнаго на новомъ инструментѣ.

Наконецъ, я рѣшился приступить и къ разговору о деньгахъ.

Лѣсковъ улыбнулся, выслушавъ мой откровенный разсказъ о положеніи дѣла, а я былъ вполнѣ откровененъ, такъ какъ имѣлъ дѣло съ писателемъ, который еще недавно выражалъ горячее сочувствіе журналу: «значитъ, поможетъ,—думалъ я,—нужно только все разсказать откровенно, на чистоту».

Итакъ, онъ улыбнулся и отвѣтилъ покойно:

— Сразу видно, что вы не умѣете просить денегъ взаймы! Но въ данномъ случаѣ это все равно: у меня денегъ нѣтъ, а, если и есть, то очень не большія, а я вамъ лучше посовѣтую вотъ что...

И начались совѣты, въ которые вошелъ даже знаменитый богачъ Кокоревъ (бывшій откупщикъ); Лѣсковъ предлагалъ даже переговорить съ нимъ и о результатахъ меня увѣдомить, много говорилъ объ умѣ и чуткости Кокорева, о томъ, что, говоря съ человѣкомъ, онъ видитъ насквозь не только своего собесѣдника, но и землю подъ нимъ на цѣлую сажень.

Тонъ Лѣскова былъ теперь иной. Его любезность утратилась и смѣнилась сухостью дѣловыхъ разговоровъ. Я заторопился уйти отъ него, и онъ меня не удерживалъ, какъ будто я потерялъ для него всякій интересъ.

Никакого извѣщенія о его переговорахъ съ Кокоревымъ я потомъ не получалъ и не видѣлъ Лѣскова съ тѣхъ поръ ни разу.

XV.

Складъ «Посредникъ» и его значеніе въ литературѣ.— Впечатлѣніе, вынесенное мною отъ его внутренней жизни.—Стадіи развитія этого кружка.

Отъ Лѣскова—прямой переходъ къ складу «Посредникъ», гдѣ я встрѣчался съ Николаемъ Семеновичемъ.

Этотъ «складъ» имѣетъ прямое отношеніе къ литературѣ, такъ какъ онъ едва ли не первый на Руси началъ въ обширныхъ размѣрахъ изданіе книгъ для народа, не съ цѣлью барыша или коммерческой наживы, а совершенно безкорыстно, съ идейными цѣлями, отдавая этому дѣлу безплатно огромный трудъ и предоставляя всѣ барыши его торговой фирмѣ, взявшей на себя печатаніе и распространеніе изданій, подготовленныхъ, проредактированныхъ и даже прокорректированныхъ складомъ.

Лица, состоявшія членами склада, считали въ своей средѣ и крупныхъ богачей—аристократовъ, и небогатыхъ интеллигентовъ—разночинцевъ, но всѣ одинаково жили чрезвычайно скромно, даже бѣдно,—нѣкоторые въ своихъ квартирахъ, при семьяхъ, другіе при самомъ складѣ, въ друхъ-трехъ небольшихъ коморкахъ, иногда сырыхъ и холодныхъ и даже почти всегда холодныхъ и сырыхъ, такъ какъ члены склада стремились къ наибольшей дешевизнѣ помѣщенія и къ тому, чтобы оно было въ нижнемъ этажѣ, гдѣ можно выставить книжечки прямо на лицезрѣніе проходящему люду, въ окнахъ. Сперва складъ помѣщался на Дворянской улицѣ (на Петербургской сторонѣ) въ небольшемъ каменномъ домикѣ, внизу (теперь онъ перестроенъ); затѣмъ въ деревянномъ старомъ домѣ на углу 8-й улицы Песковъ и Греческаго проспекта. Это былъ самый оживленный періодъ въ существованіи склада. Послѣ этого перебрались въ болѣе комфортабельное помѣщеніе на Лиговкѣ, противъ 1-й улицы Песковъ, а затѣмъ дѣятельность склада была перенесена изъ Петербурга въ Москву.

Есть и теперь въ Петербургѣ складъ «Посредникъ», возникшій одновременно съ послѣдними днями прежняго: онъ не имѣлъ и не имѣетъ ничего общаго съ прежнимъ, нося съ нимъ лишь одинаковое названіе, противъ чего нельзя было принять никакихъ мѣръ, такъ какъ основатель второго «Посредника», нѣмецъ, утверждалъ, что онъ еще ранѣе получилъ разрѣшеніе на книжный магазинъ съ такимъ названіемъ.

Съ дѣятелями склада «Посредникъ» я познакомился до его открытія, получивъ сперва изъ Воронежской губерніи проектъ его учрежденія съ просьбой высказать мои замѣчанія на этотъ проектъ. Подобныя же просьбы были обращены къ нѣсколькимъ другимъ писателямъ. Вскорѣ по полученіи мною этого проекта, ко мнѣ явился и одинъ изъ основателей этого склада, молодой офицеръ морской службы, бѣлокурый, худенькій, симпатичный, съ добрыми дѣтски-ласковыми глазами, И. И. Б—въ. Затѣмъ я познакомился и съ другимъ учредителемъ склада, В. Ч—вымъ. Упоминаю объ этомъ знакомствѣ, такъ какъ черезъ Б—ва и Ч—ва я впослѣдствіи познакомился съ Л. Н. Толстымъ, о которомъ буду говорить въ слѣдующей главѣ. А теперь возвращусь къ складу «Посредникъ».

Оба новыхъ знакомыхъ моихъ имѣли независимыя и даже хорошія средства: одинъ былъ помѣщикомъ Костромской, другой—Воронежской губерніи. Мысль, возникшая у нихъ, встрѣтила горячее и живое сочувствіе въ средѣ писателей и выдающихся художниковъ.Почти всѣ наши лучшіе беллетристы обѣщали имъ дать свои разсказы, приспособленные для народнаго чтенія. Знаменитые художники обѣщали свои иллюстраціи и рисунки. Главнымъ условіемъ складъ ставилъ, чтобы въ его изданіяхъ не было ничего,

несогласнаго съ христіанской моралью. Тотчасъ нашлось немало лицъ изъ молодыхъ литераторовъ, слушательницъ высшихъ курсовъ, интеллигентныхъ дамъ и вообще лицъ, сочувствовавшихъ просвѣщенію народа, которые предложили безвозмездно свои услуги и помощь при просмотрѣ, редактированіи и корректурѣ симпатичныхъ изданій склада. Работа закипѣла. Книжки печатались не въ Петербургѣ, а въ Москвѣ, издателемъ Никольскаго рынка и книжнымъ торговцемъ Сытинымъ, который быстро сталъ расширять свое издательское дѣло, пріобрѣлъ паровую печатную машину, затѣмъ другую, а впослѣдствіи сталъ издавать многотомныя сочиненія и даже журналъ и газету. Изданія «Посредника» расходились въ первые же года въ милліонахъ экземпляровъ, а попытки нѣкоторыхъ другихъ лицъ взяться за то же дѣло, внеся въ него иное направленіе, не имѣли успѣха и очень быстро прекращались послѣ нѣсколькихъ выпущенныхъ книжекъ.

Между тѣмъ основатели и дѣятели склада продолжали жить также скромно и бѣдно. У нихъ даже явилась мысль, что слѣдуетъ извлекать средства къ существованію только плодами производительнаго физическаго труда, а трудъ распространенія истины долженъ быть безплатнымъ, носящимъ цѣль и награду въ самомъ распространеніи свѣта и истины. Поэтому стали задумываться о томъ, какъ бы научиться различнымъ ремесламъ. Лица, сочувствующія дѣятельности склада, почти каждый день заходили туда вечеромъ: собиралось, такимъ образомъ, иногда человѣкъ десять-пятнадцать; обсуждались различныя положенія и требованія этики, читались въ слухъ новыя, особенно выдающіяся произведенія, поступившія въ складъ для изданія или просто написанныя авторами, но еще не напечатанныя. Такъ, я уже упоминалъ, что здѣсь читалъ отрывки изъ своего произведенія Лѣсковъ; здѣсь же я услышалъ въ первый разъ «Крейцерову сонату» Л. Н. Толстого и нѣкоторыя другія его произведенія и разсказы.

Удивительное впечатлѣніе выносилъ я каждый разъ изъ этихъ посѣщеній склада «Посредникъ»: все житейское, эгоистическое, мелкое исчезало изъ души. Она освѣщалась мягкимъ, радостнымъ свѣтомъ высочайшихъ этическихъ стремленій и цѣлей, достигнуть которыхъ казалось такъ легко въ живомъ общеніи съ другими, которые уже осуществляли отчасти жизнь, «откинувшую всякія житейскія попеченія».

Одинъ мой знакомый, любившій все выражать грубымъ, реалистическимъ, нѣсколько циничнымъ языкомъ, сказалъ мнѣ однажды, выходя изъ склада:

— Право, я чувствую себя, выходя отсюда, словно послѣ бани: чувствуешь, что вымылся, сталъ чище, легче и бодрѣе.

Мысль о ремеслахъ начала осуществляться. Сперва взяли учителя шить сапоги, потомъ переплетать, и, наконецъ, добрались до столярничанья и даже подумывали учиться слесарному дѣлу.

Такъ какъ при складѣ не было помѣщенія для обученія всѣмъ этимъ ремесламъ, требовавшимъ значительнаго мѣста для орудій, инструментовъ и матеріала, то была нанята небольшая квартирка, въ три комнаты съ прихожей, на одной площадкѣ съ моей квартирой на Слоновой улицѣ, въ домѣ Тимоѳеева. Въ ней поселился одинъ изъ руководителей мастерской, большой знатокъ и дока въ разныхъ ремеслахъ, хотя онъ и служилъ передъ этимъ въ одномъ изъ петербургскихъ банковъ. Сперва дѣло обученія пошло очень хорошо. Желающіе учиться являлись аккуратно и дѣлали успѣхи. Но мало-по-малу стали приходить не съ прежней аккуратностью; преподаватель ремеслъ, руководившій мастерской, началъ проявлять властныя наклонности, дѣлалъ рѣзкіе выговоры, грубыя замѣчанія. Общее расположеніе духа потеряло отъ этого прежнюю высокую настроенность, полную взаимной любви. Въ концѣ концовъ мастерскую стали посѣщать только три-четыре человѣка, и она закрылась...

Къ этому именно времени относится мое знакомство съ Л. Н. Толстымъ, къ которому я и перехожу теперь.

Л. Е. Оболенскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

УБІЙСТВО ПОМѢЩИКА ОЛОВЯННИКОВА.

(Быль изъ прошлой жизни).

НАДѢЛАВШЕЕ въ свое время много шума дѣло объ убійствѣ щигровскаго помѣщика Оловянникова и до сей поры живетъ въ памяти нѣкоторыхъ изъ курскихъ старожиловъ. Дѣло это, несомнѣнно, принадлежитъ къ числу такихъ, которыя въ значительной степени обрисовываютъ особенности прошлаго быта и нравовъ и производятъ сильное впечатлѣніе своимъ глубокимъ трагизмомъ. Вотъ уже прошло семьдесятъ лѣтъ со времени убійства Оловянникова, а между тѣмъ преданіе о немъ, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, сохранилось до настоящаго времени въ видѣ легенды, гдѣ въ бо̀льшей или меньшей степени былое переплетено съ небылицами. Нужно сказать, что «Оловянниковское дѣло» и для современниковъ представлялось страннымъ и загадочнымъ. Одинъ изъ нихъ, теперь уже давно покойникъ, совѣтуя мнѣ отыскать въ мѣстныхъ архивахъ данныя объ этомъ, по его выраженію, «прогремѣвшемъ на всю Курскую губернію казусѣ», качая своей, убѣленной сѣдинами, головой, приговаривалъ:

— Темное это было дѣло, охъ, какое темное! Изъ-за этого дѣла самъ губернаторъ М. Н. Муравьевъ «выговоръ» получилъ...

Намъ удалось, однако же, послѣ продолжительныхъ розысканій найти архивные документы, касающіеся «знаменитаго дѣла». Первое впечатлѣніе образуетъ, такъ сказать, цѣлое море всевозможнѣйшихъ канцелярскихъ бумагъ, въ которыхъ не чаешь разобраться путемъ. Вспоминается фраза Кантемира «лѣзть на бумаж-

ны горы», и, начавши работу, несразу овладѣваешь «полемъ зрѣнія» и уясняешь себѣ ходъ страшной жизненной драмы. Первоначальное слѣдствіе объ убійствѣ Оловянникова, дополнительныя слѣдствія, новое разслѣдованіе преступленія, движеніе по разнымъ судебнымъ инстанціямъ продолжались, въ своей совокупности, около десятка лѣтъ, результатомъ чего, конечно, явилась громаднѣйшая переписка разнородныхъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ. Оловянниковское дѣло доставило много хлопотъ мѣстной и столичной юрисдикціи, было разсматриваемо въ сенатѣ и государственномъ совѣтѣ, восходило на высочайшее воззрѣніе императора Николая Павловича и вызвало осужденіе земскаго и уѣзднаго судовъ и самой курской палаты уголовнаго суда. Не говорю уже о томъ, что въ дѣлѣ объ убійствѣ Оловянникова было открыто много злоупотребленій административныхъ и судебныхъ чиновниковъ, которые впослѣдствіи подверглись разнымъ наказаніямъ и взысканіямъ.

Вотъ эта грустная, но любопытная исторія.

I.

Въ Щигровскомъ уѣздѣ Курской губерніи, въ селѣ Красномъ, проживалъ богатый помѣщикъ, отставной майоръ Оловянниковъ. У него были обширныя имѣнія, находившіяся въ нѣсколькихъ уѣздахъ. Ко времени нашего разсказа Оловянниковъ былъ вдовцомъ, и въ одномъ съ нимъ домѣ проживали сынъ, отставной поручикъ Виссаріонъ, и незамужняя дочь Елизавета. Другая дочь Анна была замужемъ. Оловянниковъ — уже порядочный старикъ — велъ жизнь самую безалаберную, самодурствовалъ, ежедневно напивался во всю правду и забавлялся разными выходками и балаганническими продѣлками крѣпостного шута-дурачка. Къ дѣтямъ старый майоръ относился ненормально: Виссаріона, которому въ то время было уже подъ тридцать лѣтъ, онъ терпѣть не могъ, держалъ его въ черномъ тѣлѣ и отказывалъ въ самомъ необходимомъ. Бывшій поручикъ щеголялъ, вмѣсто собственнаго платья, въ обноскахъ, которыми его ссужалъ домашній учитель, обучавшій когда-то дѣтей Оловянникова, да потомъ и оставшійся жить въ помѣщичьей усадьбѣ на хлѣбахъ изъ милости; ютился онъ въ маленькой комнатѣ нижняго этажа и отраду своихъ дней видѣлъ только въ выпивкѣ и приставаніи къ дворовымъ женщинамъ. Замужняя дочь Оловянникова навѣщала отца со своимъ мужемъ и дѣтьми, гостила у него, но любовью старика не пользовалась. Но зато онъ страстно любилъ незамужнюю дочь, но любовь эта необыкновенно тяготила ее. Отецъ ласкалъ ее, ни въ чемъ ей не отказывалъ, довѣрялъ упра-

вленіе всѣми денежными и хозяйственными дѣлами, дѣлалъ дорогіе подарки, исполнялъ всѣ ея прихоти... но требовалъ одного — безсмѣннаго дежурства при немъ и требовалъ «грозно и повелительно». Еле-еле удавалось Елизаветѣ на день, на два, отлучиться изъ дома, а когда приходилось самому Оловянникову выѣзжать въ Щигры или Курскъ, то онъ бо̀льшею частью бралъ съ собою любимую дочь, что̀ той очень не нравилось. Любопытно въ этомъ отношеніи показаніе сестры Елизаветы—Анны:

— Отецъ отказывалъ сестрѣ въ разъѣздахъ по баламъ и гостямъ, запрещалъ кокетничать съ мужчинами и ни за что не хотѣлъ выдать ее замужъ. Нѣсколько помѣщиковъ изъ окрестной молодежи одинъ за другимъ предлагали ей руку. Всѣ получали отъ Оловянникова отказъ.

Онъ дѣйствовалъ въ подобныхъ случаяхъ то угрозами, то просьбами, иногда даже, если былъ навеселѣ, плакалъ и становился передъ дочерью на колѣни.

Въ 1830-мъ году, съ семействомъ Оловянникова познакомился молодой человѣкъ, поручикъ въ отставкѣ, Я—ій. Онъ очень понравился Елизаветѣ и сталъ навѣщать оловянниковскую усадьбу чаще и чаще. Прошло немного времени, и Я—ій сдѣлалъ предложеніе Елизаветѣ. Она дала свое согласіе, и оба обратились къ отцу. Тотъ и слышать не захотѣлъ о свадьбѣ, а на Я—аго закричалъ, затопалъ ногами и тутъ же поспѣшилъ отказать молодому человѣку отъ дома. Грубъ былъ старикъ, а потому зычнымъ крикомъ своимъ даже привлекъ въ свою комнату прислугу.

Елизавета прежніе отказы отца, повидимому, переносила терпѣливо. Въ этотъ разъ она упала на колѣни, расплакалась, но не смогла разжалобить Оловянникова. Послѣ того какъ женихъ ея принужденъ былъ удалиться, старикъ сказалъ дочери, что въ благодарность за отказъ ея отъ замужества онъ даритъ ей 50.000 рублей.

— Дай только мнѣ,—говорилъ онъ,—честное слово, что не покинешь меня до моей смерти, а потомъ распоряжайся, какъ хочешь!

Отецъ прослезился въ свою очередь. Дочь дала слово и взяла переданные ей отцомъ изъ шкатулки 50.000 рублей.

Пока тѣмъ дѣло и окончилось.

Черезъ нѣсколько времени Я—ій нашелъ случай видѣться съ Оловянниковой. Потомъ у нихъ устроились тайныя свиданія въ нижнемъ этажѣ барскаго дома. Случалось, когда отецъ спалъ, они катались вмѣстѣ. Будучи самъ человѣкомъ со средствами, женихъ дарилъ Елизаветѣ драгоцѣнныя вещицы, которыя она носила, а подозрительному старику объясняла, что украшаетъ себя на подаренныя имъ деньги.

Время шло своимъ чередомъ, а о согласіи отца на бракъ и думать было нечего. Каждый день, послѣ обѣда, Елизавета вслѣдъ за отцомъ ходила въ его кабинетъ, напѣвала ему на сонъ гряду-

щій колыбельныя пѣсни, была съ нимъ и вечеромъ. Съ нею въ отцовскую комнату допускался только шутъ, потѣшавшій своего барина. Изъ остальныхъ обитателей Оловянниковскаго дома—дѣтей его, родныхъ и прислуги, никто не могъ входить въ «завѣтную» комнату. Убирала ее и даже стлала отцу постель Елизавета. Иногда старикъ просыпался ночью и надолго засаживалъ свою дочь играть съ нимъ въ пикетъ. Игра затягивалась на цѣлые часы, и Елизаветѣ ни подъ какимъ предлогомъ не позволялось замѣнять себя кѣмъ либо изъ домашнихъ. Она исполняла все, чего желалъ старикъ-отецъ, но испытывала страшныя душевныя муки, о чемъ часто говорила своей сестрѣ.

Та, какъ могла, утѣшала ее.

— Вотъ умретъ папенька, онъ человѣкъ ветхій—дряхлый, тогда все пройдетъ для тебя; будешь жить на своей волѣ.

Елизавета тяжело вздыхала и находила себѣ отраду только въ перепискѣ съ любимымъ человѣкомъ. Она стала необыкновенно задумчива и, повидимому, создавала въ умѣ своемъ планъ дѣйствія.

И здѣсь мы находимся въ области роковой тайны: почему Елизавета Оловянникова, получившая отъ отца капиталъ въ 50.000 рублей, невѣста богатаго человѣка, не предпочла уѣхать изъ отцовской усадьбы и уходомъ выйти замужъ за Я—аго... Развѣ этого не практиковалось въ то время? Несмотря на тщательные розыски, пишущему эти строки во всемъ громадномъ дѣлопроизводствѣ не удалось найти хотя бы малѣйшаго намека на объясненіе роковой тайны, приведшей къ кровавой драмѣ.

II.

Въ декабрѣ 1831 года, съ Оловянниковымъ случилось непріятное происшествіе. Накушавшись вдоволь разныхъ яствъ (а онъ, несмотря на преклонныя лѣта, былъ порядочный лакомка), старый майоръ потребовалъ квасу. Принесли ему большую кружку освѣжительнаго напитка, и онъ не осушилъ ея сразу, а началъ смаковать квасокъ. Страшно ядовитая горечь обожгла ему ротъ. Тогда Оловянниковъ перепугался, не подсыпана ли въ квасъ отрава. Въ домѣ у него гостилъ знакомый—Пожидаевъ. По просьбѣ Оловянникова онъ отвѣдалъ подозрительнаго напитка и почувствовалъ необыкновенную горечь во рту, а потомъ тошноту.

— Тошно мнѣ стало,—сейчасъ же сказалъ гость,—замутило всего...

Хозяинъ позвалъ дворовыхъ людей, и они, по данному приказанію, отпивали изъ кружки...

— Ну, что? Ну, какъ?—спрашивалъ у каждаго крѣпостного баринъ.

— Тошнитъ! Горько! Дюже горько!—заявляли они.

Старикъ взялъ кружку, поставилъ ее въ шкафъ и заперъ на замокъ.

— Я знаю,—твердо сказалъ онъ,—это Виссаріошкино дѣло!

И велѣлъ назавтра заложить лошадей, чтобы ѣхать въ Курскъ.

Виссаріона отецъ считалъ безпутнымъ вслѣдствіе его пьянства и заподозрѣлъ въ покушеніи на свою жизнь. И старый майоръ въ одно и то же время и ошибся, и нѣтъ. Сильнаго яда въ квасъ ему дѣйствительно всыпалъ сынъ, но въ этомъ случаѣ онъ былъ исполнителемъ просьбы своей сестры Елизаветы. Она обѣщала въ случаѣ смерти отца «озолотить» брата. Тотъ согласился отравить отца, но на сей разъ неудачно.

Оловянниковъ дѣйствительно на другой день послѣ описаннаго случая вмѣстѣ съ Елизаветою поѣхалъ въ Курскъ. Онъ привезъ съ собою злополучную кружку съ квасомъ. Въ Курскѣ старикъ обратился къ члену курской врачебной управы, доктору Ев—у, обыкновенно лѣчившему въ домѣ Оловянникова. Ев—ъ былъ хорошій пріятель Елизаветы Оловянниковой и фаворитъ сестры ея Анны.

Ев—ъ при самомъ старикѣ торжественно изслѣдовалъ квасъ и объявилъ, что въ немъ никакого яда не оказалось.

— Да какъ же такъ?—спорилъ съ докторомъ Оловянниковъ:— не я одинъ, Пожидаевъ, дворовые, всѣ замѣтили въ квасу отраву.

И подробно излагалъ обстоятельства квасопитія.

Докторъ, какъ умѣлъ, успокоивалъ Оловянникова. Тотъ, повидимому, согласился съ доводами Ев—а, но Елизавета поспѣшила послать въ усадбу записочку Виссаріону. Въ ней было сказано: «Дѣло кончено, въ квасу ничего не нашли».

А между тѣмъ отецъ берегъ квасъ, и когда собрался ѣхать изъ Курска домой, сказалъ дочери, что онъ кружку съ квасомъ представитъ въ щигровскій земскій судъ для того, чтобы ее арестовали и находящіеся въ ней остатки кваса формальнымъ образомъ изслѣдовали. Эти слова имѣли роковыя послѣдствія. Не будь такъ настойчивъ въ этомъ случаѣ старикъ, — можетъ быть, дочь его послѣ неудавшейся попытки отдѣлаться отъ отца имѣла бы время одуматься и измѣнить свои намѣренія. Но теперь она испугалась слѣдствія и допроса Виссаріону. Теперь у нея на умѣ была одна мысль—спѣшить, какъ только возможно.

Елизавета указала брату другой путь для умерщвленія отца.

— Не бойся, — говорила она, — тебѣ ничего не будетъ, у меня въ рукахъ большой отцовскій капиталъ; Ев—ъ не выдастъ насъ изъ-за сестры Анюты. Онъ постарается, и напишутъ, что отецъ умеръ отъ апоплексическаго удара. Схоронимъ концы въ воду. А деньги раздѣлимъ и будемъ жить по своей волѣ.

Виссаріонъ согласился; просилъ только побольше давать ему водки, что зависѣло отъ разрѣшенія сестры. А та, кромѣ брата,

подговорила еще учителя и повара. Поваръ, однако, не сразу согласился на преступленіе.

— Умертвить отца,—говорила Елизавета, — очень легко. Какъ заснетъ онъ, тутъ-то его и придушить. Пьяный онъ въ моментъ задохнется и не пикнетъ.

Въ то же время Елизавета просила Виссаріона, чтобы онъ не говорилъ впослѣдствіи о томъ, что она затѣяла отцеубійство, или даже, что она знала о немъ.

— Ты о моемъ согласіи на убійство не говори. Въ случаѣ, какъ будетъ слѣдствіе, я деньгами защищу, ни до какой бѣды не допущу. Отецъ собирается ѣхать въ Щигры, везетъ въ земскій судъ квасъ. Надо, какъ можно скорѣе, съ нимъ покончить. Я въ это время вышлю изъ горницъ всѣхъ «дѣвокъ».

Что̀ заставило согласиться на убійство Оловянникова — домашняго учителя (умершаго раньше окончанія судебнаго дѣла)? По его показанію, дружба съ Виссаріономъ, съ которымъ они пьянствовали.

— До согласія моего на убійство,—сказалъ учитель,—Елизавета обращалась со мной дурно, а потомъ стала ухаживать за мной.

Любопытно показаніе повара:

— Барышня обходилась со мною строго, въ расходныхъ деньгахъ считала за грошъ или копейку. когда запомнишь, что показать въ запискѣ, грозилась говорить отцу, грозилась драть. А какъ захотѣла склонить меня на убійсто отца,—вся перемѣнилась: перестала усчитывать, очень меня задарила, обѣщалась вольнымъ сдѣлать.

Въ роковой день, 24-го января 1832 года, майоръ Оловянниковъ обѣдалъ съ гостями, пріѣхавшими къ нему и квартировавшими въ нижнемъ этажѣ дома помѣщиками Фенисовыми. Онъ основательно выпилъ и покачиваясь отправился спать въ свою комнату. Отъѣздъ въ Щигры былъ назначенъ назавтра. Фенисовы также ушли къ себѣ отдохнуть. Въ это время, послѣ барскаго обѣда, горничныя сидѣли въ людской и ѣли... Елизавета прошла чрезъ людскую и сказала:

— Стучите сильнѣй ножами и вилками!

Эти слова, во время судебнаго слѣдствія, разбирались на разные лады; слѣдователи добивались отъ обвиняемой, зачѣмъ она произнесла ихъ. Она утверждала, что сказала «стучите» иронически, чтобы остановить громкій стукъ «дѣвокъ», мѣшавшій ея отцу спать, а обвинители находили въ произнесеніи инкримированныхъ словъ косвенную улику противъ Оловянниковой... Она, будто бы, для того велѣла стучать, чтобъ не слышно было стоновъ отца, на котораго должны были напасть трое убійцъ.

Войдя въ смежную съ отцовскою комнату, Елизавета сказала брату:

— Не пропускай время!

Она выслала дѣтей своей сестры въ дѣтскую. Виссаріонъ, поваръ и учитель вошли въ гостиную и выпили водки, но боялись войти къ Оловянникову, пока онъ не уснетъ крѣпко. Дочь два раза входила въ комнату отца и убѣдилась, что онъ спитъ крѣпко. Тогда убійцы вошли и задушили старика. Елизавета ожидала ихъ въ гостиной.

Вошелъ къ ней Виссаріонъ. Онъ весь дрожалъ.

— Мнѣ страшно!—были его первыя слова...

— Молчи, дуракъ!—крикнула на него сестра... Ну, чтò, кончили?

— Капутъ!—отвѣтилъ тотъ тихо, и на глазахъ его навернулись слезы.

— Ну, туда ему и дорога,—отвѣчала Елизавета.

Затѣмъ вышли изъ спальни поваръ съ учителемъ. По ихъ словамъ, они оставались въ комнатѣ убитаго «для поправленія его тѣла». Поваръ пошелъ прямо въ лакейскую, а учитель зашелъ къ Елизаветѣ. Та уже разговаривала съ позванной ею горничной Натальей. Учитель проговорилъ:

— Все кончено.

Елизавета на это ничего не отвѣтила и передъ горничной показала видъ, что не разслышала или не поняла словъ учителя, и сдѣлала ему выразительный знакъ рукой.

Вотъ какъ, по записи курскаго уголовныхъ дѣлъ стряпчаго, злоумышленники убили Оловянникова: «раскаявшіеся приступники показали, что они его, давя по груди за ротъ, носъ, шею, удушили, что душеніе оное продолжалось не болѣе четверти часа, можетъ быть, и менѣе, что при ономъ душеніи Оловянниковъ всѣмъ корпусомъ хотя и дѣлалъ напряженія, хотя старался изъ рукъ преступниковъ освободиться, хотя тихимъ и томнымъ образомъ хрипѣлъ, но они не переставали продолжать давленіе, пока совсѣмъ удушили»...

Наступило для Елизаветы Оловянниковой время разыграть комедію. Она, какъ будто бы ничего не зная, вошла въ спальню отца разбудить его. Быстро вышла она оттуда и опять вошла. Черезъ минутку она выбѣжала изъ спальни, притворилась испуганной, закричала:

— Да что же это такое? Папенька, кажись, скончался.

Съ этими словами она упала на полъ, плакала и «убивалась», потомъ легла въ постель, нюхала спиртъ, но больше уже въ отцовскую комнату не показывалась.

— А я,—показалъ на судѣ Виссаріанъ,—увидѣвъ Лизаветино притворство, также притворнымъ образомъ повалился на скамейку и рыдалъ горько.

Вѣсть о смерти барина сейчасъ же разнеслась по всему дому. Сестра Елизаветы и другіе окружили ея постель, взглянули и на

трупъ старика. Гости, легшіе соснуть, были разбужены дворней и поскорѣе встали и взошли наверхъ. Фенисовы вошли въ спальню, посмотрѣли на трупъ и замѣтили на шеѣ покойника неладное.

— Непремѣнно надо дать знать земскому суду,—сказалъ одинъ изъ нихъ:—чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Послать нарочнаго!

Елизавета молчала. Фенисовы ее уговаривали.

— Смерть вашего отца,—сказалъ Николай Фенисовъ,—весьма сомнительна; непремѣнно посылайте въ земскій судъ.

Елизавета на предложеніе Фенисовыхъ дала странный отвѣтъ:

— Отецъ мой умеръ своею смертью; въ насильственномъ умерщвленіи я ни на кого подозрѣнія не имѣю. Съ какой стати дѣлать объявленіе въ земскомъ судѣ, если я попрошу священника, и онъ утвердитъ, что исповѣдовалъ и пріобщалъ моего отца передъ смертью? Тогда и придраться будетъ не къ чему.

— Нельзя безъ объявленія,—сказалъ Фенисовъ,—вы барышня, вы этого не понимаете, а это необходимо.

Онъ сѣлъ къ столу и собственноручно написалъ объявленіе въ земскій судъ и подалъ его Елизаветѣ.

— Подпишите,—сказалъ онъ.—Я распоряжусь отослать.

— Ни за что̀, ни за что̀!—замахала руками Елизавета, привскочивъ съ кровати:—не пошлю въ судъ, и такъ схоронятъ.

Гости пошептались другъ съ другомъ и поспѣшили откланяться и уѣхать изъ усадьбы.

Наслушавшись рѣчей Фенисовыхъ, Виссаріонъ сталъ просить сестру послать объявленіе о скоропостижной смерти отца.

— Молчи!—крикнула она:—не выдумывай глупостей. Пошлю въ Курскъ за Ев—ымъ, онъ осмотритъ тѣло и дастъ свидѣтельство о томъ, что отецъ умеръ отъ апоплексическаго удара. Вотъ и все. Земскій судъ не посмѣетъ стать въ контру съ членомъ врачебной управы.

Какъ только гости уѣхали, Елизавета немедленно встала съ кровати, стала ходить по комнатамъ, дѣлала разныя распоряженія насчетъ того, чтобы скорѣе схоронить отца, и вела себя (по словамъ свидѣтелей) такъ, какъ будто бы въ домѣ не случилось никакого несчастія. Она «не имѣла скорбленія и огорченія, а смѣялась и шутила».

Сейчасъ же заговорила она съ сестрою Анною о своемъ женихѣ.

— Женихъ мой,—сказала она,—нравился моему папенькѣ и мнѣ нравится. Мнѣ съ братьями жить нельзя.

Елизавета написала письмо Я—скому. Онъ немедленно прискакалъ въ усадьбу.

Близкіе люди знали о томъ, что старый майоръ не терпѣлъ, видѣть не могъ Я—скаго. Елизавета сочла необходимымъ сказать на это:

— Говорятъ, что папенька отказалъ Я—скому, это—не правда; это мы скрывали о его согласіи на свадьбу, скрывали потому, что не хотѣли, чтобы кто нибудь зналъ, что дано уже слово.

III.

На другой день въ Оловянниковскую усадьбу пріѣхалъ Ев—ъ. Елизавета чрезвычайно обрадовалась его пріѣзду и обратила на себя вниманіе прислуги тѣмъ, что «смѣялась и хохотала крѣпко»...

— Отчего въ это время,—допрашивалъ впослѣдствіи Елизавету слѣдственный чиновникъ:—вы были веселы и смѣялись?

— Сіе происходило,—отвѣчала обвиняемая,—отъ желанія Ев—а развлечь меня въ огорченіи моемъ. Онъ все время смѣшилъ меня.

Елизавета позвала «дворовую женку» Дарью, велѣла ей поставить самоваръ, вымыть спальню и перемыть бѣлье убитаго, на которомъ были кровавыя пятна; но такъ какъ эти пятна никоимъ образомъ не отмывались, то пришлось бѣлье спрятать на чердакъ, въ золѣ, возлѣ печной трубы.

Самъ Ев—ъ нашелъ, что о смерти Оловянникова надо оповѣстить земскую полицію. Пріѣхали исправникъ, стряпчій и уѣздный врачъ. Чиновники эти производили наскоро слѣдствіе, а Елизавета приготовила имъ пакеты съ большими, какъ оказалось впослѣдствіи, денежными вложеніями. Анатомировать тѣло взялся Ев—ъ и, какъ членъ врачебной управы, повліялъ на уѣзднаго врача. Объявленіе о смерти Оловянникова подъ диктовку Ев—а написалъ Виссаріонъ, и въ это объявленіе была вклеена такая фраза: «покойный страдалъ геморроидальными припадками, почему и умеръ». Передъ анатомированіемъ, чтобы не былъ замѣченъ на шеѣ трупа шрамъ, Елизавета взяла довольно широкую ленточку, продѣла ее въ ушко креста и навязала на шею крестъ такимъ образомъ, чтобы ленточка прикрывала шрамъ. Стали анатомировать трупъ Оловянникова, а подлѣкарь какъ-то неосторожно сдвинулъ съ мѣста ленточку и обнажилъ кровавый шрамъ. Ев—ъ крикнулъ на подлѣкаря:

— Затѣмъ ты сдвинулъ ленту? Угораздила тебя нелегкая!

Но такъ какъ здѣсь находились посторонніе люди, то Ев—ъ прибавилъ какъ бы въ оправданіе своего окрика слѣдующую нелѣпую фразу:

— Надо показать понятымъ, какъ у покойнаго на шеѣ ленточка лежала.

Ев—ъ самъ написалъ актъ освидѣтельствованія трупа, и въ этомъ актѣ было удостовѣрено, что причина смерти Оловянникова—апоплексія. Уѣздный врачъ только подписалъ свою фамилію.

Земскій судъ призналъ, что Оловянниковъ умеръ естественною смертью, и далъ позволеніе схоронить его. Какъ впослѣдствіи оказалось, Елизавета истратила на это позволеніе 12.000 рублей. Поваръ получилъ «вольную» и также не остался безъ вознагражденія, какъ равно учитель и Виссаріонъ, «усугубившіе послѣ этого свое пьянство».

Вскорѣ были похороны убитаго. Съѣхались его родственники. Какъ они отнеслись къ совершившемуся факту, неизвѣстно. Извѣстно только, что на другой день послѣ похоронъ отца Елизавета заявила своему дядѣ, что она рѣшилась, какъ можно скорѣе, обвѣнчаться съ Я—скимъ. Тотъ неодобрительно покачалъ головой...

— Отложи, Лизаветушка,—сказалъ онъ,— свадьбу, хоть до лѣта. Неловко теперь приступить къ этому дѣлу. Подумай!

Но племянница не стала думать; черезъ нѣсколько дней свадьба была сыграна.

На свадьбѣ Оловянниковой собралось много гостей, но родные ея отца отсутствовали. Подпившіе гости потребовали къ себѣ для забавы шута Гордея. Шутки его высоко цѣнились сосѣдями-помѣщиками.

— Гдѣ Гордя—«свиная морда»? Гдѣ онъ? Сюда его!—кричали гости:—давайте сюда дурака!

Засуетилась прислуга. Обшарили весь домъ, всю усадьбу. Шута не нашли. Навели справки: никто не могъ сказать, когда и куда онъ ушелъ. Новобрачная вздрогнула и смутилась при этомъ извѣстіи. Въ роковой день убійства шутъ толкался въ комнатахъ, Елизавета нѣсколько разъ встрѣчалась съ нимъ въ дверяхъ отцовской спальни. Нужно сказать, что когда Елизавета задумала преступленіе, то ей и въ голову не приходило опасаться шута. А онъ успѣлъ подсмотрѣть, какъ задушили его барина. Но каковъ былъ шутъ! ни однимъ словомъ, ни однимъ намекомъ онъ не выдалъ себя. Когда въ усадьбѣ Оловянникова хозяйничали полицейскія власти, шутъ не сдѣлалъ никакого заявленія, и его никто не подумалъ допрашивать. Впослѣдствіи одна изъ горничныхъ показала, что послѣ смерти барина шутъ забивался въ какой либо уголъ и здѣсь, какъ она выразилась, «ревѣлъ бѣлугою».

Какъ только первое слѣдствіе было окончено, и у виновныхъ въ убійствѣ Оловянникова отлегло отъ сердца, внезапно изъ усадьбы исчезъ шутъ.

На свадебномъ пиру Елизавета убѣдилась въ этомъ, и страшная догадка смутила ее.

Между тѣмъ гости кричали:

— Сюда его, сюда Гордеюшку!

И многіе уже заранѣе хохотали и потирали руки отъ предвкушенія удовольствія слушать Гордеевы присказки и видѣть его выходки, доставившія ему славу на всю округу.

Велѣно было искать шута и на деревнѣ, но его и тамъ не оказалось. Онъ былъ уже въ Курскѣ, куда добрался пѣшкомъ.

Здѣсь Гордей, въ числѣ другихъ просителей, явился къ губернатору П. Н. Демидову, упалъ къ нему въ ноги и разсказалъ все.

Губернаторъ велѣлъ чиновнику снять съ шута показаніе. Это было исполнено. Но шутъ не удовольствовался этимъ. Въ это время въ Курскѣ былъ сенаторъ Мечниковъ. Онъ ревизовалъ судебныя учрежденія Курской губерніи. Гордей нашелъ случай увидѣть сенатора и разсказалъ ему о кровавомъ происшествіи.

Сенаторъ счелъ своимъ долгомъ записать показаніе шута, а его отправилъ къ губернскому прокурору.

Загорѣлось новое дѣло. Н. Н. Демидовъ послалъ въ усадьбу Оловянникова новыхъ слѣдователей: чиновника особыхъ порученій Тимченкова, жандармскаго капитана Шотена и другихъ лицъ. Неизвѣстно почему, вмѣстѣ съ слѣдователями была послана военная команда, съ оберъ-офицеромъ во главѣ. Команда заняла усадьбу Оловянникова и прилегавшую къ ней деревню. Почему оказалась необходимой эта мѣра, мы не знаемъ. Въ бумагѣ о назначеніи новаго слѣдствія было сказано: «Гражданскій губернаторъ, освѣдомясь, что слѣдователи, при весьма сильныхъ сомнѣніяхъ о насильственной смерти отставного майора Оловянникова, не озаботились изобличить столь важное происшествіе, приказалъ переизслѣдовать дѣло».

При новомъ слѣдствіи очень скоро сознались Виссаріонъ, поваръ и учитель. Они оговорили Елизавету и ея сестру. Тѣ не сознались и съ негодованіемъ отвергли взведенное на нихъ обвиненіе. Елизавета даже подала жалобу на Тимченкова губернатору въ томъ, что онъ будто бы исторгалъ у нея признаніе помощью пристрастій и угрозъ. Теперь Елизавета начала направлять дѣло такимъ образомъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, выгородить себя отъ страшнаго обвиненія. Пущены были въ ходъ, какъ и прежде, деньги. Второе слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ Оловянникова производилось весьма продолжительное время. Въ августѣ 1832 года, стало быть, почти черезъ полтора года послѣ совершенія преступленія Тимченковъ писалъ губернатору: «Окончаніемъ слѣдственнаго дѣла объ убійствѣ майора Оловянникова я день и ночь занимаюсь, но по запутанности дѣла, по прикосновенности многихъ частныхъ и должностныхъ лицъ [1]), старающихся избѣжать законной отвѣтствен-

[1]) Нужно замѣтить, что, помимо главныхъ участниковъ въ преступленіи, въ немъ дѣйствительно было замѣшано очень много лицъ, какъ, напримѣръ, персоналъ земскаго суда и полицейскіе чиновники, понятые, видѣвшіе, при вскрытіи трупа, «боевые знаки» на шеѣ, прислуга Оловянникова, подозрѣваемая въ томъ, что она знала о преступленіи, мужъ Елизаветы Я—скій и т. д. Обвинялись эти и другія прикосновенныя къ дѣлу лица въ разныхъ преступленіяхъ: кто въ недонесеніи объ убійствѣ, кто въ полученіи взятокъ, кто въ укрывательствѣ, кто въ пособничествѣ и т. п. Чѣмъ болѣе тянулось дѣло, тѣмъ болѣе возростало число обвиняемыхъ.

ности, и по множеству предметовъ, я за всѣми моими усильными занятіями скоро окончить производство слѣдствія не могу». Губернаторъ торопилъ слѣдователя и писалъ ему, что на него жалоба за то, что онъ, когда снималъ допросъ съ Елизаветы Оловянниковой, ея сестры и другихъ женщинъ, проживавшихъ въ то время въ усадьбѣ, то велѣлъ въ сосѣдней комнатѣ звенѣть кандалами и угрожалъ допрашиваемымъ, въ случаѣ ихъ запирательства, наложеніемъ кандаловъ. Чтобы разслѣдовать эту жалобу, въ усадьбу Оловянникова губернское правленіе посылало своего совѣтника Щиголева. Была на Тимченкова и другая жалоба, будто бы онъ перепачкалъ кровью отъ убитаго пѣтуха подушки покойнаго Оловянникова и въ такомъ видѣ внезапно показалъ ихъ Елизаветѣ, чтобы она призналась въ убійствѣ.

Въ половинѣ 1832 года весь составъ щигровскаго земскаго суда, исправникъ и стряпчій, производившіе первое слѣдствіе, были преданы суду уголовной палаты. Губернаторъ Демидовъ потребовалъ отъ члена врачебной управы Ев—а отвѣтовъ на «вопросные пункты» по Оловянниковскому дѣлу. Ев—ъ отвѣчалъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ.

«Къ дѣлу о смертномъ убійствѣ Оловянникова,—писалъ онъ,—я привлекаемъ быть не могу, потому что злодѣйство то произведено за 40 верстъ отъ меня. Слѣдователь совершенно напрасно сталъ дѣлать розыскъ обо мнѣ, какъ будто государственномъ злоумышленникѣ, самъ придумывалъ неосновательныя подозрѣнія и другихъ приводилъ къ бездоказательнымъ, злословнымъ и даже поносительнымъ навѣтамъ на меня. Съ своей стороны на его «вопросные пункты» я отвѣтовъ не дамъ, потому что многіе изъ вопросовъ слѣдователя не только съ законами, но и съ разсудкомъ не согласны и даже смѣхъ и хохотъ въ себѣ содержатъ».

Тогда отъ Ев—а потребовало показаній курское губернское правленіе. Ев—ъ въ томъ же духѣ отвѣчалъ и этому присутственному мѣсту. Оно сдѣлало новый запросъ. Полицеймейстеръ ѣздилъ къ Ев—у, а тотъ и знать ничего не хотѣлъ, отговариваясь и отписываясь. Въ это время сынъ Оловянникова—Виссаріонъ, учитель и поваръ находились въ тюрьмѣ, а Елизавета на свободѣ. Она выдала полную довѣренность на управленіе имѣніями мужу, а тотъ вскорѣ долженъ былъ по частямъ закладывать ихъ; видимое дѣло, что для устраненія висѣвшей надъ головою грозы приходилось Елизаветѣ направо и налѣво расточать взятки.

Какъ бы ни было дѣло, въ концѣ 1832 года слѣдствіе было закончено, и слѣдователь, по представленію П. Н. Демидова, за свои труды получилъ высочайшую награду—орденъ св. Станислава 4-й степени. Между тѣмъ едва успѣлъ Демидовъ, переведенный въ другое мѣсто, выѣхать изъ Курска, какъ курская уголовная палата признала слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ Оловянникова «непол-

нымъ» и потребовала новаго разслѣдованія. Новый слѣдователь занялся разсмотрѣніемъ дѣйствій и поступковъ прежняго слѣдователя, а объ обвиняемыхъ не проронилъ ни полслова. А губернскій прокуроръ писалъ въ курское губернское правленіе о томъ, что «такъ какъ ему предписано министромъ юстиціи наблюденіе по дѣлу объ убійствѣ отставного майора Оловянникова, то онъ считаетъ необходимымъ, чтобы подсудимымъ были предоставлены всѣ средства къ оправданію», какъ будто бы кто либо мѣшалъ имъ оправдываться.

Съ 1834 года Оловянниковское дѣло вступило въ новый фазисъ, который идетъ до самаго окончанія его. Этотъ фазисъ—самый любопытный и въ то же время неудобный въ своихъ подробностяхъ для изложенія вслѣдствіе того, что въ это время тянулась безконечная и скучная переписка присутственныхъ мѣстъ по дѣлу объ убійствѣ Оловянникова. Достаточно сказать, что дѣло это было окончено только въ концѣ 1838 года, т. е. замедлилось на цѣлыхъ семь лѣтъ, несмотря на то, что окончанія его требовалъ нѣсколько разъ министръ юстиціи и самъ государь Николай Павловичъ. Въ мартѣ 1834 года, состоялось именное повелѣніе о скорѣйшемъ окончаніи дѣла объ Оловянниковѣ уголовною палатою. Палата въ длиннѣйшей отпискѣ, гдѣ ею подробно были расписаны полученія и отправленія бумагъ, движеніе ихъ по разнымъ инстанціямъ и т. п., заявила, что дослѣдованіе о совершенномъ преступленіи заключаетъ въ себѣ 497 листовъ, а «дѣло объ умерщвленіи Оловянникова, чрезъ производство трехъ слѣдствій, вмѣстѣ съ производствами уѣзднаго суда и сея палаты, независимо отъ того обслѣдованія, на 3.700 листахъ размножено, и теперь изъ дѣла составляется экстрактъ, къ чему прилагается неусыпное стараніе». Для проявленія этого неусыпнаго старанія понадобились цѣлые годы. Просмотръ вороховъ исписанной бумаги выясняетъ намъ то обстоятельство, что въ Курскѣ по дѣлу Оловянникова боролись два теченія—административное и судебное: курскіе губернаторы и губернское правленіе старались направить пресловутое дѣло на надлежащій путь, предавали суду виновныхъ въ потворствѣ чиновниковъ, посылали предписанія и предложенія, а судебныя власти, губернскій прокуроръ, стряпчіе, уголовная палата держали руку подсудимыхъ, затягивали дѣло до безконечности, а палата поголовно оправдывала всѣхъ, кого губернское правленіе отдавало подъ судъ. Зато подсудимые, получившіе громадное наслѣдство, при окончаніи дѣла оказались совершенно нищими. Не будетъ никакой ошибки, если скажемъ, что въ этомъ дѣлѣ полетѣла сотня тысячъ. А когда фонды были исчерпаны до дна, то изъ уголовной палаты Оловянниковское дѣло было отправлено въ сенатъ, о чемъ палата писала губернскому правленію: «благоволитъ оное правленіе быть извѣстно, что дѣло объ умерщвленномъ щигровскомъ помѣщикѣ майорѣ Григорьѣ

Оловянниковѣ сыномъ его Виссаріономъ съ товарищи взнесено сего числа въ правительствующій сенатъ. Предсѣдатель Горпачевскій, за секретаря Четвериковъ, повытчикъ Козловъ».

По рѣшенію уголовной палаты, Елизавета была признана ни въ чемъ невиновною.

Во второмъ фазисѣ производства Оловянниковскаго дѣла встрѣчается много курьезныхъ фактовъ. Курскій губернскій прокуроръ одну судебную бумажку, которую могъ просмотрѣть въ одинъ день, просматривалъ два года, что было констатировано сенатомъ. Какъ мы выше видѣли, членъ врачебной управы Ев—ъ дерзко отказывался отвѣчать на слѣдственные вопросы и, зная духъ и направленіе присутственныхъ мѣстъ, требовалъ, чтобы дѣло о немъ было передано изъ губернскаго правленія въ уголовную палату. Тогда губернаторъ донесъ о дѣйствіяхъ Ев—а министру внутреннихъ дѣлъ, и тотъ устранилъ замѣшаннаго въ преступленіи штабъ-лѣкаря отъ должности, передавъ его на судъ палаты. Палата оправдала Ев—а, и онъ началъ было добиваться возстановленія себя въ прежней должности; но въ это время подоспѣло высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, которымъ Ев—ъ былъ осужденъ. Щигровскій уѣздный судъ, по требованію губернскаго правленія, долженъ былъ представить копію съ одного изъ судебныхъ документовъ и выполнилъ это только черезъ полтора года, со времени поступленія въ судъ требованія. Уголовная палата оправдала членовъ щигровскаго земскаго суда, а сенатъ велѣлъ всѣмъ членамъ и предсѣдателю палаты объявить выговоръ и обнародовать объ этомъ по всей Россіи, посредствомъ сенатскихъ указовъ и напечатанія въ Петербургскихъ и Московскихъ Вѣдомостяхъ.

Но такъ или иначе, а средства Елизаветы Я-ской, прожившей уже почти восемь лѣтъ съ мужемъ и имѣвшей дѣтей, изсякли. Къ тому времени ея дѣло было разсмотрѣно въ сенатѣ, который въ обширномъ указѣ своемъ поставилъ на видъ Курской уголовной палатѣ множество ея проступковъ. По словамъ сенатскаго указа, палата «отвлеклась въ превратное сужденіе и разнорѣчивое толкованіе обстоятельствъ дѣла и, ослабляя силу доказательствъ противъ Елизаветы Я-ской, впала въ противорѣчія при разсужденіи о виновности подсудимыхъ и не дала вѣры свидѣтелямъ, уличавшимъ Я-скую, желая всѣми стараніями изъять ее отъ законнаго, за преступленіе, наказанія».

О губернскомъ прокурорѣ сенатъ писалъ слѣдующее: «прокуроръ долженъ былъ, какъ можно чаще, доносить о дѣлѣ министру юстиціи, а онъ всемѣрно скрывалъ отъ министра его ходъ. Когда же дѣло сіе сдѣлалось гласнымъ, то черезъ три года сталъ входить къ министру съ разными представленіями, но и въ это время скрылъ нѣсколько журналовъ губернскаго правленія отъ министра юстиціи.

Въ длинномъ перечнѣ разныхъ упущеній сенатъ не миновалъ и тогдашняго курскаго губернатора, впослѣдствіи знаменитаго графа М. Н. Муравьева. Ему было сдѣлано «замѣчаніе» за то, что онъ при представленіи въ сенатъ всѣхъ данныхъ по дѣлу объ убійствѣ Оловянникова не представилъ своего мнѣнія, что обязанъ былъ сдѣлать.

Изъ сената Оловянниковское дѣло, по повелѣнію государя Николая Павловича было передано въ государственный совѣтъ. Государственный совѣтъ въ департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и въ общемъ собраніи, согласно съ сенатомъ, положилъ: Виссаріона Оловянникова и повара, а также Елизавету Я-скую сослать въ каторжныя работы, при чемъ повару прежде ссылки, въ той самой комнатѣ, гдѣ онъ задушилъ своего барина, назначено было дать чрезъ посредство палача 20 ударовъ кнутомъ. Сестра Елизаветы—Анна, которая, какъ это выяснилось изъ хода судебнаго дѣла, знала объ умыслѣ своей сестры на жизнь отца, была приговорена къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе.

Изъ другихъ виноватыхъ отмѣтимъ наказаніе К—ву и щигровскому уѣздному лѣкарю Д—у. Обоихъ было велѣно отрѣшить навсегда отъ должностей и впредь никогда въ службу не опредѣлять.

На мнѣніи государственнаго совѣта государемъ 27-го октября 1838 года написано: «Быть по сему».

Такова одна изъ жанровыхъ картинокъ дореформеннаго прошлаго на почвѣ суда и расправы.

А. Танковъ.

ПИРОГОВЪ И БУЛГАРИНЪ.

(Страница изъ біографіи Н. И. Пирогова) [1]).

Имя великаго ученаго и рядомъ съ нимъ имя величайшаго литературнаго проходимца — такое странное сосѣдство должно поразить каждаго, даже только поверхностно знакомаго съ личностью того и другого. Every inche a gentleman Пироговъ и «Видокъ Фиглярииъ»! Что дало поводъ поставить эти два имени рядомъ? Отвѣтъ напрашивается самъ собою. Вѣроятно, какая нибудь гадость, сотворенная почтеннымъ «дѣдушкой Ѳаддеемъ». И дѣйствительно, никого не уважавшій, начиная съ себя, или вѣрнѣе, кончая собой, Булгаринъ сдѣлалъ въ своей нечистоплотной газетѣ оскорбительную вылазку противъ Пирогова. Глубоко проникнутый чувствомъ уваженія къ себѣ, глубоко уважавшій печатное слово, Пироговъ отнесся къ выходкѣ Булгарина очень строго и очень серьезно, строже и серьезнѣе, можетъ быть, чѣмъ она заслуживала. Ту страстность, съ какою Пироговъ обрушился на Булгарина можно скорѣе всего объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ ясно видѣлъ скрытыя за спиною Булгарина торжествующія лица своихъ недоброжелателей изъ среды профессоровъ академіи. Мы думаемъ, что будемъ очень близки къ истинѣ, если предположимъ, что вся эта Булгаринская исторія представляетъ собою по началу не что иное, какъ стратегическій ходъ со стороны противниковъ

---

[1]) Читано 28-го ноября 1901 года въ торжественномъ въ память Пирогова обраніи соединенныхъ медицинскихъ обществъ въ С.-Петербургѣ.

Пирогова. Со свойственной ему порывистостью, на что и разсчитывали, Пироговъ очень сильно реагировалъ на выходку Булгарина. Вмѣстѣ съ тѣмъ Пироговъ вскорѣ понялъ, что Булгаринъ, производя свои клоунады, разсчитывалъ на горячій пріемъ и поддержку со стороны противниковъ Пирогова, чувствовалъ твердую почву подъ ногами. Поэтому, стремясь вывести Булгарина на свѣжую воду, Пироговъ хотѣлъ тѣмъ самымъ дать хорошій урокъ своимъ противникамъ, указать имъ, каковъ долженъ быть нравственный обликъ наставника. И вотъ возникло цѣлое офиціальное канцелярское дѣло «о понесенныхъ оскорбленіяхъ академикомъ Пироговымъ отъ надворнаго совѣтника Булгарина», дѣло, изъ-за котораго Пироговъ едва не оставилъ профессуры въ академіи.

Столкновеніе Пирогова съ Булгаринымъ представляетъ въ высокой степени интересную и поучительную страницу изъ біографіи великаго хирурга; оно служитъ яркой иллюстраціей, до какой степени доходили партійные раздоры профессоровъ тогдашней медико-хирургической академіи, до какихъ геркулесовыхъ столбовъ доходила неразборчивость въ средствахъ борьбы у противниковъ Пирогова. Съ другой стороны весь этотъ эпизодъ замѣчательно полно и эффектно освѣщаетъ то печальное явленіе въ нашей журналистикѣ, которое въ свое время называлось Булгаринскимъ.

Прежде, чѣмъ развернуть предъ вами біографію Пирогова на той страницѣ, которая посвящена Булгаринской исторіи, я позволю себѣ, въ цѣляхъ лучшаго уясненія этой «картинки нравовъ», вернуться нѣсколько назадъ и познакомить васъ съ тѣми событіями, стеченіе которыхъ привело Пирогова изъ тихаго, уютнаго Дерпта въ шумный, чиновный Петербургъ.

I.

10-го сентября 1838 года, происходило обычное засѣданіе конференціи Петербургской медико-хирургической академіи. Вдругъ въ залъ конференціи вбѣгаетъ студентъ фармаціи Иванъ Сочинскій и со словами: «Варваръ, ты обреченная моя жертва»,—бросается на профессора химіи Нечаева. Увидѣвъ предъ собой поднятый ножъ, хотя и перочинный, почтенный профессоръ сталъ защищаться кресломъ, а сосѣдъ его, профессоръ Калинскій, схватилъ Сочинскаго за руку. Не разбирая уже ничего, послѣдній наноситъ ударъ ножомъ Калинскому. Подоспѣвшіе на крикъ служители схватили и обезоружили Сочинскаго.

Описанный трагическій случай, окончившійся самымъ ужаснымъ образомъ для главнаго героя его, наказаннаго шпицрутенами и умершаго вскорѣ послѣ наказанія, имѣлъ также громадныя послѣдствія

для того учебнаго заведенія, въ стѣнахъ котораго онъ произошелъ. Въ то прямолинейное время подобные изъ ряда вонъ выходящіе поступки приводили всегда къ одному результату, а именно къ тому, что кого нибудь «прогоняли сквозь строй» и кого нибудь «отдавали въ солдаты». Такъ и было въ данномъ случаѣ.

Воспитанникъ учебнаго заведенія бросился съ ножомъ на профессора, неудовлетворительная отмѣтка котораго выбрасывала его изъ этого заведенія. Кого «прогнать сквозь строй»,—это было ясно. Но кого «отдать въ солдаты»? Рѣшили «отдать въ солдаты» самое учебное заведеніе, преступную alma mater несчастнаго Сочинскаго. Изъ вѣдомства гражданскаго академія была передана въ вѣдѣніе военнаго министерства и спеціально, excusez du peu, въ департаментъ военныхъ поселеній подъ властную руку «ученика и сподвижника» графа Аракчеева, Петра Андреевича Клейнмихеля, достойнаго продолжателя жестокихъ дѣлъ графа.

Карательная мѣра, примѣненная къ медико-хирургической академіи, оказалась, какъ это рѣдко бываетъ, благодѣтельной. Грозный попечитель академіи въ основу задуманнаго имъ преобразованія академіи положилъ одну весьма здравую мысль. Онъ порѣшилъ внести новый и прежде неизвѣстный элементъ въ составъ профессоровъ академіи и замѣстить всѣ вакантныя и вновь открывающіяся каѳедры профессорами, получившими образованіе въ университетахъ. «Подсказалъ ли кто Клейнмихелю эту мысль, или она сама, какъ Минерва изъ головы Юпитера, вышла въ полномъ вооруженіи изъ головы могущественнаго визиря,—это осталось мнѣ неизвѣстнымъ», говоритъ по этому поводу въ своихъ мемуарахъ Пироговъ.

Долголѣтняя идиллія, когда «почти всѣ члены конференціи академіи были воспитанниками этой академіи, и различіе между ними было только то, что одни были наставниками другихъ», эта идиллія, о которой съ такимъ умиленіемъ говорилъ одинъ изъ историковъ академіи [1]), была нарушена. Произошло своего рода «призваніе варяговъ», но не добровольное, со стороны самихъ профессоровъ, а подневольное, по желанію попечителя. Неудивительно, что профессора-аборигены встрѣтили профессоровъ-варяговъ далеко не съ распростертыми объятіями.

Благодаря этому «призванію варяговъ», и Пироговъ въ 1841 году перешелъ изъ Дерптскаго университета въ медико-хирургическую академію, занявъ новую, по его мысли, учрежденную каѳедру госпитальной хирургіи.

Курульныя кресла медико-хирургической академіи въ моментъ вступленія въ среду ея профессоровъ Н. И. Пирогова были замѣ-

---

[1]) Прозоровъ. Матеріалы для исторіи императорской С.-Петербургской медико-хирургической академіи. Спб. 1850.

щены далеко не блестяще. Наиболѣе видные представители стараго поколѣнія профессоровъ, Бушъ, Спасскій, Велланскій, этотъ россійскій шеллингистъ, о которомъ можно сказать, какъ о Парацельсѣ, qu'il rêve en plein midi et délire en pleine santé,—всѣ они сошли уже со сцены. Изъ всего состава коллегіи академическихъ профессоровъ можно было назвать лишь два, три имени, остальные члены коллегіи принадлежали къ тѣмъ профессорамъ, которые, по выраженію Гейне, не имѣютъ никакого имени. Во главѣ этой коллегіи былъ поставленъ съ громкимъ названіемъ президента академіи, но безъ всякой фактической власти, бывшій главный докторъ Московскаго госпиталя Иванъ Богдановичъ Шлегель, вполнѣ корректный человѣкъ и прекрасный, безукоризненно честный администраторъ, но совершенно чуждый наукѣ и потому лишенный въ глазахъ конференціи всякаго авторитета въ вопросахъ научнаго характера. Вершителемъ всѣхъ судебъ академіи являлся попечитель ея, П. А. Клейнмихель, предъ которымъ трепетала вся академія, начиная съ президента и кончая любымъ студентомъ. Президентъ зналъ, что въ случаѣ чего не остановились бы и предъ закрытіемъ академіи [1]), а студенты знали, что въ случаѣ чего каждый изъ нихъ могъ попасть подъ красную шапку. Какое либо не понравившееся ему представленіе конференціи Клейнмихель оставлялъ совершенно безъ отвѣта, помѣтивъ лишь на соотвѣтствующей бумагѣ кратко и выразительно вздоръ [2]). Къ студентамъ академіи Клейнмихель обращался на ты.

Послѣ автократическаго президентства баронета Виллie, послѣ грознаго попечительства Клейнмихеля, профессора были такъ запуганы, что въ иныхъ случаяхъ оказывались plus royalistes que le roi même. Такъ попечитель Анненковъ (третій попечитель академіи, замѣстившій Клейнмихеля) обратилъ вниманіе конференціи, что выраженія въ отчетѣ, читанномъ на актѣ профессоромъ Олендзскимъ о попеченіи вообще начальства и о попеченіи его Анненкова (какъ-то: называніе его меценатомъ, близкимъ сановникомъ императора, нисхожденіе отъ ступеней престола, недостижимость высокаго ума и добродѣтели, и проч.) должны считаться совершенно неумѣстными и даже неприличными, такъ какъ, во-первыхъ, попеченіе начальства о пользѣ ввѣреннаго ему заведенія принадлежитъ къ прямымъ его обязанностямъ и, слѣдовательно, не заслуживаетъ никакой особой похвалы, а, во-вторыхъ, подобная похвала, изъявленная въ присутствіи самихъ начальниковъ, въ глазахъ постороннихъ лицъ можетъ почесться прямою лестью. Поэтому просилъ впредь отчеты и рѣчи, предназначенныя читаться въ публичныхъ торжественныхъ

---

[1]) Исторія императорской военно-медицинской академіи за сто лѣтъ. Спб. 1898, стр. 357.

[2]) l. c., стр. 349.

фбраніяхъ, предварительно разсматривать въ общемъ собраніи кон«еренціи, а изъ настоящаго отчета, если его предположено гдѣ либо напечатать, «всѣ льстивыя выраженія насчетъ академическаго начальства и собственно его, Анненкова, исключить». Президентъ Шлегель принялъ въ данномъ случаѣ всю вину на себя и просилъ обратить весь выговоръ на него: «Чрезъ меня,—писалъ онъ Анненкову,—конференція получила совершенно невиннымъ образомъ столь чувствительное для ученаго общества нареканіе тѣмъ болѣе, что предписаніе вашего превосходительства должно было быть объявлено въ полномъ присутствіи (конференціи) и занесено въ протоколъ (засѣданія конференціи), слѣдовательно, остается навсегда въ лѣтописяхъ академіи и можетъ возбудить невыгодное впечатлѣніе на все учебное заведеніе не только между ученымъ сословіемъ Россіи, но болѣе всего за границею и быть причиною непріятныхъ для оной (академіи) сужденій». Попечитель согласился «отнестись по сему предмету» вмѣсто конференціи къ Шлегелю.

Весь укладъ академической жизни, въ который пришлось войти Пирогову, не отвѣчалъ ни основнымъ чертамъ его характера, ни той обстановкѣ, въ который протекли первыя 5 лѣтъ его профессорской дѣятельности въ Дерптѣ.

«Вѣрно, нигдѣ въ Россіи того времени, разсказываетъ Пироговъ, не жилось такъ привольно, какъ въ Дерптѣ. Главнымъ начальствомъ города былъ ректоръ университета. Старикъ полицеймейстеръ съ десяткомъ оборванныхъ казаковъ на тощихъ лошаденкахъ, которыхъ студенты, при нарушеніи общественнаго порядка, удерживали на мѣстѣ, цѣпляясь за хвосты,—полицеймейстеръ, говорю, этотъ держалъ себя, какъ подчиненный передъ ректоромъ; жандармскій полковникъ встрѣчался только въ обществахъ за карточнымъ столомъ. Университетъ, профессора и студенты господствовали».

Попечитель не игралъ особой роли въ Дерптѣ, и даже съ такимъ попечителемъ, какъ бывшій во времена Пирогова генералъ Крафштремъ—тоже экземпляръ на рѣдкость, «поступившій съ сѣдла на попечительство», Пироговъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не раскланивался, и между ними были натянутыя отношенія.

«Натянутыя отношенія» между кѣмъ либо изъ профессоровъ медико-хирургической академіи и ея попечителемъ Клейнмихелемъ послѣдній врядъ ли даже допускалъ и въ мысляхъ.

Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что въ Дерптѣ Пироговъ завѣдывалъ благоустроенной университетской клиникой, а въ Петербургѣ—хирургическимъ отдѣленіемъ громаднаго военнаго госпиталя. А каковы въ тѣ времена были госпитальные порядки, объ этомъ безъ ужаса нельзя говорить!

Первыя семь лѣтъ профессорства Пирогова въ медико-хирургической академіи можно безъ всякаго преувеличенія назвать семи-

лѣтней войной, которую пришлось вести Пирогову сначала съ госпитальной администраціей, гдѣ воръ на ворѣ сидѣлъ и воромъ погонялъ, а затѣмъ и съ враждебно настроеннымъ противъ него большинствомъ въ конференціи.

Во время этой войны противъ злобы и глупости, войны мелкой, приносившей Пирогову массу нравственныхъ мукъ, я увѣренъ, онъ не разъ вспоминалъ о той мирной идилліи, какой было его профессорство въ Дерптѣ, не разъ горько раскаивался, что «въ надеждѣ славы и добра» перешелъ въ Петербургъ. Въ этой войнѣ Пироговъ всегда дѣйствовалъ открыто, выступалъ съ поднятымъ забраломъ, въ то время, какъ его противники далеко не отличались особой разборчивостью въ средствахъ борьбы. Къ чему, къ чему только не прибѣгали противники Пирогова! Одинъ главный докторъ госпиталя напалъ на геніальную по своей простотѣ мысль: отдѣлаться отъ Пирогова, объявивъ его сумасшедшимъ. Эта геніальная идея, благодаря энергіи Пирогова, не встрѣтила, однако, сочувствія со стороны высшаго начальства, и никѣмъ непризнанному автору ея пришлось получить два основательныхъ нагоняя,—одинъ устный, другой письменный,—и въ крайне унизительной для него по своей торжественности обстановкѣ извиниться предъ Пироговымъ. Другой главный докторъ, менѣе геніальный, чѣмъ его предшественникъ, хотѣлъ подвести Пирогова подъ уголовную отвѣтственность за якобы насильственное производство операцій, вслѣдствіе чего больнымъ приходится ночью убѣгать изъ госпиталя, чтобы спастись отъ операціоннаго ножа Пирогова. Въ конференціи, если иниціатива какого либо предложенія или проекта исходила отъ Пирогова, послѣдній встрѣчалъ поддержку только со стороны немногихъ профессоровъ, остальные оказывали упорное противодѣйствіе и старались тормозить дѣло. Такъ, напримѣръ, проектъ Пирогова объ устройствѣ анатомическаго института встрѣтилъ въ конференціи возраженіе, что такой институтъ совершенно не нуженъ!

Наконецъ, царившій въ то время формализмъ, благодаря которому даже въ научномъ дѣятелѣ прежде всего видѣли чиновника, формализмъ, особенно рѣзко проявлявшійся въ военномъ вѣдомствѣ съ его желѣзной дисциплиной и безграничной субординаціей, въ вѣдомствѣ, гдѣ въ тѣ времена все было сосредоточено на «игрѣ носковъ»,— этотъ формализмъ могъ легко давать поводъ къ столкновеніямъ съ высшимъ начальствомъ. Такое столкновеніе и было у Пирогова незадолго до Булгаринской исторіи, о чемъ онъ упоминаетъ, много лѣтъ спустя, въ письмѣ къ баронессѣ Эдитѣ Раденъ, другу и помощницѣ великой княгини и великой женщины Елены Павловны. Пироговъ только-что вернулся тогда съ Кавказа, гдѣ онъ впервые примѣнялъ эѳирный наркозъ въ военно-полевой практикѣ, оперируя иногда по 12 часовъ въ сутки, на колѣняхъ и согнувшись въ три погибели, такъ какъ вмѣсто операціонныхъ столовъ служили

большіе камни. Довольный результатами своей поѣздки Пироговъ тотчасъ по возвращеніи явился къ военному министру, а затѣмъ на аудіенцію къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ.

Но позвольте мнѣ предоставить слово самому Пирогову.

«Никогда не забуду, пишетъ Пироговъ, въ какомъ душевномъ разстройствѣ я предсталъ предъ ней тогда, почти немедленно послѣ офиціальной аудіенціи у военнаго министра, гдѣ получилъ незаслуженный выговоръ. Утомленный мучительными трудами, въ нервномъ возбужденіи отъ результата своихъ испытаній на полѣ битвы, я велѣлъ доложить о себѣ военному министру почти тотчасъ по своемъ пріѣздѣ и не обратилъ вниманія, въ какомъ платьѣ я къ нему явился. За это я долженъ былъ выслушать рѣзкій выговоръ насчетъ моего нерадѣнія къ установленной формѣ отъ г. Анненкова (попечителя академіи). Я былъ такъ разсерженъ, что со мною приключился истерическій припадокъ со слезами и рыданіемъ (я теперь сознаюсь въ своей слабости). Послѣ этой выходки я рѣшился подать въ отставку и проститься съ академіей. Но аудіенція у великой княгини возвратила мнѣ бодрость духа и такъ меня успокоила, что я не обратилъ болѣе никакого вниманія на это отсутствіе такта въ моемъ начальствѣ».

И такое «отсутствіе такта» проявилъ Анненковъ, котораго безспорно слѣдуетъ причислить къ лучшимъ людямъ той эпохи, и котораго самъ Пироговъ считалъ таковымъ.

Это произошло въ 1847 году. А въ 1848 году разыгралась Булгаринская исторія.

II.

Теперь позвольте васъ познакомить съ тѣмъ лицомъ, которое какъ бы ввело почтеннаго Ѳаддея въ профессорскую коллегію академіи, и благодаря которому Булгаринъ нежданно-негаданно изъ фельетониста «Сѣверной Пчелы» превратился въ какого-то совѣщательнаго члена конференціи медико-хирургической академіи спеціально по вопросу объ ученыхъ достоинствахъ кандидатовъ на каѳедры. Лицомъ этимъ былъ экстраординарный профессоръ Шипулинскій, желавшій во что бы то ни стало сдѣлаться ординарнымъ профессоромъ.

Съ 1844 года, когда произошли первые выборы, на которыхъ Шипулинскій былъ забаллотированъ, и вплоть до 1848 года, когда должны были произойти новые выборы, Шипулинскій, какъ изъ рога изобилія, сыпалъ разными заявленіями, жалобами, прошеніями на высочайшее имя, стараясь запугать конференцію и оказать на нее давленіе извнѣ. Находя такой образъ дѣйствій Шипулинскаго далеко не корректнымъ, нѣкоторые профессора, въ томъ числѣ и Пироговъ, вооружились противъ Шипулинскаго. Когда же въ

концѣ 1847 года (29-го ноября) и въ началѣ 1848 года (11-го февраля), для открытія избирательной кампаніи, въ «Сѣверной Пчелѣ» появились фельетоны съ неумѣренно хвалебными замѣтками объ изобрѣтеніяхъ профессора Шипулинскаго, Пироговъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими профессорами высказалъ мнѣніе, что замѣтки эти внушены самимъ Шипулинскимъ. Мнѣніе это было высказано въ конференціи, въ одномъ изъ засѣданій которой фельетонъ «Сѣверной Пчелы» удостоился прочтенія. За допущеніе къ прочтенію въ засѣданіи конференціи фельетона «Сѣверной Пчелы» относительно экстраординарнаго профессора Шипулинскаго» президентъ Шлегель получилъ впослѣдствіи «замѣчаніе отъ высшаго начальства».

Упрекъ по адресу Шипулинскаго въ рекламированіи себя при просвѣщенномъ содѣйствіи «Сѣверной Пчелы» былъ, повидимому, справедливъ. Уже одна маленькая, но бросающаяся въ глаза, чисто внѣшняя особенность указываетъ на то, что статейки о Шипулинскомъ преслѣдовали и особую цѣль: въ нихъ Шипулинскій постоянно титулуется экстраординарнымъ профессоромъ, при чемъ слово «экстраординарный» также постоянно напечатано курсивомъ. Это было своего рода avis aux lecteurs. Читатели должны были вывести слѣдующее заключеніе: «Вотъ, молъ, такой замѣчательный ученый, а всего только экстраординарный профессоръ». Рекламный характеръ этихъ замѣтокъ былъ очень картинно очерченъ въ чрезвычайно остроумной и бойко написанной статьѣ, помѣщенной въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» [1]) за 1848 годъ подъ заглавіемъ «Письмо къ провинціальному врачу отъ провинціальнаго же врача, проживающаго въ столицѣ».

Заявленіе Пирогова, что статьи «Сѣверной Пчелы» инспирированы самимъ Шипулинскимъ, повело къ странному результату. Совершенно неожиданно на сцену выступило новое лицо. Нашелся рыцарь безъ страха и упрека, который вступился за угнетенную невинность профессора Шипулинскаго. Рыцарь этотъ, посѣдѣлый въ бояхъ, уже въ теченіе 28 лѣтъ ломалъ копья за «правду» на аренѣ русской журналистики и былъ не кто иной, какъ самъ Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ, редакторъ «Сѣверной Пчелы» и авторъ хвалебныхъ реляцій о научныхъ подвигахъ экстраординарнаго профессора Шипулинскаго.

Узнавъ неисповѣдимыми путями, какимъ успѣхомъ пользуются въ конференціи его печатные труды, съ какимъ интересомъ читаются въ конференціи его фельетоны, Булгаринъ рѣшилъ порадовать своихъ читателей и почитателей среди профессоровъ академіи, отблагодарить ихъ за ихъ вниманіе къ нему и его органу. И вотъ Булгаринъ обращается уже непосредственно къ членамъ конференціи,

---

[1]) С.-Петербургскія Вѣдомости, 1848 г., № 54.

присылаетъ въ конференцію письмо, въ которомъ беретъ подъ свою защиту все того же экстраординарнаго профессора Шипулинскаго.

Новоявленный защитникъ чести профессора Шипулинскаго былъ въ достаточной степени знакомъ Пирогову еще по Дерпту, гдѣ у Булгарина подъ самымъ городомъ была дача-мыза Карлово, и гдѣ Булгаринъ ежегодно проводилъ по нѣскольку мѣсяцевъ.

«Булгаринъ,—разсказываетъ о томъ времени Пироговъ,—старался всюду проникнуть и со всѣми познакомиться, фрапируя каждаго своей развязностью, походившей на наглость. Во время годовой ярмарки онъ ходилъ по лавкамъ заѣзжихъ петербургскихъ и московскихъ купцовъ и, когда они не уступали въ цѣнѣ, то грозилъ имъ во всеуслышаніе, что разругаетъ ихъ въ «Сѣверной Пчелѣ»».

Въ мемуарахъ Пирогова, доведенныхъ имъ только до начала петербургскаго періода его жизни, не упоминается нигдѣ, хотя бы попутно, объ его исторіи съ Булгаринымъ. Правда, въ нѣсколькихъ мѣстахъ своихъ записокъ Пироговъ посвящаетъ нѣсколько прочувствованныхъ строкъ эсквайру of Carlowo, при чемъ въ одномъ мѣстѣ онъ даетъ, какъ нѣмцы говорятъ, dem Kinde den rechten Namen, прилагая къ Булгарину одинъ довольно опредѣленный, хотя не вполнѣ парламентарный, зоологическій терминъ [1]).

Письмо, присланное Булгаринымъ въ конференцію, какъ нельзя лучше иллюстрируетъ ту «развязность, походившую на наглость» о которой говоритъ Пироговъ.

«Слухомъ земля полнится,—такъ начинаетъ свое посланіе Булгаринъ,—дошли до меня слухи, будто бы профессоръ Пироговъ въ числѣ доводовъ, по которымъ экстраординарный профессоръ Шипулинскій не можетъ быть профессоромъ ординарнымъ въ академіи, приводитъ и то обстоятельство, что въ издаваемой мною «Сѣверной Пчелѣ» было напечатано о нѣкоторыхъ его ученыхъ трудахъ». «Профессору Пирогову вздумалось,—продолжаетъ Булгаринъ,—какъ я слышалъ, утверждать, будто эти извѣстія написаны самимъ профессоромъ Шипулинскимъ или, по крайней мѣрѣ, по его внушенію, и потому профессоръ Пироговъ обвинялъ профессора Шипулинскаго въ самохвальствѣ и шарлатанствѣ». «Если бы эта клевета касалась меня одного,—благородно заявляетъ Ѳаддей,—то я, зная г. Пирогова съ разныхъ сторонъ, не обратилъ бы ни малѣйшаго вниманія на его слова, но какъ онъ возводитъ клевету на человѣка, многою всѣми уважаемаго, то я, какъ редакторъ газеты, удостоенной всемилостивѣйшаго высочайшаго вниманія государя императора, какъ литераторъ, взысканный монаршею милостью за мои труды и пользующійся довѣріемъ и благосклонностью публики въ теченіе 28 лѣтъ, чего нельзя иначе пріобрѣсти, какъ правдою, я прошу гг. членовъ конференціи обратить вниманіе на нижеслѣдую-

[1]) Сочиненія Н. И. Пирогова. Спб. Т. I, стр. 528.

щее». Прежде всего Булгаринъ заявляетъ, что Шипулинскій «никогда не просилъ его, чтобы онъ извѣщалъ публику объ ученыхъ трудахъ Шипулинскаго, а тѣмъ паче, чтобы хвалилъ и прославлялъ». «Честный и благородный г. Шипулинскій,—патетически восклицаетъ Булгаринъ, — хорошо понимаетъ, что похвала по просьбѣ хуже поруганія».

«Хотя я не медикъ,—повѣствуетъ далѣе Булгаринъ,—но всѣ знающіе меня медики скажутъ вамъ, что я не совершенный профанъ въ медицинѣ, ибо въ теченіе 3 лѣтъ слушалъ курсы различныхъ отраслей медицины въ Виленскомъ университетѣ единственно изъ любви къ наукѣ, и если не умѣю лѣчить, то умѣю отличить ученаго медика отъ шарлатана или проворнаго рѣзуна». Затѣмъ авторъ письма сообщаетъ конференціи, что онъ читаетъ медицинскія книги и журналы и выписываетъ ихъ для себя изъ-за границы, въ чемъ можно удостовѣриться въ почтовой экспедиціи, и что онъ, какъ журналистъ, обязанъ слѣдить за ходомъ и успѣхомъ науки. Никому, кромѣ Пирогова, не могло, по мнѣнію Булгарина, показаться удивительнымъ, что говорили въ «Сѣверной Пчелѣ» о трудахъ Шипулинскаго, когда объ нихъ говорено было и въ русскихъ и въ нѣмецкихъ медицинскихъ журналахъ. «Гораздо удивительнѣе,—пишетъ Булгаринъ,—что профессоръ Пироговъ, не зная или не желая знать о его (Шипулинскаго) ученыхъ трудахъ, могъ предположить такую низость во мнѣ и въ г. Шипулинскомъ, якобы г. Шипулинскій самъ себя хвалилъ, а я допускалъ это въ моей газетѣ. Профессоръ Пироговъ, вѣроятно, не знаетъ, что недоказанная клевета наказывается законами, а нѣтъ выше оскорбленія, какъ обвиненіе человѣка во лживости,—поучаетъ Булгаринъ.—Профессоръ Пироговъ вѣрно забылъ также, что объ немъ гораздо чаще было говорено въ газетахъ и журналахъ, нежели о г. Шипулинскомъ. «Сѣверная Пчела» нѣсколько разъ говорила съ похвалой о немъ и еще недавно въ текущемъ году публиковала объ его пребываніи въ Кіевѣ и сдѣланныхъ тамъ операціяхъ. Не за то ли разгнѣвался профессоръ Пироговъ, что «Сѣверная Пчела» не напечатала рѣчи, произнесенной въ честь его, рѣчи, наполненной преувеличенными похвалами, которыя серьезное дѣло превратили въ смѣшное, превознося профессора Пирогова не только превыше Гиппократа, но даже превыше языческаго бога медицины Эскулапа! «Сѣверная Пчела» по благоразумію отвергла рѣчь сію, охраняя честь профессора Пирогова. Въ журналѣ «Библіотека для Чтенія» печатали такія похвалы профессору Пирогову, какихъ не удостоился еще ни одинъ медикъ, ни одинъ хирургъ и ни одинъ анатомъ въ мірѣ! Даже въ «Полицейской Газетѣ», гдѣ каждый можетъ хвалить себя, свои изобрѣтенія и труды по таксѣ, выставленной въ заглавіи, — печатались похвалы профессору Пирогову! Ужели должно предполагать, что самъ профессоръ Пироговъ написалъ ко мнѣ похвальное слово себѣ

изъ Кіева, что онъ напрашивалъ или задабривалъ редактора «Библіотеки для Чтенія», давая ему медицинскія статьи въ журналъ (какъ, напримѣръ, объ этеризаціи, напечатанныя лѣтомъ), и, наконецъ, самъ помѣщалъ похвалы себѣ въ «Полицейской Газетѣ»? Оскорбленіе, нанесенное профессоромъ Пироговымъ г. Шипулинскому и мнѣ, тѣмъ болѣе оскорбляетъ меня, что я предполагалъ въ немъ любовь къ наукѣ и вслѣдствіе того безпристрастіе къ людямъ, совмѣстно трудящимся на ея поприщѣ, и, читая похвалы, печатаемыя его приверженцами въ журналахъ, вѣрилъ, что лѣта и важныя занятія измѣнили въ немъ тотъ характеръ, которымъ онъ отличался въ Дерптѣ, и что весьма было бы полезно для блага науки, которая всегда страждетъ отъ враждованія ея жрецовъ».

Письмо оканчивается одною изъ обычныхъ Булгаринскихъ тирадъ о его правдолюбіи, тирадъ, въ которыхъ Булгаринъ склонялъ правду во всѣхъ падежахъ и извращалъ истину во всѣхъ направленіяхъ.

«Руководствуясь всегда и во всемъ правдою,—пишетъ Булгаринъ,—защищая, по мѣрѣ силъ моихъ, все отечественное, сокрушаясь каждой несправедливостью, я почелъ обязанностью довести до свѣдѣнія гг. членовъ конференціи, что предположеніе профессора Пирогова (если онъ въ самомъ дѣлѣ сдѣлалъ его, что почти невѣроятно), будто бы профессоръ Шипулинскій напрашивался на похвалы въ «Сѣверной Пчелѣ»,—ложное и оскорбительное для чести моей и для чести г. Шипулинскаго. Dixi ex animam meam salvavi!»

Ѳаддеево посланіе было прочитано въ засѣданіи конференціи ученымъ секретаремъ ея.

И развязное начало письма и заключительное латинское изреченіе—все это придаетъ письму Булгарина какую-то фамильярность дурного тона, который онъ никоимъ образомъ не долженъ былъ себѣ позволить, обращаясь письменно къ коллегіи профессоровъ высшаго учебнаго заведенія. Не говоря уже о крайне оскорбительныхъ выраженіяхъ и намекахъ по адресу Пирогова, письмо Булгарина и по самому существу своему и по своей формѣ носило оскорбительный для всей конференціи характеръ. Это прежде всего и понялъ попечитель академіи Анненковъ, какъ только онъ ознакомился съ этимъ оригинальнымъ произведеніемъ Булгаринскаго пера. Въ виду этого Анненковъ «письмо издателя «Сѣверной Пчелы» надворнаго совѣтника Булгарина, адрессованное имъ въ конференцію императорской медико-хирургической академіи, счелъ долгомъ довести до свѣдѣнія военнаго министра», чѣмъ и доказалъ, что понималъ свой долгъ, какъ попечителя академіи, дорожащаго честью академіи.

Военнымъ министромъ былъ въ то время князь Александръ Ивановичъ Чернышевъ, личный другъ императора Николая Павловича,

человѣкъ недюжиннаго ума и независимаго характера. Къ подвѣдомственной ему академіи Чернышевъ всегда относился съ большою заботливостью. Онъ умѣлъ уважать научныхъ дѣятелей и старался привлекать въ академію лучшія научныя силы и удерживать въ ней талантливыхъ профессоровъ. Такъ, напримѣръ, когда такой выдающійся профессоръ, какимъ былъ Зейдлицъ, хотѣлъ по болѣзни оставить службу, Чернышевъ предложилъ ему взять для излѣченія отпускъ, на сколько ему угодно времени.

По приказанію Чернышева, Анненковъ имѣлъ съ Булгаринымъ личное объясненіе. Надо полагать, что попечитель академіи объяснилъ Ѳаддею Венедиктовичу, что онъ ни съ Пироговымъ, ни съ кѣмъ либо инымъ изъ членовъ конференціи не учился, какъ говорятъ французы, по одной азбукѣ и потому не долженъ былъ допускать такого развязнаго тона въ своемъ письмѣ. Результатомъ этого объясненія было извинительное письмо Булгарина на имя Анненкова, препровожденное послѣднимъ президенту Шлегелю.

Въ этомъ письмѣ, написанномъ, конечно, по требованію Анненкова, Булгаринъ уже въ довольно минорномъ тонѣ «имѣетъ честь донести, что письмомъ своимъ въ конференцію медико-хирургической академіи онъ вовсе не имѣлъ намѣренія нанести обиду или оскорбленіе г. профессору Пирогову, но желалъ только опровергнуть мнѣніе, обнаруженное въ конференціи, будто бы въ «Сѣверной Пчелѣ» помѣщено было извѣстіе объ ученыхъ трудахъ д-ра Шипулинскаго по его собственному внушенію».

«Почитая себя,—пишетъ Булгаринъ,—крайне обиженнымъ и оскорбленнымъ такимъ мнѣніемъ, я не могъ взвѣшивать словъ и выраженій въ первомъ порывѣ чувствъ, а потому, если въ письмѣ есть какое жесткое слово или неловкое выраженіе, то они сорвались съ пера не для обиды кого бы то ни было и не изъ неуваженія къ конференціи, но единственно отъ глубокой скорби, которою я былъ объятъ отъ взведеннаго на меня подозрѣнія въ дѣлѣ, на которое ни я, ни почтенный д-ръ Шипулинскій никогда бы не рѣшились, почитая его безчестнымъ».

Сравнивая оба письма Булгарина, нельзя сказать comparaison n'est pas raison. Здѣсь сравненіе очень многое доказываетъ. Укажу только на одно. Мы говорили, что въ рекламированіи себя Шипулинскаго обвинялъ не одинъ только Пироговъ, но также и другіе профессора. Это, конечно, было прекрасно извѣстно Булгарину. Между тѣмъ въ своемъ первомъ письмѣ Булгаринъ говоритъ исключительно только о Пироговѣ, какъ взводившемъ такое обвиненіе на Шипулинскаго. Въ своемъ второмъ письмѣ Булгаринъ выражается совершенно иначе: онъ говоритъ глухо о «мнѣніи, обнаруженномъ въ конференціи».

III.

Казалось бы, что извинительнымъ письмомъ Булгарина все дѣло должно было бы закончиться. Человѣкъ сгоряча написалъ рѣзкое письмо, ему выяснили, что оно оскорбительно, и онъ письменно же извинился. Кажется, дѣло просто. Но здѣсь именно дѣло было не такъ просто, «но умыселъ другой тутъ былъ».

Выступая защитникомъ и бардомъ Шипулинскаго, Булгаринъ имѣлъ въ виду не столько возстановленіе чести Шипулинскаго, сколько оскорбленіе чести Пирогова. Булгаринъ хотѣлъ во что бы то ни стало оскорбить Пирогова, задѣть его. Это желаніе проходитъ красною нитью чрезъ все его письмо въ конференцію, письмо, въ которомъ, какъ мы уже указывали, Булгаринъ нападаетъ только на одного Пирогова, оставляя совершенно въ сторонѣ другихъ профессоровъ, также обвинявшихъ Шипулинскаго въ рекламированіи себя на страницахъ «Сѣверной Пчелы». Своимъ письмомъ въ конференцію, своими нападками на Пирогова въ этомъ письмѣ Булгаринъ преслѣдовалъ только одну цѣль: вывести Пирогова изъ терпѣнія и вовлечь его въ журнальную полемику. Если бы Пироговъ вступилъ въ полемику съ Булгаринымъ, то затѣянная противъ Н. И. кампанія приняла бы грандіозные размѣры по количеству той грязи, которою забросалъ бы его Ѳаддей. Это понималъ Булгаринъ, это понимали недоброжелатели Пирогова изъ среды академическихъ профессоровъ, которые унизились до союза съ Булгаринымъ, но это понималъ и самъ Пироговъ. Пироговъ зналъ, что такое—полемика съ Булгаринымъ.

Вотъ какъ рисуетъ намъ Бѣлинскій [1]) литературные пріемы Булгарина.

«Журналистикой,—говоритъ Бѣлинскій,—началъ онъ свое литературное поприще, журналистикой и оканчиваетъ его теперь (писано въ 1846 году). Но и здѣсь, какъ и во всемъ, остался онъ вѣренъ самому себѣ: никакихъ принциповъ, никакихъ убѣжденій, одна литературная тактика, какъ и двадцать лѣтъ назадъ. Такъ же точно говоритъ онъ неумолкаемо о своей любви къ правдѣ и о своихъ «врагахъ». Такъ же точно хвалитъ сегодня то, что бранилъ вчера, и что снова будетъ хвалить завтра, смотря по отношеніямъ. Такъ же точно позволяетъ себѣ приписывать своимъ противникамъ то, чего они не дѣлали и не говорили, и возражать на мнѣнія, которыхъ они никогда не обруживали». Не правда ли, какъ пріятно было вести полемику съ такимъ противникомъ? Но это—только одна сторона медали. Другая — заключалась въ близости

[1]) Сочиненія В. Бѣлинскаго. Часть XII. Москва. 1874 г.

Булгарина къ III-му Отдѣленію, что придавало его полемикѣ совершенно особый букетъ.

III-е Отдѣленіе, въ лицѣ Бенкендорфа и Дубельта, всегда оказывало особое покровительство Булгарину. Когда послѣдній окончательно сталъ «патріотомъ своего отечества», онъ пожелалъ «избавиться отъ званія французскаго капитана», подобно тому, какъ позднѣе его protegé Шипулинскій пожелалъ избавиться отъ званія экстраординарнаго профессора. Благодаря представленіямъ Бенкендорфа [1]), Булгаринъ былъ опредѣленъ въ министерство народнаго просвѣщенія, но никакой должности въ этомъ министерствѣ не исполнялъ, а «былъ употребляемъ по усмотрѣнію Бенкендорфа по письменной части на пользу службы и всѣ порученія исполнялъ съ отличнымъ усердіемъ». Какія опасенія внушала всѣмъ близость Булгарина къ Бенкендорфу, можно судить по тому, что Пушкинъ послѣ первыхъ нападокъ Булгарина на него въ «Сѣверной Пчелѣ» счелъ нужнымъ предупредить Бенкендорфа о своихъ отношеніяхъ къ этому человѣку (Булгарину), потому что послѣдній могъ бы причинить ему un mal infini [2]). Къ Дубельту Булгаринъ стоялъ еще ближе и называлъ его въ письмахъ «отцемъ и командиромъ». Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Дубельту Ѳаддей самъ сообщаетъ, что однажды въ обществѣ онъ говорилъ о Дубельтѣ съ такимъ чувствомъ, что одинъ изъ старыхъ остряковъ назвалъ его Ѳаддеемъ Дубельтовичемъ.

Ѳаддея Дубельтовича Булгарина, этого матадора журнальной полемики, который, по выраженію Бѣлинскаго, «ссорился съ людьми, которые уже печатались, когда еще онъ не начиналъ учиться грамотѣ, ссорился съ людьми, которые еще не начинали учиться грамотѣ, когда уже онъ печатался»,—вотъ кого выдвинули на первую линію противъ Пирогова недоброжелатели послѣдняго.

Булгаринъ, надо отдать ему справедливость, повелъ кампанію противъ Н. И. очень ловко. Другого, не такого «любителя правды», могло бы нѣсколько смутить одно маленькое обстоятельство: весьма лестный отзывъ о Пироговѣ по поводу его пребыванія въ Кіевѣ, отзывъ, помѣщенный уже въ «Сѣверной Пчелѣ» и притомъ самимъ Булгаринымъ [3]). Но Булгаринъ былъ выше этого! «Ловкій товарищъ» Греча даже очень ловко упомянулъ объ этомъ отзывѣ въ своемъ письмѣ въ конференцію.

Итакъ, предавъ забвенію свой лестный отзывъ о Пироговѣ, Булгаринъ приступилъ къ дѣлу, но повелъ его издалека.

28-го февраля (1848 года) въ обычномъ фельетонѣ Булгарина [4]),

---

[1]) Сухомлиновъ, М. И. Полемическія статьи Пушкина. Историческій Вѣстникъ, 1884 г., т. III.

[2]) Сухомлиновъ, М. И., l. c., стр. 482.

[3]) «Сѣверная Пчела», 1848 г., № 22.

[4]) «Сѣверная Пчела», 1848 г., № 46.

носившемъ названіе «журнальной всякой всячины», но бывшемъ, по словамъ Бѣлинскаго, «хуже всякой всячины», появилась небольшая замѣтка по поводу «Отчета общества русскихъ врачей» за 1847 годъ. Въ этомъ «Отчетѣ» нѣсколько страницъ было посвящено эѳирному наркозу, при чемъ отдавалось должное Пирогову, потрудившемуся столько въ этомъ вопросѣ. Отозвавшись съ похвалой объ обществѣ и его трудахъ, авторъ фельетона дѣлаетъ совершенно не идущее къ дѣлу postscriptum, въ которомъ, какъ это зачастую бываетъ, и заключается вся соль.

«Читая всѣ русскіе медицинскіе журналы, — заявляетъ Булгаринъ,—мы удивляемся, что никто изъ ученыхъ врачей нашихъ не взялъ на себя необходимой обязанности слѣдить за ложными мнѣніями, утвердившимися въ публикѣ насчетъ медицины и хирургіи, и опровергать заблужденія силой правды. Такъ, напримѣръ, хирургія болѣе подлежитъ общему мнѣнію, какъ дѣло видимое, и о ней именно имѣютъ у насъ самое ложное понятіе, полагая все достоинство хирургической операціи въ скорости. Но если бы скорость составляла достоинство операціи, тогда бы пушечное ядро или топоръ были самыми лучшими инструментами! Важность операціи состоитъ не въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе отрѣзать или вырѣзать больную часть тѣла у человѣка, но чтобы искусно вырѣзать или отрѣзать и самому вылѣчить. Тотъ истинно великій хирургъ, который болѣе вылѣчилъ людей, подвергнувшихся операціи, а не тотъ, который много и скоро рѣзалъ, не боясь, что будетъ послѣ того съ больнымъ. Это—чистая логика!—патетически восклицаетъ Булгаринъ.—Знаменитый Ларрей, главный хирургъ Наполеоновской арміи, изгонялъ изъ арміи проворныхъ рѣзуновъ, которые всю славу свою поставляли въ бо́льшемъ числѣ и въ скорости операцій, и терпѣть не могъ хирурговъ, которые дерзко приступали къ рѣзанію, какъ будто къ тушѣ мяса. Нѣжность, состраданіе, мягкость пріемовъ и человѣколюбіе — первыя качества хирурга». Ларрей, разсказываетъ далѣе Булгаринъ, представилъ къ исключенію изъ службы одного хирурга, который вскрылъ трупъ своей жены; Ларрей мотивировалъ свое представленіе тѣмъ, что «этотъ человѣкъ—безъ сердца и не можетъ стяжать уваженія честныхъ и благородныхъ людей». Къ этому анекдоту о Ларреѣ Булгаринъ дѣлаетъ въ выноскѣ примѣчаніе, въ которомъ говоритъ, что, «къ счастію, примѣры такой безчувственности и сердцеокаменѣлости такъ же рѣдки, какъ телята съ двумя головами, и что онъ, по крайней мѣрѣ, знаетъ одинъ только примѣръ». Не требуется особой проницательности, чтобы догадаться, что этотъ одинъ примѣръ—Пироговъ.

«А мы, профаны,—не безъ ироніи продолжаетъ Булгаринъ,—судимъ по наружности! Кто смѣлѣе приступилъ къ дѣлу, да скорѣе отрѣзалъ, тотъ у насъ и молодецъ, а что будетъ послѣ, того мы не узнаемъ, слѣдовательно, о томъ и не заботимся. Покорнѣйше про-

симъ почтенныхъ и ученыхъ врачей бесѣдовать съ нашей публикой и просвѣщать насъ, внушая истинное понятіе о наукѣ».

Въ заключительномъ аккордѣ этой Булгаринской прелюдіи мы встрѣчаемъ уже прямой намекъ на Пирогова въ формѣ замѣчанія на отчетъ Общества русскихъ врачей, что «пора бы, кажется, бросить толки о сѣрномъ эѳирѣ и приборахъ къ его употребленію и положить дѣло въ архивъ, въ отдѣленіе древней исторіи, а вмѣсто того исчислить: сколько каждый изъ нашихъ хирурговъ сдѣлалъ счастливыхъ операцій и сколько людей самъ вылѣчилъ послѣ операціи. По этому исчисленію можно было бы навѣрное опредѣлить заслуги и достоинства господъ хирурговъ».

Приведенная замѣтка Булгарина носила на первый взглядъ такой безобидный характеръ общаго разсужденія, что была полностью перепечатана въ лучшемъ медицинскомъ журналѣ того времени, издававшемся въ Петербургѣ на нѣмецкомъ языкѣ подъ названіемъ «Medicinische Zeitung Russlands» и подъ редакціей доктора Максимиліана Гейне, родного брата поэта.

Итакъ первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ, кампанія противъ Пирогова началась. Но желанный эффектъ не получился. Благодаря своей «безчувственности и сердцеокаменѣлости», Пироговъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на замѣтку Булгарина, въ которой послѣдній съ такимъ краснорѣчіемъ взводилъ на великаго хирурга тяжкое обвиненіе

Что кровь готовъ онъ лить, какъ воду.

Неунывающій Ѳаддей рѣшилъ тогда повести аттаку съ другого фланга и написалъ извѣстное уже намъ письмо въ конференцію медико-хирургической академіи. Это письмо было, слѣдовательно, второй перчаткой, которую бросалъ Булгаринъ Пирогову, но Н. И. не желалъ поднимать грязныхъ перчатокъ Ѳаддея Дубельтовича. Такимъ образомъ и этотъ стратегическій ходъ оказался неудачнымъ и повелъ къ совершенно неожиданному результату. Вмѣсто полемики съ Пироговымъ,—полемики, все удовольствіе которой уже предвкушалъ Ѳаддей, ему пришлось имѣть «объясненіе» съ Анненковымъ, пришлось сразу сбавить тонъ и извиняться.

Неудача съ письмомъ въ конференцію не обезкуражила Булгарина. Онъ не думалъ сложить оружія. Для него только стало яснымъ, что для того, чтобы нанести Пирогову чувствительный ударъ, нужно придумать что нибудь особенное. И Булгаринъ оправдалъ возложенныя на него надежды. Булгаринъ дѣйствительно придумалъ нѣчто совершенно особенное.

Если Булгаринъ, какъ онъ писалъ въ своемъ письмѣ въ конференцію, зналъ Пирогова съ разныхъ сторонъ, но вѣрилъ, что лѣта и важныя занятія измѣнили тотъ характеръ, которымъ онъ отличался въ Дерптѣ, то и Пироговъ, въ свою очередь, зналъ Бул-

гарина съ разныхъ сторонъ, но никогда не вѣрилъ, чтобы что либо могло измѣнить тотъ характеръ, которымъ Булгаринъ отличался и въ Дерптѣ, и въ Петербургѣ, и вездѣ, гдѣ бы онъ ни былъ. Но то, что произошло одновременно съ присылкой извинительнаго письма Булгаринымъ, то, что Ѳаддей сдѣлалъ въ то же самое время, въ тотъ же самый день, какимъ помѣчено его извинительное письмо,—такого поступка, я думаю, и Пироговъ не ожидалъ даже отъ Булгарина!

10-го марта, на другой день послѣ объясненія съ Анненковымъ, Булгаринъ написалъ свое извинительное письмо, и 10-го же марта тотъ же Булгаринъ помѣстилъ въ «Сѣверной Пчелѣ» фельетонъ [1]), въ которомъ взводилъ на Пирогова завѣдомо ложное обвиненіе въ плагіатѣ! Фельетонъ этотъ даже теперь производитъ при чтеніи гнусное впечатлѣніе, такъ какъ очевидно, что авторъ фельетона прекрасно зналъ, что каждое его слово — гнусная ложь, каждое утвержденіе—наглая передержка. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе этотъ фельетонъ долженъ былъ произвести на Пирогова!

Уже самое начало фельетона говоритъ за себя.

«Возлѣ каждаго журнала,—такъ начинаетъ Булгаринъ,—вьются роемъ трутни, которые хотятъ поживиться медкомъ, т. е. попасть въ журналъ съ чѣмъ нибудь для прославленія своего собственнаго имени или имени пріятеля. Такимъ образомъ и «Библіотека для Чтенія» при всемъ умѣ и учености ея редактора попала впросакъ. Если глупецъ ошибется, то умный человѣкъ поправитъ, а если умный человѣкъ дастъ промахъ, то ужъ поправить ничѣмъ нельзя, какъ обнаруженіемъ истины. Послушайте и вы удивитесь, какую шутку сыграли съ «Библіотекой для Чтенія»!»

Оказывается, что въ «Библіотекѣ для Чтенія» за 1844-й годъ [2]) была помѣщена статья по поводу сочиненія Пирогова «Полный курсъ прикладной анатоміи человѣческаго тѣла», сочиненія, вышедшаго въ свѣтъ въ томъ же 1844-мъ году и удостоеннаго академіей наукъ полной Демидовской преміи. Статья, помѣщенная въ «Библіотекѣ для Чтенія», не представляла собою критическаго разбора или реферата названнаго сочиненія Пирогова. Только въ началѣ статьи говорится о сочиненіи Пирогова, отдается должное этому труду, и высказывается та мысль, что и большая публика должна бы знакомиться съ подобными учеными работами. Затѣмъ авторъ статьи даетъ читателямъ довольно хорошо составленный популярный очеркъ компилятивнаго характера по анатоміи верхней конечности. Ни о Пироговѣ, ни о его «Курсѣ прикладной анатоміи», въ самомъ очеркѣ, занимающемъ 44 страницы и снабженномъ многочисленными рисунками, нѣтъ ни слова. Въ заклю-

---

[1]) «Сѣверная Пчела», 1848, № 55.

[2]) «Библіотека для Чтенія», 1844. Томъ 63. Отдѣлъ критики, стр. 37—82.

ченіе авторъ отсылаетъ тѣхъ читателей, которые заинтересовались вопросомъ, благодаря его очерку, къ сочиненію Пирогова.

Вотъ этой-то статьей «Библіотеки для Чтенія», напечатанной за 4 года до описываемыхъ событій, Булгаринъ и воспользовался для обвиненія Пирогова въ плагіатѣ его «Курса прикладной анатоміи» изъ сочиненія Чарльза Белля о человѣческой рукѣ.

Сдѣлавъ массу передержекъ въ начальномъ отдѣлѣ статьи, благоразумно не приведя конца статьи, Булгаринъ указываетъ заимствованія, сдѣланныя авторомъ компилятивнаго очерка изъ труда Чарльза Белля, нагло выдавая этотъ текстъ за текстъ сочиненія Пирогова.

«Послѣ этихъ неоспоримыхъ уликъ,—заканчиваетъ Булгаринъ,—мы имѣемъ полное право предложить на разрѣшеніе всѣхъ просвѣщенныхъ людей вопросъ: къ кому же теперь должно отнесть всѣ высокопарныя прилагательныя «Библіотеки для Чтенія»:—«плодъ долголѣтнихъ трудовъ геніальнаго человѣка», «все здѣсь привлекательно», «умный ножъ» и т. д., къ Чарльзу Беллю или г. Пирогову? Вѣдь «Библіотека для Чтенія» представила текстъ Чарльза Белля и его таблицы, а похвалы отнесла къ г. Пирогову! Помилуйте, за что же обижать ученаго Чарльза Белля? Виноватъ ли онъ, что издалъ свое сочиненіе и таблицы восемью годами прежде г. Пирогова? Сознаемся, что этого мы не видали еще ни въ одной литературѣ и даже не знаемъ, какъ это называется?».

Въ послѣдней фразѣ почтенный Ѳаддей Венедиктовичъ проявилъ совершенно не свойственную ему излишнюю скромность. «Какъ это называется»,—онъ долженъ былъ отлично знать, а для того, чтобы «это увидѣть», ему вовсе не нужно было дѣлать передержки въ старыхъ статьяхъ «Библіотеки для Чтенія», а стоило лишь взглянуть на одно изъ первыхъ своихъ литературныхъ произведеній. Какъ русскій литераторъ, Булгаринъ дебютировалъ изданіемъ на русскомъ языкѣ книжки польскаго ученаго Ежовскаго «Избранныя оды Горація» и «выставилъ на ней свое имя, позабывъ упомянуть имя Ежовскаго» [1]. «Это былъ одинъ изъ первыхъ подвиговъ г. Булгарина во славу русской литературы и въ ознаменованіе пламенной любви его къ правдѣ», замѣчаетъ по этому поводу Бѣлинскій.

Какъ спеціалистъ по части плагіата, Булгаринъ понималъ, что пущенный имъ миѳъ о плагіатѣ со стороны Пирогова не могъ внушать особаго къ себѣ довѣрія. Поэтому представлялось крайне желательнымъ привести еще что либо, что могло бы дискредитировать въ глазахъ читателей «Сѣверной Пчелы» Пирогова, какъ ученаго. И вотъ вдохновители Булгарина вспомнили объ одномъ сочиненіи Пирогова, которое отличалось тѣмъ оригинальнымъ свойствомъ,

---

[1]) Бѣлинскій, l. c., стр. 481.

что въ немъ всѣ слабыя мѣста были особенно отмѣчены самимъ авторомъ. Сочиненіе это, носящее названіе «Анналовъ хирургической клиники» и изданное Пироговымъ въ 1838—1839 годахъ, въ первые годы его профессорской дѣятельности, представляетъ совершенно особый интересъ и заслуживаетъ того, чтобы на немъ нѣсколько остановиться.

Выдающеюся чертою, дѣлающею величайшую честь Пирогову, какъ клиническому наставнику, представляется его научная добросовѣстность по отношенію къ своимъ ученикамъ, его откровенное признаніе предъ аудиторіей своихъ ошибокъ. Въ бытность свою за границею, до полученія каѳедры, онъ «достаточно убѣдился, что научная истина далеко не есть главная цѣль знаменитыхъ клиницистовъ и хирурговъ». Пироговъ видѣлъ тамъ, что въ знаменитыхъ клиникахъ нерѣдко принимались мѣры не для открытія, а для затемненія научной истины. «Вездѣ,—говоритъ онъ,—было замѣтно стараніе показать товаръ лицомъ, и это бы еще ничего, но съ тѣмъ вмѣстѣ товаръ худой, недоброкачественный продавался за хорошій и кому? Молодежи, неопытной, незнакомой съ дѣломъ, но инстинктивно ищущей научной правды».

Это недостойное и несимпатичное стремленіе шло совершенно въ разрѣзъ со взглядами Н. И. на обязанности клиническаго наставника. «Для учителя такой прикладной науки, какъ медицина,—писалъ онъ,—необходима, кромѣ научныхъ знаній и опытности, еще добросовѣстность, пріобрѣтаемая только труднымъ искусствомъ самосознанія, самообладанія и знанія человѣческой натуры». И вотъ, чтобы приблизиться, сколько можно, къ тому идеалу, который Пироговъ составилъ себѣ объ обязанностяхъ профессора хирургіи, онъ положилъ себѣ за правило при первомъ своемъ вступленіи на каѳедру ничего не скрывать отъ своихъ учениковъ, откровенно сознаваться предъ своими слушателями въ своихъ ошибкахъ и во всѣхъ промахахъ у постели больного.

Осуществленіемъ такого рѣшенія на дѣлѣ явилось изданіе Пироговымъ «Анналовъ (лѣтописей) хирургической клиники» за первые два года его профессорства въ Дерптѣ, составленныхъ имъ въ этомъ духѣ. «Анналы» эти представляютъ собраніе клиническихъ лекцій Пирогова и описаніе случаевъ, наблюдавшихся въ клиникѣ. Обыкновенно подобные клиническіе отчеты носили и носятъ совершенно иной характеръ. Выбираются наиболѣе блестящіе клиническіе случаи въ смыслѣ діагноза или лѣченія, и о нихъ-то главнымъ образомъ и повѣствуется ad majorem gloriam автора отчета; о неудачныхъ же—въ лучшемъ случаѣ упоминается либо вскользь, либо за волосы притягиваются всѣ возможныя и невозможныя извиняющія и смягчающія вину обстоятельства. Въ «Анналахъ» Пирогова мы видимъ діаметрально-противоположное направленіе. Взявъ эпиграфомъ слова Ж. Ж. Руссо изъ его «Исповѣди»: «Que la trompette du ju-

gement dernier sonne quand elle voudra; je viendrai ce livre à la main me présenter devant le souverain juge. Je dirai hautement: voila ce que j'ai fait, ce que j'ai pensé, ce que je fus», Пироговъ въ своей **клинической исповѣди** также не щадилъ себя и откровенно сознавался въ своихъ ошибкахъ, какъ при діагнозѣ, такъ и въ лѣченіи, подробно останавливаясь на такихъ случаяхъ. Въ предисловіи своемъ молодой профессоръ заявилъ, что пишетъ книгу эту не для того, чтобы служить молодымъ врачамъ примѣромъ дѣйствій при постели больного, а для того, чтобы **не** служить.

Какое отрадное впечатлѣніе своею научною добросовѣстностью произвели «Анналы» Пирогова, можно судить по слѣдующему факту. Когда печатались «Анналы», неожиданно ночью является къ Пирогову цензоръ, профессоръ минералогіи Энгельгардтъ, вынимаетъ изъ кармана одинъ листъ «Анналовъ», читаетъ вслухъ взволнованнымъ голосомъ и со слезами на глазахъ откровенное признаніе автора въ грубѣйшей ошибкѣ діагноза и сопровождающій это признаніе упрекъ собственному тщеславію и самомнѣнію. Прочитавъ, старикъ-профессоръ принялся обнимать Пирогова и сказалъ, совершенно растроганный: **ich respectiere Sie** (я уважаю васъ). «Этой сцены,— говоритъ Пироговъ,—я никогда не забуду; она была слишкомъ отрадна для меня..... За это душевное **respectiere** старика я готовъ былъ перенести не одну, а тысячу критикъ».

Пироговъ, раскрывая самъ свои ошибки и критикуя себя безпощадно, не предполагалъ, что найдутся охотники воспользоваться его положеніемъ и въ критическомъ разборѣ снова выставить на видъ признанные имъ самимъ грѣхи его. Критикъ, однако, нашелся и «началъ валять» Пирогова. «Дѣло было,—говоритъ Н. И.,—конечно не трудное. Я самъ облегчилъ ему этотъ трудъ, потому что, печатая свои ошибки, валялъ себя безъ милосердія». Критикъ, такъ **отвалявшій** Пирогова, былъ его петербургскій знакомый, докторъ Задлеръ, написавшій огромную критическую статью. Съ этою статьей въ рукахъ Пироговъ явился въ свою аудиторію и доказалъ, что въ статьѣ еще многія изъ его ошибокъ не были выставлены. «Я выигралъ въ глазахъ моихъ слушателей,—говоритъ онъ,— и, благодаря этой критикѣ, они мнѣ начали вѣрить вдвое болѣе прежняго».

Такимъ образомъ, если «Анналы» не должны были, по заявленію ихъ автора, служить молодымъ врачамъ примѣромъ дѣйствій при постели больного, то съ другой стороны научная добросовѣстность, которою дышала эта клиническая исповѣдь, должна была служить молодымъ и даже старымъ профессорамъ образцомъ подражанія.

Кромѣ критики Задлера, упомянутой Пироговымъ, по поводу «Анналовъ хирургической клиники» появилось въ медицинской журналистикѣ немало замѣтокъ, которыя, однако, въ большинствѣ случаевъ проглядѣли идейную сторону книги, ея воспитательно-

этическое значеніе, а обратили вниманіе лишь на фактическій матеріалъ. Между прочимъ въ одной статьѣ [1]), посвященной вопросу о желательности или нежелательности спеціализаціи, авторъ констатировалъ рѣзкое численное превосходство выдающихся хирурговъ сравнительно съ представителями внутренней медицины, какъ на каѳедрахъ, такъ и среди практическихъ врачей, и отмѣтилъ сильное увлеченіе хирургіей въ ущербъ изученію внутренней медицины. Въ доказательство вреда слишкомъ односторонней спеціализаціи авторъ статьи привелъ нѣсколько исторій болѣзней изъ «Анналовъ» Пирогова, гдѣ послѣдній, какъ слишкомъ увлекающійся, по мнѣнію его, хирургъ примѣнилъ слишкомъ энергическое и нераціональное лѣченіе, результаты котораго оказались крайне плачевны. Однимъ словомъ, авторъ статьи указываетъ, съ точки зрѣнія спеціалиста по внутренней медицинѣ, ошибки, сдѣланныя Пироговымъ.

Коротенькій рефератъ этой статьи былъ помѣщенъ въ библіографическомъ медицинскомъ изданіи [2]). Этотъ-то рефератъ и былъ въ рукахъ Булгарина, который и приводитъ выписку изъ него, гдѣ говорится, что въ своихъ «Анналахъ» Пироговъ хотя и является дѣльнымъ анатомомъ и операторомъ, но все-жъ эти «Анналы» явно доказываютъ, какъ печаленъ часто бываетъ результатъ тамъ, гдѣ хиругія не идетъ рука объ руку съ медициной, и какъ необходимо, чтобы рядомъ съ такими хирургическими наставниками были поставлены дѣльные терапевты (dass solchen chirurgischen Lehrern tüchtige innere Aerzte zur Seit gestellt werden). Послѣднюю фразу Булгаринъ переводитъ: «чтобы при такихъ хирургическихъ учителяхъ находились для руководства знающіе медики».

Приведенной выпискѣ изъ библіографическаго изданія, которое подъ пылкимъ перомъ фельетониста «Сѣверной Пчелы» превратилось въ «знаменитое во всемъ ученомъ мірѣ изданіе», а редакторъ его въ «члена всѣхъ европейскихъ учено-медицинскихъ академій и обществъ», Булгаринъ предпосылаетъ замѣчаніе, что «не всѣ такъ судятъ о трудахъ г. Пирогова, какъ «Библіотека для Чтенія». Заключаетъ же онъ самую выписку указаніемъ на предшествовавшій фельетонъ, гдѣ, не называя Пирогова, онъ дѣлалъ на него различные намеки. «Эти высокія истины,—говоритъ Булгаринъ,—высказанныя въ ученой Германіи, въ первомъ медицинскомъ изданіи, знаменитыми врачами, не требуютъ поясненій и подтверждаютъ сказанное нами въ № 46 «Сѣверной Пчелы» о хирургахъ и хирургическихъ операціяхъ вообще».

Если бы Булгаринъ и его вдохновители, говоря объ «Анналахъ» Пирогова, могли, хотя бы въ ничтожной степени, проникнуться тѣмъ

---

[1]) Wochenschrift für die gesammte Heilkunde, von Dr. Casper. 1889, № 2. (Статья Dr. A. Fischer'a).

[2]) Repertorisches Jahrbuch für die Leistungen der gesammten Heilkunde im Jahre 1889. Von I. I. Sachs. Bd. I, p. 171—172.

духомъ научной добросовѣстности, которымъ запечатлѣна каждая страница этого сочиненія, то они вмѣсто того, чтобы цитировать изъ вторыхъ рукъ, по реферату статьи, обратились бы къ первоисточнику, къ самой статьѣ. Тогда Булгаринъ прочелъ бы, что, по мнѣнію автора статьи, «Анналы» Пирогова «способны приковать къ себѣ во многомъ отношеніи вниманіе мыслящихъ и пытливыхъ врачей, что они знакомятъ насъ съ блестящими анатомическими и хирургическими познаніями человѣка, который, повидимому, рожденъ и призванъ, чтобы со временемъ стать изъ ряда вонъ выходящимъ и для своего отечества неоцѣнимымъ операторомъ, такъ какъ въ немъ сказываются всѣ тѣ свойства, которыя рѣдко совмѣщаются въ одномъ и томъ же лицѣ, но которыя въ такомъ случаѣ даютъ тѣмъ вѣрнѣе право на достиженіе самаго высшаго, что только возможно, въ хирургіи». Тогда Булгаринъ точнѣе узналъ бы, какъ «судятъ о трудахъ Пирогова «въ ученой Германіи» «знаменитые врачи».

Фельетонъ «Сѣверной Пчелы» отъ 10-го марта, какъ видятъ читатели, отличался большимъ богатствомъ и разнообразіемъ содержанія. Здѣсь было и обвиненіе Пирогова въ плагіатѣ, и мнѣніе одного германскаго терапевта объ его «Анналахъ хирургической клиники», и, наконецъ открытое объявленіе его orbi et urbi «проворнымъ рѣзуномъ». Здѣсь Булгаринъ собралъ всѣ свои силы и представилъ намъ своего рода coup de maître. Ударъ былъ на этотъ разъ разсчитанъ вѣрно. Этотъ фельетонъ переполнилъ чашу терпѣнія Пирогова, и онъ принялъ наконецъ вызовъ Булгарина. Особенно возмутить Пирогова долженъ былъ этотъ фельетонъ еще и потому, что не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что при его составленіи автору была оказана «врачебная помощь». Трудно предположить, чтобы сочиненіе Чарльза Белля было знакомо Булгарину. Еще труднѣе допустить, чтобы Булгаринъ зналъ объ «Анналахъ» Пирогова. Существованіе нѣмецкаго медицинскаго библіографическаго изданія, несмотря на всю его «знаменитость», о которой говоритъ Булгаринъ, не было, конечно, ему извѣстно, какъ слишкомъ спеціальное, и найти въ такомъ изданіи замѣтку, помѣщенную 9 лѣтъ тому назадъ, могъ, конечно, только спеціалистъ-медикъ.

Отвѣтомъ со стороны Пирогова на вызовъ Булгарина было заявленіе, поданное Н. И. въ конференцію.

Указывая въ этомъ заявленіи, что Булгаринъ въ своемъ письмѣ въ конференцію «позволилъ себѣ различныя обидныя для него выраженія», Пироговъ усматривалъ изъ письма Булгарина, что послѣдній, во-первыхъ, «причинилъ личную обиду въ полномъ засѣданіи присутственнаго мѣста одному изъ членовъ этого мѣста» и, во-вторыхъ, «узналъ недозволеннымъ образомъ о ходѣ и обсужденіи дѣла учено-канцелярскаго».

«Не удовольствовавшись этимъ (куреивъ нашъ),—возмущается далѣе Пироговъ,—онъ обвинилъ въ № «Сѣверной Пчелы» 10-го марта мое сочиненіе (Полный курсъ прикладной анатоміи), награжденное полною преміею академіи наукъ, какъ оригинальное, въ плагіатѣ изъ сочиненія Чарльза Белля и въ этомъ же №, сдѣлавъ замѣчаніе о недостаткахъ моего другого сочиненія, сослался на предшествовавшій № «Сѣверной Пчелы», въ которомъ была имъ же помѣщена статья о достоинствахъ хирурговъ и хирургическихъ операцій вообще. Сличивъ эти два №№ газеты, обнаруживаются тоже нанесенныя мнѣ лично укоризны и обиды».

Затѣмъ Пироговъ сообщаетъ конференціи, что относительно плагіата онъ довелъ статью Булгарина до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія и секретаря академіи наукъ и просилъ академію наукъ «потребовать отъ г. Булгарина публично дальнѣйшихъ объясненій объ этомъ предметѣ».

«Что же касается,—пишетъ Пироговъ,—до личныхъ обидъ, нанесенныхъ мнѣ г. Булгаринымъ въ полномъ засѣданіи присутственнаго мѣста и въ публичной газетѣ, то я обращаюсь къ конференціи и прошу ее покорно представить мою жалобу къ высшему начальству академіи о **судебномъ изслѣдованіи всего дѣла по принятому законами порядку**, присоединяя къ тому, что теперь, когда письмо уже было прочтено въ засѣданіи конференціи, а обидные намеки и клеветы публикованы въ газетѣ, читаемой во всей Россіи, то честь моя и достоинство занимаемаго мною мѣста не позволяютъ мнѣ удовольствоваться однимъ съ его стороны словеснымъ или письменнымъ извиненіемъ».

Одновременно съ этимъ заявленіемъ Пирогова въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»[1]) появилось по адресу Булгарина письмо академика Бэра, краткое, но внушительное.

«Въ фельетонѣ № 55 «Сѣверной Пчелы»,—пишетъ нашъ великій академикъ,—приводится давнишній разборъ сочиненія профессора Пирогова «Полный курсъ прикладной анатоміи» и говорится объ этомъ такимъ образомъ, что выходитъ, будто бы это сочиненіе не самостоятельное, а заимствовано большею частью изъ другихъ авторовъ (именно изъ Белля). Часть публики въ этомъ смыслѣ и приняла утвержденіе «Сѣверной Пчелы», ибо казалось, что новый разборъ критики, напечатанной за четыре года предъ симъ, иной цѣли имѣть не могъ.

«Такъ какъ императорская академія наукъ, — заканчиваетъ Бэръ,—по моему предложенію приняла въ 1844 году «Полный курсъ прикладной анатоміи» профессора Пирогова къ соисканію Демидовскихъ наградъ и присудила ему полную премію въ особенности потому, что оба ея комиссара (Бэръ и Брандтъ) признали это со-

[1]) «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1848 г., № 61.

чиненіе вполнѣ самостоятельнымъ и основаннымъ на собственныхъ изысканіяхъ, то я принужденнымъ нахожусь просить читателей обратиться къ офиціальному отчету о тогдашнемъ присужденіи наградъ [1]), а г. Булгарина, какъ издателя «Сѣверной Пчелы» и автора вышеозначенной статьи, приглашаю объявить **положительно**, что **упоминаемыя имъ мѣста и рисунки изъ сочиненія Белля о человѣческой рукѣ находятся отнюдь не въ твореніи профессора Пирогова, а только въ критической статьѣ объ этомъ сочиненіи, помѣщенной г. Сенковскимъ въ «Библіотекѣ для Чтенія»** [2]).

Итакъ академія наукъ исполнила просьбу Пирогова и въ лицѣ Бэра «потребовала отъ Булгарина публично дальнѣйшихъ объясненій». Послѣдній никакъ не ожидалъ нападенія съ этой стороны и былъ немало удивленъ, когда, какъ онъ выразился, «съ кессельбатареи № 61 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» раздался новый выстрѣлъ». Бэръ, для котораго Булгаринъ могъ представлять интересъ, какъ скверная разновидность homo sapiens, взялъ по отношенію къ Ѳаддею замѣчательно вѣрный тонъ, и письмо ученаго академика произвело на нашего «правдолюба» такое дѣйствіе, какъ хорошій ударъ хлыста. Этотъ холодный, не допускающій никакихъ разсужденій тонъ категорическаго императива, какимъ строгій учитель предписываетъ напроказившему школьнику «просить прощенія» у оскорбленнаго имъ лица, тонъ, который слышится въ письмѣ стараго академика, это скрытое презрѣніе, которое чувствуется въ «приглашеніи объявить положительно», эта заранѣе продиктованная формула, по которой Булгаринъ долженъ былъ взять свои слова назадъ, и, наконецъ, этотъ курсивъ, которымъ все это подчеркивалось,—вотъ благодаря чему письмо Бэра такъ задѣло Булгарина.

Изъ отвѣтнаго фельетона [3]) Булгарина видно, что Ѳаддей пришелъ прямо въ бѣшенство. Я не стану приводить подробно содержанія этого фельетона. Скажу только, что въ немъ Булгаринъ подъ испытующимъ взглядомъ Бэра извивается, какъ оперный Мефистофель при видѣ креста. Опять и опять мы встрѣчаемъ здѣсь «текстъ Чарльза Белля», «текстъ г. Пирогова», «текстъ критики», «г. Пироговъ превознесенъ до небесъ похвалами» и т. д. Въ концѣ Булгаринъ торжественно заявляетъ, что «мы позаймемся имъ (сочиненіемъ Пирогова) и сравнимъ съ другими сочиненіями въ томъ же родѣ для положительнаго опредѣленія его достоинства относительно самостоятельности, о которой говоритъ г. академикъ Бэръ», и далѣе, что «мы разберемъ твореніе г. Пирогова и воздадимъ достойное достойному». Вы чувствуете, однако, что эти всѣ нагло-

---

[1]) Бэръ приводитъ въ выноскѣ заключеніе этого отчета.

[2]) Курсивъ въ оригиналѣ.

[3]) «Сѣверная Пчела», 1848 г., № 64, 20 марта.

торжественныя заявленія—пустыя слова, что Булгаринъ бьетъ отбой по всей линіи и страшно озлобленъ противъ Бэра, упоминая постоянно о приглашеніи, о курсивѣ и т. д.

Этотъ фельетонъ былъ лебединой пѣсней Булгарина въ его поэмѣ, невольнымъ героемъ которой онъ сдѣлалъ Пирогова. Фельетономъ 20-го марта закончилась роль Булгарина: «мавръ сдѣлалъ свое дѣло, мавръ можетъ уходить».

Представленіе, предназначенное для большой публики, окончилось. Эпилогъ Булгаринской исторіи, какъ и прологъ ея, происходилъ уже въ тѣсной академической средѣ.

IV.

Заявленіе Пирогова въ конференцію, въ которомъ онъ просилъ «о судебномъ изслѣдованіи всего дѣла по принятому законами порядку», было представлено высшему начальству. Но высшее начальство не желало возбуждать судебнаго дѣла. Вмѣсто того 22 марта въ конференцію было прислано отъ попечителя предписаніе, изъ котораго конференція могла узнать, что военный министръ считаетъ извиненіе Булгарина предъ конференціей и Пироговымъ, принесенное Булгаринымъ въ его письмѣ отъ 10-го марта, удовлетворительнымъ, «и затѣмъ полагаетъ неумѣстнымъ новое по сему предмету домогательство проф. Пирогова; относительно же разбора сочиненія проф. Пирогова въ «Сѣверной Пчелѣ», то, сообразивъ, что г. Пироговъ уже вошелъ по этому дѣлу съ просьбой въ академію наукъ и довелъ объ этомъ до свѣдѣнія г. министра народнаго просвѣщенія, г. военный министръ полагаетъ излишнимъ принимать какое либо участіе въ ходѣ онаго».

Предписаніе Анненкова было доложено въ засѣданіи конференціи 27 марта и особо сообщено Пирогову. Но на этомъ засѣданіи конференціи Пироговъ уже не присутствовалъ. Оскорбленный такимъ отвѣтомъ «высшаго начальства», Пироговъ рѣшилъ оставить академію.

Одновременно съ донесеніемъ президента Шлегеля о томъ, что Пироговъ «имѣетъ намѣреніе оставить службу», попечитель Анненковъ получилъ неофиціальное письмо Пирогова, гдѣ послѣдній приводилъ подробно мотивы своего ухода.

Вотъ это замѣчательное письмо, своего рода profession de foi.

«Я объявилъ конференціи,—писалъ Пироговъ,—о намѣреніи моемъ оставить службу при академіи. Желая, чтобы начальникъ академіи зналъ истинную причину, побудившую меня сдѣлать этотъ рѣшительный шагъ, я счелъ нужнымъ объяснить вамъ съ нѣкоторою подробностью всѣ предшествовавшія обстоятельства. Обращаясь къ вамъ путемъ неофиціальнымъ, позвольте говорить

откровенно. Достоинство наставника, руководствующаго образованіемъ врачей, по моимъ понятіямъ, такъ важно, что каждый изъ насъ долженъ поставить себѣ въ непремѣнную обязанность дорожить этимъ достоинствомъ въ той же или даже и въ большей степени, какъ вообще дорожатъ въ обществѣ честнымъ и благороднымъ именемъ человѣка. Непосредственнымъ слѣдствіемъ этого взгляда есть: 1) попеченіе о томъ, чтобы и всѣ другіе члены общества, составляемаго наставниками, равно заботились о сохраненіи и поддержаніи этого достоинства, какъ въ ученомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, потому что только этимъ общимъ стремленіемъ наставниковъ учебное заведеніе сохраняетъ почетное мѣсто, назначенное ему въ государствѣ. 2) Попеченіе о сохраненіи всѣхъ правъ и преимуществъ, дарованныхъ правительствомъ обществу наставниковъ. 3) Попеченіе о сохраненіи своего достоинства въ глазахъ учениковъ, будущее направленіе которыхъ утверждается примѣромъ наставниковъ».

«Къ сожалѣнію, обстоятельства, встрѣтившіяся во время службы моей при академіи, препятствуютъ мнѣ исполнить эти существенныя условія и даже заботиться объ ихъ исполненіи. Я не могъ, несмотря на всѣ старанія, быть полезнымъ академіи въ выборѣ будущихъ наставниковъ. Попеченія мои о сохраненіи достоинства и славы заведенія тщательнымъ сужденіемъ о достоинствахъ избираемаго въ кандидаты считались, къ сожалѣнію, личностями съ пристрастіемъ. Коллегіальное общество наставниковъ академіи избѣгаетъ смѣлаго и откровеннаго сужденія о достоинствахъ и заслугахъ избираемыхъ. Этому я могу представить нѣсколько уже несомнѣнныхъ доказательствъ. Но послѣдній выборъ въ кандидаты [1]) на каѳедру одного изъ самыхъ важнѣйшихъ предметовъ доказываетъ это еще очевиднѣе. Откровенное сужденіе, представленное мною съ нѣкоторыми другими членами о нравственныхъ достоинствахъ избираемаго, было объяснено и принято въ совершенно другомъ смыслѣ. Намъ никогда и въ мысль не приходило, чтобы правило академическаго устава, требующее нравственныхъ достоинствъ отъ избираемаго, было принято въ одномъ служебномъ значеніи, въ значеніи послужного списка. Мы никогда не могли ожидать упрека отъ большинства членовъ, что мы не имѣемъ права разсуждать объ этихъ достоинствахъ, когда послужной списокъ избираемаго совершенно чистъ. Развѣ этимъ однимъ служебнымъ ручательствомъ мы должны руководствоваться при коллегіальномъ избраніи нашихъ будущихъ товарищей и будущихъ наставниковъ? Развѣ послужной списокъ опредѣляетъ нравственныя достоинства профессора, во многомъ отношеніи превышающія обыкновенныя служебныя достоинства чиновника? Наконецъ, дошло до того, что

[1]) Пироговъ говоритъ здѣсь о Шипулинскомъ.

наши сужденія перенеслись незаконно изъ среды конференціи и дошли до журналиста, позволившаго себѣ вмѣшательство въ дѣла конференціи и объявившаго себя публично защитникомъ ученыхъ и нравственныхъ достоинствъ избираемаго. Можно ли послѣ этого быть товарищемъ, не нарушая собственнаго достоинства, будущаго наставника, который жалобой на конференцію и ея начальника и связями съ этимъ же журналистомъ желаетъ достигнуть каѳедры?»

Приводя еще нѣкоторыя причины (ограниченіе права подачи особыхъ мнѣній, непріятности по поводу смерти одного госпитальнаго больного), Пироговъ ставитъ вопросъ Анненкову:

«Какъ уважаемый всѣми начальникъ, какъ просвѣщенный человѣкъ, скажите, можно ли быть истиннымъ врачемъ и хорошимъ наставникомъ, не имѣя убѣжденій о высокомъ достоинствѣ своего искусства? А можно ли требовать этого убѣжденія отъ будущаго врача, который, бывши ученикомъ, видѣлъ униженіе учителя въ глазахъ свѣта? Вотъ откровенное изложеніе причинъ, побуждающихъ меня оставить службу при академіи».

«Въ службѣ моей, такъ заканчиваетъ Пироговъ это проникнутое чувствомъ собственнаго достоинства и высокимъ уваженіемъ къ званію наставника письмо,—въ службѣ моей я никогда не искалъ личныхъ выгодъ, и потому я оставляю ее, какъ скоро этого требуетъ мой взглядъ на собственное достоинство, которымъ я привыкъ дорожить».

Это письмо Пирогова должно было произвести, да, вѣроятно, и произвело сильное впечатлѣніе на Анненкова, который могъ понять, что не легко было Пирогову «сдѣлать этотъ рѣшительный шагъ».

Надо полагать, что, какъ ранѣе письмо Булгарина, такъ теперь письмо Пирогова, хотя по соображеніямъ совершенно иного порядка, Анненковъ также счелъ своимъ долгомъ довести до свѣдѣнія министра. Во всякомъ случаѣ Чернышевъ лично объяснялся съ Пироговымъ и убѣдилъ его остаться.

Итакъ, только благодаря личному вмѣшательству военнаго министра, стратегема съ Булгаринымъ не увѣнчалась успѣхомъ. Если бы Анненковъ и Чернышевъ отнеслись къ дѣлу болѣе офиціально, побѣда осталась бы на сторонѣ недоброжелателей Пирогова. Письмо Пирогова убѣдило Анненкова, а затѣмъ, непосредственно или посредственно, и Чернышева, что на требованіе Пирогова «судебнаго изслѣдованія» никоимъ образомъ нельзя было смотрѣть, какъ на «неумѣстное домогательство». При личномъ объясненіи съ Пироговымъ, во время котораго Н. И., вѣроятно, говорилъ еще болѣе «откровенно», чѣмъ въ письмѣ къ Анненкову, Чернышеву стало ясно, что Булгаринъ былъ здѣсь лицомъ второстепеннымъ, игралъ роль Шиллеровскаго мавра. Съ своей стороны и Чернышевъ, вѣроятно, убѣдилъ Пирогова, что относиться ему къ этому дѣлу такъ страстно—ниже его достоинства.

О взглядѣ Чернышева на Булгаринскую исторію мы можемъ судить по его предписанію попечителю Анненкову (6-го апрѣля). Въ своемъ предписаніи министръ обращаетъ вниманіе попечителя, что въ конференціи дѣла и ходъ оныхъ до ихъ окончанія сообщаются постороннимъ. Министръ находитъ, что подобныя дѣйствія «не только не совмѣстимы съ ихъ (членовъ конференціи) званіемъ, но и противны существующимъ узаконеніямъ». Поэтому слѣдуетъ внушить членамъ конференціи, чтобы не допускалось «ни малѣйшей огласки». Въ противномъ случаѣ будетъ доведено «до свѣдѣнія его императорскаго величества».

Этимъ закончилась Булгаринская исторія.

Въ настоящее время, когда сама жизнь поставила на очередь вопросъ объ отношеніяхъ между учащими и учащимися, когда эти отношенія стали «вопросомъ жизни», мнѣ казалось особенно своевременнымъ и крайне поучительнымъ привести фактическое доказательство, какъ чутко авторъ «Вопросовъ жизни» относился къ своему достоинству учащаго. Пироговъ былъ не только геніальнымъ учителемъ, не только гуманнымъ попечителемъ—миссіонеромъ, онъ былъ глубокимъ мыслителемъ въ полномъ значеніи этого слова. Онъ понималъ, какое великое воспитательное значеніе для общества имѣетъ наука. Поэтому онъ и предъявлялъ высокія требованія къ нравственной личности наставника. Поэтому онъ требовалъ, чтобы проповѣдь уваженія къ наукѣ, проповѣдь и словомъ и дѣломъ, исходила прежде всего отъ представителей науки. Только при такихъ условіяхъ и въ массѣ всего общества развивается уваженіе къ наукѣ. Истинный же прогрессъ общества возможенъ только тамъ, гдѣ уважаютъ науку, потому что только тамъ,

Гдѣ высоко стоитъ наука,
Стоитъ высоко человѣкъ.

Ю. Г. Малисъ.

В. В. КРЕСТОВСКІЙ ВЪ НАХИЧЕВАНИ.

Эти немногія свѣдѣнія о пребываніи автора «Петербургскихъ трущобъ» въ Нахичевани (Эриванской губерніи) мнѣ удалось слышать отъ одной дамы (фамиліи ея не называю, такъ какъ не имѣю на это разрѣшенія), съ которой мы вмѣстѣ были нынѣшнимъ лѣтомъ въ грязелѣчебномъ заведеніи д-ра Добровольскаго (въ Крыму).

Я сидѣлъ какъ-то около заведенія и заносилъ въ свою записную книжку путевыя замѣтки о казачьихъ степяхъ и Черноморьѣ, черезъ которыя я проѣзжалъ.

— Это вы что пишете?—улыбаясь спросила меня она, замѣтивъ мое занятіе:—путевыя замѣтки?

— Да,—отвѣчалъ я.

— Такъ же, какъ вообще всѣ туристы это дѣлаютъ? На основаніи «достовѣрныхъ свѣдѣній»?

— А вы развѣ знаете, какъ это дѣлаютъ туристы?

— Да, я видѣла, какъ это дѣлалъ Всеволодъ Крестовскій.

— А вы были знакомы съ нимъ?—заинтересовался я.

— Да, была. Мы жили въ одномъ городѣ съ нимъ одинъ мѣсяцъ.

Я попросилъ ее разсказать, что она помнитъ о Крестовскомъ.

— Познакомилась я съ нимъ въ бытность мою въ 1887 году въ Нахичевани, гдѣ мой мужъ служилъ тогда судебнымъ слѣдователемъ. Рядомъ съ нашимъ домомъ жилъ офицеръ пограничной стражи, съ которымъ мы были въ дружескихъ отношеніяхъ и каждый день бывали другъ у друга.

Однажды онъ намъ говоритъ, что ожидаетъ прибытія въ скоромъ времени начальства.

Мы, между прочимъ, спросили, какъ фамилія ожидавшагося начальства.

— Крестовскій,—отвѣчалъ онъ.

— Тотъ самый, который пишетъ?—спросили мы.

— Да, тотъ самый,—отвѣчалъ онъ.

Про Крестовскаго мы, конечно, слышали раньше, многіе изъ насъ читали его «Петербургскія трущобы», «Кровавый пуфъ» и такъ далѣе, но никто никогда не видалъ его, почему вполнѣ понятенъ нашъ интересъ увидать воочію этого извѣстнаго писателя. Въ темной глуши, какъ наша Нахичевань, рады вообще всякому новому человѣку, а тутъ вдругъ еще и писатель!

И нѣкоторое время мы жили ожиданіемъ увидать его.

Крестовскій вскорѣ пріѣхалъ и остановился въ домѣ этого самаго офицера пограничной стражи. Это было вскорѣ послѣ его путешествія въ Японію.

Какъ-то вечеромъ этотъ офицеръ приходитъ къ намъ и говоритъ:

— Приходите сегодня ко мнѣ: я васъ познакомлю съ Крестовскимъ.

Нужно ли говорить, съ какимъ нетерпѣніемъ мы ожидали вечера, въ который намъ предстояло увидѣть «настоящаго» писателя!..

Мы пришли — и увидѣли въ залѣ дома таможеннаго офицера не очень высокаго, плотно сложеннаго брюнета, насколько я помню, съ закинутыми назадъ, совсѣмъ черными волосами, съ маленькими глазами, смотрѣвшими какъ-то устало, и съ усами, которые онъ, какъ мы подозрѣвали, фиксатуарилъ. На немъ былъ китель съ погонами офицера пограничной стражи.

Признаться, мы были нѣсколько разочарованы... Писатель—и вдругъ въ кителѣ офицера пограничной стражи!.. Въ нашемъ представленіи это какъ-то не вязалось одно съ другимъ... Затѣмъ, въ самой фигурѣ мы не нашли ничего особеннаго, что, по нашему мнѣнію, должно быть въ наружности писателя. Въ общемъ, на меня онъ произвелъ безразличное впечатлѣніе...

Далѣе онъ все болѣе и болѣе разочаровывалъ насъ. Правда, это былъ очень веселый человѣкъ, но особенной живости не обнаруживалъ, такъ что можно было думать, что эта его веселость больше напускная; даже скорѣе онъ былъ неподвиженъ.

Но, какъ ни какъ, а мы всѣ были рады ему, хотя бы только потому, что онъ былъ свѣжій человѣкъ въ нашей глуши. Этому еще много помогало то, что онъ имѣлъ массу, что поразсказать. Поэтому онъ скоро привился въ нашемъ обществѣ и вездѣ былъ желаннымъ гостемъ. У меня и теперь еще въ памяти тѣ вечера, когда онъ начиналъ разсказывать про жизнь въ Западномъ краѣ, про поляковъ и евреевъ. Зная его отношеніе къ польскому вопросу, мы ожидали, что онъ будетъ съ предубѣжденіемъ относиться къ полякамъ. Но, сверхъ ожиданія, онъ всегда былъ сдержанъ и о полякахъ никогда не начиналъ первый разговора.

Онъ чрезвычайно удачно умѣлъ подражать еврейскому жаргону и за ужиномъ пѣлъ еврейскія пѣсни и разсказывалъ анекдоты изъ еврейскаго быта, чѣмъ заставлялъ часто хохотать насъ до упаду.

Также часто разсказывалъ онъ намъ про свое путешествіе въ Японію. Описаніе его путешествія, печатавшееся, кажется, въ «Русскомъ Вѣстникѣ», мы почти всѣ читали и, такъ какъ онъ тамъ описалъ чуть ли не каждый свой шагъ, то новаго мы отъ него ничего не услыхали, хотя онъ дополнялъ напечатанное кое-какими деталями.

Однако я должна отмѣтить то подмѣченное мною обстоятельство, что, какъ разсказчикъ, онъ не выдавался. Правда, все то, что онъ разсказывалъ, было очень интересно, отличалось живостью красокъ и образовъ, но его манера разсказывать была очень не интересна, такъ какъ говорилъ онъ какимъ-то монотоннымъ голосомъ, не живо, довольно суховато. Вначалѣ всѣ слушали его съ удовольствіемъ, но затѣмъ начинали позѣвывать, и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали конца разсказа. Конечно, мы старались скрыть одолѣвавшее насъ состояніе, но онъ прекрасно это видѣлъ, однако никогда не обижался.

Въ общемъ, мы находили, что онъ лучше писалъ, чѣмъ разсказывалъ, и это, признаться, насъ нѣсколько разочаровывало, такъ какъ мы думали, что кто хорошо пишетъ, тотъ долженъ хорошо и говорить.

Въ обществѣ онъ бывалъ мало и, когда кончалъ служебныя дѣла, то уходилъ къ себѣ и все писалъ. Про свои литературныя занятія и планы онъ не говорилъ и, какъ кажется, не любилъ бесѣдовать объ этомъ. Вообще, въ этомъ отношеніи онъ держалъ себя чрезвычайно скромно, не говорилъ о томъ, что писалъ или что намѣренъ писать.

Только помню, что онъ разъ разсказывалъ о томъ, какъ писалъ «Петербургскія трущобы», какъ для собиранія матеріаловъ переряживался въ подходящее платье и отправлялся по разнымъ вертепамъ, при чемъ показывалъ намъ, какъ онъ измѣнялъ свою физіономію.

Мы замѣтили, что онъ былъ очень любознателенъ. Было ли это въ его природѣ, или было проявленіе писательской профессіи,— не берусь судить. Но только онъ разспрашивалъ рѣшительно обо всемъ, что ему казалось интереснымъ въ мѣстныхъ особенностяхъ. Впрочемъ, съ этимъ онъ обращался больше къ мужчинамъ, чѣмъ къ намъ.

Но здѣсь онъ иногда попадался впросакъ.

Такъ онъ часто бесѣдовалъ съ татарами, разспрашивалъ ихъ объ ихъ обычаяхъ, преданіяхъ и т. д. При этомъ иногда татаринъ передавалъ ему по-русски какое нибудь названіе, но произносилъ его крайне отвратительно. Всеволодъ же Владимировичъ

думалъ, что это—туземное названіе, и заносилъ его въ свою записную книжку. Поэтому, если мы случайно отъ самого него узнавали о подобномъ, то часто исправляли собранныя имъ свѣдѣнія.

Къ сожалѣнію, между нами находились такіе люди, которые избрали это предметомъ своихъ глумленій и насмѣшекъ и часто мистифицировали Всеволода Владимировича.

Такъ тогда въ Нахичевани служилъ одинъ молодой чиновникъ, большой шелопай, послѣ занимавшій на Кавказѣ довольно видный постъ.

Онъ часто мистифицировалъ Крестовскаго, отчаянно вралъ ему, выдумывалъ цѣлыя легенды и давалъ завѣдомо ложныя свѣдѣнія.

Верстахъ въ трехъ отъ Нахичевани есть такъ называемая «могила Ноя».

«Могила» эта представляетъ собою небольшой каменный кіоскъ, внутри котораго находится плита, какъ бы придавливающая могилу. Кіоскъ весь украшенъ камешками, раковинами и т. под. Сюда приходятъ молиться армяне, ставятъ здѣсь свѣчи, хотя никакихъ иконъ здѣсь нѣтъ. Мусульманскимъ населеніемъ «могила» эта также чтится. На самомъ ли дѣлѣ здѣсь погребенъ Ной,—конечно, вопросъ темный, и никакихъ преданій и легендъ относительно этого мнѣ собрать не удалось, хотя, кажется, между мѣстными армянами такія преданія существуютъ.

Мы какъ-то пришли сюда и показали Крестовскому эту могилу.

Но почему-то ему вдругъ вздумалось поинтересоваться узнать: гдѣ же погребена жена Ноя?

Тогда упомянутый молодой чиновникъ пресерьезно начинаетъ увѣрять его, что именно здѣсь погребена вся семья Ноя—онъ самъ, жена и всѣ дѣти, за исключеніемъ Сима, Хама и Іафета, и что эта «могила» есть фамильная усыпальница Ноева семейства.

Какъ кажется, Всеволодъ Владимировичъ повѣрилъ этому разсказу. Но намъ выходки этого господина не нравились, такъ какъ онѣ основывались лишь на одномъ какомъ-то глупомъ озорствѣ.

— Что вы дѣлаете?—говорили мы ему тогда.

— Развѣ хорошо такъ мистифицировать? Вѣдь это онъ можетъ въ печать пустить?

Онъ въ отвѣтъ только хохоталъ и отвѣчалъ:

— Ну, кому какой вредъ отъ того, что онъ сообщитъ читателямъ, что здѣсь погребена жена Ноя?

Я теперь не помню всего, но этотъ господинъ очень много сообщалъ Крестовскому завѣдомо ложнаго и вздорнаго. Такъ объ Араратѣ, находящемся отъ Нахичевани въ не очень далекомъ разстояніи, и о ковчегѣ онъ разсказывалъ цѣлыя сказки. Въ концѣ концовъ, намъ пришлось предупредить Крестовскаго, чтобы онъ не очень-то вѣрилъ этому господину.

Мы спрашивали Крестовскаго, будетъ ли онъ описывать свое пребываніе на границахъ Персіи? Онъ отвѣчалъ, что будетъ, но я, право, не знаю, описалъ ли когда онъ это и гдѣ.

— Что же, Всеволодъ Владимировичъ,—спрашивали мы его,—и насъ всѣсъ опишете?

— Непремѣнно,—смѣясь отвѣчалъ онъ.

Онъ обѣщалъ, что если когда напечатаетъ свое путешествіе по Эриванскому краю, то непремѣнно пришлетъ каждому изъ насъ по экземпляру. Но, какъ это водится, забылъ о своемъ обѣщаніи, и мы никто ничего отъ него не получили.

Въ служебномъ отношеніи онъ былъ крайне снисходителенъ. Въ общемъ, онъ никого не стѣснялъ и самъ не стѣснялся. Особенно ни съ кѣмъ не дружилъ и ко всѣмъ относился ровно. Характеръ у него былъ покладистый, невздорный.

Въ Нахичевани онъ прожилъ недѣли три или мѣсяцъ. Куда дальше онъ отправился, я не помню. Но за это недолгое время мы успѣли такъ привыкнуть къ нему, что при прощаніи намъ было жаль разставаться съ этимъ умнымъ и веселымъ человѣкомъ.

Василій Якимовъ.

Н. И. БУХАРОВЪ И ЕГО ДВОРЕЦКІЙ ДАНИЛЫЧЪ.

Н. И. Бухарову.

. . . .
Порой обманчива бываетъ сѣдина:
Такъ мхомъ покрытая бутылка вѣковая
Хранитъ струю кипучаго вина.

Лермонтовъ.

Къ Бухарову.

. . . .
Столѣтья прошлаго обломокъ,
Межъ насъ остался ты одинъ,
Гусаръ прославленныхъ потомокъ,
Пировъ и битвы гражданинъ.

Лермонтовъ

АКЪ ни долго подготовлялась крестьянская реформа въ передовыхъ русскихъ умахъ, но обнародованіе ея громомъ упало на неподготовленную массу и сопровождалось эпизодами сильно-драматическаго характера, подъ часъ съ развязкой равно фатальной какъ для помѣщика, такъ и для его бывшаго крѣпостного.

Я разскажу со словъ моего мужа, Д. Н. Бизюкина, одинъ изъ такихъ эпизодовъ этого памятнаго времени, касающійся лица, также нѣсколько знакомаго русскому обществу, если не по его личнымъ дѣяніямъ, то по отраженію его личности въ русской поэзіи. Я разумѣю воспѣтаго Лермонтовымъ стараго «дядьку» лейбъ-гусарскаго николаевской эпохи полка — генерала въ отставкѣ, Николая Ивановича Бухарова.

Мой мужъ такъ о немъ разсказывалъ.

— Николай Ивановичъ Бухаровъ былъ сосѣдомъ по Порховскому имѣнію и давнишнимъ знакомымъ отца моего. Насколько

вѣрно очерченъ его характеръ немногими стихами поэта, Николай Ивановичъ доказалъ своею поздней женитьбой: ему было уже за 50 лѣтъ, когда, путешествуя за границей, онъ влюбился въ молодую красавицу-испанку, женился на ней, и несмотря на громадную разницу лѣтъ, красавица-жена его страстно любила до конца его жизни; онъ умеръ, оставивъ двухъ дочерей и трехъ малолѣтнихъ сыновей.

Въ первое лѣто по обнародованіи крестьянской реформы, въ іюнѣ 1861 г., отецъ мой задумалъ провѣдать Николая Ивановича въ его порховской усадьбѣ — Михалевѣ, и взялъ меня съ собою. Мнѣ было тогда 12 лѣтъ. Этотъ визитъ въ Михалево глубоко врѣзался въ мою память. Мнѣ до сихъ поръ такъ живо и во всѣхъ подробностяхъ представляется все, что я тамъ видѣлъ и слышалъ.

Какъ сейчасъ, вижу я громадный садъ и паркъ съ островками и мостиками, таинственные гроты и бесѣдки съ надписями; на одной изъ нихъ, изображавшей пантеонъ въ миньятюрѣ, была на классическомъ фронтонѣ, надъ деревянною колоннадой, надпись: «товарищамъ-гусарамъ». Въ полумракѣ аллей и среди роскошнаго парка сверкали мраморы статуй. Большой, деревянный барскій домъ, построенный «покоемъ», казалось, зазывалъ къ себѣ, гостепріимно раскрывая, точно объятія, свои два одноэтажныя крыла, соединенныя центральной частью дома—двухъэтажною, увѣнчанною куполомъ. Тутъ были парадныя гостиныя, залы съ хорами для домашняго оркестра, которымъ нѣкогда управлялъ талантливый и любимый Николаемъ Ивановичемъ капельмейстеръ — Данилычъ, впослѣдствіи приближенный имъ къ себѣ въ качествѣ дворецкаго.

При въѣздѣ въ усадьбу насъ поразила какая-то необычная тишина и полное отсутствіе суетливой дворни на широкомъ барскомъ дворѣ. Никѣмъ не встрѣченные взошли мы на крыльцо; въ лакейской — тоже ни души. Двери раскрыты настежь; ихъ бронзовыя ручки давно не чищены; паркеты въ залахъ тусклы, неопрятны; случайно сдвинутая мебель стоитъ въ томъ безпорядкѣ, въ какомъ оставили ее послѣдніе гости, и, должно быть, давно такъ стоитъ, потому что все густо покрыто пылью; засиженныя мухами окна и зеркала не протерты; кое-гдѣ видна паутина. Домъ точно вымеръ, или покинутъ своими обитателями. Мы дошли до широкаго балкона съ колоннадой, выходящаго въ садъ, и увидѣли въ правомъ углу балкона, у стѣнки, въ старомъ вольтеровскомъ креслѣ осанистую фигуру Николая Ивановича, а передъ нимъ, спиной къ колоннѣ, виднѣлся силуэтъ стараго дворецкаго Данилыча. И было что-то фатально-упорное въ пригнутой головѣ его, въ опущенныхъ по швамъ рукахъ и въ судорожномъ вздрагиваніи пальцевъ. Физіономія Николая Ивановича выражала

недоумѣніе, оскорбленное чувство и какую-то жалкую растерянность; онъ сидѣлъ какъ-то особенно прямо, опираясь обѣими руками на ручки креселъ. Въ первый разъ онъ показался мнѣ тутъ старичкомъ — не только по лѣтамъ, но настоящимъ, безсильнымъ старикомъ... «Столѣтья прошлаго обломокъ»... вспомнилось мнѣ... И Данилычъ — тоже «обломокъ». Два обломка другъ передъ другомъ въ опустѣломъ домѣ.

Увидавъ насъ, Николай Ивановичъ оживился, съ привычной бодростью вскочилъ навстрѣчу. Тронулся съ мѣста и Данилычъ, чтобы уйти, но, замѣтивъ его движеніе, Николай Ивановичъ повелительнымъ жестомъ быстро остановилъ его и заговорилъ съ жаромъ:

— Вотъ, это—кстати! это по-пріятельски! Добро пожаловать! Я тутъ одинъ остался; одинъ — во всемъ домѣ: жена уѣхала въ городъ искать... просить у знакомыхъ прислуги... и дочерей съ собою взяла. Вѣдь въ домѣ у насъ вотъ онъ одинъ остался,— всѣ разбѣжались... повара, лакеи, дѣвки, садовникъ,—всѣ! Дочери сами себѣ воротнички и кружевца тамъ свои стирали... Онъ одинъ остался... и вотъ, посмотрите-ка, что онъ надумалъ. Повтори имъ, Данилычъ, что̀ ты сейчасъ мнѣ докладывалъ? Садитесь, пожалуйста. Вотъ трубка... послушайте, что онъ говоритъ.

Отецъ сѣлъ возлѣ хозяина. Данилычъ почтительно раскурилъ господамъ трубки. Я остался стоять за кресломъ отца, сильно взволнованный необычайностью всего, что видѣлъ и слышалъ.

Раскуривъ трубки, Данилычъ сталъ у колонки въ прежнюю позу. Отецъ, не спѣша, разъ, другой, затянулся Жуковымъ и обратился къ Данилычу:

— Ну, что̀ же ты тутъ докладывалъ барину? Повтори, любезный.

Данилычъ заговорилъ уныло и монотонно, какъ затверженный урокъ.

— А такъ что, какъ вышла нынче всѣмъ воля, и крѣпостныхъ людей больше нѣтъ, то и я желаю хоть послѣдніе дни моей жизни провести на волѣ...

Отецъ мой сталъ его урезонивать.

— Да вѣдь ты, милый другъ, сколько я знаю, съ дѣтства не разлучался почти съ бариномъ... играли вмѣстѣ... и въ походахъ, случалось, ты барина сопровождалъ... и тебя твой баринъ никогда пальцемъ не тронулъ... отличалъ тебя... А ты... что-жъ ты это задумалъ?

— Это такъ точно! Никогда я отъ своего барина обиженъ не бывалъ. За ихнюю доброту всегда имъ былъ благодаренъ и былъ имъ вѣрнымъ слугою... и посейчасъ за нихъ Господа Бога молю... но, какъ вышла нынче всѣмъ воля, и крѣпостныхъ больше нѣтъ, то и я желаю...

— Да куда-жъ ты пойдешь, милый другъ? тебѣ ужъ восьмой десятокъ! Въ дворецкіе тебя ужъ никто не возьметъ, въ капель-

мейстеры — тоже; а на другія должности ты не годишься. Выкинь ты эту дурь изъ своей башки. Доживай свой вѣкъ при своемъ баринѣ...

Николай Ивановичъ усиленно пыхтѣлъ своей трубкой и переводилъ тревожные взоры съ отца моего на Данилыча и обратно.

— Все это ужъ я ему говорилъ, замѣтилъ онъ.—И жалованье ему назначилъ. Спросите: чего ему не достаетъ? чего онъ хочетъ? Пусть скажетъ.

— Чего же ты, въ самомъ дѣлѣ, еще хочешь?—спросилъ отецъ.— Скажи, любезный, чѣмъ ты недоволенъ?

Данилычъ судорожно подергивалъ пальцами и молчалъ, понурившись и глядя на кончики своихъ сапоговъ.

— Ну, отвѣчай же, любезный, чѣмъ ты такъ недоволенъ, что на старости лѣтъ хочешь своему барину измѣнить?

Данилычъ встрепенулся и замигалъ слезящимися глазами.

— Я отъ своего барина никогда обиженъ не бывалъ... ихнюю доброту ко мнѣ я чувствую... и могу понимать... (тутъ Данилычъ даже всхлипнулъ и утеръ глаза кончикомъ носового платка). И никогда противъ нихъ измѣнникомъ я не бывалъ и не желаю быть... но, какъ вышла, стало быть, всѣмъ воля, и крѣпостныхъ больше нѣтъ, то желаю и я...

— Ну, хорошо, это мы слышали. Но куда-жъ ты пойти-то желаешь? что ты хочешь дѣлать съ собой?

Данилычъ скосилъ глаза въ уголъ балкона и, подернувъ шеей изъ высокаго галстуха, рѣшительно выговорилъ:

— Сундукъ мірской караулить буду. Сторожемъ, значитъ, въ волостное правленіе меня зовутъ.

Николай Ивановичъ только крякнулъ и энергичнѣе запыхтѣлъ своей трубкой.

Отецъ продолжалъ увѣщанія.

— Ну, послушай, любезный другъ, подумай только, что́ ты сказалъ такое? Сообрази ты только хоть то̀, какъ жилось тебѣ у барина, и что̀ тебѣ предстоитъ въ волостномъ правленіи... на службѣ у мужичья! Вѣдь ты привыкъ за всю жизнь свою одѣваться съ барскаго плеча, пить-ѣсть со стола барскаго, спать въ чистомъ и тепломъ помѣщеніи; дѣла у тебя за послѣдніе годы только и было, что сидѣть въ лакейской да докладывать... а тамъ ты будешь жить въ грязной избѣ, хлебать мужичьи щи пустыя, спать на этомъ самомъ мірскомъ сундукѣ, въ нетопленной хатѣ... да ты помрешь на этомъ сундукѣ, старый... подумалъ ли ты объ этомъ?

— А хоть и помереть, да вольнымъ! А у Николая Ивановича я и умру крѣпостнымъ.

Сказалъ, какъ отрѣзалъ, Данилычъ.

Молчаніе.

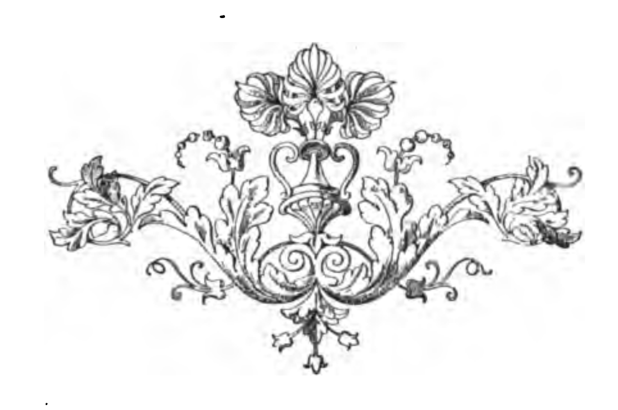
Николай Ивановичъ безсильно свѣсилъ свою сѣдую голову. Даниличъ неслышной поступью сталъ пробираться къ выходу и, какъ тѣнь, скрылся за дверью въ залъ.

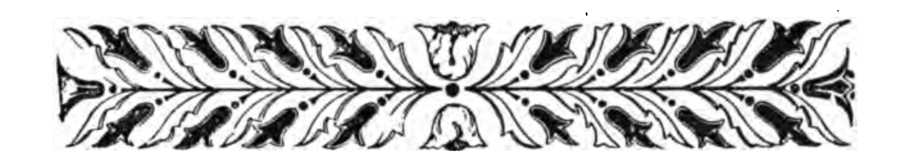
Вскорѣ послѣ этого мы узнали, что Даниличъ такъ-таки и ушелъ отъ своего барина; прощался трогательно, плакалъ самъ,—и ушелъ.

Недѣли черезъ двѣ по его уходѣ, пришлось отвезти Николая Ивановича въ Петербургъ, въ психіатрическую больницу, гдѣ онъ очень скоро умеръ. Не пережилъ разлуки и Даниличъ: черезъ нѣсколько дней послѣ извѣстія о кончинѣ барина умеръ и онъ на сундукѣ волостного правленія, «умеръ на волѣ».

Недавно узналъ я отъ своей родственницы, порховской помѣщицы С. А. Васильевой, что имѣніе Бухаровыхъ, Михалево, куплено четырьмя крестьянами. Гостепріимный барскій домъ распиленъ на четыре части, а садъ съ бесѣдками и гротами вырубленъ на дрова и распаханъ подъ ленъ.

А. Ю. Бизюкина.

ПО ГРАНИЦАМЪ БУХАРЫ И АФГАНИСТАНА.

(Путевые очерки 1898 г.).

I.

Кулябъ.

УТРО. Мы въ концѣ долины Яхъ-су [1]). Впереди ждетъ Кулябъ, главный городъ богатой кулябской провинціи, Хоталанъ-Бабера. Южное солнце палитъ немилосердно, вѣтерка нѣтъ и въ поминѣ. Дорога ровная и гладкая, «какъ длани самосущаго Бога-Питателя», по живописному выраженію нашего каратегинца Ходжи-Назара; порою она пропадаетъ въ придорожныхъ заросляхъ, порою опять открывается причудливыми зигзагами и опять пропадаетъ. По невысокимъ горамъ, замыкающимъ очень широкую долину,—желтыя

---

[1]) Рѣка Яхъ-су, или на нѣкоторыхъ картахъ неправильно обозначаемая чрезъ «Акъ-су»,—одинъ изъ значительныхъ притоковъ Аму-Дарьи съ правой стороны. Ея широкая, удобопроходимая долина, заключенная между невысокими горами, искони служила легчайшимъ путемъ въ горныя области Бухары. Большинство народонаселенія долины Яхъ-су составляютъ арабы племени «курайшъ». Ихъ всего здѣсь 1.000 домовъ, начиная отъ кишлака «Тальбаръ», въ верховьяхъ рѣки, до кишлака «Сары-Пуль» включительно. Они себя считаютъ потомками первыхъ арабовъ, завоевавшихъ Среднюю Азію. Теперь эти давніе выходцы изъ Арабистана утратили родные обычаи, костюмъ и языкъ и говорятъ по-таджикски. Слово «Яхъ-су», или, вѣрнѣе, «ёгы́-су», по ихъ объясненіямъ, есть тюркское и значитъ «рѣка враговъ». Орды тюрокъ, нахлынувшія на Аму-дарьинскіе оазисы, проникли и сюда; здѣсь арабы долгое время оказывали имъ упорное сопротивленіе, почему пришельцы, будто бы, и дали рѣкѣ, на которой обитали арабы, названіе «Рѣка враговъ» (Ёгы́-су). Дѣйствительно, слово ягы́, ёгы́, на восточно-тюркскихъ нарѣчіяхъ означаетъ врага, измѣнника, обще-тюркское же «су» значитъ вода.

нивы сжатыхъ хлѣбовъ, засохшія желтыя травы, внизу—на нѣсколько верстъ отходящій отъ рѣки берегъ, залитый густою зеленью риса, камышей и деревъ. Рисовыя поля обступаютъ справа и слѣва путь, высокія заросли камышей куртинами поднимаются здѣсь и тамъ, тополи, платаны и свѣчеобразныя чинары порою цѣлыми лѣсами мелькаютъ вдали и обозначаютъ скрытые за ними и въ нихъ кишлаки [1]). Чуть видной серебристой лентой вдали блестятъ воды Яхъ-су, за ними туманными призрачными очертаніями, смутно рисуются горы далекаго зарѣчья, а вдали, на самомъ горизонтѣ, на грани бѣлаго тумана, скрывающаго остальную, дальнюю часть картины, виднѣются длинные, поперечной лентой протянувшіеся, сады Куляба. Ѣдемъ прямо на нихъ. Въ кишлакѣ «Даханá» остановились позавтракать. Въ такую жару подъ исполинскими чинарами тѣнь особенно пріятна. На разостланныхъ паласахъ [2]) стоятъ громадныя блюда съ дымящимся превосходнымъ пилавомъ и лежатъ въ живописномъ безпорядкѣ сочные дыни, арбузы и гроздья зрѣлаго чернаго и розоваго винограда, покрытые золотистымъ пушкомъ нѣжные персики соблазнительно глядятъ съ деревянныхъ лотковъ вперемежку съ большими кроваво-красными гранатами. Безвозмездное гостепріимство «благородной Бухары» замѣчается и въ ея отдаленныхъ провинціяхъ.

Окружающія насъ физіономіи, съ разнообразными типичными чертами, и узбекскій говоръ, какъ-то неожиданно смѣнившіе доселѣ наблюдавшіеся иранскіе типы и таджикскій языкъ, показывали, что мы попали туда, гдѣ на смѣну доселѣ господствующему таджикскому населенію выступали другія народности, разнообразныя, но немногочисленныя. И, дѣйствительно, начиная нѣсколько повыше отсюда, до самаго конца населенныхъ мѣстъ всей рѣчной системы Яхъ-су, смѣшеніе національностій невообразимое. Мѣстные таджики, узбеки и туркмены различныхъ племенъ, киргизы, афганцы, бадахшанскіе таджики, тюрки изъ Афганскаго Туркестана—все это, въ большинствѣ случаевъ, невольные выходцы сюда изъ того буфера, который поставленъ противъ Россіи коварными «инглизй», и который называется Афганистаномъ. Въ этихъ мѣстахъ, на пространствѣ громадныхъ, почти безлюдныхъ пустырей, бухарское правительство и отвело имъ мѣсто для поселенія. Добрую половину этого сброда растеряли по пути различные Абдуръ-Рахманъ-ханы и Исхакъ-ханы [3]), во время оно бѣжавшіе то въ Бухару, то въ Россію, и увлекшіе за собою, какъ это водится на востокѣ,

[1]) Кишлáкъ, или кишлóкъ—селеніе, деревня.

[2]) Паласъ—коверъ безъ ворса.

[3]) Абдуръ-Рахманъ-ханъ—недавно умершій эмиръ Афганистана; прежде жилъ въ Ташкентѣ, получая отъ русскаго правительства 18.000 рублей. Исхакъ-ханъ—племянникъ эмира, претендентъ на афганскій престолъ, нынѣ живетъ въ Самаркандѣ, получая отъ русскаго правительства также значительную субсидію.

цѣлыя ненужныя толпы послушныхъ имъ приверженцевъ. Если же къ упомянутымъ народностямъ еще прибавить небольшое количество цыганъ, индусовъ и евреевъ, то, кажется, перечисленіе національностей, сгруппированныхъ здѣсь, будетъ закончено. Сами туземцы называютъ эту смѣсь однимъ общимъ терминомъ «аралáшъ» [1]), то есть смѣсь, кавардакъ. Обособленность «аралаши», составляющей населеніе низовьевъ долины Яхъ-су, отъ сосѣднихъ узбековъ и таджиковъ выражается въ нѣсколько презрительномъ отношеніи къ ней послѣднихъ и въ нѣкоторыхъ анекдотахъ, рисующихъ недальновидность этого смѣшаннаго населенія. Для примѣра приведу одинъ изъ такихъ ходячихъ разсказовъ, въ дословномъ переводѣ съ узбекскаго, какъ его разсказывалъ мнѣ нашъ махрáмъ-бекъ [2]).

«Было время, когда жители низовьевъ Яхъ-су подчинялись балхскому хакиму [3]) и платили подати, по обычаю, натурою. Разъ привезли они къ нему подать, а онъ ихъ, между прочимъ, и спрашиваетъ: «хороша ли ваша страна?»—«Нѣтъ»,—отвѣчаютъ они:—«холодное время—зима—долго стоитъ: мѣсяца два—три. Вотъ если бы ты намъ далъ такую грамоту, которой запретилъ бы быть холоду!» Засмѣялся хакимъ и написалъ имъ такую грамоту. Обрадовались жители Яхъ-су, взяли эту грамоту, воротились домой и ничего не стали заготовлять на будущую зиму: ни дровъ, ни хлѣба, въ надеждѣ, что по указу балхскаго хакима зимы не будетъ. Но зима пришла попрежнему, повалилъ снѣгъ. Изумился народъ: какъ это зима не слушается приказанія хакима? Вышли они изъ хижинъ, держа грамоту хакима и показывая ее небу, откуда падали хлопья снѣга.—«Не падай ты, снѣгъ»,—умоляли люди:—«не начинай зимы: у насъ и указъ есть тебѣ отъ балхскаго хакима, чтобы ты совсѣмъ у насъ не появлялся».

«Но не послушалась зима ни указа, ни словъ жителей: снова пришла такая же суровая, какъ и всегда, и тяжко досталось людямъ, не приготовившимся къ ея пріему и легкомысленно понадѣявшимся на грамоту хакима изъ Балха».

Когда мы кончили завтракъ, махрамъ-бекъ, сидѣвшій вдали, началъ многозначительно поглядывать на меня и подмигивать, давая понять, что пора ѣхать. Говорю объ этомъ своимъ спутникамъ.

Охъ, какъ не хочется подниматься и выходить изъ-подъ этой гостепріимной тѣни опять въ пекло! Но дѣлать нечего, да и ло-

---

[1]) Отъ тюркскаго глагола «аралашшáк»—смѣшать, соединить, взбудоражить.

[2]) Махрамъ—названіе одного отдѣленія дворцовыхъ чиновъ при бухарскомъ дворѣ, въ составъ котораго входитъ восемь различныхъ должностей,—соотвѣтствуетъ нашему камеръ-юнкеру.

[3]) Балхъ, древній Бактры, главный городъ Бадахшана, нынѣ его развалины находятся верстахъ въ 10—12 отъ Мазари-Шарифа, одного изъ значительнѣйшихъ афганскихъ городовъ. Хакимъ—губернаторъ, намѣстникъ, правитель.

шади наши стоятъ готовыя у глинобитной площадки, гдѣ находимся мы; ихъ уже держатъ подъ уздцы нѣкоторые изъ челяди аксакала. Подходимъ, стремянные подобострастно держатъ стремя и почтительно подсаживаютъ насъ на коней. Слѣдуютъ обоюдныя рукопожатія: «чтобы Богъ былъ вашимъ покровителемъ, чтобы Его ангелы осѣнили васъ своими крылами въ этотъ жаркій день». Въ надеждѣ на исполненіе такихъ прекрасныхъ пожеланій бодро трогаемъ лошадей, выѣзжаемъ изъ тѣни деревъ и ѣдемъ по палящему жару по дорогѣ къ Кулябу. Копыта лошадей неслышно ступаютъ по мягкой сѣропепельной почвѣ; струйки пыли курятся изъ-подъ ихъ ногъ и обдаютъ наши скромные костюмы и адрасные [1]) халаты и бѣлоснѣжные тюрбаны нашихъ спутниковъ-бухарцевъ. Махрамъ-бекъ въ дорогомъ шолковомъ халатѣ и затѣйливо-вышитыхъ красныхъ кожаныхъ штанахъ ѣдетъ далеко впереди вмѣстѣ съ сопровождающимъ насъ до Куляба аксакаломъ изъ Даханà. До слуха долетаютъ обрывки ихъ фразъ, по которымъ можно заключить, что нашъ чиновникъ толкуетъ своему спутнику о какихъ-то доблестяхъ ѣдущихъ сзади урусовъ. Бухарскій этикетъ имѣетъ слабость увеличивать достоинство и знатность пріѣзжихъ чужестранцевъ.

Подъ солнцемъ изумрудными переливами сверкаютъ рисовыя поля, блестятъ узенькія полоски арыковъ, бороздящихъ здѣсь и тамъ всю безпредѣльную ширь развернувшейся предъ глазами зелени. Освѣщенные солнцемъ вдали справа и слѣва, обнаженные бурые холмы кажутся еще безжизненнѣе и печальнѣе и еще рѣзче оттѣняютъ разстилающіеся у ихъ подножій цвѣтущія поля, камыши и лѣса кишлачныхъ деревьевъ. На горизонтѣ бѣлая пелена тумана рѣдѣетъ, начинаютъ выступать задернутые воздушной синевой ряды деревьевъ, и чѣмъ ближе мы подъѣзжаемъ, тѣмъ они дѣлаются все яснѣе.

Вотъ отъ нихъ отдѣляется кавалькада всадниковъ. Яркіе цвѣтные халаты и бѣлыя чалмы особенно рѣзко выдѣляются на общемъ фонѣ зелени, обнаженныхъ бурыхъ мѣстъ и пыльной дороги. Порою нестерпимо сверкаетъ отблескъ солнца на какомъ либо металлическомъ украшеніи всадника. Махрамъ-бекъ и сопровождающій его аксакалъ погоняютъ лошадей и, скрывшись въ облакѣ окутавшей ихъ пыли, несутся впередъ къ выѣхавшей намъ встрѣчѣ. Подъѣзжаемъ ближе, вдали рѣдѣетъ пыль, всадники остановились; видно, какъ махрамъ-бекъ и аксакалъ сходятъ съ лошадей, пѣшими подходятъ къ всаднику, безстрастно сидящему на рословъ черномъ конѣ, и подобострастно обѣими руками берутъ протянутую имъ правую руку. Свита же этого всадника (человѣкъ пять-шесть) вся спѣшилась и привѣтствуетъ эмирскаго чиновника и аксакала. И

[1]) Адрасъ—цвѣтная полушелковая бухарская ткань.

тотъ, и другой переходятъ изъ крѣпкихъ объятій одного въ объятья другого. Всадникъ на большой лошади — сынъ кулябскаго «міра» (губернатора), выѣхавшій встрѣтить гостей. Какъ важная особа, онъ не слѣзаетъ съ лошади и привѣтствуетъ гостей на конѣ. По бухарскимъ понятіямъ обмѣняться привѣтствіями, не слѣзая съ лошадей, могутъ только лица, равныя по положенію. Вотъ и мы подъѣзжаемъ къ встрѣчѣ. Якубъ [1]), Ходжа-Назáръ и другіе сопровождающіе насъ чалмоносцы всѣ слѣзаютъ съ коней, мы остались, какъ были, и одинъ за другимъ подъѣзжаемъ и жмемъ руку губернаторскому сыну. Что за лицо! Желтое, безкровное, рябое и вдобавокъ съ рѣдкой растительностью; небольшіе коричневые глаза глядятъ надменно и какъ-то плутовски. Не будь этой восточной личины мнимой безстрастности, какъ было бы гордо и презрительно выраженіе этого лица по отношенію къ намъ, «невѣрнымъ пришельцамъ изъ далекой, невѣрной Руси»! На нашемъ новомъ знакомцѣ шелковый, крупными полосами, халатъ, опоясанный широкимъ поясомъ малиноваго бархата, и бѣлоснѣжная чалма изъ англійской кисеи, ноги, обутыя въ щегольскіе лакированные сапоги русскаго образца, вдѣты въ ярко высеребренныя стремена.

Послѣ обмѣна привѣтствій ѣдемъ всѣ вмѣстѣ впередъ. Разговоры умолкаютъ, и всѣ сосредоточенно молчатъ до самаго Куляба. Вотъ и городъ. Изъ-за богатѣйшей растительности мелькаютъ глиняныя стѣны построекъ. Очарованіе понемногу исчезаетъ. Казавшійся прекраснымъ садомъ Кулябъ постепенно развертываетъ предъ глазами свое убожество. Начались городскія предмѣстья; жалкія глиняныя лачуги образуютъ узкія, кривыя улицы. Въ нихъ пыль и духота нестерпимы. У арыковъ съ водою, подлѣ хижинъ и подъ деревьями—массы стоящаго, идущаго и ѣдущаго люда. Ѣдутъ съ головы до ногъ закутанныя въ темное женщины на бойкихъ сѣрыхъ осликахъ, скрипятъ арбы на своихъ громадныхъ колесахъ, легкою иноходью проходятъ темнокараковые скакуны, неся на спинахъ всадниковъ въ живописныхъ костюмахъ. Толпы народа проходятъ и уходятъ, другіе стоятъ или сидятъ. И все это: и животныя, и люди въ своихъ яркихъ, кричащихъ одѣяніяхъ, и глиняныя лачуги, и придорожные тополи и платаны, и одиноко-стоящіе шапкообразные карагачи, и вода въ арыкахъ—все залито жгучими лучами горячаго азіатскаго солнца, все такъ назойливо рѣжетъ непривычный глазъ своею пестротою и кричитъ на каждомъ шагу объ иной, чуждой намъ жизни.

Предмѣстья какъ-то незамѣтно сливаются съ городомъ, и мы въѣзжаемъ на обширную городскую площадь, обставленную глиняными мазанками и неизмѣнною роскошною растительностью, скрывающею все ничтожество человѣческихъ жилищъ и окружающую

---

[1]) Нашъ караванъ-баши (проводникъ), персъ-шіитъ изъ Самарканда.

ихъ грязь. Среди площади двѣ длинныхъ шеренги солдатъ, одѣтыхъ по-русски: въ бѣлыя рубахи, красные кожаные штаны и высокіе сапоги, на головахъ у нихъ барашковыя шапки. За ними, въ глубинѣ площади, подъ тѣнью высокихъ деревъ, многочисленная разнообразная публика стоящаго и сидящаго люда. Эти собрались посмотрѣть на даровую «тамошу» (зрѣлище), какою представляется каждому туземному правовѣрному въѣздъ «урусовъ» въ городъ. Слышится протяжная команда на русскомъ языкѣ[1]). Солдаты берутъ ружья на-караулъ и вытягиваются въ струнку. Раздается оглушительная музыка изъ пискливыхъ звуковъ дудокъ и трескотни барабановъ. Съ такимъ парадомъ встрѣчаютъ гостей по приказанію мира.

Каждый изъ насъ, «урусовъ», прикладываетъ правую руку къ своей сѣрой киргизской шляпѣ, и мы ѣдемъ, отдавая честь, вдоль длинныхъ шеренгъ бухарскихъ солдатъ: Якубъ, Ходжа-Назаръ и другіе туземцы, ѣдущіе за нами, подавлены величественностью встрѣчи и какъ-то смиренно плетутся на своихъ лошадяхъ, не поднимая глазъ на окружающее. Губернаторскій же сынъ со своей свитой, махрамъ-бекъ и аксакалъ покинули насъ еще при въѣздѣ въ городъ и теперь дожидаются насъ въ «аркѣ» (дворцѣ) губернатора.

Вотъ и ворота «дворца». Соломенная крыша надъ губернаторскими покоями и окружающими ихъ постройками мѣстами провалилась и зіяетъ своими темными отверстіями; глиняныя стѣны растрескались и образовали широкія щели. Словомъ тотъ же самый видъ, что и у любого зауряднаго бухарскаго «хона́» (жилища).

Чрезъ раскрытыя ворота, подлѣ которыхъ насъ встрѣчаютъ нѣсколько десятковъ разодѣтыхъ чиновниковъ и слугъ, мы въѣзжаемъ на громадный дворъ. Все кругомъ суетится, кричитъ. Встрѣтившіе насъ подлѣ воротъ люди и находящіеся на дворѣ, что называется, сбились съ ногъ: бѣгаютъ взадъ и впередъ, берутъ подъ уздцы лошадей, помогаютъ слѣзть, прямо на рукахъ стаскивая съ сѣдла и почтительно ставя на землю. Среди этой суетни и сутолоки насъ, пыльныхъ и измученныхъ, ведутъ по двору, занятому многочисленными службами, въ отведенное намъ помѣщеніе—длинный флигель среди двора съ большимъ числомъ рѣзныхъ дверей по фасаду. Предъ нимъ невысокая глинобитная веранда съ развѣсистыми чинарами и исполинскими карагачами; на ней махрамъ-бекъ и толпа людей въ пестрыхъ халатахъ. Они ждутъ насъ, чтобы показать отведенные покои. Богатый костюмъ махра́ма выгодно выдѣляется изъ окружающей его толпы. Лицо чиновника сосредоточено и важно. Не то онъ весь проникнутъ серьезностью настоящей минуты, не то хочетъ не ударить лицомъ въ грязь передъ окружающими его

[1]) Среди бухарскихъ войскъ введена русская команда.

провинціалами и показать, что за персона эмирскій чиновникъ изъ Священной Бухары. Строго блюдетъ махрамъ-бекъ предписанія фирмана своего повелителя, и вездѣ впереди онъ, чтобы пріѣзжали гости ко всему готовому и хорошему, и чтобы не чинилось имъ никакихъ притѣсненій и обидъ.

Входимъ на террасу. Махрáмъ даетъ знакъ,—люди раздвигаются. Въ предшествіи махрама идемъ въ одну изъ настежь раствоpенныхъ дверей, за нами движется сомкнувшаяся толпа. Проходимъ небольшую переднюю съ глинобитнымъ поломъ и нѣсколькими кувшинами для воды, и чтобы не стукнуться головою о притолоку, нагибаемся и входимъ чрезъ низкую дверь въ слѣдующую комнату. Махрамъ-бекъ дѣлаетъ низкій, ловкій поклонъ и, безмолвнымъ красивымъ жестомъ показывая на обстановку, отходитъ въ уголъ. Сопровождавшая насъ толпа биткомъ набиваетъ переднюю и смотритъ оттуда на насъ. Мы находимся въ длинной оштукатуренной комнатѣ съ высокимъ потолкомъ и неизмѣнными нишами въ стѣнахъ. Глинобитный полъ весь устланъ дорогими персидскими и текинскими коврами, стѣны до половины завѣшены знаменитыми кашгарскими коврами, громадной величины и чудной работы. По стѣнамъ три тахты для насъ, покрытыхъ парчевыми одѣялами и съ круглыми длинными подушками въ наволочкахъ изъ адраса. Среди комнаты длинный столъ, накрытый красной скатертью, передъ нимъ табуреты, задернутые кумачемъ. На столѣ самый разнообразный достарханъ: нѣсколько чайниковъ съ чаемъ и горячею водой, сахаръ, индійскія, афганскія и мѣстныя конфеты, пшеничныя лепешки на бараньемъ салѣ, пшеничные круглые хлѣбы, варенье изъ вишневой кожицы и фрукты, фрукты безъ конца.

Рядъ богато орнаментированыхъ рѣзныхъ дверей ведетъ на террасу, надъ ними—надворныя рѣшетки затѣйливаго рисунка, заклеенныя промасленою бумагою. Золотистые солнечные лучи, заглядывая въ щели неплотно притворенныхъ дверей, ослѣпительно мелькаютъ то на адрасѣ халатовъ и бархатѣ ковровъ, то на эмалированномъ китайскомъ фарфорѣ. Съ усталости ли или на самомъ дѣлѣ, кажется какая-то особенная поэзія въ этомъ прохладномъ полусвѣтѣ оригинальной комнаты.

Мы садимся за столъ. Махрамъ откланивается, пятясь спиною къ дверямъ, выходитъ изъ комнаты и затворяетъ за собою обѣ половинки дверей, но не проходитъ и пяти минутъ, какъ онъ снова появляется и почтительно докладываетъ, что къ намъ жалуетъ миръ. Хватаешь скинутый пиджакъ, торопливо надѣваешь его и идешь вмѣстѣ съ спутниками къ дверямъ навстрѣчу миру. А тотъ уже входитъ въ растворенныя двери, за нимъ свита изъ его чиновниковъ, нѣтъ лишь его сына, который встрѣчалъ насъ за городомъ. Шелкъ и бархатъ халатовъ, бѣлоснѣжные тюрбаны такъ и блеснули передъ глазами красивыми переливами.

По бухарскому придворному этикету миры встрѣчаютъ гостей не за городомъ, а у себя въ домѣ, или же дѣлаютъ имъ визитъ въ отведенномъ для нихъ помѣщеніи.

Самъ миръ, почтенный старецъ съ мягкими, полными достоинства манерами, напоминаетъ нашихъ сіятельныхъ старичковъ высшихъ петербургскихъ канцелярій. На немъ роскошный блѣдно-розовый халатъ изъ китайской «камфы» [1]), опоясанный поясомъ, бѣлая кашемирская шаль пышно обвиваетъ его голову.

Съ сладкой улыбкой миръ подаетъ каждому руку и сыплетъ по-узбекски неизмѣнными на востокѣ привѣтствіями: «какъ поживаете? Какъ сдѣлали путь? Довольны ли всѣмъ?» и т. п. Его свита между тѣмъ входитъ въ комнату и безмолвно становится у дверей. Садимся за столъ. За миромъ помѣщается за переводчика нашъ Якубъ, за г. N. переводчикъ мира. По ту и другую сторону стола становятся двое слугъ съ широкими бархатными опахалами, отдѣланными золотымъ галуномъ и пристроенными на изящно выточенныхъ ручкахъ въ формѣ ручныхъ флаговъ. Во все время пребыванія у насъ мира они навѣвали прохладу и кстати отгоняли рои большихъ мѣстныхъ осъ, которыя влетали въ комнату и кружились надъ столомъ. Миръ пьетъ чай небольшими глотками и разспрашиваетъ о различныхъ предметахъ, больше для того, чтобы что̀ нибудь сказать. Отвѣты выслушиваетъ съ добродушною, полуразсѣянною улыбкою. За время короткаго визита миръ успѣлъ наговорить и комплименты по адресу насъ и вообще русскихъ, и поинтересовался узнать, что̀ теперь въ Россіи, каковы ея отношенія къ «сосѣдямъ-франкамъ», и каково ея финансовое и экономическое положеніе? И нельзя сказать, чтобы это выходило у него не кстати, и вопросы сыпались бы безпорядочно: какъ и всѣ вообще бухарскіе сановники, кулябскій миръ являлся человѣкомъ съ большимъ тактомъ и въ высшей степени приличнымъ.

Наконецъ, извиняясь, что уставшимъ съ дороги путникамъ надо отдохнуть, губернаторъ поднимается, за нимъ и всѣ сидящіе за столомъ. Прощаясь, миръ проситъ насъ погостить въ Кулябѣ недѣлю-двѣ. Говоримъ, что воспользуемся его любезнымъ приглашеніемъ и, если можно, останемся дней пять-шесть. Слѣдуетъ отвѣтъ, подправляемый обворожительной улыбкой, что намъ должно здѣсь отдохнуть по меньшей мѣрѣ мѣсяцъ. Послѣ обоюдныхъ благодарностей и рукопожатій миръ удаляется, съ величавымъ достоинствомъ и какою-то особенною неторопливою граціей умѣло и ловко пятясь задомъ къ дверямъ. Его свита безшумно раздвигается передъ нимъ, пропускаетъ его и, сдѣлавъ намъ прощальный поклонъ, удаляется за своимъ господиномъ съ тѣми красивыми манерами,

[1]) Камфа́—толстая широкая (18 вершк.) китайская шелковая матерія, покрытая цвѣтами или различными фантастическими животными.

которыя сдѣлали бы честь любому изящному петиметру салоновъ восемнадцатаго столѣтія.

Минутъ черезъ пять-десять послѣ ухода мира пришли съ визитомъ офицеры Кулябскаго гарнизона. Этихъ было трое. На каждомъ бѣлый китель русскаго покроя, красныя сафьянныя брюки запрятаны въ высокіе сапоги, на головѣ широкодонныя, барашковыя шапки. У всѣхъ шпаги и по ордену бухарской звѣзды; у полковника второй степени, у остальныхъ—низшихъ степеней. Поздоровавшись съ нами точно такъ же, какъ и наши офицеры, гости усѣлись за чай. Полковникъ, судя по типу и по тому акценту, съ какимъ онъ говоритъ по-таджикски, повидимому, узбекъ, онъ держитъ себя вполнѣ прилично и говоритъ за всѣхъ. Двое же его спутниковъ во все время не проронили ни слова. На наше замѣчаніе о молодецкой выправкѣ кулябскихъ солдатъ не въ примѣръ плохимъ войскамъ хисарскаго кушъ-беги [1]) физіономіи нашихъ посѣтителей расцвѣтаютъ, но полковникъ скромно замѣчаетъ, что, правда, у кушъ-беги солдаты должны были бы быть лучше, чѣмъ у нихъ въ Кулябѣ, но это объясняется тѣмъ, что Хисаръ сравнительно далеко отъ границы Афганистана, и потому на случай какихъ либо осложненій съ «афганами» и «коварными инглизи» пойдутъ въ дѣло войска Дарваза, Куляба и вообще пограничныхъ съ Афганистаномъ бухарскихъ провинцій. По этому-то на эти войска и обращено особое вниманіе. Посидѣвъ съ четверь часа, офицеры раскланиваются и уходятъ.

Благодаря посѣтителямъ, мы еще не умылись и не переодѣлись съ дороги. Сдѣлавъ это и достаточно отдохнувъ, выхожу на веранду и осматриваюсь: кого бы изъ нашихъ людей взять съ собою побродить по городу. Никого нѣтъ, должно быть, всѣ ушли на базаръ. Къ счастью, откуда-то вывернулся Якубъ; приглашаю его и иду съ нимъ. Проходимъ темными переходами подъ аркой «дворцовыхъ» воротъ. По стѣнамъ развѣшана большая коллекція старыхъ кремневыхъ ружей, засиженныхъ голубями. Видимо онѣ давно сданы въ архивъ и неизвѣстно для чего тутъ находятся. Десятка же два солдатъ, стоящихъ здѣсь въ двѣ шеренги на часахъ, вооружены хорошими русскими берданками. Проходимъ пустую площадь передъ «дворцомъ», идемъ пустынными узкими, кривыми улицами и выходимъ на базаръ — многочисленные, длинные ряды лавокъ, разбросанныхъ по всѣмъ направленіямъ. Особеннаго нѣтъ ничего, ничего похожаго на базары Бухары или Самарканда. Ни такихъ товаровъ, какъ тамъ, ни такого народа. Здѣсь сейчасъ нѣтъ ни души. Продавцы сидятъ, апатично поглядывая по сторонамъ, а то просто спятъ или собрались двое-трое и играютъ въ

---

[1]) См. мою книгу «На рубежѣ Афганистана», 1 вып. «Въ благодатномъ Хисарѣ». Изд. 1900 г.

шахматы. Быть можетъ, вслѣдствіе жары такое безлюдье, а базары здѣсь не съ крышами, какъ Бухарѣ.

Вонъ сидятъ купцы, по типу и по костюмамъ напоминающіе афганцевъ. Подхожу къ ихъ лавкамъ, въ которыхъ развѣшаны халаты, рубашки, лежатъ куски англійской кисеи для тюрбановъ съ клеймами англійскихъ фабрикъ, индиго и другіе товары. Заговариваю, просятъ садиться и предлагаютъ чай. Таджикскимъ нарѣчіемъ плохо говорятъ, а персидскимъ языкомъ съ немалымъ числомъ архаическихъ формъ; перехожу на знакомый мнѣ испаганскій діалектъ, и бесѣда къ обоюдному удовольствію ведется свободно. Новые знакомые оказываются индійскими персами («фаршика́», какъ они называютъ себя) изъ Пешавера и британскими подданными. Въ Кулябѣ ихъ нѣсколько человѣкъ, и они торгуютъ индійскими и англійскими товарами. И на родину ѣздятъ и съ родины везутъ сюда товаръ окружнымъ путемъ, то-есть чрезъ Индійскій океанъ, Суэцкій перешеекъ, Средиземное и Черное моря и Россію, потому что «Абдуръ-Рахманъ-ханъ вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ, какъ заперъ свою страну отъ всѣхъ чужеземцевъ, даже отъ англизовъ и ихъ разноплеменныхъ подданныхъ и никого не пускаетъ ни въ свою землю, ни черезъ Афганистанъ въ другія страны». Зная, что эта мѣстность Бухары богата развалинами древнихъ городовъ, я, между прочимъ, спрашиваю, нѣтъ ли у нихъ какихъ либо древностей. Говорятъ отрицательно. Иду дальше по лавкамъ, высматривая, что бы купить. Рѣшительно не на чемъ остановиться: все такая дрянь. Правда, для нумизмата здѣсь было бы раздолье. Во всѣхъ почти лавкахъ этихъ купцовъ таджиковъ и узбековъ навалены цѣлыя груды старой мѣдной монеты и при томъ... русской. Есть рѣдчайшіе экземпляры не только царей московскаго періода, но и различныхъ великихъ князей. Попадаются также и серебряныя монеты великокняжескія, царскія и императоровъ и императрицъ восемнадцатаго столѣтія. Покупайте сколько хотите и все за гроши. Сами владѣльцы этихъ богатствъ съ полною готовностію и любезностію помогаютъ разбирать эти груды монетъ. Какъ зашли сюда эти деньги,—объяснить не берусь.

Исходили съ Якубомъ всѣ базары и заглянули въ старое городское медресе, «единственную достопримѣчательность Куляба», по словамъ встрѣчныхъ горожанъ. Но мѣстный храмъ науки не представлялъ ровно ничего особеннаго. Это просто небольшое мизерное и убогое зданіе съ куполообразною крышею, съ облупившеюся штукатуркою и безъ всякихъ украшеній. Сидѣвшіе въ небольшой прохладной залѣ «суфи» (студенты) объяснили намъ, что это зданіе перестроено лѣтъ около ста тому назадъ изъ большого медресе, сооруженнаго при Абдуллахъ-ханѣ [1]).

---

[1]) Абдуллахъ-Багадуръ-ханъ, сынъ Искандаръ-хана, правитель Мауараунъ-Нахра (Средней Азіи) съ 1583 г. по 1598 г. по Р. Х.

— Почему же,—спросилъ я,—не поддержали старое зданіе? Оно, навѣрное, было лучше и болѣе просторно, какъ и всѣ сооруженія Абдуллаха.

— Конечно, тюря, лучше,—отвѣчали мои собесѣдники,—но при покойномъ эмирѣ Мурадъ-Маасумѣ [1]) не особенно дорожили зданіями, и при томъ понадобилось построить городскія бани; кирпича негдѣ было взять, и вотъ разобрали старое медресе. Бо̀льшую часть кирпича употребили на бани, а изъ остального построили это медресе.

Что̀ можетъ быть картиннѣе этого примѣра безразсудной государственной экономіи: тратить какъ можно меньше денегъ на сооруженіе общественныхъ зданій?! Нужно построить бани—слѣдуетъ разобрать большое старое медресе, изъ него выйдетъ и то, и другое. Просто и экономно.

Великій шейбанидъ, Абдуллахъ-ханъ, воздвигалъ великолѣпныя мечети, дворцы и училища, строилъ при дорогахъ обширные каравансараи, прокладывалъ дороги, словомъ всячески заботился объ упорядоченіи своего государства, монашествующій же ханжа, эмиръ Маасумъ, надѣленный придворными льстецами пышнымъ титуломъ [2]), носившій дырявое рубище, ѣвшій разъ въ день скудную пищу, жившій въ грязи и цѣлые дни проводившій въ молитвѣ и богомысліи, не только ничего не строилъ вновь, но даже совершенно прекратилъ отпускъ необходимыхъ суммъ на поддержаніе старыхъ зданій. Эта де расточительность подрываетъ благосостояніе царства. Такихъ же взглядовъ, къ сожалѣнію, держались и всѣ послѣдующіе преемники этого вѣнценоснаго нищенствующаго святоши. И въ концѣ концовъ нынѣ въ Бухарѣ видны лишь слѣды нѣкогда благоустроенныхъ дорогъ, остались засоренные негодные колодцы, полуразрушенные каравансараи съ кучами въ нихъ навоза и сора, разваливающіеся порталы медресе, дворцовъ и мечетей, или же лежащія въ прахѣ развалины цѣлыхъ городовъ. Только эти плачевные остовы былого величія съ уцѣлѣвшими кое-гдѣ разноцвѣтными изразцами напоминаютъ нынѣ путнику о результатахъ этой своеобразно понятой «государственной экономіи, и о былыхъ счастливыхъ временахъ процвѣтанія и благоденствія священной Бухары».

Sic transit gloria mundi!

Походили съ Якубомъ еще по городу. Всюду одна и та же пустынность, унылый видъ, и ничего особеннаго и привлекательнаго. Пора домой: близится вечеръ, да и усталость даетъ себя чувствовать.

На дворѣ губернаторскаго дома, куда мы пришли, на невысокой

---

[1]) Эмиръ Маасумъ, сынъ Даніалъ-хана, царствовалъ съ 1785 г. по 1801 г. по Р. Х.

[2]) Шахъ-Мурадъ-Мааўсумъ-Гази-Амираль-Мўмининъ, т. е. Шахъ-Мурадъ-Маасумъ, герой и повелитель правовѣрныхъ.

верандѣ, «дыша вечернею прохладою», сидитъ миръ въ одномъ бѣльѣ. Вокругъ него красивая группа его приближенныхъ. О чемъ-то вполголоса ведется бесѣда. Прохожу къ себѣ на террасу, гдѣ за походнымъ столикомъ на складныхъ стульяхъ сидятъ мои спутники и мирно попиваютъ чай. Присоединяюсь къ нимъ и, наслаждаясь вечеромъ, дѣлюсь впечатлѣніями только что видѣннаго.

Изъ группы людей, окружающихъ мира, встаетъ одинъ, сходитъ съ террасы и становится среди двора лицемъ къ «сосредоточію вселенной», святой Меккѣ: часъ вечерняго намаза насталъ. Говоръ и смѣхъ замолкаютъ, всѣ встаютъ и оправляютъ костюмы. Среди воцарившейся тишины раздается громкій и звучный призывъ на молитву. На него откликнулись муэзины въ городѣ, и изъ конца въ конецъ Куляба разнеслись святыя слова «азана» [1]). Возгласивъ призывъ къ молитвѣ, губернаторскій муэзинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мулла опять восходитъ на террасу и, снявъ туфли, становится на коврикъ впереди всѣхъ, за нимъ миръ, ужъ успѣвшій надѣть халатъ. За миромъ правильными рядами становятся другія лица, и тѣ ближе къ начальнику, кто знатнѣе. Со двора спѣшатъ на террасу слуги губернатора и размѣщаются позади его приближенныхъ. Молитва объединяетъ всѣхъ правовѣрныхъ, всѣхъ ихъ равняетъ предъ Всесильнымъ, Безконечнымъ. Туфли сняты и поставлены подлѣ «суджжадата» [2]), концы тюрбановъ распущены, широкія одѣянія и пышныя чалмы причудливо рисуются въ вечернемъ воздухѣ, мулла громко и внятно читаетъ первую сýру корана. Строгою сосредоточенностью и благоговѣніемъ охвачены многочисленные безмолвные ряды молящихся.

И кажется, будто въ настоящій мигъ вся окружающая атмосфера, всѣ трепетные листья чинаръ и недвижная листва карагачей, и всѣ эти загорающіяся звѣзды и свѣтлый серпъ луны слились съ людьми въ одной общей молитвѣ Самосущему Аллаху, милліоны ангеловъ Котораго несутъ эти мольбы и хвалы въ безпредѣльную высь надзвѣздныхъ міровъ, къ таинственному престолу вѣковѣчнаго Міродержца.

Послѣ молитвы всѣ расходятся и принимаются за прерванныя занятія: за чаепитіе, бесѣды и ужинъ. Намъ уже принесли нѣсколько громадныхъ блюдъ мѣстной кухни и все поставили у нашихъ ногъ на разостланную циновку. Просимъ передать глубокую благодарность миру, который противъ насъ на своей верандѣ соби-

---

[1]) «Азанъ»—призывъ на молитву. Въ дословномъ переводѣ съ арабскаго онъ гласитъ слѣдующее: Великъ Богъ (четыре раза). Свидѣтельствую, что Мухаммедъ посланникъ Божій (два раза). Спѣши на молитву (два раза). Спѣши ко спасенію (два раза). Послѣ этого во время утренней молитвы произносится еще: Молитва лучше сна (два раза). Богъ великъ (два раза). Нѣтъ Бога, кромѣ Бога (одинъ разъ).

[2]) «Суджжадатъ»—коврикъ для молитвы.

растся тоже кушать. Халатъ и туфли онъ уже снялъ и опять остался въ одной длинной рубашкѣ и широкихъ панталонахъ. Сидѣвшіе около него приближенные отодвигаются подальше въ то время, когда на террасѣ появляется чалмоносецъ съ блюдомъ дымящагося пилава и съ миской супа. Все это ставится передъ миромъ. Миръ садится на колѣни и, низко нагнувшись, начинаетъ ѣсть пилавъ руками, въ антрактахъ обсасывая жирные пальцы. Къ губернатору присоединился ужинать и его сынъ, остальные приближенные безмолвно смотрятъ на это: по мѣстному этикету изъ нихъ никто не ѣстъ съ начальникомъ, за исключеніемъ лишь близкихъ его родныхъ. Наконецъ ужинъ оконченъ. Пилавъ съѣденъ, супъ выпитъ по очереди, сначала миръ отпилъ половину миски, потомъ его сынъ; ложекъ, какъ извѣстно, не полагается.

Еще съ часъ проходитъ въ бесѣдѣ или игрѣ въ шахматы при мерцающемъ свѣтѣ ночника, потомъ послѣдній, предъ отходомъ ко сну, намазъ, и все засыпаетъ, лишь бодрствуетъ ночная стража, и стукъ ея барабановъ и звонъ треугольниковъ порою нарушаютъ покой и безмятежность спящихъ улицъ.

На другой день утромъ мы пригласили мира къ себѣ кушать чай. Онъ не замедлилъ явиться. На этотъ разъ на немъ былъ шелковый халатъ стального цвѣта и бѣлый кисейный тюрбанъ; ни приближенныхъ, ни слугъ при немъ не было. Они его проводили лишь до нашей террасы и удалились. Пришелъ и махрамъ-бекъ. Остались мы съ миромъ, что называется, «съ глазу на глазъ», поэтому бесѣда могла вестись болѣе откровенно, да и визитъ губернатора былъ неофиціальный, а запросто.

За чаемъ нашъ гость разсказалъ немало интереснаго о житьѣ-бытьѣ губернаторовъ бухарскихъ провинцій. Нарисованная имъ картина настолько характерна, что, кажется, небезынтересно привести пересказъ слышаннаго съ добавленіемъ кое-чего изъ личныхъ наблюденій.

Миры назначаются эмиромъ или изъ его любимцевъ и приближенныхъ, или изъ особенно заслуженныхъ «амлекдаровъ» [1]). Принимается во вниманіе и національность. По традиціоннымъ соображеніямъ повелителей Бухары, на должности, гдѣ болѣе полезна покорность и преданность престолу, назначаютъ добродушнаго и недалекаго узбека, на отвѣтственныя же мѣста, гдѣ нуженъ большой политическій тактъ и осторожность, въ большинствѣ случаевъ назначаются ловкіе и хитрые таджики или ихъ сородичи изъ Ирана. Относительно послѣднихъ слѣдуетъ замѣтить, что эмиры Бухары охотно принимали къ себѣ и теперь принимаютъ различныхъ выходцевъ изъ Персіи. И въ исторіи Трансоксаніи было немало примѣровъ, когда персидскіе невольники, проданные въ рабство турк-

[1]) Окружный начальникъ, исправникъ.

менами, занимали впослѣдствіи при Бухарскомъ дворѣ важнѣйшія государственныя должности. Въ этихъ случаяхъ, какъ видно, религіозная непримиримая рознь между персами-шіитами и суннитскимъ населеніемъ Бухары не находила себѣ мѣста, и на первомъ планѣ стояли недюжинныя, вошедшія на Востокѣ въ поговорку, способности персіянъ и ихъ сравнительно высокое умственное развитіе.

Полученіе мѣста губернатора, какъ это водится на Востокѣ, понятно, не обходится безъ извѣстной мзды, если не въ пользу эмира, то его вліятельныхъ сановниковъ. Не только какое либо образованіе, но даже простая грамотность необязательна для претендента на губернаторское мѣсто. И, напримѣръ, нынѣшній кулябскій миръ не умѣетъ ни читать, ни писать. Да и къ чему такая роскошь? Вѣдь нѣтъ никакой особенно сложной переписки, канцелярскихъ дѣлъ и книгъ для записи «исходящихъ и входящихъ». А если что и потребуется написать, на это есть «мирза»[1]). Въ каждомъ городѣ, куда пріѣдетъ новый губернаторъ, къ его услугамъ многочисленный штатъ покорныхъ приближенныхъ и великое множество безотвѣтныхъ слугъ. Среди нихъ и мирза, важный и неизбѣжный винтикъ въ государственной машинѣ Священной Бухары. Мирза есть у каждаго бухарскаго чиновника, начиная отъ простого сельскаго старшины и кончая кушъ-бѣги и диванъ-бѣги[2]). Когда придетъ къ миру та или другая бумага, ее прочтетъ ему мирза и тотчасъ напишетъ на нее соотвѣтствующій отвѣтъ, не безпокоя мира. Послѣдній только прочтетъ написанное или, если неграмотенъ, прослушаетъ и приложитъ къ бумагѣ свою печать. Подпись не требуется, печать на Востокѣ важнѣе всего[3]).

---

[1]) Секретарь, писецъ.

[2]) Кушъ-беги—высшій чинъ бухарскаго и хивинскаго дворовъ, министръ-резидентъ, вице-король. Въ Бухарѣ два кушъ-беги. Одинъ живетъ въ самой столицѣ ханства, ему подчинены провинціи западной Бухары, другой живетъ въ Хисарѣ и начальствуетъ надъ областями восточной Бухары. Диванъ-беги—министръ иностранныхъ дѣлъ.

[3]) И знатный восточный сановникъ, и мелкая сошка носятъ эту необходимую вещь всегда съ собой. У кого она бережно завернута въ тряпочкѣ и хранится въ карманѣ, кто носитъ ее на шеѣ на шнуркѣ. На печати выгравировано полное имя ея владѣльца и его чинъ. У коронованныхъ особъ на печати красуется какое либо высокопарное двустишіе, куда входятъ имя и титулъ ея обладателя. Такъ, напримѣръ, на печати покойнаго персидскаго шаха было выгравировано двустишіе, которое въ переводѣ на русскій языкъ гласитъ слѣдующее:

«Съ тѣхъ поръ, какъ рука Насръ-Эддина взяла печать шаховъ,
«Молва о справедливости и правосудіи пронеслась изъ конца въ конецъ вселенной».

На печати нынѣшняго шаха значится:

«Съ помощью Бога взошла звѣзда побѣды и торжества:
«Взялъ печать шаховъ Музафферъ-Эддинъ-шахъ».

И шахъ, какъ и всѣ восточные властители, никогда не подписываетъ своего имени, а всегда прикладываетъ печать. Лишь въ непосредственныхъ сношеніяхъ

Всѣ дѣла, касающіяся непосредственно мировъ, рѣшаются ими на своемъ дворѣ и въ лѣтнее время всегда подъ открытымъ небомъ. Раннее утро застаетъ мировъ въ кругу своихъ приближенныхъ ужъ на террасѣ. Нравы патріархальны, и жизнь еще здѣсь не выработала сложнаго кодекса приличій, и потому миръ дома цѣлый день бываетъ въ одномъ бѣльѣ. У себя, по мѣстнымъ понятіямъ, можно быть въ чемъ угодно, и въ такомъ видѣ не возбраняется принимать посѣтителей и рѣшать какія угодно важныя дѣла. Другое дѣло—выходить куда либо изъ своихъ покоевъ, тогда нужно одѣваться въ полный костюмъ. Являются просители или вообще люди, имѣющіе дѣло до губернатора, послѣдній принимаетъ ихъ, сажаетъ поодаль отъ себя, выслушиваетъ и тутъ же словесно, безъ всякихъ бумагъ, налагаетъ свое рѣшеніе. Часто во все время разбора тѣхъ или другихъ дѣлъ, миръ спокойно попиваетъ зеленый чай изъ маленькой фарфоровой чашки и изъ нея же угощаетъ присутствующихъ, и чашка съ чаемъ переходитъ изъ рукъ въ руки, отъ устъ знатнаго мира до рта смиренно сидящаго на колѣняхъ челобитчика. Одно другому не мѣшаетъ. Знатность и ничтожество само собой, а священный законъ гостепріимства самъ собой, истецъ же и обвиняемый пришли къ миру—значитъ, они до нѣкоторой степени его гости.

Никто ничего не имѣетъ и противъ того, если во время занятія должностными дѣлами губернаторъ лежитъ, растянувшись на коврѣ, а двое мальчиковъ-подростковъ усердно его растираютъ. Иногда массажисты для удобства заворачиваютъ рубашку начальника или спускаютъ его панталоны, и предъ глазами присутствующихъ мелькаетъ обнаженное благородное тѣло мира. Но это такіе пустяки, о которыхъ не стоитъ говорить, тѣмъ болѣе, вѣдь губернаторъ не прерываетъ дѣла и вставляетъ порою свои замѣчанія на слова просителей или докладчика, почтительно сидящихъ или стоящихъ передъ нимъ. Застанетъ время того или другого намаза подобное начальническое разбирательство,—всѣ встаютъ и молятся здѣсь же вмѣстѣ. И судъ, и всякія служебныя дѣла, и молитвы, и принятіе пищи—все подъ открытымъ небомъ. Когда же солнце начнетъ особенно сильно припекать, миръ и его свита переходятъ или на другую террасу, по ту сторону дома, гдѣ тѣнь, или же удаляются въ комнаты, гдѣ царитъ прохлада и въ самый сильный жаръ. Лишь по пятницамъ, или вообще въ праздники, въ этой

съ коронованными особами вмѣсто печати шахъ собственноручно подписывается. Мнѣ извѣстенъ фактъ, когда покойный Насръ-Эддинъ, посылая бумагу одному изъ своихъ приближенныхъ, по ошибкѣ подписался. Но, во время спохватившись, не долго думая, слизнулъ языкомъ написанное и вмѣсто этого на соотвѣтствующемъ мѣстѣ приложилъ печать. Царедворецъ, получивъ августѣйшую грамоту, тѣмъ не менѣе замѣтилъ уничтоженную подпись повелителя (она все-таки выступала неясными очертаніями) и понялъ, какимъ образомъ это произошло.

тихой, однообразной жизни замѣчается нѣкоторая перемѣна. Богато убранная лошадь съ великолѣпнымъ бархатнымъ чепракомъ, шитымъ серебромъ или золотомъ, везетъ губернатора въ мечеть на молитву. Послѣ моленія, возвращаясь обратно, онъ приглашаетъ къ себѣ въ домъ всѣхъ присутствовавшихъ въ мечети, начиная отъ муллы, читавшаго «хотбу» [1]), и кончая простымъ обывателемъ города, «байкушемъ» [2]). Въ просторномъ залѣ мирскаго «дворца» гости размѣщаются, смотря по степени знатности. Хозяинъ занимаетъ самое почетное мѣсто. Разнообразныя и сытныя блюда ставятся передъ гостями, неизбѣжный «чилимъ»—мѣстный кальянъ, послѣ обѣда обходитъ присутствующихъ, и слуги приносятъ мѣдные обиджушъ и фарфоровыя чашечки безъ ручекъ и безъ блюдцевъ для чаепитія. Миръ ведетъ назидательную бесѣду съ наиболѣе образованными гостями: муллами, судьями и другими, остальные въ глубокомъ молчаніи внимаютъ разговору. Послѣ угощенія—краткая молитва, благодарность и поклоны отъ всѣхъ гостепріимному хозяину, и всѣ расходятся во-свояси. Губернаторъ, утомленный пріемомъ, отправляется на отдыхъ во внутренніе покои своего помѣщенія; въ такой день никакихъ служебныхъ дѣлъ ужъ не полагается.

И такъ изо дня въ день проходитъ вся жизнь каждаго мира безмятежной чередой, развѣ только омрачается она тогда, когда «по волѣ судьбы» выпадаетъ ему черный день отправиться въ столицу или въ Керминé (гдѣ больше всего живетъ эмиръ) къ «Дженáбе Аалѝ» [3]), по грозному вызову послѣдняго. А это происходитъ въ томъ случаѣ, если замѣчаютъ, что доходы съ той или другой области уменьшились, и слѣдовательно виноватъ ея губернаторъ: онъ де удерживаетъ часть поборовъ, идущихъ въ казну эмира. Какъ и вездѣ на Востокѣ, мѣстные губернаторы не получаютъ никакого жалованья отъ своего правительства, а берутъ себѣ натурой и деньгами съ жителей подвластной имъ провинціи. Нормы для этого не существуетъ, и отсюда, понятно, грабежъ и хищеніе невѣроятные.

Правда, по закону каждый подданный эмира долженъ давать въ казну ежегодно десятую часть отъ своихъ доходовъ, но кто же можетъ съ точностію сказать, сколько онъ собралъ за годъ хлѣба, масла, молока, фруктовъ и проч.? И потому каждый даетъ столько,

---

[1]) Молитва, читаемая муллою по пятницамъ.

[2]) Байкушъ—тюркское слово, въ собственномъ смыслѣ означающее филина, сову, вообще ночную птицу. На языкѣ же бухарскихъ чиновныхъ лицъ слово «байкушъ» означаетъ простого крестьянина, черный людъ вообще.

[3]) «Высочайшая свѣтлость»—титулъ бухарскаго эмира, котораго такъ величаютъ за глаза всѣ мѣстные чиновники.

сколько назначаютъ власти [1]), а послѣднія въ виду своихъ выгодъ берутъ какъ можно больше. Да если бы и были извѣстны доходы каждаго туземца, то законные поборы опять были бы немыслимы. Честность и безупречность мѣстныхъ властей, при полной безконтрольности ихъ дѣяній, весьма сомнительны, а если добавить къ этому житье безъ жалованія и кормленіе отъ народа, то это невѣроятное лихоимство станетъ понятнымъ. Начиная отъ губернатора и кончая послѣднимъ чинушей-халатникомъ, грабятъ всѣ, отчего бѣдное, истощенное непосильными налогами, населеніе встрѣчается въ каждой провинціи. И только изумительное плодородіе земли да необыкновенное трудолюбіе прекраснаго народа, еще живущаго тысячелѣтними традиціями своей когда-то прославленной культуры, не даютъ странѣ дойти до полнаго обнищанія и запущенности. Ни суда, ни расправы на беззаконія властей ни у кого нельзя найти. У мелкаго чиновничьяго міра всегда найдутся сильные родственники или хорошіе знакомые, которые за просьбу и за подарки постараются уничтожить передъ губернаторомъ всякое обвиненіе противъ ихъ кліентовъ, у губернаторовъ же добрые друзья при дворѣ и хорошія взятки кушъ-бéги и другимъ вліятельнымъ сановникамъ тоже сдѣлаютъ свое дѣло, и виновный всегда окажется

---

[1]) Вотъ, напримѣръ, какъ взимаютъ годовую подать въ Каратегинѣ и прочихъ мѣстахъ Нагорной Бухары. Эмиру 1/10 часть собраннаго за годъ хлѣба, 20 фунтовъ масла съ богатыхъ и барана стоимостью въ 12 тенговъ (1 рубль 92 к.) или же 12 тенговъ деньгами, съ бѣдныхъ же, взамѣнъ масла и барана, кусокъ «маты» (бѣлой хлопчато-бумажной ткани своего издѣлія) стоимостью отъ 60 коп. до 1 рубля. Въ пользу же мира, амлекдара, волостного старшины и ихъ прислуги сходитъ еще пуда по два хлѣба зерномъ, полпуда или пудъ масла и нѣсколько тенговъ деньгами, смотря по степени выпрашиванья, или, вѣрнѣе, вымогательства. При страшной окружающей бѣдности такіе поборы невыносимы. Деньги же въ горахъ крайне рѣдки и потому представляютъ большую цѣнность; горный таджикъ, искони привыкшій къ мѣновой торговлѣ, на деньги съ удовольствіемъ продастъ барашка тенговъ за 6—7 (96 к.—1 р. 12 к.), или, какъ въ Каратегинѣ, «батманъ» (9 пудовъ) пшеницы отдастъ въ урожайные годы за 8 тенговъ (1 р. 28 к.). Такимъ образомъ, если перевести на нашъ курсъ всю стоимость поборовъ съ мѣстнаго горца, то сумма выйдетъ внушительная. Въ самомъ дѣлѣ, если положить, что въ среднемъ горецъ-таджикъ дастъ 2 пуда пшеницы (1/10 часть съ земельныхъ доходовъ), то, считая по 1 рублю 10 коп. пудъ, выйдетъ 2 рубля 20 коп., 20 фунтовъ масла стоятъ приблизительно 5 рублей, баранъ—три рубля или столько же деньгами, итого выйдетъ 10 рублей съ богатыхъ. Съ бѣдныхъ же, если, при всемъ одинаковомъ остальномъ, вмѣсто барана и масла положить кусокъ маты рубля въ два, выходитъ всего податей рублей на 5. Если прибавить еще столько же на мѣстныя власти, то непосильность платежа такихъ поборовъ станетъ очевидною. Недоимокъ же не полагается; для ихъ устраненія существуютъ клоповники и канчуки. Отсюда понятнымъ станетъ, почему мѣстные туземцы, «байкуши», наивно спрашиваютъ проѣзжающаго «уруса», скоро ли ихъ возьметъ себѣ «Бѣлый царь». У него де легче живется: по слухамъ, податей меньше приходится платить; вонъ въ Ферганѣ, въ Самаркандѣ и другихъ русскихъ владѣніяхъ въ Средней Азіи каждый платитъ въ среднемъ выводѣ только около 7 тенговъ (1 рубль 10 коп.).

правымъ. А такъ какъ «у сильнаго всегда безсильный виноватъ», то обиженный бухарскій миръ чинитъ кровавую расправу надъ своими доносчиками и обвинителями. Развѣ только кто нибудь изъ вліятельныхъ лицъ при дворѣ, враждебныхъ миру, или всевластный кушъ-бéги донесутъ «хазрéту» [1]) о томъ или другомъ неправомъ дѣлѣ, главнымъ образомъ о казнокрадствѣ, и тогда знатнаго мира ждетъ опала или еще что нибудь худшее этого.

По пріѣздѣ къ эмиру, обвиняемаго губернатора начинаютъ допрашивать, почему онъ мало присылаетъ податей. Миръ отговаривается тѣмъ, что, напримѣръ, урожаи за послѣдніе годы были плохіе, и собраннаго хлѣба поэтому оказалось мало, а народъ весь обѣднялъ; откуда же быть большому сбору податей? Оправданіямъ этимъ, конечно, никто не вѣритъ. Въ Бухарѣ невозможнаго не бываетъ: если бы и годы на самомъ дѣлѣ были плохіе, и народъ бы былъ окончательно разоренъ неурожаемъ, исправность платежа податей все-таки обязательна. Состраданіе и государственныя заботы о подданныхъ здѣсь неизвѣстны, да къ тому же если ужъ кто провинился предъ эміромъ, то значитъ справедливо подпалъ подъ его грозный, немилосердный гнѣвъ. А гнѣвъ «хазрета» не шутка: онъ сразу уничтожаетъ человѣка. Мольбы и просьбы о законномъ разбирательствѣ дѣла безполезны. Опальнаго губернатора прямо спрашиваютъ: «сколько скопилъ денегъ?» Онъ называетъ извѣстную сумму, ее требуютъ у него, подъ страхомъ пожизненнаго заключенія въ «зиндонў» [2]), немедленно отдать эмиру. Нечего и говорить, что обвиняемый тутъ же отдаетъ требуемое. Но здѣсь кто нибудь изъ лицъ, хорошо знавшихъ его, быть можетъ, даже кто нибудь изъ друзей, доноситъ, что у него столько-то скота пасется тамъ-то, столько-то табуновъ лошадей гуляетъ по равнинамъ, и что и денегъ-то у него собрано гораздо больше, чѣмъ онъ показалъ. По такому навѣту отбираютъ все имущество у бывшаго мира и вымогаютъ всѣ накопленныя деньги, употребляя не только всяческія угрозы, но и прибѣгая къ помощи различныхъ пытокъ, на которыя такъ щедръ и изобрѣтателенъ безчеловѣчный Востокъ. Въ концѣ концовъ бывшій могущественнѣйшій сатрапъ, по своему усмотрѣнію казнившій и миловавшій людей, очутится безъ куска хлѣба въ жалкомъ домишкѣ, который ему дадутъ изъ милости гдѣ нибудь въ столицѣ подъ грознымъ окомъ повелителя. Послѣдній изъ жалости кое-какъ кормитъ опальника, чтобы тотъ не умеръ съ голода, какъ бродячая уличная собака. И развѣ только по прошествіи многихъ лѣтъ, когда уже за давностью времени его вина из-

[1]) Хазрéтъ, или, вѣрнѣе, хазрáтъ—«святѣйшій, высочайшій». Одинъ изъ титуловъ эмира, который онъ носитъ, какъ духовный глава мусульманъ Средней Азіи.

[2]) Тюрьма, клоповникъ.

гладится изъ памяти «Дженабе-Аали», о немъ вспомнятъ и опять пошлютъ губернаторомъ куда нибудь въ бѣдную провинцію. А часто случается и такъ, что совсѣмъ не вспомнятъ, и бывшій губернаторъ умираетъ ничтожнымъ бѣднякомъ. Ни прежніе многочисленные друзья и пріятели, ни бывшіе вѣрные слуги, никто не придетъ навѣстить подпавшаго подъ гнѣвъ повелителя. Еще заподозрятъ въ измѣнѣ послѣднему и въ сочувствіи его недругамъ. И нерѣдкость, если дѣти такого впавшаго въ немилость мира займутся потомъ какой либо мелкой торговлею, либо пойдутъ въ чернорабочіе. Сословій и сопряженныхъ съ ними разнаго рода привилегій въ Бухарѣ вѣдь нѣтъ.

Лѣто 1897 г. мнѣ пришлось провести въ столицѣ Бухарскаго ханства, въ Бухарѣ. Во все это время мнѣ прислуживалъ молодой таджикъ Мадъ-Али. Всѣ знавшіе его называли его не по имени, а «бой-бача́», т.-е. сынъ богатаго. Какъ-то мнѣ пришлось спросить, почему его такъ называютъ. И мой слуга повѣдалъ мнѣ грустную исторію. Его отецъ былъ однимъ изъ вліятельныхъ сановниковъ эмира и имѣлъ титулъ «парвона́чи». За что-то онъ былъ отставленъ отъ должности, деньги, которыя онъ успѣлъ нажить во дни своей славы, прожилъ во дни своего ничтожества. По смерти его осталась большая семья, и старшій изъ дѣтей былъ Мадъ-Али. Чтобы прокормить бѣдствовавшую семью, онъ поступилъ къ какому-то сластолюбивому горожанину «бачею» и цѣной собственнаго позора содержалъ своихъ маленькихъ братьевъ и сестеръ и старуху мать. Изъ прежнихъ же друзей отца никто не протянулъ руку помощи его бѣдствовавшей семьѣ, напротивъ, всѣ сторонились, какъ отъ зачумленныхъ, несмотря на просьбы и мольбы о помощи. Нѣсколько лѣтъ безпутной жизни сказались на Мадъ-Али, и изъ когда-то розоваго, цвѣтущаго мальчика сталъ высокій, желтый, безобразный, съ тупымъ взоромъ и вялыми движеніями, двадцати-лѣтній парень. Быть бачею теперь онъ не можетъ: онъ уже слишкомъ выросъ и сталъ безобразенъ. Куда же итти? Правда, мать умерла, сестры успѣли выйти замужъ, братья выросли, но вѣдь нужно же себя прокормить. И Мадъ-Али сталъ «мардикоромъ», т.-е. поденщикомъ, рабочимъ, слугою. Отъ прежняго отцовскаго богатства и славы только сохранилось лишь насмѣшливое прозвище, данное его сыну: «бой-бача».

Чтобы не попасть въ такую бѣду, какъ гнѣвъ эмира, мѣстные губернаторы всячески стараются о доставленіи возможно большихъ суммъ въ казну эмира. По закону каждый начальникъ провинціи обязанъ представить тому кушъ-беги, которому онъ подчиненъ, ежегодно отъ 6 до 10 лаковъ тенговъ [1]), смотря по богат-

[1]) Собственно «лакъ»—индійское слово, перешедшее въ таджикскій діалектъ, и значитъ 100.000. Лакъ тенговъ равенъ нашимъ 16.000 рублямъ, считая по нынѣшнему курсу тенгу въ 16 копеекъ.

ству своей области (эта подать должна вноситься мирами не тенгою, а русской монетой). Собранную дань кушъ-беги отсылаетъ въ Бухару. Къ этимъ-то нѣсколькимъ лакамъ ежегодныхъ податей каждый миръ и усердствуетъ прибавить еще нѣсколько тысячъ лишнихъ тенговъ, лишь бы не впасть въ немилость у эмира. Само собою разумѣется, что, радѣя о пользѣ своего государя, миры не забываютъ и себя: 2—3 лака тенговъ откладываютъ ежегодно въ свою пользу. Такимъ образомъ, если сравнить жалованье нашихъ губернаторовъ съ доходами ихъ бухарскихъ собратьевъ, то сравненіе окажется не въ пользу первыхъ. А если присоединить къ этому многочисленные табуны лошадей и тысячныя стада коровъ и овецъ и прочіе побочные доходы натурой, то богатство мѣстныхъ мировъ покажется и вовсе значительнымъ.

Среди разговора, миръ, между прочимъ, выразилъ сожалѣніе, что мы пріѣхали немного поздно. И когда мы спросили, въ чемъ дѣло, губернаторъ замѣтилъ, что мы лишились удовольствія видѣть казнь преступниковъ: три дня тому назадъ казнили двухъ. «Впрочемъ,—замѣтилъ сановный старецъ,—эта вещь поправимая, черезъ недѣлю еще предстоитъ казнь, такъ что вы, если поживете въ Кулябѣ, то увидете это». Поблагодаривъ мира за такое «эстетическое удовольствіе», я спросилъ его, не разрѣшитъ ли онъ намъ осмотрѣть мѣстную тюрьму, такъ какъ мы много слышали о правосудіи Благородной Бухары, гдѣ зло всегда несетъ заслуженное возмездіе. Съ любезной улыбкой миръ далъ на это полное согласіе и, кликнувъ одного изъ гуляющихъ по двору чиновниковъ, далъ ему приказъ проводить насъ въ «зиндону».

Тюрьма оказалась во дворѣ же мирскаго «дворца», почти противъ нашего помѣщенія. Единственная дверь въ нее была въ стѣнѣ входной арки губернаторскаго дома. Внутренность кулябской тюрьмы представляетъ громадную яму, надъ которой возвышаются высокія глинобитныя стѣны съ однимъ узенькимъ оконцемъ. Ослизлая солома валяется на сыромъ полу. Воздухъ необыкновенно спертый и удушливый, безъ привычки не пробудешь и нѣсколькихъ минутъ.

Всего преступниковъ при насъ въ тюрьмѣ было четверо; длинная желѣзная цѣпь сковывала ихъ шеи, такъ что если одному нужно было сѣсть, лечь или нагнуться, то это должны были сдѣлать и всѣ остальные. Свои физіологическія отправленія заключенные дѣлали въ тюрьмѣ же, наружу ихъ совсѣмъ не выпускали. Одинъ изъ нихъ, молодой человѣкъ, съ безпокойно бѣгавшими глазами и страшно блѣднымъ лицомъ, сидитъ здѣсь двѣ недѣли. Онъ обвиняется въ кражѣ лошади. На мой вопросъ, когда онъ думаетъ освободиться, онъ отвѣтилъ: «послѣ того, какъ по приговору суда мнѣ отрубятъ руку» [1]). Другой—высокій, сред-

[1]) Въ Бухарѣ судятъ по законамъ имама Абу-Ханифа; по уголовному кодексу этого имама за воровство въ первый разъ полагается отрубить кисть руки, за

нихъ лѣтъ мужчина съ сумрачной и утомленной физіономіей, бывшій купецъ, онъ заключенъ сюда кредиторами за неплатежъ долговъ и находится здѣсь ужъ два съ половиной мѣсяца. Когда я спросилъ, какъ можетъ долго продлиться его пребываніе въ тюрьмѣ, онъ мрачно отвѣтилъ: «до тѣхъ поръ, пока не уплачу долговъ, а гдѣ я возьму деньги?» Какого рода преступленія совершили остальные,—я, къ сожалѣнію, не помню. Когда ихъ всѣхъ по нашей просьбѣ вывели на дворъ снять съ нихъ фотографію, несчастные едва держались на ногахъ отъ слабости и отъ того, что за время пребыванія въ тюрьмѣ они отвыкли отъ воздуха и солнца. Когда же г. Б. поставилъ противъ нихъ фотографическій аппаратъ и навелъ объективъ, бѣдные узники настолько напугались, что тряслись, какъ въ лихорадкѣ: имъ казалось, что странный инструментъ сейчасъ выстрѣлитъ и убьетъ ихъ. Большихъ трудовъ стоило ихъ хотя нѣсколько успокоить.

До полдня еще далеко. Опять, какъ и вчера, пошли съ Якубомъ бродить по городу; мои спутники тоже собираются. Прошли опять черезъ базары къ лавкамъ вчерашнихъ нашихъ знакомцевъ изъ Пешавера, но онѣ оказались заперты; сосѣдніе торговцы говорятъ, что они ушли въ каравансарай: тамъ де какое-то собраніе, многіе и другіе пошли.

Вотъ и каравансарай, длинное большое зданіе. Настежь раскрытыя ворота ведутъ въ обширный, начисто разметенный дворъ. На дворѣ, подъ навѣсами окружающихъ его съ четырехъ сторонъ галлерей, цѣлое море разноцвѣтныхъ тюрбановъ и яркихъ халатовъ, мѣстами выдѣляются своими темными куртками и блестящими пуговицами длинноволосые афганцы и всѣ въ черномъ смуглые «хинду» (индусы). Подходили къ тому мѣсту, гдѣ сидятъ индійскіе персы; ихъ умныя, плутоватыя физіономіи рѣзко выдѣляются изъ окружающей ихъ группы таджиковъ и другихъ національностей. Дѣлаемъ общій поклонъ ихъ собесѣдникамъ и спрашиваемъ, не помѣшали ли мы своимъ приходомъ. Со всѣхъ сторонъ слышится отрицаніе и любезное приглашеніе садиться. Въ группѣ, къ которой мы подошли, предметомъ общаго вниманія служитъ представительный старикъ въ богатомъ костюмѣ. Вижу—Якубъ почтительно привѣтствуетъ его, а старикъ, какъ старый знакомый, привѣтливо улыбаясь, отдаетъ Якубу отвѣтный «саламъ». Между ними завязывается разговоръ. Ко мнѣ же тѣснѣе подвинулись пешаверцы и познакомили меня съ тремя другими изъ своихъ соотечественниковъ.

— Вы извините насъ, что мы вчера отвѣтили вамъ отрица-

воровство во второй разъ отрубаютъ кисть ноги (изуродованную такимъ образомъ руку или ногу сейчасъ же погружаютъ въ кипящее масло, чтобы унять кровотеченіе). За кражу въ третій разъ виновнаго отсылаютъ къ эмиру на его усмотрѣніе, что всегда оканчивается казнью.

тельно на вашъ вопросъ о старинныхъ монетахъ, — безъ дальнѣйшихъ околичностей приступилъ «къ дѣлу» одинъ изъ вчерашнихъ моихъ знакомцевъ.—Дѣло, видите ли, въ томъ, у насъ кое-что имѣется изъ старины, но вчера мы не показали вамъ этого. Думали, что вы, какъ гости мира, возьмете наши вещи, а денегъ не отдадите. Здѣсь вѣдь гостямъ все, что нравится, отдаютъ даромъ, будь это хоть и чужое. Но о васъ узнали, что вы много на пути покупали вещей и за все хорошо платили.

Увидя на моей физіономіи необычайное удивленіе, мой собесѣдникъ поспѣшно прибавилъ.

— Вы не вѣрите? Были случаи, увѣряю васъ. Пріѣзжали къ миру русскіе таксыры оттуда... съ равнины, и брали даромъ.

Глядя на это красивое матовой бѣлизны лицо съ черными умными глазами, я, признаться, заподозрѣлъ моего собесѣдника въ нѣкоторомъ преувеличеніи, если не сказать болѣе, и въ душѣ не повѣрилъ слышанному. Къ сожалѣнію, далѣе на пути изъ Кабадіана въ Патта-Хисаръ, увы, пришлось воочію убѣдиться въ такихъ подвигахъ нѣкоторыхъ «благородныхъ россійскихъ таксыровъ» и притомъ занимающихъ въ странѣ извѣстное служебное положеніе. Но объ этомъ послѣ.

Разговаривая со мной, мой собесѣдникъ вынулъ изъ-за пазухи своего халата маленькіе узелочки и сталъ ихъ развязывать. Въ нихъ оказалось нѣсколько штукъ серебряныхъ греко-бактрійскихъ монетъ и одна мѣдная съ изображеніемъ Александра Македонскаго. И у другихъ также оказалось по нѣсколько подобныхъ монетъ, а у одного даже цѣлый мѣшочекъ, но только мѣдныхъ. Пока я разсматривалъ ихъ и читалъ имена различныхъ basileus'овъ, вокругъ меня шелъ оживленный разговоръ. Сидѣвшій противъ меня благообразный старикъ, повидимому, знакомецъ Якуба, разсказывалъ окружающимъ о могуществѣ эмира и о богатствѣ Благородной Бухары.

Якубъ почтительно замѣчаетъ, что эмира теперь нѣтъ въ Бухарѣ; говорятъ, будто въ Россію выѣхалъ.

— Да,—небрежно роняетъ старикъ:—уѣхалъ. Вѣдь у нихъ съ Бѣлымъ царемъ большая дружба: другъ безъ друга жить не могутъ.

— Отчего же это, таксыръ?—сладко закативъ глаза, спросилъ кто-то изъ здѣсь сидящихъ.

— Да вѣдь Бѣлый царь—тайный мусульманинъ,—еще небрежнѣе замѣчаетъ спрошенный таксыръ, задумчиво перебирая четки[1]: — ну, сердце эмира и влечется къ нему. Надо поговорить о дѣлахъ вѣры, о правленіи царствомъ,—мало ли о чемъ?

— Do you speak english? — спрашиваю я своего сосѣда, перса изъ Пешавера.

— Yes, I do.

---

[1]) Всѣ мало мальски степенные мусульмане имѣютъ всегда при себѣ четки.

— Who is this old man?

Въ отвѣтъ на это сосѣдъ нагибается къ моему къ уху и тихо произноситъ по-персидски: «собиратель «закàта» [1]) изъ Бухары».

Важная персона! Такими-то, подумаешь, небылицами старается мѣстное вліятельное духовенство и чиновничій міръ оправдать частыя отлучки правовѣрнаго эмира въ «нечестивую Русь». Правда, эпитетъ мусульманина еще болѣе увеличиваетъ и безъ того обаятельное для всего Востока имя русскаго императора, подъ властью котораго «всѣмъ правовѣрнымъ такъ хорошо живется». И великій Бѣлый царь, упованіе и надежда всѣхъ народовъ Азіи, и при томъ для христіанъ—христіанинъ, для мусульманъ—чтитель Аллаха и его пророка, какъ, надо полагать, должно это дѣйствовать на болѣзненно-восторженный умъ восточнаго человѣка!

На пути изъ каравансарая встрѣтили г. N. съ переводчикомъ мира: людей нашихъ никого не оказалось, и миръ любезно предоставилъ въ его распоряженіе своего чиновника.

Говорю о видѣнныхъ монетахъ г-ну N.,—тотъ, страстный нумизматъ, оживляется и проситъ познакомить его съ «фаришами». Идемъ опять назадъ, въ каравансарай. Тамъ народъ сталъ уже расходиться, и пешаверцы, показавъ монеты, предложили зайти въ одну изъ ближайшихъ ихъ лавокъ и тамъ потолковать о цѣнѣ. Тутъ же рядомъ съ воротами каравансарая оказалась лавка одного изъ нихъ. Ея хозяинъ, небольшой, очень смуглый человѣкъ съ типичной индусской физіономіей, совсѣмъ непохожій на своихъ земляковъ, отперъ дверь и впустилъ насъ въ темное и тѣсное помѣщеніе лавки. Свѣтъ доставляли въ нее только двое дверей. Несмотря на тѣсноту, всѣ кое-какъ размѣстились. Хозяинъ любезно предложилъ всѣмъ мѣстныя конфеты и чай. Пока идетъ торгъ изъ-за монетъ, я отъ нечего дѣлать тяну чай и разсматриваю лежащій передо мной свертокъ бумаги, исписанный оригинальными угловатыми письменами «хиндустани» [2]). Одинъ изъ пешаверцевъ, замѣтивъ это, спросилъ меня, какъ мнѣ показалось, съ нѣкоторой тревогой, знаю ли я нарѣчіе «хиндустани», и взялъ у меня свертокъ. Услышавъ мой отрицательный отвѣтъ, онъ, какъ видно, успокоился и оставилъ меня въ покоѣ. А вокругъ меня идетъ жаркій торгъ: Якубъ и губернаторскій переводчикъ изъ силъ выбились, доказывая, что такія цѣны не мыслимы. А цѣны дѣйствительно ужасающія: за одну монету запрашиваютъ по нѣскольку сотенъ рублей.

---

[1]) Закатъ—милостыня, чистота, очищеніе. Мухаммеданскій законъ предписываетъ давать часть своего имущества бѣднымъ, или употреблять на богоугодныя дѣла, чтобы чрезъ то очистить остальную часть имущества и снискать Божіе благословеніе.

[2]) Хиндустаній—одно изъ современныхъ нарѣчій Индостана, образовавшееся изъ персидскаго языка, арабскаго и мѣстныхъ говоровъ.

— Вѣдь они говорятъ, по всей вѣроятности, по-англійски,— замѣчаю я г. N.:—я недавно говорилъ съ однимъ. Поговорите съ ними сами.

Г. N. обращается по-англійски какъ разъ къ тому же, съ кѣмъ я недавно горилъ. Пешаверецъ, къ моему удивленію, отрицательно качаетъ головой и говоритъ чрезъ Якуба, что онъ не знаетъ англійскаго языка. Что такое?—думаю. И пока у меня въ умѣ мелькаютъ подозрѣнія относительно пешаверцевъ, преслѣдующихъ здѣсь, повидимому, не однѣ только торговыя цѣли, въ дверяхъ показывается сѣдой старикъ, очень скромно, даже бѣдно одѣтый. Это, оказывается, «хозяинъ каравансарая, богатѣйшій человѣкъ не только Куляба, но и всей Бухары, владѣлецъ многихъ земель и каравансараевъ въ различныхъ городахъ, купецъ, ведущій громадную торговлю съ Россіей, Афганистаномъ и Персіей», какъ тутъ же объяснилъ мнѣ губернаторскій переводчикъ. Онъ и привелъ его сюда для того, чтобы старикъ, какъ хозяинъ помѣщенія, уговорилъ пешаверцевъ сбавить немилосердно запрашиваемыя цѣны. Старикъ снялъ у входа свои старенькія туфли, опустился на колѣни подлѣ торгующихъ и началъ уговаривать купцовъ уступить. Сначала онъ ихъ увѣщевалъ, что называется, добромъ, указывалъ на слишкомъ высокія назначаемыя ими цѣны, говорилъ что-то о гостепріимствѣ, объ уступчивости, какъ чертахъ, особенно присущихъ правовѣрнымъ. Купцы упорно стояли на своемъ и твердили, что эти монеты они свезутъ къ себѣ на родину, гдѣ у нихъ ихъ купятъ за хорошую цѣну «инглйзы».

— У инглизовъ много денегъ,—твердили они и не безъ ироніи прибавляли:—чѣмъ мы виноваты, если русскіе господа такъ бѣдны, что не могутъ заплатить, сколько мы просимъ?

Постепенно старикъ разгорячался и возвышалъ свой голосъ, наконецъ, пришелъ въ такой азартъ, что схватилъ хозяина лавки, небольшого смуглаго пешаверца, за бороду и закричалъ громовымъ голосомъ, чтобы онъ продавалъ «негодныя деньги» за столько, сколько даютъ. Но тутъ вступились Якубъ, губернаторскій переводчикъ и остальные купцы и поспѣшили уговорить не въ мѣру расходившагося бухарскаго креза. Кончилось все дѣло тѣмъ, что г. N. предложилъ пешаверцамъ прійти подъ вечеръ къ намъ и тамъ сторговаться.

Оставивъ г. N., Якуба и переводчика ходить по базару, иду къ себѣ. На одной изъ улицъ подошелъ откуда-то взявшійся одинъ изъ нашихъ каратегинцевъ, Мулла-Нозйль. На пути заглянули съ нимъ въ мастерскую «фагфурчй», т. е. мастера, занимающагося починкою фарфора. Въ углу его помѣщенія, отъ пола до потолка, огромная груда битаго фарфора. Здѣсь осколки и китайскаго эмалированнаго фарфора, и глазурь знаменитыхъ бомбейскихъ чайниковъ, и скромный фарфоръ отечественныхъ Матвѣевъ и Ивановъ

Кузнецовыхъ. Способъ починки, или, вѣрнѣе, составленія заново разбитой посуды весьма оригиналенъ. Мастеръ тщательно собираетъ всѣ осколки и скрѣпляетъ ихъ поперечными тонкими мѣдными пластинками. Нечего и говорить, что подобная работа требуетъ много терпѣнья и навыка. Вещь, починенная такимъ способомъ, никогда не развалится, какъ склеенная, и не пропуститъ жидкости. Бухара особенно славится этого рода искусствомъ. Разбитая и скрѣпленная описаннымъ способомъ фарфоровая посуда расходится отсюда по всѣмъ странамъ Азіи, отъ Персіи до границъ Китая.

У «фагфурчи» встрѣтили одного изъ губернаторскихъ чиновниковъ, съ которымъ и отправились восвояси. Проходя одною изъ улицъ, мы были вдругъ поражены раздавшимся откуда-то нечеловѣческимъ крикомъ. Завернули туда, откуда неслись вопли, и глазамъ предстала не совсѣмъ обыкновенная картина. Среди пустыннаго переулка, почтеннаго вида старецъ немилосердно лупилъ палкою какого-то подростка. Юнецъ оралъ благимъ матомъ, но, какъ истый сынъ раболѣпнаго Востока, не старался убѣжать, а смирнехонько стоялъ и только оралъ и оралъ все громче. Его крики разносились по переулку, но не привлекали ничьего вниманія. Лишь мѣстами кое-гдѣ изъ-за полупритворенныхъ дверей «хона» высматривали нѣкоторыя физіономіи и видимо любовались этою экзекуціею. Палка же старца продолжала съ еще большимъ ожесточеніемъ взвиваться надъ отрокомъ и поучать его бока и спину. Изъ устъ видимо разгнѣваннаго «учителя» срывались какія-то отрывистыя восклицанія, по всей вѣроятности, назидательнаго характера. Увидѣвъ эту сцену, должно быть, хорошо ему извѣстную, «джевачи» [1]) повернулся ко мнѣ съ разочарованнымъ видомъ и сказалъ:

— Пойдемте, «тюря», особеннаго ничего нѣтъ.

— А это что же происходитъ?—спросилъ я.

— Раису-ш-шаріатъ,—лаконически отвѣтилъ джевачи.

Это по-русски означало «блюститель закона», чиновникъ, неопустительно смотрящій за точнымъ исполненіемъ среди населенія всѣхъ предписаній шаріата. Эта давно позабытая должность на мусульманскомъ Востокѣ возродилась въ Бухарѣ вновь при зилотствующемъ эмирѣ Маасумѣ и существуетъ здѣсь до сихъ поръ.

— За что же это онъ бьетъ мальчика?—спрашиваю я.

— Да, навѣрное, мальчикъ попался раису-ш-шаріатъ на встрѣчу, послѣдній спросилъ его, знаетъ ли онъ молитвы. А мальчикъ оказался незнающимъ, ну, вотъ палка послушанія и застучала по его невѣжественной спинѣ.

— А что же никто не заступится за него? На улицѣ ни души не видно.

---

[1]) Одинъ изъ низшихъ гражданскихъ чиновъ въ Бухарѣ.

— Да развѣ это возможно? — удивился такому наивному вопросу нашъ Виргилій.—Пускай раису-ш-шаріатъ его заставитъ знать молитвы, а то безъ боя развѣ дѣти будутъ что знать?

Да, кромѣ того, показаться народу мѣшаетъ страхъ передъ раисомъ. Спроситъ онъ, пожалуй, кого нибудь изъ закона, а тотъ и не знаетъ—палка тогда съ одной спины перенесется на другую.

На площади передъ аркомъ джевачи покинулъ насъ. Мулла-Нозиль указываетъ мнѣ на виднѣвшееся влѣво низкое большое зданіе и говоритъ:

— Таксыръ, тамъ живутъ дервиши. Не хотите ли пойти туда?

Горцу, вѣроятно, самому хочется посмотрѣть на этихъ своеобразныхъ мусульманскихъ отшельниковъ отъ міра: въ горахъ нѣтъ дервишей. Эти общины добровольныхъ бѣдняковъ и нестяжателей земныхъ благъ только принадлежность равнинной жизни.

Переходимъ черезъ площадь и входимъ въ длинную узкую улицу, на которую выходило фасадомъ «текіе» (монастырь) дервишей. Большія ворота растворены, и мы входимъ чрезъ нихъ на просторный дворъ. Среди него двѣ раскидистыхъ чинары, подъ ними обширная, высокая глинобитная площадка; на ней группа людей въ длинныхъ бѣлоснѣжныхъ рубашкахъ кушаетъ пилавъ. Всѣ они умыты и бороды тщательно расчесаны. Это дервиши. Насъ встрѣтилъ высокій представительный старикъ въ ослѣпительно-бѣлой рубашкѣ и штанахъ, запрятанныхъ въ сапоги. Такой же безукоризненной чистоты чалма обвивала голову. На поясѣ, которымъ онъ былъ опоясанъ, висѣлъ на ремешкѣ ключъ. Внѣшность этого старика была очень типична и весьма напоминала, по физіономіи и костюму, зажиточнаго горца-таджика. Это былъ «пиръ», глава, начальникъ мѣстной дервишской общины. Ласково привѣтствуя насъ, онъ замѣтилъ на мое извиненіе, что весьма и весьма радъ видѣть чужестранцевъ.

— Вѣдь бѣдными дервишами не только иноземцы, но и мѣстные жители совсѣмъ не интересуются,—добавилъ пиръ и растворилъ низенькую калитку, ведущую въ садикъ, примыкавшій ко дворцу. Въ саду росли великолѣпные розовые кусты и находились длинныя грядки съ цвѣтущей резедой. Пиръ сорвалъ одинъ изъ пышныхъ розовыхъ цвѣтковъ, прибавилъ къ нему резеду и, поклонившись, просилъ меня принять «подарокъ дервиша».

Я взялъ эти нѣжно-благоухающіе цвѣты, «чистѣйшее проявленіе Божества», и, поблагодаривъ, продекламировалъ тутъ же пришедшіе мнѣ въ голову стихи величайшаго изъ дервишей, поэта Саади:

«Ба̀рки са̀бзист тухфа̀и дарвиш [1]).

[1]) Лица, знающія персидскій языкъ, да не осудятъ меня за такое произношеніе. Я вѣдь читалъ это въ Бухарѣ, а по-таджикски такъ именно и слѣдуетъ произнести.

(Подарокъ дервиша только зеленый листокъ). Пиръ вздохнулъ и тутъ же докончилъ за меня:

Чи кунад бинавó? Амин дóрад.

(Чтó же ему дѣлать горемычному? Онъ только это и имѣетъ).

Въ то время дервиши окончили обѣдъ и, вставъ, одинъ за другимъ подходили къ пиру, кланялись ему и привѣтствовали насъ съ Муллою-Нозилемъ. Показавъ пиру на дервишскіе аттрибуты и рубища, развѣшанные на стѣнахъ двора, я спросилъ, развѣ дервиши не цѣлый день носятъ эти костюмы. Пиръ объяснилъ мнѣ, что въ этихъ одѣяніяхъ они показываются только въ городѣ, за стѣнами своего жилища, и для поясненія этого продекламировалъ стихъ изъ Хайяма [1]), что только тамъ

«Отъ насъ требуютъ желтое лицо, оборванное платье».

Мало знакомый съ развитіемъ того своеобразнаго ученія мусульманскаго Востока, которое называется «суфизмомъ», я, къ сожалѣнію, не могу сказать, къ какой его вѣтви принадлежали мои гостепріимные дервиши.

Какъ религіозное ученіе, суфизмъ не самобытенъ: онъ возникъ подъ вліяніемъ идей греческихъ неоплатониковъ, учившихъ, что между Богомъ и людьми существуетъ цѣлая цѣпь существъ, которыя могутъ переходить изъ низшаго состоянія въ высшее. Понять этого нельзя однимъ разумомъ, поэтому необходимъ экстазъ. Чрезъ сирійцевъ неоплатонизмъ перешелъ къ мусульманамъ.

Послѣдователи суфизма «сýфи» учили, что Божество слито съ міромъ, во всѣхъ созданіяхъ Бога, одушевленныхъ и неодушевленныхъ, проявляется Божество. Суфи, «люди прямого пути», цѣнили на свѣтѣ всѣ красивыя вещи, какъ проявленіе Бога; они поклонялись красотѣ во всѣхъ ея видахъ: восторгались луной, любили розу, цѣнили ея запахъ и т. п. [2]). Вино, какъ и всякое одуряющее средство (верченіе, табакъ и проч. [3]), они считали однимъ изъ физическихъ свойствъ уничтоженія сознанія, самости (мāни́), которое есть главный врагъ познанія Божества. Поэтому суфи употребляли и вино. Какъ люди богобоязненные, постоянно ищущіе единенія съ Богомъ и стремящіеся къ будущей жизни, суфи про-

---

[1]) Омаръ-Хайямъ—знаменитый персидскій поэтъ на основѣ суфизма (но съ большой долей нигилизма), астрономъ и математикъ, жилъ въ XI—XII вѣкѣ по Р. Х.

[2]) У насъ, среди такъ называемой «большой публики, поэтическія произведенія геніальныхъ лириковъ-суфи: Хафиза, Саади и друг., по недоразумѣнію понимаются въ буквальномъ смыслѣ, и выраженія въ родѣ: «традиціонная любовь соловья къ розѣ», слышатся на каждомъ шагу, когда въ обществѣ и литературѣ заходитъ рѣчь о восточной поэзіи вообще и персидской въ частности. Но соловей, роза, зефиръ, вино и опьяненіе, — все это символы, означающіе на таинственномъ языкѣ восточныхъ мистиковъ—поэтовъ: человѣческій духъ, Божество, время молодости, соединеніе съ Божествомъ и т. п.

[3]) Благодаря чему существують воющіе дервиши, вертящіеся и др.

повѣдывали кротость и любовь ко всѣмъ людямъ и животнымъ, сочувствовали меньшей братіи, простому люду и, не стѣсняясь, открыто обличали высшіе классы въ корыстолюбіи и жадности. Многіе суфи увлекались идеаломъ суфизма и вели благочестивую жизнь, другіе же впадали въ крайность и становились попросту гуляками. Суфи жили въ монастыряхъ и просили подаяніе. Отъ ихъ обычнаго грубаго шерстяного рубища [1]) произошло названіе «сýфи», такъ какъ шерсть по-арабски называется «сýфунъ». Такъ объясняютъ происхожденіе этого слова сами суфи, но, вѣроятнѣе всего, оно произошло отъ греческаго σοφός (мудрый).

Въ Бухарѣ, среди мѣстнаго населенія, послѣдователей суфизма называютъ просто «дарвúш», что значитъ «лежащій у дверей», т. е. бѣднякъ, словомъ же «сýфи» обозначаютъ всякаго студента медресе.

Разставаясь съ добрыми и словоохотливыми дервишами, я получилъ на прощаніи отъ пира тонкій листокъ индійской бумаги, на которомъ было написано какое-то стихотвореніе.

— Это будетъ всегда напоминать вамъ о бренности всего земного,—прибавилъ старикъ.

Оказалось стихотвореніе Саади [2]),—кажется, изъ его «Пенд-намѐ» (Книга совѣтовъ),—подъ названіемъ «О превратности этого міра», въ дословномъ переводѣ съ персидскаго оно поучало такъ:

---

[1]) Обычный уличный костюмъ бухарскихъ дервишей составляетъ доходящій до лодыжекъ грубый шерстяной халатъ (хырка́), въ большинствѣ случаевъ темный, ноги босыя, на головѣ—смотря по ордену, къ которому они принадлежатъ—или темныя остроконечныя шапки, опушенныя мѣхомъ, или чалмы иногда изъ черныхъ шерстяныхъ жгутовъ, какія носятъ арабы, или же головной уборъ отсутствуетъ и его замѣняетъ шевелюра длинныхъ, никогда не знающихъ гребня, волосъ. На лѣвомъ боку привязывается высокій, изъ особаго тыквеннаго растенія, кувшинъ (куза́) для воды и подаяній. На груди виситъ овальный сосудъ (кешкýль), сдѣланный изъ половинки кокосоваго орѣха и покрытый или рѣзнымъ затѣйливымъ орнаментомъ или разрисованный клеевыми красками, въ него собираютъ подаяніе пищей. У многихъ въ рукахъ имѣются продолговатые топорики и острыя сѣкиры, насаженныя на длинныя ручки. Они часто бываютъ украшены богатою серебряною насѣчкою въ формѣ змѣй, деревъ и проч., означающихъ символы Божественной мудрости, благости и т. п. Нѣкоторые дервиши высшихъ степеней имѣютъ еще такъ называемый «камень спокойствія», четыреугольный, въ формѣ правильнаго квадрата (приблизительно въ дюймъ или нѣсколько болѣе каждое ребро), селенитъ, съ вдѣланною въ него круглою, съ орѣхъ величины, бирюзою. «Камень спокойствія» прикрѣпляется къ длинной шерстяной веревкѣ, которая и опоясываетъ туловище нѣсколько разъ, при чемъ самый камень приходится по срединѣ подобнаго пояса, изображая собою какъ бы большую поясную пряжку.

[2]) Шейхъ-Мóслеходъ-динъ-Саади Ширазскій — одинъ изъ знаменитѣйшихъ персидскихъ поэтовъ и учителей суфизма. И какъ лирикъ, и какъ дидактикъ, онъ равно великъ и превосходенъ. Шейхъ-Са'ди родился въ Ширазѣ или въ 1193, или въ 1175 году по Р. Х., умеръ же въ 1291 году по Р. Х. въ глубокой старости. Его «Голеста́нъ» (Цвѣтникъ розъ), «Боста́нъ» (Фруктовый садъ) и друг. произведенія извѣстны съ дѣтства каждому образованному мусульманину и переведены на многіе европейскіе языки.

«Сколько было могущественныхъ царей,
Сколько героевъ, покорителей странъ,
Сколько дикихъ поличицъ [1]), губителей войскъ,
Сколько отважныхъ ратныхъ бойцовъ,
Сколько луноликихъ красавцевъ, крѣпкихъ, какъ букъ,
Сколько красавицъ съ ланитами, солнцу подобными,
Сколько славныхъ и баловней судьбы,
Сколько стройныхъ, какъ кипарисъ, и сколько было розощекихъ,—
Которые, увы, износили рубашку жизни
И просунули головы въ воротникъ одежды праха [2]),
Какъ шелуха зеренъ, разнеслись по вѣтру ихъ славныя имена,
И никто потомъ о нихъ не узналъ.
Итакъ, не привязывайся къ этому обольстительному дворцу наслажденій [3]):
На него съ высоты небесъ льются лишь несчастья.
Сынъ мой, міръ не имѣетъ постоянства,
И потому эту жизнь скорбей не проводи беспечно!

У себя я засталъ пешаверцевъ: они на террасѣ передъ нашимъ помѣщеніемъ мирно попивали чай по-европейски вмѣстѣ съ моими спутниками. Ихъ было четверо. Одинъ, высокій мужчина представительной наружности, былъ совсѣмъ мнѣ незнакомъ. Расшитыя золотомъ туфли гостей съ высокими пятками и сильно загнутыми кверху носками стояли здѣсь же на террасѣ, недалеко отъ сидѣвшей за столикомъ компаніи.

Подхожу ближе и раскланиваюсь.

— А, османъ, миръ тебѣ!—привѣтствуетъ меня незнакомый пешаверецъ, очевидно принявъ меня за турка, благодаря бывшей на мнѣ фескѣ.

— Да будетъ и надъ тобой миръ!—отвѣчаю я этимъ неизбѣжнымъ на Востокѣ арабскимъ привѣтствіемъ и сажусь рядомъ съ нимъ за столъ.

У моихъ спутниковъ идетъ оживленный разговоръ съ гостями черезъ Якуба. Говорятъ объ Индіи и господствѣ тамъ англичанъ. Пешаверцы хвалятъ и страну, и мѣстное управленіе.

— Почему же вы не остались тамъ торговать? Вѣдь тащиться въ такую глушь, какъ Бухара, подвергать себя непріятностямъ окружнаго дальняго пути,—разъ чрезъ Афганистанъ не пропускаютъ,—платить на границахъ большія пошлины за товары,—это, сами согласитесь, безразсудно! Можетъ быть, вы ужъ очень хорошіе барыши отъ торговли берете?—спрашиваютъ ихъ.

— Какіе тамъ барыши?—отвѣчаютъ почти всѣ въ одинъ голосъ.—Привычка,—вотъ и торгуемъ. Дѣло давно здѣсь ведемъ, привыкли къ мѣстности и къ народу. А на родинѣ, знаете, повезетъ ли еще счастье?

---

[1]) Въ оригиналѣ стоитъ «тонд-кордáн», т. е. «грубые курды».

[2]) То-есть они умерли и ихъ «схоронили—позабыли», какъ говоритъ Шекспиръ.

[3]) То-есть къ этому міру, къ этой жизни.

— Такъ чѣмъ же вы живете? Свои капиталы вѣдь не охота проживать на чужбинѣ?—замѣчаютъ имъ.

— Да, вотъ,—отвѣчаютъ:—собираемъ здѣсь старинныя вещи, больше монеты, а въ Индіи у насъ ихъ покупаютъ англичане, такъ что иной разъ и хорошія деньги на этомъ заработаемъ.

— Да неужели здѣсь такую массу находятъ рѣдкихъ древнихъ монетъ, что продажею ихъ можно «хорошія деньги» заработать? Да ктому же васъ здѣсь и много! —справедливо изумляются мои спутники.

— А отчего же не быть здѣсь рѣдкимъ монетамъ? — улыбнувшись, отвѣтилъ красавецъ съ матово-бѣлымъ лицемъ и, очевидно, желая прекратить этотъ не совсѣмъ удобный для себя разговоръ, полѣзъ за пазуху халата за древними монетами [1]).

И пока мои спутники ожесточенно торговались изъ-за монетъ, у насъ съ высокимъ пешаверцемъ шелъ въ это врѣмя свой разговоръ. Мой собесѣдникъ оказался хорошо знающимъ древнюю исторію Ирана и выдавалъ себя за потомка послѣдняго персидскаго царя изъ династіи Сассанидовъ, Ездигерда III-го.

— Вы вотъ спрашиваете, почему я мусульманинъ, а не чтитель Зардушта,—говорилъ онъ.—Что же дѣлать? Не я виноватъ, а обстоятельства того времени, когда мои предки перемѣнили старую вѣру на вѣру Пророка. Вы думаете, при мусульманскомъ владычествѣ въ Индіи легко жилось парсамъ [2])? Помилуйте, такія были притѣсненія, что поневолѣ обратишься въ правовѣрнаго. Многіе, правда, изъ нашего народа принимали исламъ и по другимъ причинамъ, менѣе уважительнымъ,—и помолчавъ, онъ прибавилъ:—хотя бы ради коммерціи.

— Да развѣ это похвально?—замѣтилъ я.

— А вы думаете—нѣтъ?—спокойно ошарашилъ меня собесѣдникъ.—Напрасно. Персіянинъ, будь то хоть зардуштъ, хоть мусульманинъ, прежде всего—коммерческій геній, а потомъ ужъ послѣдователь своей вѣры. Знаете, чѣмъ живешь, чѣмъ кормишь себя и свою семью, съ тѣмъ и должно прежде всего считаться, то и нужно ставить на первомъ планѣ въ этой жизни.

— Ну, а для той-то жизни что останется?—насмѣшливо спросилъ я этого, повидимому, величайшаго радѣтеля о земныхъ благахъ.

— А кто же ту жизнь видѣлъ?.. Одинъ умный человѣкъ сказалъ: «никто къ намъ не пришелъ ни изъ ада, ни изъ рая, чтобы сказать, что̀ тамъ. И противъ этого ничего нельзя возразить.

— Это изъ Хайяма,—сказалъ я.—А если къ этому еще прибавить Хафизовское:

---

[1]) Эти пешаверцы, какъ мы узнали потомъ, занимались ростовщичествомъ и, вѣроятно, какъ и индусы въ Бухарѣ, брали съ своихъ должниковъ чудовищные проценты.

[2]) Въ Индіи парсами называютъ послѣдователей Зороастра.

«Что мнѣ адъ, что мнѣ рай, что мнѣ люди и небожители?»

— Ахъ, какъ вы мудры, османъ!—отвѣтилъ мнѣ извѣрившійся «потомокъ Яздеджурда» съ тономъ насмѣшки.

— Какъ вы образованы, мой другъ!

Какъ же, думаю, не быть образованнымъ! Такими-то «стишками» меня еще на школьной скамьѣ поучалъ мой достопочтенный наставникъ, персъ изъ Испагани.

— И всѣ вы тамъ, въ Индіи, такихъ убѣжденій держитесь?— спросилъ я.

— Кто отъ благъ этого міра извлекаетъ пользу, тотъ иначе и не думаетъ, а кому ничего не надо, тотъ, пожалуй, не прочь сдѣлаться и строгимъ мусульманиномъ.

— И «ради благъ міра» не прочь прикинуться вѣрующимъ, если это будетъ полезно?

— Непремѣнно.

И пустился въ длинныя разсужденія на тему, что религія существуетъ только на бумагѣ. Приводилъ въ примѣръ англичанъ, проповѣдующихъ любовь къ врагамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣшающихъ и разстрѣливающихъ туземцевъ Индіи за ничтожные, сравнительно, проступки, бралъ браминовъ, «святыхъ людей», ровно ничѣмъ не помогающихъ своимъ голодающимъ собратьямъ—индусамъ, и въ заключеніе обругалъ мусульманъ и самый шаріатъ за то, что послѣдній проповѣдуетъ ненависть къ невѣрнымъ. Этого де сдѣлать нельзя на практикѣ, особенно купцу: приходится вести дѣла и съ невѣрными. Барыши отъ нихъ получаешь, а тутъ говорятъ: ненавидь невѣрныхъ! Гдѣ же логика?

Совсѣмъ передъ вечеромъ пешаверцы ушли отъ насъ, оставивъ нѣсколько великолѣпныхъ монетъ и унеся взамѣнъ ихъ кругленькую сумму.

Послѣ ходьбы въ теченіе цѣлаго дня по жарѣ и пыли, усталость даетъ себя чувствовать, и до ужина растягиваешься на коврѣ подъ чинарами. Мимолетныя азіатскія сумерки ужъ близятся. Въ воздухѣ холодѣетъ, слабые лучи заходящаго солнца освѣщаютъ послѣднимъ заревомъ верхушки гигантскихъ деревъ. Смутный гулъ доносится изъ города. Сѣрая мгла все болѣе кутаетъ окрестности, небо темнѣетъ, мѣстами въ немъ ужъ загорѣлись «Божьи очи», въ листвѣ деревъ зазвенѣли цикады, еще немного—и прозвучалъ азанъ, Азраилъ [1]) неслышно спускается къ грѣшной землѣ. Зовутъ ужинать...

Черезъ два дня, раннимъ утромъ, мы выѣзжали изъ Куляба. За городъ насъ провожалъ опять губернаторскій сынъ со свитою. Въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ его, скакалъ съ боченкомъ воды

[1]) Азраилъ—ангелъ сна и смерти, по вѣрованію мусульманъ.

въ новомъ шелковомъ халатѣ и бѣлоснѣжномъ тюрбанѣ тотъ самый туземецъ, котораго я видѣлъ въ тюрьмѣ заключеннаго за воровство. Ни рука, ни нога не были у него отрублены. Откупился ли онъ передъ мѣстными «справедливыми» судьями, была ли обнаружена его невиновность,—не знаю.

Передъ глазами развертывалась неоглядная и знойная бухарская равнина, и, казалось, не было ей конца и края...

А. А. Семеновъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ЖИЗНИ ДАЛЬНЯГО ВОСТОКА.

ОТОРИ Кейсуке, бывшій японскій посланникъ, сначала въ Сеулѣ, потомъ въ Пекинѣ, прочелъ недавно въ одномъ изъ учено-литературныхъ обществъ Токіо любопытный этюдъ, озаглавленный: «Перемѣны, какія претерпѣли чувства Японіи по отношенію къ Китаю». Японія, говоритъ Отори, начала съ того, что слѣпо преклонилась предъ Китаемъ: его литература и учрежденія, его методы управленія и формы жизни стали предметомъ подражанія для Японіи, и такъ продолжалось съ древнихъ временъ и до конца эры Токугавъ. Затѣмъ наступила эпоха недовѣрія и боязни. Эти чувства пробудились въ началѣ 70-хъ годовъ, когда Японія узнала объ обширныхъ военныхъ приготовленіяхъ Китая. Въ 1874 году японское правительство заключило трактатъ съ Китаемъ и отправило специальную дипломатическую миссію въ Пекинъ. Донесенія главы этой миссіи произвели въ Токіо сильное впечатлѣніе: въ дальнѣйшемъ развитіи военныхъ и морскихъ силъ Китая Японія увидѣла угрозу своему собственному существованію. Экспедиція японцевъ на Формозу, вызванная насиліями, совершенными варварскими племенами надъ экипажемъ одного японскаго судна, разбившагося у береговъ этого острова, явилась первой причиной серьезнаго охлажденія между маленькой островной имперіей и ея гигантскимъ сосѣдомъ. И въ теченіе слѣдующихъ десяти лѣтъ, подъ внѣшней, спокойной, повидимому, поверхностью, таилось много взаимнаго неудовольствія. Болѣзненно-само-

любивые японцы считали, что Китай смотрить на нихъ, какъ на низшую расу, и это страшно раздражало ихъ. Въ 1884 году отношенія между обѣими странами стали очень натянуты, благодаря извѣстнымъ безпорядкамъ въ Кореѣ. Тяньцзинскій трактатъ 1885 г. временно уладилъ дѣло. Дальнѣйшій ходъ событій былъ таковъ, что подозрѣніе повело къ враждѣ, вражда къ войнѣ, побѣдоносная война къ ряду сюрпризовъ для Японіи. Слѣдствіемъ побѣды надъ Китаемъ явилось со стороны японцевъ презрѣніе къ нему. Это чувство длилось до тѣхъ поръ, пока Китай не сдѣлался жертвой агрессивныхъ стремленій западныхъ державъ, когда оно уступило мѣсто сожалѣнію. Сожалѣніе вызвало желаніе заключить съ Китаемъ союзъ, что и явилось послѣднимъ фазисомъ развитія японскихъ чувствъ къ нему непосредственно предъ возникновеніемъ послѣдней смуты, извѣстной подъ именемъ боксерскаго движенія. Отори закончилъ свой очеркъ выраженіемъ надежды, что Японія сумѣетъ найти удобный случай существеннымъ образомъ помочь Китаю и такимъ образомъ отплатить ему за тѣ безчисленныя благодѣянія, какія онъ въ древнія времена оказалъ своей сосѣдкѣ.

Японскіе государственные люди нашли, что лучшимъ средствомъ помочь Китаю въ борьбѣ съ надвинувшимися на него со всѣхъ сторонъ иностранными аппетитами будетъ рядъ коренныхъ реформъ во всѣхъ областяхъ его государственнаго устройства, и что здѣсь на первомъ планѣ должна быть поставлена реорганизація военныхъ силъ Китая китайскими же офицерами, но получившими свое военное образованіе въ японскихъ военныхъ школахъ и академіяхъ. Года полтора тому назадъ, въ Токіо состоялся первый выпускъ такихъ офицеровъ, прикомандированныхъ вслѣдъ затѣмъ къ различнымъ воинскимъ частямъ въ Японіи для практическихъ занятій. На послѣднихъ большихъ маневрахъ, происходившихъ въ октябрѣ прошлаго года въ Сендаѣ, въ присутствіи японскаго императора, среди представителей иностранныхъ армій находились и 40 слишкомъ китайскихъ офицеровъ, съ генералъ-майоромъ Кинъ-луномъ во главѣ. Но офицеры эти, къ великому разочарованію японцевъ, оказались далеко не на высотѣ своего положенія. Японскія газеты, по крайней мѣрѣ, дали о нихъ самый неблагопріятный отзывъ. Спеціальные военные корреспонденты этихъ газетъ говорятъ, между прочимъ, что на военную сторону маневровъ китайцы не обращали рѣшительно никакого вниманія, и только тогда, когда дѣло шло о ѣдѣ и питьѣ, они вдругъ начинали обнаруживать самый живой интересъ. Они всегда очень торопились занять свои мѣста на банкетахъ и пиршествахъ,—и это составляло разительный контрастъ съ обычнымъ апатичнымъ отношеніемъ ихъ къ своимъ спеціально-военнымъ обязанностямъ.

Одна изъ газетъ замѣчаетъ по этому поводу: китайскіе офицеры вернутся къ себѣ на родину съ нѣкоторыми новыми свѣдѣніями по части иностранныхъ блюдъ и винъ, но, конечно, безъ всякой ощутительной прибавки къ своимъ знаніямъ относительно военнаго дѣла у иностранцевъ.

Отсюда, однако, не слѣдуетъ, что военная реорганизація Китая— дѣло совсѣмъ безнадежное. Въ колоссальной, разноязычной и разноплеменной имперіи богдыхановъ есть немало элементовъ, вполнѣ пригодныхъ къ выработкѣ изъ нихъ великолѣпныхъ солдатъ. Такихъ элементовъ особенно много на Китайскомъ югѣ, въ тѣхъ провинціяхъ, которыя искони вѣковъ слывутъ подъ именемъ «безпокойныхъ». Здѣсь живутъ, между прочимъ, племена хакка. Въ переводѣ «хакка» значитъ собственно «чужестранецъ». Эти племена жили прежде на сѣверѣ Китая, главнымъ образомъ, въ Шаньдунской и Шаньсійской провинціяхъ. Подвергшись жестокимъ преслѣдованіямъ при Цинской династіи, они въ III-мъ вѣкѣ до Р. Х. двинулись на югъ и послѣ тяжкой, упорной борьбы достигли, наконецъ, горныхъ округовъ Гуанъ-си и Гуанъ-дуна. И донынѣ еще они живутъ тамъ преимущественно въ горахъ, хотя теперь и на окрестныхъ равнинахъ есть уже цѣлые округи, населенные хакками. Это интересное племя говоритъ языкомъ, составляющимъ, такъ сказать, переходный мостъ между южнымъ, кантонскимъ, и пекинскимъ, мандаринскимъ, нарѣчіями. Обычаи хакковъ значительно разнятся отъ обычаевъ какъ нынѣшнихъ обитателей Шаньдуна, такъ и жителей южныхъ провинцій. Хакка—природные воины, безстрашные, стойкіе, упорные и крайне жестокіе. Во время тайпинскаго возстанія хакка составили ядро войскъ претендента; они сообщили свою храбрость и неукротимый духъ его многочисленнымъ ордамъ, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ господствовавшимъ надъ всѣмъ пространствомъ Китайской имперіи къ югу отъ Янцыцзяна. Лѣтъ сорокъ тому назадъ, уже послѣ подавленія тайпинскаго мятежа, въ Кантонской провинціи вспыхнула междоусобная брань между хакка и коренными уроженцами этой провинціи. Два года длилась она и стоила жизни 150.000 человѣкъ. Подавивъ это междоусобіе, власти выслали массы хакковъ въ сосѣднія провинціи и на островъ Хайнанъ. Въ настоящее время въ одной только Гуандунской провинціи считается до четырехъ милліоновъ хакка; но ихъ очень много и въ Фу-Цзянѣ, и въ Цзянъ-си, и въ Гуйчжоу. Въ умѣлыхъ рукахъ, подъ руководствомъ, напримѣръ, офицеровъ японскаго генеральнаго штаба и при европейской организаціи матеріальной части, хакка могли бы явиться ядромъ грозной арміи.

Въ самомъ Китаѣ, въ его верхнихъ слояхъ, по крайней мѣрѣ, все больше и больше распространяется убѣжденіе въ неотложности нѣкоторыхъ реформъ, въ томъ числѣ и реформы военнаго дѣла. Извѣстно, что два вліятельнѣйшихъ генералъ-губернатора провинцій,

расположенныхъ по нижнему и среднему теченію Янцыцзяна, знаменитые Ліу-Куньи и Чжан-чжи-дунъ не разъ уже обращались ко двору съ докладными записками по этому поводу. Въ послѣдней запискѣ они, кромѣ того, рекомендуютъ своему правительству цѣлый рядъ реформъ въ администраціи, совѣтуютъ посылать путешествовать за границу какъ можно больше молодыхъ китайцевъ, оказывать всякое покровительство промышленности, земледѣлію и горному дѣлу, организовать правильную почтовую службу, ввести серебряную валюту, учредить правительственную монополію на опіумъ, содѣйствовать переводу на китайскій языкъ полезныхъ иностранныхъ книгъ и т. д., и т. д. Такіе совѣты со стороны двухъ престарѣлыхъ и едва ли не самыхъ могущественныхъ китайскихъ сатраповъ тѣмъ знаменательнѣе, что оба они—люди старой вѣры, впитавшіе въ себя съ молокомъ матери глубокое презрѣніе ко всему чужестранному, конфуціанцы до мозга костей.

Съ мѣсяцъ тому назадъ, въ столицу Японіи прибылъ вновь назначенный китайскій посланникъ при Токійскомъ дворѣ,—Тсай, въ свитѣ котораго находились, между прочимъ, 13 китайскихъ юношей, посланныхъ въ Японію учиться, и среди нихъ: сыновья Чжанъ-чжи-дуна и Юнлу, внукъ Ліу-Куньи и внукъ покойнаго Ли-хунъ-чжана. Кромѣ того, раньше еще прибыли въ Японію одинъ изъ внуковъ Чжанъ-чжи-дуна и сынъ знаменитаго Ванъ-чжи-чуна.

Въ цѣляхъ болѣе тѣснаго сближенія Китая съ Японіей, нѣкоторые выдающіеся политическіе дѣятели послѣдней учредили недавно такъ называемое «Восточно-азіатское общество однихъ и тѣхъ же письменныхъ знаковъ для обѣихъ странъ» и очень энергично принялись за пропаганду своихъ идей. Основная точка зрѣнія учредителей новаго общества слѣдующая: будущность Китая далеко не безразлична для Японіи уже по тому, что онъ—великолѣпный рынокъ для ея растущей промышленности и представляетъ громадныя удобства для эмиграціи японцевъ, которымъ тѣсно становится на ихъ островахъ. Останется ли Китай такимъ, каковъ онъ есть, или будетъ реформированъ, это—вопросъ жизненной важности для Японіи. Китай долженъ быть реформированъ, и Японіи необходимо взять на себя руководящую роль въ этомъ дѣлѣ: она поставлена теперь въ такія исключительно-благопріятныя условія, что не воспользоваться своимъ положеніемъ было бы для нея непростительно. Она призвана къ тому, чтобы дѣйствовать въ Китаѣ, какъ піонеръ западной цивилизаціи, и «живительная влага этой цивилизаціи, пройдя черезъ японскій фильтръ, будетъ жидкостью, во всякомъ случаѣ болѣе пріемлемою для обыкновенной китайской глотки, чѣмъ напитокъ, взятый непосредственно изъ самаго источника». Шесть лѣтъ тому назадъ, послѣ несчастной войны, Китай былъ, конечно, враждебно настроенъ къ Японіи; теперь обстоятельства рѣзко измѣнились, и, извѣрившись въ державахъ Запада, китайцы обратили свои взоры

на Японію, въ надеждѣ, что она одна въ состояніи помочь имъ выбраться изъ той трясины, въ какой они очутились. Такого историческаго момента упускать не слѣдуетъ: Японіи надо взять съ него все, что онъ можетъ дать.

На одномъ изъ недавнихъ засѣданій «Восточно-азіатскаго общества», два его члена,— виконтъ Нагаока и Танабе Яносука, состоявшіе въ свитѣ принца Конойе во время его послѣдняго путешествія въ Китай, сочли нужнымъ подѣлиться съ публикой своими личными наблюденіями и взглядами на положеніе дѣлъ въ сосѣдней имперіи, тѣмъ болѣе цѣнными, что оба докладчика имѣли возможность видѣться и говорить со многими выдающимися государственными дѣятелями Китая. Весь Китай, по ихъ словамъ, настроенъ дружелюбно къ Японіи; весь онъ взволнованъ отъ края до края недавними событіями, и убѣжденіе въ необходимости реформъ растетъ, ширится и крѣпнетъ. И молодой императоръ, и старая императрица, видятъ, что Китаю не уцѣлѣть безъ самыхъ радикальныхъ реформъ. Многіе придворные стоятъ за реформы. Вице-короли, или генералъ-губернаторы, имѣютъ теперь гораздо больше власти, чѣмъ центральное правительство и на очень долгое время еще удержатъ эту власть, а они—во главѣ сторонниковъ коренныхъ реформъ. Они опираются на преданныя имъ войска; вся почти военная сила Китая—въ ихъ рукахъ, и путемъ могущественной коалиціи они могутъ въ каждый данный моментъ сдѣлать невозможной любую оппозицію. Немногіе консерваторы, остающіеся у власти, не въ состояніи остановить это движеніе. Вице-короли пойдутъ своей дорогой, и Китай будетъ реформированъ. Для реорганизаціи своихъ армій вице-короли приглашаютъ японскихъ офицеровъ. Японскія скорострѣльныя ружья (Мурата) находятъ большой сбытъ въ Китаѣ; все японское—въ большомъ почетѣ, и повсюду, куда только ни являлось посольство принца Конойе, оно встрѣчало неизмѣнно одинаковыя чувства благорасположенія и симпатіи со стороны туземнаго населенія. Китай нуждается прежде всего въ реформѣ его образованія. Корень нынѣшняго китайскаго безсилія и безпомощности—въ академическомъ и совершенно не соотвѣтствующемъ потребностямъ времени характерѣ образованія, получаемаго лицами правительственнаго класса.

Въ Китаѣ человѣкъ учится только для того, чтобы, выдержавши экзаменъ въ знаніи классиковъ, добыть ученую степень, дающую ему возможность выступить кандидатомъ на занятіе какой нибудь офиціальной должности. И первой реформой здѣсь должна явиться замѣна традиціоннаго образца учености другимъ—практическимъ, отвѣчающимъ требованіямъ измѣнившихся условій. Еще очень недавно уничтоженіе нынѣшней системы экзаменовъ казалось вещью совершенно невозможной. Теперь и въ этомъ отношеніи замѣчается поворотъ къ лучшему. И здѣсь Японія идетъ на встрѣчу

новымъ вѣяніямъ, стараясь утилизировать ихъ въ свою пользу. «Для подготовки японцевъ къ принятію руководящей роли въ судьбахъ Китая, признано было необходимымъ, чтобы извѣстное число молодыхъ японцевъ получили спеціальную подготовку въ самомъ Китаѣ». Съ этою цѣлью въ Шанхаѣ была открыта одна школа типа японскихъ но[redacted]школъ, и сдѣланы приготовленія къ открытію такихъ же школъ во всѣхъ главнѣйшихъ городахъ Китая. До послѣдняго времени въ Шанхайской школѣ учились только японскіе студенты; теперь допускаются сюда и китайскіе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что черезъ нѣсколько лѣтъ весь Китай будетъ покрытъ сѣтью такихъ японско-китайскихъ школъ, и школы эти сослужатъ большую службу обѣимъ странамъ.

Въ концѣ ноября прошлаго года, одна фирма въ Токіо (Хейринъ-Канъ), занимающаяся изданіемъ спеціально военныхъ сочиненій, выпустила въ свѣтъ брошюру, озаглавленную «Рококу то Кіокуто» (т.-е. Россія и Дальній Востокъ). Принцъ Коноіе и виконтъ Міура [1]), очевидно, одобрили взгляды, высказанные анонимнымъ авторомъ брошюры, потому что снабдили ее первый — введеніемъ, второй—предисловіемъ.

Послѣ общихъ разсужденій, содержащихъ въ себѣ историческій очеркъ развитія русской мощи на берегахъ Тихаго океана, авторъ переходитъ къ нынѣшней фазѣ грозной проблемы Дальняго Востока и роли Японіи здѣсь. Японія, говоритъ онъ, не можетъ больше смотрѣть хладнокровно, какъ «русскій орелъ вонзаетъ свои когти въ Китайское мясо». Самые жизненные интересы Японіи требуютъ, чтобы Китай сохранилъ свою территорію въ цѣлости, а свои двери широко открытыми для сосѣдней островной имперіи. Другимъ, столь же жизненнымъ, вопросомъ для него является независимость Кореи, обращеніе ея въ крѣпкій буферъ между Россіей и Японіей. Россія—врагъ Японіи; это—фактъ, въ которомъ японцы не должны сомнѣваться, на который смѣшно негодовать или сѣтовать. Ни завидовать Россіи, ни ненавидѣть ее имъ не за что. Они скорѣе должны уважать ее и гордиться, что у нихъ такой великій и могучій врагъ. Пора открыть карты и повести честную игру. Грубо заблуждаются тѣ, кто думаютъ, что образъ дѣйствія Россіи въ Турціи или на Дальнемъ Востокѣ обусловленъ только ея ненасытной жаждой къ завоеваніямъ. Нѣтъ, это—приведеніе въ исполненіе хорошо задуманныхъ и постепенно осуществляемыхъ плановъ дальновидной политики. Россіи на Дальнемъ Востокѣ нуженъ былъ свободный выходъ въ океанъ. Владивостокъ имѣетъ свои

---

[1]) Міура—бывшій японскій посланникъ въ Кореѣ, замѣшанный въ дѣло убійства корейской королевы.

большія удобства, но также и очень крупные недостатки. Бухта его глубока; якорная стоянка великолѣпна; корабли на рейдѣ хорошо защищены отъ вѣтровъ, съ моря ихъ не видно, и отсюда они не могутъ быть аттакованы. Для блокады потребовались бы двѣ отдѣльныя эскадры: по одной съ каждой стороны острова, расположеннаго у самаго входа въ бухту. Четыре мѣсяца въ году портъ скованъ льдомъ, а въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ берега почти все время бываютъ закрыты густыми туманами. Но такъ какъ портъ расположенъ на оконечности длиннаго полуострова, то непріятелю все-таки можно отрѣзать его сообщеніе съ суши и взять его, высадивши достаточный дессантъ. Высадить же дессантъ здѣсь можно, только располагая флотомъ, значительно превосходящимъ русскій. Весь вопросъ, такимъ образомъ, сводится въ данномъ случаѣ на вопросъ о верховенствѣ на морѣ. Если дѣло когда нибудь дойдетъ до борьбы на жизнь и на смерть между Японіей и Россіей, то споръ будетъ рѣшенъ именно на морѣ. Такъ какъ Владивостокъ въ концѣ концовъ оказался мѣстомъ, далеко не отвѣчающимъ видамъ русскаго правительства, то оно обратило свое вниманіе на Портъ-Артуръ. Но Портъ-Артуръ имѣетъ тоже свои крупныя неудобства: часть бухты, гдѣ есть достаточная глубина для большихъ судовъ, слишкомъ мала; входъ въ нее такъ узокъ, что достаточно одного затонувшаго здѣсь корабля, чтобы страшно затруднить проходъ; какъ крѣпость, онъ не въ состояніи былъ бы удержаться противъ большой арміи съ суши; кромѣ того, разстояніе между нимъ и Владивостокомъ настолько значительно, что уже само по себѣ представляетъ серьезную опасность во время войны. Въ виду того, что ни Владивостокъ, ни Портъ-Артуръ, какъ военныя базы, не могли удовлетворить Россію, она обратила свои взоры на Корейское побережье, ища тамъ мѣста, которое явилось бы связующимъ звеномъ между этими двумя пунктами. Въ морской войнѣ съ Россіей Японія могла бы напасть на Портъ-Артуръ и на Владивостокъ отдѣльно, и русскимъ военнымъ судамъ было бы также трудно пройти Тсусимскій проливъ, какъ французскимъ кораблямъ Гибралтаръ. Если бы въ рѣшительномъ морскомъ сраженіи Японія была разбита, остатки ея флота ушли бы въ Сасехо или Такесика, и отсюда Японія стала бы готовиться къ возобновленію враждебныхъ дѣйствій. У Россіи нѣтъ такихъ мѣстъ. Отсюда-то всѣ эти попытки устроить русскій военный портъ въ Мазампо, Чинхаѣ, на островѣ Коже. И совершенно невѣроятнымъ представляется, чтобы Россія успокоилась на томъ, чѣмъ она здѣсь владѣетъ. Россія неизбѣжно будетъ пытаться получить опорную базу на побережьѣ Кореи, потому что отъ этого слишкомъ много зависитъ ея положеніе, какъ могущественной морской державы на Дальнемъ Востокѣ. Но прочное утвержденіе ея на одномъ изъ пунктовъ Южной Кореи мало того, что парали-

зуетъ почти совершенно значеніе желѣзной дороги, проводимой японцами изъ Фузана въ Сеулъ, — оно явится угрозой самымъ жизненнымъ интересамъ Японіи. И если бы Россія дѣйствительно рѣшила сдѣлать серьезную попытку осуществить свои планы въ этомъ направленіи, Японія не замедлила бы принять самыя рѣшительныя мѣры къ защитѣ своихъ интересовъ.

Эти откровенныя заявленія, представляющія, несомнѣнно, отголосокъ мнѣній военныхъ и дипломатическихъ сферъ Японіи, пріобрѣтаютъ особенное значеніе теперь, когда сталъ совершившимся фактомъ тотъ союзъ Англіи и Японіи, о которомъ давно мечтали японскіе государственные дѣятели, и который начинаетъ собою новую главу въ исторіи Дальняго Востока.

30-го января н. с., въ Лондонѣ, представителями Англіи и Японіи былъ подписанъ слѣдующій союзный договоръ:

«Правительства Великобританіи и Японіи, движимыя единственно желаніемъ поддержать statu quo и общій миръ на Дальнемъ Востокѣ, заинтересованныя, сверхъ того, въ сохраненіи независимости имперій Китайской и Корейской и въ обезпеченіи въ этихъ странахъ одинаковыхъ льготъ для торговли и промышленности всѣхъ націй, пришли къ такого рода соглашенію:

«Статья 1. Высокія договаривающіяся стороны, признавая независимость Китая и Кореи, объявляютъ, что у нихъ нѣтъ никакихъ аггрессивныхъ стремленій по отношенію къ какой либо изъ этихъ двухъ странъ. Имѣя, однако, въ виду, что у Великобританіи есть свои спеціальные интересы въ Китаѣ, тогда какъ Японія, кромѣ тѣхъ интересовъ, какіе она имѣетъ въ томъ же Китаѣ, заинтересована еще особеннымъ образомъ, и политически, и въ торгово-промышленномъ отношеніи, въ Кореѣ, высокія договаривающіяся стороны признаютъ, что онѣ обѣ могутъ принимать такія мѣры, которыя оказались бы необходимыми для охраны ихъ интересовъ, если таковымъ будетъ угрожать опасность,—отъ аггрессивныхъ ли актовъ со стороны какой либо другой державы, или возникновенія смутъ въ Китаѣ или Кореѣ, вызывающихъ необходимость вмѣшательства одной изъ двухъ договаривающихся сторонъ для защиты жизни и собственности ихъ подданныхъ.

«Статья 2. Если Великобританія, или Японія, защищая свои интересы, окажутся вовлеченными въ войну съ какой либо державой,—другая высокая договаривающаяся сторона сохранитъ строгій нейтралитетъ и употребитъ всѣ усилія для того, чтобы воспрепятствовать другимъ державамъ принять участіе во враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ ея союзницы.

«Статья. 3. Если бы въ вышеупомянутомъ случаѣ какая либо держава, или нѣсколько державъ, приняли участіе въ враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ одного изъ союзниковъ, то другая договаривающаяся сторона явится къ нему на помощь, поведетъ войну

совмѣстно съ нимъ и заключитъ миръ лишь по обоюдному съ нимъ согласію.

«Статья 4. Высокія договаривающіяся стороны условились, что безъ совѣта другъ съ другомъ ни одна изъ нихъ не заключитъ какого либо отдѣльнаго соглашенія съ третьей державой въ нарушеніе вышеупомянутыхъ интересовъ.

«Статья 5. Всякій разъ, какъ по мнѣнію Великобританіи или Японіи интересы ихъ окажутся въ опасности,—оба правительства должны вполнѣ откровенно объясниться другъ съ другомъ по этому поводу.

«Статья 6. Настоящій договоръ вступаетъ въ силу немедленно по его подписаніи и остается дѣйствительнымъ втеченіе пяти лѣтъ со дня подписанія.

«Въ случаѣ если ни одна изъ высокихъ договаривающихся сторонъ не увѣдомитъ другую, за 12 мѣсяцевъ до истеченія сказаннаго пятилѣтняго срока, о намѣреніи положить конецъ этому союзу, настоящій договоръ продолжаетъ связывать ихъ до тѣхъ поръ, пока та или другая изъ высокихъ договаривающихся сторонъ не откажется отъ него. Если же при наступленіи срока договора, одинъ изъ союзниковъ окажется вовлеченнымъ въ войну, союзъ ipso facto продолжаетъ сохранять свою силу до того времени, какъ заключенъ будетъ миръ».

Копія договора была въ тотъ же день отправлена лордомъ Лансдоуномъ сэру Клоду Макдональду, англійскому посланнику въ Токіо,—вмѣстѣ съ письмомъ, въ которомъ британскій министръ иностранныхъ дѣлъ говоритъ, между прочимъ, что этотъ трактатъ явился результатомъ событій, имѣвшихъ мѣсто на Дальнемъ Востокѣ втеченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, и того участія, какое Великобританія и Японія принимали въ нихъ. Лордъ Лансдоунъ обращаетъ при этомъ особенное вниманіе сэра Макдональда на 2-ю и 3-ю статьи договора и прибавляетъ, что англійское правительство рѣшило заключить настоящій трактатъ въ томъ убѣжденіи, что онъ не содержитъ въ себѣ ни одной статьи, которую можно было бы толковать въ смыслѣ существованія аггрессивныхъ или эгоистическихъ стремленій обѣихъ договаривающихся сторонъ въ тѣхъ государствахъ, коихъ онъ непосредственно касается: это — лишь мѣра предосторожности для защиты важныхъ англійскихъ интересовъ, никоимъ образомъ не угрожающая настоящему положенію или законнымъ интересамъ тамъ другихъ державъ.

На другой день, въ палатѣ лордовъ, британскій министръ иностранныхъ дѣлъ, объявляя о заключеніи англо-японскаго договора, далъ, между прочимъ, слѣдующія объясненія: «Мы хотѣли защитить Японію отъ самой серьезной опасности, какая только могла угрожать ей: коалиціи другихъ державъ. Японія владѣетъ сильнымъ флотомъ и могущественной арміей и можетъ разсчитывать

выдержать столкновеніе съ любой державой; но если бы ей стало грозить нападеніе со стороны болѣе чѣмъ одной державы, она очутилась бы лицемъ къ лицу съ неминуемой опасностью,—и вотъ на случай именно такой грозной опасности мы и хотѣли оказать ей помощь. Если бы вообще на Дальнемъ Востокѣ миръ былъ нарушенъ, соглашеніе наше съ Японіей имѣетъ въ виду ограничить театръ возможныхъ военныхъ дѣйствій». Затѣмъ лордъ Лансдоунъ объявилъ, что для британскаго правительства никогда не являлось сомнѣній относительно того, что Манчжурія составляетъ часть Китайской имперіи, и, слѣдовательно, статья договора, гдѣ говорится о сохраненіи въ цѣлости этой имперіи, должна относиться, конечно, одинаково и къ Манчжуріи.

Въ то же время, въ палатѣ общинъ, лордъ Кранборнъ сдѣлалъ отъ имени кабинета слѣдующія заявленія: «Соглашеніе наше съ Японіей касается Манчжуріи настолько же, насколько всякой другой китайской провинціи. Суть договора, до его опубликованія, была сообщена правительству Соединенныхъ Штатовъ; о ней поставлено было въ извѣстность также германское правительство, и договоръ англо-германскій остается въ полной силѣ. Британское правительство готово заключить соглашеніе, подобное англо-японскому, со всякой державой, цѣлью которой явилось бы поддержаніе statu quo въ Китаѣ; то же самое относится и къ Персіи».

Заключенію формальнаго союза Англіи съ Японіей предшествовалъ обмѣнъ сердечныхъ любезностей между королемъ Эдуардомъ и японскимъ императоромъ. Король послалъ также самую дружественную телеграмму японской императрицѣ: фактъ небывалый въ исторіи сношеній Запада съ Востокомъ.

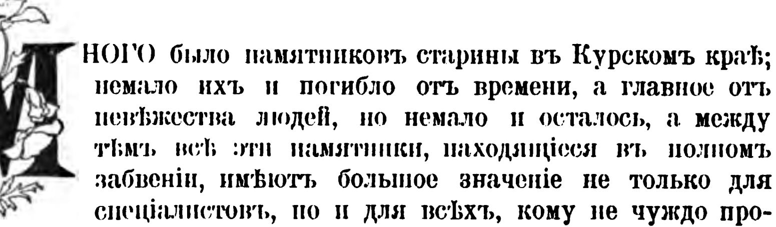
За нѣсколько дней до обнародованія англо-японскаго союзнаго договора офиціально было объявлено, что англійское правительство рѣшило отказаться отъ мысли сдѣлать изъ Вей-хай-вея перво-классную крѣпость и военный портъ и намѣрено обратить его въ климатическую станцію для своихъ войскъ на Дальнемъ Востокѣ. Заявленіе это было встрѣчено въ парламентѣ съ большимъ недоумѣніемъ, вполнѣ въ тотъ моментъ понятнымъ: вмѣсто неприступной твердыни, долженствовавшей служить «ключемъ» къ Печилійскому заливу и вѣчной угрозой русскому Портъ-Артуру,- вдругъ простой курортъ! Загадка не замедлила вскорѣ разъясниться: Англіи теперь нѣтъ никакой надобности тратить огромныя суммы на Вей-хай-вей, когда опорной базой для ея военнаго флота въ Желтомъ морѣ становится не одинъ этотъ ничтожный клочекъ Китайской территоріи, а вся Японія, со всѣми ея удивительными бухтами, гаванями, великолѣпно оборудованными морскими портами, доками и адмиралтействами.......

В. Д. Черевковъ.

ЗАБЫТАЯ СТАРИНА ИЗЪ ЭПОХИ САМОЗВАНЩИНЫ[1].

(Посвящается предстоящему въ 1902 году археологическому съѣзду въ г. Харьковѣ).

МНОГО было памятниковъ старины въ Курскомъ краѣ; немало ихъ и погибло отъ времени, а главное отъ невѣжества людей, но немало и осталось, а между тѣмъ всѣ эти памятники, находящіеся въ полномъ забвеніи, имѣютъ большое значеніе не только для спеціалистовъ, но и для всѣхъ, кому не чуждо прошлое родного края. Въ этомъ отношеніи особенно богатъ уѣздный городъ Курской губерніи Путивль; да оно и понятно.

Раскрывъ любую изъ россійскихъ лѣтописей, вы найдете упоминаніе о Путивлѣ, и имя его поставлено не на послѣднемъ мѣстѣ. Все это какъ нельзя лучше говоритъ о той роли, какую Путивлю пришлось сыграть въ исторіи Русскаго государства.

О Путивлѣ упоминается еще въ домонгольскій періодъ русской исторіи, но наибольшимъ значеніемъ этотъ городъ начинаетъ пользоваться съ первой четверти шестнадцатаго столѣтія, съ 1523 года, именно съ момента отобранія его отъ удѣльнаго князя рыльскаго, Василія Шемяки, великимъ княземъ московскимъ Василіемъ Іоанновичемъ, когда онъ, Путивль, ставъ пограничною крѣпостью на югѣ Московскаго царства противъ Литвы и Крыма, начинаетъ играть государственную роль. Но одна изъ самыхъ блестящихъ страницъ въ исторіи Путивля относится ко времени пребыванія въ немъ Лжедимитрія Перваго.

---

[1]) Докладъ «литературно-историческому кружку», учрежденному при императорскомъ Харьковскомъ университетѣ.

Какъ извѣстно, Путивль однимъ изъ первыхъ русскихъ городовъ передался этому самозванцу, и мнимый царевичъ жилъ въ Путивлѣ довольно продолжительное время, а именно болѣе трети своего кратковременнаго царствованія.

Достаточно вспомнить клики радостнаго ликованія: «Царь нашъ желанный, красное солнышко», которыми привѣтствовалъ народъ вступающаго въ Москву мнимаго Димитрія, и представить себѣ тотъ жалкій образъ физически и нравственно разбитаго послѣ своихъ первыхъ неудачъ самозванца, и намъ станетъ яснымъ то значеніе, какое имѣлъ Путивль въ дѣлѣ воцаренія Лжедимитрія Перваго. Да, Путивль для Лжедимитрія сыгралъ важную роль.

Если мы заглянемъ въ исторію, то увидимъ, откуда съ новой силой вырывается потокъ революціоннаго движенія, ниспровергнувшаго династію Годуновыхъ. Насколько обвиняютъ Украйну въ томъ, что она какъ бы создала лицо, взявшее на себя всѣ эти высшія полномочія, столько же можно приписать Сѣверской области и въ особенности ея главному въ то время городу Путивлю, что здѣсь съ новой силой вспыхнулъ тлѣющій, почти затушенный пожаръ, и отсюда понесся онъ по всему лону Московскаго царства, призывая своимъ заревомъ къ возстанію.

Будучи почти неприступной по тогдашнему времени крѣпостью, Путивль неоднократно укрывалъ мнимаго царевича, спасая его отъ преслѣдованія царскихъ воеводъ и помогая ему собраться съ силой; онъ былъ не только его оплотомъ, но базисомъ для дальнѣйшихъ его дѣйствій и центромъ революціоннаго движенія, охватившаго Русь въ началѣ семнадцатаго вѣка.

Послѣ неудачной битвы при Добрыничахъ, въ январѣ 1605 г., когда побѣда, если такъ можно выразиться, была вырвана почти изъ рукъ у Лжедимитрія Перваго и вырвана благодаря лишь храбрости наемныхъ, нѣмецкихъ дружинъ, онъ, разбитый на голову, съ остатками своихъ приверженцевъ отступаетъ къ Рыльску, но, какъ говоритъ одинъ изъ его современниковъ [1]), не будучи увѣреннымъ въ преданности ему жителей, онъ переходитъ въ городъ Путивль и живетъ тамъ четыре мѣсяца, не страшась Бориса, который и явно и тайно старался погубить его. Къ этому же времени относится, какъ говорятъ, попытка отчаявшагося уже въ своемъ предпріятіи Лжедимитрія Перваго, попытка бѣжать обратно въ Польшу.

Въ исторической смѣнѣ событій есть такіе моменты, когда кажется, будто эта сплошная историческая нить порывается... и если дѣйствительно попытка, бросивъ все, бѣжать, передаваемая заслуживающимъ довѣрія современникомъ [2]) перваго самозванца, была сдѣлана, то можно полагать, что одинъ изъ такихъ моментовъ не-

---

[1]) Margeret. Etat de l'Empire de Russie et Grande Duché de Moscovie.

[2]) De Touet.

посредственно слѣдовалъ за неудачнымъ сраженіемъ при Добрыничахъ, такъ какъ это былъ, пожалуй, самый критическій мигъ въ цѣломъ рядѣ событій, закончившихся вступленіемъ Лжедимитрія Перваго въ Москву.

Но и здѣсь друзья поддержали Лжедимитрія, убѣждая, что дѣло еще не проиграно, была пущена въ ходъ, какъ говорятъ, даже угроза выдать его Борису и тѣмъ самымъ спасти себя, угроза перешедшихъ на его сторону русскихъ людей, можетъ быть, въ томъ числѣ и путивлянъ; тѣмъ болѣе, что разговоръ происходилъ въ Путивлѣ, когда самозванецъ былъ уже въ стѣнахъ города.

Исторія умалчиваетъ, что именно сильнѣе всего подѣйствовало на Лжедимитрія Перваго, доводы ли его утѣшителей или ихъ угрозы, но только онъ остался, заперся въ Путивлѣ и сталъ готовиться къ дальнѣйшей борьбѣ.

Каковымъ былъ въ то время Путивль, можно судить, какъ по отзывамъ самого Лжедимитрія, такъ и его современниковъ. По словамъ самозванца, здѣсь «кипяше медъ и млеко и ведоша торгъ самые знатные заѣзжіе купцы-гречане златомъ, сребромъ, узорочными каменьями и дорогими, локотными товарами».

Что же касается отзывовъ современниковъ, то всѣ они позволяютъ предполагать, что это былъ значительный городъ, какъ въ военномъ, такъ и торговомъ отношеніяхъ. Такъ, напримѣръ, капитанъ Margeret, начальникъ конвоя тѣлохранителей сначала царя Бориса, а потомъ перешедшій на сторону Лжедимитрія Перваго, человѣкъ, лично участвовавшій во многихъ сраженіяхъ, предшествовавшихъ воцаренію мнимаго Димитрія, въ своихъ запискахъ [1]) прямо называетъ Путивль городомъ обширнымъ и богатымъ. Интересное замѣчаніе о Путивлѣ встрѣчается также въ дневникѣ Марины Мнишекъ. Описывая сраженіе при Новгородкѣ, она говоритъ, что на разсвѣтѣ, когда поляки хотѣли уже покинуть Димитрія (подразумѣвается самозванецъ), прискакалъ на конѣ одинъ москвитянинъ съ извѣстіемъ, что главный городъ Сѣверской области, Путивль, городъ, который можетъ выставить 40.000 войска, перешелъ на сторону царевича, и что воеводъ ведутъ связанными [2]). Не менѣе интересное для насъ описаніе Путивля даетъ въ своихъ запискахъ нѣкто архидіаконъ Павелъ. Хотя это описаніе относится къ нѣсколько позднѣйшему времени, а именно къ 1654 году, но, тѣмъ не менѣе, оно можетъ служить правдивымъ истолкователемъ всего того, что относилось къ характеристикѣ Путивля въ началѣ семнадцатаго столѣтія, такъ какъ за пятидесятилѣтній промежутокъ, отдѣляющій

---

[1]) Etat de l'Empire de Russie et Grande Duché de Moscovie. Avec ce qui s'y est plus passé de plus memorable et tragique pendant le regne de quatre Empereurs: à sçavoir depuis l'an 1590—jusques en l'an 1606.

[2]) Дневникъ Марины Мнишекъ. 1604—1606.

его отъ смутнаго времени, въ исторіи Путивля не случилось ничего такого, что могло бы радикально повліять на городъ.

Архидіаконъ Павелъ сопутствовалъ сирійскому патріарху Макарію во время его путешествія въ Москву въ половинѣ семнадцатаго столѣтія и въ своихъ запискахъ описалъ все то, что слышалъ и чему былъ свидѣтелемъ. Вотъ что онъ говоритъ о Путивлѣ, черезъ который имъ пришлось проѣзжать: «1654 года, іюля 20-го, въ праздникъ Иліи пророка, патріархъ, переправясь черезъ пограничную рѣку Сеймъ въ Путивль, встрѣченъ былъ намѣстникомъ воеводы, множествомъ вельможъ и тысячью тысячъ воиновъ и народа, которые тѣснились получить благословеніе. Онъ ѣхалъ торжественно въ сопровожденіи сорока человѣкъ духовенства и множества воиновъ до самаго Путивля и встрѣченъ былъ у воротъ города воеводою Никитою Алексѣевичемъ, который просилъ его отслужить передъ отъѣздомъ въ слѣдующее воскресенье обѣдню въ соборной церкви. Патріархъ отправился въ воскресенье въ крѣпость, гдѣ находился соборъ. У крѣпостныхъ воротъ мы нѣсколько разъ молились поставленнымъ тамъ образамъ. Лишь только вступили внутрь крѣпости, тотчасъ встрѣчены были воеводою Никитою Зѣзинымъ» [1]).

Все это какъ нельзя лучше говоритъ въ пользу того предположенія, что Путивль былъ большой сравнительно городъ и имѣлъ политическое значеніе, въ особенности, если принять во вниманіе, что онъ съ первой четверти шестнадцатаго столѣтія былъ русскою пограничною крѣпостью противъ Литвы и Крыма и входилъ въ составъ первой пограничной крѣпостной линіи, такъ называемаго «Путивльскаго рубежа».

Въ физическомъ же отношеніи мѣстность Путивля представляла нѣсколько холмовъ Урало-Карпатской гряды, холмовъ довольно значительной высоты, на которыхъ и раскинулся широко городъ. Вдоль почти всѣхъ этихъ холмовъ тянулись крѣпостныя постройки, уничтоженныя уже во времена царя Алексѣя Михайловича, когда оказалась ненужной Путивльская пограничная крѣпость, а ненужной стала она послѣ присоединенія Малороссіи, когда новыя владѣнія широкимъ полукругомъ заслонили съ юга Московское царство отъ вражескихъ нападеній. Тутъ же на одномъ изъ холмовъ находился и Путивльскій кремль, который былъ каменный, что̀ составляло рѣдкое явленіе въ Московскомъ царствѣ, и вмѣщалъ значительный гарнизонъ [2]). Кремль этотъ являлся не только средоточіемъ военной силы, но и религіознымъ центромъ. Здѣсь находился старинный Молченскій монастырь, сохранившійся и до настоящаго времени. Въ этомъ-то монастырѣ и скрывался Лже-

[1]) «Библіотека для Чтенія» 1836 года.

[2]) Ипатьевскій списокъ лѣтописи. Несторова лѣтопись.

Путивльскій Молченскій монастырь.

димитрій Первый въ комнатѣ, находящейся подъ куполомъ одной изъ церквей монастыря. Какъ церковь, такъ и комната уцѣлѣли и донынѣ. Эта церковь сама по себѣ представляетъ архитектурную рѣдкость, построена она въ строгомъ русскомъ стилѣ, и время ея постройки относится къ семнадцатому столѣтію. Она въ два этажа, и въ каждомъ изъ нихъ по особому храму. Возникла она вмѣсто существовавшаго когда-то здѣсь древняго Софійскаго храма, пришедшаго въ ветхость и единственно по этой причинѣ уничтоженнаго, какъ это было зачастую въ старину. Но не вся эта двухъэтажная церковь строилась вновь, она, повидимому, пристроена къ какой-то древней башнѣ, входившей въ составъ Путивльскихъ крѣпостныхъ построекъ. Пристройка сдѣлана такъ, что башня стала составлять часть церкви.

Дверь, черезъ которую входили въ башню, передѣлана въ царскія врата, а сама башня въ алтарь. Кромѣ различныхъ преданій, относящихся къ этой метаморфозѣ, послѣдняя подтверждается также и внутреннимъ устройствомъ алтаря въ главномъ придѣлѣ верхняго храма, такъ, напримѣръ, горнее мѣсто находится не прямо позади престола, какъ это принято въ нашей церкви, а нѣсколько лѣвѣе; собственно говоря, эта вещь не имѣетъ особеннаго значенія для историка, и не всякій обратитъ на нее вниманіе, но въ данномъ случаѣ она важна потому, что подтверждаетъ сказанія объ этой метаморфозѣ, о томъ, что все здѣсь устроивалось въ зависимости отъ того, какъ позволяло готовое уже помѣщеніе. Мы не будемъ отвлекаться другими предметами старины различныхъ эпохъ, а сосредоточимъ наше вниманіе только на всемъ томъ, что относится ко времени Лжедимитрія Перваго. Посѣтимъ прежде всего комнату, въ которой онъ жилъ. Для этого мы отправляемся въ главную церковь, находящуюся въ верхнемъ этажѣ. Еще только поднимаемся по лѣстницѣ, какъ уже насъ охватываетъ какое-то особенное настроеніе, и кажется, будто мы вернулись на нѣсколько столѣтій назадъ въ глубь минувшаго, и чѣмъ-то далеко прошедшимъ вѣетъ отъ всего, что попадается намъ на каждомъ шагу.

Въ верхнемъ храмѣ въ лѣвой стѣнѣ видна небольшая, деревянная дверь, почернѣвшая и покосившаяся отъ времени; за нею-то и открывается ходъ въ комнату Лжедимитрія Перваго, въ видѣ постепенно поднимающагося коридора. Ходъ очень узкій и низкій, такъ что голова и плечи чуть не касаются стѣнъ. Кругомъ полумракъ. Ступеньки сдѣланы изъ кирпича и полуразвалились отъ времени. Комната, какъ мы уже сказали, находится подъ самымъ куполомъ, надъ главнымъ алтаремъ, надъ алтаремъ той самой церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, изъ которой и ведетъ дверь въ этотъ тайникъ. Не будь той входной двери, говорящей о существованіи комнаты, нельзя было бы и предположить, что есть еще какое-то помѣщеніе, и гдѣ оно именно находится; и въ

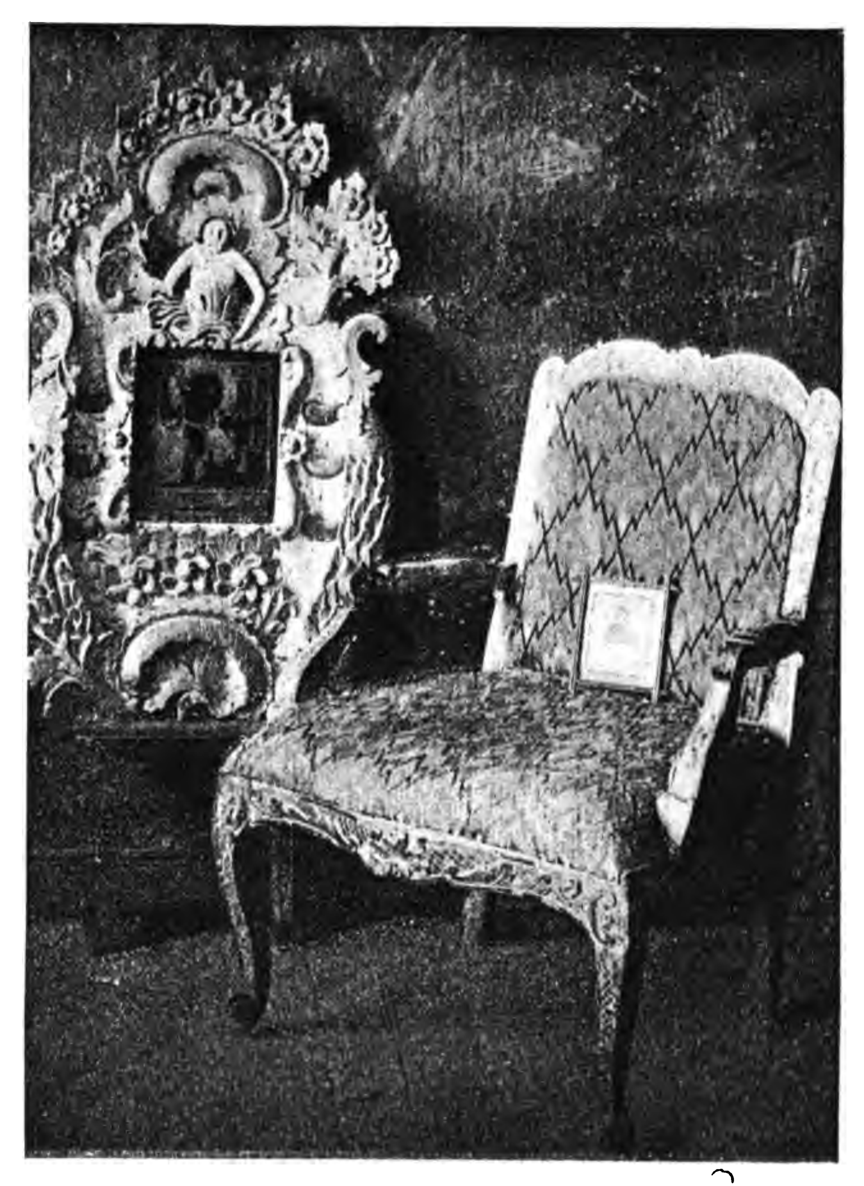

Рѣзная изъ дерева статуэтка Христа, передъ которой молился Лжедимитрій I.

случаѣ, если бы проникли въ Путивль враги Лжедимитрія, то оставалось бы заложить только кирпичемъ входъ въ этотъ коридоръ, заштукатурить его, закрасить подъ цвѣтъ стѣнъ, и никто не узналъ бы, гдѣ скрывается Лжедимитрій, развѣ нашлись бы измѣнники, а мнимый царевичъ, запасшись на продолжительное время провіантомъ, могъ бы между тѣмъ спокойно ожидать подмоги отъ своихъ друзей и покровителей. Но оригинальная лѣстница, напоминающая собою какой-то средневѣковый лабиринтъ, поднимается все выше и выше, заворачиваетъ направо, а вотъ наконецъ и историческая комната. По формѣ она напоминаетъ правильную, восьмигранную призму, увѣнчанную сверху полушаріемъ купола. Внутренность комнаты очень проста: такъ полъ, имѣющій въ діаметрѣ около десяти аршинъ, сдѣланъ изъ простого кирпича, а стѣны просто выкрашены мѣломъ. Въ комнатѣ находится интересный предметъ, который заставляетъ призадуматься: такъ въ углу, обращенномъ къ востоку, останавливаетъ на себѣ вниманіе рельефное изображеніе сидящаго на престолѣ Христа. Матеріаломъ для всего этого служитъ дерево; изъ него сдѣланы и престолъ и статуэтка, изображающая Христа во весь ростъ.

Престолъ имѣетъ видъ кресла съ высокой спинкой и выпущенными впередъ досками вмѣсто ручекъ; весь онъ, выкрашенный въ коричневый цвѣтъ, просто сколоченъ изъ досокъ и чуждъ даже признака какого нибудь изящества, не говоря уже о какой либо рѣзьбѣ или какихъ нибудь украшеніяхъ; его легко можно представить себѣ въ воображеніи, если взять часто встрѣчающуюся на улицахъ будку сторожа, снять съ нея крышу и на половину урѣзать боковыя стороны. Получилось бы именно нѣчто подобное.

На простой, незакрашенной доскѣ, помѣщенной въ срединѣ и служащей сидѣньемъ, покоится статуэтка сидящаго Христа. Ротъ Его полуоткрытъ, Онъ, повидимому, что-то говоритъ, и приподнятая правая рука дѣлаетъ соотвѣтствующій жестъ. На головѣ Христа терновый вѣнецъ, на ногахъ тонкіе цвѣтные чулки, и, кромѣ того, ноги обуты еще въ туфли изъ темнаго бархата, отороченные золотымъ позументомъ; и вся вообще статуэтка наряжена въ какую-то синяго цвѣта мантію, обшитую серебрянымъ галуномъ, и опоясана какой-то вылинявшей голубенькой тесемочкой. Нѣсколько стоящихъ около статуэтки металлическихъ, почернѣвшихъ отъ времени, подсвѣчниковъ съ гвоздями вмѣсто отверстій для свѣчъ, дополняютъ картину. Какъ видъ вылинявшей матеріи, такъ и безобразно грубо сдѣланная статуэтка, производятъ непріятно отталкивающее впечатлѣніе. Преданіе говоритъ, что передъ этой фигурой, несомнѣнно являющейся отпечаткомъ вліянія католицизма, молился Лжедимитрій Первый.

Кресло Лжедимитрія I, на которомъ онъ, по преданію, давалъ аудіенціи.

Невольно напрашивается вопросъ, какъ же согласовать передаваемыя историками [1]) свѣдѣнія, что этотъ самозванецъ въ бытность свою въ Путивлѣ отличался необыкновенной, бьющей даже

[1]) Соловьевъ. Смутное время, т. VIII. Устряловъ, т. III.

въ глаза, преданностью къ православію, съ представленіемъ объ этихъ предметахъ, которымъ онъ воздавалъ также поклоненіе, хотя въ старину разграниченіе святынь католическихъ и православныхъ зачастую доходило до фанатизма. Передаются такіе факты, какъ приносъ изъ Курска въ Путивль, по приказанію Лжедимитрія, почитаемой иконы Богоматери, сообщаются подробности встрѣчъ и видимаго его почтенія къ иконѣ, и въ то же время завѣдомо извѣстно, что Лжедимитрій Первый имѣлъ при себѣ нѣсколько ксендзовъ, отправлявшихъ при немъ всякія требы, имѣлъ различные католическіе священные предметы, къ числу которыхъ принадлежитъ и эта статуэтка и проч. Единственнымъ на это отвѣтомъ можетъ быть весьма обоснованное предположеніе, что самозванецъ, въ сущности говоря, не былъ ни ярымъ католикомъ, ни твердымъ православнымъ, а исповѣдывалъ ту и другую религію въ зависимости отъ обстоятельствъ.

Вся эта фигура, то-есть престолъ и статуэтка, окружена сверху въ видѣ полукруга аляповатыми изображеніями, писанными масляными красками по дереву. Въ центральной, или, вѣрнѣе, средней, части этого полукруга изображенъ «Сидящій во славѣ Христосъ», а по концамъ два ангела; непосредственно за всѣми этими изображеніями слѣдуютъ прикрѣпленныя къ нимъ рѣзныя изъ дерева украшенія, покрытыя позолотой, какъ бы являющіяся къ нимъ рамкой. Несмотря на то, что эти изображенія, расположенныя полукругомъ около престола, какъ бы пріобщены къ нему, они, тѣмъ не менѣе, относятся къ гораздо позднѣйшему времени, а именно ко второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія. Это предположеніе подтверждается сохранившимися остатками надписи подъ изображеніемъ «Сидящаго во славѣ».

... «и при наслѣдникѣ ея»,—гласитъ надпись,—«благовѣрномъ государѣ и великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ благословеніемъ...» дальше слова прерываются. Значитъ, всѣ эти, какъ бы окаймляющія престолъ и статуэтку, рѣзныя изображенія сооружены въ царствованіе императрицы Екатерины II.

Въ комнатѣ три окна на востокъ, югъ и западъ, то-есть на всѣ тѣ три стороны, откуда могли главнымъ образомъ угрожать своимъ движеніемъ непріятели, а они наступали обыкновенно съ юга, со стороны рѣки Сейма, воднымъ путемъ котораго зачастую пользовались. Съ сѣвера же трудно было подступиться къ Путивлю; въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ тамъ еще были дремучіе лѣса, постепенно переходящіе въ такъ называемыя Брянскія дебри; широкая рѣка, которой теперь забыто и названіе, опоясывала и съ этой стороны Путивль, какъ бы ограждая его отъ непрошенныхъ гостей; но времена миновались, и того, что было, теперь уже и помину нѣтъ, и только овраги да одиноко слезящійся ключъ свидѣтельствуютъ о прошломъ.

Въ эти-то окна и смотрѣлъ Лжедимитрій, наблюдая за каждымъ дѣйствіемъ и шагомъ своихъ враговъ и приверженцевъ; а видно все, какъ на ладонкѣ. На нѣсколько десятковъ верстъ вдаль открывается широкій горизонтъ, представляющій дивную картину ху-

Дарохранительница временъ Лжедимитрія.

дожника-природы, и вся эта чудная панорама какъ бы заключена въ рамку поднимающимися съ востока и запада горами и лѣсомъ.

Въ эту комнату раньше велъ еще и другой ходъ, его слѣды замѣтны при поворотѣ этого постепенно поднимающагося кори-

дора, которымъ нужно итти въ комнату. Тамъ въ лѣвой сторонѣ видно небольшое, полузадѣланное отверстіе въ формѣ четыреугольника. Этотъ ходъ, впослѣдствіи уничтоженный, шелъ изъ комнаты Лжедимитрія I въ нижній храмъ, а затѣмъ уже выходилъ наружу.

Нѣсколько вѣковъ тому назадъ помѣщеніе этого нижняго храма было мѣстомъ заключенія государственныхъ преступниковъ. Здѣсь была тюрьма. Еще и до настоящаго времени сохранились нѣкоторыя принадлежности прежней тюрьмы. Это—рипны. Теперь рипнъ нигдѣ не встрѣтите, въ старину же онѣ составляли необходимую, чуть ли не неотъемлемую принадлежность каждой большой, или, вѣрнѣе сказать, важной, тюрьмы. Рипны представляютъ собою длинныя, винтообразныя, трубчатыя отверстія, идущія внутри стѣнъ. Ихъ назначеніе давать возможность слышать вверху все, что дѣлается тамъ, внизу, подъ землею, въ темницѣ. Такимъ образомъ онѣ выполняютъ роль отчасти современныхъ телефоновъ. Подобными рипнами, какъ говорятъ, была снабжена и темница, въ которой были передъ казнью заключены Кочубей и Искра. Здѣсь же остатки рипнъ сохранились въ главномъ верхнемъ храмѣ, и, судя по ихъ направленію, можно сказать, что онѣ шли изъ нижней части этой двухъэтажной церкви въ верхнюю, въ комнату Лжедимитрія I. Не ошибемся, если допустимъ, что и во времена междуцарствія эта тюрьма еще существовала въ неприкосновенности, и самъ мнимый Димитрій сажалъ туда кое-кого.

И теперь еще существуетъ преданіе о какихъ-то погибшихъ въ этой тюрьмѣ монахахъ, заключенныхъ туда по приказанію Лжедимитрія.

Если мы прослѣдимъ внимательно за всѣми событіями Путивльскаго житья-бытья Лжедимитрія I, то увидимъ, что это преданіе имѣетъ нѣкоторое историческое основаніе, а именно относится къ неоднократной попыткѣ царя Бориса умертвить Лжедимитрія черезъ подосланныхъ съ этой цѣлью людей. Это подтверждаетъ и французъ Margeret, человѣкъ, близко стоявшій къ Лжедимитрію I, прямо говоря въ своихъ запискахъ [1]), что Борисъ нѣсколько разъ покушался погубить мнимаго царевича, подсылая для этого въ Путивль разныхъ людей.

Нѣсколько подробнѣе разсказываетъ объ этомъ другой современникъ Лжедмитрія I; а именно Паэрле [2]).

«Задумалъ Борисъ погубить царевича, и вотъ подослалъ онъ въ Путивль трехъ монаховъ съ грамотами къ духовенству и гражданамъ, требуя, чтобы они схватили Димитрія со всѣми его приверженцами и отправили ихъ въ Москву, за что обѣщалъ ихъ награ-

[1]) Etat de l'Empire de Russie et Grande Duché de Moscovie.

[2]) Дословный переводъ, съ возможнымъ сохраненіемъ стиля письма.

Образъ Жировицкой Божіей Матери, полученный Лжедимитріемъ I отъ своего тестя, сендомирскаго воеводы Мнишка, хранящійся въ Молченскомъ монастырѣ.

дить щедро и помиловать за измѣну. Монахи повиновались, отправились въ Путивль и, прочитавъ грамоты народу, убѣждали его и отъ себя не вѣрить тому, кто называется Димитріемъ, сказывая, что онъ—бѣглый чернецъ, а не сынъ блаженной памяти царя Ивана Васильевича. Мы жили вмѣстѣ, говорили они, въ одномъ монастырѣ

и замѣтивъ, что онъ занимается чародѣйствомъ, наказали его, какъ старшіе, въ намѣреніи отучить отъ дьявольскаго ремесла, а онъ убѣжалъ въ Польшу и выдалъ себя за сына Ивана Васильевича. Къ тому же извѣстно каждому, что настоящій Димитрій за нѣсколько лѣтъ тому назадъ скончался въ Угличѣ. Такого рода рѣчами монахи предполагали одурачить народъ. Димитрій же, тотчасъ провѣдавъ о томъ, приказалъ ихъ изловить и привести къ нему; но прежде, чѣмъ ихъ привели, онъ повелѣлъ одному шляхтичу, по имени Иваницкому, надѣть его Димитрія платье и сѣсть на его мѣстѣ. Приведенные предъ шляхтича монахи были вопрошаемы нѣкоторыми поляками: узнаете ли вы Димитрія?»

— Какъ прежде народу мы говорили,—отвѣтствовали монахи,—такъ и нынѣ повторяемъ, что онъ не тотъ, кѣмъ быть хочетъ.

«Желая, однако, извѣдать, не умышляютъ ли они чего нибудь другого, Димитрій повелѣлъ ихъ пытать. Двое ни въ чемъ не хотѣли признаваться, а третій, уже старецъ, передъ самымъ началомъ истязаній умолялъ о пощадѣ и просилъ позволенія переговорить наединѣ съ Димитріемъ, давая обѣщаніе повѣдать все, что извѣстно ему. Его просьбу немедленно исполнили. Приведенный предъ очи Димитрія, монахъ тотчасъ узналъ его и, павъ ему въ ноги, отъ ужаса ни слова не могъ сказать. Димитрій же приказалъ ему встать и говорить все откровенно, безъ всякаго опасенія.

«Да будетъ вѣчная хвала и благодарность Создателю неба и земли,—воскликнулъ въ умиленіи монахъ,—за милосердное избавленіе всемилостивѣйшаго государя моего отъ смерти, приготовленной ему въ Угличѣ! Ты,—законный нашъ царь и наслѣдникъ всей русской державы! То не былъ царевичъ, кого мы вчера всѣ трое видѣли сидѣвшимъ на твоемъ мѣстѣ». Затѣмъ онъ просилъ Димитрія приказать остальнымъ нѣсколько отойти и смотрѣть внимательно, да не выйдетъ никто изъ крѣпости. Когда все это было сдѣлано, и съ Димитріемъ осталось не больше трехъ лицъ, монахъ снова повелъ рѣчь: «Всепресвѣтлѣйшій князь! Пусть будетъ извѣстно твоей княжеской милости, что одинъ изъ моихъ спутниковъ имѣетъ у себя разные яды, изъ коихъ самый смертоносный запрятанъ у него въ сапогѣ между подошвами, и тотъ, кто хотя слегка коснется этого яда, такъ распухнетъ всѣмъ тѣломъ, что въ девятый день непремѣнно лопнетъ. Изъ твоихъ бояръ двое лицъ взялись смѣшать этотъ ядъ съ ладаномъ, которымъ священникъ окуритъ тебя въ церкви. Они подкуплены Борисомъ и неоднократно уже пересылали ему объ этомъ письма, что и докладываю вашему величеству».

«Услышавъ такія слова, Димитрій приказалъ позвать къ нему обвиняемыхъ бояръ. Они войдя били по обычаю челомъ въ землю. Гнѣвно и грозно вскричалъ на нихъ Димитрій: «вѣроломные злодѣи, вамъ ли при вашихъ сѣдинахъ быть измѣнниками своему госу-

дарю! такъ-то вы платите мнѣ за мою милость царскую, за мою отеческую любовь? ужели забыли вы, коварные злодѣи, то милосердіе, какое я оказалъ вамъ, когда васъ, измѣнниковъ, привели ко мнѣ граждане? Я по своему незлобію пощадилъ васъ, даровалъ вамъ жизнь и ввелъ васъ въ тайный мой совѣтъ, а вы, злодѣи, доносили обо всѣхъ моихъ помышленіяхъ Борису. Но тотъ, кто помогалъ правому дѣлу, и теперь открылъ черезъ этого монаха ваше вѣроломство: вы приняли отъ проклятыхъ людей ядъ съ тѣмъ, чтобы лишить меня жизни. Нынѣ нѣтъ вамъ милосердія, безбожные преступники. Ожидаетъ васъ казнь мучительная на страхъ другимъ, подобнымъ измѣнникамъ».

«Они во всемъ повинились, а граждане путивльскіе, свѣдавъ объ ужасномъ умыслѣ, просили Димитрія выдать имъ этихъ бояръ, желая сами совершить надъ ними казнь. Получивъ согласіе царевича на свою просьбу, они схватили этихъ бояръ и, раздѣвъ донага, вывели на площадь, привязали къ врытому въ землю столбу и разстрѣляли ихъ изъ луковъ и пищалей. Два же монаха, не хотѣвшіе ни въ чемъ признаться на пыткѣ, были ввержены въ темницу, третьяго же Димитрій за открытіе измѣны осыпалъ милостями» [1]).

Такъ неудачно окончилась попытка Бориса: позорно погибли всѣ тѣ, которые были орудіемъ выполненія его плана, забылись и имена ихъ, и только стоустая людская молва, что морская волна, переливаясь въ массѣ толковъ и постепенно теряясь въ пространствѣ времени, продолжала говорить о прошломъ, передаваясь отъ одного поколѣнія къ другому.

Но закончимъ осмотръ комнаты.

Кромѣ статуэтки Христа, здѣсь же раньше хранилось и уцѣлѣвшее до нашего времени кресло самозванца; впослѣдствіи это кресло было перенесено въ лѣвый придѣлъ верхняго храма, гдѣ и хранится теперь вмѣстѣ съ различными древностями.

Кресло это готическаго стиля, и сдѣлано оно изъ цѣльнаго орѣха и покрыто различными инкрустаціями съ почернѣвшей и облѣзшей отъ времени позолотой. Вышиною оно одинъ аршинъ девять вершковъ, а шириною аршинъ полтора вершка, и въ общемъ напоминаетъ наши кресла въ гостиныхъ, только оно побольше и помассивнѣе. Большое, почти квадратное, мягкое сидѣнье опирается на четыре ножки кресла, широкая нѣсколько откинувшаяся назадъ спинка, также почти квадратная, представляетъ въ срединѣ пустое пространство, которое заполнено мягкой подушкой, прикрѣ-

[1]) Beschreibung der Moscowitterischen Rayse welche ich Hans Georg Peyerle von Augsburg mitt Herrn Andreasen Nathan und Matheo Bernhart Manlichen denn jungern Ady 19 Martii Aj 1606 von Crachaw ans, angefangen und was wir wahrhafftiges gehört geschen und erfahren alles aufs khürzest beshriben, bis zue unserer, Gottlob wider dahirr Ankunft den 15 decembris anno 1608.

пленной къ рамкамъ спинки. Отъ нижней части этой рамки идутъ деревянныя ручки, обитыя сверху той же матеріей, какъ сидѣнье и спинка, и представляетъ эта матерія какой-то неопредѣленный цвѣтъ, потому что окрашена полосками въ самые разнокалиберные цвѣта, размѣщенные узорами въ видѣ четыреугольниковъ.

И вотъ здѣсь, сидя въ этомъ креслѣ, принималъ Лжедимитрій воеводъ, изъявлявшихъ покорность, и давалъ аудіенціи, здѣсь же подписывались и получали санкцію важныя государственныя бумаги и отсюда же разсылались по лицу земли Русской сотнями, если не тысячами, грамоты мнимаго Димитрія, призывающія народъ къ возстанію. И такія грамоты, какъ говоритъ Martinus Baër, тоже одинъ изъ современниковъ Лжедимитрія, разсѣянныя въ различныхъ мѣстностяхъ государства, привели къ удачнымъ результатамъ: много русскихъ людей явилось въ Путивль и признало Димитрія своимъ законнымъ государемъ [1]).

Кромѣ исторической комнаты и вышеуказанныхъ предметовъ, связанныхъ съ памятью о Лжедимитріи Первомъ, есть еще двѣ реликвіи мнимаго царевича, а именно польскій образъ и дарохранительница. Всѣ вообще эти предметы, такъ или иначе говорящіе намъ о эпохѣ самозванщины, къ которой они и относятся, попали въ Путивль, только благодаря пребыванію въ этомъ городѣ Лжедимитрія; они, по всей вѣроятности, были или привезены самимъ самозванцемъ, или присланы ему сюда. Перейдемъ къ ихъ осмотру.

Образъ Жировицкой Божіей Матери, какъ мы уже сказали, католическій образъ; писанъ онъ по полотну масляными красками и представляетъ собою поясное изображеніе Богоматери, держащей на правой рукѣ Младенца Христа; вокругъ изображенія, по полотну идетъ огромными буквами надпись на старомъ польскомъ языкѣ:

«POCIESZNIEISZANADCHERVBI
NYCHWALENIEISZANADSERAPUINY
REZSKAZYSLOWOBOGARODZACA».

Это приблизительно значитъ: «Честнѣйшая херувимъ, славнѣйшая безъ сравненія серафимъ, безъ истлѣнія Бога Слова родшая»...

Нѣсколько иначе была бы передана эта надпись на современномъ польскомъ языкѣ; современный полякъ сказалъ бы (приводимъ русскими буквами):

«Поцешаёнца над хэрувины найхвалебнейша над серафины без зма́зы почёнта Сло́во Богародзица».

---

[1]) Martinus Baër. Chronicon Muscoviticum continens res a morte Ioannis Basilidis Tiranni omnium quos sol post natos homines vidit immanissimi et truculentissimi an. Cristi 1584—1612.

Подобныхъ же размѣровъ и также слитно, нераздѣльно въ отношеніи буквъ, тянется по полотну и внизу изображенія польская надпись:

«OBRAZCVDOWNYP: MARIEYWZYRO-
WICACHWXICĤWЭLITEW».

«Чудотворный образъ Божіей Матери въ Жировицахъ въ области Литовской».

Самъ по себѣ образъ довольно большихъ размѣровъ: такъ длина его одинъ аршинъ двѣнадцать съ половиной вершковъ, а шириною онъ въ одинъ аршинъ десять вершковъ, и вставленъ онъ въ широкую деревянную рамку, покрытую различными золочеными украшеніями.

Образъ этотъ занесенъ въ Путивль Лжедимитріемъ Первымъ въ началѣ семнадцатаго столѣтія, съ тѣхъ поръ и находится въ Путивльскомъ Молченскомъ монастырѣ. Преданіе говоритъ, что эта икона получена самозванцемъ отъ своего тестя, сендомирскаго воеводы Мнишка, когда Лжедимитрій Первый съ польскою ратью отправлялся въ Россію.

Наконецъ, послѣднимъ историческимъ памятникомъ пребыванія въ Путивлѣ Лжедимитрія Перваго является деревянная дарохранительница, завезенная сюда, какъ говорятъ, однимъ изъ ксендзовъ, сопровождавшихъ Лжедимитрія; страннымъ кажется только то, что вся она сдѣлана въ строгомъ русскомъ стилѣ. Дарохранительница эта напоминаетъ собою небольшую деревянную модель въ видѣ одноглавой церковки, высотою она $14\frac{1}{2}$ вершковъ, длиною $4\frac{1}{2}$ вершка, а шириною $3\frac{1}{2}$ вершка. Въ отношеніи формы она представляетъ два наложенныхъ одинъ на другой нѣсколько продолговатыхъ прямоугольныхъ ящичка о шести сторонахъ, нижній нѣсколько побольше верхняго. Кругомъ на сторонахъ этихъ ящичковъ какъ верхняго, такъ и нижняго, наклеены пергаментныя въ католическомъ духѣ изображенія на слова канона: «Плачъ Пресвятыя Богородицы». Верхняя же часть дарохранительницы, это, по формѣ, миніатюрная деревянная церковная крыша, увѣнчанная позолоченной главкой, на которой высится сравнительно огромный деревянный крестъ съ изображеніемъ распятія Христа.

Особенно интересенъ одинъ изъ пергаментовъ, наклеенныхъ внизу; на немъ изображена Скорбящая Божія Матерь, окруженная орудіями мученій Христа, слѣва ея стоитъ ангелъ, въ рукахъ котораго развернутое полотно съ изображеніемъ Нерукотвореннаго Образа, а внизу пергамента слѣдующая, латинская надпись:

«O! quam tristis et afficta fuit illa benedicta Mater Unigeniti quae maerebat et dolebat et tremebat cum videbat noti penas incluti. T. C. Berharter».

Вотъ всѣ сохранившіеся слѣды пребыванія Лжедимитрія Перваго въ Путивлѣ; и нигдѣ не найдете даже упоминанія объ этихъ рѣдкихъ памятникахъ старины изъ эпохи самозванщины; мало кто даже слыхалъ о Путивлѣ, а памятники находятся положительно въ полномъ забвеніи, и, къ стыду своему, о нихъ не знаетъ почти никто даже изъ путивлянъ.

При изслѣдованіи архива Путивльскаго Молченскаго монастыря, въ числѣ различныхъ бумагъ, нашлись и документы, описывающіе эти памятники, что̀ и побудило меня повнимательнѣе изучить эти предметы и собрать преданія и слухи, относящіеся къ описываемому времени и связанные въ частности съ этими реликвіями.

Итакъ Путивль забытъ. И только школа, не жизнь, а школа напоминаетъ еще иногда о Путивлѣ. То, читая отрывки изъ знаменитаго памятника древней русской литературы «Слова о полку Игоревѣ», невольно натолкнется ученикъ на упоминанія о Путивлѣ а то иной «пространный» учебникъ географіи, описывая Курскую губернію, мимоходомъ лаконически замѣтитъ: «Путивль—древній городъ», да и только. Такая ужъ видно, къ сожалѣнію, у насъ судьба всего того, что характеризуется не настоящимъ, а прошлымъ.

Какимъ же образомъ Путивль потерялъ свою извѣстность, это говоритъ отчасти послѣдующая исторія Россіи, со сцены которой Путивль постепенно начинаетъ сходить.

20 іюня 1605 года, Лжедимитрій Первый торжественно вступилъ въ Москву. Его заключительное движеніе изъ Путивля является уже тріумфальнымъ шествіемъ законнаго государя. Но не умѣлъ воспользоваться мнимый Димитрій своей удачей, или такая ужъ была его судьба, но только онъ погибъ, и никто не вознаградилъ путивлянъ за ихъ труды и поддержку ему. А между тѣмъ возникли страшныя междоусобія; Россію грабили и жгли и сами русскіе и чужеземцы, досталось и Путивлю; всѣ окрестности его были спалены и опустошены, а сколько народу погибло!

«Перо не можетъ выразить, съ какимъ жестокосердіемъ свирѣпствовали москвитяне въ своемъ отечествѣ», восклицаетъ современникъ [1]).

Но этимъ не кончились несчастія Путивля. Поляки и крымскіе татары не прекращали своихъ набѣговъ, а тутъ еще пошли пожары и наконецъ страшное моровое повѣтріе. И сталъ мало-помалу падать Путивль. Блаженной памяти царь Алексѣй Михайловичъ принялъ Малороссію подъ свою высокую государеву руку, и съ этого времени Путивль постепенно начинаетъ терять свое политическое значеніе, закончившееся окончательнымъ уничтоже-

---

[1]) Chronicon Muscoviticum continens res a morte Ioanni Basilidis Tyranni omnium quos sol post natos homines vidit immanissimi et truculentissimi an. Christi 1584—1612.

ніемъ Путивльской крѣпости, какъ ставшей съ этихъ поръ ненужной.

Въ одномъ изъ указовъ, относящихся къ 1676 году, Путивль охарактеризованъ уже, какъ городъ, приходящій въ упадокъ, о Путивльской крѣпости уже не упоминается ни слова, а говорится только, что торгують здѣсь гречане самые малотные люди, и во всемъ Путивлѣ насчитывается не болѣе ста сорока восьми посадскихъ дворовъ. Но не то было въ былыя времена.

«Время пролетѣло,
Слава прожита»...

При въѣздѣ изъ города въ Путивльскій Молченскій монастырь бросается въ глаза постройка съ лѣвой стороны колокольни; это— древняя, крѣпостная башня, сохранившаяся и до настоящаго времени. Находящіяся бойницы, небольшія окошки въ прежніе внутренніе проходы и крытыя амбразуры напоминають о тѣхъ старинныхъ временахъ, когда эта башня и многія другія, теперь уже не существующія, городскія укрѣпленія играли роль оплота земли Русской, и здѣсь за цѣлость отечества бились наши праотцы съ татарами, литовцами и другими непрошенными гостями, или когда сами путивляне, гостепріимно принимая различныхъ авантюристовъ, защищали ихъ своею кровью.

П. М. Раздольскій.

ЗАБЫТАЯ ПИСАТЕЛЬНИЦА.

(Памяти А. П. Хвостовой, рожд. Херасковой).

Седьмого апрѣля текущаго года исполняется ровно пятьдесятъ лѣтъ со дня смерти Александры Петровны Хвостовой. Имя этой, нѣкогда знаменитой, женщины, долго блиставшее въ петербургскомъ beau monde'ѣ и хорошо извѣстное современнымъ литературнымъ кружкамъ, въ настоящее время совсѣмъ забыто. Это обстоятельство дало намъ поводъ собрать изъ старыхъ изданій кое-какія данныя о жизни ея и связать ихъ въ небольшую біо-библіографическую справку.

Александра Петровна родилась въ Петербургѣ, въ 1767 году, отъ брака статскаго совѣтника Петра Матвѣевича Хераскова съ графиней Елизаветой Петровной Девіеръ и приходилась, слѣдовательно, родной племянницей извѣстному поэту Михаилу Матвѣевичу Хераскову. Воспитаніе ея съ самыхъ раннихъ лѣтъ было обставлено очень комфортабельно, для нея выписывались изъ-за границы гувернантки и учителя и, благодаря, очевидно, ихъ добросовѣстности и опытности, дѣвушка пріобрѣла большія познанія по литературѣ, основательно изучила иностранные языки и въ 19 лѣтъ выступила уже въ печать.

Подробныхъ свѣдѣній ни о дѣтскихъ, ни о дѣвическихъ годахъ писательницы не имѣется. «Воспоминанія» Вигеля—главный источникъ для ея біографіи—относятся къ 1806 году, т. е. къ тому времени, когда Хвостовой было уже за тридцать лѣтъ.

Въ это время она была замужемъ, и семейная обстановка ея была очень непригляднa. Мужъ ея,—Дмитрій Семеновичъ Хво-

стовъ,—въ «Воспоминаніяхъ» Вигеля изображенъ грязнымъ, распутнымъ человѣкомъ, вѣчно кутящимъ и мотавшимъ женино приданое. Живя съ женой подъ одною кровлею, онъ вовсе не интересовался ея жизнью и почти никогда не видалъ ея. При такомъ разладѣ семьѣ грозила полная нищета, и отъ нея Хвостову спасъ только слѣдующій ея геройскій поступокъ.

Отецъ Дмитрія Семеновича за совершенное имъ преступленіе долженъ былъ отбыть какое-то наказаніе. Гордый, самолюбивый богачъ не зналъ, какъ ему избавиться отъ всеобщаго позора, но находчивость его невѣстки пришла ему на выручку. Проходя какъ-то по улицѣ, Александра Петровна встрѣтила императора: не долго думая, она пала къ его стопамъ и вымолила Дмитрію Семеновичу помилованіе. Тронутый такимъ поступкомъ, старикъ завѣщалъ невѣсткѣ порядочную пожизненную пенсію. Очевидно, что на эти деньги Хвостова и существовала по смерти мужа.

Но, несмотря на семейную неурядицу, домъ Хвостовой, въ періодъ ея жизни въ Петербургѣ, принадлежалъ къ аристократическимъ. Въ небогато, но, по словамъ того же Вигеля, со вкусомъ убранной квартирѣ ея, на Невскомъ (между Литейной и Знаменской), собиралось почти ежедневно людное общество. Среди массы дипломатовъ, литераторовъ и художниковъ завсегдатаями были графы Іосифъ и Ксаверій де-Местръ и князь Бѣлосельскій, одинъ изъ главнѣйшихъ поклонниковъ гостепріимной хозяйки, сдѣлавшій подъ ея портретомъ ниже приводимую нами надпись.

Когда этотъ тѣсный кружокъ началъ увлекаться мистицизмомъ, заразилась имъ и Хвостова. Вскорѣ она познакомилась съ Александромъ Ѳедоровичемъ Лабзинымъ, и онъ, по свидѣтельству П. Безсонова («Русскій Архивъ» 1866 г.), принялъ участіе въ двухъ ея книгахъ: «Совѣты душѣ моей» и «Письма христіанки». Въ чемъ именно сказалось это участіе, г. Безсоновъ не указываетъ, но, надо думать, лишь въ одномъ печатаніи ихъ, такъ какъ издательская дѣятельность «Ѳеопемпта Мисаилова» [1]) въ это время, какъ разъ, процвѣтала, и на его средства печаталось много книгъ.

Въ концѣ царствованія Александра I, когда началось преслѣдованіе мистиковъ, сопряженное съ прекращеніемъ «Сіонскаго Вѣстника» и высылкой Лабзина, Крюденеръ и другихъ, была удалена изъ Петербурга и Хвостова. Это было въ 1823 году.

На этомъ году печатные источники о жизни ея обрываются, и мы нигдѣ не могли достать свѣдѣній, гдѣ и какъ она провела время до 30-хъ годовъ.

Въ самомъ началѣ этого десятилѣтія Хвостова переселяется въ Кіевъ и здѣсь всецѣло посвящаетъ себя филантропической дѣятельности, становясь—съ 1833 г.—во главѣ двухъ благотворитель-

---

[1]) Псевдонимъ А. Ѳ. Лабзина.

ныхъ учрежденій—вице-предсѣдательницею Кіевскаго общества для помощи бѣднымъ и начальницею училища, учрежденнаго графинею А. В. Левашевою. Оба эти званія Хвостова носила до самой смерти, и время ея участія въ дѣлахъ этихъ учрежденій считается лучшимъ періодомъ въ ихъ исторіи. По словамъ близкихъ Александрѣ Петровнѣ людей, подобнаго рода дѣятельность на поприщѣ филантропіи очень подходила къ отзывчивой натурѣ ея. Вотъ слова одного изъ ея друзей: «...сострадательность была главной чертой ея характера; денегъ у нея не было, и несчастнымъ она помогала не одними слезами, а неимовѣрной дѣятельностью; мучила друзей, наряжала ихъ преслѣдовать сильныхъ и богатыхъ, даже исторгнуть у нихъ помощь страждущимъ. Она была великая искусница утѣшать и успокоивать печальныхъ».

Самымъ позднимъ свѣдѣніемъ объ Александрѣ Петровнѣ служитъ собственноручная запись ея, занесенная ею въ альбомъ профессора Михаила Алекс. Максимовича, съ которымъ она познакомилась въ бытность свою въ Кіевѣ.

Содержаніе этой интересной памятки таково: «Мнѣ 80 лѣтъ. Время затоптало всѣ различныя способности мои, и жизнь, какъ перегорѣлый уголекъ, едва тлѣется въ разрушающемся бытіи моемъ; но я чувствую еще, что я жива, потому что могу любить и помнить. Не забывайте и вы старуху Хвостову».

Позднѣйшихъ свѣдѣній о жизни Александры Петровны въ печати не существуетъ. Изъ газетныхъ сообщеній видно, что она умерла въ Кіевѣ 7 апрѣля 1852 г.; въ «Словарѣ» же кн. Голицына годъ смерти ошибочно помѣченъ 1853-мъ.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о литературной дѣятельности Хвостовой. На писательское поприще она выступила очень рано; первымъ печатнымъ опытомъ ея слѣдуетъ признать переводъ книги, вышедшей въ Москвѣ въ 1787 г. подъ заглавіемъ: «О тройственномъ пути». Переводчицѣ въ это время было всего 20 лѣтъ. Затѣмъ черезъ восемь лѣтъ въ 1795 г. въ журналѣ «Пріятное и полезное препровожденіе времени» было напечатано главное ея произведеніе «Каминъ», вышедшее черезъ годъ въ отдѣльномъ изданіи подъ заглавіемъ: «Отрывки. Je vais errer sur la terre sans trouver une place pour reposer mon coeur. J. J. Rousseau. Nouv. Hel. Въ типографіи Государственной Медицинской Коллегіи». (Другое заглавіе: «Отрывки. Санктпетербургъ, 1796 года»). 24°. 48 стр.

«Отрывки» эти разошлись въ числѣ 2.400 экземпляровъ, вскорѣ вышли вторымъ изданіемъ, переводились на иностранные языки и сдѣлали автора, такимъ образомъ, извѣстнымъ.

Въ виду того, что книга эта давнымъ давно попала въ число книжныхъ рѣдкостей, и достать ее даже въ Публичной библіотекѣ довольно трудно, находимъ нелишнимъ и небезынтереснымъ сдѣлать здѣсь ея описаніе и привести выдержки изъ нея.

Заглавный листъ изданія гравированный; книжка начинается съ предисловія издательницы, въ которомъ она говоритъ слѣдующее:

«Желая сдѣлать услугу и удовольствіе чувствительнымъ читателямъ, издаю я сочиненіе одной россійской писательницы, которая, держась скромности, нашему полу свойственной, долго противилась моему желанію и хотѣла скрыть отъ публики плоды своего дарованія; но, убѣждена будучи усильною просьбою друзей своихъ, рѣшилась наконецъ принести имъ въ жертву свои сочиненія, а мнѣ позволила быть издательницею»...

Затѣмъ послѣ панегирика писательницѣ за ея слогъ и нѣжныя чувства къ отцу, которому она посвящаетъ свое произведеніе, издательница оканчиваетъ предисловіе такъ:

«Почтенныя чувствованія! Они достойны быть обнаружены, и сочиненіе достойно быть напечатано».

Въ книжку включено, кромѣ сочиненія: «Каминъ. 1795 года. Марта мѣсяца. Москва» (9+26 стр.), и другое произведеніе Хвостовой: «Ручеекъ. Въ 1796 году, Маія мѣсяца, въ селѣ Вѣйнѣ» (31—48 стр.).

На первой страницѣ «Камина» напечатана хорошо исполненная виньетка, съ изображеніемъ автора. Александра Петровна сидитъ передъ каминомъ, въ задумчивости, облокотившись на столъ; у ногъ ея лежитъ собака; сзади кресла—статуя.

Самое содержаніе «Камина» слѣдующее:

«Полночь. Часы ударили двѣнадцать, и сердце томно сказало: еще день лишній къ прошедшимъ, еще днемъ меньше жить и скитаться въ мірѣ семъ! Все вокругъ меня тихо и покойно, все молчитъ, и природа сама дремлетъ. Сижу одна у потухающаго огня; смотрю на свѣтлые уголья, одинъ за другимъ угасающіе; слушаю унылый вой вѣтра, въ трубѣ шумящаго; обращаюсь мыслями на прошедшее время жизни моей и сравниваю горести съ радостями, печали съ удовольствіями, тѣ минуты, въ которыя благодарила Бога за бытіе свое, съ тѣми, которыя тяжкимъ бременемъ угнетаютъ душу мою. Радости! Гдѣ онѣ? Въ одномъ воображеніи, исчезли, какъ тонкій дымъ, и только иногда, какъ легкія привидѣнія, мечтаются. Печали! Печали тутъ, тутъ со мною, глубоко въ сердцѣ и вмѣстѣ съ кровью текутъ въ жилахъ моихъ. Удовольствія!.. были—одна минута, одно мгновеніе. Горести!—вѣчность, незримость, степь дикая и необозримая, гдѣ бѣдный странникъ не находитъ ни сѣни для отдохновенія, ни капли воды для утомленія несносной тоски своей! Жизнь, какъ ты тягостна, когда сердце милой ему мечты лишится! Какъ медленно приближается тотъ часъ, который назначенъ природою быть послѣднимъ скучнаго бытія. Смерть, ты не странное привидѣніе! Объятія твои не такъ холодны, какъ счастливецъ воображаетъ себѣ! Сердце часто говоритъ мнѣ, что ты другъ несчастнаго, покой, единственный покой тоскующей души, одинъ покой въ мірѣ».

Воображеніе молодой писательницы, печально настроенной, переносится на берегъ Днѣпра, къ монастырю...

«Тутъ останавливаюсь въ задумчивости; тысячи мыслей наполняютъ душу мою, пульсъ бьется скорѣе, томное дыханіе прерывается, и слезы падаютъ на сѣрый камень. Читаю сквозь тонкую дымку, блѣдныя лица монахинь покрывающую, тайную, безпрестанную тоску ноющихъ сердецъ ихъ вижу, и душа моя

чувствують умиленіе... Ахъ!.. Онѣ ближе прочихъ къ сердцу моему, и онѣ въ свѣтѣ одиноки».

Затѣмъ фантазія уноситъ автора въ Финляндію, въ Шотландію, гдѣ она ищетъ на пескѣ слѣдовъ войска Фингала...

«Сижу съ его героями вокругъ горящаго пня дубоваго; внимаю побѣдоносному бардовъ пѣнію и ловлю въ воздухѣ унылый звукъ печальныхъ пѣсней Оссіана. Пронзительный крикъ ворона заглушилъ печальную пѣснь твою, и время высокими дубами засѣяло мѣсто, на коемъ съ нѣжною Мальвиною оплакивалъ ты сына твоего Оскара».

...Далѣе она представляетъ себя ночью на дикой скалѣ внимающею унылому реву шумящаго моря, смотритъ на блѣдный мѣсяцъ, тихо катящійся по лазоревому своду, и ей представляются тѣни ея дѣтей, простирающихъ къ ней свои блѣдныя руки, и вдругъ онѣ разсыпаются звѣздами по синему небу...

«Вѣтеръ воетъ въ ущельяхъ, и дикой голосъ Друида во мрачной пещерѣ раздается. Огненные глаза сверкаютъ сквозь сѣдые волосы, висящіе по угрюмому лицу его, и гласъ, подобный грому подземному, требуетъ страшной жертвы— страшному богу».

Но вѣтеръ, подувшій съ моря, разбрасываетъ мрачныя тучи, привидѣніе легкимъ туманомъ опускается въ долину; мракъ мыслей писательницы разсѣвается, и вскорѣ она видитъ себя въ домѣ отца, въ кругу семейства. Но часъ разлуки быстро наступаетъ и, можетъ быть, навѣки...

«Отецъ мой, отецъ обожаемый, заключаетъ меня въ свои объятія. Трепещущія руки его прижимаютъ меня къ болящему сердцу, и горючая слеза каплетъ на грудь мою изъ тусклыхъ очей его. Онъ хотѣлъ бы сказать: «Прости, дочь милая! Будь счастлива далеко отъ отца твоего!» Но слова замираютъ въ устахъ его, и дрожащій голосъ насилу произнести можетъ: «Господу Богу поручаю тебя». Рука его, омытая слезами моими, поднимается въ послѣднее благословить дочь печальную; теплая молитва сердечная вылетаетъ изъ глубины души его и упадаетъ къ подножію престола Всевышняго».

...Въ случаѣ смерти своей поэтесса проситъ друзей сорвать цвѣты съ ея могилы и дать ихъ отцу...

«Онъ возьметъ тогда изсохшую траву, нѣжно прижметъ ее къ сердцу и скажетъ: «Ангелъ мира съ тобою, бѣдная».

Очнувшись отъ всѣхъ этихъ призраковъ, Хвостова опять видитъ себя сидящею у своего камина, огонь въ немъ уже погасъ, взошелъ мѣсяцъ и чуть свѣтитъ сквозь замерзлыя окна, бьетъ два часа, она перестаетъ думать, бросается въ постель и засыпаетъ. (См. «Русск. Арх.» 1892, кн. III, с. 327—329).

Таково содержаніе «Камина». Успѣхъ его, сказавшійся въ быстрой распродажѣ книги и повлекшій за собою дальнѣйшія его изданія, можно объяснить исключительно тѣмъ, что онъ былъ написанъ входившимъ тогда въ моду сентиментальнымъ слогомъ.

Другія два произведенія Хвостовой: «Совѣты душѣ моей» и «Письма христіанки», были сочинены въ періодъ увлеченія ея мистицизмомъ и появились въ свѣтъ какъ разъ въ то время, когда это теченіе дѣлалось преобладающимъ, отсюда, конечно, вытекаетъ и ихъ успѣхъ.

Въ заключеніе намъ остается упомянуть о портретахъ Александры Петровны и привести списокъ ея произведеній.

Портретовъ ея, насколько извѣстно (см. A. Wassiltschikoff: Liste alphabétique de portraits russes. 1875), существуетъ лишь два.

Первый, снимокъ съ котораго прилагается при настоящемъ №,—гравюра на стали in folio,—находится въ Императорской Публичной библіотекѣ.

Писательница на немъ изображена сидящей въ большомъ креслѣ, съ лицомъ, обращеннымъ налѣво, и немного наклоненной головой; прическа съ локонами, падающими на плечи; руки сложены на колѣняхъ; въ правой рукѣ билетъ; платье, очевидно, бархатное. Внизу награвировано:

(правописаніе подлинника) Александра Петровна Хвостова род. въ 1767 год.

Elle a par ses talents et ses moyens de plaire
Rectifié, chez nous, les deux nombres d'Homère:
J'en prendrais à temoin le beau berger Paris.
Graces! vous n'êtes plus trois à Cithere,
Et vous Muses vous voila dix.

Par m-er le prince Alex. Bélosselsky.

Переводъ:

Она своими талантами и своими способностями нравиться
Перемѣнила два числа у Гомера,
Свидѣтелемъ чего я взялъ бы прекраснаго пастуха Париса.
Граціи, васъ больше не три на Цитерѣ,
И васъ, музы, вотъ уже десять.

Кн. Алекс. Бѣлосельскій.

Другой портретъ Хвостовой, гравированный на стали въ Парижѣ, по сходству и по положенію всей фигуры напоминаетъ собою первый; но на немъ не обозначено, что онъ изображаетъ Хвостову, а внизу сдѣлана другая надпись, анонимная, именно:

A me voir, j'ai les traits d'une beauté divine,
Les yeux noirs et brillants, un teint vif et charmant;
Mais j'ai l'esprit formé d'une étoffe si fine,
Que j'en donne à garder au plus subtil amant.

Переводъ:

Взглянувъ на меня, вы увидите черты лица божественной красоты,
Черные, блестящіе глаза, яркій и прелестный цвѣтъ лица;
Но мой умъ состоитъ изъ такой тонкой ткани,
Что я даю его беречь самому чувствительному любовнику.

Произведенія А. П. Хвостовой.

1. «О тройственномъ пути». Переводъ. М. 1787. (См. Голицынъ, Словарь писательницъ, стр. 261).

2. «Каминъ». Отрывокъ. (Подп. А—а Хва—а). («Пріятное и полезное препровожденіе времени» 1795 г., ч. 6, стр. 68—77). См. выше.

3. «Отрывки». (Каминъ и ручеекъ). Спб., 1796. Въ типографіи Государственной Медицинской Коллегіи. 24°. 48 стр. (Напечатано было въ количествѣ 2.400 экз., разошедшихся почти въ теченіе одного года). Подробное описаніе см. выше.

а) Тоже. Второе изданіе. Спб., 1802. 8°.

б) Тоже. Третье изданіе. Спб., 1833. 8°.

Переводы этого произведенія:

На французскомъ языкѣ: «La cheminée, piece, fugitive trad. de Schékalefsky». (S.-Pbg). 1798. 12°.—«Aux Mânes de mon père, élégie par M***». (См. «Моск. Вѣд.» 1804, № 78 и 79, и «Moniteur» du 13 novembre, 1821 г.).

На нѣмецкомъ языкѣ: «Der Kamin oder die Phantasie einer Russin, ein russisches Original-Gedicht, übersetzt von M. Malfa». Moskau 1805. Leipzig. 1805. 16°. (Посвященіе: «Dem Fräulein Nadeschda Kussownikow gewidmet»).

Другихъ переводовъ, о которыхъ говоритъ Голицынъ, разыскать намъ не удалось.

4. «Совѣты душѣ моей (твореніе христіанки, тоскующей по горнемъ своемъ отечествѣ)». Спб., 1816. 12°. Морск. тип.

5. «Письма христіанки, тоскующей по горнемъ своемъ отечествѣ, къ двумъ друзьямъ ея, мужу и женѣ». Спб., 1815. 12°. Морск. тип. II + 274 стр. (Въ этихъ двухъ изданіяхъ принималъ участіе А. Ѳ. Лабзинъ, см. «Русск. Арх.» 1866 г., стр. 830, въ статьѣ П. Безсонова «А. Ѳ. Лабзинъ»).

6. «Письма къ другу и завѣщаніе отца сыну». (См. Голицынъ, Словарь писательницъ, стр. 261).

Біографическія свѣдѣнія о А. П. Хвостовой помѣщены въ слѣдующихъ изданіяхъ:

1) «Biographie des hommes vivants». Paris. 1817, p. 182.

2) «Biographie nouvelle des contemporains, par Jay, Jouy, Arnaut et Norvins». Paris. 1822, t. 4, p. 412.

3) «France Littéraire, quéarda'» 1828, t. 2, p. 201 (встрѣчаются ошибки).

4) «Дамскій Журналъ», 1830, ч. 30, № 15, ст. Макарова.

5) «Сѣв. Пчела», 1849, № 37.

6) «Моск. Вѣд.», 1853, № 129.

7) «Россійскій Родословный Сборникъ», кн. П. В. Долгорукова. Спб., 1841, ч. 2, стр. 15, ст. П. А. Вяземскаго.

8) Вигель, «Воспоминанія», М. 1866, ч. II, стр. 231—234; ч. III, стр. 8, 9, 62, 155; ч. VII, стр. 6, 7.

9) Геннади, «Русскія книжныя рѣдкости». Спб., 1872, стр. 103.

10) Ровинскій, «Словарь русск. гравир. портретовъ». Спб., 1872.

11) Геннади, «Списокъ русск. анон. книгъ», Спб., 1874, стр. 29.

12) С. В. Руссовъ, «Библ. каталогъ россійск. писательницамъ», Спб., 1826, стр. 44.

13) A. Wassiltschikoff, «Liste alphabétique de portraits russes». St.-Pbg., 1875, I, 258—259.

14) Толль, «Настольный словарь», т. III, стр. 922.

15) «Кіевская Старина», 1882, т. I, стр. 166—167, ст. С. Пономарева.

16) Голицынъ, «Библіогр. словарь русск. писательницъ». Спб., 1889, стр. 260—262.

17) «Варш. Дневн.», 1881, № 179.

18) «Русск. Архивъ», 1892, кн. III, стр. 328—329, ст. «Книжныя рѣдкости».

19) «Русскій біографическій словарь». Спб., 1901, стр. 293—294, ст. В. В. Сиповскаго.

Б. Городецкій.

ПЕТРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ПОЛЕВОЙ.

(Некрологъ).

Еще одним полезнымъ и неутомимымъ литературнымъ дѣятелемъ стало меньше—умеръ Петръ Николаевичъ Полевой. Сорокъ лѣтъ имя его появлялось на страницахъ разныхъ изданій и журналовъ, и въ теченіе этого времени имъ написано множество разнообразныхъ сочиненій и статей, упрочившихъ за нимъ репутацію глубокаго знатока русской литературы и исторіи. Онъ писалъ учебники, романы, повѣсти, разсказы, драмы, изслѣдованія, монографіи, очерки, критики и т. д., и всѣ его произведенія, не отличаясь яркостью дарованія, выдѣляются рѣдкимъ знаніемъ эпохи и быта, изученіемъ мельчайшихъ подробностей предмета, умѣньемъ живо и интересно излагать самый сухой матеріалъ.

Сынъ извѣстнаго публициста и писателя сороковыхъ годовъ, Николая Алексѣевича Полевого, Петръ Николаевичъ родился 25 февраля 1839 года и, получивъ въ домѣ отца прекрасную подготовку, учился въ пятой Петербургской гимназіи, а затѣмъ въ Петербургскомъ университетѣ на историко-филологическомъ факультетѣ. Окончивъ, въ 1861 году, курсъ кандидатомъ, онъ поступилъ учителемъ русскаго языка въ Новгородскій, графа Аракчева, корпусъ и здѣсь написалъ свою магистерскую диссертацію: «Опытъ сравнительнаго обозрѣнія древнѣйшихъ памятниковъ народной поэзіи германской и славянской», послѣ защиты которой, въ 1864 году, въ званіи привать-доцента читалъ лекціи всеобщей литературы въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Въ 1865 году, онъ представилъ свою докторскую диссертацію «Историческіе очерки средневѣковой драмы», но въ виду неодобрительнаго отношенія къ ней факультета отказался отъ ея защиты и перешелъ въ Новороссійскій университетъ, на каѳедру

русскаго языка и литературы; въ 1867 году онъ былъ назначенъ инспекторомъ Херсонской гимназіи и, наконецъ, занялъ, въ званіи ординарнаго профессора, каѳедру русскаго и церковно-славянскаго языковъ въ Варшавскомъ университетѣ. Въ 1871 году, онъ вышелъ въ отставку, вернулся въ Петербургъ и съ тѣхъ поръ всецѣло посвятилъ себя литературѣ. Въ 1872 году, П. Н. издалъ «Учебную русскую христоматію съ толкованіями» въ трехъ частяхъ, которая разо-

Петръ Николаевичъ Полевой.

шлась въ теченіе двухъ лѣтъ въ количествѣ 40.000 экземпляровъ. Въ томъ же 1872 году, имъ была напечатана «Исторія русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ», выдержавшая три изданія. Въ 1873 году, онъ издалъ «Общедоступную русскую грамматику», а затѣмъ, одно за другимъ, слѣдующія изданія: «Русскую исторію для среднихъ учебныхъ заведеній», «Родные отголоски», «Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта» въ двухъ частяхъ, «Народныя русскія сказки» и «Художественную Россію». Всѣ эти изданія

имѣли большой успѣхъ и доставили ему громкую извѣстность. Въ 1875 году, онъ редактировалъ еженедѣльный иллюстрированный журналъ «Пчелу», а съ 1882 года издавалъ «Живописное Обозрѣніе». П. Н. желалъ создать серьезный, вполнѣ литературный, иллюстрированный журналъ, но, къ сожалѣнію, эта попытка не встрѣтила поддержки со стороны публики, и въ 1887 году онъ былъ вынужденъ передать «Живописное Обозрѣніе» въ другія руки, потерявъ всѣ свои сбереженія и оставшись должнымъ около 50.000 рублей. Этотъ долгъ тяжелымъ бременемъ легъ на всю его дальнѣйшую жизнь и поставилъ въ необходимость работать безъ устали, часто на спѣхъ, и притомъ браться иногда за переводы и такія работы, которыя ему были не симпатичны.

Перечисленіе всего написаннаго П. Н. заняло бы нѣсколько страницъ, и потому мы упомянемъ здѣсь лишь, что, сдѣлавшись съ 1885 года сотрудникомъ «Историческаго Вѣстника», онъ въ одномъ этомъ журналѣ помѣстилъ сорокъ пять болѣе или менѣе обширныхъ статей и нѣсколько десятковъ рецензій и замѣтокъ. За двѣ недѣли до смерти онъ прислалъ намъ статью «Опытъ характеристики Гоголя», которая и напечатана въ февральской книжкѣ. Потеря такого даровитаго, опытнаго и разносторонне образованнаго сотрудника, какъ П. Н., чувствительна не только для нашего журнала, но и для всей нашей литературы, потому что въ ней очень немного такихъ добросовѣстныхъ и энергичныхъ работниковъ, какимъ былъ покойный.

Жизнь П. Н. Полевого была полна неудачъ, зависѣвшихъ, впрочемъ, отчасти отъ него самого. Всѣ попытки его прочно устроиться въ Петербургѣ не имѣли успѣха, и въ 1890 году онъ случайно пріобрѣлъ въ долгъ небольшое имѣніе въ Боровичскомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи, куда и переселился. Онъ надѣялся найти въ этомъ уединеніи душевное спокойствіе и ничѣмъ не стѣсняемую свободу заниматься задуманными имъ работами. Но надежды эти не сбылись. Потеря любимаго сына, единственной дочери, жившей вмѣстѣ съ нимъ въ деревнѣ, затѣмъ сестры и многолѣтняго друга, Ю. О. Грюнберга, наконецъ, неожиданное лишеніе пенсіи, которую онъ получалъ изъ фонда императора Николая II при академіи наукъ, не могли не отразиться на его нравственномъ состояніи. Необходимость погашать старый долгъ по журналу и новый по имѣнію принуждала его къ непосильной работѣ, и онъ, между прочимъ, взялся за обширный и срочный трудъ—«Исторію русской словесности» въ трехъ большихъ томахъ, обязавшись передъ издателемъ окончить его въ три года. Писать такое сложное изслѣдованіе въ деревнѣ, не имѣя подъ рукой многихъ существенныхъ матеріаловъ и лишь изрѣдка наѣзжая въ Петербургъ для кратковременныхъ занятій въ Публичной библіотекѣ, оказалось дѣломъ весьма нелегкимъ. Въ немъ явились неизбѣжные при такихъ условіяхъ пробѣлы и недосмотры, и первые выпуски этого труда дали придирчивой критикѣ поводъ

къ крайне неблагопріятнымъ отзывамъ. П. Н. это предвидѣлъ. Посылая первые выпуски редактору «Историческаго Вѣстника», онъ писалъ:

«Я серьезно и спокойно готовлюсь къ ругани со всѣхъ сторонъ. Ругать меня будутъ преимущественно тѣ, которые никогда ничего не произведутъ и весь свой вѣкъ будутъ питаться статейками о вопросахъ, длиною съ воробьиный носъ. Но вѣдь нужно же когда нибудь дать и общую и связную, хотя и не совсѣмъ, можетъ быть, вѣрную картину нашего литературнаго прошлаго. Ошибки и промахи въ такой большой картинѣ можно будетъ исправить во второмъ изданіи, но картина все-таки останется. Но гг. суровые критики не поймутъ, что на мелочи всякаго хватитъ, а на широкую, соразмѣрную картину умственнаго движенія на пространствѣ вѣковъ нужно имѣть нѣчто такое, чего у нихъ нѣтъ».

Мы приведемъ выдержку еще изъ одного письма П. Н., гдѣ онъ откровенно сознается, какихъ невѣроятныхъ усилій потребовалъ отъ него этотъ трудъ. Послѣдніе мѣсяцы 1900 года онъ прожилъ въ Петербургѣ, заканчивая «Исторію русской словесности» и, сдавъ въ типографію корректуру послѣдняго листа, уѣхалъ въ деревню. На сдѣланный ему упрекъ, что онъ не посѣтилъ редакціи «Историческаго Вѣстника», П. Н. отвѣчалъ:

«Съ первыхъ чиселъ ноября я уже никуда не двигался и работалъ до полнаго изнеможенія силъ, до отчаянія, до изступленія! Мнѣ предстояла только одна диллема: или окончить къ сроку, или поставить крестъ на себя. Я довелъ себя этой работой и сопровождавшими ее непрерывными непріятностями до того, что сталъ заговариваться, сталъ чувствовать никогда не испытанный мною страшный упадокъ силъ и, едва закончивъ послѣднюю строчку, бѣжалъ безъ оглядки въ деревню, даже ничего не прибравъ, даже не захвативъ изъ Питера ни бумагъ, ни книгъ своихъ! Я боялся, что вотъ, вотъ, до крайней степени напряженныя силы мои порвутся, и я свалюсь съ ногъ... И только теперь, почти три недѣли спустя, послѣ отдыха, въ теченіе котораго я не развернулъ ни одной книги, начинаю приходить въ себя и становиться вновь человѣкомъ. Согласитесь, что въ томъ состояніи, въ которомъ я находился весь ноябрь и декабрь, я никакъ не могъ къ вамъ заглянуть».

Непосильная работа надломила силы и здоровье П. Н., и онъ уже не могъ вполнѣ оправиться. Одиночество въ деревнѣ тяготило его, и въ сентябрѣ прошлаго года онъ женился. Въ началѣ декабря онъ пріѣзжалъ на нѣсколько дней въ Петербургъ, довольный, оживленный, сообщалъ о задуманныхъ новыхъ работахъ, договорился относительно статьи о Гоголѣ для «Историческаго Вѣстника», но 30 декабря писалъ: «Работаю надъ статьей о Гоголѣ вотъ уже вторую недѣлю, и все мнѣ не нравится то, что выходитъ изъ-подъ пера моего. Не оригинально, не красиво и недостаточно сжато и

кратко, а расплывчато писать ужасно не люблю. Какъ только кончу, такъ тотчасъ пришлю вамъ. Долженъ, однако же, признаться, что моя машина работаетъ не попрежнему, и колеса въ ней ходятъ какъ-то вяло, словно не смазаны».

Статья о Гоголѣ, оконченная и посланная 15 января текущаго года, была послѣднимъ трудомъ П. Н. 24 января онъ поѣхалъ въ Петербургъ, простудился въ дорогѣ, схватилъ крупозное воспаленіе легкихъ, надломленный организмъ не могъ бороться съ болѣзнью, и 31 числа его не стало. Кончина П. Н. прошла незамѣченной. Извѣстіе о ней было напечатано только въ одной газетѣ, 2-го февраля, наканунѣ похоронъ, и потому проводить его на Волково кладбище собралась лишь небольшая кучка близкихъ ему людей.

ИСТОРІЯ ШЕСТИ МѢСЯЦЕВЪ.

(Іюль—декабрь 1862 г.)[1].

I.

Наканунѣ пріѣзда великаго князя Константина Николаевича въ Варшаву.—Переговоры Велепольскаго съ Карломъ Маевскимъ.— Пріѣздъ великаго князя.— Покушеніе Ярошинскаго на его жизнь.— Образъ дѣйствій Фелинскаго.— Первые шаги и слова великаго князя въ Варшавѣ.— Проектъ Гурскаго депутаціи и адреса.— Переговоры съ графомъ Замойскимъ и маркизомъ Велепольскимъ.— Ихъ безуспѣшность.— Отношеніе прессы къ покушенію.

Въ вышедшей недавно подъ этимъ заглавіемъ книгѣ В. Пржиборовскаго, бывшаго редактора кратковременной славянофильской газеты «Хвили» («Chwila»), сообщаются любопытныя свѣдѣнія о событіяхъ, предшествовавшихъ польскому возстанію 1863 г. Авторъ, съ семидесятыхъ годовъ постоянный житель Варшавы, пользовался для своего труда разнообразными и частью малодоступными источниками и потому даетъ немало новыхъ свѣдѣній, касающихся прискорбныхъ событій второй половины 1862 г. Извлекаемъ изъ сочиненія Пржиборовскаго то, что, по нашему мнѣнію, представляетъ интересъ для русскихъ читателей.

Наканунѣ прибытія великаго князя Константина Николаевича въ Варшаву, выраженіемъ общественнаго мнѣнія круговъ болѣе умѣренныхъ была такъ называемая партія «бѣлыхъ», состоявшая

---

[1]) «Historya szesciu miesięcy»—W. Przyborowskiego. Peterzburg. 1901,

изъ представителей дворянства, именитаго купечества, еврейской плутократіи и большинства интеллигенціи свободныхъ профессій. Элементы революціонные составляли партію «красныхъ», — неуловимую, такъ какъ хотя многіе и знали, что тотъ или другой принадлежитъ къ этой партіи, но объ ея внутренней организаціи и ея «центральномъ комитетѣ» имѣлись въ обществѣ свѣдѣнія сбивчивыя и смутныя. Маркизъ Велепольскій, вполнѣ еще увѣренный въ успѣхѣ своей политики, за нѣсколько дней до пріѣзда великаго князя попытался устранить съ своего пути единственное серіозное, какъ ему казалось, препятствіе, а именно удалить изъ Варшавы главныхъ дѣятелей «красныхъ». Мысль эту внушилъ маркизу, повидимому, Леопольдъ Кроненбергъ, видный дѣятель партіи «бѣлыхъ», извѣстный банкиръ и финансистъ. На одномъ изъ засѣданій партіи онъ объявилъ желаніе маркиза, чтобы ему были выданы главари «красныхъ», раскрыта организація ихъ и «центральнаго комитета». Маркизъ требовалъ этого во имя патріотизма и успѣха примирительной миссіи великаго князя, при чемъ ручался, что обнаруженныхъ и лишенныхъ возможности вредить «красныхъ» онъ вовсе не желаетъ губить и лишь на короткое время вышлетъ ихъ въ Россію. Присутствующіе, хотя не безъ споровъ, нашли полезнымъ исполнить желаніе маркиза. Но это было не легко. Большинство знало «красныхъ» и ихъ организацію лишь по смутнымъ слухамъ. Наконецъ, остановились на Карлѣ Маевскомъ, какъ на единственномъ человѣкѣ, хорошо обо всемъ освѣдомленномъ и являвшемся какъ бы посредствующимъ звеномъ между обѣими партіями. Маевскій согласился на предложеніе Кроненберга и вмѣстѣ съ нимъ, подъ видомъ его секретаря, нѣсколько разъ посѣтилъ Брюлевскій дворецъ, резиденцію маркиза. Но при переговорахъ съ Велепольскимъ ставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы обо всемъ, имѣющемъ произойти, составленъ былъ протоколъ въ трехъ экземплярахъ. Одинъ имѣлъ быть отосланъ за границу, на храненіе въ одномъ изъ польскихъ архивовъ, второй хранился бы гдѣ либо въ краѣ, третій выданъ на руки ему, Маевскому: Эта предосторожность, полагалъ Маевскій, гарантировала, что данное маркизомъ слово будетъ сдержано, онъ же, Маевскій, будетъ имѣть оправданіе передъ лицомъ потомства и исторіи. Маркизъ нѣсколько разъ повторялъ торжественныя обѣщанія, что «красныхъ» не погубитъ, но отъ выдачи письменнаго документа наотрѣзъ отказался. Такъ все дѣло и разстроилось.

Какъ ни тайно происходили переговоры, однако «красные» узнали или догадались о нихъ. Одинъ изъ «красныхъ», Хмеленскій, рѣшилъ отвѣтить покушеніемъ на жизнь маркиза. Онъ надѣялся, что такое покушеніе удержитъ великаго князя въ Петербургѣ, вызоветъ военную диктатуру и тѣмъ ускоритъ взрывъ. Въ его болѣзненномъ мозгу роились впрочемъ и другіе, болѣе самолю-

бивые планы. Одновременно съ покушеніемъ онъ думалъ разогнать ненавидимый имъ за медлительность «центральный комитетъ» и самому захватить власть въ руки. О намѣреніи Хмеленскаго произвести покушеніе комитетъ «красныхъ» не зналъ. Хмеленскій былъ слишкомъ трусъ, чтобы самому рѣшиться на роль активную въ покушеніи. Онъ поручилъ найти нужное лицо своему другу Родовичу, молодому портняжному подмастерью. Родовичъ остановился на Людовикѣ Ярошинскомъ, 22 лѣтъ, подмастерьѣ портняжной же мастерской Щецинской. Ярошинскій былъ тихій, скромный, крайне религіозный, почти совершенно необразованный, отъ природы тупоумный, и поэтому легко поддающійся вліянію громкихъ фразъ самоувѣренныхъ фразеровъ. И поэтому Родовичъ легко добился отъ него обѣщанія: «если дѣло въ томъ, чтобы пожертвовать собою для родины, то я готовъ на все». Тѣмъ не менѣе, узнавъ, что желаютъ, чтобы онъ убилъ Велепольскаго, Ярошинскій согласился на это не безъ колебаній. Заговорщики ежедневно встрѣчались въ Саксонскомъ саду, и въ бесѣдахъ, на которыхъ вырабатывался планъ покушенія, прошла недѣля. Узнавъ изъ газетъ, что великій князь ускорилъ свой пріѣздъ, они рѣшили, что теперь покушеніе на Велепольскаго лишено смысла, такъ какъ ихъ цѣль: предотвратить пріѣздъ великаго князя,—не можетъ быть уже достигнута. И они надумали направить ударъ свой прямо въ великаго князя. Второго іюля, въ Саксонской гистиницѣ, № 36, Ярошинскій въ назначенный часъ сошелся съ Родовичемъ у Хмеленскаго. Послѣдній, желая утвердить Ярошинскаго въ рѣшимости, кажется, даже предъявилъ ему подложный приказъ центральнаго комитета. Затѣмъ онъ вынулъ три шестиствольныхъ револьвера и на одномъ, не заряженномъ, сталъ показывать обоимъ, какъ обращаться съ оружіемъ. Кромѣ револьверовъ, далъ имъ и кинжалы. Оба условились въ тотъ же день сойтись на Съѣздѣ (около моста на Прагу). Оттуда они направились на петербургскій вокзалъ, гдѣ, смѣшавшись съ толпою любопытныхъ, около часа ожидали прибытія великаго князя. Поѣздъ прибылъ въ 5½ часовъ. День былъ ясный, но прохладный. Великій князь, подъ руку съ супругой, имѣя за собой блестящую свиту, прошелся нѣсколько разъ по платформѣ, мимо надвигавшейся толпы любопытныхъ, среди которыхъ находились и Ярошинскій съ Родовичемъ. Тутъ же, позади великаго князя, выдѣлялась громадная фигура маркиза Велепольскаго. Ярошинскій и Родовичъ порѣшили было убить обоихъ, причемъ первый долженъ былъ стрѣлять въ великаго князя, второй въ маркиза. Но видъ великой княгини, готовившейся сдѣлаться матерью, довѣрчиво опирающейся на плечо супруга и ясными, добрыми глазами обводящей присутствующихъ, удержалъ руку Ярошинскаго, а вмѣстѣ съ нимъ и Родовича. Такимъ образомъ въ этотъ день покушеніе не состоялось. Ярошинскій и Родовичъ

вернулись къ Хмеленскому и разсказали, отчего не исполнили его порученія. Тотъ, вѣроятно, чтобы не оттолкнуть ихъ вовсе отъ себя, ласково выслушалъ ихъ оправданіе, но добавилъ, что все-таки медлить болѣе нельзя, и что непремѣнно завтра же слѣдуетъ произвести покушеніе. Отобравъ отъ нихъ оружіе, онъ приказалъ явиться за нимъ на слѣдующее утро.

Въ это утро, 3 іюля, послѣ пріема въ большомъ залѣ Лазенковскаго дворца, великій князь поѣхалъ одинъ посѣтить православный соборъ, а затѣмъ католическую каѳедру св. Іоанна. Толпы народа встрѣтили его здѣсь и тамъ, при чемъ въ каѳедрѣ привѣтствовалъ намѣстника рѣчью архіепископъ Фелинскій. «Преисполненные упованія въ будущее,—говорилъ между прочимъ архіепископъ,—поручаемъ попеченіямъ вашего императорскаго высочества то, что имѣемъ наиболѣе дорогого на этой землѣ». И у церкви, и у костела, въ толпѣ народа, были и оба заговорщика. Утромъ Хмеленскій настоялъ, чтобы они не откладывали болѣе покушенія. Но вездѣ, по пути великаго князя, толпа народа была столь плотна, что удобнаго момента для выстрѣла не нашлось. Заговорщики опять разошлись, не рѣшившись ни на что, но условившись встрѣтиться около 5 часовъ въ Саксонскомъ саду.

Ярошинскій по возвращеніи домой спокойно пообѣдалъ, около часа отдыхалъ на кровати, затѣмъ около трехъ часовъ вышелъ на Краковское предмѣстье. Здѣсь онъ встрѣтилъ случайно Родовича и вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ Саксонскій садъ, гдѣ послѣ совѣщанія рѣшили произвести покушеніе около театра, такъ какъ, по свѣдѣніямъ Родовича, великій князь долженъ былъ посѣтить въ этотъ день оперу. Прибывъ къ театру около восьми часовъ, они узнали, что великій князь уже тамъ.

Пришлось дожидать его отъѣзда. Съ этою цѣлью оба вошли въ длинную и темную сѣнь со стороны улицы Вержбовой, условившись, что будутъ стрѣлять съ обѣихъ сторонъ. Коляска великаго князя стояла тутъ же. Пройдя сѣнь, они очутились на дворикѣ театральнаго зданія, не обративъ на себя вниманія. Въ сѣни подъѣзда находилось до тридцати человѣкъ, которыхъ полиція не трогала, такъ какъ ей приказано было крайне вѣжливо обращаться съ публикой. Впрочемъ, полиція скопилась преимущественно со стороны улицы, мало обращая вниманія на сѣнь подъѣзда и театральный дворикъ.

По странной случайности, на сценѣ въ этотъ вечеръ шла опера «Александръ Страделла», на героя которой также должны были произвести покушеніе заговорщики при его выходѣ. Въ этомъ именно мѣстѣ оперы великій князь оставилъ театръ (въ десятомъ часу), окруженный свитой высшихъ офицеровъ (князь Бебутовъ, генералъ Кржижановскій, адъютантъ князь Ухтомскій и мн. др.). Въ то время, когда великій князь садился въ коляску, изъ группы

нѣсколькихъ лицъ выдѣлился Ярошинскій и протянулъ руку' точно желая подать прошеніе. Движеніе это намѣстникъ замѣтилъ и перегнулся изъ коляски, вѣроятно, желая принять прошеніе. Въ это мгновеніе раздался выстрѣлъ. Въ тотъ же моментъ городовой, Петръ Бѣлый, сильнымъ ударомъ по рукѣ вышибъ револьверъ у Ярошинскаго. Къ нему подоспѣли: второй городовой Ѳома Малиновскій, капитанъ Бремсенъ, бывшій адъютантъ генерала Лидера, и наконецъ полицеймейстеръ Ѳедоровъ, которые схватили стрѣлявшаго. Родовичъ, вопреки уговору, не произвелъ выстрѣла, быть можетъ, струсивъ. Пользуясь общимъ смятеніемъ, онъ бросилъ револьверъ за чанъ съ дождевой водою и незамѣтно ускользнулъ.

Великій князь былъ раненъ. Пуля пробила пальто, мундиръ и рубашку, содрала кожу на лѣвомъ плечѣ, легко контузила шею и, запутавшись въ кистяхъ эполета, повисла на шнуркѣ отъ театральнаго лорнета. Великій князь вышелъ изъ коляски, прошелъ въ комнату за императорской ложей, самъ осмотрѣлъ рану, собственноручно написалъ телеграмму императору и уѣхалъ въ Бельведеръ. Рана оказалась очень легкой, но пережитыя треволненія вызвали ночью сильный жаръ.

Покушеніе на великаго князя, видимо, воодушевленнаго лучшими намѣреніями, возмутило, исключая крайніе элементы, всѣхъ. Въ городѣ всѣ заговорили, что слѣдуетъ наконецъ положить предѣлъ террору «красныхъ» и т. п., но, увы, дѣло дальше словъ не пошло. У одного архіепископа Фелинскаго слово вызвало немедленно и дѣло. При вѣсти о покушеніи онъ оцѣпенѣлъ. Онъ очень разсчитывалъ на присутствіе въ Варшавѣ великаго князя, брата императора, полагая не безъ основанія, что при его посредствѣ является возможность притти къ болѣе прочному соглашенію съ правительствомъ. Не теряя минуты, Фелинскій созываетъ на утро, въ семь часовъ, экстренный духовный совѣтъ и заявляетъ собранному духовенству, что желалъ бы отслужить торжественное благодарственное молебствіе по случаю избавленія намѣстника отъ опасности, при чемъ имѣетъ въ виду произнести рѣчь. Въ отвѣтъ на это неожиданно ксендзъ оффиціалъ Ржевусскій грубо замѣтилъ: «Я бы ни мессы не служилъ, ни рѣчи не произносилъ». Фелинскій на мгновеніе смутился. Но поднялся ксендзъ Игнатій Домагацкій, извѣстный церковный ораторъ и проповѣдникъ, и сталъ доказывать съ жаромъ, что не только слѣдуетъ служить молебствіе, но надлежало бы предложить всѣмъ монастырямъ, чтобы они, для вящшей торжественности, выслали на мессу, съ крестами, своихъ представителей. Совѣтовалъ при этомъ, чтобы архіепископъ въ своей рѣчи возможно строже заклеймилъ преступленіе скрытоубійствъ. На этомъ совѣтъ и порѣшилъ, и надлежащія наставленія немедленно разосланы были и свѣтскому и монастырскому духовенству.

Наутро всѣ въ городѣ уже знали, что состояніе здоровья великаго князя удовлетворительно. Около 12 часовъ начался съѣздъ представителей властей и общества къ Бельведеру. Раньше чѣмъ выйти къ собравшимся, великій князь пригласилъ въ кабинетъ маркиза, а послѣ него архіепископа Фелинскаго. Послѣднему онъ съ явнымъ волненіемъ сказалъ: «если кровь, пролитая вчера, поможетъ мнѣ пріобрѣсти довѣріе поляковъ, то считать буду этотъ день однимъ изъ наиболѣе счастливыхъ въ моей жизни». Намекая затѣмъ на пріемъ его въ каѳедрѣ св. Іоанна, добавилъ, что, вѣроятно, немало способствовало его избавленію отъ опасности то благословеніе, которое принялъ онъ изъ пастырскихъ рукъ архіепископа.

Выйдя затѣмъ къ собравшимся, великій князь обратился къ нимъ по-французски съ краткой рѣчью, въ которой заявилъ между прочимъ: «Я глубоко убѣжденъ, что благородный и великодушный народъ польскій отклоняетъ отъ себя всякое соучастіе къ покушеніямъ этого рода; но словъ здѣсь недостаточно, необходимо дѣйствовать. Мой братъ желаетъ вашего счастья, и поэтому прислалъ меня сюда. Разсчитываю на ваше содѣйствіе. Дайте мнѣ возможность работать на вашу пользу и будьте увѣрены, что сдѣлаю все, что только могу». Затѣмъ, обращаясь къ графу Андрею Замойскому, извѣстному патріоту, наиболѣе вліятельному представителю польскаго дворянства, протянулъ ему руку со словами: «Вы согласны со мною, графъ?.. Дайте мнѣ вашу руку», и, одновременно взявъ руку маркиза, добавилъ: «Требую, господа, вашего содѣйствія; поддерживайте меня вашимъ нравственнымъ вліяніемъ, такъ какъ всякое правительство, лишенное поддержки народа, безсильно».

Эта великодушная рѣчь, проникнутая горячимъ желаніемъ успокоенія и блага Польши, къ несчастью, произнесена была въ присутствіи ограниченнаго кружка лицъ и не была въ точности передана газетами къ общему свѣдѣнію, благодаря чему сдѣлалось даже возможнымъ распространять по поводу ея много сплетенъ и передержекъ. Газеты, вслѣдъ за офиціальной, напечатали краткое, неточное и канцелярски сухое резюме рѣчи великаго князя, въ каковомъ видѣ она не могла произвести на публику достойнаго ея впечатлѣнія.

Въ городѣ, между прочимъ, разсказывали, что намѣстникъ приглашалъ графа Замойскаго, какъ извѣстно, не одобряющаго политики Велепольскаго, примириться съ маркизомъ, но въ то время, когда предложилъ имъ подать другъ другу руки, графъ брезгливо уклонился отъ пожатія съ маркизомъ. Этого на самомъ дѣлѣ, вѣроятно, не было, но во всякомъ случаѣ многіе изъ присутствующихъ сильно порицали ту холодную сухость, съ которою отнесся графъ къ словамъ великаго князя.

Послѣ пріема всѣ направились въ каѳедру, гдѣ благодарственное молебствіе служилъ самъ архіепископъ. Фелинскій, послѣ «Те

deum», со ступеней алтаря обратился къ народу съ прочувствованной рѣчью, въ которой вымаливалъ у поляковъ, какъ милостыню, милосердіе для Польши же, молилъ, чтобы народъ и его совѣсть отряхнули отъ себя прочь позоръ преступленія.

Слова архіепископа на великаго князя и на всѣхъ присутствующихъ произвели сильное впечатлѣніе.

И безъ того впрочемъ Варшава и вся страна были глубоко возмущены покушеніемъ. На первыхъ порахъ ожидали даже, что послѣдуетъ поворотъ правительства къ дореформенной системѣ дѣйствій. Но рѣчь, которую произнесъ публично маркизъ 5 іюля, и которую дословно передали газеты, разсѣяла эти опасенія. Маркизъ оповѣстилъ, что на должность губернаторовъ трехъ губерній царства (единственныхъ, которыми управляли не поляки) довѣріе императора призываетъ поляковъ, и что это лишь начало реформы провинціальной администраціи, имѣющей совершиться на «незыблемомъ фундаментѣ единодушія дѣйствій между правительствомъ и страной».

Между тѣмъ, представители общества, по иниціативѣ здравствующаго и понынѣ Людовика Гурскаго, рѣшили отправить къ великому князю депутацію, которая вручила бы адресъ, выражающій негодованіе по поводу покушенія. Составленіе адреса поручено было тому же Гурскому. Но большинству текстъ адреса, составленнаго Гурскимъ, не понравился. Находили, что онъ напрасно ограничивается осужденіемъ покушенія и лишенъ вовсе политическаго характера, что напротивъ слѣдовало бы, пользуясь случаемъ, высказать въ адресѣ свои пожеланія. Послѣ жаркихъ споровъ адресъ былъ все-таки принятъ, и лишь въ концѣ его добавили слѣдующія слова: «nous esperons, que Votre Altesse Imperiale saura trouver les moyens d'alleger les souffrances de cette nation si longtemps malheureuse». (Надѣемся, что ваше императорское высочестпо найдете способъ облегчить страданія этого народа, столь долгое время несчастнаго»).

Рѣшено было, что во главѣ депутаціи съ адресомъ будетъ графъ Андрей Замойскій. Графъ согласился не сразу, поставивъ при этомъ условіе, чтобы обо всемъ предупрежденъ былъ маркизъ Велепольскій.

Послѣдній обѣщалъ представить все дѣло на усмотрѣніе великаго князя. Когда же на слѣдующее утро Гурскій явился за отвѣтомъ,—Велепольскій заявилъ, что великій князь очень ему благодаренъ за иниціативу въ этомъ дѣлѣ, что депутацію приметъ охотно, но при непремѣнномъ условіи, чтобы во главѣ ея былъ самъ Гурскій, и чтобы онъ лишь одинъ говорилъ отъ ея имени. Гурскій возразилъ, что это невозможно, такъ какъ уже условлено съ графомъ Андреемъ Замойскимъ, что онъ предводить будетъ депутаціей; вдобавокъ популярность графа въ странѣ такъ велика, что лишь онъ одинъ можетъ быть представителемъ дворянства. Мар-

кизъ, нахмуренный и видимо сосредоточенный на чемъ-то, вдругъ спросилъ: «По старому знакомству скажите мнѣ откровенно: выдвигая Замойскаго, желаете ли вы создать противъ меня политическую партію?» Тутъ Гурскій понялъ, что если великій князь и требовалъ, чтобы во главѣ депутаціи не стоялъ Замойскій, то лишь вслѣдствіе представленій или даже настояній маркиза.

Возмущенный этимъ выдвиганіемъ на первый планъ личныхъ интересовъ и счетовъ въ дѣлѣ великаго общественнаго значенія,— онъ сухо отвѣтилъ: «Маркизъ! о созиданіи какой либо партіи противъ васъ никто не думаетъ, но господинъ Замойскій пользуется въ странѣ такимъ авторитетомъ, что если онъ не будетъ предводительствовать, то никто не пойдетъ въ Бельведеръ. Если бы я согласился стать во главѣ депутаціи, то, оглянувшись назадъ, никого бы за собою не нашелъ и долженъ былъ бы одинъ итти къ великому князю». Замѣчаніе это показалось маркизу небезосновательнымъ, и, повидимому, примиряясь уже съ мыслью видѣть во главѣ депутаціи графа, онъ сталъ разспрашивать Гурскаго о подробностяхъ, а затѣмъ попросилъ прочесть текстъ адреса.

Услышавъ заключительныя слова «о страданіяхъ народа, столь долго несчастнаго», маркизъ заявилъ, что представленіе такого адреса невозможно, что онъ его не разрѣшитъ. Возникъ споръ, и оба разошлись, оставшись каждый при своемъ мнѣніи.

Но, увы, дѣлу адреса не повезло не только у маркиза. Когда Гурскій отъ маркиза пріѣхалъ къ графу, гдѣ собранные члены депутаціи ожидали результата переговоровъ, то нашелъ графа въ состояніи крайняго раздраженія, при чемъ онъ наотрѣзъ отказывался ѣхать въ Бельведеръ. Такъ и не удалось добиться уступокъ ни отъ маркиза, ни отъ графа, и послѣ двухдневныхъ тщетныхъ въ этомъ направленіи усилій пришлось мысль о депутаціи оставить. Къ счастью, публика ничего обо всемъ этомъ не знала, и неудавшееся дѣло депутаціи огласки не получило.

Варшавскія газеты молчали о покушеніи, ограничиваясь перепечатками изъ офиціальнаго «Dziennika Powszechnego». Но молчали не по своей волѣ. «Gazeta Polska», редактируемая тогда Крашевскимъ и считаемая органомъ партіи «бѣлыхъ», приготовила горячее воззваніе къ народу, въ которомъ осуждались всякія покушенія именно съ точки зрѣнія польскаго патріотизма. Статья могла имѣть большое вліяніе на общество, но Велепольскій не пропустилъ ея. Тѣмъ шире распространялось вліяніе газетъ подпольныхъ и заграничныхъ. Особенно отличился Краковскій «Czas». Осуждая покушеніе, онъ утверждалъ, что это дѣло рукъ либо полиціи, желающей сохраненія настоящаго режима, либо нѣмецкой партіи въ Петербургѣ, не сочувствующей реформамъ и великому князю. Въ дальнѣйшемъ газета заявляла положительно, что покушался на жизнь великаго князя русскій, Иванъ Некрашевъ, сынъ петербургскаго купца.

II.

Дворъ великаго князя въ Варшавѣ.—Хрептовичъ, Вржесневскій и Тенгоборскій.—Отношеніе Велепольскаго къ евреямъ и права, дарованныя имъ.—Отношеніе его къ прессѣ и послѣдствія этого.—Перемѣны въ сферахъ высшей администраціи.—Увольненіе президента Варшавы Войде.—Пріемы въ Брюлевскомъ дворцѣ.—Госпожа Келлеръ и ея роль.—Отвергнутые проекты новаго административнаго отдѣленія царства и реформы суда.—Переговоры съ архіепископомъ и отношеніе великаго князя къ дѣламъ духовнымъ края.

Между тѣмъ августѣйшій намѣстникъ понемногу устроивался въ Варшавѣ, и около него образовался давно здѣсь невиданный польскій придворный штатъ.

Гофмейстеромъ назначенъ былъ графъ Хрептовичъ изъ литовской знати, пользовавшійся особымъ довѣріемъ и благоволеніемъ великаго князя и имѣвшій на него нѣкоторое вліяніе. Хрептовичъ имѣлъ друзей въ кругу высшаго варшавскаго общества; особенно близокъ былъ къ графу Александру Пржездзецкому, извѣстному меценату и историку, а также къ Францу Венглинскому, члену дирекціи «бѣлыхъ». Великій князь узнавалъ отъ него о многомъ, что творилось въ Варшавѣ.

Вторымъ полякомъ, приближеннымъ къ намѣстнику, былъ Альфъ Вржесневскій, комендантъ великокняжеской квартиры, сынъ доктора изъ Опатова. Красивый, изящный, онъ имѣлъ обширныя связи во всѣхъ слояхъ варшавскаго общества, при чемъ среди молодежи охотно прикидывался Валленродомъ, въ сущности же любилъ пользоваться жизнью, быть желаннымъ въ обществѣ—и только. Великій князь также благоволилъ къ нему, и когда проѣзжалъ по улицамъ Варшавы,—за нимъ почти всегда слѣдовалъ въ маленькой изящной коляскѣ Вржесневскій.

Третьимъ приближеннымъ ко двору великаго князя полякомъ былъ Юліанъ Тенгоборскій, начальникъ дипломатической канцеляріи, сынъ извѣстнаго финансиста и русскаго консула въ Данцигѣ, получившій воспитаніе въ Петербургѣ. Это была личность безцвѣтная, не оказывавшая никакого вліянія на теченіе вещей.

Маркизъ Велепольскій старался усилить элементъ польской аристократіи при дворѣ, пытаясь склонить дамъ посѣщать Бельведеръ.

Послѣ покушенія, великій князь, подчиняясь настояніямъ маркиза, сталъ появляться на улицахъ, окруженный конвоемъ. Первый такой выѣздъ онъ совершилъ 28 іюля, при чемъ прежде всего посѣтилъ въ Брюлевскомъ дворцѣ маркиза, потомъ командующаго войсками барона Рамзая, и, наконецъ, архимандрита Іоанникія и архіепископа Фелинскаго.

По совѣту Велепольскаго, намѣстникъ дѣятельно занимался въ то время дѣломъ довершенія эмансипаціи евреевъ. Они получили право принадлежать къ ремесленнымъ такъ называемымъ «цехамъ»

(обществамъ), быть избираемыми на должность ремесленныхъ старшинъ, быть избирателями и избираемыми въ купеческихъ собраніяхъ, судьями коммерческихъ судовъ и совѣтниками польскаго банка; наконецъ, получили право повсемѣстнаго жительства въ царствѣ Польскомъ. Но Велепольскій не остановился и на этомъ. Онъ отмѣнилъ всѣ спеціальные налоги на евреевъ, какъ, напримѣръ, за временное пребываніе въ столицѣ края, за право торговли крѣпкими напитками и прочее; всѣ эти налоги приносили казнѣ милліоны дохода, и снимая это бремя съ евреевъ, приходилось перелагать его на христіанъ, хотя бы путемъ возвышенія налога на спиртные напитки и тому подобное. Понималъ это Велепольскій, но шелъ къ цѣли сознательно. Въ разговорѣ съ раввиномъ Майзельсомъ онъ, между прочимъ, замѣтилъ ему: «отнынѣ евреи не имѣютъ никакого повода вмѣшиваться въ извѣстнаго рода дѣла».

Въ то же время, противъ ожиданій общества, положеніе польской прессы значительно ухудшилось. Предполагали, что съ пріѣздомъ великаго князя польскія газеты получатъ возможность открыто и широко обсуждать общественно-политическія дѣла. Это могло бы имѣть для страны крайне благотворныя послѣдствія, такъ какъ во главѣ журналистики польской стояли опытные и талантливые люди (Крашевскій, Кенигъ, Кучъ), убѣжденные противники революціоннаго движенія. Даже относительная свобода слова сразу отняла бы всю притягательную силу у прессы подпольной, правительству же дала бы возможность точно знать настроеніе и стремленія общества.

Но маркизъ въ этомъ отношеніи оказался крайне близорукимъ, нѣкоторые же утверждали прямо, что онъ боялся, дабы газеты не стали расшатывать его положенія, какъ руководящаго государственнаго мужа.

Когда цензура не разрѣшила «Gazecie Polskiej» статьи, направленной противъ покушеній, это показалось до того непонятнымъ даже людямъ, наиболѣе расположеннымъ къ правительству, что одинъ изъ нихъ, новый директоръ «Комиссіи просвѣщенія», Кржнвицкій, представилъ 18-го іюля проектъ новаго закона о повременной печати. Предлагалось взимать съ издателей ежедневныхъ газетъ залогъ (5.000 рублей въ Варшавѣ и 3.000 рублей въ провинціи), требовать представленія номера съ подписью редактора за четыре часа до выпуска, взамѣнъ чего упразднить цензуру. Проектъ этотъ не былъ одобренъ маркизомъ и поэтому остался даже безъ обсужденія.

По нѣкоторымъ слухамъ, нѣсколько лицъ, искренно приверженныхъ къ правительству, лично просили великаго князя разрѣшить выпускъ газетъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ безъ цензуры, дабы въ теченіе этого времени онѣ могли повліять на оздоровленіе об-

щественнаго мнѣнія. Но маркизъ, къ которому великій князь обратился за совѣтомъ, отвѣтилъ, что «ни подъ какимъ видомъ» на это согласиться нельзя, что онъ «обойдется и безъ этихъ господъ». Вообще, въ отношеніяхъ маркиза къ прессѣ проглядывала почти личная злоба, и онъ не задумываясь подчинилъ ее полному произволу цензуры и полиціи. Газеты, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ заняться ближайшими дѣлами, совершенно замолкли и стали все болѣе и болѣе культивировать на своихъ столбцахъ иностранную политику.

Но и въ передовыхъ статьяхъ изъ области внѣшней политики Велепольскій сумѣлъ находить нежелательныя иллюзіи, вслѣдствіе чего, не задумываясь, совершенно запретилъ помѣщать и передовыя статьи; спустя же нѣсколько дней, пошелъ еще далѣе, приказавъ, чтобы подъ каждой статьей политическаго характера подписываемы были названія трехъ иностранныхъ газетъ: «Times», «Indépendance Belge», «Schlesische Zeitung», хотя бы онѣ и не были источникомъ данной статьи. Такимъ образомъ онъ хотѣлъ убѣдить публику, что варшавскія газеты лишь перепечатываютъ извѣстія изъ иностранныхъ источниковъ.

Свои мѣропріятія противъ прессы маркизъ мотивировалъ въ офиціальномъ своемъ органѣ: «Dziennik Powszechny», сознательно лживо, заставляя къ тому же другія изданія перепечатывать эту ложь, безъ всякихъ на нее возраженій. «Недавно варшавскія газеты,—писалъ «Dziennik Powszechny»,—сознательно и громко требовали разрѣшенія писать о внутреннихъ дѣлахъ». «И вотъ для удовлетворенія этимъ требованіямъ и даже для инициативы (!) въ этомъ направленіи, основанъ былъ «Dziennik Pwszechny», который сталъ печатать статьи о наиболѣе важныхъ вопросахъ, касающихся внутренняго управленія краемъ». Частныя газеты въ началѣ послѣдовали съ радостію этому примѣру, но не надолго, такъ какъ вскорѣ вернулись опять къ щекотливой сферѣ политики иностранной. Тогда надлежащая правительственная власть, видя, что одного примѣра недостаточно, поручила цензурѣ, дабы та, «оставляя всегда свободу при обсужденіи внутреннихъ дѣлъ, запретила, впредь до новаго распоряженія, передовыя статьи и самостоятельныя статьи о политикѣ иностранной».

Эта ложь, которую разоблачить газеты не имѣли возможности, оканчивалась слѣдующими заключительными вдвойнѣ лживыми словами:

«Выведетъ ли это средство газеты изъ заколдованнаго круга, поймутъ ли онѣ, что наиболѣе крупные вопросы заграницы меркнуть передъ лицомъ нуждъ и задачъ родины? — покажетъ будущее. Во всякомъ случаѣ, продолжая хранить воздержаніе въ этомъ направленіи, руководители газетъ не могутъ ссылаться на цензурныя препятствія».

Такъ неблагородно мстилъ маркизъ прессѣ за всѣ тѣ непріятности, которыя, какъ полагалъ онъ, она ему причиняла, за всѣ тѣ отзывы о немъ, которые печатались въ то время, когда онъ не былъ всевластнымъ правителемъ. Крашевскій, который раньше всѣхъ долженъ былъ въ «Gazecie Polskiej» перепечатать статью маркиза, сдѣлалъ еще послѣднюю попытку заговорить объ общественныхъ дѣлахъ искренно и прямо, и приготовилъ статью: «Дзенникъ Повшехны и его отношеніе къ другимъ газетамъ». Когда цензура ея не пропустила, то отъ дальнѣйшей невозможной борьбы всѣ отказались.

Такимъ образомъ, маркизъ совершенно напрасно создалъ себѣ изъ прессы непримиримаго врага, хотя имѣлъ полную возможность искать и найти ея содѣйствіе. Несомнѣнно, исторія сочтетъ это за одну изъ главныхъ его ошибокъ, поведшихъ неотвратимо къ развитію дальнѣйшаго хода событій, такъ какъ власть въ лицѣ маркиза по своей волѣ возстановляла противъ себя все общественное мнѣніе страны.

Помимо этого, въ другихъ направленіяхъ онъ проявлялъ кипучую дѣятельность и недюжинный умъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и умѣніе плодить вездѣ враговъ. Изъ числа 15.000 чиновниковъ, въ большинствѣ не сочувствовавшихъ новому направленію, онъ оставилъ на службѣ не болѣе одного процента; это, быть можетъ, и было полезно для освѣженія административной машины, но создало новые кадры явно недовольныхъ.

Преобразованія эти коснулись и верховъ администраціи. По его иниціативѣ рушилась административно-полицейская власть генералъ-губернатора въ Варшавѣ, такъ какъ эта должность (по словамъ указа 15-го іюля) «сдѣлалась безполезной со времени новаго устройства высшей администраціи въ царствѣ Польскомъ».

Къ вышеуказаннымъ перемѣнамъ общественное мнѣніе отнеслось одобрительно. Наоборотъ, оскорбительные для маркиза слухи вызвали увольненіе президента Варшавы, Казимира Войде, хотя тотъ и считался крайне угодливымъ, а потому популяренъ не былъ. Предлогъ увольненія былъ слѣдующій. Новый городской совѣтъ, въ которомъ засѣдали между прочими: Матіасъ Гозенъ, знаменитый впослѣдствіи докторъ Титъ Халубинскій, Леопольдъ Кроненбергъ,—тщательно занялся обслѣдованіемъ положенія заключенныхъ, сидящихъ подъ арестомъ при городской ратушѣ. Обнаружились дѣла вопіющія. Между прочимъ, оказалось, что съ 1-го января по 20-е іюля заключено здѣсь было, на срокъ отъ 1-го дня до 4-хъ мѣсяцевъ,—14.833 лица, т. е. около $^{1}/_{10}$ тогдашняго населенія Варшавы. Одна женщина съ 4-лѣтнимъ больнымъ ребенкомъ за то, что не имѣла паспорта, заключена была въ одну комнату съ 34 проститутками, хотя комнаты рядомъ были совершенно пусты. Питаніе, гигіеническія условія заключенныхъ были невоз-

можны. Всѣ эти безпорядки довольно рѣзко осуждались въ рапортѣ, скрѣпленномъ, хотя неохотно, подписью президента Войде и представленномъ высшимъ властямъ. Въ виду нѣкоторыхъ замѣчаній и заключеній, городской совѣтъ, быть можетъ, превысилъ въ данномъ случаѣ свою компетенцію, но все дѣло могло бы ограничиться простымъ за это выговоромъ, такъ какъ совѣтъ, учрежденіе молодое, не могъ еще въ должной степени пріобрѣсти надлежащаго опыта и дисциплинироваться. Но Велепольскій, недовольный, что извѣстіе объ этихъ злоупотребленіяхъ, благодаря чьей-то нескромности, проникло за границу, въ краковскій «Czas», къ тому же желая видѣть президентомъ своего сына, Сигизмунда, воспользовался случаемъ и демонстративно уволилъ Войде «для блага службы».

Въ Брюлевскомъ дворцѣ, около маркиза, на первыхъ порахъ, кромѣ сына Сигизмунда, не было никого. Но въ концѣ іюля прибыла изъ Кракова супруга, рожденная Потоцкая, типичная, величественная «grande dame», нѣкогда красавица, и вслѣдъ затѣмъ маркизъ открылъ пріемы для ограниченнаго числа избранныхъ: по понедѣльникамъ вечерніе и по четвергамъ обѣденные. По понедѣльникамъ былъ приглашаемъ міръ чиновный. Вполнѣ завися отъ Велепольскаго, чиновники вели себя до того раболѣпно, что сынъ его Сигизмундъ, уже президентъ Варшавы, неоднократно громко вышучивалъ ихъ. Бывалъ здѣсь и архіепископъ, котораго отличала и занимала бесѣдою маркиза. Женщинъ бывало мало, такъ какъ являться въ черныхъ платьяхъ казалось неудобнымъ, надѣвать же цвѣтныя рѣшались немногія. Маркизъ, большею частью, былъ не въ духѣ и мрачный, изрѣдка бросалъ кому либо нѣсколько словъ, которыя на утро повторялъ весь городъ. Руку онъ подавалъ немногимъ, и случалось, что нарочно вытаскивалъ носовой платокъ, видя чью либо протянутую къ себѣ руку, и такимъ образомъ отклонялъ рукопожатіе.

Маркизъ Велепольскій продолжалъ работать, не покладая рукъ, надъ задачами преобразованія края. Политическимъ его идеаломъ было царство Польское до 1831 года. Въ этомъ отношеніи онъ шелъ такъ далеко, что требовалъ возстановленія прежняго раздѣла царства на 8 губерній (бѣлыхъ воеводствъ). Проектъ этотъ, представленный императору, кажется, не встрѣтилъ сочувствія въ Петербургѣ и не разсматривался вовсе.

Точно такъ же не посчастливилось проекту «главнаго суда», долженствовавшаго возстановить формы суда до 1831 года. Этому же суду предполагалось передать, изъявъ ихъ изъ вѣдѣнія военныхъ судовъ, государственныя преступленія.

Благополучнѣе вершились дѣла духовныя, благодаря такту архіепископа и доброжелательству намѣстника великаго князя. Здѣсь главнымъ камнемъ преткновенія былъ вопросъ о смѣшанныхъ бра-

кахъ, такъ какъ по указу 1836 года дѣти отъ такихъ браковъ могли воспитываться исключительно въ вѣрѣ православной. Духовенство считало требованія указа несогласуемыми съ каноническими уставами католической церкви. Вопросъ объ этомъ разсматривался въ Петербургѣ, во время пребыванія тамъ Велепольскаго, и (какъ онъ по возвращеніи возвѣстилъ публично, 28-го іюня) «поручено было департаменту исповѣданій, дабы тотъ снесся съ министерствомъ юстиціи для разсмотрѣнія закона о бракахъ и возстановленія прежняго порядка вещей».

Но такъ какъ результата всего этого нельзя было ожидать скоро, то великій князь, съ дозволенія императора, своею властью разрѣшалъ въ единичныхъ случаяхъ, чтобы вопросъ о религіи дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ рѣшали сами родители. Ходъ событій и вспыхнувшее возстаніе пріостановило всѣ доброжелательныя намѣренія правительства въ этомъ отношеніи.

III.

Слѣдствіе по дѣлу Ярошинскаго.—Причина его сознанія.—Судъ и приговоръ надъ нимъ.—Исторія перваго покушенія на жизнь маркиза.—Людовикъ Рылль. — Его прошлое.—Онъ является слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ настоящихъ злоумышленниковъ.—Покушеніе и его полная неудача.—Первые дни послѣ покушенія.—Янъ Ржонца.—Второе покушеніе на жизнь маркиза.

Виновникъ покушенія на великаго князя, портняжный подмастерье, Людовикъ Ярошинскій, сидѣлъ въ цитадели подъ слѣдствіемъ, которое подвигалось впередъ крайне медленно. На вопросы Ярошинскій либо отмалчивался, либо давалъ уклончивые отвѣты. Заявилъ, напримѣръ, что «пріобрѣлъ револьверъ отъ неизвѣстнаго за 15 рублей и отъ него же кинжалъ за 3 рубля». На вопросъ, откуда имѣлъ онъ столько денегъ, между тѣмъ какъ извѣстно было, что вѣчно нуждался,—отвѣтилъ рѣзко: «денегъ не воровалъ, но заработалъ». Сознался наконецъ, что имѣлъ сообщниковъ, но не назвалъ ихъ, «такъ какъ никого не желаетъ губить безвинно». Разъ заявилъ, что и въ Лидерса стрѣлялъ онъ, на вопросъ же о подробностяхъ отрѣзалъ грубо: «стрѣлялъ, и все тутъ». Слѣдствіе точно опровергло это заявленіе.

Такъ какъ изъ всѣхъ отвѣтовъ Ярошинскаго явствовало, что онъ считаетъ себя героемъ, которому исторія будущаго воздастъ должное, то чтобы пошатнуть его въ этомъ убѣжденіи, былъ приглашенъ тюремный священникъ. Но опытъ оказался неудаченъ и не измѣнилъ настроенія заключеннаго. Тогда ему доставили заграничныя польскія газеты («Czas», «Dziennik Poznański», «Nadwislanin»), которыя доказывали, что покушеніе дѣло безразсудное и преступное, требующее съ польской точки зрѣнія безусловнаго осужденія.

Статьи эти произвели на него столь сильное впечатлѣніе, до того поколебали увѣренность въ героизмѣ его подвига, что онъ наконецъ заявилъ желаніе открыть всю правду, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ судей, Слунскій, полякъ, обѣщалъ, что взамѣнъ сознанія ему будетъ дарована жизнь, обѣщаніе, которое исполнить не было въ его власти.

Когда показаніе Ярошинскаго было провѣрено, при чемъ оказалось, что его сообщникъ Родовичъ, при помощи его знакомыхъ, скрылся за границу, а Хмеленскій исчезъ безслѣдно,—то командующій войсками въ краѣ, Рамзай, приказомъ отъ 11-го августа, отдалъ преступника во власть военнаго суда, подъ предсѣдательствомъ генерала Мерхелевича, кратковременнаго, въ 1861 году, полицеймейстера варшавскаго. Отчасти подъ вліяніемъ маркиза, великій князь распорядился, чтобы судъ былъ гласный, и при открытыхъ дверяхъ. Это произвело на публику очень благопріятное впечатлѣніе. Разборъ дѣла назначенъ былъ на 14-ое августа, въ 9 часовъ утра, въ бѣломъ залѣ дома (бывшій Паца) на Медовой, занятаго губернскимъ правленіемъ.

Судъ происходилъ на польскомъ языкѣ. Преступникъ доставленъ былъ въ закрытомъ экипажѣ; при проѣздѣ толпа еврейской черни стала кричать вслѣдъ быстро мчавшейся каретѣ: «ура!»

Защитникомъ назначили Ярошинскому Викентія Гробицкаго, добросовѣстнаго и опытнаго юриста, недавно прибывшаго изъ Петербурга, гдѣ онъ заявилъ себя опредѣленнымъ противникомъ революціоннаго движенія. Когда Ярошинскій, тщедушный, смуглый брюнетъ, появился въ залѣ, толпа съ нѣкоторымъ разочарованіемъ и даже недоброжелательствомъ стала разсматривать его. Въ числѣ вещественныхъ доказательствъ былъ и окровавленный мундиръ великаго князя. Ярошинскій отвѣчалъ просто и откровенно, но казался сильно угнетеннымъ. На вопросъ, онъ ли стрѣлялъ въ великаго князя,—отвѣтилъ, что да и сдѣлалъ это «изъ любви къ родинѣ». Спрошенный, не примѣнялись ли къ нему во время слѣдствія принудительныя мѣры,—отвѣтилъ, что «съ чистымъ сердцемъ, какъ истый полякъ, утверждаетъ, что нѣтъ».

Защитникъ указывалъ на то, что изъ дѣла не видно, чтобы великій князь призналъ въ Ярошинскомъ то лицо, которое въ него стрѣляло; что сознаніе Ярошинскаго не совсѣмъ согласно съ данными слѣдствія, что сознался онъ лишь тогда, когда ему обѣщали, что дарують жизнь. Въ заключеніе требовалъ, дабы обѣщаніе это, данное слѣдственной властью, было исполнено. Пренія окончились въ 3 часа пополудни, а въ 6 часовъ вечера Мерхелевичъ огласилъ приговоръ, по которому Ярошинскій присужденъ былъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Приговоръ этотъ, утвержденный великимъ княземъ 19-го августа, спустя двое сутокъ, приведенъ былъ въ исполненіе. Изъ близкихъ Ярошинскому лицъ во время слѣдствія не пострадалъ никто, только содержательница мастерской, въ кото-

рой работалъ виновный, вдова Щицинская, административнымъ порядкомъ выслана была изъ Варшавы.

Слѣдствіе по дѣлу Ярошинскаго обнаружило съ очевидностью, что главная ненависть крайнихъ элементовъ направлена противъ маркиза. Мысль убійства его дѣйствительно не покидала ихъ ни на минуту, тѣмъ болѣе, что неопредѣленные слухи говорили о возможности и попыткахъ сближенія съ маркизомъ партіи «бѣлыхъ». Революціонеры понимали, что случись это на самомъ дѣлѣ, и о возстаніи нечего мечтать. Поэтому слѣдовало это сближеніе предупредить, подрѣзать въ корнѣ, убивъ Велепольскаго.

Мысль эту усиленно поддерживалъ Хмеленскій. Послѣ покушенія на великаго князя, онъ до того поспѣшно оставилъ Саксонскую гостинницу, что не захватилъ своихъ вещей, но Варшавы не покинулъ и скрывался у разныхъ знакомыхъ. Вмѣстѣ съ Ярославомъ Домбровскимъ, онъ занялся устройствомъ давно задуманнаго покушенія на маркиза. Среди юношества найти лицо, жаждущее хотя бы Геростратовой славы, было не трудно. Совершенно случайно выборъ палъ на Людовика Александра Рылля, литографскаго ученика, около 20-ти лѣтъ отъ роду. Тѣмъ не менѣе Рылль имѣлъ уже за собою бурное прошлое. Родился онъ въ имѣніи графа Гутаковскаго и былъ, повидимому, плодомъ связи жены Рылля съ графомъ. Ребенка съ дѣтства воспитывалъ графъ, вскорѣ продавшій имѣнія въ царствѣ и переселившійся въ Познань. Молодой Рылль учился туго и изъ 5-го класса реальной гимназіи былъ отданъ въ ученики къ литографу. Но и здѣсь преуспѣвалъ онъ плохо, и графъ отправилъ юношу въ 1859 году въ Варшаву. Въ Варшавѣ старика Рылля уже не оказалось—онъ пропалъ безъ вѣсти, мать жила въ монастырѣ Сакраментокъ, два брата и сестра—дѣйствительныя дѣти стараго Рылля—прозябали въ нищетѣ. Прибывшій не сошелся съ семействомъ и, избѣгая работы, сталъ засиживаться по пивнымъ, влача жалкую жизнь со дня на день. Съ голоду онъ сталъ работать у кузнеца, но, порѣзавъ себѣ руки и ноги, бросилъ и это. Наконецъ, заболѣлъ и очутился въ больницѣ. Выйдя изъ больницы, онъ бродилъ по городу почти нагой; въ это время его отыскалъ нарочно для этого прибывшій изъ Познани управляющій графа, нѣкій Залѣскій, пріодѣлъ, далъ денегъ и помѣстилъ ученикомъ въ литографію Регульскаго. Но Рылль работалъ и здѣсь неохотно, часто напивался, и хозяинъ вскорѣ отказалъ ему. Затѣмъ работалъ у печника, опять въ литографіи Янишевскаго, весною же 1864 года какимъ-то образомъ попалъ въ одно изъ первыхъ литографскихъ заведеній въ Варшавѣ — Флека (Fleck). Самъ Флекъ за литографированіе разныхъ воззваній и патріотическихъ пѣсенъ еще въ 1861 году сосланъ былъ въ Россію, заведеніемъ же управляла его жена. Отъ Флека перекочевалъ Рылль въ литографію Сигизмунда Вронскаго, на Трембацкой улицѣ. Здѣсь,

какъ потомъ показывали его товарищи, никогда не видали его трезвымъ; вдобавокъ онъ обнаруживалъ наклонность къ вспышкамъ и буйству. Но вѣроятный его отецъ, графъ Гутаковскій, не терялъ его изъ виду и еще разъ пришелъ къ нему съ помощью, начавъ выдавать черезъ третье лицо 12—15 рублей въ мѣсяцъ и платить за квартиру. Но такъ какъ условіемъ этого было хорошее поведеніе, то Рыллъ получалъ деньги недолго. Узнавъ, что онъ попрежнему ведетъ жизнь невозможную, графъ, въ іюнѣ 1862 года, прибылъ самъ въ Варшаву. Но, свидѣвшись съ сыномъ, до того былъ пораженъ его внѣшнимъ и нравственнымъ обликомъ, что, повидимому, порѣшилъ порвать съ нимъ всякую связь; уѣзжая, онъ ничего ему не оставилъ и болѣе о немъ не справлялся. И опять Рыллъ вернулся къ прежнему прозябанію, живя изъ милости у друга своего, сапожника Станишевскаго. Онъ сталъ все чаще жаловаться на судьбу, на людей, неоднократно увѣрялъ, что готовъ на все, что далѣе выносить такой жизни не можетъ.

И этому-то исковерканному, полувмѣняемому существу пришлось быть слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ Хмеленскаго и его сообщниковъ. Натолкнулъ на него Хмеленскаго нѣкій Станиславъ Яницкій, изъ партіи «красныхъ», приказчикъ въ книжномъ магазинѣ Фридлейна. Онъ видѣлъ нѣсколько разъ Рылля въ литографіи Флека, куда являлся со счетами,—и, встрѣтивъ его теперь на улицѣ, пригласилъ въ кондитерскую. Здѣсь Рыллъ началъ обычныя жалобы на судьбу, увѣрялъ, что готовъ поступить въ солдаты или сдѣлать какую либо «глупость», чтобы попасть въ тюрьму. Яницкій, пронизывая его взглядомъ, какъ сознавался потомъ Рыллъ, неопредѣленно заявилъ, что, быть можетъ, вскорѣ судьба ему улыбнется. Затѣмъ пригласилъ въ ближайшее воскресенье, 6-го іюля, въ садъ на такъ называемомъ «Фокзалѣ» (принадлежавшемъ, кстати, шурину маркиза, въ то время уже умершему графу Ѳомѣ Потоцкому). Здѣсь Рыллъ нашелъ «Станислава» (знакомство было такъ поверхностно, что фамиліи его онъ не зналъ) въ обществѣ двоихъ молодыхъ людей, изъ которыхъ одного въ разговорѣ называли Феликсомъ (Каминскій), а второй много старше, около 30 лѣтъ, брюнетъ съ большими усами и суровымъ выраженіемъ лица, такъ и остался для слѣдственныхъ властей и для исторіи неразгаданнымъ. По вѣроятію, это и былъ самъ Хмеленскій. Здѣсь Феликсъ, у котораго во время разговора, какъ показывалъ Рыллъ, «руки нервно дрожали», началъ говорить о политикѣ, заявилъ, что вскорѣ вспыхнетъ вооруженное возстаніе, что организація революціонная охватила уже весь край, что въ Варшавѣ много людей, готовыхъ жертвовать жизнью за отечество. Увѣрялъ, что онъ и его товарищъ устроили всѣ прошлогоднія манифестаціи и тѣмъ подняли духъ въ народѣ. Но главное препятствіе на пути ихъ это Велепольскій, который долженъ быть и будетъ устраненъ. Разговоръ происхо-

дилъ въ ресторанѣ, находящемся въ этомъ же саду. Рылль замѣтилъ поодаль нѣсколько молодыхъ людей, которые въ разговоръ не вмѣшивались, но, повидимому, принадлежали къ единомышленникамъ Феликса и его товарища.

Спустя два дня, Рылль встрѣтилъ на улицѣ одного изъ этихъ молодыхъ людей. Это былъ Янъ Ржонцъ, тоже литографъ, «десятникъ» тайной организаціи. Тотъ также пригласилъ Рылля въ «Фокзаль», откуда вечеромъ повелъ въ домъ, на углу улицъ Слизской и Сѣнной. Здѣсь въ боковомъ флигелѣ, въ квартирѣ изъ одной комнаты и кухни, они нашли Ковальскаго и таинственнаго незнакомца, котораго Ржонцъ представилъ, какъ «защитника родины». И тогда-то впотьмахъ, въ полумракѣ іюльской ночи, они уговорили окончательно Рылля на покушеніе; обѣщали, если не будетъ пойманъ, дать ему всякую помощь и средства на выѣздъ за границу. Въ заключеніе обязали быть готовымъ по первому же призыву. Четыре дня спустя, таинственный неизвѣстный появился въ литографіи Вронскаго, гдѣ Рылль все еще съ перерывами работалъ, и развернулъ передъ нимъ бумагу съ какими-то неясными подписями и двумя печатями, утверждая, что эта бумага разрѣшаетъ дѣйствовать для защиты родины всякими средствами. Эта тактика, почти тождественная съ той, какую употреблялъ Хмеленскій относительно Ярошинскаго, позволяетъ предполагать съ большою достовѣрностью, что незнакомецъ и былъ именно Хмеленскій. Увѣрилъ онъ Рылля, что бѣгство будетъ ему облегчено, что вблизи будетъ его ожидать коляска, и наконецъ убѣждалъ передъ покушеніемъ принять ядъ. Если бѣгство будетъ удачно, говорилъ онъ, то легко излѣчиться отъ яда, въ противномъ случаѣ быстрая смерть лучше смерти на висѣлицѣ. При этомъ щедро угостилъ его виномъ и далъ два рубля. Съ тѣхъ поръ Ковальскій, Яницкій, Ржонцъ и Рылль встрѣчались часто, при чемъ главнымъ образомъ угощались по пивнымъ и ресторанамъ. Однажды, на «Фокзалѣ» Рылль опять встрѣтилъ неизвѣстнаго, и тотъ опять далъ ему рубль, такъ какъ Рылль снова бросилъ работу и былъ безъ гроша.

Ярославъ Домбровскій, одинъ изъ руководителей, первоначально хотѣлъ переодѣть Рылля въ офицерскій мундиръ и, вооруживъ револьверомъ, направить въ Бельведеръ, куда маркизъ ежедневно ѣздилъ и, ожидая пріема у великаго князя, имѣлъ обыкновеніе прогуливаться по Бельведерскому парку. Въ мундирѣ офицера можно было проникнуть въ паркъ. Но Рылль, переодѣтый въ мундиръ, держалъ себя такъ неуклюже, былъ такъ смѣшенъ, что сразу возбудилъ бы подозрѣніе. Поэтому рѣшено было стрѣлять въ маркиза на улицѣ.

Наконецъ, 7 августа, неизвѣстный, встрѣтившись на «Фокзалѣ» съ Рыллемъ, заявилъ, что покушеніе должно быть совершено непремѣнно сегодня, что сегодня же около часу дня маркизъ будетъ

въ «комиссіи финансовъ», зданіе которой находится внутри большого двора и соединено другими дворами со зданіями Польскаго банка, что очень облегчитъ бѣгство. Затѣмъ оба отправились знакомиться съ мѣстомъ покушенія, при чемъ по дорогѣ трижды заходили угощаться водкой и пуншемъ. Указавъ на мѣстѣ, что и какъ дѣлать, незнакомецъ сунулъ сообщнику въ карманъ револьверъ, велѣлъ послѣ покушенія бѣжать по направленію къ воротамъ банка, обѣщалъ, что на улицѣ будетъ ему подана помощь, и, пожелавъ успѣха, разстался. Былъ часъ времени, погода послѣ утренняго дождя была холодная и вѣтреная. Дворъ былъ почти пустъ, изрѣдка сновали въ одиночку или попарно чиновники и сторожа. Чувствуя жажду, Рылль вышелъ на улицу, въ пивную, и затѣмъ вернулся обратно. Онъ долго, слишкомъ часъ, расхаживалъ по двору и уже собирался уходить, полагая, что маркизъ не пріѣдетъ. Но вдругъ вбѣжалъ торопливо во дворъ Ржонцъ и, проходя быстро мимо Рылля, прошепталъ: «маркизъ ѣдетъ». Вслѣдъ за тѣмъ загремѣли по мостовой двора колеса, и въ открытой коляскѣ показалась могучая фигура маркиза.

На козлахъ, рядомъ съ кучеромъ, сидѣлъ курьеръ съ портфелемъ подъ мышкой. Такъ какъ слѣдствіе по дѣлу Ярошинскаго обнаружило, что «красные» имѣютъ въ виду посягнуть на жизнь маркиза, то обыкновенно полиціи сообщался маршрутъ Велепольскаго, и она оберегала его путь. Въ данный день маркизъ долженъ былъ посѣтить «комиссію юстиціи», и у зданія ея, на Долгой улицѣ, уже два часа полиція внимательно слѣдила за прохожими. Между тѣмъ въ послѣднюю минуту онъ измѣнилъ намѣреніе и приказалъ ѣхать въ «комиссію финансовъ». Полиція объ этомъ не знала, но революціонеры знали, и это свидѣтельствуетъ, что они имѣли сообщниковъ среди ближайшихъ къ маркизу лицъ.

Рылль, заслыша въѣзжающую во дворъ коляску, первоначально остановился у одной изъ арокъ перистиля, но, чувствуя себя здѣсь неудобно, вошелъ въ подъѣздъ зданія и остановился у малыхъ стеклянныхъ дверей. Было три четверти третьяго. Въ то время какъ маркизъ медленно поднимался на лѣстницу, Рылль ринулся впередъ и на разстояніи какихъ нибудь двухъ шаговъ направилъ дуло револьвера прямо въ грудь Велепольскаго. Тотъ не растерялся и, поднявъ толстую трость, на которую опирался, громовымъ своимъ голосомъ закричалъ: «что ты здѣсь дѣлаешь, разбойникъ?!» Крикъ, громадная фигура маркиза, поднятая трость, ошеломили Рылля, и онъ, опустивъ оружіе, попятился назадъ. Маркизъ въ крайнемъ возбужденіи сдѣлалъ по направленію къ нему нѣсколько шаговъ и закричалъ: «ловите мошенника!» но видя, что тотъ убѣгаетъ, и увѣренный, что его поймаютъ на дворѣ, и что всякая опасность миновала, опять сталъ подниматься на лѣстницу. Рылль же, не чувствуя надъ собою толстой трости и грознаго преслѣдо-

вателя, остановился и съ нервной поспѣшностью, почти не цѣля, выстрѣлилъ по направленію маркиза разъ, затѣмъ, отступивъ на шагъ, второй разъ. Первая пуля попала въ стоящій въ коридорѣ шкафъ, вторая въ дверь. Послѣ этихъ безцѣльныхъ, свидѣтельствующихъ о его неполной вмѣняемости выстрѣловъ Рылль сталъ, согласно уговору, убѣгать по направленію выхода на Электоральную улицу, но на громкій окрикъ маркиза нѣсколько лицъ бросились за нимъ въ погоню. Рылль, защищаясь револьверомъ, достигъ уже было воротъ, выходящихъ на улицу. Но здѣсь его поймалъ сзади за руки сторожъ и при помощи участвующихъ въ погонѣ солдатъ обезоружилъ и передалъ властямъ, которые отвезли его въ цитадель. Здѣсь появились у него симптомы отравленія, такъ что, кромѣ нѣсколькихъ словъ, въ первый день нельзя было отъ него ничего добиться. Потомъ оказалось, что онъ дѣйствительно отравился, или былъ отравленъ (неизвѣстнымъ, во время угощенія). Спасенный докторами на время отъ смерти, онъ до конца не могъ вполнѣ оправиться.

Арестованы были также впрочемъ на короткое время всѣ товарищи Рылля въ литографіяхъ Регульскаго и Вронскаго и его хозяинъ, ни къ чему не причастный сапожникъ Станишевскій.

Велепольскій, предупреждая преувеличенныя вѣсти, сейчасъ же послалъ женѣ записку: «стрѣляли въ меня, чувствую себя хорошо и продолжаю засѣданіе». Когда онъ вернулся домой, то его посѣтили, поздравляя съ избѣжаніемъ опасности, великій князь намѣстникъ, а также находившійся въ тотъ день въ Варшавѣ, по случаю торжества крещенія сына намѣстника великаго князя Вячеслава Константиновича, великій князь Александръ Александровичъ, впослѣдствіи императоръ Александръ III.

На слѣдующій день въ залахъ Брюлевскаго дворца состоялся обычный пріемъ оффиціальныхъ поздравленій. Обращаясь къ городскому совѣту и чиновникамъ, Велепольскій, сумрачный и высокомѣрный, произнесъ рѣчь, особенно ударяя на то, что днемъ покушенія преступники избрали канунъ крещенія великокняжескаго сына, разсчитывая, повидимому, что это новое преступленіе пріостановитъ объявленіе въ этотъ день новыхъ милостей и льготъ, такъ какъ стремленіемъ анархической партіи является тормозить осуществляемыя въ царствѣ реформы: «Но и здѣсь, заключилъ маркизъ,—сторонники анархіи, въ краѣ и внѣ края, ошибутся въ своихъ расчетахъ». Увы, будущее показало, что ошибся въ расчетахъ именно маркизъ.

Графъ Андрей Замойскій, на котораго обращены были всѣ взоры, и по стопамъ котораго слѣдовало послушно все дворянство, узнавъ о покушеніи, сразу высказалъ глубокое возмущеніе и собрался было въ Брюлевскій дворецъ, но передъ рѣшеткой его остановился, сталъ расхаживать взадъ и впередъ въ борьбѣ съ самимъ собою и наконецъ повернулъ обратно домой.

Яницкій скрылся. Домбровскій былъ арестованъ. Хотя Рылль при очной ставкѣ заявилъ, что «не знаетъ вовсе этого человѣка», тѣмъ не менѣе Домбровскій возбуждалъ слишкомъ много подозрѣній, и его продолжали держать въ десятомъ павильонѣ цитадели. Но и здѣсь, повидимому, огражденный отъ міра, онъ, какъ потомъ окажется, продолжалъ влiять на ходъ событій.

Въ обществѣ между тѣмъ перестали на время заниматься Рыллемъ, такъ какъ общее вниманіе поглощено было манифестаціей празднованія 12 августа люблинской уніи (костелы были переполнены, дамы на этотъ день сбросили трауръ и одѣлись въ національные цвѣта, въ аллеяхъ Уяздовскихъ произошло блестящее «корсо»), затѣмъ процессомъ Ярошинскаго 14 августа и наконецъ на слѣдующій день, 15 августа, новымъ покушеніемъ на жизнь маркиза.

Рѣшился на это покушеніе отчасти извѣстный уже по знакомству съ Рыллемъ, Янъ Ржонцъ, 19-ти лѣтъ отъ роду, довольно усердный работникъ въ литографіи Регульскаго, заработывавшій 6 рублей въ недѣлю и содержавшій вѣчно имъ недовольную старуху мать. Это былъ юноша нервный, впечатлительный, вспыльчиваго и даже буйнаго нрава. Онъ окончилъ школу грамоты и, считая себя довольно развитымъ, вступилъ въ тайную организацію, въ которой послѣднее время занималъ должность «десятника», при чемъ переселился отъ матери на квартиру Станислава Новинскаго и Іосифа Высоцкаго, бывшихъ юнкеровъ, на Краковскомъ предмѣстьѣ.

По дѣлу Рылля онъ одинъ изъ первыхъ очутился въ цитадели, но былъ вскорѣ отпущенъ, такъ какъ Рылль его не выдалъ.

Пребываніе въ цитадели до того потрясло его, что онъ заболѣлъ и два дня пролежалъ въ кровати. Вскорѣ, присутствуя вмѣстѣ съ друзьями на процессѣ Ярошинскаго, онъ былъ вновь сильно потрясенъ всѣмъ происходившимъ передъ нимъ. И вотъ подъ впечатлѣніемъ минуты, когда друзья, расходясь по домамъ, заговорили, что необходимо убить маркиза, заявилъ имъ: «завтра же пойду и убью его».

На утро 15-го августа онъ посѣтилъ мать, взялъ у нея молитвенникъ и направился въ костелъ, гдѣ долго и горячо молился. Затѣмъ пообѣдалъ дома и много пилъ водки. Наконецъ въ 4 часу, въ обществѣ двоихъ прибывшихъ неизвѣстныхъ молодыхъ людей направился въ аллеи Уяздовскія, гдѣ рѣшено было совершить покушеніе.

Тѣ же обязанности застрѣльщика шпіона, которыя при Ярошинскомъ исполнялъ Родовичъ, а при Рыллѣ, вѣроятно, самъ Хмеленскій, здѣсь принялъ на себя нѣкій Сатурнинъ Скржечинскій, приказчикъ изъ мануфактурнаго магазина. Заговорщики знали, что маркизъ имѣлъ обыкновеніе къ вечеру, если погода была хорошая,

гулять въ открытой коляскѣ по Уяздовскимъ аллеямъ, любимому мѣсту праздничнаго гулянья варшавянъ. Эти аллеи въ прямой линіи отъ Краковскаго предмѣстья Новаго Свѣта и площади св. Александра ведутъ къ Ботаническому саду, Лазенкамъ и Бельведеру.

Ржонцъ съ товарищами въ ожиданіи маркиза сѣли на скамейку, напротивъ такъ называемой «Швейцарской долины». На этотъ разъ рѣшено было не употреблять огнестрѣльнаго оружія, которымъ юноши не владѣли, но пустить въ ходъ кинжалъ, котораго остріе пропитано было ядовитой массой. Ожидали долго. Но вотъ около половины восьмого показалась коляска маркиза, и самъ онъ рядомъ съ женой; позади, въ другой коляскѣ поменьше, сидѣлъ съ лакеемъ сынъ его младшій, Іосифъ. Экипажи направлялись въ сторону Лазенокъ. Когда они поравнялись съ скамейкой, гдѣ сидѣли заговорщики, Ржонцъ быстро бросился впередъ, перепрыгнулъ ровъ, отдѣляющій аллею пѣшеходовъ отъ колесной дороги, и впрыгнулъ на ступеньку экипажа. Здѣсь, одной рукой придерживаясь за край коляски, другой—быстро выхватилъ изъ-подъ пальто кинжалъ и направилъ его въ шею маркиза. Тотъ избѣжалъ несомнѣнной смерти, шарахнувшись въ сторону, такъ что кинжалъ ударилъ вскользь по шляпѣ и глубоко надвинулъ ее на глаза. Въ то же время кучеръ Венцисловскій размахнулся и хлестнулъ кнутомъ по лицу Ржонца, который на мгновеніе зашатался, но удержался на ступенькѣ и опять поднялъ кинжалъ для удара. Но маркизъ уже опомнился и, выхвативъ револьверъ, направилъ его дуло въ грудь убійцы. Тотъ, думая уже лишь о собственномъ спасеніи, обратился въ бѣгство, въ сторону города. Тогда сынъ Велепольскаго, Іосифъ, свидѣтель всей этой сцены, спрыгнулъ на землю и вмѣстѣ со своимъ лакеемъ погнался за убѣгающимъ. Къ нимъ присоединился кучеръ Венцисловскій, передавшій вожжи сидящему рядомъ лакею. Всѣ трое кричали громко: «держи! лови!»,—при чемъ молодой графъ давалъ сигналы имѣющимся у него свисткомъ. Ржонцъ между тѣмъ быстро лавировалъ между наполняющей аллеи праздничной публикой, изъ которой никто не пытался его остановить. Попытался было это сдѣлать нѣкій Кутнеръ, кажется, русскій, чиновникъ въ отставкѣ, прогуливавшійся съ женой. Но въ то время, какъ онъ закричалъ: «держи!» — изъ толпы выдвинулся какой-то молодой человѣкъ и прошипѣлъ грозно: «молчи! потому что и съ тобой будетъ то же». Кутнеръ ретировался и рѣшилъ не соваться не въ свое дѣло. Между тѣмъ погоня усилилась двумя городовыми. Добѣжавъ и свернувъ на улицу Пенкную, Ржонцъ бросилъ по дорогѣ кинжалъ. Видя это, проходившій мимо нѣкій Эдвинъ Нефе, курляндецъ, помощникъ механика изъ телеграфа, пересѣкъ ему дорогу и схватилъ его. Тутъ же подоспѣли Іосифъ Велепольскій и его спутники и

схватили обезоруженнаго Ржонца, тяжело дышавшаго, съ блуждающимъ взоромъ. Среди все увеличивающейся толпы любопытныхъ, его повели назадъ, къ экипажу, въ которомъ сидѣлъ маркизъ.

— Это ты думалъ меня убить?—спросилъ маркизъ.—Что тебя къ этому привело?

Теряющій сознаніе Ржонцъ, забывая, кто передъ нимъ, крикливо отвѣтилъ: «господинъ генералъ, я хотѣлъ сдѣлать это съ отчаянья». По дорогѣ въ участокъ, куда отвелъ его сынъ маркиза, на вопросъ, кого онъ хотѣлъ убить, Ржонцъ заявилъ: «Все равно кого: князя, или маркиза Велепольскаго, или наконецъ какого нибудь генерала, лишь бы попасть въ тюрьму и избавиться отъ непріятностей, которыя причиняетъ мнѣ мать».

Въ участкѣ онъ повторилъ болѣе или менѣе то же самое, никого не дѣлая причастнымъ покушенію, напротивъ — пытаясь отнять у него всякій политическій характеръ.

Въ цитадели обнаружились у него симптомы той же болѣзни, что и у Рылля; это, повидимому, доказывало, что и онъ принялъ отраву, или былъ отравленъ. Докторъ заявилъ, что въ виду состоянія здоровья допросъ преступника слѣдуетъ отложить назавтра; тѣмъ временемъ занялись изслѣдованіемъ кинжала. Оказалось, что остріе покрыто было сѣрой массой стрихнина. Такъ какъ стрихнинъ вѣрнѣе и быстрѣе дѣйствуетъ, введенный въ кровь, нежели въ желудокъ, то достаточно было легкой царапины, чтобы вызвать мучительную кончину маркиза.

IV.

Впечатлѣнія и послѣдствія покушеній.—Новый образъ жизни маркиза.—Его приказъ чиновникамъ носить исключительно цилиндры.—Пресса и статьи Крашевскаго въ «Газетѣ Польской» и Конига въ «Газетѣ Варшавской».—Исполненіе смертнаго приговора надъ Ярошинскимъ.—Судъ надъ Рыллемъ и Ржонцемъ.—Смертные приговоры и ихъ исполненіе.

Покушеніе это произвело гораздо болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ первое. Съ ужасомъ умѣренные элементы убѣждались, что революціонная партія ни передъ чѣмъ не думаетъ останавливаться, стремясь прямо къ зіяющей пропасти. Уже въ Уяздовскихъ аллеяхъ здравый смыслъ толпы, свидѣтельницы покушенія, подсказалъ ей, что этимъ путемъ родину спасти нельзя; когда маркизъ возвращался, то вопреки обычной къ нему холодности теперь всѣ демонстративно кланялись ему, поздравляли, даже громкими криками выражали удовольствіе, что онъ избѣжалъ удара убійцы. Великій князь подъ первымъ впечатлѣніемъ въ тотъ же день прислалъ казаковъ, чтобы они охраняли маркиза. Императоръ, на имя великаго князя, телеграфировалъ, совѣтуя соблюдать впредь всѣ

мѣры предосторожности и оканчивая словами: «мысли мои съ вами, да сохранитъ васъ Господь». Великая княгиня Елена Павловна телеграфировала изъ Бадена: «Отъ ужаса идемъ къ ужасу. Да смилуется Господь надъ вашей родиной». Министръ иностранныхъ дѣлъ Горчаковъ проявилъ въ своей телеграммѣ обычную витіеватость. Онъ писалъ: «Господь хранитъ тебя очевидно. Здѣсь, въ Петербургѣ, ты пріобрѣлъ сочувствіе всѣхъ; твоему несокрушимому мужеству отдаютъ полную справедливость. Лично я горжусь тѣмъ, что отгадалъ тебя сразу. Такъ же, какъ и ты, и мы не сойдемъ съ настоящаго пути дѣйствій по отношенію къ Польшѣ».

Съ этого времени въ Брюлевскомъ дворцѣ ввелись многія предосторожности; часовые день и ночь стали оберегать жилище маркиза. На публично выраженное статсъ-секретаремъ Ленскимъ желаніе, дабы маркизъ не выѣзжалъ впредь безъ вооруженной охраны, тотъ изъявилъ свое на то согласіе, добавивъ, что «угрозы черни, которая хочетъ овладѣть столицей, не столкнуть его съ разъ избраннаго пути». Съ тѣхъ поръ онъ появлялся только въ закрытой каретѣ, о которой разсказывали басни, будто она окована стальными листами, окруженный десятью жандармами, по три по бокамъ кареты и по два сзади и спереди ея.

Для маркиза наступили истинно мученическіе дни. Рожденный селяниномъ, привыкшій къ движенію и воздуху, онъ теперь долженъ былъ сидѣть почти взаперти, отказывать себѣ въ прогулкахъ пѣшкомъ за городъ, необходимыхъ при его полной комплекціи.

Ѣлъ онъ всегда много, но при движеніи и частыхъ прогулкахъ за городъ это ему не вредило. Теперь же рѣзкая перемѣна режима стала плохо отзываться на его здоровьѣ. Быть можетъ, въ это-то время и получилъ онъ зачатки той болѣзни, которая, 15 лѣтъ спустя, убила его могучій организмъ.

Между тѣмъ, въ концѣ августа «красные», повидимому, еще разъ хотѣли покуситься на его жизнь. Онъ получилъ письмо, пустое по содержанію, приблизивъ которое по близорукости къ лицу почувствовалъ головокруженіе, что̀ повторилось нѣсколько разъ съ нимъ и его секретаремъ. Анализъ бумаги не открылъ ничего, тѣмъ не менѣе возможно, что письмо пропитано было какимъ-то ядомъ, который выдохся. Случай этотъ сохраненъ былъ въ величайшей тайнѣ, и общество о немъ не узнало.

Все это, угнетая нравственно и физически Велепольскаго, толкало его къ поступкамъ, отъ которыхъ въ обыкновенное время онъ, несомнѣнно, воздержался бы. Три дня спустя послѣ покушенія Ржонца, онъ издалъ пресловутое распоряженіе о шляпахъ, которое и оповѣстилъ къ общему свѣдѣнію на газетныхъ столбцахъ. «Чиновники всѣхъ вѣдомствъ,—гласитъ этотъ единственный въ своемъ родѣ приказъ,—получили отъ своихъ начальниковъ распоряженіе, дабы, въ отличіе отъ партіи анархистовъ, которая въ по-

слѣднее время запретила мужчинамъ употреблять форму шляпъ, обычную въ цивилизованной Европѣ,—носили отнынѣ публично шляпы формы цилиндра, такъ какъ всякая другая форма шляпы считаться будетъ, какъ признакъ ихъ соучастія въ манифестаціяхъ, навязанныхъ Варшавѣ шайкою злодѣевъ».

Даже издавая такое распоряженіе, маркизъ могъ бы не объявлять объ этомъ публично, такъ какъ дѣло касалось лишь подвластныхъ ему чиновниковъ.

Оглашенное оно явилось для желающихъ дешевымъ средствомъ осмѣять Веленольскаго. Въ обществѣ говорили не безъ основанія, что правительство, требующее отъ своихъ органовъ наружныхъ знаковъ благонадежности, тѣмъ самымъ сознается въ своей несостоятельности, въ томъ, что даже на солидарность съ нимъ своихъ органовъ разсчитывать не можетъ.

Подпольная «Straźnica» въ такомъ тонѣ вышучивала этотъ приказъ: «Веленольскій проводитъ даже такія нововведенія, о которыя разбилась вся высокая интеллигенція Крузенштерна. Истинно геніальная голова этотъ Великопольскій, если даже такія перемѣны въ государствѣ проводитъ».

Вообще этотъ неудачный приказъ охладилъ взрывъ искренняго негодованія противъ покушеній на жизнь маркиза. Такъ, напримѣръ, польскіе дворяне Пинскаго гнѣзда рѣшили публично протестовать противъ варшавскихъ покушеній. Но въ то время въ газетахъ появился приказъ о шляпахъ, и подъ его впечатлѣніемъ мысль о составленіи протеста былъ оставлена.

Газеты тѣмъ не менѣе полны были горячихъ статей противъ злоумышленниковъ. На второй день послѣ покушенія Ржонца, Крашевскій въ «Gazecie Polskiej» писалъ: «...тотъ ли это край жертвъ, героизма, великодушныхъ чувствъ? Тотъ ли это край, какимъ оставался нѣсколько столѣтій, или край отчаянія, каковымъ его сдѣлали фабриканты лживыхъ ученій?—Да! мы находимся на пути опасномъ, по которому можемъ скатиться въ бездну......Ни одинъ народъ не возродился посредствомъ такого отчаяннаго единоборства съ единичными личностями».

«Кто бросилъ въ сердца сѣмена отчаянія,—пишетъ Кенигъ въ «Gazecie Warszawskiej»,—кто подготовилъ умы къ хватанію теорій, не на нашей произросшихъ почвѣ, надъ тѣмъ да тяготѣетъ проклятіе, горе и слезы грядущихъ поколѣній....Въ послѣднее время въ странѣ нашей совершено было нѣсколько покушеній. Пожелали ли и смогли ли рѣшавшіеся на нихъ заглянуть за завѣсу ужаснаго будущаго, къ какому вслѣдъ за собою направляютъ всю страну?»

Тѣмъ временемъ наступилъ день казни Ярошинскаго. Нѣкоторые ожидали, что въ послѣднюю минуту преступнику будетъ дарована жизнь. Но этого не случилось. Въ четвергъ, 21 августа, съ ранняго утра толпы народа запрудили равнину около цитадели,

вблизи которой, приблизительно на мѣстѣ нынѣшняго вокзала Надвислянскихъ желѣзныхъ дорогъ, высилась мрачная, въ черный цвѣтъ окрашенная висѣлица. Въ народѣ шли—Богъ вѣсть откуда почерпнутые—разсказы о послѣднихъ дняхъ жизни приговореннаго.

Разсказывали, что онъ все время не терялъ самообладанія, что наканунѣ съ аппетитомъ поужиналъ и пригласилъ откушать съ собою капуцина, отца Гонората, съ которымъ былъ неразлученъ въ теченіе послѣднихъ двухъ сутокъ. Въ поступкѣ своемъ не находилъ ничего преступнаго, когда же священникъ пробовалъ доказывать противное, возразилъ, что, вѣроятно, отецъ Гоноратъ не сочувствуетъ родному дѣлу.

Около 9 часовъ утра, изъ цитадели выступилъ взводъ солдатъ съ барабаннымъ боемъ. За ними ѣхалъ Ярошинскій, въ квадратной телѣгѣ, сидя на скамьѣ рядомъ со священникомъ. Телѣгу конвоировали жандармы. Ярошинскій, чисто и старательно одѣтый и причесанный, дико озирался кругомъ.

Преступника ввели на эшафотъ, закованнаго въ кандалы, которые здѣсь были сняты. Когда набросили на него рубаху и связали назадъ руки, а священникъ сталъ крестомъ его благословлять, Ярошинскій началъ что-то говорить, но барабанный бой заглушилъ его слова.

Трупъ казненнаго, въ бѣлой рубахѣ, изъ-подъ которой торчали его тонція ноги, висѣлъ неубраннымъ до поздней ночи, и народъ толпился вокругъ него все время.

На слѣдующій день офиціальный «Dziennik» оповѣстилъ назавтра, на 23-е августа, судъ надъ Рыллемъ и Ржонцемъ. Судить Рылля, въ виду неудовлетворительнаго состоянія его здоровья, рѣшено было въ самой же цитадели. Когда объ этомъ узнала публика, то среди нея опять стали циркулировать слухи, будто Рылль незаконный сынъ маркиза, который де опасается, чтобы публично на судѣ не заговорили объ этомъ.

Подпольная «Straźnica» увѣряла даже, что Рылль знаетъ о какомъ-то воровствѣ маркиза и т. п. Все это былъ очевидный вздоръ.

Судъ надъ Ржонцемъ, назначенный одновременно, производился въ томъ же залѣ и при той же обстановкѣ, какъ и судъ надъ Ярошинскимъ. Подсудимаго защищалъ извѣстный адвокатъ Іосифъ Карпинскій. Защита поручена была ему за два дня до суда. Карпинскій отправился въ цитадель и увидѣлъ передъ собою недоразвитаго умственно подростка. Онъ упорно затвердилъ, что поступокъ его лишенъ всякаго политическаго характера.

Билеты для входа въ судебный залъ раздавалъ, между прочими, и президентъ Варшавы, графъ Сигизмундъ Велепольскій. Предсѣдательствовалъ, какъ въ процессѣ Ярошинскаго, генералъ Мерхелевичъ. Ржонцъ появился въ залѣ въ кандалахъ, одѣтый въ сильно поношенное платье. Малаго роста, блондинъ, безъ расти-

тельности на лицѣ, онъ производилъ впечатлѣніе подростка, самолюбію котораго удовлетворяла торжественная обстановка суда, присутствіе важныхъ генераловъ и сановниковъ. Оживленные, улыбающіеся его глаза разбѣгались во всѣ стороны, и онъ всѣмъ своимъ поведеніемъ очень смахивалъ на типичнаго варшавскаго «уличника». Онъ попросилъ жандарма принести ему кофе, а тѣмъ временемъ затянулся папироской. Съ апетитомъ отвѣдавъ кофе, опять закурилъ и впалъ въ апатичное раздумье. Залъ былъ переполненъ, публика въ большинствѣ состояла изъ военныхъ. Передъ рѣшеткой, недалеко отъ судей, стояла пожилая бѣдно одѣтая женщина - мать Ржонца—типъ уличной варшавской торговки, каковой она и была на самомъ дѣлѣ. Когда председательствующій спросилъ, сознается ли Ржонцъ въ совершенномъ имъ преступленіи, подсудимый оживился и юношескимъ, неокрѣпшимъ голосомъ, безпокойно ворочая по сторонамъ глазами, отвѣтилъ, что нѣтъ, что убивать Велепольскаго не думалъ, что въ его поступкѣ ничего политическаго не было, что желалъ лишь попасть въ тюрьму, такъ какъ ему жизнь и передряги съ матерью надоѣли. Тогда судъ обратился къ матери, предлагая ей повліять на сына, дабы тотъ сознался и открылъ всѣ подробности покушенія. Мать со слезами на глазахъ обратилась къ сыну, но ея неуклюжая рѣчь не произвела на него никакого впечатлѣнія. Защитникъ пытался доказать, что коль скоро преступленіе не имѣло характера политическаго, то преступникъ не подлежитъ военному суду; если же этотъ отводъ будетъ отвергнутъ, просилъ принять во вниманіе печальныя семейныя и матеріальныя обстоятельства подсудимаго, равно какъ его незрѣлый возрастъ. По окончаніи преній, председательствующій предложилъ матери проститься съ сыномъ. Но въ рыданіяхъ матери не чувствовалось искренности, и сынъ ими нисколько не былъ тронутъ.

Ржонцъ, какъ и Рылль, оба приговорены были къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Приговоръ былъ утвержденъ 24 августа, а на утро, 26-го, назначена была казнь. Ожидали, что Велепольскій исходатайствуетъ дарованіе жизни. Оба подростка были орудіемъ въ рукахъ другихъ, благодаря же ихъ неумѣлымъ пріемамъ, маркизъ остался живъ и невредимъ. Но они все-таки посягали на его жизнь, и поэтому въ душѣ маркиза не нашлось для нихъ состраданія.

Оба были казнены. Ржонцъ у висѣлицы сильно дрожалъ, но такъ какъ день былъ холодный, то неизвѣстно, дрожалъ ли отъ холода, или отъ ужаса. Больного Рылля втащили на эшафотъ почти въ безсознательномъ состояніи. Трупы обоихъ, какъ и Ярошинскаго, висѣли неубранными до поздней ночи.

I. Кучинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Поль Джонсъ въ Россіи.—Служба его въ русскомъ флотѣ и козни его враговъ.—Отношенія къ нему Суворова.

Хотя прошло болѣе ста лѣтъ со времени смерти основателя американскаго флота и одного изъ героевъ американской революціи, Поля Джонса, но еще не появилось ни одной основательной и подробной его біографіи. Для насъ, русскихъ, тѣмъ интереснѣе подобное жизнеописаніе, что онъ служилъ въ Россіи адмираломъ, или же, какъ говорила Екатерина, «черноморской морданикой». Много писали о немъ—въ Америкѣ, Англіи и Франціи—книгъ, статей и очерковъ, но всѣ они большею частію отличались неполнотой, неосновательностью, а иногда фантастичностью и даже просто лживостью сообщаемыхъ свѣдѣній. Вообще, Полю Джонсу не везло въ литературѣ, и онъ являлся, главнымъ образомъ, героемъ романическихъ произведеній въ родѣ «Лоцмана» Купера и «Поля Джонса» Александра Дюма. Что англичане относились къ нему подобнымъ образомъ—неудивительно: они считали его, родившагося шотландцемъ, измѣнникомъ Англіи, пиратомъ, корсаромъ и злѣйшимъ врагомъ «старой родины». Но странно, какъ американцы и французы не посвящали такъ долго серіознаго труда смѣлому герою и патріоту, проливавшему кровь за свою вторую родину.

Наконецъ, недавно появилась на англійскомъ языкѣ, съ двумя портретами, вполнѣ удовлетворительная, подробная біографія Поля Джонса, въ двухъ томахъ, составленная американцемъ Августомъ Бьюллемъ. Авторъ основалъ свой трудъ на всѣхъ, какъ уже извѣстныхъ, такъ и не изданныхъ матеріалахъ. Онъ рылся во всѣхъ американскихъ, французскихъ и англійскихъ правительственныхъ и част-

ныхъ архивахъ, но, главнымъ образомъ, обратилъ вниманіе на собственноручныя записки Поля Джонса—на англійскомъ и французскомъ языкахъ. Онѣ состояли изъ дневника событій 1786 года, представленнаго французскому королю, подробныхъ мемуаровъ за 1787 г., прибавленій къ нимъ за 1790 - 1791 годъ и отдѣльнаго отчета о турецкой кампаніи 1789 года, написаннаго для Екатерины. Всѣ онѣ были старательно составлены Джонсомъ и приведены имъ въ полный порядокъ, также какъ и значительное число писемъ и отрывочныхъ документовъ. Судьба ихъ была печальна: Джонсъ умеръ въ 1792 году, въ Парижѣ, въ самый разгаръ террора, и всѣ, оставшіяся послѣ него, бумаги исчезли, частью, разбросанныя во Франціи, частью—въ Соединенныхъ Штатахъ, а частью—въ Шотландіи. Нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны, но не полностью, въ отрывкахъ и даже въ невѣрномъ, неточномъ видѣ. Многія же части его мемуаровъ оказались впослѣдствіи подложными.

Только въ 1825—1830 гг. его сестра, мистриссъ Тэйлоръ и американецъ Шербурнъ, при содѣйствіи Лафайета и Джефферсона, напечатали эти документы, насколько они сохранились въ подлинникѣ. Затѣмъ, съ теченіемъ времени, авторы большинства книгъ и статей о Джонсѣ перепутали эти подлинные документы съ фальшивыми, изданными въ 1799 году, и, снова, въ исторіи Джонса воцарился хаосъ. Только съ настоящимъ трудомъ Бьюлля водворился окончательный порядокъ, и біографія американскаго героя приняла достовѣрный характеръ, потерявъ свою прежнюю фантастичность и лживость.

Относительно службы Поля Джонса въ Россіи Бьюлль сдѣлалъ всевозможныя справки на мѣстѣ, чрезъ потомковъ его сослуживцевъ, генерала Корсакова и адмирала Гревэ, а также при посредствѣ покойнаго князя Витгенштейна. Изъ русскихъ книгъ авторъ приводитъ только сочиненія Каульбарса о Суворовѣ и Тотлебена о войнѣ 1788 года. Такимъ образомъ въ первый разъ появляется подробное описаніе американскихъ, западно-европейскихъ и русскихъ похожденій этого героя, вполнѣ достовѣрное и основанное, какъ на его собственныхъ бумагахъ, такъ и на свидѣтельствѣ современниковъ. Хотя въ 1895 году и была помѣщена въ іюльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» статья В. А. Тимирязева[2]), въ которой авторъ, насколько было возможно въ то время, сообщилъ данныя о жизни Джонса и его службѣ въ Россіи, но въ этихъ свѣдѣніяхъ не были приведены подлинныя, личныя его воспоминанія. Поэтому мы теперь воспользуемся случаемъ пополнить свѣдѣнія о пребываніи

---

[1]) Paul Jones. Founder of the american navy. By Augustus Buel. 2 vol. New-York. 1901.

[2]) «Одна изъ Екатерининскихъ мордашекъ на Черномъ морѣ», «Историческій Вѣстникъ», іюль 1895 г.

храбраго моряка въ Россіи отрывками изъ его собственныхъ мемуаровъ, а также разсказами его современниковъ.

Въ декабрѣ 1787 года, Джонсъ получилъ чрезъ русскаго посланника въ Парижѣ, Симолина, предложеніе вступить на морскую службу въ Россіи. Онъ былъ тогда въ цвѣтѣ молодости и силъ: ему только что минуло сорокъ одинъ годъ, и онъ уже покрылъ себя славой, какъ основатель американскаго военнаго флота, смѣлый, неустрашимый морякъ и побѣдитель въ многочисленныхъ морскихъ битвахъ съ англичанами. Въ послѣднее время Джонсъ не занималъ никакой должности въ американскомъ флотѣ и проживалъ во Франціи, исполняя разныя порученія американскаго правительства. Такимъ образомъ предложеніе Россіи было для него очень кстати, такъ какъ онъ болѣе всего жаждалъ находиться въ морѣ и бою. Вотъ что онъ писалъ въ своихъ мемуарахъ 1790 г. о первомъ впечатлѣніи, произведенномъ на него неожиданнымъ предложеніемъ.

«Сначала я былъ склоненъ считать этотъ планъ химерой, хотя я зналъ о готовящейся войнѣ Россіи съ Турціей, съ цѣлью уничтоженія турецкаго флота на Черномъ морѣ и превращенія этого, землей окруженнаго, моря въ русское озеро. Но, съ другой стороны, я мало зналъ Россію и русскихъ. Мое знаніе въ этомъ отношеніи ограничивалось только знакомствомъ съ дюжиной русскихъ дипломатовъ во Франціи, Англіи и Голландіи. Мнѣ не было извѣстно ни одного русскаго слова, и я не считалъ возможнымъ вести военныя операціи чрезъ переводчиковъ. Конечно, я зналъ, что всѣ образованные русскіе говорятъ по-французски, но врядъ ли это распространялось на служащихъ во флотѣ, и, къ тому же, всякій морской командиръ долженъ лично объясняться на извѣстномъ подчиненнымъ морякамъ языкѣ. Наконецъ, я имѣлъ такія понятія о формѣ правленія въ Россіи, которыя не согласовались съ моими воззрѣніями на этотъ счетъ. Конечно, эти воззрѣнія были основаны исключительно на чтеніи, а я давно уже убѣдился, что чтеніе не вѣрный источникъ знанія, что для практическаго знанія какого нибудь предмета необходимо быть лично съ нимъ знакомымъ. Такимъ образомъ я считалъ, сначала, этотъ планъ непрактичнымъ и въ этомъ смыслѣ выразился Джефферсону (американскому посланнику въ Парижѣ). Но въ то же время я сознавалъ, что подобное предложеніе открываетъ мнѣ широкій путь къ славѣ, который нельзя легко отвергнуть безъ основательнаго и глубокаго размышленія. Джефферсонъ сказалъ, что онъ не будетъ спорить противъ моихъ доводовъ, но полагаетъ, что мое знаніе французскаго языка, извѣстнаго всѣмъ образованнымъ русскимъ, сначала можетъ мнѣ помочь, а вскорѣ моя способность къ иностраннымъ языкамъ дастъ мнѣ возможность научиться русскому. Однако, повидавъ Симолина, я былъ все же очень заинтригованъ этимъ предложеніемъ и старался

узнать о его происхожденіи. Мнѣ въ этомъ помогла г-жа Тэлисонъ (побочная дочь Людовика XV и любовница Поля Джонса). Согласно собраннымъ свѣдѣніямъ чрезъ придворныхъ сплетниковъ, оказалось, что за годъ предъ симъ я предложилъ королю свои услуги, и въ то же время Екатерина просила у его величества молодого, извѣстнаго своими способностями, моряка, для организаціи ея морскихъ силъ на Черномъ морѣ. Король не считалъ удобнымъ представить императрицѣ француза для морскихъ дѣйствій противъ Турціи, постоянной его союзницы; при томъ же французы, которыхъ онъ могъ рекомендовать, не соглашались на подобное предложеніе. Поэтому король написалъ Сегюру, французскому посланнику въ Россіи, что я лучше французовъ удовлетворилъ бы требованіе императрицы. Узнавъ объ этомъ, Екатерина поручила Симолину войти со мною въ переговоры. Съ своей стороны Симолинъ, прежде чѣмъ вступить въ сношенія со мной, переговорилъ съ Джефферсономъ». Однако, переговоры между Джонсомъ, Симолинымъ и Джефферсономъ не привели ни къ какимъ практическимъ результатамъ. Только въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года баронъ Крюденеръ, русскій посланникъ въ Копенгагенѣ, окончательно заявилъ, посѣтившему тогда Данію, Джонсу, что императрица Екатерина собственноручнымъ письмомъ предлагаетъ ему начальство надъ ея морскими силами въ Черномъ морѣ, подъ высшей командой князя Потемкина. Полученное, непосредственно отъ императрицы, предложеніе разсѣяло всѣ сомнѣнія Джонса, и онъ уполномочилъ барона Крюденера сообщить ея величеству, что согласенъ принять чинъ русскаго контръ-адмирала. Въ инструкціи императрицы Крюденеру она упоминала о чинѣ генералъ-майора, который по словамъ Джонса былъ для моряка не понятенъ, и потому онъ предпочиталъ чинъ контръ-адмирала. Баронъ Крюденеръ, отъ имени императрицы, на это согласился, и такимъ образомъ рѣшенъ былъ вопросъ о вступленіи Джонса на русскую морскую службу.

Однако, чтобы окончательно уладить это дѣло, потребовалось нѣсколько мѣсяцевъ офиціальной переписки между самимъ Джонсомъ, императрицей Екатериной, графомъ Сегюромъ, Симолинымъ, Томасомъ Джефферсономъ, барономъ Крюденеромъ, графомъ Безбородкой, русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, княземъ Потемкинымъ, графомъ Бернсторфомъ, первымъ министромъ Даніи, и графомъ Разумовскимъ, русскимъ посланникомъ въ Стокгольмѣ. Всѣ эти многочисленныя письма, въ существѣ, были очень лестны для американца, и, въ концѣ концевъ, Джонсъ сдѣлался русскимъ контръ - адмираломъ. 11 апрѣля онъ отправился изъ Копенгагена въ Стокгольмъ, но оттуда не могъ переѣхать въ Ревель на пакетботѣ, такъ какъ на Балтійскомъ морѣ было много льда, и въ виду этого пакетботъ не рѣшался отплыть; тогда онъ нанялъ маленькое частное судно и отважно пустился въ путь. Это смѣлое

путешествіе, длившееся трое сутокъ, часто описывалось съ разнообразными подробностями. Но самъ Джонсъ въ своихъ мемуарахъ 1790 года говоритъ, что только сначала онъ долженъ былъ съ пистолетомъ въ рукахъ заставить матросовъ врѣзаться въ ледъ, впослѣдствіи же они вели себя очень похвально, и онъ благополучно достигъ Ревеля. Тамъ онъ отдохнулъ и добрался сухимъ путемъ 23 апрѣля до русской столицы.

Черезъ два дня онъ былъ принятъ императрицей въ Царскомъ Селѣ. «Ея величество, говоритъ онъ, обошлась со мною самымъ лестнымъ образомъ и до моего отъѣзда на югъ выказывала мнѣ такое вниманіе, что я былъ совершенно плѣненъ ею и отдался вполнѣ въ ея руки, не сдѣлавъ никакихъ условій. Я просилъ у нея только одной милости, чтобы она никогда не осуждала меня, не выслушавъ моей защиты». Дѣйствительно, вскорѣ Джонсъ испыталъ значительныя непріятности отъ своихъ новыхъ сослуживцевъ. Около 20 англичанъ уже служило въ русскомъ флотѣ, и болѣе десятку другихъ были обѣщаны мѣста. Какъ только они узнали о назначеніи Джонса въ русскіе контръ-адмиралы, то явились къ своему начальнику, также англичанину, контръ-адмиралу Грейгу, и заявили, что они не станутъ служить вмѣстѣ съ измѣнникомъ ихъ отечеству. Грейгъ, самъ родомъ шотландецъ, не раздѣлялъ предразсудка англичанъ противъ Джонса и, во всякомъ случаѣ, изъ дипломатическихъ видовъ, не питалъ къ нему вражды, тѣмъ болѣе, что послѣдній получилъ мѣсто въ Черноморскомъ флотѣ, и слѣдовательно не имѣлъ прямого отношенія къ нему. Англичанинъ былъ очень не доволенъ поведеніемъ своихъ офицеровъ и посовѣтовалъ имъ оставить это дѣло, такъ какъ императрица, узнавъ объ ихъ выходкѣ, разсердилась бы и подвергла ихъ изгнанію изъ своихъ владѣній. Всѣ такъ и поступили, исключая двухъ, которые жаловались графу Безбородкѣ, доведшему дѣло до императрицы. Она очень разгнѣвалась и, по увѣренію Джонса, воскликнула: «Какъ, эти люди, эти нищіе, выпрашивающіе у меня милости, смѣютъ оспаривать мое право обращаться, какъ я хочу, съ приглашеннымъ мною гостемъ?» Подавшіе жалобу министру были отставлены отъ службы, хотя они находились въ чинѣ капитановъ; остальные же англичане, по совѣту Грейга, остались на своихъ мѣстахъ. Одинъ изъ нихъ, лейтенантъ Эдвардсъ, былъ назначенъ въ Черноморскій флотъ, адъютантомъ и переводчикомъ, къ адмиралу Джонсу, такъ какъ зналъ русскій языкъ.

Впослѣдствіи Джонсъ былъ очень доволенъ храбростью и морскими способностями этого молодого офицера; что же касается его поведенія въ самомъ началѣ относительно Джонса, то послѣдній замѣчаетъ: «Лейтенантъ Эдвардсъ былъ побужденъ участвовать въ заговорѣ противъ меня не по своему влеченію, а подъ вліяніемъ другихъ англичанъ». О самомъ же заговорѣ Джонсъ писалъ

Лафайету: «По моемъ вступленіи въ русскую службу, ея величество удостоила меня чиномъ контръ-адмирала, считая съ того времени, когда начались переговоры съ посланникомъ во Франціи, Симолинымъ. Это причинило большое неудовольствіе англичанамъ, но признаюсь, что ихъ гнѣвъ, извѣстный всѣмъ въ Петербургѣ, меня нисколько ни оскорбилъ».

7-го мая, ровно двѣ недѣли послѣ прибытія въ столицу, Джонсъ отправился въ Херсонъ, главную квартиру русской арміи, дѣйствовавшей противъ турокъ, подъ начальствомъ князя Потемкина. На прощаніе Екатерина дала ему двѣ тысячи дукатовъ на расходы и открытое собственноручное письмо, въ которомъ она выражала увѣренность, что онъ поддержитъ ея высокое мнѣніе о немъ и оправдаетъ ту славу, которую онъ составилъ себѣ необыкновенными морскими способностями, а также доблестью на той стихіи, на которой онъ призванъ служить. Джонсъ ѣхалъ днемъ и ночью, и чрезъ двѣнадцать дней онъ достигъ цѣли своего путешествія, останавливаясь только на нѣсколько часовъ въ Москвѣ, Тулѣ, Курскѣ и Екатеринославѣ.

Принятый Потемкинымъ очень милостиво, онъ былъ назначенъ командующимъ той частью Черноморскаго флота, которая извѣстна была подъ названіемъ «Херсонской эскадры». Она состояла изъ семнадцати судовъ; экипажъ ихъ состоялъ изъ двухсотъ моряковъ, а остальные были греческіе, генуэзскіе и крымскіе рыбаки. Сами суда были, хотя и новыя, но плохо оснащенныя. Офицеры, кромѣ нѣсколькихъ иностранцевъ, не имѣли никакого морского знанія или практики. Эти иностранцы были три француза.—Гревэ, Варажъ и Вербуа; три голландца — Тенъ-Брокъ, Ванъ-Рипенъ и Винтеръ, а также одинъ англичанинъ, — Фенно, не считая адъютанта Джонса, Эдвардса. Вскорѣ послѣ пріѣзда Джонса пришли съ моря два сорока-пушечныхъ корабля, но ихъ начальники, контръ-адмиралъ Мордвиновъ и капитанъ греческаго происхожденія Алексіано, не хотѣли признавать власти новаго адмирала. Однако, Потемкинъ живо водворилъ порядокъ, и 26 мая Джонсъ поднялъ свой флагъ на «Владимирѣ». Кромѣ состоящихъ подъ командой Джонса девятнадцати судовъ, была еще флотилія изъ шестидесяти гребныхъ судовъ. Къ величайшему удивленію адмирала, эта флотилія была совершенно независима отъ него и состояла подъ начальствомъ принца Нассау-Зигена, находившагося подъ личнымъ начальствомъ Потемкина. Однако, послѣдній устранилъ, могущія произойти отъ этого обстоятельства, затрудненія, приказавъ принцу отряжать, по требованію адмирала, скольку ему потребуется гребныхъ судовъ.

Джонсъ нашелъ, что ввѣренный ему флотъ былъ въ большомъ безпорядкѣ, и тотчасъ принялъ мѣры къ его оснащенію, вооруженію, очисткѣ, окраскѣ и т. д. Экипажъ комплектовалъ онъ тремя

тысячами солдатъ изъ корпуса Суворова, которыхъ распредѣлилъ на суда своей эскадры и на гребныя суда. Такимъ образомъ его эскадра получила приличный видъ, и 31-го мая онъ созвалъ на своемъ флагманскомъ кораблѣ «Владиміръ» военный совѣтъ, «согласно постановленію Петра Великаго». При этомъ онъ произнесъ слѣдующую краткую рѣчь:

«Господа, неожиданно призванный на службу ея величества, я вдвойнѣ нуждаюсь въ снисхожденіи, не зная вашего языка и обычаевъ. Я сознаюсь, что сомнѣваюсь въ своихъ способностяхъ, какъ слѣдуетъ, исполнить обязанности, возложенныя на меня высокимъ довѣріемъ ея величества. Но я разсчитываю на мое усердіе и ваше милостивое содѣйствіе, а также на ваши благосклонные совѣты на пользу службы. Мы сошлись, господа, по серьезному дѣлу. Мы должны разрѣшить вопросы, отъ которыхъ зависитъ честь русскаго флага и интересы страны ея величества. Намъ предстоитъ имѣть дѣло съ могущественнымъ врагомъ... Мы должны порѣшить, что выйдемъ изъ борьбы побѣдителями. Соединимъ всѣ наши руки и сердца воедино. Будемъ выказывать только благородныя чувства и отбросимъ отъ насъ всѣ личныя соображенія. Почести могутъ быть пріобрѣтены каждымъ, но истинная слава солдата или матроса состоитъ въ пользѣ, приносимой отечеству».

Вслѣдъ за этимъ адмиралъ объяснилъ французскую систему сигналовъ, и распространился о французской же системѣ морской тактики. «Вліяніе этого совѣта было очень удовлетворительно,—пишетъ Джонсъ въ своемъ отчетѣ Екатеринѣ о морской кампаніи 1788 г.:—для русскихъ офицеровъ было очень интересно услышать изложеніе морской тактики по французской системѣ, такъ какъ рѣдкіе изъ нихъ имѣли объ этомъ какія либо свѣдѣнія, за исключеніемъ Алексіано (который вскорѣ умеръ) и Нассау-Зигена; я не имѣлъ основанія впослѣдствіи жаловаться на кого либо изъ офицеровъ эскадры или флотиліи».

Нѣсколько дней послѣ прибытія Джонса въ главную русскую квартиру и принятія команды надъ флотомъ, онъ имѣлъ свиданіе съ Суворовымъ. Это было нѣчто въ родѣ военнаго совѣта, такъ какъ Суворовъ, въ сущности, командовалъ русской арміей, которая была, только ради почести, подчинена Потемкину. Въ самомъ началѣ ихъ совѣщанія адмиралъ выразилъ свое удивленіе, что не было принято никакихъ мѣръ для укрѣпленія западнаго конца Кинбурнской косы. Суворовъ на это отвѣчалъ, что высшее распоряженіе зависитъ отъ Потемкина, а онъ только исполнялъ его приказанія, и больше нечего. Джонсъ повторилъ, что предлагаемая имъ мѣра необходима для удачнаго дѣйствія противъ турокъ, а Суворовъ замѣтилъ, что ему все это было хорошо извѣстно, но князь-фельдмаршалъ не любилъ непрошенныхъ совѣтовъ. Тогда адмиралъ замѣтилъ, что князь-фельдмаршалъ, конечно, слишкомъ великій

воинъ, чтобы не понять пользы предлагаемаго имъ шага. «Однако, любезный адмиралъ,—воскликнулъ Суворовъ,—вы великій открыватель, открывъ въ Потемкинѣ великаго воина». Они посмотрѣли пристально другъ на друга и знаменательно улыбнулись. Разговоръ этотъ, конечно, происходилъ по-французски, и кончилось тѣмъ, что Суворовъ взялся на другой день, на разсвѣтѣ, начать постройку форта. Со своей стороны Джонсъ долженъ былъ увѣрить Потемкина, что это дѣлалось по его распоряженію. На слѣдующее утро адмиралъ написалъ соотвѣтствующее письмо Потемкину, котораго не трудно было обойти. Онъ, дѣйствительно, написалъ приказъ Суворову о постройкѣ форта, уже почти готоваго къ этому времени.

Съ этихъ поръ Джонсъ и Суворовъ поняли другъ друга и стали искренними друзьями. Великій воинъ сдѣлался единственнымъ сторонникомъ и преданнымъ защитникомъ въ Россіи морского героя. Напротивъ, принцъ Нассау-Зигенъ, ловкій искатель приключеній, но совсѣмъ неспособный воинъ, дипломатъ и государственный человѣкъ, хотя, сначала, повидимому, былъ пріятелемъ Джонса, но вскорѣ сталъ его соперникомъ и врагомъ. По словамъ біографа американскаго морского героя, «Зигенъ былъ, по всей справедливости, не только неспособный человѣкъ, но не придерживающійся правды, измѣнчивый, безчестный и даже трусливый; однимъ словомъ, его можно назвать низкимъ шарлатаномъ и подлымъ царедворцемъ, готовымъ на всякія гадости для своихъ интересовъ. Врядъ ли въ исторіи найдется человѣкъ хуже его. Благодаря своему низкопоклонству, онъ пользовался милостью Потемкина, котораго вскорѣ настроилъ противъ Джонса». Такимъ образомъ, кромѣ Суворова, всѣ были враждебны къ нему, но и отъ Суворова ему было мало пользы, такъ какъ старый воинъ держался хитрой осторожности и всегда говорилъ ему: «Mon chèr Jons, mon camarade, voici donc mon exemple; faites obeissance et taisez-vous toujours et partout».

При такихъ обстоятельствахъ начались 1-го іюня 1788 года морскія дѣйствія противъ Очакова, съ цѣлью помочь сухопутной арміи. Съ самаго начала Суворовъ письменно совѣтовалъ Джонсу дѣйствовать въ морѣ, имѣя Кинбурнъ главнымъ пунктомъ своихъ операцій. Но адмиралъ полагалъ, что долженъ опираться на Херсонъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщалъ Суворову, что не можетъ дѣйствовать самостоятельно, а потому не въ силахъ предпринять того шага, который считалъ необходимымъ. Суворовъ не отвѣчалъ ему на это письменно, а лично посѣтилъ его на флагманскомъ кораблѣ. На словахъ онъ ему сказалъ, что такъ дѣйствовать, какъ онъ хотѣлъ, было разумно и возможно въ Западной Европѣ, но въ Россіи это невозможно. Потемкинъ не хочетъ, по его словамъ, брать на себя какую нибудь отвѣтственность и желаетъ, чтобы

другіе дѣйствовали на свой страхъ. «При этомъ,—прибавилъ Суворовъ,—онъ хочетъ угодить Нассау-Зигену и васъ не любитъ, напротивъ, Нассаускаго онъ любитъ, но не довѣряетъ ему. Этого довольно — горю не поможешь». Джонсъ въ своихъ мемуарахъ 1790 г. говоритъ по случаю этого посѣщенія Суворова: «Хитрый старикъ былъ единственный другъ, котораго я имѣлъ среди русскихъ. Онъ нарочно проѣхалъ въ лодкѣ тридцать миль, чтобы переговорить со мною два слова. Онъ былъ слишкомъ хитеръ, чтобы довѣрить бумагѣ или на словахъ курьеру то, что хотѣлъ мнѣ сказать. Сообщенныя мнѣ свѣдѣнія были не только печальны, но привели меня въ отчаяніе. Однако, дружба Суворова была такого рода, что говорила правду, и такую правду, которая никогда не обманываетъ и не льститъ. Онъ былъ такъ же правдивъ, какъ и храбръ».

То, что узналъ Джонсъ отъ Суворова, причинило ему такое разочарованіе, что онъ едва не уѣхалъ въ Петербургъ, намѣреваясь доложить обо всемъ императрицѣ. Ему даже вошла въ голову мысль бросить все и уѣхать во Францію. Съ горечью онъ прибавляетъ въ своихъ мемуарахъ: «И гораздо было бы лучше, если бы я это сдѣлалъ. Но, обдумавъ дѣло, я сказалъ себѣ, что не могу оставить своего поста, въ началѣ кампаніи, какъ онъ ни труденъ. Такъ я и объяснилъ Суворову. Онъ отвѣчалъ, что на войнѣ рискуешь не только раной и жизнью, но несправедливость можетъ быть хуже пули или меча».

Какъ бы то ни было, Джонсъ началъ морскія дѣйствія, не имѣя права дѣйствовать самостоятельно и только получивъ отъ Потемкина разрѣшеніе требовать, когда нужно, гребныя суда отъ Нассау-Зигена. 7-го іюня турецкій капитанъ-паша попытался прорвать своими кораблями блокаду Очакова и вступилъ въ жаркую стычку съ русскими гребными судами. Девять турецкихъ галеръ и канонерокъ были уничтожены, а со стороны русскихъ только два маленькія судна сѣли на мель и были сожжены самими русскими. Хотя это дѣло было не значительное, но все же окончилось въ пользу русскихъ, и капитанъ-паша, прежде возобновленія морскихъ дѣйствій, нашелъ болѣе осторожнымъ дождаться остальныхъ своихъ силъ, шедшихъ къ нему на помощь изъ Варны и Босфора. Такимъ образомъ только 16-го іюня весь турецкій флотъ двинулся въ Лиманъ и обстрѣливалъ фортъ и батареи на Кинбурнской косѣ, но не двинулся достаточно далеко, чтобы эскадра адмирала Джонса со своими большими кораблями могла вступить въ бой. Это обстоятельство произошло, благодаря тому, что турецкій флагманскій корабль, пройдя косу, набѣжалъ на подводный камень, и весь флотъ остановился вокругъ него на ночь, проведенную въ тщетныхъ усиліяхъ сняться съ камня.

17-го іюня, на разсвѣтѣ, Джонсъ направился со всей своей эскадрой на турецкій флотъ. Сначала турки храбро поддерживали бой, и русское тридцати-одно-пушечное судно пошло ко дну. Но флагманскій корабль «Владиміръ» аттаковалъ второе въ турецкомъ флотѣ судно, и турецкій адмиралъ послѣ двухъ или трехъ пушечныхъ залповъ, на разстояніи пистолетнаго выстрѣла, нарочно обрубилъ якорь и сѣлъ на мель. Между тѣмъ пять фрегатовъ, составлявшихъ передовую линію русской эскадры, подъ начальствомъ капитана Фэншо, пробили себѣ дорогу мимо Кинбурнской косы и угрожали туркамъ отрѣзать отступленіе. Тогда турецкій флотъ совершенно разсѣялся: суда мелкаго размѣра старались искать себѣ убѣжище подъ стѣнами Очакова, а болѣе крупныя —пытались уйти въ море. Нѣкоторымъ изъ первыхъ удалось ихъ намѣреніе, но девять послѣднихъ попали на мель, противъ Кинбурнской косы. Сраженіе 17-го іюня—извѣстное подъ названіемъ Лиманскаго—окончилось къ 10-ти часамъ ночи.

Рано утромъ, 18-го іюня, Джонсъ, не имѣя возможности со своими большими судами подойти къ сѣвшимъ на мель турецкимъ кораблямъ, перенесъ свой флагъ на одно изъ гребныхъ судовъ, находившихся подъ его командой, и приказалъ капитану Корсакову съ нѣсколькими изъ нихъ овладѣть непріятельскими судами. Видя приближающіяся гребныя суда, турки немедленно спустили флагъ. Такимъ образомъ Корсаковъ взялъ въ плѣнъ тридцати-пушечный фрегатъ и шестнадцати-пушечный корветъ. Между тѣмъ Нассау-Зигенъ, наканунѣ стоявшій все время вдали отъ пушечныхъ выстрѣловъ, подошелъ и началъ стрѣлять, поджигая большія турецкія суда, сидѣвшія на мели, а также турецкія канонерки, не успѣвшія скрыться подъ защиту Очакова. Тщетно Джонсъ возражалъ, увѣряя, что всѣ эти суда могутъ быть спасены для русскаго флота, если снять ихъ съ мели, благодаря облегченію судовъ и поднявшемуся сильному южному вѣтру. Зигенъ не обращалъ никакого вниманія на его слова и,—какъ бы въ доказательство своей самостоятельности,—взялъ одно изъ судовъ, уже захваченное Корсаковымъ и снятое имъ съ мели, и въ ту же минуту сжегъ его.

Впослѣдствіи Нассау-Зигенъ увѣрялъ, что онъ дѣйствовалъ согласно конфиденціальнымъ приказаніямъ Потемкина, который велѣлъ уничтожить турецкій флотъ, такъ какъ онъ, по словамъ Зигена, «не хотѣлъ, чтобы русскіе матросы взяли себѣ въ голову идею о призовыхъ деньгахъ, какъ французы, англичане и голландцы». Конечно, Потемкинъ могъ дать подобное приказаніе Нассау, но онъ ничего подобнаго не говорилъ Джонсу, и Суворовъ, узнавъ объ этомъ обстоятельствѣ, сказалъ, что не вѣдаетъ о такихъ приказаніяхъ, и былъ взбѣшенъ ненужнымъ и безполезнымъ уничтоженіемъ судовъ, которыя могли пригодиться на службу русскимъ. Турки потеряли девять большихъ судовъ, болѣе двадцати

канонерокъ и, по словамъ Джонса, три тысячи матросовъ. Потеря же русскихъ ограничилась однимъ фрегатомъ, шестью гребными судами и семьюстами офицерами и солдатами,—убитыми и ранеными. Неизвѣстно, сколько понесла урону флотилія подъ командою Нассау-Зигена, но Джонсъ увѣряетъ, что онъ былъ очень незначительный. По его словамъ, поддержаннымъ адмираломъ Грезэ и впослѣдствіи Тотлебеномъ, если бы эта флотилія не занималась сожженіемъ турецкихъ судовъ, а оказала эскадрѣ быстрое содѣйствіе, то ни одинъ турецкій корабль не избѣгъ бы плѣна. При настоящихъ же обстоятельствахъ турецкій флотъ ушелъ въ Варну, хотя и съ тяжелымъ урономъ, но все-таки ушелъ.

19-го іюня. Джонсъ объявилъ Суворову, что онъ можетъ безопасно перейти Бугъ съ своей арміей. Дѣйствительно, великій воинъ такъ и сдѣлалъ, приступивъ къ осадѣ Очакова. Въ то же время Джонсъ предложилъ Потемкину, чтобы севастопольскій флотъ присоединился къ Лиманской эскадрѣ и, пользуясь удаленіемъ турецкаго флота, аттаковалъ его въ открытомъ морѣ. Онъ даже предлагалъ наступательное движеніе на Варну, а затѣмъ—демонстрацію на Босфоръ. Потемкинъ, посѣтившій адмирала на «Владимирѣ» и обѣдавшій у него, былъ очень доволенъ этимъ проектомъ. Но, послѣ обѣда, въ конфиденціальномъ разговорѣ, заявилъ, что будетъ невозможно разрѣшить вопросъ о подчиненности между Джонсомъ и Мордвиновымъ, который былъ гораздо старше его, въ качествѣ контръ-адмирала и командовалъ всѣмъ черноморскимъ флотомъ, а слѣдовательно имѣлъ право распоряжаться и Лиманской эскадрой. На это Джонсъ возражалъ, что если Потемкинъ самъ лично поднялъ бы флагъ, какъ главнокомандующій на «Владимирѣ», то вопросъ о первенствѣ Мордвинова не имѣлъ бы основанія.

Этотъ проектъ очень понравился Потемкину, и онъ послалъ генерала Попова съ приказаніемъ, чтобы черноморская эскадра тотчасъ двинулась къ Лиману. Его приказаніе было исполнено, и контръ-адмиралъ Войновичъ, собственно командовавшій эскадрой подъ высшимъ начальствомъ Мордвинова, выступилъ 28 іюня съ пятью линейными кораблями и пятью фрегатами. На второй день пути онъ встрѣтилъ турецкую эскадру, шедшую изъ Босфора на помощь капитану-пашѣ, и, несмотря на то, что турецкихъ силъ было гораздо меньше, повернулъ назадъ въ Севастополь. Узнавъ объ этомъ, Потемкинъ началъ попрежнему придерживаться оборонительной программы кампаніи относительно флота.

Въ то время онъ поссорился съ Джонсомъ, противъ котораго его уже давно настраивали Нассау-Зигенъ и, вскорѣ потомъ умершій, капитанъ Алексіано. Поводомъ къ этой ссорѣ было донесеніе Джонса императрицѣ о лиманской побѣдѣ, которое онъ представилъ въ двухъ экземплярахъ: Потемкину и Мордвинову, какъ начальнику всѣхъ морскихъ силъ на Черномъ морѣ. Въ этомъ донесеніи

Джонсъ по своему правдивому, прямому характеру представилъ отчетъ обо всемъ событіи, осыпавъ похвалами своихъ офицеровъ. О Нассау-Зигенѣ онъ не сказалъ ничего неодобрительнаго, а лишь изложилъ всѣ факты. Одновременно Нассау-Зигенъ явился къ Потемкину съ своимъ донесеніемъ о битвѣ и приписалъ себѣ и «мудрой распорядительности князя-фельдмаршала» побѣду. Потемкинъ попался на эту удочку, хотя не давалъ никакихъ распоряженій. Онъ уничтожилъ дубликатъ донесенія Джонса, а самое донесеніе приказалъ Попову передѣлать такъ, что въ немъ не осталось ни слова правды. Естественно, что Джонсъ на это не согласился, хотя очевидно было, что онъ шелъ на вѣрную ссору съ временщикомъ. Потемкинъ тогда совсѣмъ уничтожилъ его донесеніе и послалъ несправедливую и льстивую бумагу Нассау-Зигена, въ которой Джонсъ даже не былъ совсѣмъ названъ.

Въ это время въ Херсонѣ, случайно, находился оберъ-камергеръ польскаго короля, кавалеръ Литльпажъ, родившійся во Франціи, но по происхожденію ирландецъ. Джонсъ былъ друженъ съ нимъ во время своего пребыванія въ Парижѣ и зная, что Литльпажъ собирается въ Петербургъ, просилъ его отвезти къ французскому посланнику Сегюру, бывшему его жаркимъ сторонникомъ, копію съ его донесенія императрицѣ, для врученія ей. Литльпажъ взялся за это порученіе, хотя уговаривалъ его не итти на открытую борьбу съ Потемкинымъ. Джонсъ отвѣчалъ: «Дѣло не въ Потемкинѣ, а въ Нассау-Зигенѣ. Я перетерпѣлъ отъ него столько, сколько не выдержалъ бы ни отъ одного человѣка въ здравомъ разумѣ. Пора положить этому конецъ. У него нѣтъ ни чести, ни правдивости, ни способности. Сейчасъ онъ васъ цѣлуетъ, а чрезъ минуту готовъ зарѣзать. Хуже всего, что онъ даже не имѣетъ храбрости, которая часто замѣняетъ всѣ доблести. Онъ же, просто, подлый трусъ».

Литльпажъ болѣе не сопротивлялся и, поѣхавъ въ Петербургъ, вручилъ бумаги Джонса французскому посланнику, который въ свою очередь передалъ ихъ императрицѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ краснорѣчиво защищалъ Джонса, котораго, по приказанію короля, рекомендовалъ съ самаго начала Екатеринѣ. Она прочитала донесенія и оказалась въ затруднительномъ положеніи. Императрица очень хорошо понимала, что Джонсъ говорилъ правду, а Потемкинъ и Нассау-Зигенъ лгали, но она не могла пойти противъ своего любимца. Нѣсколько дней она обдумывала, какъ выйти изъ затрудненія, и, наконецъ, рѣшила вызвать Джонса въ Петербургъ, гдѣ, очень кстати, умеръ начальникъ Балтійскаго флота, адмиралъ Грейгъ. Она сказала Сегюру, что произведетъ Джонса въ вице-адмиралы и назначитъ его командиромъ Балтійскаго флота. Въ тотъ же день она написала Джонсу собственноручный рескриптъ о производствѣ его въ вице-адмиралы и о вызовѣ его въ Петербургъ, гдѣ онъ получитъ лично отъ нея распорженіе относительно себя. Кромѣ того,

императрица назначила ему на путевые расходы тысячу дукатовъ и дозволила взять съ собою двухъ адъютантовъ. Его выборъ палъ на капитановъ Корсакова и Эдвардса, какъ самыхъ способныхъ и преданныхъ ему людей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Сегюръ, по приказанію Екатерины, сообщилъ Джонсу, что она вполнѣ довольна его поведеніемъ и питаетъ къ нему совершенное довѣріе.

Но по русскимъ источникамъ видно, что этотъ эпизодъ въ жизни Джонса кончился совершенно иначе. Его вызвали въ Петербургъ не въ видѣ награды, а въ видѣ почетной ссылки. Потемкинъ, окончательно настроенный Нассау-Зигеномъ противъ него, написалъ Екатеринѣ, что «сонный Жонесъ прозѣвалъ подвозъ къ Очакову, труситъ турокъ, и никто не хочетъ служить подъ его начальствомъ, а потому рѣшено отправить его въ Петербургъ, подъ видомъ особой экспедиціи на сѣверъ» [1]). На это Екатерина отвѣчала, что Джонсъ всегда пользовался репутаціей храбраго моряка, но «если его возвратятъ въ Петербургъ, то сыщетъ ему мѣсто» [2]). Однако, несмотря на непріязнь къ Джонсу, Потемкинъ отнесся къ нему при его отъѣздѣ изъ Херсона съ обычной своей двуличностью. Вотъ какъ Джонсъ описываетъ въ мемуарахъ 1790 г. свое послѣднее свиданіе съ знаменитымъ временщикомъ.

«За два дня до моего отбытія въ Петербургъ, князь-фельдмаршалъ пригласилъ меня въ свою главную квартиру, чтобы проститься со мною и вручить мнѣ лично въ руки письмо къ императрицѣ, съ отзывомъ о моей службѣ. Послѣ обѣда, онъ, на время, вышелъ изъ комнаты, и я, воспользовавшись случаемъ, сказалъ генералу Попову, начальнику его штаба, все, что накипѣло у меня на сердцѣ. Когда я удалился, то генералъ передалъ Потемкину суть моего разговора. Сначала, по его словамъ, князь очень сердился, но на другой день послалъ за мною, чтобы лично переговорить. Онъ началъ разговоръ съ того, что ему были неизвѣстны нѣкоторые факты, сообщенные мною генералу Попову. Держа себя съ должнымъ почтеніемъ къ его рангу, я отвѣчалъ ему совершенно свободно и откровенно сказалъ, что онъ несправедливо обошелся со мною съ самаго начала кампаніи, раздѣливъ командованіе Лиманскимъ флотомъ. Это было противъ интереса страны и противорѣчило цѣли войны, но я пожертвовалъ своими чувствами и правами, надѣясь, со временемъ, сладить съ тѣми людьми, которыхъ онъ сдѣлалъ моими товарищами, хотя они должны были находиться подъ моей командой. Если бы мнѣ это не удалось, то я рѣшилъ выйти въ отставку въ концѣ мая, потому что, уѣзжая изъ Петербурга, не только графъ Безбородко и французскій посланникъ, но и сама императрица увѣрили меня, что весь черноморскій флотъ будетъ находиться въ моей

[1]) Дневникъ А. В. Храповицкаго, стр. 180.

[2]) Сборникъ И. Р. И. О., т. XXVII.

командѣ, какъ армія въ распоряженіи генерала Суворова. Я подробно объяснилъ Потемкину, что если бы это соглашеніе было исполнено, то кампанія окончилась бы совершенно иначе, что я атаковалъ бы капитана-пашу въ открытомъ морѣ соединеннымъ флотомъ Херсона и Севастополя, что турецкій флотъ былъ бы совершенно уничтоженъ, и Очаковъ взятъ. Вы сами видѣли,—прибавилъ я,—что мною было нанесено 17-го іюля пораженіе туркамъ съ половиною русскихъ морскихъ силъ, находящихся здѣсь, а потому легко поймете, что сдѣлалъ бы я со всѣмъ черноморскимъ флотомъ. Князь, выслушавъ меня, отвѣчалъ: «Я съ вами согласенъ, но теперь поздно». Я тогда замѣтилъ, что не жаловался относительно себя, но былъ оскорбленъ за своихъ офицеровъ, которымъ князь не отдалъ справедливости. Князь согласился и съ этимъ, и я рѣшился тогда высказать мое недоумѣніе, что такъ странно поступили съ моимъ донесеніемъ о Лиманской битвѣ. Онъ видимо былъ недоволенъ и заявилъ, что не желалъ бы говорить объ этомъ предметѣ. Я отвѣчалъ, что нельзя не говорить объ этомъ, такъ какъ вся суть въ немъ. Онъ задумался, но чрезъ нѣсколько минутъ сталъ съ жаромъ бранить Нассау-Зигена, котораго онъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, услалъ въ Варшаву. Князь мнѣ объяснилъ, что данное Нассау-Зигену порученіе въ Варшаву было только предлогомъ отъ него отдѣлаться; онъ же узналъ всю правду относительно Лиманской битвы, когда уже было поздно. По его словамъ, Нассау-Зигенъ его сначала обманулъ, увѣривъ, что онъ былъ виновникомъ побѣды; теперь же онъ никогда его больше не обманетъ, такъ какъ ему извѣстно, что это за человѣкъ. Послѣ этого объясненія, князь задумался и прибавилъ съ большимъ жаромъ: «Я не совершенно виновенъ; если бы вы и Мордвиновъ не поссорились съ самаго начала, то Нассау-Зигенъ не имѣлъ бы случая интриговать. Мордвиновъ первый открылъ мнѣ его нелѣпыя притязанія, но онъ сдѣлалъ это слишкомъ поздно, когда нельзя уже было предупредить зло». Вслѣдъ за этимъ онъ сказалъ, что если я соглашусь дѣйствовать совмѣстно съ Мордвиновымъ и признаю его старшинство, то онъ (Потемкинъ) возьметъ на себя отмѣнить приказъ императрицы о моемъ вызовѣ въ Петербургъ. Въ такомъ случаѣ онъ прикажетъ окончить зимою строящіяся въ Таганрогѣ восемь судовъ, и я, весною, буду единственнымъ командиромъ соединеннаго флота, такъ какъ Мордвиновъ былъ согласенъ заниматься исключительно административной частью Черноморскаго адмиралтейства и не вмѣшиваться въ мои морскія операціи. На это я отвѣчалъ, что согласился пріѣхать въ Россію по предложенію — командовать Черноморскимъ флотомъ, сдѣланному мнѣ въ Парижѣ Симолинымъ и повтореннымъ барономъ Крюденеромъ въ Копенгагенѣ. Императрица также подтвердила мнѣ его въ Петербургѣ, а если означенное условіе впослѣдствіи не исполнено, то мнѣ нѣтъ причины согласиться на умень-

шеніе власти. Къ тому же императрица приказала мнѣ теперь пріѣхать въ Петербургъ, и я не желаю ея ослушаться. Наконецъ, я окончилъ наше свиданіе просьбою наградить моихъ офицеровъ, согласно представленной мною запискѣ адмиралу Мордвинову, который вполнѣ былъ согласенъ съ моимъ представленіемъ. Князь обѣщалъ исполнить мое желаніе, и потомъ я узналъ, что онъ сдержалъ свое слово».

Если поведеніе Потемкина относительно Джонса было противорѣчиво и двойственно, то еще непонятнѣе было отношеніе Суворова къ этому эпизоду въ черноморской службѣ адмирала. Мы видѣли, что онъ постоянно относился къ нему съ любезнымъ и теплымъ сочувствіемъ; тутъ же вдругъ относительно Лиманской битвы онъ выразился о немъ грубо и недоброжелательно въ письмѣ къ Потемкину: il était cochon: à la première entrée il me felicita par sa defensive». Это выраженіе приведено въ статьѣ Н. Орлова: «Суворовъ и флотъ», которая приложена къ брошюрѣ [1]) «Суворовъ, какъ представитель славянства». Такое неблагопріятное мнѣніе Суворова о Джонсѣ, противное всѣмъ его предыдущимъ и послѣдующимъ дѣйствіямъ, можно себѣ объяснить только лестью относительно Потемкина, хотя это противорѣчитъ прямой и правдивой натурѣ Суворова. Во всякомъ случаѣ, при прощаніи съ нимъ, онъ велъ себя попрежнему совершенно дружественно. Такъ Поль Джонсъ въ своихъ мемуарахъ въ 1791 году говоритъ слѣдующимъ образомъ объ этомъ послѣднемъ свиданіи съ великимъ русскимъ героемъ:

«Сдавъ командованіе херсонскимъ флотомъ, я поѣхалъ къ генералу Суворову, въ его главную квартиру. Это было за мѣсяцъ до паденія Очакова. Онъ помѣщался въ одной хижинѣ вблизи взятаго форта; въ ней было всего двѣ комнаты, и въ подобномъ жилищѣ не помѣстился бы турецкій полковникъ. Въ одной комнатѣ находилась канцелярія и столовая генерала, а въ другой—его спальня. Вся его прислуга состояла изъ повара и двухъ денщиковъ, изъ которыхъ одинъ смотрѣлъ за лошадьми, а другой укаживамъ за нимъ, хотя не оченъ заботливо. Офицеры его штаба жили гораздо лучше его. По внѣшности онъ почти одинаковаго роста со мной, въ плечахъ нѣсколько сутоловатъ, грудь у него плоская и даже нѣсколько впалая; вообще онъ худощавъ и далеко невнушительной наружности. Напротивъ, его лицо отличается пріятнымъ выраженіемъ, особенно, когда онъ веселъ и оживленъ. Цвѣтъ его лица очень смуглый, благодаря сорокалѣтней службы во всѣхъ климатахъ. Онъ гладко выбритъ, и на его лицѣ видны слѣды заботъ и страданій, такъ какъ у него много ранъ, и ему уже минуло шестьдесятъ лѣтъ. Онъ знаетъ основательно и обстоятельно военное дѣло; ему извѣстны военныя дѣйствія послѣднихъ двухъ столѣтій, со времени Густава-Адольфа до

---

[1]) «Суворовъ, какъ представитель славянства», проф. Орлова. Спб. 1901 г.

Фридриха, и, къ моему удивленію, онъ подробно знаетъ о военныхъ операціяхъ нашей республиканской войны, хотя о ней очень мало печатали въ Европѣ. Онъ не стремится къ личной славѣ, хотя я замѣтилъ, что онъ цѣнитъ мнѣніе военныхъ людей Франціи и Англіи, которыя онъ очень желаетъ посѣтить. Суворовъ замѣчательный лингвистъ: онъ хорошо говоритъ по-французски, по-нѣмецки, по-шведски, по-фински и по-польски, а также правильно пишетъ на этихъ языкахъ, онъ одинаково можетъ объясниться по-татарски и по-турецки. По характеру онъ человѣкъ душевный и всегда вѣренъ правдѣ и чести. Находясь подъ зловѣщимъ начальствомъ Потемкина, онъ никогда не писалъ ему докладовъ о своихъ военныхъ дѣйствіяхъ, потому что Потемкинъ не вынесъ бы правды, а Суворовъ не могъ писать лжи. Его великодушіе равняется его простотѣ. Его кошелекъ открытъ для всякаго—одинаково для достойнаго и недостойнаго человѣка,—и онъ такъ простъ, что его можетъ обойти всякій. Великолѣпную саблю, съ драгоцѣнными камнями, подаренную императрицею за покореніе Тавриды, онъ носилъ каждый день и, только благодаря его вѣрному денщику, онъ не потерялъ ни одного драгоцѣннаго камня, стоящаго болѣе тысячи рублей. Онъ расточителенъ только въ отношеніи лошадей. Когда я былъ у него, то видѣлъ четырехъ чистокровныхъ арабскихъ коней; при этомъ ихъ конюшня была гораздо лучше его жилища. Онъ показалъ мнѣ съ гордостью одного сѣраго жеребца, на которомъ онъ ѣздилъ изъ Таганрога въ Москву и обратно, безъ малѣйшей подставы. До сихъ поръ эта лошадь здрава и невредима. Когда я хотѣлъ проститься съ нимъ, то онъ вынулъ изъ своего походнаго сундука шубу изъ сибирскаго бобра, крытую желтой китайской шелковой матеріей, съ воротникомъ и отворотами изъ соболей. Я никогда не видалъ такой великолѣпной одежды. Но это не все: онъ досталъ еще гусарскій доломанъ, подбитый бѣлымъ, какъ снѣгъ, горностаемъ, и съ золотыми шнурами. Это былъ зимній нарядъ Павлоградскаго гусарскаго полка, котораго онъ былъ почетнымъ подполковникомъ. «Возьмите, Джонсъ,—сказалъ онъ:—они слишкомъ хороши для меня; мои дѣтушки (такъ онъ называлъ солдатъ) не узнали бы своего батюшку Суворова, если бы я такъ нарядился, но къ вамъ они пойдутъ; вы, вѣдь, французскій кавалеръ. Для вашего бѣднаго брата, Суворова, годится сѣрая солдатская шинель и забрызганные грязью сапоги. Прощайте!». Я никогда его съ тѣхъ поръ не видалъ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ людей, которые интереснѣе завтра, чѣмъ сегодня, а послѣзавтра пріятнѣе, чѣмъ завтра. Храбрый до безумія, великодушный до безконечности и способный на военное дѣло выше всякаго воображенія, несмотря на его грубую внѣшность, Суворовъ—величайшій воинъ въ Россіи не только теперь, но, я полагаю, и на будущія времена. Онъ долженъ быть поставленъ въ древнія времена на ряду съ Александромъ Македонскимъ, Аннибаломъ и Цезаремъ

въ новыя времена—съ Густавомъ-Адольфомъ, Мальборо и Фридрихомъ Великимъ. Что же касается настоящаго времени, то я полагаю, что онъ не только первый полководецъ Россіи, но и всей Европы». Мемуары Джонса за 1791 годъ оканчиваются любопытнымъ описаніемъ Черноморскаго флота. Небезынтересно привести отрывокъ изъ этого описанія. «Я съ сожалѣніемъ замѣтилъ,—говоритъ онъ,—что суда, построенныя на Черномъ морѣ, особенно въ Херсонѣ, служатъ не болѣе пяти или шести лѣтъ. Это происходитъ отъ того, что русскіе не сушатъ предварительно дерево, отчего оно чрезъ короткое время гніетъ. Это удивительная потеря дерева, тѣмъ болѣе, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ столько строевого лѣса, какъ на Днѣпрѣ. Франція запасается оттуда большимъ количествомъ лѣса, и я видѣлъ въ Тулонѣ большіе запасы русскаго лѣса, съ береговъ Днѣпра. Мое уваженіе къ императрицѣ, создавшей русскую морскую силу на Черномъ морѣ, побуждаетъ меня сожалѣть, что люди, которымъ она поручила строить флотъ, совершили это на основаніи невѣрныхъ принциповъ, почему суда не могутъ выдерживать тяжелой артиллеріи и имѣть быстрый ходъ. Напримѣръ, мой флагманскій корабль «Владимиръ» не могъ такъ быстро итти и сопротивляться вѣтру, какъ маленькій американскій фрегатъ «Alliance». Вообще, по несчастью, черноморскія суда строятъ совершенно неправильно, и потому они мало пригодны къ дѣлу. Вслѣдствіе этого турецкія суда, одинаково крупныя и мелкія, рѣшительно превосходятъ русскія въ быстротѣ и ловкости маневрированія. Если отъ военнаго флота мы перейдемъ къ торговлѣ на Черномъ морѣ, столь важной для Россіи, то нельзя не замѣтить, что она никогда не достигнетъ развитія, пока Россія не будетъ имѣть хорошаго флота, который уничтожитъ турецкій и вручитъ ключи Константинополя императрицѣ и ея наслѣдникамъ. Россія имѣетъ всѣ матеріалы, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ достигнуть подобнаго флота, если возьмется за дѣло съ порядкомъ, способностью и экономіей. Лучшее средство имѣть хорошихъ матросовъ это создать коммерческій флотъ, для чего необходимо заключить торговый трактатъ съ Американскими Соединенными Штатами, завести океанскую торговлю и имѣть въ Черномъ морѣ значительную эскадру подъ компетентнымъ начальствомъ».

Покончивъ свою неудачную службу на Черномъ морѣ, Поль Джонсъ пріѣхалъ въ Петербургъ и былъ принятъ императрицей такъ любезно, что забылъ всѣ причиненныя ему непріятности. Онъ не только подпалъ подъ ея чары, какъ пріятной и красивой женщины, несмотря на ея шестьдесятъ лѣтъ, но просто обожалъ ее. Это мѣшало ему сначала понять ея неискренность. Екатерина вовсе не намѣрена была назначить его начальникомъ Балтійскаго флота, несмотря на все ея видимое расположеніе къ нему. Въ январѣ, февралѣ и мартѣ, 1789 года, Джонсъ бывалъ постоянно при дворѣ, имѣлъ прекрасную казенную квартиру, получалъ жалованье, и ему

оказывались различныя почести. Хотя, формально, онъ не получилъ назначенія въ Балтійскомъ флотѣ, но съ нимъ совѣтовалось адмиралтейство по многимъ вопросамъ, касавшимся этого флота.

Однако, его старые враги, англійскіе морскіе офицеры и купцы, а также представители русской администраціи, тайно вели козни противъ него. Въ срединѣ же марта составился противъ Джонса цѣлый заговоръ, благодаря которому отвернулись отъ него всѣ придворные, и императрица даже запретила ему доступъ во дворецъ. Дѣло заключалось въ томъ, что однажды явилась къ нему молодая дѣвушка, подъ предлогомъ просить работы; но при этомъ стала такъ неприлично вести себя, что Джонсъ просилъ ее удалиться, а когда она сопротивлялась, то онъ за руку вывелъ ее изъ комнаты. Тогда она разорвала на себѣ платье и бросилась на лѣстницу, гдѣ стояла старуха, которую она назвала матерью. Съ громкими воплями онѣ обѣ жаловались на насиліе со стороны Джонса и подняли скандалъ на улицѣ, гдѣ онъ жилъ. Эту исторію онъ разсказалъ единственному своему другу, графу Сегюру, и тотъ горячо заступился за него. Въ нѣсколько дней тайное изслѣдованіе этого дѣла, произведенное французскимъ посланникомъ, привело къ благопріятному результату. Оказалось, что молодая дѣвушка была веселаго поведенія, а старуха, выдаваемая за ея мать, занималась продажей подобныхъ, погибшихъ созданій. Мало того, заговоръ былъ, повидимому, составленъ Нассау-Зигеномъ, находившимся теперь въ Петербургѣ, и среди лицъ, участвовавшихъ въ немъ, находился племянникъ Безбородко. Узнавъ обо всемъ этомъ, Сегюръ прямо отправился къ самому Безбородко и объявилъ ему, что если сущность дѣла не будетъ доведена до свѣдѣнія императрицы, то онъ уѣдетъ немедленно изъ Петербурга. Министръ испугался, тѣмъ болѣе, что Сегюръ пользовался въ то время громаднымъ вліяніемъ при дворѣ. Онъ обѣщалъ устроить все дѣло благополучно. Но Сегюръ этимъ не удовольствовался и, отправившись самъ къ императрицѣ, объяснилъ ей весь заговоръ. Кромѣ того, онъ заявилъ, что не только заступался за Джонса, какъ другъ, но и какъ представитель французскаго короля, который рекомендовалъ Джонса императрицѣ и въ нѣкоторой степени ручался за него. Онъ еще прибавилъ, что французскій король, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, пожаловалъ Джонсу орденъ, который давалъ ему рыцарское достоинство, а слѣдовательно всякое оскорбленіе, нанесенное ему, было личнымъ оскорбленіемъ короля. Императрица согласилась съ справедливостью всего, что разсказалъ ей Сегюръ, и объяснила, что если бы Нассау-Зигенъ былъ русскимъ подданнымъ, то она тотчасъ сослала бы его за такое дѣло въ Сибирь. Все же, что она могла сдѣлать теперь, не поднимая скандала, было удалить его изъ Петербурга и приказать поселиться въ Курляндскомъ имѣніи близъ Митавы, кото-

рое она недавно подарила ему. Сегюръ не удовлетворился подобнымъ наказаніемъ Нассау-Зигена и сказалъ, что тотчасъ увѣдомитъ офиціально обо всемъ французское правительство, пославъ копію съ ноты всѣмъ иностраннымъ посольствамъ, а также напечатавъ во французской офиціальной газетѣ о позорномъ поступкѣ Нассау-Зигена. Императрица полагала, что эта мѣра была излишней, и на этомъ окончила разговоръ, только прибавивъ, что адмиралъ Джонсъ долженъ написать ей подробную записку въ оправданіе себя, и затѣмъ ему будетъ разрѣшенъ доступъ ко двору.

Екатерина исполнила свое слово и, получивъ 17-го мая объяснительное письмо Джонса, чрезъ два дня пригласила его попрежнему ко двору. Теперь онъ былъ увѣренъ, что его окончательно назначатъ начальникомъ Балтійскаго флота, тѣмъ болѣе, что двадцатаго мая онъ получилъ приказаніе императрицы отправиться въ Свеаборгъ и основательно обозрѣть флотъ, стоявшій тамъ на якорѣ, послѣ чего донести ей лично объ его состояніи. Это распоряженіе взбѣсило все морское начальство, и оно приняло мѣры, чтобы власти въ Свеаборгѣ оказали всевозможныя препятствія для исполненія даннаго ему императрицей порученія. Онъ, повидимому, подозрѣвалъ нѣчто подобное и, прежде чѣмъ отправиться въ Свеаборгъ, увѣдомилъ командовавшаго тамъ адмирала о полученномъ отъ императрицы приказѣ. Онъ объявилъ, что подробный осмотръ каждаго корабля начнется чрезъ недѣлю, такъ какъ недавно окончилась зимняя стоянка, и необходимо время для приведенія всего въ порядокъ. Въ этотъ промежутокъ времени онъ потребовалъ, чтобы адмиралъ представилъ ему подробный отчетъ о личномъ составѣ служащихъ на эскадрѣ, а также о количествѣ имѣющихся военныхъ и жизненныхъ припасовъ.

Адмиралъ далъ уклончивый отвѣтъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отправилъ морскому начальству въ Петербургѣ письмо, увѣрявшее, что адмиралъ Джонсъ ведетъ тайные переговоры съ Густавомъ III, королемъ шведскимъ, о переходѣ на службу въ шведскій флотъ, и что только ради этой причины онъ добился порученія произвести столь неслыханную инспекцію русской эскадры. Узнавъ объ этомъ доносѣ, Екатерина разсердилась и смѣстила временно контръ-адмирала возвративъ ему прежнее мѣсто только чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Джонсъ приступилъ, между тѣмъ, къ самому подробному осмотру Балтійскаго флота и о результатѣ осмотра написалъ императрицѣ подробное донесеніе. Онъ указалъ на такую массу недостатковъ и совѣтовалъ столь дорогія улучшенія, что императрица пришла въ ужасъ. Однако, она исполнила значительное количество его совѣтовъ, особенно касавшихся новаго оснащиванія кораблей, исправленія дековъ, замѣны парусовъ новыми и т. д.

Во время этой инспекціи, продолжавшейся двѣ недѣли, Поль Джонсъ схватилъ серіозную простуду, и по возвращеніи въ Петер-

бургъ у него обнаружилось воспаленіе легкихъ. Болѣзнь была серіозная, и хотя въ концѣ іюня онъ снова сталъ выходить, но его легкія были не прежнія, и онъ казался на взглядъ не молодцемъ сорока одного года, а шестидесятилѣтнимъ старикомъ. Придворные доктора, Роджерсонъ и Кассини, присланные къ нему императрицей, засвидѣтельствовали, что онъ не можетъ перенести наступленіе зимы въ Петербургѣ, и донесли объ этомъ Екатеринѣ. Вслѣдствіе этого она дала ему отпускъ на годъ, а въ случаѣ надобности на два, съ сохраненіемъ полнаго вице-адмиральскаго жалованья. 19-го числа онъ удостоился прощальной аудіенціи, а наканунѣ написалъ Екатеринѣ письмо, въ которомъ кратко повторилъ всѣ обстоятельства его русской службы, заявилъ всю свою преданность лично къ императрицѣ и увѣрилъ ее, что онъ впредь ни въ какомъ случаѣ не поступитъ на службу ея враговъ, хотя бы о немъ распускали подобныя клеветы. Онъ прибавилъ, что надѣется, оправившись отъ болѣзни, доказать всю искренность его завѣреній. Въ концѣ онъ писалъ: «Такъ какъ меня считаютъ слишкомъ откровеннымъ и слишкомъ правдивымъ для успѣшной службы при русскомъ дворѣ и такъ какъ я создалъ себѣ много могущественныхъ враговъ, то я счелъ необходимымъ удалиться; но честь для меня дороже всякой награды, и я считаю долгомъ увѣрить ваше величество, что служилъ вамъ преданно даже среди преслѣдованій. Я вполнѣ убѣжденъ, что заслужилъ одобреніе императрицы, и несмотря на всѣ непріятности, всегда занимался планами на пользу ея службы. Хотя мои враги, быть можетъ, никогда не превратятся въ моихъ друзей, но меня уважаютъ всѣ, кому я извѣстенъ, и немалое торжество для меня, что въ минуту отъѣзда изъ Россіи всѣ, въ томъ числѣ англичане въ Петербургѣ, безъ малѣйшаго съ моей стороны искательства, измѣнили свои чувства, стали питать ко мнѣ уваженіе и сожалѣютъ о моемъ отъѣздѣ».

Конечно, это письмо не очень понравилось императрицѣ, но рѣзкость его надо приписать нездоровью Джонса, а такъ же его оскорбленному самолюбію, благодаря интригамъ враговъ. Кромѣ того, онъ узналъ передъ отъѣздомъ, что, во время его пребыванія въ Россіи, систематически задерживали частныя письма, адресованныя на его имя, по почтѣ. Это обстоятельство чрезвычайно его раздосадовало и вполнѣ доказало, какъ его враги всячески старались вредить ему.

Поль Джонсъ покинулъ Петербургъ 18 августа 1789 года, прослуживъ въ Россіи около 16-ти мѣсяцевъ. Ему жилось у насъ не радостно, не весело, и по словамъ его американскаго біографа: «это было естественно, потому что онъ жилъ въ XVIII вѣкѣ, при Екатеринѣ II, а не въ XX вѣкѣ и не при Николаѣ II».

Прежде всего, за границей, онъ остановился въ Варшавѣ и былъ принятъ очень любезно польскимъ королемъ Станиславомъ. Среди

поляковъ онъ познакомился со знаменитымъ генераломъ Костюшко, который старался, во что бы то ни стало, уговорить его выйти изъ русской службы. Но Джонсъ отвѣчалъ, что ни подъ какимъ видомъ не пойдетъ противъ Россіи, развѣ будетъ война между нею и Американскими Соединенными Штатами, что совершенно невозможно. Шпіоны Потемкина и Безбородки, разсѣянные повсюду, тотчасъ донесли, что Костюшко убѣдилъ его поступить на службу къ королю шведскому. Сегюръ узналъ объ этомъ и немедленно увѣдомилъ адмирала о новой клеветѣ его враговъ. Онъ тотчасъ отвѣчалъ Сегюру, прося передать копію письма императрицѣ.

«Желая,—писалъ онъ, — выразить мои отношенія къ русской службѣ, я торжественно заявляю, что съ моей стороны было бы совершенно нелѣпо, считая себя въ отпуску, войти въ сношенія, а тѣмъ болѣе поступить на службу врага ея величества. Я всегда выражалъ императрицѣ мое намѣреніе оставаться американскимъ гражданиномъ и офицеромъ, находясь на русской службѣ. Кромѣ того, получивъ отъ ея величества почетный орденъ и золотую шпагу, я далъ слово не обнажать ея противъ интересовъ Россіи. Если же, паче чаянія, и несмотря на мою преданность и благодарность къ особѣ ея величества, я былъ бы принужденъ подать въ отставку, то, конечно, спрошу на это согласія ея величества и, ни въ какомъ случаѣ, не вступлю на службу враждебной ея величеству державѣ».

Сегюръ передалъ копію этого письма Екатеринѣ, и она, повидимому, была довольна его содержаніемъ. Императрица приказала Храповицкому написать Джонсу, что она постоянно питаетъ къ нему довѣріе и не вѣритъ распространяемымъ его врагами мелочнымъ клеветамъ. Несмотря, однако, на подобныя завѣренія императрицы, Джонсъ послалъ Вашингтону всѣ бумаги Сегюра, касавшіяся его дѣла, чтобы уничтожить въ Америкѣ всѣ слѣды русскихъ интригъ противъ него. Президентъ не отвѣчалъ ему ни слова относительно его русской службы, но въ концѣ того же года написалъ ему, что, по его мнѣнію, «не слѣдовало ему оставаться на русской службѣ, потому что онъ могъ понадобиться Америкѣ и по другимъ причинамъ». Кромѣ надежды на полученіе команды надъ американскимъ флотомъ, онъ въ 1790 году, живя постоянно въ Парижѣ, сошелся со многими изъ революціонныхъ дѣятелей, и Лафайетъ, Мирабо, Бареръ, Карно, даже Робеспьеръ и Дантонъ обѣщали ему въ близкомъ будущемъ начальство надъ французскимъ флотомъ. Всѣ эти воздушные замки и серіозныя мысли о неблагопріятной службѣ въ Россіи побудили его въ 1791 году, когда истекалъ его двухгодичный отпускъ, отправить чрезъ русскаго посланника въ Гаагѣ просьбу къ императрицѣ о совершенной отставкѣ. Но императрица не согласилась на его просьбу и чрезъ своего пріятеля, барона Гримма, увѣдомила адмирала, что

желаетъ удержать его на службѣ, хотя она находилась въ мирныхъ отношеніяхъ съ Турціей и Швеціей, а потому не нуждалась въ немедленныхъ его услугахъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ она дозволяла ему остаться еще въ отпуску, а въ случаѣ надобности, обѣщала сообщить ему лично о своихъ желаніяхъ. Въ то же время она распорядилась о платежѣ ему недоданнаго жалованья.

Такимъ образомъ, какъ это видно изъ достовѣрныхъ документовъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1791 года Екатерина даже не въ офиціальныхъ бумагахъ, а въ частныхъ письмахъ къ Гримму отзывалась снисходительно и даже любезно о своей «черноморской мордашкѣ», но въ маѣ мѣсяцѣ того же года она писала тому же Гримму совершенно иначе. Во-первыхъ, она называетъ его контръ-адмираломъ, хотя во время пребыванія въ Россіи пожаловала его въ вице-адмиралы; во-вторыхъ, по ея словамъ, отпускъ ему былъ данъ, чтобы спровадить его безъ позора послѣ возбужденнаго противъ него обвиненія въ изнасиловaніи, и, въ-третьихъ, она говоритъ, что, послѣ этого гадкаго анекдота, онъ не имѣлъ аудіенцій при дворѣ. Поэтому изъ письма Екатерины отъ 14-го мая и послѣдующаго письма отъ 1-го сентября къ Гримму видно, что она была совершенно не расположена къ Джонсу и вѣрила всѣмъ наговорамъ на него. Въ первомъ изъ этихъ писемъ она еще говорила: «если миръ не будетъ заключенъ, то я сообщу о своихъ намѣреніяхъ господину Полю Джонсу», а во второмъ прямо совѣтовала ему заняться своими дѣлами въ Америкѣ. Очевидно, все было кончено между императрицей и Джонсомъ.

Узналъ ли объ этомъ Джонсъ, или по другой какой причинѣ, но весной 1792 года онъ рѣшился окончательно прекратить всѣ отношенія къ Россіи и съ этою цѣлью поѣхалъ въ Голландію, чтобы свидѣться съ Крюденеромъ. По странному стеченію обстоятельствъ, русскій посланникъ вручилъ ему письмо Суворова, доказывавшее, что эти отношенія были самыя неопредѣленныя и противорѣчивыя. Письмо было помѣчено 3-мъ марта, 1792 года, и въ немъ Суворовъ увѣдомлялъ, что назначенъ главнокомандующимъ русскихъ войскъ въ Польшѣ. Послѣ этого онъ писалъ:

«Не позвольте, мой добрый братъ, какой нибудь сиренѣ во плоти, или въ образѣ самолюбія, обольстить васъ и побудить оставить службу ея величества. Я слышу дурныя вѣсти о вашемъ здоровьѣ, но убѣжденъ, что климатъ Чернаго моря положительно не можетъ быть вреденъ для васъ. Россія именно тамъ нуждается въ васъ. Вспомните, что въ 1788 году Англія и Пруссія соединились для покровительства туркамъ, и даже Австрія отказалась отъ нашего союза, когда услышала о нашемъ планѣ итти на Босфоръ съ вашимъ флотомъ и перейти Балканы съ моей арміей. Ваши французы приготовляютъ много бѣдъ, которыми Западная Европа будетъ сверхъ силъ занята. Я не обманываю себя; я предвижу,

что дѣла во Франціи поведутъ къ уничтоженію монархіи. Когда это случится, то Франція станетъ общимъ врагомъ всѣхъ сосѣднихъ монарховъ, и во всей Западной Европѣ будетъ продолжительная общая война, которая всецѣло займетъ Австрію, Пруссію и Англію. Эти факты совершатся очень скоро: черезъ годъ—не болѣе. Австрія же объявитъ войну Франціи, быть можетъ, прежде, чѣмъ это письмо дойдетъ до васъ. Когда Западная Европа будетъ въ огнѣ,—придетъ наше время. Намъ будетъ полная свобода распорядиться турками, какъ мы желаемъ; мы тогда можемъ безопасно владѣть Чернымъ моремъ. Съ тѣхъ поръ, какъ вы уѣхали, выстроено новыхъ девять линейныхъ кораблей и шесть фрегатовъ; поэтому вы видите, что морскія силы удвоены сравнительно съ тѣми, что были въ вашихъ рукахъ на Лиманѣ. Кромѣ того, теперь я могу васъ защитить отъ придворныхъ интригъ, чего прежде не могъ сдѣлать. Со временъ Измаила придворные меня болѣе не безпокоятъ, я отъ нихъ отмахиваюсь, какъ отъ мухъ. Въ новой турецкой кампаніи я буду главнымъ начальникомъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, а вы будете давать отчетъ только мнѣ, что, я полагаю, не будетъ вамъ непріятнымъ. Вотъ мой планъ. Я сообщилъ его только одной императрицѣ. Она одобряетъ его и двинется впередъ, какъ только осуществится въ Западной Европѣ то, что я предвижу. Ну, добрый братъ мой, императрица получитъ копію съ этого письма, она согласится со мною, что ваше начальство надъ Черноморскимъ флотомъ—необходимая часть плана. Поэтому умоляю васъ, не затрудняйте себя никакими западными комбинаціями, но возвращайтесь въ Россію, какъ можно скорѣе. Пріѣзжайте лѣтомъ, когда можете безопасно для вашего здоровья быть въ Петербургѣ, и заѣзжайте въ мой лагерь здѣсь или въ Польшѣ, чтобы переговорить о предполагаемыхъ планахъ».

Это замѣчательное письмо, однако, не произвело никакого впечатлѣнія на Джонса, и даже неизвѣстно, отвѣчалъ ли онъ на него. Въ это самое время онъ былъ занятъ обѣщаніемъ друзей назначить его командиромъ французскаго флота и настаивалъ на русской отставкѣ. На этотъ разъ ему это удалось, и онъ добился согласія Екатерины на свое отчисленіе отъ русскаго флота, при чемъ получилъ все жалованье, слѣдуемое ему за прежнее время, хотя окончательный расчетъ онъ получилъ послѣ своей смерти.

Въ Парижъ онъ вернулся свободнымъ человѣкомъ въ 1792 г., но судьбѣ было угодно послать ему неожиданную смерть 18-го іюля того же года, на сорокъ пятомъ году его жизни. Что онъ умеръ наканунѣ счастливой перемѣны въ его судьбѣ, доказываютъ почести, которыя были оказаны послѣ его смерти «человѣку, послужившему въ дѣлѣ свободы». Только одна Екатерина была злопамятна и писала Гримму: «Поль Джонсъ былъ очень вздорливый человѣкъ, вполнѣ достойный, чтобы его чествовала кучка отвратительныхъ людей».

Совершенно иначе отзывался о немъ Наполеонъ. «Поль Джонсъ не дождался своей судьбы и умеръ слишкомъ рано,—говорилъ императоръ послѣ Трафальгара:—если бы онъ былъ живъ, то Франція имѣла бы теперь настоящаго адмирала. Наши адмиралы толкуютъ о различныхъ теоретическихъ предметахъ и забываютъ, что вся цѣль войны заключается въ томъ, чтобы поймать непріятеля и уничтожить его. Такъ смотрѣли на цѣль морской войны Поль Джонсъ и Нельсонъ. Жаль, что имъ не пришлось помѣряться равными силами».

В. Т.

НОВЫЯ МѢРОПРІЯТІЯ ВЪ БИБЛІОЛОГІИ.

НѢТЪ еще и трехъ лѣтъ, какъ число нашихъ ученыхъ обществъ увеличилось новымъ товарищемъ: въ Петербургѣ возникло «Русское библіологическое общество». Широко понимая слово библіологія, новое общество, какъ гласитъ первый параграфъ его устава, поставило себѣ цѣлью содѣйствовать теоретической выработкѣ и практическому примѣненію мѣръ для облегченія обозрѣнія всѣхъ родовъ литературныхъ произведеній, а также изученію книжнаго дѣла въ его прошломъ и настоящемъ. Такимъ образомъ, помимо чисто научной дѣятельности, общество возложило на себя трудную задачу прійти на помощь людямъ, занимающимся тѣмъ или другимъ спеціальнымъ вопросомъ, или даже просто не совсѣмъ беззаботнымъ насчетъ литературы и науки. Общество стремится пособить какъ своимъ членамъ, такъ и постороннимъ лицамъ, разобраться въ великомъ множествѣ книгъ, появляющихся теперь на книжномъ рынкѣ, и въ цѣломъ морѣ статей и замѣтокъ разсѣянныхъ по разнымъ періодическимъ изданіямъ. Потребность въ такого рода помощи чувствовалась уже давно. Едва ли не первый въ Россіи библіографическій трудъ Бакмейстера: «Russische Bibliothek zur Kenntnis des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland», появился еще въ 1772 году. Съ тѣхъ поръ появляется цѣлый рядъ библіографическихъ работъ и даже періодическихъ журналовъ, кончая «Библіографомъ» Н. М. Лисовскаго. Однако, всѣ такія попытки кончались обыкновенно неудачей по той простой причинѣ, что съ развитіемъ литературы беллетристической и научной услѣдить одному лицу за всѣмъ печатнымъ ма-

теріаломъ оказывалось не подъ силу. Осуществить такую задачу въ наше время возможно лишь цѣлому обществу, въ родѣ библіологическаго, гдѣ уже въ концѣ перваго года его существованія насчитывалось болѣе сотни членовъ.

Заручившись коллективнымъ содѣйствіемъ членовъ, молодое общество, не теряя времени, на первыхъ же порахъ приступило къ практическому осуществленію своихъ плановъ. Прежде всего начата была регистрація нашихъ ежемѣсячныхъ и еженедѣльныхъ журналовъ, начиная съ 1900 г. Содержаніе каждаго № разносилось членами общества на особыя карточки, которыя въ настоящее время составили уже цѣлое библіографическое бюро, настолько полное, что теперь уже возможно дать точныя указанія, гдѣ и что печаталось въ XX столѣтіи по тому или другому предмету. Справочное библіографическое бюро общество рѣшило предоставить къ услугамъ не только своихъ членовъ, но и постороннихъ лицъ, которыя пожелали бы обратиться туда съ запросомъ. Такого рода карточные указатели существовали до сихъ поръ лишь у записныхъ библіографовъ спеціалистовъ и, конечно, были доступны только немногимъ. Русское библіологическое общество, удовлетворяя назрѣвшей потребности, идетъ въ этомъ отношеніи на встрѣчу интеллигентной публикѣ.

Дальнѣйшимъ практическимъ мѣропріятіемъ общества явился его собственный печатный органъ «Литературный Вѣстникъ». Новый журналъ, выходящій пока 8 разъ въ годъ, поставилъ себѣ цѣлью сдѣлаться изданіемъ, гдѣ могли бы помѣщаться историко-литературные матеріалы и отмѣчались бы сколько нибудь важные труды по исторіи русской литературы. Какъ видно изъ этого заявленія редакціи, «Литературный Вѣстникъ» представляется органомъ собственно не всего библіологическаго общества, въ составѣ котораго могутъ быть спеціалисты по разнымъ отраслямъ знанія, а лишь его историко-литературной секціи. Съ другой стороны, благодаря именно этому обстоятельству, молодой журналъ, оставаясь строго научнымъ изданіемъ, приближается къ типу нашихъ общеисторическихъ журналовъ и можетъ себѣ найти тотъ же кругъ читателей, что и они. Насколько «Литературный Вѣстникъ» удовлетворилъ требованіямъ науки, видно изъ того, что академія наукъ сочла нужнымъ ассигновать ему особую субсидію. То обстоятельство, что «Вѣстникъ» вступилъ во второй годъ существованія, указываетъ и на то, что особый органъ пришелся ко двору и обыкновенныхъ смертныхъ, не остывшихъ еще окончательно къ интересамъ науки и литературы. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что, преслѣдуя главнымъ образомъ идейныя цѣли, журналъ этотъ занимаетъ своеобразное положеніе: въ немъ все дѣлается и пишется даромъ. Какъ заявляетъ редакція въ годичномъ обзорѣ, ни одна статья, помѣщенная въ «Вѣстникѣ», не была оплачена гонораромъ.

и вся сложная и хлопотливая редакціонная служба неслась безплатно.

Обращаясь къ разсмотрѣнію содержанія журнала за истекшій первый годъ его существованія, мы замѣчаемъ, что книжки «Вѣстника» распадаются на два главные отдѣла. Прежде всего идутъ новые историко-литературные матеріалы и статьи научнаго характера. Такъ на страницахъ «Литературнаго Вѣстника» впервые появляются стихотворенія Огарева, доставленныя редакціи сыномъ Герцена, извѣстнымъ лозанскимъ физіологомъ. Отмѣтимъ далѣе письма Ѳ. Булгарина къ разнымъ лицамъ, любезно сообщенныя знатокомъ нашей исторіи С. Н. Шубинскимъ, со статьей В. Боцяновскаго объ этомъ «восьмомъ чудѣ», какъ зло назвалъ Булгарина одинъ современникъ. Далѣе заслуживаетъ вниманія доселѣ неизвѣстная статья Батюшкова «Замѣчанія на баснословіе сѣверныхъ народовъ», лишній разъ обнаруживающая живой интересъ поэта къ странѣ, «гдѣ природа мертва и угрюма». Историкъ литературы найдетъ въ этомъ отдѣлѣ немало для себя подходящаго и интереснаго, тѣмъ болѣе, что редакція перепечатываетъ въ своемъ журналѣ все, что можетъ найти о дѣятеляхъ литературы въ разныхъ провинціальныхъ изданіяхъ, большею частью недоступныхъ, а иногда и вовсе неизвѣстныхъ обыкновеннымъ смертнымъ.

Вторымъ основнымъ отдѣломъ журнала является критико-библіографическое обозрѣніе современной литературы и журналистики. Отдѣлъ этотъ составляется, видимо, съ любовью и отличается своей полнотой. Ни одна мало-мальски интересная книга, вышедшая въ 1900 году, не ускользнула отъ вниманія сотрудниковъ-сочленовъ и не осталась безъ обстоятельной и компетентной рецензіи. Особенно цѣнными являются въ этомъ отдѣлѣ списки журнальныхъ статей, касающихся литературы и ея дѣятелей. Такіе списки составляются редакціей ежемѣсячно и служатъ для интересующихся лицъ не замѣнимымъ пособіемъ для знакомства съ критической и библіографической литературой о томъ или другомъ писателѣ.

Отмѣчая книжныя новости, «Литературный Вѣстникъ» вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдитъ и за умственной и общественной нашей жизнью, поскольку она касается дѣятелей науки и литературы. Въ каждомъ № дается обстоятельный отчетъ о засѣданіяхъ столичныхъ ученыхъ обществъ съ краткимъ изложеніемъ читанныхъ тамъ рефератовъ. Смерть такихъ крупныхъ людей, какъ Шеллеръ и Майковъ, вызываетъ на страницахъ «Вѣстника» ихъ некрологи, а отлученіе отъ церкви графа Толстого—съ одной стороны перепечатку извѣстнаго синодальнаго посланія, а съ другой полемику, возникшую между супругою писателя и митрополитомъ Антоніемъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе этого общественнаго журнала. Физіономія его въ настоящее время достаточно выяснилась, и его положеніе среди другихъ изданій этого рода можно опре-

дѣлить, сравнивъ его съ «Русскою Стариною». Можно сказать, что по отношенію къ исторіи русской литературы органъ Русскаго библіологическаго общества занялъ то же положеніе, какое «Русская Старина» укрѣпила за собой относительно русской исторіи.

Опытный спеціалистъ замѣтитъ, конечно, нѣкоторую неполноту справочнаго отдѣла и даже, пожалуй, кое-какія погрѣшности. Но эти недостатки и не страшны, потому что журналъ, видимо, идетъ на расширеніе и улучшеніе, и извинительны, если вспомнить изреченіе знаменитаго Скалигера относительно всѣхъ вообще изданій, носящихъ главнымъ образомъ справочный характеръ:

Lexicographi secundum post Herculem labor.

А. Бв.

ИЗЪ ИСТОРИЧЕСКАГО ПРОШЛАГО ВЪ ЖЕНСКОМЪ ВОПРОСѢ.

(Культурно-историческія замѣтки).

ВЪ РУССКОЙ печати еще не было сдѣлано серіозныхъ попытокъ [1]) заняться хотя отчасти историческимъ прошлымъ женскаго вопроса, обращающаго теперь всеобщее вниманіе во всѣхъ сколько нибудь культурныхъ странахъ. А между тѣмъ именно такое разсмотрѣніе этого вопроса, т.-е. со стороны его культурно-историческаго прошлаго въ наше время очень интересно и особенно поучительно. Даже при самомъ бѣгломъ очеркѣ наиболѣе выдающихся болѣе или менѣе отдѣльныхъ фактовъ и эпизодовъ этого прошлаго,—что и предлагается здѣсь,—окажется, какъ обыкновенно нѣмцы говорятъ въ подобныхъ случаяхъ, Alles schon da gewesen (все такое уже было)! Женскій вопросъ пробовали уже рѣшать со всякихъ сторонъ и съ почти незапамятныхъ временъ! И всѣ считающіе себя противниками его и увѣряющіе, что онъ не что иное, какъ порожденіе нашего и притомъ самаго новѣйшаго либеральнаго времени, должны признать себя неправыми. Но съ другой стороны и всѣ сочувствующіе этому вопросу, при ознакомленіи съ его историческимъ прошлымъ, могутъ серіозно поразмыслить вотъ о чемъ. Почему же, если всѣ эти подчасъ удивительныя и мужественныя стремленія женщинъ въ теченіе почти

---

[1]) Уже почти при заключеніи этого очерка историческихъ фактовъ авторъ его съ большимъ интересомъ и удовольствіемъ прочелъ въ «Маленькихъ письмахъ» А. С. Суворина («Новое Время», № 9.203) именно такое обозрѣніе. Но А. С. Суворинъ преимущественно говоритъ о новѣйшихъ замѣчательныхъ историческихъ фактахъ въ женскомъ вопросѣ, касаясь болѣе древнихъ не далѣе конца XVIII вѣка. У автора же этихъ строкъ, наоборотъ, обзоръ почти кончается именно на этомъ времени.

всѣхъ вѣковъ не только постоянно проявлялись наружу, но и почти не прерывались,—до сихъ поръ сравнительно немного было сдѣлано? Подобныя разсужденія, основываемыя на прошломъ, которое, однако, далеко не что либо ничтожное, очень многимъ дадутъ возможность видѣть, какъ всякія напрасныя прежнія увлеченія и надежды, такъ и тѣ реальныя средства, которыхъ необходимо держаться при преслѣдованіи наиболѣе достижимаго въ этомъ дѣлѣ, пріобрѣтающемъ все болѣе и болѣе друзей. Объ этомъ впрочемъ еще нѣсколько словъ въ заключеніи очерка сравнительно съ нынѣшнимъ «женскимъ движеніемъ», какъ здѣсь называютъ женскій вопросъ.

Въ Западной Европѣ, кромѣ уже довольно богатой литературы по современному женскому вопросу, начинаютъ появляться отдѣльныя серіозныя книги и нерѣдкія статьи въ журналахъ и газетахъ, относящіяся именно къ исторіи этого вопроса. Въ числѣ, напримѣръ, недавно (1900—1901 г.) появившихся книгъ заслуживаютъ вниманія: вышедшая въ Парижѣ «Les femmes medecins d'autrefois» (Женщины врачи прежняго времени) доктора Марселя Бодуэна, гдѣ онъ излагаетъ исторію женскихъ врачей древнихъ вѣковъ, и вышедшая въ Лейпцигѣ въ двухъ томахъ «Über die Frauen in der Geschichte des deutschen Geistes-Lebens» (О женщинахъ въ исторіи германской духовной жизни) А. фонъ-Г.нштейна. Но заимствуемыя изъ этихъ сочиненій свѣдѣнія дополняются и изъ всевозможныхъ другихъ источниковъ, а также разсѣянныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и тщательно собранныхъ авторомъ этихъ строкъ извѣстій.

Первое знаніе, къ которому стремились выдающіяся женщины съ незапамятныхъ временъ, кажется, медицина. Уже изъ классической древности извѣстенъ цѣлый рядъ такихъ выдающихся женщинъ. Въ числѣ первыхъ ихъ называютъ Артемизію царицу карійскую, въ IV вѣкѣ до Рожд. Хр. прославившуюся своею необыкновенною скорбью по случаю смерти мужа ея— Мавзолея, и постановкою ему памятника въ видѣ изящнаго сооруженія, послужившаго образцомъ для подобныхъ же монументовъ и до нашихъ дней, т.-е. мавзолеевъ. Сколько извѣстно, съ тѣхъ поръ, т.-е. въ теченіе болѣе чѣмъ 22 вѣковъ, изъ возсѣдавшихъ на престолахъ женщинъ только нынѣшняя португальская королева послѣдовала примѣру своей знаменитой предшественницы, да еще какъ! Въ 1895 г. она прошла въ Лиссабонскомъ университетѣ полный курсъ медицинскаго факультета, потомъ поднесшаго ей докторскій дипломъ. Далѣе въ древности прославились: Өеано, жена знаменитаго Пиоагора, знавшая такъ же философію и другія науки и противъ Эврифона (основательно) утверждавшая, что семимѣсячный младенецъ бываетъ уже жизнеспособенъ; Арита, жрица Эскулапа (т. е. сына Аполлона и бога медицины), излѣчившая одного жителя отъ слѣпоты (жрецы въ древней Греціи и Египтѣ были первыми врачами);

Лаиса Аѳинская, по всей вѣроятности та извѣстная образованная гетера, которая «оказывала свое благоволеніе» философамъ Аристиппу, Діогену и Демосѳену. Но первою женщиною, получившею систематическое школьное медицинское образованіе, была Агнодиса, молодая аѳинянка, за 300 лѣтъ до Р. Х., а по другимъ въ первомъ вѣкѣ до Р. Х.; эта мужественная женщина, чтобы обойти уже тогда изданное запрещеніе женщинамъ заниматься высшими науками, остриглась, надѣла мужской костюмъ и поступила въ медицинскую школу нѣкоего философа Гіерофила. Новый врачъ скоро подъ прикрытіемъ мужского платья пріобрѣлъ знаменитость и большую популярность въ народѣ. Но слишкомъ уже ревнивые—насчетъ конкуренціи по доходамъ—коллеги, настоящіе врачи мужскаго пола, привлекли ее къ суду ареопага, между прочимъ, по обвиненію съ заднею мыслью, будто бы она портитъ, т. е. развращаетъ обращающихся къ ней за лѣченіемъ женщинъ. Агнодиса должна была признаться, что она сама женщина, что и требовалось ревнивыми коллегами, обвинившими ее затѣмъ въ нарушеніи закона, запрещавшаго женщинамъ и рабамъ заниматься медициною. Но тутъ за нее заступились знаменитѣйшія аѳинянки, умолявшія сенатъ объ отмѣнѣ такого закона. Шумная агитація женщинъ въ пользу Агнодисы такъ подѣйствовала на большинство сенаторовъ, оказывавшихъ знаменитой докторшѣ симпатіи, что они издали новый законъ, по которому женщинамъ дозволялось уже заниматься акушерствомъ и лѣченіемъ разныхъ другихъ болѣзней, свойственныхъ ихъ полу, конечно, къ немалому горю ихъ ревнивыхъ колегъ. Но, увы, послѣдніе, очевидно, таковыми же почти повсемѣстно остались и по сей день. Трудно-бъ вѣрилось, что это такъ, невзирая на два тысячелѣтія, но вотъ несомнѣнный фактъ, который такъ и хочется занести въ лѣтопись именно рядомъ съ повѣствованіемъ объ этомъ хитромъ преслѣдованіи прародительницы женскаго вопроса ея очень уже «ревнивыми» коллегами. На генеральномъ собраніи, лѣтомъ 1898 г., въ Висбаденѣ германскаго 26-го съѣзда врачей, единогласно постановлено было ходатайствовать, чтобы женщины вовсе не допускались къ изученію медицинскихъ наукъ или, по крайней мѣрѣ, если это уже никакъ невозможно, чтобы женщинамъ, стремящимся къ врачебной карьерѣ, не оказывалось на экзаменахъ никакихъ облегченій. Курьезно, однако, что «единогласными» коллегами сдѣлана-таки уступка: если нельзя вовсе не допускать, то хоть безъ всякихъ послабленій. Ходатайство врачей о первомъ поздненько: на всемъ земномъ шарѣ, вѣдь, по статистикѣ уже оказывается болѣе 7.000 съ дипломами врачующихъ человѣчество женщинъ. А въ «послабленіяхъ» [1]) женщины теперь, съ уравне-

[1]) Подъ недопущеніемъ послабленій врачи разумѣютъ требованіе отъ женщинъ и греческаго языка, отъ котораго до сихъ поръ онѣ освобождались въ университетахъ.

ніемъ въ Германіи въ правахъ мужчинъ реалистовъ съ классиками (и замѣтьте: не только оканчивающихъ реальныя гимназіи съ однимъ латинскимъ языкомъ, но и высшія реальныя школы, даже вовсе безъ латинскаго языка), женщины не имѣютъ уже и надобности, т. е. въ греческомъ языкѣ, для поступленія на медицинскій, какъ и на другіе факультеты (кромѣ древней филологіи и богословія).

Послѣ покоренія Греціи римлянами нѣкоторыя женщины занимались медицинскою практикою въ Малой Азіи, а отчасти въ самомъ Римѣ. Многія изъ этихъ женскихъ врачей были вольноотпущенныя, которыя должны были исполнять обязанности домашнихъ врачей ихъ господъ. Въ числѣ такихъ была Секунда въ домѣ Ливиллы, сестры Германика и племянницы Тиверія. Еще двѣ докторши сильно занимали историковъ подобныхъ вопросовъ. Первая изъ нихъ— Аспазія, жившая въ концѣ I вѣка нашей эры. Конечно, ее не должно смѣшивать со знаменитою женою Перикла, прославившеюся своею красотою и умомъ. Она оставила по себѣ важныя работы по женскимъ болѣзнямъ вообще и по акушерству въ особенности. Многимъ спорамъ подвергался также вопросъ о томъ, кто такая была вторая изъ этихъ врачей —Клеопатра, ученая, между прочимъ, оставившая сочиненіе о косметикѣ. Нѣкоторые утверждали, что это была не кто иная, какъ знаменитая египетская царица, увлекшая въ свои сѣти сперва Цезаря, а потомъ Антонія, и отравившая себя въ 30-хъ годахъ до Р. Х. ядомъ змѣи, когда ей не удалось еще одного римскаго властелина завлечь въ сѣти, т. е., Октавія. Знаменитый французскій химикъ Бертело считаетъ ее алхимическою писательницею, а другой (Геффтеръ) естествоиспытатель даже приводитъ нѣкоторыя мѣста изъ ея сочиненій по исторіи химіи,

Въ древней Галліи занимались женщины тоже нѣкоторою медицинскою практикою. Археологи нашли въ Нимѣ даже памятникъ, поставленный одной изъ нихъ, Гедонѣ, жившей во II-мъ вѣкѣ по Р. Х. Другая изъ этихъ извѣстныхъ врачей называлась Метилія Донате; въ Ліонѣ она пользовалась огромною популярностью и практикою.

Особенный интересъ для насъ должны представлять упоминаемыя исторіею, какъ мудрыя, женщины-врачи, изъ коихъ были даже мученицы и святыя. Такъ, Ѳеодосія, мать св. Прокофія, занималась медициною и хирургіею въ Римѣ и большою извѣстностью пользовалась. Она была во время преслѣдованій христіанъ при Діоклетіанѣ (въ III-мъ вѣкѣ по Р. Х.) казнена мечомъ. Позже Фабія, или Фабіола, признанная церковью святою, устроила даже на свой счетъ тамъ же первый въ исторіи госпиталь для бѣдныхъ. Наконецъ, медицинскою практикою занималась въ Византіи, при императорѣ Аркадіи, въ V вѣкѣ по Р. Х. св. Никерата, которой приписываютъ излѣченіе св. Хризостома отъ тяжкой болѣзни желудка.

Въ средніе вѣка, невзирая на ихъ безправіе въ извѣстныхъ отношеніяхъ, цѣлый рядъ женщинъ прославился полученіемъ по всѣмъ правиламъ въ университетахъ докторской степени, главнымъ образомъ въ мавританскихъ университетахъ Испаніи. Такъ Тротула де-Руджіеро (Rugiero), занимавшаяся медицинскою практикою въ XI вѣкѣ въ Салерно, пользовалась даже европейскою знаменитостью. Въ XIV вѣкѣ, Доротея Бокки (Bocchi) пріобрѣла не только докторскую степень, но и занимала профессорскую каѳедру по медицинскому факультету въ университетѣ въ Болоньѣ (Италія), наиболѣе тогда знаменитомъ въ Европѣ. Въ томъ же университетѣ гораздо позже (въ концѣ XVIII столѣтія) двѣ женщины оставили по себѣ хорошую память, какъ профессора: Анна Магнолини занимала профессорскую каѳедру по анатоміи, и Марія Донне (dolle Donne) по родовспомогательнымъ наукамъ. Судя по эдиктамъ отъ 1311 и 1352 г., и во Франціи женскіе врачи и хирурги не были тогда рѣдкостью.

Но не исключительно къ медицинскимъ наукамъ стремились женщины въ прежнее время. Недавно отыскалась лѣтопись вѣнскаго хрониста, аббата Мартина, который повѣствуетъ, что одна славянская студентка, по имени Новойка, еще въ 1400 году прошла весь курсъ богословія въ Краковскомъ университетѣ—тайно, наподобіе знаменитой вышеуказанной Агнодисы въ Аѳинахъ, прародительницы настоящаго женскаго вопроса,—и уже была наканунѣ провозглашенія ея бакалавромъ богословія. Она была лишь неожиданно открыта между студентами-мужчинами, хотя носила, конечно, мужское платье и долго жила среди нихъ въ бурсѣ. Лѣтописецъ этотъ называетъ такое открытіе тогда большимъ скандаломъ и сообщаетъ, что вѣсть о томъ съ быстротою молніи распространилась по городу, ибо подобное поведеніе считалось тяжкимъ преступленіемъ. Преданная суду, она спокойно объяснила, что ея поступокъ не болѣе, какъ *чистая жажда науки*. Судьи сначала сомнѣвались въ этомъ, но ректоръ и преподаватели подъ присягою показали, что тайная студентка отличалась не только примѣрнымъ прилежаніемъ и хорошимъ поведеніемъ, но и заявила себя уже серіозными научными познаніями въ богословіи. Тогда судьи, оставивъ всякія сомнѣнія, рѣшили лишь отправить въ монастырь ученую дѣвицу.

Тамъ она скоро сдѣлана была начальницею школы и настоятельницею женскаго монашескаго ордена. Исторически установлено, что Новойка была авторомъ одного цѣнившагося въ XV столѣтіи религіознаго сочиненія подъ заглавіемъ «Книга Новойки».

Въ Германіи собственно духовная эмансипація женщинъ началась гораздо позже, чѣмъ въ вышеуказанныхъ странахъ. Тамъ началось это движеніе лишь вмѣстѣ съ пробужденіемъ интереса къ умственнымъ благамъ, послѣ тридцатилѣтней войны, хотя и кон-

чившейся религіознымъ равноправіемъ протестантовъ съ католиками, но разрушившей Германію и ея культуру надолго. Зато тамъ этотъ вопросъ, такъ сказать, съ матеріальной стороны скоро послѣ того поставленъ былъ ребромъ. Изъ недавно открытаго въ архивахъ подлиннаго документа отъ 1650 года,—на удивленіе всѣхъ христіанъ,—видно, что тогда было въ Германіи дозволено даже двоеженство съ тѣмъ лишь, чтобы по возможности уничтожить вредное большое преобладаніе (численное, конечно) женщинъ надъ мужчинами. Въ этомъ актѣ, составленномъ какъ бы соборомъ франконскаго округа (Франкская или Франконская область составляла провинціи, отошедшія послѣ отчасти къ Баваріи, а отчасти къ Пруссіи), на каковомъ собраніи участвовали даже князья-епископы (католическіе), то-есть высшія духовныя власти,—впервые, конечно, со времени христіанской цивилизаціи, находятся три слѣдующіе удивительные пункта (передаю ихъ тѣмъ же старымъ слогомъ): «1) Симъ воспрещается въ теченіе послѣдующихъ 10 лѣтъ принятіе въ монастыри молодыхъ мужчинъ или лицъ мужского пола менѣе 60 лѣтъ отъ роду; 2) всѣмъ священникамъ и настоятелямъ приходовъ (католическихъ, конечно), не принадлежащихъ къ религіознымъ орденамъ, немедленно (должно) вступить въ бракъ; 3) всякой личности мужского пола дозволяется жениться на двухъ женщинахъ. Однако при семъ всѣмъ и каждому изъ лицъ мужского пола напоминается,—и съ церковной каѳедры тоже въ томъ почаще должно увѣщевать, (что должно) такъ себя вести и соблюмать себя въ томъ, чтобы онъ (мужчина) ревностно заботился съ необходимою и подобающею въ семъ скромностью и предусмотрительностью, какъ законный мужъ, коему довѣрили взять двѣ жены, не только о томъ, чтобы надлежащимъ образомъ обезпечить обѣ законныя жены, но и предотвратить между ними всякіе раздоры». Какъ долго дѣйствовало это изумительное для христіанской культуры законное нововведеніе,—исторія умалчиваетъ, равно неизвѣстно, много ли тогда нашлось охотниковъ брать по «двѣ законныхъ». Но если бы въ наше время какимъ либо мудрецамъ вздумалось вновь попробовать это слишкомъ уже радикальное средство, то на дѣлѣ вышло бы куда какъ трудно это сдѣлать. Напримѣръ, въ одной Германіи на 26 милліоновъ мужского населенія 27 милліоновъ женскаго,—слѣдовательно, еслибъ всѣхъ поголовно заставить вступать въ обязательный бракъ, то около милліона женщинъ нужно было бы выдавать замужъ въ качествѣ вторыхъ женъ. Нужно еще замѣтить, что этимъ страннымъ двоебрачіемъ 250 лѣтъ назадъ думали также подготовить болѣе мужского населенія «противъ враговъ христіанъ, турокъ», грозившихъ тогда Европѣ.

Около того же самаго времени, т. е. 250 лѣтъ назадъ, «женское движеніе» не только было пущено въ ходъ, но, какъ оказывается, находилось даже въ полномъ разгарѣ и въ старой Польшѣ, какъ

извѣстно, не любившей никакихъ, ни семейныхъ, ни соціальныхъ измѣненій. Въ университетской библіотекѣ г. Кракова находится очень оригинальный подлинный документъ того времени, XVII вѣка, гдѣ интеллигентная женщина изложила всѣ свои благопожеланія насчетъ женской эмансипаціи для подачи въ видѣ петиціи парламенту, созванному тогда королемъ Владиславомъ IV. Для подачи этой коллективной просьбы женщинъ великой Польши и Литвы были даже избраны практическими польками особыя посланницы-комиссарки отъ разныхъ мѣстностей. Петиція содержитъ 25 особыхъ пунктовъ, изъ коихъ каждый имѣетъ культурно-историческій интересъ. Самые курьезные, какъ кажется, пункты колоссальнаго прошенія женщинъ—14-й и 19-й: въ первомъ онѣ упрашиваютъ объ изданіи закона объ обязательномъ бракѣ для всякаго мужчины, «не позже 30 года жизни», а во второмъ—онѣ «всеподданнѣйше» просятъ парламентъ и короля «для военной службы избирать впредь лишь мужчинъ, лишенныхъ всякой жизненной энергіи и имѣющихъ какіе либо выдающіеся (физическіе) недостатки», а слѣдовательно негодныхъ для брака. Статьею 5-ю ходатайствовалось, чтобы «молодые люди, сватавшіеся на масленицѣ за дѣвушекъ и до іюня не женившіеся, подвергались штрафу въ 1.000 польскихъ гульденовъ въ пользу осиротѣвшихъ польскихъ дѣвицъ». Въ ст. 2 и 3 (что не дурно бы и теперь проводить!) просятъ, чтобы были воспрещены и наказываемы денежные браки (изъ-за денегъ лишь), и предоставлено было всѣмъ свободное право выбора жениховъ. Никакому отцу не должно быть болѣе дозволяемо принуждать своихъ дочерей къ браку съ нелюбимыми ими людьми. 18 статьей требуется уже нѣчто болѣе чѣмъ курьезное дозволеніе вступать въ бракъ только «парамъ, имѣющимъ одинаковый характеръ», т. е. дурной мужчина можетъ лишь на такой же женщинѣ жениться, простодушный — лишь на простачкѣ и т. д. Есть далѣе пунктъ (10) о воспрещеніи вдовамъ, имѣвшимъ одного или нѣсколькихъ мужей, послѣ 40 лѣтъ, улавливать въ свои сѣти юношей. Но добились ли всего этого польки, такъ жаждавшія своей эмансипаціи, къ сожалѣнію, изъ исторіи не видно.

Но въ высшей степени курьезно, что это радикальное средство, изобрѣтенное женщинами въ старой Польшѣ два съ половиною вѣка назадъ, какъ соціальное лѣченіе нынѣшнихъ женскихъ бѣдъ и всего женскаго вопроса, предлагается немногими прямолинейными мудрецами. Даже извѣстный германскій философъ Э. фонъ Гартманъ для этого предлагаетъ, если уже не обязательный бракъ всѣхъ къ тому способныхъ мужчинъ, то, по крайней мѣрѣ, установленіе налога на холостяковъ въ пользу не выходящихъ замужъ дѣвицъ.

Сильно разрушившая культуру тридцати-лѣтняя война, однако же, какъ это обыкновенно бываетъ послѣ подобныхъ войнъ, скоро на-

чала послѣ мира опять пробуждать интересъ къ духовнымъ благамъ всякаго рода въ Германіи. Уже даже въ самомъ началѣ этой войны стали образовываться союзы всякихъ выдававшихся въ умственномъ отношеніи людей, въ каковыя общества охотно поступали и женщины. Въ одномъ тогда знаменитомъ такомъ союзѣ, предсѣдателемъ коего былъ поэтъ—принцъ Людвигъ Ангальтскій, а членомъ—великій курфюрстъ Бранденбургскій, родоначальникъ нынѣшнихъ императоровъ геманскихъ, былъ даже поставленъ на очередь вопросъ, могутъ ли пишущія женщины быть членами этого литературно-ученаго общества, при чемъ единогласно было дано въ отвѣтъ да. Въ числѣ небольшихъ подобныхъ союзовъ, бывшихъ какъ бы питомниками-отдѣленіями этого, потомъ сталъ извѣстенъ союзъ въ г. Нюрнбергѣ или орденъ «Pegnitzschäfer», который имѣлъ своимъ прямымъ назначеніемъ пробуждать и направлять женщинъ къ умственной работѣ. Тогда были устроиваемы такъ называемыя общественныя игры или «женскія собесѣдныя игры», для коихъ составляемы были изъ всѣхъ европейскихъ литературъ сборники (всего достойнаго познанія). Въ одно изъ такихъ собесѣдованій, членъ общества, жена настора Штокфлетъ, держала рѣчь о равноправности женщинъ, чѣмъ сохранила о себѣ память и до нашего времени. Между прочимъ, она говорила тогда (въ 1669 г.) почти то же, что и теперь говорится, а именно: «почему же это наконецъ мы должны прозябать въ навязываемомъ намъ, женщинамъ, невѣжествѣ?! И должны безъ вины переносить названіе дуръ? Развѣ мы не такіе же люди, какъ и мужчины? Вѣдь, разумъ и рѣчь людей суть качества, кои отличаютъ ихъ отъ безсловесныхъ животныхъ,—почему же это мы не можемъ упражнять нашъ разумъ?» Тогда, какъ оказывается, почти во второй половинѣ XVII вѣка, были уже далеко не въ видѣ одинокихъ случаевъ, а цѣлыми группами, женщины, желавшія образовывать свой умъ наравнѣ съ мужчинами. Два года спустя (1671 г.), вдова профессора Кенигсбергскаго университета Гертруда Моллеръ была признана поэтессою пфальцъ-графа, которому, какъ и нѣкоторымъ университетамъ, императоромъ предоставлено было это право «вѣнчанія» или провозглашенія поэтами и женщинъ съ возложеніемъ на головы ихъ лавровыхъ вѣнковъ и пр.

На сторонѣ ищущихъ просвѣщеніи женщинъ стояли уже въ то время почти всѣ выдающіеся въ умственномъ отношеніи мужчины. Записные же ученые еще раньше (въ 1651 г.) торжественно признали заслуги Анны-Маріи фонъ-Шюрманнъ, написавшей тогда на латинскомъ языкѣ диссертацію о способностяхъ женскаго ума къ высшему образованію. А шесть лѣтъ послѣ того великій реформаторъ воспитанія, славянинъ Антонъ Коменскій, котораго нѣмцы все желаютъ считать своимъ и ради этого именуютъ его Коменіусомъ (Comenius), въ своемъ основномъ сочиненіи «Дидактика» такъ во-

прошалъ насчетъ ставшаго тогда жгучимъ женскаго вопроса: «почему же мы должны ихъ, женщинъ, допускать къ A B C (начальному образованію), но затѣмъ отгонять отъ книгъ, т. е. наукъ?» Вообще тогда не было рѣдкостью, что юныя дѣвицы говорили по-латыни. А среди дочерей ученыхъ это было даже вполнѣ обычно. Въ основанномъ піэтистомъ-благотворителемъ Германномъ Франке (въ 1698 г.) въ г. Галле «Сиротскомъ домѣ» было отдѣленіе для «дочерей господъ и знатныхъ», одна учительница (а прежде воспитанница) коего отлично знала языки: латинскій, греческій и гебрайскій (и она была не единственная въ этомъ отношеніи).

Въ началѣ XVIII столѣтія женщины съ высшимъ литературнымъ и ученымъ образованіемъ, по словамъ ихъ исторіографовъ (есть уже и такіе спеціалисты), просто росли, какъ грибы изъ земли послѣ хорошихъ дождей. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что рядомъ съ отличившимися въ борьбѣ за свою умственную эмансипацію женщинами были и мужчины, усердно помогавшіе имъ въ этомъ. Въ 1704 г. Пауллини издалъ свою книгу: «Высоко и хорошо образованная нѣмецкая женщина», съ алфавитнымъ перечисленіемъ нѣсколькихъ сотенъ женщинъ, ставшихъ извѣстными въ умственной области, при чемъ затронулъ много вопросовъ о женскихъ качествахъ въ отношеніи къ высшему образованію. Въ предисловіи онъ обзываетъ французскаго романиста Бальзака «немытымъ рыломъ» за его насмѣшливыя сомнѣнія насчетъ женскихъ способностей къ такому образованію. Между прочимъ онъ задаетъ вопросъ, который не лишенъ значенія и теперь: «всѣ и каждый изъ насъ очень хотѣли бы имѣть у себя благоразумныхъ бабъ, но средствъ къ развитію ихъ разсудка, вѣдь, никто не хочетъ предоставлять». Онъ же приводитъ протестъ одной тогдашней женщины, жаловавшейся на то, что «ихъ, вмѣсто стремленія къ совершенству, душатъ въ расцвѣтѣ ихъ способностей преждевременною отсылкою лишь въ кухонныя тюрьмы и принужденіемъ ихъ быть Марѳами, тогда какъ многія изъ нихъ желали бы быть Маріями». Два года послѣ того появилась подобная же книга подъ заглавіемъ: «Кабинетъ извѣстнѣйшихъ женщинъ съ высшимъ образованіемъ, собранныхъ со всѣхъ странъ и изъ всѣхъ временъ»—писателя Эберта изъ Силезіи. Спустя же 10 лѣтъ (въ 1715 г.) появилось сочиненіе Лемса (Lehms): «Ученыя или изящныя поэтессы Германіи», сдѣлавшее автору быстро общую извѣстность. Онъ не безъ остроумія доказывалъ тамъ, что «женскій полъ столь же способенъ къ высшему образованію, какъ и мужской». Дальше авторъ доказывалъ историческими примѣрами, что «женскому полу ничего не недостаетъ на счетъ храбрости, благоразумія, учености и другихъ главныхъ добродѣтелей», и утверждалъ, что «даже нравственность женщинъ вслѣдствіе ихъ высшаго ученія не подвергается никакой опасности, такъ какъ именно ученыя женщины никогда не даютъ другимъ никакихъ соблазнительныхъ при-

мѣровъ», поэтому имъ необходимо открыть всѣ факультеты для ученія ихъ по желанію и расположенію, «для достойнаго пользованія дарованнымъ имъ Богомъ точно такъ же, какъ и мужчинамъ, разумомъ».

И подобная пропаганда выдающихся писателей (въ книгахъ болѣе 300 убористыхъ страницъ) въ то время далеко не оставалась безплодною. Но, какъ выше замѣчено, первоначально подобающія власти «вѣнчали» выдававшихся по талантамъ и образованію женщинъ лишь «на званіе поэтессъ» (zu Poetinnen). Формальное же пожалованіе докторской степени имъ университетами началось позже и, что особенно замѣчательно, въ Пруссіи, по почину Фридриха Великаго. Такъ въ Пруссіи объявлены были поэтессами на такихъ «вѣнчаніяхъ на поэтовъ» (Dichterkrönung) [1]), бывавшихъ обыкновенно въ университетахъ послѣ защиты (мужчинами) магистерскихъ и докторскихъ диссертацій, двѣ женщины, такъ прославившіяся въ свое время, что противъ нихъ, какъ и противъ всей женской умственной эмансипаціи, въ то время появился большой печатный пасквиль недоброжелателей всего этого движенія, —сатира, сохранившаяся и до нашего времени и, какъ оказывается, мало чѣмъ отличающаяся отъ аргументаціи нынѣшнихъ враговъ такихъ же стремленій женщины. То были двѣ женщины (замужнія): г-жа Готтшедъ и г-жа фонъ-Циглеръ, удостоившіяся такой чести въ университетѣ Виттенбергскомъ (въ 1733 г.) или торжественно принявшія «поэтическіе лавры», какъ выразился тогдашній деканъ того университета, Готтшедъ, тоже считавшійся энергическимъ покровителемъ женской умственной эмансипаціи. Онъ уже въ 1725 г., въ своемъ одномъ сочиненіи, вопросъ, могутъ ли женщины заниматься науками (высшими), назвалъ «избитымъ» или «устарѣлымъ». Изъ цѣлыхъ серій объявленныхъ въ то время поэтессами сдѣлались извѣстными или «безсмертными» еще: Сибилла Ригеръ, Христина Леберъ и Гедвига Цейнеманнъ. Первою формальною женщиною-докторомъ медицины, «по повелѣнію Фридриха Великаго», въ 1754 г. въ г. Галлѣ отъ университета была провозглашена жена пастора Эркслебена и была очень извѣстнымъ и дѣятельнымъ врачемъ въ свое время. Этой счастливицѣ на поприщѣ женской эмансипаціи задолго до того, когда она была еще молоденькою дѣвицею Леоринъ и усердно училась, извѣстный ректоръ Экгардъ даже предсказалъ какую-то «особую вѣсть» потомъ, когда правилъ ея греческіе переводы. Второй случай удостоенія докторской степени женщины въ Германіи, однако, послѣдовалъ лишь черезъ 33 года, когда всего 16-ти-лѣтняя Доротея Шлецеръ была возведена въ это званіе Геттингенскимъ универси-

---

[1]) Въ Германіи подъ именемъ Dichter или Dichterin, поэтъ или поэтесса, понимають не исключительно пишущихъ въ стихотворной формѣ, а и романистовъ и романистокъ.

тетомъ. Около того времени, однако, послѣдовала реакціи противъ равноправности женщинъ, особенно со стороны самой учащейся молодежи, совершенно, какъ кое-гдѣ и теперь, иногда расположенной вмѣсто всякихъ идеальныхъ стремленій видѣть сильную конкурренцію женщинъ въ области, до того принадлежавшей исключительно имъ, мужчинамъ. Особенно медики отличались и тогда такими не очень высокими чувствами профессіальной конкурренціи. Но были и поэты, не сочувствовавшіе всему этому движенію женщинъ. Даже такіе, какъ Клопштокъ и особенно Гете, преимущественно въ молодые годы, были противниками его. Великій поэтъ (Гете) и позже осмѣялъ въ своихъ «Страданіяхъ молодого Вертера», во II части, одну ученую жену пастора. Авторъ выше названныхъ двухъ нѣмецкихъ историческихъ книгъ по женскому вопросу отчасти объясняетъ именно этимъ вліяніемъ небольшой перерывъ въ женскомъ движеніи въ то время. Лишь на исходѣ XVIII вѣка и въ началѣ XIX снова стали женщины появляться, какъ научно образованныя, и опять начали проводить свои стремленія по части эмансипаціи.

Какъ разъ около того времени (въ 1792 г.) появилось еще одно особенно замѣчательное большое сочиненіе Гиппеля: «О гражданскомъ улучшеніи женщинъ», въ которомъ находится большая часть всѣхъ нынѣшнихъ аргументовъ, въ историческомъ, культурномъ, соціальномъ, нравственномъ и психологическомъ отношеніяхъ. Особенно авторъ доказываетъ искусственное образованіе того приниженнаго положенія, противъ коего борются наиболѣе выдающіяся женщины, и дѣлаетъ обращенія къ природѣ, по примѣру Ж. Ж. Руссо, такъ много способствовавшаго такими же воззваніями къ справедливой матери-природѣ, равенству правъ людей вообще и т. д. Гиппель настаиваетъ, чтобы женщинъ тоже воспитывали, какъ гражданокъ для государства, насчетъ же того, что онѣ должны знать, какъ матери семей и хозяйки дома, — чтобъ ихъ обучали особо. Вѣдь, болѣе половины человѣчества, говоритъ онъ, въ отношеніи первоначальнаго воспитанія лежитъ на рукахъ именно женщинъ, какъ же ихъ самихъ-то оставлять безъ надлежащаго образованія? Онъ уже тогда приводилъ общераспространенное теперь доказательство полезности особенно медицинскаго образованія женщинъ, вопрошая: «развѣ неисчислимыя женщины и особенно дѣвушки не скрываютъ своихъ болѣзней, пока послѣднія не становятся неизлѣчимыми, только потому, что онѣ стыдятся мужскихъ врачей?» Но что особенно придаетъ этому сочиненію Гиппеля значеніе и теперь, такъ это, конечно, не его воззванія къ природнымъ правамъ въ родѣ Руссо, а именно разносторонность доказательствъ, что нынѣшнее (какъ и тогдашнее) положеніе женщинъ, противъ коего въ теченіе вѣковъ все дѣлались попытки реформъ, образовалось исторически и искусственно, и что во имя справедли-

вости и соціальной цѣлесообразности скоро должны возникнуть новые идеалы на мѣсто старыхъ и т. д. Автору этихъ строкъ помнится даже, что нѣкоторыя германскія газеты, 10 лѣтъ назадъ, въ 1892 г., въ видѣ столѣтняго юбилея систематической защиты женскаго движенія въ Германіи, дѣлали изъ этой книги большія извлеченія.

Что почти во всей тогдашней культурной Европѣ въ XVIII вѣкѣ движеніе въ пользу женщинъ было довольно въ ходу, доказываетъ еще замѣчательный протестъ швейцарскихъ женщинъ около 200 лѣтъ тому назадъ. Объ англійскихъ и американскихъ женщинахъ и ихъ движеніи въ прежнія времена я здѣсь не говорю. И на этотъ счетъ есть уже особая литература, хотя движеніе собственно среди американскихъ женщинъ нѣсколько позднѣйшаго періода и не такъ важно для этого историческаго обозрѣнія особенно выдающихся фактовъ. Конечно, тогда, т. е. въ XVIII столѣтіи, женщины хлопотали большею частью лишь о своемъ скромномъ участіи въ умственной культурѣ и профессіяхъ практическихъ, сообразно тому времени, а не о всевозможныхъ полныхъ правахъ, какъ это дѣлается теперь на женскихъ конгрессахъ и въ женской литературѣ. Въ 1721 г. въ Цюрихѣ издавался еженедѣльный журналъ «Die Discourse der Mahlern» (Бодмеромъ и Брейтингеромъ), занимавшійся всевозможными философскими, эстетическими и критическими разсужденіями. Журналъ этотъ съ особеннымъ усердіемъ занимался и женскимъ вопросомъ, стараясь привлекать женщинъ къ умственнымъ и литературнымъ интересамъ. Это было сдѣлано по образцу англійскихъ журналовъ (стало быть, тогда уже такое же движеніе, и даже нѣсколько раньше, было и въ Англіи), при чемъ была даже образована особая женская библіотека для литературнаго образованія женщинъ — издателями «Die Discoures». Въ своемъ протестѣ на имя этихъ редакторовъ швейцарскія женщины жалуются на то, что «все еще дѣйствуетъ основное правило», по коему будто бы науки должны «считаться вредными женщинамъ и даже дѣлаютъ ихъ смѣшными», — увы, это правило, невзирая на 200 лѣтъ, въ извѣстныхъ сферахъ очень ходячее и теперь и вполнѣ «свѣжее» для этихъ сферъ. Онѣ, женщины, будто бы лишь затѣмъ рождены, чтобы стирать, штопать и судить о покроѣ юбокъ. Чтеніе хорошихъ книгъ имъ совершенно недоступно.

«Наше намѣреніе,—говорится въ протестѣ дальше,—не въ томъ, чтобы мы черпали изъ книгъ слишкомъ отвлеченныя научныя знанія насчетъ ненужныхъ намъ вещей; мы желаемъ быть пріятными подругами, умными женами и хорошими матерями. Но именно ваша порода, вашъ полъ, господа мужчины, есть главная причина тому, что почти всѣ наши разсужденія касаются лишь однихъ пустяковъ. Мы вынуждены влачить нашу жизнь въ рабскихъ трудахъ, ибо мужчины отнимаютъ у насъ всякую возможность заниматься порядочными дѣлами, достойными людей».

Когда я писалъ эти строки, мнѣ почему-то очень кстати подвернулся отчетъ о недавней парламентской рѣчи графа Посадовскаго, который, къ общему смѣху, почти буквально заявилъ то, что швейцарки выразили 200 лѣтъ назадъ. Дѣло въ томъ, что въ германскихъ обоихъ парламентахъ довольно часто разными друзьями женскаго движенія и подъ всякими предлогами начинаются споры о женскомъ вопросѣ.

И вотъ, представитель правительства Германской имперіи, статсъ-секретарь Посадовскій, заявляетъ слѣдующее: «Что до высшаго образованія женщинъ, то я самъ очень сочувственно къ этому дѣлу отношусь, чтобы расширить полезныя для нихъ занятія. Но, вѣдь, господа, самые большіе враги женщинъ въ этой области это мужчины!» И тогдашнее движеніе, какъ въ Швейцаріи, такъ и другихъ странахъ, не было какимъ либо слишкомъ мимолетнымъ, скоротечнымъ. Это доказывается еще недавно открытымъ письмомъ одного женевскаго ученаго, съ которымъ Фридрихъ Великій, много позже послѣ этого женскаго протеста, раздавшагося въ началѣ XVIII вѣка,—подробно бесѣдовалъ о женскомъ вопросѣ, какъ очень современномъ тогда (этотъ же женевецъ послалъ объ этомъ отчетъ женевскому профессору Бурламаки). Разсужденія философа-короля особенно достойны вниманія, какъ по основательности ихъ, такъ и потому, что собственно самъ онъ не былъ особеннымъ другомъ женщинъ и тѣмъ не менѣе такъ безпристрастно относился къ этому общественному вопросу. Какъ извѣстно, этотъ прусскій король болѣе своей полъ-жизни провелъ въ одиночествѣ, помѣстивъ свою супругу-королеву въ особый отдаленный отъ него дворецъ и обставивъ ее всякими почестями, но являлся къ ней только разъ въ годъ для торжественнаго поздравленія съ новымъ годомъ. Вотъ что говорилъ этотъ философъ изъ «Сансуси» (его дворецъ въ Потсдамѣ) по женскому вопросу. «Сознаюсь вамъ (женевскому ученому), что я часто бывалъ возмущенъ, когда только себѣ представлялъ, до какой степени въ Европѣ эту половину рода человѣческаго (женщинъ) маловажною считаютъ и всѣмъ пренебрегаютъ, что только можетъ служить къ образованію ихъ ума. Сколько же есть женщинъ, которыя ни въ чемъ не уступаютъ мужчинамъ! Въ нашемъ вѣкѣ есть и королевы, далеко превосходящія своихъ предшественниковъ (мужчинъ),.. Я не смѣю этихъ женщинъ называть изъ боязни имъ не понравиться, если коснусь ихъ чрезвычайной скромности, достойной короны за ихъ добродѣтели и таланты... При серіозномъ и основательномъ воспитаніи этотъ полъ, право, одержалъ бы надъ нашимъ побѣду; онъ обладаетъ всякими прелестями красоты; но развѣ прелести ума не достойны предпочтенія? Конечно, общество не можетъ существовать безъ законныхъ браковъ, коими оно дальше произрастаетъ и становится вѣчнымъ. Поэтому необходимо пещись объ этихъ юныхъ растеніяхъ, образуемыхъ для

передачи корней потомству, такъ чтобы мужъ и жена равноправно могли исполнять обязанности главы семейства. Необходимо поэтому, чтобъ разумъ, умъ, талантъ, нравственность этому служили въ равной мѣрѣ, какъ основаніе, чтобы тѣ, кои его получаютъ, въ свою очередь могли передавать тѣмъ, коимъ они будутъ давать жизнь... Я долженъ еще сказать о злоупотребленіяхъ отцовскою властью, что относится тоже къ этому вопросу,—злоупотребленіяхъ, кои нерѣдко принуждаютъ дочерей подпадать подъ иго неподходящихъ браковъ... Я уважаю не менѣе всякаго другого отцовскую власть и вовсе не противъ нея, однако же я желаю, чтобы имѣющіе ее въ своихъ рукахъ не злоупотребляли ею, принуждая къ бракамъ тѣхъ, кои не имѣютъ никакой склонности одинъ къ другому, коихъ характеры или возросты не подходятъ одинъ къ другому... Родители должны совѣщаться со своими дѣтьми, когда дѣло идетъ о заключеніи союза, отъ котораго зависитъ счастье или несчастье всей жизни ихъ». Здѣсь кстати еще, по новымъ извѣстіямъ, прибавить, что этотъ король-мыслитель не на словахъ лишь придерживался этихъ принциповъ о женщинахъ. Когда вышеупомянутая жена пасторка Эркслебенъ, сильно желавшая держать экзаменъ на доктора-медицины, преподнесла ему въ 1749 году вышедшую въ Берлинѣ вторымъ изданіемъ книгу объ «Изслѣдованіи причинъ недопущенія женщинъ къ высшему образованію» и проч., съ просьбою о допущеніи ея къ экзамену, то монархъ и приказалъ ее допустить, какъ выше сказано, въ университетъ Галле. Выдержавъ блестящимъ образомъ таковой (она уже имѣла 4-хъ дѣтей) и принесши тамъ же присягу на званіе доктора при небываломъ собраніи учащихся и молодежи, она была допущена къ медицинской практикѣ (она имѣла таковую огромную), къ удовольствію короля, покровителя женскихъ стремленій къ образованію и пріобрѣтенію честныхъ средствъ къ жизни.

Мнѣ хочется кое-что сказать еще объ одной отросли занятій, которыми женщина также довольно давно уже въ Западной Европѣ прославилась, и о которыхъ обыкновенно думаютъ, что это тоже лишь новшества. Это—почти такъ же, какъ и медицинскія занятія, излюбленныя ими почтовыя занятія, дополняемыя новѣйшею культурою телеграфными и телефонными занятіями. Заблужденіе, будто бы и эта общественная, или правильнѣе государственная, служба женщинъ лишь измышленіе (либераловъ) нашего времени, вполнѣ опровергается недавно найденными подлинными документами историческаго значенія. Въ Берлинѣ, въ архивѣ почтоваго музея Германской имперіи, открыли нѣсколько такихъ замѣчательныхъ документовъ. Изъ нихъ оказывается, что женщины уже съ первой половины XVIII-го вѣка то тамъ, то сямъ, въ разныхъ государствахъ Германіи, завѣдывали почтовыми управленіями въ качествѣ начальницъ и, конечно, еще болѣе въ качествѣ подчиненныхъ. Изъ перваго изъ этихъ инте-

ресныхъ документовъ видно, что въ 1740 году владѣтельный князь Турнъ-Таксискій, Александръ-Фердинандъ, собственноручнымъ приказомъ назначилъ одну даму директрисой своихъ почтъ. Второй документъ содержитъ въ себѣ назначеніе этимъ же княземъ въ 1748 году еще одной дамы начальницею провинціальныхъ почтъ. Исторія этого княжескаго рода замѣчательна. Предки этого князя, открывшаго въ Европѣ женщинъ для почты или почту для женщинъ, если угодно, стали знаменитыми открытіемъ почты въ Западной Европѣ. Въ 1516 году, дворянинъ изъ итальянскихъ выходцевъ, Францъ Таксисъ, основалъ между Вѣною и Брюсселемъ первую почту для всеобщаго пользованія. Умныя соображенія его и полное ихъ оправданіе насчетъ всеобщей пользы отъ такой (правильной) почты послужили причиной того, что его потомки сперва были императоромъ Германіи возведены въ графы, а потомъ въ князья, такъ какъ изобрѣтенная ихъ предкомъ почта служитъ уже благомъ всего человѣчества. Еще недавно, въ 1867 году, Пруссія выкупила отъ этихъ князей почтовыя права и учрежденія за 9 милліоновъ марокъ. Такъ какъ потомкомъ перваго Турнъ-Таксиса, назначеннаго тогда же генералъ-почтмейстеромъ Германской имперіи, эта должность была для всего дома этихъ князей предоставлена наслѣдственно, то понятно, почему вышеназванный князь Александръ назначалъ женщинъ въ разныя германскія почтовыя учрежденія. И его соображенія, что женщины хорошо годятся для должностей почтовыхъ, гдѣ особенно требуются: аккуратность, трезвость, надежность, — какъ и соображенія его предка насчетъ полезности почты вообще, оправдались на дѣлѣ вполнѣ. Кромѣ другихъ германскихъ государствъ, Пруссія у себя тогда же начала вводить службу женщинъ. Третій изъ упомянутыхъ документовъ Берлинскаго музея есть подтвержденіе прусскимъ правительствомъ назначенія въ 1779 году управительницею почты въ г. Варендорфѣ одной дамы.

Изъ другихъ разныхъ документовъ архива небезынтересно отмѣтить, что женщины съ большимъ успѣхомъ завѣдывали здѣсь въ качествѣ второстепенныхъ или низшихъ почтовыхъ чиновницъ. Нѣкая Маріанна, прозванная «Цопотскою скорою почтою» за ея быстроту сношеній, въ началѣ XIX-го вѣка завѣдывала въ Пруссіи почтовымъ сообщеніемъ между городами Цопотомъ и Данцигомъ въ теченіе 32 лѣтъ, и, какъ говоритъ хроникеръ, еще дольше служила бы, если бы не была въ лѣсу подкараулена и убита невѣжественными крестьянами, считавшими ее именно за ея образцовую быстроту сношеній или сообщеній «чародѣйкою». Чиновница (дѣвица) Цваклинская также завѣдывала почтою между городами Тильзитомъ и Рагнитомъ, въ пограничной намъ части Пруссіи, съ 1823 года по 1868 году, то-есть въ теченіе 45 лѣтъ. Около того же времени вдова Гаммерштейнъ въ теченіе 33 лѣтъ завѣдывала почтою въ Эльберфельдѣ, въ Пруссіи же.

Теперь мало кого удивляетъ, что по только что изданной центральнымъ почтовымъ управленіемъ въ Берлинѣ статистикѣ состоитъ на службѣ въ почтѣ, телеграфахъ и телефонахъ, въ одной только прусской столицѣ и ея ближайшихъ пригородахъ [1]), болѣе 3.000 женщинъ. И это государственная служба: всѣ эти женщины приводятся къ присягѣ на государственную службу; многія изъ нихъ, какъ говорится въ отчетахъ, за вѣрную и усердную службу получаютъ прибавки къ жалованью (начальное жалованье уже порядочное—1.100 м., которое увеличивается до 1.500 м., кромѣ того, еще 540 м. квартирныхъ) Интересно еще то, что здѣшнее правительство возвращается къ вышеописанной системѣ учрежденія (въ провинціяхъ) имперскихъ почтовыхъ агентуръ, въ которыя назначаются женщины, съ самостоятельнымъ управленіемъ ими почтъ, чѣмъ еще болѣе широко открывается поле для служебнаго женскаго труда въ Германской имперіи.

Благодаря же всеобщему строго обязательному здѣсь всеобщему начальному образованію, теперь уже просто немыслимо, чтобы даже въ самыхъ темныхъ закоулкахъ массы простого народа могли еще считать вредными «чародѣями» или «портящими» людей, какъ ловкихъ почтовыхъ чиновницъ, такъ и врачей обоихъ половъ, благодѣтельныхъ для населенія.

Если теперь, хотя въ нѣсколькихъ строкахъ, подвести итоги всему здѣсь сказанному, то, кажется, для всякаго неслѣпо-предубѣжденнаго станетъ ясно, что женское движеніе во всѣ времена, особенно же съ нашей христіанской эры, было культурнымъ движеніемъ среди разныхъ цивилизованныхъ націй, со множествомъ образцовыхъ въ этомъ отношеніи примѣровъ. Прежніе безчисленные опыты и всякія попытки такимъ образомъ съ несомнѣнною пользою послужили для новѣйшаго времени. Въ извѣстную вредную «политику» женщина при преслѣдованіи своихъ цѣлей почти нигдѣ и никогда не вдавались, хотя, конечно, въ увлеченіяхъ и всякихъ ошибкахъ не было недостатка, особенно гдѣ дѣйствовали, какъ въ наше время, спеціальныя агитаторши женскаго движенія. Но, гдѣ дрова рубятъ, тамъ и щепки летятъ.

Опасаться, какъ многіе это допускаютъ, что всѣ эти женскія пріобрѣтенія, или ихъ надъ мужчинами «побѣды», какъ говорилъ (см. выше) объ ихъ дѣятельности послѣ хорошаго образованія Фридрихъ Великій, исчезнутъ опять послѣ разныхъ историческихъ потрясеній,—едва ли основательно. Нынѣшнее женское движеніе,— не говоря уже, что почти всѣ новѣйшія законодательства гуманно

[1]) Тогда какъ во всей Франціи этихъ чиновницъ 6.000, при 80.000 женщинъ на государственной службѣ вообще.

начинаютъ ему итти навстрѣчу [1]), очень все-таки разнится отъ прежнихъ движеній. Оно отличается именно своею всеобщностью, поголовностью. А въ отношеніи высшаго образованія оно отличается научностью, систематичностью, разносторонностью, такъ какъ женщины теперь берутся за всѣ науки, не исключая и богословія. Философъ фонъ-Гартманнъ увѣряетъ, что въ нынѣшнемъ XX-мъ столѣтіи, которое будетъ, такъ сказать, женскимъ, что онѣ вдадутся даже въ техническія науки, какъ наиболѣе теперь выгодныя.

Во всякомъ же случаѣ, какъ реальные результаты, достигнутые ими въ медицинскихъ наукахъ—7.000 образованныхъ врачей ихъ пола, о чемъ выше упомянуто, изъ числа коихъ на одну Россію приходится 700 (цифра, конечно, высокая сравнительно съ отношеніемъ нашего населенія къ таковому же всего свѣта, но для насъ еще небольшая, гдѣ одинъ врачъ даже мужского пола приходится на 10.000 человѣкъ),—это вѣдь уже цѣлый корпусъ врачующихъ опытныхъ женщинъ, а сколько же ихъ еще вездѣ учится? Вообще женщины въ наше время просто ломятся во всѣ двери [2]). Быстрое увеличеніе ихъ числа въ одномъ Берлинскомъ университетѣ за этотъ годъ, къ удивленію всѣхъ, уже перевалило 600, т. е. почти вдвое, чѣмъ въ малыхъ германскихъ университетахъ мужчинъ, и это —невзирая на всѣ недавнія придирки и строгости по пріему женщинъ.

Извѣстный германскій поэтъ и драматургъ, фонъ-Вильденбрухъ, тоже предсказывающій серьезное движеніе дальше женщинъ въ этомъ вѣкѣ, увѣряетъ даже, что дамы будутъ и офиціально назначаться на дипломатическіе посты, такъ какъ онѣ, особенно въ XIX-мъ вѣкѣ, во многихъ случаяхъ, отличились, какъ превосходныя закулисныя дипломатки. Что же? Историческія хроники указываютъ такіе случаи и относительно Россіи. Ровно 100 лѣтъ тому назадъ, жена нашего посланника въ Лондонѣ, г-жа Ливенъ, превосходившая умомъ и образованіемъ своего супруга, не только сама составляла

---

[1]) По новымъ германскимъ гражданскимъ законамъ, дѣйствующимъ уже 2 года, отчасти нашли осуществленіе мечты Фридриха Великаго о болѣе свободныхъ бракахъ и о томъ, чтобы оба въ семьѣ, мужъ и жена, были почти равноправными главами. Хотя мужъ и считается главою, но если онъ злоупотребляетъ (множество случаевъ для этого) этимъ преимуществомъ, то жена не обязана съ нимъ жить или за нимъ слѣдовать. И наоборотъ, если жена оказывается недостойною семьи, онъ не обязанъ съ нею жить и ее содержать. «Мужъ и жена также должны себя взаимно содержать»,—конечно, если жена имѣетъ средства для этого. Права домашней самостоятельности жены и ея опеки надъ дѣтьми тоже расширены, какъ и права совершеннолѣтнихъ дѣтей въ отношеніи родителей.

[2]) По послѣдней статистикѣ, въ Германіи почти уже 6 милліоновъ женщинъ, имѣющихъ болѣе или менѣе независимыя профессіи и занятія—конечно, считая въ томъ числѣ не только такъ называемыя свободныя (образованныя), но и ремесленная и занятія женщинъ-рабочихъ.

всѣ депеши и донесенія нашему правительству, но лично вела всѣ переговоры и совѣщанія съ англійскими министрами и дипломатами. И императоръ Александръ все это зналъ и лишь улыбался насчетъ такой способной русской посланницы. Словомъ въ очень интересное время мы живемъ, если думать о будущемъ женскомъ движеніи.

В. Ѳ. Пуцыковичъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Книга бытія моего. Дневники и автобіографическія записки епископа Порфирія Успенскаго. Томъ VII. Изданіе Императорской Академіи Наукъ, подъ редакціей П. А. Сырку. Спб. 1901.

СЕДЬМОЙ томъ «Книги бытія» знаменитаго русскаго ученаго и путешественника, епископа Порфирія Успенскаго († 1885 г.), содержитъ въ себѣ его дневники и автобіографическія записки за 1854—1861 годы. И этотъ томъ, какъ и предыдущіе, читается съ интересомъ, сообщаетъ немало любопытныхъ фактовъ изъ поучительной и богатой внутреннимъ содержаніемъ жизни приснопамятнаго русскаго іерарха и освѣщаетъ различныя стороны судьбы греческаго востока.

Съ октября мѣсяца 1854 года и по 17 мая 1858 года епископъ Порфирій провелъ въ Петербургѣ, куда онъ прибылъ изъ Іерусалима, вынужденный, вслѣдствіе крымской кампаніи, оставить святой городъ и прекратить свою полезнѣйшую учено-просвѣтительную дѣятельность, въ качествѣ начальника здѣшней русской миссіи (стр. 1—173). Тяжело и грустно жилось въ сѣверной столицѣ этому узнику, душа котораго всѣмъ своимъ существомъ рвалась на Востокъ, къ мѣстнымъ святынямъ и библіотекамъ, въ среду арабскаго и греческаго православнаго населенія Сиріи и Палестины, для котораго русскій епископъ былъ настоящимъ отцемъ, радѣвшимъ и о духовныхъ, и о матеріальныхъ его нуждахъ. Петербургскій митрополитъ Никаноръ, коему епископъ (тогда архимандритъ) Порфирій представился по возвращеніи съ Востока, принялъ его сухо, выразивъ свое неудовольствіе по поводу его путешествія въ Римъ и отпустилъ съ наказомъ обращаться съ просьбами къ лаврскому намѣстнику. Послѣдній указалъ знаменитому паломнику «двѣ грязныя кельи въ верхнемъ жильѣ подлѣ лаврскаго собора», въ одной изъ коихъ Порфирій

помѣстился самъ, а въ другой поселилъ служившаго при немъ въ Іерусалимѣ студента Соловьева (стр. 1). И потекла полная лишеній, душевныхъ тревогъ и незаслуженныхъ обидъ, жизнь человѣка, ничѣмъ себя не запятнавшаго, напротивъ—оказавшаго громадныя услуги и русской церкви, и русской наукѣ и имѣвшаго всѣ права на вниманіе, почетъ и выдающееся общественное положеніе. Оказалось, что въ Петербургѣ неблагопріятно посмотрѣли на поѣздку Порфирія въ Римъ и на его аудіенцію у папы Пія IX, о чемъ говорилось въ шестомъ томѣ «Книги бытія». Этому событію было придано совсѣмъ не свойственное ему значеніе, о чемъ, вѣроятно, постарались недоброжелатели знаменитаго ученаго. «Въ духовномъ вѣдомствѣ, пишетъ епископъ Порфирій, меня обдалъ холодъ. Оберъ-прокуроръ синода Протасовъ, выслушавъ вызванный имъ самимъ разсказъ мой объ аудіенціи моей у папы, и только этотъ разсказъ, простился со мною, отвернувшись отъ меня по-солдатски направо кругомъ... Директоръ его канцеляріи, Сербиновичъ, принялъ меня и отпустилъ, ни о чемъ не спросивши и извинившись какимъ-то недосугомъ» (стр. 2). А преемникъ Протасова, графъ А. П. Толстой, поставилъ въ вину архимандриту Порфирію то, что онъ не постился въ Іерусалимѣ и вкушалъ скоромную пищу. «И я несчастливъ, пишетъ авторъ: меня, сиротинку, судитъ и осуждаетъ Толстой умъ, и за что же? За то, что вкушалъ скоромную пищу тамъ, гдѣ нѣтъ ни рыбы, ни грибовъ, ни ягодъ, и гдѣ святые апостолы учили, что пища не поставитъ насъ предъ Господомъ. Ни слабость моего здоровья, ни созерцательная жизнь моя, отъ которой я сознаю въ себѣ скорѣе бытіе души, нежели тѣла, ни дарованія и познанія мои, ни труды и заслуги мои, ни ходатайство о мнѣ нѣсколькихъ сановниковъ, изумленныхъ фарисействомъ Толстого, ничто не уважается. Вкушеніе нѣсколькихъ капель скоромной похлебки тамъ, гдѣ болѣе нечѣмъ питаться, признано величайшимъ преступленіемъ. И кто судья мой? Кто порицаетъ меня и тѣхъ іерарховъ (греческихъ), съ которыми я раздѣлялъ трапезу въ св. градѣ? Мірской человѣкъ, который не понимаетъ различія между заповѣдію и обычаемъ, который судъ свой ставитъ выше разсужденія многихъ, но который, къ несчастью, имѣетъ власть распинать. Боже! Прости ему, ибо онъ не знаетъ, что творитъ» (стр. 46). Иные упрекали епископа Порфирія за то, будто онъ крайне самолюбивъ. По этому поводу авторъ пишетъ: «Меня считаютъ самолюбивымъ! Но, Боже мой, когда и кого стѣснилъ я своимъ превосходствомъ? Съ митрополитомъ Григоріемъ я даже не бесѣдовалъ ни однажды. Онъ вовсе не знаетъ меня. Къ прочимъ архіереямъ я ѣздилъ только съ поклономъ. Откуда же возникло обвиненіе? Не понимаю. Хитрецы! Не знаютъ, за что обвинить меня, такъ упрекаютъ въ самолюбіи. Боже! Прости имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ» (стр. 158). Однако, опала была крайне тяжела для епископа Порфирія, вынужденнаго сидѣть безъ дѣла, горѣвшаго пламеннымъ желаніемъ отправиться на Востокъ. Во время пребыванія въ Петербургѣ онъ принималъ участіе въ переводѣ церковно-богослужебныхъ каноновъ съ греческаго на русскій языкъ, помогая занимавшейся этимъ дѣломъ коммиссіи изъ профессоровъ духовной академіи, велъ богословскія бесѣды съ великой княгиней Еленой Павловной, которая очень цѣнила его ученыя познанія и, желая чаще видѣть, приглашала его лѣтомъ въ Ораніенбаумъ, гдѣ ему

было предложено безплатное помѣщеніе во дворцѣ,—составилъ новый проектъ учрежденія іерусалимской духовной миссіи, занимался своими учеными трудами. Государь императоръ, цѣня ученыя заслуги епископа Порфирія и его особые труды, назначилъ ему ежегодную пенсію въ тысячу рублей. Но особенно тяжелый ударъ былъ нанесенъ епископу Порфирію тѣмъ, что въ 1857 году въ Іерусалимъ вновь была отправлена духовная миссія, во главѣ съ епископомъ мелитопольскимъ Кирилломъ, тогда какъ наиболѣе компетентнымъ и авторитетнымъ представителемъ русской церкви на Востокѣ могъ быть нашъ авторъ. «Прощай, святой градъ, съ грустью по этому поводу писалъ Порфирій: не жить мнѣ тамъ. Пригласили меня туда даже именемъ высочайшихъ особъ и снова оттолкнули. Какимъ же чудомъ одинъ и тотъ же я въ одно и то же время нуженъ и не нуженъ, полезенъ и не полезенъ, свѣтелъ и теменъ?... Я родился, выросъ, возмужалъ, состарился и умру подъ сѣнію алтаря русскаго. Любовь моя къ отечеству и царю пламенна. Союзъ мой съ возродившею меня церковію нерушимъ. Убѣжденія мои въ правотѣ ея уяснены во мнѣ болѣе, чѣмъ въ комъ либо... О, зачѣмъ мнѣ суждено имѣть большую извѣстность? Лодочки спокойно стоятъ въ пристани, а боевой корабль среди океана обуревается грозными волнами. Тростинки ростутъ роскошно на сырой землѣ, а кедръ на высотѣ каменистаго Ливана, расщепывается молніею. О недруги мои! Дайте мнѣ безвѣстность. Дайте мнѣ покой. Я васъ прощаю» (стр. 91).

Въ іюлѣ 1858 года епископъ Порфирій отправился съ научною цѣлью на Аѳонъ. Результаты этого (второго) путешествія на святую гору онъ изложилъ въ особой книгѣ (Москва, 1880), дополненіемъ къ коей и могутъ служить дальнѣйшія страницы (173—211) разсматриваемаго дневника. Здѣсь говорится о святыняхъ, библіотекахъ, живописи и современномъ внутреннемъ состояніи монастырей—Есфигменова, Русскаго св. Пантелеймона, Кутлумушскаго, Иверскаго, Кареи, Зографа, Хиландаря, Пантократора и нѣкоторыхъ скитовъ. «Я расцвѣлъ на Аѳонѣ,—писалъ, между прочимъ, Порфирій,—разныя познанія, какъ радужные лучи свѣта, просвѣщаютъ мою душу. Красоты здѣшней природы чаруютъ и обогащаютъ мое воображеніе. Строгое и правильное житіе святогорскихъ подвижниковъ назидаетъ и исправляетъ меня окаяннаго. Соборныя молитвы ихъ, какъ волны, поднимаютъ мою душу къ небесамъ... Аѳонъ—мой рай... Скуки я не знаю, враговъ простилъ, друзей люблю, на людей не надѣюсь, на Бога уповаю и молюсь ему пламенно, а дѣломъ своимъ занимаюсь прилежно: изучаю рѣзьбу, ваяніе, зодчество, иконописаніе и церковное пѣніе греческое, а болѣе читаю старинныя книги, писанныя на кожахъ» (стр. 177 и 184). Съ Аѳона епископъ Порфирій отправился въ Ѳессалію, гдѣ осмотрѣлъ знаменитые Метеорскіе монастыри, которые и описалъ въ особой книгѣ; въ дневникѣ содержатся немногія добавленія къ этому спеціальному труду.

Затѣмъ, посѣтивъ Константинополь, епископъ Порфирій направился въ Палестину, гдѣ и пробылъ съ 16 февраля по 23 іюля 1860 года. (стр. 222—275). Страницы дневника, посвященные этому времени, содержатъ сообщенія объ ученыхъ занятіяхъ преосвященнаго Порфирія въ Святогробской библіотекѣ, Виѳлеемѣ и монастырѣ св. Саввы Освященнаго, гдѣ нашъ паломникъ

изучалъ рукописи, обозрѣвалъ живопись иконную и стѣнную и мозаики. Съ особою обстоятельностью описывается здѣсь Базилика Константина въ Виѳлеемѣ, ея украшенія, архитектура и сохранившіяся надписи, а также иконы сербскаго, греческаго и арабскаго письма, надписи и библіотека монастыря св. Саввы. Кромѣ того, авторъ говоритъ объ иконахъ въ Крестномъ монастырѣ близъ Іерусалима, о начальникахъ мѣстной патріаршей школы. Результаты пребыванія епископа Порфирія были для него благопріятны и въ научномъ отношеніи, и въ смыслѣ подъема его нравственнаго самосознанія, въ противовѣсъ униженію и обидамъ, полученнымъ въ Петербургѣ. Авторъ имѣлъ случай еще разъ убѣдиться въ прочности и плодотворности своего многолѣтняго здѣсь дѣла. Заканчивая разсказъ о жизни въ Іерусалимѣ, онъ пишетъ: «О, кто что ни говори, а быть на святыхъ мѣстахъ и поклониться тамъ Богу духомъ и истиною отрадно, полезно, душеспасительно. Прощай, святой градъ. Я болѣе не увижу тебя, но никогда не забуду. Скорѣе прильпнетъ языкъ мой къ гортани моей, скорѣе забуду я десницу свою, нежели я забуду тебя, Іерусалимъ» (стр. 275).

Изъ Іерусалима епископъ Порфирій пріѣхалъ въ Одессу (стр. 276—278), а потомъ отправился въ Египетъ, гдѣ и пробылъ съ 20 ноября 1860 года по 8 марта 1861 года (стр. 279—369). Эта поѣздка была предпринята и съ научною цѣлію, а главнымъ образомъ для переговоровъ съ коптскимъ патріархомъ Кирилломъ о соединеніи коптовъ съ православными. Это дѣло стало уже налаживаться, какъ патріархъ Кириллъ внезапно скончался. Епископъ Порфирій, между прочимъ, осмотрѣлъ достопримѣчательности Каира и Александріи и описалъ ихъ. Въ этой же части дневника передается разговоръ нашего паломника съ александрійскимъ патріархомъ Каллиникомъ о синайскомъ спискѣ Библіи, увезенномъ Тишендорфомъ, о греко-болгарской распрѣ, о церковныхъ имѣніяхъ въ Молдавіи и Валахіи, излагаются біографическія свѣдѣнія о коптскомъ патріархѣ Кириллѣ и прочее.

Изъ Египта епископъ Порфирій уѣхалъ въ Константинополь (стр. 370—372), а потомъ на Аѳонъ (стр. 372—389), гдѣ, обозрѣлъ нѣкоторыя келіи, а также монастыри Аѳанасовъ и Иверскій; результаты этого путешествія, въ видѣ описанія иконъ, стѣнной живописи и надписей, онъ изложилъ въ своемъ дневникѣ

23-го іюля 1861 года епископъ Порфирій выѣхалъ съ Востока и въ сентябрѣ того же года прибылъ въ Петербургъ. «Кончены мои путешествія по Востоку,— пишетъ онъ,—теперь остается мнѣ привести въ порядокъ всѣ собранныя тамъ свѣдѣнія и напечатать ихъ. Господи! Благослови и это мое дѣло» (стр. 391). Въ заключеніи дневника епископъ Порфирій сообщаетъ, что всѣхъ его путешествій по морямъ Черному, Мраморному, Эгейскому, Средиземному, Адріатическому и Красному, въ теченіе 1836—1861 годовъ, было 46.

Въ приложеніи къ книгѣ (стр. 395—444) помѣщенъ указатель собственныхъ именъ, а въ текстѣ ея имѣется шесть палестинскихъ видовъ.

Такимъ образомъ, и седьмой томъ «Книги бытія» знаменитаго русскаго ученаго-путешественника, епископа Порфирія Успенскаго, представляетъ интересъ въ различныхъ отношеніяхъ, а преимущественно полезенъ для ознакомленія съ археологіей и исторіей греческаго востока. Σ.

Историческій очеркъ развитія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи съ ихъ основанія до 1897-го года включительно. Историческій очеркъ разныхъ отраслей желѣзнодорожнаго дѣла и развитія финансовой и экономической стороны желѣзныхъ дорогъ въ Россіи по 1897 годъ включительно. Составленъ съ высочайшаго соизволенія по распоряженію министра путей сообщенія дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя М. И. Хилкова подъ редакціей инженера тайнаго совѣтника В. М. Верховскаго. Спб. 1901.

Это—объемистая и тяжелая книга, въ обычномъ форматѣ для казенныхъ изданій, не преслѣдующихъ коммерческихъ цѣлей, на отличной бумагѣ, со множествомъ рисунковъ, чертежей и портретовъ видныхъ дѣятелей на поприщѣ развитія русскаго желѣзнодорожнаго дѣла. Съ другой стороны, книга эта является одною изъ важнѣйшихъ составныхъ частей общей исторіи вѣдомства путей сообщеній за его столѣтнѣе существованіе и въ то же время составляетъ непосредственное продолженіе общаго историческаго очерка развитія желѣзныхъ дорогъ, о первомъ томѣ котораго мы имѣли уже случай говорить на страницахъ нашего журнала.

Лежащій передъ нами томъ того же историческаго очерка состоитъ изъ XII отдѣльныхъ монографій, сохраняющихъ и свою особую нумерацію и составленныхъ каждый особымъ спеціалистомъ. Каждая монографія, въ своихъ границахъ, имѣетъ свои неоспоримыя достоинства, хотя по сравненію одна съ другою есть монографіи очень полныя и развитыя, а рядомъ съ ними монографіи болѣе общаго историческаго характера, чѣмъ характера спеціальнаго.

Къ числу первыхъ относится первая статья этого въ сущности сборника, а именно: «Историческій очеркъ развитія верхняго строенія пути желѣзныхъ дорогъ въ Россіи», составленная инженеромъ С. Д. Карейша въ высшей степени добросовѣстно и вполнѣ способная войти цѣликомъ въ курсъ желѣзныхъ дорогъ института путей собщенія. Масса чертежей, отличныя детали послѣдовательнаго развитія и измѣненія формы рельсовъ и шпалъ дѣлаютъ ее прямо классно поучительной.

Такъ какъ сборнику этому, подобно всѣмъ сочиненіямъ такого рода, предстоитъ очень не широкое распространеніе не только въ кругахъ общихъ, но и среди спеціалистовъ, то мы совѣтовали бы почтенному автору этой монографіи издать свой великолѣпный, въ спеціальномъ отношеніи, трудъ отдѣльно. Многіе учащіеся и нынѣ и въ будущемъ скажутъ ему за его работу большое спасибо.

Много слабѣе, поверхностнѣе и короче разработанъ отдѣлъ объ искусственныхъ сооруженіяхъ инженеромъ Н. Б. Богуславскимъ. Впрочемъ это, можетъ быть, кажется всего болѣе потому, что этотъ отдѣлъ и самый трудный, самый богатый примѣрами и самый живой. Но и въ этомъ очеркѣ хорошо оттѣнены послѣдовательныя механическія идеи въ созданіи мостовыхъ фермъ, отъ дѣтски наивныхъ формъ мостовъ Тау и Гайу въ ихъ деревянномъ выраженіи и до почти экстравагантной идеи мостовъ съ консолями, дозволяющихъ давать огромные про-

леты желѣзнодорожнымъ мостамъ на рѣкахъ судоходныхъ. Скуповатъ авторъ только на имена русскихъ инженеровъ. Останавливаясь на именахъ Мельникова, Крафта, Журавскаго и Еракова, онъ очень мало, то-есть ничего, не говоритъ, напримѣръ, о такихъ строителяхъ и инженерахъ оригинальныхъ предложеній, какъ Семиколѣновъ, Мейнгардъ и имъ равные. Впрочемъ исторія — не курсъ, и съ этой точки зрѣнія скупой инженеръ Богуславскій, можетъ быть, какъ историкъ, и лучше такого усерднаго спеціалиста своего дѣла, какъ г. Карейша.

Третья, по общему интересу, статья: «О мѣропріятіяхъ за историческое время по усиленію пропускной способности желѣзныхъ дорогъ», — принадлежитъ дѣйствительному статскому совѣтнику Ф. А. Голицынскому.

Само собой разумѣется, что и этотъ инженеръ большого чина разработалъ свою задачу съ полнымъ знаніемъ дѣла. Но здѣсь нѣсколько странно, что усиленной перевозкѣ каменнаго угля въ 1888-мъ году, руководимой инженеромъ В. М. Верховскимъ, удѣлено спеціальныхъ десять страницъ съ таблицами, между тѣмъ какъ о перевозкѣ хлѣба съ Кавказа на востокъ, въ мѣстности, пораженныя недородомъ въ 1891—1892 годахъ полковникомъ Вендрихомъ, сказано такъ: «Мы не будемъ входить въ такое же подробное обсужденіе ни условій, при которыхъ приходилось исполнять полковнику Вендриху возложенное на него высочайшее порученіе, ни въ какомъ положеніи находились дороги, и насколько ихъ провозоспособность не соотвѣтствовала потребности, не будемъ также обсуждать принятыя имъ мѣры, такъ какъ въ программу нашего очерка не входитъ оцѣнка исполненія отдѣльныхъ порученій».

Пусть такъ! Но зачѣмъ же тогда вслѣдъ за симъ пишется, что Сызрано-Вяземская дорога, ужасающее состояніе которой безъ подвижного состава и даже безъ водоснабженія освѣтилъ г. Вендрихъ, оправдывается тѣмъ, что по своему географическому положенію должна была развиваться по направленію къ западу, а здѣсь отъ ея потребовали усиленія перевозки по направленію къ востоку!? Удивительно, какъ это, говоря объ историческомъ развитіи пропускной способности нашихъ желѣзныхъ дорогъ, забыть работы А. А. Вендриха, который проповѣдывалъ устно, да и напечаталъ работъ по этому предмету болѣе чѣмъ 200 листовъ и, конечно, долженъ быть почтенъ за перваго (не хочу сказать, единственнаго) спеціалиста именно и только по этому вопросу. Онъ началъ съ малаго, прошелъ въ этомъ направленіи всѣ стадіи службы движенія, былъ и субалтерномъ, и начальникомъ движенія, и какъ директоръ упорядочилъ движеніе разстроенной Фастовской дороги, кончилъ же тѣмъ, что сталъ извѣстенъ государю императору. Право же, послѣднее отличіе достается человѣку безъ всякой протекціи не даромъ!?

Очевидно, у него есть не только спеціально инженерныя, но и историческія заслуги въ развитіи вопроса, которыя всего менѣе слѣдовало бы игнорировать въ изданіи подъ редакціею В. М. Верховскаго, которое превозноситъ дѣла дѣйствительнаго статскаго совѣтника В. М. Верховскаго. Даже если это однофамильцы и не родственники, то, похваливъ одного за уголь, ему слѣдовало бы похвалить и другого за хлѣбъ. Не правда ли?

Въ результатѣ все же приходится констатировать фактъ, что этотъ историческій очеркъ недостаточно историченъ, потому что небезпристрастенъ.

Въ концѣ сборника, конечно, заслуживаетъ всякаго вниманія статья профессора Георгіевскаго: «Желѣзныя дороги съ финансовой и государственной точекъ зрѣнія». Назидательнѣйшія есть здѣсь страницы и при томъ не только спеціальнаго, но и частнаго интереса! Общее погребеніе въ архивахъ министерства и этой статьи также было бы нежелательно, какъ и статьи о верхнемъ строеніи желѣзныхъ дорогъ инженера С. Д. Карейши. Затѣмъ также въ интересахъ общихъ укажу на рефератъ инженеръ-технолога и путей сообщенія Н. К. Антошина и инженеръ-механика С. А. Силуянова: «О развитіи желѣзныхъ дорогъ по отношенію къ подвижному составу». Съ исторической точки зрѣнія въ этомъ рефератѣ непріятно поражаетъ та скупость именъ, и при томъ русскихъ, которымъ эта отрасль желѣзнодорожнаго дѣла, у насъ отлично развитая, много обязана. Нѣтъ такихъ именъ, какъ имя талантливаго инженера Б. А. Яловецкаго Н. Л. Щукина, имя котораго вспоминается вскользь и совершенно какъ бы мимоходомъ.

Больше бы вниманія въ этомъ направленіи въ историческомъ сочиненіи ничему бы не помѣшало. Но въ этомъ рефератѣ для общей публики интересны факты о первыхъ шагахъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи.

Конечно, всѣ наши дороги имѣютъ право называться Николаевскими, потому что иниціаторомъ ихъ является и при томъ безусловно одинъ этотъ замѣчательный самодержецъ. Что онъ слышалъ кругомъ себя? Отъ какихъ умныхъ людей шли нареканія на дороги, когда и самъ иностранецъ Ф. Герстнеръ, пріѣхавшій знакомить Россію и ея царя съ этимъ новымъ способомъ передвиженія, удивлялъ его своими расчетами и предложеніями.

Николай I одинъ ясно понималъ великое значеніе желѣзныхъ дорогъ въ будущемъ и одинъ заслуживаетъ за это великой благодарности. Любопытно, однако, вотъ что. Первая построенная у насъ опытная желѣзная дорога была, какъ извѣстно, Царскосельская. И что же? Разсматривая скудныя свѣдѣнія о первыхъ опытахъ движенія по этой дорогѣ, мы встрѣчаемся съ великими странностями. Первая странность—это то, что въ архивахъ министерства не сохранилось почти никакихъ свѣдѣній о постройкахъ и способахъ эксплоатаціи этой дороги на первыхъ порахъ. Объяснить это можно только крайнимъ скептицизмомъ знаменитаго Клейнмихеля, который даже и послѣ постройки московской дороги не вѣрилъ въ экономическое будущее такихъ дорожныхъ путей въ Россіи.

Но все же изъ отрывковъ, сохранившихся тамъ и тутъ, интересно узнать, что съ первыхъ же шаговъ Царскосельская дорога стала развивать скорость движенія поѣздовъ своихъ отъ 57 до 60 верстъ въ часъ, то-есть скорость еще и нынѣ недоступную нашимъ великолѣпнымъ локомотивамъ. Кромѣ того, немалый интересъ представляетъ и соображеніе, что тогда полагалось отправлять поѣзда въ зависимости отъ числа пассажировъ. Иныхъ даже везли конной тягой со скоростью 20 верстъ въ часъ, что впрочемъ невѣроятно, ибо тогдашнія лошади едва ли могли въ условіяхъ желѣзнодорожнаго передвиженія, а не фельдъегерскаго, развивать такую бѣшеную скорость. Но что хорошо, такъ это паровыя кареты, родъ современнаго на ъ автомобиля, изобрѣтеннаго въ 1820 году (вотъ уже подлинно, ничто не ново подъ луною),

которые ходили другъ за дружкой, какъ только на станціи накоплялось достаточное число пассажировъ для ихъ наполненія. Все это можно было бы повторить и теперь, особенно для лѣтняго движенія, а тѣмъ болѣе при помощи электрическихъ автомобилей. Гонять же по семи пустыхъ и громоздкихъ вагоновъ съ тремя пассажирами, какъ это случается въ февралѣ мѣсяцѣ, и невыгодно, да и долго.

Съ легкой руки императора Николая I пошло у насъ желѣзнодорожное строительство, и ко дню только полувѣкового дня его кончины мы встрѣчаемъ на поляхъ нашего обширнаго государства сѣть желѣзной колеи длиною въ пятьдесятъ тысячъ верстъ. Въ добрый день началъ свое великое дѣло этотъ суровый государь!

Между тѣмъ нельзя также не сказать, какъ мало понимали въ то время даже заинтересованные люди будущее развитіе этого рычага современной намъ механической культуры. Недавно отпразднованъ пятидесятилѣтній юбилей Николаевской дороги. Самъ Ф. Герстнеръ, требовавшій между прочимъ, кромѣ гарантіи на капиталъ, еще передачу ему откупа на продажу по всей линіи водки [1]), говорилъ и строилъ расчеты на томъ, что каждый вагонъ сдѣлаетъ 185 поѣздокъ и перевезетъ 5.000 человѣкъ въ годъ, и что каждый локомотивъ сдѣлаетъ между Москвой и Петербургомъ только 75 поѣздокъ въ годъ, почему десяти локомотивовъ было, по его словамъ, вполнѣ достаточно, какъ для пассажирскаго такъ и для товарнаго движенія. И вотъ въ оправданіе этихъ скромныхъ желаній и надеждъ ко дню своего пятидесятилѣтія, Николаевская дорога могла представить, что она въ 1900 году перевезла 4.500.000 пассажировъ, то-есть въ три раза болѣе всего населенія Петербурга, и, кромѣ того, привезла въ Петербургъ 259 милліоновъ пудовъ груза малой скоростью и увезла изъ Петербурга тою же скоростью 120 милліоновъ пудовъ. Заработала же она чистаго дохода болѣе 7 милліоновъ. Вотъ вы и сопоставьте все это съ дезидератами Герстнера въ 1836-мъ году и со скептическими выводами его противниковъ, которые находили даже его исчисленія чрезмѣрными. Кто бы всему дѣйствительно случившемуся сегодня тогда повѣрилъ?

Остальные рефераты и менѣе важны и менѣе спеціальны. Въ практическомъ отношеніи не худо обратить вниманіе на «Организацію мѣропріятій по обезпеченію желѣзно-дорожныхъ служащихъ и ихъ семействъ и улучшенію ихъ быта».

Заглавіе заманчивое, но, несмотря на заглавіе, бытъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, этихъ истинныхъ рабовъ и мучениковъ желѣзнодорожнаго прогресса, и до сихъ поръ оставляетъ желать многаго! Хуже всего здѣсь грубое несоотвѣтствіе между крупными министерскими окладами начальниковъ и по истинѣ нищенскими окладами мелкихъ служащихъ. Несоотвѣтствіе это несомнѣнно опасно, говоря безъ всякихъ шутокъ. Въ ежедневной прессѣ при-

---

[1]) Чрезвычайно характерна резолюція императора Николая на этомъ докладѣ. О гарантіи онъ написалъ такъ: «пусть Герстнеръ покажетъ мнѣ свои капиталы, и я дамъ ему мою на нихъ гарантію». На предложеніе отдать торговлю на линіи водкой рѣзко написалъ: «никогда!»

нято защищать стрѣлочниковъ отъ постоянныхъ несправедливостей начальства. Однако господа защитники всегда при этомъ упускаютъ изъ вида, что плохой стрѣлочникъ можетъ по собственной иниціативѣ сокрушить любой поѣздъ; напротивъ—самый великій начальникъ дороги не можетъ собственной инициативой приказать сбросить даже вагона съ рельса, въ минуту, ну, хотя бы невмѣняемаго гнѣва.

Въ этомъ-то весь и вопросъ.

Съ этой точки зрѣнія всѣ начальники хмуро встрѣчаютъ извѣстія о спасеніи поѣздовъ дорожными сторожами, которымъ благодарная спасенная ими публика дѣлаетъ немедлено же и складчину. Бываютъ случаи такіе но рѣдко. Но они могутъ стать гораздо болѣе частыми, если это войдетъ въ привычку, потому что сторожу ничего не стоитъ развинтить рельсъ или подбросить шпалу и самому же остановить поѣздъ и получить сразу въ десять разъ болѣе того, что онъ получаетъ за годъ при честной и скромной работѣ. Поощрять это во всякомъ случаѣ не благоразумно, но и кормить сторожей и стрѣлочниковъ слѣдовало бы лучше, чѣмъ ихъ вообще кормятъ и оплачиваютъ.

Очеркъ о врачебной части на желѣзныхъ дорогахъ доктора Успенскаго очень не длиненъ и совершенно фактиченъ. Все есть... на бумагѣ, обо всемъ подумано и все извѣстно. Очень было бы хорошо, если бы каждый реальный пассажиръ находилъ все положенное по штату на мѣстѣ, когда въ томъ «положеніи» встрѣчается надобность. Бумага все терпитъ, ибо ей не больно. Но вотъ пассажиру которому ноги поломало не до терпѣнія, когда въ сокрушенномъ поѣздѣ не оказывается ни врача, ни перевязокъ.

Остальные рефераты знакомятъ насъ съ юрисконсультскою частью на желѣзныхъ дорогахъ и съ труднымъ вопросомъ объ отчужденіи земли подъ желѣзнодорожныя угодья. Извѣстно, что и до сихъ поръ у насъ во многихъ мѣстахъ это—имущественный вопросъ, несмотря на то, что казна платитъ за насильственное отчужденіе много дороже добровольной продажи, претензіи изнасилованныхъ такъ сказать, собственниковъ всегда превосходятъ предложенія казны. Но это вопросъ спеціально юридическій, я съ нимъ встрѣчался въ моей желѣзнодорожной дѣятельности и считаю самымъ тяжелымъ вопросомъ въ области постройки желѣзныхъ дорогъ вообще.

Вотъ, слѣдовательно, сколько полезныхъ, интересныхъ свѣдѣній заключаетъ въ себѣ этотъ сборникъ. Но будутъ ли его читать? Едва ли. Зато тѣмъ немногимъ, которымъ впослѣдствіи, ко времени будущей исторіи, потребуются справки, они, навѣрно, будутъ искать ихъ въ этомъ сборникѣ, а не гдѣ либо въ иномъ мѣстѣ. Это соображеніе и заставляетъ насъ привѣтствовать появленіе историческихъ справочныхъ такихъ дорого стоящихъ, но въ торговомъ смыслѣ безкорыстныхъ, изданій. **В. П—нъ.**

Труды Я. К. Грота. IV. Изъ русской исторіи. Изслѣдованія, очерки, критическія замѣтки и матеріалы. (1845—1890) Изданы подъ редакціей профессора Н. Я. Грота. Спб. 1901.

Появленіе въ свѣтъ трудовъ покойнаго академика Я. К. Грота продолжается безостановочно, и съ выходомъ каждаго тома накопляется все болѣе и болѣе матеріала для характеристики покойнаго труженика науки, для оцѣнки

его значенія въ русскомъ ученомъ мірѣ. Дѣйствительно, каждый новый томъ заставляетъ убѣждаться, насколько разносторонни были интересы и симпатіи Я. К—ча, какъ серіозно смотрѣлъ онъ на всякую представлявшуюся ему задачу, насколько глубокими знаніями въ каждомъ изъ изучаемыхъ имъ вопросовъ обладалъ онъ, какой поучительный образецъ самаго плодотворнаго метода далъ онъ намъ въ своихъ трудахъ. Беллетристъ, поэтъ, переводчикъ, историкъ, филологъ, историкъ литературы—всѣмъ этимъ былъ покойный Гротъ, и во всѣхъ указанныхъ областяхъ науки и литературы оставилъ онъ по себѣ видный слѣдъ.

IV томъ собранія его сочиненій содержитъ въ себѣ его труды по русской исторіи, появлявшіеся, какъ въ изданіяхъ академіи наукъ и императорскаго русскаго историческго общества, такъ и въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ. Редакція расположила эти статьи въ хронологическомъ порядкѣ затрогиваемыхъ ими вопросовъ, и потому на первомъ мѣстѣ стоитъ любопытная статья «Литва или Скандинавія», вызванная статьей Костомарова и извѣстнымъ его диспутомъ съ Погодинымъ; умѣренный приверженецъ норманской теоріи, Я. К—чъ здѣсь намѣчаетъ вопросы и развиваетъ положенія, съ большею частію которыхъ спорить не приходится, хотя, разумѣется, послѣ появленія трудовъ профессора Будиловича, академика Васильевскаго и профессора Брауна статья Грота должна считаться устарѣвшей. За двумя интересными замѣтками о русско-шведскихъ отношеніяхъ XIV и XVI вѣковъ слѣдуетъ большая статья, посвященная разсмотрѣнію вопроса: «дѣйствительно ли Мартинъ Беръ авторъ хроники?» Доказавъ несостоятельнось мнѣнія Устрялова, полагавшаго авторство Бера несомнѣннымъ, Гротъ ищетъ составителя хроники въ родственникѣ Бера, Конрадѣ Буссау или Буссовѣ, опираясь главнымъ образомъ на дрезденскій списокъ хроники и подтверждая свою догадку цѣнными свѣдѣніями изъ біографіи Буссова. Далѣе слѣдуютъ: статья о пребываніи Котошихина въ Швеціи и объ его трагической судьбѣ, вызванная трудомъ шведскаго ученаго Йэрне, и замѣтка о малоизвѣстномъ путешествіи по Россіи шведа Пальмквиста въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михаиловича.

Этимъ заканчиваются статьи, посвященныя древней Руси; дальнѣйшая, бо́льшая часть книги заполнена изслѣдованіями по «Петербургскому періоду» русской исторіи. Этотъ отдѣлъ открывается любопытной замѣткой: «Извѣстія о Петербургскомъ краѣ до завоеванія его Петромъ Великимъ», гдѣ авторъ показываетъ, что русскій элементъ въ Ингріи всегда былъ достаточно силенъ, силенъ настолько, что это обстоятельство могло значительно облегчить Петру дѣло покоренія Ижорскаго края. Обширная академическая рѣчь «Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи» слѣдуетъ за этой замѣткой, предшествуя любопытнѣйшему изслѣдованію «О пребываніи плѣнныхъ шведовъ въ Россіи при Петрѣ Великомъ»; здѣсь мы найдемъ обоснованное опроверженіе заявленій извѣстной части западно-европейской литературы о жалкой участи, постигшей якобы на Руси плѣнныхъ шведовъ, о томъ, что никто изъ нихъ не увидѣлъ снова своей родины; академикъ Гротъ между прочимъ сообщаетъ здѣсь интересныя подробности изъ біографіи 10 шведскихъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ извѣстнаго пастора Нордберга, историка Страленберга и Синклера, таинствен-

ная и трагическая судьба котораго доставила ему такую громкую извѣстность (непонятно лишь, какъ могла вкрасться въ разсказъ объ немъ досадная обмолвка: всюду вмѣсто императрицы Анны Іоанновны, какъ слѣдовало бы, говорится объ Елисаветѣ Петровнѣ); въ заключеніе дано извлеченіе изъ записокъ прапорщика Пипера о московскомъ плѣнѣ его. Двѣ небольшія замѣтки и статья о происхожденіи императрицы Екатерины I заключаютъ собою рядъ изслѣдованій о петровской эпохѣ; статья эта содержитъ въ себѣ подробный сводъ мнѣній по этому вопросу, и, хотя академикъ Гротъ и склоняется на сторону предположенія, что Екатерина была плѣнная служанка, но все же, какъ и предыдущія и послѣдующія изслѣдованія, она оставляетъ спорный вопросъ открытымъ.

Вслѣдъ за основанной на датскихъ источникахъ замѣткой о пребываніи дѣтей несчастной Анны Леопольдовны въ Даніи идетъ рядъ статей, посвященныхъ вѣку Екатерины II. Долговременныя занятія этой эпохой сдѣлали академика Грота признаннымъ ея знатокомъ, и эти его монографіи и статьи пріобрѣтаютъ потому высокій интересъ. Изслѣдованіе о воспитаніи Екатерины II, появившееся въ «Древней и Новой Россіи», не осталось безъ вліянія на позднѣйшую литературу предмета. Обширный трудъ «Екатерина II и Густавъ III», представляя собою всестороннее разсмотрѣніе этихъ двухъ великихъ дѣятелей эпохи просвѣщеннаго абсолютизма, въ этомъ отношеніи оставляетъ далеко за собой извѣстную книгу профессора Брикнера «Война Россіи съ Швеціей въ 1788—1790 годахъ»; особенно занимательны подробности о пребываніи Густава III въ Петербургѣ, а также сообщаемыя ему Екатериною свѣдѣнія о воспитаніи великаго князя Александра Павловича. Статьи, рисующія намъ великую государыню, какъ литературнаго дѣятеля и какъ просвѣтительницу своего народа, читаются тоже съ неослабнымъ интересомъ, особенно та изъ нихъ, гдѣ описано сотрудничество Екатерины II въ «Собесѣдникѣ». Въ цѣломъ рядѣ предисловій къ тѣмъ томамъ «Сборника Русскаго историческаго общества», которые редактировалъ Я. К—чъ, особенно выдѣляются замѣтки о письмахъ Екатерины къ Гримму и Гримма къ своей высокой корреспонденткѣ: эти краткіе очерки не утратили своего значенія и интереса даже послѣ появленія обстоятельнаго труда В. А. Бильбасова «Екатерина II и Гриммъ». Далѣе вниманіе читателя привлекаетъ статья «Спренгпортенъ», представляющая собою пересказъ части монографіи Тигерстедта; посвященной жизни и дѣятельности этого шведскаго эмигранта, такъ много потрудившагося для отторженія Финляндіи отъ Швеціи; потому понятна ненависть, питаемая къ нему свеноманами и мѣшающая имъ объективно смотрѣть на этого, дѣйствительно не совсѣмъ порядочнаго, но безспорно даровитаго дѣятеля; отсутствіемъ такой объективности страдаетъ и трудъ Тигерстедта, а потому и статья Я. К. Грота.

Изданные Гротомъ «Матеріалы для исторіи пугачевскаго бунта» пользуются слишкомъ большой извѣстностью, для того, чтобы говорить объ ихъ значеніи и интересѣ. Тѣмъ же событіямъ посвященъ «Эпизодъ изъ Пугачевщины»— разсказъ о роли поэта Державина, въ то время преображенскаго офицера, въ дѣйствіяхъ противъ мятежниковъ; Я. К—чъ доказываетъ, что нельзя смотрѣть съ пренебреженіемъ, какъ то иногда дѣлается, на участіе Державина въ борбѣ съ самозванцемъ.

Наконецъ, послѣ маленькихъ замѣтокъ о паденіи Сперанскаго слѣдуетъ рядъ критическихъ и библіографическихъ статей. Особенно заслуживаетъ вниманія статья о сочиненіи Мальма, современника Петра I, о Россіи; сочиненіе это, по словамъ Грота, написано пристрастно, дышитъ враждою къ Россіи, но въ то же время, кажется намъ, нельзя отказать его автору въ извѣстной наблюдательности; напримѣръ, Мальмъ говоритъ, что «въ Россіи торговлю захватили въ свои руки иностранцы: они, какъ комары, сосутъ кровь изъ русскаго народа, а потомъ улетаютъ въ другіе края»; замѣчаніе выхвачено изъ жизни: какъ это намъ напоминаетъ «анонимныхъ бельгійцевъ» и т. п. нашихъ дней.

Одинъ перечень, далеко не полный, статей, вошедшихъ въ составъ IV тома «Трудовъ Я. К. Грота», показываетъ его интересъ и побуждаетъ желать его книгѣ возможно широкаго распространенія. **М. П—й.**

Семевскій, В. И. Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. Томъ второй. Спб. 1901.

Первый томъ труда нашего почтеннаго историка, обогатившаго русскую науку цѣлымъ рядомъ цѣнныхъ сочиненій по исторіи русскаго крестьянства, былъ посвященъ состоянію помѣщичьихъ и поссессіонныхъ (то-есть принадлежащихъ фабрикантамъ) крестьянъ въ царствованіе Екатарины II. Второй томъ имѣетъ своимъ предметомъ состояніе всѣхъ остальныхъ родовъ крестьянъ за это время, то-есть дворцоваго вѣдомства, церковныхъ вотчинъ и государственныхъ. Авторъ сообщаетъ статистическія данныя относительно ихъ числа и множество драгоцѣнныхъ свѣдѣній относительно ихъ экономическаго быта, повинностей и управленія ими, свѣдѣній, собранныхъ во всѣхъ главнѣйшихъ русскихъ архивахъ. Почти вездѣ автору приходится рисовать самую мрачную картину. Даже пріютившаяся на дальнемъ сѣверѣ и въ отдаленной Сибири община казенныхъ, такъ называемыхъ черносошныхъ, крестьянъ не представляла въ этомъ отношеніи рѣзкаго исключенія, хотя она и не знала надъ собою никого, кромѣ государства: ей приходилось страдать отъ неравномѣрнаго распредѣленія надѣловъ, отъ тяжести государственныхъ повинностей, какъ-то: дорожной, подводной и т. д., а также и отъ своего брата міроѣда [1]). Авторъ знакомитъ насъ съ дѣятельностью одного такого сибирскаго міроѣда—Новикова, который даже выписывалъ изъ Москвы экипажи. Всѣ окрестные крестьяне были поголовно ему должны, а поэтому бывало, какъ только онъ прослышитъ, что у кого нибудь изъ нихъ завелась лошадка получше, то сейчасъ посылаетъ своихъ рабочихъ отобрать ее... Высшія власти, посѣщая Томскъ и Барнаулъ, запросто принимали его у себя [2]). Дворцовые крестьяне страдали отъ безпощаднаго взысканія податей даже въ такіе годы, когда помѣщичьимъ дѣлались льготы, отъ отсутствія всякихъ мѣропріятій на случаи неурожаевъ, повторявшихся довольно часто, а также отъ хищничества посылавшихся къ нимъ упра-

---

[1]) Стр. 676 и сл.

[2]) Стр. 698.

вителей [1]). Г. Семевскій приводитъ интересный случай, какъ по удаленіи одного изъ такихъ управителей крестьяне ходатайствовали о введеніи у нихъ выборнаго самоуправленія, но просьба ихъ не была исполнена [2]). Вообще, ихъ бытъ представлялъ мало утѣшительнаго, хотя волненія между ними были сравнительно рѣдки. И дѣйствительно, положеніе этихъ двухъ родовъ крестьянъ было еще очень завиднымъ въ сравненіи съ положеніемъ крестьянъ духовныхъ вотчинъ и государственныхъ приписныхъ къ заводамъ. Правда, крестьяне духовныхъ вотчинъ пахали на своихъ господъ менѣе помѣщичьихъ, но зато множество лежавшихъ на нихъ поборовъ превосходило тяжесть лежавшихъ на ихъ помѣщичьихъ собратьяхъ [3]). Къ этому присоединялись самыя вопіющія злоупотребленія и жестокости церковныхъ властей и ихъ управителей. У г. Семевскаго ихъ приведено очень много. Такъ, напримѣръ, архимандритъ Саввино-Сторожевскаго монастыря посылалъ крестьянъ, считавшихся собственно на оброкѣ, всѣхъ поголовно на работу въ теченіе двухъ недѣль. Однажды онъ заставилъ ихъ чистить прудъ въ самую страдную пору и, такъ какъ они не дали ему требуемой взятки (700 рублей), то продержалъ ихъ на этой работѣ болѣе мѣсяца [4]). Крестьяне Новоспасскаго монастыря жаловались на то, что управитель его «держитъ ихъ въ цѣпяхъ и желѣзахъ недѣль по пяти и больше и, державъ, бьетъ плетьми, палками, шипками, смертными побои и, бивъ паки, бросивъ въ тюрьму, мучитъ голодною и студеною смертью и хваляся разглашаетъ, что въ вотчину затѣмъ и съѣхалъ: разоритъ всѣхъ до конца и искоренить» [5]). Тогда какъ даже помѣщики собирали по случаю свадебъ умѣренный сборъ, протопопъ Муромскаго собора бралъ съ крестьянъ по 2 рубля, а не то и совсѣмъ не позволялъ имъ жениться [6]) и т. д. и т. д. Потому и не удивительно, что, когда Екатерина II возвратила было духовенству вотчины, переданныя Петромъ II въ вѣдомство коллегіи экономіи, то всюду обнаружилось сопротивленіе крестьянъ прежнимъ ихъ владѣльцамъ. Что касается до приписныхъ къ заводамъ крестьянъ, то это были казенные крестьяне, которые не уплачивали своихъ податей, а должны были ихъ отработать на казенныхъ и частныхъ заводахъ за опредѣленную плату. Плата эта была очень незначительна [7]); кромѣ того, иногда цѣлыя деревни казенныхъ крестьянъ приписывались къ очень отдаленнымъ заводамъ; сначала, правда, имъ давались небольшія подъемныя, но въ указанное время и это вывелось изъ обыкновенія [8])... Наконецъ заводчики получали право жестоко наказывать приписныхъ крестьянъ и пользовались имъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ... Такъ Демидовъ могъ за ослушаніе или лѣность своихъ приписныхъ наказывать ихъ плетьми или батогами и даже налагать на нихъ цѣпи [9]). Вообще эти заводчики были маленькими царьками на своихъ заводахъ и объ ихъ произволѣ ходили въ народѣ самые невѣроятные слухи. Такъ разсказывали, что во время посѣщенія княземъ Вяземскимъ уральскихъ заводовъ, по распоряженію Акинѳія Демидова, были спрятаны въ подземельѣ и потоплены тамъ водой изъ невьянскаго пруда рабочіе, занимавшіеся будто бы чеканкой фальшивой монеты для хозяина и тайно проживавшіе

[1]) Стр. 87 и сл. [2]) Стр. 98. [3]) Стр. 201 и сл. [4]) Стр. 208. [5]) Стр. 211. [6]) Стр. 218. [7]) Стр. 308. [8]) Стр. 309. [9]) Стр. 299.

тамъ каторжники для того, чтобы скрыть всякіе слѣды беззаконій [1]).. Поэтому не удивительно, если начало царствованія Екатерины II ознаменовалось ужасными волненіями среди заводскихъ крестьянъ, въ подавленіи которыхъ принималъ видное участіе будущій герой борьбы съ Пугачевымъ— Бибиковъ. Въ книгѣ г. Семевскаго читатель найдетъ подробное изображеніе этихъ волненій [2]).

Къ сожалѣнію, книга г. Семевскаго написана довольно тяжелымъ языкомъ, что вмѣстѣ съ ея громоздкостью дѣлаетъ ее мало доступною для большой публики, но эти недостатки совершенно блѣднѣютъ передъ цѣнностью сообщаемыхъ въ ней свѣдѣній. **В. Строевъ.**

Князь М. А. Накашидзе. Автомобиль, его экономическое и стратегическое значеніе для Россіи. Съ 9-ю рисунками, Спб. 1902.

Авторъ подробно объясняетъ, въ какой степени страдаетъ въ экономическомъ отношеніи Кавказъ отъ примитивныхъ способовъ передвиженія по шоссейнымъ дорогамъ, и, какъ военный, обращаетъ также вниманія на тѣ затрудненія, которыя встрѣчаютъ повсемѣстно войска на Кавказѣ въ вопросахъ довольствія и быстраго передвиженія. «Безъ ошибки можно сказать, что на случай военныхъ дѣйствій, когда Кавказъ явится главной базой дѣйствующихъ армій; напримѣръ, въ случаѣ войны съ Персіей, Афганистаномъ, Турціей, или вообще какихъ либо осложненій на побережьяхъ Чернаго моря, вопросъ о передвиженіи по весьма немногочисленнымъ путямъ его явится весьма жгучимъ, а перевозочныя средства самымъ больнымъ мѣстомъ дѣйствующей арміи».

Широкое примѣненіе автомобилей для удовлетворенія потребностей экономической и общественной жизни за границей не могло остаться незамѣченнымъ и въ военномъ мірѣ. Въ 1900 году разные типы автомобиля съ успѣхомъ фигурировали на французскихъ маневрахъ, въ видѣ самодвижущихся обозовъ, фургоновъ, лазаретовъ и т. д., а въ 1901 году самодвижущіяся повозки появились и на германскихъ маневрахъ, во время которыхъ императоръ Вильгельмъ не сходилъ съ автомобиля. Англичане также занялись серіозно этимъ жгучимъ вопросомъ, и на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Трансваалѣ появилось нѣсколько автомобилей, успѣшно удовлетворившихъ военнымъ цѣлямъ. Такимъ образомъ автомобиль сдѣлался мало-по-малу центромъ вниманія всѣхъ государствъ, и наконецъ на него было обращено вниманіе Россіи.

Авторъ настоящей книги первымъ выступаетъ со своимъ въ высшей степени интереснымъ трудомъ въ нашей литературѣ, знакомя наше общество всесторонне съ значеніемъ автомобиля для Россіи, какъ со стороны экономической, такъ и въ стратегическомъ отношеніи, съ значеніемъ мѣстныхъ сообщеній въ экономической жизни населенія, доказывая затѣмъ всю выгоду и преимущество отъ примѣненія механической тяги передъ мускульной и подтверждая свои доказательства рядомъ сравнительныхъ цифровыхъ данныхъ.

Перечисля тѣ огромныя услуги, которыя несомнѣнно окажетъ для Россіи автомобиль, авторъ приводитъ весьма удачный примѣръ изъ мусульманскаго

---

[1]) Стр. 312.
[2]) Стр. 822—508.

возстанія въ г. Андижанѣ 18-го мая 1898 г., когда «шайка въ 2.000 сартовъ, руководимая Ишаномъ Мадали, напала на сонныхъ солдатъ 20-го Туркестанскаго линейнаго баталіона и вырѣзала 21-го человѣка. Телеграфъ оказался порваннымъ. Посланные конные джигиты не могли довезти требованія о помощи въ Маргеланъ ранѣе, какъ черезъ 6—7 часовъ; а потому извѣщеніе о катастрофѣ военный губернаторъ получилъ лишь на слѣдующее утро, послѣ чего сейчасъ же была отправлена рота на вокзалъ желѣзной дороги, съ цѣлью отправленія ея въ Андижанъ, но на станціи не оказалось поѣзда, который по телеграфу былъ вытребованъ изъ Коканда, находящагося отъ Маргелана въ 90 верстахъ. Войска ждали, а Андижанъ находился въ крайне опасномъ положеніи. Совсѣмъ другой оборотъ приняло бы дѣло, если бы изъ Андижана по прекрасной почтовой дорогѣ отправился автомобиль, и немедля изъ Маргелана на автомобильныхъ повозкахъ двинулась хотя бы полурота, даже взводъ на помощь андижанцамъ».

Какъ дополненіе къ желѣзнымъ дорогамъ, автомобиль окажетъ также незамѣнимую услугу, такъ какъ на короткихъ разстояніяхъ (60 верстъ) желѣзныя дороги не могутъ конкурировать съ перевозкой гужемъ, и при усовершенствованіи гужевой тяги подобныя разстоянія могли бы достигать ста и болѣе верстъ. Въ подтвержденіе своихъ предположеній авторъ приводитъ примѣръ недавно начавшейся перевозки грузовъ морского вѣдомства изъ Ижорскаго завода въ Колпинѣ до Петербурга, на бензино-и спирто-моторной телѣгѣ поднимающей 300 пудовъ.

Исходя изъ безусловной выгодности примѣненія автомобиля въ Россіи для вышеупомянутыхъ цѣлей, авторъ обращаетъ вниманіе на Кавказъ, гдѣ за послѣднее время особенно ощутителенъ недостатокъ въ лошадяхъ даже и по главнымъ артеріямъ его путей сообщенія. Желѣзныхъ дорогъ на Кавказѣ почти нѣтъ, постройка подъѣздныхъ путей обошлась бы правительству огромныхъ капиталовъ въ силу особаго географическаго положенія страны.

Слѣдовательно, по мнѣнію автора, на Кавказѣ необходимо создать такой способъ передвиженія, который могъ бы замѣнить собою желѣзныя дороги безъ тѣхъ огромныхъ затратъ, которыя несомнѣнно, повлечетъ за собою сооруженіе послѣднихъ. Прекрасно изучивъ Кавказъ и его тракты, авторъ даетъ полное описаніе главнѣйшихъ изъ нихъ и, не ограничиваясь однимъ маршрутнымъ описаніемъ, даетъ полную картину производительности, экономическаго положенія областей, по которымъ они пролегаютъ.

По прочтеніи труда князя М. А. Накашидзе составляется полная картина той видной роли, которая безусловно выпадетъ на долю автомобиля.

На томъ или другомъ типѣ автомобилей авторъ не останавливается, считая этотъ вопросъ преждевременнымъ, такъ какъ усовершенствованія самодвижущихся экипажей прогрессируютъ съ удивительной быстротою, и не проходитъ мѣсяца, чтобы не появлялось болѣе новаго и совершеннаго типа.

Борисъ Тагѣевъ.

Европа. Иллюстрированный географическій сборникъ. Москва. 1902.

За послѣднее время нѣкоторые преподаватели географіи и исторіи, вѣроятно, утомившись преподносить своимъ питомцамъ произведенія г. Иловайскаго и г. Смирнова, начали (одни—самостоятельно, другіе — въ компаніи) издавать по нѣкоторымъ вопросамъ своихъ наукъ книги, цѣль которыхъ быть добавочнымъ чтеніемъ для учащихся, популярнымъ же чтеніемъ для людей вообще, желающихъ восполнить пробѣлы въ своемъ общемъ образованіи. Намѣренія такъ хороши, что публика начала восторгаться раньше приведенія ихъ въ исполненіе. На дѣлѣ же оказалось, что для выполненія намѣченной цѣли, кромѣ званія учителя, требуется еще что-то... чего не достало, главнымъ образомъ, историкамъ (напримѣръ, Весленеву и К. А. Иванову). Своихъ изслѣдованій у нихъ не оказалось; тогда, не смущаясь, они взялись за компиляцію, и компиляція эта получилась у нихъ ни хуже, ни лучше тѣхъ учебниковъ, по которымъ они проходили свой курсъ, такъ что ихъ сборники можно, не скрываясь, назвать «лишнимъ чтеніемъ». Географы дѣйствуютъ немного иначе. Своихъ замѣтокъ и описаній у нихъ тоже нѣтъ, ибо у насъ меньше всего ѣздятъ куда нибудь учителя географіи, компиляцій они не дѣлали, ибо, по ихъ мнѣнію, при этомъ всегда терястъ свою живость и образность первоисточникъ, они просто, безъ затѣй, взяли да отпечатали отдѣльной книжкой очерки и замѣтки путешественниковъ, при чемъ изъ путешественниковъ исключительно русскихъ, такъ чтобы Западная Европа была освѣщена съ русской точки зрѣнія, а, сверхъ того, еще важенъ и «тотъ сравнительный методъ, съ которымъ всякій русскій путешественникъ невольно подходитъ къ явленіямъ западно-европейской жизни».

Такимъ образомъ зародился и появился въ свѣтъ настоящій сборникъ въ 124 статьи на 760 страницахъ. Начинается сборникъ очеркомъ Ф. Нансена «Зимовка на Землѣ Франца-Іосифа», но это не одинъ очеркъ не русскаго путешественника, дальше раза два проскальзываютъ случайно и иностранцы. Большинство же описаній принадлежатъ А. Елисѣеву, Е. Маркову, В. Немировичу-Данченко, И. Василевскому, Д. Мордовцеву.

Составленъ сборникъ въ смыслѣ распредѣленія матеріала очень удачно. Послѣ описанія сѣверо-западной части Европы, идутъ статьи, рисующія намъ англійскую жизнь во всѣхъ деталяхъ, праздничную и будничную въ различныхъ кварталахъ, описаніе города Лондона съ внѣшней стороны, небольшой очеркъ посвященъ жизни рабочимъ. Далѣе слѣдуютъ статьи, касающіяся жизни Германіи, и описаніе ея большихъ городовъ. Затѣмъ идетъ описаніе французской жизни съ городомъ Парижемъ и всѣми его закоулками, жизнь французской деревни, французы-южане и сѣверяне. Не менѣе статей собрано и объ Италіи, Испаніи. Много описаній городовъ и столицъ Балканскаго полуострова. Обдѣлили составители только Данію: о ней всего два небольшихъ очерка въ такомъ обширномъ географическомъ сборникѣ.

Мы не будемъ входить въ разборъ тѣхъ описаній и очерковъ, которые составители нашли нужнымъ помѣстить въ сборникѣ—есть дѣйствительно та-

лантливо и живо написанные, но и есть совсѣмъ никуда не годные. Вотъ только невольно составителямъ приходится задать вопросъ, чѣмъ руководствовались они выбирая эти описанія и очерки. Вѣроятно, только тѣмъ, чтобы авторомъ ихъ былъ человѣкъ русскій... Составители глубоко ошиблись и ввели въ заблужденіе читателя: въ этомъ русскомъ авторѣ нѣтъ сравнительнаго метода, котораго такъ желали составители, и котораго такъ, съ ихъ же словъ, ждалъ читатель. Русскій авторъ пишетъ, восхищается, напримѣръ, Парижемъ, черезъ каждыя двѣ строки пять восклицательныхъ знаковъ, — гдѣ же его невольный сравнительный методъ?.. Какъ не явился онъ въ Парижѣ, такъ нѣтъ его и въ продолженіи путешествія по всей Западной Европѣ. **В. I.**

Постройка и эксплоатація Николаевской желѣзной дороги (1842—1851—1901 г.г.). Краткій историческій очеркъ. Составленъ управленіемъ дороги. Спб. 1902.

Это прекрасно составленная монографія. Безъ лишнихъ словъ, безъ всякаго чрезмѣрнаго раздуванія, это въ самомъ дѣлѣ вразумительный, всѣмъ понятный и даже интересный очеркъ существованія этой дороги въ трехъ стадіяхъ ея развитія: постройки казенными инженерами, затѣмъ эксплоатаціи главнымъ обществомъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ и наконецъ въ казенномъ управленіи, продолжающемся и донынѣ. Монографія эта снабжена множествомъ интересныхъ рисунковъ, портретами четырехъ государей, портретами всѣхъ ея директоровъ, строителей и иныхъ важныхъ дѣятелей, видами наиболѣе характерныхъ и интересныхъ зданій, планами дороги съ профилью, графикомъ движенія, видами поѣздовъ разнаго состава и назначенія и тому подобное. Поэтому книгу интересно не только прочитать, но и пересмотрѣть даже и неспеціалисту инженернаго дѣла.

Первыя страницы посвящены, конечно, чисто анекдотической исторіи первыхъ попытокъ постройки желѣзныхъ дорогъ не только у насъ, но и въ просвѣщенной Англіи, гдѣ и ученые люди сомнѣвались, чтобы локомотивъ могъ ходить быстрѣе лошади, и не могли себѣ представить дороги черезъ большое и глубокое болото, находившееся между Манчестеромъ и Ливерпулемъ. Любопытно въ самомъ дѣлѣ, что Стефенсону приходилось производить изысканія ночью, или боевымъ образомъ отстрѣливаясь отъ владѣльцевъ попутныхъ земель и угодій.

Но первый поѣздъ въ 1829 году, пущенный Стефенсономъ, рѣшилъ вопросъ безповоротно, и дѣло желѣзныхъ дорогъ стало быстро и безпрепятственно развиваться на западѣ. Благодаря превосходнымъ инженернымъ способностямъ императора Николая и его государственной дальновидности, мы очень мало отстали по времени отъ нашихъ западныхъ сосѣдей, ибо въ 1836 году уже эксплоатировали Царскосельскую дорогу. Но, конечно, и у насъ выростали сомнѣнія со всѣхъ сторонъ, и два любопытныхъ документа, одинъ отъ 1835-го года, а другой отъ 1837-го, приведенные въ отрывкахъ въ разбираемой книгѣ, дѣйствительно представляются нашимъ глазамъ невѣроятною слѣ-

потою людей, даже очень умныхъ, которые никакъ не могли допустить, чтобы при нашихъ зимахъ и климатѣ вообще желѣзныя дороги были у насъ выгодны и возможны.

Въ послѣднемъ отношеніи любопытно сочиненіе Наркиза Атрѣшкова «О желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи», въ которомъ съ отличною логикою высчитывалось, что товарное движеніе между Москвой и Петербургомъ не превзойдетъ 7.000 пудовъ въ годъ, и что 8.000 пассажировъ будетъ крайнимъ предѣломъ ея пассажирскаго движенія. На основаніи этихъ данныхъ Наркизъ Атрѣшковъ высчиталъ максимальный доходъ дороги въ 5.650 рублей въ годъ. Но если это крайность даже и для того времени, то и защитники будущей Николаевской дороги не надѣялись перевозить болѣе 12.000.000 пудовъ въ годъ и 120.000 пассажировъ.

Что же получилось на самомъ дѣлѣ? Эти данныя мы находимъ на заключительной страницѣ той же прекрасной книги.

Стоимость дороги въ ея настоящемъ видѣ, безъ реализаціи капиталовъ, 135.800.000 рублей. Съ 1846 года по 1901 включительно перевезено: пассажировъ—93.404.931 человѣкъ, товаровъ большой скорости 62.288.731 пудъ, малой скорости 6.582.889.856 пудовъ, выручено чистаго дохода—506.226.312 рублей.

Понятно, какъ долженъ страдать мятежный духъ Наркиза Атрѣшкова, если онъ видитъ эти торжественные результаты эксплоатаціи дороги, которой онъ предсказывалъ такую скромную участь? Впрочемъ, тотъ же скептицизмъ, несмотря на громадный опытъ, слышенъ нерѣдко и нынѣ, почти всякій разъ, когда проектируется какая либо новая линія желѣзной дороги. А между тѣмъ пора понять, что желѣзная дорога есть великій историческій факторъ, сильно измѣнившій лицо земли и характеръ человѣчества, и что значеніе этого фактора много больше такихъ сравнительно громадныхъ историческихъ движеній, какъ крестовые походы, какъ войны реформаціи и неистовства всякихъ революцій. Одно только книгопечатаніе можетъ стать рядомъ и то потому, что безъ него немыслимы были бы не только желѣзныя дороги, но и такія курьезныя сочиненія, какъ Атрѣшкова, и такія хорошія—какъ просмотрѣнная нами книга.

В. П.

Художественныя сокровища Россіи. Ежемѣсячный, иллюстрированный сборникъ, издаваемый императорскимъ обществомъ поощренія художествъ, подъ редакціей А. Бенуа. Выпускъ I. Спб. 1902.

Въ прошломъ году мы привѣтствовали появленіе этого прекраснаго и единственнаго въ своемъ родѣ изданія, поставившаго себѣ цѣлью познакомить русскую публику съ картинами и рисунками, какъ нашихъ, такъ и иностранныхъ знаменитыхъ мастеровъ, съ наиболѣе значительными скульптурными и архитектурными памятниками и драгоцѣнными и любопытными предметами художественной промышленности. Первый выпускъ «Сборника» текущаго года

посвященъ исключительно русскому искусству. Къ нему приложены слѣдующія безукоризненно исполненныя хромолитографіи и фототипіи: находящаяся въ музеѣ императора Александра III, икона св. Бориса и Глѣба «строгоновскаго» письма, имѣющая, главнымъ образомъ, значеніе, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для исторіи древне-русскихъ княжескихъ одеждъ; портретъ императрицы Екатерины II, писанный Рокотовымъ, изъ Китайской галлереи Гатчинскаго дворца; портретъ этотъ совершенно неизвѣстенъ публикѣ, такъ какъ никогда не былъ гравированъ; по времени онъ принадлежитъ къ 1763 году и можетъ считаться однимъ изъ самыхъ схожихъ изображеній государыни. Образъ Нерукотвореннаго Спаса, серебряный окладъ котораго, сооруженный въ 1645 году бояриномъ Б. М. Хитрово, представляетъ прекрасный образецъ русской эмали половины XVII столѣтія. Два мѣдныхъ кунгана, изъ музея императора Александра III, интересны тѣмъ, что являются образцами прикладного искусства начальнаго и конечнаго періода расцвѣта московской культуры. Сундукъ XVII столѣтія, — одна изъ большихъ драгоцѣнностей Московскаго историческаго музея, — замѣчателенъ по живописи, украшающей внутреннюю сторону крышки и изображающей фантастическую птицу «альконостъ» среди вѣтокъ, усаженныхъ разнообразными цвѣтами. Англійская карета, хранящаяся въ московской Оружейной палатѣ, временъ Бориса Годунова. Кувшинчикъ и коробка изъ туалетнаго прибора императрицы Анны Ивановны, хранящагося въ Эрмитажѣ; этотъ приборъ весь изъ золота, состоитъ изъ 48 предметовъ, въ стилѣ голландскаго или англійскаго барокко, но всѣмъ вѣроятіямъ, исполненъ въ Англіи, славившейся въ XVIII столѣтіи своими чеканщиками и золотыхъ дѣлъ мастерами. Картина Торелли, находящаяся въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ и изображающая тріумфъ императрицы Екатерины II, какъ побѣдительницы турокъ и завоевательницы Новороссійскаго края; въ картинѣ масса пѣшихъ и конныхъ фигуръ, написанныхъ съ рѣдкой законченностью; вообще, мягкіе тона красокъ, прекрасный рисунокъ, неподражаемая виртуозность исполненія, отводятъ этой картинѣ, въ ряду прочихъ произведеній Торелли, безспорно, первое мѣсто. Янтарная комната въ Большомъ Царскосельскомъ дворцѣ—одна изъ главныхъ его достопримѣчательностей, не только благодаря драгоцѣнности матеріала, но и тому неподражаемому вкусу, съ которымъ придворный декораторъ императрицы Елисаветы Петровны сумѣлъ воспользоваться хрупкими янтарными бездѣлушками для созданія великолѣпнаго, можно сказать, сказочнаго зала. Эскизъ изъ терракоты знаменитаго скульптора Козловскаго «Меркурій, передающій Вакха на воспитаніе нимфѣ», отличающійся удачной композиціей и большимъ мастерствомъ. Превосходная статуя, неизвѣстнаго мастера, изображающая Нептуна и украшающая лѣвую, ростральную колонну передъ биржей въ Петербургѣ. Портреты братьевъ Ланскихъ, рисованные итальянскимъ карандашомъ Кипренскимъ. Наконецъ портретъ великой княгини Елены Павловны съ дочерью Маріей Михайловной, писанный съ обычнымъ мастерствомъ К. Брюлловымъ и принадлежащій герцогу Михаилу Георгіевичу Мекленбургъ-Стрелицкому.

Пояснительный текстъ, написанный знатоками, заключаетъ біографическія свѣдѣнія о творцахъ художественныхъ произведеній и даетъ эстетическую

оцѣнку послѣднихъ. Мы искренно желаемъ успѣха и широкаго распространенія «Сборнику»,такъ какъ, кромѣ чисто художественнаго интереса, онъ имѣетъ и большое образовательное значеніе. О. Ш.

Суворовъ, какъ представитель славянства. Составилъ ординарный профессоръ Николаевской академіи генеральнаго штаба, генералъ-майоръ Н. А. Орловъ. Спб. 1901.

Казалось бы, едва ли возможно въ такой небольшой, сравнительно, книгѣ сказать такъ много и обстоятельно о нашемъ знаменитомъ полководцѣ; а между тѣмъ почтенный авторъ, не долюбливая, очевидно, многоглаголонія, сумѣлъ въ сжатомъ и чрезвычайно образномъ очеркѣ дать читателямъ цѣльный и совершенно законченный портретъ Суворова.

Авторъ начинаетъ свою книгу перечисленіемъ всѣхъ великихъ полководцевъ Европы за минувшія времена, насчитываетъ ихъ десять—и дѣлаетъ пріятное открытіе, что на долю славянъ приходится значительный процентъ, именно цѣлыхъ два полководца—Петръ Великій и Суворовъ. Войны послѣдняго г. Орловъ дѣлитъ на три группы: на войны съ Турціей, съ Польшей и наконецъ въ Италіи и Швейцаріи. Въ первой группѣ останавливаетъ на себѣ особенное вниманіе взятіе Суворовымъ Измаила, гарнизонъ котораго состоялъ изъ 35 тысячъ человѣкъ, находившихся подъ начальствомъ энергичнаго коменданта Айдозли Мехметъ-паши, между тѣмъ какъ у Суворова было всего не болѣе 30 тысячъ подъ ружьемъ. «И въ чистомъ полѣ, говоритъ авторъ книги, разбить армію, превосходящую числомъ, не легко, а когда она находится въ сильной крѣпости — подвигъ дѣлается еще труднѣе. Несмотря на это, Суворовъ, тщательно подготовивъ штурмъ Измаила, превосходно его исполняетъ. Достается это цѣлыми потоками крови: изъ 35 тысячъ турокъ было убито 26 тысячъ; Дунай покраснѣлъ отъ человѣческой крови, которая лилась изъ Измаила... Немало было тутъ и русской крови: 10 тысячъ нашихъ убито во время штурма... Суворовъ побѣдами надъ турками окончательно установилъ наше первенствующее значеніе въ восточномъ вопросѣ и значительно подвинулъ его впередъ. При немъ занялась заря освобожденія балканскихъ славянъ».

Говоря о второй группѣ суворовскихъ войнъ, талантливый авторъ останавливается на штурмѣ Праги 24 октября 1794 года, когда наши солдаты, вспоминая рѣзню, учиненную въ Варшавѣ, въ ночь на 6-ое апрѣля того же года, надъ мирно спавшими русскими солдатами, избивали всѣхъ, не давая никому пощады... Суворовъ пожелалъ спасти столицу Польши отъ справедливаго мщенія нашихъ воиновъ, взявшихъ уже Прагу, и съ этою цѣлью приказалъ разрушить мосты, соединявшіе это предмѣстье съ самою Варшавою. На этой чертѣ чисто русскаго человѣка—быть милосерднымъ къ побѣжденному врагу — чертѣ, замалчиваемой обыкновенно біографами Суворова, авторъ останавливается съ особеннымъ вниманіемъ и въ доказательство приводитъ даже 7-й пунктъ приказа Суворова передъ штурмомъ Праги: «Въ домà не за-

бѣгать, непріятеля, просящаго пощады, щадить, безоружныхъ не убивать, съ бабами не воевать, малолѣтковъ не трогать». Всѣ изумлялись, говоритъ г. Орловъ, великодушію Суворова; но онъ отвѣчалъ стихами Ломоносова:

Великодушный левъ злодѣя низвергаетъ,
А хищный волкъ его лежащаго терзаетъ»...

Еще болѣе, вѣроятно, изумлялись въ Европѣ великодушію—или, скорѣе, простодушію—нашего правительства того времени, отдавшаго, при послѣдовавшемъ послѣ этихъ побѣдъ третьемъ раздѣлѣ Польши, значительныя «пространства земли въ пользу Пруссіи и Австріи, пространства, пріобрѣтенныя рѣками русской крови... По существу же дѣла, конечно, славянскія земли должны бы были принадлежать славянамъ же». Еще одна характерная чёрточка въ исторіи этой войны: оказывается, русскіе за все, что брали у поляковъ, расплачивались наличными деньгами, хотя у нихъ самихъ этихъ денегъ было очень мало, такъ какъ въ армію долго почему-то не высылали денегъ изъ Петербурга, вслѣдствіе чего побѣдители терпѣли во многомъ недостатокъ. Несмотря на это, порядокъ въ завоеванной странѣ не былъ нисколько нарушенъ.

Въ третьей группѣ суворовскихъ войнъ—въ походѣ въ Италію и Швейцарію,— авторъ останавливается на знаменитой трехдневной битвѣ отряда Суворова съ войсками Макдональда, между коими была очень стойкая дивизія генерала Домбровскаго, составленная изъ поляковъ. Здѣсь опять, вслѣдствіе рокового и крайне прискорбнаго историческаго недоразумѣнія, славяне столкнулись съ славянами же, и бой былъ столь же упорный, какъ и подъ Прагою, хотя и закончился отступленіемъ Макдональда... И въ эту войну русскія войска, предводимыя безсмертнымъ Суворовымъ, отличились блестящими побѣдами, а правительство—своимъ добродушіемъ: мы все время, оказывается, вынимали каштаны изъ огня для двоедушной Австріи...

Характеризируя итоги военной дѣятельности Суворова, г. Орловъ приводитъ слѣдующія интересныя цифры: «Въ теченіе 20-ти своихъ походовъ, Суворовъ взялъ у непріятеля 609 знаменъ, 2.670 орудій, 107 морскихъ судовъ, 52.107 человѣкъ плѣнныхъ. При этомъ, Суворовъ былъ шесть разъ раненъ и подъ нимъ было убито нѣсколько лошадей». И вотъ, этотъ-то военный геній, удивлявшій своею славою и побѣдами цѣлый міръ, позналъ на смертномъ ложѣ, подобно многимъ другимъ людямъ, всю тщету величія и земного бытія, говоря окружающимъ: «Долго гонялся я за славой... Все мечта! Покой души— у престола Всемогущаго!»...

Въ концѣ книги обращаетъ также на себя вниманіе особая статья «Суворовъ и флотъ», въ которой описываются такъ мало извѣстныя большинству русской публики морскія побѣды знаменитаго полководца, одержанныя надъ тѣми же турками въ 1773 году, во время первой турецкой войны, а также и во время второй, въ 1787 году, при Екатеринѣ. Этимъ и объясняется количество 107 «морскихъ судовъ», считающихся въ числѣ трофеевъ Суворова.

L.

А. Оларъ. Политическая исторія французской революціи. Москва. 1902.

Трудъ Олара давно извѣстенъ всякому, занимающемуся французской революціей. Среди множества сочиненій по исторіи Франціи въ концѣ XVIII вѣка сочиненіе Олара занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Въ своемъ капитальномъ трудѣ, состоящемъ изъ четырехъ частей (въ русскомъ переводѣ сочиненіе Олара занимаетъ 952 стр.), французскій историкъ изслѣдуетъ вопросъ о происхожденіи и развитіи демократіи и республики въ періодъ отъ 1789 до 1804 г. Онъ выясняетъ, какъ примѣнялись на практикѣ принципы Декларацiи Правъ, какъ эти принципы осуществлялись въ учрежденіяхъ, какъ понимались они и истолковывались въ рѣчахъ, въ печати, въ дѣйствіяхъ различныхъ партій, въ тѣхъ или иныхъ проявленіяхъ общественнаго мнѣнія. Обыкновенно, при выработкѣ новаго политическаго строя, ссылались на политическую равноправность и верховную власть народа,—на эти два основныхъ принципа указывали, но ихъ различно понимали и различно примѣняли въ разные періоды французской революціи.

Какъ демократія является логическимъ послѣдствіемъ принципа равноправности, такъ и республика была логическимъ послѣдствіемъ принципа верховной власти народа. Оларъ раздѣляетъ исторію демократіи и республики за время французской революціи на четыре періода. Въ первомъ (отъ 1789 до 1792 г.) онъ видитъ возникновеніе демократической и республиканской партій при господствѣ избирательнаго ценза и конституціонной монархіи. Второй періодъ былъ временемъ демократической республики (1792—1795 г.), третій—періодомъ буржуазной республики (1795—1799) и четвертый—періодомъ плебисцитарной республики (1799—1804 г.). «Вмѣсто демократіи», говоритъ Оларъ, «люди 1789 г. установили буржуазный порядокъ, основанный на имущественномъ цензѣ; вмѣсто республики они организовали органическую монархію. Только 10 августа 1792 года, путемъ признанія всеобщаго избирательнаго права, французы установили у себя демократическій строй; только 22-го сентября 1792 г., уничтоживъ монархію, они установили республику. Относительно республиканской формы правленія можно сказать, что она существовала до 1804 г., т. е. до тѣхъ поръ, пока правительство республики не было вручено императору; что же касается демократіи, то она была упразднена еще въ 1795 году, при введеніи конституціи III года; во всякомъ случаѣ она потерпѣла тогда глубокое измѣненіе, благодаря сочетанію всеобщаго избирательнаго права съ избирательнымъ правомъ, основаннымъ на цензѣ. Сначала у народа потребовали отреченія отъ своихъ правъ въ пользу одного буржуазнаго класса; этотъ буржуазный порядокъ характеризуетъ собою періодъ Директоріи. Затѣмъ потребовали у народа отреченія отъ своихъ правъ въ пользу одного человѣка, Наполеона Бонапарта; это былъ періодъ плебисцитарной республики, періодъ Консульства. Раздѣливъ исторію демократіи и республики на періоды, Оларъ выдѣляетъ тѣ факты, которые среди перепутанныхъ огромнаго количества событій оказали очевидное и прямое вліяніе на политическую революцію Франціи.

Къ такимъ фактамъ относятся: политическія учрежденія, система избира-

тельнаго ценза и монархическій режимъ, всеобщее избирательное право, конституція III года, конституція VIII года, идейное движеніе, подготовившее, установившее и видоизмѣнявшее всѣ эти учрежденія; политическія партіи, ихъ стремленія и ихъ распри, главнѣйшія теченія общественнаго мнѣнія, перевороты въ умахъ общества, выборы, плебисциты, борьба новаго духа съ духомъ прошлаго, новыхъ силъ съ силами стараго порядка, свѣтскаго духа съ клерикальнымъ, раціональнаго принципа свободнаго изслѣдованія съ католическимъ принципомъ авторитета. Въ этомъ, въ сущности, и состояла политическая жизнь тогдашней Франціи. О другихъ фактахъ, имѣвшихъ свое вліяніе, какъ о войнахъ, дипломатическихъ и финансовыхъ актахъ, Оларъ не распространяется. Весь трудъ его состоитъ изъ четырехъ частей. Въ первой части выяснено происхожденіе демократіи и республики, во второй изображена дѣятельность демократической республики, въ третьей —«буржуазной» республики, и въ четвертой — «плебисцитарной». Во всей первой части своего труда Оларъ держится хронологическаго порядка,—иного и нельзя въ данномъ случаѣ держаться, такъ какъ онъ изучаетъ развитіе республиканской и демократической идеи до революціи и послѣ.

По отношенію къ промежутку времени отъ 1789 до 1792 года историку приходилось просто разсказывать о всѣхъ проявленіяхъ демократическихъ и республиканскихъ идей, по мѣрѣ того какъ они встрѣчались, помѣщая ихъ въ рамки сначала конституціонной монархіи, а затѣмъ буржуазнаго порядка. Но что касается остальныхъ трехъ періодовъ, демократической, буржуазной и плебисцитарной республикъ, то было бы трудно излагать одновременно въ той же самой хронологической послѣдовательности какъ исторію политическихъ учрежденій, такъ борьбу партій и всѣ метаморфозы общественнаго мнѣнія; это значило бы внести въ разсказъ ту же путаницу, какая существовала въ самой дѣйствительности, особенно въ періодъ демократической республики. Поэтому Оларъ излагаетъ поочередно, одно за другимъ, каждое изъ этихъ проявленій той же самой политической жизни, какъ бы въ видѣ нѣсколькихъ параллельныхъ хронологическихъ серій. Такъ какъ колебанія общественнаго мнѣнія и видоизмѣненія политическихъ учрежденій тѣсно связаны между собою и находятся въ постоянномъ соотношеніи; то онъ указываетъ на эту связь всякій разъ, когда это представляется необходимымъ.

Болѣе двадцати лѣтъ работалъ Оларъ надъ своимъ трудомъ, перечитавъ всѣ законы революціонной эпохи, всѣ вліятельныя газеты того времени, переписку, пренія, политическія рѣчи, протоколы выборовъ. Матеріалъ, на которомъ построено изслѣдованіе его, — колоссальный. Но авторъ вездѣ остается объективнымъ, вездѣ онъ историкъ, а не публицистъ.

«Ошибочно думать, чтобы французская революція была совершена нѣсколькими выдающимися личностями, нѣсколькими героями», — таковъ одинъ изъ заключительныхъ выводовъ историка. Героемъ революціи былъ народъ, не въ видѣ безформенной массы, а въ видѣ организованныхъ группъ. Политической и соціальной программой республиканцевъ было просвѣщеніе народа, борьба съ этимъ просвѣщеніемъ составила одинъ изъ пунктовъ программы Наполеона. Оларъ, далѣе, развиваетъ и ту мысль, что люди, дѣйствовавшіе въ эпоху рево-

люціи, вовсе не были «гигантами», выдающимся поколѣніемъ, это поколѣніе было не ниже и не выше средняго. Наиболѣе сильный выводъ, къ которому приходитъ авторъ, заключается въ устраненіи двусмысленности толкованія словъ—великая французская революція. Она представляетъ собою какъ бы политическій и соціальный идеалъ, къ осуществленію котораго Франція стремилась, а историки смѣшивали этотъ идеалъ или съ его практическимъ примѣненіемъ, или съ событіями, вызванными врагами этого идеала, съ цѣлью упраздненія или замаскированія его.

Императорскій деспотизмъ остановилъ революцію, отмѣтилъ собою отступленіе въ сторону принциповъ стараго порядка, упразднилъ временно свободу, уничтожилъ отчасти равенство. Но эта разрушительная работа коснулась скорѣе политическихъ, чѣмъ соціальныхъ результатовъ революціи. Сохраненіе этихъ соціальныхъ результатовъ появилось въ обладаніи національными имуществами и въ гражданскихъ законахъ, сведенныхъ въ кодексъ, хотя и менѣе эгалитарный, чѣмъ какой былъ задуманъ конвентомъ, но во всякомъ случаѣ безконечно болѣе гуманный и разумный, чѣмъ кодексы стараго порядка, обладавшій, кромѣ того, тѣмъ преимуществомъ, что онъ былъ одинаковымъ для всей Франціи; оно проявилось въ функціонированіи революціонныхъ законовъ о наслѣдствѣ, словомъ, во всемъ этомъ кодексѣ, принятомъ почти всей Европой. Этимъ именно и объясняется, почему послѣ паденія Наполеона Бонапарта, когда соціальные результаты революціи оспаривались роялистами, вернувшимися изъ эмиграціи, этотъ человѣкъ, сдѣлавшій все, что только онъ могъ сдѣлать для разрушенія политическихъ результатовъ революціи, сталъ казаться человѣкомъ революціонной эпохи и могъ говорить о себѣ, какъ о таковомъ. Переводъ сочиненія Олара сдѣланъ прекраснымъ языкомъ, издана книга хорошо.

А—въ.

Феликсъ Рокэнъ. Движеніе общественной мысли во Франціи въ XVIII вѣкѣ. Спб. 1902.

XVIII вѣкъ во Франціи былъ временемъ необыкновеннаго развитія общественнаго духа, выразившагося въ оппозиціи противъ церкви и королевской власти и расшатавшаго обѣ главныя опоры прежняго государственнаго строя. Послѣ замѣчательнаго сочиненія Тэна о старомъ порядкѣ, гдѣ немало мѣсто удѣлено характеристикѣ оппозиціоннаго духа предъ революціей, книга Рокэна занимаетъ выдающееся мѣсто, какъ по богатству новаго матеріала, такъ и по талантливому освѣщенію этого нелегко поддающагося анализу матеріала. Рокэнъ пользовался всевозможными дневниками, напримѣръ, неизданными текстами дневниковъ Реньо и Гарди, а иногда художественно воспроизводя картины старой Франціи.

Въ своемъ трудѣ Рокэнъ показываетъ, какъ началось броженіе общественной мысли, какъ оппозиціонный духъ постепенно развивался и обращался въ духъ революціонный, и какъ проявленія послѣдняго шли съ возростающей силой вплоть до 1789 года. Основнымъ источникомъ для него послужили многочисленныя произведенія литературы, относящіяся къ этому періоду времени,

и въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя въ свое время обращали на себя вниманіе властей и подвергались преслѣдованію. Въ XVIII вѣкѣ книга служила органомъ выраженія общественнаго мнѣнія, правительство боролось противъ книги.

Если, вопреки законамъ о книгопечатаніи, воспрещавшимъ издавать что бы то ни было безъ разрѣшенія, появлялись сочиненія, возбуждавшія опасенія или навлекшія на себя гнѣвъ правительства, то послѣднее не ограничивалось преслѣдованіемъ авторовъ и книгопродавцевъ. Постановленіемъ государственнаго совѣта, парламента, иногда верховнаго совѣта или Шателэ, книга объявлялась изъятой изъ обращенія, что влекло за собою истребленіе всѣхъ появившихся экземпляровъ. Часто сочиненія осуждались на сожженіе, и въ такомъ случаѣ приговоръ, равносильный осужденію на позорное наказаніе, исполнялся черезъ палачей. Приговоры этого рода обыкновенно постановлялись парламентомъ. У подножія главной лѣстницы зданія парламента складывался костеръ въ присутствіи главнаго секретаря и двухъ приставовъ, книга раздиралась и бросалась въ огонь. Такія ауто-да-фэ, наслѣдіе той варварской эпохи, когда вмѣстѣ съ книгою сжигался и авторъ, продолжались вплоть до самой революціи.

Въ своихъ изысканіяхъ авторъ пользовался и самыми произведеніями и состоявшимися по нимъ постановленіями. Послѣднія вывѣшивались, провозглашались по улицамъ и были почти всегда подробно мотивированы. Въ особенности парламентскіе приговоры неизмѣнно сопровождались обвинительными актами, въ которыхъ выставлялось на видъ направленіе инкриминируемой книги, и приводились изъ нея выдержки, изобличавшія ея дерзость и въ большинствѣ случаевъ исчерпывавшія все, что возбуждало въ ней интересъ общества. Эти рѣдкія книги хранятся въ національныхъ архивахъ, и Рокэнъ впервые пользуется ими изъ всѣхъ историковъ.

Свое изслѣдованіе Рокэнъ начинаетъ съ характеристики оппозиціоннаго духа въ началѣ регентства, когда оппозиція еще не выходила изъ области религіознаго вопроса. Во время министерства герцога Бурбона и Флери (1724—1733 г.) оппозиція охватила низшее духовенство, магистратуру, буржуазію и народъ, превратившись изъ религіозной въ политическую. Еще большихъ успѣховъ достигла оппозиція во время правленія Людовика XV, когда духъ оппозиціи превращается въ революціонный. Наконецъ, царствованіе Людовика XVI, послѣ надеждъ, возбужденныхъ новымъ королемъ, привело къ катастрофѣ. Рокэнъ даетъ рядъ блестящихъ страницъ быта, нравовъ, настроенія умовъ. При Неккерѣ шла энергичная пропаганда революціонныхъ идей въ книгахъ и журналахъ, но правительство не замѣчало этого. Безплодныя интриги и странное ослѣпленіе духовенства, дворянства, создавали цѣлую стѣну между надвигавшимися событіями и правительствомъ.

Дворъ представлялъ собою не менѣе печальное зрѣлище. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ либо, господствовали интриги. Высшее дворянство, какъ и при Людовикѣ XV, соперничало другъ передъ другомъ въ тщеславіи и жадности. Изъ-за полученія мѣстъ и разныхъ королевскихъ милостей шла самая отчаянная борьба, которая не прикрывалась даже и соблюденіемъ внѣшняго достоинства.

Подъ вліяніемъ все болѣе распространявшихся философскихъ идей, этикетъ который еще умѣлъ поддерживать Людовикъ XV, теперь утратилъ всю свою строгость. Иностранецъ, попавши въ Версаль, лишь съ трудомъ иногда отличалъ короля отъ его окружающихъ. Графъ д'Артуа, проходя мимо короля, обращался съ нимъ въ высшей степени непочтительно, толкалъ его и чуть не наступалъ ему на ноги. Сама королева первая отбросила всякія, стѣснявшія ее, церемоніи и допускала такую фамильярность по отношенію къ себѣ, которая являлась оскорбленіемъ, какъ ея лично, такъ и короны. Не соблюдая никакихъ приличій, она отличала своимъ расположеніемъ людей самой сомнительной репутаціи. «Плохая репутація и всякіе позорные поступки какъ будто даютъ особыя права на то, чтобы быть допущеннымъ въ ваше общество»,— сказалъ ей однажды аббатъ Вермонъ, и при этомъ непрерывный рядъ празднествъ и развлеченій, которымъ она отдавалась съ какою-то лихорадочностію, увлекая за собой всю эту шумную толпу придворныхъ, производившую на строгаго и серіознаго графа де-Мерси впечатлѣніе «вихря испорченности». Несмотря на то, что азартныя игры были запрещены во всемъ королевствѣ, въ Версали, въ Фонтенебло и въ Марли играли въ ланскнехтъ или въ фараонъ до четырехъ часовъ и пяти утра. И мало того, что игра велась вопреки закону, она еще велась и нечестно. Такимъ образомъ, лишенный всякаго внѣшняго декорума, дворъ Людовика XVI, хотя и не столь безнравственный, какъ при предыдущемъ царствованіи, былъ уже больше не дворомъ, а «притономъ распущенной шайки».

Собраніемъ нотаблей и созывомъ генеральныхъ штатовъ закончились всѣ ожиданія общества, и настала революція. Авторъ даетъ въ концѣ своего интереснѣйшаго труда списокъ книгъ, подвергнувшихся осужденію съ 1715 по 1786 годъ.

П. А.

Ванъ-Мюйденъ. Исторія швейцарскаго народа. Томъ III. Изданіе А. М. Пантелѣева. Спб. 1902.

Кромѣ книги Эдемса и Кеннингема, дающей описаніе государственнаго устройства Швейцаріи, а также Курти (Исторія народнаго законодательства и демократіи въ Швейцаріи) на русскомъ языкѣ ничего больше не имѣется по исторіи Швейцаріи. Недавно вышедшій третій и послѣдній томъ сочиненія Ванъ-Мюйдена очень кстати пополняетъ этотъ важный пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ. О первыхъ двухъ томахъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» былъ данъ отзывъ. Былъ указанъ и главный недостатокъ этого большого труда—слабое освѣщеніе культурно-соціальной исторіи Швейцаріи и поверхностное отношеніе къ литературѣ, гдѣ идетъ о ней рѣчь. Тѣми же чертами, конечно, отличается и послѣдній томъ этого сочиненія. Такъ, болѣе чѣмъ слабы «общія соображенія» Ванъ-Мюйдена, которыми открывается настоящій томъ. Въ этихъ соображеніяхъ находимъ нѣсколько фразъ о причинахъ и результатахъ французской революціи. Фразы эти ничего новаго не скажутъ среднему читателю, т. е. вовсе не разъяснятъ ни причинъ ни слѣдствій революціи во Франціи. А между тѣмъ, для историка швейцарскаго народа во-

просъ о вліяніи Франціи на Швейцарію—первостепенный, такъ какъ революція французская послужила могучимъ толчкомъ для гельветской революціи. Авторъ остроумно сближаетъ ту и другую революціи, находя въ нихъ много общаго. Оба эти крупныхъ движенія были благодѣтельнымъ кризисомъ страны. Революція въ Швейцаріи заставила страну порвать съ прошлымъ. «Какъ и французская революція, она была преждевременна; люди, взявшіе на себя управленіе движеніемъ, опередили свою эпоху, провозглашенныя ими точки зрѣнія были преждевременны; хотя они не запятнали себя преступленіями и безполезными жестокостями, ихъ образъ дѣйствія былъ тѣмъ не менѣе самовольный: они оскорбили общественное чувство и, благодаря своей безразсудной дерзости, открыли путь для реакціи не замедлившей воспослѣдовать». Историкъ подробно знакомитъ читателя со всѣми внѣшними подробностями гельветской революціи, съ основаніемъ гельветской республики и съ устройствомъ Швейцаріи на вѣнскомъ конгрессѣ. На договоръ, вступившій въ силу 7 августа 1815 г., Ванъ-Мюйденъ смотритъ, какъ на «феодальный» договоръ, бывшій одною изъ наиболѣе неразработанныхъ хартій. «То была не столько конституція», говоритъ онъ, «сколько союзный договоръ, заключенный между равноправными государствами во имя общей безопасности ихъ» (15 стр.). Такихъ неопредѣленныхъ формулъ и опредѣленій можно немало найти у Ванъ-Мюйдена, и онъ, въ данномъ случаѣ, лишь раздѣляетъ далеко не научное мнѣніе о «феодальныхъ» договорахъ... въ XIX вѣкѣ. Понятіе «феодальный» имѣло вполнѣ опредѣленный смыслъ для опредѣленнаго лишь времени и даже для извѣстныхъ лишь государствъ. Правда, Масперо находилъ феодализмъ даже въ Египтѣ—но въ этомъ и заключается слабость его построенія.

Послѣ 1815 г. въ Швейцаріи началось пробужденіе національнаго духа, выразившееся введеніемъ демократическаго образа правленія въ разныхъ кантонахъ, а также образованіемъ либеральной, родикальной и ультрамонтанской партій. Описавъ февральскую конституцію 1848 г. и выяснивъ довольно точно назначеніе федеральныхъ властей, Ванъ-Мюйденъ даетъ характеристику конституціи 1874 г., чѣмъ и заканчивается внѣшняя исторія Швейцаріи. Послѣдняя глава, какъ и въ предыдущихъ томахъ аналогичныя ей,—очень слаба. Поверхностно, весьма не ярко и скучно изображено умственное движеніе въ XIX вѣкѣ. На это отведено всего лишь 25 стр., и кромѣ перечня именъ съ указаніемъ нѣкоторыхъ датъ книга ничего не дастъ. Къ періоду, сдѣланному болѣе тщательно, чѣмъ первые тома, приложены 6 рисунковъ (5 портретовъ и одинъ видъ Цюриха въ XVIII в.). **В.**

Краткій очеркъ исторіи грузинской церкви и экзархата за XIX столѣтіе. Е. К. Тифлисъ. 1901.

Названное сочиненіе есть первый опытъ исторіи грузинской церкви и экзархата за XIX столѣтіе и принадлежитъ перу епископа Киріона. Авторъ пользовался неразобранными еще архивными документами и имѣлъ въ виду намѣтить проявленія религіозной жизни за періодъ, послѣдовавшій со дня присоединенія грузинскаго царства къ Россіи. Настоящая книга заключаетъ пре-

дисловіе, введеніе (церковно-политическія сношенія Грузіи съ единовѣрной Россіей) и пять главъ изложенія. Первая глава разсматриваетъ измѣненія, которымъ подверглись устройство и управленіе грузинскою церковью съ 1801 г., вторая обнимаетъ церковное управленіе въ западной Грузіи (имеретинскій католикосатъ); третья посвящена миссіонерской дѣятельности (среди осетинъ, несторіанъ, абхазцевъ, дѣятельность епископа Гавріила); четвертая занята обзоромъ духовно просвѣтительной дѣятельности экзархата (открытіе школъ грамоты, духовныхъ училищъ и семинарій, печатаніе книгъ и прочее); наконецъ, пятая заключаетъ мѣры къ улучшенію быта духовенства и дальнѣйшее развитіе церковно-религіозной жизни. Наиболѣе цѣнной частью въ этомъ интересномъ трудѣ являются свѣдѣнія, заимствованныя изъ архивныхъ документовъ и выясняющія различныя стороны церковной жизни Грузіи за сто послѣднихъ лѣтъ. Историческія экскурсіи, предпринимаемыя авторомъ для полноты того или другого вопроса, придаютъ книгѣ цѣльность и связываютъ преемственною нитью прошлое и настоящее грузинской церкви. Изъ портретовъ, которыми снабжена книга, наименѣе рѣдкими въ изданіяхъ можно считать портреты преосвященнаго Гаіоза, просвѣтителя осетинъ, грузинскаго историка-археолога Пл. Іосселіани и перваго экзарха Варлаама (изъ князей Эристовыхъ). Слабыя стороны этого труда находится въ связи съ современнымъ состояніемъ грузинологіи. Поэтому нѣкоторыя утвержденія изслѣдователя, напримѣръ, объ отношеніяхъ иверійской церкви къ константинопольской и антіохійской, а также вопросъ о времени автокефаліи въ Грузіи требуютъ спеціальной разработки и пересмотра существующихъ по этимъ пунктамъ разнообразныхъ мнѣній. Фактическая сторона исторіи церкви за XIX вѣкъ въ Грузіи представлена съ такой полнотой, которая впослѣдствіи потребуетъ лишь немного дополненій. Словомъ, названная работа одно изъ полезныхъ изданій, появившихся по поводу столѣтней годовщины присоединенія Грузіи къ Россіи.

А. Хахановъ.

Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Iussu et impensis Societatis Archaeologicae Imperii Russici edidit Basilius Latyschev. Volumen quartum. Petropoli MDCCCCI. (Древнія греческія и латинскія надписи сѣвернаго побережья Чернаго моря. По порученію и на средства императорскаго Русскаго археологическаго общества издалъ Василій Латышевъ. Томъ четвертый. Спб. 1901).

Первые два тома настоящаго труда появились въ 1885 и 1890 гг. и, какъ видно изъ добавленій и поправокъ къ нимъ, приложенныхъ къ настоящему тому, отнюдь не прошли незамѣченными не только въ русской, но главнымъ образомъ въ западной ученой литературѣ: филологи и историки Германіи, Австріи, Франціи, Греціи и Италіи неоднократно пользовались изданіями г. Латышева для своихъ трудовъ. А весьма сочувственные отзывы, какъ спеціально критическіе, такъ и высказанные случайно въ силу тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, показали, что уже въ 1885 г. издатель греческихъ и латин

скихъ надписей, находимыхъ на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря, былъ опытнымъ эпиграфистомъ; по изданіи же 2-го тома г. Латышевъ получилъ небывалую доселѣ и единственную пока для русскихъ филологовъ честь: былъ избраннымъ въ члены-корреспонденты Берлинской академіи наукъ. Третьяго тома сборника надписей пока еще не выходило въ свѣтъ. По первоначальному плану изданія онъ долженъ содержать надписи на разнаго рода утвари, главнымъ образомъ на вазахъ, и опубликованіе его поручено императорскимъ Русскимъ археологическимъ обществомъ Евг. М. Придику. Въ настоящемъ томѣ собраны многочисленныя (478) древнія надписи найденныя за періодъ съ 1885 г. до самаго послѣдняго времени. Наибольшая часть ихъ добыта изъ Херсонеса Таврическаго, гдѣ съ 1888 г. найдено болѣе 130 эпиграфическихъ документовъ. Размѣщены надписи, какъ и въ предшествующихъ томахъ, сперва по древнимъ мѣстностямъ, къ которымъ принадлежатъ, а затѣмъ по однородности содержанія. Каждая надпись напечатана двумя шрифтами: эпиграфическимъ и минускульнымъ; съ болѣе важныхъ документовъ приложены цинкографическіе снимки. Нечего и говорить, что ко всякой надписи приложено объясненіе, въ которомъ указываются мѣсто нахожденія документа и тщательное описаніе его внѣшности, и толкуется его содержаніе. Комментаріи издателя, въ общемъ кратки, такъ какъ большинство помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ надписей было опубликовано уже ранѣе, по мѣрѣ ихъ нахожденія, преимущественно самимъ В. В. Латышевымъ, а отчасти и другими лицами, въ матеріалахъ по археологіи Россіи, издаваемыхъ императорской археологической комиссіей, «Запискахъ Императорскаго Русскаго Археологическаго общества», «Запискахъ Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей» и нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ. Размѣры и назначеніе настоящей замѣтки не позволяютъ мнѣ подробно остановиться на богатомъ содержаніи труда г. Латышева и выяснить все огромное значеніе, какое имѣетъ онъ для классической филологіи вообще и для исторіи нашего юга въ частности. Поэтому я ограничусь указаніемъ только на нѣкоторые документы, наиболѣе важные и интересные. На первомъ планѣ безспорно слѣдуетъ поставить (№ 79) открытую въ 1890—91 и 99 гг. присягу гражданъ Херсонеса Таврическаго на вѣрность конституціи своего государства, весьма важный памятникъ какъ для исторіи и устройства Херсонеса въ III в. до Р. Хр., такъ и для уясненія практическихъ взглядовъ гражданъ того времени на ихъ обязанности по отношенію къ государству. Надпись эта послѣ ея первой публикаціи вызвала уже болѣе 10 спеціальныхъ изслѣдованій въ ученой литературѣ Запада.Важенъ также для исторіи Херсонеса новый отрывокъ отъ найденаго въ 1878 г. постановленія въ честь полководца царя Митридата VI, Эвпатора-Діофанта, воевавшаго противъ скиѳовъ (№ 66). Любопытенъ извлеченный изъ моря жертвенникъ (IV или III в. до Р. Хр.) Ахиллу, очень высоко чтимому среди грековъ Эвксинскаго понта (№ 63). Интересна латинская надпись подъ № 94, свидѣтельствующая о томъ, что центромъ римской военной оккупаціи Крыма во II вѣкѣ по Р. Хр. былъ Херсонесъ. Въ связи съ этимъ въ № 464 впервые дается указаніе, что въ послѣднія десятилѣтія IV в. по Р. Хр. Херсонесъ былъ подчиненъ римской власти и былъ занятъ отрядомъ военнаго трибуна Флавія Вита, который, между прочимъ,

принималъ дѣятельное участіе въ сооруженіи городскихъ стѣнъ. Изъ документа № 194 узнаемъ, что Старый Крымъ имѣлъ торговое значеніе уже въ первые вѣка нашей эры. На основаніи № 434 издатель почти съ наглядной убѣдительностью доказываетъ, что древняя Горгиппія лежала на мѣстѣ теперешней Анапы. № 460, къ сожалѣнію, далеко не полный, впервые указываетъ, какъ далеко могли древніе стрѣлять изъ лука. Названный тамъ грекъ Анаксагоръ пустилъ на состязаніи стрѣлу на разстояніе 521,6 метр. Наконецъ, любители греческаго языка и поэзіи съ удовольствіемъ прочтутъ нѣсколько стихотворныхъ надгробій, отличающихся своей поэтичностью и задушевностью тона (таковы №№ 136, 219, 256, 318 и 391). Для большей полноты своего труда В. В. Латышевъ счелъ нужнымъ прибавить къ нему и подложныя надписи, фабриковавшіяся, къ сожалѣнію, одно время довольно усердно и продававшіяся при содѣйствіи еврейскихъ торговцевъ, главнымъ образомъ братьевъ Гохманъ. Весь текстъ сборника написанъ на латинскомъ языкѣ, какъ международно-научномъ. На этомъ же языкѣ публикуетъ, какъ извѣстно, свое колоссальное изданіе греческихъ и римскихъ надписей Берлинская академія наукъ. И если, какъ это ни грустно, прекрасный трудъ академика Латышева найдетъ себѣ, въ силу особыхъ условій нашего просвѣщенія, на Западѣ и болѣе читателей, и болѣе цѣнителей, то все же появленіе настоящей книги не должно пройти незамѣченнымъ и у насъ, такъ какъ это изданіе - гордость нашей науки.

А. М—нъ.

Г. Г. Нибуръ. Рабство, какъ система хозяйства, этнологическое изслѣдованіе. Переводъ съ англійскаго А. Н. Максимова. Москва, 1902.

Рабство въ экономической жизни человѣчества играло громадную роль не только въ отдаленныя времена, но не менѣе важное значеніе имѣло оно въ нѣкоторыхъ колоніяхъ и въ началѣ XIX столѣтія. Въ настоящее время промышленная жизнь покоится на свободномъ трудѣ. Какимъ образомъ совершился подобный поворотъ, будетъ понятно только послѣ того, какъ будутъ выяснены условія, необходимыя для успѣха рабства, какъ хозяйственной системы, и противоположныя условія, при которыхъ рабскій трудъ долженъ быть вытѣсненъ свободнымъ трудомъ. Вотъ отысканіемъ этихъ условій и занялся спеціально Нибуръ. Но уже съ первыхъ строкъ авторъ спѣшитъ ограничить свое изслѣдованіе рамками «этнологическаго» и пользуется только этнографическимъ матеріаломъ—описаніями различныхъ системъ хозяйства у дикихъ племенъ.

Приступая къ научному изслѣдованію Нибуръ очень дорожитъ точной терминологіей, а потому посвящаетъ цѣлую главу тому, чтобы заранѣе условиться съ читателемъ, что онъ будетъ понимать подъ словами «рабъ» и «рабство». Конечно, новаго онъ не ищетъ, но изъ этихъ понятій старается исключить тѣ жизненныя явленія, къ которымъ въ обыденной жизни очень часто присоединяются эти слова—приниженное положеніе женщины, дѣти, подчиненныя власти главы семьи, крѣпостное право, отданные въ кабалу и нѣкоторые другіе. Такое усло-

віе имѣетъ то громадное значеніе, что при классификаціи матеріала къ рабамъ относились строго опредѣленныя группы.

Далѣе, сдѣлавъ географическое распредѣленіе дикихъ народовъ, имѣющихъ рабовъ, Нибуръ, приступаетъ, наконецъ, къ изслѣдованію рабства по культурамъ хозяйства. Вслѣдствіе ограниченности матеріала и выводы изъ его изслѣдованія получились двоякаго рода. Одни изъ нихъ примѣнимы только къ дикарямъ и совершенно не пригодны для уясненія хозяйственныхъ отношеній у цивилизованныхъ народовъ, напримѣръ, «что кочевыя племена менѣе склонны держать рабовъ, чѣмъ осѣдлыя» (но цивилизованные и даже полуцивилизованные народы не ведутъ кочевой жизни); другіе—имѣютъ болѣе общее значеніе, напримѣръ «что рабство обыкновенно не существуетъ тамъ, гдѣ вся земля считается чьей нибудь собственностью». Вообще же какихъ нибудь болѣе опредѣленныхъ конечныхъ результатовъ своего изслѣдованія не видитъ и самъ авторъ. Вопросъ объ экономическомъ значеніи рабства такъ великъ и такъ тѣсно связанъ съ другими вопросами (происхожденіе рабовъ, положеніе ихъ и т. д.), что разрѣшеніе его въ предѣлахъ какихъ нибудь рамокъ едва ли является возможнымъ. Такъ видимо понимаетъ это и авторъ, ибо въ заключеніе говоритъ о всѣхъ тѣхъ вопросахъ, разрѣшеніе которыхъ должно пролить свѣтъ на этотъ предметъ. Къ концу книги авторъ приложилъ библіографическій указатель книгъ по интересующему его вопросу; указатель составленъ болѣе чѣмъ добросовѣстно.

Издана книга довольно порядочно, но переводъ г. Максимова мѣстами наводитъ грусть и уныніе на читателя. I.

Д. Мережковскій. Любовь сильнѣе смерти. Итальянская новелла XV-го вѣка. Книгоиздательство «Скорпіонъ». Москва. 1902.

Книжка содержитъ больше, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе. Сверхъ заглавной новеллы, въ нее входитъ другая такая же: «Наука любви», далѣе — хроника XVI-го вѣка «Микель Анджело» и «Святой Сатиръ», флорентійская легенда Анатоля Франса, съ мастерствомъ переданная на русскій языкъ авторомъ классическаго перевода «Дафниса и Хлои». Уже съ давняго времени г. Мережковскій насаждаетъ въ Россіи маленькіе сады Адониса, или, что то же, пытается пробудить какой возможно «Renaissance» эллино-римскаго міра среди степей Московіи и Скиѳіи. Одно можно отмѣтить, что чѣмъ старше становится авторъ, тѣмъ спокойнѣе, увѣреннѣе, а главное—сложнѣе онъ работаетъ, переставъ, напримѣръ, относиться къ христіанству съ той поверхностною отрицательностью и глумленіемъ, какія непріятно поражали читателя въ его «Юліанѣ Отступникѣ». Нельзя и сравнивать стиль или слогъ его теперешнихъ писаній, ровный и твердый, съ тѣмъ нервно-приподнятымъ, безсильно-надтреснутымъ стилемъ, какимъ написаны многія изъ его страницъ начала девяностыхъ годовъ. Мальчикъ выростаетъ въ мужа, изъ «Амура» вылупился «Адонисъ», и это совершилось такъ удачно и быстро, что друзьямъ автора можно помечтать даже о будущемъ Геркулесѣ изъ него. Да поможетъ ему древняя Люцина, помощница въ родахъ. Возрость-

великій умудритель. Ни изъ какой книги не научиться тому, чему можно научиться изъ горба за спиною, т. е. изъ усталости, опыта, богатства наблюденій. Все это расхолаживаетъ и вмѣстѣ укрѣпляетъ, даетъ правильную поступь, вѣрный глазъ: цѣннѣйшія качества въ наше не молодое время, которое безконечно скучаетъ всѣмъ юнымъ въ смыслѣ неопытности и лже-приподнятости страстей и языка. Серьезная правда болѣе и болѣе выдѣляется изъ многочисленныхъ «лже» г. Мережковскаго, изъ «лже»-эллинизма, «лже»-ницшеанства, «лже»-антихристіанства: и всѣ начинаютъ серьезнѣе и серьезнѣе слушать рѣчь просто Мережковскаго, самого Мережковскаго. Просто Мережковскій несравненно любопытнѣе Ницше—Мережковскаго, который довольно долго утомлялъ русскую публику. Теперь онъ находитъ въ себѣ мудрыя слова о христіанствѣ; онъ находитъ подлинно-уязвимыя слабости въ Ницше, напримѣръ, указывая въ первомъ «сверхъ-человѣкѣ» потомка слабохарактерныхъ и крикливыхъ «ляховъ», который пуще всего рвется къ тому именно, чего ему усиленно недостаетъ... Увы, всѣ чахоточные любятъ весну и розы. Но ошибется тотъ смертный, который довѣритъ повести себя къ розамъ и соловьямъ чахоточному...

Мережковскій—мыслитель, наблюдатель и ученый. Онъ вѣчно учится, постоянно и много читаетъ. Это не часто встрѣчается въ нашъ лѣнивый вѣкъ, и уже однимъ усердіемъ къ дѣлу г. Мережковскій скоро перерocтетъ множество самодовольныхъ «талантовъ» изъ своихъ современниковъ, которые думаютъ, что подлинному таланту остается только сочинять chefs d'oeuvres'ы. Цѣннѣйшая и самая обѣщающая сторона въ сложномъ дарованіи г. Мережковскаго, мнѣ кажется, лежитъ въ умѣніи увидѣть и точно оцѣнить значеніе такого-то слова или факта въ литературѣ и исторіи: оцѣнить ихъ со стороны психологической и метафизической. Нѣтъ еще такого чуткаго манометра въ нашей литературѣ, опредѣляющаго удѣльный вѣсъ мнѣній и событій; такого подвижно-чуткаго компаса, опредѣляющаго направленія скрытыхъ въ землѣ магнитныхъ токовъ. Отъ излишества внутренняго напряженія онъ способенъ здѣсь къ ошибкамъ, на которыхъ не будетъ настаивать; но затѣмъ можетъ раньше всякаго другого дать формулу незамѣтному, предрѣчь пораженіе сейчасъ еще сильнаго явленія или побѣду еще слабаго явленія. Роль Кассандры ему въ высшей степени присуща...

Въ разсматриваемой книжкѣ самымъ лучшимъ произведеніемъ намъ показалась историческая повѣсть «Микель-Анджело», предшествуемая стихотвореніемъ того же имени. Италію и Renaissance авторъ изучилъ, какъ Забѣлинъ московскіе закоулки; и студентъ, студентка, размышляющій гимназистъ, какъ и самый образованный человѣкъ неспеціалистъ, равно пріобрѣтутъ много, если изберутъ г. Мережковскаго «гидомъ» по интересной странѣ и интереснѣйшей эпохѣ. Къ тому же это не гидъ-археологъ, а гидъ-мыслитель, и въ самой Италіи и Renaissance онъ не беретъ все, что на глаза попадается, а ищетъ то, что нужно, справедливо чуя, что нѣтъ великаго безъ великихъ подъ нимъ тайнъ, и что секретъ распознаванія исторіи и человѣка и заключается въ разыскиваніи этихъ тайнъ... Древніе вѣрили, что гдѣ-то, въ Сициліи или другомъ мѣстѣ, есть «спускъ въ тартаръ»; вотъ около такихъ историческихъ и біографическихъ «спусковъ» любитъ бродить и Мережковскій, и догадливый чита-

тель найдетъ въ его произведеніяхъ гораздо болѣе, чѣмъ не догадливый (напримѣръ, стр. 116—117). Леонардо-да-Винчи и Микель-Анджело, творцы-философы, творцы-исполины, болѣе всего привлекаютъ его вниманіе. Разсказъ г. Мережковскаго (стр. 59—148) о Микель-Анджело въ сжатой и изящной формѣ полу-исторіи, полу-беллетристики, вводятъ въ жизнь, творчество, замыслы и судьбу знаменитаго флорентинца, любимца итальянцевъ, какъ я наблюдалъ въ Италіи въ церквахъ, въ монастыряхъ, въ любовномъ воздвиженіи ему статуй и набожномъ охраненіи (я видѣлъ въ одномъ монастырѣ) какой нибудь простой (но дѣйствительно изящной) перекладинки двухъ-трехъ желѣзныхъ прутьевъ надъ колодцемъ. «Это сдѣлано Микель-Анджело». И въ самомъ дѣлѣ —что-то красивое, воздушное. Такъ обрывки стихотвореній Лермонтова, не конченные, цѣннѣе цѣлыхъ «задуманныхъ, выполненныхъ и благополучно оконченныхъ» поэмъ другихъ стихотворцевъ. Въ талантѣ содержится нѣкоторое чудо, и этимъ чудомъ былъ богатъ флорентинецъ, дѣйствительно точно украсившій Италію всюду разбросанными имъ скульптурами, зданіями и картинами. «Моисей», Сикстинская капелла (вся въ цѣломъ) и куполъ св. Петра—просто невѣроятно, чтобы это вышло изъ рукъ одного человѣка. Кто можетъ представить соединенными въ одной фигурѣ, въ одной душѣ—Толстого, Чайковскаго и Менделѣева? А таковыми-то и были кентавры Возрожденія, «боги» Возрожденія, къ которымъ примѣнимо удивленное изреченіе грековъ о Пиѳагорѣ: «вотъ пришелъ къ намъ οὔτε Θεος, οὔτε ἄνθρωπος ἀλλὰ Πυθαγορας». «Οὔτε ἄνθρωποι, ἀλλὰ Θεοι» были и люди «Возрожденія»,—точно выкованные изъ сплава христіанства и язычества, металла новаго и превосходнаго крѣпостью и красотой своихъ ингредіентовъ...

Мало у насъ писателей, столь умственно-возбужденныхъ, какъ г. Мережковскій, вѣчно ищущій, надѣющійся, идущій впередъ. И мы бы особенно хотѣли, чтобы въ наше вообще умственно-возбужденное время онъ сталъ другомъ-мыслителемъ нашей мыслящей молодежи обоихъ половъ. Приведемъ, въ заключеніе, нѣсколько строфъ автора, характеризующихъ Микель-Анджело:

За міромъ міръ ты создавалъ, какъ Богъ,
Мучительными снами удрученный,
Нетерпѣливъ, угрюмъ и одинокъ.
Но въ исполинскихъ глыбахъ изваяній,
Подобныхъ бреду, ты всю жизнь не могъ
Осуществить чудовищныхъ мечтаній,
И, красоту безмѣрную любя,
Порой не успѣвалъ кончать созданій.
Упорный камень молотомъ дробя,
Испытывалъ лишь ярость, утоленья
Не зналъ во вѣкъ,—и были у тебя
Отчаянью подобны вдохновенья:
Ты вѣчно невозможнаго хотѣлъ.
Являютъ намъ могучія творенья
Страданій человѣческихъ предѣлъ.

Не правда ли: это полно, точно и психологично. Книжка издана новою московскою книгоиздательскою фирмою «Скорпіонъ» очень изящно, съ прелестною виньеткой.

В. Розановъ.

«Исторія польской артиллеріи» (Historya artylerji polskiej), Константина Гурскаго. Варшава. 1902.

Авторъ «Исторіи польской пѣхоты и кавалеріи» Константинъ Гурскій скончался 2-го января (н. ст.) 1898 года, и некрологъ о немъ былъ въ свое время помѣщенъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

По желанію умершаго всѣ его посмертныя рукописи и замѣтки переданы были извѣстному польскому историку Ѳаддею Корзону. Рукописи эти составили не вполнѣ еще приготовленную къ печати «Исторію польской артиллеріи». Въ настоящее время издательство варшавской «Кассы помощи для лицъ, трудящихся на научномъ поприщѣ, имени Мяновскаго» выпустило въ свѣтъ это единственное по данному предмету въ польской литературѣ сочиненіе.

Несомнѣнно существовавшій, какъ это доказываетъ авторъ, особый архивъ польской артиллеріи гдѣ-то затерялся. К. Гурскій не исключаетъ возможности того, что онъ гдѣ либо хранится въ частныхъ рукахъ, самые же тщательные его поиски въ общественныхъ архивахъ и библіотекахъ были безрезультатны. Благодаря этому, исторія польской артиллеріи могла быть возстановлена лишь на основаніи общихъ военныхъ архивныхъ матеріаловъ, почерпнутыхъ между прочимъ изъ библіотекъ Чарторыжскихъ и Красинскихъ, матеріаловъ, до сихъ поръ не использованныхъ никѣмъ.

Эти источники доходятъ до половины XIV столѣтія, впрочемъ, не безъ весьма существенныхъ пробѣловъ, напримѣръ, охватывающихъ собою все царствованіе Яна Собѣскаго. Исторія артиллеріи доведена до 1792 года. Матеріалы, касающіеся временъ послѣдней борьбы Польши до третьяго ея раздѣла, съ которыми Гурскій не успѣлъ ознакомиться, тщательно обработаны Ѳ. Корзономъ въ его «Внутренней исторіи Польши временъ Станислава Августа» (Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta).

Примѣчанія, составляющія почти половину книги К. Гурскаго, представляютъ собою цѣнный сводъ архивныхъ выписокъ, касающихся даннаго предмета.

Разборъ «Исторіи артиллеріи» не можетъ быть цѣлью нашей библіографической замѣтки. Добросовѣстно разобраться въ разнообразномъ матеріалѣ книги можетъ только спеціалистъ и въ добавокъ знакомый съ военными архивами. Во всякомъ случаѣ бѣглаго взгляда достаточно, чтобы видѣть, что это только тщательно собранные обрывки «Исторіи польской артиллеріи». Бо́льшая половина книги писана уже на смертномъ одрѣ, и поэтому пробѣлы заполнены поверхностно и неувѣренно. Впрочемъ это едва ли не достоинство. Излишняя самоувѣренность при возстановленіи того, что, вѣроятно, никогда уже возстановлено съ полной точностью не будетъ, повела бы лишь къ испещренію книги путаницей гипотезъ и догадокъ, къ которымъ обыкновенный читатель не имѣлъ бы возможности отнестись въ надлежащей степени критически.

I. К.

Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Въ 12 томахъ подъ редакціей и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Томъ V. Спб. 1901.

Въ V-мъ томѣ соч. Бѣлинскаго изданныхъ подъ редакціей С. А. Венгерова собраны статьи и рецензіи Бѣлинскаго за 1839—40 гг. Въ настоящей замѣткѣ мы постараемся указать читателю только на тѣ изъ нихъ, которыя раньше или нигдѣ не были напечатаны, или были напечатаны съ значительными сокращеніями. Въ настоящемъ томѣ такихъ статей и замѣтокъ 59.

Начинается этотъ томъ большой рецензіей на повѣсть Загоскина «Тоска по родинѣ»—это скорѣе статья, чѣмъ рецензія, но раньше она нигдѣ напечатана не была и даже не числится почему-то въ Галаховскомъ спискѣ статей Бѣлинскаго; принадлежность же ему не подлежитъ сомнѣнію, что видно изъ его писемъ, гдѣ онъ, сообщая нѣкоторыя подробности о № 11 «Отечественныхъ Записокъ» 1839 г., гдѣ въ первый разъ эта рецензія была напечатана, между прочимъ говоритъ: «каково я отдѣлалъ Загоскина?» и т. д. Далѣе слѣдуетъ большая рецензія на сочиненія Каменскаго, которая тоже раньше не входила въ собраніе сочиненій Бѣлинскаго. Отмѣтимъ далѣе его большую статью объ «Очеркахъ русской литературы» Полевого, которая раньше печаталась съ значительными сокращеніями; то же можно сказать и о его разборѣ «Пантеона русскаго и всѣхъ иностранныхъ театровъ» за 1840 г. Слѣдующая значительная рецензія на произведенія народнаго поэта Слѣпушкина. На долю этого поэта въ свое время выпалъ значительный успѣхъ, а это имѣло хорошее воспитательное вліяніе на другихъ поэтовъ-самоучекъ, въ томъ числѣ и на Кольцова. Бѣлинскій очень строго отнесся къ его стихотвореніямъ и призналъ его не какъ «народнаго» поэта, а считалъ обыкновеннымъ поэтомъ, постучавшимся въ храмъ славы. Редакція съ своей стороны, чтобы дать возможность читателю уяснить себѣ значеніе Слѣпушкина, приводитъ довольно большую его біографію. Сочиненія этого Слѣпушкина академіей наукъ были награждены золотою медалью. Кромѣ біографіи, составленъ еще полный библіографическій указатель сочиненіямъ Слѣпушкина.

Слѣдующая большая статья Бѣлинскаго о «Героѣ нашего времени» Лермонтова, въ предыдущихъ изданіяхъ печаталась съ значительными сокращеніями. Наконецъ послѣдняя его большая статья «Русская литература въ 1840 г.», раньше печаталась съ пропусками.

Заслуживаютъ большого вниманія примѣчанія редакціи, въ которыхъ она старается не только пояснить нѣкоторыя темныя мѣста въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго, но при случаѣ приводитъ даже краткія свѣдѣнія о лицахъ, которыя причастны такъ или иначе къ статьямъ Бѣлинскаго. Такъ, кромѣ уже упомянутой выше біографіи Слѣпушкина, въ примѣчаніяхъ встрѣчаются довольно подробныя свѣдѣнія объ Андр. Ник. Бородинѣ, извѣстномъ своими компилятивными работами, о Дмитріи Никит. Бѣгичевѣ, важномъ чиновникѣ, но неудачномъ литераторѣ, и драматургѣ Н. И. Мельниковѣ и др... Вообще этотъ томъ комментированъ такъ же прекрасно, какъ и предыдущіе.

Къ этому тому тоже приложенъ портретъ Бѣлинскаго, самый распространенный, изданный въ 1859 г. типографіей А. Мюнстера, но совсѣмъ невѣрно передающій лицо Бѣлинскаго. **В.**

Э. Бессонъ. Бюджетный контроль во Франціи и за границей. Историческое и критическое изслѣдованіе финансоваго контроля первостепенныхъ государствъ Европы. Перев. съ франц. С. А. Халютина. Спб. 1901.

Финансовое благосостояніе государства зависитъ, главнымъ образомъ, отъ объема платежныхъ силъ страны, т. е. имѣетъ основаніемъ экономическое положеніе народа; разумное же распоряженіе государственными суммами оказываетъ благотворное вліяніе на финансовую жизнь государства, въ то время какъ возведенныя въ систему случайности расточительнаго и непредусмотрительнаго управленія часто ведутъ за собой истощеніе даже обильныхъ источниковъ налоговъ. Поэтому авторъ разсматриваемой книги замѣчаетъ: «какая бы ни была организація государственной власти, въ абсолютной ли монархіи, а равно при представительномъ режимѣ, управленіе средствами государства и, преимущественно, употребленіе ежегодныхъ рессурсовъ, которые въ видѣ налоговъ падаютъ на средства націи, должны быть поставлены подъ надзоръ бдительнаго контроля подъ условіемъ систематической отчетности» (стр. 71). Изъ этого видно, что тема премированнаго сочиненія Бэссона возбуждаетъ значительный интересъ. Переводчикъ же съ своей стороны снабдилъ книгу предисловіемъ, въ которомъ заключаются нѣкоторые матеріалы по исторіи государственнаго контроля въ Россіи. Это усиливаетъ интересъ къ новому изданію.

Къ сожалѣнію, едва ли читатель получитъ въ этой книгѣ отвѣтъ на тѣ многочисленные вопросы, которые она возбуждаетъ. Внѣшнимъ образомъ Бэссонъ вполнѣ разрѣшилъ задачу. Описавъ организацію финансоваго контроля въ эпоху упадка Римской имперіи, онъ разсматриваетъ контроль временъ феодальнаго періода, генеральныхъ штатовъ, счетныхъ палатъ, эпохи, предшествовавшей великой революціи, самаго революціоннаго періода, послѣдовавшихъ за нимъ формъ политической жизни во Франціи и, наконецъ, современную организацію контроля, какъ въ этомъ государствѣ, такъ и за границею. Въ заключеніе Бессонъ предлагаетъ планъ нѣкоторыхъ реформъ, необходимыхъ для усовершенствованія существующаго порядка въ отечествѣ автора.

Но Бессонъ не принадлежитъ къ числу умовъ, обильныхъ знаніями и способныхъ къ творческой дѣятельности. Онъ—одинъ изъ представителей золотой середины, которые въ сущности довольны тѣмъ, что есть. Современный политическій строй Франціи, какъ извѣстно, весьма несовершенный, кажется автору высшей стадіей развитія, «періодомъ ея политической зрѣлости». Изъ такого взгляда естественный выводъ—авторъ боится коренныхъ реформъ настолько, что даже оффиціальный критикъ Бэссона на конкурсѣ, Штурмъ, признаетъ законность удивленія передъ скромностью требованій Бессона. Дѣйствительно, всѣ реформы, предлагаемыя имъ, сводятся только къ увеличенію числа чиновниковъ контроля для наблюденія за дѣятельностью различныхъ учрежденій. Такимъ образомъ, громкія заявленія Бессона въ началѣ его труда, что «контроль тѣсно связанъ съ политическимъ и соціальнымъ строемъ страны», не приводятъ его къ соотвѣтствующимъ практическимъ выводамъ.

Историческая часть работы Бессона также не блещетъ особыми достоинствами. Она отличается поверхностнымъ описаніемъ смѣняющихся формъ организаціи контроля въ разныхъ государствахъ и представляетъ краткій сводъ данныхъ, почти необработанныхъ въ теоретическомъ отношеніи. Это бѣглая компиляція матеріала, собраннаго другими. О Россіи, напримѣръ, свѣдѣнія Бессона получены изъ брошюры Рафаловича и производятъ курьезное впечатлѣніе сопоставленіемъ парламентскихъ преній съ преніями государственнаго совѣта и похвалами тому спокойствію и приличію, съ которыми члены нашего высшаго установленія обсуждаютъ бюджетъ и которыхъ не хватаетъ парламенту.

Предисловіе г. Халютина для русскаго читателя представляетъ большій интересъ, но авторъ страдаетъ въ большей мѣрѣ тѣми же недостатками, какъ и Бессонъ. Онъ превозноситъ до небесъ независимость нашего государственнаго контроля. Вообще въ организаціи государственнаго контроля ясно сказалась эпоха великихъ реформъ, но авторъ въ увлеченіи забылъ, что одно дѣло—принципъ, другое примѣненіе его на практикѣ. Въ этомъ смыслѣ и слѣдовало бы разобрать положеніе контроля въ Россіи.

Г. Халютинъ этого не дѣлаетъ: онъ хвалитъ и хвалитъ, забывая, что похвалы относятся къ означенному представленію объ идеальномъ контролѣ, а не къ дѣйствительному жизненному факту. Въ итогѣ же получаются курьезныя противорѣчія. Напримѣръ, на стр. 49, онъ пишетъ, что «въ Россіи, вслѣдствіе независимости государственнаго контроля, невозможенъ такой случай, который имѣлъ мѣсто недавно въ Англіи. Оказалось, что одинъ изъ государственныхъ руководителей, Чемберлэнъ, получаетъ 20°/о дохода на свои капиталы, вложенные въ предпріятія, отъ которыхъ страдаетъ вся остальная англійская промышленность и торговля». А строкой выше—«еще не забытъ случай отстраненія отъ обязанностей управленія министерствомъ лица, которое по всеподданнѣйшему докладу государственнаго контроля признано было мѣстнымъ ревизіоннымъ учрежденіемъ за нарушившаго интересы казны въ пользу своихъ личныхъ выгодъ». А вотъ еще одинъ примѣръ: «по случаю неурожая для доставленія заработковъ нуждающемуся населенію были учреждены въ 1891 году общественныя работы, но операціи этихъ работъ были изъяты отъ надзора государственнаго контроля». Каковы были результаты такого изъятія,—всѣ знаютъ, а многіе и чувствуютъ.

Вотъ въ этихъ изъятіяхъ и заключается недостатокъ нашего контроля, отъ него не зависящій, а вызываемый, по мнѣнію Бессона, общими политическими и соціальными условіями страны. Поэтому было бы правильнѣе, если бы Халютинъ сталъ на общую точку зрѣнія и съ нея взглянулъ бы на дѣло. Онъ же тонетъ въ мелочахъ, въ родѣ такихъ «реформъ», какъ увеличеніе жалованья чинамъ государственнаго контроля, переименованіе государственнаго контроля въ министерство государственнаго контроля и тому подобное. Въ итогѣ же ни книга Бессона, ни предисловіе Халютина не устраняютъ необходимости въ новомъ и болѣе научномъ изслѣдованіи затронутаго вопроса.

О. Н.

Джонъ Рескинъ. Современные художники. Общіе принципы и правда въ искусствѣ. Перев. со 2-го англійскаго изданія П. С. Когана. Москва. 1901.

Настоящій трудъ великаго англійскаго историка живописи и моралиста вызванъ той поверхностной и ложной критикой, которую мы постоянно встрѣчаемъ въ періодической печати по отношенію къ произведеніямъ современныхъ художниковъ. Критика эта читается многочисленной публикой, и такимъ образомъ создается неправильное общественное мнѣніе о тѣхъ художникахъ, которые по большей части являются истинными представителями искусства. Такую критику необходимо нужно было осудить, указать ей должное мѣсто, и вотъ этому посвятилъ первую часть своего труда Д. Рескинъ. Это особенно важно въ настоящее время, когда вкусъ публики къ истинно художественному все падаетъ, а критика, съ своей стороны, старательно поддерживаетъ все театральное, аффектированное и фальшивое въ искусствѣ.

Въ своей книгѣ Рескинъ снова проводитъ основной взглядъ на искусство, какъ высшій и свободный трудъ, гдѣ дѣйствуютъ не только руки, но и всѣ духовныя силы человѣка; на природу онъ смотритъ, какъ на отраженіе Божества, и требуетъ благоговѣйнаго къ ней отношенія, а при воспроизведеніи точности всего видимаго. Въ своей книгѣ онъ вовсе не думаетъ дать систематическую критику современныхъ картинъ, онъ стремится только, установивъ общіе принципы, которымъ должна подчиняться художественная критика, показать въ чемъ состоитъ истинность разстояній, истинность въ изображеніи неба, правдивость въ изображеніи земли, истинность воды и правильное изображеніе растеній и т. п. Каждый родъ скалъ, облаковъ, землю, художникъ долженъ знать такъ же, какъ и спеціалистъ ученый, причемъ долженъ вникнуть не въ мельчайшія подробности, какъ это часто бываетъ, а понять тотъ простой, серіозный и постоянный характеръ, который проявляется въ общемъ эффектѣ каждаго вида природы.

Всѣ свои положенія Рескинъ подтверждаетъ существующей пейзажной живописью и описаніемъ картинъ старыхъ итальянскихъ художниковъ, на произведеніяхъ которыхъ воспитывается новое поколѣніе. Свои ссылки на мастеровъ итальянской школы онъ усиленно проситъ не считать традиціонной манерой, такъ какъ въ каждомъ случаѣ, о которомъ онъ упоминаетъ, его прельщаетъ не блескъ имени, а только пригодность произведенія для иллюстраціи его принциповъ.

Книга носитъ чисто спеціальный характеръ, разсматриваетъ произведенія только англійскихъ художниковъ, потому эта часть читается съ меньшимъ интересомъ, чѣмъ первая, въ которой разсматриваются общіе принципы въ искусствѣ внѣ времени и національности. Переводъ сдѣланъ вполнѣ удовлетворительно, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, гдѣ видимо переводчикъ не вполнѣ понялъ мысль автора. I.

Józef Dunin-Karwicki. Z moich wspomnień. T. I—II. Warszawa. 1901.

Въ предисловіи авторъ заявляетъ, что по окончаніи въ 1852 г. Ришельевскаго лицея онъ поступилъ въ лейбъ-гусарскій Павлоградскій полкъ, въ рядахъ котораго въ чинѣ офицера принималъ участіе въ дунайской кампаніи 1853—1854 г., испыталъ много приключеній, участвовалъ въ многихъ битвахъ и стычкахъ; вообще эта эпоха жизни оставила много воспоминаній, которыя онъ и рѣшилъ сохранить на память потомству.

Это заявленіе автора даетъ нѣсколько обманчивое представленіе о содержаніи его воспоминаній; военныя дѣла 1853—1854 гг. занимаютъ никакъ не болѣе четвертой части двухъ убористымъ шрифтомъ напечатанныхъ томиковъ, а на остальныхъ страницахъ авторъ описываетъ полковую жизнь того времени, товарищескую среду, нѣкоторыя болѣе или менѣе интересныя встрѣчи и приключенія и т. п. Павлоградскій полкъ, въ которомъ служилъ г. Дунинъ-Карвицкій, въ полномъ смыслѣ слова могъ быть названъ тѣсной товарищеской семьей; среда офицеровъ была объединена не только естественной общностью интересовъ, но также связана узами землячества, такъ какъ большая часть офицеровъ во главѣ съ командиромъ была изъ юго-западныхъ губерній. Отношенія поэтому были не столько служебныя, сколько дружескія и родственныя; даже командиръ Нашковскій, въ снисхожденіи къ изнѣженности подчиненныхъ ему баричей, допускалъ немало послабленій по части суровой походной дисциплины, позволяя, напримѣръ, офицерамъ тащить за собою въ походъ фургоны съ разными вещами. Очень живо обрисованы г. Дунинымъ-Карвицкимъ типичныя фигуры тогдашнихъ вахмистровъ, которые были фактическими начальниками эскадроновъ и опека которыхъ надъ молодыми, неопытными офицерами простиралась до того, что они подсказывали офицерамъ слова команды; дѣлаетъ величайшую честь доброму сердцу автора, что онъ вспоминаетъ объ этихъ доблестныхъ служакахъ съ теплымъ дружескимъ чувствомъ. Не скрываетъ г. Дунинъ-Карвицкій и разныхъ темныхъ сторонъ тогдашней военной среды. Такъ называемые безгрѣшные доходы были явленіемъ обычнымъ и даже введены были въ систему. Эскадронный командиръ, распредѣлявшій фуражъ на полтораста лошадей, могъ легко класть въ свой карманъ ежемѣсячно отъ 500 до 600 рублей. Авторъ добавляетъ, что «въ военномъ министерствѣ и вообще въ высшихъ сферахъ объ этомъ были всѣ очень хорошо освѣдомлены. Командованіе армейскими кавалерійскими полками поручали, благодаря протекціи, тѣмъ гвардейскимъ штабъ-офицерамъ, которые растеряли свое состояніе на петербургскихъ развлеченіяхъ. И это считалось дѣломъ совершенно естественнымъ, назначеніе давалось какъ бы въ награду и въ видѣ удобнаго средства для поправленія обстоятельствъ» (I, с. 185). Для характеристики порядковъ въ интендантской части большой интересъ представляетъ описанная г. Дунинымъ-Карвицкимъ процедура пріемки солдатскаго сукна, въ которой автору пришлось принять непосредственное участіе: когда развернули штуку сукна, то оказалось, что на протяженіи нѣсколькихъ аршинъ оно представляло собою что-то въ родѣ сѣтки, которою можно было скорѣе раковъ ловить, а не одѣвать солдатъ (с. 225). Но такова ужъ, знать, сила традиціи: несмотря на проявленную при

пріемкѣ строгость и на безпощадную забраковку всего лежалаго и негоднаго. интендантъ ловко подсунулъ «благодарность» автору—три громадныхъ тюка съ разной бакалеей и винами.

Помимо живыхъ бытовыхъ картинъ, мемуары г. Дунинъ-Карвицкаго содержатъ немало другихъ интересныхъ данныхъ, напримѣръ, о полякахъ изъ повстанцевъ 1831 г., служившихъ офицерами въ турецкой арміи, о случаяхъ дезертирства въ русской арміи и т. п.

Другая, гораздо болѣе значительная, часть мемуаровъ г. Дунинъ-Карвицкаго касается прошлаго Юго-Западнаго края—въ частности Волыни. Связующей внѣшней нитью между столь разнородными двумя частями воспоминаній служитъ то, что авторъ, пользуясь благоволеніемъ начальства, частенько совершалъ поѣздки въ родные края подъ благовиднымъ предлогомъ командировокъ для закупки лошадей. Но авторъ далеко не ограничивается изложеніемъ впечатлѣній данной только поѣздки. Погостивъ въ домѣ какого нибудь польскаго магната, г. Дунинъ-Карвицкій считаетъ умѣстнымъ подробно изложить по сему поводу генеалогію рода и біографіи болѣе замѣчательныхъ его представителей, дать свѣдѣнія о земельной собственности этого магната, исторически прослѣдить процессъ ея увеличенія или оскудѣнія и т. д. Все это повѣствуется въ подробностяхъ, нерѣдко весьма занимательныхъ, но подъ часъ очень утомительныхъ; нужно замѣтить, что авторъ доводитъ свой разсказъ до самыхъ послѣднихъ лѣтъ. Во всякомъ случаѣ воспоминанія г. Дунинъ-Карвицкаго даютъ богатѣйшій матеріалъ для исторіи Волыни въ XIX вѣкѣ; немало тутъ повтореній того, что изложено авторомъ въ его прежнихъ очеркахъ изъ стариннаго быта Волыни («Ze starego autoramentu» и «Z zamglonej i niedawno minionej przeszłości»), но немало также есть и новаго.

Авторъ приступилъ къ писанію своихъ мемуаровъ, какъ онъ заявляетъ, уже на 60 году своей жизни. Это кладетъ извѣстный отпечатокъ на тонъ повѣствованія: въ рѣчи звучитъ грусть по минувшемъ, когда, по мнѣнію г. Дунинъ-Карвицкаго, все было гораздо лучше, чѣмъ теперь. Авторъ вкладываетъ столько горячей любви къ прошлому въ свое повѣствованіе, что у читателя какъ-то не хватаетъ духа осуждать его за это не совсѣмъ справедливое предпочтеніе старины, безспорно, милой и простой, но иногда довольно темной. Во всякомъ случаѣ указанное пристрастіе выкупается тѣмъ, что авторъ съ замѣчательною живостью и картинностью воспроизводитъ это колоритное прошлое.

К. Х.

Н. Е. Ончуковъ. По Чердынскому уѣзду. Отдѣльный оттискъ изъ журнала «Живая Старина», вып. I. 1901.

Небольшая (38 стр.) брошюра г. Ончукова представляетъ сводъ впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ поѣздки на Вишеру, Колву и Печору, гдѣ авторъ очерка лѣтомъ 1900 года собиралъ матеріалы по этнографіи. Своеобразный бытъ этого глухого уголка нашего отечества, населеннаго русскими, попреимуществу старообрядцами, и полуобрусѣвшими вогулами, ярко изображенъ въ очеркѣ г. Ончукова. Отъ наблюдательности автора не ускользнули причины того

обстоятельства, что цивилизація еще слишкомъ мало коснулась этого уголка Россіи. Авторъ очерка попутно останавливается на прежнихъ судьбахъ Чердынскаго края, столь богатаго и нынѣ историческими памятниками прошлаго, погибающими благодаря невѣжеству и нерадѣнію туземцевъ. Очеркъ написанъ живымъ, хотя и не всегда правильнымъ языкомъ («яма выкладена кирпичомъ» (24 стр.), «вытаскали сначала вещи изъ лодки» (26 стр.) и тому подобное). Г. О.

Е. Н. Опочининъ. Очерки старо-русскаго быта. Выпускъ I. Боярскій домъ въ XVII столѣтіи. Опальный воевода. Москва. 1902.

Небольшая, очень изящно изданная брошюрка г. Опочинина посвящена бытовой исторіи Московскаго государства въ концѣ XVII вѣка. Исторія древнерусскаго быта разработана въ нашей ученой литературѣ довольно обстоятельно, и г. Опочининъ имѣетъ немало предшественниковъ; даже тѣ самыя темы, которыя выбираетъ онъ для своихъ очерковъ, были уже предметомъ изслѣдованія для такихъ видныхъ ученыхъ, какъ И. Е. Забѣлинъ («Домашній бытъ русскихъ царей») и Н. Н. Селифонтовъ («Очеркъ служебной дѣятельности и домашней жизни стольника и воеводы XVII столѣтія Василья Александровича Даудова»), и, надо сознаться, ихъ труды гораздо ярче и нагляднѣе освѣщаютъ тѣ вопросы, какіе возникаютъ у насъ при представленіи о домашней жизни боярина XVII вѣка или о его служебной дѣятельности. Существеннымъ недостаткомъ очерковъ г. Опочинина является также и то, что выбранные имъ примѣры нельзя считать типичными: заимствованные изъ розыскного дѣла о Шакловитомъ, они изображаютъ намъ московскую жизнь уже въ ту эпоху, когда западныя вліянія сильно давали себя чувствовать на Москвѣ, когда для Московскаго государства наступала пора ломки дѣдовскаго уклада его жизни, и эта грядущая ломка уже проявлялась отдѣльными фактами. Не надо также забывать, что самый источникъ, изъ котораго черпаетъ факты г. Опочининъ, источникъ довольно мутный; дѣло Шакловитаго, веденное подъ вліяніемъ разыгравшихся страстей, нельзя считать образцомъ объективнаго отношенія къ дѣйствительности, и это неизбѣжно должно было дать себя почувствовать, особенно при составленіи второго очерка. Но, вообще говоря, этотъ второй очеркъ, посвященный судьбѣ горемычнаго Андрея Безобразова, написанъ гораздо живѣе и читается съ большимъ интересомъ, чѣмъ первый, построенный почти исключительно на описи имущества опальнаго князя В. В. Голицына и мѣстами переходящій прямо въ каталогъ.

Тѣмъ не менѣе нельзя не признать за брошюрой г. Опочинина извѣстнаго интереса и извѣстной пользы; при той бѣдности общедоступнаго историческаго чтенія, какое замѣчается въ нашей литературѣ, нельзя не привѣтствовать ея появленія; въ дѣлѣ ознакомленія нашей читающей публики съ родною стариной и настоящій трудъ, несомнѣнно, можетъ сыграть нѣкоторую роль.

М. П—й.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Былъ ли апостолъ Петръ въ Римѣ?—Въ январьской книжкѣ «Preussiche Jahrbücher» профессоръ Клеменъ разсматриваетъ вопросъ: правильно ли римскіе папы считаютъ себя прямыми потомками апостола Петра? Онъ не отрицаетъ подлинности того факта, что тотчасъ послѣ Вознесенія Христа на небо, св. Петръ былъ главою церкви, но задается слѣдующими вопросами: дѣйствительно ли апостолъ перенесъ свою первенствующую епархію изъ Іерусалима въ Римъ? Профессоръ Клеменъ говоритъ, что въ 57 году св. Петръ еще не переселился въ Римъ. Дѣйствительно этимъ годомъ помѣчено первое посланіе св. Павла къ римлянамъ. Въ этомъ посланіи не упоминается о пребываніи св. Петра въ Римѣ, и его имя не обозначено въ спискѣ 26 почетныхъ членовъ христіанской общины, уже водворившейся на берегахъ Тибра. На одной изъ страницъ Дѣяній Св. Апостоловъ говорится, что въ 44 году св. Петръ покинулъ Палестину, но тамъ ни слова не упоминается о цѣли его путешествія, и нѣтъ основанія полагать, что онъ отправился въ Италію, а не въ другую какую либо страну. Кромѣ того, въ посланіяхъ св. Павла, написанныхъ во время его пребыванія въ Римѣ, съ 58—64 гг.—дата великихъ гоненій, во время которыхъ погибъ св. Петръ,—ни слова не упоминается о св. Петрѣ въ перечнѣ лицъ, пропагандирующихъ христіанство въ Римѣ. Въ Новомъ Завѣтѣ есть посланіе св. Петра, въ которомъ послѣдній посылаетъ привѣтъ друзьямъ изъ Вавилона. «Конечно,—говоритъ Клеменъ,—не можетъ быть вопроса, что это былъ не Вавилонъ въ Халдеѣ, но городъ Вавилонъ, находившійся въ Нижнемъ Египтѣ, и есть основаніе думать,

что апостолъ Петръ, покинувъ Палестину, отправился въ сосѣднюю страну, тѣмъ болѣе, что въ ней основалось съ этого момента множество христіанскихъ общинъ. Даже, допуская, что Вавилонъ обозначалъ Римъ, все-таки, надо замѣтить слѣдующее: Римъ началъ называться Вавилономъ лишь въ средніе вѣка. Кромѣ того, другія подробности указываютъ, что это посланіе было написано, нѣсколько вѣковъ спустя послѣ мученичества св. Петра. Въ особенности странно, зачѣмъ было св. Петру, будучи въ Римѣ, посылать письменно привѣтъ людямъ, среди которыхъ онъ всегда находился. Климентъ Александрійскій утверждаетъ, будто бы проповѣди св. Петра были переведены на латинскій языкъ св. Маркомъ въ Римѣ. Это привело католическихъ писателей на ложный слѣдъ относительно пребыванія св. Петра, и они заключили, что онъ жилъ въ Римѣ. Въ посланіи Іоанна сообщается о страданіяхъ св. Петра, но не упоминается о мѣстѣ, гдѣ они происходили. Въ первомъ посланіи св. Климента говорится объ этихъ событіяхъ, нотакже безъ обозначенія мѣстности. Датой этому событію служитъ гоненіе христіанъ Нерономъ, но оно происходило не въ одномъ Римѣ, а во всей имперіи. Игнатій Антіохскій въ посланіи къ римлянамъ, напоминая о себѣ св. Петру и Павлу, относится безразлично къ какой изъ общинъ, въ изобиліи распространившихся въ цѣлой имперіи (это было въ 115 г.). Нѣкій же Діонисъ Коринѳскій, епископъ, писавшій, въ свою очередь, къ римлянамъ, упоминалъ, что св. Петръ и Павелъ проповѣдывали въ Италіи, но, къ несчастію, его посланіе не можетъ служить доказательствомъ; развѣ только ему было болѣе ста лѣтъ, что очень возможно, но этого еще не пытались доказывать. Начиная съ 170 года для исторіи представляется легендарная традиція, о которой историческая критика не можетъ представить отчета. Поэтому возможно, что св. Петръ былъ въ Римѣ, но еще вѣрнѣе, что онъ никогда тамъ не былъ и, въ особенности, никогда не находился тамъ епископомъ.

— **Ѳеодора.** Изъ архивовъ все чаще и чаще выходятъ на свѣтъ Божій факты отдаленныхъ эпохъ. Такъ недавно пьеса Сарду «Ѳеодора» послужила причиной къ полемикѣ между авторомъ пьесы и Дилемъ, извѣстнымъ изслѣдователемъ византійской старины. Исторія Ѳеодоры, византійской императрицы, подвизавшейся съ очень юныхъ лѣтъ на ипподромѣ, въ качествѣ танцовщицы, а затѣмъ поднявшейся до византійскаго престола, — довольно извѣстна. Теперь возникъ спеціальный вопросъ: нарушилъ-ли Сарду исторически вѣрный характеръ Ѳеодоры, представивъ ее въ своей пьесѣ императрицей-куртизанкой, что Дилль оспариваетъ на основаніи строгихъ историческихъ изслѣдованій? Сарду ссылается на «Анекдоты», которые онъ приписываетъ византійскому историку Прокопію, жившему въ концѣ V и въ началѣ VI вѣковъ. Хотя Прокопій описалъ въ «Секретной исторіи» бурную, позорную молодость Ѳеодоры, когда, по его словамъ, «честные люди, при встрѣчѣ съ нею, сторонились, чтобы не замараться отъ нечестиваго прикосновенія къ ней», но онъ все-таки окончилъ тѣмъ, что нарисовалъ ее безупречной женою-государынею. По словамъ же Сарду, это не помѣшало ему помѣстить въ «Анекдотахъ» свѣдѣнія о томъ, что она была въ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ со своими прежними товарками по цирку: Индарой и Кризомаллой, для которыхъ она совершала позорныя поступки: покровительствовала легкомысленнымъ женщинамъ и подавала

сама примѣръ, взявъ въ любовники Ѳеодосія, Ареобинда, Петра Барсіама а также уничтожилъ своего сына Іоанна, прижитаго ею съ главою арабовъ. Но Диллъ не признаетъ этихъ «Анекдотовъ» за произведенія Прокопія. По поводу этого спора, Диллъ помѣстилъ интересную статью [1]) въ защиту Ѳеодоры въ одной изъ книгъ «Revue de Paris», собравъ новые документы, какъ, напримѣръ: «Жизнь счастливыхъ людей Востока», написанную въ VI вѣкѣ епископомъ Іоанномъ Эфесскимъ; новые отрывки изъ «Церковной исторіи» того же автора; анонимную хронику, подписанную Захаріемъ изъ Митиленъ, біографію патріарха Севера и Іакова Бародея, апостола монофизитовъ, а также Іоанна Лида и прочихъ авторовъ, между которыми многіе очень мало извѣстны и къ нимъ рѣдко обращаются за справками. Ознакомившись съ ними, читатель видитъ Ѳеодору въ совершенно иномъ видѣ, какъ она обыкновенно рисуется. «Есть двѣ Ѳеодоры,—говоритъ авторъ,— Ѳеодора «секретной исторіи» и Ѳеодора просто «исторіи». Первая слишкомъ извѣстна, и ея похожденія, какъ описываетъ ихъ Прокопій,—банальны. Исторія танцовщицы, утомленной приключеніями, которая, найдя болѣе продолжительную связь и вступивъ въ бракъ съ серьезнымъ покровителемъ, становится ханжей,—не нова. Но есть еще иная Ѳеодора, менѣе извѣстная, но болѣе интересная и любопытная: это—великая государыня, занимавшая значительное мѣсто возлѣ Юстиніана и часто игравшая рѣшающую роль въ государственныхъ вопросахъ. Эта женщина, обладавшая возвышеннымъ умомъ, энергичной волей, деспотическимъ, высокомѣрнымъ и сложнымъ, часто ставившимъ втупикъ характеромъ, — была безконечно плѣнительна. Похожденія первой достаточно извѣстны. Дочь сторожа при медвѣдяхъ въ циркѣ, воспитанная легкомысленной матерью, Ѳеодора съ юныхъ лѣтъ познакомилась съ закулисными нравами ипподрома. Еще ребенкомъ она сопровождала, въ качествѣ служанки, свою сестру Камиту на цирковые подмостки, и сама играла дѣтскія роли. Сдѣлавшись взрослой, она превратилась въ танцовщицу и участвовала, въ особенности, въ живыхъ картинахъ и пантомимахъ, гдѣ привлекала вниманіе своею красотою и легкимъ нравомъ. Въ этомъ качествѣ она забавляла и веселила Константинополь, выставляясь съ смѣлой дерзостью въ самыхъ двусмысленныхъ позахъ. Внѣ сцены она прославилась своими пышными и безумными ужинами, самыми циничными выходками, вольностью намековъ и безчисленными любовниками. Затѣмъ ее увезъ съ собою нѣкій Гецеболосъ, отправившійся префектомъ въ отдаленную провинцію, но, поссорившись съ нею, бросилъ ее на произволъ судьбы. Побѣдствовавъ въ большихъ восточныхъ городахъ и дойдя до отвращенія къ развратной жизни, она возвратилась въ Константинополь. Это сказаніе извлечено изъ «Секретной исторіи» Прокопія, но этому источнику слѣдуетъ довѣрять осторожно, такъ какъ его свидѣтельства противорѣчатъ одно другому. При какихъ обстоятельствахъ встрѣтила она Юстиніана, будущаго наслѣдника престола, и какъ удалось ей не только увлечь, но и удержать человѣка, уже немолодого, которому необходимо было беречь свою репутацію,—остается мало извѣстнымъ. Одна изъ легендъ разсказываетъ, что

[1]) Théodora; par Charles Diehl. «La Revue de Paris» 15 Janvier 1902.

около 320 года въ Византіи жила въ очень скромномъ маленькомъ домикѣ молодая женщина, по имени Θеодора. Ей было 25 лѣтъ; она была довольно маленькаго роста, но хорошо сложена, очень граціозна, съ матовымъ цвѣтомъ лица и черными, жгучими глазами. Эта молодая женщина вела очень скромный образъ жизни и содержала себя на заработанныя отъ пряжи шерсти деньги, и никто не предполагалъ, какая блестящая будущность ожидаетъ эту скромную женщину. Юстиніанъ однажды увидѣлъ ее и влюбился. Онъ осыпалъ ее подарками и, несмотря на ея небезупречное прошедшее, рѣшился жениться. «Прокопій, какъ плохой психологъ,—говоритъ Диль,—припуталъ къ этой страницѣ жизни колдовство и магію, когда, въ сущности, умная и забавная Θеодора, удерживавшая самыхъ непостоянныхъ своихъ поклонниковъ, сумѣла увлечь и Юстиніана». Это неожиданное счастье Θеодоры такъ поразило умы не только Востока, но и Запада, что о женѣ Юстиніана сохранились, какъ святыня, строгія или снисходительныя воспоминанія. Диль, въ противоположность Прокопію, считаетъ Θеодору женщиной, павшей, не столько, благодаря своей порочной натурѣ, сколько по причинѣ неблагопріятныхъ обстановки и обстоятельствъ. Относительно ея развратной жизни и любовниковъ послѣ ея брака съ Юстиніаномъ Дилль говоритъ, что, во-первыхъ, Θеодорѣ было уже за тридцать лѣтъ, а восточная женщина въ эти годы приближается къ старости; во-вторыхъ, она была слишкомъ умна и, обладая практичностью, не рискнула бы потерять завоеваннаго положенія, ради любовныхъ интригъ. Ни одинъ изъ современныхъ писателей или историковъ, даже имѣющихъ поводъ быть ею недовольными и упрекавшихъ ее за алчность, ея авторитетный, жестокій нравъ, вліяніе на императора и скандалы, производимые ея иновѣрными мнѣніями, ни одинъ изъ нихъ не намекаетъ на ея легкомысленное поведеніе съ тѣхъ поръ, какъ она сдѣлалась женою Юстиніана. Даже Прокопій, сильно клеветавшій на нее, не говоритъ ни одного слова объ ея легкомысленномъ поведеніи послѣ замужества и не приписываетъ ей любовниковъ, какъ, напримѣръ, Θеодоса, Петра Парсимесса или Аресбинда. Между тѣмъ, во дворцѣ было легко скрывать интриги, доказательствомъ чему служитъ укрывательство Θеодорой ея любимца, патріарха Анθимія, прятавшагося у нея во дворцѣ отъ своихъ гонителей. Она такъ сумѣла обставить дѣло, что всѣ, даже Юстиніанъ, считали его умершимъ, или исчезнувшимъ. Насколько Θеодора-танцовщица была разнуздана и дерзка, настолько Θеодора-императрица отличалась приличіемъ и щепетильностью. Она строго слѣдила за общественной нравственностью, заботливо заставляла уважать супружескій союзъ, упорно избѣгала любовныхъ интригъ, хотя «Анекдоты» приписываютъ ей различныя похожденія, нѣжно заботилась о бѣдныхъ дѣвушкахъ своей столицы, которыя чаще всего гибли ради необходимости, а не благодаря своей порочной натурѣ. Гордясь своимъ положеніемъ и очень заботливо поддерживая этикетъ, она увеличила и усложнила церемоніалъ. «Можетъ быть,—говоритъ Дилль,—это происходило изъ желанія видѣть почтительно склоненныя фигуры тѣхъ вельможъ, которые прежде обращались съ нею безцеремонно». Авторъ сомнѣвается, хотя Прокопій утверждаетъ, что Θеодора привлекла ко двору прежнихъ подругъ по цирку. Если она и сдѣлала своей фавориткой Антонину, ловкую,

смѣлую интриганку, «способную достигнуть невозможнаго», какъ выразился одинъ человѣкъ, близко ее знавшій, то она чаще всего бесѣдовала съ нею о политическихъ планахъ, а не о любовныхъ похожденіяхъ. Такая честолюбивая женщина, какъ Θеодора, не могла довольствоваться положеніемъ праздной государыни. Она пользовалаэь своимъ безграничнымъ вліяніемъ на Юстиніана и, въ продолженіе двадцати лѣтъ, имѣла едва ли не больній авторитетъ, чѣмъ Юстиніанъ. Ея рука видиѣлась вездѣ: въ администраціи, куда она поставила покровительствуемыхъ ею лицъ, въ дипломатіи, политикѣ и церкви. Она была такъ увѣрена въ довѣріи къ ней императора, что не опасалась даже открыто противиться его волѣ и смѣло замѣняла его распоряженія своими. Умная, съ сильной и рѣшительной волей, она была способна на великія дѣла и притомъ обладала проницательнымъ умомъ, который доводилъ ихъ до конца. Вообще она любила, чтобы за нею оставалось во всемъ послѣднее слово, и даже, когда она уступала, ея отважный и гибкій умъ придумывалъ на будущее блестящее отмщеніе. Превосходя въ умственномъ отношеніи своего мужа и обладая душою государственнаго человѣка, она ясно видѣла нужды государства и возможное ихъ осуществленіе. Въ то время, какъ Юстиніанъ соблазнялся величіемъ римскихъ императоровъ, мечталъ возродить имперію Цезаря и обезпечить союзомъ съ Римомъ царство православія, болѣе чуткая Θеодора устремила глаза на Востокъ, чувствуя, что, именно тамъ, въ цвѣтущихъ провинціяхъ Сиріи и Египта, находятся живыя силы монархіи. Она понимала, какую опасность причиняетъ религіозный расколъ имперіи, благодаря которому восточныя національности стали обнаруживать склонность къ сепаратизму и чувствовала необходимость уменьшить чрезъ своевременныя уступки угрожавшее недовольство. Насколько Юстиніанъ—въ душѣ богословъ—любилъ произносить рѣчи предъ епископами, предсѣдательствовать въ Соборахъ, спорить съ еретиками о текстѣ Св. Писанія, настолько Θеодора, не изъ любви къ религіознымъ спорамъ и безплоднымъ догматическимъ обсужденіямъ и не изъ ханжества, занималась церковными дѣлами. Она, какъ прежніе великіе византійскіе государи, прикрывалась религіозными спорами, видя въ нихъ постоянную сущность политическихъ проблемъ. Вотъ почему она открыто покровительствовала еретикамъ, дерзко пренебрегая папствомъ, увлекая за собою нерѣшительнаго и колебавшагося Юстиніана, бросаясь, очертя голову, въ борьбу и никогда не желая признать себя побѣжденной. Ей обязанъ еретическій Египетъ долгими годами терпимости и фанатическая Сирія возстановленіемъ своей гонимой національной церкви; благодаря ей, отступники не боялись отлученія отъ соборной церкви и часто избѣгали преслѣдованій, а монофизиты обязаны ея поддержкѣ успѣхомъ своей пропаганды въ Аравіи, Нубіи и Абиссиніи. До послѣдняго дня она боролась за свои вѣрованія, умѣряла усердіе своихъ друзей, когда они неосторожно бросались въ «пасть льва», и поддерживала ихъ пылъ. Ей не хватило времени для полнаго осуществленія своей задачи. Все-таки имперія, какою она ее задумала, была серіознымъ препятствіемъ для нападенія персовъ и аравитянъ. а если бы составленный ею планъ былъ приведенъ въ исполненіе, то, по словамъ Дилля, можетъ быть измѣнилось бы теченіе исторіи. Но Θеодора, несмотря на способности государственнаго человѣка, все-таки

осталась женщиной. Ея женственность выдѣлялась во всемъ —въ страсти къ роскошнымъ покоямъ, великолѣпнымъ костюмамъ, ослѣпительнымъ драгоцѣннымъ камнямъ, въ заботѣ о своей наружности и кокетствѣ. Она понимала, что въ послѣднемъ—вся ея сила и гарантія ея вліянія. Но эта женская черта въ особенности выдѣлялась въ силѣ ея страсти и пылкой ненависти. Не желая ни съ кѣмъ раздѣлять завоеваннаго могущества, она безпощадно и не колеблясь уничтожала всѣ попадавшіеся на ея пути препятствія и отодвигала всѣ властолюбивыя замыслы. Она не затруднялась выборомъ средствъ для уничтоженія противниковъ. Мстительная и даже жестокая, когда ставился на карту ея интересъ, она не прощала тому, кто мѣшалъ ея планамъ. Чтобы крѣпче держать въ своихъ рукахъ Юстиніана, она удалила отъ двора всѣхъ членовъ императорской семьи, пользуясь для этого клеветою, а отъ губернатора Іоанна Кападокскаго, какъ отъ соперника, сильно вліяющаго на Юстиніана, она избавилась посредствомъ темной интриги. Наоборотъ, ея привязанность къ оказавшимъ ей услугу лицамъ была безгранична, и не напрасно ея друзья называли Ѳеодору «вѣрной императрицей». Она устроила не только свою сестру Камиту, внука Аѳанасія, племянницу Софію, вышедшую замужъ за наслѣдника престола, но она также не переставала покровительствовать всѣмъ, кто заслужилъ ея милости, защищая не только противъ папы, но даже противъ императора. Если у нея были недостатки и пороки, какъ, напримѣръ, ея необузданная любовь къ власти, которая дѣлала ее иногда жестокой, грубой и вѣроломной, и если ея широкая, блестящая жизнь не обходилась безъ алчности, то взамѣнъ у нея были высокія качества, оправдывавшія ея громадное тщеславіе—гордая энергія, мужественная твердость и свѣтлый, могучій умъ государственнаго человѣка. Когда 15-го января 53 года грозилъ дворцу мятежъ, и Юстиніанъ, до безумія растерявшійся, видѣлъ спасеніе лишь въ бѣгствѣ, Ѳеодора въ такую критическую минуту, грозившую паденіемъ имперіи, присутствовала на совѣтѣ. Она напомнила Юстиніану и министрамъ, предавшимся страху, объ ихъ долгѣ относительно имперіи, и, предпочитая смерть позорному бѣгству, сказала, что «порфира—прекрасный саванъ». Этимъ она спасла имперію. Диль замѣчаетъ: «Юстиніанъ не забылъ услугъ, оказанныхъ Ѳеодорой, и когда чрезъ 16 лѣтъ она умерла отъ рака, онъ оплакивалъ ее горькими слезами и свято хранилъ память о той, которую называлъ «даромъ Бога». Такимъ образомъ, Диль въ своей статьѣ предоставляетъ торжество исторіи надъ пустой болтовней Сарду, хотя, въ сущности, онъ напрасно такъ заботится доказать справедливость своихъ доводовъ въ своемъ спорѣ съ драматургомъ. Всѣмъ уже было извѣстно и безъ того, что такъ называемыя историческія пьесы Сарду отличаются всѣмъ, только не исторіей.

— Кровавая Марія. Серія историческихъ реабилитацій, рано или поздно, должна была остановиться на личности первой царствовавшей въ Англіи королевы, Маріи I, или такъ называемой Кровавой. Уже по самому ея прозвищу, естественно, она подлежала попыткѣ обѣленія, главнымъ образомъ, со стороны католическихъ историковъ, которыхъ въ послѣднее время развелось значительное количество въ Англіи. Для протестантовъ она въ полномъ смыслѣ слова представляется кровавой, т. е. католичкой, не жалѣвшей преслѣдовать

самымъ жестокимъ образомъ своихъ протестантскихъ подданныхъ. Напротивъ, католики сожалѣютъ ее, какъ жертву не справедливой клеветы современниковъ и потомковъ. Въ послѣдне время набралось много католическихъ документовъ, обѣлявшихъ Марію, и потому за ея реабилитацію принялась католическая историческая изслѣдовательница, миссъ Стонъ. Ея обширный трудъ «Исторія Маріи I, королевы англійской». въ двухъ томахъ [1]), отличается яснымъ, живымъ изложеніемъ и полнымъ, подробнымъ изслѣдованіемъ всѣхъ новѣйшихъ испанскихъ, французскихъ и венеціанскихъ дипломатическихъ депешъ. Но по всей справедливости это не исторія, а біографія, и то съ точки зрѣнія адвоката, а не судьи. Она всячески старается обѣлить свою героиню и если нельзя ее прямо упрекнуть въ извращеніи фактовъ, зато она подбираетъ всѣ излагаемыя событія въ пользу Маріи. Такимъ образомъ она представила все, что только можно сказать въ защиту Маріи, и, однако, ей не удалось нисколько ее обѣлить, а если и можно ея названіе Кровавой замѣнить чѣмъ либо инымъ, то развѣ—несчастной женщины, совершавшей ужасы, благодаря самымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, окружавшимъ ее съ молодости. Историческая истина заключается въ томъ, что не она была кровавой, а кровавы были религія и патеры, заставлявшіе ее совершать кровавые поступки. Дѣтство Маріи, дочери Екатерины Арагонской, первой жены англійскаго короля Генриха VIII, протекло самымъ счастливымъ образомъ. Она была любимицею своего отца и получила весьма тщательное, почти мужеское воспитаніе, какъ было въ обычаѣ того времени. Эразмъ особенно выхваляетъ ея письма на латинскомъ языкѣ. Семи лѣтъ она была помолвлена за императора Карла V, но онъ отказался отъ ея руки, когда Генрихъ развелся съ Екатериной. Точно также неудачна была попытка найти ей жениха во Франціи, въ лицѣ французскаго короля, Франциска I-го. Одинаково не удались ея сватовства за короля португальскаго, герцога баварскаго и т. д. Въ это время отецъ ея женился на Аннѣ Болейнъ и всю любовь свою перенесъ съ Маріи на свою вторую дочь отъ другой жены—Елизавету. Марія же подверглась преслѣдованіямъ вмѣстѣ съ ея единовѣрцами—католиками. Естественно, что ея характеръ сдѣлался мрачнымъ и озлобился. Въ концѣ царствованія ея отца и съ воцареніемъ Эдуарда VI, ея неродного брата, жизнь Маріи потекла спокойно, мирно, среди ученыхъ занятій, между прочимъ, переводомъ Эразма съ латинскаго языка. Эти счастливые для нея дни окончились со смертію Эдуарда въ 1553 г., и она была провозглашена королевой. Она не долго царствовала, и благодаря окружавшимъ ее католическимъ епископамъ, а также Филиппу испанскому, за котораго она вышла замужъ, послѣ стольких неудачъ, Марія превратилась въ жестокую и кровавую королеву. Ея реакціонной политикѣ много содѣйствовало и то обстоятельство, что горячо любимый ею мужъ обращался съ нею безжалостнымъ образомъ. Проведя четыре года самой несчастной жизни, она занемогла и послѣ долгихъ припадковъ тяжелой болѣзни умерла 17 ноября 1558 г.

— Вашингтонъ и Нѣмцевичъ. Въ февральской книгѣ «Century Magazine» помѣщена чрезвычайно интересная статья В. Козловскаго о посѣщеніи

---

[1]) The history of Mary I, Queen of England. By J. M. Stone 2 v. London. 1901.

въ 1798 году Вашингтона въ его помѣстьѣ, Маунтъ-Вернонъ, польскимъ поэтомъ Нѣмцевичемъ [1]). Къ ней приложено предисловіе Вортингтона Форда, объясняющее, какъ происхожденіе мемуаровъ Нѣмцевича, изъ которыхъ Козловскій сдѣлалъ извлеченіе, такъ и краткій некрологъ самого Нѣмцевича. Юліанъ Урсынъ Нѣмцевичъ былъ извѣстный польскій поэтъ и сподвижникъ Костюшки, благодаря чему онъ очень молодымъ человѣкомъ вступилъ въ Польскій сеймъ, гдѣ находился на сторонѣ патріотовъ. Во время польскаго возстанія 1794 г. Нѣмцевичъ былъ адъютантомъ Костюшки и вмѣстѣ съ нимъ былъ взятъ въ плѣнъ и заключенъ въ заточеніе въ Петербургѣ. Чрезъ два года вошелъ на престолъ Павелъ I-й и освободилъ обоихъ польскихъ патріотовъ. Они отправились въ Америку и высадились въ Филадельфіи, гдѣ имъ сдѣланъ былъ торжественный пріемъ въ 1797 г. Костюшко намѣревался купить имѣніе и поселиться навсегда въ Америкѣ, но онъ неожиданно получилъ извѣстіе изъ Франціи, что тамъ образовался польскій легіонъ для освобожденія его отечества, и начальство надъ нимъ предлагалось Костюшкѣ. Онъ принялъ это предложеніе и въ маѣ мѣсяцѣ 1798 году отправился въ Бальтимору, гдѣ скрывался отъ всѣхъ, до отъѣзда во Францію, изъ боязни, чтобы его не захватило какое-нибудь англійское судно. Нѣмцевичъ, хотя и собирался ѣхать съ Костюшко, но открыто жилъ въ Вашингтонѣ, чтобы собирать свѣдѣнія. Въ это время онъ получилъ отъ великаго американца, Вашингтона, приглашеніе посѣтить его помѣстьи Маунтъ-Вернонъ. Конечно, Нѣмцевичъ съ удовольствіемъ воспользовался случаемъ познакомиться съ «отцемъ отечества». Этотъ замѣчательный визитъ онъ подробно описалъ въ своемъ дневникѣ, который онъ велъ въ ту эпоху своей жизни на польскомъ и французскомъ языкахъ. Къ сожалѣнію, этотъ дневникъ никогда не былъ напечатанъ, и, по мнѣнію его біографовъ, онъ окончательно потерянъ. Такимъ образомъ Нѣмцевичъ только напечаталъ небольшой очеркъ: «Замѣтки о жизни генерала Вашингтона» а всякій слѣдъ объ его посѣщеніи Маунтъ-Вернона исчезъ. Впослѣдствіи онъ вернулся въ Европу и получилъ предложеніе отъ императора Александра поступить на русскую службу, но Нѣмцевичъ отказался и вернулся снова въ Америку, гдѣ женился на американкѣ. Чрезъ нѣсколько времени онъ отправился въ Польшу и по учрежденіи тамъ конституціоннаго образа правленія служилъ секретаремъ сената до 1830 г. Въ эту эпоху, пользуясь свободнымъ временемъ, онъ много занимался литературой и писалъ поэму, драму, исторію и политическія сочиненія. Онъ пользовался такой славой высоко образованнаго человѣка, что былъ избранъ предсѣдателемъ королевскаго научнаго общества въ Варшавѣ, хотя, собственно, не занимался научными предметами Въ 1830 году онъ участвовалъ въ польскомъ возстаніи и по окончаніи его бѣжалъ въ Лондонъ. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ Парижѣ, въ литературныхъ занятіяхъ и умеръ тамъ въ 1841 году. По истеченіи шестидесяти лѣтъ, послѣ его кончины, Козловскому удалось найти въ одной польской библіотекѣ рукопись его днев-

---

[1]) A visit to M-t Vernon a century ago. A few pages of an unpublished diary of the polish poet J. U. Niemcewicz. By Kozlowski «The Century magazine». February 1902.

ника, веденнаго въ Америкѣ. Въ удостовѣреніе подлинности его В. Фордъ навелъ справки въ Вашингтонскомъ архивѣ и доказалъ на основаніи личнаго дневника Вашингтона, что 2-го іюня 1798 года пріѣхалъ въ Маунтъ-Вернонъ товарищъ Костюшки, генералъ Нѣмцевичъ, и оставался тамъ до 14. Послѣ этого уже не можетъ быть никакого сомнѣнія въ достовѣрности найденнаго Козловскимъ документа. Прежде чѣмъ получить приглашеніе въ Маунтъ-Вернонъ, Нѣмцевичъ въ концѣ мая мѣсяца того же года видѣлъ Вашингтона у мистриссъ Питерсъ, куда его повезъ знакомый американецъ Ло. «Лицо Вашингтона величественное,—говоритъ Нѣмцевичъ,—и достоинство дышитъ во всѣхъ его нѣжныхъ чертахъ. Его портреты, распространенные въ Европѣ, нисколько на него не походятъ. Онъ очень высокаго роста и крѣпкаго тѣлосложенія; носъ у него орлиный, глаза голубые, а ротъ большой. На немъ былъ фракъ, атласный жилетъ, черные короткіе панталоны и такого же цвѣта чулки. Онъ началъ разговоръ съ Костюшки, а потомъ спросилъ, давно ли я въ Америкѣ, и нравится ли мнѣ эта страна. Я отвѣчалъ: «Очень счастливъ, что американцы пользуются тѣмъ благосостояніемъ, которое я всегда жаждалъ видѣть въ своемъ отечествѣ. Вамъ, сэръ, они обязаны этимъ». Онъ скромно поклонился и произнесъ: «Я всегда отъ всего сердца желалъ добра вашей странѣ». Въ это самое время въ комнату вбѣжала маленькая дѣвочка 16 мѣсяцевъ, дочь Ло; Вашингтонъ подозвавъ ее къ себѣ, далъ кусокъ персиковаго пряника, который онъ вынулъ изъ кармана. Потомъ онъ поцѣловалъ ее и передалъ матери остальную часть пряника. Затѣмъ разговоръ перемѣнился и перешелъ на земледѣліе—любимый предметъ генерала. Долго мы говорили о засухѣ, отъ которой тогда очень страдали табакъ, маисъ и ячмень. Разговоръ мой съ генераломъ возобновился за часъ, но вопросъ былъ уже о прогрессѣ культуры и народонаселенія Америки, особенно въ восточныхъ штатахъ. Я замѣтилъ, что тамъ впервые поселились европейцы.—«Напротивъ,—отвѣчалъ Вашингтонъ,—первые поселенцы водворились въ Виргиніи и Новой Англіи, но въ восточныхъ штатахъ особенно развита городская жизнь, и потому въ ней процвѣтаютъ порядокъ, полиція и общественныя учрежденія. Населеніе тамъ чрезвычайно работящее, и каждый фермеръ, даже бѣднѣйшій, живетъ независимымъ человѣкомъ». Я замѣтилъ генералу, что многіе изъ нихъ превосходятъ любыхъ джентльменовъ, и что они счастливѣйшій народъ въ свѣтѣ. — «Только бы мы не испортили нашего счастья». Когда мы расходились онъ прибавилъ: «Я буду очень счастливъ, если вы пріѣдете ко мнѣ въ Маунтъ-Вернонъ. Я чрезъ нѣсколько дней буду дома и надѣюсь васъ видѣть». Чрезъ два дня опять я увидѣлъ Вашингтона въ домѣ мистера Ло, гдѣ онъ гостилъ и я также. Попрежнему, онъ былъ искрененъ, учтивъ и внимателенъ, но говорилъ очень мало, особенно онъ безмолвствовалъ о политикѣ, а только упоминалъ о земледѣліи и естественной исторіи. Главной забавой Вашингтона была игра въ билліардъ, хотя онъ не игралъ уже сорокъ пять лѣтъ, но вниманіе и способность замѣняли ему практику. Съ каждой новой игрой онъ все болѣе и болѣе совершенствовался. 25-го мая, уѣзжая съ женою въ Маунтъ-Вернонъ, они оба повторили предложеніе посѣтить ихъ». Чрезъ нѣсколько дней Нѣмцевичъ съ мистеромъ Ло отправились въ Маунтъ-Вернонъ Домъ Вашингтона оказался

на горѣ, въ глубинѣ дубоваго лѣса. Онъ былъ обширный, двухъэтажный, кирпичный, съ двумя открытыми галереями по сторонамъ, маленькимъ бельведеромъ по срединѣ крыши и двумя слуховыми окнами. Его окружали канава и каменная стѣна съ маленькими башенками по угламъ. Предъ домомъ находились два лужка, обсаженные различными кустарниками. Самъ Вашингтонъ показалъ Нѣмцевичу внутренность дома. Въ него входятъ чрезъ крыльцо, украшенное двумя колоннами, и обширныя сѣни, которыя дѣлятъ домъ на двѣ половины, и украшены нѣсколькими литографіями. Тутъ же находятся ключи отъ Бастиліи, подаренные генералу Лафайетомъ. Въ саду также помѣщалась модель Бастиліи изъ камней, взятыхъ Лафайетомъ изъ подлинныхъ развалинъ страшной крѣпости. Направо дверь ведетъ въ гостиную, съ портретами Вашингтона, его жены и Лафайета. Далѣе слѣдовала самая лучшая въ домѣ комната, съ бѣлымъ мраморнымъ каминомъ и нѣсколькими картинами на стѣнахъ. Рядомъ была еще гостиная, гдѣ стояли клавикорды. На противоположной сторонѣ отъ сѣней расположены были столовая, спальня генерала и его библіотека, а наверху находились комнаты мистриссъ Вашингтонъ, миссъ Куотисъ, ея дочери отъ перваго брака, и гостей. Большую часть свободнаго времени семья Вашингтоновъ проводила на галереѣ, съ которой открывался великолѣпный видъ на рѣку Потомакъ. Садъ вокругъ дома былъ въ англійскомъ стилѣ и аккуратно содержался. Кромѣ кустарниковъ и цвѣтовъ, въ немъ находились ягоды въ большомъ разнообразіи, великолѣпныя фруктовыя деревья и огородныя произведенія. Онъ самъ ухаживалъ за своимъ садомъ и выписывалъ образцы лучшихъ садовъ Европы. На другой день Нѣмцевичъ осмотрѣлъ съ мистеромъ Ло ферму Вашингтона, которая распространялась на 10.000 акровъ и прекрасно содержалась. Тамъ находилась мельница и водочный заводъ. Работали на ней негры, принадлежавшіе Вашингтону въ количествѣ 300 человѣкъ. Жили они въ бѣднѣйшихъ жилищахъ, но ихъ положеніе было гораздо счастливѣе всѣхъ сосѣднихъ негровъ, такъ какъ Вашингтонъ обходился съ ними великодушно. «Я никогда не видалъ тамъ,—говоритъ Нѣмцевичъ,—грустнаго негра: всѣ они веселы и по субботамъ танцовали подъ музыку». Вообще генералъ занимался много земледѣліемъ и даже изобрѣлъ новую соху. «Вашингтона обвиняютъ всѣ,—замѣчаетъ Нѣмцевичъ,—въ молчаливости, и дѣйствительно онъ мало говоритъ, хотя не отказывается отъ разговора, когда затрогиваютъ предметъ, интересующій его. Такъ, по поводу французской революціи онъ однажды сказалъ: «Дѣйствія французовъ въ Голландіи, Италіи и Швейцаріи должны служить предостереженіемъ другимъ націямъ относительно ихъ намѣренія и должны указать, что не свобода и счастіе другихъ людей, но ихъ собственное самолюбіе и желаніе побѣдъ—единственный мотивъ ихъ дѣйствій». Кромѣ того, онъ часами говорилъ со мною о земледѣліи и вспоминалъ различные эпизоды изъ революціонной войны. Быть можетъ, онъ совершилъ немало ошибокъ, но онъ истинно великій человѣкъ и оказалъ громадныя услуги своей родинѣ. Кромѣ своихъ военныхъ способностей онъ отличался безкорыстіемъ и самое трудное время служилъ безъ жалованья, а послѣ побѣды не хотѣлъ получить вознагражденія. Онъ даже не жаждалъ и славы и, имѣя возможность остаться президентомъ всю жизнь, вышелъ въ отставку. Съ тѣхъ поръ онъ

велъ самую спокойную и однообразную жизнь въ Маунтъ-Вернонѣ. Онъ вставалъ въ 5 часовъ утра и до 7-ми читалъ и писалъ: за чаемъ онъ ѣлъ маисовой хлѣбъ съ масломъ и медомъ. Потомъ онъ верхомъ отправлялся осматривать поля и затѣмъ возвращался въ 2 часа обѣдать, во время котораго выпивалъ стаканъ мадеры. Затѣмъ онъ читалъ газеты, которыхъ получалъ ровно десять, и писалъ письма. Въ 7 часовъ онъ пилъ чай, разговаривалъ и въ 9 часовъ шелъ спать. Мистриссъ Вашингтонъ была одинаковыхъ лѣтъ съ мужемъ; она была небольшого роста, съ блестящими глазами, чрезвычайно веселаго настроенія, считалась одной изъ красивѣйшихъ женщинъ въ Америкѣ и даже до старости не потеряла своей прелести. Трудно было встрѣтить болѣе очаровательной, въ нравственномъ отношеніи, женщины. Добрая, нѣжная и чрезвычайно пріятная личность, она любила говорить и говорила хорошо о старинѣ». Въ концѣ своего описанія Маунтъ-Вернона Нѣмцевичъ упоминаетъ объ архивѣ Вашингтона, который состоялъ изъ тридцати или сорока ящиковъ со всякаго рода бумагами: отчетами, докладами и перепиской съ генералами и членами конгресса. Генералъ намѣревался выстроить особый домъ для своего архива, такъ какъ онъ занималъ чрезвычайно много мѣста. Наконецъ настало время разстаться съ Маунтъ-Верноновъ, гдѣ Нѣмцевичъ провелъ 12 дней, и наканунѣ отъѣзда Вашингтонъ имѣлъ съ нимъ памятный разговоръ о поведеніи Франціи относительно Америки, которое должно было окончиться войной. «Будемъ ли смотрѣть на отношенія Франціи къ Америкѣ,—сказалъ онъ съ необыкновеннымъ жаромъ:—съ точки зрѣнія наносимаго намъ вреда и грабежа нашей торговли, доходящаго до 50 милліоновъ долларовъ, или съ точки зрѣнія оскорбленія нашей національной чести удаленіемъ посланниковъ, или наконецъ съ точки зрѣнія преслѣдованія и уничтоженія свободныхъ націй ихъ военнымъ правительствомъ,—мы видимъ необходимость вооружаться и приготовляться къ грозящей намъ опасности. Миръ и покорность окончатся тѣмъ же чѣмъ въ Венеціи. Покорность въ этомъ случаѣ не что иное, какъ трусость. Скорѣе Америка возстанетъ. Несмотря на мою старость, я, напримѣръ, отдамъ послѣднюю каплю крови, остающуюся въ моихъ жилахъ, чѣмъ стерплю униженіе. Президента Адамса упрекаютъ, что онъ слишкомъ умѣренъ въ дѣйствіяхъ и слишкомъ смѣлъ на словахъ. Съ той минуты, какъ я покинулъ администрацію, я не писалъ ему ни слова и не получилъ отъ него ни слова, кромѣ офиціальныхъ депешъ, обнародованныхъ въ газетахъ. Я не знаю, имѣетъ ли онъ другія свѣдѣнія, кромѣ этого, но я убѣжденъ, что, какъ благоразумный, честный и хорошій человѣкъ, онъ не можетъ дѣйствовать иначе. Я самъ, быть можетъ, на его мѣстѣ писалъ бы также смѣло, но, конечно, я дѣйствовалъ бы смѣлѣе и энергично приготовился бы на всякій случай».

— Послѣдніе шуаны. Новая книга историка Гесленъ-Ленотра «Tournebut», недавно появившаяся въ Парижѣ, съ предисловіемъ Сарду,—весьма интересный историческій очеркъ нравовъ нормандскихъ шуановъ временъ имперіи, отъ 1804 до 1809 г.г. Въ 1792 году неспособность правительства революціонныхъ партій привела Францію въ положеніе разрушенія. На каждомъ шагу встрѣчались заброшенныя деревни, дома безъ крышъ, сожженныя фермы, разрушенныя церкви и замки. «Полиція,—говорится въ предисловіи книги,— была

вся поглощена политикой, и жандармы, набранные изъ подонковъ общества, состояли изъ всевозможныхъ негодяевъ, мазуриковъ, бѣглецовъ и террористовъ безъ занятій». Во время директоріи и первыхъ лѣтъ консульства Франція жила грабежами и убійствами: разбойники раскидывались лагеремъ въ пустынныхъ лѣсахъ, развалинахъ, покинутыхъ каменоломняхъ, какъ, напримѣръ, въ Гедревилѣ, главной квартирѣ Ожерской банды. Помѣщеніе находилось въ подземельѣ, въ сто футовъ длины и тридцать ширины. Правильно организованная шайка состояла изъ мужчинъ и женщинъ—начальниковъ, помощниковъ, хранителей добычи, шпіоновъ, курьеровъ, цирульниковъ, хирурговъ, портныхъ, кухарокъ, воспитателей для дѣтей и приходскаго патера. Эти шайки увеличивались отъ наплыва бѣглецовъ изъ императорской арміи. «Аристократы съ горячими головами и рѣшительнымъ умомъ» работали въ пользу паденія «тирана» и возстановленія короля. Близъ Вернона находился замокъ «Tournebut», окруженный густымъ лѣсомъ и представлявшій прекрасное гнѣздо для шуановъ и ихъ заговоровъ. Онъ принадлежалъ маркизѣ Камбрэ, урожденной Женевьевѣ Жеринъ де-Брюннель, дочерѣ предсѣдателя счетной палаты въ Нормандіи. Ея мужъ умеръ, оставивъ ей двухъ сыновей и двухъ дочерей, а также значительныя помѣстья въ окрестностяхъ Фалэза. «Это была надменная, повелительная женщина,—какъ рисовалъ ее Аккэ де-Ферелло, ея врагъ. Ея душа была сильная, полная энергіи: она умѣла пренебрегать опасностями и общественнымъ мнѣніемъ, ея не пугали самые смѣлые планы, и ея честолюбіе было чрезвычайное». Ея единственной мечтой было,—говоритъ Ленотръ,—возстановить королевскій тронъ. Послѣ проведенныхъ трехъ лѣтъ въ Руанѣ она вернулась въ 1796 году въ замокъ «Турнебю», полная мести за короля и упорныхъ иллюзій, объявивъ борьбу революціи и вѣря въ скорую побѣду. Ея замокъ былъ очень обширный и хотя своимъ внѣшнимъ видомъ не представлялъ ничего необыкновеннаго, но внутри былъ устроенъ совершенно въ романтическомъ духѣ. Такъ, поднимаясь по маленькой лѣсенкѣ, доходили до крошечной комнаты, совсѣмъ подъ крышей, въ ней было лишь одно окно и простая кровать. Подъ тюфякомъ, близкіе къ маркизѣ личности находили гвоздь, стоило вытащить его, и внезапно растворялась стѣна въ большую комнату—человѣкъ на пятнадцать. Въ другой сторонѣ замка былъ чердакъ, на которомъ всегда находилось развѣшеннымъ грязное бѣлье. На уровнѣ съ порогомъ лежала прикрѣпленная толстая балка, украшенная дощечками, поддерживаемыми планочками. Въ маленькой впадинѣ балки, наполненной червоточиной, лежалъ кусокъ желѣза; если прилаживали его къ одному изъ гвоздей, крѣпко укрѣпленныхъ въ одной изъ планочекъ, дощечки складывались, и въ стѣнѣ отворялась дверь, за которой находился громадный залъ на 50 человѣкъ. Здѣсь-то маркиза укрывала своихъ сообщниковъ и оружіе. Ихъ обязанность состояла въ задержаніи почты, отвозящей доходы государства и обираніе денегъ «тирана», которыя затѣмъ помѣщались въ кассу шуановъ, съ цѣлью возвращенія короля. Дилижансы захватывались на поворотахъ лѣса, и въ этихъ экспедиціяхъ мужчинамъ помогали

---

[1]) La Chouannerie normande au temps de l'empire: Tournebut (1804—1809); par Gosselin Lenotre. Paris. 1901.

и женщины «аристократки», переодѣтыя мужчинами. Послѣ смерти Кадудаля начальниками шуановъ были виконтъ д'Анпэ и молодой человѣкъ, котораго называли всѣ «кавалеромъ»; на немъ-то Ленотръ сосредоточилъ весь интересъ разсказа. «Это былъ красивый юноша, двадцати пяти лѣтъ, брюнетъ съ матовой кожей и бѣлыми зубами. Онъ обладалъ нѣжными глазами, страстнымъ голосомъ, прекрасными манерами и неистощимой веселостью, несмотря на меланхолическій видъ, а также непоколебимой отвагой. Его звали кавалеромъ Сентъ-Арну, по имени его фермы, что придавало ему аристократическое достоинство, впрочемъ его семья происходила изъ дворянъ. Сентъ-Арну сдѣлался любовникомъ второй дочери маркизы де-Камбрэ, Каролины. Она была замужемъ за Аккэ де-Ферраль, который обольстилъ ее въ замкѣ ея матери, куда онъ проникъ подъ личиной яраго рояляста. Онъ такъ дурно обращался съ нею, что ей пришлось покинуть семейный очагъ. Каролина была очень маленькаго роста, но очаровательна: цвѣтъ ея лица былъ замѣчательно чистъ, а черные волосы — необыкновенно длинны. Маленькая женщина имѣла романическій характеръ и притомъ была очень чувствительна, привязчива, жива, откровенна, энергична, но въ то же время нѣжна. Вмѣстѣ съ этими качествами она получила прекрасное образованіе, была хорошей музыкантшей и ученицей Буальдьё». Хотя Каролина болѣе любила Сентъ-Арну, чѣмъ роялистскій вопросъ, однако, зная, что ея возлюбленный былъ въ немъ замѣшанъ, сказала ему: «Я все сдѣлаю для васъ». Съ этого момента она предалась достиженію цѣли шуановъ и исполняла всѣ, возлагаемыя на нее, порученія и обязанности: бѣгала по большимъ дорогамъ, переодѣтая мужчиной, посѣщала конуры контрабандистовъ и разбойниковъ, помогала грабить останавливаемые дилижансы и скрывала захваченныя деньги. Въ то время, чрезъ каждые три мѣсяца, совершалась пересылка денегъ между различными провинціальными казначействами. Сборщики податей изъ Сенъ-Ло, Алансона, Евре, отправляли деньги въ Каанъ. Зная, въ какой часъ телѣга съ деньгами должна проѣхать чрезъ извѣстное мѣсто, Сентъ-Арну со своей шайкой, составленной изъ различныхъ подонковъ, которыхъ онъ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ имѣлъ на полномъ содержаніи,— нападалъ на почту и грабилъ, при чемъ Каролина всегда присутствовала при подобныхъ сценахъ. Наконецъ, все раскрылось, и Сентъ-Арну былъ схваченъ. Это дѣло произвело большой шумъ, и Каролина призналась во всемъ матери. Маркиза тотчасъ-же покинула замокъ, но увѣренная дочерью, что Сентъ-Арну дѣйствовалъ совмѣстно съ д'Анпэ, возвратилась обратно и даже взялась за пересылку захваченныхъ денегъ. Возвратившись, она узнала, что Каролина обманула ее относительно д'Анпэ. Дѣло пошло своимъ порядкомъ, и вскорѣ вся банда была арестована, а съ нею маркиза и Каролина. Сентъ-Арну былъ разстрѣлянъ, а Каролина приговорена къ смертной казни. Желая спасти себя, она унизилась до связи съ жандармомъ, но этимъ себя окончательно погубила. Казнь она перенесла стойко, твердо и даже сама положила голову на плаху. Шестидесятилѣтняя маркиза Камбрэ была приговорена къ заключенію въ кандалы на двадцать два года. Она сохранила даже въ тюрьмѣ свое величіе и авторитетъ: ни потеря дочери, ни разореніе -ничто не сломило ея твердости. Что касается д'Анпэ,

то онъ тоже погибъ, преданный своей любовницей, Вобандъ. Она была страстная роялистка и самая ужасная личность изъ всей компаніи. Разведясь съ мужемъ, она повела разсѣянную и безпорядочную жизнь, вскорѣ туалеты и празднества запутали ее въ долгахъ. Она сблизилась съ императорскимъ сенаторомъ, который, желая угодить Фушэ, уговорилъ ее выдать ея любовника д'Ашэ, за что Фушэ, по его словамъ, уплатитъ ея долги. Она согласилась, но просила не вмѣшиваться въ это дѣло, а лишь дать въ ея распоряженіе одного жандарма. Сказавъ д'Ашэ, что она устроила его бѣгство въ Англію, Вобандъ выманила его изъ тайнаго жилища и когда онъ вышелъ въ лѣсъ, чтобы отправиться на пароходъ,—его разстрѣляли. Такъ кончилъ жизнь послѣдній шуанъ. Маркиза Камбрэ была всѣхъ счастливѣе, она дождалась паденія имперіи,—ея мечта сбылась. Людовикъ XVIII освободилъ ее изъ тюрьмы, и она была представлена ко двору. Даже въ восемьдесятъ лѣтъ маркиза держалась величественно, не горбясь, носила въ волосахъ лилію и не отказывалась посѣщать празднества въ префектурѣ. Она не покидала болѣе своего таинственнаго замка, гдѣ и умерла 83 лѣтъ.

— Столѣтіе Новалиса. Недавно Германія праздновала столѣтіе своего любимаго поэта-романтика Гарденберга, болѣе извѣстнаго по псевдониму «*Новалиса*». По этому случаю Морисъ Мюрэ разсказываетъ [1]) въ одномъ изъ декабрьскихъ нумеровъ «Journal des Débats: Revue hebdomadaire» его интимную жизнь. Гарденбергъ родился въ 1772 году и, получивъ домашнее религіозное воспитаніе въ Іенѣ, познакомился съ Шиллеромъ и Рейнгольдомъ. Вращаясь въ кругу романтиковъ Тика и Шлегеля, онъ также изучалъ философію Фихте. Его прозвали пророкомъ романтической школы, и онъ старался слить въ одно цѣлое жизнь, поэзію и религію. Его романъ «Генрихъ фонъ-Офтердингенъ» трудно понимаемъ, благодаря многочисленнымъ символамъ, трудно уловимымъ и расплывчатымъ, хотя основательнымъ. Въ немъ онъ задумалъ представить духъ всѣхъ временъ и народовъ, но хорошо задуманная задача не удалась. Онъ идеализировалъ предметъ своей страсти подъ названіемъ «маленькаго голубого цвѣточка», и въ главныхъ своихъ произведеніяхъ воспѣвалъ въ этомъ изображеніи рано умершую невѣсту, Софію Кюнъ. Новалисъ—послѣдній поэтъ платонической любви. «Земная любовь къ Софіи мало-по-малу возвышалась и очистившись преобразовалась», въ то же время, какъ матеріальный образъ покойной исчезалъ вдали, замѣняя въ воспоминаніи свои прекрасныя черты идеей любви, красоты и возвышенными формами, которыя не что иное, какъ цѣломудріе. Данте и Петрарка дали этой идеѣ безсмертно-поэтическое воплощеніе. Въ настоящее время только Новалисъ можетъ быть сравненъ съ ними. Фогаццаро въ своей конференціи относительно «Великихъ поэтовъ въ будущемъ» указалъ на громадную роль, какую играла въ поэзіи «влюбленная идеализація женщины» въ пользу «высшаго человѣческаго элемента», и умолялъ новѣйшихъ поэтовъ возстановить эту благородную формулу. «Маленькій голубой цвѣточекъ», т. е. Софія Кюнъ, не представляла, въ сущности, со-

[1]) La petite fleur bleue. Par Maurice Muret. «Journal des Débats. Revue hebdomadaire». 13 decembre 1901.

бою ничего особеннаго. Она была самая незначительная личность, но Новались, какъ поэтъ, видѣлъ во всемъ то, что хотѣлъ видѣть, и ничтожную хорошенькую дѣвушку превратилъ въ божественную музу. Эта разница поразительна, когда сравниваешь Софію Кюнъ съ «маленькимъ голубымъ цвѣточкомъ». Молодой студентъ познакомился съ ней случайно въ ея семьѣ во время одной прогулки въ Гренингенъ. Семья состояла изъ отца, матери, француженки-гувернантки и цѣлой саранчи дѣвочекъ, одна красивѣе другой. Мать блестѣла въ свое время красотою, а отецъ—дворянинъ, деревенскій житель, былъ не высоко развитой человѣкъ, но онъ очаровывалъ всѣхъ своимъ добрымъ нравомъ, веселостью и, въ особенности, величественнымъ безразличіемъ, съ какимъ онъ допускалъ сосѣднюю молодежь любезничать съ его дѣтьми. Однимъ словомъ, это была самая веселая семья во всемъ округѣ, и молодые люди, не избалованные въ то время весельемъ, цѣнили эту добродѣтель болѣе всего. Зловѣщіе слухи изъ Франціи достигали, конечно, и нѣмецкихъ дворянъ, но нисколько не портили ихъ расположенія духа. Въ Гренингенѣ попрежнему веселыми взрывами смѣха изгонялись всѣ черныя мысли; столъ былъ открытъ для всѣхъ, и молодежь весь годъ предавалась невиннымъ, но опаснымъ играмъ, а вечеръ заканчивался обычнымъ вальсомъ. Софіи было въ это время тринадцать лѣтъ. Молодой Гарденбергъ былъ очарованъ граціей и красотой молодой дѣвушки и рѣшилъ, что ни на комъ не женится, кромѣ нея. По нѣмецкому обычаю они обмѣнялись кольцами, невзирая на юный возрастъ невѣсты, хотя свадьба была отложена надолго, что, однако, не отнимало у него права свободно ухаживать за нею. Благодаря своему положенію жениха, онъ могъ провести вакаціи въ семьѣ Кюна, тѣмъ болѣе, какъ романтикъ, онъ находился подъ вліяніемъ Рима и восторгался Игнатіемъ Лойолой, презирая Лютера, вслѣдствіе чего былъ не въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ своими родными, ярыми послѣдователями Лютера. Свободное отъ свиданій съ невѣстою время онъ посвящалъ ученію. Для скорѣйшаго осуществленія плана женитьбы онъ готовился на довольно прозаическую дорогу инженера ,которую быстро сдѣлалъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ занимался метафизикой. «Въ сущности,—говорилъ онъ,—мой предпочитаемый предметъ изученія носитъ одинаковое съ моею невѣстою имя: Софія (мудрость)». На любовь такого человѣка, какъ Новались, Софія Кюнъ не отвѣчала любовью. Она допускала своего поэта убаюкивать себя золотыми рѣчами, не понимая ихъ хорошо, такъ какъ это была бѣдно одаренная способностями дѣвушка. Ея дневникъ лучше всего рисуетъ ея умственный кругозоръ и отношенія къ Новались. 6-го января 1795 года она писала: «Юстъ проѣхалъ въ Лейпцигъ, и Гарденбергъ его провожалъ, затѣмъ возвратился». Среда 7-го: «Сегодня Гарденбергъ рано уѣхалъ верхомъ». Воскресенье 11-го: «Прогулка въ Заксенбергъ. Гарденбергъ поѣхалъ съ нами. Мнѣ никакого не было удовольствія». Послѣдняя фраза прекрасно характеризуетъ ея отношенія къ поэту. Но ему не пришлось разочароваться: совершенно непредвидѣнная болѣзнь печени унесла ее чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ могилу. Желая спасти молодую дѣвушку, ее отправили въ Іену для операціи, но перенеся стойко страданія, она умерла. Три дня плакалъ и метался Новались, отказываясь отъ пищи, не внимая утѣшеніямъ и убѣжденный, что въ концѣ года по-

слѣдуетъ за Софіей. Но прошли года, а Новалисъ жилъ: воспоминаніе о покойницѣ приняло форму поэзіи. Въ «Офтердингенѣ» онъ рисуетъ себя въ образѣ Генриха и его слова: «Я мечтаю о тебѣ, которую я любилъ на землѣ!.. Ты умерла, и протекъ еще часъ страданій. Затѣмъ я послѣдовалъ за тобою», оправдались и 25-го марта 1801 года его не стало. Онъ умеръ отъ чахотки 29-ти лѣтъ. Но поэтъ измѣнилъ «маленькому голубому цвѣточку»: онъ обручился съ дочерью одного изъ своихъ друзей—Юліей Шарпантье, но за эту невѣрность былъ наказанъ смертью.

— Отецъ Виктора Гюго. До сихъ поръ еще не существовало біографіи отца Виктора Гюго, генерала Гюго, и только въ одной изъ февральскихъ книжекъ «La Nouvelle Revue» Э. Гано помѣстилъ статью, составленную по собраннымъ въ архивѣ военнаго министерства документамъ. Въ метрическомъ свидѣтельствѣ генерала Гюго значится: «Жозефъ-Леопольдъ-Сигисбертъ, законный сынъ Жозефа Гюго, столяра, и Жанны-Маргариты Мипо, прихожанъ Сентъ-Эпиръ де-Нанси, родился въ 11¼ ч. вечера 15-го ноября 1773 года и былъ крещенъ 16-го того же мѣсяца». Сигисбертъ, такъ же, какъ и отецъ, изучалъ столярное ремесло, но когда онъ отправился въ обычное тогда для рабочихъ путешествіе по Франціи, то прельстился военнымъ мундиромъ, который онъ вскорѣ снялъ по случаю распущенія полка. Во время революціи онъ снова взялся за оружіе, и въ 1814 году онъ дослужился до чина бригаднаго генерала и командовалъ въ Тіонвилѣ, во время осады. Военная карьера его была не изъ легкихъ: онъ участвовалъ во многихъ походахъ и перенесъ тяжелыя испытанія при переходахъ между Неаполемъ и Испаніей. Онъ не видѣлъ ни аустерлицкой, ни іенской битвы, но сражался не безъ достоинства, вдали отъ Наполеона, имѣя непріятелями людей, отстаивавшихъ, во что бы то ни стало, своего короля. Находясь при Моро на Рейнѣ, до и послѣ Гогенлиндена, Гюго навлекъ на себя гнѣвъ Наполеона. Если бы не Іосифъ Бонапартъ, онъ, безъ сомнѣнія, вернулся бы домой во время консульства, довольствуясь скромнымъ существованіемъ. Но время вылѣчило его непріязнь къ Наполеону, и въ 1815 году онъ предпочелъ Наполеона, возвратившагося съ острова Эльбы, — Людовику XVII. Три больше праздника были въ его жизни: его прекрасное поведеніе въ Кальдіеро въ 1805 году, допросъ Фра-Діаволо, захватъ котораго онъ приписываетъ себѣ, и защита Тіонвиля во время нашествія союзниковъ въ 1814 и 1815 годахъ. Въ первомъ случаѣ его поведеніе былъ смѣлое. Когда французская армія была оттѣснена, и Гюго овладѣлъ деревней Кальдіеро, гдѣ продержался, несмотря на усилія непріятеля,—четыре часа. Такимъ образомъ дѣло приняло другой оборотъ, и французская армія овладѣла полемъ сраженія. Однако, на другой день послѣ сраженія, въ которомъ Гюго выказалъ героизмъ, его не сдѣлали полковникомъ. Въ своихъ мемуарахъ онъ даетъ только неясное резюме военныхъ событій, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ. Но онъ напрасно приписываетъ себѣ взятіе Фра-Діаволо. Во Франціи вѣрили его разсказу, и Скрибъ, составляя оперу «Фра-Діаволо», оркестровкой которой занялся Оберъ, обратился къ Виктору Гюго за справками

[1]) Le général Hugo; par Э. Гано «La Nouvelle Revue», 1 février, 1902.

относительно знаменитаго главы партизановъ. Но авторъ статьи сообщаетъ совершенно иныя подробности о Фра-Діаволо. Источникомъ для нихъ служили: итальянскіе архивы и тѣсныя отношенія съ итальянскими историками. Онъ увѣряетъ, что эти подробности совершенно точны, но неизвѣстны во Франціи. По его словамъ, Фра-Діаволо, или Микаэло Пецца, какъ его называли (il bello micaèlo), бригадиръ-курьеръ въ арміи короля Фердинанда, въ 1798 году, вернулся въ свою деревню, гдѣ былъ прежде рабочимъ-шапочникомъ. Онъ задумалъ играть роль кардинала Руффо, но никогда не былъ разбойникомъ на большихъ дорогахъ, какъ его представилъ Скрибъ. Краснорѣчивый, убѣдительный и въ то же время жестокій, онъ поклялся въ 1806 году предъ ликомъ Мадонны изгнать изъ Неаполитанскаго королевства французовъ, явившихся лишить престола короля. Послѣдній, восторгаясь его храбростью или вѣрнѣе фанатизмомъ сдѣлалъ изъ крестьянина герцога Кассано. Онъ облекъ его чрезвычайной властью и пожаловалъ ему право обращаться, какъ съ равнымъ, съ начальникомъ британской эскадры. Во все время осады Гаэты Фра-Діаволо (или братъ—Діаволъ, прозвище, данное ему, благодаря его ночнымъ подвигамъ) оказалъ важныя услуги принцу Гессенъ-Филиппштадтскому, командовавшему крѣпостью. Послѣ подписанія капитуляціи онъ покинулъ Гаэту, одѣтый погонщикомъ муловъ и поселился въ горахъ. Отдохнувъ, Фра-Діаволо снова появился между Вальтурной и Римскими владѣніями. Англійскій флотъ давалъ ему провіантъ и очень часто убѣжище. Одинъ капитанъ, состоявшій адъютантомъ при главномъ штабѣ, Амира, въ своемъ рапортѣ 9-го сентября 1806 года доносилъ, между прочимъ новому неаполитанскому королю: «Сидней Смитъ, командиръ эскадры, назначенной произвести высадку и организовать народныя массы, облеченъ полной властью Фердинандомъ, или, вѣрнѣе Каролиной. Онъ всегда окруженъ начальниками разбойничьихъ шаекъ, съ которыми производитъ различныя операціи; съ нимъ много денегъ, и онъ щедро бросаетъ ихъ, чтобы подкупить шайки убійцъ, напримѣръ: Фра-Діаволо, Пане-ди-Гране, Карбанари и другихъ. Даже англичане не уважаютъ Смита, понимая, что его роль не дѣлаетъ чести ихъ родинѣ». Фра-Діаволо и Смитъ—два непріятеля, которые будутъ сражаться противъ господства французовъ—такъ было рѣшено во Франціи. Наполеонъ оцѣнилъ ихъ головы, справляясь ежедневно у министра Дежана о результатѣ ихъ преслѣдованія, а Іосифъ послалъ нѣсколько отрядовъ солдатъ по слѣдамъ главы партизановъ. Французскіе рапорты даютъ возможность прослѣдить каждый шагъ Фра-Діаволо. Во всѣхъ этихъ рапортахъ не встрѣчается имени батальоннаго командира Гюго. Начальниками четырехъ группъ, отправленныхъ съ цѣлью преслѣдованія Фра-Діаволо, были: Эспань, Кавеньякъ, Форестье и Тома. Іосифъ Бонапартъ, покровительствуя Гюго, хотѣлъ выдвинутъ его предъ Наполеономъ и не упустилъ случая указать на него, какъ на иниціатора въ дѣлѣ поимки Фра-Діавола. Въ своихъ воспоминаніяхъ Гюго наивно говоритъ въ доказательство своего участія во взятіи Фра-Діаволо: «Чтобы не потерять слѣдъ Фра-Діаволо, мы спрашивали пастуховъ, которые намъ всегда указывали, гдѣ былъ Пецца». Это невѣроятно: никакой пастухъ или крестьянинъ не рѣшились бы на это, рискуя впослѣдствіи заплатить своею головой. 28-го октября Фра-Діаволо былъ близко окруженъ егерями Форестье; онъ прятался въ каштано-

вомъ лѣсу, въ дуплѣ дерева и цѣлые три дня питался фруктами; затѣмъ укрылся въ хижинѣ пастуха, хозяинъ которой былъ въ отсутствіи. Наконецъ 1-го ноября онъ пустился отважно по тропинкѣ, ведущей къ городу Баронези. Вечеромъ, онъ встрѣтилъ двухъ людей, подозрительнаго вида, которые сказали ему: «Фра-Діаволо—подлецъ, онъ измѣнилъ своимъ братьямъ по оружію». Не желая выдавать себя, Пецца отвѣтилъ: «Фра-Діаволо честный, но онъ покинутъ своими людьми». Одинъ изъ путниковъ спросилъ: «Ты на сторонѣ измѣнниковъ?» Видя что на него направляется кулакъ, онъ вынулъ пистолетъ и выстрѣлилъ въ своего противника. Пуля пролетѣла мимо. Тогда оба путника исколотили его и обобрали. Фра-Діаволо дотащился до какой-то хижины, гдѣ его пріютили. 3-го ноября опухоль отъ ранъ заставила его страшно страдать и безпокоиться. Въ одномъ кителѣ и опираясь на палку, онъ явился къ аптекарю въ Баронези, прося у него, какъ милости, лѣкарства. Но на улицѣ его встрѣтилъ смотритель солянаго акциза и предупредилъ городскую полицію: четверо солдатъ явилось въ аптеку и потребовали у Пецца бумаги. Онъ не могъ ихъ представить. Его арестовали и отправили на гауптвахту, которой командовалъ начальникъ эскадрона Фаринъ. Денщикъ Фарина неаполитанецъ Навезъ призналъ въ немъ Фра-Діаволо, и онъ былъ отправленъ закованный въ цѣпи въ Салерно, затѣмъ въ Неаполь, гдѣ его судили военнымъ судомъ, и за вооруженное разбойничество и бунтъ противъ короля онъ былъ 10-го ноября приговоренъ къ повѣшенію. Сигисбертъ Гюго видѣлъ его только одинъ разъ, 8 ноября, въ неаполитанской тюрьмѣ. Ему поручилъ король допросить Пеццу о томъ, какъ онъ доставалъ себѣ помощь въ Кампаніи, и добиться, чтобы онъ назвалъ имена его сообщниковъ въ Салерно. «Обвиненный лежалъ въ глубинѣ темнаго каземата,—говоритъ Гюго,—его вытянутыя руки были закованы; когда мы вошли, онъ перебиралъ лѣвой рукой четки. Тотчасъ смотритель тюрьмы вышелъ. Гюго, взявъ фонарь, освѣтилъ лицо узника, которое было очень блѣдно, и разговоръ завязался.—«Фра Діаволо, я принесъ тебѣ средство спасти твою голову»,—сказалъ Гюго. Микело Пецца взглянулъ на него съ ненавистью и отвѣтилъ: «Кто ты, что говоришь со мною такимъ образомъ?» —«Я командиръ!—«Тогда я выше тебя; я—генералъ, главнокомандующій арміей его католическаго величества короля Фердинанда, да хранитъ его Богъ. Приказываю тебѣ оставить меня въ покоѣ и выйти отсюда!» Гюго протестовалъ.—«Но я съ порученіемъ отъ короля Іосифа!»—«Э, я не знаю никакого короля Іосифа. Что отъ меня хочетъ этотъ Іосифъ?»—«Онъ сожалѣетъ тебя». Фра-Діаволо страшно потрясъ цѣпями: «нѣтъ, я не хочу его сожалѣній. Якобинцы меня повѣсятъ. Я приготовляюсь къ смерти, прося Аронскую Богородицу открыть мнѣ путь отъ висѣлицы до неба».—«Тебѣ достаточно назвать твоихъ салернскихъ сообщниковъ». Пецца нахмурился и воскликнулъ. «Отъ меня требуютъ подлости, я не измѣнникъ». И онъ произнесъ съ жаромъ на неаполитанскомъ народномъ нарѣчіи: «Святая Аронская Богородица, уничтожь французовъ!» Гюго вышелъ и передалъ королю объ отказѣ Фра-Діаволо. Тѣмъ и окончилась исторія Фра-Діаволо, и онъ былъ повѣшенъ. Затѣмъ Гюго сопровождалъ своего покровителя Іосифа Бонапарта изъ Неаполя въ Мадридъ. Послѣ нѣсколькихъ сраженій съ Веллингтономъ и осады Сарагоссы и Витторіи, коалиція изгнала изъ Испаніи короля и

Жарди; на другой день одна революціонная газета объявила, что Бальзакъ былъ соціалистомъ, а «Libre parole» выставила его антисемитомъ. Несмотря на многочисленные коментаріи, которые породила его «Человѣческая комедія», политическія идеи знаменитаго писателя оставались мало извѣстными. Все затрудненіе состояло въ томъ, что вопросъ старались разрѣшить посредствомъ его романическихъ произведеній. Теперь Габріэль Ферри рѣшилъ его очень просто, прибѣгнувъ къ избирательнымъ программамъ Бальзака въ качествѣ кандидата на парламентскихъ выборахъ. «Въ «Revue politique et parlementaire», 10 декабря появилась статья [1]) Г. Ферри относительно этого вопроса. Оказывается, что Бальзакъ всю жизнь желалъ сдѣлаться государственнымъ человѣкомъ, и на другой день послѣ революціи 1830 года онъ поставилъ свою кандидатуру разомъ въ Ангулемѣ и Камбрэ. Онъ всегда выказывалъ себя либераломъ, жаждавшемъ политическаго прогресса, и даже соціалистомъ на пользу неимущихъ классовъ. Онъ безпощадно осуждалъ партіи въ цѣлой серіи газетныхъ хроникъ, озаглавленныхъ: «Письма о Парижѣ». Въ ноябрѣ 1830 года онъ писалъ г-жѣ Карро: «Я вижу повсюду—страсть и нигдѣ разсудка... Не обвиняйте меня въ не патріотизмѣ, потому что мой разумъ побуждаетъ меня разочаровываться въ людяхъ и событіяхъ». Его брошюра: «Изслѣдованіе о двухъ министерствахъ», подписанная: «Бальзакъ, избираемый избиратель», раздавалась въ двухъ округахъ. Въ ней онъ преслѣдовалъ министерства Лафита и Казимира Перрье; въ своей программѣ онъ объявилъ, что никогда не продастся правительству, и требовалъ уничтоженія дворянства, отдѣленія духовенства отъ Рима, природныхъ границъ Франціи, т. е. береговъ Рейна, совершеннаго равенства среднихъ классовъ, признанія превосходства способности, экономіи въ расходахъ, увеличенія сбора податей лучшимъ ихъ распредѣленіемъ, наконецъ—всеобщаго образованія. Эта программа довольно банальна, но дополненная «Письмами о Парижѣ», она достаточна для политической классификаціи Бальзака. Бальзакъ принадлежалъ къ конституціонной оппозиціи. Съ подобной программой Беррье былъ торжественно выбранъ, а Бальзакъ не имѣлъ успѣха. Далеко не желая возвращенія Генриха V, которое онъ считалъ невозможнымъ, Бальзакъ отдалился отъ Шатобріана и другихъ легитимистовъ, по его мнѣнію, противниковъ внутренняго спокойствія. Онъ признавалъ монархію въ лицѣ Луи-Филиппа скорѣе изъ дружбы къ нѣкоторымъ личностямъ, чѣмъ по личному вкусу. Но эта преданность къ королю не мѣшала ему присоединяться ко всѣмъ требованіямъ партіи либераловъ. Его «Изслѣдованіе о двухъ министерствахъ» не завоевало ему избирателей, и они подали голоса за другихъ двухъ кандидатовъ. Въ томъ же году онъ окончилъ «Шагреневую кожу», а въ слѣдующемъ «Деревенскаго доктора», ихъ литературнымъ успѣхамъ онъ утѣшился отъ неудачи. Однако Бальзакъ не покинулъ окончательно политики и, купивъ журналъ «Хроника Парижа», онъ выставилъ въ первыхъ строчкахъ свою программу «либеральную и прогрессивную», въ которой первое мѣсто занимали

[1]) Balsac candidat à la députation. Ses idées politiques (1834—1848), par Gabriel Ferry. «Revue politique et parlementaire». 10 decembre 1901.

гражданское равенство, свобода печати и торговли. Революція 1848 года была для него катастрофой. Какъ на большую часть его друзей, паденіе Луи-Филиппа произвело и на него горестное впечатлѣніе, а провозглашеніе республики и всеобщая подача голосовъ пугали его, какъ большую часть либераловъ. Къ этимъ нравственнымъ заботамъ присоединилось еще жестокое денежное затрудненіе и въ то время, какъ Викторъ Гюго, Александръ Дюма и другіе выставили свою кандидатуру на выборы, Бальзакъ безпокойный, растерявшійся, сослался на старость, чтобы не вмѣшаться въ политическую борьбу. Однако, одинъ клубъ «Всемірное братство» занесъ его въ реестръ кандидатовъ; онъ отвѣтилъ, что принимаетъ полномочіе, но находитъ безполезнымъ выставлять свою программу: «Есть люди,—сказалъ онъ,—которыхъ будутъ искать избиратели, а есть и такіе, которые сами ищутъ избирателей, и они должны опредѣлить свою политическую программу. Что до меня, если я вовсе не принадлежу моими литературными работами къ девятистамъ лицъ, представляющихъ въ нашей странѣ образованный классъ, или общественную силу, или богатство торговли, или знаніе законовъ, то баллатировка мнѣ это скажетъ». Во второй разъ общая подача голосовъ доказала Бальзаку, что народная подача голосовъ охотно не признаетъ «превосходство способныхъ людей», и только семьдесять два голоса высказались за него. Но, благодаря недовѣрію остальныхъ, на свѣтъ появилась «Человѣческая комедія». Когда послѣ іюньскихъ дней г-жа Жирарденъ напала на генерала Кавеньяка въ «La Presse» Бальзакъ отдалился отъ своей старой пріятельницы. Эта осторожность въ подобныхъ обстоятельствахъ была послѣднимъ выраженіемъ его политическихъ убѣжденій. Викторъ Гюго правильно выразился о немъ его другу Лемеру: «У этого великаго человѣка были мозгъ и сердце демократическіе. Монархическое было у него только воображеніе». Впрочемъ лучшее понятіе о политическихъ идеяхъ Бальзака дастъ его статья, недавно перепечатанная: «О современномъ правительствѣ». Между прочимъ онъ говоритъ: «Непосредственный результатъ представительнаго правительства—это дать въ руки власть министерству, подверженному безпрестаннымъ спорамъ. Эта система не мѣшаетъ странѣ имѣть дворъ и куртизанокъ—два вѣчные бича, на которые вѣчно жалуется народъ. Продлите Казимиру Перье десять лѣтъ жизни, силъ и министерство, и вы найдете маленькаго Ришелье, безъ порфиры, низменнаго тирана, но окруженнаго своими хранителями, льстецами, словомъ конституціонную имперію, наряженную въ маску законности. Партія царедворцевъ является вездѣ, гдѣ возникаетъ власть. Конституціонный министеріализмъ не выходитъ изъ этой дилеммы: гдѣ нація подвергнется долгое время деспотизму талантливаго человѣка, она снова найдетъ королевское достоинство, только подъ другой формой и безъ наслѣдственныхъ преимуществъ, и ей придется періодически уплачивать неслыханные долги, или нація часто будетъ мѣнять министровъ, и тогда ея благоденствіе будетъ физически невозможно, такъ какъ нѣтъ ничего болѣе гибельнаго въ администраціи, какъ измѣненія системъ. Каждый министръ имѣетъ свою систему и, какъ случается въ природѣ, самый ничтожный человѣкъ полагаетъ ее создать—худую или хорошую. При томъ кратковременный министръ не сумѣетъ отдаться разомъ

интригамъ, необходимымъ для своего поддержанія и дѣламъ государства. Онъ достигаетъ власти, какъ путешественникъ, выходитъ изъ затрудненій займомъ и увеличиваетъ государственный долгъ, удаляясь часто въ тотъ моментъ, когда онъ узналъ кое-что изъ правительственной науки. Въ данное время государственный долгъ, этотъ балансъ глупостей, наростаетъ. Банкротство приближается. Только оно дѣлается отъ имени всѣхъ вмѣсто того, чтобы быть отъ одного лица, и придетъ день во время этой системы, когда капиталисты будутъ въ родѣ вельможъ, противъ которыхъ страдающій народъ придумаетъ какія нибудь странныя казни. Доходъ будетъ привилегіей легкомыслія, ненавидимый, какъ дворянство въ 1790 году. Какому фатальному инстинкту повиновался народъ, желая управлять самъ собою? Это понятно было въ маленькихъ средневѣковыхъ общинахъ, но въ современномъ большомъ государствѣ—это невозможно. Для выполненія великихъ дѣлъ необходима единственная и центральная власть. Разсѣянная власть конституціонной монархіи не можетъ ничего произвести: если страна должна защищаться національной гвардіей, къ чему же армія? Если представителемъ страны является только единственная палата, такъ какъ пэры есть только принадлежность избирательной палаты и пляшутъ подъ дудку депутатовъ,—къ чему же король? Онъ только стѣснителенъ, потому что для всѣхъ образованныхъ людей конституціонное правительство принуждено измѣнить свою природу, когда палата разумная и сильная, или сдѣлать чахлой націю, если собраніе составлено изъ ничтожествъ. Оно ведетъ или къ деспотизму, или къ разрушенію. Съ революціи 1789 года условія измѣнились, но въ сущности предметъ правленія не измѣнился. Онъ опирается теперь на три элемента: на массу нищихъ и невѣждъ, массу среднихъ и массу аристократовъ. Въ послѣднюю входятъ выдающіеся люди, созданные деньгами, властью и образованіемъ. Эти три класса—вѣчные базисы націи, и теперь, чтобы установить совершенное, долгосрочное правительство, надо удовлетворить идеи, а также интересы, ибо массы имѣютъ только эти два выраженія. Слѣдовательно, пусть будетъ монархическое правленіе или совершенно демократическое, власть, будучи непрерывнымъ сочетаніемъ интересовъ и идей управляемыхъ массъ, должна быть единой и сильной, такъ какъ она само дѣйствіе этой массы, и что нѣтъ возможнаго дѣйствія съ ограниченіемъ. Учреждать слабое правительство—это допустить необходимость принципа и отвергать его. Такимъ образомъ предстоятъ лишь бури».

— Мемуары Дюрюи. Въ 1888 году, извѣстный французскій историкъ и министръ народнаго просвѣщенія при Наполеонѣ III, Дюрюи, рѣшился, несмотря на свой семидесятилѣтній возрастъ, написать воспоминанія о своей жизни, современныхъ событіяхъ и своей плодотворной дѣятельности [1]). Трудъ этотъ длился до 1892 г., а напечатать его онъ предоставилъ своимъ наслѣдникамъ. Дюрюи посвятилъ свое послѣднее произведеніе младшему сыну, въ то время мальчику четырнадцати лѣтъ. «Я хочу,—писалъ онъ,—разсказать тебѣ мою публичную и литературную жизнь, чтобы ты могъ въ одинъ прекрасный день сказать своимъ дѣтямъ: «Мой отецъ былъ хорошій слуга своей страны, и

[1]) Notes et souvenirs (1811–1894), par Victor Duruy. 2 vol. Paris. 1901.

онъ внесъ въ свой домъ честь: будемъ поступать, какъ онъ». Наконецъ, его произведеніе вышло въ свѣтъ и вполнѣ оправдало его слова. Дюрюи смѣло могъ отдать на судъ публикѣ свою любовь къ родинѣ, семейному очагу и дѣятельности по народному образованію. Въ его книгѣ находятся документы, свидѣтельствующіе объ его дѣятельности, результаты задуманныхъ проектовъ для улучшенія университета и преподаванія, также личныя воспоминанія о годахъ, проведенныхъ въ учительской семинаріи и объ его первоначальномъ преподаваніи, о составленіи исторій Греціи и Рима, а также объ осадѣ Парижа и вступленіи въ академію. Но это занимаетъ лишь часть воспоминаній. Двѣ трети посвящены задуманному имъ административному плану реформъ въ первоначальномъ образованіи. Проектъ закона о свободѣ высшаго преподаванія и преобразованія факультетовъ, представленный имъ въ сенатъ въ іюлѣ 1870 г., за нѣсколько дней до объявленія войны, исчезнулъ вмѣстѣ съ имперіей, но Дюрюи доказываетъ, что онъ предлагалъ большую часть реформъ, которыя съ тѣхъ поръ дали жизнь французскимъ университетамъ. Затѣмъ Дюрюи говоритъ, что, несмотря на свои самыя близкія отношенія съ императоромъ, онъ всегда сохранялъ свой либеральный характеръ. Это видно въ главѣ, посвященной императору и императрицѣ. Его первое свиданіе съ Наполеономъ въ Фонтенбло послѣ назначенія на министерскій постъ прошло очень просто. «Не было съ одной стороны поверженія къ стопамъ, ни съ другой—офиціальнаго пріема и повелительныхъ приказаній,—говоритъ Дюрюи.—На мои слова: «какимъ образомъ ваше величество могли помыслить сдѣлать изъ меня министра?» —императоръ отвѣтилъ слѣдующими нѣсколькими словами: «дѣло пойдетъ хорошо». «Вотъ всѣ инструкціи, какія я когда либо получилъ». Но зато министръ на слѣдующій день послѣ своего назначенія написалъ императору письмо, въ которомъ онъ доходилъ до высшей точки относительно своего долга. Онъ объяснилъ Наполеону положеніе своего личнаго состоянія и далъ справки относительно положенія дѣтей, чтобы избѣжать подозрѣній въ непотизмѣ и личномъ интересѣ. Такимъ же онъ являлся во время осады Парижа, когда исполнялъ службу въ національной гвардіи, нося солдатскую шинель съ брилліантовой звѣздой Почетнаго Легіона на груди, и такимъ же представляется намъ въ своихъ мемуарахъ. «Я не взбираюсь на пьедесталъ,—пишетъ онъ,—на который я желалъ бы попасть. Я удовольствуюсь представить документы, согласно которымъ обо мнѣ будутъ судить». Удивительно, какъ Дюрюи, человѣкъ съ либеральными взглядами, могъ быть министромъ Наполеона III, не измѣняя характеру своихъ принциповъ. Онъ часто говорилъ съ императоромъ въ рѣзкой формѣ и на вѣжливые вопросы Наполеона отвѣчалъ далеко не любезно. Въ первомъ же разговорѣ съ нимъ на вѣжливое замѣчаніе императора относительно его трудовъ онъ возразилъ: «Эта сила была бы полезна, если бы ее прикрывала офиціальная должность. Университетъ объ этомъ не мечталъ, но чрезъ нѣсколько времени онъ объ этомъ подумаетъ». Наполеонъ не сердился на него и прозвалъ его «дикимъ». Одно время, когда Дюрюи помогалъ ему въ составленіи «Исторіи Цезаря», онъ даже хотѣлъ взять его къ себѣ въ

[1]) Notes etsouvenirs (1811—1884) 2 vol; par Duruy. Paris 1901.

секритари, но во время одумался, такъ какъ эта должность вовсе къ нему не подходила, тогда какъ министерскій постъ гораздо болѣе соотвѣтствовалъ его способностямъ. Покинулъ же онъ министерство за годъ до франко-германской войны, благодаря интригамъ клерикаловъ. Ярый ихъ антагонистъ, онъ говорилъ, что христіанство—поддержка слабыхъ и невѣждъ, а когда императрица предлагала ему при выходѣ изъ церкви въ Сенъ-Клу святой воды, онъ прямо отказывался. Уже близкій къ смерти Дюрюи говорилъ, что если его похороны должны быть согласно религіозному обряду, то только изъ привычки, освященной обычаемъ.

— Бисмаркъ, какъ музыкантъ. Робертъ Кёделль, бывшій германскій посланникъ въ Римѣ, недавно напечаталъ въ Берлинѣ свои воспоминанія объ интимной жизни Бисмарка, начиная съ 1846—1872 гг. Кёделль, прежній совѣтникъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ Берлинѣ, въ продолженіе двадцати шести лѣтъ былъ довѣреннымъ другомъ и «музыкантомъ» Бисмарка [1]). Въ тотъ день, когда онъ замѣтилъ, что его музыка не интересуетъ болѣе Бисмарка (1872), онъ рѣшилъ не оставаться долѣе «за своей безполезностью» и попросилъ посольскій постъ. По этому поводу онъ говоритъ: «Если бы канцлеръ остался чувствителенъ къ моей музыкѣ, то я не поѣхалъ бы за границу». Онъ, между прочимъ, жалуется, что Бушъ—тоже близкій человѣкъ къ Бисмарку—наклеветалъ на него, будто бы онъ, Кёделль, оставилъ дефицита 80.000 талеровъ по дѣламъ прессы, порученные ему Бисмаркомъ, которые онъ роздалъ безъ спеціальнаго разрѣшенія на пенсіи различныхъ писателей, и что онъ также мало блестѣлъ посланникомъ въ Римѣ, какъ совѣтникомъ въ Берлинѣ. Когда Бисмаркъ впалъ въ немилость, то, по словамъ Буша, Кёделль прекратилъ съ нимъ переписку. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ сдѣлаться политическимъ человѣкомъ, Кёделль былъ талантливымъ піанистомъ, и въ августѣ 1846 г. онъ первый разъ встрѣтился съ Бисмаркомъ. Кёделль устроилъ музыкальный сеансъ у инструментальнаго мастера Клетинга для невѣсты Бисмарка, дѣвицы Путкамеръ, и для своихъ друзей. Прежде всего привлекъ его вниманіе баритонъ Бисмарка, пріятнаго нѣжнаго тембра, затѣмъ бѣлокурые волосы, подстриженные a la Titus, короткая борода, густыя брови, его ясные проницательные глаза и его улыбающееся лицо. Въ концѣ сонаты Бетховена на глазахъ Бисмарка блеснула слеза, при этомъ онъ замѣтилъ, что изъ всѣхъ композиторовъ Бетховенъ болѣе всѣхъ подходитъ къ его нервамъ. У него былъ прекрасный слухъ, но онъ никогда не учился пѣть, такъ какъ общество, въ которомъ онъ вращался въ юности, совсѣмъ не интересовалось музыкой. Но, несмотря на это, тонъ его голоса былъ всегда безупречно чистъ. Онъ искренно любилъ музыку и въ Берлинѣ растворялъ дверь кабинета, чтобы слышать во время работы концертъ, исполнявшійся въ залѣ; во Франкфуртѣ онъ обыкновенно углублялся въ музыку, куря свою сигару; въ Версалѣ (1870—1871 гг.) онъ слушалъ музыку, также куря послѣ обѣда, а въ Петербургѣ онъ обыкновенно слушалъ ее, читая. Будучи министромъ и канцлеромъ германскаго союза, онъ также читалъ, слушая музыку, когда находился въ залѣ, или растворивъ дверь въ кабинетъ,

[1]) Bismark und seine famille, von Këudell, Berlin. 1902.

который отдѣлялся отъ залы одной комнатой. Когда онъ сдѣлался канцлеромъ имперіи, онъ не хотѣлъ слушать музыку, потому что мелодіи его преслѣдовали ночью и мѣшали ему спать. Онъ не ходилъ въ концерты, говоря, что тѣснота мѣста и плата за билетъ портитъ ему удовольствіе; при этомъ замѣчалъ, что музыка должна даваться, какъ и любовь, даромъ. Игра въ четыре руки, трудныя и продолжительныя варіаціи ему надоѣли. Его раздражала нотная бумага, и онъ съ большимъ удовольствіемъ слушалъ играющихъ на память, или импровизацію. Кёделль зналъ его вкусъ и цѣлыми часами исполнялъ для него произведенія Баха, Шопена, Шумана и Шуберта. Въ длинные вечера 1870—1871 гг. въ Версали, которые они проводили въ салонахъ г-жи Жессé, Кёделль развлекалъ и успокаивалъ его нервы, раздраженные пушечными выстрѣлами. Впечатлѣніе, произведенное тѣмъ или другимъ мотивомъ, было не одинаковое; онъ говорилъ, что соната Бетховена въ fa mineur «даетъ воинственныя идеи. Когда я слушаю ее, то становлюсь очень мужественнымъ». Послѣ первой партіи сонаты въ mi bemol онъ замѣчаетъ: «Можно подумать, что фланируешь вечеромъ по улицамъ, выпивъ лишнюю каплю вина. Съ блаженствомъ смотришь на заходящее солнце и спрашиваешь себя: будетъ ли завтра такъ же хорошо, какъ сегодня?» Относительно capriccio въ mi Мендельсона, Бисмаркъ выражался такъ: «Можно сказать, что это пріятное путешествіе по Рейну, а въ другихъ мѣстахъ мнѣ кажется, что я вижу безпокойно бѣгущую лисицу». На другой день своего громаднаго успѣха, когда, повидимому, каждый завидовалъ ему, князь Бисмаркъ ощущалъ странную горечь: «Моя душа тоскуетъ»,—говорилъ онъ,—во всю мою долгую жизнь я никого не сдѣлалъ счастливымъ: ни друзей, ни семью, ни самого себя». Затѣмъ, перебравъ войны, причиной которыхъ былъ онъ, и тріумфъ, слѣдуемый за ними, онъ замѣчалъ: «Я изъ нихъ не извлекъ ни одной радости и теперь я чувствую, что моя душа смущена и тоскуетъ». Кёделль зналъ, что эту тоску не разсѣяли бы ни Мендельсонъ, ни Шуманъ, ни Бетховенъ. Бисмаркъ признавался своему наперснику, что пансіонъ, въ которомъ онъ воспитывался, былъ скорѣе исправительнымъ домомъ съ желѣзной дисциплиной. Но онъ свое взялъ, сдѣлавшись студентомъ, такъ какъ своей веселой жизнью, полной безумныхъ выходокъ, онъ пугалъ товарищей и мирныхъ гражданъ. Молодой Бисмаркъ былъ смѣлый наѣздникъ, страстный охотникъ, упорный танцоръ и отважный гуляка. Будучи депутатомъ въ рейхстагѣ, онъ пугалъ либераловъ своимъ лютымъ роялизмомъ и, почуявъ кровь въ безпорядкахъ, онъ иногда рычалъ, какъ левъ, называя палату собраніемъ «головастиковъ». «Люди,— говорилъ онъ,—все-таки глупѣе, чѣмъ я думалъ». Онъ презиралъ свѣтъ и иногда производилъ впечатлѣніе мизантропа, говоря: «Ничто не можетъ сравниться съ дѣвственными лѣсами, гдѣ не видна человѣческая рука». Въ 1842 г. онъ сказалъ знаменитую фразу, что объединеніе Германіи можетъ быть достигнуто только «желѣзомъ и кровью», которую одно высокопоставленное лицо назвало «выходкой слишкомъ плотно позавтракавшаго человѣка». Сознавая свое превосходство, онъ ненавидѣлъ сотрудниковъ, желалъ знать все самъ и высказать обо всемъ свое мнѣніе. При этомъ не прощалъ никакой ошибки своимъ агентамъ и обращался за это съ ними дурно. «Полезно для всѣхъ,—говорилъ онъ,—чтобы я сердился, время

отъ времени, это придаетъ больше яда къ памфлету». Онъ не подписалъ ни одного [illegible] и не жертвовалъ [illegible] впечатлѣнію, при чемъ не любилъ, чтобы его громко одобряли, а постоянно отвѣчалъ обыкновенно по-русски [illegible]. Его жена признавала, что у него не было ни одного истиннаго друга. Что касается къ его [illegible], то они были самые преданные [illegible]. По ея словамъ, они страдали только [illegible] разлучались. Тревожная жизнь, начинавшаяся съ девяти часовъ утра до часу ночи, сдѣлала его больнымъ, [illegible] ему жестокія невралгическія боли и онъ говорилъ: «Фаустъ жаловался, что у него внутри двѣ души. У меня ихъ сорокъ, цѣлая толпа, и это такая сумятица, какъ въ республикѣ».

Мемуары императрицы Евгеніи. Недавно Жанъ Бонефонъ сообщилъ въ «Journal», что императрица Евгенія занята составленіемъ своихъ «Мемуаровъ»[1]. Онъ увѣряетъ, что императрица для этой цѣли пріѣзжаетъ въ Парижъ и роется сама въ архивахъ. Вслѣдъ за его статьей въ «Figaro» появилась замѣтка А. Филона, прежняго воспитателя императорскаго принца. Въ ней онъ опровергаетъ этотъ слухъ и говоритъ, что не разъ предлагалъ императрицѣ написать мемуары, но она отклоняла это предложеніе, и онъ потерялъ надежду добиться своей цѣли. Однако, въ концѣ концовъ, онъ разсчитываетъ, что они будутъ написаны кѣмъ нибудь со словъ императрицы. Въ свою очередь, Жанъ Бонефонъ утверждаетъ, что императрица сохранила всѣ личные письма, которыя она получала, начиная со дня свадьбы, 30-го января 1853 года, до послѣдняго времени. Каждый годъ эти письма переправлялись подъ солиднымъ эскортомъ въ одинъ изъ лондонскихъ банковъ. Четыре секретаря работаютъ круглый годъ подъ ея наблюденіемъ надъ составленіемъ мемуаровъ и классификаціей писемъ. Личность, близко стоящая къ императрицѣ, имени которой Бонефонъ не называетъ, передала ему, что Евгенія завѣщаетъ мемуары послѣ своей смерти публичному учрежденію для всеобщаго пользованія, и срокъ ихъ появленія послѣ ея смерти будетъ непродолжительный, такъ какъ въ нихъ не будутъ помѣщены документы, вредные для лицъ, оставшихся въ живыхъ. Туда войдутъ письма Наполеона къ Евгеніи до и послѣ свадьбы, подлинность которыхъ удостовѣрена цвѣтомъ чернилъ, качествомъ бумаги и датой корреспонденціи. Та же личность сообщаетъ кое-что изъ нихъ. Напримѣръ, изъ переписки Евгеніи съ Наполеономъ III до свадьбы видно, что, молодая дѣвушка колебалась сдѣлаться его женой и сдалась лишь на послѣднее письмо императора, въ которомъ онъ проситъ ея руки въ «интересахъ Франціи и династіи». Это объясняетъ помѣщенную въ обнародованномъ рескриптѣ фразу Наполеона: «Соглашаются на бракъ не изъ желанія, во что бы то ни стало, попасть въ семью королей». Въ другомъ письмѣ видно, что Наполеонъ имѣлъ въ виду другой тайный бракъ, въ случаѣ отказа Евгеніи. Въ одномъ изъ картоновъ находились письма, касавшіяся борьбы императрицы съ отцемъ принца Виктора, но никто не знаетъ ихъ содержанія, такъ какъ послѣ его смерти она ихъ уничтожила. Но самые важные — это политическіе документы: они составляютъ его

[1] Les mémoires de l'impératrice Eugénie, par Jean Bonnefon. «Journal», 23 decembre 1901.

двадцать картоновъ. Не менѣе важныя бумаги, касающіяся соціальнаго вопроса, составляютъ болѣе шестисотъ страницъ, написанныхъ Наполеономъ, относительно рабочаго класса, торговли и промышленности. Кромѣ того, многочисленные документы, касающіеся Мексиканской войны, состоятъ изъ переписки Вильгельма Прусскаго, которая будто бы, удивитъ всѣхъ и собьетъ съ толку исторію. О блестящихъ празднествахъ императрица ничего не будетъ упоминато. Эти мемуары, по словамъ Боньфона, составятъ не болѣе не менѣе, какъ сто томовъ. Какъ испанка, императрица не можетъ забыть и спокойно снести укоры за ея происхожденіе и хочетъ отмстить своимъ памфлетистамъ. Съ этой цѣлью она разыскиваетъ въ парижскихъ архивахъ фамильные документы для составленія своей полной генеалогіи. По крайней мѣрѣ, послѣ своей смерти она докажетъ, что ея предки были королевскаго происхожденія, и ей принадлежатъ три титула испанскихъ грандовъ: Теба, Баносъ, Мора; сама же она до замужества съ Наполеономъ называлась маркизой Ардалезъ ди-Озера ди-Мойа, графиня Аблитасъ ди-Санта-Круча де-ла-Сьера, виконтесса Кольцада, а ея отецъ проливалъ свою кровь за французскую имперію. Къ этимъ мемуарамъ, говорятъ, относится интересный анекдотъ о пылкомъ характерѣ императрицы. Въ 1867 году, послѣ выставки въ Парижѣ, уже слышался кругомъ глухой ропотъ, обѣщавшій политическій переворотъ; республиканцы воодушевлялись и какъ внѣшнія такъ и внутреннія дѣла не обѣщали ничего утѣшительнаго, а Наполеонъ III, человѣкъ нерѣшительный, при томъ больной той мучительной болѣзнью, отъ которой онъ умеръ, съ трудомъ держался отъ тяжелыхъ частыхъ припадковъ. Вся Италія въ это время во что бы то ни стало хотѣла вернуть себѣ Римъ, находившійся подъ владычествомъ папы. Одна часть французскаго правительства отстаивала вызовъ изъ Рима французскихъ войскъ, поддерживавшихъ верховную власть папы —другая наоборотъ. Будучи испанкой и горячей католичкой императрица также была противъ вызова войскъ. Въ одинъ прекрасный день Наполеонъ III собралъ тайно отъ императрицы совѣтъ министровъ для окончательнаго рѣшенія этого вопроса. Желая избѣжать вліянія своей жены, присутствовавшей всегда на всѣхъ засѣданіяхъ, онъ запретилъ сообщать ей объ этомъ. Но императрица узнала о запрещеніи; гордая, повелительная испанка не могла снести подобнаго оскорбленія; ею овладѣлъ страшный гнѣвъ: она бросилась въ залъ совѣщанія, но предусмотрительный Наполеонъ приказалъ тѣлохранителю ни кого не впускать, даже императрицу.—«Я хочу войти, отойдите»,—сказала она настойчиво. Въ ту эпоху она была еще молода и замѣчательно хороша, поэтому не удивительно, что она произвела на солдата двойное впечатлѣніе государыни и красивой женщины. Солдатъ бросился предъ нею на колѣни, загораживая штыкомъ дверь въ залъ совѣщанія, со словами:—«Ваше величество, входъ запрещенъ по приказу императора».—«Это мы еще посмотримъ!»—возразила она и, перескочивъ чрезъ штыкъ, толкнула дверь. Влетѣвъ въ залъ, какъ ураганъ, она направилась прямо къ императору, сидѣвшему въ своей обычной позѣ, прищуривъ глаза и съ безучастнымъ видомъ; онъ одинъ былъ въ шляпѣ. Сорвавъ съ его головы шляпу и бросивъ ее на полъ императрица вышла, оставивъ министровъ въ неописанномъ смущеніи. Вернувшись къ себѣ, она приказала собираться къ отъѣзду и отправилась въ наемной каретѣ. На

вомъ лѣсу, въ дуплѣ дерева и цѣлые три дня питался фруктами; затѣмъ укрылся въ хижинѣ пастуха, хозяинъ которой былъ въ отсутствіи. Наконецъ 1-го ноября онъ пустился отважно по тропинкѣ, ведущей къ городу Баронези. Вечеромъ, онъ встрѣтилъ двухъ людей, подозрительнаго вида, которые сказали ему: «Фра-Діаволо—подлецъ, онъ измѣнилъ своимъ братьямъ по оружію». Не желая выдавать себя, Пецца отвѣтилъ: «Фра-Діаволо честный, но онъ покинутъ своими людьми». Одинъ изъ путниковъ спросилъ: «Ты на сторонѣ измѣнниковъ?» Видя что на него направляется кулакъ, онъ вынулъ пистолетъ и выстрѣлилъ въ своего противника. Пуля пролетѣла мимо. Тогда оба путника исколотили его и обобрали. Фра-Діаволо дотащился до какой-то хижины, гдѣ его пріютили. 3-го ноября опухоль отъ ранъ заставила его страшно страдать и безпокоиться. Въ одномъ кителѣ и опираясь на палку, онъ явился къ аптекарю въ Баронези, прося у него, какъ милости, лѣкарства. Но на улицѣ его встрѣтилъ смотритель соляного акциза и предупредилъ городскую полицію: четверо солдатъ явилось въ аптеку и потребовали у Пецца бумаги. Онъ не могъ ихъ представить. Его арестовали и отправили на гауптвахту, которой командовалъ начальникъ эскадрона Фаринъ. Денщикъ Фарина неаполитанецъ. Навезъ призналъ въ немъ Фра-Діаволо, и онъ былъ отправленъ закованный въ цѣпи въ Салерно, затѣмъ въ Неаполь, гдѣ его судили военнымъ судомъ, и за вооруженное разбойничество и бунтъ противъ короля онъ былъ 10-го ноября приговоренъ къ повѣшенію. Сигисбертъ Гюго видѣлъ его только одинъ разъ, 8 ноября, въ неаполитанской тюрьмѣ. Ему поручилъ король допросить Пецца о томъ, какъ онъ доставалъ себѣ помощь въ Кампаніи, и добиться, чтобы онъ назвалъ имена его сообщниковъ въ Салерно. «Обвиненный лежалъ въ глубинѣ темнаго каземата,—говоритъ Гюго,—его вытянутыя руки были закованы; когда мы вошли, онъ перебиралъ лѣвой рукой четки. Тотчасъ смотритель тюрьмы вышелъ. Гюго, взявъ фонарь, освѣтилъ лицо узника, которое было очень блѣдно, и разговоръ завязался.—«Фра Діаволо, я принесъ тебѣ средство спасти твою голову»,—сказалъ Гюго. Микело Пецца взглянулъ на него съ ненавистью и отвѣтилъ: «Кто ты, что говоришь со мною такимъ образомъ?» —«Я командиръ!—«Тогда я выше тебя; я—генералъ, главнокомандующій арміей его католическаго величества короля Фердинанда, да хранитъ его Богъ. Приказываю тебѣ оставить меня въ покоѣ и выйти отсюда!» Гюго протестовалъ.— «Но я съ порученіемъ отъ короля Іосифа!»—«Э, я не знаю никакого короля Іосифа. Что отъ меня хочетъ этотъ Іосифъ?»—«Онъ сожалѣетъ тебя». Фра-Діаволо страшно потрясъ цѣпями: «нѣтъ, я не хочу его сожалѣній. Якобинцы меня повѣсятъ. Я приготовляюсь къ смерти, прося Арonскую Богородицу открыть мнѣ путь отъ висѣлицы до неба».—«Тебѣ достаточно назвать твоихъ салернскихъ сообщниковъ». Пецца нахмурился и воскликнулъ. «Отъ меня требуютъ подлости, я не измѣнникъ». И онъ произнесъ съ жаромъ на неаполитанскомъ народномъ нарѣчіи: «Святая Аронская Богородица, уничтожь французовъ!» Гюго вышелъ и передалъ королю объ отказѣ Фра-Діаволо. Тѣмъ и окончилась исторія Фра-Діаволо, и онъ былъ повѣшенъ. Затѣмъ Гюго сопровождалъ своего покровителя Іосифа Бонапарта изъ Неаполя въ Мадридъ. Послѣ нѣсколькихъ сраженій съ Веллингтономъ и осады Сарагоссы и Витторіи, коалиція изгнала изъ Испаніи короля и

Гюго. Тогда онъ приблизился къ Наполеону, звѣзда котораго уже стала меркнуть. Гюго выпросилъ себѣ постъ на Рейнѣ. Его послали на Мозель, гдѣ онъ не силой, а хитростью сохранилъ для французовъ Тіонвиль. Съ возвращеніемъ Бурбоновъ онъ оставался въ бездѣйствіи. Точно также онъ не получилъ назначенія во время Ста Дней, до тѣхъ поръ пока тіонвильцы не обратились въ военное министерство съ просьбою прислать генерала Гюго въ Тіонвиль. Тогда онъ отправился на прежнее мѣсто своихъ подвиговъ и принялъ всѣ мѣры для защиты города. 18-го апрѣля въ письмѣ, адресованномъ Гюго министерству, находилась фраза: «Деревянная лошадь 1792 г. не сожжена, мы сумѣемъ разыскать ее къ услугамъ императора». Дѣло въ томъ, что во время кампаніи 1792 г. австрійскій корпусъ, подъ командою князя Гогенлоэ-Кирнберга осаждалъ Тіонвиль, защищаемый Феликсомъ Вимпфеномъ. Жители помогали защищать городъ и настолько пренебрегали непріятелемъ, что помѣстили на возвышенномъ мѣстѣ вала деревянную лошадь, державшую въ зубахъ пучекъ сѣна. На ней была слѣдующая надпись: «Когда эта лошадь съѣстъ свое сѣно, Тіонвиль сдастся». Наконецъ, 15 іюля возвратились Бурбоны, и Гюго сдалъ имъ Тіонвиль. Несмотря на то, что онъ сохранилъ его Франціи, генералъ не получилъ за это никакого вознагражденія. Онъ вышелъ въ отставку и въ 43 года карьера егобыла разбита. Тогда онъ принялся писать свои воспоминанія и 12 февраля 1828 г. «графъ Іосифъ-Леопольдъ-Сигисбертъ Гюго, генералъ-лейтенантъ въ отставкѣ, кавалеръ орденовъ Почетнаго Легіона и св. Людовика, умеръ въ Парижѣ». Въ этомъ офиціальномъ документѣ впервые называютъ его графскимъ титуломъ, хотя неизвѣстно когда, гдѣ и за что онъ его получилъ. Что касается его семейной жизни, то во время его странствій по гарнизонамъ Европы онъ женился два раза. Первая его жена была Софія-Франсуаза Требюше, отъ которой имѣлъ троихъ сыновей: Абеля, Евгенія и Виктора. Вторая жена была вдова испанскаго офицера Антоніо Альмега, Марія Тантони, женщина высокомѣрная, не искавшая дружбы своихъ пасынковъ. Послѣ смерти генерала его пенсія не перешла къ вдовѣ, и она чуть не кричала, что голодаетъ. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ она послала 11 прошеній въ министерство, при чемъ ея имя спутали съ другой просительницей Гюго, вдовою какого-то майора Гюго. По этому поводу баронъ Викторъ Гюго, уже достигшій тогда славы, написалъ въ министерство слѣдующее письмо: «Повидимому, изъ двухъ дамъ Гюго послѣдняя дѣйствительно нуждается въ помощи. Первая, вдова генерала, владѣетъ имѣніемъ въ Блуа, лично ей принадлежащимъ, гдѣ она проводитъ лѣто. Другимъ имѣніемъ въ Солонѣ она владѣетъ пополамъ съ наслѣдниками ея мужа. Она имѣетъ квартиру въ Парижѣ въ первомъ этажѣ въ улицѣ Сенъ-Моръ, и ея капиталъ помѣщенъ у банкира. Если она будетъ настаивать, можно потребовать у нея инвентарь, сдѣланный послѣ смерти ея мужа». Но министерство не послушалось поэта, и обѣимъ вдовамъ были даны пенсіи.

— Политическія идеи Бальзака. Долгое время Бальзака считали монархистомъ, реакціонеромъ и даже въ 1899 году, когда справляли его столѣтіе, то муниципальный совѣтъ Туранжо уклонился отъ присутствія на празднествѣ, ссылаясь на то, что Бальзакъ былъ аристократомъ. Въ прошедшемъ августѣ нѣсколько его поклонниковъ отправились посѣтить его домикъ въ

Жарди; на другой день одна революціонная газета объявила, что Бальзакъ былъ соціалистомъ, а «Libre parole» выставила его антисемитомъ. Несмотря на многочисленные коментаріи, которые породила его «Человѣческая комедія», политическія идеи знаменитаго писателя оставались мало извѣстными. Все затрудненіе состояло въ томъ, что вопросъ старались разрѣшить посредствомъ его романическихъ произведеній. Теперь Габріэль Ферри рѣшилъ его очень просто, прибѣгнувъ къ избирательнымъ программамъ Бальзака въ качествѣ кандидата на парламентскихъ выборахъ. «Въ «Revue politique et parlementaire», 10 декабря появилась статья [1]) Г. Ферри относительно этого вопроса. Оказывается, что Бальзакъ всю жизнь желалъ сдѣлаться государственнымъ человѣкомъ, и на другой день послѣ революціи 1830 года онъ поставилъ свою кандидатуру разомъ въ Ангулемѣ и Камбрэ. Онъ всегда выказывалъ себя либераломъ, жаждавшемъ политическаго прогресса, и даже соціалистомъ на пользу неимущихъ классовъ. Онъ безпощадно осуждалъ партіи въ цѣлой серіи газетныхъ хроникъ, озаглавленныхъ: «Письма о Парижѣ». Въ ноябрѣ 1830 года онъ писалъ г-жѣ Карро: «Я вижу повсюду—страсть и нигдѣ разсудка... Не обвиняйте меня въ не патріотизмѣ, потому что мой разумъ побуждаетъ меня разочаровываться въ людяхъ и событіяхъ». Его брошюра: «Изслѣдованіе о двухъ министерствахъ», подписанная: «Бальзакъ, избираемый избиратель», раздавалась въ двухъ округахъ. Въ ней онъ преслѣдовалъ министерства Лафита и Казимира Перье; въ своей программѣ онъ объявилъ, что никогда не продастся правительству, и требовалъ уничтоженія дворянства, отдѣленія духовенства отъ Рима, природныхъ границъ Франціи, т. е. береговъ Рейна, совершеннаго равенства среднихъ классовъ, признанія превосходства способности, экономіи въ расходахъ, увеличенія сбора податей лучшимъ ихъ распредѣленіемъ, наконецъ—всеобщаго образованія. Эта программа довольно банальна, но дополненная «Письмами о Парижѣ», она достаточна для политической классификаціи Бальзака. Бальзакъ принадлежалъ къ конституціонной оппозиціи. Съ подобной программой Беррье былъ торжественно выбранъ, а Бальзакъ не имѣлъ успѣха. Далеко не желая возвращенія Генриха V, которое онъ считалъ невозможнымъ, Бальзакъ отдалился отъ Шатобріана и другихъ легитимистовъ, по его мнѣнію, противниковъ внутренняго спокойствія. Онъ признавалъ монархію въ лицѣ Луи-Филиппа скорѣе изъ дружбы къ нѣкоторымъ личностямъ, чѣмъ по личному вкусу. Но эта преданность къ королю не мѣшала ему присоединяться ко всѣмъ требованіямъ партіи либераловъ. Его «Изслѣдованіе о двухъ министерствахъ» не завоевало ему избирателей, и они подали голоса за другихъ двухъ кандидатовъ. Въ томъ же году онъ окончилъ «Шагреневую кожу», а въ слѣдующемъ «Деревенскаго доктора», ихъ литературнымъ успѣхамъ онъ утѣшился отъ неудачи. Однако Бальзакъ не покинулъ окончательно политики и, купивъ журналъ «Хроника Парижа», онъ выставилъ въ первыхъ строчкахъ свою программу «либеральную и прогрессивную», въ которой первое мѣсто занимали

[1]) Balsac candidat à la députation. Ses idées politiques (1834—1848), par Gabriel Ferry. «Revue politique et parlementaire». 10 decembre 1901.

гражданское равенство, свобода печати и торговли. Революція 1848 года была для него катастрофой. Какъ на большую часть его друзей, паденіе Луи-Филиппа произвело и на него горестное впечатлѣніе, а провозглашеніе республики и всеобщая подача голосовъ пугали его, какъ большую часть либераловъ. Къ этимъ нравственнымъ заботамъ присоединилось еще жестокое денежное затрудненіе и въ то время, какъ Викторъ Гюго, Александръ Дюма и другіе выставили свою кандидатуру на выборы, Бальзакъ безпокойный, растерявшійся, сослался на старость, чтобы не вмѣшаться въ политическую борьбу. Однако, одинъ клубъ «Всемірное братство» занесъ его въ реестръ кандидатовъ; онъ отвѣтилъ, что принимаетъ полномочіе, но находитъ безполезнымъ выставлять свою программу: «Есть люди,—сказалъ онъ,—которыхъ будутъ искать избиратели, а есть и такіе, которые сами ищутъ избирателей, и они должны опредѣлить свою политическую программу. Что до меня, если я вовсе не принадлежу моими литературными работами къ девятистамъ лицъ, представляющихъ въ нашей странѣ образованный классъ, или общественную силу, или богатство торговли, или знаніе законовъ, то баллатировка мнѣ это скажетъ». Во второй разъ общая подача голосовъ доказала Бальзаку, что народная подача голосовъ охотно не признаетъ «превосходство способныхъ людей», и только семьдесятъ два голоса высказались за него. Но, благодаря недовѣрію остальныхъ, на свѣтъ появилась «Человѣческая комедія». Когда послѣ іюньскихъ дней г-жа Жирарденъ напала на генерала Кавеньяка въ «La Presse» Бальзакъ отдалился отъ своей старой пріятельницы. Эта осторожность въ подобныхъ обстоятельствахъ была послѣднимъ выраженіемъ его политическихъ убѣжденій. Викторъ Гюго правильно выразился о немъ его другу Лемеру: «У этого великаго человѣка были мозгъ и сердце демократическіе. Монархическое было у него только воображеніе». Впрочемъ лучшее понятіе о политическихъ идеяхъ Бальзака дастъ его статья, недавно перепечатанная: «О современномъ правительствѣ». Между прочимъ онъ говоритъ: «Непосредственный результатъ представительнаго правительства—это дать въ руки власть министерству, подверженному безпрестаннымъ спорамъ. Эта система не мѣшаетъ странѣ имѣть дворъ и куртизановъ—два вѣчные бича, на которые вѣчно жалуется народъ. Продлите Казимиру Перье десять лѣтъ жизни, силъ и министерство, и вы найдете маленькаго Ришелье, безъ порфиры, низменнаго тирана, но окруженнаго своими хранителями, льстецами, словомъ конституціонную имперію, наряженную въ маску законности. Партія царедворцевъ является вездѣ, гдѣ возникаетъ власть. Конституціонный министеріализмъ не выходитъ изъ этой дилеммы: гдѣ нація подвергнется долгое время деспотизму талантливаго человѣка, она снова найдетъ королевское достоинство, только подъ другой формой и безъ наслѣдственныхъ преимуществъ, и ей придется періодически уплачивать неслыханные долги, или нація часто будетъ мѣнять министровъ, и тогда ея благоденствіе будетъ физически невозможно, такъ какъ нѣтъ ничего болѣе гибельнаго въ администраціи, какъ измѣненія системъ. Каждый министръ имѣетъ свою систему и, какъ случается въ природѣ, самый ничтожный человѣкъ полагаетъ ее создать—худую или хорошую. При томъ кратковременный министръ не сумѣетъ отдаться разомъ

интригамъ, необходимымъ для своего поддержанія и дѣламъ государства. Онъ достигаетъ власти, какъ путешественникъ, выходитъ изъ затрудненій займомъ и увеличиваетъ государственный долгъ, удаляясь часто въ тотъ моментъ, когда онъ узналъ кое-что изъ правительственной науки. Въ данное время государственный долгъ, этотъ балансъ глупостей, наростаетъ. Банкротство приближается. Только оно дѣлается отъ имени всѣхъ вмѣсто того, чтобы быть отъ одного лица, и придетъ день во время этой системы, когда капиталисты будутъ въ родѣ вельможъ, противъ которыхъ страдающій народъ придумаетъ какія нибудь странныя казни. Доходъ будетъ привилегіей легкомыслія, ненавидимый, какъ дворянство въ 1790 году. Какому фатальному инстинкту повиновался народъ, желая управлять самъ собою? Это понятно было въ маленькихъ средневѣковыхъ общинахъ, но въ современномъ большомъ государствѣ—это невозможно. Для выполненія великихъ дѣлъ необходима единственная и центральная власть. Разсѣянная власть конституціонной монархіи не можетъ ничего произвести: если страна должна защищаться національной гвардіей, къ чему же армія? Если представителемъ страны является только единственная палата, такъ какъ пэры есть только принадлежность избирательной палаты и пляшутъ подъ дудку депутатовъ,—къ чему же король? Онъ только стѣснителенъ, потому что для всѣхъ образованныхъ людей конституціонное правительство принуждено измѣнить свою природу, когда палата разумная и сильная, или сдѣлать чахлой націю, если собраніе составлено изъ ничтожествъ. Оно ведетъ или къ деспотизму, или къ разрушенію. Съ революціи 1789 года условія измѣнились, но въ сущности предметъ правленія не измѣнился. Онъ опирается теперь на три элемента: на массу нищихъ и невѣждъ, массу среднихъ и массу аристократовъ. Въ послѣднюю входятъ выдающіеся люди, созданные деньгами, властью и образованіемъ. Эти три класса —вѣчные базисы націи, и теперь, чтобы установить совершенное, долгосрочное правительство, надо удовлетворить идеи, а также интересы, ибо массы имѣютъ только эти два выраженія. Слѣдовательно, пусть будетъ монархическое правленіе или совершенно демократическое, власть, будучи непрерывнымъ сочетаніемъ интересовъ и идей управляемыхъ массъ, должна быть единой и сильной, такъ какъ она само дѣйствіе этой массы, и что нѣтъ возможнаго дѣйствія съ ограниченіемъ. Учреждать слабое правительство—это допустить необходимость принципа и отвергать его. Такимъ образомъ предстоятъ лишь бури».

— Мемуары Дюрюи. Въ 1888 году, извѣстный французскій историкъ и министръ народнаго просвѣщенія при Наполеонѣ III, Дюрюи, рѣшился, несмотря на свой семидесятилѣтній возрастъ, написать воспоминанія о своей жизни, современныхъ событіяхъ и своей плодотворной дѣятельности [1]). Трудъ этотъ длился до 1892 г., а напечатать его онъ предоставилъ своимъ наслѣдникамъ. Дюрюи посвятилъ свое послѣднее произведеніе младшему сыну, въ то время мальчику четырнадцати лѣтъ. «Я хочу,—писалъ онъ,—разсказать тебѣ мою публичную и литературную жизнь, чтобы ты могъ въ одинъ прекрасный день сказать своимъ дѣтямъ: «Мой отецъ былъ хорошій слуга своей страны, и

[1]) Notes et souvenirs (1811–1894), par Victor Duruy. 2 vol. Paris. 1901.

онъ внесъ въ свой домъ честь: будемъ поступать, какъ онъ». Наконецъ, его произведеніе вышло въ свѣтъ и вполнѣ оправдало его слова. Дюрюи смѣло могъ отдать на судъ публикѣ свою любовь къ родинѣ, семейному очагу и дѣятельности по народному образованію. Въ его книгѣ находятся документы, свидѣтельствующіе объ его дѣятельности, результаты задуманныхъ проектовъ для улучшенія университета и преподаванія, также личныя воспоминанія о годахъ, проведенныхъ въ учительской семинаріи и объ его первоначальномъ преподаваніи, о составленіи исторій Греціи и Рима, а также объ осадѣ Парижа и вступленіи въ академію. Но это занимаетъ лишь часть воспоминаній. Двѣ трети посвящены задуманному имъ административному плану реформъ въ первоначальномъ образованіи. Проектъ закона о свободѣ высшаго преподаванія и преобразованія факультетовъ, представленный имъ въ сенатъ въ іюлѣ 1870 г., за нѣсколько дней до объявленія войны, исчезнулъ вмѣстѣ съ имперіей, но Дюрюи доказываетъ, что онъ предлагалъ большую часть реформъ, которыя съ тѣхъ поръ дали жизнь французскимъ университетамъ. Затѣмъ Дюрюи говоритъ, что, несмотря на свои самыя близкія отношенія съ императоромъ, онъ всегда сохранялъ свой либеральный характеръ. Это видно въ главѣ, посвященной императору и императрицѣ. Его первое свиданіе съ Наполеономъ въ Фонтенбло послѣ назначенія на министерскій постъ прошло очень просто. «Не было съ одной стороны поверженія къ стопамъ, ни съ другой—оффиціальнаго пріема и повелительныхъ приказаній,—говоритъ Дюрюи.—На мои слова: «какимъ образомъ ваше величество могли помыслить сдѣлать изъ меня министра?»—императоръ отвѣтилъ слѣдующими нѣсколькими словами: «дѣло пойдетъ хорошо». «Вотъ всѣ инструкціи, какія я когда либо получилъ». Но зато министръ на слѣдующій день послѣ своего назначенія написалъ императору письмо, въ которомъ онъ доходилъ до высшей точки относительно своего долга. Онъ объяснилъ Наполеону положеніе своего личнаго состоянія и далъ справки относительно положенія дѣтей, чтобы избѣжать подозрѣній въ непотизмѣ и личномъ интересѣ. Такимъ же онъ являлся во время осады Парижа, когда исполнялъ службу въ національной гвардіи, нося солдатскую шинель съ бриллiантовой звѣздой Почетнаго Легіона на груди, и такимъ же представляется намъ въ своихъ мемуарахъ. «Я не взбираюсь на пьедесталъ,—пишетъ онъ,—на который я желалъ бы попасть. Я удовольствуюсь представить документы, согласно которымъ обо мнѣ будутъ судить». Удивительно, какъ Дюрюи, человѣкъ съ либеральными взглядами, могъ быть министромъ Наполеона III, не измѣняя характеру своихъ принциповъ. Онъ часто говорилъ съ императоромъ въ рѣзкой формѣ и на вѣжливые вопросы Наполеона отвѣчалъ далеко не любезно. Въ первомъ же разговорѣ съ нимъ на вѣжливое замѣчаніе императора относительно его трудовъ онъ возразилъ: «Эта сила была бы полезна, если бы ее прикрывала официальная должность. Университетъ объ этомъ не мечталъ, но чрезъ нѣсколько времени онъ объ этомъ подумаетъ». Наполеонъ не сердился на него и прозвалъ его «дикимъ». Одно время, когда Дюрюи помогалъ ему въ составленіи «Исторіи Цезаря», онъ даже хотѣлъ взять его къ себѣ въ

[1]) Notes etsouvenirs (1811—1884) 2 vol; par Duruy. Paris 1901.

секритари, но во время одумался, такъ какъ эта должность вовсе къ нему не подходила, тогда какъ министерскій постъ гораздо болѣе соотвѣтствовалъ его способностямъ. Покинулъ же онъ министерство за годъ до франко-германской войны, благодаря интригамъ клерикаловъ. Ярый ихъ антагонистъ, онъ говорилъ, что христіанство—поддержка слабыхъ и невѣждъ, а когда императрица предлагала ему при выходѣ изъ церкви въ Сенъ-Клу святой воды, онъ прямо отказывался. Уже близкій къ смерти Дюрюи говорилъ, что если его похороны должны быть согласно религіозному обряду, то только изъ привычки, освященной обычаемъ.

— Бисмаркъ, какъ музыкантъ. Робертъ Кёделль, бывшій германскій посланникъ въ Римѣ, недавно напечаталъ въ Берлинѣ свои воспоминанія объ интимной жизни Бисмарка, начиная съ 1846—1872 гг. Кёделль, прежній совѣтникъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ Берлинѣ, въ продолженіе двадцати шести лѣтъ былъ довѣреннымъ другомъ и «музыкантомъ» Бисмарка [1]). Въ тотъ день, когда онъ замѣтилъ, что его музыка не интересуетъ болѣе Бисмарка (1872), онъ рѣшилъ не оставаться долѣе «за своей безполезностью» и попросилъ посольскій постъ. По этому поводу онъ говоритъ: «Если бы канцлеръ остался чувствителенъ къ моей музыкѣ, то я не поѣхалъ бы за границу». Онъ, между прочимъ, жалуется, что Бушъ—тоже близкій человѣкъ къ Бисмарку—наклеветалъ на него, будто бы онъ, Кёделль, оставилъ дефицита 80.000 талеровъ по дѣламъ прессы, порученные ему Бисмаркомъ, которые онъ роздалъ безъ спеціальнаго разрѣшенія на пенсіи различныхъ писателей, и что онъ также мало блестѣлъ посланникомъ въ Римѣ, какъ совѣтникомъ въ Берлинѣ. Когда Бисмаркъ впалъ въ немилость, то, по словамъ Буша, Кёделль прекратилъ съ нимъ переписку. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ сдѣлаться политическимъ человѣкомъ, Кёделль былъ талантливымъ піанистомъ, и въ августѣ 1846 г. онъ первый разъ встрѣтился съ Бисмаркомъ. Кёделль устроилъ музыкальный сеансъ у инструментальнаго мастера Клетнига для невѣсты Бисмарка, дѣвицы Путкамеръ, и для своихъ друзей. Прежде всего привлекъ его вниманіе баритонъ Бисмарка, пріятнаго нѣжнаго тембра, затѣмъ бѣлокурые волосы, подстриженные a la Titus, короткая борода, густыя брови, его ясные проницательные глаза и его улыбающееся лицо. Въ концѣ сонаты Бетховена на глазахъ Бисмарка блеснула слеза, при этомъ онъ замѣтилъ, что изъ всѣхъ композиторовъ Бетховенъ болѣе всѣхъ подходитъ къ его нервамъ. У него былъ прекрасный слухъ, но онъ никогда не учился пѣть, такъ какъ общество, въ которомъ онъ вращался въ юности, совсѣмъ не интересовалось музыкой. Но, несмотря на это, тонъ его голоса былъ всегда безупречно чистъ. Онъ искренно любилъ музыку и въ Берлинѣ растворялъ дверь кабинета, чтобы слышать во время работы концертъ, исполнявшійся въ залѣ; во Франкфуртѣ онъ обыкновенно углублялся въ музыку, куря свою сигару; въ Версалѣ (1870—1871 гг.) онъ слушалъ музыку, также куря послѣ обѣда, а въ Петербургѣ онъ обыкновенно слушалъ ее, читая. Будучи министромъ и канцлеромъ германскаго союза, онъ также читалъ, слушая музыку, когда находился въ залѣ, или растворивъ дверь въ кабинетъ,

[1]) Bismark und seine familie, von Keudell, Berlin. 1902.

который отдѣлялся отъ залы одной комнатой. Когда онъ сдѣлался канцлеромъ имперіи, онъ не хотѣлъ слушать музыку, потому что мелодіи его преслѣдовали ночью и мѣшали ему спать. Онъ не ходилъ въ концерты, говоря, что тѣснота мѣста и плата за билетъ портитъ ему удовольствіе; при этомъ замѣчалъ, что музыка должна даваться, какъ и любовь, даромъ. Игра въ четыре руки, трудныя и продолжительныя варіаціи ему надоѣли. Его раздражала нотная бумага, и онъ съ большимъ удовольствіемъ слушалъ играющихъ на память, или импровизацію. Кёделль зналъ его вкусъ и цѣлыми часами исполнялъ для него произведенія Баха, Шопена, Шумана и Шуберта. Въ длинные вечера 1870—1871 гг. въ Версали, которые они проводили въ салонахъ г-жи Жессé, Кёделль развлекалъ и успокаивалъ его нервы, раздраженные пушечными выстрѣлами. Впечатлѣніе, произведенное тѣмъ или другимъ мотивомъ, было не одинаковое; онъ говорилъ, что соната Бетховена въ fa mineur «даетъ воинственныя идеи. Когда я слушаю ее, то становлюсь очень мужественнымъ». Послѣ первой партіи сонаты въ mi bemol онъ замѣчаетъ: «Можно подумать, что фланируешь вечеромъ по улицамъ, выпивъ лишнюю каплю вина. Съ блаженствомъ смотришь на заходящее солнце и спрашиваешь себя: будетъ ли завтра такъ же хорошо, какъ сегодня?» Относительно capriccio въ mi Мендельсона, Бисмаркъ выражался такъ: «Можно сказать, что это пріятное путешествіе по Рейну, а въ другихъ мѣстахъ мнѣ кажется, что я вижу безпокойно бѣгущую лисицу». На другой день своего громаднаго успѣха, когда, повидимому, каждый завидовалъ ему, князь Бисмаркъ ощущалъ странную горечь: «Моя душа тоскуетъ»,—говорилъ онъ,—во всю мою долгую жизнь я никого не сдѣлалъ счастливымъ: ни друзей, ни семью, ни самого себя». Затѣмъ, перебравъ войны, причиной которыхъ былъ онъ, и тріумфъ, слѣдуемый за ними, онъ замѣчалъ: «Я изъ нихъ не извлекъ ни одной радости и теперь я чувствую, что моя душа смущена и тоскуетъ». Кёделль зналъ, что эту тоску не разсѣяли бы ни Мендельсонъ, ни Шуманъ, ни Бетховенъ. Бисмаркъ признавался своему наперснику, что пансіонъ, въ которомъ онъ воспитывался, былъ скорѣе исправительнымъ домомъ съ желѣзной дисциплиной. Но онъ свое взялъ, сдѣлавшись студентомъ, такъ какъ своей веселой жизнью, полной безумныхъ выходокъ, онъ пугалъ товарищей и мирныхъ гражданъ. Молодой Бисмаркъ былъ смѣлый наѣздникъ, страстный охотникъ, упорный танцоръ и отважный гуляка. Будучи депутатомъ въ рейхстагѣ, онъ пугалъ либераловъ своимъ лютымъ роялизмомъ и, почуявъ кровь въ безпорядкахъ, онъ иногда рычалъ, какъ левъ, называя палату собраніемъ «головастиковъ». «Люди,—говорилъ онъ,—все-таки глупѣе, чѣмъ я думалъ». Онъ презиралъ свѣтъ и иногда производилъ впечатлѣніе мизантропа, говоря: «Ничто не можетъ сравниться съ дѣвственными лѣсами, гдѣ не видна человѣческая рука». Въ 1842 г. онъ сказалъ знаменитую фразу, что объединеніе Германіи можетъ быть достигнуто только «желѣзомъ и кровью», которую одно высокопоставленное лицо назвало «выходкой слишкомъ плотно позавтракавшаго человѣка». Сознавая свое превосходство, онъ ненавидѣлъ сотрудниковъ, желалъ знать все самъ и высказать обо всемъ свое мнѣніе. При этомъ не прощалъ никакой ошибки своимъ агентамъ и обращался за это съ ними дурно. «Полезно для всѣхъ,—говорилъ онъ,—чтобы я сердился, время

отъ времени, это поддастъ болѣе пара въ машину». Онъ не подпадалъ ни подъ чье вліяніе и не жертвовалъ минутному впечатлѣнію, при чемъ не любилъ, чтобы его прямо спрашивали, а нескромнымъ отвѣчалъ обыкновенно по-русски «ничего». Его жена признавалась, что у него не было ни одного истиннаго друга. Что касается ихъ отношеній, то они были самыя искреннія и, по ея словамъ, «они страдали только, когда разлучались». Тревожная жизнь, начинавшаяся съ девяти часовъ утра до часу ночи, дѣлала его больнымъ, причиняя ему жестокія невральгическія боли и онъ говорилъ: «Фаустъ жаловался,— что у него въ груди двѣ души. У меня ихъ ссорится цѣлая толпа, и это такая сумятица, какъ въ республикѣ».

— Мемуары императрицы Евгеніи. Недавно Жанъ Боньфонъ сообщилъ въ «Journal», что императрица Евгенія занята составленіемъ своихъ «Мемуаровъ» [1]). Онъ увѣряетъ, что императрица, ради этой цѣли, пріѣзжаетъ въ Парижъ и роется сама въ архивахъ. Вслѣдъ за его статьей въ «Gaulois» появилась замѣтка А. Филона, прежняго воспитателя императорскаго принца. Въ ней онъ опровергаетъ этотъ слухъ и говоритъ, что не разъ предлагалъ императрицѣ написать мемуары, но она отклоняла это предложеніе, и онъ потерялъ надежду добиться своей цѣли. Однако, въ концѣ концовъ, онъ разсчитываетъ, что они будутъ написаны кѣмъ нибудь со словъ императрицы. Въ свою очередь, Жанъ Боньфонъ утверждаетъ, что императрица сохранила всѣ личныя письма, которыя она получала, начиная со дня свадьбы, 30-го января 1853 года, до послѣдняго времени. Каждый годъ эти письма переправлялись подъ солиднымъ эскортомъ въ одинъ изъ лондонскихъ банковъ. Четыре секретаря работаютъ круглый годъ подъ ея наблюденіемъ надъ составленіемъ мемуаровъ и классификаціей писемъ. Личность, близко стоящая къ императрицѣ, имени которой Боньфонъ не называетъ, передала ему, что Евгенія завѣщаетъ мемуары послѣ своей смерти публичному учрежденію для всеобщаго пользованія, и срокъ ихъ появленія послѣ ея смерти будетъ непродолжительный, такъ какъ въ нихъ не будутъ помѣщены документы, вредные для лицъ, оставшихся въ живыхъ. Туда войдутъ письма Наполеона къ Евгеніи до и послѣ свадьбы, подлинность которыхъ удостовѣрена цвѣтомъ чернилъ, качествомъ бумаги и датой корреспонденціи. Та же личность сообщаетъ кое-что изъ нихъ. Напримѣръ, изъ переписки Евгеніи съ Наполеономъ III до свадьбы видно, что, молодая дѣвушка колебалась сдѣлаться его женой и сдалась лишь на послѣднее письмо императора, въ которомъ онъ проситъ ея руки въ «интересахъ Франціи и династіи». Это объясняетъ помѣщенную въ обнародованномъ рескриптѣ фразу Наполеона: «Соглашаются на бракъ не изъ желанія, во что бы то ни стало, попасть въ семью королей». Въ другомъ письмѣ видно, что Наполеонъ имѣлъ въ виду другой тайный бракъ, въ случаѣ отказа Евгеніи. Въ одномъ изъ картоновъ находились письма, касавшіеся борьбы императрицы съ отцемъ принца Виктора, но никто не знаетъ ихъ содержанія, такъ какъ послѣ его смерти она ихъ уничтожила. Но самые важные — это политическіе документы: они составляютъ сто

---

[1]) Les mémoires de l'Impératrice Eugénie, par Jean Bonnefon. «Journal», 23 décembre 1901.

двадцать картоновъ. Не менѣе важныя бумаги, касающіяся соціальнаго вопроса, составляютъ болѣе шестисотъ страницъ, написанныхъ Наполеономъ, относительно рабочаго класса, торговли и промышленности. Кромѣ того, многочисленные документы, касающіеся Мексиканской войны, состоятъ изъ переписки Вильгельма Прусскаго, которая будто бы, удивитъ всѣхъ и собьетъ съ толку исторію. О блестящихъ празднествахъ императрица ничего не будетъ упоминато. Эти мемуары, по словамъ Боньфона, составятъ не болѣе не менѣе, какъ сто томовъ. Какъ испанка, императрица не можетъ забыть и спокойно снести укоры за ея происхожденіе и хочетъ отмстить своимъ памфлетистамъ. Съ этой цѣлью она разыскиваетъ въ парижскихъ архивахъ фамильные документы для составленія своей полной генеалогіи. По крайней мѣрѣ, послѣ своей смерти она докажетъ, что ея предки были королевскаго происхожденія, и ей принадлежатъ три титула испанскихъ грандовъ: Теба, Баносъ, Мора; сама же она до замужества съ Наполеономъ называлась маркизой Ардалезъ ди-Озера ди-Мойа, графиня Аблитасъ ди-Санта-Круча де-ла-Сьера, виконтесса Кольцада, а ея отецъ проливалъ свою кровь за французскую имперію. Къ этимъ мемуарамъ, говорятъ, относится интересный анекдотъ о пылкомъ характерѣ императрицы. Въ 1867 году, послѣ выставки въ Парижѣ, уже слышался кругомъ глухой ропотъ, обѣщавшій политическій переворотъ; республиканцы воодушевлялись и какъ внѣшнія такъ и внутренія дѣла не обѣщали ничего утѣшительнаго, а Наполеонъ III, человѣкъ нерѣшительный, при томъ больной той мучительной болѣзнью, отъ которой онъ умеръ, съ трудомъ держался отъ тяжелыхъ частыхъ припадковъ. Вся Италія въ это время во что бы то ни стало хотѣла вернуть себѣ Римъ, находившійся подъ владычествомъ папы. Одна часть французскаго правительства отстаивала вызовъ изъ Рима французскихъ войскъ, поддерживавшихъ верховную власть папы —другая наоборотъ. Будучи испанкой и горячей католичкой императрица также была противъ вызова войскъ. Въ одинъ прекрасный день Наполеонъ III собралъ тайно отъ императрицы совѣтъ министровъ для окончательнаго рѣшенія этого вопроса. Желая избѣжать вліянія своей жены, присутствовавшей всегда на всѣхъ засѣданіяхъ, онъ запретилъ сообщать ей объ этомъ. Но императрица узнала о запрещеніи; гордая, повелительная испанка не могла снести подобнаго оскорбленія; ею овладѣлъ страшный гнѣвъ: она бросилась въ залъ совѣщанія, но предусмотрительный Наполеонъ приказалъ тѣлохранителю никого не впускать, даже императрицу.—«Я хочу войти, отойдите»,—сказала она настойчиво. Въ ту эпоху она была еще молода и замѣчательно хороша, поэтому не удивительно, что она произвела на солдата двойное впечатлѣніе государыни и красивой женщины. Солдатъ бросился предъ нею на колѣни, загораживая штыкомъ дверь въ залъ совѣщанія, со словами:—«Ваше величество, входъ запрещенъ по приказу императора».—«Это мы еще посмотримъ!»—возразила она и, перескочивъ чрезъ штыкъ, толкнула дверь. Влетѣвъ въ залъ, какъ ураганъ, она направилась прямо къ императору, сидѣвшему въ своей обычной позѣ, прищуривъ глаза и съ безучастнымъ видомъ: онъ одинъ былъ въ шляпѣ. Сорвавъ съ его головы шляпу и бросивъ ее на полъ императрица вышла, оставивъ министровъ въ неописанномъ смущеніи. Вернувшись къ себѣ, она приказала собираться къ отъѣзду и отправилась въ наемной каретѣ. На

слѣдующій день она была въ Англіи. Узнавъ объ ея неожиданной выходкѣ, Наполеонъ III пришелъ въ ужасъ: что дѣлать? Какъ скрыть отъ посторонних такой скандалъ? На счастье, одна изъ ея служанокъ была очень похожа на нее лицомъ и одного съ нею роста. На слѣдующій день Наполеонъ III извѣстилъ англійское посольство о желаніи императрицы отправиться въ Англію, къ своему дорогому другу, королевѣ Викторіи. Въ тотъ же день закутанная густымъ вуалемъ псевдо-Евгенія оффиціально выѣхала изъ дворца въ придворной каретѣ на Сѣверный вокзалъ и съ большой торжественностью была встрѣчена тамъ. Одновременно былъ отправленъ въ Лондонъ одинъ дипломатъ съ порученіемъ уговорить императрицу. Но эта мѣра была излишня: королева Викторія, отличавшаяся своей строгостью по отношенію къ супружескимъ обязанностямъ, приняла императрицу болѣе чѣмъ холодно, и Евгеніи ничего не оставалось дѣлать, какъ возвратиться домой.

— **Смерть лорда Дёфферина, профессора Тилэ, путешественника Эмиля Голуба, г-жи Клемансъ Руайе и Маріи Ратацци.** 12 февраля скончался послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни извѣстный англійскій дипломатъ и администраторъ, лордъ Дёфферинъ, маркизъ Ава. Фредерикъ Тэмпль, впослѣдствіи пріобрѣвшій оба громкіе титула и сдѣлавшійся пэромъ Англіи, родился въ Флоренціи, въ 1826 г., но по происхожденію онъ былъ ирландецъ. Мать его по прямой линіи была внучкой знаменитаго писателя Шеридана. Получивъ воспитаніе въ Итонѣ и Оксфордѣ, онъ поступилъ на дипломатическую службу, и по смерти отца получилъ титулъ барона Дёфферина. Въ 1855 г. онъ сопровождалъ лорда Росселя въ Вѣну, а потомъ былъ посланъ чрезвычайнымъ коммиссаромъ въ Сирію, во время рѣзни 1860 г. Въ либеральныхъ министерствахъ Пальмерстона и Гладстона онъ занималъ должности товарищей министра —военнаго и Индіи. Затѣмъ онъ перешелъ на административную карьеру и былъ генералъ-губернаторомъ Канады и вице-королемъ Индіи. Но онъ не покидалъ и дипломатической дѣятельности: такъ два года онъ находился посланникомъ въ Петербургѣ и три года въ Константинополѣ. Въ 1891 г. онъ былъ назначенъ посломъ въ Парижъ и оставался тамъ до 1897 г. Съ тѣхъ поръ онъ вышелъ въ отставку и жилъ въ своемъ богатомъ имѣніи въ Ирландіи. Кромѣ этого, лордъ Дёфферинъ былъ блестящимъ авторомъ; изъ многочисленныхъ его сочиненій славились разсказы о путешествіяхъ, сатирическіе очерки и этюды по общественнымъ вопросамъ. Послѣднимъ его произведеніемъ было собраніе его рѣчей.

Въ концѣ января, въ Лейденѣ похоронили съ большими почестями голландскаго профессора, Корнелиса Тилэ, умершаго на 71 году. Его можно назвать величайшимъ авторитетомъ въ Европѣ по сравнительной исторіи религій. Онъ занималъ каѳедру ея въ Лейденѣ съ 1877 г. и написалъ значительное число ученыхъ книгъ по этому предмету. Извѣстнѣйшими его трудами считаются: «Сравнительная исторія египетскаго и месопотамскаго религіознаго культа», «Основаніе исторіи религіи», «Западная Азія въ свѣтѣ послѣднихъ открытій» и «Вавилоно—ассирійская исторія». Онъ не только писалъ по-голландски и по-нѣмецки, но его англійскія статьи по религіознымъ вопросамъ въ «Encyclopaedia Britannica» обратили на себя общее вниманіе. Наконецъ онъ былъ за-

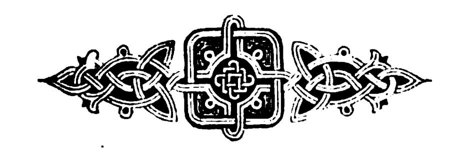
мѣчательнымъ духовнымъ проповѣдникомъ и постоянно писалъ въ основанныхъ имъ «Theologische Tijdschrift».

21-го января, умеръ въ Вѣнѣ чешскій ученый, Эмиль Голубъ. Онъ былъ извѣстенъ своими путешествіями по Африкѣ и изслѣдованіями по естественнымъ наукамъ. Родившись въ Голицѣ, въ 1847 г., онъ прошелъ курсъ наукъ на медицинскомъ факультетѣ Пражскаго университета. Въ то время Ливингстонъ гремѣлъ во всемъ свѣтѣ своей славой, и черный континентъ привлекалъ къ себѣ молодыхъ ученыхъ. Въ томъ числѣ отправился въ его дебри и Эмиль Голубъ въ 1872 г. Изучивъ основательно южно-африканскій берегъ, онъ совершилъ три экспедиціи внутрь страны съ цѣлью изслѣдованія бассейна Замбези. Въ 1876 г. онъ окончилъ свои странствія, но заболѣлъ лихорадкой, благодаря чему и недостатку своихъ средствъ онъ не могъ немедленно возвратиться въ Европу. Однако, несмотря на это, онъ собралъ блестящую естественно-историческую коллекцію, которую ему удалось вывезти изъ Африки, благодаря щедрой субсидіи императора австрійскаго. Окончательно эти коллекціи были пожертвованы имъ различнымъ музеямъ Вѣны. Его «Воспоминанія о путешествіи по Африкѣ» имѣли громадный успѣхъ. Бельгійскій король предложилъ ему мѣсто въ колоніи Конго, но Голубъ отказался и предпринялъ съ женою въ 1883 г. африканское путешествіе. Оно продолжалось четыре года, и Голубъ описалъ его въ двухъ томахъ. Вывезя снова богатую коллекцію научныхъ предметовъ изъ Африки, Голубъ предпринялъ поѣздку въ Америку, гдѣ читалъ лекціи о своихъ африканскихъ странствіяхъ. Въ сравнительно нестаромъ возрастѣ, 55 лѣтъ, онъ умеръ и оплакивается всѣмъ ученымъ міромъ.

Въ одинъ день и почти въ одинъ часъ скончались въ Парижѣ 3-го февраля двѣ замѣчательныя, но совершенно противоположныя личности. Первая изъ нихъ—Клемансъ Руайе родилась въ 1830 году въ Нантѣ, въ юности отличалась чрезвычайно мистическимъ направленіемъ, такъ что хотѣла поступить въ монастырь, но ее увлекла въ совершенно иной міръ, полька. «Я была эмансипирована, странно сказать, полькой,—говорила она съ улыбкой:—тогда только что ввели во Франціи этотъ банальный танецъ. Мои родители принимали много знакомыхъ и, конечно, въ томъ числѣ кавалеры, танцовавшіе до упада, не были рѣдкостью». Однако, танцы, побудивъ ее покинуть мысль о монастырѣ, не сдѣлали ее свѣтской, легкомысленной женщиной. Напротивъ, революція 1848 года побудила ее заниматься философіей и другими научными предметами. Она сдѣлалась не только либеральной ученой, но даже анти-религіозной женщиной. Политическія событія принудили ее удалиться въ Швейцарію, и тамъ, вмѣстѣ съ знаменитымъ Прудономъ, она написала на конкурсъ сочиненіе о теоріи налоговъ, которое имѣло большой успѣхъ. Но ее прославилъ еще болѣе ея превосходный переводъ «О происхожденіи видовъ», Дарвина. Съ тѣхъ поръ она писала одно сочиненіе за другимъ—по астрономіи, физикѣ, политической экономіи, философіи, психологіи и т. д. Самыми замѣчательными ея произведеніями были, «О происхожденіи человѣка», «Исторія религіи» и «Исторія пессимизма». Но кромѣ этихъ высоко ученыхъ трудовъ, она должна была добывать себѣ средства къ жизни газетной работой. Естественно, что она стояла за свободу женщинъ и считалась виднымъ распространителемъ женскаго

движенія. Не смотря на то, что въ ученомъ мірѣ ее очень уважали и, даже недавно, министерство народнаго просвѣщенія наградило ее орденомъ Почетнаго легіона, но ея имя не было извѣстно парижской публикѣ. Хотя Ренанъ говорилъ: «Эта женщина—геніальный мужчина», но это не мѣшало ей умереть въ сравнительной неизвѣстности, въ пріютѣ для больныхъ женщинъ, въ Нейли.

Совершенно иная судьба была другой покойницы, скончавшейся съ нею въ одно время. Марія Ратаци была одной изъ первыхъ красавицъ парижскаго общества второй имперіи. Она была внучкой Люсьена Бонапарта и двоюродной сестрой Наполеона III. Ея отецъ англійскій дипломатъ Уайтъ рано выдалъ замужъ юную Марію за князя Сольмса. Оба разсчитывали на протекцію своего коронованнаго родственника, но, по несчастію, ея красота вызвала ревность императрицы Евгеніи и ее удалили отъ двора. Тогда она завела у себя блестящій салонъ, окружила себя писателями и художниками, задавала фееричныя празднества и заставила говорить о себѣ всю Францію. Императоръ, по совѣту жены, выселилъ ее изъ предѣловъ страны. Она удалилась въ Э-ле-Бенъ въ Савойю и продолжала тамъ, окруженная такими знаменитостями, какъ Викторъ Гюго, Александръ Дюма, Эжень Сю, Рошфоръ, Кошутъ и такъ далѣе, веселиться и гремѣть своей славой на весь свѣтъ. По смерти стараго князя Сольмса, она вышла замужъ за знаменитаго итальянскаго государственнаго человѣка, Ратаци, но прожила съ нимъ недолго и овдовѣвъ, вышла замужъ за испанца де-Руте, но присоединила свою прежнюю фамилію къ новой. Во время своего второго брака она жила часто въ Римѣ, а потомъ перебралась въ Мадридъ. Со времени же третьей республики и похоронивъ третьяго мужа она поселилась окончательно въ Парижѣ. Несмотря на быстро приближавшуюся старость, она продолжала вести легкомысленную веселую жизнь. Вмѣстѣ съ тѣмъ она занималась литературой, писала романы и всякаго рода книги, сотрудничала въ газетахъ и сама издавала «Revue internationale». Наконецъ на 71-мъ году жизни она окончила свою болѣе чѣмъ легкомысленную жизнь.

СМѢСЬ.

К ЮБИЛЕЮ ПЕЧАТИ. Русскому библіографическому обществу при императорскомъ Московскомъ университетѣ разрѣшено, при участіи представителей мѣстной печати, устройство празднества по случаю 200-лѣтія русской періодической печати и образованіе для сего въ Москвѣ особаго «юбилейнаго комитета», положеніе о коемъ также утверждено въ слѣдующемъ видѣ. 1. Въ Москвѣ, въ ознаменованіе выхода перваго нумера первой русской газеты въ январѣ 1903 года, при участіи современныхъ представителей московской періодической печати предполагается торжественное празднованіе 200-лѣтняго юбилея сего достопамятнаго событія. 2. Для детальной выработки программы предстоящаго празднованія и его осуществленія учреждается особый «юбилейный комитетъ». 3. Въ составъ «юбилейнаго комитета» входятъ: а) должностныя лица русскаго библіографическаго общества и пять членовъ его, выбранныхъ для подготовительныхъ работъ по организаціи празднованія; б) представители отъ ученыхъ обществъ и учрежденій. 4. На обязанности комитета лежатъ подробная выработка программы празднованія и подготовительныя работы по организаціи: а) торжественнаго засѣданія въ день юбилея въ залѣ университета; б) составленія и изданія списка русскихъ газетъ и журналовъ; в) устройства выставки русскихъ періодическихъ изданій за 200 лѣтъ и публичныхъ чтеній по вопросамъ, касающимся празднества какъ до начала, такъ и во время его; г) основанія въ Москвѣ убѣжища для работниковъ періодической печати, потерявшихъ способность къ труду; д) равно и по всѣмъ другимъ вопросамъ, могущимъ возникнуть въ комитетѣ, а также и самое осуществленіе празднества. 5. Юбилейный комитетъ изыскиваетъ средства на осуществленіе празднества путемъ обязательныхъ взносовъ, добровольныхъ пожертвованій, устройствомъ платныхъ публичныхъ чтеній, входной платы на выставку и т. п. 6. Комитетъ издаетъ съ разрѣшенія своего предсѣдателя отчеты о своей дѣя-

тельности. 7. Комитетъ имѣетъ право ходатайствовать о дополненіяхъ и измѣненіяхъ настоящаго положенія. Въ самомъ продолжительномъ времени состоится общее собраніе членовъ русскаго библіографическаго общества для доклада утвержденнаго положенія и для выбора должностныхъ лицъ юбилейнаго комитета. На это собраніе будутъ приглашены представители ученыхъ обществъ и учрежденій и представители всей московской періодической печати.

Собираніе былинъ. Минувшимъ лѣтомъ сотрудниками отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ былъ произведенъ рядъ весьма цѣнныхъ, по полученнымъ результатамъ, работъ по собиранію и изслѣдованію текстовъ русскихъ былинъ и историческихъ пѣсенъ. Послѣднія записывались съ помощью фонографа, къ которому, несмотря на его диковинность для населенія нашихъ окраинныхъ губерній, крестьяне относились безъ особой робости и довольно охотно передавали этому инструменту свои «старины» (какъ называютъ они былины). А. Д. Григорьевъ собралъ въ свою, продолжавшуюся 2½ мѣсяца, поѣздку по Пинежскому и Мезенскому уѣздамъ, Архангельской губерніи, сдѣлавъ пѣшкомъ, на пароходѣ, въ лодкахъ и на лошадяхъ, 3.700 верстъ, 211 «старинъ» (былинъ) полныхъ и четыре былинные отрывка. 75 экземпляровъ изъ записанныхъ принадлежатъ къ рѣдко встрѣчающимся. Записаны въ первый разъ: 1) «Побѣда богатырей князей Олега Черниговскаго со Святогоромъ во главѣ надъ войсками князя Додона; Купанье Святогора съ Ильей Муромцемъ, Добрыней и Алешей Поповичемъ; Смерть въ гробу и погребеніе Святогора. 2) Молодость Добрыни, жалоба на него князю, оправданіе Добрыни (300 слишкомъ стиховъ); Добрыня и Маринка (80 стиховъ). 3) Женитьба Владимира на указанной и привезенной Добрыней греческой княжнѣ; Илья и Удолище. 4) Мамаево побоище (Добрыня, Окольникъ и Алеша Поповичъ, по приказу княгини, освобождаютъ Кіевъ отъ Скурлавца). 5) Женитьба молодца (если только не изъ Дуная). 6) Васька Пьяница отвозитъ дань Ордынскому королю. 7) Продѣлки Васьки Шишки. 8) Старина о льдинѣ и боѣ женщинъ. Другой изслѣдователь, А. Марковъ, ѣздилъ въ теченіе полутора мѣсяца въ сопровожденіи А. Л. Маслова и Б. А. Богословскаго, по той же губерніи. Текстовъ различныхъ произведеній народной поэзіи записано ими всего 132 №№: 70 старинъ (былинъ, историческихъ пѣсенъ и такъ называемыхъ низшихъ эпическихъ пѣсенъ), 27 духовныхъ стиховъ, 4 сказки; 7 протяжныхъ пѣсенъ, 5 святочныхъ, 3 хороводныхъ, 2 плясовыхъ, 2 свадебныхъ; 10 свадебныхъ причитаній, 1 похоронное и 1 заговоръ. Старины заключаютъ въ себѣ 48 собственно-былинъ, 6 историческихъ пѣсенъ и 16 низшихъ эпическихъ пѣсенъ. Среди былинъ попалось нѣсколько новыхъ сюжетовъ, именно: «Женитьба Дюка Степановича, Женитьба Пересмякина племянника, Рында». Другіе былины представляютъ собою варіанты уже извѣстныхъ сюжетовъ. Что касается музыкальныхъ записей, то всего записано 113 мелодій, изъ нихъ 55—фонографомъ. Записаны напѣвы 67 старинъ, 22 духовныхъ стиховъ и 24 пѣсенъ и причитаній.

С.-Петербургское археологическое общество. I. 9-го января въ общемъ собраніи предсѣдательствовалъ графъ И. И. Толстой. Единогласно по предложенію совѣта въ почетные члены общества избранъ П. Н. Мартьяновъ по слу-

чаю празднованія 25-лѣтія существованія Минусинскаго музея. Въ члены ревизіонной комисіи избраны: Н. П. Покровскій, П. К. Коковцовъ и Я. И. Смирновъ. Въ члены общества избраны: О. Ф. Ретовскій и Ф. А. Розенбергъ. Большой интересъ возбудилъ докладъ проф. Н. И. Весселовскаго «О раскопкахъ въ Кубанской области въ 1901 году» съ демонстраціей колекцій найденныхъ предметовъ. Раскопки эти дали въ теченіе лѣта 1901 года значительные результаты. Вскрыто до 60 кургановъ совершенно новаго типа; вещей сравнительно мало. Грабители унесли въ большинствѣ случаевъ все. Слѣды ходовъ, вырытыхъ ворами, указываютъ, что они были прекрасно освѣдомлены о расположеніи гробницъ въ курганѣ. Наиболѣе богатая пожива ожидала ихъ въ головахъ покойника; туда въ особенности и стремились грабители. Посуда, не взятая ворами, ломалась и разбивалась ими. Но, тѣмъ не менѣе, остатки вещей составили значительную коллекцію; встрѣчаются котлы (принадлежность почти каждаго кургана), металлическіе сосуды, серьги, бусы изъ горнаго хрусталя и друг., бляшки мѣдныя съ накладкою изъ серебра, составлявшія поясъ, много мелкихъ золотыхъ бляшекъ, ожерелья, золотыя бляхи—украшеніе кольчуги. Погребеніе по опредѣленію референта относится къ римскому времени, II—III вѣкамъ по Р. Х. II. 24-го января, подъ предсѣдательствомъ профессора В. Р. Розена, происходило засѣданіе членовъ восточнаго отдѣленія. Прочитанъ былъ докладъ иностраннаго корреспондента общества А. Грюнведеля, указавшаго на важное научное значеніе богатаго собранія князя Э. Э. Ухтомскаго — буддійскихъ статуэтокъ, образовъ и другихъ предметовъ буддійскаго культа. Нѣкоторые изъ предметовъ коллекціи князя были имъ любезно демонстрированы въ засѣданіи. Вещественныхъ памятниковъ тибетско-монгольскаго буддизма собрано вообще очень мало. Собраніе князя является исключеніемъ. Коллекція его отличается рѣдкостью встрѣчающихся типовъ отдѣльныхъ божествъ, разнообразіемъ сюжетовъ, безупречной сохранностью предметовъ, а также большимъ вкусомъ. Для исторіи ламайскаго искусства коллекція даетъ обильный матеріалъ. Докладчикъ обращаетъ особенное вниманіе на выраженіе лицъ статуэтокъ. Позднѣйшія изображенія буддійскихъ божествъ характеризуются многочисленностью фигуръ—они имѣютъ по нѣсколько лицъ, глазъ, по множеству рукъ и пр. Фигуры болѣе древнія имѣютъ нормальное количество членовъ. Большое разнообразіе сюжетовъ и матеріалъ для опредѣленія послѣднихъ даютъ образа коллекціи, иногда сопровождаемые подписями. Быстро усвоивая все новыя и новыя формы чужого искусства, буддизмъ обладаетъ крайнимъ разнообразіемъ сюжетовъ своихъ религіозныхъ изображеній, точное опредѣленіе которыхъ часто весьма затруднительно. Докладъ вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній. Предсѣдатель, отъ имени восточнаго отдѣленія, выразилъ князю Э. Э. Ухтомскому благодарность за оказанную наукѣ заслугу въ дѣлѣ собранія богатыхъ матеріаловъ для изученія буддизма, а также и за любезное предоставленіе предметовъ своей коллекціи для разсмотрѣнія во время засѣданія. III. Засѣданіе русскаго отдѣленія 26-го января происходило подъ предсѣдательствомъ Н. Д. Чечулина. Е. Ф. Шмурло взялъ темою своего доклада вопросъ о томъ, «когда началъ учиться грамотѣ Петръ Великій». Въ исторической литературѣ установилось мнѣніе, что царевичъ Петръ началъ свое образованіе 12-го марта 1677

года, т.-е. съ пятилѣтняго возраста. Другая предполагаемая дата относится ко времени еще болѣе раннему, приписывая начало ученія будущаго великаго преобразователя Россіи чуть не съ трехъ лѣтъ. Докладчикъ, тщательно изслѣдовавъ детали вопроса, приходитъ къ нѣсколько иному выводу, а именно: начало ученія Петра онъ относитъ къ декабрю 1679 г., то-есть когда царевичу шелъ уже седьмой годъ. Около этого времени Петръ перешелъ съ рукъ мамокъ подъ наблюденіе боярина Родіона Стрѣшнева. Ученіе начиналось обыкновенно съ «пророка Наума», т.-е. съ 1-го декабря; за два-три дня передъ этимъ служили молебны. Въ образованіи Петра принималъ участіе и Симеонъ Полоцкій; можно думать, что составленный имъ около того времени букварь былъ предназначенъ спеціально для Петра Алексѣевича. Референтъ въ своемъ изслѣдованіи приходитъ также къ выводу, что нѣтъ никакихъ серіозныхъ основані приписывать какую нибудь особенность въ обученіи Петра. По мнѣнію докладчика, Петръ началъ учиться, какъ и другія царскія дѣти, съ семилѣтняго возроста и обученіе его шло обычнымъ, установленнымъ порядкомъ, будучи главнымъ образомъ религіознымъ. Такъ, почти одновременно съ букваремъ начиналъ изучаться и часословъ. Второй докладъ принадлежалъ неутомимому изслѣдователю древностей доисторическаго человѣка князю П. А. Путятину. «Варіанты металитическихъ обрядностей на Сѣверѣ Россіи», перечисленные докладчикомъ, иллюстрированы были какъ любопытными коллекціями каменныхъ орудій и остатковъ гончарства, такъ и множествомъ фотографій. Между прочимъ княземъ демонстрированы были: интересная колсекція изъ раскопокъ баронессы Софіи Торма въ Венгріи и собраніе предметовъ каменнаго вѣка, найденныхъ княземъ при раскопкахъ его близъ Бологого въ 1901 г. Д. Ѳ. Щегловъ попытался объяснить происхожденіе загадочныхъ предметовъ, впервые найденныхъ при раскопкахъ въ минувшемъ году въ Орловской губерніи, произведенныхъ поручикомъ Апухтинымъ. Докладчикъ считаетъ эти предметы за остатки булавъ.

Московское археологическое общество. Въ засѣданіи 11 января Ю. В. Готье прочелъ присланный А. М. Покровскимъ докладъ о результатахъ произведенныхъ имъ и ранѣе совмѣстно съ проф. Д. И. Багалѣемъ и Е. Н. Трефильевымъ раскопкахъ въ Харьковской губерніи такъ называемыхъ Салтовскихъ могильниковъ. За оба раза раскопано было 44 могилы, изъ которыхъ 17 раскопаны троими помянутыми изслѣдователями, а 27—однимъ А. М. Покровскимъ. Костный матеріалъ разобранныхъ могильниковъ представляетъ очень много интереснаго. Очевидно, судя по сильно развитой мускулатурѣ, въ этой мѣстности жилъ рослый и сильный народъ. При производствѣ раскопокъ по склонамъ овраговъ и канавъ находили мѣста рушенной земли, гдѣ и вскрывали цѣлыя камеры. Эти мѣста замѣтны и по своей рыхлости, и по цвѣту, и по тому, что тамъ попадаются прослойки черной земли, а иногда при ея вынимaніи находили и потерянныя вещи: бубенчики, бляшки и др.; было найдено даже цѣлое ожерелье бусъ, расположенныхъ большой кучей, и при немъ золотая сережка. Вынимая рушенную, обнаружили родъ коридора или траншеи, очень узкой, около 12 вершковъ ширины. Коридоръ этотъ упирается въ стѣну, внизу которой прорыта дыра, куда можно пройти согнувшись, иногда

съ большимъ трудомъ. Это отверстіе ведетъ въ камеру, вырытую въ землѣ приблизительно на глубинѣ отъ 2 до 5 саженъ. Камеры вырыты въ землѣ, стѣнки и потолокъ выглажены какъ бы небольшими лопатками или полукрытыми совками, отъ которыхъ остались углубленія. Стѣны и потолокъ вырыты или однимъ круглымъ сводомъ, такъ что камера представляетъ какъ бы полуцилиндръ, или четырьмя сводами, сходящимися вмѣстѣ; ребра пересѣченія сводовъ иногда видны совершенно ясно. Стѣны и потолокъ выбѣлены, и слѣды отбѣлки ясно сохраняются и до сихъ поръ. Въ камерѣ на голомъ полу, по большей части, клались трупы; иногда встрѣчается сплошная подстилка слоя угля. Число скелетовъ въ камерахъ по большей части одно и то же; это—3 скелета, положенные рядомъ, перпендикулярно ко входу; впрочемъ встрѣчаются два и и даже одинъ. Трупы клались одновременно, на что̀ указываетъ то обстоятельство, что всѣ кости лежатъ въ полномъ порядкѣ, и трупы лежатъ взявшись за руки. По большей части. въ каждой камерѣ одно погребеніе мужское, два же другіе скелета или женскіе, или женскій и дѣтскій; вообще дѣтскихъ очень много, и преимущественно маленькихъ. Трупы клались на спину съ вытянутыми ногами и руками, положенными свободно вдоль туловища. Въ головахъ обыкновенно стоялъ глиняный кувшинъ съ узкимъ горлышкомъ. Сосуды черные, рѣдко красной глины, очень хорошаго обжига, почти напоминающаго терракоту; около сосуда лежатъ кости быка, теленка или барана. Мужской скелетъ сопровождаетъ обыкновенно оружіе, сабля желѣзная, иногда въ ножнахъ, съ перекрестною рукояткой, съ деревянною ручкой, окованной желѣзомъ. Кромѣ сабли, имѣются еще боевые топорики; найдена также шарообразная булава со сверлиной. Обязательнымъ оружіемъ при всѣхъ трупахъ является желѣзный ножъ, привѣшенный съ правой стороны, какъ у мужскихъ, такъ и у женскихъ скелетовъ. Ножъ виситъ обыкновенно на поясѣ въ ножнахъ, иногда окованныхъ серебромъ, но случалось находить въ однихъ и тѣхъ же ножнахъ по нѣскольку экземпляровъ ножей, заключенныхъ въ однѣ ножны. Пояса были покрыты наборомъ изъ бронзовыхъ бляшекъ съ колечками. На одномъ изъ поясовъ сохранился даже кусокъ ремня съ бронзовымъ изображеніемъ человѣческой фигуры на концѣ. Фигура эта въ длинной одеждѣ съ поясомъ, въ головномъ уборѣ и сапогахъ. У мужскихъ скелетовъ встрѣчаются еще бубенчики около головы, бронзовыя пуговицы на лѣвой сторонѣ шеи и на лѣвомъ плечѣ и лѣвомъ боку. На ногахъ остатки ремней и серебряныхъ бляшекъ, иногда съ изображеніемъ человѣческой фигуры. Убранство женскихъ скелетовъ гораздо богаче. Встрѣчаются даже золотыя серьги; большое количество стеклянныхъ бусъ, сердоликовыхъ, горнаго хрусталя и другихъ. Кромѣ ожерелья изъ бусъ, встрѣчается рядъ очень тонкихъ бубенчиковъ, нашитыхъ на одежду или на какую нибудь матерію и тоже образовавшихъ родъ ожерелья вокругъ шеи. Кромѣ того, находили много разныхъ подвѣсокъ около пояса. Найдена также одна пряжка съ прикрѣпленными къ ней 4 бронзовыми цѣпочками. На рукахъ имѣются браслеты и кольца. Среди подвѣсокъ имѣются персидскія и арабскія монеты. На основаніи этихъ весьма важныхъ находокъ можно съ достовѣрностью отнести изслѣдованные могильники къ VI вѣку по Р. Х. При дѣтскихъ скелетахъ тоже найдены украшенія въ видѣ бусъ, бубенчиковъ и пуговицъ.

Исключительнымъ погребеніемъ является погребеніе лошади. Похоронена она была въ очень узкой ямѣ, куда ее ввели, заставили опуститься и убили, такъ что ноги ея были совершенно подогнуты. Между передними ногами лежала богатая уздечка, на шеѣ были стремена, но подковъ на копытахъ не было и слѣда. А. М. Покровскому удалось при вспышкѣ магнія сдѣлать нѣсколько фотографій одного очень богатаго погребенія въ общемъ видѣ и деталяхъ. **II.** Въ слѣдующемъ засѣданіи общества былъ сообщенъ докладъ В. Тевяшева о произведенныхъ имъ раскопкахъ въ Воронежской губерніи и найденныхъ при этомъ доисторическихъ памятникахъ. Подготовительными раскопками цѣлой группы кургановъ, въ Острогожскомъ уѣздѣ, на лѣвомъ берегу рѣки Дона, докладчикъ сдѣлалъ первый шагъ для научныхъ изслѣдованій въ этомъ направленіи Изъ 13 кургановъ, образующихъ группу могильниковъ между рѣкою Дономъ и Битюкомъ, близъ слободки Владимировки, В. Тевяшевымъ были раскопаны 4 кургана лѣтомъ 1900 года и 3—лѣтомъ 1901 года. Общій типъ кургановъ слѣдующій: форма куполообразная съ широкимъ основаніемъ, а высота ихъ отъ 1 до 4 аршинъ надъ поверхностью окружающей ихъ мѣстности. Поле, на которомъ они расположены, распахивается не болѣе 75 лѣтъ, ранѣе оно находилось подъ степью, вблизи его лѣсъ, носящій названіе Черемховая стѣнка, а въ 2 верстахъ отъ могильника, по правому берегу Битюка, начинаются обширные лѣса. Самый высокій курганъ № 1 имѣлъ надъ почвою 4 аршина 4 вершка высоты и 77 саженъ въ окружности. На глубинѣ 1 аршина 9 вершковъ обнаружены 3 глиняные горшка съ днами, разнообразной формы, величины и орнаментаціи, отъ первобытной до красиво-правильной, въ центрѣ кургана обнаружено немного золы и куски человѣческаго черепа. Во второмъ курганѣ найденъ деревянный помостъ и три наконечника желѣзныхъ копій. Въ третьемъ курганѣ обнаружена была могила съ костякомъ невзрослаго человѣка, обращеннымъ головою къ сѣверо-западу; кости при выемкѣ изъ могилы разсыпались и легко обращались въ мучную пыль, одни зубы хорошо сохранились. Въ могилѣ, кромѣ того, найдены, бронзовыя спиральки около головы, кремневый тонкій скребокъ въ ногахъ и два горшка различныхъ формъ и орнамента. Въ четвертомъ курганѣ найденъ бронзовый предметъ въ формѣ фригійской шапочки и громадный дубъ съ вѣтвями, что даетъ поводъ предполагать, что въ позднѣйшее время здѣсь былъ сторожевой курганъ. Въ остальныхъ курганахъ найдены также болѣе или менѣе сохранившіеся костяки, несомнѣнно, принадлежащіе къ одной эпохѣ по одинаковости погребальнаго обряда, по совершенному отсутствію въ нихъ дерева и какихъ либо орудій, однотипности керамическаго производства, что свидѣтельствуетъ о глубокой древности сооруженія кургановъ. **III.** 17-го января въ засѣданіи славянской комиссіи общества А. Я. Яцимирскій прочиталъ докладъ: «Мнѣнія новѣйшихъ ученыхъ о происхожденіи румынъ». Изслѣдованія румынскихъ ученыхъ приводятъ ихъ къ тому заключенію, что румыны являются прямыми потомками римскихъ колонистовъ, отсюда самое названіе ихъ и цѣлая треть латинскихъ словъ въ языкѣ. Западные европейскіе ученые не придерживаются цѣликомъ этого взгляда и смотрятъ на румынъ, какъ на агломератъ народностей, неизвѣстный по составу, но подвергшійся тѣмъ или инымъ путемъ сильной романизаціи. Славянскіе изслѣдователи склонны видѣть

въ румынахъ остатки или присутствіе славянскаго и даже скиѳскаго элемента. Въ румынскомъ языкѣ, представляющемъ собой мозаику разноязычныхъ корней, послѣ латинскихъ большая часть приходится на славянскіе. Въ общемъ, однако, ни этнографическія, изысканія, ни лингвическія, ни антропологическія до сихъ поръ не дали прямыхъ и неопровержимыхъ данныхъ о происхожденіи румынской народности. Докладчикъ, излагая мнѣнія ученыхъ, высказывалъ по поводу ихъ свое мнѣніе, но своего заключенія не высказалъ; это дало обильный матеріалъ для обмѣна мнѣній между присутствующими. Между прочимъ при этомъ указано было и на парадоксальность большинства существующихъ теорій. Особенно ясно это въ вопросѣ о римскомъ происхожденіи румынъ. Колонисты римскіе совсѣмъ не были цѣликомъ итальянцами, а являлись сборомъ пролетаріата изъ всѣхъ провинцій имперіи, и, кромѣ того, римское господство продолжалось здѣсь не болѣе 40 лѣтъ, по истеченіи которыхъ культурное вліяніе римлянъ стало падать. Нѣсколько вѣроятнѣе предполагать въ румынахъ остатки искони жившихъ на Балканскомъ полуостровѣ кельтовъ. Движеніемъ народовъ они были вытѣснены изъ центральныхъ мѣстностей полуострова и ушли на сѣверъ, на лѣвый берегъ Дуная, и здѣсь, укрывшись въ горахъ, сохранили долю римскаго вліянія и усвоили вдобавокъ къ нему отъ сосѣднихъ славянскихъ культурныхъ народовъ Паннoніи большую часть ихъ культуры.

Общество любителей древней письменности. I. 11-го января состоялось общее собраніе, подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева. Въ этомъ засѣданіи первое сообщеніе: «Пасторъ Эрнстъ Глюкъ и сотрудники его по московской школѣ 1703—1711 гг.», было прочитано В. Н. Перетцемъ. Основанная Глюкомъ въ Москвѣ въ 1703 году школа могла явиться важнымъ образовательнымъ учрежденіемъ Петровской эпохи, такъ какъ у Глюка были всѣ данныя для того, чтобы научно поставить въ школѣ дѣло преподаванія, но Глюкъ въ 1705 г. умеръ, его преемникъ магистръ Паусъ послѣ цѣлаго ряда непріятностей, испытанныхъ имъ въ школѣ, былъ уволенъ, а при послѣдующихъ руководителяхъ школа быстро стала падать все больше, и въ 1714 году остатки ея были переведены въ Петербургъ. Остановившись главнымъ образомъ на дѣятельности въ школѣ пастора Глюка и магистра Пауса, докладчикъ указалъ на то, что если культурныя задачи не были достигнуты Глюкомъ и Паусомъ, то за ними остается заслуга сочиненія первыхъ русскихъ тоническихъ стиховъ, по образцу которыхъ Тредьяковскій, пользуясь рукописями Пауса (съ 1726 года Паусъ былъ переводчикомъ при академіи наукъ), реформировалъ теорію русскаго стиха, не умѣя дать примѣровъ, подтверждающихъ ее. Затѣмъ Н. Д. Чечулинъ сдѣлалъ сообщеніе: «Объ источникахъ Наказа». О заимствованіяхъ въ Наказѣ изъ сочиненій Монтескье и Беккаріи говорила еще сама императрица Екатерина. Изслѣдованіями Кистяковскаго, Заруднаго, Бѣликова было установлено, что глава X-я Наказа представляетъ сокращеніе трактата Беккаріи, а главы III—IX, части XI и XII и почти цѣликомъ главы XVIII—XX содержатъ преимущественно извлеченія изъ Монтескье. Болѣе тщательное сравненіе Наказа съ сочиненіемъ Монтескье показываетъ, что у него заимствованы и нѣкоторыя изъ статей, считавшихся прежде принадлежащими самой императрицѣ: представляютъ почти сплошь извлеченія

изъ Монтескье всѣ первыя девять главъ, вся глава XI-1 и части главъ XII, XIV, XV, XVIII—XX; кромѣ того, есть извлеченія изъ Монтескье и въ главѣ XXI—первой дополнительной. Докладчикъ указалъ, что обѣ дополнительныя главы XXI-1 и XXII тоже составлены императрицею Екатериною на основаніи нѣсколькихъ ученыхъ трактатовъ того времени. Глава XXI о полиціи составлена почти сплошь по сочиненію Бильфельда: «Institutions politiques»; извлеченія изъ этого сочиненія есть и въ главѣ XXII. Глава XVII о городахъ составлена по одному изъ сочиненій Юста, извлеченія изъ него есть и въ главѣ XXII. Въ этой же главѣ есть явные слѣды извлеченій изъ сочиненій Кенэ или во всякомъ случаѣ изъ какого либо политико-экономическаго трактата, проводившаго идеи физіократовъ. Вообще не менѣе трехъ четвертей Наказа заимствованы изъ разныхъ современныхъ ему ученыхъ трактатовъ. Докладчикъ подчеркнулъ особенно это стремленіе императрицы стоять въ законодательной дѣятельности на уровнѣ современныхъ ученыхъ изслѣдованій; благодаря этому, Наказъ распространилъ въ русскомъ обществѣ много идей, для своего времени передовыхъ и прогрессивныхъ, и дѣйствительно полезныхъ и замѣчательныхъ. **II.** 25 января состоялось общее собраніе подъ предсѣдательствомъ Д. Ѳ. Кобеко. Первое сообщеніе: «О славянскихъ печатныхъ изданіяхъ Кіево-Печерскаго Патерика», было прочитано Д. И. Абрамовичемъ. Референтъ остановился на первомъ печатномъ славянскомъ изданіи (кіевскомъ 1661 года), которое представляетъ собою позднѣйшую историко-литературную компиляцію, составленную лишь на основаніи Печерскаго Патерика въ собственномъ смыслѣ (какъ сложился этотъ Патерикъ въ періодъ времени съ XIII по XV вѣкъ),—опредѣлилъ отношеніе его и зависимость отъ рукописей редакціи Іосифа Тризны, а затѣмъ перешелъ къ подробностямъ дѣла объ исправленіи Патерика передъ изданіемъ 1759 года (первымъ московскимъ), ознакомивъ съ ними на основаніи данныхъ для исторіи этого исправленія,—очень тщательнаго и сложнаго,—имѣющихся въ архивѣ святѣйшаго Синода, Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ музеяхъ и типографской библіотекѣ. Затѣмъ П. А. Сырку прочелъ рефератъ о латинскихъ припискахъ въ славянскомъ кодексѣ риемованной лѣтописи Манассіи, хранящемся въ Ватиканѣ. Славянскій переводъ этой лѣтописи давно извѣстенъ ученому міру; до сихъ поръ, однако, нѣтъ не только хорошаго изданія этого перевода, но нѣтъ даже научнаго описанія лучшаго изъ его списковъ—ватиканскаго, украшеннаго миніатюрами, драгоцѣнными для исторіи культуры южныхъ славянъ. Такъ, никто пока не обращалъ вниманія на множество славянскихъ и латинскихъ и небольшое количество греческихъ приписокъ, которыя имѣются на поляхъ (изрѣдка въ серединѣ листовъ) ватиканскаго списка и въ большинствѣ случаевъ служатъ указателями содержанія лѣтописнаго текста, а иногда даютъ объясненія непонятныхъ неславянскихъ словъ. Референтъ остановился главнымъ образомъ на латинскихъ припискахъ и примѣчаніяхъ. Онѣ не случайнаго характера, а расположены до нѣкоторой степени въ систематическомъ порядкѣ и даютъ ясное понятіе о содержаніи лѣтописи (до 150-го листа, на которомъ приписки прекращаются). Сдѣланы приписки на основаніи источниковъ главнымъ образомъ историческаго характера и отчасти на основаніи легендарныхъ сказаній

изъ болгарской исторіи. Это одно уже даетъ право предположить, что латинскія приписки принадлежатъ славянину. Детальныя наблюденія надъ ихъ правописаніемъ и особенностями языка привели референта къ убѣжденію, что приписки несомнѣнно сдѣланы болгариномъ, знавшимъ латинскій языкъ, въ очень близкое къ написанію самаго кодекса время. Наиболѣе вѣроятнымъ референтъ считаетъ, что латинскія приписки сдѣлано для того, чтобы дать понять о содержаніи памятника людямъ, не знакомымъ съ славянскимъ языкомъ, тотчасъ послѣ того, какъ кодексъ былъ принесенъ изъ Болгаріи въ Римъ, то-есть въ началѣ XV вѣка. Кромѣ того, референтъ считаетъ возможнымъ допустить мысль, что болгарскій латинистъ, сдѣлавшій латинскія приписки, внесъ въ кодексъ и западное троянское сказаніе и, можетъ быть, принималъ участіе въ илюстрированіи рукописи.

Археологическій институтъ. I. Дѣятельность созданныхъ основателемъ института сенаторомъ Н. В. Калачовымъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій, по доставленнымъ комиссіями отчетамъ за 1900 годъ, освѣщена была 15-го января въ сообщеніи директора археологическаго института профессора Н. В. Покровскаго. 15-го января, въ день своего основанія, институтъ праздновалъ 24-ю годовщину своего существованія. Засѣданіе въ этотъ день по традиціи посвящается губернскимъ ученымъ архивнымъ комиссіямъ. Профессоръ Н. В. Покровскій остановился на дѣятельности въ 1900 году комиссій: владимирской, калужской, рязанской, симбирской, тамбовской и тверской. Владимирская, наиболѣе молодая комиссія, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ и сочувствію мѣстнаго общества, привлекла къ себѣ значительныя матеріальныя средства; бюджетъ ея доходитъ вмѣстѣ съ суммами, собранными на постройку зданія для музея комиссіи, до 12.000 рублей. Бюджеты другихъ комиссій значительно меньше. Калужская же имѣла въ своемъ распоряженіи всего около 300 рублей. Но несмотря на отсутствіе необходимыхъ средствъ, энергія тружениковъ комиссій не упадаетъ, и прошлое родныхъ уголковъ, благодаря изслѣдованіямъ мѣстныхъ памятниковъ старины, мало-по-малу выступаетъ изъ тьмы забвенія. Комиссіи несутъ обязанность просмотра архивныхъ описей дѣламъ, предназначеннымъ къ уничтоженію, и спасаютъ такимъ образомъ много историческихъ документовъ отъ безпощаднаго истребленія. Вещественные памятники древности заботливо охраняются, собираемыя коллекціи предметовъ старины образуютъ музеи. По примѣру ярославской комиссіи, устроившей первый областной археологическій съѣздъ, и тамбовская архивная комиссія возбудила въ отчетномъ году вопросъ объ устройствѣ такого же съѣзда для средней полосы Россіи. Собраніе драгоцѣнныхъ и быстро исчезающихъ изъ народной памяти устныхъ произведеній народнаго творчества симбирскаго Поволожья служило задачею симбирской архивной комиссіи. **II.** 27-го января профессоръ М. И. Веселовскій прочелъ докладъ «О римскихъ древностяхъ въ Кубанской области». Богатая коллекція предметовъ раскопокъ былъ демонстрирована въ засѣданіи. Однимъ изъ рѣдкихъ предметовъ является наборъ блящекъ пояса римскаго воина; поясъ этотъ представляетъ даже болѣе древній типъ, чѣмъ встрѣчаемые на Западѣ. Нѣкоторыя изъ вещей, найденныхъ въ курганахъ, несомнѣнно, изготовлялись спеціально для ритуала погребеній.

Среди римскихъ древностей встрѣтились индикаціи (оттиски монетъ). Красивы вещицы съ вставленными разноцвѣтными стеклами. Древности эти относятся къ II—III вѣкамъ христіанской эры. Присутствовавшій на собраніи предсѣдатель императорской археологической комиссіи сенаторъ графъ А. А. Бобринскій, принялъ участіе въ обсужденіи деталей доклада, высказавъ удивленіе, что исторія до сихъ поръ молчитъ о тѣхъ, судя по находкамъ, богатыхъ народностяхъ, которыя обитали въ Кубани въ вышеуказанный періодъ. Обсуждался также вопросъ о времени разграбленія кургановъ. Чаще всего разграбленіе совершалось вскорѣ послѣ погребенія.

Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ. 14-го января состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ. Н. Н. Алякритскій познакомилъ съ результатами своей экскурсіи въ г. Дмитріевъ, Курской губерніи. Докладчикъ указалъ на рядъ городищъ и кургановъ, интересныхъ для изслѣдованія и уже отчасти изслѣдованныхъ г. Говоровымъ, и остановился подробно на древнихъ памятникахъ церкви Рождества Богородицы въ г. Дмитріевѣ и церкви Іоанна Богослова, и среди нихъ спеціально на двухъ синодикахъ, украшенныхъ гравюрами, представляющихъ собою повтореніе третьяго изданія синодика Бунина, одного изъ граверовъ на мѣди и знаменщика (рисовальщика) серебряной палаты при оружейной палатѣ. По поводу доклада постановлено: просить г. Говорова представить его коллекцію древнихъ памятниковъ для выставки при съѣздѣ. Н. Н. Алякритскій познакомилъ съ описью нѣкоторыхъ замѣчательныхъ памятниковъ, поступившихъ изъ запорожскихъ церквей и хранящихся въ церкви г. Никополя. Рѣшено ходатайствовать о присылкѣ этихъ памятниковъ для церковно-археологической выставки. Профессоръ Н. Ѳ. Сумцовъ познакомилъ съ народно-поэтическими матеріалами, поступившими въ распоряженіе комитета, и изслѣдованіемъ студента Е. Криста о кобзаряхъ и лирникахъ. Изъ этого матеріала выдѣляется сборникъ малорусскихъ свадебныхъ пѣсенъ вмѣстѣ съ прекраснымъ описаніемъ ритуала-учителя А. Г. Водолазскаго. Студентъ Е. Кристъ доложилъ о своей экскурсіи по изученію кобзарей и лирниковъ, и ихъ пѣсеннаго репертуара. Докладчикъ познакомилъ съ біографіями кобзарей: Остапа-Бутенка, Петра Древнина, Ивана Зазули, и съ нѣкоторыми исполняемыми ими пѣснями, записанными имъ. Докладчикъ старается установить школы лирниковъ Харьковской губерніи. А. В. Ветуховъ познакомилъ съ матеріаломъ, собраннымъ комитетомъ и относящимся къ вопросу о кобзаряхъ и лирникахъ. Отвѣты въ этихъ матеріалахъ большею частью цѣнности не представляютъ. Однако есть и довольно обстоятельныя сообщенія, приводящія и интересные списки репертуара пѣвцовъ и ихъ характеристику. Профессоръ Е. К. Рѣдинъ доложилъ сообщенія: 1) свящ. села Ласны (Екатеринославск. губ.) о древностяхъ мѣстной церкви; 2) крестьянъ Немкина и Команценко о желаніи производства на свои средства раскопокъ; 3) Ф. Н. Трипольскаго о двухъ иконахъ, предлагаемыхъ имъ для выставки. Рѣшено просить о присылкѣ указанныхъ предметовъ. Въ распоряженіе предварительнаго комитета и для музея древностей университета поступили: отъ Изюмской соборной церкви: рукописный Ирмалогій XVIII в., Новый Завѣтъ 1779 г., крестъ 1790 г., епитрахиль,

ризы дарь Петра I, иконы и книги, и чаша XVII в., отъ Николаевской церкви Новыхъ Водолагъ: Евангеліе 1759 г., стихарь 1848 г., вѣнцы, чаша 1765 г., кресты 1741 и 1792 г., дискосъ 1768 г., воздухи и книги; отъ свящ. Черняева (с. Знаменское, Валковск. у.): ризы, крестъ, Евангеліе 1712 г., Тріодіонъ 1717 г.; отъ свящ. Власовскаго: Евангеліе 1798 г., 1758 г., Минею общую 1680 г., отъ свящ. Силофменко (Ахтырка): Евангеліе 1694 г.; отъ свящ. Петрусенко (Педригайловъ): оловянная чаша, дискосъ, подризникъ; отъ Боромлянской Троицкой церкви: крестильня, оловянный крестъ, деревянный крестъ и др.; отъ Ахтырской Преображенской церкви: серебряная дарохранительница XVIII в., чаша серебряная 1763 г., Евангеліе 1698 г.: отъ Боромлянской Рождества Богородицы церкви: чаша серебряная 1795 г. съ звѣздицей и дискосомъ; отъ свящ. Власова (Богодуховъ): Евангеліе 1677 г.: крестъ XVII в., серебряный ковшикъ 1667 г., оловянная дарохранительница; отъ свящ. Петровскаго (Юнаковка): потиръ и пелена XVIII в.; отъ Ахтырской соборной церкви: икона Богоматери 1782 г., серебряная дарохранительница 1743 г.: отъ свящ. Стенурскаго: плащеница 1806 г.; отъ св. Бородаева: акаѳистъ прав. Богородицы, рукопись XVIII в., брачные желѣзные вѣнцы; отъ свящ. Макухина—множество старопечатныхъ книгъ, грамоты; отъ свящ. Слѣсарева: Евангеліе учительское 1796 г., бесѣды Іоанна Златоуста 1709 г., грамоты; отъ церкви села Нижняго Бурлука: тріодь постовая 1704; отъ свящ. Шипилова: стальная алебарда, наконечникъ стрѣлы; отъ свящ. Ѳ. Таранскаго: монеты, указы, рукопись, Евангеліе 1753 г., крестъ 1778 г.; отъ П. С. Шоровкина: глиняная копилка, мѣдная икона; отъ свящ. С. Котлярова — множество старинныхъ богословскихъ и ученыхъ сочиненій XVIII в., рукописи, воздухи; отъ свящ. Оптовцева—такое же собраніе книгъ; вѣнцы, крестъ 1812 г., шапка; отъ свящ. Ракшевскаго—Евангеліе XVII в.; потиръ XVII в.; отъ свящ. Царевскаго: крестъ, дароносица, Евангеліе 1764 г., служебникъ 1763 г., канонникъ 1774 г.; отъ учителя Николаева (Локня) — Живописецъ 1784 г., Аугсбургское изданіе 1770 г., гравюры, монеты: отъ свящ. Кушнаревскаго: потиръ и деревянный крестъ XVIII в.; отъ церкви села Водяного: Евангеліе 1730 г., Дѣяніе свв. Апостоловъ XVI в.; отъ свящ. Щербина: Евангеліе XVII в., крестъ и дискосъ XVIII в. Комитетъ выражаетъ глубокую благодарность всѣмъ сдѣлавшимъ сообщенія и приславшимъ различные предметы.

Церковно-археологическая комиссія. На послѣднемъ декабрьскомъ засѣданіи церковно-археологическаго отдѣла при обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія избрана была при отдѣлѣ постоянная комиссія для осмотра и изученія вещественныхъ памятниковъ церковной старины по городу Москвѣ и Московской епархіи. Въ составъ комиссіи вошли: товарищъ предсѣдателя отдѣла А. И. Успенскій, священникъ Покровскаго-Василія-Блаженнаго собора I. I. Кузнецовъ, казначей отдѣла священникъ церкви св. Георгія, на Красной Горкѣ, Н. А Скворцовъ, архитекторъ А. Н. Козловъ и иконописецъ В. П. Гурьяновъ.

Археологическая находка. Лѣтомъ прошлаго года въ Каневскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи, на берегу рѣки Роси, былъ раскопанъ г. Гизе курганъ, давшій, по словамъ кіевскихъ газетъ, интересные остатки скиѳской эпохи. На

глубинѣ 2-хъ метровъ отъ уровня земли, подъ настилкой изъ дубовыхъ бревенъ и громаднымъ слоемъ обожженной глины, угля и золы, оказалась яма, въ которой были найдены обгорѣлыя кости, а въ юго-восточномъ углу ея, въ слоѣ желтой глины,—золотая гривна (шейный обручъ) и золотая діадема изъ широкой бляхи съ изображеніями на ней сцены изъ скиѳской жизни. Въ числѣ 10-ти фигуръ одна, повидимому, царица, сидитъ въ креслѣ, имѣя на головѣ высокую повязку съ ниспадающими изъ-подъ нея волосами или вуалью, въ лѣвой рукѣ она держитъ зеркало, въ правой—кувшинчикъ, изъ котораго наливаетъ въ рогъ стоящаго передъ ней на колѣняхъ бородатаго скиѳа, опирающагося другой рукой на мечъ. За плечами скиѳа—налучье съ лукомъ. За скиѳомъ, также на колѣняхъ, стоитъ человѣкъ, играющій на инструментѣ въ родѣ лиры. Двое юношей занимаются разливаніемъ вина изъ амфоры въ рогъ. За кресломъ женщины стоитъ мальчикъ съ опахаломъ; далѣе два скиѳа, обнявшись, пьютъ изъ одного рога; еще одинъ, въ длинной одеждѣ, съ мечемъ (жрецъ?), приготовляется, повидимому, рѣзать барана, котораго держитъ прислужникъ. Работа діадемы принадлежитъ, очевидно, туземному, малоискусному, хотя и видавшему греческіе образцы мастеру; фигуры, несмотря на грубость исполненія, жизненны и въ общемъ дополняютъ новыми чертами извѣстныя изображенія изъ жизни скиѳовъ.

Географическое общество. I. Въ засѣданіи 16-го января по отдѣленію географіи математической и физической было сдѣлано два сообщенія: А. П. Варнекомъ «Краткій обзоръ плаванія парохода «Пахтусовъ» въ Ледовитомъ океанѣ», и Т. П. Тимоѳеевымъ «Путешествіе на Новую Землю». Пароходъ «Пахтусовъ», имѣя своимъ назначеніемъ охрану морскихъ промысловъ у сѣверныхъ береговъ Россіи, за минувшее лѣто совершилъ экскурсіи въ проливъ Маточкинъ Шаръ и заливъ Медвѣжій, при чемъ изслѣдовалъ мѣста, совершенно еще неизвѣстныя; намѣреніе пройти въ Медынскій Заворотъ не могло осуществиться, благодаря большому скопленію льда, что указываетъ, по мнѣнію докладчика, на невозможность избранія Медынскаго Заворота конечнымъ пунктомъ для Сѣверной желѣзной дороги, какъ это предлагалось нѣкоторыми. По проходѣ Карскихъ воротъ, сопряженномъ съ большими опасностями, благодаря отсутствію картъ и подводнымъ скаламъ, была обслѣдована и нанесена на карту бухта Долгая (въ сѣверо-западной части Вайгача). Маточкинъ Шаръ съ 1876 года, послѣ парохода «Царица», не проходило ни одно судно; Маточкинъ Шаръ представляетъ собою проливъ въ 55 миль длины и ширины до 2 миль; берега его состоятъ изъ горъ до двухъ и болѣе тысячъ футовъ высоты и глетчеровъ. Въ Медвѣжьемъ заливѣ до «Пахтусова» еще не было русскихъ судовъ; длина Медвѣжьяго залива 30 миль; при входѣ въ него открывается грандіозная волшебная картина, благодаря разбросаннымъ по нему ледянымъ горамъ самой причудливой формы, играющимъ на солнцѣ безчисленными, ослѣпительными огнями самоцвѣтныхъ камней; горы эти образуются отъ скопленія льдовъ глетчеровъ, задерживаемыхъ мелями; высота ихъ достигаетъ до 40 футовъ, причемъ сидятъ онѣ на глубинѣ 73 и болѣе саженъ. Ледяная стѣна глетчера въ Медвѣжьемъ заливѣ тянется на протяженіи 5 верстъ, толщу его можно приблизительно опредѣлить въ 82 сажени, а на высотѣ она еще больше; на-

ходится онъ въ періодѣ отступанія. Въ Медвѣжьемъ заливѣ были опредѣлены астрономическій пунктъ, магнитное склоненіе, сдѣлано: описаніе береговъ, рядъ драгировокъ, опредѣленія температуры и удѣльнаго вѣса воды. Результатомъ экспедиціи явились карты распредѣленія полярныхъ льдовъ за время отъ мая до сентября 1901 года, составленныя капитаномъ. Варнекомъ по его личнымъ наблюденіямъ и свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ норвежскихъ судовъ; общія изслѣдованія укрѣпили докладчика во мнѣніи, что Югорскій Шаръ не можетъ быть лучшимъ путемъ къ сѣвернымъ рѣкамъ, и нынѣшнимъ лѣтомъ таковымъ было Карское море.—М. Н. Тимоѳеевъ совершилъ совмѣстную поѣздку и на Новую Землю съ художникомъ Борисовымъ; поѣздка имѣла не только художественныя цѣли, но и научныя. Результатомъ этой поѣздки были обширныя топографическія работы, давшія много поправокъ и пополненій въ картограмахъ Новой Земли, заливовъ Чекина, Медвѣжьяго и др., богатыя коллекціи—геологическая и зоологическая, могущая дать нѣкоторый матеріалъ относительно передвиженія мелкопитающихъ; удалось также доказать существованіе теченія вдоль береговъ Новой Земли съ сѣвера на югъ. Въ этомъ же засѣданіи секретарь отдѣленія произнесъ небольшую рѣчь, посвященную памяти скончавшагося И. В. Мушкетова и обрисовавшую значеніе его научной дѣятельности и его заслуги передъ географическимъ обществомъ, предсѣдателемъ отдѣленія (географіи математической и физической) котораго онъ былъ въ теченіе 17 лѣтъ.

II. 18-го января В. И. Масальскій прочелъ сообщеніе о сельско-хозяйственныхъ культурахъ Черноморскаго побережья. Одинъ изъ лучшихъ климатическихъ уголковъ Россіи—черноморское побережье является почти совсѣмъ неизслѣдованнымъ съ точки зрѣнія наиболѣе примѣнимыхъ здѣсь культуръ сельскаго хозяйства. Надо впрочемъ замѣтить, что населеніе здѣсь необычайно рѣдкое, и на всю Черноморскую губернію приходится всего 54.000 жителей. Для сѣверной части побережья вопросъ сельскаго хозяйства еще можно считать разрѣшеннымъ болѣе или менѣе удовлетворительно. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, найдена лучшая по мѣстности культура — виноградники. Всего въ этой части побережья уже имѣется около 500 десятинъ виноградниковъ, при чемъ имѣются такія вполнѣ благоустроенныя хозяйства, какъ князя Тенишева, Удѣльнаго вѣдомства (170 десятинъ) и нѣкоторыя другія. Лучшіе виноградники находятся въ Новороссійскомъ округѣ, и нѣкоторыя вина здѣшнихъ виноградниковъ, напримѣръ, рислингъ, могутъ считаться лучшими среди всѣхъ русскихъ винъ. Не столь удовлетворительные результаты даетъ здѣсь плодоводство. Урожаямъ много мѣшаетъ недостатокъ влаги, но можно надѣяться, что въ будущемъ съ примѣненіемъ правильнаго орошенія плодоводство будетъ вестись успѣшно. Болѣе благопріятную почву плодоводство имѣетъ въ южномъ районѣ; иногда хозяева затрудняются здѣсь въ выборѣ сортовъ, но въ этомъ отношеніи существенную помощь имъ въ состояніи оказать сочинская опытная станція. Виноградниковъ въ южной части мало, и въ самомъ значительномъ центрѣ винодѣлія здѣсь — Туапсе — находится лишь около 50-ти виноградниковъ; въ сочинскомъ районѣ ихъ еще менѣе, и мѣстный довольно скудный рынокъ питается преимущественно привознымъ виноградомъ. Произрастанію виноградниковъ мѣшаетъ огромное количество осадковъ. Въ

южномъ районѣ почва удобна для персиковъ, сливъ, орѣховъ и каштановъ; абрикосы почти не встрѣчаются, такъ какъ ихъ губятъ весенніе заморозки, отъ которыхъ страдаютъ даже фундуки. Кромѣ того, хозяева обречены здѣсь на борьбу съ сорными травами, грибками и вредными насѣкомыми. Урожаи персиковъ и сливъ можно считать вполнѣ удачными, но сбытъ ихъ крайне затрудненъ, такъ какъ фрукты эти не могутъ выдерживать продолжительной морской перевозки. Поэтому слѣдуетъ принять мѣры для сушки фруктовъ на мѣстѣ; кое-что въ этомъ отношеніи уже и сдѣлано. Затѣмъ желательна и вполнѣ возможна здѣсь культура фиговаго дерева, шелковицы и миндаля. Вообще въ южномъ районѣ многія культуры могли бы съ успѣхомъ примѣняться, однако слѣдуетъ выбирать лишь тѣ, которыя свойственны преимущественно одной лишь этой мѣстности. Такимъ образомъ не имѣетъ смысла насажденіе здѣсь хлѣбныхъ злаковъ, кромѣ кукурузы. Но во всякомъ случаѣ оживить Черноморскій край можетъ, по мнѣнію докладчика, только желѣзная дорога. Пароходство здѣсь не имѣетъ никакого значенія, и построенныя пристани остаются совершенно безъ употребленія. Желѣзная дорога впрочемъ уже рѣшена, остается пожелать, чтобы ей было дано такое направленіе, которое связывало бы внутреннія долины побережья. Затѣмъ не менѣе насущный вопросъ — заселеніе края; въ рабочихъ рукахъ здѣсь крайній недостатокъ. Въ заключеніе докладчикъ разсказалъ о своемъ посѣщеніи Ново-Аѳонскаго монастыря, гдѣ плодоводство ведется очень успѣшно; культуры лимоновъ, апельсиновъ и маслинъ удались здѣсь вполнѣ; монахи собираютъ съ 70 лимонныхъ деревьевъ болѣе 50.000 плодовъ, нѣкоторыя дерева приносятъ до 1.000 плодовъ. Нынче въ монастырѣ произведенъ опытъ посадки 800 мандариновыхъ деревьевъ въ превосходно защищенной мѣстности. Хорошо растутъ здѣсь также финики и черные рожки, о которыхъ думали, что культура ихъ въ Россіи невозможна.

Общество любителей естествознанія и географическое его отдѣленіе. Въ сообщеніи, прочитанномъ въ засѣданіи 19-го января, Б. А. Федченко сдѣлалъ очеркъ экспедиціи, совершенной имъ лѣтомъ 1901 года на Памиръ по порученію императорскаго русскаго географическаго общества. (Ср. февральскую книжку «Историческаго Вѣстника», стр. 786—788). Въ экспедиціи этой участвовали также почетный членъ общества любителей естествознанія О. А. Федченко, дѣйствительный членъ того же общества С. Г. Григорьевъ и студенты Б. А. Вараксинъ и М. Н. Тулиновъ. Главная цѣль экспедиціи была ботаническая,—ознакомленіе съ флорой и растительными сообществами Памира, но собирались также зоологическія коллекціи, образцы горныхъ породъ и почвъ, снимались фотографіи и т. д. Снарядившись въ г. Ошѣ, экспедиція направилась къ Алайскому хребту, къ перевалу Талдыкъ. Предгорья Алайскаго хребта покрыты зеленымъ ковромъ травъ; по рѣкѣ Куршабу тянутся луга степного характера. Мѣстами встрѣчаются также рощи лиственныхъ деревьевъ, дикая яблоня, кленъ Семенова и др.; по озеркамъ можно было видѣть водныя растенія, сходныя со свойственными Средней Россіи; только ряска, цвѣтущая у насъ очень рѣдко, здѣсь была встрѣчена въ цвѣту. Съ поднятіемъ въ горы древесная растительность постепенно исчезаетъ; выше прочихъ деревьевъ идетъ черный тополь (осокорь). По горнымъ склонамъ растутъ

полудревесные кустарники, особенно разные виды можжевельника (арча). Одинъ видъ идетъ до 8.000 фут., выше его встрѣчается другой, образующій мѣстами въ ущельяхъ цѣлые лѣса; третій видъ поднимается до 11.000 фут. Перевалъ Талдыкъ сравнительно легкій; чрезъ него проложена довольно удобная дорога, и на самомъ перевалѣ стоитъ столбъ съ доской, на которой отмѣчено, когда и кѣмъ устроена эта дорога. Выше 11.000 фут. можжевельника уже нѣтъ, и начинается альпійская область; 1-го іюля здѣсь только что наступила весна; растенія были встрѣчены начинающими цвѣсти. По ту сторону перевала разстилается продольная долина Алая, длиною въ 200 верстъ, шириною около 25-ти верстъ. Лѣтомъ сюда перекочевываютъ киргизы со своими стадами, находящими на здѣшнихъ альпійскихъ лугахъ обильный кормъ (имѣется до 25—30-ти видовъ кормовыхъ растеній). Перейдя въ одинъ день Алайскую долину (здѣсь встрѣчено было немало насѣкомыхъ, въ томъ числѣ и многіе виды бабочекъ), караванъ сталъ подниматься по сѣверному склону Заалайскаго хребта къ перевалу Кызылъ-яртъ (на высотѣ $13^{1}/_{2}$ тыс. фут.). Склонъ каменистый, покрытый характернымъ коричневымъ кремнемъ; мѣстами, съ вершинъ снѣгового Заалайскаго хребта достигающихъ 20-ти, 22-хъ, даже 25-ти тыс. фут., спускаются ледники. За Кызылъ-яртомъ разстилается уже плоскогорье Памира, средняя высота котораго около 12.000 фут. Вступивъ въ долину р. Марканъ-су, экспедиція дошла до озера Кара-куля. Двумя полуостровами, выдвигающимися одинъ съ сѣвера, другой съ юга, озеро подраздѣляется на двѣ части, изъ коихъ одна довольно мелкая, другая достигаетъ значительной глубины. Вода имѣетъ слабый горько-соленый вкусъ; рыбы въ озерѣ почти нѣтъ; берега озера обрывисты, возвышаются сажени на двѣ-три надъ водой и сложены изъ сѣровато-желтой глины, въ прослояхъ которой видны слои льда. Ледъ этотъ одни объясняли, какъ остатки древняго ледника, другіе видятъ въ немъ ледяные слои, образовавшіеся въ смежныхъ съ озеромъ заливахъ и занесенные затѣмъ иломъ, подъ которымъ ледъ не можетъ растаять въ теченіе короткаго лѣта (днемъ впрочемъ въ іюлѣ и августѣ бываетъ иногда очень жарко, но ночью рѣдко когда не бываетъ морозъ). Памирская равнина представляетъ пустыню съ рѣдкою растительностью, сидящей отдѣльными кустиками среди каменистаго щебня; характерны особенно кустики одной солянки, такъ называемаго терскена, служащаго въ пищу верблюдамъ, а главнымъ образомъ—своими толстыми корневищами — для топки; встрѣчаются также астрагалы и нѣкоторыя другія растенія, а мѣстами валяются громадные рога архаровъ (горныхъ барановъ); послѣдніе впрочемъ удаляются лѣтомъ на высокія горы. Перейдя перевалъ Акъ-байталъ ($15^{1}/_{2}$ тыс. фут.), караванъ достигъ 10-го іюля Памирскаго поста, въ долинѣ Мургаба. Вблизи поста—большой мокрый лугъ, на которомъ пасутся казачьи лошади; почва этого луга сверху солончаковая съ выпотами соли, а глубже—подзолистая. На Памирѣ есть и туземные обитатели, киргизы; ихъ не болѣе 1.500 человѣкъ съ 300 кибитокъ; они разводятъ яковъ, верблюдовъ и лошадей. Разрѣженный горный воздухъ оказываетъ свое дѣйствіе на людей, къ нему непривычныхъ; всякое движеніе, даже взлѣзаніе на лошадь, вызываетъ одышку и утомляетъ; но мѣстные киргизы и ихъ животныя настолько приспособились къ разрѣженной

[illegible], что здѣсь устраивался даже станъ; кромѣ кирпичныхъ кибитокъ, здѣсь встрѣчаются также могилы [illegible] [illegible] [illegible]— кучами кирпичей, содержащими внутри [illegible] и [illegible] разрушившимися. [illegible] черезъ Мургабъ, [illegible] въ долинѣ Джаманъ-тау, любопытное тѣмъ, что здѣсь встрѣчаются и древніе [illegible], [illegible], а затѣмъ, перейдя [illegible] [illegible] часто недоступный изъ-за массы снѣга, вступила въ долину р. Аличура. Рѣка эта впадаетъ въ озеро Яшиль-куль (до 30-ти верстъ [illegible]), откуда вытекаетъ подъ именемъ Гунта и впадаетъ въ р. Пянджъ. Экспедиція прошла впрочемъ окружнымъ путемъ черезъ перевалъ Кой-тезекъ и стала спускаться въ долины Шугнана. Ландшафтъ скоро совершенно измѣнился. Стали встрѣчаться многоводные горные ручьи, по берегамъ ихъ тополи и другія деревья, по склонамъ — посѣвы ячменя, гороха, а еще ниже — рожь и пшеница. Около селеній — сады съ абрикосами, яблонями, грецкимъ орѣхомъ, вишнями, сливами. Шугнанцы впрочемъ — народъ крайне бѣдный; они находятся теперь подъ властью Бухары; по англо-русскому соглашенію, Пянджъ образуетъ границу между Бухарой и Афганистаномъ. Такое разграниченіе раздѣлило шугнанцевъ на двѣ части, иногда близко родственныя селенія оказываются отрѣзанными одно отъ другого, тѣмъ болѣе, что афганское правительство не допускаетъ никакихъ сношеній съ противоположнымъ берегомъ. На берегу этой рѣки, уже въ виду Гиндукуша, расположенъ крайній русскій постъ Хорогъ. Отсюда экспедиція поднялась по долинѣ Пянджа до Пикашима, имѣя намѣреніе пройти чрезъ Гиндукушъ въ Индію; но англо-индійское правительство хотя и дало разрѣшеніе, но поздно, къ тому же указало такой путь, которымъ трудно было воспользоваться. Пришлось поэтому итти обратно тѣмъ же путемъ, при чемъ удалось значительно пополнить собранныя ранѣе ботаническія и зоологическія коллекціи. Въ томъ же засѣданіи В. Г. Михайловскій представилъ нѣкоторые результаты городскихъ переписей, интересные съ антропогеографической точки зрѣнія. Количество и ростъ населенія въ наиболѣе многолюдныхъ городахъ Европы и Америки были иллюстрированы референтомъ помощью изображенныхъ на бумагѣ въ профиль идущихъ человѣческихъ фигуръ, при чемъ сравнительная величина этихъ фигуръ показывала относительное количество населенія городовъ, а величина ихъ шага — болѣе или менѣе быстрый приростъ населенія. Рядъ фигуръ открывался колоссальною фигурой англичанина, изображающаго Лондонъ (4,6 милл. жит.), идущаго однако маленькими шажками (приростъ за послѣднее время всего 0,7% въ годъ); слѣдующій за нимъ, болѣе малорослый и сухой, — американецъ Нью-Іоркъ (3,6 милл. жит.), — дѣлаетъ крупные шаги (приростъ въ пять разъ больше, чѣмъ у Лондона). За ними идетъ мелкими шажками француженка — Парижъ, а за нею, меньшаго роста, нѣмецъ — Берлинъ, приростъ котораго также почти остановился въ послѣдніе годы. Наиболѣе быстро шагаетъ за ними другой американецъ — Чикаго (приростъ — 6%) а далѣе слѣдуютъ другія столицы и большіе города, въ томъ числѣ быстро растущіе Буэносъ-Айресъ, Глазго и Варшава (годовой приростъ — 3½%). Петербургъ занимаетъ 8-е мѣсто (1.439 тыс. съ пригородами, 1.200 тыс. безъ нихъ), Москва — 10-е (почти 1.136 тыс. жит., а безъ пригоро-

довъ 1.090 тыс.). Увеличеніе населенія въ нихъ происходитъ главнымъ образомъ на счетъ пришлаго крестьянскаго и мѣщанскаго населенія; естественный прирость не болѣе 2—3 тыс. въ годъ. Въ Петербургѣ пришлое населеніе составляетъ болѣе 70%, въ Парижѣ—68%, въ Вѣнѣ—62%, въ Берлинѣ—57%. Коренное населеніе Петербурга составляетъ только 29%, Москвы только 26%, тогда какъ въ Лондонѣ, наоборотъ, пришлаго населенія не болѣе 37%. Въ нашихъ столицахъ количество пришлаго населенія за послѣдніе годы возрастаетъ; въ Петербургѣ въ 1881 году оно составляло 42%, въ 1890 г.—52%, по правительственной переписи 1897 г.—59%. Въ Москвѣ перепись 1882 г. дала 59%, 1897 г.—62%. Наши крупные центры стягиваютъ притомъ къ себѣ населеніе съ большей территоріи, чѣмъ за границей, гдѣ столицы привлекаютъ къ себѣ только уроженцевъ ближайшихъ провинцій, а болѣе отдаленные имѣютъ свои мѣстные значительные городскіе центры. Референтъ показалъ картограмму Россіи, на которой означены различными красками губерніи, тяготѣющія къ Петербургу, Москвѣ и Одессѣ (т. е. такія, 2% населенія которыхъ живетъ въ одномъ изъ означенныхъ городовъ). Районъ тяготѣнія къ Петербургу гораздо больше, чѣмъ тяготѣющій къ Москвѣ: кромѣ Петербургской губерніи и сосѣднихъ съ нею (Эстляндской, Псковской, Новгородской, Олонецкой), въ него входятъ Верхнее Поволжье до самаго Нижняго и сѣверныя губерніи (Вологодская, Архангельская). Къ Москвѣ тяготѣютъ примосковныя губерніи; однако Тверская, Ярославская, Смоленская даютъ болѣе выходцевъ въ Петербургъ, чѣмъ въ Москву. Фактъ этотъ объясняется, очевидно, исторіей, прежними путями сношеній (водными), а затѣмъ консерватизмомъ, привычкой (разбогатѣвшіе въ Петербургѣ крестьяне, хозяйчики, выписываютъ къ себѣ въ работники земляковъ), отчасти, можетъ быть, и большей заработной платой въ сѣверной столицѣ. Петербургъ расширилъ сферу своего притяженія въ 80-хъ и 90-хъ годахъ даже на Рязанскую и Тульскую губернію, хотя только предстоящая перепись Москвы въ состояніи выяснить, насколько въ этомъ отношеніи Москва отстала или сравнялась съ Петербургомъ. Вслѣдствіе такого притяженія въ столицы, крестьянское населеніе нѣкоторыхъ уѣздовъ за послѣдніе годы (съ 1885 по 1892 г.) стало уменьшаться. Такой районъ уменьшенія существуетъ и около Москвы, а за нимъ слѣдуетъ районъ (Верхнее Поволжье, верховья Оки), гдѣ число населенія остается, повидимому, неподвижнымъ; уѣзды съ быстрымъ приростомъ (2%) образуютъ отдѣльныя пятна на картограммѣ. Въ столицы стекается преимущественно холостое населеніе; но между Петербургомъ и Москвой есть въ этомъ отношеніи разница: въ Москвѣ женатыхъ 47%, тогда какъ въ Петербургѣ только 39%. Въ то время какъ въ западно-европейскихъ большихъ городахъ число женщинъ сравнительно немногимъ уступаетъ числу мужчинъ и даже превышаетъ его, въ Петербургѣ (1897 г.) на 1.000 мужчинъ насчитывалось только 825 женщинъ, а въ Москвѣ даже только 761. Интересно также отмѣтить происходящій въ крупныхъ городахъ процессъ отлива населенія отъ центра къ окраинамъ. Въ Лондонѣ этотъ процессъ начался уже давно, позже—въ Парижѣ, Берлинѣ; у насъ онъ сталъ сказываться сравнительно недавно. Населеніе Москвы увеличивалось рачѣе равномѣрно во всѣхъ частяхъ города;

теперь въ центральныхъ частяхъ (напримѣръ, въ Городской и во 2-мъ Мѣщанскомъ участкѣ) замѣчается уменьшеніе населенія (до 3%), кругомъ идутъ участки, прирость населенія въ которыхъ почти остановился (самое большее 0,8%), а на окраинахъ населеніе сильно растетъ: за участками съ приростомъ 1—2% слѣдуютъ съ приростомъ 2—4% и болѣе. Особенно это замѣчается на сѣверной и восточной окраинахъ Москвы; въ 3-емъ Сущевскомъ участкѣ приростъ доходитъ до 10%. Населеніе Марьиной рощи удвоилось въ три года, Даниловской слободы увеличилось наполовину. Жившія ранѣе обособленной жизнью примосковныя деревни Дубровка, Марьино, Черкизово, теперь уже сливаются съ городомъ. Процессъ этотъ будетъ, конечно, продолжаться; примѣръ Лондона, занимающаго территорію въ 2.000 кв. кил., равную площади всего Московскаго уѣзда, наглядно показываетъ, до какихъ размѣровъ можетъ итти разростаніе большихъ городовъ. Такимъ образомъ мы замѣчаемъ теперь двоякое явленіе въ распредѣленіи населенія: съ одной стороны, населеніе стягивается въ большіе города и рѣдѣетъ въ окружающихъ ихъ районахъ, съ другой стороны, въ городахъ оно рѣдѣетъ въ ихъ центрѣ и стягивается къ окраинамъ, которыя расширяются на счетъ ближайшихъ селеній и пустырей.

Общество археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ. 25 января состоялось очередное общее собраніе. Вниманію присутствующихъ былъ между прочимъ предложенъ «докладъ о дѣйствіяхъ комиссіи по составленію юбилейнаго сборника статей, посвященныхъ 350-лѣтію присоединенія Казанскаго края къ Россійской державѣ». Изъ этого доклада можно было видѣть, что работы названной комиссіи за время, истекшее съ ея основанія, подвигались довольно быстро; изъ сотрудниковъ предполагаемаго сборника четверо (о. Е. А. Маловъ, Д. А. Корсаковъ, И. М. Покровскій и Н. Ѳ. Юшковъ) подробно изложили сущность статей и матеріаловъ, имѣющихъ войти въ юбилейное изданіе, которое составитъ два тома, объемомъ (въ общей сложности) до сорока печатныхъ листовъ. Сообщенія прочихъ сотрудниковъ «Сборника» объ ихъ статьяхъ имѣютъ быть сдѣланы въ февральскомъ публичномъ засѣданіи общества.

Изъ двухъ включенныхъ въ программу засѣданія научныхъ сообщеній было сдѣлано только одно: «Изъ жизни пермскихъ вотяковъ Гондырскаго края (общественныя празднества, моленія и обряды)», принадлежащее члену-сотруднику общества, г. И. В. Яковлеву; второе сообщеніе, за позднимъ временемъ, было отложено до слѣдующаго общаго собранія. Рефератъ г. Яковлева ознакомилъ слушателей съ весьма интересными подробностями изъ жизни вотяковъ и обстановкой ихъ языческаго культа, въ который проникли уже отголоски христіанства; любопытно, что одинъ изъ языческихъ праздниковъ у вотяковъ Гондырскаго края, который приблизительно совпадаетъ съ нашей Пасхой, носитъ на ихъ языкѣ названіе «великаго дня».

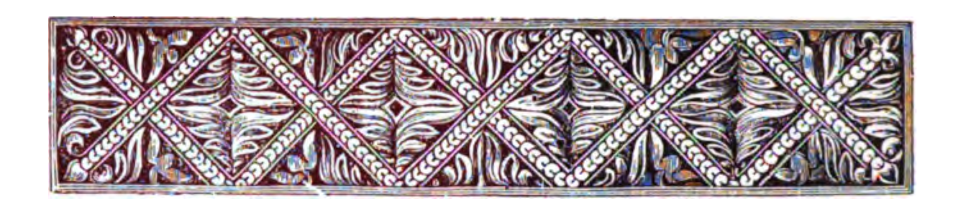
Минусинскій музей и Н. М. Мартьяновъ. 10-го января исполнилось двадцать пять лѣтъ со времени основанія въ гор. Минусинскѣ, Енисейской губерніи, публичнаго мѣстнаго музея. Въ виду этого, еще мѣсяца полтора тому назадъ, основанный недавно въ городѣ Красноярскѣ подотдѣлъ восточно-сибирскаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества, какъ

единственное мѣстное ученое учрежденіе въ Енисейской губерніи, обратился въ различныя научно-образовательныя и общественныя учрежденія (университеты, музеи, общества, городскія думы, редакціи газетъ и т. д.) съ печатнымъ циркуляромъ, въ которомъ, указывая на значеніе Минусинскаго музея для науки, края, культурнаго развитія Сибири, и на то, что своимъ возникновеніемъ и развитіемъ музей обязанъ единственно энергіи и неустаннымъ трудамъ Н. М. Мартьянова, призналъ «въ высокой степени полезнымъ въ воспитательномъ отношеніи остановить общее вниманіе друзей науки и просвѣщенія на этомъ важномъ въ жизни музея моментѣ и сдѣлать его общимъ для всѣхъ праздникомъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ подотдѣлъ извѣщалъ, что имъ открыта подписка на образованіе при Минусинскомъ музеѣ капитала имени Николая Михайловича Мартьянова, «какъ выраженіе благодарности и уваженія къ этому замѣчательному труженику. Проценты съ капитала предназначаются на организацію экскурсій и всякаго рода изслѣдованій въ предѣлахъ Енисейской губерніи и будутъ находиться въ распоряженіи комитета Минусинскаго музея». Призывъ красноярскаго подотдѣла не остался безъ отзыва: многія учрежденія обратились съ привѣтствіемъ къ Н. М. Мартьянову, другими собираются посильныя лепты въ пользу капитала его имени; между прочимъ и бывшій въ Петербургѣ съѣздъ естествоиспытателей и врачей постановилъ удѣлить для этой цѣли изъ своихъ средствъ 200 рублей. Чтобы судить о значеніи Минусинскаго музея и объ услугѣ, оказанной наукѣ и краю Н. М. Мартьяновымъ, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о самомъ краѣ и его городѣ. Минусинскій округъ лежитъ на югѣ Енисейской губерніи и сосѣдитъ съ Монголіей. Большая часть его поверхности представляетъ степную, холмистую равнину, мѣстами пересѣченную горными кряжами, а по южной окраинѣ возвышается Саянское нагорье, со многими высокими, покрытыми лѣсомъ, хребтами, сквозь которые пробивается Енисей, составляющій главную рѣку округа (и всей губерніи). Округъ богатъ озерами, особенно солеными и горько-солеными; въ немъ имѣются золотые пріиски, рудныя мѣсторожденія, онъ отпускаетъ немало лѣса, но главное занятіе его жителей—земледѣліе и скотоводство. По долинамъ рѣкъ средней части округа, въ равнинно-степныхъ его мѣстностяхъ почва черноземная, плодородная, имѣются также тучные луга, и округъ не только прокармливаетъ свое населеніе, но и сбываетъ немало хлѣба, овощей и другихъ продуктовъ въ сѣверные округа губерніи, привлекая вмѣстѣ съ тѣмъ къ себѣ и переселенцевъ изъ Россіи (въ 90-хъ годахъ, среднимъ числомъ, по 3.000 человѣкъ въ годъ). Главное населеніе края русское, но въ разныхъ горныхъ и степныхъ его мѣстностяхъ сохранились и многія племена инородцевъ, называемыхъ вообще «татарами»; говоря татарскимъ языкомъ, они носятъ однако особыя названія (кизильцы, койбалы, карагассы, сагайцы, катинцы и другіе), и, какъ показали изслѣдованія, нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ собою отатарившіяся народности самоѣдскаго корня. Въ краѣ находится много кургановъ, писанныхъ камней; въ землѣ попадаются часто мѣдныя и каменныя орудія; это все свидѣтельствуетъ объ обитаніи края съ древнѣйшихъ временъ и о существованіи здѣсь нѣкогда довольно развитой промышленности. Главный городъ округа, Мину-

синскъ, возникъ въ 1823 г. изъ селенія Минусы и заключаетъ въ себѣ не болѣе $6^1/_2$ тыс. жителей. Являясь довольно значительнымъ земледѣльческимъ центромъ, онъ въ то же время и ведетъ торговлю съ сойотами въ сосѣдней Монголіи и отпускаетъ хлѣбъ и лѣсъ внизъ по Енисею. Въ городѣ имѣется трехклассное мужское училище, четырехклассная женская прогимназія, два приходскихъ училища, женская воскресная школа, общественный банкъ съ годовымъ оборотомъ около 120.000 руб., больница на 35 кроватей, богадѣльня на 20 человѣкъ. Торговый оборотъ города опредѣляютъ въ милліонъ рублей; годовой бюджетъ составляетъ около 35-ти тыс. рублей. И вотъ въ такомъ-то городкѣ имѣется въ настоящее время музей съ библіотекой, придавшій имени Минусинска широкую извѣстность. «Безвѣстный маленькій уѣздный городокъ Минусинскъ, — говоритъ красноярскій подотдѣлъ въ своемъ циркулярѣ, — затерявшійся въ подножіяхъ Саяновъ, благодаря музею, сталъ извѣстнымъ всему образованному міру. Не говоря о томъ, что музей въ общемъ развитіи населенія этого города и его уѣзда пріобрѣлъ чрезвычайно крупное значеніе, онъ сталъ привлекать къ себѣ ученыхъ и изслѣдователей не только изъ различныхъ мѣстностей Сибири, но и изъ Европейской Россіи, изъ различныхъ странъ Западной Европы и Америки, и всѣ ученые люди, побывавшіе здѣсь, находили въ музеѣ богатый матеріалъ по различнымъ отраслямъ естественно-историческаго знанія, археологіи, антропологіи и этнографіи, матеріалъ, проливающій свѣтъ на многіе, доселѣ стоявшіе въ тѣни, уголки знанія, матеріалъ, достойный внимательнаго изученія и обработки. По полнотѣ, богатству коллекцій и научной систематизаціи музей этотъ давно сталъ образцомъ для всѣхъ подобнаго рода мѣстныхъ учрежденій и послужилъ ближайшей причиной къ открытію въ различныхъ городахъ Сибири цѣлаго ряда такихъ же учрежденій». Основателемъ Минусинскаго музея былъ скромный обыватель города, провизоръ мѣстной аптеки Н. М. Мартьяновъ. Съ начала 70-хъ годовъ онъ сталъ собирать гербарій мѣстныхъ растеній, насѣкомыхъ, птицъ, образцы минераловъ и горныхъ породъ, пріобрѣтать на скудныя личныя средства нѣкоторыя древности, этнографическіе предметы, и мало-по-малу у него составились довольно большія коллекціи, для которыхъ уже не хватало мѣста въ частной квартирѣ, и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ стали получать значеніе въ смыслѣ характеристики произведеній края. Ему удалось заинтересовать своимъ собраніемъ мѣстное общество, и въ 1877 г. онъ передалъ свои коллекціи городу, который рѣшился основать изъ нихъ музей, отведя для него помѣщеніе въ нижнемъ этажѣ мѣстнаго училища. Стараніями Н. М—ча стали постепенно поступать въ музей пожертвованія, но основатель музея не переставалъ пополнять его постоянно и на личныя свои средства. Музей былъ подраздѣленъ на нѣсколько отдѣленій: естественно-историческое, антропологo-археологическое, этнографическое, нумизматическое, промышленное, сельско-хозяйственное, педагогическое; при музеѣ возникла библіотека и метеорологическая станція. Въ извѣстные дни въ музей допускалась для осмотра публика, которой давались объясненія. Музеемъ издавались время отъ времени каталоги, отчеты, а также былъ изданъ на частныя средства обстоятельный каталогъ мѣстныхъ древностей (съ атласомъ рисунковъ),

составленный Д. А. Клеменцомъ. Въ 1877 г. въ музеѣ находилось 1.270 естественно-историческихъ предметовъ, въ 1880 г. ихъ было уже около 7.000, къ 1895 г.—15.000. Въ 1886 году однихъ предметовъ древности (каменныхъ, мѣдныхъ и желѣзныхъ орудій) накопилось 4.165, а къ 1895 г. ихъ уже стало около 10.000. Библіотека музея, заключавшая въ себѣ въ 1880 г. 3.700 томовъ, возросла черезъ 10 лѣтъ до 13.000 томовъ, а въ 1896 г. насчитывала уже 17.500 переплетовъ. Музей сталъ посѣщаться всѣми окружными жителями, и число посѣщеній стало доходить до 10.000 въ годъ. Первоначальное помѣщеніе музея скоро стало недостаточнымъ, и Н. М. Мартьянову удалось вызвать настолько сочувствія къ музею въ мѣстномъ обществѣ, что въ 1890 г. оно построило для него особый каменный домъ и ассигновало небольшую сумму для содержанія музея. Въ Минусинскъ стали заѣзжать путешественники; такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, его посѣтилъ шведскій ученый Мартинъ, который настолько заинтересовался находившимися здѣсь коллекціями древностей, что снялъ съ нихъ фотографіи и издалъ ихъ затѣмъ въ Стокгольмѣ въ видѣ роскошнаго атласа съ объяснительнымъ текстомъ. Примѣръ Минусинска повліялъ и на другіе сибирскіе города. Подобный же музей былъ основанъ затѣмъ въ Красноярскѣ, по иниціативѣ И. В. Матвѣева, въ Енисейскѣ — стараніями г. Кытманова, въ Нерчинскѣ — г. Кузнецова. Далѣе основался музей въ Тобольскѣ, опубликовавшій уже нѣсколько «Ежегодниковъ», возникли музеи въ Кяхтѣ, Ачинскѣ, Семипалатинскѣ, Читѣ, Хабаровскѣ и др. Н. М. Мартьяновъ и самъ совершилъ нѣсколько поѣздокъ по краю, а въ особенности оказывалъ поддержку другимъ изслѣдователямъ — Адріанову, Клеменцу, Боголюбскому и др. Нельзя не пожелать, чтобы призывъ красноярскаго подотдѣла къ образованію при Минусинскомъ музеѣ капитала имени Н. М. Мартьянова нашелъ себѣ достаточно сочувствія, такъ чтобы музей получилъ возможность и въ будущемъ пополнять свои собранія и содѣйствовать изслѣдованіямъ края. Нельзя не пожелать также, чтобы и вообще этотъ замѣчательный музей былъ гарантированъ въ своемъ дальнѣйшемъ существованіи и въ сохранности своихъ коллекцій, чтобы онъ получилъ опредѣленный бюджетъ и штатъ и могъ бы оставаться на долгія и долгія времена замѣчательнымъ мѣстнымъ научнымъ и культурнымъ центромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ достойнымъ памятникомъ энергичнаго его основателя.

НЕКРОЛОГИ.

Богуславскій, Л. А. 29-го января, скончался во Владикавказѣ подполковникъ 81-го пѣхотнаго Апшеронскаго полка Леонидъ Антоновичъ Богуславскій. Онъ составилъ слѣдующія книги: «Исторію Апшеронскаго полка» въ трехъ томахъ, съ иллюстраціями художника Самокиша (Спб., 1892); «Памятная книга Апшеронскаго полка» въ одномъ томѣ; «Апшеронская памятка, (1700—1894). Краткая исторія Апшеронскаго полка для солдатъ» (Спб., 1894). Первая изъ этихъ книгъ издана великимъ княземъ Георгіемъ Михайловичемъ и составляетъ вкладъ въ военной исторической литературѣ. (Некрологъ: «Нов. Вр.» 1902, № 9319).

† **Валуева (Мунтъ), А. П.** Въ концѣ января, въ Екатеринославѣ скончалась писательница Анна Петровна Валуева, жена помощника начальника Екатерининской ж. д. Покойная родилась 1-го августа 1856 г. въ Петербургѣ, большую часть дѣтства провела въ имѣніи родителей въ Орловской губ., Елецкаго уѣзда; 12-ти лѣтъ поступила въ Петропавловское училище въ Спб., гдѣ окончила курсъ въ 1873 г, и тотчасъ же поступила на педагогическіе курсы; затѣмъ А. П. заняла мѣсто образцовой учительницы прогимназіи, основанной при курсахъ, давала уроки географіи и естествознанія въ гимназіи княгини Оболенской. Педагогическая дѣятельность покойной продолжалась до замужества (1884 г.), когда она уѣхала въ провинцію.

На литературное поприще А. П. выступила въ 1876 г. біографическими очерками для дѣтей въ «Дѣтскомъ Чтеніи»; вскорѣ пріобрѣла извѣстность, какъ дѣтская писательница. Свои произведенія А. П. помѣщала въ «Дѣтскомъ Чтеніи», «Родникѣ» и въ другихъ дѣтскихъ журналахъ сначала подъ своею дѣвическою фамиліей—Мунтъ, потомъ за подписью А. Валуева-Мунтъ.

Въ Екатеринославѣ А. П. Валуева заслужила добрую по себѣ память участіемъ во многихъ благотворительныхъ дѣлахъ. Вопросы о школьныхъ нуждахъ

населенія Екатерининской дороги покойная особенно близко принимала къ сердцу. Ея трудамъ и заботамъ много, по словамъ «Приднѣпровскаго края», обязано общежитіе для дѣтей желѣзнодорожныхъ служащихъ. (Некрологъ ея: «Нов. Вр.» 1902, № 9298).

† **Еленевъ, Ѳ. П.** Въ Царскомъ Селѣ, скончался 10-го февраля послѣ продолжительной, тяжкой болѣзни тайный совѣтникъ, бывшій членъ главнаго управленія по дѣламъ печати и членъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ Ѳедоръ Павловичъ Еленевъ. Покойный родился въ 1828 г., образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ, въ которомъ окончилъ курсъ со званіемъ кандидата математическихъ наукъ. Службу началъ учителемъ математики сперва въ тульской, затѣмъ въ смоленской гимназіяхъ. Въ 1857 г. перешелъ репетиторомъ и учителемъ математики въ первый кадетскій корпусъ. Молодой репетиторъ своими выдающимися способностями и знаніями обратилъ на себя вниманіе начальника главнаго штаба его величества по управленію военно-учебными заведеніями генералъ-адъютанта Я. И. Ростовцева, который избралъ его въ свои секретари. Этотъ моментъ имѣлъ большое значеніе для дальнѣйшей дѣятельности Ѳ. П. Еленева.

Въ качествѣ секретаря Я. И. Ростовцева, назначеннаго вскорѣ предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій по составленію положенія о крестьянахъ, онъ близко ознакомился съ тѣми задачами, которыя были возложены высочайшей властью на редакціонныя комиссіи, а также съ личными взглядами генералъ-адъютанта Ростовцева на крестьянскую реформу. Послѣ смерти Я. И. Ростовцева замѣститель его по званію предсѣдателя редакціонныхъ комиссій графъ В. Н. Панинъ избралъ Ѳ. П. для точнаго наблюденія за исполненіемъ своихъ распоряженій по редакціоннымъ комиссіямъ и за сохраненіемъ порядка въ нихъ и для другихъ порученій. Покойный съ этого времени принялъ дѣятельное участіе въ хозяйственномъ отдѣленіи комиссіи и въ комиссіяхъ по составленію предположеній къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и по разсмотрѣнію нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросовъ въ связи съ крестьянскимъ дѣломъ. На него было возложено составленіе свода проектовъ губернскихъ комитетовъ по крестьянской реформѣ. По окончаніи занятій редакціонныхъ комиссій Ѳ. П. перешелъ на службу въ с.-петербургскій цензурный комитетъ, былъ назначенъ цензоромъ и въ 1868 году членомъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати. Съ этого времени до выхода въ 1896 году по болѣзни въ отставку покойный принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ административныхъ трудахъ главнаго управленія по дѣламъ печати, исполняя неоднократно обязанности начальника и предсѣдателя совѣта главнаго управленія. Онъ участвовалъ между прочимъ въ особой комиссіи 1869 г. по пересмотру дѣйствующихъ постановленій о цензурѣ и печати.

Досуги своей службы покойный посвящалъ литературной работѣ и изслѣдованіямъ разнообразныхъ вопросовъ государственной и общественной жизни. Располагая богатѣйшимъ матеріаломъ объ эпохѣ подготовленія крестьянской реформы, онъ закончилъ въ 1886 г. свой цѣнный трудъ: «Первые шаги освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи». Будучи неутомимымъ борцомъ за русскіе интересы, онъ горячо ратовалъ противъ окраинныхъ стремленій

къ самостоятельности государственнаго управленія. Въ 1863 г. издалъ свое изслѣдованіе «Польская цивилизація и ея вліяніе на Западную Русь» и съ 1890 года своими многочисленными трудами болѣе другихъ, послѣ К. Ф. Ордина, способствовалъ выясненію и разоблаченію стремленій финляндскихъ политикановъ. Его историческіе труды по финляндскому вопросу: «Финляндскій современный вопросъ по русскимъ и финляндскимъ источникамъ» (1891 г.) и «Ученіе о финляндскомъ государствѣ» (1893 г.), послужили мотивомъ для приглашенія покойнаго къ участію въ комиссіи по подготовленію проекта кодификаціи основныхъ законовъ Финляндіи. Работая въ этой комиссіи, Ѳ. П. составилъ «Историко-критическій обзоръ узаконеній, включенныхъ подъ именемъ основныхъ законовъ Финляндіи въ финляндскіе кодификаціонные проекты» (1894 г.), напечаталъ статьи: «Les prétentions des séparatistes finlandais; aperçu critique de la doctrine séparatiste en Finlande» (Парижъ, 1895 г.), «Какъ проведенъ былъ финляндцами уставъ 1878 г. о воинской повинности» (1896 г.), «Чего достигли и чего домогаются впередъ достигнуть финляндцы по пути отпаденія ихъ отъ русской государственной власти» (1898 г.) и др.

Дѣятельность покойнаго не была чужда и русской журналистикѣ. Въ «Отечественныхъ Запискахъ», редак. Н. А. Некрасова, онъ напечаталъ въ 1867—1869 гг. подъ псевдонимомъ Скалдина рядъ писемъ изъ провинціи «Въ захолустьи и въ столицѣ». Кромѣ того, покойному принадлежитъ нѣсколько ариѳметическихъ учебниковъ, составленныхъ по особому методу, впервые примѣненному имъ. До самой смерти онъ интересовался вопросами, выдвигаемыми жизнью, и высказывалъ по нимъ свои взгляды въ печатныхъ брошюрахъ и статьяхъ. За свою усердную и продолжительную службу покойный имѣлъ всѣ награды до ордена святого Александра Невскаго. (Некрологъ его: «Нов. Вр.». 1902, № 9319).

Игнатовичъ, В. С. 8-го февраля, скончался на 68 году жизни членъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Витольдъ Станиславовичъ Игнатовичъ, авторъ распространенныхъ учебниковъ французскаго языка. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ по юридическому факультету, В. С. избралъ для своей дѣятельности педагогическое поприще. Онъ былъ учителемъ сперва Тульскаго кадетскаго корпуса и одновременно чиновникомъ особыхъ порученій при тульскомъ губернаторѣ, затѣмъ, по закрытіи корпуса въ Тулѣ, преподавалъ французскій языкъ во Второмъ и Александровскомъ кадетскомъ корпусахъ, въ Павловскомъ военномъ училищѣ и въ Электротехническомъ институтѣ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902, № 9318).

Кичеевъ, П. И. 23 января, скончался писатель Петръ Ивановичъ Кичеевъ. Покойный родился въ Москвѣ въ 1845 году, учился въ 4-й московской гимназіи, а потомъ слушалъ лекціи въ Московскомъ университетѣ въ качествѣ вольнослушателя юридическаго факультета. Влеченіе къ литературѣ пробудилось въ немъ въ раннія юношескія годы. Будучи 14-ти-лѣтнимъ мальчикомъ, онъ уже писалъ стихи, а въ 17 лѣтъ, напечатавъ свои первые молодые опыты, сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ «Развлеченія», «Зрителя», «Антракта», «Будильника», петербургской «Искры» и многихъ другихъ

газетъ. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ въ силу одного трагическаго обстоятельства Н. Н. оставилъ Москву и переселился въ Нижній Новгородъ, затѣмъ въ Кіевъ, гдѣ одновременно съ литературной профессіей онъ соединилъ и юридическую, ставъ частнымъ повѣреннымъ. Когда же, нѣсколько лѣтъ спустя, у насъ началось такъ называемое славянское движеніе, — страстная натура Кичеева не выдержала, онъ бросилъ все и, записавшись въ ряды добровольцевъ, уѣхалъ къ Черняеву, въ Сербію. Въ 80-хъ годахъ его имя снова появилось на страницахъ московскихъ газетъ и журналовъ. Онъ пишетъ стихотворенія, разсказы, ведетъ театральную критику и ставитъ на сценахъ частныхъ театровъ свои переводныя пьесы, а въ 1886-мъ году выпускаетъ отдѣльной книжкой сборникъ стихотвореній, какъ собственныхъ оригинальныхъ, такъ и переводовъ. Всѣ его оригинальныя стихотворенія, носящія болѣе или менѣе серьезный характеръ, написаны главнымъ образомъ на гражданскія темы; всѣ юмористическія отличаются преимущественно обличительнымъ направленіемъ. Переводы взяты изъ Лонгфелло, Гартмана, Ф. Коппе, Катулла Мендеса, Сюлли Прюдома и другихъ. Къ характеристикѣ покойнаго, какъ человѣка, слѣдуетъ прибавить, что Н. Н. никогда не обладалъ умѣніемъ устроить свою жизнь вполнѣ обезпеченно. Практикъ онъ былъ плохой. Практическая ловкость и смѣтливость какъ-то не совмѣщались съ его прямой, честной, правдивой природою. Онъ не терпѣлъ «практическихъ» людей, не уживался съ ними, не шелъ ни на какіе компромиссы съ совѣстью и какъ жилъ, такъ и умеръ самымъ настоящимъ безсребренникомъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902, № 9301).

Клевщинскій, А. А. 3-го февраля, скончался, на 58 году, послѣ непродолжительной тяжкой болѣзни академикъ архитектуры Антонъ Антоновичъ Клевщинскій. Особенность его творчества вполнѣ соотвѣтствовала его внутреннему міровоззрѣнію и состояла въ простотѣ и гармоніи. Большую часть своей трудовой жизни онъ прослужилъ на Николаевской желѣзной дорогѣ и построилъ цѣлый рядъ сооруженій, свидѣтельствующихъ о немъ, не только какъ о даровитомъ архитекторѣ, но какъ и о даровитомъ инженерѣ. Имя покойнаго помнятъ многіе академики архитектуры, пользовавшіеся его указаніями. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902, № 9313).

Колесовъ, А. М. 25-го января, въ Москвѣ скончался завѣдующій московскимъ училищемъ иконописанія художникъ Алексѣй Михайловичъ Колесовъ. Покойный родился 8-го марта 1834 года, въ городѣ Ковровѣ, Владимирской губерніи, и съ раннихъ лѣтъ проявилъ любовь къ искусству. Начавъ учиться въ Ковровскомъ уѣздномъ училищѣ. А. М. дѣлалъ быстрые успѣхи въ рисованіи и въ юношескихъ годахъ уже проявилъ несомнѣнныя способности. На 17-мъ году, несмотря на сопротивленіе родителей, А. М. пѣшкомъ и безъ всякихъ средствъ отправился учиться живописи въ Москву, гдѣ и поступилъ въ училище живописи и ваянія, тогда именовавшееся художественными классами. Несмотря на крайнюю бѣдность, онъ своей серьезной работой и выдающимися способностями обратилъ на себя вниманіе преподавателей и особенно профессора живописи, тогдашней знаменитости С. К. Зарянко, который поддержалъ молодого художника и оказалъ большое вліяніе на дальнѣйшую его судьбу. Въ 1857 году, А. М. Колесовъ за свои этюды и портреты получилъ отъ

академі художествъ званіе свободнаго художника, а въ 1876 году также за портреты, среди которыхъ былъ портретъ С. М. Соловьева и Гилярова-Платонова,—званіе класснаго художника 3-й степени. Изъ другихъ его работъ слѣдуетъ назвать портретъ профессора С. К. Зарянко, завѣщанный художникомъ московскому Румянцовскому музею, портретъ И. И. Шишкина, пейзажиста А. К. Саврасова и писателей С. А. Юрьева и Н. А. Чаева. Въ 80-хъ годахъ А. М. занялся иконной живописью. Ему было поручено завѣдываніе иконописнымъ училищемъ, основаннымъ въ Москвѣ преосвященнымъ Амвросіемъ. На этомъ новомъ поприщѣ дѣятельности А. М. пользовался большимъ уваженіемъ и любовью какъ всѣхъ своихъ сотоварищей, такъ и учениковъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902, № 9311).

Колоколовъ, А. П. 29-го января, послѣ непродолжительной тяжкой болѣзни въ Спб. скончался настоятель церкви общины сестеръ милосердія св. Георгія, митрофорный протоіерей Алексѣй Петровичъ Колоколовъ. Покойный пользовался извѣстностью въ С.-Петербургѣ, какъ одинъ изъ лучшихъ проповѣдниковъ. Онъ умѣлъ овладѣть вниманіемъ аудиторіи самой разнообразной по своему составу. Множество неимущаго люда находило у него, помимо нравственной поддержки, и матеріальную помощь. Покойный получилъ образованіе въ С.-Петербургской духовной семинаріи, курсъ наукъ въ которой окончилъ въ 1857 г. Рукоположенный въ священники села Хотова Новоладожскаго уѣзда, онъ перевелся въ 1872 г. въ церковь Георгіевской общины и съ тѣхъ поръ непрестанно трудился надъ устройствомъ храма общины, содѣйствовалъ расширенію ея учрежденій и принималъ видное участіе во многихъ благотворительныхъ обществахъ. Въ то же время онъ устроилъ на своей родинѣ въ Новоладожскомъ уѣздѣ церковь и пріютъ, гдѣ есть отдѣленіе сестеръ милосердія. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902, № 9307).

Ламанскій, Е. И. 31-го января, скончался одинъ изъ видныхъ общественныхъ дѣятелей и извѣстныхъ русскихъ финансистовъ, тайный совѣтникъ Евгеній Ивановичъ Ламанскій. Имя покойнаго пользовалось наибольшею популярностью, когда онъ въ качествѣ управляющаго государственнымъ банкомъ находился въ теченіе около двадцати лѣтъ во главѣ этого учрежденія и явился въ это время руководителемъ развитія въ Россіи кредитнаго дѣла. Въ финансовой области онъ широко проявилъ свои выдающіяся способности и замѣчательную смѣлость. Ему принадлежитъ цѣлый рядъ начинаній, направленныхъ къ оживленію русскихъ производительныхъ силъ и къ улучшенію нашей валюты.

Покойный былъ старшій братъ извѣстнаго ученаго В. И. Ламанскаго. Его отецъ былъ директоромъ особой канцеляріи по кредитной части. Е. И. родился въ 1825 году, образованіе получилъ въ Царскосельскомъ (нынѣ Александровскомъ) лицеѣ. Службу началъ въ государственной канцеляріи, затѣмъ перевелся въ министерство финансовъ, въ которомъ и сосредоточилъ свою дѣятельность. Съ юныхъ лѣтъ Е. И. чувствовалъ призваніе къ разработкѣ финансовыхъ вопросовъ и вскорѣ по окончаніи курса въ лицеѣ опубликовалъ свою первую, цѣнную для того времени работу по исторіи денежнаго обращенія и казенныхъ кредитныхъ учрежденій въ Россіи, не потерявшую интереса и въ настоящее

время. Трудъ этотъ былъ напечатанъ въ «Извѣстіяхъ географическаго общества». На талантливаго молодого автора было обращено вниманіе, и географическое общество дало ему средства на заграничную командировку для изученія операцій и устройства западно-европейскихъ кредитныхъ учрежденій. Изъ двухлѣтняго пребыванія за границей покойный вернулся въ Россію во всеоружіи тѣхъ практическихъ знаній, которыя пришлось ему пріобрѣсти, обозрѣвая заграничныя кредитныя учрежденія.

Его статьи объ организаціи такихъ учрежденій появились въ концѣ 50-хъ годовъ въ нашихъ журналахъ, и молодой финансистъ былъ привлеченъ къ участію въ разнообразныхъ комиссіяхъ. Особенно цѣнился его голосъ въ комиссіи по пересмотру вопроса о банкахъ. При учрежденіи въ 1860 г. государственнаго банка Е. И. былъ назначенъ товарищемъ управляющаго банкомъ, а черезъ нѣкоторое время управляющимъ банкомъ. Съ его пребываніемъ во главѣ государственнаго банка совпала эпоха развитія у насъ биржевой спекуляціи и кредитныхъ учрежденій. Будучи горячимъ поборникомъ необходимости устройства въ Россіи банковъ на началѣ взаимности, покойный былъ иниціаторомъ основанія въ С.-Петербургѣ общества взаимнаго кредита. Затѣмъ Е. И. явился дѣятельнѣйшимъ участникомъ кружка высшихъ петербургскихъ чиновниковъ, банкировъ и концесіонеровъ, собиравшихся по примѣру парижскаго экономическаго общества разъ въ мѣсяцъ въ ресторанѣ Донона на обѣдъ. На этихъ такъ называемыхъ экономическихъ обѣдахъ разсматривались зачастую серьезные вопросы экономическаго и финансоваго характера. Покойный неоднократно развивалъ на нихъ свои взгляды на оживленіе русской промышленности. На этихъ же обѣдахъ онъ впервые развилъ планъ своего проекта поднять курсъ русскаго рубля. Сущность проекта заключалась, какъ извѣстно, въ томъ, что курсъ упалъ будто бы отъ избытка бумажекъ; при уничтоженіи избытка бумажекъ, курсъ, по его мнѣнію, сдѣлается al pari, и все придетъ въ норму. Его проектъ былъ принятъ, было занято 100.000.000 руб., и начался извѣстный размѣнъ. Курсъ, однако, не поднялся, а упалъ еще болѣе.

При перемѣнѣ финансовой политики Е. И. вышелъ въ 1882 г. въ отставку и всецѣло посвятилъ себя промышленнымъ предпріятіямъ и общественнымъ дѣламъ. Въ с.-петербургской думѣ и въ петергофскомъ уѣздномъ земствѣ онъ былъ дѣятельнымъ гласнымъ, въ третьемъ отдѣленіи Вольнаго Экономическаго общества—предсѣдателемъ. Кромѣ того, онъ до своей смерти предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ Волжско-Камскаго коммерческаго банка, въ комитетѣ съѣзда представителей акціонерныхъ банковъ коммерческаго кредита, принималъ дѣятельное участіе въ совѣтѣ по желѣзнодорожнымъ и тарифнымъ дѣламъ, въ Березовскомъ золотопромышленномъ обществѣ и во многихъ другихъ акціонерныхъ обществахъ. Одновременно находилъ досугъ для публичныхъ лекцій о голодовкахъ въ Индіи (по этому вопросу напечаталъ въ 1892 г. отдѣльную книгу) и о банкахъ, а также для статей по финансовымъ вопросамъ, напечатанныхъ въ разныхъ изданіяхъ. Покойный обладалъ общительнымъ характеромъ, и рѣдкій изъ петербуржцевъ, вращающихся въ чиновной, биржевой или благотворительной средѣ, не зналъ его всегдашней внимательности, любезности и краснорѣчія. Е. И., стоя во главѣ нѣсколькихъ биржевыхъ предпріятій,

сумѣлъ составить себѣ хорошее состояніе. Въ шестидесятыхъ годахъ онъ принималъ между прочимъ участіе въ комиссіяхъ по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, и его голосъ въ нихъ раздавался за свободу, равноправность и прогрессъ въ политико-экономической жизни. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902, № 9308).

Мельникова, А. Н. 7-го февраля, въ Тифлисѣ скончалась вдова подполковника Александра Николаевна Мельникова, урожденная Устимовичъ, имя которой хорошо извѣстно въ нашей дѣтской литературѣ. Покойная сотрудничала въ «Артистѣ» и нѣкоторыхъ другихъ журналахъ, но главныя ея работы—разсказы для дѣтей—печатались обыкновенно отдѣльными изданіями. Успѣхъ имѣли ея «Пословицы и поговорки въ стихахъ», вышедшія въ миніатюрномъ изданіи въ Кіевѣ. Въ 1899 г. покойная выпустила свои «Воспоминанія о давно-минувшемъ и недавно-быломъ». Воспоминанія эти заключаютъ интересныя свѣдѣнія о Маріи Башкирцевой, П. И. Чайковскомъ, Н. И. Стороженкѣ и другихъ. А. Н. скончалась на 54 году. Лица, знавшія покойную, никогда ни забудутъ ея чистой души съ ея глубокой вѣрой въ торжество правды, добра и красоты, служенію которымъ она отдала свою жизнь. (Некрологъ ея: «Новое Время» 1902, № 9320).

Площанскій, В. М. Въ ночь на 8-е февраля, въ Вильнѣ скончался Венедиктъ Михайловичъ Площанскій, бывшій редакторъ издававшейся въ Львовѣ русской газеты «Слово». Покойный вмѣстѣ съ извѣстнымъ о. І. Наумовичемъ подвергался преслѣдованіямъ австрійскихъ властей и въ концѣ концовъ эмигрировалъ въ Россію. Поселившись въ Вильнѣ, онъ занимался учеными трудами, преимущественно историческими и археологическими, касавшимися Галицкой Руси и вообще славянскихъ земель, и состоялъ нѣсколько лѣтъ отдѣльнымъ виленскимъ цензоромъ по внутренней цензурѣ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902, № 9319).

Рожновъ, Н. В. Скончавшійся 29-го января заслуженный профессоръ бывшей императорской медико-хирургической академіи тайный совѣтникъ Никита Венедиктовичъ Рожновъ былъ однимъ изъ наиболѣе маститыхъ представителей русской ветеринаріи, на пользу которой работалъ болѣе полувѣка. Начавъ свою дѣятельность въ то время, когда у насъ, можно сказать, только-что зарождалось ветеринарное дѣло, онъ своими выдающимися учеными и практическими трудами оказалъ большое вліяніе на прочное развитіе ветеринарной организаціи въ Россіи. По окончаніи курса въ медико-хирургической академіи, покойный сначала въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ состоялъ ветеринарнымъ врачемъ въ разныхъ воинскихъ кавалерійскихъ частяхъ. Блестяще защитивъ затѣмъ первый въ Россіи диссертацію на званіе магистра ветеринарныхъ наукъ, онъ въ 1855 г. приглашенъ былъ медико-хирургической академіи занять должность профессора при ветеринарномъ отдѣленіи, гдѣ преподавалъ въ разное время зоогигіену, скотоводство, терапію и другія науки. Профессоромъ былъ онъ до 1883 года, когда было закрыто отдѣленіе. За этотъ почти 30-лѣтній періодъ онъ воспиталъ цѣлыя поколѣнія ветеринаровъ, всегда съ глубокимъ уваженіемъ и благодарностью вспоминающихъ о немъ. Многіе изъ его учениковъ занимали и теперь занимаютъ профессорскія каѳедры въ

разныхъ ветеринарныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Одновременно онъ былъ членомъ ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ, совѣщательнымъ членомъ ветеринарнаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ и ученымъ секретаремъ ветеринарнаго комитета. Въ послѣдней должности онъ оставался до 1898 г., когда вышелъ въ отставку. Ему пришлось много потрудиться надъ выясненіемъ важности и полезности ветеринарнаго дѣла, и въ разныхъ комиссіяхъ и совѣщаніяхъ онъ всегда былъ ближайшимъ участникомъ реформъ и преобразованій, касавшихся наиболѣе правильной постановки ветеринарной части въ имперіи. Неоднократно онъ командировался въ разныя губерніи для руководительства въ организаціи мѣръ борьбы съ чумой, сибирской язвой и другими повальными болѣзнями скота. Высшимъ орденомъ покойный имѣлъ орденъ Анны 1-й ст. Многія ветеринарныя учебныя заведенія и ученыя общества имѣли покойнаго своимъ почетнымъ членомъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902, № 9307).

Сахаровъ, В. Н. Профессоръ С. Ѳ. Платоновъ помѣстилъ въ «Новомъ Времени» слѣдующій некрологъ только-что скончавшагося молодого ученаго В. Н. Сахарова: «28-го января, горловая чахотка унесла въ могилу магистранта С.-Петербургскаго университета Владимира Николаевича Сахарова, состоявшаго въ числѣ молодыхъ ученыхъ, прикомандированныхъ къ нашему археологическому институту въ Константинополѣ. Въ лицѣ покойнаго русская наука потеряла много обѣщавшаго работника. Уже въ Новороссійскомъ университетѣ, гдѣ В. Н. Сахаровъ началъ научныя занятія, онъ былъ замѣченъ, какъ даровитый юноша. Послѣ перехода его въ С.-Петербургскій университетъ академикъ В. Гр. Васильевскій, всегда очень чуткій въ оцѣнкѣ людей, сталъ съ большою живостью и сочувствіемъ отзываться о Сахаровѣ, устроивалъ ему заграничную командировку и готовъ былъ руководить его занятіямя въ итальянскихъ библіотекахъ, въ которыя самъ тогда стремился. Чтобы вызвать къ себѣ такое отношеніе нашего знаменитаго византиниста, надо было обладать серьезными задатками. У Сахарова они и были; вмѣстѣ съ большими познаніями въ исторіи Византіи, славянства и древней Руси, Сахаровъ соединялъ безспорную критическую способность и широту ученаго интереса, обусловленную хорошей подготовкой въ вопросахъ церковной исторіи, правовой жизни и культурнаго движенія среднихъ вѣковъ. Любовь къ знанію у Сахарова была трогательная, а умѣнье работать изумительное: пишущій эти строки имѣлъ утѣшеніе видѣть Сахарова въ своей семинаріи по русской исторіи и удивлялся быстротѣ, съ какою онъ овладѣвалъ новыми для него темами. Живой и бодрый, несмотря на недугъ, онъ былъ пріятнымъ собесѣдникомъ и прекраснымъ товарищемъ. Глубоко скорбя о его кончинѣ, всѣ его знавшіе, конечно, согласятся со мною, что о Сахаровѣ слѣдуетъ скорбѣть и всѣмъ любящимъ нашу науку. Миръ его праху!» (Некрологъ его: «Новое Время» 1902, № 9317).

Тизенгаузенъ, В. Г. 2-го февраля, скончался на 77 году жизни отъ крупознаго воспаленія легкихъ одинъ изъ самыхъ выдающихся русскихъ оріенталистовъ-археологовъ, баронъ Владимиръ Густавовичъ Тизенгаузенъ. Смерть застигла его въ то время, когда онъ, несмотря на свой преклонный возрастъ, все еще бодрый и полный энергіи, оканчивалъ два капитальныхъ труда,

одинъ историческій, другой чисто археологическій. Баронъ В. Г. родился въ 1825 году въ Нарвѣ. По окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ на филологическомъ факультетѣ, по разряду восточной словесности, онъ долженъ былъ начать службу письмоводителемъ при командирѣ сѣвернаго округа морской строительной части. Черезъ четыре года былъ переведенъ секретаремъ въ медицинскій департаментъ, затѣмъ служилъ въ строительной конторѣ министерства императорскаго двора и только въ 1861 г. былъ назначенъ производителемъ дѣлъ императорской археологической комиссіи, тогда только что учрежденной. Съ этого времени и до его выхода въ 1900 г. въ отставку, вся дѣятельность покойнаго принадлежала этому учрежденію, гдѣ онъ послѣдовательно занималъ должности младшаго члена (1864), старшаго члена (1876) и наконецъ (1895) товарища предсѣдателя, совмѣщая въ своемъ лицѣ функціи чисто административныя съ научными. В. Г. былъ, что называется, кабинетнымъ ученымъ и находилъ лучшимъ наслажденіемъ въ жизни разслѣдованіе разнообразныхъ вопросовъ востоковѣдѣнія чисто научнаго характера. Дѣятельность В. Г. въ теченіе первыхъ двадцати лѣтъ по археологической комиссіи была очень тяжела и отвѣтственна. На него было возложено производство археологическихъ раскопокъ въ степяхъ Новороссіи, почва которой, насыщенная предметами греческаго производства, привлекала тогда почти исключительно все вниманіе предсѣдателя комиссіи, ген.-ад. гр. С. Г. Строганова, мало цѣнившаго предметы русской древности. В. Г. приходилось жить въ открытой степи въ палаткѣ и работать часто подъ палящими лучами солнца, подвергаясь постоянно опасности быть убитому обвалами десяти-саженныхъ кургановъ, въ которыхъ требовалось находить крипты съ погребеніями. Зато результатами его раскопокъ теперь гордится императорскій Эрмитажъ. По роду своихъ занятій, постоянно соприкасавшійся съ классической древностью, покойный оставался, однако же, къ ней довольно равнодушнымъ. Не она привлекала его любознательность, и не ей были посвящены его научные труды. Сфера его научныхъ интересовъ была иная. Его привлекало изученіе прошлаго мусульманскаго Востока. Въ этой области, почему-то заброшенной нашими историками, имя барона Тизенгаузена горитъ яркимъ свѣтомъ, и его труды будутъ долго служить путеводной нитью для всякаго изслѣдователя, желающаго проникнуть въ дебри изученія мусульманскихъ древностей. Первый трудъ В. Г. «О монетахъ самонидовъ» (1853 г.), посвященный мусульманской нумизматикѣ, былъ удостоенъ преміи императорскаго русскаго археологическаго общества. Въ немъ покойный собралъ такъ много историческихъ, географическихъ и филологическихъ данныхъ, что сдѣлалъ этотъ трудъ интереснымъ не только для нумизмата, но и для историка. Въ еще большей степени можно это сказать о его классической книгѣ «Монеты Восточнаго халифата», хотя и изданной въ 1873 г., но и до сей поры не утерявшей интереса какъ научнаго, такъ и практическаго для коллекціонеровъ-нумизматовъ. Трудно перечислить множество написанныхъ имъ статей, брошюръ и замѣтокъ по археологіи, нумизматикѣ, географіи и исторіи мусульманскихъ народовъ. Задумавъ написать исторію Золотой орды, В. Г. нашелъ, что разработка этой исторіи ранѣе критическаго изданія всѣхъ восточныхъ текстовъ, служащихъ источниками, немыслима, и приступилъ

къ ихъ изданію. Чтобы сдѣлать сводъ свѣдѣній, оставленныхъ намъ арабскими, персидскими и турецкими авторами по исторіи Золотой орды, В. Г. пришлось въ 1880 г. предпринять путешествіе по всѣмъ городамъ Европы, которыхъ библіотеки извѣстны богатствомъ восточныхъ рукописей, и начать кропотливую работу выписки всего, что въ нихъ имѣло отношеніе къ Золотой ордѣ. Предпринятое изданіе должно было заключать четыре тома, изъ которыхъ послѣдній долженъ былъ содержать коментарій на первые три, но до сей поры появился только первый томъ (1884): «Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой орды» содержащій выписки изъ арабскихъ авторовъ въ подлинникѣ съ ихъ русскимъ переводомъ. Книга эта была удостоена большой золотой медали императорскаго русскаго археологическаго общества, которому покойный имѣлъ намѣреніе поручить издать остальные томы этого труда. Изданіе это уже отчасти приготовлено къ печати. Вторымъ капитальнымъ трудомъ В. Г., за смертью его оставшимся не оконченнымъ, является «Исторія предметовъ роскоши мусульманскаго Востока X—XV вѣковъ». Этому труду были посвящены послѣдніе годы жизни В. Г. Онъ работалъ надъ нимъ съ необыкновенною усидчивостью и лихорадочною поспѣшностью, торопясь его кончить, точно предчувствуя близкую смерть. Покойный былъ членомъ всѣхъ археологическихъ обществъ Россіи и всѣхъ нумизматическихъ Западной Европы, почетнымъ членомъ императорскаго русскаго археологическаго общества и лондонскаго нумизматическаго, а съ 1893 года членомъ-корреспондентомъ императорской академіи наукъ. (Некрологъ А. М—ва, въ «Новомъ Времени». 1902, № 9313).

Фельдманъ, Ѳ. А. 3-го февраля, скончался почетный опекунъ опекунскаго совѣта императрицы Маріи по с.-петербургскому присутствію, членъ военно-ученаго комитета главнаго штаба, генералъ-отъ-инфантеріи Ѳедоръ Александровичъ Фельдманъ. Покойный родился въ 1835 году, образованіе получилъ въ Пажескомъ Его Величества корпусѣ, затѣмъ кончилъ курсъ въ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Вскорѣ по окончаніи академическаго курса, при военномъ министрѣ гр. Д. А. Милютинѣ, былъ привлеченъ къ дѣятельному участію въ выработкѣ и осуществленіи новыхъ порядковъ и законоположеній, направленныхъ къ коренному преобразованію русской арміи. Сперва въ качествѣ старшаго помощника начальника военно-ученаго отдѣла главнаго управленія генеральнаго штаба и начальника этого отдѣла, затѣмъ въ качествѣ дѣлопроизводителя канцеляріи военно-ученаго комитета главнаго штаба, онъ работалъ во многихъ комиссіяхъ, разсматривавшихъ вопросы о подъемѣ умственнаго образованія въ войскахъ, о всеобщей воинской повинности и друг. Во время борьбы славянъ за свою независимость въ 1876 г. Ѳ. А. былъ назначенъ военнымъ агентомъ въ Вѣну и пробылъ тамъ до 1881 г., когда занялъ должность управляющаго дѣлами военно-ученаго комитета главнаго штаба и вошелъ въ составъ членовъ комитета по мобилизаціи войскъ. Дѣятельность покойнаго по военно-ученому комитету продолжалась непрерывно въ теченіе 15 лѣтъ, при чемъ онъ являлся однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ генералъ-адъютанта Н. Н. Обручева. Въ 1896 г. былъ назначенъ директоромъ императорскаго Александровскаго лицея, во главѣ котораго находился около

четырехъ лѣтъ. Почетнымъ опекуномъ былъ съ 1900 года. Θ. А. отличался замѣчательнымъ трудолюбіемъ, благородствомъ характера и добрымъ, отзывчивымъ сердцемъ. Онъ принималъ между прочимъ дѣятельное участіе въ попечительствѣ императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ въ качествѣ члена совѣта и попечителя Александро-Маріинскаго училища слѣпыхъ и мастерской для взрослыхъ слѣпыхъ имени К. К. Грота. За свою продолжительную и усердную службу имѣлъ много наградъ и орденовъ до ордена Бѣлаго Орла включительно и былъ произведенъ въ прошломъ году въ генералъ-отъ-инфантеріи. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902 г., № 9310).

Филатовъ, Н. Θ. Въ Москвѣ, 26-го января, скончался отъ апоплексіи профессоръ Московскаго университета по каѳедрѣ дѣтскихъ болѣзней Нилъ Θедоровичъ Филатовъ. Имя покойнаго, какъ выдающагося педіатра, пользовалось извѣстностью не только въ Россіи, но и за границей. Его замѣчательныя сочиненія, изъ которыхъ наиболѣе выдающимся является «Семіотика и діагностика болѣзней дѣтскаго возраста», переведены почти на всѣ европейскіе языки и даже на японскій. Какъ клиницистъ, Н. Θ. отличался необычайной наблюдательностью, громадными знаніями и опытомъ. Какъ профессоръ, онъ былъ талантливымъ лекторомъ, умѣвшимъ въ немногихъ словахъ охватить сущность предмета и освѣтить ее съ удивительной ясностью и отчетливостью. Аудиторія его была всегда переполнена, его лекціи глубоко врѣзывались въ память слушателей. Какъ врачъ-практикъ, покойный относился одинаково къ бѣднымъ и состоятельнымъ больнымъ и перѣдко оказывалъ матеріальную помощь бѣднымъ родителямъ, чтобы возстановить здоровье ихъ больныхъ дѣтей. Практика его была обширна, Онъ былъ главнымъ врачемъ Хлудовской дѣтской больницы и врачемъ-консультантомъ безплатной дѣтской лѣчебницы имени императора Александра III, Софійской дѣтской больницы и другихъ. Его мнѣніе по врачебнымъ вопросамъ цѣнилось всѣми. Онъ съ интересомъ слѣдилъ за новѣйшими открытіями и изслѣдованіями въ области врачебныхъ знаній и былъ однимъ изъ первыхъ послѣдователей серотерапіи. Н. Θ. родился въ 1847 г., образованіе получилъ на медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета, изъ котораго вышелъ съ дипломомъ лѣкаря съ отличіемъ. Свою врачебную дѣятельность началъ въ Саранскомъ уѣздѣ въ качествѣ земскаго врача. Ему пришлось дѣятельно бороться съ мѣстной эпидеміей сыпного тифа. Вскорѣ переѣхалъ въ Москву и выдержалъ экзаменъ на доктора медицины. Затѣмъ отправился за границу для усовершенствованія своихъ знаній, слушалъ тамъ лекціи лучшихъ представителей медицины и занимался въ клиникахъ Праги, Вѣны, Парижа и Берлина. Вернувшись черезъ два года въ Москву, въ 1875 г. поступилъ ординаторомъ въ московскую дѣтскую больницу, въ слѣдующемъ году защитилъ диссертацію: «Къ вопросу объ отношеніи бронхита къ острой катаральной пнеймоніи», представленную для полученія степени доктора медицины, и сталъ читать въ качествѣ приватъ-доцента лекціи въ Московскомъ университетѣ. Въ 1891 г. занялъ каѳедру дѣтскихъ болѣзней. Изъ его многочисленныхъ сочиненій, кромѣ «Семіотики и діагностики дѣтскихъ болѣзней», выдержавшаго пять изданій, назовемъ «Краткое руководство по дѣтскимъ болѣзнямъ», «Лекціи объ острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ у дѣтей», «Клиниче-

скія лекціи» (изданіе послѣднихъ остановилось вслѣдствіе смерти автора на второмъ выпускѣ) и другія. Популярность покойнаго была огромна. Московское общество дѣтскихъ врачей потеряло въ немъ своего предсѣдателя, находившагося во главѣ общества безсмѣнно со дня его основанія. Н. Ѳ. умеръ въ расцвѣтѣ силъ, на 55 году отъ роду. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902 г., № 9305).

Щегловъ, Д. Ѳ. 10-го февраля, скоропостижно скончался дѣйствительный статскій совѣтникъ Димитрій Ѳеодоровичъ Щегловъ, всю свою дѣятельность посвятившій педагогическому дѣлу. Какъ выдающемуся педагогу-практику, ему пришлось стоять во главѣ нѣсколькихъ учебныхъ заведеній въ разныхъ городахъ Россіи, и всюду онъ проявлялъ особенную заботливость о нравственномъ развитіи учащагося юношества, содѣйствуя въ то же время всѣми мѣрами и вообще развитію просвѣщенія, особенно въ глухихъ уголкахъ Россіи. Его инициативѣ и ходатайствамъ между прочимъ обязана учрежденіемъ въ городѣ Ефремовѣ Тульской губерніи прогимназія, въ которой ему же пришлось потомъ, будучи ея инспекторомъ нѣкоторое время, положить немало труда въ дѣлѣ организаціи и правильной постановки учебной и воспитательной части. По окончаніи курса въ 1857 году въ С.-Петербургскомъ главномъ педагогическомъ институтѣ, покойный сначала состоялъ преподавателемъ въ нѣкоторыхъ петербургскихъ гимназіяхъ, а затѣмъ былъ инспекторомъ нѣсколькихъ провинціальныхъ прогимназій и долгое время директоромъ гимназіи въ Новочеркасскѣ и 2-й гимназіи въ Одессѣ. Д. Ѳ. извѣстенъ, и какъ писатель-публицистъ. Онъ написалъ большой трудъ: «Исторію соціальныхъ системъ» въ 2-хъ томахъ, представляющую собой критическое обозрѣніе соціальныхъ ученій, начиная съ Платона и кончая Ог. Контомъ и Литтре. Трудъ этотъ, обратилъ на себя вниманіе и министерства народнаго просвѣщенія и военное предписали пріобрѣсти въ фундаментальныя библіотеки всѣхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній своихъ вѣдомствъ. За него же по присужденію императорской академіи наукъ покойный получалъ особую пенсію. Своими статьями, главнымъ образомъ историческаго характера, онъ принималъ участіе въ «Библіотекѣ для Чтенія» Писемскаго, въ изданіяхъ Каткова и многихъ другихъ. Кромѣ того, досуги свои онъ посвящалъ археологическимъ изысканіямъ, которыми занимался съ рѣдкой любовью. Состоя съ 1870 года членомъ императорскаго археологическаго общества, онъ неоднократно принималъ на себя труды по раскопкамъ въ Новочеркасскѣ, Донской области, Тверской, Тульской губерніяхъ и другихъ мѣстностяхъ Россіи, и результаты своихъ работъ печаталъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Послѣдніе годы покойный, по выслугѣ пенсіи, находился въ отставкѣ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902, № 9319).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ статьѣ «Миѳичность Лермонтовскихъ мѣстъ».

Прочитавъ статью В. Л. Якимова въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника»: «Миѳичность Лермонтовскихъ мѣстъ въ Пятигорскѣ», считаю не лишнимъ сообщить то немногое, но вѣрное, что я знаю. Можетъ быть, это пригодится кому нибудь изъ доискивающихся истины, какъ и В. Л. Якимовъ.

Изъѣздивъ Кавказъ отъ Эривани, Сухумъ-Кале, Петровска до Екатеринодара, Моздока, Кизляра, катаясь и съ оказіей, и въ арбахъ, и на вьюкахъ, мы наконецъ зажили осѣдлой жизнью. Отецъ мой былъ назначенъ, въ 1858 году, старшимъ ординаторомъ Пятигорскаго военнаго госпиталя, и наша семья, переѣхавъ, поселилась у подошвы Машука, въ домѣ, описанномъ въ «Героѣ нашего времени». Тогда домъ этотъ принадлежалъ Василію Ивановичу Чеяяеву, который въ это время получилъ мѣсто управляющаго въ Кахетіи у родственниковъ моей матери, а свою усадьбу съ домомъ, выходящимъ на улицу въ палисадникъ, и флигелемъ, балконъ котораго выходилъ въ небольшой садъ, полный розъ, черешень, лычи и др., предоставилъ въ распоряженіе нашей семьи.

Мать моя была восторженная поклонница Лермонтова, знала всѣ его лучшія произведенія на память, и мы, дѣти, со словъ ея заучивали стихотворенія, относящіяся къ Кавказу.

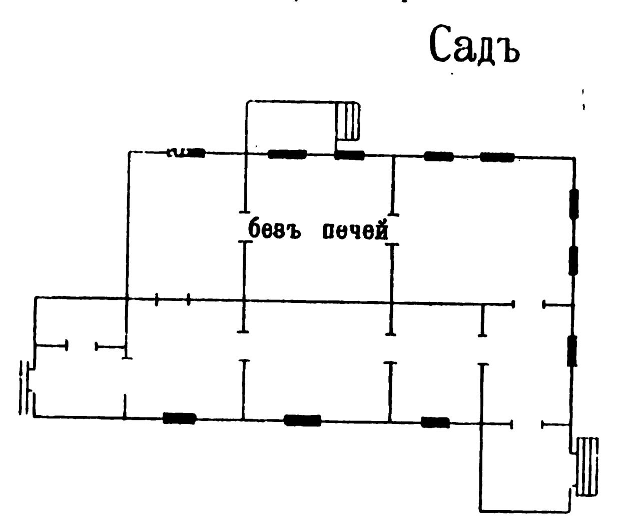
Въ годъ дуэли Михаила Юрьевича, мать моя, еще небольшая дѣвочка, гостила въ семьѣ этого самаго В. И. Челяева, и жили они въ домѣ, а флигель занималъ Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.

Вся катастрофа произошла на ея глазахъ, и не мудрено, что впечатлительная дѣвочка ясно запомнила всѣ мѣста. Возвратившись въ Пятигорскъ взрослой женщиной, она, конечно, постаралась возобновить въ памяти всѣ мѣста, связанныя съ именемъ Лермонтова. Не разъ потомъ вмѣстѣ съ нами, дѣтьми, повторяла эти прогулки къ Перкальской скалѣ, показывала мѣсто, гдѣ былъ убитъ поэтъ, оттуда пробирались на кладбище, и мать, указывая на яму, говорила: «тутъ былъ похороненъ Михаилъ Юрьевичъ, но его бабушка просила разрѣшенія вырыть и увезти его тѣло къ себѣ въ имѣніе». Яма эта была довольно далеко отъ церкви.

Прилагаю небольшой чертежъ комнатъ флигеля, какимъ онъ былъ по расположенію въ 1858 году, безъ означенія размѣра комнатъ.

По словамъ моей матери и В. И. Челяева, въ такомъ видѣ онѣ были и при Михаилѣ Юрьевичѣ. Спальней его была средняя комнатка, выходящая окномъ во дворъ, а возлѣ, маленькая, служила кабинетомъ. Мать часто заглядывала въ окно, чтобы посмотрѣть, что дѣлаетъ поэтъ. Когда же я спорила съ нею, что въ «Героѣ» говорится про лепестки черешень, падающихъ на столъ, значитъ его комната была обращена въ садъ, она мнѣ отвѣчала: «у Михаила Юрьевича

всегда кто нибудь гостилъ въ тѣхъ комнатахъ, а онъ занималъ со двора». Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я бѣгала по этимъ крохотнымъ комнаткамъ, но сильно онѣ запечатлѣлись въ моей памяти: въ то время въ Пятигорскѣ только и говорили, что о Лермонтовѣ (и еще о Шамилѣ), а въ нашемъ домѣ и того болѣе; кто бы ни пріѣзжалъ къ намъ, обязательно просилъ показать Лермонтовскія комнаты и столъ, на которомъ писалъ Михаилъ Юрье-

вичъ. (Не знаю, существуетъ ли онъ теперь, но въ то время стоялъ въ кабинетѣ).

При насъ еще сберегались кусты розъ, упоминаемыхъ Лермонтовымъ, и каждый день, до поздней осени, мать посылала меня срывать цвѣты и дѣлать букетики изъ «Лермонтовскихъ розъ», какъ я называла. Относительно грота я тоже слышала отъ матери, что его во времена Лермонтова не было, а лежали только большіе камни.

Что касается предположенія, что поэтъ жилъ въ домѣ, не основывается ли оно на словахъ самого поэта (Княжна Мери)?

Если мы, въ своихъ прозаическихъ письмахъ, искажаемъ иногда факты, красоты ради, какъ же было художнику, начавъ рисовать картину передъ однимъ окномъ, не заглянуть и въ другое и, плѣнившись видами, не зарисовать ихъ?

Истина отъ этого не пострадала, а мы имѣемъ безсмертную картину.

М. Трофимова.

II.

Еще объ имѣніи графа Завадовскаго.

Въ статьѣ «Остатки былого величія» («Историческій Вѣстникъ», 1902 г., кн. 1-я) я указалъ, между прочимъ, на нѣкоторыя неточности въ описаніи г. Миллера «судьбы» Ляличей, извѣстнаго имѣнія графа Завадовскаго. Свою статью я пи-

салъ по свѣдѣніямъ и документамъ, доставленнымъ мнѣ сыномъ одного изъ бывшихъ владѣльцевъ этого имѣнія, В. А. Э—дтомъ. Я не успѣлъ провѣрить всѣ полученныя мною свѣдѣнія,—и это вызвало въ февральской книгѣ журнала «поправку» со стороны г-на И. Ал—скаго. Справившись, по алфавитнымъ указателямъ историческихъ журналовъ, въ «Архивѣ князя Воронцова», г-нъ Ал—скій сообщаетъ: 1) что имѣніе Завадовскаго называлось не Екатериныдаръ, а Екатеридаръ (т. е. безъ буквы *ы*); 2) что это имѣніе «при императорѣ Павлѣ стало называться, попрежнему, Ляличи» (я сказалъ, что императоръ самъ назвалъ такъ это имѣніе); и 3) что «во владѣніи князя Потемкина имѣніе Ляличи не было». Существенна, собственно, одна послѣдняя поправка: дѣйствительно, имѣніе Ляличи было пріобрѣтено отъ Завадовскаго не *самимъ* Потемкинымъ, а его племянникомъ, генералъ-аншефомъ Василіемъ Васильевичемъ Энгельгардтомъ.

Относительно же бюро королевы Маріи-Антуанетты, г. Ал—скій говоритъ, что ему «пришлось слышать иное», то-есть не то, что сказалъ я въ статьѣ своей; и затѣмъ, сообщаетъ это «иное»... Неизвѣстно, откуда почерпнулъ г-нъ Ал—скій свои свѣдѣнія, но только они не вѣрны, и я рѣшаюсь въ свою очередь ихъ исправить на основаніи свѣдѣній, полученныхъ отъ Л. О. Линевича, котораго И. Ал—скій называетъ «счастливымъ антикваріемъ, пріобрѣвшимъ у кого-то (?) изъ потомковъ Трощинскаго историческое бюро сравнительно за безцѣнокъ»... Г-ну Линевичу не было никакой надобности обращаться для покупки бюро «къ кому-то изъ потомковъ Трощинскаго» (которому, по увѣренію г. Ал—скаго, императрица Екатерина, будто бы, подарила это бюро), такъ какъ онъ купилъ все имѣніе Ляличи съ домомъ и всею находящеюся въ немъ драгоцѣнною движимостью отъ гвардіи ротмистра Атрыганьева. Въ числѣ движимости находилось и это самое большое бюро, которое и было, затѣмъ продано г. Линевичемъ парижскому банкиру Ротшильду; но «за баснословную ли сумму», какъ узналъ И. Ал—скій, пошло это историческое и рѣдкостное бюро, или за обыкновенную,—этого я не знаю, и до исторіи это не относится.

У Д. П. Трощинскаго же имѣлось лишь малое бюро, маркетри же, съ нѣсколькими бронзовыми украшеніями работы Гутьера, но безъ фарфоровыхъ медальоновъ Буше. Это небольшое бюро, равно какъ и шкафъ, принадлежавшіе королевѣ же Маріи-Антуанеттѣ и имѣвшіе ея вензель, были тоже куплены г. Линевичемъ въ бывшемъ имѣніи Трощинскаго. Шкафъ королевы, работы маркетри же (мозаика изъ дерева), находится и по сіе время у г. Линевича.

Ив. Захарьинъ (Якунинъ).

ОСАДА СТРА

(Braves gens. Strassbou

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВ

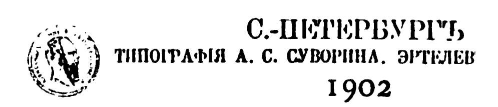
ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ФРАНКО-ГЕРМА

ПОЛЯ и ВИКТОРА МАР

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСК

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «ИСТОРИЧЕС

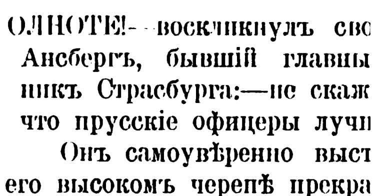

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВ
1902

I.

ОЛНОТЕ!—воскликнулъ сво
Ансбергъ, бывшій главны
никъ Страсбурга:—не скаж
что прусскіе офицеры лучш
Онъ самоувѣренно выст
его высокомъ черепѣ прекра
косметикой волосы; его усы и эспаньол
приданія имъ остроконечной формы. Это
его бѣлаго жилета, бѣлыхъ штиблетъ и
чернымъ панталонъ. Гордясь своей друж
номъ Прономъ, онъ охотно подражалъ
осанкѣ. Будучи отставнымъ офицеромъ,
ленникомъ и убѣжденнымъ бонапартисто
живалъ имперію, и, объявленная три нед
наполнила его сердце гордостью и радост

Герматъ, эльзасецъ и либералъ, кр
курой бородой, немного тяжеловатый отъ
отъ пива,—печально отвѣчалъ:

— Да, нѣмецкіе офицеры выше на
образованы и подготовлены уже давно; г
свое призваніе и надменно повелѣваютъ
дисциплинѣ, въ командованіи, въ организа
дятъ насъ. Повѣрьте мнѣ, я говорю
дѣла.

Горечь обнаружилась въ его послѣдн
лѣтъ тому назадъ, прежде чѣмъ выйти н
тихгеймскихъ ситцевъ, оставивъ ее комп

на бракъ своей дочери, Эдели, съ баденскимъ офицеромъ, поручикомъ Гаффнеромъ. Она находилась у нихъ со своимъ маленькимъ сыномъ, Генрихомъ, когда грянулъ громъ войны между двумя народами. Она осталась у нихъ лишь столько времени, чтобы успѣть застегнуть пряжки своего чемодана, и уѣхала. У Гермата, какъ и у многихъ его соотечественниковъ, былъ трауръ; въ каждой семьѣ были французскіе и нѣмецкіе родственники. Городъ ученыхъ и студентовъ, Страсбургъ былъ какъ бы мостомъ, перекинутымъ между двумя странами, союзомъ цивилизацій для обмѣна новыхъ идей и полезныхъ пріобрѣтеній. Тамъ говорили по-нѣмецки, но думали по-французски. Невзирая на религіозную и политическую разницу, всѣ жили въ единомысліи въ прекрасномъ и добромъ Эльзасѣ. Но вотъ каждый очагъ раздѣлился, проснулась расовая вражда: отвратительная война перевернула вверхъ дномъ совѣсть и взволновала души.

Свысока и строго Ансбергъ возразилъ Гермату:

— Вы говорите, не какъ патріотъ. Я видѣлъ на нашихъ Бролійскихъ гласисахъ изумительное сборище нашихъ военныхъ силъ: тюркосовъ, кирасировъ, зуавовъ, всѣхъ этихъ опьяненныхъ живостью и весельемъ офицеровъ; я отвѣчаю за ихъ рыцарскую доблесть и говорю: вы клевещете на нихъ!

Герматъ возмутился: онъ клевещетъ на армію!... Развѣ это была клевета, что его оскорбило легкомысліе и шумная беззаботность офицеровъ, мундиръ которыхъ онъ уважаетъ? Развѣ онъ не видалъ ихъ рисующимися за кофейными столиками, смѣющимися съ сидѣлками въ кокетливыхъ костюмахъ и дѣлающими изъ войны увеселеніе? А какое невѣжество? Одинъ полковникъ спросилъ его съ непринужденнымъ видомъ: «Не правда ли, Гагенау и Виссембургъ —нѣмецкіе города?» А плачевная организація войска, которое ищетъ свои казармы и не находитъ, выпрашивая хлѣба на улицахъ! Развѣ онъ самъ не помѣщалъ у себя солдатъ десятками? А когда подъ звуки трубъ отправлялся полкъ съ ружьями на плечо, не слѣдилъ ли онъ за слабостью наличнаго состава и небрежностью осанки? Развѣ замѣчать то, что колетъ глазъ, значитъ быть дурнымъ патріотомъ? Обо всемъ этомъ онъ хотѣлъ закричать, но къ чему разжигать споръ? Его жена бросала на него умоляющіе взгляды, и онъ продолжалъ молчать.

Поддерживаемый вызывающимъ видомъ г-жи Ансбергъ и скрытнымъ одобреніемъ Стумпфовъ, бѣдныхъ родственниковъ, которыхъ Герматы пригласили изъ доброты,—Ансбергъ бросилъ взглядъ, полный гнѣвнаго тріумфа, вокругъ стола. Маленькій Карлъ Герматъ, сидѣвшій съ Ноэми на другомъ концѣ стола, замѣтилъ, что красная шея «стараго друга» вздувалась, какъ у индѣйки зобъ, и удивлялся, что не слышитъ звуковъ: «глю! глю! глю!»

Въ этотъ моментъ Ансбергъ считалъ себя лучшимъ французомъ, чѣмъ кто либо другой; его искренній, но узкій шовинизмъ видѣлъ въ самыхъ робкихъ оговоркахъ, самыхъ легкихъ возраженіяхъ оскорбленіе величія страны и стойкости образа государственнаго правленія.

Обладая деспотическимъ и пылкимъ нравомъ, онъ хотѣлъ заткнуть рты своимъ возражателямъ. Онъ испытывалъ болѣзненное, почти озлобленное раздраженіе противъ своего стараго товарища. Въ немъ пробудились всѣ небольшіе недочеты, мелкая злоба, строгость сужденія, какіе могутъ накопиться и при самой искренней дружбѣ.

Въ продолженіе послѣдовавшаго безпокойнаго молчанія двѣ служанки, Гретхенъ и Ганна, подали золотистыхъ пулярокъ, фаршированныхъ печенками и яичнымъ желткомъ,—торжество поварихи Гертруды. Съ пылающими щеками и съ чепчикомъ, сбившимся на сторону, съ самой зари она слѣдила за слегка кипящими кастрюлями, такъ какъ это была первая суббота въ мѣсяцѣ—день, въ который, съ давнихъ поръ, при первомъ ударѣ одиннадцати часовъ, звонили у рѣшетки дома Герматовъ—Ансберги, пасторъ Готтусъ и адвокатъ Вольфартъ. Этотъ день былъ праздникомъ у Герматовъ. Они питали культъ къ дружбѣ, и хорошій пріемъ былъ одинъ изъ его обрядовъ; они любили попотчевать своихъ гостей тонкими блюдами и рѣдкими винами. Дѣйствительно, Гертруда превзошла самоё себя: душистая лососина, орошенная рюдесгеймеромъ, предшествовала поджаренымъ свинымъ хвостамъ, хрустѣвшимъ на зубахъ, — истинное наслажденіе. Такова была сила привычки, что, несмотря на висѣвшее въ воздухѣ безпокойство и на грозные раскаты сраженія, которое давалъ Макъ-Магонъ въ тотъ самый часъ, въ сторонѣ Гагенау,—они съ удовольствіемъ вкушали всѣ эти прелести.

Никакого нѣтъ сомнѣнія, что маршалъ отомститъ за неудачу, смерть генерала Дуэ и уничтоженіе дивизіи въ Виссембургѣ, захваченной корпусомъ королевскаго принца.

Вчера неутѣшные крестьяне, требовавшіе докторовъ къ раненымъ, принесли это извѣстіе. Сначала имъ не хотѣли вѣрить. Этотъ первый несчастный переворотъ въ судьбѣ своимъ похороннымъ звономъ взволновалъ весь Страсбургъ. Волненіе отъ этого впечатлѣнія еще не улеглось; оно дѣлало разговоръ лихорадочнымъ. Многіе видѣли въ томъ плачевное предзнаменованіе, другіе—несчастіе, которое на другой день потребуетъ реванша. Разсчитывали на Маджентскаго побѣдителя и героя битвы при Малаховѣ. Своимъ краснымъ, грубымъ лицомъ и сѣдыми волосами маршалъ внушалъ къ себѣ довѣріе, но такое потрясеніе натягивало нервы и сильно возбуждало страсти. За этимъ столомъ, гдѣ въ продолженіе столькихъ лѣтъ споры оставались учтивыми, теперь два раза поднимались

жестокія препирательства—что-то треснуло въ старинной дружбѣ Ансберговъ. Такъ было въ каждомъ домѣ Страсбурга: партизаны войны и мира, протестанты и католики, преторіанцы и либералы находились на ножахъ.

Пасторъ Готтусъ, съ грубымъ краснымъ лицомъ, съ толстымъ луковицеобразнымъ носомъ между свѣтлыми глазами, честный человѣкъ, любившій говорить напрямикъ, заявилъ:

— Сохранимъ себя отъ гордости! Это большой недостатокъ нашего брата, француза. Я вижу, дорогой Ансбергъ, что вы не знаете Германіи.

— Я кичусь этимъ,—отвѣчалъ Ансбергъ.

— Слѣдовательно, какъ же вы можете о ней судить? Нравственный уровень нашихъ сосѣдей несравненно выше нашего: тамъ живетъ народъ сильный, упорный. Германія господствуетъ надъ нами не только своими учеными, знающими и начитанными людьми, но и тѣмъ, что въ каждой семьѣ, даже самой неразвитой, царствуетъ нѣмецкое чувство, состоящее изъ любви къ общей родинѣ и религіознаго идеала, котораго мы не вѣдаемъ. Наша Франція, праздная, развратная, алчная до наслажденій, выродилась, и я прошу Бога военныхъ силъ, чтобы онъ не наложилъ на нее ужасной кары.

— Г-нъ пасторъ (обыкновенно Ансбергъ говорилъ: мой дорогой Готтусъ, или: мой уважаемый другъ), это не французскія чувства.

— Не французскія!—воскликнулъ побагровѣвъ Готтусъ.—Нѣтъ, право, лучше не спорить въ такомъ тонѣ.

Молодой Андрэ Герматъ, только что окончившій курсъ юридическаго факультета, и на котораго съ дѣтства смотрѣли, какъ на жениха Элизы Ансбергъ, поднялъ свои красивые глаза на молодую дѣвушку. Онъ обладалъ болѣзненной впечатлительностью и страдалъ, слыша, что эти существа, которыхъ связывало столько воспоминаній сердечнаго согласія и уваженія, такъ говорили. Но Элиза, также безпокоясь въ этой атмосферѣ, насыщенной электричествомъ, повернувъ свое маленькое, нѣжное личико, разсматривала между полузакрытыми ставнями, желобками тянувшейся тѣни и лучами солнца, столѣтнее каштановое дерево, вѣтви котораго попадали почти въ комнату. Обыкновенно его листва, какъ бы громадное гнѣздо, трепетала отъ крыльевъ и пѣнія птицъ; теперь ни одинъ листъ не колыхался; сожженная земля, засохшіе трава и цвѣты издавали терпкое благоуханіе. Андрэ и Элиза инстинктивно боялись какой нибудь непредвидѣнной неожиданности. Ихъ нѣжнымъ чувствамъ угрожала опасность. При ихъ давней и полной увѣренности въ безопасности имъ казалось это необычайнымъ.

Старый домъ и старый садъ былъ дѣйствительно, въ ихъ глазахъ, оазисомъ мира, тишины и счастія. Уже такъ давно они знали въ немъ всѣ закоулки. Сколько разъ они завтракали, какъ сегодня, въ этой высокой и широкой столовой, со стѣнами, украшен-

ными лѣпной работой, медальонами, дверьми съ матово-золочеными сѣтчатыми карнизами, съ китайскимъ фарфоромъ на стѣнахъ, съ мебелью въ стилѣ Ампиръ, свидѣтельствовавшими о семейныхъ традиціяхъ солиднаго и прочнаго комфорта. Каждой предметъ обстановки старѣясь гармонировалъ и, раздѣляя въ ежедневной жизни живыхъ существъ появлявшіяся радости и горе, мало-по-малу воодушевлялся и дѣлался самъ какъ бы живымъ. Также и въ душѣ Элизы и Андрэ любовь настолько естественно и глубоко увеличилась, что они даже ея не чувствовали, такъ какъ она проникла въ нихъ и составила часть ихъ самихъ, какъ воздухъ, который они вдыхали, и каждый жестъ, къ которому они привыкли. Никогда они не говорили, что любятъ другъ друга, но ихъ улыбка, ихъ взглядъ, интонація голоса сливались между собою чрезъ таинственное сходство характеровъ и невидимую нить чистой, простой и сильной любви.

Вольфартъ, съ густою гривой волосъ и бородой, остриженной подъ гребенку, дѣлавшими его похожимъ на сѣраго ежа, съ однимъ изъ тѣхъ движеній плечъ, которымъ онъ привыкъ поправлять свою тогу въ судѣ, сказалъ умиротворяющимъ тономъ:

— Очевидно, такой тактикъ, какъ Макъ-Магонъ, всегда дѣйствующій неожиданно, внушаетъ довѣріе. Однако, мнѣ кажется, что не принимаютъ въ соображеніе стратегической позиціи Страсбурга. Это—ключъ Эльзаса. Объ этомъ забыли. Почему не займемъ мы Кэль, какъ наши отцы въ 1814 и 1815 годахъ? Захвативъ Рейнъ, мы угрожали бы великому герцогству. Развѣ потому, что въ своемъ глупомъ вандализмѣ баденцы взорвали мостъ? Развѣ у насъ на гласисахъ нѣтъ для перехода рѣки приготовленныхъ понтоновъ? Только думаютъ ли о возможности блокады? Насъ оставили безъ гарнизона. Осадное положеніе объявлено; у насъ новый губернаторъ, генералъ Урихъ. Но солдаты, пушки?.. Наши валы—сады и мурава, поясъ военныхъ операцій покрытъ домами и деревьями. Развѣ это, спрашиваю я, серьезныя приготовленія?

— Вы тоже, Вольфартъ,—воскликнула г-жа Ансбергъ, у которой былъ длинный носъ и рѣзкій голосъ,—вы также дрожите?

Но Ансбергъ прервалъ:

— Какое обвиненіе, дорогой юристъ! Какимъ были бы вы генералъ-прокуроромъ, если бы не были Цицерономъ адвокатуры! Но вы и въ самомъ дѣлѣ воображаете, что Страсбургу будетъ угрожать опасность? Это мы, съ блиндированными канонерками генерала Экссельмана, отправимся бомбардировать укрѣпленные города Рейна. Макъ-Магонъ теперь разгромитъ нѣмецкую армію. Сегодня вечеромъ мы устроимъ иллюминацію... въ угрожаемомъ опасностью Страсбургѣ! Нѣтъ, это презабавно!

Настолько идея показалась Ансбергу нелѣпой и неслыханной, что онъ разразился хохотомъ. Его жена вторила ему, а Сгумпфы смѣялись исподтишка.

— Почему надъ этимъ смѣются?—спросила Ноэми тихонько у Карла.

Это была крестница г-жи Герматъ—сирота, воспитывавшаяся въ пансіонѣ «Сестеръ»—худенькая, съежившаяся и зябкая дѣвочка, про которую можно было бы сказать: «хорошая птичка на съѣденіе кошкѣ»; но это была миленькая, трогательная птичка. Отъ времени до времени ее приглашали, чтобы дать ей хорошо позавтракать. Ея мать была кормилицей Карла, и казалось, что розовый, толстощекій мальчикъ взялъ себѣ все молоко, не оставивъ ничего дѣвочкѣ. Онъ покровительствовалъ ей своей дружбой и повелительно распредѣлялъ игры. Карлъ отвѣтилъ ей:

— Они смѣются, потому что будутъ кушать «гуглофъ».

И, довольный своимъ объясненіемъ, онъ углубился въ созерцаніе пышнаго пирога и сопровождающихъ его сливокъ, не видя, какъ мать глазами запрещала ему класть локти на столъ, и, еще менѣе замѣчая, какъ дядя Ансельмъ издали улыбался ему.

Старшій братъ Гермата, старый холостякъ, слылъ за оригинала, благодаря своей превосходной чистотѣ души. Кромѣ своихъ и Карла, котораго онъ баловалъ до крайности, онъ любилъ только свои бездѣлушки, скрипку и бѣдныхъ. Во второмъ этажѣ дома онъ собралъ настоящій музей изъ закопченныхъ картинъ, деревянныхъ, рѣзныхъ бауловъ, маленькихъ фарфоровыхъ фигурокъ и старыхъ ковровъ, стоившихъ, повидимому, очень дорого, но за которые Карлъ не далъ бы одного крейцера; относительно ихъ дядя Ансельмъ разсказывалъ неистощимыя исторіи. Круглолицый, съ гладкими волосами, раздѣленными по срединѣ проборомъ, съ забавно разсѣяннымъ, порою, видомъ, дядя Ансельмъ былъ наставникомъ Карла относительно предметовъ таинственнаго міра; онъ наполнилъ воображеніе ребенка таинственными и страшными баснями и раскрылъ подземелья—его грезамъ, изумленію и страху. Часто ночью въ своей кровати Карлъ садился на постель и недовѣрчиво изслѣдовалъ тѣни: то это былъ горбатый гномъ, проскользнувшій подъ комодъ, то Лорелея, выкупавшись въ зеленомъ Рейнѣ, тянулась на лунный лучъ... Но въ данный моментъ Карлъ не думалъ ни о разсказахъ дяди, ни о войнѣ, ни о поддразниваніяхъ Ноэми, щекотавшей своей вилкой его ладонь, онъ мечталъ только о «гуглофѣ» и о кускѣ, который ему отрѣзывали.

Но что же случилось? Роздали сладкій пирогъ съ миротворной справедливостью, однако споръ сталъ еще болѣе ѣдкимъ. На этотъ разъ Гумблотъ раздулъ бурю. Карлъ проклиналъ этотъ шумъ, произведенный мужчинами; женщины, по крайней мѣрѣ, держались спокойнѣе. Г-жа Готтусъ, добродѣтельная особа, тихая, какъ овечка, съ которой она имѣла большое сходство своей удлиненной челюстью, смотрѣла въ тарелку; двоюродная сестра, Ступпфъ, очень живо вращала глазами, какъ будто она хотѣла подслушать каждаго ра-

зомъ, а толстая г-жа Гумблотъ тяжело дышала отъ астмы; что касается до г-жи Герматъ, ей было достаточно дѣла—наблюдать за прислугой, слѣдить за разговоромъ и обмѣниваться съ мужемъ озабоченными взглядами.

Гумблотъ, тихій человѣкъ, несмотря на свои грозные усы, очень оживленно кричалъ:

— Вѣдь я повторяю вамъ, что великое герцогство пусто! Заводы болѣе не работаютъ, крестьяне переселились, баденскія войска покинули границы: настолько великъ страхъ, который мы внушаемъ имъ. Въ данный моментъ говорить объ иномъ, чѣмъ побѣда, было бы вѣроломствомъ. Надо благословлять эту войну, которая сдѣлаетъ Францію еще болѣе великой.

— Не надо благословлять войны! — сказалъ сурово Готтусъ.

— Нѣтъ, —сказалъ Герматъ,—война—беззаконіе, преступленіе! Это гнусность! Я подписалъ петицію императору противъ войны. Благословлять ее!... Какъ можете вы говорить такую вещь, Гумблотъ, вы, не бравшій никогда въ руки ружья, даже чтобы убить зайца! Вы очевидно не знаете, что означаютъ эти ужасныя слова: сожженныя жатвы, расхищенныя деревни, быстрыя экзекуціи, грабежъ, смертоубійство въ частности и большая рѣзня въ общемъ. Подумайте о томъ, что такое поле сраженія, и горе матерей!

— Теперь не время оспаривать войну: разливъ вино, надо его выпить.

— Да, вы его розлили, —возразилъ Герматъ съ отчаяніемъ:—вы розлили не вино, а кровь. Вы причинили наше несчастіе. Не очень этимъ гордитесь!

Ступфъ, съ лицомъ, походившимъ на мордочку сладенькой ласочки, воскликнулъ фальцетомъ:

— Но, братецъ, ты хорошо знаешь, что Вильгельмъ напалъ на Бенедетти и закричалъ ему: «Вонъ! Вонъ!»

— Я этого не слыхалъ, — отвѣтилъ Герматъ:—я не обязанъ тебѣ вѣрить.

— Вотъ до чего мы дошли!—воскликнулъ Ансбергъ.—Могли ли мы ожидать, что получимъ ударъ съ тыла? Будто эти люди не вызывали насъ всевозможнымъ образомъ.

— Тогда мы очень наивны, попавъ въ сѣти,—возразилъ Герматъ.—Развѣ вы дѣти? Вы, старые страсбуржцы, развѣ вы не знаете, что Эльзасъ—ставка въ этой нелѣпой войнѣ? Развѣ вы не чувствуете, что мы заплатимъ выкупъ? Значитъ, мысль сдѣлаться пруссаками силою побѣды не производитъ на васъ впечатлѣнія?

Поднялась суматоха; стали съ шумомъ возражать.

— Постойте!—кричалъ Ансбергъ.

— Молчите!—умолялъ Гумблотъ...

Пронзительные голоса ихъ женъ и Ступфа протестовали:

— Нѣтъ, никогда! Какая мысль! Пруссаки!.. Не слѣдуетъ говорить подобныхъ вещей!.. О братецъ!

Но Герматъ выходилъ изъ себя, возвышая голосъ:

— А! Не надо этого говорить! Правда деретъ уши! Ну, такъ хорошо, вы ее услышите? Гдѣ же ваши иллюзіи? Вы говорили, что Пруссія пойдетъ одна, а Германія подымается. Вы говорили: «у насъ будутъ союзники». Гдѣ же они? Покажите мнѣ ихъ! Въ Мюнхенѣ и Штуттгартѣ университеты и гимназіи опустѣли въ одно мгновеніе: тысячи студентовъ предложили себя волонтерами. Это народное движеніе непреодолимо. Ну, вы знаете, однако, какъ и я, что Пруссія хочетъ Страсбурга, добивается Меца и расчлененія Франціи. Какъ и я, вы получали и получаете ежедневно изъ Германіи письма, которыя не оставляютъ вамъ никакого сомнѣнія...

— Только не я!—поправилъ Ансбергъ, поселившійся въ странѣ около двадцати лѣтъ.—Благодаря Бога, я знаю только французовъ!

— Но, эльзасцы—отъ отца къ сыну, но вы, пасторъ, и вы, Гумблотъ, и ты, Стумпфъ, вѣдь вы знаете, что я говорю правду. Намъ пишутъ: «Мы посвятимъ все, чтобы положить конецъ безпрестаннымъ угрозамъ французовъ. Мы все пустимъ въ ходъ, мы положимъ до послѣдняго нашего талера, до послѣдняго нашего сына, но мы возвратимъ себѣ Эльзасъ и Лотарингію, чтобы защитить наши границы!» Моя дочь, Эдель, француженка сердцемъ, однако, объявила мнѣ о силѣ любви къ своей новой семьѣ, ко всѣмъ тѣмъ, кого она видѣла и слышала. Она считаетъ уже Страсбургъ возвратившимся къ «великой общей роднѣ». Даже дѣти... да вотъ мой внукъ Генрихъ писалъ Карлу: «До свиданія, дядюшка, и до скораго! Мы возвратимся въ Страсбургъ съ солдатами и хорошо повеселимся вмѣстѣ, когда ты будешь такъ же нѣмецъ, какъ и я». Благословляйте теперь войну, которая порождаетъ подобныя чудовищности!

— Ну, такъ,— воскликнулъ съ бѣшенствомъ Ансбергъ,—ваши слова доказываютъ, что въ Эльзасѣ нѣчто сгнило. Прикосновеніе границы испортило лучшую совѣсть. Вотъ результаты компромиссовъ, союзовъ и дружбы: ослабленіе характера и упадокъ сердца. Однимъ словомъ, знаете ли вы, какъ это называется? О! совсѣмъ не французское слово:—«трусость». Вы боитесь, боитесь сражаться!

— Ансбергъ, вы мой гость и самый старый другъ,—сказалъ Герматъ дрожащимъ голосомъ:—вы не имѣете права такъ со мною говорить.

— Я имѣю право! Да, я обязанъ. Ваши чувства не достойны истиннаго страсбуржца!—воскликнулъ Ансбергъ.

— Ансбергъ!

— Тотъ, кто сомнѣвается въ своей странѣ, ранитъ во мнѣ священныя фибры, тотъ, кто вѣритъ болѣе въ непріятеля, чѣмъ во Францію, жестоко оскорбляетъ меня. Побѣда нашей арміи и тор-

жество имперіи будетъ вамъ карою! Не называйте меня болѣе вашимъ другомъ; это кончено! Вашимъ гостемъ я болѣе никогда не буду!

Онъ поднялся, бросивъ свою салфетку; Герматъ—тоже. Въ эту минуту смятенія стулья попадали; дамы издавали восклицанія. Дойдетъ ли дѣло до драки? Вмѣшался пасторъ Готтусъ.

— Друзья мои,—сказалъ онъ,—изъ любви къ Богу, именемъ патріотизма, который васъ воодушевляетъ, забудьте это недоразумѣніе. Ансбергъ, Герматъ, подайте другъ другу руки!

Но Ансбергъ не хотѣлъ ничего слышать.

— Прощайте! Иди, жена! иди, Элиза!

Андрэ всталъ и сдѣлалъ шагъ впередъ; онъ хромалъ съ дѣтства, и этотъ недугъ былъ для него жестокимъ униженіемъ. Высокомѣріе Ансберга возмущало его, а мысль потерять Элизу взволновала. Поблѣднѣвъ, онъ пробормоталъ.

— Элиза, не уходите! Элиза, не сердитесь!

Но, потерявъ голову, она, казалось, не слышала его; ея мать увлекала ее за собою; тщетно Вольфартъ и Готтусъ старались его удержать. Ансбергъ удалился въ сопровожденіи Гумблота, затѣмъ Стумпфовъ, рѣшившихся, какъ сказали они, уговорить его и привести обратно.

Карлъ забылъ отъ изумленія свой кусокъ «гуглофа»; испуганная Ноэми, казалось, была готова расплакаться. Г-жа Герматъ съ нѣжной твердостью оперлась на плечо мужа, на котораго нѣжно смотрѣлъ дядя Ансельмъ. Герматъ взглянулъ на Вольфарта, потомъ на Готтуса. Пасторъ протянулъ ему съ жаромъ руки, сказавъ:

— Мой старый другъ!

И прибавилъ:

— Простите ихъ: они не знаютъ, что творятъ!..

II.

Однако сраженіе все продолжалось, и глухой шумъ достигалъ до города съ порывомъ вѣтра. Страсбургъ переполненъ былъ любопытными, журналистами, родителями и друзьями офицеровъ, безпокойно ожидавшими военныхъ извѣстій. Жители, вышедшіе изъ города на двѣ мили, вернулись съ веселыми лицами: неожиданное нападеніе Макъ-Магона, утверждали они, имѣло успѣхъ. Фальи, спустившись съ Битча, напалъ съ фланга на нѣмцевъ, заманенныхъ въ Гагенаускій лѣсъ. Таможенные вернулись съ развѣдокъ: громъ пушекъ удалялся въ сторону Виссембурга. Пробѣжала дрожь побѣды: королевскій принцъ убитъ, его армія взята въ плѣнъ!

— Давай Богъ!—думалъ Герматъ. Безпокойство принудило его выйти изъ дома. Сопровождаемый Вольфартомъ, онъ испыталъ всѣ волненія, свирѣпствовавшія въ городѣ. Многія лица ему были зна-

комы, и онъ могъ прочитать на нихъ отраженіе своихъ собственныхъ чувствъ. Онъ молча шелъ съ тяжелымъ сердцемъ. Одна побѣда могла усладить горечь, разлившуюся въ немъ. Подъ его спокойной личиной, въ которой практическій смыслъ соединялся съ добродушіемъ, скрывался нѣжный человѣкъ, вѣрный въ своихъ привязанностяхъ и укоренившійся въ своихъ привычкахъ. Его ссора съ Ансбергомъ причинила ему ужасную печаль, это его возбуждало, какъ жестокая зубная боль, какъ мучительный глубокій ожогъ. Онъ страдалъ тѣломъ и душею. Такая старинная дружба! Напрасно онъ повторялъ себѣ, что Ансбергъ, грубый, восторженный человѣкъ, часто не хотѣлъ его признавать, не хорошо понималъ, что въ ихъ привязанности онъ, Герматъ, давалъ болѣе, чѣмъ получалъ; это его не утѣшало, но лишь усиливало злобу, оставшуюся отъ сдѣланной ему несправедливости. До чего дошло дѣло!... До такой степени Ансбергъ довелъ оскорбленіе, что за собственнымъ столомъ Гермата, нарушая этимъ тихое общеніе за хлѣбомъ-солью, онъ покинулъ его съ такимъ неприличіемъ и грубой вспышкой! Нѣтъ, онъ никогда не будетъ въ состояніи простить Ансберга; въ данную минуту Герматъ ненавидѣлъ его за такое ослѣпленіе и жестокость. Затѣмъ онъ вдругъ, представлялъ его себѣ раскаявшимся, съ влажными глазами, протянутыми руками, какъ въ добрые дни, послѣ грубыхъ споровъ... Но, нѣтъ, въ ихъ словахъ прозвучало что-то непоправимое и надломилось при звукѣ захлопнувшейся двери. Это былъ конецъ. Сколько бы онъ ни разсуждалъ, его гордости не удалось бы заглушить такъ долго длившуюся любовь. Онъ болѣе страдалъ, чѣмъ возмущался противъ нелѣпаго окончанія двадцатилѣтней дружбы!

Но даже въ этой неожиданности была вся возмутительная сторона катастрофы, и результатъ—ея недовѣріе. Полно! Это мечта! Какъ, Ансбергъ не придетъ въ субботу завтракать? Онъ не развернетъ своей салфетки, не засунетъ, своимъ обычнымъ жестомъ, ея кончикъ за жилетъ и не скажетъ съ видомъ превосходства, принимая важную осанку: «Посмотримъ, что-то Гертруда намъ приберегла на сегодня?»—счастливый, какъ ребенокъ,—старый ребенокъ!— А если г-жа Герматъ отвѣчала: «Будутъ бараньи языки съ пюрэ изъ овощей, какъ вы любите», или: «Будутъ угри, поджаренные въ тѣстѣ по-эльзасски», — то онъ восклицалъ: «Право, только здѣсь умѣютъ хорошо покушать. Никогда у себя я не ѣмъ такой прелести!» Между тѣмъ его жена, нѣсколько раздосадованная, принужденно смѣялась... Полно, это было невозможно. Эти дорогія для Гермата привычки Ансбергъ, не менѣе любившій ихъ, разбилъ изъ-за высказаннаго личнаго сужденія. Можетъ ли до такой степени ослѣплять честныхъ людей политическая страсть? Не было ли чего другого, клеветы, чьего нибудь вліянія? Не жены ли Ансберга—тщеславной до излишества женщины, которую скандализируетъ ихъ простота,

въ особенности г-жи Германъ: женщины часто скрываютъ подъ улыбками свою непріязнь? Не было ли это вліяніе префекта, привыкшаго къ офиціальной лжи и къ избирательной практикѣ? Конечно, только что вспыхнувшее недоразумѣніе зародилось не со вчерашняго дня; оно ежедневно возрастало. Печально чувствовать, какъ расходятся умы, доказать свою невозможность убѣдить, видѣть, какъ слова становятся ѣдкими, и сердце охлаждается въ тѣ годы, когда, именно, дружба должно становиться устойчивѣе, закрѣпленная прошедшимъ, опытомъ и доказательствами.

Но Гермата еще укололо—онъ не давалъ себѣ въ этомъ отчета—сознаніе, что исчезнувшее не возвратится болѣе и не замѣнится: въ его жизни останется пробѣлъ, пустое мѣсто отъ вырванной съ корнемъ живой любви. Если Ансбергъ отъ этого не страдаетъ, тѣмъ лучше для него. Германъ же испытывалъ страшныя терзанія. Это было довершеніемъ всего, что въ продолженіе цѣлыхъ недѣль тревожило и сокрушало его: предвидѣніе будущаго и родительское горе. Мысль, что честный Людвигъ Гаффнеръ совсѣмъ не дурной человѣкъ, сдѣлавшійся по волѣ рока ихъ непріятелемъ, могъ съ обнаженной саблей встрѣтиться лицомъ къ лицу съ Андрэ, если бы бѣдный мальчикъ могъ служить со своей больной ногой въ волонтерахъ; мысль, что Эдель не могла желать успѣха ни прежней ни новой родинѣ, потому что побѣда одной требовала погибели другой,—вотъ что было его неутѣшнымъ горемъ. Однако онъ, по совѣсти, не могъ сожалѣть о замужествѣ дочери, потому что она была счастлива, найдя любовь, богатство и превосходныхъ свекра и свекровь; надо сознаться, что всѣ эти Гаффнеры были «сливками человѣчества». И онъ снова видѣлъ ихъ добрый пріемъ и прояснившіяся лица. Его разсудокъ и совѣсть возмутились, когда онъ сказалъ себѣ, что теперь приходится ненавидѣть другъ друга, между тѣмъ какъ вчера обнимались.

Внезапно воспоминаніе о дочери напомнило ему о сыновьяхъ; онъ предвидѣлъ новое разрушеніе его плановъ: предполагаемый бракъ Андрэ съ Элизой уничтожился... Полно, но если они любили другъ друга?... Еще дѣтьми ихъ называли маленькимъ мужемъ и маленькой женой. Неужели они будутъ страдать по ошибкѣ Ансберговъ? Они, невинные, были бы несправедливо принесены въ жертву. Такъ какъ онъ любилъ нѣжно Андрэ и Элизу, то такая мысль ему была ненавистна. Нѣтъ, это слишкомъ глупо, это его возмущало... Надвигалась гроза; буря, уносившая людей, дома и деревья въ шквалѣ гранатъ и пуль, огненный вихрь пожара — тяготѣли надъ нимъ, удручали его трагическимъ, невѣдомымъ будущимъ. Боже мой, лишь бы Макъ-Магонъ выигралъ сраженіе!

Эти размышленія возвращались къ нему безпрестанно, оканчиваясь сомнѣніемъ, какъ въ центрѣ темнаго лабиринта.

— Ахъ! — сказалъ онъ, обращаясь къ Вольфарту, молчаливо идущему около него, — это сильнѣе меня, тоска сжимаетъ мнѣ сердце.

Онъ окинулъ взглядомъ улицу, по которой они шли: она вела въ предмѣстье къ воротамъ Петра. Не было тротуара, не было моста и переулка, къ которому они не привыкли. Прекрасное вечернее солнце, дышащее теплотою блестящаго августа, омывало своими лучами верхушки домовъ изъ рѣзнаго дерева, памятники изъ краснаго песчаника съ почернѣвшими жилками, старинныя жилища, приближавшіяся другъ къ другу подпорками своихъ бурыхъ срубовъ, съ этажами не по отвѣсной линіи, большими розовыми крышами, съ слуховыми окнами и зубчатыми шпицами. Зеленоватая вода каналовъ, образовавшихъ какъ бы рукава рѣки Илля, искрилась и сверкала. Лучи свѣта проникали чрезъ листву столѣтнихъ садовъ. Въ оградѣ своихъ валовъ, построенныхъ Вобаномъ, своихъ бастіоновъ, воротъ, изъ которыхъ часть была вооружена башнями, — Страсбургъ сохранилъ, съ своей пяти-угольной цитаделью и обширнымъ арсеналомъ, средневѣковую суровость и мрачность. Этотъ городъ, съ его соборомъ, храмами, музеями, площадями, старыми домами XVII и XVIII вѣковъ, мощеными улицами, мельницами и арсеналами, прелестью его стѣнъ и теряющейся вдали мягкостью его водъ, съ мертвой жизнью прежнихъ лѣтъ и оживленнымъ движеніемъ новыхъ улицъ, съ богатствомъ и славой его прошедшаго и съ торжественной простотой его настоящаго,— походилъ сегодня на праздничный городъ и на проснувшійся улей подъ голубымъ небомъ. Герматъ пришелъ въ умиленіе отъ этой картины, и въ его сердцѣ и на губахъ появились слова старинной народной пѣсни:

> **O Strassburg, Strassburg,**
> **Du, wunderschöne Stadt!**
> **О Страсбургъ, чудный городъ!**

Его мысль миновала ворота, перенеслась чрезъ массу зелени, широкія аллеи, лужки, мѣста сельскихъ прогулокъ: Контадъ и Роберстау, а также экскурсіи въ Келѣ и гостиницу подъ вывѣской «Лососина», гдѣ ѣдятъ устрицъ и пьютъ свѣжее пиво. Онъ снова увидѣлъ широкую долину, обширную, открытую, плоскую мѣстность, усѣянную деревнями, покрытую жатвами и хмельникомъ, колѣно Рейна, вдали темныя вершины Шварцвальда, Альпъ и Вогезъ; здѣсь—Германія, тамъ—Швейцарія, а подъ его ногами французская земля, входъ въ которую защищалъ Страсбургъ. Стрижи летали въ уровень съ домами. Немытыя дѣти съ полными щечками прогуливались, весело смѣясь. Телѣга, нагруженная соломой, наполняла улицу сладковатымъ запахомъ. Пріятно было существовать, дышать, видѣть, чувствовать, слушать, наслаждаться всѣми порами тѣла,

тепломъ и прекрасной погодой... А приходилось думать только о рѣзнѣ: какой кошмаръ!

Проходя мимо краснаго дома—пивной Кермера, они услышали, какъ маленькая дѣтская ручка постучала имъ въ окно.

— Смотрите,—сказалъ Вольфартъ:—это Карлъ и Ноэми.

Они сидѣли тамъ съ дядей Ансельмомъ за тяжелымъ деревяннымъ столомъ. Предъ нимъ стояла громадная кружка съ пивомъ, другая—поменьше, изъ которой поочередно пили дѣти. Карлъ находилъ восхитительнымъ это препровожденіе времени. Онъ упросилъ дядю не отправлять Ноэми въ школу, утверждая, что для нея было хорошо еще погулять. Онъ и она были очень веселы и смѣялись, безъ всякой причины. Ансельмъ Герматъ слушалъ ихъ болтовню, выпуская дымъ изъ своей трубки, прищуривая свои большіе съ неопредѣленнымъ выраженіемъ глаза. Вокругъ него спорили и ссорились: честные граждане были возбуждены, кто—противъ, кто — за правительство. Повсюду было одно и то же — на улицахъ и въ пивныхъ: тѣ же самыя ссоры, въ которыхъ французы и нѣмцы чередовались, прерывая споръ нѣмецкими «ja», «so», «nein». Жирная хохотунья Сузель, прислуга пивной, съ ямочками на шеѣ и громадными, бѣлыми, толстыми руками, проворно бѣгала въ этой суматохѣ. Ансельмъ, которому надоѣла политика, интересовался болѣе вздернутымъ носомъ Карла и блестящими глазами Ноэми. Вольфартъ, едва сѣвъ, заговорилъ; его слушали, потому что онъ хорошо говорилъ, и его краснорѣчіе создавало ему авторитетъ.

Одинъ гарнизонный офицеръ только-что объяснялъ тактику маршала: она состояла въ привлеченіи непріятеля на избранное поле сраженія, послѣ чего его убивали въ западнѣ. Даже неудача подъ Виссембургомъ служила тому доказательствомъ. Дуэ, которому было поручено привлечь непріятеля медленнымъ отступленіемъ, вышелъ съ ними на неравный бой. Но, волей-неволей, Герматъ представилъ себѣ беззаботный отъѣздъ Макъ-Магона, покидавшаго Страсбургъ, послѣ своего завтрака, какъ будто его генералъ не долженъ былъ драться въ этотъ самый часъ.

— Господа,—сказалъ офицеръ-энтузіастъ, подымая стаканъ,—за стараго Мадженскаго льва и за побѣду.

Въ эту минуту на улицѣ поднялась тревога; посѣтители пивной бросились къ окошку, нѣкоторые отъ нетерпѣнія, иные отъ безпокойства. На порогѣ толстая Сузель махала своими бѣлыми руками. Смутный, а потомъ болѣе опредѣленный говоръ, слышался изъ всѣхъ устъ. Взволнованныя, блѣдныя лица толпились вокругъ всадника, который кричалъ:

— Измѣна! армія бѣжала, пруссаки идутъ!...

Откуда было извѣстіе, никто не зналъ. Но оно распространялось, отражаясь съ поразительной быстротой. Предмѣстья наполнялись

толпою. Страсбуржцы бросились къ заставамъ; Герматъ и дядя Ансельмъ «въ странной тревогѣ» разспрашивали прохожихъ; Карлъ и Ноэми, прижавшись другъ къ другу, наслаждаясь своимъ страхомъ, который былъ для нихъ удовольствіемъ.

Что имъ сдѣлаютъ пруссаки?... Они видѣли близко баденское войско во время ученій, и ихъ веселило созерцать, какъ солдаты подымали и опускали ноги, механически шагая, будто деревянные солдатики.

Внезапно показалась наемная карета, ѣхавшая галопомъ къ дивизіонному штабу: только и успѣли узнать сидящихъ въ ней коменданта и полковника понтонеровъ Фьево. За минуту предъ тѣмъ, они разсматривали горизонтъ въ подзорныя трубки, съ вала, близъ воротъ Петра, и затѣмъ поспѣшно спустились. Что могли они видѣть?

Женщины, съ испуганными лицами, удерживали обѣими руками своихъ мужей. Мрачный слухъ подтвердился: Макъ-Магонъ побитъ; пруссаки подъ стѣнами Страсбурга. Тамъ вдали колонна бѣглецовъ спускалась съ Гагенау. Потомъ поднялись крики: «На вокзалъ! везутъ раненыхъ». Раздался барабанъ, бившій тревогу: волонтеры бѣжали, ихъ грубые сапоги стучали по мостовой.

Герматы поспѣшили на вокзалъ; они прибыли къ платформѣ въ тотъ моментъ, когда поѣздъ съ двумя локомотивами остановился. Въ шести крытыхъ вагонахъ лежали распростертыми раненые. Кровь струилась по колесамъ. Въ этой массѣ томящихся тѣлъ то выдѣлялось страшно блѣдное лицо, то сломанная рука протягивалась и упадала, то раздавались вздохи.

Позади платформъ, въ длинномъ рядѣ вагоновъ, были свалены, словно скотъ, несчастные въ агоніи и мертвые. Въ толпѣ раздался крикъ ужаса и сѣтованія. Затѣмъ пронзительные возгласы женщинъ огласили воздухъ, раздался концертъ проклятій, на которыя отвѣчалъ вопль пѣхотнаго солдата, лицо котораго, изрытое рубцами, представляло сплошную рану.

Здѣсь виднѣлись ужасныя раны: тюркосъ, съ распоротымъ животомъ, поддерживалъ руками внутренности; у зуава вмѣсто обрубленныхъ рукъ торчали остатки плечъ, походившихъ на красныя эполеты.

— Уведи дѣтей, это ужасно!—сказалъ Герматъ.

Карлъ и Ноэми, хотя испугались, но отъ изумленія вцѣпились въ дядю Ансельма; они хотѣли все видѣть. Приблизились санитары съ ручными носилками, ослѣпительной бѣлизны. Крики женщинъ удвоились: онѣ бранили Наполеона и Вильгельма и требовали своихъ мужей и братьевъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, съ безумнымъ видомъ, ломали себѣ руки, иныя плакали, поддерживая хромыхъ солдатъ. Наконецъ устроилось раздирающее душу шествіе черезъ улицы, переполненныя народомъ. Носилки побагровѣли отъ

крови, на нѣкоторыхъ изъ нихъ прицѣпились къ еще новому полотну обрывки мяса и осколки костей. Телѣгъ съ бойни пріѣхало въ большомъ количествѣ; мясники, казавшіеся громадными, въ своихъ розовыхъ, запятнанныхъ кровью, блузахъ, уносили на рукахъ, какъ туши скота, это человѣческое мясо, безжизненное или трепещущее, еще согрѣтое жизнью или охлажденное смертью.

Гермать задѣлъ нечаянно Ансберга, избѣгавшаго смотрѣть на него. Съ важной осанкой послѣдній приблизился къ поручику тюркосовъ, распростертому на матрасѣ.

— По крайней мѣрѣ, побѣдители ли вы?—спросилъ онъ офицера.

Послѣдній отвѣтилъ суровымъ тономъ:

— Если бы у насъ были генералы, мы не были бы здѣсь.

Старый солдатъ повторилъ раздирающимъ сердце тономъ:

— Ихъ слишкомъ много! У нихъ было много пушекъ!...

Дядя Ансельмъ кончилъ тѣмъ, что увелъ дѣтей. Гермать увидѣлъ гордо прошедшаго мимо него Ансберга, какъ будто побѣда была выиграна, но кончики его усовъ дрожали отъ судорожнаго движенія, передернувшаго ему уголъ рта. Внезапные звуки сбора не раздавались болѣе въ городѣ; съ четырехъ сторонъ Страсбурга, среди гула барабановъ и хриплаго звука трубъ, неслись печальные звуки забитой наскоро, въ минуту паники, тревоги. Гарнизонъ взялся за оружіе и занялъ валы; всѣ заставы закрыли и подняли подъемные мосты. Страсбургъ видѣлъ себя преданнымъ на произволъ штурма и почти безъ защитниковъ; за городомъ замѣтили появленіе непріятельскихъ лазутчиковъ, и лихорадочными или угрюмыми голосами раненыхъ распространялась роковая увѣренность въ неизбѣжности пораженія. По ихъ словамъ, разбитая армія въ безпорядкѣ разбѣгается; Макъ-Магонъ скитается безъ войска; кирасиры и вся кавалерія побросали тяжелое оружіе въ пропасть, для облегченія отступленія. Страсбургу угрожала опасность. Эльзасъ открытъ,—Франція наводнена непріятелемъ.

Виссембургъ первый прозвонилъ похоронный звонъ, Фрешвиллеръ—второй. Достаточно было нѣсколько часовъ для этой катастрофы.

Вокругъ валовъ, передъ заставами, собиралась жалобно вопіющая ватага; шумъ, производимый ею по другую сторону стѣны, слышался, какъ усиливающійся прибой волны. Это былъ стремительный потокъ бѣглецовъ, который, спускаясь съ Гагенау, несся по дорогѣ, захватывая, какъ добычу, сотни крестьянъ, обремененныхъ дѣтьми и скарбомъ.

Въ то время, какъ солдаты безъ оружія, спускались на укрѣпленія бастіоновъ и пробирались за окопы, позади, первая кучка бѣглецовъ бросалась. вразсыпную; кавалерія и артиллерія смѣшались, зуавы цѣплялись за лошадей гусаръ, кирасиры сбиты были

съ коней; артиллеристы ѣхали на телѣгахъ, служившихъ для перевоза артиллерійскихъ запасовъ,—однимъ словомъ происходило полное распаденіе арміи.

Открыли заставы, и волна позорной толпы прорвалась на улицу, наводнивъ предмѣстья.

Ночь все покрыла: большая часть бѣглецовъ хранила молчаніе и глядѣла сосредоточенно, угрюмо, дико, были между ними и раненые; многіе изъ нихъ, казалось, падали отъ истощенія и шептали слабымъ голосомъ:

— Кусокъ хлѣба!

Другіе увѣряли:

— Генералы кричали: спасайся, кто можетъ! Намъ измѣнили! Они не дали ни одного выстрѣла.

Среди упрековъ, молчанія, бѣшенства и жалобныхъ сѣтованій толпы, бѣглецы продолжали входить въ городъ.

Они прибывали всю ночь и почти весь слѣдующій день; жгучее солнце обнаруживало ихъ плачевный видъ. Въ особенности кирасиры отличались необычайнымъ видомъ: ихъ панталоны были разорваны, кирасы покороблены и продырявлены; безграничное изумленіе тяготѣло на ихъ лицахъ и парализировало ихъ громадныя фигуры. На лошадяхъ, раненыхъ отъ загривка до позвоночника, солдаты скакали галопомъ, иногда по двое на одномъ конѣ; обозная прислуга вела лошадей съ корзинками на спинѣ для перевозки раненыхъ, амбулаторныя кареты были переполнены, донельзя, ранеными и умирающими.

Послѣ полудня раздались свирѣпые крики: это были тюркосы, которые вошли въ городъ, жестикулируя, какъ эпилептики; ихъ небесно голубыя куртки были замараны кровью и почернѣли отъ пороха; они размахивали штыками, и на ихъ почернѣвшихъ лицахъ можно было различить лишь бѣлки глазъ и зубы, какъ у дикихъ. Они прошли на площадь, гдѣ кишѣла громадная толпа. Когда оказалось, что они несутъ знамя, разорванное въ тряпицу, въ толпѣ пробѣжала дрожь; тысячи голосовъ закричали: «Да здравствуетъ Франція!». Съ балкона главнаго штаба полковникъ Дюкассъ развернулъ побѣдный трофей и поднялъ высоко его предъ страсбуржцами; всѣ присутствующіе привѣтствовали знамя громкими возгласами. Уже каждый воображалъ, что знаетъ, какъ было проиграно сраженіе; легенды преувеличивали разсказы, смѣшивали ложь съ правдою и возбуждали въ воображеніи народа фантастическія тѣни и отблески эпопеи.

Истина была злополучна и проста, но совсѣмъ иная.

Императорская армія, наскоро мобилизированная, полная иллюзій и отваги, но недостаточно экипированная и сытая, топталась на мѣстѣ, въ продолженіе трехъ недѣль, въ кавардакѣ приказаній и контръ-приказаній. Далекая отъ мысли устремиться на Палати-

нагъ, она ограничила свою удаль ничтожнымъ Саарбрюкенскимъ успѣхомъ и исполненіемъ роли таможенныхъ на границѣ; къ тому же еще бѣда: уланы, рыская, взадъ и впередъ, контрабандой, дразнили бездѣятельную французскую кавалерію. Разбросанная гвардія корпусовъ Фроссара, Базена и Ладмиро не могла выставить плотной преградой даже своихъ трехъ армій противъ Германіи, мобилизированной не торопясь, какъ слѣдуетъ. Въ то время, какъ Фальи собиралъ 5-й корпусъ вокругъ Битча, какъ Феликсъ Дуэ сосредоточивалъ 7-й въ Бельфорѣ и Канроберъ 6-й въ Шалонѣ, Макъ-Магонъ, командовавшій силами въ нижнемъ Эльзассѣ, разбрасывалъ дивизію 1-го корпуса въ Лембахѣ, Рейхсгофенѣ и Гагенау. Онъ сдѣлалъ ошибку, оставивъ Абеля Дуэ въ Виссембургѣ, безъ прикрытія и на пять миль впереди отъ всѣхъ подкрѣпленій. Дуэ, пораженный превосходствомъ непріятельскихъ силъ, изъ точнаго повиновенія, принялъ сраженіе и боролся, не получая приказа отъ маршала, ни подкрѣпленія отъ Дюкро, хотя предупредилъ обоихъ о неизбѣжности атаки. Дуэ былъ пораженъ на смерть; Пеллэ продолжалъ борьбу; затѣмъ оттѣсненный изъ Виссембурга и Гейсберга, онъ долженъ былъ отступить. Виссембургское сраженіе было проиграно. Фрешвиллеръ удвоилъ, увеличилъ пораженіе. Повторились тѣ же самыя неосторожности и тѣ же ошибки, но еще худшія.

Макъ-Магону, по его требованію, передано были командованіе 1-мъ, 5-мь и 7-мъ корпусами. Какъ только онъ получилъ ихъ, то воскликнулъ радостно: «Господа нѣмцы, вы—въ моихъ рукахъ!».

Что онъ разсчитывалъ дѣлать? зналъ ли онъ это самъ? Занявъ Вогезы, онъ могъ тамъ заградить проходъ: со своими тремя армейскими корпусами онъ былъ непреодолимъ. Но какъ же покинуть Страсбургъ и нижній Эльзасъ, не перейдя снова къ наступательнымъ дѣйствіямъ!.. Въ своемъ незнаніи о направленіи арміи королевскаго принца, онъ разсчитывалъ 7-го приблизиться къ непріятелю на Фрёшвиллерской позиціи, а 6-го онъ былъ самъ атакованъ. Не подозрѣвая близости непріятеля, онъ выставилъ на высотахъ, которыя тянулись отъ Неегвилера до Морсброна, своихъ 35.000 человѣкъ, не укрѣпивъ, какъ слѣдуетъ, высотъ Фрёшвиллера, Эльзасгаузена и Гунштедта, не занявъ деревни Вёртъ и не снабдивъ войскомъ Морсброна. На этихъ волнистыхъ мѣстностяхъ, покрытыхъ виноградниками, фруктовыми садами и хмельникомъ, имъ служили фронтовой обороной равнины и рѣка Зауэръ. Перваго корпуса, дивизіи Дюкро, Рауля, Лартига растягивались налѣво предъ Фрёшвиллеромъ, въ центрѣ — напротивъ Вёрта и впереди Эльзасгаузена, направо—къ Морсброну. Кирасиры 2-й резервной дивизіи Боньмэна были укрыты между Фрёшвиллеромъ и Эльзасгаузеномъ. 7-й корпусъ не былъ выставленъ, за исключеніемъ дивизіи Консель-Дюмениля, устроившагося съ кирасирами бригады Мишеля, около Эбербаха. Отъ 5-го корпуса, неподвижно

стоявшаго въ проходахъ Битча и Рорбаха, въ ожиданіи распоряженій, одинъ только дивизіонъ Гюйо и де-Лепара выступилъ къ Филиппсбургу.

Сраженіе, завязавшееся съ начала зари простыми демонстраціями, вскорѣ перешло въ ожесточенный бой. Нѣмцы растерялись. Дюкро пустилъ въ ходъ штыки, косилъ картечью и прогналъ баварцевъ II корпуса; V прусскій корпусъ Кирбаха и XI — Бозе, наткнувшіеся на склонѣ Фрёшвиллера и Эльзасгаузена на французовъ, въ безпорядкѣ устремились назадъ изъ Нидервальда и обратно перешли рѣку. Даже Гартманъ, по приказу королевскаго принца, вызвалъ изъ битвы II баварскій корпусъ. Въ 11½ часовъ нѣмцы не могли болѣе занимать ни одной высоты; они удержали Вёртъ, но захватили его безъ обороны непріятеля. Макъ-Магонъ могъ отступить: ему на это было время. Онъ вѣрилъ въ побѣду и упрямился. Однако огонь французской артиллеріи уменьшался; нѣмецкія батареи громили французскія войска съ равнины Гунштедта. Лартигъ бросился противъ Гунштедта, но безъ успѣха. Три нѣмецкіе корпуса съ могучей солидарностью вернулись къ атакѣ. Въ часъ на полѣ сраженія явился королевскій принцъ, введя въ сраженіе всѣ свои войска. Маршалъ попробовалъ штурмовать Вёртъ, но тщетно. Правый флангъ дрогнулъ и отступилъ предъ натискомъ 12.000 тысячъ пруссаковъ, проникнувшихъ подъ Нидервальденомъ и захватившихъ Морсборнъ. Лартигъ, едва не окруженный непріятелемъ, позвалъ на помощь кирасировъ Мишеля и сказалъ: «Ступайте, какъ при Ватерлоо!». При трубныхъ звукахъ, кавалерія «на разъяренныхъ лошадяхъ» ринулась въ атаку внизъ по склону, спотыкаясь на откосы и наталкиваясь на стволы деревьевъ. Рѣдѣя подъ пулями, она ворвалась въ Морсборнъ, миновала улицы, на которыхъ изъ каждаго окна стрѣляли въ упоръ. Внѣ деревни, оставшіеся въ живыхъ, собрались вмѣстѣ и, атакованные прусскимъ гусарскимъ полкомъ, разсѣялись и погибли.

Реорганизованная правая сторона, несмотря на усилія тюркосовъ, 1-го полка егерей и зуавовъ, скоро распалась. Макъ-Магонъ, отражая нападенія съ двухъ сторонъ, потерялъ отбитый непріятелемъ Нидервальдъ и подожженный ими Эльзасгаузенъ. Онъ стойко упорствовалъ, продолжая еще держаться. Однако, прижатый въ Фрёшвиллерѣ, чего онъ ожидалъ? Чтобы дивизія Гюйо и Лепара достигла пушекъ? чтобы Фальи согласно своему долгу?.. Но онъ не телеграфировалъ имъ никакого распоряженія и не требовалъ никакой помощи. Чтобы выиграть полчаса времени, онъ пожертвовалъ своей резервной артиллеріей: пушки были подбиты выстрѣлами, лошади полетѣли кубаремъ, солдаты убиты. Онъ пожертвовалъ свой резервъ кавалеріи. Дивизія Боньмэна, состоящая изъ четырехъ великолѣпныхъ кирасирскихъ полковъ, поспѣшила въ пекло. Она понеслась чрезъ виноградники и хмельникъ, осыпан-

ная картечью и градомъ пуль. Принеся эту напрасную жертву, тюркосы бросились впередъ съ дикимъ воемъ.

Все тщетно. Всюду послѣднія сопротивленія прекращались; I корпусъ разсѣялся—полное пораженіе.

Всѣ дороги покрылись безпорядочными толпами, стадомъ бѣглецовъ. Эльзасъ открытъ, Страсбургъ—покинутъ. Въ тотъ же день Фроссаръ былъ разбитъ въ Форбахѣ; Лотарингія тоже открылась.

Чрезъ эти два зіяющія отверстія роковое нашествіе готово было разлиться по всей Франціи.

III.

Сидя противъ дяди Ансельма, маленькій Карлъ завтракалъ на кухнѣ. Чтобы не запачкать своего бархатнаго костюма, онъ позволилъ повязать себѣ вокругъ шеи салфетку, два угла которой торчали рожками; дядя былъ въ черномъ, при бѣломъ галстухѣ и безъ сюртука. Гертруда налила имъ кофе съ молокомъ и намазала груду тартинокъ масломъ; при этомъ она дѣлала недовольныя гримасы, потому что уже три дня, какъ молочницы не входили въ блокированный городъ, и уже это было не прежнее хорошее молоко и масло съ фермъ Роберстау. Вчера крестьяне этой деревни, спасаясь отъ нѣмцевъ, удалились въ городъ на паромахъ и судахъ.

Двѣ служанки, Гретхенъ и Ганна, одна блондинка, другая брюнетка, уходили и приходили. Онѣ обѣ были одѣты одинаково, по-праздничному: въ маленькихъ чепчикахъ изъ серебряной парчи, въ бѣлыхъ кисейныхъ шемизеткахъ, черныхъ бархатныхъ корсетикахъ, зашнурованныхъ на треугольной вышитой серебромъ вставкѣ, въ коротенькихъ юбочкахъ: одна—въ красной, другая—въ зеленой, что отличало католичку отъ протестантки. Онѣ болтали и смѣялись, и ничто не доставляло такого удовольствія дядѣ Ансельму и Карлу, какъ слушать ихъ. Даже сама старая и угрюмая Гертруда съ суровымъ лицомъ, обрамленнымъ плоенымъ чепчикомъ съ капюшономъ, какіе носили нидерландскія монахини, въ вѣчномъ черномъ балахонѣ, съ черной юбкой, надѣтой на сухомъ длинномъ тѣлѣ, улыбалась, глядя на нихъ.

Хотя старуха ворчала, но въ это утро она была менѣе обыкновеннаго недовольна. Это было 15-е августа, именины императора, и, какъ въ прежніе годы, ея кухня блестѣла. Она блестѣла ежедневно, но на этотъ разъ болѣе обыкновеннаго. Можно было ее принять за гостиную, такъ отливали зеркальнымъ блескомъ красные изразцы и казались новыми прекрасно вымытые бѣлые деревянные столы. Ничто такъ не привлекало взора, какъ громадный очагъ для приготовленія жаркого, съ вертеломъ, вращающимся надъ пламенемъ горящихъ сухихъ виноградныхъ лозъ, какъ выравненная линія кухонной посуды красной мѣди, начинающаяся съ гро-

маднаго котла для воды, съ подвижной рукояткой, и постепенно уменьшающаяся до кукольной кострюльки, а также разнообразныя лоханки, рыбные котлы и сковороды. Карлъ съ нѣжностью созерцалъ всѣ эти желтые чайники для кипяченія воды, черныя формы для тортовъ, почтенные котелки для варки суповъ, потихоньку храпящіе, какъ старыя бабушки, безпокойный рѣзакъ для рубки мяса, покрывающій свои острія мясомъ для сосисокъ, скалку для тѣста, похожую на палку Полишинеля, старинную вычерненную гравированную грѣлку для простынь и т. д. Дядя Ансельмъ также наслаждался, какъ ребенокъ, интимностью кухни. Оба знали, что, допуская ихъ туда, Гертруда не принимала, а оказывала имъ честь.

— Ты что-то не голоденъ сегодня?—сказала она Карлу, который дулъ на слишкомъ большой кусокъ.

Встревоженный дядя наклонилъ кофейникъ надъ чашкою мальчика и сказалъ:

— Еще немного, Карлъ?

Одинъ кофейный приборъ, совсѣмъ простой, представлялъ цѣлую поэму: пузатый кофейникъ, тонкій молочникъ, яйцевидная сахарница, выпуклыя чашки, въ своемъ миломъ утреннемъ бѣломъ нарядѣ, походили на собравшуюся вокругъ мирную, толстощекую семью въ утреннемъ неглиже.

— Поторопимся,—сказала Ганна, обращаясь къ Гретхенъ:—чтобы увидѣть проходящія войска.

Въ десять часовъ была назначена въ соборѣ большая служба по убитыхъ въ Фрёшвиллерѣ и затѣмъ благодарственное молебствіе, по случаю императорскаго праздника.

Съ самаго утра на четырехъ башняхъ города развѣвались флаги; всѣ власти были обязаны присутствовать у обѣдни; тамъ можно было видѣть генерала Уриха—толстаго, короткаго и энергичнаго человѣка, префекта въ военномъ мундирѣ, адмирала Эксельмана, съ его маленькимъ отрядомъ моряковъ, таможенныхъ, пожарныхъ, отряды гарнизона и волонтеровъ.

— Никогда не бывало такого величественнаго зрѣлища!—увѣряла хохотунья Гретхенъ.

Дядя Ансельмъ улыбался. Онъ не испытывалъ того невѣроятнаго упадка духа и паники, какъ его сограждане, на другой день послѣ пораженія при Фрёшвиллерѣ, заставившаго ихъ потерять всякое мужество. Они говорили:

— Страсбургъ потерянъ; зачѣмъ защищаться? не было ни солдатъ ни пушекъ.

Тѣмъ не менѣе, онъ чувствовалъ въ себѣ воинственную реакцію, возстановившую храбрость нѣкоторыхъ страсбуржцевъ, увѣрявшихъ: «Какъ парламентеръ имѣлъ дерзость требовать сдачи города? какъ отряды кавалеріи осмѣливались показываться подъ стѣнами города?».. По своему обыкновенію, мирный и тихій Ан-

сельмъ продолжалъ отдаваться своей невинной маніи разыскивать у антикваріевъ рѣдкости и прохаживаться, безъ всякой цѣли, по старымъ улицамъ. Правда, что онъ жилъ всегда въ грёзахъ, и истина еще предъ нимъ не предстала. Безъ сомнѣнія, прибытіе раненыхъ и плачевное наводненіе города бѣглецами сжали ему сердце; но сражаться не было ли предназначеніемъ солдата, успокоивалъ онъ себя. Какъ французъ, онъ сожалѣлъ ихъ; ему не приходила мысль, что онъ, страсбуржецъ, мирный и любознательный гражданинъ, могъ раздѣлять подобныя опасности и переносить такія страданія. Страсбургъ отдѣленъ отъ всего міра: послѣдній поѣздъ ушелъ, пути сообщенія и телеграфные проводы порваны, мосты взорваны, объявлено осадное положеніе, появились офиціальныя объявленія, запасныя войска и національная гвардія вооружаются, даже первая шальная непріятельская граната упала около Севернскихъ воротъ, но все это не вывело его изъ обычнаго спокойствія.

У него было, подобно этимъ, много другихъ совершенно дѣтскихъ иллюзій. Онъ хотѣлъ бы видѣть въ лицѣ Германіи подругу. Онъ зналъ ее и любилъ. Безъ сомнѣнія, онъ предпочиталъ Францію, но было столько общаго съ его природой по ту сторону Рейна: мечтательные глаза молодыхъ дѣвушекъ, нѣжная сентиментальность, семейное добродушіе, пѣсни, которыя тамъ поютъ, vergiss mein nicht (незабудки), которыя собираютъ, liebefraumilch, который тамъ пьютъ, включительно до любимыхъ имъ супа съ клецками и рѣпы, а философскіе споры съ профессорами въ золотыхъ очкахъ, а вечера Бетховена и Шумана? Нѣтъ, за эту беззаконную войну, за это прискорбное недоразумѣніе заплатятъ своей кровью лишь бѣдные солдаты. Чего можетъ бояться Страсбургъ, цвѣтокъ Эльзаса, городъ наукъ и богословія, гордый своими музеями, библіотекой, соборомъ, памятниками, Страсбургъ, котораго далекое прошедшее сдѣлало святымъ, Страсбургъ, называемый самими нѣмцами «братскимъ городомъ», Страсбургъ — несравненный городъ? Придется не ѣздить болѣе гулять въ Кель; блокада наложитъ, можетъ быть, нѣкоторыя лишенія—вотъ и все. Впрочемъ, имъ придутъ на выручку французская армія, вновь сформировавшійся Макъ-Магонъ, а, можетъ быть, Базенъ. Развѣ Франція не была непобѣдимой?

И дядя Ансельмъ, съ помощью Ганны, надѣлъ свой парадный сюртукъ, взялъ за руку Карла и вышелъ. Они присутствовали на церковной церемоніи въ соборѣ св. Ѳомы, затѣмъ гуляли по улицамъ. Между тѣмъ въ кухню вошелъ Андрэ Герматъ, обратно принесшій на половину пустую чашку съ бульономъ.

Онъ вышелъ изъ комнаты гостей, именно изъ той, гдѣ останавливалась Эдель и поручикъ Гаффнеръ; теперь ее занималъ раненый поручикъ стрѣлковъ, госпиталь которыхъ былъ переполненъ ранеными; Герматы предложили ему гостепріимство. Пуля ра-

нила его въ ляпку. Это былъ старый человѣкъ — простой, некрасивый, молчаливый, но съ прекрасными темными глазами. Его истощала лихорадка, и докторъ Вейсъ, говоря о немъ, покачивалъ головой.

— Ты развѣ не будешь завтракать?—спросила Гертруда.

Она знала съ перваго дня рожденія Андрэ, Карла и Эдель и обращалась съ ними съ ворчливой фамильярностью. Вѣки Андрэ были тяжелы, руки горячи; онъ болѣе не спалъ по ночамъ; эти тревожные дни были для него кошмаромъ. Перекаленная атмосфера города увеличивала его невыразимое горе, причиненное разрывомъ отца съ Ансбергомъ. Онъ никогда такъ не чувствовалъ всей силы узъ, соединяющихъ его съ Элизой, какъ теперь, когда они порвались. Порвались, отчего? Съ какой цѣлью? Какой былъ въ этомъ смыслъ? Какая нелѣпость! Конечно, онъ будетъ держать сторону отца: Ансбергъ во всемъ виноватъ. Развѣ это причина, что Элиза и онъ должны страдать? Онъ поднялъ глаза и встрѣтился съ сердечнымъ взглядомъ голубыхъ старческихъ глазъ Гертруды, которая, повернувъ свое красное морщинистое лицо, смотрѣла на него. Онъ поймалъ взгляды Ганны и Гретхенъ, бросаемые украдкой на него; они находили молодого человѣка прелестнымъ. Онъ былъ такой тихій, милый, и всѣ любили также Элизу. Онъ угадывалъ, что, въ этой скромной кухнѣ, души окружающихъ его слугъ полны желанія ему покровительствовать и содѣйствовать.

Онъ отвѣчалъ взволнованный:

— Благодарю, Гертруда, я не голоденъ.

Эта очевидная симпатія слугъ коснулась его больного мѣста; онъ спрашивалъ себя, почему Гертруда, Гретхенъ и Ганна его сожалѣютъ, а его отецъ и мать ничего не сдѣлаютъ для него. У него было бы на сердцѣ спокойно... Его мать на его настойчивыя просьбы отвѣтила обѣщаніемъ подумать одну ночь и хотѣла дать въ это утро отвѣтъ. О чемъ онъ умолялъ ее, было очень важно... Да, но еще важнѣе неизвѣстность будущаго. Онъ бросился изъ кухни, прошелъ коридоръ и постучалъ въ дверь.

Г-жа Герматъ молча обняла его. Ея лицо казалось молодымъ подъ роскошными пепельными волосами, причесанными съ проборомъ, закрывающими уши, и съ уложенными вокругъ висковъ косами; ея розовый цвѣтъ лица и темные глаза придавали ей великолѣпіе зрѣлости. Видя ее, всѣ предугадывали, что она весела, добра и нѣжна.

— Ну, что же, Андрэ, благоразумнѣе ли ты сталъ?—Этотъ вопросъ огорчилъ его. Онъ умолялъ ее сдѣлать попытку примириться съ Ансбергами. Въ продолженіе трехъ дней она отъ этого отказывалась: она не могла послѣ нанесенной ея мужу обиды переступить ихъ порогъ. Въ качествѣ кого? Уже ей немало стоило усилій помѣшать Гермату написать Ансбергу, что при такихъ усло-

віяхъ они должны отказаться отъ предполагаемаго и давно обсуждаемаго, желаннаго брака. Андрэ это зналъ; изъ доброты къ нему отецъ согласился остаться въ оборонительномъ положеніи и ждать, что будетъ. Но ничего не случилось. Вся надежда на примиреніе разсѣялась. Оба противника встрѣтились лицомъ къ лицу и посмотрѣли другъ на друга, если не какъ враги, то какъ посторонніе. Г-жа Ансбергъ едва отвѣтила на поклонъ г-жи Герматъ. Самъ Андрэ, придя къ нимъ, подъ предлогомъ возвращенія музыкальной партитуры, не былъ принятъ, хотя г-жа Ансбергъ и Элиза были дома; онъ узналъ ихъ голоса.

Однако, не желая вѣрить своему несчастію и цѣпляясь за самую слабую надежду, онъ всей душой надѣялся на г-жу Ансбергъ. Она была женщина, мать: отчего оттолкнетъ она попытку другой женщины, матери? Гордость можетъ разъединить ихъ мужей, мужчины обладаютъ предразсудкомъ чести, но онѣ обѣ?.. Могутъ ли онѣ думать о чемъ нибудь другомъ, кромѣ счастія своихъ дѣтей? Какое имъ дѣло до политики, возбужденныхъ споровъ и непріятныхъ словъ? Развѣ улыбка радости и слезы огорченія Элизы и Андрэ для нихъ не все?..

— Благоразуменъ, мама? Ты хорошо знаешь, — сказалъ онъ: — что я не могу отказаться отъ Элизы.

— Развѣ ты такъ ее любишь, мой бѣдный мальчикъ?

— Я не зналъ, мама, что я ее такъ сильно любилъ, или, скорѣе, я не зналъ, люблю ли я ее; но я хорошо чувствую, что не могу забыть ее; сказать, что я не увижу ея болѣе, что не буду болѣе говорить съ ней, что болѣе не услышу ея!.. О! — сказалъ онъ съ тѣмъ юношескимъ жаромъ и съ тѣмъ пыломъ, которые всегда пугаютъ родителей, — я не могу болѣе такъ жить, мнѣ кажется, что она умерла...

— Молчи, злой ребенокъ.

И, заставивъ Андрэ сѣсть возлѣ себя, она стала ласково гладить его волосы.

— Можешь ли ты такъ говорить? Элиза добрая, нѣжная и вѣрная дѣвушка. Я увѣрена, что она терпѣливѣе и мужественнѣе тебя. Мы живемъ въ исключительныхъ условіяхъ, умы сильно возбуждены, но вѣтеръ можетъ завтра повернуться. Повѣрь мнѣ, Андрэ, время все поставитъ на свои мѣста. Вы оба такъ молоды! Бракъ еще такъ далекъ!

— Но, матушка, въ ожиданіи я страдаю!.. Ты говоришь о событіяхъ, но знаешь ли ты, какую неизвѣстность, какую опасность они скрываютъ? Теперь, когда Страсбургъ окруженъ непріятелемъ, когда мы, можетъ быть, подвергнемся бомбардировкѣ, когда надъ нашими головами повисло разореніе и, можетъ быть, смерть, именно, теперь мы должны всѣ сплотиться, итти рука въ руку и

чувствовать, какъ наши сердца бьются въ унисонъ. Разлучить Элизу и меня въ такой моментъ, это жестокость и варварство!

Г-жа Герматъ попробовала улыбнуться.

- Какъ ты преувеличиваешь, мой дорогой! Страсбургъ не подвергается никакой опасности; война окончится, характеры вернутся къ прежнему уровню... Развѣ ты не можешь подождать? Я обѣщаю тебѣ, что буду ловить всякій случай, который можетъ насъ сблизить...

Отчаяніе Андрэ увеличивалось.

- - Нѣтъ, мама, не пробуй меня обманывать. Ты знаешь Ансберга—онъ гордецъ. Теперь—или никогда вамъ не помириться; позже будетъ невозможно.

Г-жа Герматъ покачала головой.

— Но, мой бѣдный мальчикъ, моментъ дурно выбранъ: Ансбергъ обладаетъ хорошими качествами и слишкомъ старый другъ, чтобы я была къ нему несправедлива, несмотря на его оскорбительный разрывъ, но онъ тѣмъ менѣе вернется къ лучшимъ чувствамъ, чѣмъ болѣе виноватъ. Самолюбіе никогда не прощаетъ. Его самолюбіе только что было сильно уязвлено. Всѣ догадки твоего отца сбылись. И дай Богъ, чтобы онѣ не сбылись болѣе. Ансбергъ, сколько ни возится съ префектомъ, ни рисуется въ мундирѣ капитана, все-таки сильно волнуется,—онъ пораженъ въ самое сердце. Будь увѣренъ, онъ ненавидитъ насъ смертельно, потому что мы были вѣрными пророками.

Андрэ понурилъ голову, онъ зналъ, насколько его отецъ былъ уязвленъ, что не имѣлъ возможности посвятить свою преданность на защиту Страсбурга. Подозрѣваемому въ либерализмѣ, ему было отказано вступить въ національную гвардію. Онъ вообразилъ, что Ансбергъ въ тайнѣ ему отомстилъ: но все произошло отъ префекта и его вліянія на генерала Уриха, храбраго воина, вызваннаго изъ отставки и совершенно посторонняго въ городѣ; онъ мало довѣрялъ старанію гражданъ, вооруженныхъ наскоро. Болѣе девяти тысячъ человѣкъ, подобно Гермату, были забракованы и не приносили пользы при всемъ желаніи служить.

— Матушка, — снова заговорилъ Андрэ съ пылкой настойчивостью,—будь добра, умоляю тебя, повидай г-жу Ансбергъ, тебѣ удастся ее растрогать: по крайней мѣрѣ, она тебѣ что нибудь скажетъ. Я узнаю, любитъ ли еще меня Элиза. О Богъ мой! Если бы я сомнѣвался, если бы я думалъ, что... Я не могу быть солдатомъ, при этихъ словахъ онъ бросилъ безнадежный взглядъ на свою хромую и короче другой ногу, —но я сумѣлъ бы попасть въ такое мѣсто, гдѣ пуля...

— А, неблагодарный, злой сынъ!—повторила г-жа Герматъ съ глазами, полными слезъ: ты не боишься разорвать мнѣ сердце подобными словами! Чтобы ты не страдалъ, я должна дурно дѣйство-

вать противъ твоего отца и рѣшиться на попытку, которая, очень вѣроятно, будетъ нехорошо истолкована и унизитъ всѣхъ насъ; но я готова сдѣлать все возможное.

— Такъ, такъ, жена, сдѣлай это, —сказалъ Герматъ, отворяя дверь и слыша ея послѣднюю фразу.— Не думай, что я порицаю тебя. Въ такое время вопросы тщеславія —презрѣнны, и Богъ мнѣ свидѣтель, что если бы Ансбергъ пришелъ пожать мнѣ руку, я обнялъ бы его отъ всего сердца. Неужели наши дѣти должны быть несчастны потому, что мы, старые упрямцы, смотримъ на вещи по-своему? Поцѣлуй твою мать, Андрэ, и поблагодари ее, но, что бы ни случилось, выкажи себя мужчиной. Любовь такъ благородна, что мы съ твоей матерью сдѣлаемъ все для осуществленія твоего счастья; но знай, мой сынъ, что есть другое чувство, которое должно наполнить твое сердце — культъ къ родинѣ. Никогда, —сказалъ Герматъ съ горечью, —никогда мы не воспламенимся достаточно этимъ чувствомъ. Оно одно можетъ насъ спасти въ подобной катастрофѣ.

И въ то время, какъ г-жа Герматъ надѣвала свою шляпу, искала перчатки и свою накидку, онъ повѣдалъ сыну свои горести.

— Какой стыдъ! Паника перваго дня катастрофы произошла отъ того, что трусы будто бы слышали, какъ нѣмцы строятъ насыпь для своихъ пушекъ и вбиваютъ сваи. Гумблотъ и Стумпфръ начали поговаривать о сдачѣ... они были не одни...—Герматъ даже не упоминалъ о своихъ разстроенныхъ и скомпрометированныхъ интересахъ въ Шильтихгеймской фабрикѣ, занятой непріятелемъ, вмѣстѣ съ деревней: его волновало, единственно, общественное дѣло.—Потомъ, къ чему эти объявленія Уриха съ политическимъ направленіемъ? эти угрозы тихому, мирному народу? Лучше было бы поторопиться организаціей сопротивленія. Только теперь лишь начали рубить платановыя аллеи и орѣшники, окружающіе городскія прогулки, и уничтожать дачи.

Одинъ генералъ, переодѣтый работникомъ, котораго Боскэ прозвалъ «первымъ канониромъ Франціи», по имени Бараль, смѣло проникъ въ окруженный Страсбургъ и взялся командовать артиллеріей, но это была тяжелая задача. Герматъ узналъ отъ одного изъ старшихъ офицеровъ, что цитадель и ея укрѣпленія оставляютъ многаго желать: въ нихъ почти нѣтъ казематовъ, ни блиндированныхъ убѣжищъ, а большой пороховой погребъ не прикрытъ землею. Валы не имѣютъ даже орудій, обезпечивающихъ ихъ безопасность. Артиллерійскихъ орудій двѣсти пятьдесятъ штукъ, всевозможнаго калибра, даже старомоднаго, и изъ нихъ многія совсѣмъ негодны. Малое количество солдатъ приводитъ въ отчаяніе—всего на все двѣнадцать или пятнадцать тысячъ человѣкъ: резервъ линейныхъ полковъ, стрѣлковъ, артиллеристовъ, 87-й линейный полкъ, нѣсколько инженеровъ, нѣсколько моряковъ,

нѣсколько таможенныхъ; наконецъ баталыоны и сводные эскадроны, преобразованные изъ остатковъ френшиллерскаго пораженія, и волонтеры, едва знающіе военные пріемы.

Какъ былъ тогда правъ Вольфартъ! Вмѣсто Кетя можно было занять Шильтихгеймъ и тѣмъ отсрочить на нѣсколько дней осаду. А теперь они такъ уже близко сомкнулись, что мелкія рекогносцировки наталкивались на баденскій аванпостъ. Телеграфная обсерваторія, помѣстившаяся на платформѣ собора, указываетъ на суживаніе осаднаго круга. Повсюду баденцы срубаютъ деревья, роютъ траншеи и строятъ барикады въ селеніяхъ, укрѣпляясь на высотахъ Гаусбергена, и распространяются налѣво къ Роберстау, направо—къ Иллькирху и Ринау. Они стрѣляли въ передовыя укрѣпленія: пушечные выстрѣлы глухо звучали.

Но Андрэ едва слышалъ, что говоритъ отецъ. Онъ мысленно слѣдовалъ за матерью: снова видѣлъ гостиную Ансберговъ, съ ея мебелью, покрытой утрехтскимъ бархатомъ, ея портьерами, коврами, уголокъ, гдѣ онъ и Элиза сиживали, подъ защитою большого рѣзного шкафа, у фортепіано. Онъ снова увидѣлъ Элизу, ея маленькое мечтательное личико, ея невинные глаза, ея взглядъ, похожій на голубое пламя, когда оно колышется, ея розовыя щеки, какъ бы изъ хрупкой ткани цвѣтка, непокорныя пряди ея шелковыхъ волосъ, ея тонкое тѣло, все ея невинное очарованіе, всю ея легкую грацію...

. . . .

Удалившись въ свою комнату, онъ не могъ спать и ходилъ взадъ-впередъ по комнатѣ, освѣщенной одной свѣчкой; его тѣнь фантастически выдѣлялась на стѣнѣ. Онъ не могъ этому повѣрить. Это была ночь, непреложная ночь,—мракъ надъ городомъ, мракъ въ немъ. Элиза не будетъ его женою! Ансберги съ холодной жестокостью выпроводили его мать.

Тщетно она совѣтовала ему имѣть терпѣніе и мужество: онъ ощущалъ лишь безконечныя муки, возбуждаемыя припадкомъ безсильнаго бѣшенства. По какому праву эти люди располагали своей дочерью? Развѣ Элиза была ихъ вещью, ихъ имуществомъ? Надо ли ждать, когда она будетъ совершеннолѣтняя, свободная, сама себѣ госпожа? Но такъ отдалить цѣль, ожидать столько мѣсяцевъ, что онъ не можетъ ихъ сосчитать,—это казалось его безумному отчаянію—вѣчностью. Онъ дошелъ до того, что сомнѣвался въ своей матери и думалъ: сумѣла ли она защитить его дѣло?.. Если бы онъ самъ туда пошелъ, если бы онъ не обратилъ вниманія на спесь Ансберга и пренебреженіе г-жи Ансбергъ! Но, нѣтъ, его оттуда выгонятъ! Одно утѣшало его, причиняя ему боль, что Элиза была опечалена. Г-жа Герматъ мелькомъ видѣла молодую дѣвушку; она была блѣдна и съ красными глазами... «Такъ она еще меня любитъ», сказалъ онъ себѣ, но и это убѣжденіе далеко не успокаи-

вало его, разжигая еще болѣе его бѣшен
мому душа рвалась и билась въ его су
бовью, горемъ и возмущеніемъ. Онъ ви
свиданія матери съ Ансбергами, какъ буд
и возмущался сухой гордостью отца Элиз
ностью ея матери.

Несмотря на расположеніе, длившееся
вшее ихъ съ Герматами, Ансбергъ заяви
бракъ не можетъ состояться, такъ какъ з
раздѣляетъ родителей.

— Такъ вы обратно берете ваше слово?
Ансбергъ отвѣтилъ.

— Да.

— Но увѣрены ли вы, что не сдѣлает

— Моя дочь,—заявилъ онъ, хорохоря
своемъ высокомъ бѣломъ воротникѣ,— не
кой своей воли ранѣе трехъ лѣтъ!

— Зачѣмъ же безусловный разрывъ?—
Даже не обязываясь относительно будущ
дѣться иногда съ Элизой, не отнимайте у
любите бѣднаго ребенка!..

— Я слишкомъ насмотрѣлся, какъ нес
сгвахъ влечетъ за собою гибель: для
дящіе умы.

— Сердца,—подчеркнула г-жа Гермат

— Нѣтъ, любовь проходитъ, а характ

— Но эти дѣти созданы одинъ для
такъ же хорошо, какъ и я...

И, обратившись, къ своей взволнованн
лась остаться безучастной, она сказала:

— Натали, именемъ любви, которая
няетъ еще...

— Не произносите этого слова,—переб
мужъ самъ...

— Не говорите о моемъ мужѣ,—переб
гордымъ достоинствомъ,—вопросъ идетъ
въ послѣдній разъ, не принимайте безвоз

— Простите меня, сударыня,—возрази
вое,—это дѣло рѣшенное, вашъ сынъ
моего порога.

— Когда нибудь вы пожалѣете о ваш

— Это только предусмотрительность.
лучше, то избавили бы отъ этого тягост

— Я о немъ не сожалѣю, онъ ме
узнать. Вы принесли въ жертву вашей го
сына. Я васъ сожалѣю.

Гордо поднявъ голову и сдерживая свое волненіе, г-жа Герматъ удалилась.

«Бѣдная матушка!» — думалъ Андрэ въ порывѣ признательности и сожалѣя, что онъ подвергъ ее подобной попыткѣ.

Онъ прижался своимъ пылающимъ лбомъ къ оконному стеклу; всѣ впечатлѣнія этого дня осадили его умъ и проходили въ безпорядочныхъ образахъ. Завтракъ прошелъ печально, отрывистыя слова прерывались долгимъ молчаніемъ. Какъ только подали кофе, онъ всталъ изъ-за стола и отправился скитаться по городу среди воскресной публики, по солнцу и пыли. Онъ разсѣивалъ свое горе, прогуливаясь отъ аллеи платановъ Брольи до Соборной площади, отъ Большой улицы до набережной рѣки Илль, въ нелѣпой надеждѣ, что внезапно появится Элиза. Онъ бродилъ вокругъ ихъ дома, видѣлъ уголъ стѣны ихъ сада и служанку, проходившую съ щенкомъ Мумомъ. Ему пришла безумная идея: написать Элизѣ, пришпилить письмо къ ошейнику Мума, подкупивъ служанку. Онъ ощутилъ непреодолимое искушеніе позвонить у двери и поспѣшно скрыться въ коридорѣ: ему казалось, что Элиза угадаетъ это и прибѣжитъ. Самые романическіе планы, одинъ за другимъ, слѣдовали въ его мозгу, потому что онъ боролся въ первый разъ съ житейскими затрудненіями.

По возвращеніи домой онъ столкнулся съ Карломъ, который радостно бѣжалъ къ нему, размахивая маленькой красной скрипкой, купленной ему дядей.

— Ты знаешь, у моего племянника, Генриха (онъ всегда гордился, говоря: мой племянникъ), такой нѣтъ! Я буду играть Ноэми концерты. Мы ходили за Ноэми: она ѣла съ нами вафли у булочника.

И Карлъ, запиликавъ на своей красной скрипкѣ, извлекъ смычкомъ такіе пронзительные и хриплые звуки, что Андрэ убѣжалъ...

Онъ предался своимъ думамъ: что дѣлала Элиза въ этотъ часъ? Спала ли она? Или, какъ и онъ... Тишина въ домѣ тяготѣла надъ его безсонницей, онъ чувствовалъ себя страшно одинокимъ. Внезапные выстрѣлы потрясли оконныя рамы, острый свистъ пронизалъ воздухъ, затѣмъ послѣдовалъ отдаленный взрывъ. Онъ задрожалъ съ головы до ногъ. Новый свистъ... еще другой... Онъ понялъ.

Предчувствіе его отца было слишкомъ справедливо: началась бомбардировка Страсбурга! Съ бьющимся сердцемъ онъ открылъ свое окно.

Эти удары, порывисто гремѣвшіе въ ночномъ безмолвіи, наполняли его ужасомъ, тоской. То, что онъ испытывалъ, было не страхъ, а какое-то необъяснимое чувство мучительнаго безпокойства и тяжести, которыя при каждомъ звукѣ падали ему на сердце. Городъ былъ погруженъ въ глубокое спокойствіе: можно было сказать, что

онъ представлялъ море мрака съ черными каменистыми волнами, хаосъ мрачныхъ остатковъ кораблекрушенія, освѣщеннаго луною. Со вчерашняго дня газометры были опорожнены изъ предосторожности: надъ Страсбургомъ водворилась торжественная ночь, заставлявшая казаться тысячелѣтними дома съ большими крышами и ихъ уклоненные отъ отвѣсной линіи срубы. Жестокіе выстрѣлы неслись съ валовъ: городъ отвѣчалъ.

Постучали въ дверь. Андрэ увидѣлъ дядю Ансельма, вышедшаго съ подсвѣчникомъ. Онъ былъ въ брюкахъ съ подтяжками и съ шелковой повязкой на головѣ.

— Скажи мнѣ, Андрэ, что это такое?

— Это, дядя, фейерверкъ 15-го августа; только на этотъ разъ его устраиваютъ нѣмцы.

Протянувъ руку, онъ указалъ въ пространство, пересѣкаемое блескомъ взрывовъ. Соборъ, возвышавшійся надъ крышами сосѣднихъ домовъ, отражалъ въ выси свою восьмиугольную башню и пирамидальный ажурный шпицъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ дядя, добродушное лицо котораго выражало безграничное недовѣріе,—это невозможно.

Но лѣстница затрещала подъ тяжестью шаговъ, и на ней раздались крики во всѣхъ этажахъ. Андрэ, спустившись въ первый этажъ, увидѣлъ свою мать и отца. Германъ былъ блѣденъ отъ негодованія. Испуганныя служанки ходили взадъ и впередъ, какъ тѣни. Совѣсть стараго страсбуржца возмутилась; среди своихъ онъ подумалъ о дочери, внукѣ, которыхъ не хватало ему, и о зятѣ, Людвигѣ Гаффнерѣ. Онъ былъ тамъ со своими солдатами, находясь на вершинахъ холмовъ. Онъ присутствовалъ на этой святотатственной, беззаконной бомбардировкѣ. Что думалъ Людвигъ? Что думала Эдита? Невозможно, чтобы они одобряли эту раздирающую сердце войну между близкими, отвратительную жестокость гранатъ, бросаемыхъ въ мирный городъ, и какой городъ—Страсбургъ Эльзасскій,—родственный, союзный и братскій нѣмецкимъ городамъ!.. На лицѣ его жены отражалось одинаковое страданіе... Что касается Андрэ, его мысль была не здѣсь, а витала у Ансберговъ, въ маленькой дѣвственной комнатѣ, гдѣ Элиза, тоже стоя, прислушивалась къ борьбѣ; онъ хотѣлъ ей покровительствовать, увести, вырвать отъ шальной смерти, завоевать ее или умереть съ нею. Карлъ съ своей постели просился посмотрѣть ракеты, вспомнивъ о прошлогоднемъ 15-мъ августа.

Въ окнахъ показались фонари и лампы, улицы наполнились смутнымъ жужжаніемъ толпы. Проснувшійся Страсбургъ сосчиталъ двадцать одинъ выстрѣлъ, это былъ насмѣшливый салютъ въ честь праздника императора.

— О! вскричалъ Карлъ, усаживаясь въ рубашкѣ на стулъ,— это бенгальскій огонь!..

Около Саверискихъ воротъ увеличивался отблескъ пожара.

Дядя Ансельмъ тряхнулъ головой, упорно повторяя:

— Боже мой, это невозможно...

Чрезъ полуоткрытую дверь комнаты Гаффнеровъ, гдѣ лежалъ раненый капитанъ, просвѣчивалась полоска свѣта. Старый офицеръ, видѣвшій происходящее, воскликнулъ:

— Это только начало! Вы увидите получше этого!

IV.

Квартира дяди Ансельма, помѣщавшаяся въ третьемъ этажѣ, подъ крышей, состояла изъ одной высокой, обширной освѣщаемой слуховымъ окномъ комнаты и маленькой другой.

Въ послѣдней стояла его кровать, баулъ и комодъ, что могло бы удовлетворить лишь бѣднаго студента. Эта простота не только ему нравилась, но была даже необходима: онъ приберегалъ вкусъ къ художеству и роскоши для своего музея. Дѣйствительно, большая комната, загроможденная цѣнной мебелью, представляла настоящій музей. Цѣлая жизнь холостяка-маньяка, цѣлое состояніе страстнаго собирателя рѣдкостей сосредоточивались тамъ; онъ испытывалъ несравненное наслажденіе, когда сидѣлъ въ большомъ готическомъ креслѣ и курилъ свою длинную фарфоровую трубку, созерцая полузакрытыми глазами свои богатства.

Прежде всего его глаза останавливались на фламандскихъ коврахъ, на которыхъ обезьяны были изображены въ тысячѣ фантастическихъ сценахъ: то скачущими на бербейрійскихъ лошадяхъ, то преслѣдующими купальщицъ, то разодѣтыми въ парчу, пирующими вокругъ столовъ, уставленныхъ блюдами. Затѣмъ виднѣлось большое бюро, въ стилѣ Людовика XV, изъ фіолетоваго и розоваго дерева, съ изысканной бронзовой отдѣлкой, — единственная въ своемъ родѣ рѣдкость, — итальянскій шкафъ изъ черного дерева съ тонкой, какъ кружево, рѣзьбой изъ слоновой кости; подлѣ фаянса въ испано-мавританскомъ вкусѣ, съ золотистымъ отблескомъ, красовались японскіе сосуды и высокія китайскія фарфоровыя вазы; затѣмъ бронза, японскія шелковыя матерія, тяжелое оружіе, начиная съ того длиннаго и тяжелаго средневѣковаго меча, который Картъ не могъ поднять обѣими руками, до легкихъ, какъ находящіеся возлѣ стилеты, съ насѣчкой, поражавшіе своимъ осинымъ жаломъ даже одежды изъ буйволовой кожи, если не имѣлось стальной кольчуги. Между прочимъ тамъ была восхитительная мебель Бове, золоченаго дерева, вся изъ сплошной рѣзьбы, представлявшая цвѣты, птичекъ и фрукты замѣчательная по богатству чуднаго колорита.

За витринами выставляли на видъ свой стершійся рельефъ, свою тонкую мозаику или контуры нѣжной и легкой граціи ме-

----

 ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13